ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

IX–XIII вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1953

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА IX–XV в.в.

В ДВУХ ЧАСТЯХ

I

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

академика ***Б. Д. Грекова*** *(ответственный редактор),*
доктора исторических наук ***Л. В. Черепнина,***
кандидата исторических наук ***В. Т. Пашуто***

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1953

(IX–XIII в.в.)

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее введение относится к первой и второй частям «Очерков истории СССР периода феодализма», которые охватывают время от установления феодального способа производства и складывания древнерусского государства (IX в.) до образования Русского централизованного государства (80-е годы XV в.).

В основу построения книги положено марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях. Авторы исходили из ленинско-сталинских указаний о задачах исторической науки о том, что история общества есть прежде всего история развития производства, история развития производительных сил и производственных отношений людей, история самих производителей материальных благ, трудящихся масс, история народов.

История нашей великой Родины глубоко интересует широкие массы советского народа; ее со вниманием изучают наши друзья за рубежом.

Развернутая Коммунистической партией борьба за новый подъем советской науки и труды И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР» открыли новые возможности для разработки истории феодального общества.

Коммунистическая партия выдвигает задачу изучения объективных законов, отражающих процессы экономического развития, совершающиеся независимо от воли людей, причем как тех законов, которые общи для всех формаций, так и специфических экономических законов различных общественных формаций.

Важнейшей задачей историков является проследить в реальных исторических условиях действие экономического закона обязательного

соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Этот закон пробивает себе дорогу в обстановке классовой борьбы, встречая сильнейшее сопротивление со стороны отживающих сил общества. Знаменосцем же использования экономических законов в интересах общества всегда и везде является передовой класс.

К числу первоочередных проблем принадлежит проблема взаимодействия между базисом — как экономическим строем общества, системой производственных отношений, и надстройкой—как системой идей и учреждений общества, порождаемой новым базисом и являющейся активной силой в его оформлении и укреплении в борьбе со старыми производственными отношениями, уже не соответствующими новому уровню производительных сил.

Условием развития советской исторической науки является борьба с буржуазным объективизмом, всевозможными проявлениями субъективизма и волюнтаризма.

В книге отражены выводы, полученные советскими историками в результате изучения истории феодализма IX—XV вв.

При периодизации истории общественного развития России времени феодализма авторы и редакция «Очерков» учитывали итоги коллективного обсуждения советскими историками этой проблемы.

Начальный рубеж феодализма на Руси установлен В. И. Лениным, указавшим, что «крепостничество *может* удержать и *веками* держит миллионы крестьян в забитости (напр. в России с IX по XIX век...)» [1].

Древнерусское государство было не первым политическим образованием, созданным восточным славянством. На основе анализа общественного строя восточных славян, носителей богатой земледельческой культуры, в книге прослеживается процесс формирования феодальной земельной собственности, которая являлась основой феодализма, процесс классообразования, приведший к возникновению в IX в. древнерусского государства. Особое внимание при этом уделяется разоблачению враждебной подлинной науке «норманской теории» происхождения государства на Руси, «теории», принятой на вооружение современными американо-английскими фальсификаторами истории.

К IX в. в состав древнерусского государства входило большое количество славянских и неславянских земель, находившихся на разном уровне общественного развития. Власть киевских князей опиралась на феодальную землевладельческую знать. Эксплуатация непосредственных производителей материальных благ осуществлялась в виде земельной докапиталистической отработочной ренты. Рента являлась

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 20, стр. 348.

экономической формой реализации земельной собственности, продукт прибавочного труда поступал феодалу — земельному собственнику.

Большое значение имело введение в X в. на Руси христианства в качестве общегосударственной религии. Оно укрепило власть киевского князя и содействовало дальнейшему развитию новых (феодальных) производственных отношений; церковь стала одним из орудий подчинения трудящихся господствующему классу. В то же время христианство способствовало поднятию культуры Руси, ее сближению с другими странами Европы.

Новые (феодальные) производственные отношения определили значительный подъем производительных сил. Дальнейшее развитие феодального способа производства на Руси создало предпосылки феодальной раздробленности.

Феодальная раздробленность определялась экономическими условиями, соответствующим уровнем развития производительных сил. И. В. Сталин указывает, что «...В период докапиталистический... не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздроблённость данного народа и стягивают разобщённые доселе части этого народа в одно национальное целое»[1].

В XI—XII вв. в связи с развитием производительных сил происходил значительный рост крупного землевладения (княжеского, боярского, церковного).

Укрепление феодальной собственности на землю шло за счет расхищения крестьянских общинных земель. Рост крупного землевладения и феодальной знати на местах, а также усиление экономического значения городов имели следствием обособление отдельных территорий и отпадение их от власти киевского князя. С укреплением городских центров росло значение вечевых собраний. Развитие феодальных отношений, приводившее к закрепощению свободных общинников-смердов, усиливало классовые противоречия и вызвало в XI— начале XII в. массовые антифеодальные движения сельского населения (смердов, закупов). В то же время развитие классовых противоречий принимало формы восстаний городской бедноты.

Усиление эксплуатации непосредственных производителей и развитие классовой борьбы вызвали изменение и формы организации государственного аппарата власти. Власть киевского князя не только уже не могла осуществлять задачи, возникавшие в отдельных феодальных центрах, но становилась помехой для дальнейшего укрепления господ-

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 336.

ства феодалов на местах и роста экономического и политического значения городов.

Попытку предотвратить беспрерывные военные столкновения между князьями и дальнейшее расчленение древней Руси представляли феодальные княжеские съезды, которые, разумеется, оказались неспособными задержать закономерный ход исторического процесса.

Начался следующий период в истории феодализма, сопровождавшийся изменением формы надстройки: на Руси восторжествовал принцип — «каждый да держит отчину свою». Сложилась иерархическая структура земельной собственности и связанная с ней система вооруженных дружин.

Государственный строй приобрел расчлененную форму, типичную для европейских государств изучаемого периода. Реальная государственная власть перешла к феодальным сословиям отдельных самостоятельных «полугосударств». При новой структуре государственной организации власть «великого князя» киевского свелась к минимуму. О ней вспоминали (вплоть до татаро-монгольского нашествия) лишь при решении дел, интересовавших правителей большинства «полугосударств».

Таким образом, политическая раздробленность страны явилась следствием развития феодального способа производства, экономического обособления отдельных феодальных княжеств, развития классовой борьбы. Феодальная раздробленность была закономерным прогрессивным этапом исторического развития, она возникла на базе новых экономических условий, в которых пробивал себе дорогу закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Политическая раздробленность имела, однако, и отрицательные последствия, в частности, феодальные усобицы, которые гневно осудил автор бессмертного «Слова о полку Игореве». На это время падает начало процесса формирования трех братских народностей (русской, украинской и белорусской), возникших на единой основе.

Блестящая культура древней Руси занимает почетное место в истории мировой культуры; достаточно вспомнить русские летописи или «Слово о полку Игореве». Древнерусское государство имело выдающееся значение в международной истории. Этот период русской истории был важнейшим этапом не только в истории восточных славян, но и неславянских народов, образовавших впоследствии свои государства на территории, в той или иной мере входившей в состав древнерусского государства.

Дальнейшее изложение охватывает время до образования Русского централизованного государства включительно (XII — конец XV в.), когда, как указывали И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров,

«Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»[1].

По мере расширения крупного землевладения и усиления экономического и правового значения феодалов-землевладельцев сокращалось количество свободных крестьян-общинников и изменялось их положение (экономическое и правовое). Господствующей формой эксплуатации непосредственных производителей материальных благ, сначала наряду с примитивной отработочной рентой, а затем и возобладая над ней, стал экономически более выгодный для феодалов натуральный оброк. Эти явления в жизни феодальной деревни протекали в условиях непрекращающейся классовой борьбы. При значительном упадке центральной великокняжеской власти феодалы отдельных самостоятельных «полугосударств» собственными средствами удерживали крестьян в повиновении. В среде самих феодалов непрерывно происходила борьба за землю, за крестьянский труд, за ренту.

Окрепшие города боролись с феодалами за свои «вольности». В то же время в них развивалась классовая борьба между городской знатью и беднотой.

Господствующий класс отдельных «полугосударств» сложился в иерархическую организацию сеньориата и вассалитета—своеобразную феодальную лестницу, в которой каждый член иерархии земельных собственников был вассалом по отношению к своему сеньору и сеньором-вотчинником по отношению к вассалам. Во главе этой организации стоял носитель верховной власти — великий князь. В основании ее находилась масса угнетенного зависимого крестьянства, подчиненная либо только верховной власти, либо верховной власти и землевладельцу-феодалу, либо только этому последнему. Иерархической структуре феодальной земельной собственности соответствовала иерархическая форма государственной власти.

С дальнейшим развитием феодальных отношений и обострением классовых противоречий перед господствующим классом в новых экономических условиях вставала задача создания более сильных органов принуждения непосредственных производителей. Выполнить эту задачу могла только сильная великокняжеская власть.

С расчленением древнерусского государства на ряд самостоятельных «полугосударств» процесс развития феодализма в отдельных землях протекал в различных формах. В Новгороде сложилась феодальная боярская республика. Во Владимиро-Суздальской земле, благодаря своеобразию классовых отношений, большой силы достигла великокняжеская власть. В Галицко-Волынской земле шла жестокая борьба

[1] Сб. «К изучению истории». М., 1946, стр. 21.

между сильным боярством и княжеской властью, опиравшейся на средних землевладельцев и торгово-ремесленное население городов,—борьба, на разных этапах приводившая к победе то той, то другой стороны. В остальных землях общественные отношения складывались, приближаясь к одной из этих трех форм политического устройства. Своеобразием отличались и народные движения, имевшие место в XII—XIII вв. в разных феодальных центрах. Они проявлялись как в антифеодальных восстаниях, городских и сельских, так и в других формах.

Указания классиков марксизма дают возможность определить закономерности развития нашей страны в период феодальной раздробленности, позволяют установить, что уже в это время нарастали экономические предпосылки для создания более крупных феодальных монархий. Такими предпосылками были развитие общественного разделения труда, рост городов. С ростом общественного разделения труда, развитием земледелия и ремесла увеличивалось производство непосредственно для обмена — товарное производство и торговля внутри страны и с зарубежными странами. Государственная власть принимала некоторые меры к поддержанию как торговли, так и самого товарного производства, которое обслуживало феодализм.

В XII—XIII вв. наблюдается тенденция к политическому объединению, к усилению великокняжеской власти в отдельных самостоятельных «полугосударствах» (Ростово-Суздальском, а также и Галицко-Волынском княжествах). В борьбе с местным феодальным боярством, отстаивавшим свои права на землю и крестьянский труд, великокняжеская власть опиралась на средних и мелких феодалов-дворян и находила поддержку со стороны городов, переживавших в XII—XIII вв. значительный расцвет. В свою очередь великие князья владимирские, галицкие, черниговские и другие боролись за общерусский княжеский стол, обладание которым давало определенные права и доходы.

В XII—XIII вв., несмотря на феодальную раздробленность, сохранялось единство русского народа и Русской земли. Если господствующие верхи отдельных феодальных центров замыкались в узком кругу местных политических интересов, то широкие народные массы не забывали о своем этническом и историческом единстве, об общерусских задачах, о задачах защиты и укрепления родной земли. Именно поэтому И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров говорят о России периода феодальной раздробленности, а не только об отдельных феодальных самостоятельных «полугосударствах». Общерусские связи нашли свое отражение и в области культуры периода феодальной раздробленности (до татаро-монгольского нашествия).

Авторы руководствовались указанием И. В. Сталина о том, что «каждая нация,— все равно большая или малая, имеет свои каче-

ственные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет её, обогащает её. В этом смысле все нации — и малые, и большие,— находятся в одинаковом положении, и каждая нация равнозначна другой нации»[1]. Авторы стремились возможно полнее отразить историю народов СССР. Выделяя этот материал в самостоятельные главы, они одновременно старались раскрыть общность закономерностей в истории русского народа и других народов нашей страны, а также исторические (экономические, политические и культурные) связи между ними в той мере, в какой эти связи существовали в пору раннего средневековья.

Этот материал касается общественного развития народов Средней и Центральной Азии, Кавказа (Грузии, Армении, Азербайджана, Северного Кавказа), а также истории народов Прибалтики, Карелии, Молдавии, Поволжья, Приуралья, Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В истории народов Средней Азии и Кавказа IX — начала XIII вв.— это период развития феодальных отношений, обострения классовых противоречий, образования ряда феодальных государств, длительной борьбы за независимость. Народы Средней Азии и Кавказа издревле поддерживали с Русью торговые и культурные связи. В условиях натурального хозяйства и хозяйственной замкнутости отдельных областей, политические объединения у народов Кавказа и Средней Азии были непрочны. Это отмечает И. В. Сталин для Грузии, указывая, что грузины, «разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян»[2].

Население территории Литвы, Латвии, Эстонии, Карелии и Молдавии на протяжении IX—XIII вв. переживало процесс феодализации, хотя уровень общественного развития у отдельных народов в этот период был, естественно, неодинаков. В процессе феодализации закладывались основы для формирования литовской, латышской, эстонской, карельской и молдавской народностей, имевших свою

---

[1] *И. В. Сталин.* Речь на обеде в честь Финляндской Правительственной делегации 7 апреля 1948 г., «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

[2] *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 295.

экономическую базу и свои издавна сложившиеся языки. Борьба с иноземным гнетом ускоряла процесс оформления прибалтийских народностей, подготовленный предшествующим социально-экономическим развитием и происходивший под благотворным воздействием Руси.

Развитие феодальных отношений у народов Прибалтики и Молдавии, приходящееся на время расчленения относительно единого древнерусского государства, создало предпосылки для образования у них самостоятельных государств, которые и возникают в Литве и Молдавии в XIII в. В Латвии и Эстонии процесс создания относительно единой государственности был прерван вторжением немецких и датских крестоносцев. Карельская земля, защищенная Русью от истребительных нашествий шведских захватчиков, входила в состав Новгородской боярской республики и продолжала развиваться по пути феодализма.

Процесс феодализации у народов Поволжья шел на протяжении X — XIII вв. Народы Приуралья и Поволжья (мордва, чуваши, мари и др.), часть земель которых входила в состав русских княжеств, испытывали большое культурное влияние со стороны более передовой Руси.

Народы Центральной Азии, Севера, Сибири и Дальнего Востока находились в это время еще на ранних ступенях развития первобытнообщинного строя. У отдельных народов Севера — коми и др., процесс разложения патриархальных отношений происходил в рамках Новгородского «полугосударства», в состав которого входили эти народы.

Борьба русского народа за независимость с немецко-шведско-датской агрессией в Прибалтике, венгерско-польской агрессией в юго-западных землях и татаро-монгольским нашествием на Русь в XIII в. имела всемирно-историческое значение.

Агрессивное наступление немецких, шведских и датских феодалов поддерживалось извечным врагом Руси — папской курией. Народы Прибалтики искали помощи у Руси, которая, несмотря на феодальную раздробленность, являлась единственной силой, могущей противостоять натиску немецких феодалов.

Однако исторические судьбы Руси сложились так, что именно в то время, когда она готовила отпор немецким и шведским феодалам, ей был нанесен первый серьезный удар с востока, со стороны татаро-монголов. В 1219—1221 гг. татаро-монголы завоевали Среднюю Азию, опустошили Северную Персию, Закавказье и вторглись в Юго-Восточную Европу, где у них произошло первое столкновение с русскими войсками на р. Калке в 1223 г.

Немецкие и датские феодалы, рассчитывая, что уничтожение русских войск татаро-монголами позволит им расширить наступление на восток, объединили свои силы для нового натиска на Прибалтику. В 1224 г. пал Юрьев. После этого серьезная опасность стала угрожать

непосредственно Руси, всем русским княжествам, их независимости и культуре.

В это время Руси был нанесен второй страшный удар со стороны татаро-монголов. В течение четырех лет (1236—1240 гг.) татаро-монголы завоевывали Русь. Это было время героической длительной и упорной борьбы русского народа за свою независимость. Мужественная оборона русским народом родной земли спасла Европу от татаро-монгольских захватчиков.

В то время, когда монголы опустошали восточные и юго-восточные русские земли, на северо-западные границы Новгородской земли стягивались силы немецких, датских и шведских крестоносцев, а великое княжество Литовское пыталось присоединить уцелевшие от татаро-монгольского разорения земли Смоленска и Полоцко-Минской Руси. Правители Венгрии и Польши готовили расширенное наступление на Галицко-Волынскую Русь.

Немецко-шведской агрессии был дан отпор героическими войсками русского народа под руководством нашего великого предка Александра Ярославича Невского. Эти победы спасли русский народ от иноземного порабощения.

В юго-западной Руси в 1245 г., в битве под Ярославом, русскими войсками под руководством Даниила Галицкого были наголову разбиты полки венгерских и польских феодалов-захватчиков.

Внешнеполитическое положение Руси во второй половине XIII в. было сложным. Татарские ханы, возглавившие образовавшееся на Нижней Волге государство — Золотую орду, стремились подчинить ее власти русские княжества. Они установили на Руси свое господство, произвели перепись трудового населения и обложили его данью, для сбора которой ввели систему откупов и баскачества. В это время папская курия, потерпев поражение в организации вооруженного вторжения, развернула дипломатическое наступление на Русь в целях подготовки завоевания новых земель. На словах ставя вопрос о крестовом походе европейских стран против татар, папская курия стремилась договориться с последними за счет Руси, получив у монгольских ханов как сюзеренов Русской земли право на руководство русской церковью со всеми вытекавшими отсюда экономическими и политическими выгодами. Папские происки получили должный отпор со стороны русской дипломатии, со стороны Александра Невского. Вооруженной и дипломатической борьбой северо-восточная Русь упрочила свои рубежи с Орденом, Швецией, Норвегией, Данией и Литвой и сорвала попытку блокады русских земель.

Установление татаро-монгольского ига над Русью, введение военно-политической баскаческой организации вызвали в 50—60-х годах

XIII в. массовое восстание крестьян и городской бедноты против кровавой монгольской власти.

Монгольское нашествие прервало и замедлило наметившийся процесс политического объединения, предпосылки которого появились на Руси еще в XII—XIII вв. Юго-западные (украинские) земли Руси оказались отрезанными от остальных русских земель и вскоре утратили свою независимость, попав под власть Польши и Литвы. К Литве же отошли северо-западные (белорусские) земли Руси. Следствием монгольского завоевания явились разрушение городов, упадок ремесла, сельского хозяйства, разорение населения.

Центральная государственная власть великих князей владимирских в северо-восточной Руси ослабла, территория великого княжества сильно сократилась. Великокняжеский владимирский стол превратился в объект борьбы между правителями отдельных усиливавшихся княжеств (Московского, Тверского и др.).

Политика золотоордынских ханов была направлена к тому, чтобы помешать политическому объединению Руси и созданию сильной центральной государственной власти. Татаро-монголы стремились к сохранению феодальной раздробленности, поддерживали и разжигали распри между князьями отдельных феодальных центров северо-восточной Руси, ослабляя их политические силы.

Татаро-монголы подорвали производительные силы Русской земли, но они не смогли сломить волю свободолюбивого русского народа к сопротивлению, не смогли прервать его созидательный труд. Они стояли на более низком уровне социально-экономического и культурного развития, чем русский народ.

В то время как среди русских княжеств, уже изживавших политическую феодальную раздробленность, шел процесс образования единого государства, в Золотой орде заметно назревали элементы распада раннефеодального государства. У русского народа, который не прекращал борьбы с захватчиками, крепла надежда на полное освобождение от власти Золотой орды.

Вторая часть «Очерков» охватывает время XIV—XV вв. Здесь рассматривается процесс объединения русских земель вокруг Москвы как политического и культурного центра и образование Русского централизованного государства.

Создание русского централизованного государства, как отмечает И. В. Сталин, отличалось от аналогичного процесса образования ряда централизованных государств на западе Европы. В западноевропейских странах ликвидация экономической раздробленности, развитие капиталистических отношений и складывание наций и централизованных государств совершались одновременно. В России в период создания

централизованного государства экономическая раздробленность еще не была полностью преодолена, «...капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось...»[1] Великорусская народность еще не оформилась в нацию. Процесс политической централизации был более быстрым, опережая развитие буржуазных отношений.

И. В. Сталин глубоко исследовал вопрос о том, какие исторические условия содействовали ускорению процесса образования централизованного государства в России. Он показал, что таким ускоряющим фактором явилась внешняя опасность, необходимость борьбы против иноземных захватчиков, прежде всего татаро-монголов.

Однако, внешняя опасность лишь ускоряла образование централизованных государств востока Европы. Основная причина создания Русского централизованного государства заключалась в подъеме производительных сил, росте общественного разделения труда, развитии ремесла, усилении экономического общения и рыночных связей внутри страны. В России социально-экономическое развитие, вследствие татарского нашествия, подорвавшего производительные силы страны, не достигло того уровня, при котором возникли централизованные государства в западноевропейских странах.

Восстановление разрушенной экономики потребовало напряженного народного труда. Время от 60-х годов XIII в. до середины XIV в. было отмечено тяжелыми усилиями по восстановлению русского народного хозяйства, происходившему в условиях татарского ига, почти непрерывных феодальных войн и иноземных вторжений. Эти усилия объективно создали социально-экономическую основу могущества Московского княжества.

Одновременно с новым подъемом производительных сил во второй половине XIV и в XV в., сопровождавшимся ростом городов, ремесла, торговли, развитием товарно-денежных отношений в рамках натурального хозяйства, происходило дальнейшее усиление эксплуатации зависимого крестьянства. Изменялись и самые формы эксплуатации. Наряду с ростом натурального оброка как господствовавшей формы ренты, увеличивались барщинные повинности, причем барщина постепенно приобретала новый характер. Примитивная отработочная рента в древней Руси была направлена исключительно на удовлетворение нужд господского двора. Расширение же феодалами барщинного хозяйства с конца XV в. являлось показателем того, что феодальная вотчина, несмотря на свою натурально-хозяйственную основу, постепенно налаживала связи с рынком. Развивалось товарное производство, которое

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 5, стр. 34.

обслуживало феодализм. В конце XV в. появляются уже элементы денежной ренты.

Усиление феодального гнета и углубление классовых противоречий вызывали обострение классовой борьбы в деревне. Крестьяне выступали против произвольного увеличения сеньориальных повинностей. Росли классовые противоречия и в городах, приводившие к восстаниям городской бедноты. Одним из видов классовой борьбы была городская «ересь», направленная против господствовавшей церкви, которая своим авторитетом освящала существовавшие общественные отношения.

Новые формы феодальной эксплуатации потребовали создания новых форм государственной организации, которые обеспечили бы возможность господствующему классу в данных условиях удержать в узде зависимое крестьянство. Таким образом, в создании централизованного государства были заинтересованы феодалы, нуждавшиеся в более прочном аппарате власти в целях господства над непосредственными производителями материальных благ. В интересах господствующего класса происходило и расширение государственной территории.

Русское централизованное государство сложилось в форме феодальной монархии, социальной опорой которой явилось земельное дворянство и которая находила поддержку со стороны торгово-ремесленного населения городов.

Так, в XIV в. возродилась и окрепла прерванная татаро-монгольским нашествием тенденция к политическому объединению русских земель и созданию феодальной монархии. К этому времени достаточно созрели социально-экономические предпосылки для государственной централизации, к осуществлению которой и приступил господствующий класс.

Политика феодальной монархии носила ярко выраженный классовый характер. Она содействовала развитию феодальных производственных отношений, бывших главной и решающей силой дальнейшего развития производительных сил; она способствовала росту и укреплению феодальной земельной собственности; усиливала положение всех групп господствующего класса и в первую очередь дворянства в производстве. Следовательно, господствующий класс в определенной мере сумел использовать экономические процессы в стране в своих целях. Создание единого государства имело объективно прогрессивное значение, так как оно способствовало прекращению феодальных войн, разорявших страну, крестьян, весь народ и облегчавших внешним врагам возможность вторжения в ее пределы, создавало известные условия для роста сельскохозяйственного производства, новых городов, развития ремесла, торговли и т. д. «Ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьёзный хозяйственный и культурный

рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц»[1].

И. В. Сталин указывал, что Москва была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси. Политическое объединение страны, ставшее возможным на основе изменившихся экономических условий, проходило в тесной связи с борьбой русского народа за независимость и прежде всего против власти Золотой орды. Волна народных восстаний пробила первую брешь в татаро-монгольском властвовании, смела систему откупов (конец XIII в.) и баскачеств (20-е годы XIV в.). Великокняжеская власть использовала в интересах господствующего класса результаты народного труда и народных антитатарских восстаний.

В годы княжения Калиты были заложены основы могущества Москвы. Основное, решающее значение народа в борьбе с татаро-монгольским игом глубоко понял Дмитрий Донской. Куликовская битва укрепила значение Москвы как центра Русского государства.

Феодальная война второй четверти XV в. представляет собою важный самостоятельный этап истории Руси. Объективный процесс экономического развития, вызывавший изменение формы надстройки, задевал интересы отживающих сил общества, крупной сеньориальной знати, встречая сопротивление с их стороны. После победы московской великокняжеской власти, поддерживавшейся дворянством и использовавшей в своих интересах торгово-ремесленное население городов, над силами феодальной оппозиции, можно говорить о начале оформления централизованного государства в виде феодальной сословной монархии. Под угрозой нарастания классовой борьбы внутриклассовые противоречия среди феодалов, ярко проявившиеся во время феодальной войны, должны были отойти на второй план. Часть феодалов должна была признать ограничение своих суверенных прав в пользу великокняжеской власти. Результатом явилось временное сплочение всего господствующего класса.

Объединение русских земель под властью московского правительства и ликвидация самостоятельных «полугосударств» в основном заканчиваются к концу XV в. К этому же времени относится и освобождение русского народа от татарского ига. С этого времени можно говорить о развитии сложившегося централизованного государства в России, хотя пережитки феодальной раздробленности «полугосударств» сохранялись еще и в XVI в. и тормозили прогрессивное развитие страны.

---

[1] *И. В. Сталин.* Приветствие Москве в день ее 800-летия. «Правда» от 7 сентября 1947 г.

К 80-м годам XV в., после присоединения Ростовского княжества, Твери и Новгорода, в основном заканчивается процесс образования территории Русского государства. Формальную самостоятельность еще сохраняли Рязань и Псков, включенные в состав Русского государства в начале XVI в. Но фактически уже во второй половине XV в. и Псков и Рязанское княжество находились в зависимости от Москвы.

Централизация государства облегчила классу феодалов расширение подвластной ему территории. В состав Русского государства уже в XV в. был включен ряд территорий, населенных нерусскими народностями (карелы, коми, мордва и др.). В России централизованное государство возникло как многонациональное, состоявшее из отдельных народностей, не успевших еще сложиться в нации. Роль «объединителя национальностей» взял на себя русский народ, имевший «во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию»[1]. Эта военная дворянская бюрократия оформляется в XV—XVI вв.; ее исторические корни восходят к служилым феодалам княжеского двора XII—XIV вв.

Образование централизованного государства сопровождалось созданием кодекса общерусского феодального права. В 70—80-х годах XV в. московским правительством была проведена большая работа по пересмотру законодательных памятников, сложившихся в отдельных феодальных центрах (Новгородской и Псковской Судных грамот, Рязанского судебника и т. д.). Затем начались подготовительные работы к изданию общерусского Судебника. В те же годы полному пересмотру и решительной перестройке подвергся формуляр договорных актов, определявших отношения удельных князей к великому князю московскому. Удельные князья, после их попытки в конце 70-х годов XV в. вновь выступить против великого князя, перешли на положение князей «служебных». Был изменен характер иммунитетных привилегий феодального землевладения в сторону централизации суда и управления. Реорганизация центрального аппарата власти, ограничение прав бояр-наместников (кормленщиков), первые опыты введения на местах дворянских органов управления (типа губных учреждений) намечали реформы XVI в. В 80-х годах постепенно складывается поместная система, укреплявшая экономическое положение дворянства — основной руководящей силы государства и способствовавшая дальнейшему закрепощению крестьянства.

Перестройка государственного аппарата, мероприятия, направленные к юридическому оформлению крестьянской крепости, служили интересам господствующего класса и его основной группы — дворянства,

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 304.

кровно заинтересованного в использовании закона об обязательном соответствии производственных отношений характеру производительных сил.

Русское государство в XV в. вновь выступает на международной арене в качестве крупнейшей державы; вновь расцветает замечательная русская культура, наша страна переживает своеобразное «возрождение» в культурной жизни.

Образование Русского централизованного государства — важная грань не только в истории русского народа, но и других народов нашей Родины, объединение которых в составе Руси имело для них громадное прогрессивное значение.

Установление татаро-монгольского ига, захват ряда территорий нашей Родины немецкими и иными феодалами имели глубоко отрицательные последствия для народов СССР, тормозя их экономическое и культурное развитие.

Татаро-монгольское нашествие на земли Средней Азии и Кавказа сопровождалось систематическим разрушением производительных сил, упадком хозяйственной и культурной жизни. В ряде случаев зрелые феодальные отношения заменялись полупатриархальными, полуфеодальными.

Процесс образования Русского централизованного государства шел параллельно с распадом Золотой орды, основы владычества которой были подорваны в результате героической борьбы русского народа против татаро-монголов. С распадом Золотой орды из-под ее ига освободились также народы Поволжья, Приуралья, Крыма, Севера и Сибири.

Трудовое население Поволжья и Прикамья, опираясь на поддержку русского народа, вело упорную борьбу с татарскими ханами и стоявшей за их спиной Турцией.

В Литве развитие феодальных отношений привело к образованию относительно единого феодального государства. Внешнеполитические условия для дальнейшего развития Литвы были созданы борьбой русского народа с татаро-монгольскими завоевателями, остановившей их натиск на Запад. Литовское государство сыграло прогрессивную роль в борьбе с немецкими захватчиками. В то же время укрепление классового господства литовских феодалов имело следствием дальнейшую их агрессию в отношении русских, украинских и белорусских земель.

По мере роста могущества Русского государства усиливалась борьба украинского и белорусского народов против ига польских, литовских и венгерских феодалов, за воссоединение со своим старшим братом — русским народом.

В истории народов Прибалтики (Латвии и Эстонии) важным этапом является героическая борьба вместе с русским народом в первой поло-

вине XIII в. против немецко-шведско-датских захватчиков. XIII—XV вв. в истории Латвии и Эстонии — период дальнейшего развития феодализма под властью завоевателей, время господства феодальной раздробленности в условиях колониального гнета, установленного поработителями.

Карельский народ развивался в составе Новгородского феодального «полугосударства» в тесном общении с русским народом, вместе с которым он боролся против шведской агрессии.

На протяжении XIII—XV вв., в связи с ростом феодальных отношений, обостряется классовая борьба в государствах, сложившихся на территории СССР, причем антифеодальные движения переплетаются с национально-освободительной борьбой (стихийные восстания против татарских баскаков и откупщиков на Руси в XIII—XIV вв., Юрьева ночь в Эстонии, национально-освободительное движение в Средней Азии и Закавказье и т. д.).

Важным событием в борьбе с иноземными захватчиками является разгром русско-польско-литовско-чешскими войсками полчищ немецкого ордена в битве при Грюнвальде в 1410 г.

Тенденция к политической централизации в Молдавии, особенно ярко выразившаяся во второй половине XV в., в силу недостаточности экономических предпосылок, не привела к значительным результатам, и Молдавия попала под власть Турции. Народы Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии подверглись агрессии со стороны османской Турции и сефевидской Персии. Они начали развертывать национально-освободительную борьбу, которая в дальнейшем опиралась на все возрастающую поддержку со стороны Руси.

На протяжении всей книги авторы стремились показать историю непосредственных производителей материальных благ, историю трудящихся и охарактеризовать классовую борьбу, которую они вели против феодального гнета. Авторы считали необходимым осветить героическую борьбу народов СССР под руководством великого русского народа против многочисленных иноземных захватчиков и раскрыть величие и мировое значение культурных ценностей, созданных как русским народом, так и другими народами СССР. Авторы видели свою задачу в том, чтобы проследить, как в народных массах крепло сознание единства Русской земли, как в борьбе с врагами закалялся патриотизм русских людей и росла их любовь к Родине. Авторы стремились показать, какое громадное значение в истории народов СССР имели их связи с русским народом.

Изучение истории прошлого нашей Родины с позиций единственно научной теории марксизма-ленинизма показывает несостоятельность и враждебную народу классовую сущность схем дореволюционной

буржуазной историографии, а также космополитических измышлений современной буржуазной историографии, служащей интересам американо-английского империализма.

Исторические факты опровергают домыслы американо-английских фальсификаторов, которые стремятся представить всемирную историю лишь как историю войн и побед правителей «избранных» наций; факты опрокидывают их попытки замолчать или исказить огромное влияние, оказанное народами нашей страны на всю историю Европы и Азии, на мировую историю; факты раскрывают неоценимый вклад народов нашей страны и прежде всего великого русского народа в сокровищницу мировой культуры.

Редакция и авторы отдают себе отчет в том, что не на все вопросы они дают исчерпывающие ответы. В настоящей книге поставлена задача, с одной стороны, подвести итоги тому, что сделано в советской исторической науке в области изучения вопросов, относящихся ко времени, охватываемому первой и второй частью «Очерков истории СССР», а с другой—наметить первоочередные проблемы для дальнейшего исследования.

В написании книги принимали участие:

А. И. Андреев (ч. I, гл. 4, § 7, стр. 706—707, § 10; ч. II, гл. 4, § 4).
К. В. Базилевич (ч. II, гл. 1, § 2, 3, 5, 6, 8—11, гл. 2, § 1—4, 6, гл. 3).
Н. А. Бакланова (ч. II, гл. 3, § 4).
С. В. Бахрушин (ч. I, гл. 4, § 10; ч. II, гл. 1, § 5 — текст о Новгороде, § 7, гл. 3, гл. 4, § 2—5).
Н. А. Бердзенишвили (ч. II, гл. 6, § 4).
И. У. Будовниц (ч. I, гл. 1, § 7—текст о ересях; ч. II, гл. 3—текст о идеологии горожан).
А. К. Вассар (ч. II, гл. 5, § 2 — текст по истории Эстонии).
С. С. Гадзяцкий (ч. I, гл. 4, § 7; ч. II, гл. 5, § 3).
Б. Д. Греков (ч. I, гл. 1, § 2—7, гл. 2, § 1, 3—7, 9, 11, гл. 3, § 3, 4д и з).
Ф. А. Грекул (ч. I, гл. 4, § 8; ч. II, гл. 5, § 4).
Л. В. Данилова (ч. I, гл. 3, § 4б; ч. II, гл. 1, § 7).
И. А. Джавахишвили (ч. I, гл. 4, § 2).
В. Д. Дондуа (ч. I, гл. 4, § 2; ч. II, гл. 6, § 4).
С. Т. Еремян (ч. I, гл. 4, § 2, § 3— часть текста по истории Азербайджана IX—X вв., 4; ч. II, гл. 6, § 2, 3, 5).
Ю. И. Жюгжда (ч. II, гл. 5, § 1г—текст по истории Литвы).
А. А. Зимин (ч. I, гл. 4, § 10; ч. II, гл. 4, § 4).
Я. Я. Зутис (ч. II, гл. 5, § 2 — текст по истории Латвии).
Н. Н. Ильин (ч. I, гл. I, § 7).
М. К. Каргер (ч. I, гл. 2, § 9 г).
С. В. Киселев (ч. I, гл. 4, § 11).
З. Ю. Копысский (ч. II, гл. 5, § 1б, в, г — текст по истории Белоруссии).
Г. Е. Кочин (ч. II, гл. 1, § 5—текст о Новгороде, § 7).
К. В. Кудряшов (ч. I, гл. 2, § 8).
Е. Н. Кушева (ч. I, гл. 4, § 5; ч. II, гл. 6, § 7).
В. А. Ледяев (ч. I, гл. 4, § 9; ч. II, гл. 4, § 2).

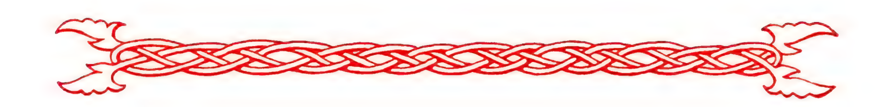
А. М. Линевский (ч. I, гл. 4, § 7—раздел о культуре).
Д. С. Лихачев (ч. I, гл. 3, § 5а).
В. В. Мавродин (ч. I, гл. 3, § 4е и ж).
Ш. А. Месхиа (ч. I, гл. 4, § 2—текст о городах).
А. Л. Монгайт (ч. I, гл. 3, § 4б и з).
Ш. Ф. Мухамедьяров (ч. I, гл. 4, § 9; ч. II, гл. 4, § 2).
Д. И. Мышко (ч. II, гл. 5, § 1б, в, г — текст по истории Украины).
А. Н. Насонов (ч. I, гл. 3 § 3 — раздел о территории княжеств, § 4 а, § 5 б; ч. II, гл. 1, § 5 и § 7 — текст о Пскове, гл. 3).
А. П. Окладников (ч. I, гл. 4, § 12, 13; ч. II, гл. 4, § 5).
А. М. Панфилова (ч. II, гл. 1, § 4).
В. Т. Пашуто (ч. I, гл. 3, § 2, 3, 4в; гл. 4, § 6, гл. 5, § 1—3, 5, 6, 8—11; ч. II, гл. 5, § 1а).
И. П. Петрушевский (ч. I, гл. 4, § 4, гл. 5, § 5, 7; ч. II, гл. 6, § 6).
В. И. Пичета (ч. I, гл. 3, § 4г, и; ч. II, гл. 5, § 1б).
Э. В. Померанцева (ч. I, гл. 2, § 9а; ч. II, гл. 3, § 1).
Л. П. Потапов (ч. I, гл. 4, § 11).
М. Г. Рабинович (ч. I, гл. 2, § 2; ч. II, гл. 1, § 2—текст о земледелии и промыслах, § 3 — текст о городе и ремесле).
А. А. Савич (ч. I, гл. 3, § 4 к, гл. 4, § 9; ч. II, гл. 4, § 2).
М. Г. Сафаргалиев (ч. II, гл. 4, § 2).
А. К. Усманов (ч. I, гл. 4, § 9 и ч. II, гл. 4, § 2— текст о башкирах).
Н. В. Устюгов (ч. I, гл. 4, § 9; ч. II, гл. 4, § 2).
Л. В. Черепнин (ч. I, гл. 1, § 1, гл. 2, § 10, гл. 3, § 1, 6, гл. 5, § 1; ч. II, гл. 1, § 1—6, 8—11, гл. 2, § 5, гл. 3).
А. В. Чернов (ч. I, гл. 1, § 6, гл. 2, § 3, гл. 3, § 2, ч. II, гл. 1, § 6 — разделы о вооруженных силах).
Н. П. Шастина (ч. II, гл. 4, § 5).
В. В. Шатило (ч. II, гл. 5, § 1б, в, г —текст по истории Белоруссии).
А. Ю. Якубовский (ч. I, гл. 4, § 1, гл. 5, § 4, 5; ч. II, гл. 4, § 1, гл. 6, § 1—3).

Кроме того, использован авторский текст: Н. Г. Бережкова (ч. II, гл. 5, § 1 в — текст по истории Литвы); А. К. Вассар (ч. I, гл. 4, § 6, стр. 673—682); Н. Н. Воронина (ч. I, гл. 2, § 9; ч. II, гл. 3); Г. Л. Гейерманс (ч. II, гл. 1—текст по истории Рязанского княжества); Н. К. Гудзия (ч. II, гл. 3); В. В. Дорошенко (ч. I, гл. 4, § 6, стр. 673—682); П. П. Иванова (ч. I, гл. 4, § 4); М. К. Каргера (ч. II, гл. 3); Б. А. Романова (ч. II, гл. 1 и 3—текст по истории Тверского княжества); С. Н. Чернова (ч. II, гл. 1 и 3 — текст по истории Суздальско-Нижегородского княжества).

В редактировании ч. II, главы 5, § 1 б принимал участие А. И. Баранович. В редактировании ч. II, главы 4, § 7 принимал участие А. М. Линевский. В редактировании ч. I, гл. 4, § 11, 12, 13 и ч. II, гл. 4, § 5 принимал участие Б. О. Долгих.

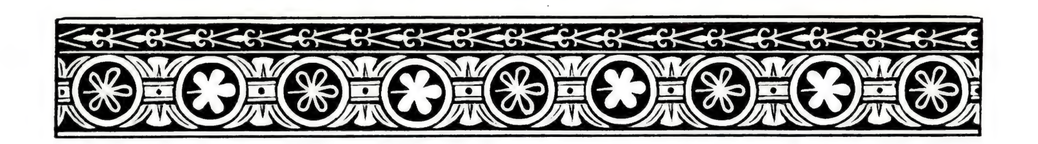
Ценные замечания сделаны Н. Н. Ворониным, И. К. Кусикьяном, М. Г. Левиным, Т. В. Поповой, Л. В. Симановской, А. П. Смирновым, коллективом Института истории и философии АН Азерб. ССР.

Хронология научно выверена Н. Г. Бережковым. Техническая подготовка текста к печати и организационная работа выполнены Т. С. Майковой и М. М. Зайцевой при участии З. Н. Бочкаревой, А. П. Виноградовой, Е. В. Казаковской, М. Д. Курмачевой и Н. Д. Смирновой. Подбор иллюстраций произведен Н. А. Баклановой. Карты составлены И. А. Голубцовым. Именной указатель составлен И. Н. Емельяновой, географический — В. Н. Автократовым.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА (IX—X вв.)

1
ИСТОРИОГРАФИЯ

Вопрос об образовании древнерусского государства интересовал еще летописцев XI—XII вв. В наиболее раннем из дошедших до нас летописных сводов начала XII в.— «Повести временных лет» — ставится задача рассказать, «откуду есть пошла Русская земля, и кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Русская земля стала есть»[1]. В более поздних летописных сводах, вплоть до конца XVII в., древняя Русь рассматривается как начальный этап в истории Русского государства.

Русское летописание послужило основным источником для дворянской историографии XVIII в. Последняя внесла некоторый положительный вклад в изучение истории древней Руси, значительно пополнив запас исторических источников (например, находка В. Н. Татищевым «Русской Правды») и сделав ряд важных исторических наблюдений.

В первой половине XVIII столетия одним из выдающихся представителей передового дворянства В. Н. Татищевым был создан обобщающий труд по русской истории — «История Российская с самых древнейших времен». Система взглядов Татищева складывалась в период подъема дворянской монархии. Татищев был идеологом самодержавия и стремился дать его историческое обоснование. Опорой самодержавия он

---

[1] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. I, вып. 1, Л., 1926, стб. 1.

считал «шляхетство (дворянство.— *Ред.*) русское», «мнение» которого «о правлении государственном» должно служить руководством правительственной политики[1].

Политические взгляды Татищева определили его представление о русской истории и основах ее периодизации. Время «от Рюрика» до Мстислава (сына Владимира Мономаха), умершего в 1132 г., было, по мнению Татищева, периодом наследственной монархии, «совершенного единовластительства», который ознаменован рядом политических успехов. После смерти Мстислава на смену монархии приходит господство удельно-княжеской аристократии, которое связано с государственным расчленением: «...великие князи детей своих равно стали делить, и оные удельные, не повинуясь великим князьям, ввели аристократию».

Государственный строй в этот второй период русской истории представлял собой «расчлененное тело». Следствием упадка монархической системы явилось порабощение Русской земли: «Тогда татары, нашед, всеми обладали, литовцы бывшую под властию многую часть от государства отторгнули. И так пребывало государство в рабстве татарском более двухсот лет».

Третий период наступает со времени Ивана III, который восстановил монархическое правление: «Иоанн Великий осмелился ту аристократию истребить», «паки монархию восстановил», и в результате достигнутых им политических успехов произошло освобождение Руси от татарского ига. Дальнейшее укрепление монархии было осуществлено Петром I, который «все оное усугубил, и бо́льшую, нежели его предки, себе и государству самовластием честь, славу и пользу принес».

Изложенной концепцией исторического процесса Татищев подкреплял свою политическую программу, отражавшую классовые интересы передового дворянства и направленную против крупной феодальной аристократии. «И посему,— пишет Татищев,— довольно всяк благорассудный видеть может, колико самовластное правительство у нас всех прочих полезнее, а прочия опасны», «сначала бо, когда единовластные государи до смерти Владимира первого были, тогда государство в славе, чести и богатстве непрестанно процветало и в силе умножалось...»[2]

Таким образом, в основу периодизации Татищева положено развитие самодержавия. В его концепции древняя Русь представляет собой определенный этап в истории монархии как наиболее совершенной, с точки зрения дворянства, формы государственного устройства.

---

[1] «Утро». Литературный сборник, М., 1859, стр. 369.

[2] *В. Н. Татищев*. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ. «Чтения ОИДР», кн. 1, М., 1887, отд. 1, стр. 138; «Утро», стр. 369, 372—373.

Вопрос о возникновении Русского государства получил особенную политическую остроту с 40—50-х годов XVIII в. С правления Анны Ивановны, во время которого фактическая государственная власть сосредоточилась в руках Бирона, начинается время немецкого засилья при русском дворе. Для оправдания этого засилья приглашенные в Россию из Германии немецкие ученые Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлецер и другие создали так называемую норманскую «теорию» происхождения Русского государства. Ее политический смысл сводился к утверждению, что древнее восточное славянство было выведено из состояния дикости пришлыми варягами, явившимися создателями русской государственности [1].

Эта «теория», направленная к поддержанию господства немецких сановников в России, стране, которая в действительности имела свою славную историю и с древних времен создавала бессмертные культурные ценности, вызвала отпор со стороны лучших русских людей XVIII в., патриотов, защищавших честь своей Родины. Значительная часть реакционных дворянских и буржуазных историков XVIII—XIX вв., напротив, восприняла норманскую «теорию».

С резкой критикой норманской «теории» происхождения Русского государства выступил гениальный русский ученый М. В. Ломоносов. В 1749—1750 гг. Ломоносов подверг уничтожающему разбору диссертацию Г. Ф. Миллера «О происхождении имени и народа российского», в которой делалась попытка оклеветать славное прошлое русского народа. М. В. Ломоносов решительно заклеймил измышления Миллера. «Сие так чудно,— писал Ломоносов,— что если бы г. Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он россиян сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен» [2].

Ведя непримиримую борьбу с извращениями истории русского народа, к которым прибегали реакционные немецкие ученые, Ломоносов считал для себя «великим счастьем» «открыть свету древность российского народа и славные дела наших государей» [3]. С этой целью он внимательно изучал источники древней русской истории, предпочитая данные русских летописей данным иностранных писателей, скандинавским сагам («бредням исландских старух»), подвергая, однако, определенному научному критическому анализу и русские летописные сведения, так как и в «наших летописях не без вымыслов меж правдою» [4].

---

[1] *М. Н. Тихомиров.* Русская историография XVIII в. «Вопросы истории», 1948, № 2, стр. 95.

[2] *М. В. Ломоносов.* Соч., т. V, СПб., 1902, стр. 151.

[3] *М. В. Ломоносов.* Соч., т. VIII, М.—Л., 1948, стр. 119.

[4] *П. С. Билярский.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 758.

В результате серьезной исследовательской работы Ломоносов доказал, что нет никаких оснований начинать русскую историю с так называемого «призвания» варягов в лице Рюрика с братьями. Еще до установления «самодержавства российского» (княжеской власти), в то время, когда славяне жили «семьями рассеянно» и не знали «общих государей», они уже имели свою историю. Русское государство и русская культура созданы не варяжскими дружинами, а славянами, представлявшими собой, по мнению Ломоносова, коренное население междуречья Дуная и Днестра вплоть до отрогов Карпат. Уже тогда Ломоносов поставил вопрос о предках славян — антах, который в настоящее время получил научное разрешение в трудах советских ученых.

Опровергая «досадительные и злоносные» взгляды иностранных псевдоученых, стремившихся принизить прошлое русского народа, Ломоносов своими работами продемонстрировал, что в России никогда не было такой «великой тьмы невежества», которую рисовали Миллер, Шлецер и др.[1]

В полемике со Шлецером Ломоносов отметил, какой вред принесли враждебные русскому народу немецкие псевдоученые: «...из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная в них скотина». Русский народ шел своим собственным, самостоятельным путем к «высочайшим» ступеням «величества, могущества и славы»[2]. Варяжские дружины не оказали никакого влияния на славянские племена и быстро растворились среди них[3]. Самый термин «Русь» существовал на юге вне всякой зависимости от варягов. Таким образом, работы Ломоносова наносили серьезный удар норманской «теории»[4].

Необходимо, наконец, указать, что Ломоносов наметил и переломные этапы в русской истории. Так, с конца княжения Ярослава он начинает новый период в истории древней Руси, характеризующийся политическим раздроблением страны. Правда, в основе периодизации Ломоносова лежат факторы политической жизни.

Развитие русской историографии второй половины XVIII — начала XIX в., времени все большего роста капиталистических отношений в недрах феодальной формации в России, характеризуется борьбой двух направлений: дворянско-крепостнического и революционного,

---

[1] *М. В. Ломоносов.* Соч., т. V, стр. 245.

[2] Там же, стр. 244.

[3] Там же, стр. 296.

[4] *Б. Д. Греков.* Ломоносов-историк. «Историк-марксист», 1940, № 11, стр. 18—34; *его же.* Деятельность Ломоносова в Академии. «Известия ООН АН СССР», 1937, № 1, стр. 175—200.

демократического. Первое направление отразилось в деятельности, с одной стороны, представителей консервативной аристократической части дворянства М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина, с другой — последователя Татищева — И. Н. Болтина. Второе направление представлено в трудах первого дворянского революционера А. Н. Радищева.

Поборник интересов крупной русской аристократии, Щербатов отразил в созданной им исторической концепции политическую идеологию своего сословия. В «Истории» он стремился подчеркнуть глубокую давность союза самодержавия и феодальной знати. В развитии самодержавия определенное место по концепции Щербатова занимает древняя Русь. В ее истории Щербатов намечает несколько этапов: время «от Рюрика» до крещения Владимира Святославича, далее — до разделения русских земель между сыновьями князя Ярослава Владимировича, затем княжение Владимира Мономаха. Заканчивается история древней Руси, согласно схеме Щербатова, смертью князя Юрия Долгорукого [1].

Концепция Болтина, выступившего с «Критическими примечаниями» на «Историю» Щербатова, построена в плане борьбы с политическими притязаниями крупной русской аристократии и является выражением внутриклассовых противоречий в лагере русских феодалов XVIII в. В другой работе, в «Примечаниях» на книгу французского автора Леклерка, Болтин ставил задачей защитить русский народ от попыток невежественного иностранца принизить его историческое прошлое.

Исходя из предпосылки о сходстве «образа жизни... всех вообще народов при первоначальном их совокуплении в обществе» [2], Болтин проводит параллель между историческим развитием России и западноевропейских государств. Этот параллелизм Болтин усматривает в существовании в России в определенный период ее истории строя, аналогичного западноевропейскому феодализму. Под последним Болтин понимает дробление политической власти и ее связь с землевладением. Таким образом, феодализм наступает в России со времени появления «удельной» системы (т. е. системы политической раздробленности). Начальная история древней Руси — время государственного единства: «Все государства начались правлением монархическим или самодержавным» [3]. Преодоление удельной системы Болтин связывает с именем Ивана IV.

Острие критики политических порядков периода существования

---

[1] *М. М. Щербатов.* История российская от древнейших времен, т. I—II, СПб., 1770.

[2] *И. Н. Болтин.* Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка, т. II, СПб., 1788, стр. 308.

[3] *И. Н. Болтин.* Критические примечания на первый том Истории князя Щербатова, СПб., 1793, стр. 3.

уделов направлено Болтиным против родовитого аристократического дворянства. «История,—пишет Болтин,— представляет нам бесчисленные примеры малого уважения оных голдовников (вассалов.—*Ред.*) к своей главе в правлении феодальном, какое тогда в России существовало в полной силе»[1]. После реформ Ивана IV, упразднившего удельных князей, «князь и дворянин по рождению считаются равными»[2].

Полемизируя с «дерзким клеветником и сущим вралем Леклерком», стремившимся доказать бедность исторического прошлого русского народа, Болтин опирался на солидный фундамент первоисточников.

Консервативно-аристократическая, монархическая схема русского исторического процесса, предложенная М. М. Щербатовым, получила развитие в многотомной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Идеология Карамзина сложилась в годы крепостнической реакции в конце XVIII — начале XIX в., явившейся ответом на рост революционного движения. Опыт французской буржуазной революции, формирование идеологии дворянских революционеров в России — все это заставляет Карамзина искать в самодержавии опоры и защиты крепостнических прав родовитого дворянства. Реакционная программа Карамзина, отражавшая классовые интересы дворян-крепостников, изложена им в «Записке о древней и новой России», поданной в 1811 г. Александру I в ответ на проекты реформ М. М. Сперанского. «Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастия; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причины унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия»[3].

История самодержавия кладется Карамзиным в основу периодизации русского исторического процесса: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием»[4]. Исходя из этого тезиса, Карамзин во введении к своей «Истории» наметил три периода в развитии Русского государства: «от Рюрика» до Ивана III, от Ивана III до Петра I и послепетровское время. Таким образом, древняя Русь, как важный этап русской истории, в схеме Карамзина теряет свое значение. По мысли Карамзина, с Ивана III начинается единодержавие на Руси — основное, что интересует дворянского историка-монархиста. В самой «Истории», излагая события времени древней Руси, Карамзин несколько отступает от принятой им

---

[1] *И. Н. Болтин.* Критические примечания на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794, стр. 252—253.

[2] *И. Н. Болтин.* Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка, т. II, стр. 439.

[3] *Н. М. Карамзин.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914, стр. 126.

[4] Там же, стр. 10.

во введении схемы и выделяет период первоначального единства древней Руси, отличая его от позднейшей удельной раздробленности: «Основанная, возвеличенная единовластием», «Русь Владимира и Ярослава» «шагнула», «так сказать, в один век от колыбели своей до величия»[1].

Дворянский революционер А. Н. Радищев в противоположность официальной дворянской историографии, рассматривавшей русский исторический процесс с точки зрения укрепления самодержавия, основное внимание обратил на русский народ как самостоятельную действующую силу истории. В истории Радищева интересовала борьба стремившегося к вольности народа с самовластием. «Таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность...»[2] Поэтому, относясь с особым интересом к данным источников о вечевых собраниях, Радищев подчеркивал, что «собрание народа, об общих нуждах судящего, кажется быть нечто в России древнее и роду славянскому сосущественно»[3]. В сохранившихся выписках Радищева по русской истории много внимания уделено летописным данным о существовании в городах древней Руси вечевых собраний[4]. В то же время, занимаясь изучением источников древнерусской истории, Радищев собирал материал, характеризовавший формы угнетения народа князьями (сбор даней, оброков и т. д.)[5]. Такой подход к историческим явлениям — стремление прежде всего изучить внутреннее общественное развитие русского народа — был прямо противоположен норманской «теории».

Радищев не мог понять действительную сущность классовых противоречий и классовой борьбы, тем не менее его высказывания по русской истории для своего времени были передовыми.

Историей древней Руси глубоко интересовались представители передовой исторической мысли начала XIX в. — декабристы. Они занимались изучением русских летописей, не утратив интереса к ним и во время пребывания на каторге и в ссылке. Так, А. И. Одоевский писал в 1833 г.: «С очень давних пор история России служит источником моих обычных вдохновений — древняя история, столь простая и иногда столь прекрасная в устах наших монахов-летописцев»[6]. А. А. Бестужев

---

[1] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, кн. 1, т. II, СПб., 1842, стр. 41.

[2] *А. Н. Радищев.* Полное собр. соч., т. I, М.—Л., 1938, стр. 361.

[3] Там же, т. II, М.—Л., 1941, стр. 145.

[4] *Э. С. Виленская.* Исторические взгляды А. Н. Радищева. «Вопросы истории», 1949, № 9, стр. 49; *Б. Б. Кафенгауз.* А. Н. Радищев об истории России. «Ученые записки» МГУ, вып. 156. Труды кафедры истории СССР, М., 1952, стр. 70—71.

[5] *Э. С. Виленская.* Указ. соч., стр. 49.

[6] «Декабристы на каторге и в ссылке». М., 1925, стр. 156.

завидовал тем, кто «на раздолье роется в ризницах монастырей и в курганах Северной России, собирает и разбирает свитки с юсами и без юсов и выкапывает чудские запястия или орудия древних славян»[1].

В противоположность представителям дворянской официальной историографии, декабристы ставили задачу изучения прежде всего истории народа, а не правящих верхов. «История народа принадлежит народу и никому более! Смешно дарить ею царей!»— писал Н. И. Тургенев[2], имея в виду посвящение Н. М. Карамзиным своей «Истории» царю («История народа принадлежит царю»)[3]. По словам Н. А. Бестужева, если «до сих пор история писала только о царях и героях», то «нынешний век понял, что сила государств составляется из народа»[4].

К изучению русского прошлого декабристы подходили как патриоты, любившие «русский народ, первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного»[5], русский народ, который, несмотря на ужасы крепостного права, «до сих пор сохранил свою поступь, поговорку, свой обычай, облик, свой оригинальный характер»[6].

Поэтому ряд декабристов критически подходил к норманской «теории» происхождения Русского государства, а некоторые вступали с ней в открытую борьбу. А. О. Корнилович, А. А. Бестужев, А. Н. Муравьев указывали на то, что по своему культурному уровню славяне были выше варягов. Н. А. Бестужев возражал против утверждения норманистов, что русские научились мореходству от варягов, и доказывал, что славянские суда плавали на Черном море задолго до летописного известия о норманнах. М. С. Лунин подверг критике легенду о призвании варягов и показал политический смысл норманской «теории», нужной самодержавию: «...сказку о добровольном подданстве многие поддерживают и в наше время для выгод правительства, которое всегда ищет опоры в мнении народном»[7].

Декабристы подчеркивали высокую культуру древней Руси. «В то время, как варварство помрачало Европу и одни схоластические

---

[1] *А. А. Бестужев-Марлинский.* Соч., т. VI, ч. IV, СПб., 1847, стр. 77.

[2] *Н. И. Тургенев.* Дневники и письма, т. III, Архив братьев Тургеневых, вып. 5, Пг., 1921, стр. 114—115.

[3] *М. П. Погодин.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, т. II, М., 1866, стр. 198.

[4] *Н. А. Бестужев.* Статьи и письма. М.—Л., 1933, стр. 93.

[5] Показание В. И. Кюхельбекера. «Восстание декабристов», т. II, М.—Л., 1926, стр. 166.

[6] *А. А. Бестужев-Марлинский.* Соч., т. IV, ч. XI, СПб., 1847, стр. 183, 213.

[7] *М. С. Лунин.* Соч. и письма, Пг., 1923, стр. 78—79, 23.

споры занимали западных христиан,— писал А. О. Корнилович,— Платон, Аристотель, Геродот, Фукидид, Гомер, Пиндар находили почитателей на Востоке»[1].

Декабристам была свойственна идеализация древней Руси. Они не видели в древнерусском государстве феодальных отношений и говорили об «общинных вольностях». По словам М. А. Фонвизина, «общинные или муниципальные учреждения и вольности были в древней России во всей силе, когда еще Западная Европа оставалась под игом феодализма»[2].

Буржуазная историография XIX в. (особенно в лице С. М. Соловьева) сделала значительный шаг вперед по сравнению с историографией дворянской. Расширился круг исторических источников. Возникли новые научные учреждения, занимавшиеся публикацией документального материала. Буржуазные историки пытались раскрыть закономерность исторического процесса, понимая ее идеалистически. Однако, несмотря на поступательное движение буржуазной исторической науки в период развития капиталистических отношений, уже в это время проявилась ее классовая ограниченность.

Развитие русской историографии в XIX в. проходило в борьбе течений: дворянско-крепостнического и буржуазно-либерального, с одной стороны, и революционно-демократического—с другой. При этом в связи с ростом революционного движения все более и более выявлялся реакционный характер буржуазного либерализма. В. И. Ленин в статье «По поводу юбилея» (1911) противопоставлял либеральную и демократическую тенденции в русской общественной мысли и указывал в этой связи на «...различие идейно-политических направлений, скажем, Кавелина, с одной стороны, и Чернышевского, с другой»[3]. То же противопоставление революционно-демократического течения буржуазному либерализму Ленин дает в статье «Памяти Герцена» (1912), в которой говорит о диаметральной противоположности двух направлений: с одной стороны, революционер Герцен, Чернышевский и Добролюбов, «представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев», с другой,— «подлый либерал», «один из отвратительнейших типов либерального хамства» Кавелин[4]. Особенно четко классовая сущность русского буржуазного либерализма вскрыта Лениным в работе

---

[1] *А. О. Корнилович.* Известия об успехах промышленности. СПб., 1825, стр. 39.

[2] *М. А. Фонвизин.* Обозрение проявлений политической жизни в России. М., 1907, стр. 3—4; подробнее см. *С. С. Волк.* Исторические взгляды декабристов. «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 26—57.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 17, стр. 88.

[4] Там же, т. 18, стр. 9, 12, 13.

«Еще один поход на демократию» (1912): в отношении либерала Кавелина к демократу Чернышевскому, указывает Ленин, «виден ...точнейший прообраз отношения кадетской *партии* либеральных буржуа к русскому демократическому *движению масс*»[1].

Идеологи буржуазной монархии С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин основу периодизации русского исторического процесса видели в смене родовых отношений государственными. Государство они рассматривали как надклассовую силу, действовавшую в интересах «всеобщего блага». При этом большинство представителей буржуазно-либеральной историографии защищало норманскую «теорию». Так, Соловьев намечал следующие периоды в историческом развитии России: «от Рюрика» до Андрея Боголюбского; от Андрея Боголюбского до Ивана Калиты; от Ивана Калиты до Ивана III; от Ивана III до «пресечения Рюриковой династии» в конце XVI в. В первый период «княжеские отношения носят характер чисто родовой». Второй период характеризуется борьбой родовых начал с государственными. Третий период — это время, когда «московские владетели все более и более дают силы государственным отношениям над родовыми». Четвертый период знаменует торжество сил государственных, «купленное страшною кровавою борьбой с издыхающим порядком вещей»[2]. Понятие «рода» у Соловьева лишено социального содержания, оно носит формально-юридический характер. Рассматривая древнюю Русь как эпоху господства родовых отношений, Соловьев в то же время считал «призвание» варягов начальным моментом в истории государства, придавая этому событию исключительно большое значение[3].

На позициях государственной школы стояли и Кавелин, работы которого Ленин расценивал как «образчик профессорски-лакейского глубокомыслия», и Чичерин, реакционные политические взгляды которого Ленин подверг критике в своем труде «Гонители земства и аннибалы либерализма», и другие, так называемые, «западники».

Рассматривая «естественную преемственность быта юридического после родового», Кавелин рисовал следующую схему исторического развития. «Сначала князья составляют целый род, владеющий сообща всею Русской землею». Затем, в результате оседания князей на землю, «территориальные, владельческие интересы должны были одержать верх над личными». «Род княжеский через это превратился в множество отдельных, независимых владельцев». Собирание земель привело

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 18, стр. 287.

[2] *С. М. Соловьев.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847, стр. IX—X.

[3] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен. Изд. «Общественная польза», т. I, стр. 103.

к образованию «огромной вотчины» — «Московского государства». В начале XVIII в. эта «вотчина» превратилась в «политическое государственное тело и стала державой в настоящем значении слова»[1]. На тех же позициях стоял Чичерин, говоривший о трех этапах исторического развития России: «В первую эпоху, на заре истории, мы видим союз кровный; затем является союз гражданский, наконец — союз государственный»[2]. Реакционный классовый смысл подобных схем заключался в апологии буржуазной монархии, представлявшей собой наиболее совершенную, с точки зрения Кавелина и Чичерина, политическую форму правления. В. И. Ленин вскрыл классовую сущность подобных либеральных концепций, указав, что «либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков»[3].

В годы революционной ситуации (1859—1861) буржуазные исторические концепции, доказывавшие «целесообразность» монархического строя, были использованы царизмом в борьбе с развивавшимся революционным движением в стране. Такую реакционную роль играла особенно норманская «теория». Большое значение она приобрела в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. в связи с подготовкой празднования так называемого «тысячелетия Руси» (862—1862), проводившегося с целью поднять престиж правящей династии и укрепить самодержавие[4].

Одним из течений буржуазного либерализма являлось славянофильство. Если для Соловьева, Кавелина, Чичерина древняя Русь — время господства родовых отношений, «кровного союза», то славянофилы понятие «рода» заменяли понятием «общины». Боясь революции, славянофилы искали «особого» пути развития для России, идя по которому, она избежала бы появления революционного пролетариата, уже сложившегося в капиталистической Западной Европе.

Критикуя взгляды Соловьева и Кавелина, один из наиболее видных представителей славянофилов, К. С. Аксаков, подчеркивал, что они «не определили настоящим образом, что такое родовой быт. Они довольствуются тем значением, какое придается ему в общественном разговоре: вместо „родовой“ употребляют они слово „патриархальный“, также не определив этого слова и также довольствуясь тем, что смысл его известен»[5]. В противовес своим противникам Аксаков выдвигал

---

[1] *К. Д. Кавелин.* Собр. соч., т. I, СПб., 1897, стр. 285—287.

[2] *Б. Н. Чичерин.* Опыты по истории русского права. М., 1858, стр. 366.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 17, стр. 96.

[4] *Н. Г. Сладкевич.* Исторические взгляды Чернышевского и Добролюбова. «Вопросы истории», 1949, № 2, стр. 34.

[5] *К. С. Аксаков.* Полное собр. соч., т. I, М., 1889, стр. 65.

теорию, согласно которой «в древней Руси было общественное, именно общинное устройство — общинный быт... Русская земля есть изначала наименее патриархальная... наиболее общественная (именно общинная) земля»[1]. Если критическая часть выступления Аксакова заслуживает внимания, то его собственная концепция столь же неприемлема, как и взгляды Соловьева — Кавелина.

Перед лицом надвигавшейся революции славянофилы развили свой взгляд на общину как на «исконное начало», пронизывающее всю русскую историю. Понятие «община» у них было лишено социального содержания. Под общиной Аксаков понимал «нравственный союз людей», характеризующийся религиозностью и преданностью власти. Таков политический смысл славянофильской исторической концепции. В период революционной ситуации 1859—1861 гг. произошло сближение славянофилов и либералов-«западников», видевших в народных массах общего врага.

Борьба передового с реакционным в тогдашней России заключалась не в противоречиях «западников» со славянофилами, она происходила между революционными демократами и их врагами — крепостниками и буржуазными либералами. Эта борьба нашла отражение и в русской историографии.

Революционный демократ В. Г. Белинский понимал громадное политическое значение истории как науки. «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее,— писал Белинский,— чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем»[2]. Исторический процесс Белинский стремился рассматривать как процесс закономерный: «Отвергать возможность истории, как науки, значит—отвергать в развитии общественности неизменные законы, и в судьбах человека ничего не видеть, кроме бессмысленного произвола слепого случая»[3]. Подходя к вопросу о закономерности с революционно-демократических позиций, Белинский считал задачей историка создание истории народа.

Белинский вел непримиримую борьбу с норманской «теорией» происхождения Русского государства, подчеркивая, что «норманны не оставили по себе никаких следов ни в языке, ни в обычаях, ни в общественном устройстве»[4]. В противоположность норманистам Белинский указывал, что государство является продуктом внутреннего общественного развития. По словам Белинского, историк, изучающий прошлое

[1] *К. С. Аксаков.* Полное собр. соч., т. I, стр. 122—123.

[2] *В. Г. Белинский.* Избранные соч., М.—Л., 1949, стр. 870.

[3] *В. Г. Белинский.* Избранные философские сочинения, т. II, Госполитиздат, 1948, стр. 138.

[4] *В. Г. Белинский.* Полное собр. соч., под ред. Венгерова, т. VI, СПб., 1903, стр. 121.

русского народа, должен ставить вопрос не о том, «откуда пришли варяги — с Запада или с Юга, из-за Балтийского или из-за Черного моря, а о том, проходит ли через нашу историю какая-нибудь живая органическая мысль, и если проходит, какая именно; какие наши отношения к нашему прошедшему, от которого мы как будто оторваны, и к Западу, с которым мы как будто связаны»[1]. Понимая, что научный подход к истории не совместим с представлением о том, что государственность была навязана русскому народу извне, Белинский выступал против тех представителей реакционной историографии, которые «ищут в русской истории приложений к идеям Гизо о европейской цивилизации, и первый период меряют норманским футом вместо русского аршина»[2].

Споры славянофилов с либералами-«западниками» Белинский расценивал с позиций революционного демократа, клеймя и «гуманистических космополитов» и реакционных «квасных патриотов». «Наши „славянофилы" и „патриоты",— писал Белинский,— ограничиваются... пересыпанием из пустого в порожнее, рассматривая такие вопросы, как происхождение Руси, и решая их произвольными гипотезами», «удивительно ли, что вместо истории они издают компиляции, да и те недоконченные»[3].

Чувство национальной гордости пронизывает борьбу Белинского со всеми реакционными концепциями исторического процесса (в том числе с норманской «теорией»): «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство...»[4]

Белинский не был историком, тем более он не занимался специально историей древней Руси, но именно его высказывания прокладывали новые пути изучения прошлого русского народа, ломая реакционные каноны официальной историографии[5].

Представителем передового революционно-демократического направления в русской исторической науке является А. И. Герцен. В. И. Ленин отметил выдающееся значение А. И. Герцена, «писателя,

---

[1] *В. Г. Белинский.* Избранные соч., стр. 870.

[2] *В. Г. Белинский.* Соч., под ред. Венгерова, т. IV, СПб., 1901, стр. 41—42.

[3] *В. Г. Белинский.* Избранные философские сочинения, т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 503 (примечание).

[4] *В. Г. Белинский.* Избранные соч., стр. 872.

[5] См. *В. Е. Иллерицкий.* Исторические взгляды В. Г. Белинского. «Вопросы истории», 1948, № 7, стр. 3—26; *В. Н. Котов.* Отечественная история в освещении В. Г. Белинского. «Истор. сборник Киевского гос. ун-та», 1949, № 2, стр. 45—74; *И. И. Мордвишин.* Исторические взгляды В. Г. Белинского. «Ученые записки» Ивановского госуд. педагогич. ин-та, т. III, Иваново, 1952, стр. 107—148.

сыгравшего великую роль в подготовке русской революции». Герцен, как мыслитель, при всей своей классовой ограниченности «вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»[1].

Герцен вел решительную борьбу с официальной дворянской и буржуазно-либеральной историографией. Он выступал против Карамзина, как историка русского самодержавия, историка, прослеживавшего «идею абсолютизма ...от Мономаха до Романовых»[2]. Он клеймил славянофилов, жаждущих «воскресения старинной Руси» и мечтающих «лозами смирять гордыню» [3]. Отмечая научные заслуги Соловьева, Герцен критиковал его за близость к взглядам либерала Чичерина.

Герцен высоко ценил историю русского народа, «мощного и неразгаданного», который «втихомолку образовал государство в шестьдесят миллионов, который... как-то чудно умел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов», «который сохранил величавые черты, живой ум и широкий разгул богатой натуры под гнетом крепостного состояния...» [4]

Герцен уделял большое внимание истории древней Руси. Он доказывал, что вопреки вымыслам польской панско-шляхетской националистической историографии, Киев — русский город. Но борясь с самодержавием, Герцен идеализировал социальный строй древней Руси, считая, что там господствовали патриархально-общинные порядки[5], а князь «являлся лишь *старейшиною* большого числа городов и деревень, совместно с *общими собраниями...*»[6]. Герцен, сравнивая развитие древнерусского государства с государствами Западной Европы, отмечал с чувством национальной гордости, что «ничто не дает права предполагать, чтобы оно стояло ниже их...» [7].

Большое значение в развитии передового революционно-демократического направления в историографии сыграли труды Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

Они вели борьбу с норманизмом, в котором видели оплот политической реакции и проявление научной косности.

Еще в самом начале своей литературно-публицистической деятельности Чернышевский заявлял, что «сущность русской истории» «заклю-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 18, стр. 9—10.

[2] *А. И. Герцен.* Полное собр. соч. и писем, т. VI, Пг., 1919, стр. 345, 347.

[3] Там же, т. III, Пг., 1919, стр. 328, 351.

[4] Там же, т. V, Пг., 1919, стр. 391.

[5] Там же, т. VI, Пг., 1919, стр. 312.

[6] Там же, стр. 314.

[7] Там же; *С. К. Бушуев.* Исторические взгляды А. И. Герцена. «Ученые записки» МГУ, вып. 156, М., 1952, стр. 81—113; *В. Е. Иллерицкий.* Исторические взгляды А. И. Герцена. «Вопросы истории», 1952, № 10, стр. 33—63.

чается не в одном вопросе о происхождении варяго-руссов»[1]. Он считал, что причины возникновения государства надо искать не во внешних воздействиях, а во внутреннем общественном развитии. В дальнейшем Чернышевский развернул свои взгляды на норманскую «теорию» в связи с диспутом о происхождении Руси между М. П. Погодиным и Н. И. Костомаровым, в котором Погодин защищал норманистские позиции. Разоблачая реакционную сущность норманской «теории», Чернышевский расценивал ее как «хлам, ничего не стоящий, ни к чему не годный»[2]. Норманизм не совместим с научным подходом к общественным явлениям: тот, кто имеет «хотя малейшее понятие о сравнительной филологии и о законах исторической критики,— писал Чернышевский,— видит совершенную нелепость доказательств, которыми старые ученые подтверждали норманство Руси»[3].

Точку зрения Чернышевского разделял Добролюбов, говоривший про Погодина, что тот «победоносно почил на норманском вопросе», мешая в своих работах «со вздором небылицы»[4].

Критикуя единомышлѐнника Погодина — Жеребцова, Добролюбов упрекал последнего в желании вывести «всякое княжье» обязательно от Рюрика[5]. Добролюбов противопоставлял точке зрения Жеребцова указание на то, что слова «князь» и «муж» являются чисто славянскими и что летописи рассказывают о князьях, «которые никак не могут быть отнесены к лицам варяжского происхождения»[6].

Критика Чернышевским и Добролюбовым норманской «теории» имела большое прогрессивное научное и политическое значение. Революционные демократы подходили к истории «в живой связи с потребностями общества»[7]. Они не могли представить себе историка, который не отражал бы в своих взглядах на историю «свои политические и общественные убеждения»[8].

Революционные убеждения Чернышевского и Добролюбова побудили их к борьбе с реакционерами-норманистами. Эта борьба была большим патриотическим делом и, как все труды революционных демократов, была направлена на то, чтобы «содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества»[9].

---

[1] *Н. Г. Чернышевский*. Полное собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 407.
[2] Там же, т. VII, М., 1950, стр. 299.
[3] Там же, стр. 298.
[4] *Н. А. Добролюбов*. Полное собр. соч., т. VI, М., 1939, стр. 98, 156.
[5] Там же, т. III, М., 1936, стр. 248.
[6] Там же.
[7] *Н. Г. Чернышевский*. Полное собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 299.
[8] Там же, т. V, М., 1950, стр. 661.
[9] *Н. Г. Чернышевский*. «Литературное наследие», т. II, М.—Л., 1928, стр. 44.

Желая понять возникновение древнерусского государства в связи с развитием общественной жизни, революционные демократы в дальнейшей истории русского народа стремились проследить взаимоотношения народа с государством. Чернышевский указывал, что после расчленения древнерусского государства произошло раздробление Руси на уделы, по «вотчинному праву». До времени Ивана III шла борьба начала «вотчинного» с «республиканским — вечевым», причем победа осталась за первым[1].

По своим взглядам Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов опередили современную им дворянско-буржуазную историческую науку. Хотя они и не дали последовательного материалистического объяснения исторического процесса и правильного классового анализа происхождения древнерусского государства и его дальнейшей истории, но их критика схем буржуазно-дворянской историографии сыграла большую роль в развитии науки.

В. И. Ленин писал: «Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор (с 1861 г.— *Ред.*) и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию». В другой работе Ленин также указывал, что борьба этих двух исторических сил характеризует общественное развитие России: «В революции 1905-го года те две тенденции, которые в 61-м году только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли...»[2]

Эпоха капитализма характеризуется нарастающим кризисом буржуазной историографии в России и появлением подлинно научного марксистско-ленинского учения об обществе и законах его развития.

Из буржуазных историков эпохи капитализма наиболее видное место принадлежит ученику С. М. Соловьева — В. О. Ключевскому. Годы научной деятельности Ключевского совпали со второй революционной ситуацией (1879—1880 гг.), ростом рабочего движения и развитием марксизма в России в конце XIX в., первой буржуазно-демократической революцией 1905—1907 гг. Ключевский занимал буржуазно-либеральные позиции и по своим политическим взглядам примыкал к кадетско-октябристским кругам.

По сравнению с предшествующей буржуазно-либеральной историографией Ключевский большее внимание уделял экономической истории. Но созданная им общая схема исторического процесса носила идеали-

---

[1] *Н. Г. Чернышевский.* Соч., т. X, М., 1951, стр. 324; *Н. Г. Сладкевич.* Исторические взгляды Чернышевского и Добролюбова. «Вопросы истории», 1949, № 2, стр. 26—51.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 17, стр. 96, 98.

стический характер; классовую борьбу Ключевский рассматривал с либеральных позиций и утверждал неизбежность установления в России надклассового по своей сущности, буржуазного «правового государства».

Процесс исторического развития России Ключевский делил на четыре периода: 1) «Русь Днепровская, городовая, торговая» (VIII—XIII вв.), 2) «Русь верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая» (XIII—половина XV вв.), 3) «Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладельческая» (половина XV — начало XVII в.), 4) «всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского» (начало XVII — половина XIX в.)[1].

Это концепция, проникнутая духом буржуазного эклектизма. Древняя Русь в схеме Ключевского является первым периодом русской истории. Древнерусское государство, по мнению Ключевского, возникло из соединения двух «политических форм»: городовых (когда-то самостоятельных) областей и варяжских княжеств. Города древней Руси Ключевский рисует как центры главным образом внешней торговли, средоточие торгового капитала. Таким образом, древняя Русь представляется Ключевскому своеобразным «торговым государством»[2].

Схема Ключевского надолго определила точку зрения буржуазных авторов на древнюю Русь. Давалась неверная картина экономической жизни восточных славян IX в. и неверно рисовался процесс образования древнерусского государства.

Вопрос об общественном строе восточных славян являлся одной из тем, которым буржуазная историография эпохи капитализма уделяла большое внимание. Эпигон славянофильства Ф. И. Леонтович развил точку зрения К. С. Аксакова на общину как «исконное начало» русской истории и создал теорию «задружного быта» славян. Положительной чертой работ Леонтовича следует признать его попытку раскрыть социальную сущность древнеславянской общины. Но в изображении Леонтовича «задруга» часто утрачивает черты поземельной общины, связанной общностью экономических интересов, так как основной действующей силой истории является, согласно Леонтовичу, княжеская власть — «задруга общая для всего народа, для всех волостей»[3]. Это

---

[1] *В. О. Ключевский.* Курс русской истории, ч. 1, М., 1937, стр. 22—23.

[2] Там же, стр. 131—144.

[3] *Ф. И. Леонтович.* Задружно-общинный характер политического быта древней России. ЖМНП, 1874, июнь, стр. 207—224; июль, стр. 120—151; август, стр. 194—233.

типичная для буржуазной историографии концепция: надклассовое государство регулирует народную жизнь.

По мере развития капиталистических отношений в городе и деревне, обострения классовых противоречий и нарастания предпосылок для революции представители буржуазной историографии все энергичнее выступают на защиту буржуазных порядков, «обосновывают» исконность и незыблемость частной собственности на средства производства, на землю (В. И. Сергеевич и др.). Классовая сущность концепций Леонтовича и Сергеевича, несмотря на их кажущуюся противоположность, была одинакова. И утверждение об организующей роли княжеской власти в жизни славянских общин, и стремление доказать извечность правовых отношений капиталистического общества диктовались намерением исторически обосновать нормы буржуазного государства и неправомерность борьбы с ними. В конечном итоге представители двух направлений в буржуазной историографии смыкались и по вопросу о происхождении Русского государства: как защитники норманской «теории» (В. О. Ключевский, позднее А. Е. Пресняков, С. Ф. Платонов и др.), так и антинорманисты (С. А. Гедеонов, Д. И. Иловайский, позднее Д. И. Багалей и др.) настаивали на надклассовом характере буржуазного «правового» государства.

Возникает и теория о договорных отношениях в древней Руси между князьями и органом народного представительства — вечем (В. И. Сергеевич)[1]. Теория эта отражала либерально-конституционалистские настроения буржуазии, ее стремление «совершить преобразование государства по-буржуазному, *реформистски*...»[2]

Кризис буржуазной историографии проявлялся все яснее по мере того, как развивалось марксистское учение об обществе, основанное на познании закономерностей исторического развития, классовой борьбы и революции. Это учение произвело полный переворот в области истории, открыло совершенно новые пути изучения общественного строя восточных славян и происхождения древнерусского государства. История в трудах марксистов стала подлинной наукой.

Полный крах русской буржуазной историографии обнаружился в период империализма. Это проявилось как в общих работах, вышедших в конце XIX — начале XX в., так и в специальных исследованиях.

По вопросу о значении периода древней Руси в общей периодизации исторического процесса буржуазные историки выдвинули две противоположные, но в одинаковой мере порочные схемы. Одна из них исхо-

---

[1] *В. И. Сергеевич*. Вече и князь. «Русские юридические древности», т. 2, СПб., 1900.

[2] *В. И. Ленин*. Соч., т. 28, стр. 271.

дила из предпосылок великодержавного шовинизма и рассматривала «Киевский» период как преддверие «Владимирского», «Московского» и «Петербургского» периодов, т. е. связывала его исключительно с историей Великороссии. Эта схема восходила к Соловьеву и Ключевскому и нашла дальнейшее развитие в работах идеолога русского империализма, впоследствии белоэмигранта и врага советского народа, П. Н. Милюкова. Другая, буржуазно-националистическая, концепция (М. С. Грушевского) совершенно отрывала «Киевскую Русь» от истории русского народа и считала ее прологом истории только Украины. Классовую сущность этих теорий, отвечавших стремлениям русской и украинской буржуазии эпохи империализма, раскрывает И. В. Сталин: «Буржуазия и её националистические партии были и остаются в этот период (империализма.— *Ред.*) главной руководящей силой ...наций. Классовый мир внутри нации ради „единства нации"; расширение территории своей нации путём захвата чужих национальных территорий; недоверие и ненависть к чужим нациям; подавление национальных меньшинств; единый фронт с империализмом,— таков идейный и социально-политический багаж этих наций»[1].

В период империализма вопросами истории древней Руси занимались русские буржуазные историки А. А. Шахматов, А. Е. Пресняков, Н. П. Павлов-Сильванский. В вопросе о происхождении древнерусского государства и Шахматов и Пресняков держались норманской «теории». И Шахматов и Пресняков усиленно подчеркивали организующую роль государственности, которую якобы «принесли с собой в среду восточных славян выходцы из далекой Скандинавии»[2].

Социально-экономической истории восточного славянства Пресняков уделял минимальное внимание, причем развивал неверную точку зрения о преобладании в хозяйстве славян промыслов (охотничьего, бортничьего, рыболовного) и о подсобном значении земледелия (причем только в форме подсечного). Совершенно не останавливаясь на зарождении и развитии феодальных отношений в древней Руси, Пресняков определял древнерусское государство как «примитивно-торговое»[3].

В курсе своих лекций Пресняков дал характеристику «двух древнейших ячеек восточнославянского племенного быта»: «семейной

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 338.

[2] *А. Е. Пресняков.* Лекции по русской истории, т. I, М., 1938; *Л. В. Черепнин.* Об исторических взглядах А. Е. Преснякова. «Исторические записки», № 33, стр. 203—231; *В. Т. Пашуто.* А. А. Шахматов — буржуазный источниковед. «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 47—73.

[3] *А. Е. Пресняков.* Указ. соч., т. I, стр. 12.

общины — дворища» и «соседской общины — верви»[1]. Но Преснякову осталось совершенно чуждо марксистское учение о происхождении государства в результате процесса разложения патриархальных общинных отношений и классообразования.

Вопросу о феодализме в древней Руси была посвящена работа кадетского историка Н. П. Павлова-Сильванского. Феодализм он рассматривал не как формацию, характеризующуюся определенным способом производства, а как систему юридических институтов. Согласно созданной Павловым-Сильванским схеме, общественное развитие определяется не развитием способа производства, а взаимоотношением «общины» и надклассового «государства». В русской истории Павлов-Сильванский выделял три периода: в первом (до конца XII в.) господствует община, во втором (с XIII до половины XVI в.) «центр тяжести... переходит от мира к боярщине», хотя сохраняется и мирское самоуправление; в третьем периоде (XVI—XVIII вв.) «основным учреждением является сословное государство»[2]. Эта схема была выражением буржуазной идеологии.

Порочные схемы исторического процесса лежали в основе построений мелкобуржуазных историков Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского, хотя они и пользовались марксистской фразеологией. Рожков определял время VI—IX вв. как период «варварства», X—XII вв. — как феодальную «революцию», XIII—половину XVI в. — как феодализм. С половины XVI в. Рожков говорил о дворянской революции. Рожков не понимал, что феодализм — это общественно-экономическая формация, характеризующаяся определенным способом производства. Рисуя неверную картину древнего экономического быта восточных славян, занимавшихся якобы не земледелием, а только добывающими промыслами, Рожков связывал процесс феодализации с переходом славян к земледелию, а не с разложением у них патриархального строя и возникновением новых производственных отношений, основанных на феодальной эксплуатации зависимых непосредственных производителей. Антинаучно противопоставляя феодализм эпохе господства дворянства, Рожков относил конец феодализма к XVI в.

Глубоко ошибочным было понимание древней Руси, выдвинутое М. Н. Покровским. Покровский не признавал наличия в древней Руси государства. Находясь под сильным влиянием В. О. Ключевского, придававшего большое значение развитию в древней Руси городов как центров внешней торговли, Покровский говорил о древней Руси как

[1] *А. Е. Пресняков.* Указ. соч., т. I, стр. 57.

[2] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Феодализм в древней Руси. Пг., 1924, стр. 156—158.

о времени господства «городской власти» и «городского права»[1]. Города в понимании Покровского — это стоянки «купцов-разбойников», «типичные паразиты»[2]. Покровский признавал наличие у славян земледелия только в форме мотыжного. Лишь постепенно городская Русь «перегнивала» в Русь деревенскую, причем в этом «перегнивании» громадную роль сыграло татарское нашествие. «Татарский разгром одним ударом закончил этот процесс»[3].

Вся эта схема — насквозь ложная, она отрицает учение об общественно-экономических формациях, отрицает наличие у восточных славян развитой земледельческой культуры, она рисует зарождение феодальных отношений и переход к феодальной раздробленности не как следствие развития производительных сил, а как результат татарского нашествия, отождествляет феодализм с периодом уделов, т. е. вкладывает в понятие феодализма чисто политическое содержание.

Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции в буржуазной исторической науке был накоплен значительный фактический материал, издано много первоисточников, сделан ряд ценных конкретных наблюдений. Но общие концепции исторического процесса, созданные буржуазными авторами, требовали коренного пересмотра. Дворянско-буржуазные историки сводили «историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям „завоевателей“ и „покорителей“ государств»[4]. Этот пересмотр был возможен лишь на основе подлинно научной теории марксизма-ленинизма. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла совершенно новые пути изучения истории нашей Родины.

* * *

Марксом и Энгельсом были раскрыты основные законы общественной жизни, предшествующей возникновению государства, и внутренние причины образования государственного строя.

Энгельс в своем классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства»[5], используя огромный материал наблюдений Моргана над бытом индейских племен Америки, а также наблюдения русского ученого М. М. Ковалевского[6] над общественными

---

[1] *М. Н. Покровский.* Русская история с древнейших времен, т. I, М., 1920, стр. 96—97.

[2] Там же, стр. 61, 67, 69.

[3] Там же, стр. 102.

[4] «История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, 1952, стр. 116.

[5] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952.

[6] Там же, стр. 57, 58, 60, 135, 139, 146.

отношениями у кавказских народов, разрешил основные проблемы развития первобытного общества, процесса классообразования и возникновения государства. Энгельс показал, как на высшей стадии развития родового строя возникает патриархальная домашняя община, а затем с распадом родовых отношений — сельская община, на этой ступени наблюдается переход от родовой организации к государственной. Энгельс выяснил, как с приходом территориального деления на смену племенному, с появлением имущественного неравенства создавались предпосылки для государственной публичной власти.

Классики марксизма раскрыли значение этих законов и для истории русского народа. Энгельс отметил наличие в древней Руси сельской общины[1]. Маркс в письме к Энгельсу указал на тождество русской общины с первобытной германской маркой[2].

Учение о земельной ренте как экономической форме, в которой реализуется земельная собственность, развитое Марксом в третьем томе «Капитала», дало ключ к пониманию законов развития феодального общества и сущности феодальной эксплуатации[3]. Маркс различает три вида ренты: отработочную, натуральную, или ренту продуктами, и денежную.

Наиболее простым видом ренты является отработочная. «...Непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работает даром в имении землевладельца, работает на землевладельца...»[4] Таким образом, примитивная отработочная рента является «первоначальной формой прибавочной стоимости и совпадает с нею».

В дальнейшем, на более высоком уровне экономического развития, появляется рента продуктами, причем «превращение отработочной ренты в ренту продуктами... ничего не изменяет в существе земельной ренты»[5].

Последним видом земельной докапиталистической ренты является рента денежная, возникающая «из простого превращения формы ренты продуктами»[6]. Прибавочный продукт целиком или частично превращается в деньги, которые получает землевладелец.

---

[1] См. *Ф. Энгельс.* Указ. соч., стр. 59.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXIV, стр. 126—127. То же в письме к В. И. Засулич. Соч., т. XXVII, стр. 677—697.

[3] См. *К. Маркс.* Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 627—826.

[4] Там же, стр. 802.

[5] Там же, стр. 804, 807.

[6] Там же, стр. 809

Учение Маркса получило творческое развитие в трудах В. И. Ленина, которые сыграли колоссальную роль и в изучении истории древней Руси.

В гениальном труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин дал характеристику основных условий барщинной системы хозяйства[1]. Во-первых, феодальный способ производства предполагает «господство натурального хозяйства». «Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром». Во-вторых, при феодальной системе хозяйства «необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землею в частности; мало того — чтобы он был прикреплен к земле...» Отсюда вытекает третья черта, характеризующая феодальную систему хозяйства: «личная зависимость крестьянина от помещика», так как «если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, „внеэкономическое принуждение“». Наконец, четвертое — это «крайне низкое и рутинное состояние техники»[2].

В ряде своих работ Ленин показал пути развития феодальных отношений в древней Руси, процесс закабаления смердов[3].

Уже с IX в. можно говорить о господстве феодального способа производства; в дальнейшем росло закрепощение непосредственных производителей — смердов. «И крепостничество и капитализм,— говорит В. И. Ленин,— гнетут рабочего и стремятся удержать его в темноте. Но крепостничество *может* удержать и *веками* держит миллионы крестьян в забитости (напр., в России с IX по XIX век; в Китае еще больше столетий)»[4].

Основной производящей силой в хозяйстве стали зависимые от землевладельцев, бывшие когда-то свободными общинниками смерды. Говоря о положении русских крестьян в XX в., Ленин вспоминает историю крестьянства и пишет: «И „свободный“ русский крестьянин в 20-м веке все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — *совершенно так же*, как в 11-м веке шли в кабалу „смерды“ (так называет крестьян „Русская Правда“) и „записывались“ за помещиками!»[5]. Эксплуатация крестьян производилась преимущественно в форме примитивной отработочной ренты, соответствовавшей натуральному

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 157—159.
[2] Там же, стр. 158—159.
[3] Там же, стр. 170.
[4] Там же, т. 20, стр. 348.
[5] Там же, т. 12, стр. 237.

хозяйству. По словам Ленина, «отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен „Русской Правды"»[1]. В другом месте Ленин пишет: «...отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена „Русской Правды")»[2].

Большое значение для историков имел выход в свет труда «История ВКП(б). Краткий курс», Сочинений И. В. Сталина, работ И. В. Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам социализма в СССР.

Постоянное внимание Коммунистической партии и Советского правительства к историческому фронту оказало громадную помощь советским ученым в овладении марксистско-ленинской методологией и позволило им правильно понять историю своей Родины, включая и историю древнерусского государства.

Большую теоретическую ценность имеет постановка вопроса о генезисе и развитии феодальных отношений в России в свете указаний Коммунистической партии, сделанных в связи с подготовкой учебника по истории СССР.

В замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР И. В. Сталиным, А. А. Ждановым и С. М. Кировым было совершенно четко указано на необходимость различать в истории России период «дофеодальный», «когда крестьяне не были еще закрепощены», и «феодальный»[3]. Это определение производственных отношений феодального строя развивается в труде «История ВКП(б). Краткий курс» (глава «О диалектическом и историческом материализме»), где также говорится, что «при феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства,— крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить»[4]. Такие призводственные отношения соответствуют состоянию производительных сил этого периода: для него характерно улучшение плавки и обработки железа, распространение железного плуга и ткацкого станка, дальнейшее развитие земледелия, огородничества, виноделия, маслоделия, появление, наряду с ремесленными мастерскими, мануфактурных предприятий.

В труде «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин уделяет специальное внимание вопросу о феодальной собственности на землю как основе феодализма и роли внеэкономического принуж-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 272.
[2] Там же, стр. 170.
[3] Сб. «К изучению истории». М., 1946, стр. 21.
[4] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120.

дения в укреплении экономической власти помещиков-крепостников. «Конечно,—отмечает И. В. Сталин, — внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако, не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю»[1].

Это теоретическое определение приобретает особенно глубокий смысл в свете общих марксистских положений об объективном характере законов экономического развития. Очевидно, что признание основой феодализма внеэкономического принуждения должно привести к сползанию на позиции волюнтаризма, к смешению законов науки, отражающих объективные процессы развития природы или общества, происходящие независимо от воли людей, с теми законами, которые издаются правительствами и имеют лишь юридическую силу. Только исходя из марксистско-ленинского определения основы феодализма как феодальной собственности на землю, мы можем подойти с подлинно научных позиций к изучению феодальной формации, которая, как и все другие формации, подчиняется в своем развитии объективным законам политической экономии.

Развитие феодальных отношений в древней Руси приводило к росту классовых противоречий. Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя. Это положение марксистско-ленинской теории дает ключ к пониманию сведений источников о проявлениях классовой борьбы в феодальный период.

Указания классиков марксизма-ленинизма дали возможность научно объяснить историю древнерусского государства.

В. И. Ленин указывал на диалектику истории, заключающуюся в том, что формы государственного устройства проходят через различные этапы развития их классового содержания, причем переход от одной формы к другой «не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке»[2]

В отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) И. В. Сталин развил марксистско-ленинское учение о том, что государство возникло на основе раскола общества на враждебные классы, возникло для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства. Две функции характеризуют деятельность государства при рабовладельческом, феодальном и капиталистическом строе. Главной функцией государства является внутренняя, заключающаяся в том, чтобы «держать эксплуатируемое большинство в

[1] *И. Сталин.* Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 15, стр. 308.

узде», не главной — внешняя, ставящая целью «расширять территорию своего, господствующего класса за счёт территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств»[1].

В трудах по вопросам языкознания И. В. Сталиным поднят на новую теоретическую высоту вопрос о взаимодействии базиса и надстройки и об активной роли надстройки в укреплении базиса. Надстройка (политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения) порождается базисом. «... Но это вовсе на значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы»[2].

Труды классиков марксизма-ленинизма наносят сокрушительный удар всем буржуазным теориям, объявляющим государство надклассовой силой, которая осуществляет «общее благо», и отрывающим его развитие от развития базиса. Буржуазные историки считали основной функцией государства функцию внешнюю, притом затушевывали ее классовое содержание. Марксистско-ленинское учение дало возможность рассматривать эволюцию феодального государства в тесной связи с развитием базиса, с историей классовых отношений.

Теоретическое определение двух функций государства позволяет раскрыть, как изменявшиеся социально-экономические условия и обострявшиеся классовые противоречия заставляли господствующий класс искать новые средства для поддержания своего господства над непосредственными производителями, активно приспосабливая для этого свой аппарат власти, в известной степени используя экономические законы, экономические процессы.

Древнерусское государство при существовавшем уровне развития производительных сил и соответствовавшей ему системе производственных отношений обладало достаточными средствами для выполнения своей главной функции.

Дальнейшее развитие феодальных отношений, расширение земельной собственности князей, боярства, церкви, раздробленность страны вследствие господства натурального хозяйства и слабой экономической связи между областями — все это делало невозможным для господ-

---

[1] *И. Сталин.* Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, Госполитиздат, 1952, стр. 644.

[2] *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1953, стр. 7.

ствующего класса сохранение власти над трудящимися политическими средствами относительно единого древнерусского государства. Отсюда — политическое расчленение древней Руси к XII в. как следствие раздробленности экономической, как следствие обострения классовой борьбы. На основе древнерусского феодального государства создалась система самостоятельных феодальных «полугосударств».

Феодальную раздробленность нельзя сводить к явлениям политической жизни, она определялась прежде всего экономическими условиями. Экономическая раздробленность соответствовала уровню развития производительных сил. В период докапиталистический не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают разобщенные доселе части этого народа в одно национальное целое. Только в эпоху подымающегося капитализма буржуазия, разрушая феодализм и феодальную раздробленность, собирала нацию воедино и цементировала ее [1]. Появление капитализма, ликвидация феодальной раздробленности и образование национального рынка привели к развитию народностей в нации, а языков народностей — в национальные языки [2].

Ряд специальных трудов В. И. Ленина посвящен вопросу о формировании внутреннего рынка в России, в связи с чем ставится и проблема роста национальных связей.

Классики марксизма-ленинизма, говоря о товарном производстве, которое существовало при феодализме и обслуживало его, подчеркивают, что не всегда и не при всяких условиях товарное производство приводит к капитализму.

Новые явления в недрах феодального общества нарастали медленно и постепенно. И поскольку марксистско-ленинский диалектический метод требует изучения явлений с точки зрения их возникновения и отмирания, постольку задачей советских историков является проследить постепенное расчленение древнерусского государства на ряд феодальных княжеств как результат дальнейшего развития феодального способа производства. К XII в. уже можно говорить о сложившейся системе феодальных самостоятельных «полугосударств», господствующее феодальное сословие которых самостоятельно осуществляло все основные функции феодального государства.

Громадное значение имеют указания классиков марксизма-ленинизма по вопросу о складывании народностей и наций.

---

[1] См. *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 335—336.

[2] См. *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

Эти указания позволили разрешить вопрос о роли древней Руси как колыбели трех братских народностей: русской, белорусской, украинской. В. И. Ленин подчеркнул близость русского и украинского народов и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории [1]. В трудах И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», «Марксизм и вопросы языкознания» и др. даны также очень важные руководящие указания для изучения формирования трех братских народов.

Коммунистическая партия повела решительную борьбу против антимарксистских, антиленинских извращений исторической науки М. Н. Покровским и его «школой» и мобилизовала советских историков на создание подлинно марксистской исторической науки [2]. Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» нанес решительный удар так называемому «учению» Н. Я. Марра и его школы, принесшему громадный вред советскому языкознанию, археологии, истории.

Руководящие указания Коммунистической партии, раскрывая объективный характер законов экономического развития, решительно направлены против волюнтаризма и субъективизма в общественных науках. Указания партии подчеркивают определяющее значение народа как творца истории.

* * *

Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, советские историки разрешили многие основные проблемы истории древней Руси. Ее истории посвящены специальные работы Б. Д. Грекова [3], С. В. Юшкова [4], М. Н. Тихомирова [5], Б. А. Рыбакова [6], Д. С. Лихачева [7] и др. Труды советских историков основаны на всестороннем

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 25, стр. 74.

[2] См. Сб. «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. I, М.— Л., 1939; ч. II, М.— Л., 1940.

[3] *Б. Д. Греков.* Киевская Русь. М., 1949.

[4] *С. В. Юшков.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.— Л., 1939; *его же.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

[5] *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города. «Ученые записки» МГУ, вып. 99, 1946.

[6] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948.

[7] *Д. С. Лихачев.* Национальное сомосознание древней Руси. М.— Л., 1945; *его же.* Возникновение русской литературы. М., 1952; *его же.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947.

изучении сохранившихся письменных источников и громадного археологического материала, в значительной части добытого лишь после Октябрьской революции трудами советских археологов. В результате подбора и анализа большого количества данных советская наука решительно опровергла буржуазные теории, согласно которым основой хозяйства восточных славян являлись добывающие промыслы, а земледелие занимало ничтожное место в их экономической жизни. В настоящее время доказано, что славяне издавна были земледельческим народом. Советские историки подвергли всесторонней критике антинаучную норманскую «теорию» происхождения Русского государства и доказали, что государство возникло у восточных славян в процессе внутреннего развития общества, в результате разложения патриархально-родовых отношений, появления частной собственности на землю и образования классов.

Подвергнута критике также ложная «теория» о прогрессивном якобы воздействии хазарского каганата на развитие древнерусского государства. Разноплеменные хазарские орды, ведшие кочевой образ жизни и совершавшие грабительские набеги на соседние народы, не только не способствовали росту русской государственности, но, наоборот, тормозили процесс объединения восточно-славянских земель [1].

Советские историки рассматривают социально-экономическую и политическую историю древней Руси в свете марксистско-ленинского учения об общественных формациях. В основе исторического процесса лежит развитие способа производства, производительных сил и производственных отношений. Классовая борьба является основной чертой, характеризующей развитие антагонистических формаций.

Советская историческая наука доказала, что славяне в своем общественном развитии не прошли через стадию рабовладельческого строя. В результате столкновения двух миров — общинного славянского и рабовладельческого мира Восточной Римской империи — славяне, в условиях более высокого уровня развития производительных сил, укрепили и сделали господствующей форму зависимости, более прогрессивную, чем рабская. В процессе разложения первобытно-общинного строя они перешли через «военную демократию» непосредственно к строю феодальному, минуя рабовладельческую формацию.

Трудами советских историков разработана аграрная история древней Руси (Б. Д. Греков), история городов, ремесла и торговли (М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков), история государства и права (С. В. Юшков), показан высокий уровень культуры древней Руси

---

[1] «Правда» от 25 декабря 1951 г., стр. 3.

(обобщающий труд по истории культуры древней Руси)[1], ее выдающееся место в мировой истории.

Успешной разработке основных вопросов истории древней Руси способствовали широкие археологические изыскания и новые издания письменных источников («Русской Правды»[2], «Повести временных лет»[3], древнейшего актового материала).

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Древнерусское государство — не первое политическое образование, созданное восточной ветвью славянства. Это огромное по территории государство имело свою длительную историю до того времени, когда Киев стал его объединяющим центром.

Историческая обстановка, в которой развивалось восточное славянство, очень сложна. Здесь мы должны иметь в виду не только отношения восточнославянских племен между собой, не только их связи с непосредственными соседями-неславянами. Необходимо рассматривать развитие восточных славян, учитывая соответствующий этап в развитии мировой истории как народов европейского Запада, так и азиатского Востока. Только тогда мы сможем правильно понять все, что происходило в то время на Восточно-Европейской равнине.

В начале первого тысячелетия н. э. восточнославянские племена и их непосредственные соседи — неславяне — жили еще первобытно-общинным строем. Вокруг Средиземного моря лежала рабовладельческая Римская империя, не перестававшая стремиться к расширению своих владений на западе и востоке.

Опираясь на труд рабов как на основу всего производства, Римская держава не могла не заботиться о пополнении кадров этой своей основной рабочей силы. Главным источником пополнения рабов служили набеги на земли, соседние с Римским государством, и, прежде всего, на земли, населенные германцами и славянами. Греческие и римские рабовладельцы пренебрежительно называли эти народы «варварами» и считали, что сама природа создала их для рабства. В рабов превращали захваченных во время войны пленных.

По мере прогрессивного развития «варварских» племен, их объединения в политические союзы, «варвары», все более и более угрожали

[1] «История культуры древней Руси», т. I—II, М.—Л., 1948—1951.
[2] «Правда Русская», т. I—II, М.—Л., 1940—1947.
[3] «Повесть временных лет», ч. I—II, М.— Л., 1950 (далее — ПВЛ).

существованию рабовладельческого Рима. Положение усугублялось для последнего тем, что римские рабы и угнетенные римскими рабовладельцами народные массы, выступая против своих угнетателей, весьма сочувственно относились к простому, привлекательному для них общественному строю «варваров». Если рабство у них и начало появляться, то положение рабов совсем не было похоже на положение приравненного к живому рабочему инвентарю римского раба.

Столкновение двух миров — рабовладельческого и «варварского»— было неизбежно, и оно произошло именно тогда, когда рабовладельческий строй обнаружил свою непрочность и когда «варвары» сплотились для решительного удара по своему врагу.

Для рабовладельческого мира это столкновение оказалось роковым. Рабовладельческий строй рухнул. «Варвары» расчистили путь для своего дальнейшего развития.

В истории человечества победа «варваров» знаменовала собой наступление новой эры дальнейшего прогрессивного развития. Наступала, по выражению Энгельса, вторая великая эпоха цивилизации, уже не рабовладельческая, а феодальная[1].

Так создавалась средневековая Европа.

Славяне, в частности восточные, в этом процессе играли большую и весьма активную роль. Если Западная Римская империя пала под ударами главным образом германцев при участии славян, то Восточная Римская империя, вступившая на путь феодального развития, под натиском славян вынуждена была уступить им значительную часть своей территории, на которой в VII в. и позже образовалось несколько славянских государств — Болгария, Сербия и др. Следовательно, еще на заре своей истории различные ветви славянства, связанные и этническим родством и близостью культурного развития, сыграли выдающуюся роль в жизни всей Европы.

Главный натиск славян на Восточную Римскую империю имел место в VI в., поэтому вполне понятно, почему восточноримские писатели именно в это время уделяли очень серьезное внимание славянской проблеме и стали много писать о своем сильном, систематически наступавшем на империю враге.

Именно в это время и в этой обстановке рождалось Русское государство. Арабский писатель Масуди, живший в конце IX и первой половине X в., называет, например, восточнославянское политическое объединение в Прикарпатье, которое мы имеем основание относить приблизительно ко второй половине VI в.

---

[1] См. *Ф. Энгельс*. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 183.

В своем сочинении «Золотые луга», говоря о славянах, Масуди указывает: «Из этих племен одно имело прежде в древности власть [над ними], его царя называли Маджак[1], а само племя называлось Валинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена...»[2] Летописный свод начала XII в. «Повесть временных лет», рассказывает, как некогда обры (авары) «воеваху на словенех и примучиша дулебы»[3]. Речь здесь идет не о чешских дулебах, а о дулебах восточнославянских, русских, иначе называемых летописью волынянами, живших по Западному Бугу. Доказательством этому служит огромное количество наименований различных мест с корнем «дулеб», или «дулиб», именно в бассейне Буга и в Предкарпатье. Широкое распространение таких названий говорит о многочисленности дулебов, о занятой ими большой территории, т. е. делает сообщение Масуди весьма вероятным. Наконец, именно на Руси возникла пословица («погибоша аки обре»), связанная с этим сообщением. Союз дулебов распался, по данным Масуди, вследствие внутренних раздоров. «Повесть временных лет» связывает это событие с нашествием аваров в VII в.

Мы имеем здесь древнейшее известие о политическом образовании у восточной ветви славянства. И после распада этого объединения социально-культурная общность продолжала связывать входившие в него славянские племена (волыняне, они же бужане, или дулебы, белые хорваты, уличи, тиверцы, часть древлян) с Приднепровьем.

Параллельно с волынским союзом источники позволяют говорить о союзе антском, просуществовавшем тоже очень недолго. Существование этих предшественников древнерусского государства заставляет признать наличие на Руси необходимых условий создания государства, т. е. соответствующего уровня производительных сил и производственных отношений.

3

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Основным занятием восточных славян было земледелие. Разнообразные хлебные злаки и орудия производства, добытые археологами во время раскопок в различных местах занятой славянством

---

[1] Это собственное имя передано в одном из возможных вариантов: разные специалисты читают его по-разному.

[2] *А. Я. Гаркави.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 135.

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 11—12.

Железный сошник VII в., обнаруженный при раскопках В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге.

Государственный Эрмитаж.

Восточно-Европейской равнины, фольклор и, наконец, уже более поздние письменные памятники убедительно доказывают это положение.

Изменения в технике земледелия легли в основу крупных перемен и в общественном строе славян. Древнее подсечное хозяйство соответствовало первобытно-общинному строю, земледелие пашенное положило основание частной собственности на землю и делению общества на классы.

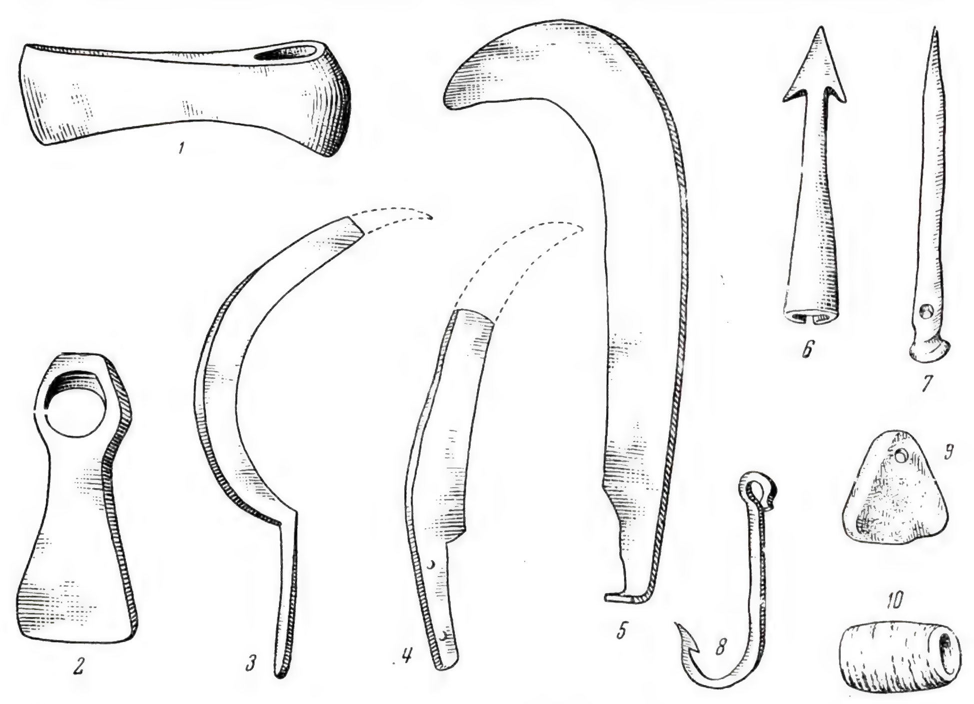
Необходимые для пашенного земледелия взрыхляющие землю орудия — рало, соха — вначале были целиком деревянными, затем появились железные сошники (наральники). Так, при раскопках старого русского города Ладоги прекрасно сохранившийся сошник найден в слоях VII—VIII вв. Однако не следует забывать, что находки эти случайны и по ним нельзя определить точную дату появления железных частей сохи или плуга. Приблизительно к VII—VIII вв. относится начало использования лошади в качестве тягловой силы. В связи с победой пашенного земледелия изменились и форма и размеры поселений. К VII—VIII вв. вместо старого типа родовых поселков появляются неукрепленные сельские поселения с земледельческим и ремесленным населением, а также центры ремесла и торговли, представлявшие собой обычно крепости-города.

Б. А. Рыбаков в своей книге «Ремесло древней Руси» начинает исследование русского ремесла с IV в. н. э. и прослеживает его развитие в течение последующих веков. В VII—VIII вв. он находит уже зарождающиеся города. «Выделение ремесла...,— пишет он,— было решающим фактором превращения большого поселка в город». За отсутствием точных данных о времени появления поселений городского типа в среднем Поднепровье Б. А. Рыбаков ссылается на косвенные показатели. Он указывает на наличие около больших поселений в среднем Поднепровье огромных кладбищ по тысяче и больше курганов, что говорит о длительности существования этих поселений и их значительной заселенности [1].

По свидетельству иностранцев, на Руси в IX в. уже было много таких городов, поэтому и всю страну иноземцы иногда называли «страной городов». Появление городов — показатель очень серьезных сдвигов в истории общественных отношений. «С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена,— товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская». Первоначально, как подчеркивает Энгельс, «все это, однако, еще в весьма неразвитом виде» [2]. «Недаром,— говорит далее

[1] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 97—99.

[2] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 169.

Сельскохозяйственные и промысловые орудия VIII—X вв.: *1* — топор, *2* — мотыга, *3 — 5* — серпы, *6* — наконечник копья, *7* — костяная игла для вязания сетей, *8* — рыболовный крючок, *9—10*—грузила для сетей.

Энгельс,— высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию»[1]. Надо помнить указание И. В. Сталина о том, что товарное производство обслуживало и рабовладельческий строй и феодализм. Древнейшими русскими городами были Киев, Новгород, Чернигов, Переяславль и др. «Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом... от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и тянется через всю историю цивилизации до нашего времени... Вместе с городом появляется и необходимость администрации, полиции, налогов и т. д...»[2]

Внутренний процесс развития славянского по преимуществу общества в VII—VIII вв. привел к вполне определенным результатам: классовый строй этого общества достиг того состояния, когда возникновение государства, уже более прочного, чем, скажем, территориально-политическое объединение волынян и антов, сделалось необходимостью.

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 170.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IV, стр. 40.

Материалов для суждения об общественном строе этого периода очень мало: археологические данные, случайные свидетельства соседних народов и более поздние русские письменные источники, из которых приходится извлекать по крупицам все то, что в них имеется о более раннем времени. При таких условиях, конечно, очень трудно дать полную картину общественного строя восточных славян этого периода.

Однако этот материал дает ясное представление о характере переходного периода в истории общественного строя Руси: с одной стороны, мы видим здесь черты умирающего первобытно-общинного строя, а с другой — успешно растущие элементы феодализма. Наличие полупатриархального-полуфеодального общества характеризует историю нашей страны в VI—VIII вв.

Восточное славянство в это время представляло собой совокупность мелких сельских общин (в отдельных случаях патриархально-родовых), между которыми экономические связи были очень незначительны. Если говорить о некоторых экономических связях, то надо иметь в виду города с их ремеслом и торговлей. Но и города в большинстве еще не настолько окрепли, чтобы поставить деревню в сколько-нибудь значительную от себя зависимость. Все бо́льшую роль в этом направлении начала играть растущая землевладельческая знать.

Сравнительное изучение древнегерманской и древнерусской общины привело Маркса к заключению, что «все тут (в русской общине.— *Ред.*) абсолютно, *до малейших деталей*, тождественно с *первобытной германской* общиной»[1]. Это значит, что русская община в истории нашей страны сыграла ту же роль, что и германская община на Западе: она не дала развиться рабству в рабовладельческую формацию, способствовала, в условиях более высокого (чем в рабовладельческих странах) уровня развития производительных сил, победе более прогрессивной формы общественных отношений — феодализма, в основе которого лежит труд не раба, а крестьянина, в той или иной форме попадающего в зависимость от феодала.

Конечно, пережитки этого общинного строя не могли не найти отражения в наших более поздних источниках.

В древнем сборнике русского права начала XI в., так называемой «Правде Ярослава», нормы которой создавались задолго до Ярослава, примерно в VII—VIII вв., мы имеем упоминание об общине под северным термином «мир»[2]: «Аще поиметь кто чюжь конь,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., том XXIV, стр. 126—127 (письмо к Энгельсу).

[2] «Правда Ярослава» дошла до нас в северной, новгородской редакции.

любо оружие, любо порт, а познаеть в своемь миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду» (ст. 13)[1]. «Мир» — уже не патриархальная домашняя, а соседская община, знающая частную собственность и индивидуальное хозяйство. «Правда Ярослава» защищает интересы «мужей», т. е. свободных людей, земельных собственников. В ст. 13 «Правды» говорится именно о таком «муже», у которого украли коня, оружие или платье и который ищет свои пропавшие вещи. Если он нашел их в «своем миру», он может их взять себе без всяких особых процедур. «Свой мир» по отношению к данному «мужу» — это община, с которой он так или иначе связан. Связь естественнее всего выражалась в том, что «муж» либо сам жил на территории общины, либо владел здесь землей, которую обрабатывала его челядь.

В «Правде» сыновей Ярослава середины XI в. княжеское феодальное имение изображается либо в непосредственном окружении крестьянских миров-общин, либо находящимся в общине, являясь, быть может, резиденцией землевладельца, успевшего распространить свою власть на эту общину. Здесь община упоминается под южным термином «вервь», хорошо известным также хорватскому Полицкому статуту.

Об этом ясно говорится, например, в ст. 19—20 «Правды»: «Аще убьють огнищанина (представитель землевладельческой знати, близкой к князю.— *Ред.*) в обиду, то платити за нь 80 гривен (гривна — денежная единица.— *Ред.*) убийци, а людем не надобе...»; «А иже убьють огнищанина в разбои, или убийца не ищуть, то вирное платити в ней же верви голова начнеть лежати». Стало быть, если убийца отыскан, он сам и платит виру; община в таком случае не отвечает. Если же убийца не разыскан, то отвечает та община, на территории которой нашли труп убитого.

Наличие общины, совершенно четко отмеченное в «Правде», дошедшей до нас в записи XI в., несомненно не только для X, но и для IX и VIII вв. и еще более глубокой древности. Наличие общины полностью подтверждается и работами наших археологов, имеющих возможность проследить и распад общины и появление классового общества.

В «Русской Правде» и договорах Руси с Византией мы имеем дело с обществом классовым, уже прошедшим значительный исторический путь.

Древнейшие статьи «Правды» больше всего интересуются «мужами». Они владеют имуществом на праве собственности, живут трудом своей челяди, не расстаются с оружием, которое укрепляет их власть внутри страны и делает их сильными в борьбе с внешним врагом. Когда в 911 г.

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 71.

был подписан договор между Русью и Византией, со стороны Руси договор заключали князь Олег и знать, т. е. находившиеся «под рукою его» князья и бояре [1]. Часть этой знати договор 944 г. перечисляет поименно: от великого князя русского Игоря посылается в Константинополь уполномоченный посол — Ивор, от сына Игоря Святослава — Вуефаст, от жены Игоря, княгини Ольги — Искусеви, от племянника князя Игоря — Слуды, от боярина Володислава — Улеб, от Предславы (очевидно, вдовы боярина) — Каницар, от Сфандры, жены Улеба — Шихберн и т. д. Свита княгини Ольги, сопровождавшая ее в 957 г. в Константинополь, была составлена по тому же принципу.

Очень важные подробности сообщают договор 944 г. и греческое описание посольства княгини Ольги 957 г. Русская знать отправляет в Византию своих уполномоченных, у которых имеется собственная свита, следовательно, сами уполномоченные также люди влиятельные, но уполномочивают их еще более богатые и знатные люди. Особенно характерно в этом отношении то, что женщины-вдовы также посылают своих уполномоченных. Очевидно, у перечисленных в договоре вельмож и, надо предполагать, у жен и вдов знати имеются свои дворы с усадебной оседлостью, хозяйственными постройками, землей, обрабатываемой руками «челяди», известное количество военных и невоенных слуг, живущих за счет своего хозяина. От этих крупных боярских фамилий и посылались представители для заключения договоров с греками. В случае смерти боярина во главе фамильного дома (двора, замка) становилась его вдова. Она также посылала своего представителя в Византию. Все это говорит об устойчивости крупных земельных владений, переходивших от отцов к женам и детям, об организованности этих дворов, собиравших под властью своего хозяина значительные людские массы. Становятся понятными также упоминания в «Повести временных лет» о замке княгини Ольги в Вышгороде («бе бо Вышегород град Вользин») [2], об ее селах, среди них — о селе Ольжичи, принадлежавшем, как говорит летописец, именно княгине Ольге.

В Новгороде князь также владел землей. Указания на это относятся лишь к самому началу XI в. но, несомненно, так было и в IX в. В 1015 г. упоминается княжеское село Ракома под Новгородом. Оно, конечно, «окняжено», т. е. было захвачено князем, значительно раньше. Мы имеем в летописи шесть упоминаний о княжеских селах в X в.

Там, где земледелие было главным занятием населения, боярин заводил небольшое, обслуживаемое челядью, хозяйство, так как оно

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 32—37.
[2] Там же, стб. 60.

было рассчитано на удовлетворение непосредственных нужд хозяина и его дворни. Рынок совсем не требовал сельских продуктов, либо требовал их в очень ограниченном количестве. Главный продукт питания русских людей не только в IX в., но и в предыдущих веках — хлеб произрастал на земле, принадлежавшей общинам или отдельным собственникам и прежде всего князьям и окружавшей их знати. Эта же знать питалась и мясом собственных домашних животных и птиц; солодовое пиво, упоминаемое в «Русской Правде» наряду с домашним скотом и птицей, также приготовлялось в их собственных хозяйствах. Знать кормилась от своих имений, приобретая значительную часть богатств также на войне.

Киевский князь Владимир Святославич говорил: «Дружиною налезу (добуду.— *Ред.*) сребро и злато, якоже дед мои и отець мои доискася дружиною злата и сребра»[1]. Дед и отец Владимира — Игорь и Святослав — действительно добыли с дружиной много ценностей. Игорь даже поплатился жизнью за свою чрезмерную алчность. Князья и другие феодалы брали, конечно, не только золото и серебро, но и все, что было легко превратить на византийских рынках в золото и серебро. Ценности поступали к князьям и дружине не только в виде военной добычи, но и путем взимания наложенной на народ и «узаконенной» государством дани.

Дань собирали прежде всего, конечно, князья, но не только они. Князья представляли право сбора дани также боярам, например, князь Игорь, а потом и Святослав — Свенельду: «и примучи [Игорь.— *Ред.*] Угличе и возложи на ня дань, и вдасть Свенельду, и дасть же дань деревьскую Свенельду; и имаше по черне куне от дыма». Дружина князя Игоря находила, что для одного мужа это даже слишком много («и реша дружина Игореви: „се дал еси единому мужеви много“»)[2]. Очевидно, князья давали это право и другим мужам своих дружин, на что и намекает «Повесть» в рассказе о легендарном князе Рюрике, который якобы «раздая мужем своим грады».

Несмотря на наличие определенных единиц обложения и норм сбора дани («по беле и веверице от дыма», «по черне куне», «по щьлягу», «от Новагорода гривен 300 на лето»), размеры ее зачастую определялись аппетитом сборщика и терпением плательщиков. Кроме того, в определении размера дани не было единообразия: сумма дани с Новгородской земли определялась, исходя из предположения, что новгородские правители будут собирать эту сумму сами, согласно установившимся у них обычаям; за радимичами была оставлена такая же дань, какую

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 126.

[2] Цитата дана по восстановленному А. А. Шахматовым тексту. «Разыскания о древнерусских летописных сводах». СПб., 1908, стр. 543—544.

они платили хозарам, когда находились под их властью («...и вдаша Ольгови по щьлягу, якоже и козаром даяху»); на северян же была наложена дань, облегченная по сравнению с той, какую они платили хозарам: «возложи [Олег] на нь дань легку»[1] и т. д.

В середине X в. княгиня Ольга провела в этой области реформу. Под 946 и 947 гг. в «Повести временных лет» по этому поводу имеется очень важное сообщение. Ольга с дружиной объездила значительную территорию с явной целью «уставления» своей земли. Она «уставляла» «уставы», «уроки», «оброки» и «дани», намечая при этом «становища» и «погосты» — административно-финансовые центры сбора платежей в пользу государства и лиц, получавших от власти право на эти сборы[2]. В этих «становищах» и «погостах», несомненно, предполагалось пребывание представителей княжеской власти, подобных Свенельду.

Князья являлись землевладельцами, окружавшая их знать — бояре, не отличалась от князей в этом отношении. Стала вырабатываться практика пожалования государственной властью земли представителям растущей феодальной знати.

Очень интересен в этом отношении факт, записанный Нестором в его «Житии Феодосия Печерского». В самом начале XI в., когда Феодосий был еще ребенком, отец его, очевидно, находившийся на службе у киевского князя, из г. Василева был, по распоряжению князя («князю тако повелевшу»), переведен в Курск. Здесь на новом месте у него оказалось имение[3]. Нет ничего невероятного в том, что именно князь обеспечил своего слугу землей на месте его новой службы.

Первый известный нам факт пожалования земли в полную собственность относится лишь к середине XI в., но из рассказа об этом видно, что это было далеко не первое пожалование такого рода. Киево-Печерскому монастырю понадобилась для стройки земля над пещерами. Монахи, зная, что без княжеского пожалования землей пользоваться нельзя, обратились с соответствующей просьбой к князю Изяславу. Князь охотно согласился исполнить их просьбу и «посла к ним болярина своего, дасть им гору ту»[4]. Ясно, что уже давно успели выработаться правила юридического оформления сделок подобного рода. Есть основания думать, что и Владимир Святославич жаловал земли церковным учреждениям.

Итак, на Руси оформилась и развивалась феодальная собственность на землю.

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1. стб. 24.

[2] Там же, стб. 59—60.

[3] «Патерик Киевского Печерского монастыря» (далее —«Патерик»), СПб., 1911, стр. 16.

[4] Там же, стр. 13.

Развитие частной, в том числе и феодальной, собственности есть объективно закономерный экономический процесс развития способа производства. «Частная собственность образуется повсюду в результате изменившихся отношений производства и обмена, в интересах повышения производства и развития сношений, следовательно, по экономическим причинам» [1]. Это необходимый экономический процесс [2], результат непрекращающегося роста производства, а вместе с ним и производительности труда [3].

Княжеские соратники — дружинники — в IX—X вв. составляли преобладающий слой феодальной знати, но рядом с этими людьми в наших источниках стоят «старцы градские», или «старейшины». Это тоже знать, но местная, ведущая свое происхождение от родовых старшин. Иногда их называют, в отличие от княжеских бояр, боярами земскими. Владимир Святославич на свои пиры созывал «...боляры своя и посадникы [и] старейшины по всем градом» [4]. В церковном уставе Ярослава XI в., правда, дошедшем до нас в списках не ранее XV в., упоминаются бояре большие и меньшие, «нарочитые» городские люди и сельские люди, или «простая чадь». Социальное расстояние между этими группами можно определить на основании существовавшей системы штрафов за оскорбление представителей этих групп: 250, 150, $22^1/_2$ и $17^1/_2$ гривен кун [5].

К высшим слоям общества надо отнести и богатых купцов, которые, вероятно, в церковном уставе Ярослава подразумевались под термином «городские нарочитые люди». В договорах с Византией ясно обрисовано их положение. Они стоят на втором после бояр плане, имеют при себе не золотые, а серебряные печати, в сношениях с греками играют, по сравнению с князем и боярами, роль второстепенную.

Различные группы господствующего класса создавались веками. Сохранившиеся источники X в. подытоживают длительный исторический процесс формирования господствующего класса.

Первое упоминание об эксплуатируемой части населения мы находим под термином «челядь» в тех же договорах Руси с греками. Этот же термин упоминается и в древнейшей «Русской Правде». Термин «челядь» связан со словом «челядо», которое еще в XVI в. означало «сын»,

---

1 *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1950, стр. 152.

2 См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 392.

3 См. *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 168—169.

4 ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 125.

5 «Памятники русского права», вып. 1, М., 1952, стр. 259; *Н. И. Хлебников.* Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872, стр. 106.

Сбор дани князьями
Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

«ребенок», и «челядин» — холоп, раб. Повидимому, термин «челядь» (равно как и «чадь», отсюда «чадо», «домочадец») возник в очень отдаленные времена, тогда он покрывал собой и пленных рабов, и слуг, и младших членов одной патриархальной домашней общины (большой семьи). Позднее термин «челядь» закрепляется за патриархальными рабами, игравшими в хозяйстве своих знатных господ различную роль — от привилегированных слуг до рядовых, выполнявших самые тяжелые работы.

«Челядь» захватывали во время войн и набегов, «челядинами» становились также в результате продажи и закабаления. Постепенно господствующая знать переходит от эксплуатации «челяди» к закабалению и эксплуатации общинников, и тогда старый привычный термин «челядь», обозначавший патриархальных рабов, начинает применяться и к новым категориям зависимого населения, не рабам.

Понятие челяди изменяется. Показательно, что в древнеславянских переводах библейских и евангельских текстов XI—XII вв. термину «челядь» уже ни разу не соответствует понятие «раб». Поскольку переводчики Библии стремились к максимальной точности, мы

должны серьезно считаться с этими фактами, имеющими подтверждение и в русских источниках. Следовательно, челядь в XI в.— это все слуги, эксплуатируемые богатым человеком.

Впрочем, этот старый термин скоро перестает соответствовать новым общественным отношениям и выходит из употребления. Появляются новые слова для обозначения более дифференцированного состава непосредственных производителей, обязанных работать на хозяина. Слово «холоп» начинает обозначать зависимого слугу и раба; терминами «рядович» и «закуп» обозначается та часть зависимых от землевладельцев людей, которая вынуждена была идти к ним в кабалу. Наконец, весьма старый термин «смерд» — «смерды», обозначавший когда-то человека вообще, земледельческую массу в целом, остается за земледельцем и тогда, когда он попадает в состав зависимых от феодала-землевладельца людей и обязывается государственной властью делиться с ним плодами своего труда.

Так формируются общественные отношения, которые мы не можем назвать иначе, как феодальными.

Новые археологические данные и показания письменных источников, рассмотренные в свете марксистского учения о базисе и надстройке, позволяют трактовать VI—VIII вв. в истории восточного славянства как переходный период от первобытно-общинного строя (на последней стадии его развития) к классовому, феодальному обществу, как переходный период от «военной демократии» к раннефеодальному относительно единому государству. Этот период можно назвать полупатриархальным-полуфеодальным.

Нашей древности, несомненно, известно патриархальное рабство. О рабах говорят уже византийские свидетельства о славянах; и особенно интересно сообщение византийского писателя VI— начала VII в. Маврикия. Маврикий знает рабов у славян и антов, но спешит подчеркнуть, что эти рабы ничего общего не имеют с хорошо ему известными римскими рабами. «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая [срок плена] определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться во свояси, или остаться... на положении свободных и друзей»[1], т. е. пленникам предоставляется возможность либо за выкуп возвратиться домой, либо остаться на положении людей если и зависимых, то, во всяком случае, не рабов в античном смысле слова. Маврикий не ошибся, славянская народная масса в это время состояла в основном из свободных членов общин; внутри них шел процесс выделения богатых людей, которые,

[1] «Вестник древней истории» (далее — ВДИ), 1941, № 1, стр. 253.

обзаведясь собственностью, сумели поставить в зависимость от себя часть своих недавних соседей, а также обзавестись рабами.

Этот процесс, приводивший часть крестьян-общинников к зависимому положению, наметился давно, вместе с появлением частной собственности на землю и имущественного неравенства среди членов соседской общины. К VIII—IX вв. он привел к вполне определенным результатам и позднее четко отмечен в «Правде» Ярослава и его сыновей.

Рост феодальной земельной собственности связан с обращением в феодальную зависимость непосредственных производителей материальных благ. В этом и состоит значение феодальной земельной собственности как основы феодализма, т. е. системы производственных отношений, основанных на эксплуатации собственниками земли непосредственных производителей материальных благ.

Непосредственные производители разными путями попадают в зависимость от людей богатых и знатных. Одни лишаются средств производства и идут в кабалу (рядовичи, закупы), другие, владевшие средствами производства (смерды), принуждаются к подчинению феодальной знатью и государственной властью.

Преобладающей формой эксплуатации зависимого населения является примитивная отработочная докапиталистическая рента. Основой эксплуатации является феодальная собственность на средства производства, определенную роль играет внеэкономическое принуждение, широко поддерживаемое новой надстройкой — феодальным государством.

4

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРМИНА «РУСЬ»

«...Государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью»[1]. Такая необходимость, несомненно, появилась у восточных славян в известный момент их общественного развития, но трудно точно определить время ее возникновения. Это объясняется не только скудостью наших источников, но и тем, что процесс возникновения государства протекает, по выражению Энгельса, «незаметно»[2]. Мы знаем, однако, что

---

[1] *Ф. Энгельс.* Указ. соч., стр. 180.

[2] Там же, стр. 117.

государственная жизнь восточного славянства началась задолго до возникновения древнерусского государства, что истоки ее нужно искать в ту эпоху, когда склавины и анты, успешно борясь с Византией, частью на отнятой у нее территории (южные славяне), частью на своей собственной (анты), стали образовывать политические объединения, более прочные, чем те, о которых говорят византийские историки VI в. и арабский писатель Масуди.

Уже в VI в. византийские писатели (Прокопий и др.), а также историк готов Иордан свидетельствуют о силе антов. Иордан, говоря о склавинах и антах, подчеркивает, что «анты — храбрейшие между ними», Прокопий пишет о «бесчисленности» антов и т. д.[1] Нельзя также не считаться с данными археологии, которая с полным основанием отмечает картину роста в VII — VIII вв. классового восточно-славянского общества.

Выше было приведено первое сообщение о политическом объединении восточного славянства в Прикарпатье, принадлежащее Масуди. Арабский географ аль-Джайхани, писавший в начале X в., но пользовавшийся источниками более ранними, сообщает о существовании в нашей стране славянских политических объединений, предшествовавших древнерусскому относительно единому государству, — Куябы, Славии и Артании. У каждого из этих объединений, согласно этому известию, был свой «царь»[2].

Куяба — это область с Киевом в центре, т. е. Среднее Поднепровье, Славия — несомненно, Новгородская земля, что касается Артании, то ученым до сих пор не удалось точно приурочить ее к какому-либо крупному центру, но поскольку Джайхани указывает, что она лежит поблизости к «Хазару», вероятнее всего поместить ее где-либо в Приазовье и Причерноморье (может быть, Тмутаракань), тем более, что р. Кубань в древности называлась Вартан или Вардан[3].

Автор «Повести временных лет», сосредоточив все свое внимание на происхождении и успехах киевских князей, дает мало сведений об этом (полупатриархальном-полуфеодальном) периоде нашей истории. Он вполне сознательно ограничил свою тему. Тем не менее он сообщает некоторые сведения о населении Руси и, в частности, о полянах до появления Олега в Киеве, когда Киев уже был центром растущего древнерусского государства.

---

[1] ВДИ, 1941, № 1, стр. 232, 242.

[2] *А. Я. Гаркави.* Древнейшее арабское известие о Киеве. «Труды III Археологического съезда», т. I, Киев, 1878, стр. 347.

[3] *А. И. Соболевский.* «Третье» русское племя. Доклады АН СССР, № 4, Л., 1929, стр. 57; ср. *Б. А. Рыбаков.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. «Краткие сообщения» ИИМК, вып. 43, М., 1952 стр. 3—44.

Нестор в «Повести временных лет» записал предание о том, что до образования древнерусского государства существовали самостоятельные княжества, бывшие полупатриархальными-полуфеодальными территориально-политическими объединениями: у полян — с князем Кием во главе, «а в деревлях свое [княжество], а дреговичи — свое, а словене — свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже и полочане. От сих же и кривичи, иже седять на верх Волгы, и на верх Двины и на верх Днепра, их же и город есть Смоленск... таже северо, от них (северян. — *Ред.*) на Белеозере седять весь, а на Ростове-озере — меря, а на Клещине-озере седять меря же...»[1] и т. д.

В научной литературе давно уже высказывалось мнение, что племенные наименования «Повести» пережили свое подлинное содержание, что этими племенными названиями даже в раннюю пору условно обозначались уже не племена в узком смысле этого слова, а политические объединения вокруг крупных городских центров. Процесс распада первобытно-общинного строя начался задолго до образования древнерусского государства. К такому же заключению привели П. Н. Третьякова археологические наблюдения. Распространение женских украшений (продукт производства городских центров) укладывается, по его наблюдениям, не в границах «древних племенных образований, а в границах формирующихся феодальных областей»[2].

Родовая организация «дальше племени... не пошла,— говорит Энгельс,— союз племен означает уже начало ее подрыва»; «существенный признак государства состоит в публичной власти, отдельной от массы народа»[3]. Эта власть, эксплуатирующая народ, классово ему противостоящая, в то же время была при тогдашней экономической разобщенности общин, по выражению Энгельса, «...условием дальнейшего существования нации...»[4]

Первые русские летописцы времени, предшествовавшего созданию «Повести временных лет», писавшие в Киеве и Новгороде, пытались по-своему решить вопрос о начале государственной жизни своих родных земель — Киевской и Новгородской. Следуя обычной в средние века традиции, согласно которой основателями государств и городов считались определенные люди, летописцы старались найти этих героев в памяти своего народа. Киевский летописец в основу истории родного города положил народные предания. Позднее, уже в киевском летописном своде, известном нам под названием «Повести временных лет»,

[1] ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 8.

[2] *П. Н. Третьяков.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным. «Советская археология», т. 4, М.—Л., 1937, стр. 33—51.

[3] *Ф. Энгельс.* Указ. соч., стр. 100, 122.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 391.

эти предания изложены так: «Быша три братья, — единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив; и сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, гдеже ныне увоз Боричев; а Щек седяше на горе, гдеже ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвася Хоревица. И створиша град во имя брата своего старейшего и нарекоша имя ему Киев... И по сих братьи держати почаша род их княженье в Полях...»

Другой вариант предания летописец определенно отвергает: «инии же не сведуще рекоша, яко Кий есть перевозник был; у Киева бо бяше перевоз тогда с оноя стороны Днепра, темь глаголаху: „на перевоз на Киев“». Если бы это было так, — критикует этот вариант летописец, — то Кий не мог бы ходить в Царьград, «но се Кии княжаше в роде своем, и приходившю ему ко царю, яко же сказають, яко велику честь приял есть от царя»[1].

Автор «Повести» совсем не склонен считать эти предания за достоверные факты и отнюдь не настаивает, чтобы читатель его труда принимал их на веру. Однако даже эти легендарные рассказы говорят о том, что народ древней Руси связывал начало своей истории не с какими-либо внешними факторами (вроде «прихода» варягов), а с фактами своей собственной внутренней жизни, протекавшей задолго до варягов и независимо от них. Это, конечно, не значит, что скандинавы-варяги вообще не знали Киева и совсем не проникали сюда. Но говоря о старых связях Киевской земли с соседями, надо иметь в виду прежде всего Крым, Кавказ, Византию, Болгарию, т. е. страны южные, юго-восточные и юго-западные, а не северные; с севером и варягами связи Киева установились позднее.

Совсем другое предание сохранилось на севере, по Джайхани — в «Славии». Северные славянские и финские земли, как и славянские южные земли, имели свою летописную историю.

Составитель летописного свода времен Мономаха, использовавший более старые летописи — новгородскую и киевскую, — мало интересовался местной жизнью общества и северного и южного; его интересовала прежде всего история утвердившейся в Киеве княжеской династии, происхождение которой ему самому было неизвестно. До легенды о «призвании» Рюрика он сообщает лишь отдельные, случайные факты. Он не объясняет, как следует, кто такие варяги, откуда они явились в Новгородской земле и как они стали брать дань со славян (новгородских), кривичей, чуди, мери и веси. Мельком касается он вопроса о подчинении хазарами полян, северян и вятичей. Однако, когда дело касается истории княжившей в Киеве династии, киевский придворный летописец спешит использовать ходившие тогда предания, частично

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 9—10; т. II, стб. 7—8.

записанные в новгородском летописном своде первой половины XI в. Как легко можно убедиться, он использует новгородские сказания в своих собственных целях.

Так, в Новгородской летописи после рассказа о том, как новгородцы, кривичи и чудь, вынужденные одно время платить варягам дань, прогнали их и «начаша владети сами собе и городы ставити»[1], как у них начались внутренние войны между собой, сообщается о «призвании» новгородцами трех братьев — Рюрика, Синеуса и Трувора.

Составитель киевского свода пропустил место о насилиях, которые чинили варяги, но указал на их изгнание, на появление «усобиц», сделавших «призвание» князей, по его мнению, целесообразным и даже необходимым. Такой подход киевского придворного летописца к новгородскому летописному преданию вполне понятен, ибо именно этот летописец связал родословную великих князей киевских с легендарными варягами. При этом ни придворный летописец, ни его читатели не знали многочисленных фактов, говорящих о существовании государства на Руси задолго до того, когда, по мысли киевского книжника, произошло «призвание».

Среднее Приднепровье, этот важнейший очаг восточнославянской культуры, впитавший элементы древних культур, в своем социальном развитии шло впереди других районов Восточной Европы, заселенных славянскими племенами; естественно, что здесь после разрушения политического союза дулебов государственность возникла довольно рано, вероятно, раньше, чем в Новгороде или в Приазовье.

О наличии восточнославянских, иначе русских, крупных политических образований в начале IX в. свидетельствуют, между прочим, и первые известия о походах Руси против хазар и Византии.

Первые сведения о русских походах на юг содержатся в случайных указаниях греческой житийной литературы. В житии Стефана Сурожского сообщается, что сильное русское войско во главе с новгородским князем Бравлином[2] опустошило все побережье Крыма от Херсонеса до Керчи. Этот набег относится к концу VIII или первой четверти IX в. В «житии» Георгия Амастридского говорится о нашествии Руси на малоазиатское побережье Черного моря — от Пропонтиды до Синопа. Время этого нашествия приходится на вторую четверть IX в. (до 842 г.)[3].

---

[1] «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов» под ред. А. Н. Насонова (далее — НПЛ), М.— Л., 1950, стр. 106.

[2] Речь идет о Новгороде на Волхове. В славянском житии Стефана Сурожского между прочим сказано, что «по смерти» Стефана «мало лет мину, прииде рать велика русскаа из Новаграда князь Бравлин силен зело». *В. Г. Васильевский.* Труды, т. III, Пг., 1915, стр. CCLXIX—CCLXXI.

[3] *В. Г. Васильевский.* Труды, т. III, стр. 64—65.

О новом нашествии Руси на Византию 18 июня 860 г. сообщают сами византийцы. Прибыв на своих кораблях, русы осадили Константинополь. Чтобы снять осаду столицы, император Михаил должен был заключить с ними договор «мира и любви»[1]. Мы имеем здесь указание на первый договор Руси с греками.

Однако Русь не только воевала с Византией, но и вела с ней торговлю, вступала в дипломатические отношения. В Бертинских анналах под 839 г. рассказывается о посольстве византийского императора Феофила к императору Людовику I Благочестивому. В записи об этом посольстве говорится: «послал он (византийский император.— *Ред.*) с ними (послами.— *Ред.*) также некиих [людей], которые говорили, что их (т. е. их народ.— *Ред.*) зовут рос [Rhos], и которых, как они говорили, царь их, по имени хакан [Chacanus], отправил к нему (Феофилу.— *Ред.*) ради дружбы. В упомянутом письме [Феофил] просил, чтобы император милостиво дал им возможность воротиться [в свою страну] и охрану по всей своей империи, так как пути, какими они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, и он не желал бы, чтобы они, возвращаясь... подвергались опасности»[2].

К 866—867 гг. нужно отнести не дошедший до нас договор Руси с Византией «о союзе и дружбе», закрепленный со стороны Руси принятием частью знати христианства. В некоторых намеках послания византийского патриарха Фотия можно видеть весьма хорошее знакомство византийских дипломатов с новым политическим образованием на далеком от Константинополя северо-востоке Европы — Русским государством и с его политическими видами.

О торговле Руси с Византией еще в первой половине IX в. имеются известия арабского писателя Ибн-Хордадбеха. Торговля шла по Черному морю, которое тогда и называлось морем Русским. Позднее Русь ставит себе задачу выйти на мировой рынок Константинополя и добивается этого в X в. Константинополь вовсе не был рынком для каждого народа. В Константинополе можно было торговать, признав над собой власть империи или добившись от империи признания известной политической значимости, внешним выражением чего являлся договор. Принудить империю признать свое существование как договаривающейся державы Русь могла только рядом походов на Византию.

---

[1] *П. Успенский.* Четыре беседы Фотия. СПб., 1864, стр. 1—31; *Х. М. Лопарев.* Старое свидетельство... применительно к нашествию русских на Византию в 860 г. «Византийский временник», т. II, вып. 4, СПб., 1895, стр. 581—628; *Е. Э. Липшиц,* О походе Руси на Византию ранее 842 года. «Исторические записки», № 26, стр. 312—331.

[2] «Monumenta Germaniae Historica», SS., t. I, 1877, p. 434.

Вопрос о том, жители какой части Руси совершали нападения на Черноморское побережье в первой половине IX в., давно уже интересовал историков и решался ими по-разному. В связи с известиями об этих нападениях даже родилась гипотеза об особой причерноморской Руси.

Данные для решения этого вопроса имеются в изложенном выше сообщении Бертинских анналов. Послы народа «Рос» не могли вернуться к себе из Константинополя прямым путем потому, что степи Причерноморья оказались захваченными кочевниками — печенегами, незадолго до того оттеснившими мадьяр на запад от Днепра и, очевидно, враждовавшими с Русью. Русью же этой не могла быть никакая иная, кроме той, что имела своим центром Киев. Именно киевские русские князья именовались каганами. Каганом называет «царя» Руси арабский писатель X в. Ибн-Русте[1]. Этим титулом русские источники называли еще князей Владимира и Ярослава. Посольство к императору Феофилу, о котором говорят Бертинские анналы, могло преследовать только одну цель — установление союза с Византией перед лицом нового опасного врага — печенегов. О том, что Византия была весьма обеспокоена появлением этих кочевников, видно из тех забот, какие были приложены Феофилом для благополучного возвращения послов русского князя. Очевидно, Византия возлагала серьезные надежды на помощь Руси в борьбе против печенегов, которых не могли удержать хазары и мадьяры. Русь не один раз спасала Византию от подобной опасности.

Составитель древнейшего из дошедших до нас княжеского летописного свода, описывая историю Русского государства, использовал, однако, не эти, оставшиеся ему неизвестными, факты, а предание о «призвании» князей.

Предание это лишено исторической достоверности и ни в какой мере не может служить источником при изучении образования древнерусского государства.

Укрепление и рост огромного по территории древнерусского государства начались с момента объединения русских и нерусских земель вокруг Киева и, в частности, с включением Новгорода под власть князя, сделавшего Киев центром своих владений. Следовательно, растущая феодальная знать уже в это время испытывала нужду в сильной великокняжеской власти, исторически сложившейся в южной Руси, где киевские князья сумели обзавестись значительными земельными владениями, войском и т. п.; поддержка местной знати обеспечила быстрое распространение власти киевских князей на территорию Руси и подчинение им правителей разных земель.

---

[1] *А. Я. Гаркави.* Сказания мусульманских писателей..., стр. 267.

* * *

С решением вопроса о происхождении государства на Руси в историографии обычно связывался и спор о происхождении слова «Русь».

Старый, чрезвычайно осложненный и запутанный так называемый варяжский вопрос делил дворянских и буржуазных ученых, начиная с Ломоносова, на два лагеря — норманистов и антинорманистов.

Норманисты полностью принимали летописную легенду о возникновении Русского государства и происхождении династии русских князей в результате «призвания» варягов. Антинорманисты, не отрицая решающего, по их мнению, факта «призвания», старались доказать, что призванная «Русь» — это не скандинавы. Одни выводили славян из Принеманской области, другие считали, что варяги — это славяне-вагры с Балтийского моря. Часть антинорманистов настаивала на том, что термин «Русь» — местный, восточнославянский. Была попытка объяснить происхождение термина «Русь» даже от готского племени. Легенда о «призвании варягов» много веков находилась на вооружении идеологов феодального государства и была использована русской буржуазной наукой. Это и понятно, ибо, как указывал В. И. Ленин, «едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономии и публицистики, как вопрос о государстве»[1].

Ныне американо-английские фальсификаторы истории и их белоэмигрантские прислужники — космополиты вновь стараются использовать эту легенду в своих гнусных целях, тщетно пытаясь оклеветать славное прошлое великого русского народа. Но их попытки обречены на провал.

Сейчас ясно, что легенда о призвании трех братьев является тенденциозным сочинительством летописца, попыткой ответить на интересовавший современников вопрос о происхождении княжившей в Киеве династии. Аналогичные рассказы передавали и западноевропейские хронисты. Например, Видукинд Корвейский рассказывал, что бритты обратились к Генгисту и Горзе (предводители англо-саксонских дружин) со словами: «Terram latam et spatiosam et omnium rerum copium refertam vestrae mandant ditioni parere», т. е. «землю великую и пространную, множеством благ обильную они вручают их власти»[2]. Такие же попытки мы видим и позднее: усердные биографы

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 434—435.

[2] Monumenta Germaniae Historica, SS., t. III 1879, p. 408—467; *М. М. Стасюлевич.* История средних веков, т. I, СПб., 1913, стр. 433.

Ивана Грозного производили его род от римского императора Августа, род Романовых выводили от некоего знатного прусса Андрея Камбилюса (Кобылы) и т. д.

Нет никаких оснований отрицать появление и деятельность норманских дружин не только на севере нашей территории. Они появлялись в разных частях Европы.

Однако это не имеет никакого отношения к вопросу об образовании Русского государства.

Предположение же о какой-либо норманской колонизации Руси не подтверждается археологическими раскопками. В огромном Гнездовском могильнике (близ Смоленска) среди сотен славянских курганов имеется лишь несколько могил скандинавского типа с трупосожжением в ладьях и некоторыми специфическими скандинавскими предметами, в частности с «молотками Тора» — эмблемой скандинавского бога-громовика. Большой курган, насыпанный над княжеским погребением X в.,—славянский как по обряду погребения, так и по инвентарю. По последним археологическим данным, Старая Ладога тоже была поселением славянским (раскопки В. И. Равдоникаса). В княжеских курганах IX—X вв. Киевской и Черниговской земель скандинавские вещи не встречаются. Не найдено скандинавских погребений и в Ростово-Суздальской земле. Вообще находки скандинавских предметов в курганах IX—X вв. обычно сочетаются с преобладающими здесь славянскими или мерянскими, господствует также славянский обряд погребения.

Скандинавский «звериный стиль» не получил развития в русской орнаментике. Правда, найдено немало так называемых франкских мечей, но они были западноевропейского, а не скандинавского происхождения и попадали на Русь непосредственно из Западной Европы[1]; в самой Скандинавии такие мечи также были привозными. Таким образом, археологические материалы не говорят о сколько-нибудь заметном норманском влиянии. Точно так же весьма показательно почти полное отсутствие в древнерусской военной и морской терминологии слов норманского происхождения.

Скандинавы времен викингов стояли на более низкой стадии общественного и культурного развития, чем восточные славяне, и уже по одному этому не могли принести с собой на Русскую землю ни новой и более высокой культуры, ни государственности.

Что же представляет собой термин «Русь»? Затянувшаяся в дворянско-буржуазной историографии полемика о том, следует ли отождествлять варягов с Русью и, следовательно, считать ее норманской,

[1] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 223—228.

исходила из нескольких мест «Повести временных лет»: 1) географического введения, где Русь — один из северогерманских народов, наряду со шведами и норвежцами; 2) легенды о «призвании» варягов, где указывается, что от призванных варяжских князей, приведших с собой «всю Русь», пошло название «Русская земля». Под 898 г. в «Повести временных лет» написано: «а словенеск язык и рускый один; от варяг бо прозвашася Русью, а первее беша словене; аще и поляне звахуся, но словеньская речь бе. Полями же прозвашася, занеже в поле седяху; язык словеньскый бе им един»[1]. Таким образом, термины «славяне» и «Русь» тождественны по значению, но термин «Русь» появился позднее и пришел, по мнению летописца, с севера — от варягов (скандинавов).

Последующие исследования показали, что отождествление варягов с Русью в летописных текстах не является первоначальным; оно введено лишь составителем «Повести временных лет», а в более древних текстах отсутствует. Некоторые варяжские дружины стали называться «Русью» после того, как прослужили известное время наемниками в русских войсках, в Киеве.

Термин «Русь» не скандинавский. Времена викингов его не знают; в рунических надписях и древней северной литературе наша страна называется Гардар или Гардарики; Rusia — термин сравнительно редкий, взятый не из живой речи, а книжный и вошедший в обиход в скандинавские языки лишь в XIII—XIV вв. Корень же «рус», «рос» широко распространен в топонимике (географических названиях) Восточной Европы от Новгорода до Киева, от Немана до Волги; с ним связываются такие древние этнические обозначения, как роксаланы, росомоны; сирийский источник VI в. в северо-восточном Причерноморье указывает народ рос (hros)[2]. С первой половины IX в. в византийских и других источниках встречаются корни «рос»-«рус», тесно связанные с южной географической и этнической терминологией. Если рассматривать местные географические названия с основой «рус», относящиеся ко времени до укрепления и расширения древнерусского государства в IX—XI вв., в Поднепровье, в Причерноморье, в Галиции и на Волыни, то окажется, что основа «рос»-«рус» встречается в географических названиях всей южной территории восточного славянства.

Судя по летописи, договорам русских с греками и свидетельству Константина Багрянородного, первоначально Русь, Русская земля означала Киевскую, Черниговскую, Переяславскую земли—древ-

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 20.

[2] См. *Н. В. Пигулевская.* Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э. Сб. к 70-летию Б. Д. Грекова. М., 1952, стр. 42—48.

нее территориальное ядро государства. Географическое введение к «Повести временных лет», впрочем, уже объединяет под названием «Русь» на основании общности языка полян, древлян, новгородцев, полочан и др.

Очевидно, эту Русь имел в виду константинопольский патриарх Фотий и в проповедях 860 г. и в окружном послании 866 г., когда говорил о нашествии руси на Византию. Он называет этот народ то ρῶς, то скифами. Ρῶς, или скифы, по словам Фотия,— большой, всем известный народ, за последнее время усилившийся после покорения соседей [1]. Этот же народ называет и византийский писатель X в. Лев Диакон [2].

Следовательно, термин «Русь» имеет этнический смысл, обозначает русский народ. Но Византия, Восток и отчасти Запад имели дело не с широкими массами русского населения, а прежде всего, с дружинами, осуществлявшими военно-торговые предприятия древнерусского государства. В состав этих дружин могли входить также и пришельцы с севера — наемные воины, купцы. Этим, повидимому, и объясняется терминология Константина Багрянородного в рассказе о том, как русские князья ездили в полюдье «со всею Русью» [3]. Нельзя забывать этих соображений и при объяснении «русских» названий днепровских порогов, противополагаемых Константином Багрянородным названиям славянским, и при объяснении противопоставления у некоторых восточных писателей Руси славянам.

Итак, Русью называл себя многочисленный славянский народ, который занял огромные пространства от левых притоков Вислы до Кавказа и далеко к северу по течению Днепра, до Волхова и Ильменя включительно.

5

ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО IX—X ВВ.

Согласно летописному преданию, именно северный, новгородский князь занял Киев [4], который с этого времени и становится «матерью городов русских», центром древнерусского государства. Это событие, согласно летописным данным, произошло около 882 г., когда Олег, князь новгородский, собрал большое войско из новго-

---

[1] *Д. И. Иловайский*. Разыскания о начале Руси. М., 1882, стр. 14.

[2] «История Льва Диакона Калойского», СПб., 1820, стр. 72 и сл.

[3] «Известия византийских писателей о северном Причерноморье», пер. В. В. Латышева. «Известия ГАИМК», вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 10 (в этом издании перевод дан несколько иначе: «со всеми руссами»).

[4] ПСРЛ, т. I, вып. 1. стб. 23.

родских словен, кривичей, чуди, мери, веси, наемников-варягов и хитростью захватил Киев, предварительно заняв Смоленск и Любеч и умертвив киевских князей Аскольда и Дира. Независимо от того, когда и как произошло объединение двух центров — Киева и Новгорода — самое объединение — факт несомненный и по своим результатам чрезвычайно важный.

Киев, безусловно, имел ряд преимуществ перед Новгородом. Он занимал центральное положение среди русских земель; он был ближе к Византии, интерес к которой увеличивался по мере хозяйственных и политических успехов древней Руси. Он находился вблизи от других стран, расположенных по побережьям Черного и Азовского морей (Дунайская Болгария, Крым, Хазария).

Олег прежде всего постарался укрепиться в своей новой столице. При нем был возведен ряд крепостей, установлена постоянная дань с ильменских славян, кривичей и мери, наложена ежегодная уплата определенной суммы денег на Новгород. После этого начались покорение и включение в состав крепнувшего государства соседних славянских земель — древлян, северян и радимичей.

Древляне, жившие по правую сторону Днепра, до тех пор не знали власти киевских князей. У них были свои князья, вышедшие из местной землевладельческой знати. Они долго и упорно защищали свою независимость. Несмотря на это, Олег их все-таки «примучил» и заставил платить себе дань. Однако древляне ждали случая освободиться, что они и осуществили тотчас же после смерти Олега.

Объединяя славянские земли, лежащие к востоку от Днепра, Олег разбил хазар, присоединил к Киеву северян и радимичей. Затем он направил свои дружины в земли, лежавшие между Днестром и Дунаем (тиверцев и уличей). Часть их долго сопротивлялась и сдалась только преемнику Олега — Игорю.

Согласно «Повести временных лет», войско Олега ходило на Царьград. Поход был одновременно морской и сухопутный. Греки, издавна враждебные Руси, захватившие многие земли в северном Причерноморье, вынуждены были пойти на невыгодный мир, после чего был заключен письменный договор, определявший отношения между Русским государством и Византией. В «Повесть временных лет» внесен текст договора, заключенного Олегом в сентябре 911 г. «Повесть» упоминает также и о предшествовавшем договоре 907 г. На существование более ранних договоров достаточно ясно намекает договор 911 г., указывающий на какое-то прежнее соглашение, на «от многых лет межю християны (Византией. — *Ред.*) и Русью бывшюю любовь»[1]. О соотношении текстов

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 22—24.

этих договоров в литературе существуют разногласия. Во всяком случае факт заключения договора в 907 г. не подлежит сомнению, и можно смело утверждать, что выгодный для Руси договор явился следствием удачного похода русских «воев» на Царьград. В этом убеждают и следующие слова из сочинения Константина Багрянородного: «Когда царь Ромейский (византийский император. — *Ред.*) живет в мире с печенегами, то ни Русь, ни турки не могут совершать враждебных нападений на Ромейскую державу (Византию.— *Ред.*), не могут они и требовать от ромеев чрезвычайно больших денег и вещей в уплату за мир»[1]. Здесь имеется в виду не какой-нибудь один поход Руси на Византию, а целая система русско-византийско-печенежских отношений. Константинополь очень хорошо знал и «враждебные нападения» Руси и ее «требования чрезмерно больших денег и вещей в уплату за мир». Константин Багрянородный, возможно, говорит и об удачном походе войск Олега.

Из договора, заключенного Русским государством с Византией в 911 г., ясно, что Византия была побеждена и вынуждена была принять требования Олега. По договору Византия принуждена была разрешить послам русского князя, боярам и купцам посещать Константинополь, причем им устанавливалось особое содержание и определялось место, где они могли проживать (монастырь св. Мамонта). Договор предусматривал беспошлинную торговлю русских в Византии, снабжение их на обратный путь в Русскую землю корабельными снастями и провиантом. Возможные столкновения русских и греков должны были разрешаться также и на основе «закона русского».

Не одна Византия испытывала на себе удары русских дружин. В другой части цивилизованного мира того времени, на юго-востоке от Руси, за кавказскими горами, на западном и южном берегах Каспийского моря, лежали богатые и многолюдные торговые города, простирались плодородные земли, покрытые пашнями, садами и виноградниками.

Походы на Каспий также имели существенное значение для Русского государства. В составе «русов», бороздивших на своих судах вдоль и поперек Каспийское море, были и русские—славяне, и «вои» из финских племен Поволжья, а, по свидетельству Абу-Фараджи, также аланы (осетины) и лезги (лезгины).

Первый поход русов на Абесгун, описанный Мухаммедом эль-Хасаном в «Истории Табаристана», также датируется приблизительно 880 г. В той же «Истории Табаристана» описывается поход русов в 909 г., когда ими были взяты Абесгун и Макале, и нападение их в следующем,

---

[1] «Известия ГАИМК», вып. 91, стр. 6.

910 г. на Сари, Далейман и Гилян. Все три раза русские были отбиты местными правителями, но успевали скрыться с большой добычей[1].

Княжение Олега, таким образом, входит в историю как время быстрого роста древнерусского государства, аналогичного другим европейским раннефеодальным государствам. Древняя Русь в начале X в. охватывала уже значительную территорию. На севере далекий Новгород был обязан платить дань Киеву. На северо-востоке, в Ростове, построенном, повидимому, новгородцами, сидели подручные Олегу князья. Крайними землями, из-за которых еще велась война, были земли тиверцев и уличей.

Население покоренных территорий обязывалось платить Киеву дань и доставлять киевскому князю военную силу. В руках князей и дружинников дань превращалась в товар и шла главным образом за границу, прежде всего в Византию; часть ее обращалась на укрепление государства, на вооружение дружины и «воев» и другие нужды быстро росшего государства.

Однако связь его отдельных земель не могла быть очень прочной. После смерти Олега (по Лаврентьевской летописи — в 912 г., по Новгородской первой — в 922 г.[2]) древляне поднялись против Киева, но преемник Олега Игорь снова подчинил их своей власти. Древляне были вынуждены согласиться на уплату еще большей дани. При Игоре было закончено начатое Олегом покорение уличей, завершившееся после трехлетней войны занятием их города Пересеченя. Над покоренными древлянами и уличами киевский князь посадил своего «мужа» Свенельда, предоставив ему право сбора дани с этих двух славянских земель. Соседние с уличами тиверцы, на чьи земли начал наступать еще Олег, но которые, согласно летописи, ходили с ним в византийский поход не как зависимые от него, а в качестве союзников («...тиверци, яже суть толковины»[3]), тоже были подчинены Игорем: в поход на Константинополь 944 г. тиверцы шли уже наряду с «воями» других подвластных Игорю земель. Имеются определенные свидетельства арабских источников о происходивших в это время русских походах на восток. Масуди говорит о походе войск Руси на Кавказ в 913—914 гг., что подтверждает Мухаммед эль-Хасан. По сообщению современника — арабского писателя Аль-Масуди, в 913—914 гг. русы появились на Каспии на 500 судах, по 100 человек в каждом. Миновав Дагестан, они

[1] См. *Б. А. Дорн.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан. «Записки АН», 1875, т. XXVI, кн. 1, ст. 1—31, 531.

[2] Следует иметь в виду, что летописная хронология в части до конца X в. в основном недостоверна, так как летописец располагал незначительным количеством датированных документов и основывался на преданиях, песнях и т. п.

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 29; НПЛ, стр. 109.

Поход князя Игоря на Константинополь в 944 г. Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

заняли один из островов вблизи г. Баку; остров получил название Русского. Многие месяцы русские господствовали на море. В это же время другой отряд русских, возможно, отделившийся от главных сил, действовавших на западном берегу, предпринял поход к юго-восточному берегу Каспия и высадился близ Ферахабада. Описывая этот поход русских, Аль-Масуди добавляет, что «никто, кроме них, не плавает по этому морю» (Каспию)[1]. Поход русских затронул Гилян, Дайлем, Табаристан, Абесгун и Азербайджан. Возвращаясь домой с большой добычей, русские войска около устьев Волги подверглись нападению хазар и были разбиты.

Хазарский каганат препятствовал установлению связей Руси с народами Кавказа. Примитивное государство кочевников хазар занимало территорию междуречья Волги и Дона, в районе Итиль — Саркел, оно закрывало торговые пути по Северскому Донцу, Дону, Керченскому проливу и Волге[2]. Хазары совершали на славян опустошительные набеги и держали в порабощении некоторые из славянских земель, имевших широко развитое земледелие и ремесла.

Очевидно, неудача на Волге побудила Русь в 944—945 гг. выбрать другой путь для похода на Кавказ. По Черному морю войско Руси направилось вдоль Кавказского побережья, а затем сушей к северу

---

[1] *А. Я. Гаркави.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, стр. 130—131.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Русь и Хазария. Сб. к 70-летию Б. Д. Грекова, стр. 76—88.

от Кавказского хребта вышло к Дербенду. Во время этого похода был взят крупный и богатый город Бердаа[1]. В арабском сообщении о занятии Бердаа сказано, что русы после взятия города «объявили там о пощаде и вели себя хорошо [с жителями]»[2]. Это говорит не о грабительском набеге со стороны Руси на Кавказ, а о более серьезных ее намерениях, осуществленных частично несколько позднее. Вспыхнувшая эпидемия заставила русские силы покинуть этот город и уйти домой.

Игорь продолжал политику Олега и по отношению к Византии. Трудно точно установить, какие причины побудили его совершить поход на Константинополь в 941 г. Весьма возможно, что греки попытались отменить невыгодные для себя условия договора с Олегом.

Пользуясь тем, что греческий флот был отвлечен борьбой с арабами, Игорь предпринял поход на Константинополь. По сообщению «Повести временных лет», в нем участвовало 10 000 судов. Константинополь русским взять не удалось, но они разорили все побережье от Босфора, «Суда» («Суд», «Сунд» — пролив), до Пафлагонии. Однако на этот раз Русь потерпела поражение: ее флот был сожжен «греческим огнем». Игорь ушел в Керченский пролив, откуда часть дружины, повидимому, отправилась на Каспий, а сам Игорь вернулся в Киев с намерением возобновить поход.

«Повесть временных лет» сообщает, что в 944 г. Игорь снарядил второй поход на Византию, одновременно сухопутный и морской, окончившийся для него более удачно: дело до боя не дошло, так как греки предложили выкуп. В 944 г. между греками и Русью был заключен договор о мире[3], который отразил новое соотношение сил между договаривавшимися сторонами. Русь вынуждена была отказаться от части своих прежних преимуществ; между прочим она должна была платить торговые пошлины и взять на себя ряд обязательств по отношению к грекам. Игорь обязался также защищать Византию и, в частности, не пускать в Крым, где были византийские владения, болгар. Повидимому, в результате второго похода Игорю удалось утвердиться в Восточном Крыму (близ Керченского пролива) и на Таманском полуострове (Тмутараканское княжество)[4], но Игорь вынужден был обещать не нападать на византийские владения в Крыму (Корсунская

---

[1] См. гл. 4, § 4.

[2] *В. В. Бартольд*. Арабские известия о русах. «Советское востоковедение», т. I, М.—Л., 1940, стр. 32.

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 53; *М. В. Левченко*. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. «Византийский временник», т. V, М., 1952, стр. 105—126.

[4] *А. Н. Насонов*. Тмутаракань в истории Восточной Европы. «Исторические записки», № 6, стр. 90—91.

страна). Со своей стороны греки обязывались по просьбе русского князя давать ему войско «елико ему будеть требе»[1].

Несмотря на отказ Руси от части прежних преимуществ, договор 944 г. ясно говорит о том, что он был заключен тогда, когда Русь значительно оправилась после неудачного похода 941 г. Авторитет Руси поднялся в результате второго похода 944 г., о котором греки в своих хрониках предпочли не упоминать. До Константинополя на этот раз Игорь действительно не доходил, переговоры Руси с греками о мире, согласно летописным данным, велись на Дунае.

Из договора 944 г. следовало, что Русь территориально соприкасалась с Корсунской страной, что она владела землями в Крыму и из-за своих владений вовлекалась в союз о взаимной помощи с Византией. «Оттоле уведять ины страны, каку любовь имеют Грьци с Русью» (договор 944 г.). Договор 944 г. интересен не только как акт, говорящий о связях Руси и Византии, но и как свидетельство большого влияния Руси на юге, где она имела подвластные себе земли и население в устье Днепра (позднее тут стоял русский город Олешье).

После похода на Византию Игорь «нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большюю дань»[2]. Игорь вошел с дружиной в древлянскую землю, собрал дань, но этого ему показалось мало; отпустив дружину домой, он с малой дружиной снова пошел «по дань». Возмущенные древляне, посоветовавшись со своим князем Малом, убили Игоря.

Вслед за смертью Игоря в 945 г. (по данным летописи) его вдова Ольга совершила новый поход на древлян. Княжеская дружина огнем и мечом прошла «Деревскую землю», истребила «лучших мужей» древлянских, убила их князя Мала, разрушила и сожгла их города, в том числе главный город Искоростень, взяла много пленных, которых как челядь княгиня раздала дружинникам. Ольга окончательно подчинила себе землю древлян. Всюду в «Деревской земле» она установила «уставы и уроки», основала свои «становища и ловища». Отныне древляне должны были платить «дань тяжку»[3].

Столь упорная борьба за включение древлян в состав древнерусского государства становится понятной, если принять во внимание географическое положение земли древлян (а также дулебов), граничивших с росшим и стремившимся продвинуться на восток государством Польским.

Проникновение поляков в землю дулебов и строительство там польских крепостей (на что намекает «Повесть временных лет») заставили киевских князей озаботиться об установлении и укреплении своей

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 51.

[2] Там же, стб. 54.

[3] Там же, т. II, стб. 48.

границы с Польшей. Не случайно после покорения древлян киевские князья начали борьбу с Польшей за землю дулебскую (иначе — «Червенские города»).

В 957 г. Ольга с большой свитой ездила в Константинополь. Из того, что она обещала византийскому императору Константину Багрянородному прислать «вои в помощь»[1], можно заключить, что Ольга стремилась договориться с Византией не только о торговле и что условия ее договора повторяли (по крайней мере в главнейших пунктах) договор Игоря.

Однако политические отношения Руси и Византии не оставались неизменными. Император Константин (912—959), хотя и заключал с Русью договоры, но в специальном трактате советовал (см. выше) какой угодно ценой поддерживать на севере дружбу с печенегами, так как только угрозой нападения печенегов можно было держать в нужных границах русских и венгров. Учитывая враждебную политику Византии и сложную международную обстановку, княгиня Ольга после поездки в Царьград в 959 г. предприняла дипломатический маневр: она обратилась к германскому императору Оттону I по вопросу об установлении церковно-политических связей. Оттон прислал в Киев своего епископа, но с запозданием—в 961 г., когда между Византией и Русью снова, повидимому, наладились более тесные отношения; сама Ольга приняла христианство из Византии. Преемник Константина Роман II просил у Ольги военной помощи для участия в предпринятом им походе на Крит. В 961 г. русское вспомогательное войско было отправлено в Византию.

При Святославе (умер в 972 г.) и его сыне Владимире (вокняжился около 980 г., умер в 1015 г.) Русское государство достигло особенной силы. Оно значительно расширило свои границы, укрепило аппарат власти, заняло видное положение в международных отношениях.

Политика князя Святослава Игоревича принципиально ничем не отличалась от политики его отца, но Святослав вел ее с еще большей настойчивостью и в более сложной обстановке. Он быстро передвигался со своими дружинами и не знал неудач в военных предприятиях, если не считать последнего похода в Болгарию, закончившегося, однако, почетным для Руси миром. Размах походов войск Святослава был грандиозен: они ходили на Оку и Волгу, на вятичей, на камских болгар и на хазар, на Кавказ, в Дунайскую Болгарию и на Царьград.

Деятельность Святослава была тесно связана с международными отношениями Европы и Азии. В эти годы Русь была одним из активных участников крупнейших политических событий, причем часто она

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 63.

действовала и по соглашению с другими государствами, участвуя, таким образом, в разрешении задач европейской и отчасти азиатской политики.

Естественно, что деятельность Святослава привлекла особое внимание княжеского придворного летописца XII в. Летописец изображает Святослава как храброго и стойкого полководца. Он необычайно вынослив в походах, неприхотлив в походном быту, невзыскателен в пище, быстр и решителен в действиях; нападает на врага не из-за угла, а предупреждает его: «хочу на вы идти». Его девиз — «не посрамим земле Руские, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имам» [1]. Такая характеристика, очевидно, сложилась в дружинной среде.

Сведения о Святославе дают и византийские историки — Лев Диакон (родился в 950 г.), Кедрен и Скилиций (конец XI — начало XII в.) и арабские писатели. Все они сходятся в оценке личности Святослава.

Современник Святослава, арабский географ Ибн-Хаукаль (писал в 70-х годах X в.) говорит, что Русь разрушила Булгар и опустошила землю буртасов: «В настоящее же время не осталось и следа ни из Булгара, ни из Буртаса, ни из Хазара, ибо Русы напали (или истребили) всех их, отняли у них все эти области и присвоили их себе. Те же, которые спаслись от их рук, разсеяны по ближайшим местам, из желания остаться вблизи своих стран, и надеясь заключить с ними (русами.— *Ред.*) мир и подчиниться им»[2].

Война Святослава с Хазарией в 60 гг. X в. окончилась полным разгромом Хазарского каганата. Ибн-Хаукаль сообщает о взятии и разрушении русскими хазарских крепостей — Саркела, Итиля и Семендера. Хазарская держава прекратила свое существование. Остатки ее населения на Нижней Волге под именем «саксинов» уже не играли сколько-нибудь заметной роли в политической жизни. Около 966 г. войско Святослава покорило землю вятичей на Оке. Разбив хазар и разрушив их столицу, войска Святослава пошли дальше в их владения на Северный Кавказ, где завоевали ясов и касогов (осетин и черкесов).

Во время наступления войск Святослава жители Северного Кавказа бежали; по окончании войны они вернулись обратно на свои места в твердой уверенности, что Хазарский каганат уже не оправится, что власть Руси крепка и им остается только признать ее и возвратиться к мирному труду. Святослав всем своим поведением поддерживал эту уверенность населения.

Здесь было основано русское Тмутараканское княжество. Его центром была Тмутаракань (древняя Таматарха) — хорошая гавань,

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 70.

[2] *А. Я. Гаркави.* Указ. соч., стр. 218.

крупный торговый город. Сюда шли с Востока и переправлялись на Русь шерстяные, шелковые и бумажные ткани, металлические изделия, оружие, стекло, фарфор, пряности. Купцы из Руси привозили в Тмутаракань рабов, меха, кожи, рыбу, хлеб, серебро. Из Тмутаракани русские князья собирали дань с хазар, ясов, касогов, обезов. С 40-х годов X в. Тмутаракань вошла в состав древнерусского государства[1]. Первое упоминание в наших летописях о Тмутараканском княжестве относится к 988 г. Несколько позднее, по сообщению «Повести временных лет», Владимир Святославич посадил туда своего сына Мстислава. В 1022 г. Тмутараканская земля упоминается уже в качестве прочного владения киевского князя.

Однако серьезные события, происходившие на Западе, отвлекли Святослава от его восточных дел.

На запад от Византийской империи в IX—X вв. значительно усилилась Болгария — славянское государство, включавшее некоторое количество тюркского населения. В IX—X вв. Болгария была мощным в военном отношении государством. Особенно нужно отметить время болгарского царя Симеона Борисовича (885—927). Свое детство и юность Симеон провел при византийском императорском дворе, воспитывался вместе с сыновьями императора Михаила. Греки уговорили Симеона, единственного наследника болгарского престола, принять монашество в надежде после смерти его отца, Бориса, включить Болгарию в состав византийских владений. Однако, как только умер Борис, Симеон сбросил рясу и бежал в Болгарию, унося с собой непримиримую вражду к греческим правителям.

При Симеоне Болгария достигла значительного могущества и едва не овладела Константинополем. Императоры Лев VI и Роман I Лекапин вынуждены были платить Болгарии дань. Болгария отняла у Византии большую территорию: у греков в Европе оставался один лишь Константинополь, со всех сторон окруженный болгарскими владениями. Напрасно византийский патриарх Николай Мистик отправлял к Симеону унизительные послания, написанные «не чернилами, а слезами», напрасно пытался запугать Симеона союзом Византии с Русью, печенегами, алломанами и венграми — болгарские войска продолжали подходить к столице Византии. Внезапная смерть Симеона (происшедшая, может быть, не без участия греков) спасла Византию от решительного поражения[2].

---

[1] *А. Н. Насонов*. Указ. соч., стр. 91.

[2] На месте, где находилась столица царя Симеона Преслава, сравненная турецкими захватчиками с землей, сейчас болгарскими археологами производятся раскопки.

При преемнике Симеона, Петре Кротком, Болгария распалась на две части. Византийское правительство (император Никифор Фока), продолжая борьбу с болгарами, обратилось к Святославу с предложением предпринять поход на Болгарию, обещая материальную поддержку (в виде золота).

Разобраться во всех деталях похода Святослава на Болгарию очень трудно ввиду краткости, неясности и противоречивости показаний источников[1].

Византийский вельможа Калокир, «человек смелый и хитрый», должен был передать Святославу 1500 фунтов золота и прельстить его надеждой завоевания Болгарии. Неизвестно, по собственной ли инициативе или по коварному замыслу императора, Калокир сообщил Святославу план, заключавшийся в том, что сам Калокир будет стремиться к получению императорской короны в Византии, и если Святослав поддержит его, то может рассчитывать на Болгарию. Позднее Калокир действительно убил Никифора.

Святослав оценил все выгоды завоевания Болгарии и согласился на предложение Калокира, выступив против болгар.

Расчет Византии был, повидимому, довольно прост: начав войну с Болгарией, Святослав нанесет материальный ущерб и себе и Болгарии, два сильных соседа Византии ослабят друг друга в этой борьбе, а Византия восстановит свои прежние границы.

Однако первый же поход войск Святослава в Болгарию (968 г.) рассеял надежды византийского правительства. Святослав быстро овладел в Болгарии многими городами (по данным «Повести временных лет» — 80), проник в центр страны и решил остаться в г. Переяславце (местоположение этого города до сих пор не установлено), потому что, по его словам, сюда «вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и овощеве разноличныя; от Чех же, из Угорь сребро и комони; из Руси же скора и воск, мед и челядь»[2]. Византийские источники говорят об участии в походах Святослава венгров, признавших Святослава своим вождем и сражавшихся под его начальством[3].

Перед Болгарией встал вопрос, кто для нее опаснее — Византия или Русь. Нельзя было не считаться и с тем, на чьей стороне

---

[1] *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. «Славянский сборник», 1947, стр. 125—201; *В. Н. Златарски.* История на българската държава прѣзъ срѣднитѣ вѣкове, т. I, ч. 2, София, 1927, стр. 600—604; *П. О. Карышковский.* О хронологии русско-византийской войны при Святославе. «Византийский временник», т. V, стр. 127—138.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 67.

[3] *В. Г. Васильевский.* Труды, т. II, вып. 1, СПб., 1909, стр. 209—210.

в данный момент оказалась бо́льшая сила. Быстрый и успешный натиск Святослава решил вопрос. Болгары пошли на соглашение со Святославом. Святослав, очевидно, взвесил создавшуюся обстановку. Служение интересам Византии ему было чуждо. Византийское правительство увидело, что оно просчиталось и с помощью дипломатии попыталось расторгнуть намечавшийся союз Болгарии и Руси. Однако в конечном счете обнаружилось, что Византия не собирается помочь Болгарии военными силами. Тогда болгары окончательно перешли на сторону Святослава. Византия в свою очередь направила на Киев печенегов, которые кочевали в причерноморских степях, отделявших Русь от Византии.

Святослав вынужден был идти спасать Киев. Прогнав печенегов, он возвратился обратно в Переяславец и снова овладел им (969 г.). Лев Диакон и Скилиций сообщают, что отряды болгар действовали вместе с русскими против византийцев. К Руси и болгарам присоединились и венгры. Скилиций говорит, что русские, готовясь к предстоявшей войне с Византией, «объединились для общего дела» с подчиненными им болгарами. На престоле Болгарии, несмотря на наличие в стране победоносных войск Святослава, оставался царь Борис, с которым у Святослава, несомненно, имелось соглашение, ибо Святослав, так же как и болгары, стремился изгнать византийцев с Балканского полуострова. Таким образом, военное содружество русских и болгар и общая их борьба против врага славянских народов — Византии, восходит к древнейшим временам [1]. Военные действия развернулись очень широко. Святослав взял Филиппополь (ныне Пловдив) и прошел Балканы.

Новый византийский император Иоанн Цимисхий (969—976), занятый войной в Сирии, сначала пытался покончить дело мирным соглашением, но Святослав не шел на невыгодные для него предложения. На угрозы Цимисхия он отвечал угрозой взять Константинополь. Русское войско опустошило Фракию и действительно приблизилось к столице Византии. Цимисхий послал против Руси войско под начальством Варды Склира. Но восстание Варды Фоки в Малой Азии (возможно, связанное с планами Калокира и Святослава) заставило Цимисхия отозвать часть своего войска назад. Войска Святослава заняли Македонию.

Только в начале 971 г. победа в Малой Азии позволила Цимисхию собрать силы против Святослава. Войска Цимисхия взяли Большой Преслав, который плечом к плечу защищали русские и болгары. Одержав здесь победу, Цимисхий двинулся к Доростолу (Силистрия),

[1] См. *П. О. Карышковский.* Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава. «Вопросы истории», 1951, № 8, стр. 101—105.

где находился с войском Святослав. Видя военный перевес на стороне Византии, часть болгарской знати отказалась от союза со Святославом, чем ухудшила его положение.

Здесь в решающих боях русское войско, несмотря на неудачный для Святослава исход операции, укрепило за собой славу непобедимого. Осада Доростола началась 23 апреля 971 г. и продолжалась до 20-х чисел июля. Грекам не удалось нанести русским решающее поражение под Доростолом. Цимисхий решил взять город голодом. Святослав, несмотря на тяжелое положение (голод, болезни, множество раненых), не терял мужества, и когда 21 июля на военном совещании часть мужей его заговорила о необходимости отступления, он, как пишет Лев Диакон, сказал: «Погибнет слава, спутница российского оружия, без труда побеждавшего соседственные народы и без пролития крови покорявшего целые страны, если мы теперь постыдно уступим римлянам. Итак, с храбростью предков наших и с той мыслью, что русская сила была до сего времени непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спасаться в отечество, но или жить победителями или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою»[1]. Святослав в последний раз вывел свое войско против греков. Упорно сражалась Русь, но превосходство сил врага и сильная буря, слепившая глаза русским воинам, принудили Святослава отступить в крепость и пойти на мирное соглашение.

По словам Льва Диакона, Иоанн Цимисхий «с охотою» согласился на мир, потому что свою победу он сам считал одержанной «сверх всякого чаяния».

По словам того же автора, русские проявили в боях удивительную стойкость. «Говорят, — пишет он, — что побежденные тавроскифы (так называли русских греческие писатели. — *Ред.*) никогда живые не сдаются неприятелям, что сей народ отважен до безумия, храбр и силен».

Среди убитых под Доростолом русских греки находили и женщин, павших геройской смертью в бою. Сам Святослав был здесь ранен. Лев Диакон утверждает, что из 60 000 приведенных в Болгарию русских осталось только 22 000, из этого числа едва ли более половины были способны к бою.

При заключении договора состоялось свидание Святослава с императором. Они встретились на берегу Дуная. Цимисхий явился в позолоченном оружии на коне, за ним следовала свита в блестящих доспехах, а Святослав подъехал к берегу в ладье. Лев Диакон так описывает его наружность: «Он среднего росту, ни слишком высок, ни

[1] «История Льва Диакона», стр. 94.

слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритой бородой и с густыми, длинными, висящими на верхней губе, волосами. Голова у него была совсем голая, но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода; шея толстая, плечи широкие, и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и суровым. В одном ухе у него висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином посреди их вставленным. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, от других не отличная... Поговорив немного с императором о мире, сидя в ладье на лавке, он переправился назад»[1].

Вынужденный покинуть Болгарию, Святослав отступил с твердым намерением возобновить войну («поиду в Русь приведу боле дружин»[2], — передает «Повесть временных лет» слова Святослава). Святослав не был разгромлен, он ушел домой с войском, однако второй поход в Болгарию окончился не в его пользу, и Восточная Болгария попала под власть Византии.

В договоре Святослава с греками о мире в 971 г. ничего не сказано об обязательствах Византии по отношению к Руси, здесь говорится лишь об обещании Святослава не нападать на страну греческую, корсунскую и болгарскую и помогать грекам в случае нападения неприятеля на Византию.

Святослав был убит печенегами на днепровских порогах, когда с малой дружиной возвращался из Болгарии. Есть основания думать, что о возвращении Святослава этим путем печенеги были предупреждены греческим правительством.

Святослав — крупная политическая фигура своего времени; его деятельность была связана с восточными и западными странами, он участвовал в разрешении крупнейших и сложнейших вопросов тогдашней международной политики. О внутренней его политике сведений в летописи не сохранилось.

После смерти Святослава встал вопрос о том, кому властвовать в Киеве. Отправляясь в 969 г. в поход на Болгарию, Святослав оставил в Киеве своего старшего сына Ярополка. Второй его сын Олег был правителем в древлянской земле, третий, Владимир, — в Новгороде. Несколько лет поле ссмерти Святослава все три брата сидели каждый на своем месте. В 977 г. (согласно данным летописи) Ярополк пошел против Олега, и Олег был убит в бою. Владимир испугался, что его постигнет та же участь, и бежал в Скандинавию. Он нанял там дружину, вернулся в Новгород и вместе с новгородскими войсками двинулся на юг и за-

---

[1] «История Льва Диакона», стр. 97.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 71.

владел Киевом. Ярополк был убит. Таким образом, около 980 г. Владимир Святославич стал главой Русского государства. Киев был еще достаточно силен, чтобы отстоять свое политическое положение «матери городов русских».

Опираясь на феодальную знать, Владимир стремился удержать в своих руках власть над покоренными народами и расширить границы государства. При нем русский народ вел борьбу с печенегами. В 981 г., согласно «Повести временных лет», «иде Володимер к ляхом и зая грады их, Перемышль, Червен и ины грады, еже суть и до сего дне под Русью. В сем же лете и вятичи победи и взложи на нь дань от плуга, якоже и отец его имаше». В следующем году он снова ходил против восставших вятичей. В 983 г. «иде Володимер на ятвяги и победи ятвяги и взя землю их»; в 985 г. был предпринят поход на волжских болгар. В 992 г. «иде Володимир на хорваты»[1].

За этими краткими сообщениями «Повести» кроется длительная и нелегкая борьба. Перемышль и Червень, например, находились на земле дулебов. В обладании этими городами, в целях дальнейшего продвижения на восток, были заинтересованы польские князья. Естественно, что неизбежна была длительная борьба между Польшей и Русью.

Эта борьба шла при Владимире Святославиче, когда в Польше сидел Болеслав Храбрый; она продолжалась и после смерти Владимира, когда Болеславу удалось захватить червенские города. В 992 г. Русь получила перевес в борьбе с Польшей, после чего между двумя государствами установились мирные отношения. Болеслав даже выдал свою дочь замуж за сына Владимира — Святополка. Епископ мерзебургский Титмар говорит в своей хронике, что Святополк предательски вошел в тайные сношения с Болеславом и с его помощью готовил восстание против отца. Владимир раскрыл заговор и арестовал Святополка с его женой и ее духовником, епископом Рейнберном, которого приставил к ней Болеслав. У Болеслава, несомненно, были намерения использовать дочь и зятя в своих политических целях, и недаром он выступил в поход против Владимира в 1013 г.

На северо-западе Владимир завоевал ятвягов, продвинулся к Балтийскому морю; отношения с Польшей не позволяли ему двигаться дальше на запад. На юге опасность грозила от степных кочевников.

Владимир укрепил власть феодального класса землевладельцев. При нем была изменена система управления частями государства: повидимому, Владимиру удалось почти везде (кроме земли вятичей) заменить местных «светлых и великих князей» своими мужами либо сыновьями. При Владимире вначале были сделаны попытки приспо-

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 81—82 и 122.

собить язычество для целей идеологического обоснования нового строя, а затем было введено христианство в качестве единой государственной религии[1].

Владимир, подобно Святославу, принимал участие в международных делах, в частности, в делах Византии. Воспользовавшись затруднениями империи после смерти Иоанна Цимисхия (976), восстало покоренное им Западноболгарское царство. Во главе восставших стал энергичный правитель Западной Болгарии Самуил, современник византийского императора Василия II Болгаробойцы (976—1025). В 80-х годах, когда в Киеве княжил Владимир, положение императора Василия II стало критическим. Поднявший восстание против Василия Варда Фока, имея на своей стороне почти всю Малую Азию, подошел с востока к самой столице, а победоносные болгары угрожали ей с севера. Василий II обратился за помощью к Владимиру.

До тех пор не было заметно, чтобы Владимир как-либо изменил курс международной политики, намеченный его отцом. Его отношение к Византии продолжало оставаться враждебным. Арабский писатель Яхья решительно утверждает, что еще накануне обращения Василия II к Владимиру Русь и Византия были врагами[2]. Взвесив обстоятельства, Владимир решил вмешаться в сложные и трудные византийские дела. Можно догадываться, что одним из условий русско-византийского соглашения была выдача замуж за Владимира сестры византийского императора Анны. Подобный брак был важным политическим успехом, к которому стремились все европейские дворы. Германскому императору Оттону с большим трудом удалось сосватать греческую царевну за своего сына. Император Константин Багрянородный давал в общей форме своему сыну совет: «Если... какой-нибудь народ из этих неверных и худородных жителей севера потребует войти в свойство с царем Ромейским и либо взять его дочь в невесты, либо дать собственную дочь в жены царю или царскому сыну, то тебе надлежит и такое неразумное требование их отклонить...»[3] В данном случае, однако, Василию II грозила опасность лишиться престола. При таких тяжелых обстоятельствах он, повидимому, вынужден был идти на уступки, согласившись на брак своей сестры с Владимиром. Но вряд ли Владимир ограничился только этим одним условием.

Соглашение было достигнуто, и Владимир послал на помощь Василию II отряд русского отборного войска, которое блестяще справилось со своей задачей. Армия восставших была разгромлена, Фока убит.

---

[1] См. гл. 1, § 7.

[2] *В. Р. Розен.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, стр. 23.

[3] «Известия ГАИМК», вып. 91, стр. 13.

Спасенный русским войском, император Василий II, укрепив свою власть, очевидно, не выполнил всех условий. Тогда Владимир разорвал союз с Василием, двинулся на Крым, осадил греческий город Херсонес (по-русски Корсунь), развалины которого по сей день сохранились под Севастополем. После нескольких месяцев осады сильно укрепленный город сдался (989). Василий был вынужден уступить. В Херсонесе произошло бракосочетание с царевной Анной [1].

При Владимире было начато укрепление границ Руси с целью защиты от нападений кочевников. В IX—X вв. в азиатских степях происходили крупные события, к сожалению, известные только в отрывочных показаниях скудных источников. Причины, побуждавшие тюркские народы покидать азиатские степи и переходить в Европу, раскрыты Марксом и Энгельсом: «то же давление избытка населения на производительные силы заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства... То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума...»[2]

В южных причерноморских и приазовских степях появляются сперва тюркские выходцы из соседней Азии — печенеги, торки, берендеи, черные клобуки, позже кыпчаки, или половцы, и, наконец, монголы — татары.

И до того в Причерноморье кочевали и оседали различные племена. Население степей частью входило в состав Хазарского каганата. Одно из племен, появившихся в русских землях раньше других выходцев из Азии, — это печенеги. По «Повести временных лет», в 915 г. «придоша печенези первое на Рускую землю»[3]. В отрядах степной конницы, нападавшей на Киев, весьма вероятно, были не одни печенеги, так как обычно в таких походах участвовали разные племена, считавшие черноморские степи своими.

В начале X в. печенеги уже кочевали между Доном и Дунаем. Один день пути отделял их от Киевской земли. Император Константин говорит, что печенеги часто грабили Русь. Русские старались жить с ними в мире, потому что в случае войны рисковали быть отрезанными печенегами от Черного моря. Во время войны печенеги нападали на русских при переходе ими днепровских порогов. Поэтому киевские князья, как и греки, избегали войны с печенегами, иногда даже вступали

---

[1] Вопрос о месте и времени крещения Владимира до сих пор остается спорным. Во всяком случае ясно, что его крещение произошло не в Корсуни, а в Киеве или в Василеве, повидимому, в конце 987 — начале 988 г.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. IX, стр. 278.

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 42.

в союзы с ними. И греки и славяне торговали с печенегами; Русь покупала у них скот.

Обычно печенеги нападали на Киев, когда его обороноспособность ослабевала. Опасность, угрожавшая со стороны печенегов, заставила киевских князей отодвинуть южную границу Киевской земли несколько на север, почти к самому Киеву, где по рр. Стугне, Ирпени и Трубежу при Владимире был построен для защиты от печенегов ряд крепостей.

В этих крепостях часто несли службу отряды тех же печенегов, которые нанимались на службу к киевскому князю и защищали границы от нападения своих единоплеменников. В XI в. основная масса печенегов ушла к Дунаю и за Дунай. По их следам на запад шли другие племена — торки и половцы.

Борьба с печенегами не была легкой, но Русское государство сумело защитить себя. Это говорит о силе Русского государства и его войск[1].

6

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В IX—X ВВ.

В состав древнерусского государства входили земли народов, находившихся на разном уровне развития, поэтому Русское государство, подобно другим раннефеодальным государствам, не могло быть монолитным.

Однако власть киевского князя распространялась на огромную территорию — от великих северных озер (Ладожского и Онежского) до Черного моря в одном направлении и от Карпат до Оки и даже Волги — в другом.

Опираясь на свою военную силу и используя заинтересованность местной знати в поддержке государственной власти, киевские князья представляли Русь в международных отношениях. Как ее правители они входили в сношения с соседними государствами, что совершенно четко выражено в договорах с Византией.

Договоры заключались от имени русского князя и тех, кто «с ним и под ним», прежде всего князей и бояр, «дондеже солнце сияет и весь мир стоит», т. е. князь гарантировал исполнение договора и на будущие времена, подчеркивая, таким образом, устойчивость власти киевских князей.

Великий князь не случайно упоминал в договорах других князей

---

[1] См. гл. 2, § 8.

и бояр (а в договоре Святослава — только бояр). Он всегда совещался с окружавшей его знатью.

Князь располагал значительными материальными средствами, состоявшими из земельных владений, на которых эксплуатировалось зависимое крестьянство, несшее примитивную барщину, и из даней, которыми облагались покоренные земли. Дани превращались в постоянную подать или, если население вынуждалось платить ее не государству, а отдельным представителями знати,— в земельную докапиталистическую ренту.

Константин Багрянородный, описывая сбор дани на Руси, пользуется русским термином «полюдье». Судя по описанию «полюдья», князь с дружиной зимой ездил по подвластным землям и собирал дань. Несомненно, до Константина дошли запоздалые сведения, так как сбор дани на Руси давно принял более упорядоченный характер.

В «Повести временных лет» уже к IX в. отнесено упоминание единицы обложения — дым, или рало, плуг, т. е. отдельные хозяйства, облагаемые данью. Гельмольд, историк прибалтийских славян XII в., определяет плуг как «два вола или конь», т. е. как хозяйство, где запахивается определенное количество земли. Дань, собиравшаяся первоначально по преимуществу мехами, в X в. в ряде случаев уже собиралась и деньгами. Пунктами, куда стекалась дань, были «погосты» и «становища», где ее принимали представители княжеской администрации.

Согласно «Повести временных лет», дань распределялась так, что две трети ее шли на общегосударственные нужды, а треть — князю, очевидно на содержание двора и дружины. «И возложиша на ня (древлян.— *Ред.*) дань тяжку: 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользе: бе бо Вышегород град Вользин»[1]. Сын князя Владимира Святославича Ярослав и другие новгородские посадники также уплачивали Киеву две трети дани, а треть оставляли себе. Эта традиция практиковалась и позднее. Так, в 1212 г. Мстислав Удалой взял дань с чуди и две трети отдал новгородцам, а треть роздал своим «дворянам».

В нашем распоряжении нет материалов, по которым можно было бы установить последовательность в эволюции податной системы в этот период истории нашей страны. Однако «Повесть временных лет» дает указания на то, что дань, налагаемая победителем на побежденных, давно уже превратилась в постоянную подать, по крайней мере для большинства населения Русского государства. Уже об Олеге в летописи под 882 г. сказано, что он, превратив Киев в столицу своего государства, «нача городы (крепости.— *Ред.*) ставити и устави дани словеном,

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 60.

кривичем и мери»[1], которые уже довно находились под властью новгородских князей. Дань здесь, несомненно, являлась уже податью. Серьезно укрепила систему государственного обложения княгиня Ольга[2].

Кроме дани, население облагалось повинностями в пользу государства, прежде всего военной и подводной. Население было обязано участвовать в военных походах, в постройке крепостей и должно было поставлять средства для транспорта (людей, лошадей, повозки и пр.).

В пользу власти шли также некоторые судебные штрафы. Древнейшая «Русская Правда» уже знает штраф за убийство. «Повесть временных лет» говорит, что «виры» были хорошо известны и при Владимире Святославиче.

Придворная знать частью происходила из землевдадельческой знати подчиненных князю территорий, частью из дружинной среды. Тут мы видим старцев градских, старейшин, «нарочитых» людей, с одной стороны, старшую дружину, иначе княжих мужей, бояр — с другой. На совещании у Владимира Святославича по вопросу о признании христианства государственной религией присутствовали «боляры» и «старцы градские». «Боляры» и «старцы» выслушивали сообщение лиц, посланных для ознакомления с различными культами; вместе с епископами старцы участвовали в обсуждении вопроса о вирах и мести. С ними князь «думал» «о строи земленем, и о ратех и о уставе земленем»[3], т. е. о государственном устроении, войне и законах. На свои пиры Владимир приглашал «боляры своя и посадники, старейшины по всем градом и люди многи», «боляре и гриди, соцкие и десяцкие и нарочитые мужи»[4]. Здесь летописец в суммарной форме сообщает то, что в совершенно конкретном виде изображено в договорах Руси с греками.

В крупных центрах своего государства князья сажали посадников; княжеские уполномоченные либо постоянно находились в погостах и становищах, либо часто наезжали туда для сбора податей и других княжеских доходов. Комментируя то место договора князя Олега с греками, где говорится об обязательстве греков выплачивать «уклады на русские грады», летописец пояснил: «по темь бо городом седяху [велиции] князья под Ольгом суще»[5]; позднее этих «великих князей», вероятно потомков местных княжеских фамилий, заменили княжеские бояре либо сыновья правившего в Киеве князя.

В древнерусском государстве уже не стало необходимых условий для существования народных собраний более раннего периода, о ко-

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 23—24.
[2] См. стр. 85 настоящего издания.
[3] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 126.
[4] Там же.
[5] ПСРЛ, т. II, стб. 22.

торых сообщает нам византийский историк VI в. Прокопий: «Славяне и анты... издревле живут в народоправстве»[1]. Власть давно полностью отделилась от народа, военный вождь превратился в князя большого государства, старое народное собрание стало не нужным, технически не осуществимым, и, по выражению Энгельса, применительно к аналогичному этапу в истории германцев, «...продолжало для вида существовать, но... становилось все более и более собранием лишь низших военных начальников и новой нарождающейся знати»[2]. Сведений о вечевых собраниях за этот период у нас нет, если не считать исключительных случаев собрания граждан в осажденных городах в отсутствие князей. Таких фактов известно только два, и то один из них, несомненно, легендарного характера. Позднее, в XI—XII вв., в связи с развитием городов, вече носит уже иной характер.

В распоряжении князя имелась его собственная дружина, отряд слуг, главным образом военных, которые жили при князе и за счет его доходов. Дружина делилась на старшую (бояре) и младшую («отроки», «детские»). Но и эти слуги оседали на земле и обзаводились своим хозяйством. В состав дружины рано стали входить и люди, уже имевшие свое хозяйство, так как служба князю была выгодной. Свои дружины были и у знати.

Князь стоял во главе не только своего личного военного отряда, но и всех военных сил государства, которые составлялись из дружин знати и набранных среди подвластного населения воинов. Войско это не было постоянным: оно набиралось для выполнения определенных военных задач. Численность войска во время походов определить довольно трудно, так как упоминаемые в источниках цифры далеко не всегда точны. Согласно «Повести временных лет», в походе Олега на Византию участвовало приблизительно 80 000 человек[3]. Лев Диакон исчисляет армию Святослава в болгарском походе в 60 000.

Чтобы создать такую армию, необходимо было располагать значительными материальными и организационными средствами.

Армия была организована по десятичной системе: тысячи, сотни и десятки составляли ее подразделения. Вместе с «воями» в поход выступали их командиры, десятские, сотские, тысяцкие, у которых были личные дружины. Во главе войска стоял князь. Тысяцкие, сотские и десятские скоро стали исполнять и функции административные. Тысяцкие всегда встречаются с территориальным эпитетом (тысяцкий киевский, тысяцкий белгородский, тысяцкий переяславский и др.),

[1] ВДИ, 1941, № 1, стр. 237.
[2] *Ф. Энгельс*. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 158.
[3] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 30.

либо с обозначением имени князя, у которого служил тысяцкий. Повидимому, тысяча иначе называлась полком.

Кроме сухопутного войска, древнерусское государство имело и флот, морской и речной. Славяне-русы широко и умело использовали реки и моря в своих экономических, политических и военных целях. Об этом свидетельствует использование и водного пути, соединявшего Балтийское море с Черным.

Морские походы славян известны с глубокой древности. Греко-римские источники упоминают о походе славян на Константинополь в VII в. Наши летописи и другие источники сообщают о походах славян по Черному морю с начала IX в. Один из таких походов состоялся в 860 г., когда русское войско, размещенное на 200 судах, появилось под стенами Константинополя и блокировало город; был высажен десант, начавший осаду города.

В 907 г. киевский князь Олег, по словам летописца, с 2000 судов и со значительным сухопутным войском, передвигавшимся западным берегом Черного моря, явился под Константинополь. Греки закрыли вход в гавань цепью. По рассказу летописи, Олег, поставив свои суда на колеса (вероятно, на катки), с помощью паруса обошел это препятствие берегом и спустил суда в гавань. Греки запросили мира и заплатили русскому войску большой выкуп[1].

Вскоре после описываемых событий, в 911 г., был заключен мирный договор Руси с Византией. В договоре имеется особая статья о морских сношениях между обоими государствами. Каждая сторона обязывалась охранять торговые суда союзника, их экипажи и товары, а в случае кораблекрушения — спасать и продавать товары в пользу пострадавшего владельца. При отъезде русских купцов из Царьграда греки должны были снабжать их всем необходимым: якорями, парусами, продовольствием и т. п.— «елико надобе»[2].

В начале X в. славяне-русы были известны как храбрые и опытные моряки. Насколько они прославились к этому времени, видно из того, что в 935 г. византийский император пригласил их в качестве союзников для совместного участия в походе к берегам Италии.

Второй известный нам морской поход был совершен князем Игорем в 941 г., когда русское войско на тысяче судов подошло к Босфору; поход закончился неудачей, так как большинство судов было сожжено «греческим огнем». В 944 г. Игорь совершил новый морской поход в ладьях и на конях, причем, по словам летописца, русское войско имело «без числа корабль, покрыли суть море корабли». Византия

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 29—32.

[2] Там же, стб. 31.

заплатила богатую дань. Возобновленный мирный договор показывает наличие оживленных морских сношений между обоими государствами[1]. Морские походы славян известны и в последующие века.

Походы славян-русов по Черному морю имели большое экономическое и военно-политическое значение. Они расширили международные связи Руси и увеличили ее военное могущество. Русские летописи, а также византийские и арабские источники называли Черное море Русским, или Славянским, морем.

Древнейшим водным путем славян-русов был и путь по Волге и Каспийскому морю. Первые известия о морских походах по Каспию относятся к концу IX в. Персидские историки упоминают о появлении русских на Каспийском море около 880 г., затем в 909 и 910 гг. Два крупных похода имели место в первой половине X в.[2] Из Черного моря через Азовское русы поднимались Доном до наибольшего сближения его с Волгой. Здесь суда перетаскивались волоком в Волгу, по которой и спускались в Каспийское море[3].

Связям древней Руси с Востоком по Волге и Каспию мешал Хазарский каганат. Князь Святослав начал упорную борьбу с хазарами и, разрушив хазарскую крепость Саркел, открыл свободный путь с Дона на Волгу. Затем войско Святослава поднялось Волгой до столицы Болгарского царства. Спустившись вниз по Волге, Святослав захватил столицу хазар в устье Волги г. Итиль.

Путь по Каспию был свободен. Западным берегом моря русские достигли другого крупного хазарского города Семендера и основанием г. Тмутаракани на берегу Керченского пролива укрепили свое господство на Северном Кавказе и в Приазовье.

Военные походы по Черному и Каспийскому морям были частью морских предприятий древнерусского государства. Одновременно славяне осваивали и Балтийское море и суровые северные морские пути. Северные моря были в такой же степени славянскими (русскими) морями, как Черное, Азовское и Каспий.

Наши летописцы, описывая морские походы, называют русские суда кораблями и ладьями (лодьями). Это были выдолбленные или выжженные однодеревки, изготовлявшиеся в верховьях Днепра. Такие суда имели два основных преимущества: они были настолько легки, что допускали перетаскивание их волоком, и в то же время были достаточно прочны для морских походов. Но эти суда могли принять не более 40—60 человек с оружием и запасами. Чтобы увеличить

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 44—45.

[2] См. о них гл. 1 § 5 настоящего издания.

[3] См. подробнее там же, стр. 81—84.

грузоподъемность такого судна, борта его наращивались набойными досками; отсюда и название судов — набойные.

Название «набойная ладья» упоминается в «Правде» князя Ярослава. За покражу морской ладьи, кроме штрафа в пользу князя платили владельцу 3 гривны, а за набойную ладью — 2 гривны. Бесспорно, что морская ладья была тоже набойной и отличалась от речной только величиной и оборудованием. Стоимость ладьи соответствовала стоимости коня, что, при наличии большого числа судов в морских походах, свидетельствует о широком развитии русского судостроения.

7

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА

Вопрос о принятии христианства имеет важное значение в изучении истории древней Руси.

Оценивая это событие, советские историки исходят из того, что введение христианства было прогрессом по сравнению с язычеством, что вместе с христианством славяне получили некоторые элементы более высокой византийской культуры[1]. Вместе с тем наша наука отмечает «прогрессивную роль монастырей в первые века после крещения Руси как рассадников письменности и колонизационных баз»[2].

Говоря о прогрессивности принятия христианства, следует, однако, подчеркнуть и всесторонне освещенную классиками марксизма-ленинизма роль христианской церкви как средства идеологического воздействия господствующего класса на трудящиеся массы, как организации, которая своим авторитетом освящала господствовавший строй, основанный на насилии и угнетении.

В дофеодальный период у восточных славян, первоначально имевших общие «языческие верования», существовали разнообразные культы. Эти культы отражали разный уровень общественного развития населения отдельных славянских земель.

Повидимому, у восточных славян долго сохранялись пережитки, связанные с тотемическими представлениями, например вера в оборотней, т. е. в превращение людей в зверей. Кроме зверей, славяне поклонялись камням, деревьям, ручьям, рекам. Пережитки этих верований долго существовали и после принятия христианства.

Церковный устав Владимира Святославича и проповеди XI—XII вв. сообщают, что славяне приносили жертвы «бесом и болотам и кладе-

---

[1] См. Сб. «К изучению истории», стр. 36.

[2] Там же

зем», «озерам, кладезям и рощениям», что они молились «под овином..., под рощением или у воды»[1]. Леса, озера, реки, болота древние славяне в своем воображении заселяли «берегынями» (позднее — русалками), водяными, лешими, полевиками, полесунами и т. д. В культе предков нашли отражение пережитки родового строя. Духи-предки носили общее название «навье», а день их поминания назывался «навьим днем».

Славяне верили, что умершие предки и в загробной жизни продолжают следить за своим родом и покровительствовать ему. Эти божества— Род и Рожаница («молятся Роду и Рожаницам...»)[2], повидимому, Род иначе называли Щур.

С развитием классовых отношений боги — покровители рода стали отходить на второй план и постепенно забываться. Их место заняли новые боги. Бог рода был вытеснен богом моногамной семьи — Домовым.

Время поклонения родовым божествам — далекое прошлое для древней Руси.

Уже в VI в. византийский историк Прокопий Кесарийский, рассказывая о религии антов, писал, что «они (анты.— *Ред.*) считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды»[3]. Перед нами уже значительно более развитая религия. Предшествующие два этапа (тотемизм и культ предков) к VI в. были пройдены русскими славянами. Культ предков ушел в прошлое вместе с родовым строем, как и у других народов.

В дошедшем до нас «Слове о том, како, первое погани суще, языци кланялися идолом» есть ясные указания на все три этапа языческой религии славян. Там мы читаем: «и ти (славяне.— *Ред*) начаша требы класти Роду и Рожаницам преже Перуна, бога их, а преже того клали требы упирем и берегыням»[4].

К VIII—IX вв. в религиозных представлениях русских в связи с победой феодального способа производства и образованием государства произошли изменения. В договоре Олега с греками сам Олег, его мужи и купцы присягали «по Русскому закону, кляшася оружьем своим и Перуном богом своим и Волосом, скотьим богом»[5].

Перун стал «своим» богом для Олега и его феодальной дружины. Это был по преимуществу бог княжеский и боярский. Князь с дружиной, а также часть княжеского окружения, именуемая «гостями»

---

[1] *В. Н. Бенешевич.* Сборник памятников по истории церковного права, вып. 1, ПГ., 1915, стр. 70—71.

[2] *Е. В. Аничков.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914, стр. 384.

[3] ВДИ, 1941, № 1, стр. 237.

[4] *Е. В. Аничков.* Указ. соч., стр. 385.

[5] Договор 907 г. «Памятники русского права», вып. 1. стр. 65.

Каменный идол X в. (или несколько ранее), найденный на р. Збруч в западной Украине

Государственный Исторический музей

(купцы), клялись еще Волосом, который назван богом «скотьим», от слова «скот» — деньги, т. е. богом богатства, торговли.

Вероятно, именно этому богу молились славянские «гости», о которых пишут арабские писатели Ибн-Русте, Ибн-Фадлан и др. «Господи,— произносили купцы,— ты, который даешь нам пищу, снабди [и] теперь нас ею в полной мере!» (Ибн-Русте)[1]. «О,мой господин! Я приехал из отдаленной страны и со мною девушек столько-то, и столько-то голов, и соболей столько-то, и столько-то шкур... И я пришел к тебе с этим даром... я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца с многочисленными динарами и дирхемами, и чтобы [он] купил у меня, как я пожелаю, и не прекословил бы мне в том,что я скажу» (Ибн-Фадлан)[2].

Изображение Волоса как главного языческого божества стояло и в Киеве на рынке, на Подоле.

Когда князь Владимир Святославич попытался использовать языческую религию для укрепления единства своего этнически неоднородного государства, он для того, чтобы сделать княжеского бога общегосударственным, вынес его из дворца

---

[1] *Д. А. Хвольсон.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 31.

[2] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу» под ред. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939, стр. 79—80.

на видное отовсюду место и рядом с ним поставил изображения других божеств. «И постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна... и Хорса-Дажь-бога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь»[1]. Одновременно то же было сделано и в Новгороде, куда с этой целью был послан дядя Владимира Добрыня: он там «постави кумира над рекою Волховом, и жряху ему людье ноугородьстии»[2].

В этом новом святилище многое заслуживает внимания: во-первых, здесь не было Волоса; во-вторых, сказано, что Хорс и Даждь-бог— одно и то же божество, известное под этими именами у тюркских народов и у славян; в-третьих, сюда были включены славянский бог ветров (может быть, морской бог) Стрибог, бог восточных тюркских народов Симаргл и финское божество Мокошь.

Господствующий класс видел в религии орудие идеологического воздействия на народы и племена, входившие в состав Русского государства. Он отдавал дань признания божествам этих племен и народов: славянского (самого многочисленного и основного), племен тюркского и финского языков. Получился пантеон языческих богов.

Состав этого пантеона был подсказан вполне реальной обстановкой. Этим богам, действительно, молились подданные Владимира даже после принятия христианства, когда это было воспрещено: «...и ноне (имеется в виду XI в.) по украинам молятся ему, проклятому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и вилам»[3]. «И то творят отай (тайно.— *Ред.*)»,— восклицает преданный христианской религии автор «Слова о том, како ...языци кланялися идолом»[4].

В «Слове о полку Игореве» русские люди называются внуками Дажль-бога, т. е. бога солнца и плодородия (Хорс ту же роль играл у тюркских народов). Нашим источникам известны и многие иные названия богов, специфическое значение которых трудно сейчас разгадать. Можно только высказать догадку, что это местные названия одних и тех же божеств, что в свой пантеон Владимир включил главных богов; царил в нем творец молнии — Перун.

У нас очень мало сведений о дохристианском культе. Мы знаем об идолах, о жертвоприношениях и молитвах, есть косвенные данные о существовании культовых зданий. В 1951 г. раскопано в Новгороде святилище Перуна.

Сага об Олафе Тригвене рассказывает, что Олаф ездил всегда к «храму» с князем Владимиром, но никогда не входил туда, а стоял за дверьми,

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 79.

[2] Там же.

[3] *Е. В. Аничков*. Указ. соч., стр. 385.

[4] Там же.

пока Владимир приносил жертвы. В «Памяти и похвале Владимиру» сказано, что Владимир, приняв крещение, «разруши храмы идольскыя со лжеименьными богами», «храмы идольскыя и требища всюду раскопа и посече, и идолы сокруши»[1]. Речь идет здесь, конечно, не о храмах в нашем понимании этого слова, а о каких-то более примитивных сооружениях, которые пришлось, разрушая, «раскапывать».

Специальных служителей культа древние славяне, повидимому, не знали. У восточных славян было много ведунов, ведьм, гадателей, кудесников и волхвов. В летописи сохранилось предание о смерти Олега от любимого коня, предсказанной кудесником. Преуменьшать влияние волхвов все же не следует. Нам известна их очень заметная роль в жизни народа, который, выступая против феодальной религии, еще долго предпочитал волхвов православным попам.

Попытка Владимира сделать языческую религию общегосударственной была обречена на неудачу, так как в условиях укрепления феодального строя язычество уже не могло конкурировать с развитой религией феодального общества — христианством. Именно христианская «...церковь являлась,— по выражению Энгельса,— наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя»[2].

Христианство давно было известно на Руси. Еще в V в. церковный писатель Иероним, конечно, преувеличивая, писал: «Холода Скифии пылают жаром веры», разумея под Скифией нашу страну. В 60-х годах IX в. константинопольский патриарх Фотий прямо заявлял, что Русь (греки обычно называли ее Скифией) «переменила нечестивое языческое суеверие... на чистую и непорочную христианскую веру»[3]. Бабка Владимира, княгиня Ольга, была христианкой; христианами были и многие бояре: в 944 г. они присягали в церкви св. Илии. Класс феодалов все более нуждался в политической поддержке со стороны христианства.

Поэтому при Владимире христианство стало на Руси государственной религией. Оно было заимствовано из Византии, где уже вполне зарекомендовало себя как одно из средств утверждения господства феодалов.

Получение Русью христианства от Византии способствовало установлению более тесных культурных и политических отношений между этими странами.

Отношения эти были сложны. В Византии главой церкви в сущности был император, а патриарх константинопольский являлся его правой рукой. На народы, принявшие христианство от Византии и попавшие

---

[1] «Память и похвала князю Владимиру и его житие», изд. В. И. Срезневского «Записки Академии Наук по истор.-филол. отд.», т. I, № 6, СПб., 1897, стр. 4—5.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. VIII, стр. 128.

[3] *Д. И. Иловайский.* Разыскания о начале Руси, стр. 14.

в связи с этим в зависимость от константинопольского патриарха, Византия смотрела как на политически подчиненные себе. С таким положением Русь, конечно, мириться не могла, и она на деле показала, что совсем не собирается отказываться от своей политической и даже церковной самостоятельности.

В отличие от других стран Европы, в которых господствующая папская церковь ввела латинский язык в качестве языка богослужения и письменности, Русь оказалась достаточно сильной, чтобы отклонить попытки со стороны Византии ввести греческий язык.

При этом и в византийское православие, в его обрядность были внесены многие изменения применительно к представлениям и обычаям, существовавшим на Руси. Отражая политическую силу русских князей, церковь на Руси завоевала себе некоторую долю автономности, не порывая, однако, церковных связей с константинопольским патриархом[1].

Наконец, из Византии были заимствованы отдельные элементы феодальной культуры. Со сменой исторических формаций новый господствующий класс, прибегая к идеологическим формам воздействия на эксплуатируемых, частично заимствует эти формы идеологического воздействия у господствующего класса предшествующей формации. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что в развитии идеологических форм существует преемственность и взаимодействие[2].

Одним из крупнейших факторов создания феодальной культуры Южной и частично Западной Европы являлось наследие античности, служившее материалом для формирования новой, классовой культуры феодалов. Враждебная античной языческой культуре, церковь была вметсте с тем ее активной хранительницей и пропагандистом в той ее части, которая могла способствовать утверждению классового господства феодалов.

Русь пришла к феодализму, минуя рабовладельческую формацию. Богатейшее культурное наследие, воспринятое древнерусским государством от предшествующего периода, не было классовым. Это была традиция народной культуры, ставшая мощной опорой развития самобытной русской культуры. Между тем господствующий класс испытывал острую потребность в создании собственной культуры как элемента надстройки. Поэтому за поисками идеологической опоры он обратился к развитой классовой культуре Византии. Элементы культуры, которые заимствовал господствующий класс Руси из Византии, были в основном

---

[1]. См. *Д. С. Лихачев.* Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 30—54.

[2] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Избранные письма. Госполитиздат, 1948, стр. 430.

культурой господствующего класса. Воспринятой оказалась преимущественно культура Константинополя, культура чиновничьей, аристократической верхушки Византии. Например, значительная часть литературы, перешедшая с помощью переводов на Русь, была теснейшим образом связана с церковью. Как орудие религиозного воспитания она носила идеалистический характер.

Итак, культурные заимствования из Византии были обусловлены прежде всего причинами классового характера — феодальным строем древней Руси. Господствующий класс Руси в силу внутренних потребностей активно брал, а не пассивно получал элементы феодальной культуры Византии.

Конечно, дело не исчерпывалось этим отношением господствующих классов и их господствующих культур. Из Византии и Болгарии на Русь проникали апокрифы и еретические учения, причем, разумеется, не официальными путями. Но эти взаимоотношения народных культур не были в то время сколько-нибудь значительными[1].

Христианство насаждалось среди народных масс насильственно. Отношение разных классов к новой религии хорошо видно в рассказе летописца об одном эпизоде второй половины XI в. В Новгороде представители старой, языческой религии восстали против епископа и хотели его убить. Епископ с крестом вышел к восставшим вместе с князем и дружиной и обратился к народу с речью: «Иже хощеть веру яти волхву, да за нь идеть, аще ли веруеть кто кресту, да идеть»[2]. За епископом пошли князь и дружина, а за волхвом — вся народная масса. Волхвы, отстаивая свое влияние в народе, стремились придать антифеодальным выступлениям религиозный характер, характер борьбы за старую веру.

Принятие христианства имело прогрессивный характер, оно способствовало развитию феодальных отношений и подъему культуры в нашей стране. В то же время церковная организация в руках господствующего класса явилась новым сильным орудием воздействия на массы и их еще более жестокого подчинения.

Христианство подняло значение власти киевского князя и укрепило связь между частями государства. Будучи общепринятой в тогдашней Европе религией, христианство сблизило Русское государство с другими государствами Европы.

Прошло, однако, 60—70 лет, прежде чем новая идеология заметно распространилась в древнерусском государстве.

Древнейшее из русских известий о распространении новой идеологии сохранилось в замечательном памятнике русской письменности

[1] Подробнее см. *Д. С. Лихачев.* Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 119—155.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 170.

XI в.— «Слове о законе и благодати» Илариона. Владимир, говорит Иларион, «заповеда по всей земли своей креститися... и всем быти крестьяном (христианами.— *Ред.*), малыим и великиим, рабом и свободным, уныим и старыим, богатым и убогим; и не бысть ни единого же противящася благочестному его повелению; да аще кто и не любовию, но страхом повелевшаго крещахуся, понеже бе благоверие его с властию сопряжено»[1].

Иларион преувеличивает успехи, достигнутые Владимиром. В действительности христианство, насильственно вводившееся господствующим классом на Руси, распространялось вширь и вглубь не сразу, а в продолжение столетий. Житийные источники свидетельствуют, что в землях Ростовской и Муромской среди мери, веси и муромы христианство при Владимире успеха не имело. Посланные в Ростов епископы Федор и Иларион «не терпяще неверия и досаждения людий избегоша»[2]. Жители Мурома, язычники, совсем не допустили к себе сына Владимира — князя Глеба[3]. Наоборот, новгородские славяне, полочане, северяне, древляне, кривичи, тиверцы и другие, жившие в соседстве с родственными им по языку полянами, с которыми они были теснее связаны и экономически и политически, повидимому, приняли христианство еще при Владимире»[4].

Данные о возникновении и устройстве церковного управления на Руси при Владимире и о формировании касты церковников — духовных феодалов — отрывочны и случайны. «Повесть временных лет», отмечающая важнейшие церковные события, под 1037 г. сообщает о закладке в Киеве кафедрального собора Софии и под 1039 г. в рассказе об его освящении впервые упоминает киевского митрополита. Затем были построены другие церкви.

С самого начала русская церковь получила прочную материальную базу. На содержание церковного штата и дальнейшую организацию христианского культа на Руси «в девятое лето» по крещении князь Владимир «церкви святыя богородицы вдаде десятину от имениа своего»[5],— сообщает древнее (XI в.) житие этого князя.

Этим актом за христианством закреплялось значение государственной религии, определялось будущее положение и место церкви в условиях крепнущего феодального строя Руси.

---

[1] «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы». под ред. А. И. Пономарева, вып. 1, СПб., 1894, стр. 70—71.

[2] «Православный собеседник», 1858, февраль, стр. 201.

[3] «Памятники старинной русской литературы», под ред. Н. Костомарова, вып. 1, СПб., 1860, стр. 229.

[4] См. *Е. Е. Голубинский*. История русской церкви, т. I, М., 1901, стр. 172—173.

[5] «Чтения в Истор. об-ве Нестора-Летописца», кн. II, Киев, 1888, отд. 11, стр. 16.

В передаче древней летописи предание о церковной десятине содержит существенную деталь. Владимир на торжестве освящения храма «рек сице: даю церкви сей... от именья моего и от град моих десятую часть» [1]. По толкованию В. Г. Васильевского [2], Владимир дал десятину не с дохода, а с наличного княжеского имущества, движимого и недвижимого. Именно эту меру почти одновременно ввели в Швеции и Норвегии короли Олаф Святой и Олаф Тригвасон. Там также новой церкви давали при ее открытии десятину. Только в конце XI и начале XII в. в обеих этих странах, как и на Руси, церкви стали получать десятину с дохода, т. е. была введена регулярная подать, вытеснившая прежнюю десятину и повсеместно тяжелым бременем павшая на народ.

Относительно исчисления десятины с городов и земельных владений В. Г. Васильевский полагает, что она составляла десятую часть не земельного фонда княжеств, а лишь собственных городов и владений Владимира и его бояр. Вероятно, поэтому в летописи упоминается один десятинный город церкви богородицы: «приехаша [половцы] к Полоному, к святой богородице граду к десятиньному и к Семычю» [3]. Несколько ниже в той же летописной статье указано, что половцы «заяли волости» «матере божьи, Десятиньное богородици» [4]. Из контекста видно, что описываемые события разыгрались между Киевом и Переяславлем, о котором под 1089 г. сказано: «бе бо преже в Переяславли митрополия». Очевидно, Переяславль, как наиболее крупный из группы городов, переданных Владимиром духовным феодалам в составе десятины, был центром управления окружавшими его земельными владениями русской митрополии. Так было положено основание земельному фонду церковных феодалов. В распоряжении верхов церковной организации оказались значительные средства на устройство и распространение христианского культа.

В более поздних редакциях церковного устава Владимира статья о церковной десятине получила уже иной смысл, нежели в летописи: «И потом же летом... минувшемь, создах церковь святая Богородица Десятинную и дах ей десятину по всей земле Рустей и с княжения... от всякого княжа суда десятую векшу, а от торгу десятую неделю, а из домов на всякое лето десятое от всякого стада и от всякого жита...» [5]. Это уже обычная средневековая десятина, которая с дальнейшим развитием феодальных отношений вытеснила прежнюю, установленную Владимиром.

---

[1] *Н. К. Никольский.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности, Сб. ОРЯС, АН, т. 82, № 4, СПб., 1907, стр. 19.

[2] ЖМНП; 1886, февраль, стр. 345—347.

[3] Там же, стр. 346.

[4] ПСРЛ, т. I, вып. 2, Л., 1927, стб. 361.

[5] *В. Н. Бенешевич.* Указ. соч., стр. 60.

Десятина на Руси, как и на Западе, формально предназначалась на постройку церквей, их устройство и поддержание культа, на подготовку и содержание его служителей, на дела церковной благотворительности и т. п., большая часть десятины поступала непосредственно князьям церкви — духовным феодалам.

Из летописи известно, что Владимир по возвращении из Корсуни «послав нача поимати у нарочитыя чади дети и даяти нача на ученье книжное», т. е. устроил школы для обучения грамоте, чтению и письму на языке церковных книг. Это были школы для подготовки детей феодальной знати к деятельности княжеской администрации и служителей культа. Школы удовлетворяли прежде всего потребности государства как органа классового господства. Придворная киевская летопись, проникнутая (как и вообще древнерусские летописи) церковной идеологией, сравнивает Владимира с пахарем, который землю «взорá и умягчи», а Ярослава — с сеятелем: «сь же насея книжными словесы сердца верных». Какие всходы успели дать к середине XI в. на русской почве эти посевы, показывает «Слово о законе и благодати» Илариона, обращенное «не к неведущим», а к представителям господствующего класса, «насыщьшемся сладости книжныа»[1].

Русская церковь в административном и территориальном отношениях делилась на епархии — церковные области, возглавлявшиеся каждая собственным епископом. Обособление церковное было следствием обособления политического. Кроме древнейшей новгородской епархии, епископ которой получил титул архиепископа, при Владимире были учреждены епархии черниговская, ростовская, владимиро-волынская и, возможно, еще туровская, полоцкая и тмутараканская[2]. Деление это в общем совпадает с княжениями, на которые Владимир посадил своих сыновей. В княжение Ярослава (1019—1054) возникли юрьевская и переяславская епархии, в XII в.— смоленская и галичская (которой позднее подчинялась также молдавская церковь), а в XIII в., до татарского нашествия, — рязанская и перемышльская.

Границы епархий менялись с возникновением новых феодальных центров. Так, из черниговской епархии выделилась рязанская, из владимиро-волынской — галицкая; пределы новгородской епархии непрерывно расширялись по мере колонизации новых земель; с усилением в южных степях кочевников связь митрополии с Тмутараканью слабела и окончательно оборвалась к середине XIII в. За исключением Новгорода, где с середины XII в. епископа избирало вече, епархиальные епископы ставились на места митрополитом по соглашению с князьями.

---

[1] «Памятники древнейшей церковно-учительной литературы», вып. 1, стр. 60.

[2] *Е. Е. Голубинский.* Указ. соч., т. I, стр, 665—666.

В своих епархиях епископы действовали самостоятельно; они руководили духовенством, наблюдали за отправлением и распространением культа, за управлением церковным имуществом, храмами, монастырями, всякого рода иными церковными учреждениями, церковными людьми, творили над последними суд и расправу. Они беспощадно эксплуатировали крестьянство и, стремясь расширить свои феодальные владения, не раз сталкивались с местными князьями и другими светскими феодалами в борьбе за землю и крестьян.

В управлении епархией епископы опирались на совет пресвитеров (кафедральный клирос). Обширные епархии делились на части, управлявшиеся наместниками епископа и местными клиросами, в состав которых входили и светские чиновники.

Церковь охраняла феодальный строй и служила господствующему классу. Церковному суду по всякого рода делам подлежали так называемые церковные люди, т. е. все служители культа с членами их семей, а также вдовы, калеки, слепцы, хромцы, странники и особые категории феодально зависимых от церкви людей — «задушные люди», «прощенники» и т. д.

Борьба народа с господствующей феодальной церковью принимала форму «ересей».

«Революционная оппозиция против феодализма, — указывал Энгельс,—проходит через все средневековье»[1]. При этом, поскольку для средних веков характерно «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности», постольку «...всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси»[2].

Ереси, одна из форм классовой борьбы, появились на Руси почти одновременно с принятием христианства.

Передавая богословские прения, которые якобы велись между Яном Вышатичем, усмирителем восстания под руководством волхвов в 70 гг. XI в., и волхвом, летописец приписывает последнему не столько языческие, сколько еретические воззрения. Волхв, например, так объясняет зарождение человеческого рода: бог мылся в бане и, вспотев, вытерся тряпкой, которую бросил с неба на землю. Тут поспорили сатана с богом, кому из тряпки сотворить человека, и сотворил человека дьявол, а бог вдохнул в него душу: вот почему, когда человек умирает, тело уходит в землю, а душа — на небо[3]. Эти слова вполне соответствуют

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. VIII, стр. 128—129.

[2] Там же, стр. 128.

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 176—177.

учению еретиков-богомилов, которые также верили, что человека создал Сатанаил, но не мог его одушевить, и человек ожил только после того, как бог вдохнул в него душу. Очевидно, летописец вкладывает в уста волхвов те речи, которые тогда привычно было слышать от других еретиков.

В 1123 г. в Киеве подвизался некий Дмитр, которого летописец называет «злым еретиком». Митрополит Никита «обличил» его и заточил в г. Синелице[1]. Показательно, что в уставе великого князя Всеволода о церковных судах среди преступлений, подведомственных церковному суду, упоминается и еретичество[2].

Скудость известий о ересях в древней Руси объясняется тем, что государственная власть и господствующая официальная церковь жестоко боролись со всякими проявлениями вольномыслия и еретическими учениями.

Литературные произведения еретиков не переписывались и не хранились. Даже выступая против них с обличениями, церковники старались не излагать их взглядов во избежание «соблазна»; когда же острота борьбы миновала, церковь тем более не хотела напоминать и увековечивать в летописях речи «злых еретиков».

Между тем исторические условия русской жизни XII в.— возраставшая роль города и городского веча, обострение классовых противоречий, городские восстания — были весьма благоприятны для развития ересей, которые и в дальнейшем составили весьма существенную часть истории общественно-политической мысли Руси[3].

---

[1] Там же, т. IX, стр. 152.

[2] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Хрестоматия по истории русского права, вып. 1, СПб.—Киев, 1899, стр. 229, 244.

[3] См. ч. II, гл. 3, § 2 настоящего издания.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СКЛАДЫВАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ НА РУСИ (XI—НАЧАЛО XII В.)

1

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XI — НАЧАЛЕ XII В.

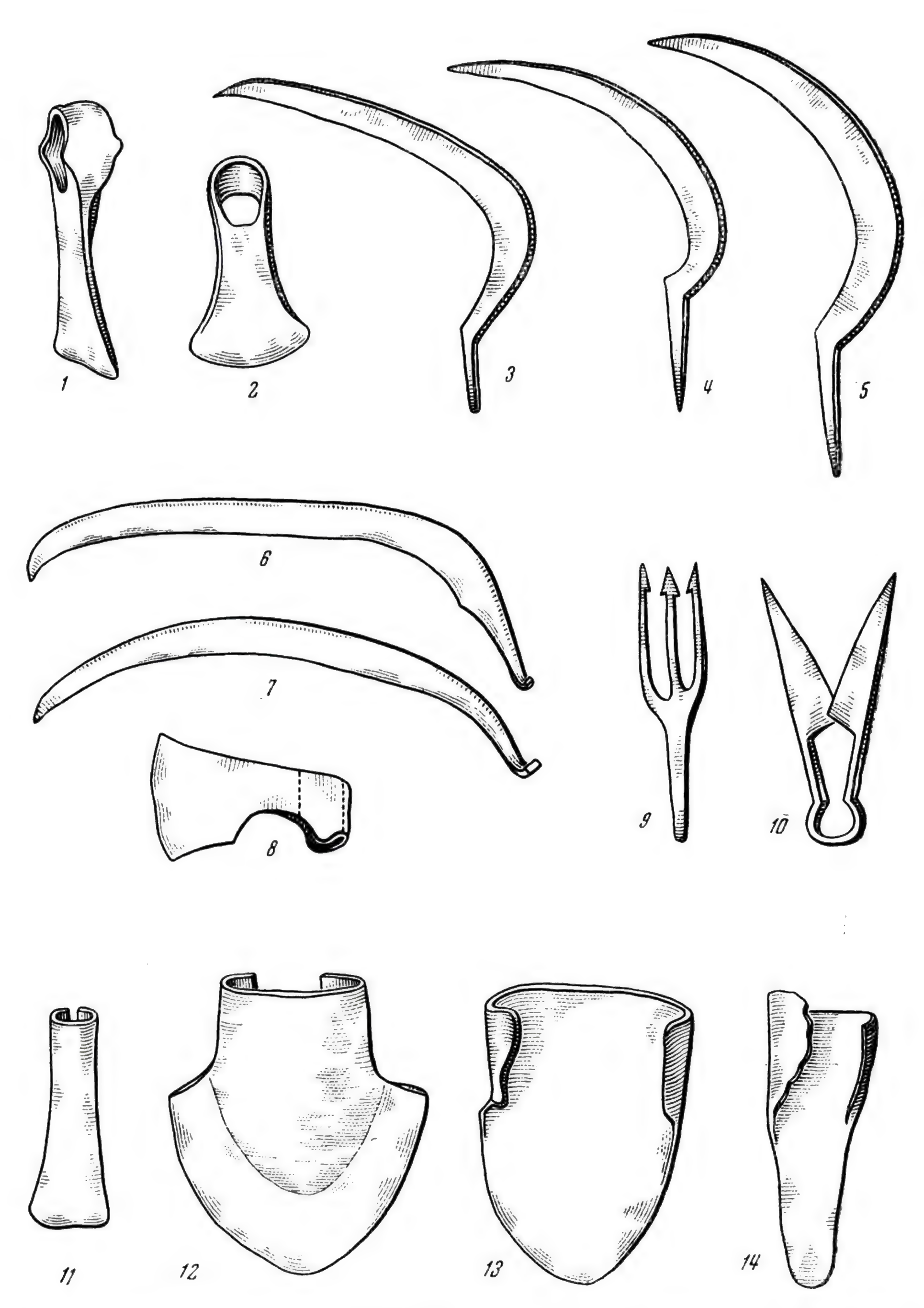
Экономическая история древней Руси характеризуется дальнейшим развитием сельскохозяйственного производства [1]. Основным земледельческим орудием оставалась соха; в южных районах применялись плуг и близкое к сохе рало; употреблялась и борона. Поля имели определенные границы и вспахивались систематически. Следовательно, налицо было устойчивое земледелие.

Основной системой земледелия была переложная, или залежная, когда вспахиваемая земля время от времени получала передышку на два — четыре года. В северных лесных районах существовали подсека, лесной перелог. Сеяли на Руси пшеницу, рожь, горох, ячмень и просо. Хлеб был яровой и озимый. Было широко распространено выращивание льна, известен был и хмель. Урожай собирали серпом и косой. В «Слове о полку Игореве» есть образы, навеянные сельскохозяйственным производством: «На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела»[2].

Зерно мололось на ручных жерновах и хранилось в ямах. Водяные мельницы появились не ранее XII в. В крупных феодальных хозяйствах имелись огороды и сады — из овощных и плодовых культур были известны репа, капуста, яблоки; здесь обработка земли производилась лопатой — «рыльцем» или «мотыкой».

---

[1] См. «История культуры древней Руси», т. I, М.— Л., 1948, стр. 56—77.
[2] «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1950, стр. 25.

Орудия сельского хозяйства XI—XII вв.: *1*, *2*, *11* — мотыги, *3*—*5*—серпы, *6* — *7* — косы, *8* — топор, *9* — острога, *10* — ножницы для стрижки овец, *12* — *13* — лемехи плугов, *14* — лемех сохи

Княжеские и монастырские хозяйства владели огромными стадами рогатого скота и табунами лошадей нередко в тысячи голов. Судя по «Правде Ярославичей», более всего ценились верховые кони. В том же памятнике упоминаются рабочий скот, волы, коровы, овцы, козы, свиньи, а из птиц — куры, гуси, утки, лебеди, голуби. Производились заготовки кормов для стойлового содержания скота; известна специальная коса — «горбуша», служившая для косьбы травы.

Масса земледельческого населения была далеко не обеспечена рабочим скотом. Коней забирали для войны, широко распространены были феодальные поборы скотом. Древнерусский смерд, зачастую лишенный рабочего скота и орудий труда, шел в зависимость к феодалу за пользование его скотом или сельскохозяйственным инвентарем.

Хозяйство смерда включало небольшое жилище, часто типа землянки, к которому примыкала клеть, где содержался скот: лошадь, корова, две-три овцы, куры. Имея одного коня, крестьянин применял только соху. Урожаи были (как и во всей тогдашней Европе) низкие, недород и голод представляли частые явления.

Из промыслов была распространена охота главным образом с целью добычи пушнины. В обширных лесах водились рысь, тур, или зубр, лось, олень, кабан, медведь, заяц. На внешний рынок шли меха белок, куниц, выдр, бобров, соболей, лисиц. Орудиями охоты служили лук со стрелами, различные сети и тенета и другие виды ловушек. Дикую птицу ловили с помощью «перевесов» — больших сетей, которые натягивались высоко над землей в местах перелета.

В IX—XII вв. богатые охотничьи угодья становятся собственностью князей, бояр, монастырей. Охота («ловы») составляла излюбленное развлечение князей; популярностью пользовалась спортивная охота с ловчими птицами (соколы, ястребы). В «Слове о полку Игореве» говорится, что князь Игорь «полете соколом под мглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обеду, и ужине»[1].

В экономике сельского хозяйства большое значение имела и рыбная ловля. Археологи при раскопках постоянно встречают крючки, остроги, грузила и поплавки от сетей, а также кости щук, сомов, лещей, осетров. Рыбу ловили неводом или бреднем, на крючок, били острогой. Устраивали «заколы» или «езы» (сооружения для рыбной ловли).

Из других отраслей хозяйства продолжало существовать лесное бортничество, где лучшие участки также были захвачены феодалами.

«Таким образом,— пишет один из знатоков сельскохозяйственного производства древней Руси, П. Н. Третьяков,— если основные отрасли

---

[1] «Слово о полку Игореве», стр. 28.

Охота на медведя. Фреска из киевского Софийского собора

сельскохозяйственного производства, земледелие и скотоводство, в основных чертах достигли в XI—XIII вв. того уровня, который был присущ и последующим столетиям, то второстепенные разделы экономики — охота, рыболовство и бортничество в эту эпоху еще удерживали много архаичных черт»[1].

Заметный шаг вперед сделало и древнерусское ремесленное производство[2].

Процесс развития крупной земельной собственности, отмеченный источниками в более ранний период истории Руси, интенсивно продолжался, хотя и оставалось еще значительное число лично «свободного» крестьянства. В связи с общим прогрессом в хозяйстве увеличивалось имущественное неравенство. Шло наступление крупного землевладельца на крестьянскую общинную землю и на самого крестьянина, и общинная организация вынуждена была приспособляться к новым отношениям.

Князья, светская и духовная знать — все эти, по выражению киевского митрополита Климента, «буйные и гордые» и «имения

---

[1] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 77.
[2] О ремесле см. гл. 2, § 2 настоящего издания.

ненасыщающиеся» богатые земельные собственники[1], безудержно стремятся к обогащению, захвату земли и подчинению себе людской рабочей силы.

Политически этот процесс выразился в укреплении и обособлении отдельных земель и в конечном счете в отпадении их от власти киевского великого князя.

Подобные явления, отмеченные Энгельсом, имели место и в Западной Европе. «Переворот (рост крупного землевладения и содействие этому процессу со стороны власти.— *Ред.*), — писал Энгельс,— замечателен тем, что, будучи применен как способ объединить государство, навсегда привязать магнатов к трону и усилить таким путем королевскую власть, он, в конце концов, совершенно обессилил корону, содействовал независимости магнатов и привел к распаду государства»[2]. Этот сложный процесс вел к феодальной раздробленности и в древнерусском государстве.

Для изучения состояния производительных сил и производственных отношений XI—XII вв. мы располагаем достаточным количеством источников, среди которых первое место занимает «Русская Правда». Для этого этапа истории особенную научную ценность приобретает летописный материал, содержащий факты, записанные хорошо осведомленными современниками. От этого же времени сохранились и отдельные грамоты (жалованные, вкладные, купчие, духовные) и литературные произведения. Таким образом, наши сведения о древнерусском прошлом приобретают значительно большую широту и достоверность.

Если для IX — X вв. имеются лишь указания на существование крупных[3] вотчин, княжеских, а следовательно, и боярских, то «Правда Ярославичей» (середина XI в.) рисует крупную вотчину с достаточной полнотой. Есть основания предполагать, что «Правда Ярославичей» составлена «по Ярославе», т. е. непосредственно после его смерти (через несколько лет эта формулировка уже не имела бы смысла), в 50-х годах XI в., и заключает в себе изменения в наказаниях за убийство, «а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша»[4]. Стало быть, при характеристике организации княжеского имения можно пользоваться «Правдой Ярославичей» и для времени Ярослава. «Правда Ярославичей» посвящена прежде всего именно этому предмету, что само по себе весьма показательно для данного этапа в развитии общественных отношений. Несомненно, сыновья Ярослава — Изяслав, Свято-

---

[1] «Памятники древней письменности», вып. 90, СПб., 1892, стр. 14.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. I, стр. 394.

[3] По сравнению с мелким крестьянским землевладением.

[4] «Правда Русская», т. I, М.—Л., 1940, ст. 2, стр. 104.

слав и Всеволод — со своими боярами специально собирались для составления «Правды», которая главной своей задачей имела защиту интересов крупных землевладельцев против возможных посягательств со стороны крестьян; поэтому вполне понятно, почему в «уставе» детей Ярослава изображается крупная (в данном случае княжеская) вотчина.

В центре вотчины стоял «княж двор», где, кроме княжеских хором, находились жилые помещения для челяди, обслуживавшей княжеское хозяйство. На обязанности начальника двора («огнища») — «огнищанина» (северный термин, имеющий и более широкое значение: член княжеской старшей дружины, боярин) лежала охрана имущества землевладельца. Рядом с огнищанином названы сборщик платежей, причитавшихся князю-вотчиннику с населения вотчины, начальник конюшен, далее идут старосты — «сельский и ратайный». Один, повидимому, обязан был следить за селами, входившими в состав вотчины, другой — наблюдать за барской пашней, строго ограниченной межами, нарушение которых каралось высоким взысканием (12 гривен).

«Правда» называет клеть, где хранилось зерно, хлев, а также загон для скота. Тут же имеется перечень обычных для сельского хозяйства рабочего, молочного и мясного скота и птицы. Кони барские и крестьянские паслись, повидимому, на одном лугу. Княжеские, в отличие от крестьянских (смердьих), пятнались. Названы также борти, свидетельствующие о пчеловодстве, и перевеси — приспособления для ловли птиц.

В «Правде» перечислены и основные непосредственные производители, обслуживавшие своим трудом вотчину и доставлявшие хозяину все необходимое. Это рядовичи, смерды и холопы — рабочая сила, унаследовавшая некоторые черты старой челяди и в то же время ее заменившая. Форма эксплуатации этих зависимых людей в значительной степени — примитивная отработочная рента. В отношении смердов существовала, повидимому, смешанная форма эксплуатации: отработочная рента и рента продуктами.

Под рядовичами разумеются люди, попавшие в экономическую кабалу, юридически оформленную особым договором — «рядом» и на основании этого договора работающие на хозяина. В «Пространной Правде» (XII в.) подробно говорится об одной из категорий рядовичей, ролейных закупах — людях, не имевших своих средств производства, получавших от хозяина небольшой участок земли (отарица) и небольшую сумму денег (купа), которая, повидимому, подлежала возвращению в случае ухода закупа от хозяина, а также плуг, борону и право пользоваться хозяйским конем. Закуп работал на земле своего господина, уйти от которого без разрешения не мог. Господин имел право подвергать его телесному наказанию; бежавший от хозяина

закуп превращался в холопа. Однако закуп не приравнивался полностью к холопу — господин лишался всяких прав на него, если обращался с ним как с рабом. Другие нарушения господином условий договора: произвольное изменение выданной при заключении договора суммы денег, уменьшение данного участка земли, побои, причиненные в пьяном виде или не «про дело»,— также считались наказуемыми. Термин «закуп» впервые встречается в «Правде» начала XII в., но под общим названием «рядовича» институт закупничества, несомненно, существовал и в более раннее время. В случае смерти рядовича его обязательства переходили на его семью. К рядовичам по своему положению приближались люди, поступавшие в феодальную зависимость на срок, за «милость» хлебом или деньгами.

Работали на феодала и другие категории населения: отпущенные на волю рабы, которых называли то «изгоями», то «пущенниками». Зависимость всех этих людей от своих господ — не рабского, а крепостного характера.

Именно этих закрепощенных крестьян древнерусского общества имел в виду В. И. Ленин, когда говорил, что крестьянин вынужден был идти в кабалу к богатому землевладельцу еще во времена «Русской Правды»: «...землевладельцы кабалили смердов еще во времена Русской Правды...»[1] «И «свободный» русский крестьянин,— указывал В. И. Ленин,— в 20-м веке все еще вынужден итти в кабалу к соседнему помещику — *совершенно так же*, как в 11-м веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками!»[2].

Наиболее сложным и запутанным в науке является вопрос о смердах. Смерды это — крестьяне-общинники. Они имели необходимые для производства орудия, владели участками земли и вели собственное хозяйство.

С течением времени, когда вся земля была объявлена собственностью великого князя, феодального государства, крестьянин-смерд разными путями стал попадать в зависимость от крупных землевладельцев. В «Правде Ярославичей», датируемой серединой XI в., смерд в числе зависимых от вотчинника людей стоит в одном ряду с рабом и рядовичем. Его жизнь, так же как и жизнь раба и рядовича, оберегается штрафом в 5 гривен, которые идут в пользу хозяина как возмещение понесенных им вследствие убийства смерда убытков (штраф за убийство свободного мужа был выше в восемь раз, за знатного человека — в шестнадцать раз, чем за смерда). После смерти зависимого смерда, не

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 170.
[2] Там же, т. 12, стр. 237.

имевшего мужского потомства, его имущество переходило хозяину (право «мертвой руки»).

По мере роста числа зависимых смердов в связи с увеличением привилегированного землевладения, эксплуатация их основной массы стала вестись в форме докапиталистической земельной ренты продуктами. Эта форма эксплуатации не требовала со стороны феодалов-землевладельцев никаких затрат и в то же время увеличивала их материальные ресурсы и политическое значение. Старый боярин-вотчинник, слуга князя, превращался в государя-вотчинника, имевшего политические права над своими подданными. Если пользоваться западноевропейским термином, то можно сказать, что вотчинник становился сеньором.

Правовое и хозяйственное положение его подданных крестьян-оброчников по сравнению с зависимыми людьми, сидевшими на барщине, иное: они самостоятельно вели свое хозяйство, имели некоторую возможность накопления. Землевладельцы-феодалы были заинтересованы в развитии сельскохозяйственного производства. Право «мертвой руки», роднившее зависимого смерда с холопом, отменяется. В. И. Ленин этот период в истории крестьянства, характеризующийся переходом к натуральной ренте, отмечает как первое расширение самостоятельности зависимых крестьян[1]. Но в то же время государство, стоявшее на страже интересов феодалов, обеспечивало им право на крестьянский труд, узаконивало зависимость крестьян от земельных собственников[2].

Одновремено с обязанностями по отношению к своим господам крестьяне несли ряд повинностей и в пользу государства[3].

В «Правде Ярославичей» рядом со смердом назван и холоп. Холопы — это категория подневольных людей, обязанных работать на своих господ, существовавшая в русском феодальном хозяйстве и в XI и XII вв., и позднее. Но, как мы видели, холопы не были главной производительной силой на Руси. Рабский труд постепенно и систематически вытеснялся более прогрессивным трудом людей зависимых и крепостных. Тенденция сократить источники рабства видна, например, в комплексе статей «Русской Правды» под общим заголовком «О холопстве». Обельным (полным) холопом делается человек купленный, женившийся на рабе или поступивший в тиуны или ключники «без ряду» (без договора). Закон предоставлял возможность заключать в таких случаях договоры, гарантировавшие за договаривающимися сохранение свободы. Купля раба тоже должна была обставляться формальностями, неисполнение которых делало куплю недействительной. Закон

[1] См. *В. И. Ленин*. Соч., т. 3, стр. 143.
[2] См. *К. Маркс*. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 807—808.
[3] См. гл. 3, § 2 настоящего издания.

категорически запрещал обращать в рабство за хлеб или за деньги, взятые в долг. Только «обельное холопство» соответствует понятию раба. Обычное холопство — это состояние зависимости, но не рабского характера[1].

Все зависимые от вотчинника люди, включая и администрацию, находились под юрисдикцией своего господина, без разрешения которого никто не имел права их судить.

Наряду с княжеским и боярским землевладением росло и землевладение церковное. В вотчинах церковных феодалов, так же как и в княжеских и боярских феодальных владениях, работали зависимые крестьяне — смерды. Так, жалованная грамота князя Мстислава Владимировича киевского и его сына Всеволода Мстиславича, князя новгородского (около 1130 г.) представляет собой акт передачи новгородскому Юрьеву монастырю села Буйце с данью, вирами и продажами[2] (т. е. с правами судебного и податного иммунитета). Обладание этими правами позволяло земельному собственнику-церковнику господствовать над непосредственными производителями.

Очень важно отметить, что княжеская вотчина, как и всякая другая (боярская или церковная), продолжала непрерывное наступление на крестьянскую общину. Луга, леса, воды находились в общем пользовании общины и крупного вотчинника, и община постоянно сталкивалась с крупным барским хозяйством то как поставщик рабочей силы, то как угроза растущим притязаниям землевладельцев-феодалов.

Крестьянская община по опыту знала, что крупный феодал несет ей стеснение и разорение, и поэтому не могла не реагировать по-своему на надвигавшуюся опасность. Крестьянин-общинник выражал свой протест против феодального гнета не только путем стихийных массовых движений, но и в форме повседневной борьбы.

Обращаясь к содержанию «Правды» Ярославичей, мы сразу попадаем в атмосферу классовой борьбы между смердами и феодалами. Действительно, эта классовая борьба выступает и в охране повышенным (восьмидесятигривенным) штрафом жизни представителей феодальной знати, и в ответственности всей крестьянской общины-верви за их убийство, и в предании смерти («во пса место») убийц «огнищан» при охране ими феодальной собственности («у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы»). Наличие острой социальной вражды заметно в репрессии Изяслава в отношении дорогобужан,

---

[1] «Правда Русская», т. I, ст. 110, стр. 116—117.

[2] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М.—Л., 1949 (далее—ГВНиП), № 81, стр. 140—141.

Жалованная грамота князя Мстислава Новгородскому Юрьеву монастырю, около 1130 г.

убивших его конюха, в разветвленной шкале штрафов за убийство вотчинной администрации (княжеского «тиуна», «ролейного» и «ратайного» старост и т. д.). Классовая вражда проявляется во вредительстве в отношении княжеского скота, в массовых хищениях имущества феодалов, в поджогах и «изуродовании» княжеских бортей, в нарушении прав земельной собственности, в «переорании» меж и уничтожении «перетесов».

В «Правде» Ярославичей речь идет о покражах скота из хлева и на поле, ограблении хлеба из клети, птицы из «перевесов», сена. При этом имеются в виду не только единичные случаи хищений, а и массовые «грабежи», в которых участвует по 10—18 человек и которые караются повышенными штрафами.

В условиях феодальных отношений XI в. все эти виды правонарушений, внимательно перечисленные «Правдой» Ярославичей, являлись формой активного протеста зависимой сельской бедноты, а также лично свободных смердов, которым грозило закабаление, против социального неравенства, все более обострявшегося в связи с углублением процесса феодализации.

В «Правде» Ярославичей все время выступает социальная антитеза князя-феодала и смерда. Смерд прежде всего является субъектом тех постоянных выступлений против феодалов, которые подразумевают все статьи «Правды». Это он объект тех репрессий и штрафов, которыми переполнен регламент[1].

В «Пространной Правде» есть прямые указания на умышленное истребление барского скота. «А кто пакощами конь зарежеть или скотину, то продажи 12 гривен, а за пагубу господину гривна урок платити»[2].

Даниил Заточник, писатель XIII в., очень образно изображает отношения двух классов-антагонистов феодального общества: «Богатьства и убожества не дай же ми, господи: обогатев, восприиму гордость и буесть, а во убожестве помышляю на татбу и на разбой...»[3]

2

ФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД. РЕМЕСЛО. ТОРГОВЛЯ

Русские города переживали значительный рост в X—XII вв. Иностранцы называли Русь «Гардарики» — «страной городов». Историки и географы того времени указывают на существование десятков и даже

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 19—24, 26, 28, 31, 32, 34—40; *Л. В. Черепнин.* Русская Правда (в краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы. Сб. к 70-летию Б. Д. Грекова. М., 1952, стр. 93—94.

[2] «Правда Русская», т, I, ст. 84, стр. 357.

[3] См. «Памятники древнерусской литературы», вып. 3, Л., 1932, стр. 62.

сотен городов на Руси[1]. По подсчету М. Н. Тихомирова, только русские летописи отмечают для IX—X вв. 24 русских города, причем сведения их далеко не полны, так как не включают, например, такого города как Суздаль, несомненно уже существовавшего в это время[2]. В XI в. в летописях упомянуто еще 62 города, что вместе с названными ранее составляет уже 88. В XII в. летописи называют еще 119 новых городов[3], а в первой трети XIII в. (до татарского нашествия) — еще 32[4]. На самом деле их было гораздо больше. Из нелетописных источников известно, например, о существовании таких городов, как Куконос, Ерсике и др. Особенно заметным был рост числа городов в XII в.

Города в эпоху феодализма образовывались и из сельской общины — марки, когда «сельская конституция... переходит в конституцию города, как только село превращается в город, т. е. укрепляет себя рвом и стенами»[5], и из феодального замка, и из торгово-ремесленного поселка — «рядка». Характерной для феодального города чертой являются не только городские укрепления, но главным образом существование у стен города ремесленного и торгового посада.

Русский город возник как центр сельскохозяйственной области, с ней связанный. Он обслуживал окрестное сельское население изделиями своих ремесленников и сам жил сельскохозяйственными продуктами округи. Таким городом был, например, Искоростень — древлянская столица[6]. Подобных небольших городов наши летописи знают десятки. На больших водных путях вырастали более богатые и крупные города — Новгород, Смоленск, Киев, Чернигов, ставшие центрами княжеств.

Рост производительных сил, разделения труда, — определяли возникновение и развитие ремесленных и торговых городов. Вырастая среди сельской местности, в тесном общении с окружавшим населением, города представляли собой «...факт концентрации населения, орудий производства, капитала, потребностей и способов их удовлетворения, между тем как в деревне мы наблюдаем диаметрально противоположный факт изолированности и разобщенности»[7]. Города притягивали

---

[1] Так, баварский географ IX в. насчитывал на земле бужан 230 городов, волынян (дулебов) — 70, уличей — 318, тиверцев — 148. См. *П. И. Шафарик.* Славянские древности, т. II, кн. 3, М., 1848, стр. 70.

[2] *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города. М., 1946, стр. 10—11.

[3] Там же, стр. 23.

[4] Там же. стр. 24.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XV, стр. 637.

[6] ПВЛ, ч. I, стр. 42—43; *П. Н. Третьяков.* Древлянские «грады». Сб. к 70-летию Б. Д. Грекова, стр. 64—68.

[7] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. IV, стр. 40—41.

к себе население окрестных областей и прежде всего сельскую бедноту — холопов, закупов. Уже «Русская Правда» предусматривает возможность бегства холопа в город и предписывает городским властям (посаднику) оказывать помощь господину в его розыске[1]. Эти беглые холопы занимались в городе ремеслами и торговлей, о чем говорят статьи «Русской Правды», упоминающие холопа, который «бегая добудеть товара»[2].

Поселившиеся на посаде под прикрытием городских укреплений горожане создавали свою организацию. В исторических источниках она выступает как организация военная. Но постоянно упоминаемые в летописях при описании различных военных событий «гражане» («кияне», «новгородци», «галичане», «смольняне» и др.) были организованы и независимо от военных надобностей. Наиболее полное выражение городская организация находила в вече — общем собрании горожан, которое существовало не только в Новгороде, но и в Киеве, Смоленске, Полоцке и многих других городах. «Время расцвета новых городских центров и есть период господства того вечевого строя, который нам хорошо известен»[3]. Городское вече ведет свое начало от народных собраний дофеодального периода. С возникновением государства эти народные собрания были заменены советом приближенных князя. Вече давало знать о себе лишь в редких, исключительных случаях (собрание горожан во время осады города неприятелем в отсутствие князя и дружины). Только с середины XI в. вместе с явными признаками расчленения древнерусского государства обнаруживается деятельность городских вечевых собраний. Первое вече в Киеве отмечено летописью под 1068 г., в Новгороде несколько раньше, в 1015 г. Конечно, эти летописные указания не являются определяющими. Но несомненно, что со второй половины XI в. значение вечевых собраний возрастает, а их расцвет на Руси относится к XII в. Вече решало важнейшие вопросы жизни города (в том числе вопросы войны и мира), избирало и смещало главных должностных лиц. Это был постоянно действующий орган, имевший определенные места сбора (в Новгороде — Ярославово дворище, в Киеве — двор храма Софии), свой сигнальный колокол, определенный порядок ведения собрания (например, первое слово принадлежало тому, кто созывал вече) и даже протокольные записи решений[4]. В больших городах (например, в Новгороде) наряду с общегородским вечем существовали меньшие «веча» в каждом районе города («конце»). Низшей ступенью городской организации являлись улицы и сотни.

---

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 454.

[2] Там же, ст. 119, стр. 457.

[3] *Б. Д. Греков.* Киевская Русь. М., 1949, стр. 363.

[4] *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города, стр. 219—220.

Городская организация была общественно-территориальной. Население отдельных улиц и сотен было различно по социальному составу, так как рядом обычно селились ремесленники одной профессии, торговцы близких специальностей, городская знать. Древнерусские города имели аристократические кварталы и районы, заселенные беднейшим людом. Это обстоятельство не могло не отразиться на характере городских организаций.

Боярство и богатое купечество составляли высший слой городской аристократии. Само вече зачастую находилось в руках богатейших фамилий, из которых обычно и выбирались высшие городские органы управления — сотские, тысяцкие и посадники.

В большинстве городов высшим выборным лицом был тысяцкий, являвшийся командиром городского ополчения — «тысячи», а также судьей, решавшим тяжбы между горожанами. В тяжелое время осады Киева монголами обороной города руководил киевский тысяцкий Дмитр. В Новгородской же земле, в самом Новгороде и его «пригородах»—Пскове, Ладоге и др.— высшим должностным лицом был выборный посадник, а тысяцкий являлся его помощником как на войне, так и в суде.

Из других должностных лиц известны кончанские старосты (в Новгороде и Пскове), сотские и подвойские. Все они занимали командные должности в войске, а также несли определенные функции в судопроизводстве[1]. Вечевой строй в городах сложился постепенно и не везде достиг одинаковой степени развития. Формирование вечевого строя в крупнейших городах относится к XI—XII вв. В это время роль горожан в политической жизни и роль городских ополчений в войске очень велика. Наиболее ярко вечевой строй был выражен в Новгороде.

Внутри городского населения по мере развития городов усиливалось имущественное расслоение. Выделялась верхушка, состоявшая из бояр и богатейших купцов и стремившаяся захватить всю власть. Положение городской бедноты — «черных людей», большинство которых составляли ремесленники, все ухудшалось. Недовольство их нередко выливалось в восстания, которые достигали значительного размаха, например, восстания 1068 и 1113 гг. в Киеве и особенно восстание 1207 г. в Новгороде.

Город был средоточием культурной жизни. Отсюда распространялись грамотность и книжное просвещение. Здесь складывались мировые торговые и культурные связи, трудом массы городских ремесленников

---

[1] См. гл. 3, § 4б.

создавались шедевры искусства, прикладного ремесла. Ремесленники составляли основную часть населения города, они обеспечивали его процветание и прогресс.

* * *

Основой развития городов было ремесленное производство, а не торговля. Отделение ремесла от сельского хозяйства началось в среде сельского населения. Деревенское ремесло продолжало играть значительную роль и с развитием городов.

Особенно ясно виден процесс выделения ремесла на примере наиболее распространенной ремесленной специальности — гончарного дела. К концу X в. посуда делалась на ручном гончарном круге, работа на котором требует довольно сложных приемов и навыков, доступных только специалистам. Ранее же посуду лепили от руки, очевидно, в каждом доме для собственной надобности[1].

Распространено было среди сельского населения и металлургическое производство. Железо получалось тогда из болотных, озерных и дерновых руд, залежи которых были почти везде[2]. Восстановление руды велось при помощи древесного угля с продуванием через горн воздуха мехами (отчего весь процесс получил условное название сыродутного).

Процесс восстановления железной руды был очень трудоемким, так как при тогдашнем состоянии техники нельзя было достигнуть температуры плавления железа (около 1500°) и оно получалось из руды при температуре 1000—1200° в тестообразном состоянии, оседая на дне примитивного горна (домницы) в виде губчатых сгустков (криц), которые затем специально проковывались для уплотнения металла. Чтобы вынуть крицу из горна, нужно было его разломать, а для следующей плавки сооружать домницу почти заново. Производство железа развивалось, разумеется, больше всего в тех сельских районах, где для этого были наиболее благоприятные условия. Но и в ряде городов при раскопках найдены остатки сыродутных горнов, несколько более усовершенствованных.

Близко к «доменному» делу стояло кузнечное. Обработка криц и отковка из них изделий для местных надобностей были делом деревенских кузнецов, обслуживавших сельское население. Они изготовляли топоры, копья, лопаты, плужные лемехи и т. п., наваривали и закаливали стальные лезвия. Фольклорные материалы позволяют уста-

---

[1] *М. В. Воеводский*. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. «Советская археология», 1936, № 1, стр. 60.

[2] *Б. А. Рыбаков*. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 38.

новить, что варка железа и проковка криц производились в основном зимой, а летом из этих заготовок ковали различные изделия [1].

Деревенские ювелиры выделывали в огромном количестве украшения из бронзы и серебра. Плавка цветных металлов производилась в глиняных сосудах (тиглях) или особых глиняных же ложках (льячках). Из тиглей и льячек расплавленный металл разливался в формы (также глиняные или каменные). Знали деревенские ювелиры и более сложную технику литья по восковой модели [2]. Праздничный наряд славянской женщины дополнялся многими украшениями — перстнями, браслетами, ожерельями, особыми привесками, называемыми условно височными кольцами, шейными обручами (гривнами). Перстни на пальцах и гривны на шее носили и некоторые мужчины. Так, «житие» Бориса и Глеба сообщает, что князь Борис подарил своему слуге Георгию золотую шейную гривну[3]. Мужскую одежду дополнял иногда пояс с набором серебряных блях.

Скромные украшения, распространенные среди широких слоев сельского населения, выделывались деревенскими ремесленниками; основными приемами здесь были литье, несложная чеканка и гравировка по бронзе и серебру. Деревенский ювелир обслуживал обычно небольшой район — 20—30 километров окружности, но некоторые изделия распространялись и дальше. Б. А. Рыбаков устанавливает, что в X—XIII вв. деревенские ремесленники, как и городские, работали уже в ряде случаев на рынок, а не только на заказ.

Большую роль играло и в городе и в деревне ремесло вотчинное. В составе «двора» феодала были и ремесленники, обслуживавшие не только нужды вотчины, но и местные рынки. «Ремественник» и «ремественница» упоминаются в перечне членов княжеского двора в «Пространной Правде». За их убийство полагался штраф 12 гривен [4] — столько же, сколько за убийство сельского старосты. На ряде

---

[1] Ср. упоминание в «Калевале»:

«Брат-кузнец мой, Ильмаринен,
Вековечный ты кователь!
. . . .
Летом ты куешь подковы,
А зимой куешь — железо».

(«Калевала», М., 1949, стр. 193—194).

[2] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 144—160.

[3] «Житие Бориса и Глеба», СПб., 1907, стр. 18.

[4] *М. Н. Тихомиров.* Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 237.

ремесленных изделий в качестве клейма мастера стоит родовой знак киевского великого князя — «трезубец». Такие же знаки стоят и на некоторых инструментах[1]. Несомненно, ремесленники были в вотчинах бояр и других феодалов. Те из них, которые обслуживали нужды вотчины, мало отличались от деревенских ремесленников, не попавших в частную зависимость, мастера же, обслуживавшие самого феодала и его семью, должны были быть более квалифицированными и стояли на уровне городских ремесленников.

Большое значение в экономической жизни древней Руси имело ремесло городское. Здесь разделение труда зашло уже довольно далеко. Б. А. Рыбаков на основе анализа источников выделяет 42 различные ремесленные специальности, которые существовали в древнерусских городах. Эти профессии он объединяет в 11 больших отраслей: мастера по обработке железа, цветных металлов, дерева, камня, кожи и мехов, выработке тканей и одежды, керамисты, ювелиры и специалисты разных тонких ремесел[2].

Домницы (сыродутные горны) в городах были более сложной конструкции, чем деревенские. Один такой горн, открытый на городище Райки[3], разрушенном дотла во время татарского нашествия, стоял на небольшом возвышении и имел особое устройство нижней части, позволявшее шлаку скопляться одновременно в восьми специальных углублениях. В таком горне могла получаться и сталь. Остатки крупных железоделательных мастерских встречены на многих древнерусских городищах. Они расположены всегда на окраинах, на посаде. Так было, например, в Москве XII в. Поблизости от «кричников», также на окраинах городских посадов обычно располагались кузницы. Археологи находят кузнечные горны, молоты, клещи, кузнечные зубила, наковальни. Тяжелые молоты — кувалды, могущие служить для работы молотобойца и проковки криц, встречаются редко[4]. Находимые при раскопках наковальни обычно небольшие, с четырехугольной рабочей поверхностью. Рог, характерный для современных наковален, иногда отсутствует, иногда же имеет иную форму, рассчитанную на какие-то специализированные поковки. Б. А. Рыбаков указывает, что древнерусские кузнецы знали и применение фигурных подкладок для придания изделиям различной формы[5]. Металлографический анализ кузнечных изделий древней Руси показал, что и городские и деревенские

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 492—495.
[2] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 166.
[3] *В. К. Гончаров.* Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 80—81.
[4] Там же, стр. 81—83.
[5] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 211.

кузнецы хорошо знали сварку и закалку стали и умели при помощи различной термической и механической обработки добиваться прекрасного качества рабочей части изделий.

Среди кузнечных изделий, во множестве встречающихся при раскопках древнерусских поселений и погребений, на первом месте стоят орудия труда: сошники, серпы, оковки лопат (лопаты в древней Руси были деревянными с металлической оковкой по краю), ножи, разного рода деревообделочные инструменты, наконец, гвозди, которые в ту пору еще не умели делать из тянутой проволоки. На втором месте — предметы быта: части конской упряжи, подковы, части весов, ключи и замки, дверные скобы и т. п.

Для обозначения различных ремесленных специальностей, связанных с добыванием и обработкой железа, употреблялись названия: домники (кричники), «кузнецы железу», гвоздочники, замочники, оружейники, бронники[1].

Производство оружия, конечно, было связано прежде всего с ковкой железа. Мастера, делавшие защитное оружие — шлемы, кольчужные рубахи и т. п., назывались бронниками (в более позднее время упоминаются щитники). Защитное оружие было на Руси широко распространено. Среди русских воинов было мало таких, которые не имели бы брони. Русские летописи и западноевропейские хроники постоянно упоминают крепкие брони русских воинов, их блестящие шлемы и ярко раскрашенные щиты. Особой роскошью отличалось вооружение военачальников. Так, «Слово о полку Игореве» описывает в бою князя Всеволода трубчевского и курского, прозванного за храбрость «буй тур», в следующих выражениях: «Камо, тур, поскочяше, своим златым шеломом посвечивая, тамо лежат поганыя головы половецкыя... от тебе, яр туре Всеволоде!»[2]. Здесь перед нами едва ли не запись очевидца, нарисовавшего яркую картину битвы, в которой издалека виден золотой шлем князя-военачальника. Эти шлемы русских князей с богатыми золотыми и серебряными украшениями делались городскими оружейниками. Они хорошо известны и по упоминаниям летописей[3], и по археологическим находкам.

Производство шлемов, кольчуг, щитов требовало высокого развития техники обработки железа. Еще в большей степени это относится к производству наступательного оружия — копий, мечей, сабель, боевых топоров, стрел. Для закалки и отпуска лезвий

[1] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 166.

[2] «Слово о полку Игореве», стр. 15.

[3] Например, ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 439. У Изяслава Мстиславича киевского «бе же на шеломе над челом Пантелемон злат» (т. е. золотой образок Пантелеймона).

оружия применялась сложная обработка. Мечи выковывались из тонких полос железа с переплетом из проволоки, а по краю наваривались сталью. Сталь, закаленная различными способами, имела разные названия. В источниках встречаются упоминания о «харалужных» «каленых» мечах, копьях, стрелах (последние — чаще всего «каленые»).

Техника наварки и закалки стали была настолько хорошо известна, что использовалась в качестве литературного образа. Автор «Слова о полку Игореве» вкладывает в уста князя Святослава следующую характеристику его племянников, Игоря и Всеволода: «О, моя сыновчя Игорю и Всеволоде!.. Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузе скована, а в буести закалена»[1]. Название «буесть» («в буести закалена») Б. А. Рыбаков связывает с воздушной закалкой стали (на ветру при быстром движении всадника)[2]. Термин «харалуг» просуществовал на Руси до конца XIV в. «Харалужные копья» упомянуты и в «Задонщине».

Оружие знати богато украшалось накладными пластинами с изящным орнаментом, а также художественной инкрустацией. Рукояти и перекрестья мечей, как правило, были богато орнаментированы. Формы оружия все время приспосабливались к нуждам военного дела. В производстве оружия особенно быстро усваивались все новшества, так как от этого в значительной мере зависела боеспособность войска. Комплекс оружия в разное время в разных русских областях зависел от социального состава войска и от того, с каким противником приходилось чаще всего сталкиваться. Так, в IX—X вв. повсюду на Руси основным оружием был прямой обоюдоострый меч, приспособленный для рубки с коня. Начиная с X в., в южных областях, подверженных нападениям степных кочевников, меч постепенно вытесняется саблей, которая представляет для конного воина значительные удобства в бою с легко вооруженным противником. На севере же, в Новгородской земле, меч сохраняется на вооружении конницы до XIV в. В пешем городском «полку», составленном в основном из ремесленников, почти не применялся меч, ему предпочитали боевые топоры.

Оружие русских, в особенности их прекрасные брони и щиты, не раз вызывало удивление и зависть врагов. Показателен летописный рассказ об обмене оружием печенежского князя с киевским воеводой Претичем в знак мира (летопись под 959): «и въдасть печенежский князь Претичю конь, саблю, стрелы. Он же дасть ему броне, щит, мечь»[3]. Русская кольчужная броня стала производиться по крайней мере на 200 лет раньше, чем в Западной Европе.

---

[1] «Слово о полку Игореве». стр. 20.
[2] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 116—117.
[3] ПВЛ, ч. I, стр. 48.

Обработка цветных металлов составляла важнейшую отрасль городского ремесла в древней Руси, обслуживавшую главным образом быт. К этой отрасли относятся профессии котельников («льятелей», т. е. литейщиков в собственном смысле этого слова), «кузнецов меди и серебру», «златарей», или «златокузнецов», чеканщиков (серебряников) и эмальеров. Как видно уже из самого перечня профессий, значительное место здесь занимало производство предметов роскоши. Больше всего производилось разной хозяйственной утвари для городского и деревенского населения (например, медных котлов и чаш), а также дешевых украшений и т. п. Но для выявления уровня развития ремесла показательно производство драгоценностей, хорошо известных по множеству кладов, найденных в больших городах — Киеве, Чернигове, Переяславле, Старой Рязани и т. п., потому что это производство требовало наиболее высокой квалификации мастеров. Оно могло развиваться только в крупных городах, бывших значительными торговыми центрами, где драгоценная утварь и украшения могли найти сбыт среди феодалов и богатых купцов.

Процесс литья цветных металлов и прежде всего меди в городе был значительно совершеннее, чем в деревне. Городские литейщики (котельники) умели отливать очень сложные изделия, пользуясь литейными формами из множества частей. Пожалуй, самым трудным в этой области был процесс литья по восковой модели. Он сводился в общих чертах к тому, что из воска изготовлялась модель предмета во всех мельчайших деталях. Эту модель обкладывали сырой глиной, а затем обжигали так, что глина затвердевала, сохраняя форму; воск вытапливался, а занимаемое им место заполнялось расплавленным металлом, который, таким образом, отливался в точное подобие восковой модели. Чтобы вынуть изделие из такой формы, нужно было ее сломать (отсюда и современное название процесса — «литье с утратой формы»). Изготовленная таким способом вещь была уникальной. Массовое производство при этом процессе исключалось. Древняя Русь знала уже литье колоколов по восковой модели, а также изготовление жаровен и прочей утвари. Шедевром этого производства является сохранившаяся до нашего времени бронзовая арка из церкви г. Вщижа (XII в.), на которой выполнен ажурный орнамент из переплетающихся жгутов с медальонами, содержащими изображения птиц.

Ювелиры-литейщики создали немало прекрасных вещей, хранящихся в коллекциях наших музеев: разнообразные украшения, кресты-складни для ношения «мощей» и т. п. Но наибольший интерес для изучения ремесла представляет своеобразная коллекция литейных форм, найденных в Киеве при раскопках на территории древней Десятинной

церкви[1]. Церковь эта служила последней твердыней киевлян, оборонявших город от монголов. Во время осады она рухнула и погребла под своими развалинами всех собравшихся в ней. Раскопки вскрыли картину этой последней борьбы во всем ее трагизме. Под полом церкви был небольшой тайник, в котором пытались укрыться несколько горожан, взявших с собой наиболее ценное имущество. Среди них был, очевидно, и мастер-литейщик, который принес с собой орудия своего ремесла — набор литейных форм. Здесь найдено 18 складных каменных форм. В большинстве форм отливались так называемые трехбусинные височные кольца — серьги, в других — характерное украшение древнерусских горожанок, полые звездообразные привески («колты»). Люди, спрятавшиеся в тайнике, были вооружены. Здесь найдены меч и шлем.

Если в деревне работа ювелира ограничивалась в основном литьем, то в городах широкое развитие получили тонкие ювелирные работы. Мастера ковки и чеканки из тонких листов серебра, золота и меди при помощи набора специальных инструментов с матрицами на концах, а также применяя зубчатые колесики, делали вещи сложной формы с художественным выпуклым орнаментом. Уже в X в. русские мастера достигли высокой техники чеканки, которую они дополняли еще более тонкой обработкой поверхности изделия — гравировкой. В погребении черниговского князя X в. (так называемой «Черной могиле») найдены два турьих рога, предназначенных для питья, края которых окованы серебряными полосами с замечательным орнаментом, изображающим на одном роге переплет из различных растений, а на другом — сцену из древней русской былины. В Новгороде хранятся два чрезвычайно схожих чеканных сосуда с великолепным орнаментом и надписями, говорящими о выполнении сосуда по заказу новгородского посадника для его жены. На дне одного из них имеется надпись: «Господи, помози рабу своему Фролови, Братила делал», на дне другого: «Господи, помози рабу своему Костянтину, Коста делал». Б. А. Рыбаков весьма основательно предполагает, что первый сосуд (мастера Братилы) был сделан в конце XI — начале XII в. для посадника Петрилы Микульчича, второй же (мастера Косты) сделан в конце XII в. в подражание первому и является, возможно, урочным изделием, изготовленным для получения звания мастера[2].

---

[1] *М. К. Каргер.* Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 119—123.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 299. Один из мастеров носил древнее русское имя Братилы и христианское имя Фрола, другой — имя Константина, сокращенное на славянский лад — «Коста». Подобные двойные имена встречались в ту пору часто.

Бронзовая арка XII в.

Государственный Исторический музей

Анализ этих сосудов позволяет установить, что крупные ювелирные изделия изготовлялись на заказ и что уже в XI—XII вв. в Новгороде существовала значительная дифференциация ремесленников.

Наряду с чеканкой и гравировкой поверхность изделий из серебра отделывалась и иными, более тонкими способами — чернью и позолотой. Б. А. Рыбаков отмечает, что и в этой области древнерусские ювелиры «обогнали своих царьградских, итальянских и рейнских современников, создав новый вид техники золочения»[1]. Особенно тонкой работы требовала от ювелира техника украшения изделий сканью, или филигранью, а также зернью. Техника зерни заключалась в том, что на поверхность изделия напаивались крохотные шарики, составлявшие определенный узор. Таких шариков иногда требовались тысячи, и каждый из них напаивался отдельно. Скань заключалась в выполнении художественных орнаментов из тонкой золотой или серебряной проволоки, которая напаивалась на металлическую основу. Эти работы требовали от исполнителя не только художественного вкуса и изобре-

[1] *Б. А. Рыбаков*. Указ. соч., стр. 330.

тательности, но и колоссального терпения и большой точности. Знали русские ювелиры и тиснение узора на тонких металлических пластинах при помощи матриц.

Наиболее ценные ювелирные изделия обычно сочетали различные способы обработки — чеканку, тиснение, гравировку, позолоту, зернь, филигрань, а также чернь и эмаль. Искусство изготовления художественных эмалей прославило русских мастеров далеко за пределами их родины. Городские мастера были истинными виртуозами в производстве и обработке цветных и благородных металлов. Б. А. Рыбаков пишет: «Не было, пожалуй, такой отрасли художественного ремесла, в которой русские ремесленники XI—XII вв. не создали бы замечательных, поражающих своим совершенством вещей. Русскими мастерами была освоена сложная техника зерни, скани, фигурного литья и, наконец, сложнейшая из всех — техника перегородчатой эмали»[1]. Эмали в древней Руси выполнялись весьма сложной (так называемой перегородчатой) техникой. Предполагаемый узор выполнялся сканью, затем промежутки между перегородками внутри узора заполнялись эмалью различных цветов. Так получались драгоценные изделия, хорошо известные по находкам в киевских, черниговских, рязанских и иных кладах. Знамениты княжеские бармы из Рязани, на эмалевых медальонах которых представлены различные «святые», золотые колты с эмалевым узором, изображающим птиц у «древа жизни», и множество других высокохудожественных произведений русских эмальеров. Более простая и грубая техника эмали, применявшаяся для дешевых (иногда — медных) изделий,— это так называемые выемчатые эмали, когда эмалью заполнялись выемки узора, сделанного, например, на литых изделиях (крестах и т. п.).

Важным ремесленным производством было гончарное. Не говоря о разнообразной глиняной посуде, без которой немыслим был домашний обиход ни бедноты, ни богачей, изделия из обожженной глины были необходимы для ряда производств, особенно для литейного дела, где льячки, тигли, а зачастую и литейные формы были керамические. Большое значение имели керамические строительные и отделочные материалы — кирпич («плинфа»), черепица, изразцы и плитки. Хотя количественно каменные здания составляли небольшой процент городских построек, но это были центральные здания. Наконец, в быту любой городской семьи употреблялись глиняные игрушки. Городские мастера-керамисты известны нам под именами гончаров или «горнчаров» (самое это название производят от слова «горн» — гончарная обжигательная печь), кирпичников, плиточников и игрушечников [2].

---

[1] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 118—119

[2] Там же, стр. 166.

Золотая цепь из десяти медальонов и колты, украшенные эмалью, XI в., из клада, найденного в Киеве.
Государственный Исторический музей.

Образец чеканной работы XII в. — серебряное ожерелье и два серебряных колта из клада, найденного в Киеве.

Государственный Исторический музей

Городские гончары, так же как и деревенские, лепили посуду на ручном гончарном круге. Однако обработка поверхности сосудов производилась ими гораздо тщательнее, формы сосудов были разнообразнее, а обжиг сложнее; знали они и искусство покрывать сосуды глазурью. Кувшины, сделанные киевскими мастерами, покрыты зачастую зеленой однотонной глазурью, плитки для полов — многоцветным узором, наносившимся при помощи специальных тигельков, имевших несколько камер с отверстиями, позволявшими поливать изделия одновременно глазурью разных цветов [1]. Из разноцветных плиток выкладывались узоры (например, фигурка павлина на полу Черниговского собора). При раскопках в городах самой частой находкой являются обломки глиняных сосудов. Кроме горшков и кувшинов, городские гончары делали большие сосуды с двумя ручками — корчаги. Название это мы узнаем из сделанной мастером надписи на одной из них (XI в.): «благодатнеша плона (т. е. полна.—

[1] *А. В. Филиппов*. Древнерусские изразцы, т. I, М., 1938, стр. 7.

Ред.) корчага сия»[1]. Известны миски, плошки и даже глиняные фонари и подсвечники. Нечто среднее между посудой и строительными деталями представляют «голосники» — большие сосуды, по форме напоминающие кринку, вставлявшиеся в своды церквей для облегчения их конструкции и лучшего резонанса. На одном из таких голосников имеется надпись: «Стефан псал», сделанная по сырой глине, очевидно, самим гончаром[2]. Кирпич был в русских городах квадратным и тонким. Он оттискивался в формах, затем просушивался и обжигался. Глиняные же игрушки лепились от руки. Они представляли собой человеческие фигурки, реже — фигурки зверей и птиц (последние — свистульки). Гончарные изделия обжигались городскими мастерами уже не в обычных домашних печах, а в специальных горнах.

Известны два типа гончарных горнов. Более примитивный из них — двухъярусный; в нижней камере его сжигалось топливо, горячие газы сквозь специальные отверстия в поде проникали в верхнюю камеру, где находились подвергаемые обжигу изделия. Проходя через эту камеру в дымовое отверстие, газы отдавали свое тепло, обжигая изделия. Нижняя часть горна врывалась в землю. Такие горны часто встречаются почти во всех русских городах. В Белгороде же открыт горн более усовершенствованной конструкции, называемый специалистами «горном с обратным пламенем». Он одноярусный, яйцевидной в плане формы, с дымоходом в центре. Топливо сжигалось в передней части горна, в то время как задняя загружалась обжигаемыми изделиями. Ток горячих газов направлялся так, что они до выхода в центральный дымоход обходили весь горн. Такой горн был экономичнее, так как требовал меньше топлива. В гончарных горнах достигалась температура в 700—900°, достаточная для полного обжига керамических изделий.

На днищах многих сосудов, а также на кирпичах имеются клейма мастеров. Б. А. Рыбаков, сопоставив многие сотни таких клейм, доказал, что они усложнялись от поколения к поколению, знаменуя, таким образом, наследственность гончарного ремесла[3]. На некоторых сосудах и кирпичах встречаются клейма в виде родового знака киевских князей — «трезубца», указывающие на то, что эти изделия были сделаны княжескими мастерами. Кирпичи, из которых сложены древние церкви Чернигова (XII в.), имеют не только княжеские знаки, но и различные клейма, принадлежащие, очевидно, епископским мастерам, а также

---

[1] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 142.

[2] Там же, стр. 142—143.

[3] *Б. А. Рыбаков*. Указ. соч., стр. 178—179, 363—367.

свободным мастерам[1]. На кирпиче из Старой Рязани написано даже имя мастера: «Яков тво...» (очевидно, «Яков творил»). Гончарное производство, как и кузнечное, было связано с огнем и потому располагалось на окраинах городов.

О продаже керамических изделий в Новгороде известно из повествования о крещении Новгорода (летопись под 989 г.). Там упомянут житель подгородного поселка Пидьбы («пидьблянин»), который вышел «рано на реку, хотя горонци вести в город»[2]. Очевидно, в X в. в Новгород на продажу возили горшки из окрестных сел. Позднее, как показывает название одного из концов Новгорода — Гончарского, производство это сосредоточилось в самом городе.

Отдельные детали каменных зданий уже в X—XI вв. делались не из кирпича, а из камня; в XII в. из камня стали строить и большинство церквей. Этим занимались «каменосечцы» — каменщики и гранильщики камня. В Киеве каменные детали украшений вырезались из имевшегося поблизости красного шифера (например, капители колонн Софийского собора, каменные плиты с портретами князей из Михайловского монастыря); на северо-востоке в XII в. стали строить храмы из белого камня, на котором вырезáли роскошный орнамент, придававший стенам вид чудесного ковра.

С обработкой камня было связано еще одно характерное ремесло — производство шиферных пряслиц. Пряслица (грузики для веретен) были нужны в каждом доме. Наилучшим материалом для них являлся красный шифер. Но залежи этого материала имелись лишь в одном месте — неподалеку от Овруча. В Овруче и Киеве при раскопках открыты крупные мастерские, производившие пряслица. Отсюда коробейники разносили их по всей Руси и даже за ее пределы[3]. Широко известны также резные каменные иконки. Знали киевские ремесленники и производство стекла, из которого делали небольшие сосуды, бусы и в особенности браслеты — любимое украшение горожанок, распространявшееся также по всей Руси.

Городам были хорошо известны и деревообделочники. Плотники («древодели»), мостники, «огородники» были специалистами по сооружению домов, мостовых и оград — крепостных стен, лодейники строили корабли, тесляры (столяры) делали мебель, бочары и ковшечники — деревянную посуду. При раскопках в Новгороде, Старой Ладоге и Москве найдены разнообразные бочки и бочонки, ковши, ложки,

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Древности Чернигова. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 11. М.—Л., 1949, стр. 89.

[2] НПЛ, стр. 160.

[3] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 188—202, 467.

миски, блюда и т. п. Значительная часть посуды сделана на токарном станке. Встречаются и точеные на токарном станке шахматные фигуры

В Новгороде было высоко развито плотничное ремесло, часть продукции которого найдена в виде разборных срубов, мостовых, а также целой системы дренажа и водоснабжения, неизвестного в ту пору городам Западной Европы.

В городах же по преимуществу развивалось и кожевенное производство. Известны скорняки-кожевники (кожемяки, «усмари»), сафьянники, сапожники, седельники, «тульники», делавшие колчаны — тулы [1]. Скорняки (от «скора» — мех) занимались обработкой мехов для одежды, кожемяки — выделкой кож («усние»). Летопись упоминает в X в. о производстве кож. В войске киевского князя Владимира I оказалась целая семья кожевников (отец и пять сыновей), младший из которых победил в единоборстве печенежского богатыря [2]. Это — киевские ремесленники, отправившиеся с князем в поход в составе городского ополчения. При раскопках в Новгороде и Москве найдены мастерские сапожников, в которых имелись специальные зольники для отделения волос от шкуры и чаны для дубления кож. В этих же мастерских шились изделия из кожи — обувь, ножны и т. п. «Усмарь» (кожевник) и «усмошвец» (сапожник) были в X—XII вв., да и позже, еще не разделены [3]. Их инструменты — раскроечные ножи, шилья, а также воск находятся при раскопках русских городов довольно часто. Сапоги были обувью горожан и княжеских дружинников. На распространенность сапог указывает хотя бы название боевых ножей — «засапожники». Крестьяне в ту пору носили лапти.

В деревнях прядение и ткачество были домашними занятиями женщин, обслуживавших своим трудом всю семью. В городах же производством тканей и одежды занимались специалисты-ремесленники — опонники, ручечники, ткачи, портные швецы (от «порты» — одежда). Название драгоценных тканей — «опона» связано с упомянутой в летописи ремесленной специальностью «опонник»; опонники были специалистами по производству парчи и иных роскошных материй, а ручечники занимались выделкой более дешевых «ручников» (ср. позднейшее «ручник» — полотенце) [4]. В летописях упомянуты Иванко Прибышинич опонник [5] и Иван ручечник [6]. Первый погиб в Липецкой

---

[1] См. «Слово о полку Игореве», стр. 12 («луци у них напряжени, тули отворени»).
[2] ПВЛ, ч. I, стр. 84.
[3] *А. В. Арциховский.* Раскопки на Славне в Новгороде. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 11, стр. 126.
[4] *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города, стр. 134.
[5] НПЛ, стр. 57.
[6] ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 502.

Закладка Золотых ворот в Киеве.
Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

битве (1216), а второй был в 1159 г. послом от смольнян. Дорогие ткани и одежды, сшитые из них, вероятнее всего, выполнялись на заказ и затем передавались по наследству в среде светских и духовных феодалов. Роскошная одежда знати описана в летописях и былинах (например, наряд Даниила Галицкого[1], Чурилы Пленковича и Дюка Степановича).

В заключение следует назвать еще несколько профессий ремесленников, связанных со спецификой больших городов и близостью дворов крупных феодалов. Сюда относятся книжные писцы, которых в городах Руси было немало, а также иконники и «гребенщики» (костерезы).

Из этого краткого изложения видно, что в X—XII вв. русские ремесла достигли высокого развития. «Расцвет городского ремесла наступает около середины XII в. и продолжается вплоть до татарского нашествия...»[2]

Русская ремесленная культура этой поры, как свидетельствуют письменные источники и археология, оказывала влияние на культуру народов Прибалтики, Поволжья, Севера, а также Польши, Чехии, Болгарии и других стран[3].

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 814.
[2] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 432.
[3] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 180—181.

Сведения об организации ремесленников в древней Руси очень отрывочны. Однако несомненно, что уже в XI—XII вв. был развит институт ремесленного ученичества. «Киево-Печерский патерик» упоминает об учениках иконописцах, один из которых, Алимпий, «добре извык хитрости иконней, иконы писати хитр бе зело» [1]. О трудном процессе учения говорит фраза: «Многажды ремественик кленеться не дати ученику ни ясти, ни пити» [2]. Ученик должен был овладеть всеми тайнами ремесла. Существовало испытание для учеников, желавших получить звание мастера. Они должны были представить «урочные изделия» («шедевры»). Но ученик, вероятно, далеко не всегда имел возможность сделаться самостоятельным мастером. Хотя термин «подмастерье» в древней Руси неизвестен, но упоминание летописи о бегстве от татар в XIII в. в галицкие города множества населения, среди которого были «уноты и мастеры всяции», следует понимать в том смысле, что там были мастера, подмастерья и ученики. «Слово «унота» (юнота),— пишет М. Н. Тихомиров,— обозначало юношу, но в данном случае, повидимому, имело другое специфическое значение ученика или подмастерья, потому что далее разъясняются те ремесленные специальности, которыми обладали бежавшие... юноты и мастера (седельники, тульники и пр.)» [3].

Сложный процесс ремесленного производства, при котором мастер работает с подмастерьями и учениками, предполагает и соответствующую организацию ремесленников, получившую в Западной Европе название цехов. Существовали братства кузнецов, объединявшиеся вокруг культа Козьмы и Демьяна, «покровителей» кузнечного ремесла. «Город на Руси выступает перед нами, как типичный средневековый город с преобладанием среди его населения ремесленников, уже начавших объединяться в корпорации, с работой ремесленников на заказ и на рынок, с зачатками ученичества и регулированием производства» [4].

Русский город развивался по тем же законам, что и средневековые города Западной Европы и Востока. Возникновение в нем ремесленных и торговых корпораций диктовалось исторической необходимостью. «В средние века в каждом городе горожане вынуждены были для защиты своей шкуры объединяться против сельского дворянства» [5], указывают Маркс и Энгельс. «Конкуренция постоянно прибывавших в город беглых крепостных, непрерывная война деревни с городом и связанная с ней необходимость организации городской военной

---

[1] «Патерик», стр. 124.

[2] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III, вып. 1, СПб., 1893, стр. 116 («ремьствьник»).

[3] *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 137.

[4] Там же, стр. 138—139.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IV, стр. 43.

Новгородские плотники.
Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

силы, узы общей собственности на некоторую определенную специальность, необходимость общих зданий для продажи товаров ...противоположность интересов отдельных ремесел между собой, необходимость охраны с трудом изученного ремесла и феодальная организация всей страны — таковы были причины объединения рабочих каждого отдельного ремесла в цехи»[1]. Городские ремесленники должны были конкурировать и с ремесленниками вотчинными, зависевшими от светских и духовных феодалов и жившими также в городах. Недавняя находка при раскопках в Новгороде множества древних грамот, написанных на бересте, открывает новые страницы общественной и частной жизни населения феодального города.

* * *

Древнерусский город был не только ремесленным, но и торговым центром. На его рынках (в городах бывало зачастую по нескольку «торгов», например в Киеве их насчитывали до восьми)[2] можно было найти и деревенские сельскохозяйственные продукты, и изделия городских ремесленников, и товары, привезенные из дальних стран. Крупные русские города — Киев, Новгород и др.— были международными торговыми центрами. Об обилии товаров, привозимых на городской рынок, свидетельствуют летописи, акты и памятники фольклора.

Говоря о развитии торговли в рассматриваемый период, необходимо учитывать, что в стране господствовало натуральное хозяйство, что

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IV, стр. 41.
[2] *И. М. Кулишер.* Очерк истории русской торговли. Пг., 1923, стр. 34.

сельскохозяйственные продукты, поступавшие на рынок, представляли собой в большинстве случаев оброк, собираемый феодалами со смердов, и что привозимые на Русь предметы роскоши распространялись лишь в сравнительно узком кругу феодальной верхушки общества. Товарное производство того времени обслуживало феодализм. Ремесленник работал чаще всего на заказ и получал плату за свой труд натурой, обычно продуктами сельского хозяйства. Более широкий круг распространения имели изделия городских ремесленников, продававшиеся на местных рынках. Торговля города с окружающей его областью много способствовала развитию товарного производства и обращения. Но были в древней Руси и такие товары, которые находили себе постоянно широкий сбыт и являлись объектами межобластной торговли. Так, Новгородская земля постоянно нуждалась в привозном хлебе, который поступал обычно из «низовских» земель. Новгородская летопись отмечает тяжелые неурожайные годы, когда «отець и мати чадо свое въсажаше в лодью даром гостьм, ово их измьроша...» [1] Упомянутые здесь купцы — «гости», путешествовавшие в ладьях по голодному краю, извлекали, вероятно, немалую выгоду, втридорога продавая хлеб и получая даром рабов. Другим важным объектом обмена между областями была соль, имевшаяся в достаточном количестве далеко не во всех русских областях. Соль добывалась на юго-западе Руси, в Галицкой земле, где были соляные копи, и на севере, на берегах Белого моря. Были и местные центры добывания соли в Суздальской земле. Наступавшие иногда перебои в снабжении солью не раз использовались купцами, а также монастырями и даже князьями для самых беззастенчивых спекуляций. Важным предметом торговли между областями были и меха, которыми особенно богаты были северные русские земли, а также «дорог рыбий зуб» (моржовая кость).

Некоторые виды ремесленных изделий также находили сбыт не только в той области, где они производились, но и далеко за ее пределами. Так, пряслица из розового шифера, добывавшегося на Волыни, выделывались в Овруче и Киеве и отсюда распространялись не только по всей русской земле, но и за ее пределы — в Польшу и Волжскую Болгарию. Подобным же образом распространялись и упомянутые уже стеклянные браслеты, наиболее крупным центром производства которых был Киев. Эти предметы, находившие сбыт среди широких слоев горожан (браслеты) и крестьян (пряслица), разносились по всем русским землям, как предполагает Б. А. Рыбаков, бродячими торговцами—коробейниками [2], в то время как солью, хлебом и мехами торгова-

[1] НПЛ, стр. 22.

[2] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 358.

ли более крупные торговцы—«гости». Существовавший внутри областей и между областями русской земли обмен не изменял общего натурального характера хозяйства, так как в основном потреблялись все же продукты самого хозяйства, по отношению к которым предметы обмена составляли лишь незначительную часть. Не изменяла натурального характера хозяйства и внешняя торговля, достигшая на Руси сравнительно большого развития еще в древности.

Находимые во многих русских областях в большом количестве клады восточных монет («диргемов») преимущественно IX в. говорят об оживленных торговых связях Руси с землями, подчиненными арабскому халифату. Диргемы чеканены в городах Средней Азии, Закавказья, Двуречья, Сирии. Косвенно эти находки говорят о преобладании в этот период русского вывоза над ввозом, благодаря чему и могли создаться излишки денег, превратившиеся в клады. В одном таком кладе было более 100 кг монет[1]. В X в. усиливается и торговля с Византийской империей, о чем, помимо письменных источников — летописей и рассмотренных выше договоров, говорят также частые находки византийских монет. В X в. киевские князья вели торговлю с ближневосточными землями Прикаспия, с Византией и Западной Европой. Выше приводились слова киевского князя Святослава[2], из которых видно, что Русь вывозила в то время, в основном, меха, воск, мед и «челядь»[3].

Особенно велик был вывоз воска, который требовался повсюду для нужд ремесла (в особенности литейного и ювелирного) и для производства восковых свечей, употреблявшихся в богатых домах и церквах. Поэтому не удивительно, что «вощники» — купцы, торговавшие воском, составляли одну из сильнейших на Руси торговых корпораций.

Предмет вывоза в X в. составляли также упоминаемые некоторыми арабскими авторами лен, полотна и лишь в незначительном количестве продукты городских ремесел — серебряные поделки и кольчуги. В XI—XII вв. на вывоз шло уже больше ремесленных изделий — литейных, ювелирных, кожи, пряслиц, замков, бронзовых зеркал, резных изделий из кости и т. п.[4]

Упоминаемая в «Повести временных лет» «челядь» — рабы, составлявшие, как видно, в X в. немаловажную статью русского вывоза, это, повидимому, преимущественно пленные, захваченные во время

---

[1] *М. В. Довнар-Запольский.* История русского народного хозяйства, т. I, Киев, 1911, стр. 85.

[2] См. стр. 89 настоящего издания.

[3] ПВЛ, ч. I, стр. 48.

[4] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 319.

частых в ту пору войн. Даже в XI—XII вв. в летописях имеются указания на продажу военнопленных в рабство и на стремление воюющих сторон захватить в плен побольше женщин и детей, так как рабыни ценились на международном рынке значительно дороже рабов.

В XI—XII вв. новгородцы вели большую торговлю не только с Западной Европой, но и со своими северо-восточными соседями, поставляя им металлические изделия в обмен на меха, которые впоследствии перепродавались в другие страны. Такой обмен с югрой описан летописью: «Югра же людье есть язык нем и соседять с Самоядью на полунощных (северных.— *Ред.*) странах... и есть не разумети языку их, но кажють на железо, и помавають рукою, просяще железа; и аще кто дасть им ножь ли, ли секиру (топор.— *Ред.*), и они дають скорою (мехами.— *Ред.*) противу. Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом, тем же не доходим их всегда; есть же и подаль на полунощии» [1].

Если здесь имел место «немой» обмен товара на товар, то с Востоком, Византией и Западной Европой Русь вела торговлю на деньги уже в VIII—IX вв. С X в. на Руси появились и монеты собственного чекана. Известны золотые и серебряные монеты киевских князей, начиная с Владимира Святославича. Но наряду с монетами в обращении были слитки серебра («гривны») и меховые деньги («куны»). На рынках Киева, Новгорода, Чернигова, и других крупных городов можно было услышать языки различных народов.

Изделия русских ремесленников — ювелирные поделки, художественную керамику — находят в Чехии, Польше, Швеции, а арабский автор X в. ал-Макдиси среди товаров, провозимых русскими через город Итиль, отмечает и кольчужную броню.

Что касается ввоза иноземных товаров на Русь, то здесь безусловно преобладали предметы роскоши — дорогие ткани (шелковые, золототканые, тонкие сукна, бархат), дорогое оружие, церковная утварь (после принятия христианства), ювелирные изделия, драгоценные камни, благородные и цветные металлы, благовония, пряности, южные фрукты (называвшиеся тогда «овощами»), вина, редко — хлеб и соль [2].

Яркие шелковые ткани — «паволоки» — шли преимущественно из стран ближнего Востока и Византии. Из Византии же поступали и парча и красивые ткани особого шестиниточного плетения — «оксамиты». Эти ткани, употреблявшиеся на одежду и убранство жилищ богатых

---

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 167.

[2] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 327.

людей, высоко ценились. Они постоянно упоминаются и среди предметов торговли и среди военной добычи. Так, описывая первую победу над половцами, автор «Слова о полку Игореве» не забывает упомянуть и богатую добычу, захваченную русскими: «...красныя девкы половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты»[1]. Русские купцы продавали византийские и восточные ткани в Западной Европе. Из Фландрии ввозились тонкие сукна. Клинки мечей в X в. нередко доставлялись на Русь из Фландрии или из дунайских земель (Пассау). В первом случае они имели на себе марку «Ульфберт», во втором — «Ингельред». Церковная утварь ввозилась почти исключительно из Византии, художественная керамика (фаянс) — из Византии и Персии. Оттуда же происходит и ряд тонких ювелирных изделий, которых, однако, ввозилось все меньше по мере развития ремесла в русских городах. Напротив, все большее значение приобретает ввоз благородных и цветных металлов, в особенности меди, которая, по всей вероятности, получалась из Волжской Болгарии, Венгрии и из половецких степей (район Бахмута). Б. А. Рыбаков предполагает возможность добычи меди и на русской территории (например, в Повенце)[2].

Основными торговыми путями были большие и малые реки, пересекавшие Русскую возвышенность. Едва ли не древнейшим из речных торговых путей был Волжский путь, соединявший русские земли со средним Востоком и с прикаспийскими землями. С верховьев Волги через короткие волоки можно было попасть на Мсту, на озеро Ильмень и далее по Волхову, Ладожскому озеру и Неве в Балтийское море. К Волжскому пути тяготели северо-восточная Русь (Суздаль, Ростов, Владимир, Муром). Из Приднепровья на Волжский путь попадали либо через бассейн Дона, выходя к Волге в районе современного Сталинграда, либо окружным путем, через Оку. От устья Волги двигались вдоль берегов Каспийского моря и далее, через Персию, сухим путем. Волжский путь сохранял свое ведущее значение в русской торговле в течение ряда столетий и тогда, когда уже давно заглох другой важнейший торговый путь—Днепровский. «Повесть временных лет» рассказывает о главнейших водных путях, по которым плавали караваны русских купцов. Кроме Днепровского и Волжского путей здесь описан длинный и трудный морской путь вокруг Европы через Гибралтарский пролив в Средиземное море, Рим и, по всей вероятности,— Северную Африку, а также путь по Двине в Прибалтику. Летописец знал и водораздел бассейнов Днепра, Двины и Волги—лесной край, который он называет «Оковьским лесом».

---

[1] «Слово о полку Игореве», стр. 13.
[2] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 329.

Днепровский путь в Константинополь имел наибольшее значение в X—XI вв. В это время в Константинополе существовала постоянная русская колония — место остановки купцов в монастыре св. Мамонта.

В XI в. соперничество итальянских купцов, а затем крестовые походы значительно ослабили торговлю с Византией, в связи с чем складывались и новые торговые пути в Западную Европу, в частности, сухопутные, особенно после того, как на Руси развилось строительство дорог, мостов и производство «кол» — колесных повозок. Важное значение приобретает дорога из Киева и Галича через Краков в Прагу и Регенсбург. Западнославянские земли на берегу Балтийского моря были издавна тесно связаны с Русью морским путем.

Археологические находки в районе Дорогичина (на Буге) свидетельствуют об этом городе как крупном рынке. Здесь обнаружено несколько тысяч свинцовых пломб, очевидно, привешивавшихся к тюкам с товарами. Около четверти всех найденных пломб имеют знаки русских князей из приднепровских княжеств[1]. Дорогичин был пограничным таможенным пунктом — «мытницей», куда по Припяти прибывали русские купцы. Отсюда товары развозились по польским землям. О торговых связях Руси с прирейнскими городами в XI—XII вв. говорит найденная при раскопках в Москве свинцовая пломба с епископским гербом — посохом и перчаткой. Подобные гербы в это время были у Кельна, Майнца, Хура, Эйхштедта и некоторых других городов, расположенных в верхнем и среднем течении Рейна. Подобная же пломба найдена и в Новгороде[2].

Следует отметить также развитие торговых связей с севером и северо-востоком, за Урал, в Югорскую землю.

В торговле, особенно иноземной, были ближайшим образом заинтересованы представители господствующего класса русского феодального общества. Князья и их окружение не только пользовались доходами с торговли в виде мыта и т. п., но и сами участвовали в этой торговле, не останавливаясь зачастую перед откровенными спекуляциями. Однако начиная с XI в. торговля все более сосредоточивается в руках купцов, а феодальная знать, как правило, уже не принимает в ней непосредственного участия. К этому времени относится и образование купеческих обществ. Но и в этот период торговля, как внешняя, так и внутренняя, обслуживает в основном лишь верхи феодального общества—бояр и купцов. Масса сельского населения, из которой путем оброка феодалы

---

[1] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 344.

[2] *Н. П. Лихачев*. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, т. II, табл. 31.

выжимали продукты для обмена, и городские ремесленники, изделия которых занимали все большее место в обмене, почти ничего не получали от торговли, обогащавшей в основном купцов.

В древнерусских городах хорошо известны купеческие общества. До нас дошел полный устав крупнейшей из новгородских торговых общин — так называемой Иваньской общины торговцев воском («вощников»), получившей свое название от церкви Ивана на Опоках в Новгороде[1]. Эта церковь была организационным центром общины. Здесь тысяцкий вершил торговый суд, разбирая тяжбы между русскими и иноземцами. В подвалах церкви хранились проверенные меры весов и длины («скалвы вощеныи, пуд медовый и гривенка рублевая и локоть еваньскый»). Одна из таких мер — «иваньский локть» — деревянная линейка с надписью «святого еваньско» была найдена при раскопках на торговой площади Новгорода. Причт церкви получал от общ ны определенное содержание. Община имела свое выборное правление — трех старост, установленный «членский взнос» — 50 гривен серебра, дававший купцу и его потомкам наследственные права членов общины. «А хто хочет в купечество вложится в ыванское,— читаем в уставе, данном общине князем Всеволодом Мстиславичем,— даст купцем пошлым вкладу пятдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипьское, ино купцам положить в святый Иван полтретьяцать (25.— *Ред.*) гривен серебра. А не вложится хто в купечество, не даст пятдесят гривен серебра, ино то не пошлый купец. А пошлым купцем ити им отчиною и вкладом»[2].

Община имела монопольное право взвешивать и мерить некоторые товары (прежде всего воск), взимая за провес соответствующую пошлину. Был установлен и особый праздник членов общины — день рождества Ивана Предтечи (24 июня) — храмовой праздник церкви Ивана, сопровождавшийся, очевидно, пиршеством («братчиной»). Устав иванского «ста» является одним из древнейших уставов средневековых гильдий на севере[3] Европы. Эта община не была, повидимому, единственной в Новгороде. К 1156 г. относится известие новгородской летописи: «В то же лето поставиша заморьстии церковь святые Пятнице на Торговищи»[4]. Здесь речь идет, очевидно, о постройке патрональной церкви Пятницы «заморскими» купцами (т. е. новгородскими купцами, торговавшими в заморских странах).

---

[1] См. стр. 344 настоящего издания.

[2] НПЛ, стр. 559.

[3] *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 150; ср. *А. А. Зимин.* Уставная грамота Всеволода Мстиславича. Сб. к 70-летию Б. Д. Грекова, стр. 123—131.

[4] НПЛ, стр. 30.

В 1165 г. та же летопись сообщает о постройке церкви Троицы «шетициничами» — т. е. купцами, торговавшими со Шецином[1]. Таким образом, в одном Новгороде в XII в. было по крайней мере три купеческие общины[2], строившие свои патрональные церкви (которые были не столько храмами, сколько складами товаров и организационными центрами). Были подобные церкви и в других городах, где случалось торговать новгородцам: в Киеве (церковь Михаила, называвшаяся также «новгородской божницей»), в ряде городов Прибалтики — везде, где новгородские купеческие общины имели более или менее прочные связи. Очевидно, подобные купеческие общества существовали и в других русских городах. Недаром «Русская Правда» говорит об ответственности купца за чужой товар, который он возьмет для продажи. «Купец средневековья, — пишет Энгельс, — отнюдь не был индивидуалистом, он был по существу своему общинником, как и все его современники»[3]. Очевидно, упоминаемые в источниках «сотни» являются купеческими организациями, в то время как организации ремесленников скрыты под названием улиц, так как ремесленники одной профессии расселялись обычно по соседству. «А от конца или от улици и от ста и от ряду итти ятцом двема человеком...», — говорится в более позднем памятнике — Новгородской Судной грамоте[4]. Таковы были организации купцов и ремесленников в древнерусских городах.

* * *

Большой русский феодальный город представлял собой красивое и величественное зрелище. Расположенные обычно по берегам рек, окруженные крепкими стенами, застроенные множеством деревянных домов, среди которых выделялись каменные церкви и «златоверхие» терема городской знати, утопавшие в зелени садов, русские города вызывали восхищение и удивление иноземцев. Характерно свидетельство летописи о впечатлении, которое произвел Киев на одного из татарских военачальников Батыя: «видив град, удивися красоте его и величеству его»[5].

Центром города обычно являлась укрепленная часть — «город» в собственном смысле этого слова, занимавший господствующее положение. Вокруг него разрастался посад, главную часть которого составлял «торг» — торговая площадь, обычно у речной пристани.

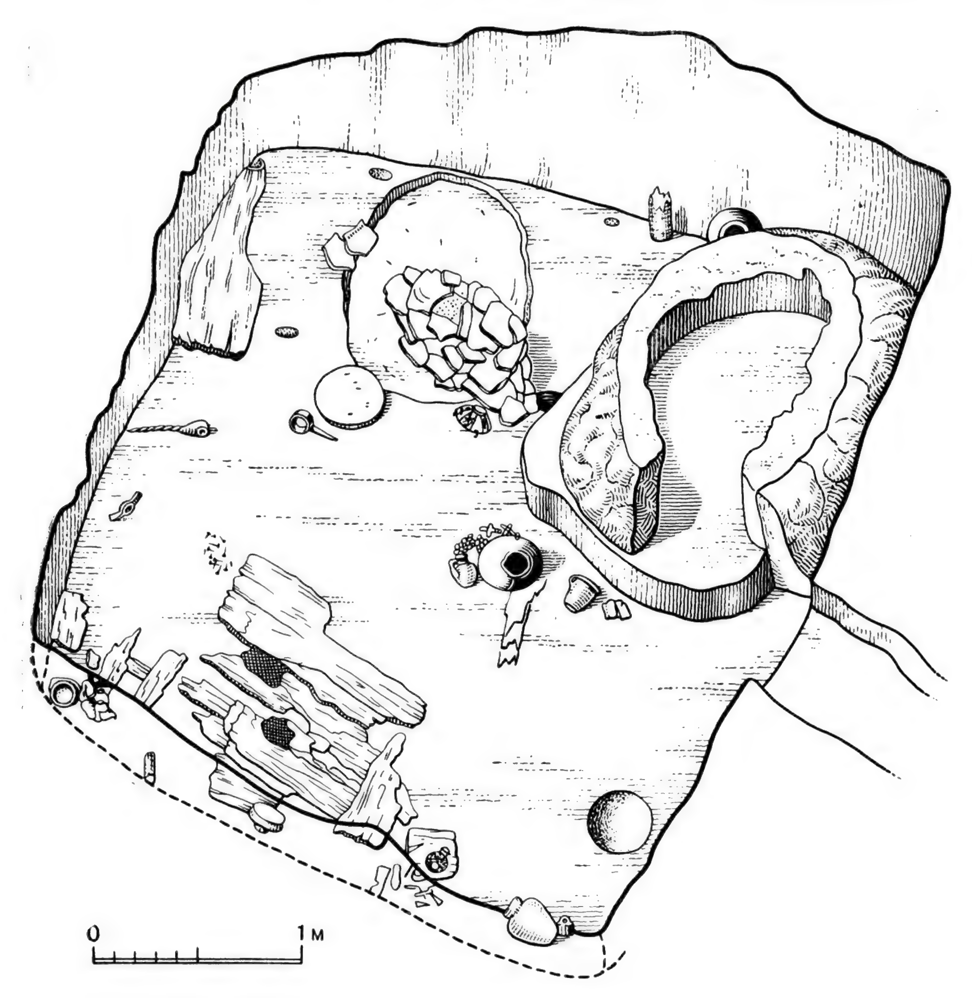
[1] НПЛ, стр. 31.

[2] См. стр. 341, 344 настоящего издания.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. II, стр. 501.

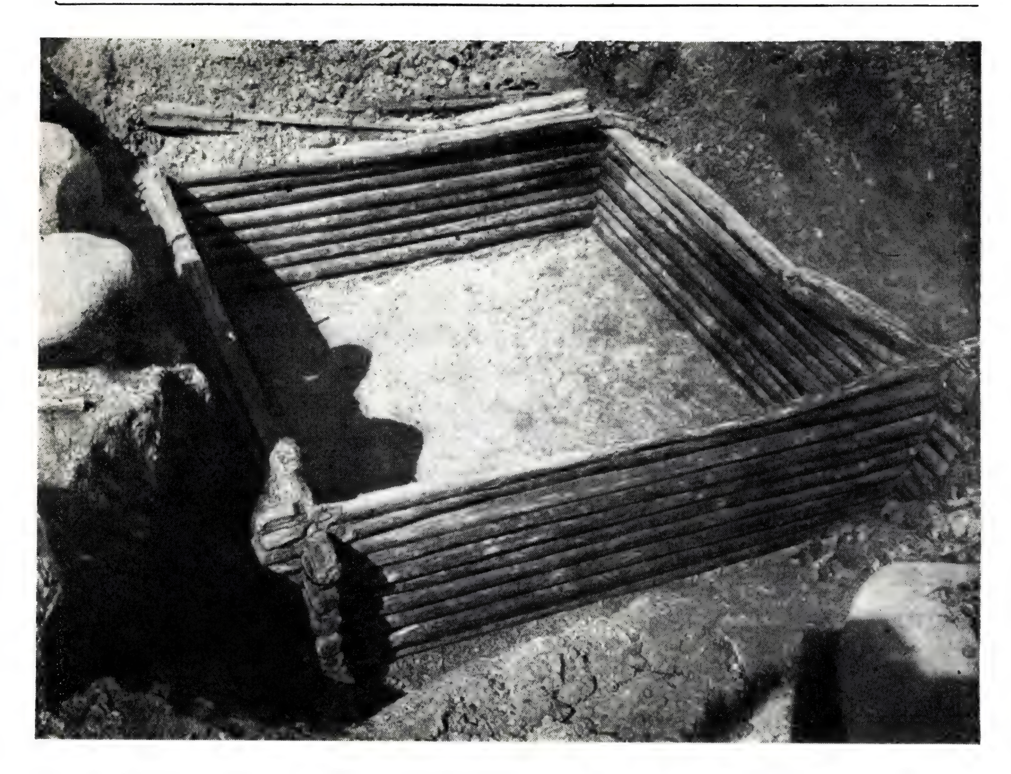
[4] Акты археографической экспедиции (далее — ААЭ), т. I, СПб., 1836, № 92, стр. 72.

[5] ПСРЛ, т. II, стб. 782.

Полуземляночное жилище, обнаруженное во время раскопок М. К. Каргера в Киеве

В кремле и на торгу находилось большинство церквей; на торгу собиралось и городское вече. В крупных городах по мере их роста сооружалась и внешняя линия (а иногда — несколько линий) укреплений. Так было в Киеве, Чернигове, Новгороде, Владимире. Но подавляющее большинство городов внешней линии укреплений не имело. Сама застройка городской территории была неоднородной. Внутри города находились не только постройки княжеского двора, но и дворы других крупных феодалов, подворья монастырей, торговые дворы приезжих купцов. Каждый из них представлял собой целый замкнутый поселок, образуя как бы город в городе. Ремесленные же

Сруб XIII в., обнаруженный во время раскопок А. В. Арциховского в Новгороде

кварталы были застроены небольшими домами. Княжеский дворец обязательно имел «гридницу» — особое помещение для «гридей» (дружинников). Это была большая палата, где устраивались и пиры. Позднее собрания и пиры устраивались «на сенех», под которыми, очевидно, следует понимать нечто вроде крытой террасы второго этажа, опиравшейся на столбы. Именно эти парадные приемные помещения и описываются в былинах, которые говорят об их роскошном убранстве и росписи внутренних стен и потолка преимущественно изображениями дневного и ночного неба.

Само жилище феодала («хоромы») состояло из нескольких комнат, расположенных обычно во втором этаже (нижний оставался для хозяйственных нужд). Но теплой (т. е. жилой в зимнее время) была лишь часть комнат. Эти комнаты и назывались собственно «истбой» или «истопкой» (от слова «топить»). Дом завершался теремом, украшавшимся как можно богаче (отсюда название «златоверхий»). Рядом с домом была церковь, иногда соединенная с ним переходами, по которым можно было пройти прямо из жилых комнат второго этажа на хоры церкви; иногда же надо было идти по лестнице. Каменные памят-

ники гражданского зодчества известны в Киеве, Галиче; особенно примечательны каменные палаты Андрея Юрьевича в Боголюбове, реконструированные в исследовании Н. Н. Воронина[1].

По-другому выглядели дома рядовых горожан. Почти каждый дом, открытый при раскопках в беднейших кварталах города, являлся одновременно и мастерской ремесленника. Часто это были полуземлянки, т. е. постройки из жердей, углубленные в землю на 1—1,5 метра и снаружи также обмазанные глиной и присыпанные землей. В такой темной и сырой землянке находилась курная печь из камней, а около печи — подпольная яма для хранения продуктов. Землянки открыты в Киеве, Чернигове, Суздале и Старой Рязани. В северо-западных русских областях, богатых лесом и суровых по климату, и беднейшее население строило дома из бревен, на высоких подклетях. Но и эти дома были малы по площади (самое большее 4×4 метра) и состояли из одного помещения с курной печью. Такие жилища открыты в Старой Ладоге, Новгороде, Москве.

Контраст между хоромами богатых и жалкими жилищами бедных составлял неотъемлемую черту ансамбля феодального города.

3

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Рост могущества феодалов и усиление экономического значения городов не могли не отразиться на политическом строе древнерусского государства.

В XI в. во главе государства попрежнему стоял князь, окруженный крупной знатью. Но отношения между князем и знатью изменились. Если в IX—X вв. князь был окружен дружиной, жившей зачастую при дворе, если его поддерживали местные крупные землевладельцы — бояре, которые видели в нем силу, обеспечивающую их материальное благополучие и политическое значение, то в XI в. дружинники превратились уже в землевладельцев, сливаясь со старым земским боярством, и мало зависели от князя экономически; они служили ему теперь на обычных вассальных условиях. С этими своими слугами князь вынужден был считаться больше, чем раньше, так как экономически они значительно меньше зависели от него. Чтобы обеспечить за собой необходимое число слуг, по преимуществу военных, князья вынуждены были раздавать им земли, чем способствовали еще большему их обогащению. Крупные бояре поступали совершенно так же, как и князья, они

---

[1] «История культуры древней Руси», т. I, стр. 224—227.

окружали себя своими вассалами, благодаря чему приобретали большую политическую мощь, дальнейшему росту которой уже мешала власть киевского князя.

Князь попрежнему являлся главой вооруженных сил страны, но самая организация войска начала меняться: вместо княжеской дружины и «воев» появляются вооруженные отряды, которые приводятся по требованию князя его вассалами.

Расширяется круг деятельности княжеского суда и управления на местах. Центром, откуда исходили нити управления, был еще попрежнему двор великого князя киевского. Под «двором» разумеется прежде всего комплекс княжеских слуг, «мужей» совета и слуг военных и невоенных, ведавших его хозяйством. На первом месте среди них были бояре. Из них наиболее приближенные к князю каждое утро являлись в княжеский двор и принимали участие в обсуждении дел. Это хорошо видно из жития Феодосия Печерского. Когда Феодосий, засидевшийся у князя до ночи, возвращался к себе в обитель, было уже раннее утро («зорям сущим»). Вельможи, едущие к князю, встречали Феодосия и, «издалеча познавше блаженного и сседше с коней», ему кланялись [1].

За боярством в порядке служебной иерархии следовали тиуны, мечники, гриди, детские, отроки. Если одни из них продолжали жить на иждивении князя и даже в некоторых случаях являлись его рабами (тиуны, например, не всегда были свободны), то другие находились в вассальных отношениях, получая от князя лены в виде земли.

Появление тиунов огнищных, иначе дворецких, тиунов конюших, стольников говорит о разделении дворцового управления по ведомствам. Эти же дворцовые должностные лица участвовали в управлении страной, поскольку дворец был центром этого управления.

Положение княжеских «посадников» на местах постепенно, но заметно менялось в связи с усилением городов и местной феодальной знати. В Новгороде, Полоцке, Тмутаракани, Чернигове и других местах в XI в. обычным явлением становится стремление местной знати и городов к усилению власти на местах, к политическому обособлению от киевского князя.

Однако все эти представители власти не смогли заменить собой крестьянские миры — общины, от глубокой древности выполнявшие функции судебные, административные и финансовые. Но общинные распорядки все более и более подчинялись требованиям государства. Так, община была обязана разыскивать вора; в противном случае она

---

[1] «Патерик», стр. 34.

платила убыток потерпевшему и уголовный штраф. Разыскание убийцы — также обязанность общины, за отказ участвовать в нем община уплачивала положенный за убийство штраф (виру).

* * *

Древнерусское право являлось частью надстройки феодального общества, а древнерусский суд представлял собой один из карательных органов феодального государства, выполняющий основную функцию этого государства — держать в узде эксплуатируемое большинство народа. Право и суд развивались вместе с развитием общества.

Закону предшествовало обычное право. В первобытном обществе господствовал обычай. Характеризуя первобытное общество, В. И. Ленин писал: «...Было время, когда государства не было, когда держалась общая связь, самое общество, дисциплина, распорядок труда силой привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода...»[1]

Когда появилось разделение общества на классы, когда возникло государство, параллельно с обычаями и постепенно на смену им появились законы. Еще Прокопий Кесарийский в VI в. указывал, что у славян и антов «вся жизнь и узаконения одинаковы», т. е. отмечал наличие правовых норм, передававшихся из поколения в поколение[2]. Древняя Русь уже имела письменные законы. Первые свидетельства о «русском законе» имеются еще в договоре Олега с Византией (911). Древнейшим из таких известных нам законов является краткая редакция «Русской Правды» (XI в.), которая сохранила еще некоторые нормы обычного права[3], например кровной мести; но месть уже отмирает, так как сперва наряду с ней (а с середины XI в.— вместо нее) вводится денежный штраф в пользу пострадавшего и в пользу государства, уплачиваемый убийцей; к глубокой древности восходят и такие нормы «Русской Правды», как применявшиеся в судебном процессе виды доказательств испытанием водой и раскаленным железом (ордалии), судебные поединки («поле») и др.

Развитие частной собственности на землю и образование классов, рост зависимости сельского населения от земельных собственников и эксплуатации его в форме отработочной ренты и ренты продуктами — словом, образование феодальной собственности на землю, дальнейшее

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 438.

[2] *Б. Д. Греков.* Генезис феодализма в России в свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке. «Вопросы истории», 1952, № 5, стр. 35.

[3] См. гл. 1, § 3 настоящего издания.

развитие феодальных отношений не могло не отразиться и на состоянии права[1].

Нормы права, которыми руководствовались древнерусские феодалы, ярко отразились во второй части краткой редакции «Русской Правды» (середина XI в.) — «Правде Ярославичей»[2], охранявшей княжескую собственность, администрацию и т. п. от антифеодальных выступлений крестьян. Наконец, дальнейшим развитием права, сводом (кодексом) древнерусского феодального права является «Русская Правда» в редакции Владимира Мономаха (начало XII в.)[3].

Она развивает и дополняет нормы уголовного права «Правды Ярославичей», а также вносит новые статьи, регулирующие нормы гражданского права. Она регулирует отношения по купле-продаже, займу, поклаже (отдаче имущества на хранение), по наследованию, опеке и т. п. Значительное число статей относится к судоустройству и судопроизводству. Вводит она и статьи об охране боярской вотчины. Она содержит и группу статей, регулирующих отношения господина и зависимых от него закупов, в частности «ролейных закупов» (т. е. зависимых людей, работающих на земле феодала), а также зависимых от феодала крестьян-смердов.

Суд производился лично князем или специальной администрацией, выделенной княжеской властью: тиунами, мечниками и т. д. «Русская Правда» упоминает княжеский двор как место судопроизводства.

Наиболее крупным преступлением являлось убийство княжеского «мужа» во время «разбоя» (т. е. антифеодального вооруженного выступления). Это преступление каралось «потоком и разграблением», т. е. изгнанием виновного за пределы той верви (крестьянской общины), к которой он принадлежал, и конфискацией его имущества. То же наказание следовало за поджог гумна, двора, наконец, за конокрадство.

Жизнь представителей господствующего класса — огнищан, княжеских дворецкого и конюшего («тивуна огнищного и конюшего») охранялась повышенным штрафом («вирой») в 80 гривен, в то время как в случае убийства простого свободного человека («людина») уплачивался штраф («вира») в 40 гривен, а за несвободного смерда или холопа платился урок в 5 гривен.

Очень детально разбирает «Русская Правда» различные виды преступлений против собственности («татьба»). Различаются случаи единоличной коллективной «татьбы». Так, предусматриваются слу-

[1] См. «История культуры древней Руси», т. II, М.—Л., 1951, стр. 31—42.
[2] См. гл. 2, § 1 настоящего издания.
[3] См. гл. 2, § 7 настоящего издания.

«Правда Русская» (Синодальный список), 1282 г.

Государственный Исторический музей

чаи коллективного участия в покраже скота или ограблении кладовой («клети»).

Охраняя интересы феодалов, «Русская Правда» назначает специальные наказания за кражу холопов.

Много внимания уделяет «Русская Правда» видам доказательств на суде. В ряде случаев судебное решение должно выноситься, согласно «Правде», на основании показаний «видоков» (свидетелей) из числа «свободных мужей» и «послухов» (соприсяжников). В исках о пропавших вещах решающее значение имело показание княжеского мытника (сборщика торговых пошлин), в присутствии которого была произведена продажа украденной вещи.

Существовала специальная процедура «свода». Истец, обнаруживший пропавшую вещь на торгу, требовал от нового владельца этой вещи, чтобы тот отвел от себя подозрение в краже, указав того, у кого он эту вещь в свою очередь приобрел. Такая процедура допускалась до третьего «свода», после чего розыски передавались истцу и шли до тех пор, пока не находился «тать».

Система доказательств, применявшаяся в древнерусском суде, была направлена к охране интересов господствующего класса. Иммунитет представлял феодалам права суда и эксплуатации подвластного населения [1].

«Русская Правда» является выдающимся памятником древнерусского права. С расчленением древнерусского государства она легла в основу права отдельных княжеств и республик. Наряду с «Русской Правдой» о зрелости, развитости права на Руси свидетельствуют памятники внешнеполитической деятельности русских князей, в частности — первые русские международные договоры, закрепляющие и отстаивающие права древнерусского государства в торговых, военных, дипломатических отношениях с Византией; они характеризуют древнюю Русь как крупнейшую державу Восточной Европы [2].

* * *

Вооруженные силы древнерусского феодального государства развивались как важная составная часть государственного аппарата.

Они известны в летописях под названием: «рать», «вои», «войско», «сила», «полци».

Войско древнерусского государства было многочисленно [3]. По своему составу и организации оно не было единым. Его составными частями были, с одной стороны, княжеская дружина и дружины бояр, с другой, — «вои», т. е. ополчение.

Княжеские дружины пополнялись преимущественно из среды местного русского господствующего класса, хотя и включали в себя представителей неславянского населения земель, подвластных киевским князьям (половцев, финнов и др.).

Социальная сущность дружины менялась по мере того, как дружинники захватывали или получали от князя земли, с которых до этого по поручению князя собирали дань. Дружинники, под именем «старейшей» дружины, «княжих мужей», бояр, становились ближайшими советниками князя по государственному управлению.

---

[1] «История культуры древней Руси», т. II, стр. 42—60.

[2] См. гл. 1, § 5 настоящего издания.

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926, стб. 29; т. II, стб. 34; т. VII, СПб., 1856, стр. 292.

Древние денежные гривны

Государственный Исторический музей

В мирное время старшие («старейшие») дружинники занимали высшие должности в дворцовом управлении и, в качестве наместников и волостелей, получали от князей в управление и «кормление» города и волости. Во время войны старшие дружинники назначались воеводами отдельных отрядов, полков. Старшая дружина собиралась и во время походов, для определения способов ведения войны, планов военных действий, условий мира и т. п., приобретая значение военного совета при князе.

На службу к князю дружинники-бояре являлись со своими дружинами. Каждый старший дружинник ценился не только по его личной боевой годности и опытности, но главным образом по той вооруженной силе, которая стояла за ним в виде его собственной боярской дружины

(отроков, детских). С развитием боярского землевладения росли и боярские дружины. В княжеском войске боярские дружины составляли особые отряды, они не смешивались с дружиной князя и были независимы от него.

В мирное время младшие дружинники были домашними слугами и ближайшими помощниками князя, исполняя различные обязанности по княжескому хозяйству в роли ключников, конюхов, казначеев и т. п. Они сопровождали князя в «полюдье» по сбору дани, позднее состояли сборщиками податей, помогали князю в судебной деятельности, выполняя, таким образом, внутренние задачи государственного классового аппарата. Они же несли и рядовую ратную службу.

Княжеские и боярские дружины насчитывали несколько тысяч человек[1]. Такая вооруженная сила была достаточна для поддержания «порядка» внутри государства, но этой силы не хватало для отражения внешней военной опасности. Это ясно видно из общей численности войска военного времени. Ярослав располагал в начале XI в. войском в 40 тысяч воев[2]. Понятно, что не княжеские дружины составляли основную массу этого войска.

В борьбе с внешними врагами основную вооруженную силу древнерусского государства составляло народное ополчение — полк. Полк восходит к дофеодальному периоду истории[3], когда все способное носить оружие население территории данного племени (позднее города с прилегающей областью) составляло «тысячу» во главе с военачальником — тысяцким. Князья не уничтожили этой организации, они использовали ее, приспособив для укрепления своей власти.

Тысяцкий назывался также воеводой. Этот термин («водитель воев») скорее народного, чем княжеского происхождения. О киевском тысяцком летописец сообщает: «воеводьство держаще кыевьские тысяща Яневи». В 1043 г. князь Ярослав отправил в поход сына Владимира с войском, а «воеводьство поручи» тысяцкому Вышате[4].

Организация народного ополчения по полкам получила дальнейшее развитие в период феодальной раздробленности Руси[5].

Каков же был социальный состав народного ополчения? Кроме беглых упоминаний о полках из городского населения («гражан»), имеются и более конкретные указания. Так, в 1015 г. воевода киевского князя Святополка укорял войско новгородцев, называя их смер-

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 172, 218.

[2] Там же, т. II, стб. 128; «История культуры древней Руси», т. I, стр. 400.

[3] См. *Б. Д. Греков*. Киевская Русь, стр. 307.

[4] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 154.

[5] См. гл. 3, § 3 настоящего издания.

Князь с дружиной в походе. Миниатюра XIV в.
Центральный Государственный архив древних актов

дами, плотниками и гончарами [1]. В походе на половцев в 1185 г. князья сошли с коней и начали битву в пешем строю, чтобы в случае отступления не оставить на поле битвы пешую часть войска — «черных» людей[2].

Основное ядро народного ополчения составляло городское население (ремесленники и другие «черные люди»). В ополчение привлекались также местные бояре со своими слугами, купцы и пр. Во время непосредственной военной опасности в ополчение входило поголовно все городское мужское население, способное носить оружие. В этом смысле можно понять призыв князя Изяслава в 1078 г. сбирать «воя от мала до велика»[3].

Вопреки утверждениям некоторых дореволюционных историков, в ополчение входило и сельское население — смерды. Так, разгромив Святополка и заняв киевский стол, Ярослав роздал своим воинам денежную награду: старостам и новгородцам (горожанам) — по 10 гривен,

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 129; НПЛ, стр 83; ПСРЛ, т. XXIII, СПб., 1910, стр. 18.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 641.
[3] Там же, стб. 192.

а смердам — по гривне[1]. Несомненно, что об участии смердов в войне обсуждался вопрос и на Долобском съезде князей в 1103 г. [2]

Созыв народного ополчения для похода осуществлялся княжеской властью. Но в обороне государства и участии в ней ополчения большое значение имело вече крупных городов. Так было в 1068 г., когда жители Киева, участвовавшие в сражении с половцами, прибежали в город, собрали («створиша») вече на торговой площади и решили продолжать борьбу. Они направились к киевскому князю Изяславу и, указывая на грозившую опасность, потребовали оружия для продолжения борьбы. Изяслав не послушался; не встретили киевляне поддержки и со стороны тысяцкого (воеводы) Коснячка. Этот отказ послужил сигналом к народному восстанию[3].

Таким образом, первое крупное нападение половцев на Русь закончилось первым известным нам крупным народным восстанием. Ход событий показывает большую активность населения города Киева; оно не остановилось перед изгнанием князя, отказавшегося возглавить народное ополчение в минуту военной опасности.

Городовые ополчения зачастую оказывали решающее влияние на ход военных действий. Например, в 1093 г., во время похода на половцев, князья Святополк, Владимир и Ростислав на берегу р. Стугны созвали свои дружины на совет для решения вопроса о дальнейших действиях. На этом совете присутствовал и воевода Ян Вышатич, который присоединился к мнению Владимира Мономаха, высказавшегося за мир с половцами. Пока князья с боярами обсуждали положение, киевский городовой полк, участвовавший в походе, «встал вечем», сидя на конях. Когда на этом вече стало известно предложение Мономаха, киевляне «не всхотеша совета сего», разойдясь в данном случае не только с мнением князей и их дружин, но и с собственным воеводой. Киевляне заявили, что они хотят драться с половцами, и их мнение одержало верх [4].

Вмешательство народа в боевые действия князей и воевод было результатом высокой активности народных масс в обороне своей земли.

Изучение состава и состояния дружин и народного ополчения позволяет сделать некоторые выводы о боевом значении тех и других.

В интересах господствовавших классов дореволюционная дворянско-буржуазная историография единодушно утверждала, что только

---

[1] НПЛ, стр. 15, 175.
[2] См. гл. 2, § 5 настоящего издания.
[3] См. там же, гл. 2, § 4.
[4] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 219.

в чрезвычайных случаях вооружались горожане и сельские жители и что лучшей частью войска, игравшей решающую роль, были бояре и дружинники[1]. Несомненно, что княжеские и боярские дружины были постоянной, более организованной и более привычной к войне частью русского войска; что в военное время дружины, сражаясь возле князя, составляли ядро войска, около которого группировались полки народного ополчения. Все это однако, не дает оснований считать дружины решающей силой в обороне страны. Дружина как постоянная часть вооруженных сил была классовой опорой князя в управлении княжеством, в подавлении сопротивления со стороны населения, в охране территории княжества от посягательств князей-соперников. Но княжеских дружин было недостаточно для борьбы с внешним врагом, и в таких случаях решающей силой становились народные массы.

В военное время вооруженные силы древнерусского государства пополнялись вспомогательными отрядами наемников. Это были отряды кочевых народов юга — торков, берендеев, печенегов, половцев и др. Из западных народов участие в военных действиях принимали наемные отряды венгров, чехов, поляков, на севере — варягов. Но решающую роль в составе княжеских вооруженных сил играли «вои» (народное ополчение). Южные кочевники участвовали в русском войске не только в качестве наемников, но и союзников. Такие вооруженные отряды использовались и для постоянной защиты границ, для чего князья поселяли кочевников в пограничных местах, главным образом со стороны южных степей[2].

Войско делилось на конницу и пехоту. Княжеские и боярские дружины состояли преимущественно из конных воинов. Народное ополчение давало и конных и пеших воинов («пешцев»). Уже в первых известных нам походах киевских князей на Царьград войско состояло из конных и пеших отрядов. В 1060 г. князья Изяслав, Святослав, Всеволод и Всеслав «совокупиша вои бещислены и поидоша на коних и в лодьях» в поход[3]. О том же свидетельствуют и источники более позднего времени.

В походе на половцев в 1103 г. русское войско было «на конех и пеши», причем пешие воины передвигались в ладьях[4].

---

[1] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, кн. 1, т. III, СПб., 1842, стр. 123; *Н. С. Голицын.* Русская военная история, ч. 1, СПб., 1877, стр. 33; *Н. П. Михневич.* История военного искусства с древнейших времен. СПб., 1895, стр. 137; «Русская военная сила», т. I, М., 1897, стр. 48, 71.

[2] См. *Б. Д. Греков.* Киевская Русь, стр. 343—344.

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 163.

[4] Там же, стб. 278.

Соответственно вооружению пешая рать делилась на стрельцов — лучников, действовавших преимущественно в рассыпном строю, и копейщиков для массового рукопашного боя. Уже в борьбе с половцами в составе русского войска источники упоминают стрельцов. Так, в 1093 г. в походе князей Святополка, Владимира Мономаха и Ростислава первыми против половцев выступили из-за вала (укрытия) стрельцы[1]. Позднее подобные факты становились все более многочисленными.

Первоклассное по тому времени вооружение русских воинов наряду с защитным снаряжением (доспехами и щитами) включало обоюдоострые мечи, сабли, длинные и короткие копья (сулицы или дротики — метательные копья), топоры, рогатины, деревянные луки со стрелами, ножи.

Проследить развитие и изменения вооружения войска в изучаемый период очень трудно. Для более раннего времени (X в.) арабские писатели, несомненно знавшие русских славян, указывают на наличие у них мечей и секир (Ибн-Фадлан), дротиков, щитов и копий (Ибн-Даста)[2]. В то же время русские воины имели и другой вид основного оружия — саблю. На древнерусских рисунках изображены червленые (красные) щиты, которыми «перегородили поле храбрые русичи». Древнерусский шлем, вытянутый кверху (шишак), и кольчуги известны с X в.; луки со стрелами применялись во всей Руси[3].

Кроме ручного оружия, русское войско имело и особые метательные орудия — прообраз будущей артиллерии. Они употреблялись на Руси в очень раннее время. Еще войско киевского князя Святослава, обороняясь от греков в Доростоле, отражало их приступ стрелами и камнями из метательных орудий[4]. Метательные орудия были в русском войске и в последующие столетия[5]. По оснащенности русское войско было передовым.

Снабжение войска оружием и снаряжением обеспечивалось благодаря широко развитому ремеслу[6].

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 220.

[2] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», М.—Л., 1939, стр. 78; *А. Я. Гаркави.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 266.

[3] *Б. Д. Греков.* Киевская Русь, стр. 327; «История культуры древней Руси», т. I, стр. 417—438

[4] *Н. Е. Бранденбург.* Боевые снаряды древней Руси. «Военный сборник», т. LIX, № 1, 1868, стр. 3—28; *его же.* Исторический каталог Петербургского артил. музея, ч. 1, СПб., 1877, стр. 17.

[5] НПЛ, стр. 86 (1269 г.), 96 (1322 г.); ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стр. 154.

[6] См. стр. 131—132 настоящего издания.

О широком изготовлении оружия еще в IX в. свидетельствует рассказ летописца о том, что поляне когда-то платили хазарам дань мечами («вдаша от дыма мечь»). Заслуживает внимания известие Ибн-Хордадбеха (IX в.) о вывозе мечей из Славонии[1]. По сведениям «Русской Правды», оружие продавалось на торгах. Вещественные памятники, сохранившиеся от изучаемого периода, показывают высокое качество и художественное оформление вооружения, изготовлявшегося отечественными ремесленниками[2].

Русское войско имело и свой боевой порядок. Наиболее ранние указания на боевой порядок русского войска относятся ко второй половине X в. Так, греческий историк Кедрен, описывая действия войска Святослава, отмечает, что русское войско разделялось на три части. Этот порядок сохранялся и позднее. Он встречается в начале XI в. при описании битвы Ярослава новгородского с Мстиславом черниговским. Ярослав нанял в помощь своему войску отряд варягов, а Мстиславу помогали «северяне». Вечером, накануне боя, Мстислав «исполчи (построил. — *Ред.*) дружину» свою, поставил северян против варягов, «в чело... варягом», а сам с дружиной встал по бокам северян, «по крилома». Бой начался между варягами и северянами, на помощь которым позднее выступила и дружина Мстислава[3]. Следовательно, войско Мстислава было разделено на три составные части: центр («чело») и фланговые отряды («крила») левый и правый[4].

Тот же порядок соблюдался при походе русских князей на печенегов в 1093 г., когда три князя-союзника поставили свои отряды в центре и на флангах объединенного войска[5].

Этот боевой порядок получил дальнейшее развитие в период феодальной раздробленности Руси и в централизованном Русском государстве. Боевое построение русского войска в виде трех или пяти частей (полков) существовало до середины XVII в. Такое длительное существование трех- или пятичленного боевого порядка войска показывает жизненность этого деления. Наличие трех самостоятельных частей войска позволяло разрешать стратегические и тактические задачи, повышало маневренность и силу сопротивления войска. Оно облегчало командование всем войском.

Военные походы древнерусского государства охватывали Балтийское, Черное и Каспийское моря, южные степи, Поволжье, Балканы. В X и XI вв. военная слава Руси гремела далеко за пределами государства.

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 17; *А. Я. Гаркави*. Указ. соч., стр. 49.
[2] *Б. А. Рыбаков*. Указ. соч., стр. 138, 223—228, 232, 234.
[3] ПСРЛ, т. II, стб. 135—136.
[4] Ср. там же, стб. 138.
[5] Там же, т. I, вып. 1, стб. 220.

Крупнейшими полководцами своего времени были князья Святослав, Владимир Мономах и др. О военном искусстве и опытности Мономаха свидетельствует тот факт, что за всю жизнь он только раз потерпел поражение в бою. О размахе военной деятельности Мономаха можно судить по его словам: «а всех путий (походов.—*Ред.*) 80 и 3 великих, а прока не испомню меньших»[1]. С одними только половцами он 19 раз заключал мир.

В 1111 г. русское войско, руководимое Мономахом, прошло далеко в степь, за Дон, куда русские не ходили со времен Святослава. В кровопролитном бою половцы потерпели крупное поражение. Предание описывает, как Владимир пил воду из Дона своим золотым шлемом, как загнал врагов за Железные ворота (Дербенд). Под руководством Владимира Мономаха русский народ отбил натиск половцев и разгромил их.

4

НАЧАЛО ФЕОДАЛЬНЫХ ВОЙН. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДО 60-х ГОДОВ XI В.

Изменения в общественном и политическом строе древнерусского государства создавали предпосылки для феодальной раздробленности. Процесс этот протекал далеко не мирно. За целостность древнерусского государства шла борьба.

Но рост городов, крупного землевладения и связанное с ним политическое усиление знати, рост феодальной эксплуатации и развитие классовой борьбы в конечном счете привели к раздроблению этого огромного, но непрочного государства.

В вопросе о раздроблении древнерусского государства должны быть учтены два момента: во-первых, судьба столицы государства, Киева, и, во-вторых, судьба земель, входивших в состав древнерусского государства.

По мере усиления отдельных княжеств и образования новых экономических и политических центров Киев утрачивал свое привилегированное положение. Отдельные княжества переставали платить «дани», и Киев терял свои прежние экономические ресурсы.

Это был упадок города Киева и непосредственно прилегавших к нему мест. Вся же страна в целом в это время в экономическом отношении сделала заметный шаг вперед. Рост производительных сил на местах создал новые экономические центры, которые в XII в. достигли такого уровня развития, что стали обнаруживать стремление

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 250.

к обособлению от «матери городов русских». Перед ними стояли свои собственные экономические и политические задачи и у них было достаточно своих собственных сил для осуществления этих задач. Очень показателен в этом отношении пример Новгорода. Приблизительно с начала XI в. Новгород вел свою собственную политику освоения севера и северо-востока. Новгородская знать уже обладала достаточно сильным аппаратом власти для удержания в узде крестьянства и городских «черных» людей. Новгороду нужно было также защищать свои границы от нападения соседей. Киев ничем не мог помочь Новгороду, а требовал от него денег и людской силы. Понятно, почему новгородская знать стала тяготиться своей зависимостью от Киева.

В той или иной мере то же самое переживали и другие земли древнерусского государства. В отдельных его частях росли большие города, объединявшие вокруг себя целые области.

Угроза целостному существованию древнерусского государства появилась уже в конце княжения Владимира, а в год его смерти совершенно четко проявились признаки дробления государства.

В Новгороде в качестве подручника киевского князя сидел в это время сын Владимира Ярослав, но он пошел не с отцом, а с новгородскими боярами.

В 1015 г. новгородские правители вместе со своим князем Ярославом перестали платить дань Киеву. Владимир оценил поведение новгородцев как первый шаг к отделению Новгорода от Киева. Он решил военной силой заставить Новгород подчиниться своим требованиям. Новгородцы также стали готовиться к войне. Для усиления своей обороноспособности они наняли варяжскую дружину. Эта наемная дружина прибыла в Новгород и в ожидании наступления Владимира так повела себя, что вызвала против себя восстание новгородцев.

Воспользовавшись отсутствием Ярослава, который был в это время в своем подгородном владении (село Ракома), новгородцы перебили варягов. Вернувшись в город, Ярослав отомстил новгородцам и перебил всех, кто участвовал в истреблении варягов. В разгаре этих кровавых событий Ярослав получил предостерегающее известие из Киева от сестры Предславы о том, что отец их умер, похода на Новгород не будет, но что в самом Киеве назревают события, угрожающие Ярославу и не только ему одному («Отець ти умерл, а Святополк седит в Кыеве, убив Бориса, а на Глеба посла, а блюдися его повелику»)[1].

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 140—141.

В Киеве вместо отца сел брат Ярослава Святополк. Перед смертью отца он находился уже на свободе, но Владимир, повидимому, не рисковал давать ему ответственные поручения.

Возможно, что Ярослав выступил против великого князя киевского не без ведома своих братьев, Глеба муромского и Святослава древлянского и сестры своей Предславы.

Получив от Предславы известие о киевских событиях, Ярослав немедленно предупредил брата, Глеба муромского. Очевидно, Святополк собирался продолжать политику своего отца, направленную к поддержанию государственного единства, и братья Святополка, не разделявшие его взгляда, естественно, стали за себя опасаться. Летопись так и объясняет намерения Святополка: «...избью всю братью свою и прииму власть Рускую един»[1].

Однако, несмотря на эту программу, которой могли сочувствовать киевские верхи, к самому Святополку киевское общество относилось с подозрением. Это недоверие в значительной мере объяснялось попыткой Святополка при жизни Владимира совершить переворот с помощью поляков, его родством с польским княжеским домом, его несомненной польской ориентацией. Правящая киевская знать, опасаясь выступления Святополка, даже постаралась, насколько это было, конечно, возможно, скрыть от него смерть князя Владимира: «...и потаиша и (смерть Владимира.— *Ред.*), бе бо Святополк в Кыеве»[2]. Она пригласила к себе Бориса Владимировича и предложила ему захватить власть военным путем. Борис отказался. Тогда дружина покинула Бориса, и он сделался жертвой политики Святополка.

Святополк очень хорошо понимал враждебное к нему отношение киевской знати и старался привлечь ее на свою сторону: «созва кыяны и нача даяти им именье. Они же приимаху»[3]. Но, прибавляет летописец, «не бе сердце их с нимь». После вокняжения Святополк снова созвал киевлян и «нача даяти овем корзна (богатые одежды.— *Ред.*), а другым кунами и раздая множьство»[4]. Куда на этот раз склонились киевляне, летописец не говорит, но из дальнейшего повествования ясно, что княжеские подарки не изменили их политических симпатий.

Святополк убил Бориса, Глеба муромского, Святослава древлянского и, очевидно, готовился то же сделать и с Ярославом.

Ярослав собрал вече и изложил новгородцам положение дел. Он заставил их серьезно задуматься над тем, что делать дальше: идти ли

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 126.
[2] Там же, стб. 115.
[3] Там же, т. I, вып. 1, стб. 132.
[4] Там же, стб. 140.

за Святополком и тем самым сохранить старые отношения с киевским князем, или же поддержать его, Ярослава, готового бороться со Святополком и обещавшего некоторую политическую самостоятельность Новгороду.

«Любимая моя и честная дружина,— передает вечевую речь Ярослава летописец,— юже выисекох вчера в безумии моем, не топерво ми их златом окупите... Братье, отець мой Володимир умерл есть, а Святополк княжить в Киеве, хощю на него пойти; потягнете по мне»[1].

Новгородцы выразили свою готовность поддержать Ярослава, и он двинулся на юг с четырехтысячной дружиной (по Новгородской летописи) и привлеченными им печенегами. Святополк, разбитый у Любеча, бежал в Польшу к своему тестю, польскому королю Болеславу Храброму, которому очень хотелось воспользоваться затруднениями на Руси и вернуть отвоеванные Владимиром Червенские города.

В союзе с германским императором Генрихом II Ярослав пошел на Польшу. Болеслав, однако, успел заключить с германским императором мир и двинулся со Святополком на Киев против Ярослава (1018). В состав войска Святополка входили наемные отряды немцев, венгров и печенегов.

В русской летописи о событиях 1018 г. рассказано очень кратко. Значительно подробнее они описаны в «Хронике» Титмара Мерзебургского и у польского историка Галла-Анонима, панегириста Болеслава Храброго.

Ярослав встретился с врагами у Западного Буга. Здесь он потерпел поражение и бежал с четырьмя дружинниками в Новгород. Однако и польское войско недолго оставалось в Киеве. Польские захватчики вызвали среди населения Киевской земли возмущение, и русский народ стал «отай» (тайно) избивать польские отряды. Болеслав вынужден был поспешно возвратиться к себе домой, удержав, однако, Червенские города.

Согласно новгородскому преданию, Ярослав хотел бежать за море с намерением нанять там варяжскую дружину, как это делал его отец и еще так недавно он сам. Однако новгородцы весьма активно выступили против этого плана: они «порубили» его ладьи, не пустили его за море, обещали ему помочь сами и действительно помогли.

Недолго длилось торжество Святополка. Вскоре Ярослав с новгородцами разбил его и занял Киев. Святополк бежал к печенегам и вместе с ними снова пошел на Ярослава. Однако на р. Альте Ярослав

---

[1] НПЛ, стр. 174—175.

нанес ему решительное поражение, и во время бегства Святополк погиб.

В благодарность за помощь Ярослав выполнил свои обещания новгородцам и, очевидно, оформил политическую самостоятельность Новгорода особыми грамотами. Поскольку эти грамоты до нас не дошли, вопрос о них остается спорным. Но имеются отдельные сведения о том, что при заключении договоров с князьями новгородцы требовали от них присяги «на всех грамотах Ярославлих». Новгород, однако, не прекратил связи с Киевом, что было весьма заметно при Ярославе.

После этих событий Ярослав завладел Киевом. Теперь он сам стал опасен для тех, кто стремился к отделению от Киева, в том числе и для недавних своих единомышленников.

В 1021 г. полоцкий князь Брячислав, племянник Ярослава, напал на Новгород и с добычей направился во-свояси. Ярослав настиг его и отобрал добычу, но вскоре должен был помириться с Брячиславом и даже отдать ему Усвят и Витебск. Таким образом, с полоцким князем установились более мирные отношения, хотя Полоцкое княжество стало жить обособленной жизнью и вело длительную борьбу с Киевом.

Брат Ярослава, тмутараканский князь Мстислав, оказался очень опасным противником киевского князя. Летописец изображает его богатырем, похожим на его деда Святослава, таким же воинственным и сильным. В борьбе с киевским князем Мстислав вышел победителем (битва при Листвене около Чернигова в 1024 г.). Победив Ярослава, Мстислав мог завладеть Киевом и всей Русью, однако киевляне «не прияше» Мстислава, а он, повидимому, не мог рассчитывать одолеть «киян». Несмотря на явное превосходство своих сил, Мстислав ограничился лишь расширением своих владений до Днепра и стал независимым от Киева владетелем.

События 1024 г. показывают, что наметились первые признаки раздробления древнерусского государства. Росло значение местных политических сил, в частности городов, с которыми, как с большой силой, приходилось считаться и князьям. Мстислав, оторвавшись от Киева, вел себя уже как представитель нового политического порядка (феодальной раздробленности).

Только после смерти Мстислава в 1036 г. Ярославу удалось завладеть Северской землей, и древнерусское государство снова стало огромным по своим размерам и относительно единым.

Когда владения Ярослава были отрезаны от восточной части Руси и он владел только западной ее частью до Днепра, его политика была политикой активной защиты и расширения границ на западе и

северо-западе. Ярослав и правящая знать не могли мириться с тем, что Червонная Русь оставалась за Болеславом польским. В 1030 г. Ярослав совершил поход на Польшу и занял г. Белз — часть Червонной Руси (Белз лежит на Жолокии, притоке Западного Буга). Смерть Болеслава и народное восстание в Польше («в се же время умре Болеслав Великый в Лясех, и бысть мятеж в земли Лядьске: вставше людье избиша епископы и попы и бояры своя...»[1]) облегчили задачу Ярослава. Вместе со своим братом Мстиславом тмутараканским он с большим войском «повоевал» польские земли и возвратил себе Червенские города. В 1041 г. Ярослав еще раз ходил в Польшу.

Для защиты южных границ от набегов кочевых народов он начал усиленно укреплять берега р. Роси, поселив здесь, между прочим, пленных поляков.

В 1030 г. Ярослав воевал и на севере, в Прибалтике, где утвердил свою власть на западном берегу Чудского озера, построив здесь город и назвав его по своему христианскому имени Юрьевом.

Тесные связи наладились у Ярослава с Новгородской землей, хотя и на новых началах. Ярослав сам подолгу живал в Новгороде и руководил новгородской политикой. В год смерти Мстислава (1036) Ярослав отправился в Новгород, «посадил» там своего сына Владимира и поставил епископа Луку. В это время на Киев напали печенеги. Ярослав собрал войско из новгородцев, нанял вспомогательный отряд варягов и выступил из Новгорода на защиту Киева. Киевляне, новгородцы и наемные варяги после жаркого боя прогнали печенегов. «Сеча» происходила на «поле вне града»[2]. На месте победы Ярослав в 1037 г. начал постройку знаменитой киевской «Софии». По распоряжению его сына Владимира был построен другой храм Софии, в Новгороде.

Опираясь на помощь Новгорода, Ярослав проводил весьма активную внешнюю политику: в 1038 г. он водил войска на ятвягов, в 1040г. — на Литву, в 1031 и 1041 гг., как уже было сказано,— на Польшу, а в 1042 г. сын Ярослава Владимир воевал южную Финляндию («иде Володимер, сын Ярославль, на Ямь и победи я»[3]). В 1043 г. Ярослав послал своего сына Владимира в поход на Византию — последний поход Руси на греков.

Ярослав принимал энергичные меры к поддержанию относительного «единства» государства. Заподозрив пятого своего брата Судислава во враждебных намерениях, Ярослав в 1036 г. посадил его в тюрьму,

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 149.
[2] Там же, стб. 151.
[3] Там же, стб. 153.

где Судислав просидел больше 20 лет. Разделавшись с врагами, Ярослав стал, наконец, «самовластцем» на Руси[1].

При Ярославе был принят ряд мер к поднятию культуры русского общества, в частности, по переводу книг с греческого языка на русский и распространению письменности. Одновременно Ярослав сделал энергичную попытку сбросить византийскую церковную опеку. Вопреки установившемуся обычаю он без соглашения с константинопольским патриархом поставил в Киеве митрополитом не грека, а талантливого и образованного русского человека Илариона.

Столица Русского государства, в которой были возведены многие постройки, стала хорошо известна в Европе и Азии. По словам Адама Бременского, во второй половине XI в. Киев был соперником Константинополя[2].

По смерти Ярослава (1054) признаки политического раздробления государства стали еще более очевидны.

У Ярослава было пять сыновей. Умирая, он завещал им подчиняться старшему брату Изяславу, которому поручил самые главные части земли — Киев и Новгород; ему же был отдан и Туров. Однако братья Изяслава оказались во главе достаточно сильных княжений и имели возможность не считаться со своим старшим братом. Святослав владел Черниговом и несколькими другими землями, охватывавшими в общей сложности громадное пространство от Чернигова до Рязани и Мурома, включая сюда землю вятичей; ему же досталась и далекая Тмутаракань, издавна связанная с Черниговом. Всеволод владел самой южной землей — Переяславской, землями по Волге, а также Ростовом, Суздалем и Белоозером. У остальных двух братьев были небольшие сравнительно владения: у Игоря — Волынь, у Вячеслава — Смоленск; конечно, со старшими братьями они соперничать не могли.

Три старших брата заключили между собой союз, по выражению А. Е. Преснякова, своего рода «триумвират»[3], стараясь таким образом поддерживать мир и единство на огромной территории в Восточной Европе. Старшие сыновья Ярослава сообща перевели брата Игоря из Владимира Волынского в Смоленск; они освободили своего дядю Судислава, заточенного Ярославом («Изяслав и Святослав и Всеволод высадиша стрыя своего ис поруба»[4]); предприняли поход на торков;

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 150.

[2] Pertz, Monum. VII, 280—389; *М. М. Стасюлевич.* История средних веков, т. II, Пг., 1915, стр. 713.

[3] *А. Е. Пресняков.* Княжое право в древней Руси. СПб., 1909, стр. 43—45.

[4] ПСРЛ, т. II. стб. 151.

Ярослав Мудрый

Реконструкция М. М. Герасимова

вместе защищались от половцев; они распоряжались судьбами отдельных княжений, по своему усмотрению передавали земли одних князей другим, некоторые, особенно ценные, оставляли за собой в общем владении; они сделали попытку снова подчинить себе княжество Полоцкое, захватили полоцкого князя Всеслава и заключили его в поруб в Киеве. Деятельно укрепляли они и власть феодалов над крестьянством; составили устав об управлении княжескими имениями, так называемую

«Правду Ярославичей», отменили кровную месть и заменили ее денежным штрафом. Нет данных, указывающих на то, что старший из братьев, Изяслав, как-либо выделялся, однако едва ли он удовлетворялся ролью равного среди трех, и весьма вероятно, что именно попытка использовать свое старшинство окончилась для него изгнанием (см. ниже).

Первую брешь в соглашении братьев пробило выступление киевской городской бедноты в 1068 г.

В этом году произошло большое нашествие на Русь кочевого тюркского народа — половцев, или кыпчаков. Они появились на русских границах, согласно летописным данным, в 1054 г., оттеснив основную массу печенегов на запад, в Венгрию. Половецкие набеги на Русь начинаются с 1062 г.

Все трое Ярославичей, вышедшие навстречу степнякам в 1068 г. на р. Альту, были разбиты и с остатками своих войск бежали: Изяслав со Всеволодом — в Киев, Святослав — к себе в Чернигов. Это событие и дало толчок антифеодальному выступлению киевской городской бедноты, связанному с движением крестьян-смердов.

5

ДВИЖЕНИЯ СМЕРДОВ И ГОРОДСКОЙ БЕДНОТЫ В XI В.

Восстание киевской бедноты — лишь одно из звеньев ряда народных движений XI в.

Рост экономической и политической мощи землевладельцев находился в прямой зависимости от размеров их земель, от доходности владений. А так как главной производящей силой в вотчинах феодалов был смерд-крестьянин, то вполне понятно, что крестьянин почувствовал на себе перемены, происходившие в положении боярства и дружинников. Крестьянин почувствовал на себе и возросшие требования государства. На свободного смерда-крестьянина со всех сторон надвигались тучи.

Земля была попрежнему «велика и обильна», но непомерно выросло и продолжало расти число людей, рассчитывавших на крестьянский хлеб. «Один с сошкой, а семеро с ложкой», — могли сказать крестьяне именно теперь, при все более энергичном росте феодальных отношений.

Города, особенно большие, новые и старые (Киев, Новгород, Смоленск, Полоцк, Чернигов, Ростов, Суздаль, Владимир, Галич и многие другие) требовали от крестьянина продуктов. Новая религия учила народные массы терпению и повиновению: «всяка душа властем пре-

держащим да повинуется», потому что «несть власти, аще не от бога», рабы, повинуйтесь своим господам, кесарево отдавайте кесарю.

Все это звучало для смерда по-новому и вызывало с его стороны протест. Вполне понятно, что деревенская масса враждебно встречала и прибывших из Византии и своих русских архиереев, архимандритов, попов, за которыми стояла сила государства.

Эти настроения народных масс использовались волхвами, которые пытались придать социальному протесту характер борьбы за старую языческую веру.

Закабаленные крестьяне-закупы, рядовичи и др., а также городская беднота — «черные» люди пытались дать отпор нарастающему угнетению со стороны князей, бояр, церковников. Происходило резкое обострение классовой борьбы крестьян.

Так было не только на Руси. То же мы видим во всех европейских странах. В известные моменты крестьяне открыто выступали на защиту своих прав с протестом и против роста феодальной кабалы, несшей крестьянским общинам неизвестный доселе для них гнет, и против тех, кто этот гнет пытался идеологически обосновать [1].

Русские летописцы мало касаются настроения и поведения крестьянства. Их интересуют больше всего огромные политические успехи Русского государства и подвиги государственных деятелей. Только в отдельных случаях в летопись проникают отголоски народных будней, иногда приобретающие грозный для привилегированных классов смысл.

Лишь новгородские летописцы с того момента, когда вече стало руководить политической жизнью края, стали отклоняться от торжественного стиля первых историков Руси и сообщать некоторые сведения о жизни простого человека.

В Лаврентьевской летописи под 1024 г. имеется запись: «В се же лето восташа волсви в Суждали, избиваху старую чадь по дьяволю наущенью и бесованью, глаголюще, яко си держать гобино [2]. Бе мятеж велик и голод по всей той стране; идоша по Волзе вси людье в Болгары, и привезоша жито и тако ожиша. Слышав же Ярослав (находившийся тогда в Новгороде.— *Ред.*) волхвы, приде Суздалю; изымав волхвы, расточи, а другыя показни, рек сице: „бог наводить по грехом на куюждо землю гладом, или мором, ли ведром, ли иною казнью, а человек не весть ничтоже“» [3]. Под 1026 г., где повествуется об окончании войны между Ярославом и Мстиславом, летописец делает заключение:

[1] См. *Л. В. Черепнин.* Русская Правда (в краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы. Сб. к 70-летию Б. Д. Грекова, стр. 89.

[2] *Гобино* — изобилие, по преимуществу, запасов зерна.

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 147—148.

«и уста усобица и мятеж и бысть тишина велика в земли»[1]. Если термином «усобица» обозначается обычно феодальная война, то под словом «мятеж» в эту пору понимается народное движение, направленное против власти и господствующих классов.

Протест народных масс против гнета принимает форму открытого народного движения в моменты, когда по тем или иным причинам обостряются отношения между классами. Голод — одна из таких причин. Кроме голода, в данном случае была и другая причина. Это длительная борьба сначала между Ярославом и Святополком, наводившим на Русь поляков и печенегов, потом между Ярославом и Брячиславом полоцким, и, наконец, между Ярославом и Мстиславом. Эти тяжелые для Руси усобицы тянулись десять лет и закончились в 1026 г.

Феодальные войны, особенно столь большого масштаба, как война со Святополком, переросшая в войну международную, не могли не разорять сельское население. Народ волновался, несомненно, повсюду, но летописец записал суздальское движение потому, надо полагать, что тут замешаны были в качестве вождей народного движения волхвы, не раз возглавлявшие выступления народных масс. Так летописец и сообщает: «вставша волсви», «слышав же Ярослав волхвы, приде Суздалю, изымав волхвы». Конечно, речь идет о вожаках движения, за которыми шла масса.

Голодала беднота. «Старая чадь» — богатые люди не голодали. У них были большие запасы: именно они скрывали «гобино». Против них и направлен был народный гнев.

В литературных произведениях XI—XII вв. не раз встречаются эти богачи. Не раз обращались к ним предусмотрительные проповедники с призывами не злоупотреблять своей властью, не чинить насилий смердам, сиротам. Проповеди эти нигде и никогда не достигали своих целей.

Движение киевлян в 1068 г. против Изяслава Ярославича в основном было движением городских масс. Но не только в XI в., а и позднее, трудно отделить городскую народную массу от сельского населения. Необходимо допустить, что и в этом движении принимало участие сельское население подобно тому, как это было и в 1113 г. в Киеве.

Не случайно также в конце 60-х годов XI в. прибыл в Киев волхв, может быть, даже из Суздальской земли, где их было больше, чем в Поднепровье, в это время уже более глубоко христианизированном. Волхв и сюда явился, по словам летописца, «прельщен бесом». Он

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 149.

стал действовать среди бедноты. Автор «Повести временных лет» летописец Нестор старается изобразить волхва в карикатурном виде и сообщает о нем детали, рассчитанные на то, чтобы привлечь симпатии читателя на свою сторону, посрамить волхва, а заодно с ним и бесов.

Летописец пользовался в этом случае какими-то вполне конкретными сведениями о поведении волхва в Киеве. Желая представить речь волхва в нелепом виде, он уверяет, что волхв говорил, будто через четыре года Днепр потечет вспять и предстоят большие международные события («землям преступати на ина места..., стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскей на Гречьской, и прочим землям изменитися»)[1]. Конечно, задача волхва заключалась не в том, чтобы делать международный обзор и предсказывать будущее. Это было лишь средством для возбуждения народной массы. Повидимому, миссия волхва здесь не имела успеха: волхв ночью внезапно бесследно исчез («во едину нощь бысть без вести»).

Изложенный факт навел летописца на размышления, и он поместил в своем произведении большой трактат о бесах и их воздействии на человека. Бесы подстрекают человека на зло, а потом насмехаются над ним и ввергают его в «пропасть смертную». В доказательство своей мысли автор приводит несколько фактов: события в Ростовской земле, где действовали «по наущению дьявола» волхвы; происшествие в Чудской земле, куда один новгородец прибыл к кудеснику для волхвования; выступление волхва в Новгороде при князе Глебе.

Факты эти приводятся без дат, иногда очень глухо («в си бо времена, в лета си, приключися некоему новгородцю прити в Чюдь...»), но сами по себе они очень интересны и несомненно правдоподобны. Во главе движения обычно стояли волхвы, они воздействовали на массы. Так было и в Ростовской земле и в Новгороде.

Особенно интересны ростовские события, имевшие место в 60-х или в самом начале 70-х годов XI в.[2] В Ростовской области волхвы стали во главе движения смердов тоже во время голода. Они и здесь повели крестьянскую массу против «лучших», т. е. богатых, людей, скрывавших пищевые продукты (жито, мед, рыбу). Богатых людей убивали, имущество их брали себе. Летописец говорит только об избиении «лучших жен» и о конфискации их имущества. Однако едва ли мы ошибемся, если несколько расширим круг богачей, пострадавших во время этого движения смердов. Во-первых, имущество

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 174. Тут какие-то намеки на происходившие во второй половине XI в. международные осложнения.

[2] Автор «Повести временных лет» не датирует и этих событий, а пишет: «Бывши бо единою (однажды.— *Ред.*) скудости в Ростовьстей области...» (ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 175).

принадлежало не только женщинам, во-вторых, сомнительно, чтобы сыновья и мужья могли оставаться спокойными зрителями истребления их сестер, матерей и жен. Именно мужчины, родственники жен, расправились с волхвами. Здесь речь идет о местной знати Ростовского края, против которой выступили смерды, возглавлявшиеся волхвами. В Белоозере, куда попали волхвы с тремястами вооруженных своих сторонников — крестьян, они встретили вооруженное сопротивление местной знати.

Эта история восстания на Белоозере в летописи описана очень ярко. Белоозерская знать обратилась с просьбой о помощи к боярину князя Святослава Ярославича Яну Вышатичу, который оказался в их земле, будучи послан своим князем за данью. Белоозерцы пожаловались на действия волхвов («яко два кудесника избила уже многы жены по Волзе и по Шексне и пришла еста семо»). Ян прежде всего разузнал, что́ это за кудесники (оказалось — смерды князя Святослава), и потребовал их выдачи.

Тут обнаружилось следующее: одни белоозерцы жаловались и просили военного вмешательства, другие — являлись сторонниками волхвов и не желали их выдавать. Совершенно ясно, что первые — это богатые и знатные люди, вторые — смерды и близкие к ним слои населения.

Ян стал на сторону «лучших» людей и выступил с оружием против восставших смердов. Волхвы были взяты, избиты, у них были вырваны бороды По предложению Яна, над волхвами был совершен акт мести. Ян обратился к сопровождавшим задержанных волхвов с вопросом: «ци кому вас кто родин убьен от сею?» Они отвечали: «мне мати, другому сестра, иному роженье». Ян сказал: «мьстите своих». Волхвы были убиты и повешены на дубе [1].

Тут же летописец рассказывает и о «мятеже», поднятом волхвом в Новгороде. Волхв действовал среди масс, главным образом городских, но при участии и сельского населения. Деятельность волхва была проникнута антихристианской идеологией. Замечательно, что «людье вси идоша за волхва; и бысть мятеж велик межи ими». За христианство стали только князь Глеб и его дружина [2]. Такое разделение идеологических симпатий объясняется в значительной степени тем, что народные массы связывали с новой религией перемены, происходившие в их хозяйственном и правовом положении: князья и их окружение, т. е. наступающая на старую крестьянскую общину

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб 175—178. Это восстание смердов под главенством волхвов не раз было предметом исследования советских историков.

[2] Там же, стб. 181. См. также стр. 108 настоящего издания.

Избиение волхвов на Белоозере.
Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

сторона, оправдывали свое поведение новой религией, между тем как волхвы отстаивали старину, при которой смерд чувствовал себя свободнее.

В Ростовской земле в 1088 г. снова действовал волхв, но, повидимому, без успеха. В летописи этот факт отмечается глухо и лаконически сообщается, что волхв «вскоре погибе» [1].

Последний раз волхвы как опасный для существующего строя элемент упоминаются под 1227 г. в Новгородской первой летописи, где сообщается о том, что в Новгороде на Ярославовом дворе были сожжены четыре волхва [2]. В чем их обвиняли, остается неизвестным. Их судили и казнили в Новгороде, из чего мы можем сделать вывод, что их деятельность протекала в Новгородской земле.

Очень интересно отметить, что одновременно с движением смердов на Руси такие же движения крестьян происходили в соседней с Русью Польше, причем также под знаменем защиты язычества.

В самом крупном народном движении — в Киеве 1113 г.— волхвы уже не участвовали. Это было движение киевской городской бедноты при самом активном участии сельского крестьянского населения. Это движение интересно тем, что имело более четкую и конкретную цель и ставило определенные требования, с которыми вынуждена

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 214.
[2] НПЛ, стр. 65.

была посчитаться государственная власть в лице крупного политика — Владимира Мономаха[1].

В XI в., как было указано выше, произошло и первое крупное городское вечевое движение в самом Киеве — восстание 1068 г.

Разбитое половцами киевское ополчение[2], созвав вече на торговой площади в Киеве, обратилось к Изяславу с такой речью: «се половци росулися по земли: дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними». Вече хотело создать новую армию из той части населения, которая не имела ни оружия, ни коней, т. е. из массы городского и сельского простого народа. Изяслав отказался исполнить требование веча, и это послужило поводом к восстанию народных масс в Киеве. Восстали «людие», «простая чадь». Восставшие обвиняли не только князя, но и его воеводу Коснячка, который жил в Киеве в аристократической его части, «на горе». Люди бросились искать воеводу, но он успел скрыться.

Часть восставших в поисках «хорошего» князя устремилась в тюрьму и освободила заключенного там полоцкого князя Всеслава. Другая часть отправилась к княжескому дворцу «претися (спорить.— *Ред.*) со князем». Изяслав сидел с дружинниками во дворце у раскрытого окна. Народ стоял внизу и сильно шумел. Дружинники угадали опасность, и один из них посоветовал принять меры к охране в тюрьме Всеслава. Другие советовали обмануть Всеслава, подозвать его к тюремному оконцу и здесь пронзить мечом. Князь отказался от этого предложения, да и было уже поздно что-либо предпринимать, так как восставшие больше не ждали. Прервав переговоры с князем, народ бросился на помощь тем, кто осаждал тюрьму. Изяслав решил спасаться бегством. Восставшие громили дома киевской знати, а также и «двор княжь разграбиша»[3]; во время этих событий, по сообщению новгородской летописи, был убит и крупный новгородский феодал епископ Стефан: «поиде епископ Стефан к Киеву и тамо свои его холопи удавиша»[4].

Освобожденный Всеслав по воле веча стал киевским князем. Изяслав бежал в Польшу, где надеялся найти помощь (польский король приходился ему племянником). С польской помощью ему удалось вернуться в Киев. Посаженный народом князь Всеслав тайно покинул выступившее с ним против Изяслава войско и бежал в свой Полоцк. Утром войско, узнав, что осталось без вождя, отступило к Киеву. Вече отправило посольство к Святославу и Всеволоду с требованием

[1] См. гл. 2, § 7 настоящего издания.

[2] См. стр. 174 настоящего издания.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 161.

[4] «Новгородские летописи», СПб., 1879, стр. 185.

Восстание в Киеве в 1068 г.— Бегство Изяслава в Польшу.
Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

немедленно явиться в Киев и вступить в переговоры о мире с Изяславом, угрожая в противном случае сжечь город и уйти в «Греческую землю»[1]. Эта угроза, особенно в устах торгово-ремесленной верхушки города, не случайна: половецкий вопрос касался не только русских интересов; он имел отношение к Византии и Болгарии, на земли которых половцы также не раз направляли свои удары. Эти государства принимали против половцев общие меры. Здесь очень сильно сказывается влияние международной политики[2].

От Изяслава киевские городские люди, очевидно, ждали жестокой расправы. Святослав и Всеволод взяли на себя роль посредников. Они обратились к своему брату с предложением не водить польские войска на Киев, потому что в этом нет никакой нужды: «Всеслав ти бежал, а не води ляхов Кыеву, противна бо ти нету; аще ли хощеши гнев имети и погубити град, то веси, яко нама жаль отня стола»[3].

Изяслав сделал вид, что готов исполнить предложение братьев, но в конечном счете обманул киевлян. Он послал вперед своего сына Мстислава, который произвел расправу: 70 человек из тех, кто освобождал из тюрьмы Всеслава, казнил, многих ослепил, часть уничтожил без суда. По трупам вошел он в Киев и продолжал расправу. Между прочим он

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 173.

[2] См. *В. Г. Васильевский*. Византия и печенеги. «Труды», т. I, СПб., 1908, стр. 1—175; *М. Д. Приселков*. Русско-византийские отношения в IX—XII вв. ВДИ, № 3 (8), М., 1939, стр. 98—109.

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 173.

велел перенести торг, где народ обычно собирался на вече и откуда грозил самому князю Изяславу, в другое место, на гору, где жили бояре и дружинники, всегда готовые выступить в случае нового народного движения. Восстание было подавлено, но сопротивление угнетенных масс не было сломлено. Через три года движение проявилось с новой силой.

Восстание 1068 г. и деятельность вечевого собрания в Киеве ясно говорят о росте политического значения горожан. Усмиренная жестокими мерами городская беднота притихла, но не сдалась. В Киеве было неспокойно. По городу ходили зловещие слухи и толки.

Неспокойно, как указывалось, было и в Новгороде, где тогда княжил Глеб, сын Святослава Ярославича. Здесь какой-то волхв обращался к народным массам и имел успех. Движение приняло характер классового протеста против феодалов. В городе начался «мятеж», городские простые люди собрались убить епископа. Князь Глеб прибег к оружию, и мятеж был подавлен.

То же, по кратким сообщениям летописей, мы можем наблюдать и в Полоцке, и в Смоленске, и в Галиче на Днестре, и во Владимире-на-Клязьме [1].

Все это говорит о том, что в городах, особенно крупных, обострилась классовая борьба в связи с усиливавшимся гнетом как феодалов, так и городских верхов вообще.

Крестьянские и городские восстания XI в. обнаружили, что в новых условиях киевские великие князья не имели достаточных средств, чтобы обеспечить феодалам всех русских земель возможность держать в узде эксплуатируемые массы. Таким образом, процесс политического расчленения древнерусского государства проходил в условиях обострявшейся классовой борьбы. Но прежде чем возобладала раздробленность, феодалы различных земель Руси попытались объединить свои силы и укрепить свое господство с помощью феодальных съездов.

6

УСИЛЕНИЕ И ОБОСОБЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ФЕОДАЛЬНЫХ КНЯЖЕСТВ

Союз сыновей Ярослава Мудрого, трех наиболее сильных князей — Изяслава, Святослава и Всеволода, некоторое время поддерживавший единство Руси, стал обнаруживать признаки распада.

---

[1] Подробнее об этом см. *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города, стр. 197—212.

У Святослава и Всеволода, вскоре изгнавших Изяслава из Киева, повидимому, были для этого очень серьезные основания. Возможно, что Изяслав слишком явно обнаруживал свои симпатии к Польше. В этом нас убеждают, между прочим, и послание к нему Феодосия Печерского, в котором автор упрекает князя в ориентации на латынян-поляков[1], и последующие отношения Изяслава к Польше. Об изгнании Изяслава летопись говорит глухо: «Святослав же бе начало выгнанью братню, желая больше власти»[2].

Святослав убедил и Всеволода в том, что Изяслав готовится к выступлению против них в союзе с Всеславом полоцким, и оба они решили выступить против него.

Против Изяслава были и киевские горожане, с которыми он уже не раз сталкивался. Политика Святослава и Всеволода в большей мере отвечала, повидимому, запросам городов. К ним обращались киевские горожане с просьбой предотвратить карательную экспедицию Изяслава, шедшего с польским войском на Киев в 1069 г. Из рассказа летописца можно даже сделать вывод, что киевская городская масса была активным участником изгнания Изяслава. Ее действия были достаточно решительны, если Изяслав был вынужден покинуть Киев до прибытия туда Святослава и Всеволода.

После изгнания Изяслава союз Ярославичей распался. Святослав, оставаясь князем черниговским, занял Киев (1073), Всеволод отошел на второй план.

Оказавшись господином положения, Святослав пытался распоряжаться на Руси единолично. Борясь со своим соперником Изяславом, в это время искавшим помощи на Западе, Святослав также был вынужден войти в более близкие связи с соседними европейскими странами, с польским князем Болеславом Смелым, с германским императором Генрихом IV. Эта политика Святослава восстановила против него Византию, чем воспользовался Всеволод, женатый на греческой царевне из дома Мономахов. Он вступил в тайные переговоры с императором Михаилом VII, который обещал ему помощь против Святослава и предложил закрепить союз браком дочери Всеволода со своим братом. Однако эти планы Всеволода не были реализованы.

Между тем изгнанный Изяслав снова отправился в Польшу. На этот раз Болеслав как будто не обнаружил готовности защищать своего родственника. Летопись говорит, что польские правители, забрав у Изяслава огромные богатства, с которыми он выехал из Киева, «показаше

[1] См. стр. 219 настоящего издания.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 182.

ему путь от себе»[1]. Это известие подтверждается и буллой (посланием) папы Григория VII к Болеславу, где говорится о деньгах, отнятых у «русского короля»[2].

Есть, однако, основание полагать, что Болеслав начал было военные действия в защиту Изяслава, однако вследствие изменившейся международной обстановки не только прекратил их, но даже заключил союз со Святославом и Всеволодом, виновниками изгнания Изяслава. На поведение польских феодалов могла оказать влияние и политика Святослава, который не жалел денег, чтобы расстроить планы Изяслава.

Узнав, что Изяслав обратился за помощью к германскому императору Генриху IV, вассалом которого он готов был себя признать, Святослав послал Генриху «подарки». Немецкий хронист отмечает, что никогда никто не присылал в Германию столько сокровищ, сколько принесли Генриху в дар от Святослава. Генрих отказал Изяславу в помощи, а Святослав и Всеволод, добиваясь нейтралитета Польши, помогли польскому королю в войне с чехами. Таким образом, феодальная война на Руси, участники которой — князья — меньше всего думали о родине и предавали ее интересы, оказалась событием международного значения, задевая Польшу, Чехию, Германию и папскую курию.

В 1076 г., когда сыновья Святослава и Всеволода ходили с войском на помощь полякам, Святослав умер, и Киев перешел в руки Всеволода (1077), но не надолго.

После долгих странствований по Западной Европе и хлопот перед дворами польским, германским, папским Изяслав и его сын Ярополк нашли, наконец, поддержку у папы Григория VII. Ярополк дал присягу в том, что в случае возвращения ему Киева он признает власть папы и сделает Русь леном св. Петра. Папская курия, извечный враг славянских народов, не упустила случая попытаться распространить свое влияние на Русь. До нас дошла булла Григория VII (1075) на имя Изяслава и его жены, где между прочим говорится: «Сын ваш (Ярополк.— *Ред.*), посетив город апостольский, пришел к нам и, желая из рук наших получить королевство (Киев.— *Ред.*) в дар от св. Петра, выразил должную верность тому же св. Петру... Мы (Григорий VII.— *Ред.*)... дали свое соизволение и от лица св. Петра вручили ему власть над вашим королевством...»[3]

Однако действительную помощь Изяславу оказал не папа, а Болеслав Смелый, нашедший выгодным для себя снова вмешаться в киев-

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 183.

[2] «Historica Russiae Monumenta», t. I, 1841, № 2.

[3] Там же, t. I, № 1.

ские дела. Против Изяслава выступил Всеволод. В то время, когда Изяслав, продавая интересы Руси, искал помощи в Западной Европе, отдельные части древнерусского государства совершенно открыто стали проявлять свои стремления к освобождению от власти Киева.

Мало того, что союз трех старших сыновей Ярослава, существовавший до 1073 г., хотя и с большим трудом и не всегда успешно поддерживавший единство страны, был глубоко внутренне противоречив и не прочен, он оказался в противоречии и с окружающей политической обстановкой. Не желая видеть кого-либо из своей среды на киевском столе «в отца место», т. е. не желая подчиняться Киеву, старшие князья в то же время стремились держать в подчинении всю территорию государства и продолжали рассматривать других князей как своих подручных, иными словами — они не признавали за другими князьями тех прав, которых достигли и которыми дорожили сами. Нет ничего удивительного в том, что очень скоро эти противоречия вскрылись. Центром, где сосредоточились враждебные «триумвирам» силы, стала Тмутаракань. Те же стремления в разной степени проявляли и другие княжества.

Это было как раз то время, которое так красочно обрисовал наш знаменитый поэт, автор «Слова о полку Игореве»:

«Тогда, при Олзе Гориславичи
сеяшется и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Даждьбожа внука;
въ княжих крамолах веци человекомь скратишась.
Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть,
но часто врани граяхуть,
трупиа себе деляче,
а галици свою речь говоряхуть,
хотять полетети на уедие»[1].

Ростислав, сын Владимира Ярославича, правившего в Новгороде и умершего еще при жизни Ярослава в 1052 г., оказался в качестве «изгоя» у своих трех дядьев, которыми он имел все основания быть недовольным. Ростислав решил действовать помимо них на свой собственный риск. Бросив Новгород, он направился в Тмутаракань, где надеялся по примеру своего деда Мстислава при помощи кавказских племен найти средства для выступления против трех Ярославичей, державших власть.

В Тмутаракани тогда сидел Глеб, сын одного из «триумвиров», Святослава. Ростислав прогнал Глеба и, несмотря на то, что за Глеба

[1] «Слово о полку Игореве», стр. 16.

заступился отец, остался князем в Тмутаракани. Ростислав вел здесь энергичную и независимую от Киева политику, подчинив своему влиянию Корсунь (Херсонес) и касогов (черкесов). Насильственная смерть от руки византийского агента прекратила его деятельность[1].

Глеб Святославич снова вернулся в Тмутаракань, откуда его перевели в Новгород. Братья Глеба, Олег и Роман, уже после смерти отца, тоже отказались повиноваться Киеву. Олег не захотел ехать в Муромо-Рязанскую землю, куда посылали его дядья, а отправился самовольно в Тмутаракань к брату Роману. Кроме Олега и Романа, в Тмутаракани оказался в таком же положении и с такими же намерениями князь Борис, сын Вячеслава Ярославича.

В Киеве к этому времени обстановка изменилась. С польской помощью вернулся Изяслав. Всеволод вынужден был уступить ему Киев, оставив за собой Чернигов. Олег и Борис наняли себе отряд половцев, двинулись против Всеволода и разбили его на р. Сожице (1078). Всеволод обратился за помощью к Изяславу. Недавние враги увидели, что им надо объединиться для защиты как самих себя, так и той политической системы, которую они до сих пор поддерживали.

По словам летописи, Изяслав заключил со Всеволодом союз: «Аще будеть нам причастье в Русскей земли, то обема, аще лишена будеве, то оба, аз сложю главу свою за тя»[2]. Изяслав погиб в первом же бою с враждебными Всеволоду князьями (1078).

В этой борьбе Всеволод хотя и победил, но уже не смог восстановить прежнее значение Киева. Летописец говорит о нем так: «Седящу... ему Кыеве, печаль бысть ему от сыновець (племянников.— *Ред.*) своих, яко начаша ему стужати хотя власти: ов сея, ово же другие, сеи же, омиряя их, раздавая власти им. В сих печали всташа и недузи ему и приспеваше старость к сим, и нача любити смысл уных, совет творя с ними; си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя, и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити люди и продавати, сему не сведуще в болезнех своих»[3].

Другими словами, Всеволод переменил курс политики. Он разошелся со старыми советниками — старшими членами своей дружины, сторонниками раннефеодальных форм властвования на Руси. Место их заняли менее привилегированные слои дружины, которым летописец, сторонник старой феодальной знати, явным образом не сочувствует. Эти новые люди, ставшие у власти, внесли, несомненно, и новые приемы властвования. Согласно утверждению летописца, их власть

---

[1] См. гл. 3, § 4 ж.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 200—201

[3] Там же, стб. 216—217.

не была похожа на старую. Она усилила эксплуатацию зависимых людей. Летописец объясняет эти перемены старостью и болезненностью Всеволода. Но дело, конечно, не в этом, а в том, что времена переменились, и киевский князь шел навстречу растущим требованиям феодального класса.

Борьба велась за создание и укрепление обособленных от Киева вотчин-княжений; в этой борьбе Киев отстаивал свое старое положение главы государства, «матери городов русских», и был побежден. Отдельные феодальные княжества настолько усилились, что управлять ими из Киева уже было невозможно. Феодальная знать в отдельных землях создавала собственный государственный аппарат, способный обеспечить ее власть над крестьянством. На смену относительному единству древнерусского государства приходит самостоятельность княжений-«отчин» и как неизбежное следствие ее — феодальные войны.

Русь, потерявшая недавнее, хотя и относительное, единство, вступила в полосу борьбы феодальных владетелей-князей за княжения, за укрепление своего аппарата власти и независимое от киевской знати развитие феодального хозяйства на местах. Время напряженных феодальных войн завершилось в XII в. феодальным раздроблением Руси. Этот переход от «единовластия» киевских князей к самостоятельному существованию отдельных княжений был весьма сложным этапом в истории Руси, когда потрясали ее крестьянские восстания и феодальные войны.

Опасаясь новых внутренних социальных потрясений и возможных внешнеполитических последствий, отдельные представители господствующего класса стремились предотвратить раздробление Руси, но их попытки не имели успеха. Экономическое развитие страны вызывало закономерное изменение базиса общества и его надстройки. Закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил здесь проявился с полной ясностью. Для предотвращения феодальных войн, разрешения междукняжеских распрей, для укрепления класса феодалов в борьбе с нараставшими крестьянскими волнениями и усиления обороны русских земель стали созываться феодальные княжеские съезды. В этом отношении характерен уже съезд князей Ярославичей в Киеве (середина 50-х годов XI в.), на котором они пересмотрели кодекс феодального права, призванный усилить защиту собственности и власти феодалов от выступлений крестьянства [1].

В 1096 г. преемник Всеволода — князь Святополк Изяславич киевский и Владимир Всеволодович Мономах переяславский приглашали

---

[1] См. гл. 2, § 1.

князя Олега Святославича черниговского, сторонника раздробленности Руси, в Киев на совещание: «Поиду Кыеву да поряд положим о Русьстеи земли, пред епископы и пред игумены, и пред мужи отець наших, и пред людми градьскыми, да быхом оборонили Русьскую землю от поганых». Олег, догадываясь, что в Киеве его будут судить, дерзко отвечал: «Несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом»[1]. Он не послушал своих братьев, внимая, как объясняет летописец, лишь своим «злым советникам», т. е., очевидно, местной черниговской правящей знати.

Святополк и Владимир Мономах пошли на Олега войной и выгнали его из Чернигова. Олег ушел в Муромо-Рязанскую землю, занял Суздаль и Ростов и стал готовиться в поход против Новгорода. Однако успех его был непродолжителен. Сын Владимира Мстислав, сидевший тогда в Новгороде, военной силой положил конец притязаниям Олега. Он дважды разгромил его войско, после чего Олег стал сговорчивее и согласился явиться на съезд в г. Любеч, куда съехались князья с целью укрепить между собой мир (1097). На съезде было решено, чтобы каждый из князей «держал» свою вотчину, т. е. полученную от отца землю, и не покушался на владения других князей. Князья «целовали крест» на том, что если кто-нибудь из князей поднимется на другого, то все они должны встать на зачинщика. На этом съезде уже совершенно четко был санкционирован новый политический строй. Съездом было признано: «кождо да держить отчину свою»[2].

Но съезд не смог остановить нараставшую борьбу между феодалами-князьями за земли, за крестьян.

Как только князья разъехались, разыгралась кровавая драма. Давыд Игоревич, князь владимиро-волынский, при содействии самого Святополка Изяславича, вероломно захватил и ослепил князя теребовльского Василька Ростиславича и собирался выдать его Польше, с которой тот успешно воевал. Дальнейшие события показали связь Святополка и Давыда с Польшей.

После ослепления Василька Владимир Мономах весной того же года собрал новое совещание в Городце, которое осудило поведение Давыда и Святополка и постановило наказать виновных. Владимир с войском двинулся на Киев. Святополк хотел бежать, но его не пустило киевское вече. Оно протестовало против осады Киева и связанного с ней кровопролития. Князья пришли к компромиссному решению — велели одному из соучастников преступления преследовать другого. Святополк должен был идти против Давыда.

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 229—230.

[2] Там же, стб. 256—257.

Княжеский съезд в Витичеве в 1100 г.
Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

Святополк вместо этого отправился в Берестье (Брест), на границу с Польшей, для свидания с польским королем Владиславом. Здесь они договорились о заключении брака между дочерью Святополка Сбыславой и сыном короля Болеславом. Затем Святополк двинулся на Волынь.

Святополк выгнал Давыда из его города Владимира-Волынского. В то же время Святополк не забывал и себя. Он выступил против Василька и его брата Володаря, желая отнять у них землю. В бою участвовал и слепой Василько. Победа осталась за Ростиславичами. Тогда Святополк привел венгерское войско на Русь, но под Перемышлем вместе с венгерскими наемниками потерпел страшное поражение. Давыду же удалось снова занять Владимир-Волынский.

Это сложное столкновение князей рассматривалось на новом феодальном съезде в Витичеве (1100). Вызван был сюда и Давыд. На этот раз против него стояла целая коалиция князей. Он был лишен Владимиро-Волынского княжества и должен был довольствоваться назначенной ему новой, сравнительно небольшой волостью.

На феодальных съездах решались и другие вопросы, касавшиеся всех княжений. На съезде 1103 г. у Долобского озера ставился вопрос о совместных действиях против половцев. Владимиру Мономаху пришлось убеждать Святополка и его дружину в необходимости похода. Прошли те времена, когда Владимир I Святославич посылал своих подручных князей туда, куда считал необходимым. Дружина Святополка протестовала против похода на половцев, считая, что весной нельзя

брать крестьянских лошадей и отрывать крестьян от полевых работ: от этого страдали не только смерды, но и эксплуатировавшие их дружинники. Мономаху удалось доказать, что лучшая защита крестьянского хозяйства, а следовательно, и благополучия феодалов — разгром половцев, постоянно угрожающих всей Руси.

Однако феодальные съезды оказались неспособными примирить противоречивые интересы феодальных владетелей. Среди них продолжало господствовать право сильного. Сильный феодал имел возможность игнорировать постановления съездов. Феодальная раздробленность сделалась фактом очевидным. Заканчивался раннефеодальный период истории России. Но в начале XII в. была сделана попытка восстановить старый политический строй.

7

ВОССТАНИЕ 1113 Г. В КИЕВЕ И КНЯЖЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

В 1113 г. умер в Киеве князь Святополк Изяславич. Феодальный гнет, отмеченный летописью в последние годы княжения Всеволода, еще более усугубился при Святополке. Источники отмечают, что князь сам проводил спекуляции солью, а также поддерживал ростовщиков.

Смерть Святополка явилась поводом к взрыву народного негодования. Народ восстал, бросился на двор киевского тысяцкого Путяты, ближайшего помощника и единомышленника князя Святополка, и разграбил дворы сотских и ростовщиков. Напуганная феодальная знать и торгово-ремесленная верхушка Киева собралась в храме Софии и здесь решила вопрос о приглашении на княжение Владимира Мономаха. Спешно отправляли они посольство за посольством к Владимиру. Угроза расширения восстания побудила Владимира поспешить в Киев.

Основой политики Мономаха была защита интересов феодальных верхов, хотя обострение классовых противоречий и заставляло его идти на известные уступки и считаться с требованиями восставших.

В «Сказании о Борисе и Глебе» имеется сообщение о событиях в Киеве 1113 г.: «...Святополку преставившюся... мкогу мятежю бывшю и крамоле в людех и молве не мале, и тогда совокупившеся вси людие, паче... большии и нарочитии мужи (подчеркнуто нами.— *Ред.*), шедше причтом всих людии, моляху Володимера да шед уставить крамолу, сущюю в людех. И вшед, утоли мятежь и голку людьскую...»[1]

---

[1] *И. И. Срезневский.* Сказание о св. Борисе и Глебе. СПб., 1860, стр. 86.

Прежде всего необходимо было изменить положение должников, страдавших от высоких ростовщических процентов, и тех, кто за взятые вперед у господ деньги должен был вечно гнуть свою спину на барской работе, т. е. рядовичей-закупов. Владимир сделал это с таким, однако, расчетом, чтобы от его «реформы» не очень пострадали ростовщики и землевладельцы. Прибыв в Киев, он немедленно собрал своих наиболее видных советников. Обсудив положение, они выработали с Владимиром «Устав»[1]. По этому уставу, тот, кто взял в долг из 50% годовых, может платить эти проценты только два года. Кто уже уплатил эти проценты за три года, освобождался от всего своего долга. Облегчил он и участь тех, кому грозила опасность попасть в состояние рабства. Все это дало повод Владимиру Мономаху демагогически сказать о себе в «Поучении»: «и худаго смерда, и убогые вдовице не дал есм сильным обидети»[2].

Некоторые из этих новых установлений имели демагогический характер, тем не менее они создавали впечатление, что времена Святополка миновали. Народное восстание было ликвидировано.

Временно прекратились и распри князей с боярством. В лице Владимира Мономаха феодалы нашли правителя, который сумел на некоторое время путем компромисса усилить значение киевского князя и защитить их классовые позиции. Но старая форма надстройки отмирала, и воскресить прошлое полностью уже было невозможно.

Владимир Всеволодович Мономах, по своему времени человек высокообразованный и деятельный, энергичный защитник целостности древнерусского государства, задолго до прихода на киевский стол был популярен и в княжеской и в дружинной среде. Активный участник феодальных съездов, он проводил на них основную мысль об укреплении существовавшего порядка на Руси и о борьбе против княжеских внутренних усобиц, ослаблявших власть феодалов в условиях обострения борьбы крестьянства против интенсивного процесса феодализации, в условиях осложнения внешнеполитического положения Руси. Он был известен Западной Европе, и причерноморским степям (особенно половцам), и Византии. С другими европейскими государствами и Византией его связывали родственные отношения. Его мать была дочерью византийского императора Константина X Мономаха, его сестра Евпраксия — Адельгейда была замужем за германским императором Генрихом IV, дочь Евфимия — за королем венгерским Коломаном, другая дочь — за византийским царевичем Львом,

---

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 110.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 251.

сыном императора Романа IV Диогена; сам Владимир Мономах был женат на дочери английского короля Гаральда.

Не случайна была молва, что в союзе с ослепленным Васильком Владимир может быть опасным соперником Святополку. Все князья знали, что Киев — не «отчина» Владимира и что появление его на киевском столе нарушает постановление Любечского съезда, но никто не решался протестовать. Став киевским князем, Владимир не лишился и своей вотчины, попрежнему оставаясь князем переяславским, а также суздальским и ростовским.

Достигнув киевского стола при очень сложных политических обстоятельствах, Владимир Мономах признал право каждого владетельного князя на определенную «отчину», т. е. признал факт раздробления древней Руси. Тем не менее, он сделал попытку укрепить и власть киевского князя.

Владимир в корне пресекал малейшую попытку сопротивления и распоряжался другими князьями как своими подчиненными. Мономах быстро усмирил минского князя Глеба Всеславича, который переступил северную границу Киевской земли. Побежденный минский князь обещал повиноваться Владимиру, но слова не сдержал. Тогда Владимир отобрал у него Минск, а его самого перевел к себе в Киев, где тот и умер. Так же круто расправился Мономах и с владимиро-волынским князем Ярославом Святополковичем. Новгород Великий тоже признавал над собой власть Владимира и не только принимал от него князей, но и повиновался его распоряжениям. В 1118 г. Владимир, например, потребовал к себе в Киев «вся бояры новгородьскыя» (очевидно, имеются в виду те, кто исполнял какие-либо служебные обязанности по поручению князя), привел их к присяге, часть отпустил обратно в Новгород, «а иныя у себе остави»[1], конечно, против их воли.

Снова, но не надолго восстановилась и былая военная мощь древнерусского государства. Внешний враг ей стал не страшен. Первыми почувствовали на себе эту перемену половцы.

Нападения половцев на Русь участились в связи с обособлением отдельных княжеств и внутренними феодальными войнами на Руси. Молниеносными набегами половецкие орды разоряли города, угоняли скот, уводили в рабство население. Летописец рассказывает о том, как толпы пленников, «незнаемою страною, языком испаленым, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньем; со слезами отвещеваху друг к другу, глаголюще: «аз бех сего города», и други: «а яз сея вси»»[2].

---

[1] НПЛ, стр. 21.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 225.

Во второй половине XI в. половцы обрушились на Киевскую и Переяславскую земли. Города были сожжены, население частью перебито, частью разбежалось. Половцам удалось отрезать Тмутаракань от Черниговского княжества, и с этого времени Тмутаракань стала русским островом среди отторгнутых от Руси земель.

В начале XII в. русские перешли в наступление на степь. В 1103 г. половцам было нанесено поражение, вслед за ним еще три. Удачные для Руси походы были связаны с деятельностью Владимира Мономаха. Часть половцев (хан Атрак) откочевала на Кавказ, куда их звал грузинский царь Давид, а часть (хан Сорчан) осталась на Дону и Донце. Половецкое давление на Русь несколько уменьшилось [1].

При Владимире и его сыне Мстиславе отдельные феодальные владетели серьезно считались с властью киевского князя. Но это политическое положение длилось очень недолго. Экономические условия решительно способствовали обособлению феодальных княжеств, входивших в состав древнерусского государства. Их борьба между собой создала в конечном счете новую политическую карту Восточной Европы, где Киеву отведено было очень скромное место. Наступил период феодальной раздробленности. Русь раздробилась на множество самостоятельных феодальных княжеств.

8

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА С НАБЕГАМИ КОЧЕВНИКОВ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЕЙ

Почти тысячелетняя борьба русского народа с кочевниками наших причерноморских степей, поглотившая много народных сил, оставила глубокий след как в летописях, так и в былинном эпосе. В течение многих веков через причерноморские степи с востока на запад проходили волна за волной азиатские орды, вытесняя и сменяя одна другую. Нашествие огромной кочевой орды гуннов в 375 г. открыло собой длинный ряд подобных вторжений, носивших разбойничий характер[2]. Гуннская орда овладела обширной территорией от Волги до среднего течения Дуная и в V в. расположила свою главную ставку в Паннонии.

На смену распавшейся гуннской державе в степях Причерноморья появляются в VI в. авары, болгары, затем в VII в. хазары, в IX в.

[1] См. гл. 2, § 8.

[2] *З. В. Удальцова.* Против идеализации гуннских завоеваний. «Большевик», 1952, № 11, стр. 68—72.

вторгаются угры и печенеги, а следом за ними торки; в XI в. на смену печенегам и торкам, вытесненным на запад, приходят половцы (кыпчаки), которые удержались в степной полосе почти до середины XIII в.— до самого нашествия многочисленной орды татаро-монгол, господство которых оказалось длительным, и лишь с присоединением Крымского ханства к России (1783) исчез, наконец, последний очаг, откуда степняки могли угрожать южнорусским пределам.

В топонимике причерноморских степей остались следы пребывания здесь кочевников. Они видны из географических наименований: Печенежская гора и село Печенеги (недалеко от Чугуева), рр. Тор и Торец, деревня Торская при р. Жеребце, Торское городище около Славянска, Торчиново городище на р. Мерле вблизи Краснокутска, село Торчица на р. Торч (приток Роси), Торская дорога вдоль р. Тетлеги и др.[1]

В изображении средневековых восточных писателей причерноморская степь «зеленая, цветущая; [но] нет на ней ни дерева, ни горы, ни холма, ни подъема. Нет на ней и дров, а жгут они (жители.— *Ред.*) только [сухой] помет, который называют тезек (кизяк.—*Ред.*)... Особенность этой степи [заключается в том], что растения ее заступают скоту место ячменя... Вот почему в ней много скота... Лошадей в этой земле чрезвычайно много, и стоят они безделицу»[2]. Ибн-ал-Асир о половецкой степи пишет, что «эта земля обильная пастбищами зимою и летом; есть в ней места прохладные летом, со множеством пастбищ, и места теплые зимою, со множеством пастбищ, т. е. низменных мест на берегу моря»[3].

Причерноморские степи с их обильными травяными кормами обладали качествами, особенно благоприятными для развития скотоводческого хозяйства, и своими прекрасными пастбищами постоянно манили к себе кочевые орды с востока.

Изучение ландшафтов показывает, что пастбища песчаных пустынь и полынных степей представляют лучшие условия для выпаса верблюдов и овец, чем рогатого скота и коней. Напротив, горные пастбища обычно имеют травостой, пригодный для прокормления различных видов животных, в особенности крупного рогатого скота и лошадей. Наиболее благоприятны горные пастбища летом, почему скотоводы в летний сезон кочевали в горах, а к зиме отходили в равнины. Что касается черноземных степей Восточной Европы, то они представляли исключительную ценность для скотоводства. Обильные разнотравной

---

[1] *Н. Я. Аристов.* О земле Половецкой. Киев, 1877, стр. 2—4.

[2] *Ибн-Баттута* (путешественник XIV в.), см. *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, СПб., 1884, стр. 279, 282, 286.

[3] *В. Г. Тизенгаузен.* Указ. соч., стр. 26.

кормовой массой, орошаемые многоводными реками, поймы которых имеют богатейшие луговые пространства, эти степи позволяли выбрать любое направление для передвижения стада. Северной границей упомянутых степей была полоса лесов, которые являлись естественным пределом распространения кочевников в этом направлении.

Общая направленность кочевий в причерноморских степях определялась долинами крупных южных рек, текущих с севера на юг. Согласно выводу новейшего исследователя, «зимой основные массы кочевий располагались, вероятно, в речных устьях и ближе к морским берегам, летом поднимались на север к полосе лесов в ковыльные и разнотравные степи. Оттого-то осень, когда кони сыты, а пастбища близки к городам и селам оседлых соседей, становилась главным сезоном их грозных набегов»[1].

С конца VII в. Хазарский каганат — примитивное кочевое государство — не только закрывало важные для русских славян торговые пути, но своими набегами на славянские земли и захватом некоторых из них наносило большой ущерб их экономическому и культурному развитию. К началу IX в. из южного Приуралья в степи проникли угры (мадьяры, венгры)[2].

По сообщению Константина Багрянородного, угры «в старину имели жительство вблизи Хазарии, в местности, называемой Леведией» (Лебедией), орошаемой «рекой Хидмас, называемой также Хингилус». Во время пребывания в Лебедии угры подчинялись хазарам и участвовали в их грабительских войнах, но позднее под натиском печенегов, наступавших с востока, часть угров ушла в Персию, другие же передвинулись в Атель-кузу (или Этель-кузу). Атель-кузой можно считать область между Днепром и нижним Дунаем. Угры-мадьяры, проходя в IX в. через южные пределы Руси, имели по крайней мере две стоянки: одну — в районе Дона, другую — в районе Бессарабии.

Мнения ученых о местоположении Лебедии и р. Хингилус различны, но большинство относит Лебедию к бассейну Дона. До передвижения в Поднепровье мадьяры, по известиям арабского источника, обитали при двух реках, текущих в Черное море вблизи Кавказских гор, т. е., вероятно, около Азовского моря или Дона. Находясь в непосредственном соседстве с восточными славянами, мадьяры непрестанно нападали на них, отягощая тяжелой данью. Есть мнение, что угры господствовали в причерноморских степях, приблизи-

---

[1] *В. Н. Кун.* Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии. «Ученые записки Ташк. пед. ин-та», вып. 1, 1947, стр. 19 и др.

[2] *С. М. Середонин.* Историческая география. Пг., 1916, стр. 205.

тельно между 830 и 892 гг., как раз в то время, когда интенсивно складывалось древнерусское государство. Расположив свои становища на нижнем Дунае, угры по призыву Византии приняли участие в борьбе греков с болгарами в 892 г. Тогда печенеги, придя на помощь болгарам, напали на угров и оттеснили их на среднее течение Дуная, где они основали свое княжество.

Из кочевых народов причерноморских степей наиболее опасными для Руси после разгрома войсками Святослава хазарского каганата оказались печенеги и особенно половцы. Согласно восточным преданиям, печенеги, гузы (узы, или торки, русских летописей) и половцы относятся к тюркским народностям[1].

В VIII—IX вв. печенеги кочевали между Волгой и Яиком. На западе их соседями были хазары, а на востоке — узы (туркмены)[2].

Уже в середине IX в. печенеги сильно теснили хазар, но, по свидетельству Константина Багрянородного, наступление узов, поддержанных хазарами, заставило большую часть печенегов уйти из междуречья Яика и Волги в причерноморские степи, где, таким образом, образовалась западная ветвь печенегов. Печенеги, оставшиеся на прежних кочевьях в соседстве с узами, у восточных писателей именуются тюркскими[3].

Уже к началу 890-х годов западные печенеги продвинули свои кочевья до нижнего Дуная и заняли огромное степное пространство от «низовьев реки Дуная насупротив Дистры (Силистрия.— *Ред.*)...до хазарской крепости Саркела»[4]. В середине X в. четыре печенежских колена располагались на восток от Днепра и граничили здесь с узами, хазарами, аланами (у нижнего Дона), а с южной стороны близко подходили к Херсону. К западу от Днепра кочевали четыре других печенежских колена, граничившие с Дунайской Болгарией, с уграми, Русью и с подвластными Руси уличами, древлянами и «лензенинами»[5]. «Печенегия» отстояла от узов и хазар на пять дней пути, от алан — на шесть дней, от «Мордии» — на десять дней, от Руси — на один день, от мадьяр — на четыре дня и от болгар дунайских — на полдня пути. На территории Печенежской земли на правом берегу Днестра у речных

---

[1] Об этом упоминают Ибн-Хордадбех, Махмуд Кашгарский, Рашид-ад-дин. См. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», М.— Л., 1939, т. I, стр. 144—145, 309, 494—495.

[2] «Известия» ГАИМК, вып. 91, стр. 15. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, стр. 145.

[3] См. «Худуд-ал-Алем» неизвестного персидского географа (рукопись Туманского). «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, стр. 210.

[4] «Известия» ГАИМК, вып. 91, стр. 20.

[5] Там же, стр. 16.

переправ находились «опустевшие» города: Белый, Тунгаты, Кракнакаты, Салмакаты, Санакаты, Гизукаты[1]. Повидимому, об этих же городах упоминает и русский летописец, который, говоря об уличах и тиверцах, сидевших по Днестру до моря, добавляет: «и суть грады их и до сего дне», а переяславский список летописи поясняет: «и суть гради их и ныне спы» (в развалинах)[2].

Многочисленная печенежская орда, господствовавшая в X в. на юге Восточной Европы, представляла большую силу, которой византийское правительство пользовалось для поддержания системы политического равновесия на севере. Сохраняя дружбу и помощь печенегов, Византия не раз натравливала их против соседних народов — мадьяр, Руси, дунайских болгар[3].

Согласно летописному известию, печенеги впервые пришли на Русскую землю в 915 г. и, заключив мир с Игорем, по призыву византийцев двинулись против дунайских болгар, но из-за несогласий византийских воевод «отыдоша во свояси». В 920 г. печенеги воевали с Игорем, а в 944 г. участвовали совместно с ним в походе против Византии и воевали Болгарскую землю. При Святославе печенеги оказались на стороне Византии и многочисленная орда их осаждала Киев, вынудив этим Святослава вернуться с Дуная на Русь, где он отогнал врагов от Киева в «поле», и «бысть мир»[4]. Во время дальнейшей борьбы Святослава с Цимисхием печенеги напали на Русь, и Святослав в числе побудительных мотивов к заключению мира с греками указывает, что «Руская земля далече есть, а печенези с нами ратни, а кто ны поможет». Предупрежденные греками, печенеги преградили у днепровских порогов путь Святославу и разбили его малочисленную дружину в жестокой сече, в которой пал Святослав (972)[5].

Еще напряженнее стали отношения Руси с печенегами при Владимире, когда он, укрепившись в Киеве, начал борьбу за восстановление политических связей древнерусского государства, ослабленных междоусобиями после смерти Святослава. В ходе этой борьбы Владимир в союзе с узами-торками одержал победу над волжскими болгарами (985), но свой военный успех использовать не мог — повидимому, вследствие угрозы со стороны хорезмийских войск, выступивших у него в тылу в районе Волго-Донского волока[6]. Союз Владимира (985)

---

[1] «Известия» ГАИМК, вып. 91, стр. 16.

[2] См. об этих городах: там же, стр. 16; ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 13.

[3] «Известия» ГАИМК, вып. 91, стр. 6—7; *В. Г. Васильевский.* Византия и печенеги. «Труды», т. I, стр. 3.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 32, 34, 53—55; т. I, вып. 1, стб. 67.

[5] См. стр. 92 настоящего издания.

[6] ПСРЛ, т. II, стб. 71; *С. П. Толстов.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948, стр. 256.

с торками, теснившими печенегов на запад, и сближение Руси с Византией (988) повели к десятилетней ожесточенной войне (988—997) Руси с печенегами, поддержанными хорезмшахом, стремившимся ослабить русское политическое влияние, возросшее после разгрома Хазарии Святославом, и «оттеснить Русь от сферы хорезмийских интересов на Волге» [1].

Русское степное население, испытавшее соседство хищных хазар, пострадавшее от угров и еще более страдавшее от печенегов, стало отступать на север и запад, в более спокойные места. В конце X в. южный рубеж территории, более или менее густо заселенной русскими, совпадал приблизительно с южной границей лесного пояса, который являлся естественным пределом пастбищ, пригодных для скотоводческого хозяйства кочевников.

В начале XI в. печенеги принимали участие в феодальных междоусобиях сыновей Владимира и выступали на стороне Святополка против Ярослава, но в 1019 г. потерпели поражение. Затем летопись молчит о них до 1036 г., когда теснимые торками печенеги сделали попытку овладеть Киевом, «бе же печенег бещисла». В жестокой сече, продолжавшейся до вечера, войска Ярослава одолели врагов. Разгромленные печенеги «побегоша раздно, и не ведахуся, камо бежачи и овии бегающе тоняху в Ситомли, инеи же во инех реках..., а прок их пробегоша и до сего дни» [2].

Под давлением узов и Руси печенеги отодвигали свои кочевья на запад за Днепр, а некоторые печенежские улусы вынуждены были откочевать к самым низовьям Дуная.

В XI в. печенеги делились на 13 колен [3]. Под влиянием междоусобной борьбы печенежских князей два улуса с населением в 20 тысяч отделились от орды, с разрешения византийского императора перешли во главе с князем Кегеном через Дунай и были поселены в землях придунайской Болгарии с обязательством защищать придунайскую границу Византии от нападений своих соплеменников и русских князей [4].

Но принятые меры не достигли цели. С 1048 г. начались частые набеги враждовавших с Кегеном печенегов, опустошавших Болгарию, Македонию, Фракию, доходивших до Адрианополя и угрожавших даже Константинополю. Только к 1051 г. Византии удалось очистить от пече-

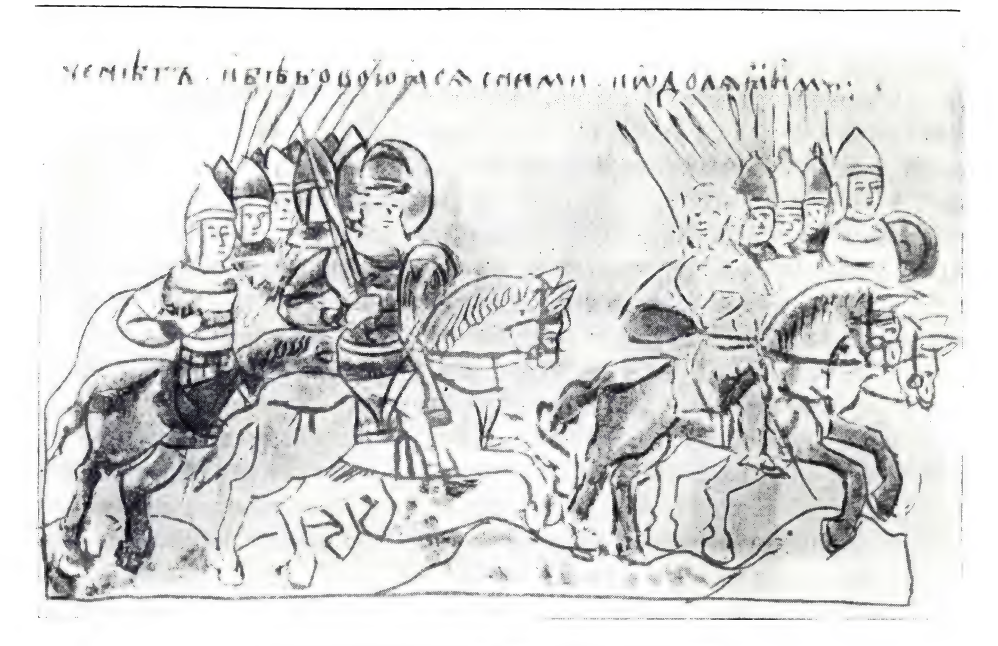
---

[1] *С. П. Толстов.* Указ. соч., стр. 262; ПСРЛ, т. II, стб. 71, 96, 106, 114; т. I, вып. 1, стб. 127—128.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 131—132, 138—139; т. I, вып. 1, стб. 151.

[3] *В. Г Васильевский.* Труды, т. I, стр. 9

[4] Там же, стр. 9—11.

Победа войск Владимира над печенегами.
Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

негов пределы Фракии и Македонии и восстановить византийскую власть на Дунае[1].

Место ушедших печенегов в причерноморских степях заняли огузы-торки. Ко второй половине X в. огузы занимали степи на север от Аральского озера, включая, видимо, бассейны Сары-су, Челкара и Иргиза, и, доходя на северо-западе до предгорий Урала, где граничили с башкирами и племенами кимаков, живших по Иртышу и его левым притокам, на западе подходили к приволжским владениям хазар, а на юге занимали нижнее и среднее течение Сыр-Дарьи[2].

Русская летопись впервые упоминает о торках под 985 г., когда они участвовали в качестве союзников Владимира в походе на камских болгар[3].

В 1054 г. зимой Всеволод Ярославич отогнал торков от границ Переяславской земли. Видимо, торков теснили половцы. На это указывает летописное сообщение о том, что вслед за торками в «то же

---

[1] *В. Г. Васильевский.* Труды, т. I, стр. 12—25.

[2] См. гл. 4, § 1 настоящего издания; см. также «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, стр. 78 (прим. 3), 144 (прим. 1), 166, 167, 178, 209—211; *С. П. Толстов.* Указ. соч., стр. 249 и карты на стр. 253, 254 и 272.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 71: т. I, вып. 1, стб. 84.

лето» к Переяславской земле подходил Болуш с половцами, с которыми Всеволод заключил мир, после чего «возвратишася половцы вспять, откуду же пришли»[1]. В 1060 г. соединенные силы русских князей «поидоша на коних и в лодьях, бещислено множьство, на торкы». Узнав об этом, торки бежали «и помроша бегаючи, божьим гневом гоними, ови от зимы, друзии же гладом, ини же мором и судом божьим. Тако бог избави хрестьяны от поганых»[2]. Однако часть печенегов и торков уцелела в степях до прихода половцев, господству которых они должны были подчиниться. В 1064 г. многочисленная орда торков появилась на нижнем Дунае и, переправившись через него, стала опустошать северные пределы Византии[3].

Половцы русских летописей известны были в Европе под именем куманов, кунов, валанов, valven, blaven, плавков и др. На востоке их называли кыпчаками[4]. Средневековые восточные географы считают кыпчаков западной ветвью кимаков, но вопрос об их происхождении нельзя считать достаточно выясненным.

Половецкая земля в конце XI и в XII в. занимала причерноморские степи между Дунаем и Волгой; в состав ее входили крымские степи и берега Азовского моря. Половцы кочевали также в степях Предкавказья, за Нижней Волгой и Яиком, доходя до кимаков, кочевавших, как уже сказано, около Иртыша. У восточных народов земля, занятая половцами, или кыпчаками, известна была под названием Дешт-и-Кыпчак. Волга делила кыпчаков на западных и восточных. Северная граница половецкой земли соприкасалась с юго-восточным степным рубежом Руси. Она начиналась приблизительно от устья Дуная, захватывала нижнее течение Днестра и Южного Буга, проходила по р. Высь и нижнему течению Тясмина, далее по Ворскле и Мерлу к верховьям Северского Донца, по течению Быстрой Сосны и верховьям Воронежа и пересекала Цну несколько южнее устья Мокши.

Намеченная граница определяет собой западные пределы половецкой земли. Что касается ее восточной границы, то она менее ясна. Принимая во внимание скудные летописные намеки на нее в сопоставлении с историко-географическими сведениями о территории камских болгар и сведениями восточных географов средневековья, можно полагать, что от слияния Мокши с Цной восточная половецкая граница шла, соприкасаясь с южными рубежами государства камских болгар, по водоразделу между Сурой и Хопром и далее, вероятно, по течению Волги.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 151; т. I, вып. 1, стб. 162.
[2] Там же, т. I, вып. 1, стб. 163.
[3] *В. Г. Васильевский.* Указ. соч., стр. 26 и сл.
[4] *А. И. Пономарев.* Куман-половцы. ВДИ, 1940, № 3—4. стр. 366—370.

Изучение историко-географических сведений о половецкой земле по летописным данным позволяет установить местонахождение нескольких половецких веж (поселений). В степях, примыкавших к Черноморской луке, между Дунаем и Днепром, кочевали «лукоморские», или «подунайские», половцы. У Днепровской луки, по обе стороны порогов, были вежи половцев приднепровских, или запорожских. Большие половецкие вежи находились в бассейне р. Молочной, входя, очевидно, в состав половцев приморских, кочевавших от Днепра до нижнего Дона по берегам Азовского моря. Между Орелью и Самарой, ближе к их устьям, лежали вежи половцев, которых по их местоположению относительно Киева можно назвать заорельскими. Между Северским Донцом и Тором, где находились половецкие города Шарукань, Сугров и Балин, имевшие славянское население, размещались половцы донецкие. В бассейне Дона кочевали половцы донские. Наконец, известны также половцы, имевшие вежи в степях Предкавказья [1].

Отдельные группы кочевников по разным причинам покидали половецкую степь. Таких выходцев русские князья охотно селили в пределах Руси, обязывая нести сторожевую военную службу по обороне древнерусского государства, и называли их «своими погаными» в отличие от незамиренных, «диких» кочевников. Замиренные печенеги, торки, берендеи, коуи, турпеи и половцы, известные на Руси под общим названием «черных клобуков», в течение XI—XII вв. постепенно были расселены в Поросье, Верхнем Побужье, по притокам Тясмина и Синюхи, а также на левой стороне Днепра.

С конца XI в. упоминаются поселения торков и берендеев в Поросье, а в начале XI в. — около Заруба, вблизи брода через Днепр. В Поросье у «черных клобуков» были и укрепленные города — Юрьев, Торческ и др. Юрьев находился на р. Роси, при впадении в нее Рута, по которому расположены были вежи «черных клобуков». Торческ с достаточным основанием можно отождествить с Торчицей, расположенной на р. Торч (приток Роси). Из числа «черных клобуков» на левой стороне Днепра в конце XI в. упоминаются торки «переяславстии», жившие около Переяславля и обитавшие за Саковом (Салков, лежащий между Киевом и Переяславлем), «турпеи у Днепра», иначе называемые летописью «засаковцами». По известиям XII в., на левой стороне Днепра торки сидели также в окрестностях г. Баруча и Бронь-княжа, соответствующих, вероятно, нынешней Баришевке на Трубеже и Бранице на р. Бранице, впадающей в тот же Трубеж [2].

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 381, 384, 451—452, 454.

[2] Там же, стб. 257, 521, 212.

Основой хозяйства половцев, как и печенегов, было кочевое скотоводство. По описанию средневековых путешественников, половцы были очень богаты скотом (верблюдами, быками, коровами и лошадьми). Главная их масса вела кочевой образ жизни, но по соседству с земледельческими районами половцы переходили к оседлости. В районе Нижней и Средней Волги было немало обработанных земель, которые были захвачены половцами вместе с рядом городов, являвшихся центрами ремесленной деятельности и торговли.

Половцы владели важными для всей Руси торговыми путями, соединявшими страны Востока с Европой. Большое значение имел старинный волжский путь, который связывал Среднюю Азию с камскими болгарами и Русью; через устье Волги и полуостров Мангышлак он выводил в Хорезм, куда из Камской Болгарии, как сообщает ал-Макдиси (X в.), шли следующие товары: соболя, серые белки, горностай, степные лисицы, куницы, бобры, крашеные зайцы, козы, воск, стрелы, рыбий клей и рыбьи зубы, бобровая струя, амбра, мед, соколы, мечи, кольчуги, а также рабы[1]. Существовала и сухопутная караванная дорога на Хорезм. Южный торговый путь шел через Судак и Трапезунд и далее на Тавриз в область Персии или в Малую Азию на Константинополь. Расположенный на южном побережье Крыма, Судак был важным торговым центром в пределах половецких владений. После разгрома столицы хазар Итиля его торговое значение перешло к г. Саксин, который, вероятно, находился на месте старого Итиля[2].

Что касается общественного строя половцев, то для его характеристики нет необходимых источников, можно лишь отметить, что половецкое общество находилось в стадии разложения родового строя. У половцев выделялась родовая знать, имелись свободные и патриархальные рабы. Это было дофеодальное общество.

Половецкая конница достигла большого военного искусства. Главным оружием рядового кочевника был лук, которым половцы владели с необычайным совершенством: на всем скаку они могли поразить стрелой летящую птицу. Реже применялись копье, секира, палица и нож, и только отборные воины имели кривые сабли, шлемы и панцыри[3]. У каждого воина было не менее двух коней. В походах сменная лошадь обеспечивала быстроту передвижения. В походе кочевники шли рассеянным строем. Притворным отступлением заманив противника, они окружали и уничтожали его, применяя, таким обра-

[1] «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, стр. 202.

[2] *В. В. Бартольд.* Очерк истории туркменского народа. «Туркмения», Л., 1929, т. I, стр. 38—39.

[3] В основу характеристики военного дела у половцев положено указанное выше исследование В. Н. Куна.

зом, прием облавной охоты. При атаке сначала стремились расстроить ряды противника, пуская в него тучи стрел, и уже затем переходили к рукопашному бою.

Половцы были знакомы с применением метательных машин. При походе Кончака на Русь (1184) в рядах половцев находился «бесурменин», который стрелял «живым огнем»; половцы имели также особые луки-самострелы, тетиву которых едва могли натянуть 50 человек. По указанию «Слова о полку Игореве», половцы стреляли «живыми шереширы» (перс. «черха» — стрела, «тир-и-черх» соответствует луку-самострелу) и «смагу мычючи», т. е. применяли снаряды с нефтью[1].

Господствующей религией у половцев был шаманизм. На погребальных половецких курганах обычно ставились «каменные бабы» — грубо выделанные статуи.

Постоянно тревожа набегами пределы Руси, кочевники были опасны внезапностью своего нападения. По словам византийского писателя XI в., «их набег — удар молнии, их отступление тяжело от множества добычи, легко от быстроты бега. Нападая они всегда опережают молву, а отступая не дают преследующим возможности о них услышать... Они своим множеством превосходят весенних пчел»[2]. Степняки разоряли русские города и села и уводили пленных для продажи их в рабство. Больше всего страдали от половцев южные русские княжества, не раз кочевники доходили и до самого Киева. Для обороны древнерусского государства южные границы защищались крепостями, земляными валами и засеками. Заключение мирных договоров мало достигало цели, так как половцы постоянно их нарушали. Более решительным средством было наступление русских войск на половецкие кочевья.

Летописные данные позволяют наметить следующие основные направления русских походов в половецкую степь. По правой стороне Днепра путь пролегал от Киева через Рось, откуда вел или к днепровским порогам или сворачивал на Буг к Черноморской луке. По левой стороне Днепра — через Переяславль, пересекая в нижнем течении Сулу, Псел, Ворсклу и Орель. Из Северского Посемья путь шел по водоразделу между Донцом и Ворсклой в район Северского Донца и нижнего Оскола; или же по водоразделу между Донцом и Осколом выводил к Изюмскому перевозу в бассейн р. Тора. Для походов суздальских и рязанских князей «на Дон» открывались пути по водоразделу между Осколом и Доном к нижнему течению Северского Донца или по водоразделу между Доном и Хопром к нижнему Дону. На перечисленных

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 634—635; «Слово о полку Игореве», стр. 17, 22.

[2] Из речи Феофилакта Болгарского, см. *В. Г. Васильевский*. Труды, т. I, стр. 4.

Половцы уводят в плен смердов и угоняют скот.
Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

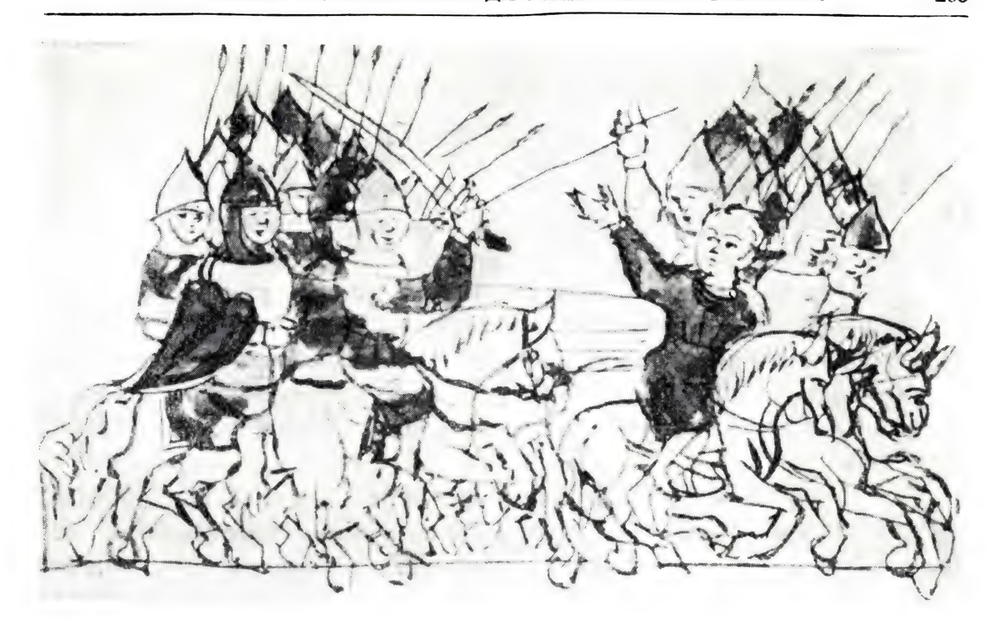
путях и связанных с ними речных переправах чаще всего и происходили многочисленные столкновения русских с половцами.

Половцы оказались для Руси более опасными врагами, чем печенеги. Во второй половине XI в. борьба с ними протекала с переменным успехом, но в начале XII в. войска Владимира Мономаха в нескольких победоносных походах нанесли сильные удары по половецким вежам, проникли вглубь половецкой земли; по выражению летописи, Мономах «пил золотым шеломом Дон». Успешные походы войск Мономаха заставили часть половцев (40 000) выселиться в Грузию, где из них образовалось постоянное войско грузинского царя Давида IV Строителя[1].

Сын Мономаха Мстислав по примеру отца успешно продолжал борьбу с половцами и, по словам летописи, загнал их «за Дон и за Волгу, за Яик»[2]. Однако положение изменилось, когда к середине XII в. ясно возобладала феодальная раздробленность. Половецкая опасность усилилась. С этим связаны русские походы в степь в 80-х годах XII в.

В 1086—1090 гг. печенеги совершали разорительные набеги и на Византию, доходили до Адрианополя и Македонии, но в 1091 г. потерпели страшное поражение от византийцев и половцев, возглавленных Боняком и Тугорканом. В 1095 г. половцы совершили нападение на Византию,

[1] См. гл. 4, § 2.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 303—304.

Победа русских над половцами.
Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

поддерживая лже-Диогеновича (выдававшего себя за сына Романа IV Диогена), осадили Адрианополь, но были разбиты и при отступлении через главный переход на Балканах («Железный запор») понесли большие потери[1]. Борьба Руси против половцев с переменным успехом продолжалась и в начале XIII в.

В 1222 г. посланный Чингис-ханом татарский отряд разбил в степях Северного Кавказа алан, а затем половцев, которые после этого обратились за помощью к русским князьям. В решительном сражении на р. Калке (1223) половцы вместе с русскими были разбиты. Последовавшее затем нашествие Батыя привело к подчинению населения причерноморских степей господству Золотой орды. Часть половцев выселилась в Венгрию, оставшиеся половцы подчинились татарам и, по описанию Эл-Омари (восточный писатель первой половины XIV в.), татары «смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар). И все они стали точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода»[2].

В напряженной борьбе с набегами кочевников древняя Русь не только отстояла свое существование, но и защитила от них Европу. Эта борьба имела, следовательно, крупное международное значение.

---

[1] *В. Г. Васильевский.* Указ. соч., стр. 48—56, 62—71, 96—117.

[2] *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, стр. 235.

9

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Русская деревенская и городская материальная культура[1], культура крестьян и ремесленников, составляла основу всей культуры древней Руси.

В каждой классовой общественной формации руководящая роль принадлежит господствующему классу. «...Класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила»[2]. В то же время в толще народных масс сохраняется наследие веков и растет своя собственная культура.

Культура древней Руси — это культура средневекового феодального общества, где господствующей силой были землевладельцы-феодалы. Политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества древней Руси, нашедшие свое отражение в памятниках письменности, культуры, искусства, являлись активной силой, способствующей укреплению феодального базиса.

а) Фольклор

Большое значение в развитии культуры древней Руси имело устное поэтическое творчество русского народа, широко распространенное во всех социальных слоях населения. «Поэзия всякого народа находится в тесном соотношении с его историей,— писал В. Г. Белинский, положивший начало историческому анализу явлений фольклора,— ... потому его история может объясняться поэзией, а поэзия историей» [3].

Историческая жизнь древней Руси вызвала расцвет устного поэтического творчества, обусловленного, по выражению Н. Г. Чернышевского, «энергией народной жизни». «Только там,— пишет он,— являлась богатая народная поэзия, где масса народа... волновалась сильными и благородными чувствами, где совершались силою народа величайшие события» [4].

Народное творчество обусловило расцвет древнерусского зодчества и живописи, литературы и ремесел; оно нашло выражение в муд-

---

[1] О ней см. гл. 2, §§ 1 и 2.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IV, стр. 36.

[3] *В. Г. Белинский*. Полное собр. соч. под ред. Венгерова, т. VI, СПб., 1903, стр. 357.

[4] *Н. Г. Чернышевский*. Полное собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 295.

рой пословице, донесшей до нас сквозь века философию древнерусского человека, в историческом предании, проникнутом политической борьбой своего времени, в обрядовой песне — неотъемлемой спутнице хозяйственной и семейной жизни древней Руси, в поэтической сказке, обобщавшей чаяния народа.

Самобытная древнерусская литература опиралась на богатую устнопоэтическую традицию, вне которой было немыслимо появление такого высокохудожественного и глубоко идейного произведения мирового значения, как «Слово о полку Игореве», как многие страницы летописи, обязанной устным источникам своим великолепным, сжатым и выразительным языком.

Устное поэтическое народное творчество древней Руси поучало, воспитывало древнерусского человека.

Наличие в древней Руси богатой устной поэзии подтверждается свидетельствами памятников древнерусской письменности. Свидетельства эти хранят русские летописи, а также многочисленные постановления церковных соборов, правила, поучения, «слова». Полемически направленные против язычества, осуждающие «бесовские» праздники и «поганские» обычаи, эти произведения дают представление о сложной обрядности, бытовавшей на Руси, о богатой обрядовой поэзии, сопровождавшей все знаменательные дни в жизни человека, и о его отношении к природе.

В церковных «словах» и поучениях упоминаются празднование Коляды и Купалы, русалии, масленица и другие обрядовые праздники, в них духовенством осуждается вера в «проклятого беса хороможителя», обычай «ставить трапезы роду и роженицам», «молиться камням, и рекам, и источникам, и берегыням и деревьям», в связи с этим упоминаются песни и пляски, сопровождавшие «поганские» обычаи. Например, в поучении «Зарубского старца» (XIII в.) говорится о связанных с обрядами песнях и игре на гуслях; в другом поучении осуждается то, что «играют русалии» и при этом «скоморошние пьяницы кличут». Скоморохи зачастую сатирически обличали богатых — князей, бояр, попов; тесно связанные с народом, скоморохи, несмотря на преследования, существовали в течение всего средневековья. В Густынской летописи в рассказе о «прескверном празднике Коляде» говорится, что «простая чадь» поет песни, в которых более всего величает «беса Коляду». Песни и пляски неоднократно упоминаются и в связи с осуждением весенней обрядности.

Все это свидетельствует о том, что в устном поэтическом творчестве древней Руси значительное место занимала календарная обрядовая поэзия. Однако об ее содержании и тем более поэтической форме можно судить только предположительно, поскольку в

нашем распоряжении имеются лишь тексты поздней записи. Исходя из того, что обрядовая поэзия довольно устойчива, можно думать, что календарная обрядовая поэзия XIX в., со своим ярко выраженным «двоеверным» характером, в основных специфических чертах восходит к древней Руси, что «поганские» песни были близки к тем колядкам и веснянкам, которые в течение многих веков стойко держались в русском устно-поэтическом творчестве, совершая свой путь от обряда к игре.

Подобным же образом сохранились и сведения о семейной обрядности древней Руси, в частности о свадьбе.

Свадьба в древней Руси являлась праздником, «веселием», поэтому естественно, что на свадебном пиру, так же как на других пирах, большую роль играли обрядовые и мирские песни, рассматривавшиеся представителями церкви как бесовские. Так, в памятнике XI в. «Канонических ответах» митрополита Иоанна II[1] священникам повелевается уйти с пира, когда там происходит «игранье и плясанье и гуденье входящим». Неоднократны в постановлениях и «словах» порицания по поводу участия в свадебной игре «глумотворцев» и скоморохов. Свадебная игра как сложное драматическое «действо», в состав которого входили древние обряды наряду с христианскими молитвами, языческие элементы купли-продажи наряду с умыканием, обрядовые песни и мирские пляски, причеты и приговоры, заговоры и загадки, в основных чертах сложилась в древней Руси.

Широко распространены были в древней Руси и похоронные обряды и причитания. В летописи мы находим описание похорон князя Изяслава Ярославича (1078) и запись плача его сына Ярополка: «Отче, отче мой! Что еси пожил бес печали на свете сем, многы напасти приим от людий и от братья своея? Се же погибе не от брата, но за брата своего положи главу свою»[2]. Летописные рассказы о похоронах XIII в., приводящие плач вдовы князя Владимира Васильковича и «лепших мужей володимерьских»[3], так же как и плач Ярославны, говорят о том, что поэтический надгробный плач достиг на Руси высокого художественного развития. Похоронный и поминальный плач на Руси был распространен как в народе, так и в феодальных верхах.

То же можно предполагать и относительно заговоров и заклинаний, основываясь на языческом характере заговоров поздней записи. Доказательством являются и постоянные враждебные выпады церковной литературы против волхвования.

[1] Русская историческая библиотека (далее—РИБ), т. VI, «Памятники древнерусского канонического права», ч. 1, стб. 8.

[2] ПВЛ, ч. I, стр. 133.

ПСРЛ. г. II, стб. 920.

Сказанное выше характеризует роль фольклора в семейном и общественном быту древнерусского человека, верившего в возможность магическими средствами воздействовать на природу, обеспечить себе высокий урожай, хозяйственное благополучие, победу над врагом, здоровье и счастье, ибо «всякая мифология,— как говорит К. Маркс,— преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения»[1]. Указанные виды фольклора долго сохранялись на Руси в качестве пережитков языческих верований. Именно об этих видах устного поэтического творчества сохранилось наибольшее количество свидетельств в церковной литературе, энергично искоренявшей остатки язычества в быту и сознании древнерусского человека.

Однако не меньшую, если не бо́льшую, роль в быту древней Руси играли и другие фольклорные жанры, а именно пословицы и поговорки, загадки, сказки и былины, выросшие на иной почве, чем рассмотренные выше виды фольклора. Нередко обнаруживаются они и в памятниках письменной литературы. Летописи, «Слово о полку Игореве» и другие произведения содержат исторические пословицы, связанные с фактами политической жизни Руси: «погибоша аки обри», «радимичи волчья хвоста бегают», «беда аки в Родне» и др. Немало было и бытовых пословиц, часть которых в течение многих веков продолжала жить в русском фольклоре: «не погнетши пчел, меду не едать», «еще ся волк в овцы ввадит, то выносить все стадо, аще не убиют его», и многие другие. В пословицах Руси выражены и принципы морали: «аще кто и много поживет, смерти не забудет». Глубокий патриотизм, свойственный русскому человеку во все века и эпохи, нашел свое выражение в пословице: «луче есть на своей земле костью лечи, нели на чюже славну быти»[2].

Знала древняя Русь и загадку. Связь загадок с обрядовой поэзией, упоминание в них давно исчезнувших животных, например тура, большое количество загадок о явлениях природы, в частности о солнце, использование загадок как способа испытания мудрости — все это говорит о древности этого жанра. Загадка приводится как один из видов тайного дипломатического языка в Новгородской летописи под 1016 г. Ярослав Мудрый через лазутчика спрашивает своих сторонников во вражеском лагере, «что творити: меду мало варено, а дружины много», и получает иносказательный ответ: «даче меду мало, а дружины много да к вечеру въдати»[3], т. е. узнает, когда ему следует дать сражение.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 203.

[2] *А. И. Никифоров*. Фольклор киевского периода. «История русской литературы», т. I, М.—Л., 1941, стр. 237.

[3] НПЛ, стр. 15.

Возможность использования загадки в качестве шифра доказывает ее распространенность в быту: иносказательный смысл загадки мог быть понят только при привычке к определенным метафорам и аллегориям.

В древней Руси были широко распространены и сказки — один из древнейших видов фольклора. Самое раннее упоминание о русских сказочниках и их роли в быту относится к XII в. В «Слове о богатом и убогом» в описании отхода ко сну богатого человека среди окружающих его слуг, тешащих его на разные лады, упоминаются и такие, которые «бають и кощунять», т. е. рассказывают сказки[1]. В русской летописи XI—XII вв. есть много близких к сказкам преданий, использующих чисто сказочные мотивы и образы. В летопись проникают даже типичные сказочные стилистические формулы, придающие местами летописанию сказочный характер.Это дает право думать, что к началу XIII в. русской сказке уже была свойственна так называемая «сказочная обрядность», что стилевые каноны сказки сложились еще в древней Руси.

Провести четкие грани между сказкой, быличкой[2] и историческим преданием не всегда возможно даже на более позднем материале, тем труднее это сделать на расстоянии веков, однако очевидно, что все эти виды устной прозы были хорошо знакомы древнерусскому человеку. Так, например, рассказ летописца о «знамениях» небесных, о чудесах — не что иное как былички, сходные с теми, которые широко представлены в фольклорных сборниках XIX—XX вв.

Для устного творчества во все века характерен его историзм, являющийся результатом желания подвести итоги прошлому, осмыслить настоящее, уяснить свое место в историческом процессе. В течение многих поколений русскому летописанию предшествовала неписаная история, своеобразная устная летопись — исторические предания и устные рассказы о прошлом, передававшиеся из уст в уста, от поколения к поколению.

Исторические предания, легенды и песни были использованы затем русским летописанием. Летописцы обращались к устным рассказам, как к историческому источнику, и вводили их в ткань летописания. Примером устных сказов, использованных летописью, являются предания о Кие, Щеке, Хориве и их сестре Лыбеди, многочисленные рассказы об Олеге, в частности о его смерти от укуса змеи, о мести Ольги древлянам, о единоборстве Мстислава и Редеди и др.

---

[1] *С. В. Савченко.* Русская народная сказка. Киев, 1914, стр. 37.

[2] *Былички* — фантастические предания о леших, русалках, чудесных кладах и т. п.

Многие из этих преданий носят явно сказочный характер, как, например, рассказ о белгородском киселе или о Яне Усмошвеце.

В Лаврентьевской летописи есть исключительно интересное упоминание о Яне Вышатиче, хранившем подобные устные предания и рассказы; «от него же,— говорит летописец,— и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь, от него же слышах»[1].

Вводя фольклорный материал в свой труд, летописцы подчиняли его той творческой и политической задаче, которую они себе ставили, подвергали устные источники, использованные ими, идейной и стилистической обработке.

Параллельно с письменной историей создавалась и устная история, повествовавшая о поразивших народное сознание событиях, жившая в форме прозаического предания или в форме поэтической песни, может быть, «славы», легшей в основу тех былин, которые были записаны много веков спустя.

В былинах так называемого киевского цикла, дошедших до нас в записях не ранее XVII—XVIII вв., заметно наслоение различных эпох, отражение событий XV, XVI вв. Но как Киев, так и «ласковый князь Владимир» нередко упоминаются в былинах позднего происхождения. Однако можно выделить и ряд былинных сюжетов, в основу которых, очевидно, легли неизвестные нам эпические песни древней Руси. Такими являются прежде всего былины о Добрыне Никитиче («Добрыня сват» и «Добрыня и змей»), имеющие общую историческую и фактологическую основу с летописными известиями о Добрыне— дяде Владимира. Наличие летописного рассказа о том, как Добрыня сватал Владимиру дочь полоцкого князя Рогнеду, и былин, в которых Добрыня выступает в качестве свата, добывающего благодаря своей силе, ловкости и находчивости невесту Владимиру Красному Солнышку, свидетельствует, что на Руси жили предания, а может быть, и песни, легшие в основу, с одной стороны, поэтического эпического сказания, с другой — исторической прозы летописца. Черты исторического Добрыни, вместе с Путятой крестившего огнем и мечом новгородцев, сохранились в былине о Добрыне-змееборце.

Былина — историческое произведение о прошлом. В ней отражены исторические воззрения народа. Представление о «киевском» периоде русской истории как о своеобразном эпическом времени характерно для русских былин. Идеализируя прошлое, народные представления рисовали киевскую дружину Владимира Святославича в чертах, типичных для более раннего времени, когда личные достоинства еще позволяли представителю народа — богатырю вступить в дружину и выдвинуться

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 186.

в ней на военном поприще. Самый образ богатыря отвечал идеалам именно трудового народа.

Микула Селянинович, богатырь-крестьянин, прежде чем вступить в дружину князя, посрамляет ее: его соловую кобылу не могут догнать дружинники, дружинники не могут справиться и с его сошкой. Самый наряд Микулы, его сошка и кобыла предстают в праздничном обличии необычайной красоты:

У оратая кобыла соловая,
Гужики у нея да шелковыи,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошки булатнии,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота,
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зелен сафьян...[1]

Богатырь, как представитель трудового народа, крестьянин или ремесленник, идеализируется и в мирном труде и в ратных подвигах. Он потому именно берет верх над профессионалами-дружинниками, что его воинские подвиги подготовлены его мирным трудом. Мирный труд делает его сильнее профессионала-военного[2].

В условиях феодальных княжеских усобиц народ идеализировал время «хорошего» князя Владимира как эпическое время единства и независимости Руси. Впоследствии, когда с образованием централизованного Русского государства противопоставление Владимира киевского как великого князя «единой» земли современным князьям-крамольникам, ввергнутым в феодальные распри, утратило свой идейный смысл,— Владимир перестал рассматриваться как положительный образ.

К киевскому циклу следует отнести и былины о Казарине, в основе которых лежало эпическое сказание о столкновении Святополка с половцами (1106). К ранней поре нашего эпоса нужно отнести и былины о Вольге, о Ставре, об Иване гостином сыне, о Соловье Будимировиче и некоторые эпические сказания об Илье Муромце, впоследствии ставшем наиболее популярным героем нашего эпоса.

В древней Руси бытовала и эпическая песня, прославлявшая героев: о певце Бояне упоминает «Слово о полку Игореве», о «словутном певце

---

[1] *А. Ф. Гильфердинг.* Онежские былины, т. II, М.— Л., 1938, стр. 471.

[2] Текст на стр. 212—213 взят из статьи *Д. С. Лихачева.* «Эпическое время» русских былин. Сб. к 70-летию Б. Д. Грекова, стр. 60.

Митусе» говорит волынская летопись [1]; в ней же сообщается, что когда князья Даниил и Василько возвращались с победой домой, им «песнь славну пояху»[2]. Героические песни, очевидно, входили и в репертуар скоморохов, упоминания о которых имеются начиная с XI в.

Героическая эпическая песня занимала почетное место в фольклоре древней Руси. По отзвукам ее в летописи, по поздним версиям, которые донесла до нас устная традиция, видно, что пафосом этих героических песен была идея величия и силы Руси, борьба за ее независимость. С одинаковой силой эта идея звучит в былине о Никите Кожемяке, сохраненной в пересказе летописца и сказочника, и в былинах об Илье Муромце, Добрыне, Казарине и других богатырях, дошедших до нас в пересказе нескольких поколений сказителей. Идея служения родине определяет тематику киевских былин, воспевающих героические подвиги, борьбу с иноземными захватчиками, освобождение полона русского. Отсюда — образы киевской былины — мужественные богатыри, всегда готовые встать на защиту Руси, ее святынь, ее вдов и сирот. «Былины — это история, рассказанная самим народом»[3].

Итак, в древней Руси бытовали все важнейшие жанры устной поэзии. Однако мы можем лишь в известной мере судить о содержании и поэтической форме народной поэзии той эпохи. Переходя от поколения к поколению, фольклорные тексты непрерывно меняются. Они каждый раз современны своему исполнению. Они живут, то впитывая в себя все новые элементы, усложняясь и обогащаясь, шлифуясь в веках, то разрушаясь и распадаясь, когда не только уходит в прошлое создавшая их действительность, но исчезают и предпосылки, которые способствуют их сохранению в быту. Специфика фольклора в том, что он «отзвук прошлого, но в то же время и громкий голос настоящего»[4].

Народ донес устно-поэтическое творчество древней Руси в своих песнях и сказах, в пословицах, загадках и прежде всего в былинах до нашего времени; а образы богатырей сохранились как символы доблести, героизма, славы русского народа. Фольклор является ценным источником для изучения древней Руси: «нельзя знать истории трудового народа, не зная его фольклора» [5].

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 794.

[2] Там же, стб. 813.

[3] *Б. Д. Греков.* Киевская Русь, стр 5.

[4] *Ю. М. Соколов.* Русский фольклор. М., 1938, стр. 14.

[5] *А. М. Горький.* Доклад на съезде советских писателей 17 августа 1934 г. Сб. «О литературе», М., 1937, стр. 456.

б) Письменная культура

Существенной гранью в истории культуры служит появление письменности. Точные сведения о начале письменности на Руси отсутствуют. Но в нашем распоряжении имеется ряд ценных косвенных данных. «Житие Кирилла» содержит сказание о том, что Кирилл (IX в.), по преданию составивший славянский алфавит, встретился в Корсуни с одним «русским» и видел у него евангелие и псалтырь, писанные «русскыми письмены»[1]. Есть основание признать это сообщение достоверным.

Во всяком случае потребность в письменности на Руси появилась уже давно, и ряд известий свидетельствует, что письменами русские люди пользовались и до признания христианства государственной религией.

Договоры с греками были составлены и на греческом и на русском языках. В договоре Олега с греками 911 г. говорится о письменных завещаниях, которые делались русскими людьми. Договор Игоря 944 г. упоминает о грамотах, которыми русский князь должен был снабжать посылаемые им в Грецию корабли. Ибн-Фадлан, арабский писатель X в., видел надпись на могильном памятнике знатному русу. Другой арабский писатель того же столетия Ибн-аль-Нэдим видел русскую надпись на куске дерева.

Интересная находка была сделана советским археологом Д. А. Авдусиным в 1949 г. во время раскопок Гнездовских курганов под Смоленском. Это — надпись на глиняном сосуде, датируемом первой четвертью X в. Эта надпись расшифровывается как «гороухща» или «горушна» (пряность). Гнездовская надпись близка по начертаниям букв к болгарским надписям X в.[2]

Черноризец Храбр (X в.), говоря о славянах, делает общее недатированное замечание: «Прежде убо словене не имеху книг, но чертами и резами чьтяху и гадаху»[3]. Это замечание о состоянии письменности у славян до принятия ими христианства может быть отнесено во всяком случае к VIII в., потому что славяне западные и южные в IX в. уже официально считались христианами.

Стало быть, Кирилл ввел не письменность, а только славянскую

---

[1] «Чтения ОИДР», 1863, кн. 2, отд. III, стр. 12.

[2] *Д. А. Авдусин* и *М. Н. Тихомиров*. Древнейшая русская надпись. «Вестник Академии Наук», вып. 4, 1950, стр. 71—79; *П. Я. Черных*. К вопросу о гнездовской надписи. «Известия отделения языка и литературы АН СССР», 1950, вып. 5, стр. 393—401.

[3] *П. И. Шафарик*. Славянские древности, т. II, кн. III, М., 1848, стр. 109 (прилож.).

Надпись на глиняном сосуде первой четверти X в., найденном во время раскопок Д. А. Авдусина под Смоленском

азбуку [1]. Письменность была и до него. Образование государства, нуждавшегося в более или менее упорядоченной переписке, было решающей причиной развития письменности [2]. Христианство, давно известное среди славян и, в частности, восточных, было лишь одним из факторов, усиливавших потребность в письменности и, несомненно, ускоривших усовершенствование своего собственного алфавита.

После принятия христианства окрепла культурная связь Руси с Византией и Болгарией. Не только греческие, но и славянские книги, памятники переводной и оригинальной болгарской и греческой письменности приобрели широкую известность на Руси. Появилась школа. О значительном распространении грамотности на Руси говорят материалы археологических раскопок А. В. Арциховского в Новгороде, где найдены берестяные грамоты, содержащие переписку горожан [3].

Изложив обстоятельства крещения Руси, летописец закончил свой рассказ следующими словами: «Сбысся пророчество на Русьстей земли,

[1] См. *Д. С. Лихачев*. Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 30—54.

[2] См. *И. Сталин*. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 26—27.

[3] См. *А. В. Арциховский*. Новые открытия в Новгороде. «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 77 и сл.

глаголющее: во оны днии услышать глусии словеса книжная, и ясен будеть язык гугнивых, си бо не беша преди слышали словесе книжного...»[1]. Как видим, успехи «книжного» просвещения в свое время летописец ставит в прямую связь с принятием христианства Русью.

Бесспорно, что «учение книжное»— это не просто обучение грамоте, а систематическое преподавание наук, организованное в виде школ. Одна такая школа появилась в Киеве при Владимире Святославиче, другая — в Новгороде при его сыне Ярославе.

«Повесть временных лет» с величайшими похвалами отзывается о русском митрополите—знаменитом Иларионе: он «бе... мужь благ, книжен и постник»[2]. В то же время о князе Борисе Владимировиче Нестор говорит гораздо скромнее: князь «бяше бо и грамоте научен»[3], но о прохождении им «книжного учения» тут ничего не говорится; о митрополите греке Иоанне-скопце, несомненно, человеке хорошо грамотном, сказано: «бе... мужь не книжен, но умом прост и просторек»[4].

Сохранились сведения об отдельных весьма образованных представителях господствующего класса. Например, черниговский боярин Федор блестяще обучил местную княжну Ефросинию. В житии Ефросинии сказано, что она «не во Афинех учися, но афинейски премудрости изучи», следовательно, постигла весь объем тогдашних знаний: «философию, риторию и всю грамматикию».

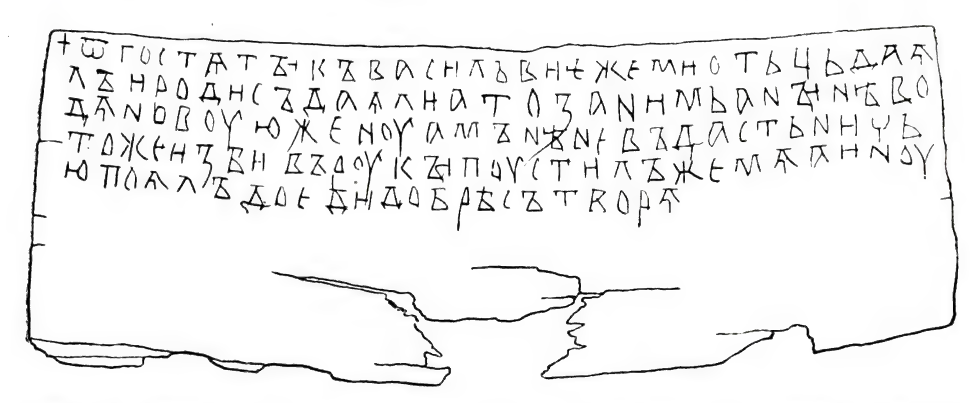
Летопись под 1037 г. так характеризует просветительные мероприятия Ярослава: «Бе Ярослав любя церковные уставы, попы любяше по велику, излиха ж черноризьце, и книгам прилежа, и почитая е часто в нощи и в дне; и собра писце многы, и прекладаше от грек на словеньское письмо, и списаша книгы многы, и сниска, ими же поучащеся вернии людье наслаждаются ученья божественнаго»[5].

В этом сообщении летописи интересно указание на подбор Ярославом группы переводчиков, которые специально занимались «переложением» греческих книг на славянский язык. Заслуживают внимания и следующие за этим известием слова летописца, несомненно, отражающие интерес и любовь к книге передовых людей, современников Ярослава: «Велика бо бываеть полза от ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обретаем и воздержанье, от словес книжных, се бо суть рекы напаяюще вселеную»[6].

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 119.
[2] Там же, стб 156.
[3] *С. А. Бугославський.* Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. Київ, 1928, стр. 184.
[4] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 208.
[5] Там же, стб. 151—152.
[6] Там же, стб. 152.

Письмо, написанное на бересте в XI в., найденное во время раскопок А. В. Арциховского в Новгороде. «От Гостяты къ Васильви. Еже ми отьць даялъ и роди съдаяли, а то за нимь. А ныне, водя новую жену, а мъне не въдасть ничьтоже. Изби, въ рукы пустилъ же мя. А иную поялъ. Доеди, добре сътворя».

От середины XI в. до нас дошло несколько великолепных пергаменных рукописей с художественными заставками и иллюстрациями в красках, наглядно свидетельствующих об интересе русского человека той поры уже не только к содержанию книги, но и ее оформлению. Древнейшие из дошедших до нас русских книг — так называемое Остромирово евангелие, написанное в Киеве для новгородского посадника Остромира в 1056—1057 гг., «Изборник» князя Святослава 1073 г. и др.

Польза от книжного учения была рано осознана на Руси. Учиться стало потребностью не только в среде киевской знати, но и у людей менее богатых: например, Феодосий Печерский в детстве просил родителей отдать его «на учение божественных книг единому от учитель»[1], что и было исполнено. Стало быть, даже в небольшом Курске,

[1] «Патерик», стр. 17.

где протекало детство Феодосия, были желающие учиться и учителя.

Древнейшим из сохранившихся памятников русской оригинальной литературы является небольшое «Поучение к братии» новгородского епископа Луки (1016—1060). Вслед за обращением к братии идет перечень моральных предписаний, которые и составляют все содержание «Поучения»: «Судите по правде,... мзды не емлите, в лихву не дайте, бога ся бойте, князя чтите»[1] и т. п.

Исключительное по яркости место в нашей литературе занимают произведения современника Луки, митрополита киевского Илариона. Уцелело только одно его произведение — «Слово о законе и благодати», свидетельствующее о несомненном литературном таланте автора и глубине его мысли. «Слово» было написано не ранее 1037 и не позже 1050 г. Посвященное памяти князя Владимира, «Слово» представляет собой смелую для своего времени попытку вскрыть всемирно-историческое значение Руси. Начинается «Слово» с характеристики ветхого завета («закона») как подготовительной ступени к завету новому («благодати»). Указав на превосходство «благодати» над «законом», автор переходит к центральной части своего произведения—«Похвале»—главному инициатору приобщения Руси к «благодати», князю Владимиру.

Рисуя образ «великого кагана» земли Русской, автор «Слова» изображает его как князя-просветителя. Заканчивается «Слово» молитвой от лица всей земли Русской[2].

Иларион — русский человек, один из тех просвещенных церковников, идеологов раннефеодальной монархии, которыми окружил себя великий князь Ярослав. Он был ближайшим сподвижником князя в его борьбе за независимость русской церкви от константинопольского патриарха.

Иларион, несомненно, принадлежал к числу крупнейших писателей нашей древности. Замечателен он не только как художник, давший в своем «Слове» блестящий образец торжественно-риторического стиля своей поры, но и как публицист, выразитель политического могущества своей родины, «ведомой и слышимой всеми концы земля». «Слово» — это прославление Русской земли, имеющей все данные для дальнейшего роста, земли, которой предстоит великое будущее. Веру в это автор выражает со всей силой своего ума и могучего таланта.

---

[1] «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», под ред. А. И. Пономарева, вып. 1, СПб., 1894, стр. 16.

[2] *А. В. Горский.* Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I. М., 1844, стр. 86.

Среди очень ранних литературных произведений есть еще одно интересное «Слово некоего христолюбца, ревнителя по правей вере»[1]. Имя автора осталось неизвестным. Этот «ревнитель» новой, христианской религии, отражавшей интересы господствующей церкви, направляет свои стрелы против пережитков язычества в русской христианской среде («двоеверие»). «Некий христолюбец» уступает по таланту Илариону, но и он внес свою лепту в историю нашей культуры, и он откликался на вопросы, волновавшие в его время русское общество.

Незаурядным писателем был Феодосий Печерский. Он написал несколько поучений к монастырской братии и посланий к киевскому князю Изяславу Ярославичу, активным сторонником которого он был. Феодосий вмешивался в княжеские распри и выступил против князя Святослава, когда тот сел на киевский стол на место изгнанного из Киева Изяслава.

Из дошедших до нас сочинений Феодосия наибольший интерес представляет его послание князю Изяславу «О вере латынстей». В этом послании автор советует не общаться с латинянами: не слушать их «учения», не держаться их «обычая», не выдавать за них дочерей, самим не жениться на латинянках (Изяслав был женат на католичке, сестре польского короля Казимира), не есть и не пить с ними из одного сосуда, а затем подробно перечисляет все известные ему латинские «ереси»[2].

Можно предполагать, что «Послание» было написано Феодосием в 1069 г., когда в связи с общим недовольством против польских войск, которые князь Изяслав привел в Киев, чтобы подавить вспыхнувшее незадолго перед тем восстание, вопрос о латинянах приобрел особенную остроту и злободневность. Со стороны Феодосия, игумена Киево-Печерского монастыря, «Послание» было попыткой указать князю на гибельность его внешней политики, предостеречь от возможных последствий его ориентации на иноверцев-поляков, которые в это время не только сами вели активную политику по отношению к Руси, но и имели сторонников в княжеской среде. Киево-Печерский монастырь стоял на патриотических позициях, не без основания опасаясь нежелательных для себя экономических и политических последствий от проникновения на Русь влияния католической курии.

Литература не могла не отразить острой политической борьбы внутри господствующего класса, сопровождавшей процесс роста древнерусского государства. В этом отношении особенно интересны произ-

---

[1] Текст см. в книге *Е. В. Аничкова.* Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 374—379.

[2] *И. П. Еремин.* Из истории древнерусской публицистики XI в. «Труды Отдела древнерусской литературы», т II, М.— Л., 1935, стр. 34—38.

ведения, связанные с культом князей Бориса и Глеба. Борис и Глеб стали жертвой политики Святополка. Ярослав, киевский князь, после победы над Святополком был готов прославить своих братьев, погибших от руки его врага. Но сделать это было очень трудно: греческие церковники энергично противились тому, чтобы на Руси появились собственные «святые». После серьезной борьбы сопротивление греков было сломлено.

Первые русские «святые» (канонизированы в 1071 г.) были использованы великокняжеской властью в качестве символа единения в феодальной среде и политического единства Руси, которое в данный момент для киевской власти стало самым острым вопросом. Перенесение «мощей» Бориса и Глеба в новый храм в Вышгороде (1072) киевский князь превратил в большой, широко задуманный политический праздник, хотя и не принесший тех результатов, на которые он рассчитывал.

Это было время дробления государства, сопровождавшегося борьбой противоречивых интересов князей и окрепшей в своих крупных вотчинах знати против защитников власти Киева.

Литература этого периода, естественно, стала орудием сложной политической борьбы. Культ князей Бориса и Глеба нашел свое отражение в ряде сказаний об их жизни и смерти. Одно из таких сказаний было внесено в летопись под 1015 г., другое, дополненное рассказом о посмертных «чудесах» над их гробами, приписываемое монаху Иакову, получило широкое распространение в отдельных списках и в 80-х годах XI в. послужило основным источником для церковного «Чтения» об этих князьях.

Автором «Чтения» был монах Киево-Печерского монастыря, летописец Нестор, один из самых образованных писателей нашей древности. После витиеватого вступления и рассказа о детстве князей Бориса и Глеба Нестор излагает обстоятельства смерти братьев. Заканчивается «Чтение» сообщением о «чудесах», традиционной «похвалой» убитым князьям и укором тем из современных автору молодых князей, которые не берут примера с князей-«мучеников» и оказывают неповиновение «старейшим»[1], укор, в котором справедливо усматривают намек на погибших в 1078 и 1079 гг., в политической борьбе со «старейшими» трех «младших» князей — Глеба Святославича, Бориса Вячеславича и Романа Святославича.

Нестор, крупный для своего времени придворный историк и публицист, вполне владевший литературной формой, писал, повидимому, много. Кроме летописи, жития Бориса и Глеба, его перу принадлежит труд о Феодосии Печерском. Предания и рассказы о Феодосии

[1] *С. А. Бугославский*. Указ. соч., стр. 205.

послужили Нестору главным источником. Написанное в том же торжественно-риторическом стиле, что и «Чтение» о князьях Борисе и Глебе, «Житие» Феодосия выгодно отличается от него богатством фактического материала. Объясняется это, конечно, тем, что в руках у Нестора было гораздо больше конкретных данных о Феодосии, чем о князьях Борисе и Глебе, убитых в самом начале XI в.

В «Житии» Феодосия Нестор выступает и как историк-бытописатель. Излагая биографию Феодосия, он попутно сообщает немало интересных сведений и о самом монастыре, его общественной роли, взаимоотношениях монастыря и княжеской власти, приводит ряд фактов, характеризующих быт монастыря и древнего Киева.

Картина за картиной проходят перед нами боярский двор и монастырская келья, киевский рынок и семейная обстановка средней зажиточности землевладельца, купеческий караван и осложнения на киевском великокняжеском столе. «Житие» Феодосия представляет большой интерес не только как образец русской древнейшей агиографии (житийной литературы), но и как историческое произведение.

Отразилась в литературе и попытка Владимира Мономаха в первой четверти XII в. восстановить единство Руси и раздробление государства после его смерти. Сам Владимир Мономах был крупным писателем, о чем свидетельствуют дошедшие до нас «Поучение детям» и письмо к Олегу Святославичу, в котором Мономах предлагал черниговскому князю мир. «Послушах сына своего, написах ти грамоту: аще ю приимеши с добромь ли с поруганьемь, обое же узрю на твоем писаньи» [1]. Подчеркивая в духе времени суетность всего земного, князь Владимир писал: «А мы что есмы, человеци грешни и лиси? Днесь живи, а утро мертви, днесь в славе и в ч[ес]ти, а заутра в гробе и бес памяти, ини собранье наше разделять» [2]. Касаясь гибели своего сына Изяслава, павшего в битве с войсками Олега, Мономах как средневековый воин-рыцарь сперва выражает свою скорбь о сыне, которого «тело увянувше, яко цвету нову процветшу», а затем продолжает: «Дивно ли оже мужь умерлъ на полку ти? Лепше суть измерли и роди наши. Да не выискивати было чюжего — ни мене в сором, ни в печаль ввести...» и т. д. [3]

После введения христианства русское общество встретилось с памятниками византийской литературы. Русь познакомилась с традициями не только античной и византийской, но и древних восточных культур [4].

Ранее всех попали на Русь в переводе с греческого на славянский язык книги библейские. Из них наибольшее распространение имели

---

[1] См. *А. С. Орлов.* Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 156.

[2] Там же, стр. 156, 158.

[3] Там же.

[4] См. гл. 1, § 8.

Евангелие, Апостол и Псалтырь. По Псалтыри учились читать, по ней гадали.

Вслед за библейскими книгами перешла к нам и так называемая апокрифическая литература. В состав ее входили разнообразные сказания о ветхозаветных и новозаветных событиях и лицах, признанные церковью ложными. Апокрифы интересны богатством своих легендарных и сказочных мотивов.

Среди произведений, попавших к нам из Византии еще в древнейший период нашей письменности, далеко не последнее место занимали сочинения «отцов церкви» — Василия Великого, Григория Богослова, Ефрема Сирина и др. Значительное распространение на Руси получили сочинения крупнейшего представителя византийского ораторского искусства Иоанна Златоуста, писателя IV в. По сочинениям Иоанна Златоуста и других «отцов церкви» наши древнейшие любители «книжного почитания» познакомились с элементами античной, преимущественно неоплатонической философии. Здесь они встретили и большое разнообразие новых литературных жанров — ораторских, полемических и эпистолярных.

Из произведений византийской исторической литературы к нам попали некоторые «хроники», или «хронографы», византийские летописи, т. е. сочинения, в которых излагается всемирная история, и прежде всего история Византии: хроники Иоанна Малалы, писателя VI в., Георгия Амартола, или Грешника, писателя IX в., византийская хроника Георгия Синкелла, писателя конца VIII — начала IX в., и, наконец, переведенная в половине XI в. «История иудейской войны» известного политического деятеля и историка I века н. э. Иосифа Флавия.

Знали на Руси и византийские «жития святых». Русские писатели стали включать в сборники этих житий и жития своих русских «святых».

Древнерусского читателя жития привлекали не только своей назидательностью, но и богатством легендарных и сказочных мотивов, фантастикой разного рода чудес и видений.

Наряду с отдельными житиями в XI—XII вв. были известны и сборники житий. Из них наибольшим распространением пользовался «Пролог», в состав которого входили краткие жития почти всех чтимых церковью «святых»; пользование этим обширным сборником облегчалось для читателя тем, что жития в нем были распределены по определенной системе, по тем месяцам и дням, к которым церковь приурочивала память о том или ином «святом».

Русские люди охотно читали византийские (правда, немногочисленные) светские повести и романы. Среди них обращают на себя внимание так называемые «воинские» повести, характерной особенностью кото-

рых была военная, батальная тематика. Из воинских повестей у нас в XI—XII вв. были известны: «Александрия», роман о военных приключениях Александра Македонского, и «Девгениево деяние», повесть о подвигах византийского народного героя Дигениса Акрита. Воинская повесть примечательна сюжетной насыщенностью. Действие в ней развивается со стремительной быстротой, один эпизод следует за другим. В ней почти отсутствуют описания, в частности, природы; только битвы и богатая одежда героя описываются иногда более или менее подробно. В центре повести — герой и его жизнь, начиная со дня рождения и кончая днем смерти. Совсем отсутствует в воинской повести психологическая мотивировка поведения героев.

Особую группу переводных с греческого повестей XI—XII вв. составляют повести об Акире Премудром и о Варлааме и Иоасафе, обе восточного происхождения: первая — сирийского, вторая — индийского. По жанру обе принадлежат к нравоучительным повестям.

в) Знание

Наряду с развитием художественной литературы в русском обществе пробуждается и интерес к знаниям. На Руси очень рано обнаруживается стремление понять и осмыслить место человека в системе мира и место русского народа среди других народов. Наивные с современной точки зрения ответы на эти вопросы стояли, однако, на уровне знаний тогдашней Европы.

Система мира русским людям киевской поры (как и грекам и болгарам) рисовалась в следующем виде. В центре вселенной поставлена земля, над нею семь небес. На нижнем небе помещаются дожди, снега, роса и т. п., управляемые приставленными к ним ангелами. Солнце, луна и звезды находятся на четвертом небе. Седьмое небо — обиталище бога.

Земля представлялась в виде неровной доски. Она состоит из частей: «Асии, Иеропии и Ливии», разделенных «пучинами». Над землей — небо. Были известны некоторые астрономические числовые соотношения, лежавшие в основе календаря, различались солнечный и лунный годы, високосные годы («лето имать 365 дний и четверть, сия же четверть на 4-е лето день бывает приступ, сий же день приступает феврале»)[1].

При этом значительное место отводилось астрологии. В «Повести временных лет» под 1065 г. изложена теория, согласно которой бог «знаменует» свой гнев на людей за грехи, насылая засухи, сильные грозы, пожары и другие стихийные бедствия. Под 1102 г. в той же

---

[1] *Козьма Индикоплов*. Христианская топография. СПб., 1886.

летописи говорится о значении необычайных явлений природы: «знаменья... бывають ова на зло, ова ли на добро»[1]. Небесные явления — «знамения», отмеченные в наших летописях, как это подтверждает современная астрономия, датированы с большой точностью.

В памятниках литературы того времени проявляется оригинальная творческая мысль. Наши летописцы работали каждый по-своему, и нетрудно заметить, например, что составителю галицко-волынской летописи было чуждо богословие византийского шаблона. Он явно не признавал теории о «знамениях» своих предшественников и современников. В произведении Кирика, дьякона и доместика (регента хора) новгородского Антониева монастыря, «Учение им же ведати человеку числа всех лет» (1134)[2], и в новгородских летописях заметен совершенно трезвый интерес к явлениям природы, сведения о которых записывались обычно в прозаическом тоне. Кирик посвятил свой небольшой трактат календарно-астрономическим расчетам без всякого выражения какого-либо интереса к богословско-мистическим проблемам. В своих расчетах Кирик пользовался между прочим геометрической прогрессией. Он обращался и к другим специалистам — «числолюбцам», «риторам»[3]: стало быть в своей области знания он был не одинок.

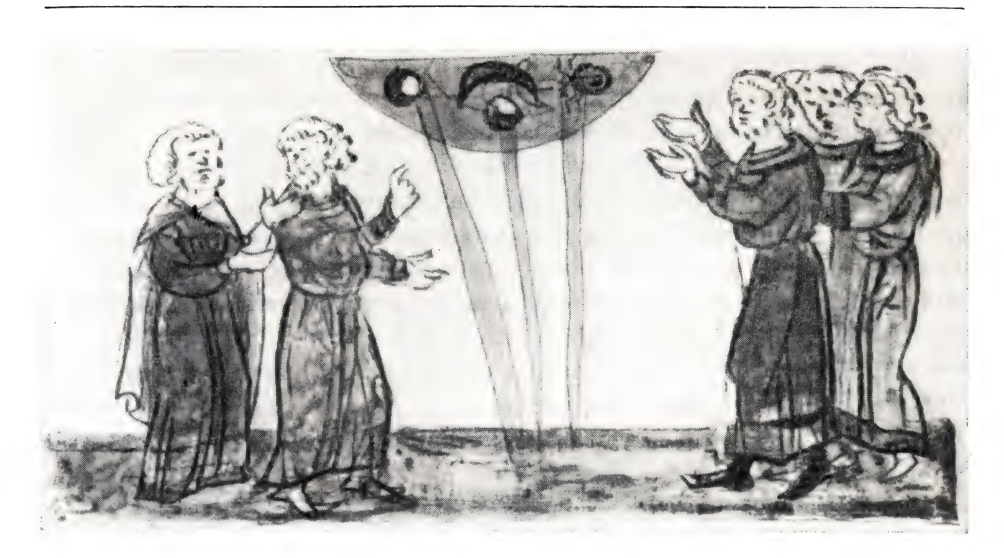
Дошедшие до нас сведения о поездках русских людей в чужие страны свидетельствуют о любознательности и наблюдательности русских путешественников. В начале XII в. игумен Даниил из Черниговской земли описал «Хождение» в Иерусалим. Он посетил Иерусалим при короле Болдуине I, т. е. после 1100 г., но не позднее 1113 г., когда умер Святополк Изяславич. Даниил начинает свой рассказ с отъезда из Царьграда. На корабле он добрался до Кипра, а оттуда переехал в Палестину, где высадился в Яффе. В Палестине Даниил пробыл более двух лет. Он ссылается и на других русских паломников, которые вместе с ним были в Иерусалиме: «рускыи сынове, приключишася тогда новогородци и кияне: Седеслав Иванковичь, Горослав Михалкович, Кашкича и инии мнозе»[4].

Говоря о р. Иордане, Даниил сравнивает ее с р. Сновью («подобен Иордан к реце Сновьстей»). Знакомясь с достопримечательностями Палестины, Даниил не забывал, что он представитель Русской земли. Замечателен рассказ о его переговорах с королем Болдуином.

«Хождение игумена Даниила» (начало XII в.), проповеди Кирилла Туровского (XII в.), «Толковая Палея» (XI—XII вв.), «Начальная

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 276.
[2] «Чтения ОИДР», 1847, № 6, отд. IV, стр. 28.
[3] Там же, стр. 30.
[4] «Палестинский сборник», вып. 8 и 9, СПб., 1885, стр. 136

Солнечное затмение. Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

летопись» (XI—XII вв.) — все эти произведения так или иначе касаются вопроса о месте человека в мире, о влиянии природы на жизнь человека.

Не меньше, чем тайны природы, интересовали русского писателя и читателя вопросы общественной и политической жизни. В этом отношении поистине замечательны наши летописи. Древнейшая из дошедших до нас — «Повесть временных лет» сохранилась в большом количестве списков, правда, не ранее XIV в. Ближе всех воспроизводят текст «Повести временных лет» два списка — Лаврентьевский и Ипатьевский. Первый список получил название по имени монаха Лаврентия, который списал его в 1377 г. при суздальском князе Дмитрии Константиновиче; второй список XV в. назван Ипатьевским потому, что некогда хранился в Ипатьевском монастыре в Костроме. В обоих списках «Повесть временных лет» доведена до второго десятилетия XII в. и носит следующее заглавие: «Се повести времяньных лет, откуду есть пошла руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуду руская земля стала есть»[1].

«Повесть временных лет» в том виде, в каком она нам известна, представляет собой летописный свод, над созданием которого трудились многие авторы в течение ряда десятилетий XI— начала XII в. Наиболее законченная ее редакция, сохранившаяся в рукописи XIV в., относится, повидимому, к началу XII в.и сделана по заказу Владимира Мономаха вскоре после вокняжения его в Киеве.

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 9.

В этом труде использованы как русские письменные и устные памятники (договоры с греками, предания, повести), так и некоторые греческие (хроника Георгия Амартола, хронографы, жития святых и др.).

Таким образом, перед нами сложный труд, проникнутый идеологией господствующего класса, имеющий длительную историю. Совершенно понятно, что переделывался он согласно политическим требованиям времени и отражал различные перемены в положении тех групп господствующего класса, к которым принадлежали авторы или редакторы летописи. Это и есть первый сохранившийся опыт написания истории нашей страны. Проявление интереса к прошлому своей страны само по себе чрезвычайно знаменательно, но еще важнее характер этого исторического труда, приемы его написания и принципы, положенные в его основу.

В том виде, в каком мы знаем теперь «Повесть временных лет», она начинается с библейского рассказа о том, как после потопа от сыновей Ноя — Сима, Хама и Афета образовались новые народы. Далее следуют краткие сведения о расселении славян, которых летописец производит «от племени Афетова», и рассказ об основных событиях из истории древней Руси, доведенной до второго десятилетия XII в. Но летописец — не простой рассказчик отдельных фактов. Он — автор цельного, систематически продуманного труда. У него есть своя теория, положенная в основу его работы,— условие, без которого немыслим никакой исторический труд.

Летописец интересуется вопросом о древнейшем внутреннем строе славянского общества и говорит о родовом строе, предшествовавшем государству; он выступает здесь как историк. Он дает также оценку общественной жизни и быта других народов.

Возникновение государства летописец представляет себе в духе своеобразной договорной теории. И здесь в еще большей степени следует подчеркнуть теоретический характер объяснения образования древнерусского государства. В рассказе о призвании князей нас интересует не его легендарная основа, а трактовка летописцем политических вопросов. «Призвание» варягов облечено летописцем в форму договора, заключение же договора объяснено потребностью в установлении «наряда» (порядка), который понимался им как политический строй, возглавляемый князем, управляющим страной по «правде», т. е. по известным нормам[1].

Дальнейшее осмысление государственной власти у летописца идет под воздействием церковного учения о божественном ее происхождении:

---

[1] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. I М.—Л., 1948, стр. 248.

князь поставлен богом на казнь злым, а добрым на милование. Митрополит Иларион, обращаясь к Ярославу, тоже напоминал ему о «богоустановленности» его власти. О том же говорил и митрополит Никифор в своем обращении к Владимиру Мономаху в начале XII в.

Ставится вопрос и о пределах княжеской власти. В «Изборнике» Святослава 1073 г. и в послании митрополита Никифора к Владимиру Мономаху подчеркивается мысль о необходимости безусловного повиновения власти даже тогда, когда она нарушает интересы церкви, так как «злые» князья существуют тоже «с изволения бога»[1]. Эти мысли находились в полном соответствии с политикой киевских князей в период начавшегося раздробления государства и использовались в борьбе за политическое единство Руси.

Если правовые нормы более раннего времени мы узнаем из летописей и публицистических произведений современников, то правовые нормы этого периода прекрасно отражены прежде всего в так называемой краткой редакции «Русской Правды» и особенно в своеобразном своде феодального права — пространной редакции «Русской Правды».

Самый факт составления «Правды» говорит не только о потребности господствующих классов защищать свои интересы путем письменного закона, но и об умении сформулировать этот закон, расположить в известном порядке юридические нормы. В этом отношении «Русская Правда» аналогична известным «правдам» других европейских народов, хорватскому Полицкому Статуту, «Польской Правде» и др.

Дальнейшее развитие в XII в. получили и русские летописи, которые велись не только в Киеве, но и в других культурных центрах Руси — в Новгороде, Переяславле, Чернигове, Владимире-Волынском и др. Крупнейшим памятником летописания XII—XIII вв. является составленный на основе ряда местных летописей Киевский свод, примыкающий к «Повести временных лет».

Размышления о прошлом своей страны, попытки систематизировать ход исторических событий, естественно, подводили авторов к некоторым обобщениям, к постановке вопроса о движущих историю человечества силах и о месте Руси во всемирной истории. У автора «Повести временных лет» в основе объяснения исторического процесса лежит идея о вмешательстве божественных и дьявольских сил в ход исторических событий. Тем же летописцем была высказана мысль о приобщении Руси к мировой истории посредством принятия христианской веры. В знаменитом «Слове о законе и благодати» митрополит Иларион

[1] «Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года», М., 1884.

сравнивает русский народ с «новыми» мехами для вмещения божественной истины и называет Владимира Святославича новым Константином. Так зарождалась мысль о Руси — преемнице старого Рима.

Современник Ярослава, Иларион, имел полное основание сказать, что он в своей аудитории видит не людей несведущих, а людей «преизлиха насытившихся сладости книжныя» [1].

г) Искусство

Искусство древней Руси в основных его проявлениях говорит о больших культурных достижениях русского общества. Достаточно зайти в киевский Софийский собор, уже значительно искаженный временем, чтобы испытать ощущение грандиозности замысла его строителей.

Уже в более раннем искусстве (VII—VIII вв.) на территории Восточной Европы явно заметны черты, свидетельствующие о все углублявшемся процессе социальной дифференциации.

В области искусства особенно отчетливо выступает наличие в классовом обществе двух культур: культуры господствующего класса и культуры народных масс.

Социальные «верхи» древнерусского государства в различных его центрах (Киев, Полоцк, Новгород) формировали свое искусство на основе предшествующего развития славянского искусства Восточной Европы. В то же время они знакомились с культурой соседних стран (Византии, Кавказа, Средней Азии и Западной Европы) и, творчески перерабатывая ее, приспособляли к своим потребностям и запросам.

Как и в других странах средневековья, искусство древней Руси проникнуто прежде всего христианским содержанием, которое переплетается с пережитками языческих представлений и совершенно конкретными чертами современного быта как господствующего класса, так и народных масс.

Договор князя Игоря с греками говорит о существовании христианских храмов в Киеве уже в начале X в. К ним относится церковь Ильи, где давала присягу христианская часть дружины Игоря. Эти церкви, конечно, были единичными сооружениями, отнюдь не характерными для дохристианского Киева.

Только в княжение Владимира начинается широкое строительство деревянных и каменных храмов как в самом Киеве, так и в других городах Руси. По словам хроники Титмара Мерзебургского, в Киеве

---

[1] *А. В. Горский.* Памятники духовной литературы..., стр. 24.

Софийский собор в Киеве (реконструкция)

к началу XI в. было более 400 церквей и восемь рынков[1]. Сообщение это (явно преувеличенное, так как такого количества церквей в Киеве, конечно, не могло быть ни в ту пору, ни позже) важно тем, что Киев, повидимому, производил на иноземного наблюдателя впечатление города, насыщенного памятниками новой христианской архитектуры, несмотря на то, что христианизация его была еще не завершена. От строительства времени князя Владимира до нас дошел, да и то далеко не полностью, только фундамент знаменитой Десятинной церкви, сооруженной в конце X в. На основе данных письменных источников и частичных раскопок Десятинной церкви можно составить лишь самое общее представление об этом огромном (1542,5 кв. метров) 25-купольном княжеском храме, богато украшенном мозаиками, фресковой росписью[2], мраморными резными парапетами[3].

По стилю Десятинная церковь приближается к постройкам середины XI в., которые сохранились значительно лучше. Этот период представлен памятниками строительства двух сыновей князя Владимира — Мстислава, князя черниговского и тмутараканского, и Ярослава, князя киевского. Мстислав распорядился выстроить в Тмутаракани и Чернигове по собору. Черниговский собор был закончен уже после смерти Мстислава при его брате Ярославе и сохранился (правда, не во всех деталях) до сих пор. Тмутараканский собор не сохранился.

Черниговский «Спас» несколько меньше Десятинной церкви; шесть столбов делят его пространство на три нефа (продольные части), завершаемых с востока тремя алтарными полукружиями — апсидами[4]; храм перекрыт сводами и завершается пятью куполами. У северо-западного угла собора возвышается круглая башня с винтовой лестницей, ведущей на хоры («полати»). Храм богато освещен, его стены первоначально были покрыты фресковой живописью.

Почти одновременно с черниговским собором при Ярославе в Киеве был построен Софийский собор. Самое название этого собора, так же как и Золотых ворот, было, несомненно, связано с желанием князей повторить в Киеве константинопольские постройки.

Столица древнерусского государства соперничала с Царьградом. Однако, подражая Константинополю в названиях храмов, Русь привносила в архитектуру много своего, и киевская «София»[5],

---

[1] *М. М. Стасюлевич*. История средних веков, т. II, стр. 663.

[2] *Фреска* — рисунок водяными красками на свеженаложенной штукатурке.

[3] *Парапеты* — ограды, перила.

[4] *Апсида* — полукруглая, иногда многоугольная часть здания, обычно перекрытая полукуполом.

[5] См. *Н. И. Брунов*. Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры. «Византийский временник», т. III, М.— Л., 1950, стр. 154—200.

Софийский собор в Новгороде

например, не просто повторяла своими формами константинопольскую «Софию» VI в. Подобно Десятинной церкви, Софийский собор представляет собой огромную пятинефную постройку, опоясанную в древности двумя открытыми галлереями. На столбах открытых галлерей на уровне человеческого роста сохранилось много древних, сделанных посетителями «Софии» надписей. Среди них интересна запись уставом XI в : «Спаси, господи, кагана нашего...» (далее неразборчивое слово, начинающееся с буквы С; можно думать, что было написано «Святослава»)[1].

Незаштукатуренные поверхности фасадов оставляли открытой кладку из чередующихся кирпича и камня на розоватом от примеси толченого кирпича растворе. Эта полосатая кладка, как и уступчатые ниши, оживляли поверхность стен.

Киевская «София», несмотря на некоторые отличия, все же, несомненно, близка к черниговскому «Спасу» по конструктивному типу и тем более по стилю.

Внутри собора характерны огромные хорошо освещенные хоры, ход на которые шел через специальные башни. Глазам входивших открывалась широкая, залитая светом перспектива центрального пространства храма.

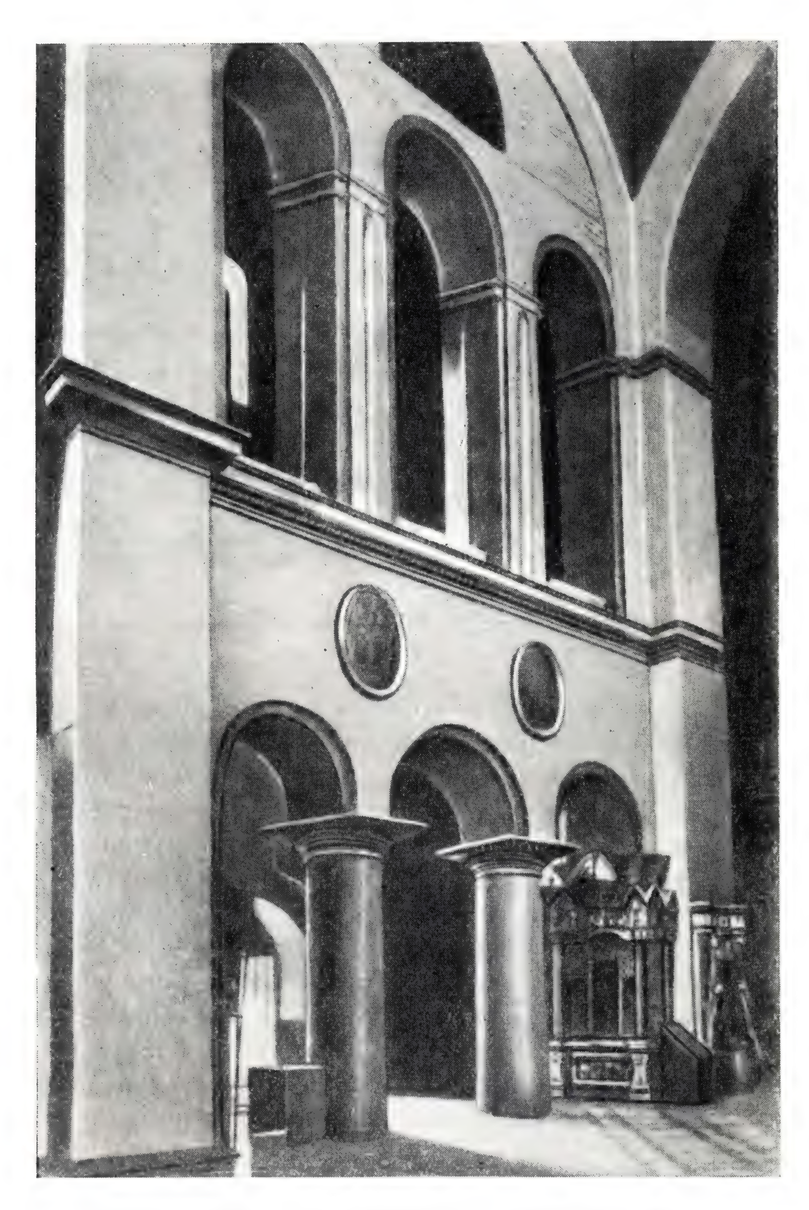
Кроме мозаик, собор был украшен фресками; мраморные барельефные парапеты, обилие драгоценной утвари и тканей довершали художественный облик главного храма древнерусского государства. В центральном нефе у западного входа, на уровне хор, были помещены фресковые изображения князя Ярослава и его семьи: налево — мужской ее части, направо — женской. Стены лестницы, ведущей на хоры, покрыты фресковой живописью светского содержания. Между прочим здесь изображены сцена княжеской охоты, придворные музыканты и т. п.

Весь храм рассчитан был на сильное впечатление, которое должно было связываться с представлением о политическом могуществе князя. И русские народные массы и иностранцы, постоянно посещавшие Киев, должны были видеть в грандиозном храме символ «прочности» и величия русского государства.

От выстроенных в Киеве в правление Ярослава, одновременно с «Софией», церквей Ирины и Георгия сохранились только фундаменты, вскрытые раскопками. По плану они близки Софийскому собору; обе постройки также имели хоры, о чем можно заключить из существования башен в углах здания.

Гражданская архитектура Киева X—XI вв. сохранилась лишь в

[1] Надпись сообщена Б. А. Рыбаковым.

Внутренний вид Спасского собора в Чернигове, XI в.

Золотые ворота в Киеве (рисунок 1651 г.)

незначительных остатках, к тому же плохо изученных. Остатки кирпичных зданий на территории древнейшего Киева свидетельствуют о наличии монументальных и обширных жилых и парадных зданий. Таковы открытые в 1907 г. остатки сгоревшего большого каменного здания X в., вероятно, княжеского дворца; о его великолепии можно судить по сохранившимся тонким кирпичным плиткам, окрашенным в светлокоричневый цвет, обломкам мрамора, остаткам фресковой живописи и мозаики, мраморным наличникам окон.

От военного строительства Ярослава сохранились развалины Золотых ворот в Киеве, построенных одновременно с «Софией»; рисунки XVII в. позволяют с большей или меньшей полнотой представить себе огромное башнеобразное здание с широким сводчатым проездом и небольшой квадратной церковью; по сторонам к воротам примыкали земляные валы.

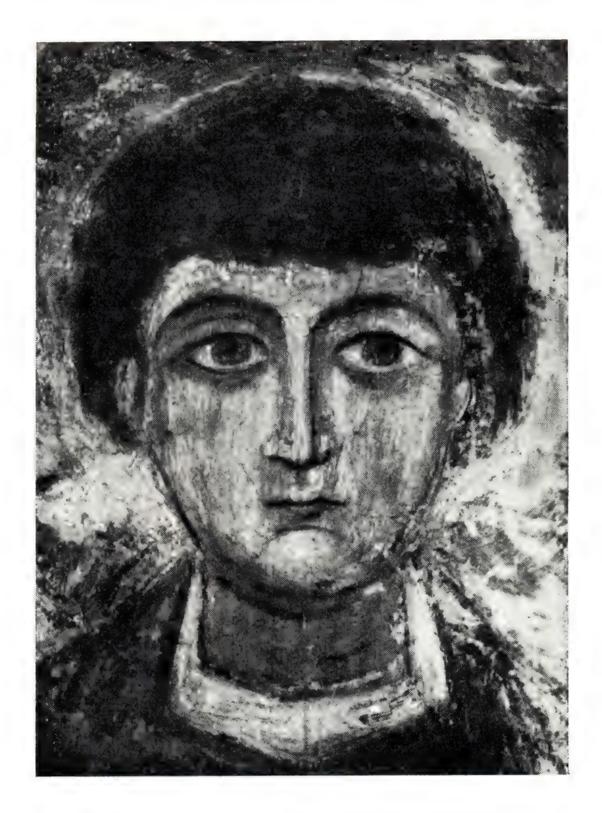
О киевских мастерах, строивших деревянные здания значительных размеров, упоминает Нестор в своем «Чтении» о Борисе и Глебе: князь Изяслав Ярославич, задумав выстроить новую церковь (деревянную), призвал «старейшину древоделям»[1].

[1] *С. А. Бугославский.* Указ. соч., стр. 201.

Мозаика Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве — Дмитрий Солунский, XI в.

Государственная Третьяковская галлерея.

Фреска киевского Софийского собора.
Пантелеймон

Почти одновременно с киевской «Софией» были воздвигнуты Софийские соборы в Новгороде и Полоцке. Три «Софии» являлись идейным выражением связи между тремя крупнейшими центрами Руси.

Новгородское искусство было теснейшим образом связано с Киевом. По распоряжению присланного из Киева при Владимире Святославиче епископа Иоакима была сооружена деревянная церковь Софии «о тринадцати верхах» (главах)[1]. Нет сомнений в том, что этот затейливый храм был построен новгородскими мастерами, которые издавна славились своим мастерством.

С 1045 по 1050 г., по повелению князя Владимира Ярославича и архиепископа Луки, в Новгороде был построен новый каменный Софийский собор. Сооружение этого собора было, несомненно, вызвано желанием повторить в Новгороде блеск и великолепие киевского княжеского строительства. Не только основной архитектурный замысел, но и самое

---

[1] ПСРЛ, т. III, СПб., 1841, стр. 208.

Фреска киевского Софийского собора. Жена и дочери Ярослава

имя новгородской «Софии» повторяло «Софию» киевскую. Подобно киевскому, новгородский Софийский собор был воздвигнут в центре города, в Детинце, который заново отстраивался. В это время окруженный знатью новгородский князь был еще властным хозяином Новгородской земли, и новый Софийский храм предназначен был демонстрировать высокое значение княжеской власти.

Новгородская «София», подобно киевской, представляет большой пятинефный собор с пространными хорами внутри, с ходом на них через специальную башню; по организации внутреннего пространства собор близок к киевским памятникам XI в. Отдельные конструктивные особенности памятника говорят о переработке в Новгороде киевских архитектурных форм.

Большой пятинефный Софийский собор был также выстроен в Полоцке. Его сооружение, повидимому, относится к княжению Всеслава (1044—1067); в отличие от «Софии» киевской, полоцкий собор имеет граненые апсиды и ряд других особенностей.

Характерным для киево-черниговской архитектуры, как и для архитектуры других центров Руси этого времени, являются парадные, пышные, огромных размеров сооружения (храмы и дворцы). Пафос грандиозно-

Деталь фрески киевского Софийского собора

Первый лист Остромирова евангелия, 1056—1057 гг.
Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

сти, бесспорно, выдвигавшийся архитектурой этого периода в качестве одного из средств воздействия на народные массы, весьма показателен для политического строя и международного положения древнерусского государства.

Храм резко делился на две части: нижнюю, обычно предназначенную для мужчин, и верхнюю — для женщин. Весьма вероятно, что хоры киевского храма с их галлереями служили для официальных собраний и не только церковных, но и княжеских. Стены были покрыты мозаиками и фресковыми росписями, органически связанными с архитектоникой здания; декоративная скульптура и различные виды прикладного искусства сливались в органическое целое. Храм создавал великолеп-

Миниатюра из «Изборника Святослава 1073 г.»— Святослав с семьей.

Государственный Исторический музей

ное обрамление для не менее пышного средневекового богослужения. Парадная архитектура, связанная с запросами феодальной знати, была насыщена безудержной роскошью и великолепием. Пышность внутреннего оформления храмов, однако, не затрагивала их строгой конструктивной сущности.

Живопись была органической, неотъемлемой частью всего храма. Характерной для этой эпохи была именно монументальная живопись (фреска, мозаика); станковая живопись (иконопись) имела меньшее значение. До нашего времени сохранились только мозаики киевской «Софии» (купол, апсида и подпружные арки) и собора Михайловского златоверхого монастыря (в Киевском музее). Есть прямые указания на существование мозаик в Десятинной церкви, в Успенском соборе Киево-Печерской лавры (варварски уничтоженном фашистскими захватчиками), в княжеском дворце и некоторых других сооружениях.

Сохранилась стенопись в киевской «Софии» (переписанная в XIX в., она в настоящее время расчищается из-под поздних записей), в черниговском «Спасе» (незначительные фрагменты); сохранилось несколько первоклассных фрагментов из раскопок Десятинной церкви. Для живописи этой поры характерна нарочитая отвлеченность и условность образов. Человеческие фигуры, пейзажи, предметы изображались в полной неподвижности. Живопись была органически связана со стеной, она учитывала архитектонику здания. Композиция чрезвычайно лаконична, проста, лишена ненужных подробностей. Это искусство имело, несомненно, значительную силу воздействия на массы, служа цели утверждения незыблемости и «божественного» происхождения власти.

Наряду с этим господствующим стилем в живописи того времени существовало и другое течение, характеризуемое несколько иным отношением к действительности. Вместо отвлеченного символизма в памятниках этого течения нередки черты портретности, подчеркнутые эмоциональной насыщенностью. Такова, например, фреска киевской «Софии», изображающая семью Ярослава.

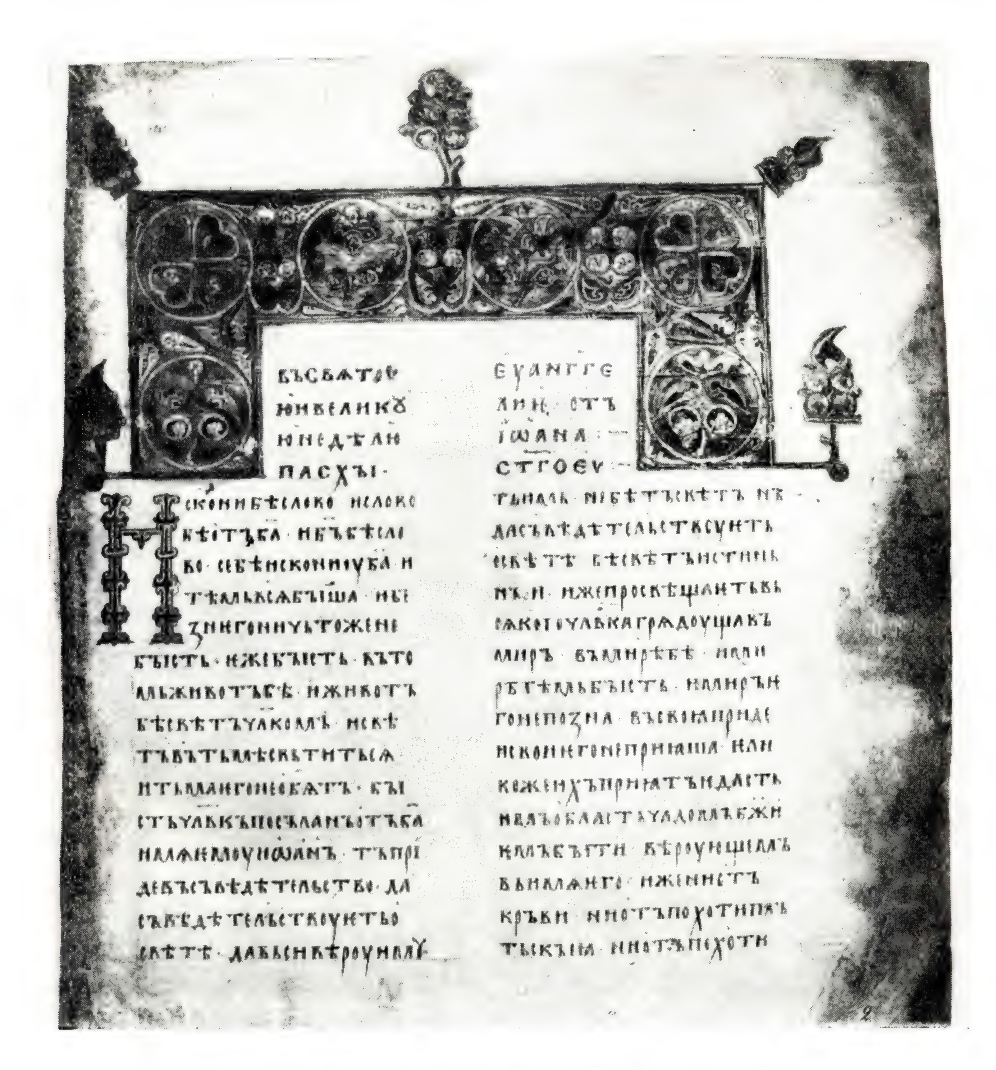
Это течение стремилось к преодолению изображения в одной плоскости и статичности. Для него характерна живописная лепка в противовес сухой графичности основного художественного стиля.

Хорошо была известна в древней Руси и византийская живопись. Она представлена в станковой живописи иконами. Некоторые из них, как, например, известная икона Владимирской богоматери, были вывезены из Византии, другие писались в самом Киеве и других городах Руси как местными, так и приезжими художниками. Расчищенные от разновременных записей и потемневшей олифы, освобожденные от поздних чеканных окладов, эти памятники

Владимирская икона богоматери (деталь), XI—XII вв.

Государственная Третьяковская галлерея.

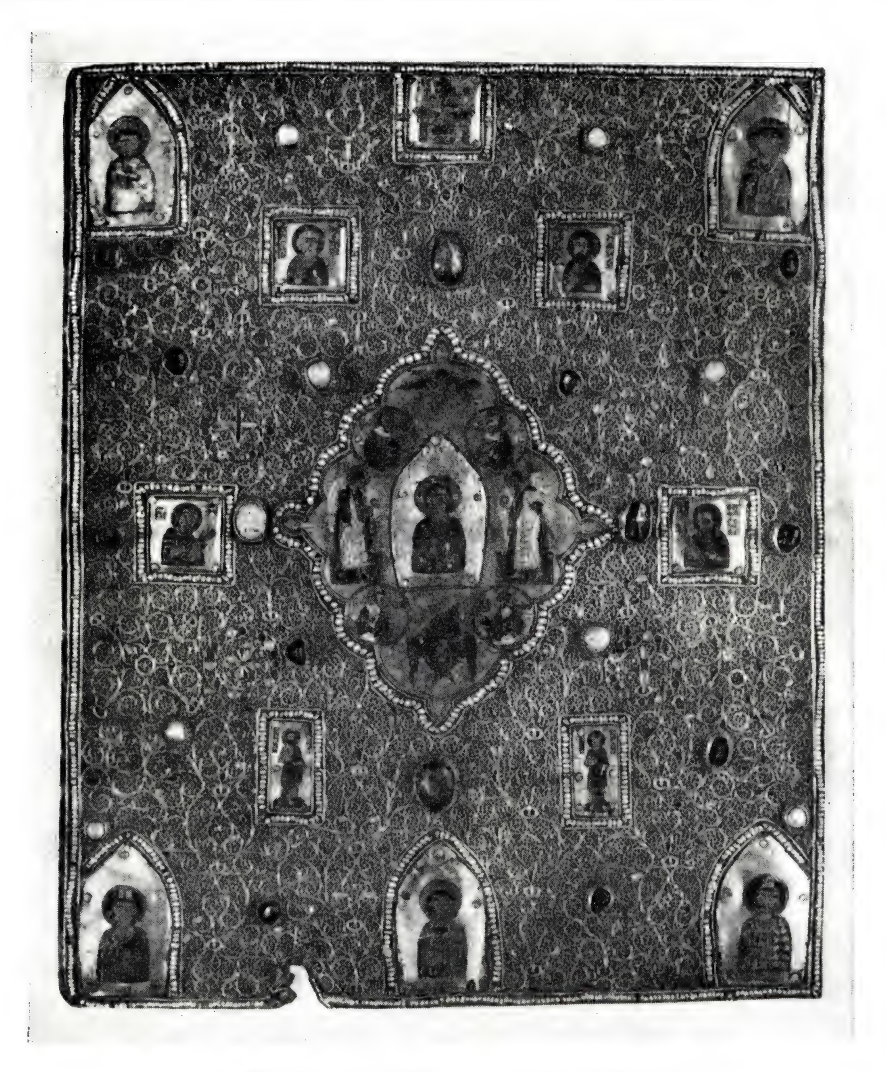

Заставка из Мстиславова евангелия, 1103—1117 гг.

Государственный Исторический музей

древнейшего периода русской станковой живописи свидетельствуют об утонченной и сложной художественной культуре древней Руси.

Распространение письменности, появление книг сохранило до нашего времени еще один вид искусства — книжную миниатюру. Древнейшие русские миниатюры имеются в известном Остромировом евангелии (1056—1057), изготовленном в Киеве для новгородского посадника Остромира. Утонченное мастерство миниатюры, яркое орнаментальное

Образец скани XII в. — серебряный оклад Мстиславова евангелия.
Государственный Исторический музей

окружение фигур евангелистов и обилие золота делают эти иллюстрации похожими на ювелирное произведение. Выдающееся произведение искусства представляет собой «Изборник» (сборник различных статей нравоучительного характера), составленный в 1073 г. по заказу киевского князя Святослава Ярославича. В «Изборнике» имеется ряд художественных заставок, а также миниатюра, изображающая семью князя Святослава. В 1079—1087 гг. были завершены русские

Образец русской ювелирной работы XIII в. (перегородчатая эмаль) — золотое ожерелье из клада, найденного в с. Каменный Брод.

дополнения к латинской псалтыри, принадлежавшей жене князя Изяслава Гертруде.

В миниатюрах этой рукописи находятся портретные изображения Гертруды, ее сына Ярополка и его жены Ирины. По стилю эти миниатюры близки миниатюрам Остромирова евангелия. Крупнейшим по художественному значению является так называемое Мстиславово евангелие, исполненное между 1103 и 1117 гг. мастером Алексой для новгородского князя Мстислава; миниатюры, несомненно, созданы по образцу миниатюр Остромирова евангелия. Оклад Мстиславова евангелия был изготовлен по специальному заказу в

Константинополе, украшен тончайшей сканью[1] и яркими перегородчатыми эмалями; по словам древней записи, «цену же его оклада один бог ведает».

Прикладное искусство древней Руси известно нам главным образом благодаря многочисленным кладам, найденным в Поднепровье. Клады эти состоят из богатых украшений, относящихся к X — середине XIII в., выполненных из драгоценных металлов, преимущественно из золота, и отделанных тончайшей перегородчатой эмалью, скаными узорами и чернью. Такова золотая диадема каменнобродского клада (X в.) с пышным сканным орнаментом и крупными драгоценными камнями. Золотое ожерелье того же клада из круглых медальонов с «Деисусом», включающим «святых» князей Бориса и Глеба, выполненным в технике перегородчатой эмали, указывает на переход от архаических украшений («гривны») к ожерелью из круглых медальонов, характерному для последующего времени.

Характер сокровищ, скоплявшихся в руках киевских князей и их дружинников, присваивавших плоды упорного труда русских городских и сельских ремесленников, выявляется в кладах XII в. Эти клады найдены на территории самого Киева (главным образом в районе Старого города) и других городов.

Массивные золотые ожерелья, церемониальные цепи, диадемы, серьги — «колты», браслеты, перстни, бусы, нашивные на одежде бляшки, богато украшенные изображениями святых, архангелов, сиринов, птиц, исполнены, несомненно, киевскими ювелирами, о чем говорят найденные при раскопках в Киеве остатки ювелирных мастерских с литейными формами и заготовками материала. Баснословная роскошь княжеского убора отражена в «Слове о полку Игореве», которое рисует киевского князя сидящим на златокованном столе, а смерть князя изображает в характерных образах: «изрони жемчюжну душу из храбра тела чрес злато ожерелие»[2].

Крупные изменения в социально-экономических отношениях древней Руси не могли не найти своего отражения в различных областях общественной жизни и, конечно, наложили свой отпечаток и на искусство.

Во второй половине XII в. в киевском ювелирном искусстве заметна стандартизация форм, некоторое упрощение прикладного искусства, выразившееся, в частности, в замене чернью сложной техники перегородчатой эмали и в сокращении изготовления золотых украшений[3].

---

[1] *Скань* — тонкое проволочное изделие из серебра или золота.

[2] «Слово о полку Игореве», стр. 24.

[3] См. гл. 2, § 2 настоящего издания.

д) Музыка, песни и пляски

Музыка как одна из форм идеологии развивалась в соответствии с развитием всего древнерусского общества.

Славянин со времен глубокой древности привык петь песни и во время работы, и в походах, и на общественных праздниках; песня входила в обряды бракосочетания и похорон.

Характеризуя быт древних славян, наш летописец указывает, что славяне устраивали «игрища межю селы, схожахуся на игрища на плясания и на вся бесовьская игрища и ту умыкаху жены собе, с нею же кто свещашеся»[1]. В «Житии Феодосия Печерского» Нестор рассказывает, как бесы смущали Феодосия. Феодосий собрался отдохнуть. Вдруг послышался шум. Это появились бесы «на колесницах едущим... в бубны бьющим... в сопели сопущим»[2]. Феодосий запел псалмы, и бесы исчезли.

Это место «Жития» можно понять в том смысле, что бесы явились соблазнять Феодосия, устроив перед ним песни, музыку и пляски. Наш летописец-монах не случайно употребляет обобщающий термин «игрища», называя их со своей профессиональной точки зрения «бесовскими».

Однако церковь не могла искоренить ни песен, ни плясок, как не могла уничтожить и потребностей, делавших песню для народа необходимой.

Те же виды народных развлечений были приняты и среди знати киевского общества, но только здесь они несколько видоизменялись. Богатые люди имели возможность, во-первых, обзавестись более усовершенствованными музыкальными инструментами, во-вторых, пользоваться наиболее талантливыми исполнителями, в-третьих, у них было больше возможностей следить за успехами музыки как на родине, так и в соседних странах, прежде всего в Византии. Наконец, высшие классы общества еще меньше смущались церковными запретами.

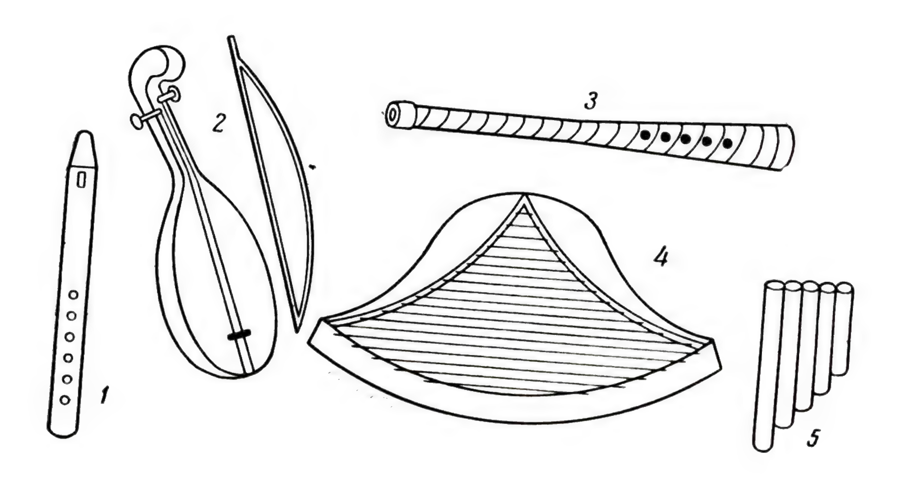
Однажды, рассказывает Нестор, Феодосий, по приглашению князя Святослава Ярославича, пришел во дворец. Войдя в хоромы, где находился князь, он увидел то же зрелище, которым его смущали бесы: «... виде многыа играюща пред нимь (князем.— *Ред.*): овы гусленыа гласы испущающим и инем мусикыйскиа гласящем, иныа же органныа — и тако всемь играющим и веселящимся, яко же обычай есть пред

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 14.

[2] «Патерик», стр. 29.

княземь»[1]. Итак, в княжеском дворце пение и музыка вошли в обычай. И князь не собирался от этого обычая отказываться, несмотря на то, что Феодосий его осудил. Князь сделал только одну уступку: он при-

Древнерусские музыкальные инструменты: *1* — дудка, *2* — гудок, *3* — рожок, *4* — гусли, *5* — кугиклы или кувички

казал прекращать музыку и пение в моменты посещения княжеского двора Феодосием.

Боярский двор в этом отношении приближался к княжескому. Известно описание пира у богача XII в. в «Слове о богатом и убогом». Здесь, правда, изображается болгарский богач, но на Руси не случайно охотно и часто читали это произведение. Объяснить это можно только тем, что быт болгарских вельмож не отличался от быта русских бояр. Поэтому можно с полным правом признать большую близость изображаемых здесь картин к русской действительности. В одном из вариантов «Слова» так описывается пир вельможи: «чаше сребрены великыя позлащены, кубьци и котьли, питие же многое — мед и квас, вино, мед чистый паперяный, пития обнощьная с гусльми и свирельми; веселие многое: ласкавьци, шьпилеве, празд填словьци, смехословьци, плясания, мерзости, воплеве, песни»[2].

На пиру выступают артисты — музыканты с гуслями и свирелями,

[1] «Патерик», стр. 50.

[2] «Известия Академии Наук по отделению русского языка и словесности», X (т. V, VI и VII), 1861—1863, стр. 548.

Изображение музыкантов и плясунов на лестничной фреске киевского Софийского собора

шуты («празднословьци» и «смехословьци»[1]), певцы, танцоры, а может быть, и танцовщицы. Если церковь относилась ко всем этим видам развлечений отрицательно («празднословие» — один из грехов), то некоторые из развлечений богача церковь даже не считала возможным называть иначе, как «мерзостями».

Аналогичные явления изображает и наш летописец, стараясь показать своему читателю, какими средствами дьявол отвлекает христиан от бога: «трубами и скоморохы, гусльми и русальями»[2] соблазняет он их, и множество людей устремляется на эти развлечения, между тем как церкви, по замечанию летописца, пустуют.

К сожалению, мы не можем точно воспроизвести ни песенных мелодий, ни танцев, ни мотивов инструментальной музыки нашей древности. Однако нет никаких оснований сомневаться, что те из мелодий или речитативов, которые особенно нравились народу и потому часто повторялись, дожили и до более позднего времени,

---

[1] Там же, стр. 549.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 170.

вдохновляли и вдохновляют крупнейших композиторов и не только русских.

Наиболее древние песенные жанры сохранились в первую очередь в Курской, Орловской и Брянской областях, во многих местностях Белоруссии и Украины. Едва ли можно сомневаться и в том, что в Олонецком или Архангельском краях былины еще в начале XIX в. распевались именно так, как они пелись в глубокой древности, что обрядовые песни (свадебные и др.) распеваются кое-где и сейчас в основном так же, как и в старину. Общеславянская весенняя хороводная игра «А мы просо сеяли» дышит седой древностью, когда славяне сеяли главным образом просо, и этот труд выполняла только женщина; едва ли мелодия этой песни сильно изменилась с течением времени.

Народные песни носят отпечаток именно земледельческого труда, и это еще раз подтверждает, что земледелие рано сделалось основной отраслью хозяйства в славянском обществе.

Развивались и музыкальные инструменты, изображения которых и сейчас можно видеть на фресках лестничной стены, ведущей на хоры киевского Софийского храма.

Значительная часть древнерусских музыкальных инструментов и поныне бытует в народе, например кугиклы (тип флейты), окарина, жалейка, брелка, смоленская двойчатка, дудка, пыжатка, деревянные рожки, трубы и т. п.

Изображение театральных действий, сохранившееся в храме Софии, поистине замечательно. Представленные здесь артисты действуют на подмостках, в закрытом помещении (на что указывает потолок, в то время как другие изображаемые сцены происходят под открытым небом), выступают плясуны, скоморохи и музыканты. Музыканты играют на трех родах инструментов: двое на трубах, двое на струнных (лютни и гусли). Один из плясунов бьет в накры[1], другой играет на флейте. Художник, повидимому, изобразил момент окончания одной части представления и начала другой. Распорядитель отдергивает занавес, чтобы впустить новых актеров. Может быть, по недостатку места, на котором писались сцены, а может быть, для того, чтобы выделить некоторых артистов, художник поместил двух музыкантов в медальонных изображениях. Так изображен, между прочим, музыкант, играющий на смычковом инструменте, напоминающем скрипку. В проповедях Кирилла Туровского (XII в.) дается довольно полный перечень известных на Руси инструментов («сопели, бубны, гусли, пискове»)[2].

---

[1] *Накры* — ударный музыкальный инструмент.

[2] «Памятники российской словесности XII в.». М., 1821, стр. 95 и др.

Музыкант, играющий на смычковом инструменте, — деталь лестничной фрески киевского Софийского собора

Фрески на лестнице киевского Софийского собора являются прекрасной иллюстрацией к описанию музыкальных развлечений князя Святослава Ярославича. Здесь также представлено целое собрание различных музыкальных инструментов, участвующих, повидимому, в оркестре: трудно иначе понять сообщение Нестора о том, что в обычном дворцовом княжеском обиходе можно было одновременно слышать «гусленыа гласы», «мусикыйскиа» и «органныа»[1]. «Гусленные» не вызывают у нас сомнений; «органные» — тоже, ибо «орган» известен как металлический ударный инструмент. В «Слове» Даниила Заточника упоминаются «сребреные накры». Наиболее загадочными являются «мусикийные гласы». Ясно, что Нестор различает щипковые гусли, ударные инструменты и какой-то третий вид инструментов; может быть, здесь подразумеваются трубы, может быть, смычковые инструменты.

Высокая культура народной песни была использована господствующим классом при насаждении им новой феодальной идеологии посредством церкви. Насаждая христианство, увеличивая число церквей, князья стремились придать богослужению возможно бóльшую пышность и великолепие. Музыке отводилась при этом весьма важная роль[2].

На Руси были созданы свои оригинальные церковные напевы, так называемый «знаменный распев» и своя оригинальная (и по начертанию нотных знаков и по принципу сложения) система письма «крюковой нотации» (по внешнему виду знаков). Музыкальное содержание древнейших памятников знаменного распева своими корнями уходит в устное музыкальное творчество[3]. Следовательно, можно говорить о высоком развитии древнерусского культового вокального искусства.

* * *

Древняя Русь имела передовую культуру, дальнейшее развитие которой не приостановилось и после наступления феодальной раздробленности. Ремесленники, зодчие, художники Владимиро-Суздальской, Галицко-Волынской, Полоцко-Минской Руси, Новгородской и Псковской феодальных республик и всех других русских земель, бережно сохранив великие достижения этой эпохи, приумножали на их основе славу русской культуры.

---

[1] «Патерик», стр. 50.

[2] См. *Ю. В. Келдыш.* История русской музыки, ч. 1, М.— Л., 1948, стр. 50—51.

[3] См. «История культуры древней Руси», т. II М.— Л., 1951, стр. 504—508.

10
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

В связи с развитием феодальных отношений в древней Руси отдельные восточнославянские племена складывались в древнерусскую народность. Тем самым были заложены и основы последующего формирования русского, украинского и белорусского народов, развивавшихся в тесной связи.

Вопрос о возникновении наций и народностей (национальностей) глубоко исследован в работах И. В. Сталина. По определению И. В. Сталина, данному в его труде «Марксизм и национальный вопрос», **«нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»**[1]. Только наличие всех этих признаков, взятых вместе, дает нацию. Нация, — указывает И. В. Сталин, является исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма.

И. В. Сталин говорит о длительности процесса сложения наций.

Складыванию наций предшествует образование (на основе объединения и слияния отдельных племен) народностей. И. В. Сталин указывал, что нельзя смешивать нацию, являющуюся исторической категорией, с племенем, являющимся категорией этнографической. По словам Энгельса, из племен развились нации и государства. «Союзы между родственными племенами,— писал Энгельс,— заключались местами в случае временной нужды и с ее устранением распадались. Однако, в отдельных местностях первоначально родственные, но разобщенные племена вновь сплачивались в длительные союзы, делая, таким образом, первый шаг к образованию наций»[2].

В труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин проследил процесс развития «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным», показав при этом, что «везде на всех этапах развития язык, как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения»[3].

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 296.

[2] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1952, стр. 96.

[3] *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

Говоря об империях рабского и средневекового периодов (Кира и Александра Великого, Цезаря и Карла Великого), И. В. Сталин указывал, что в состав этих империй входили племена и народности, которые «имели свою экономическую базу» и «свои издавна сложившиеся языки», «общие для племён и народностей и понятные для них»[1].

Это указание И. В. Сталина многое объясняет и в истории древней Руси, которая значительно отличалась от этих империй тем, что не была простым «конгломератом племён и народностей». Из отдельных славянских племен сложилась древнерусская народность; из нее впоследствии выросли народности великорусская, украинская, белорусская, историческая и языковая основа которых была единой (древнерусская народность). Ведущее место в этом процессе принадлежало русскому народу.

В процессе разложения первобытно-общинного строя и появления классового общества у восточных славян, приведшего к возникновению древнерусского государства, происходило формирование древнерусской народности.

Для древней Руси можно говорить об известной общности территории, языка, психического склада (проявлявшегося в общности культуры) древнерусской народности. Конечно, эта относительная общность, сложившаяся на феодальной экономической основе, принципиально отличается от «устойчивой общности людей», возникающей в период «подымающегося капитализма», которая характеризует нацию.

Несмотря на то, что политическое единство древнерусского государства было создано на раннефеодальной экономической основе и в результате развития феодальных отношений произошло его расчленение на ряд самостоятельных княжеств, памятники XI—XII вв. говорят о Русской земле как о едином целом. Терминами «Русь», «Русская земля» первоначально обозначалось основное ядро древнерусского государства, имевшее своими центрами Киев, Чернигов и Переяславль. Но затем значение этих понятий расширилось, и под Русской землей стали понимать всю территорию, населенную восточными славянами, как единое целое[2].

Таким образом, несмотря на местные территориальные, диалектные, культурные особенности отдельных восточнославянских племен, по-

---

[1] *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

[2] *М. Н. Тихомиров.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». «Советская этнография», вып. VI—VII, М.— Л., 1947, стр. 60—80.; *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 28 и сл.; *Б. А. Рыбаков.* Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина. «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 40—62.

нятия «русский народ» и «Русская земля» объединяли восточное славянство этого периода в единую древнерусскую народность.

И. В. Сталин указывает, что в рабовладельческую и феодальную эпохи существовал ряд диалектов, «местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»[1]. В древней Руси над местными диалектами превалировал русский язык, язык летописи, «Русской Правды», памятников литературы и права.

Русская земля в литературе древней Руси — это не юридическое, не абстрактное государственное понятие, а своя, близкая, родная земля, это — богатство, добытое трудом народа, это — весь «христианский», т. е. русский, народ. Это то, что обнимается высоко значимым понятием родины[2]. Глубокая любовь русского народа к своей стране, непоколебимое мужество в борьбе за ее независимость стали основой развития народной былинной патриотической идеологии[3] и проникли в памятники литературы.

Особенно ярко проявилось сознание единства Русской земли и народа в памятниках устного народного творчества. По словам А. М. Горького, «от глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории»[4]. Источниками устной словесности русского народа служили народные предания, былины, легенды, связанные с местными памятниками прошлого, семейные предания и дружинная поэзия. Летопись сохранила устные рассказы Вышаты и Яна Вышатича, наполненные патриотическим содержанием. В тексте летописи запечатлены и дружинные песни, в которых нашла свое отражение идея воинской чести.

Яркие образы Русской земли мы находим в древних летописных памятниках. Заглавие летописного свода начала XII в.— «Се повести времяньных лет, откуду есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуду Руская земля стала есть»[5], указывает на то, что летописец поднимает большую историческую тему об образовании Русского государства.

Глубоким патриотизмом звучат в передаче летописи слова князя Святослава, с которыми он обращается к дружине, призывая ее

---

[1] *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

[2] См. *С. А. Бугославский.* Русская земля в литературе Киевской Руси XI—XIII вв. «Ученые записки МГУ», вып. 118, «Труды кафедры русской литературы», кн. 2, М., 1946, стр. 4.

[3] См. гл. 2, § 9б настоящего издания.

[4] *А. М. Горький.* Доклад на съезде советских писателей 17 августа 1934 г. Сб. «О литературе», стр. 456.

[5] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 1.

лучше погибнуть за Русскую землю на поле брани, чем испытать позор поражения: «Да не посрамим земле Руские, но ляжем костьми ту, мертвыи бо срама не имам, аще ли побегнем, срам имам; и не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами поиду, аще моя глава ляжет, то вы промыслите о собе»[1].

О Русской земле, ее «женах» и «сыновьях» говорит «Повесть временных лет», отмечая культурное значение принятия христианства.

В похвале князю Владимиру Святославичу, помещенной в летописи в связи с рассказом о происшедшем при нем крещении Руси, также подчеркивается его культурная роль: «Колико добра створил Русьстеи земли, крестив ю»[2]. Продолжателем дела Владимира, по летописи, явился его сын Ярослав. Сравнивая деятельность обоих князей, летописец замечает: «Отец бо его... (Ярослава.— *Ред.*) землю взора и умягчи, рекше крещеньем просветив; сь же (Ярослав.— *Ред.*) насея книжными словесы сердца верных людии, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное»[3].

Говоря об усобицах и войнах между князьями, «Повесть временных лет» проводит мысль о целости под властью великих князей киевских Русской земли, раздираемой междукняжеской борьбой. Мысль о вреде феодальных распрей, губящих Русскую землю, проходит и через летописный рассказ о «ряде» умирающего князя Ярослава своим сыновьям. Летописец приписывает ему следующие слова: «Аще ли будете ненавидно живуще, в распрях и которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отець своих и дед своих, иже налезоша трудомь своимь великым, но пребывайте мирно послушающе брат брата»[4].

Княжеские феодальные войны облегчают половцам их нападения на Русскую землю — вот мысль, к которой неоднократно возвращается летописец. «Почто вы распря имате межи собою, а погании губять землю Русьскую»,— обращается к князьям от имени «смысленных мужей» летописец в 1093 г.[5] Тот же призыв прекратить распри во имя блага Русской земли повторяется под 1097 г., при описании съезда князей в Любече. «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще, а половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати; да ныне отселе имемся в едино сердце и блюдем Руские земли»[6].

Аналогичная тема развивается и дальше, в рассказе летописца о том, как после Любечского съезда был ослеплен князь Василько.

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 70.
[2] Там же, стб. 131.
[3] Там же, стб. 152.
[4] Там же, стб. 161.
[5] Там же, стб. 219.
[6] Там же, стб. 256.

В качестве «идеального» князя в летописном изображении выступает Владимир Мономах, проявляющий в обращении к другим князьям заботу о Русской земле, гибнущей от княжеских усобиц, которые обессиливают ее и мешают защищаться от половцев. «И начнеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши, половци, пришедше, возьмуть землью Русьскую» [1]. Укор князьям, пренебрегающим благом Русской земли, причиняющим ей зло, звучит в обращенных к Владимиру Мономаху словах киевских граждан: «Молимся, княже, тобе и братома твоима, не мозете погубити Русьскые земли; аще бо возмете рать межю собою, погании имуть радоватися и возьмуть землю нашю, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьством, побарающа по Русьскеи земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую»[2]. Летописец ставит в заслугу ослепленному Васильку его желание выступить против половцев во славу Русской земли. «Да любо налезу собе славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю»,— говорит Василько князьям Святополку и Владимиру Мономаху[3].

Резко отрицательную характеристику дает автор «Повести временных лет» противнику единства Руси под властью киевских князей князю Олегу Святославичу черниговскому, осуждая его за то, что он неоднократно приводил на Русскую землю половцев. «Се уже третьее наведе поганыя на землю Русьскую... занеже много хрестьян изгублено бысть, а друзии полонени и расточени по землям»[4]. «За землю Русскую» молится Феодосий, игумен Киево-Печерского монастыря, одного из центров древнерусского летописания.

С мыслями о Русской земле, патриотическими стремлениями сохранить ее целость переплетается у киевских книжников стремление прославить местных великих князей как поборников «общего блага» всей Руси. Гордость за Русскую землю чувствуется в «Слове о законе и благодати» Илариона. «Слово» представляет собой похвалу князьям Русской земли, прославленной во всем мире. Иларион рисует образ князя Владимира Святославича, «внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже в своя лета владычествующа, мужеством же и храбрьством прослувша в странах многих, и победами и крепостию поминаются ныне и словут» [5]. Вспомнив храбрость и мужество киевских князей, Иларион заканчивает похвалу настоящим гимном в честь Русской земли, которая завоевала

[1] Там же, стб. 262.
[2] Там же, стб. 263—264.
[3] Там же, стб. 266.
[4] Там же, стб. 226.
[5] «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», вып. 1, стр. 70.

себе признание во всех странах. «Не в худе бо и не в неведоми земли владычьствования, но в Русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земля»[1]. Возвеличив далее «славный град» Киев, Иларион кончает свое «Слово» молитвой за Русскую землю, выражая глубокую уверенность в том, что она никогда не сделается достоянием врагов и русский народ никогда не будет порабощен чужеземцами:

«Да не назовется град твой градом плененным и стадо твое пришельцами в земле не своей... Государей наших сделай грозными народам, бояр умудри... мужей, жен и детей спаси, находящихся в рабстве, в пленении...»[2]

«Сказание о Борисе и Глебе» идейно близко летописной повести на аналогичную тему. Князья Борис и Глеб, погибшие от руки своего брата Святополка, в изображении автора «Сказания» выступают в качестве поборников единства Русской земли, ее защитников от вражеских нападений. «Вы бо тем и нам оружие... земля Рускиия забрала, и утвержение, и меча обоюду остра, има же дерзость поганьскую низлагаем и дьяволе шатание в земли попираем»[3].

О Русской земле говорит Владимир Мономах в своем «Поучении» детям и в письме князю Олегу Святославичу черниговскому. Слова: «А Руськы земли не погуби», «добра хочю братьи и Руськей земли»[4] свидетельствуют о том, что тема о единстве и целостности Руси являлась одной из наиболее актуальных тем политической литературы XI—XII вв.

Высоким патриотизмом отличается литературное произведение начала XI в.— «Хождение» в Палестину игумена одного из южнорусских монастырей Даниила. Автор называет себя игуменом «Русския земля», а не какого-то определенного монастыря. С разрешения иерусалимского короля Болдуина он ставит лампаду над «гробом господним» «за вся князя наша, и за всю Русскую землю, за вся християна Руския земли». Он водружает также «кандило на гробе святемь от всея Руськыя земля»[5]. На далекой чужбине русский патриот сохраняет неугасающую память о своей родине.

Таким образом, ряд литературных произведений с несомненностью свидетельствует, что в это время уже сложился русский народ, отличавшийся общностью территории. Сознание этой общности про-

---

[1] *А. В. Горский.* Памятники духовной литературы..., стр. 32.

[2] Там же, стр. 83.

[3] *С. А. Бугославський.* Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба, стр. 36.

[4] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 252—254.

[5] «Палестинский сборник», т. I, вып. 3—9, СПб., 1885, стр. 1, 128, 129.

является прежде всего в представлении самого народа о единой Русской земле. Высказывания о ней русских книжников отражают эти представления. Известная территориальная общность населения Руси отразилась и в памятниках древнерусского права. Так, договор Руси с Византией 944 г. заключен «от Игоря, и от всех боляр, и от всех людий страны Руськия»[1]. Основной древнерусский юридический сборник носит название «Русская Правда».

Ко времени древнерусского государства можно отнести и начало сложения русского литературного языка. И. В. Сталин показал, какое большое значение для развития языка имеют такие факты, как дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, развитие литературы[2].

В буржуазной литературе (И. И. Срезневский, А. А. Шахматов) считалось, что русский литературный язык в своей основе являлся церковно-славянским (древнеболгарским) и пришел к нам, в связи с принятием христианства, через церковную литературу (переводную с греческого языка на болгарский). Советские филологи доказали неправильность этой точки зрения. Исследования С. П. Обнорского, посвященные литературным и юридическим памятникам древней Руси («Русской Правде», произведениям Владимира Мономаха, «Молению» Даниила Заточника, «Слову о полку Игореве»), показывают, что доля церковно-славянских элементов в них очень незначительна. Филологические разыскания привели С. П. Обнорского к выводу о чисто русской основе литературного языка древней Руси, проявляющейся и в фонетике и в морфологии, а особенно в синтаксисе и лексике. «Показательная сила единого содержания языка всех этих памятников особенно значительна,— пишет С. П. Обнорский,— если принять во внимание, что исследованные памятники охватывают относительно широкий отрезок во времени,— около двух столетий (от начала XI по конец XII в.), принадлежат по своему происхождению разным пунктам русской территории — и северу, и югу, и средней Руси, и, наконец, являются литературными произведениями, разными по жанру»[3].

Литературный язык складывался на основе устного, народного языка, который развивался самобытным путем как «единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык»[4]. Нет

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 53.

[2] См. *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26—27.

[3] *С. П. Обнорский.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.— Л., 1946, стр. 7.

[4] *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, стр. 7.

никаких оснований говорить о каком-либо значительном проникновении в русский язык элементов, заимствованных из других языков: финских, тюркских, греческого. На Руси очень рано сложилась самобытная культура слова[1]. По словам И. В. Сталина, русский язык, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов, «выходил всегда победителем»[2].

Интересно, что «Повесть временных лет» отмечает славянскую основу русского языка как признак единства русского народа: «бе бо един язык словенеск; а словеньскыи язык и руськыи едино есть..; аще и поляне звахуся, но словеньскаа речь бе; полями же прозвани быши, зане в поли седяху, а язык словеньск бысть им един»[3].

Таким образом, признаком формирования древнерусской народности, кроме общности территории, является общность языка. В предыдущем параграфе была показана и характерная для русского народа времени древнерусского государства общность психического склада, проявлявшаяся в общности культуры.

Несомненно, что складывание общего языка и культуры древнерусской народности было возможно лишь на основе известной (хотя и очень относительной в эпоху раннего феодализма) экономической общности. В своей работе, посвященной истории древнерусского ремесла, Б. А. Рыбаков хорошо показал, что блестящая культура древней Руси обязана своим расцветом развитию русского ремесла. Б. А. Рыбаков выяснил, что расцвет русского ремесла был подготовлен всем предшествующим экономическим развитием Приднепровья, и проследил непрерывный рост ремесленной деятельности вплоть до монгольского нашествия. В то же время в основе экономики древней Руси лежало натуральное хозяйство. Деревня и город были разобщены. Деревня обслуживалась своими ремесленниками[4]. Экономическая раздробленность, присущая раннему феодализму, препятствовала объединению русского народа.

11

МЕСТО ДРЕВНЕЙ РУСИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Подобно тому как империя Карла Великого предшествовала образованию Франции, Германии и Италии, так и древнерусское государство предшествовало образованию Украины, Белоруссии, Литвы, Эсто-

[1] См. *С. П. Обнорский*. Указ. соч., стр. 7.
[2] *И. Сталин*. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.
[3] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 25, 28, 29.
[4] См. *Б. А. Рыбаков* Ремесло древней Руси, стр. 518—521.

нии, Латвии, Карелии, Молдавии и, наконец, Великороссии. Значение древнерусского государства в истории Европы, а следовательно, и в мировой истории было велико.

Итак, период IX—XI вв. был важным этапом в истории не только всего восточного славянства, но и неславянских народов, позднее образовавших свои государства на территории, входившей в состав древнерусского государства.

В средневековой Европе было только два государства, сыгравших столь крупную роль в мировой истории. Это империя Карла Великого и древнерусское государство.

Русский народ в своем эпосе выделил время древнерусского государства как время силы и славы Руси. Все могучие богатыри, воплощение народных идеалов, спешат в стольный Киев-град на защиту родной земли. Народный любимец Илья из далекого Мурома через непроходимые вятичские леса стремится к «матери городов русских». Он никогда не забывает, что он крестьянский сын, за крестьян он готов вступить в жестокий конфликт с самим князем Владимиром, но когда родина в опасности, он с Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем смело идет в бой во славу русской земли. Народная оценка отдельных периодов своей истории правдива.

Создание огромного, в основном славянского, древнерусского государства явилось серьезным ударом по планам византийских правителей, издавна захвативших земли северного Причерноморья и стремившихся поддерживать рознь среди восточных славян.

Древнерусское государство способствовало укреплению позиций господствующего класса — феодалов и в то же время сумело сплотить разрозненные силы ряда народов Восточной Европы. Оно сделало страну не только обороноспособной, но и грозной для врагов, создало благоприятные условия для развития различных сторон общественной жизни страны.

Древнерусское государство беспрерывно — с IX по XI в.— расширяло свою территорию, вызывая тревогу соседних государств; оно было достаточно сильным, чтобы диктовать Византийской империи позорные для нее условия мира[1]. В антивизантийских походах войск Святослава на Балканы[2] оно заложило прочную традицию русско-славянских связей.

Разгромив Хазарский каганат[3] и в дальнейшем ведя напряженную борьбу с набегами степных народов (печенегов, половцев)[4], Русь

[1] См. гл. 1, § 5 настоящего издания.

[2] См. там же.

[3] См. там же.

[4] См. там же, гл. 2, § 8.

сыграла большую прогрессивную роль в истории стран как Ближнего Востока, так и Восточной Европы.

Включив в свои владения земли народов Прибалтики и Севера, древнерусское государство одновременно дало отпор разорительным набегам норманских дружин. Гроза многих стран Западной Европы и завоеватели некоторых из них, норманны играли на Руси роль не более, чем наемников, несколько раз сражавшихся в составе полков победоносных русских «воев».

Временем наивысшего расцвета этого государства было княжение Владимира Святославича. Раздробление древнерусского государства в конце XI — начале XII в. привело всю Русь к неизбежным феодальным войнам, не прекращавшимся даже тогда, когда внешний враг находился внутри страны.

Этот период никто не сумел изобразить ярче, чем наш знаменитый поэт XII в., не известный нам по имени, автор «Слова о полку Игореве». Вместе со своим народом он оплакивает бедствия родины и зовет к единению всех ее сил, обращаясь прежде всего к князьям, которых он считает виновниками раздробления Руси. Это было тяжелое время, когда, по его образному выражению, редко можно было в Русской земле слышать крики пахарей, зато часто каркали вороны над трупами русских людей. Поэт вспоминает более счастливое прошлое и жалеет, что нельзя было навсегда удержать времена «старого Владимира».

Раннефеодальный период был временем сплочения восточного славянства, обеспечившего дальнейшие успехи славянской государственности. На основе древнерусской народности сложились три братские народности: великорусская, украинская и белорусская.

Современники крупных событий древнерусской истории очень хорошо сознавали могущество своей страны и ее роль в международных отношениях. «Да никто же дерзнет рещи, яко ненавидими богом есмы»,— читаем в «Повести временных лет».— «Кого бо тако бог любит, якоже ны взлюбил есть... и вознесл? Никого же!»[1].

Время древнерусского государства — не начальный период истории Руси: ему предшествует много столетий пройденного пути: это один из важнейших этапов отечественной истории, определивший место нашей страны в истории европейских государств, во всемирной истории.

Громадная территория, большие материальные ресурсы и значительные культурные достижения русского народа создали древнерус-

---

[1] ПВЛ, ч. I, стр. 147.

скому государству видное положение среди стран Европы и Азии, с которыми Русь была давно связана.

Арабский писатель X в. Ибрагим-ибн-Якуб сообщает, что через Краков и Прагу ездят «русы и славяне с товарами». Польский летописец Галл-Аноним говорит, что в XI в. через Польшу на Русь проходили западные купцы. На торговые связи Руси с Германией в X—XI вв. указывают ранние таможенные уставы (например, Раффельштеттенский устав 903 г.), в которых устанавливались пошлины для русских купцов, провозивших через Чехию в область среднего Дуная воск и рабов. Важнейшим центром торговли Германии с Русью XI в. был Регенсбург, с давних пор служивший одним из исходных пунктов торговых караванов в славянские земли. В Регенсбурге даже образовалась особая корпорация купцов, торговавших с Русью, так называемых «русариев». Русь привлекала немецких купцов роскошью и обилием товаров как русского, так и восточного и византийского происхождения.

В записи второй половины XII в. (около 1178—1180 гг.) одного регенсбургского монастыря рассказывается, что уроженец Регенсбурга Гартвиг, проживавший в стране Русской, в Киеве, пожертвовал монастырю 18 фунтов серебра, которые и были выплачены регенсбургскими должниками Гартвига. Это говорит о том, что между Регенсбургом и Киевом имели место регулярные торговые сношения. В льготной грамоте г. Эннса (на среднем Дунае) упоминаются повозки, совершавшие рейсы между Эннсом и Русью.

В трактате ученого монаха Теофила «О различных ремеслах», написанном в Падеборне (Германия) в X в., среди европейских и азиатских стран, славящихся своими изделиями, на втором месте после Византии поставлена Русь, о которой сказано, что она известна изобретением многообразных изделий из эмали и поделок с чернью. «Если ты внимательно изучишь [трактат],— писал Теофил в предисловии,— то найдешь тогда, что в родах и смешениях разных красок имеет Греция; что в тщательности эмалей или разнообразии черни открыла Русия...»[1]

Благодаря экономическим связям очень рано установились и тесные политические отношения между древней Русью и другими соседними государствами.

Владимир Святославич жил с «князи околними миромь с Болеславомь Лядьскымь и с Стефаномь Угрьскымь и с Андриахомь Чешьскымь»[2]. Слава о русском походе 1111 г. на половцев разошлась, по

[1] Theophilus Schedula diversarum artium. Praefatio, Wien, 1874, стр. 9—11.
[2] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 126.

сообщению летописи, по дальним странам — Греции, Венгрии, Польше, Чехии, «дондеже и до Рима проиде»[1], а славу Святославу Всеволодовичу, как передает «Слово о полку Игореве», пели «немци и венедици... греци и морава»[2].

Отношения между древнерусским государством и Польшей известны со времен Владимира. Они осложнились после смерти Владимира. Пока шла борьба с Святополком, Ярослав в начале политической деятельности был бессилен защитить свои владения от притязаний Польши, но когда его положение несколько окрепло, он принял энергичные меры, чтобы возвратить отнятые Болеславом земли. Ярослав ходил на Польшу в 1022 г. при жизни Болеслава, а после его смерти (1025) — на сына его Мешка. В итоге двух походов на Польшу (1030 и 1031) Ярославу удалось вернуть Руси Червенские города. В 1041 г. он снова ходил в Польшу на помощь сыну Мешка Казимиру, так называемому «восстановителю» Польши, и, таким образом, помог воссозданию Польши, находившейся тогда в упадке. Ярослав выдал за Казимира свою сестру Марию, а сестра Казимира Гертруда вышла замуж за сына Ярослава — Изяслава. В 1041 и 1047 гг. Ярослав помог Казимиру справиться с восстанием в Мазовии.

Во время войны с Болеславом Храбрым и в 30-х годах в борьбе с польским королем Мешком Ярослав заключал союзы с германскими императорами Генрихом II (1002—1024) и Генрихом III (1039—1056). В 1043 г. в Германию было отправлено посольство с целью устроить брак Генриха III и дочери Ярослава. Этот брак не состоялся. Но во второй половине XI в. Святослав Ярославич женился на сестре трирского епископа Бурхарта, два других русских князя (очевидно, младшие Ярославичи) женились: один — на дочери саксонского маркграфа Оттона, другой — на дочери Леопольда, графа Штаденского. Внучка Ярослава Евпраксия Всеволодовна вышла замуж за германского императора Генриха IV. В 1075 г. в Киев приехало немецкое посольство, чтобы вновь закрепить политические взаимоотношения между Германией и Русью.

О тесных отношениях с Венгрией имеются сведения с X в. Венгры вошли в соприкосновение с западными славянами в конце IX в. В начале X в. они овладели Моравией. Образовавшееся Венгерское государство начало принимать участие в жизни Западной и Восточной Европы.

Еще Святослав Игоревич, заняв Болгарию, стремился войти в более тесное общение с другими европейскими странами, в том числе и

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 273.

[2] «Слово о полку Игореве», стр. 18

с Венгрией, откуда в Болгарию шли «сребро и комони»[1]. Особенно заметны связи Руси с Венгрией в конце XI и начале XII в. Венгерский король Коломан вошел в соглашение с киевским князем Святополком Изяславичем и участвовал вместе с ним в войне против волынского князя Давыда Игоревича. Этот союз был скреплен браком одного из венгерских королевичей с дочерью Святополка Предславой. Сам Коломан был женат на дочери Владимира Мономаха Евфимии.

Меньше сведений имеется об отношениях Руси с Францией, но и они, несомненно, существовали. Иначе был бы необъясним брак французского короля Генриха I с дочерью Ярослава Анной. Она пережила мужа и вторично вышла замуж во Франции за графа де Кресси. После смерти второго мужа она вернулась к своему сыну, французскому королю Филиппу. На французских документах 1063 г. сохранилась ее собственноручная подпись.

Тесные связи Русь установила со скандинавскими странами. Ярослав приглашал наемные скандинавские дружины. Король норвежский Олаф, изгнанный из Норвегии, нашел приют в Киеве. Сын его Магнус с русской помощью вернул себе престол, а на дочери Олафа Ингигерде был женат сам Ярослав. При дворе Ярослава жил и другой знаменитый викинг, Гаральд, после громких военных подвигов в Сицилии и Италии ставший королем Норвегии и погибший в Англии. Он был женат на дочери Ярослава Елизавете. В честь ее он сложил песню из 16 строф, каждая из которых (после изложения подвигов Гаральда) оканчивалась фразой: «Только русская девушка в золотой гривне (ожерелье) пренебрегает мною».

О связях между скандинавскими странами, Русью и Византией по великому водному пути, соединявшему Балтийское море с Черным, говорит и Константин Багрянородный. По его словам, каждую весну в Киев приходили торговые караваны с севера — из Новгорода, Смоленска, Любеча и других городов русских — и отсюда направлялись в Константинополь[2].

Находясь по своему географическому положению между Западной Европой и азиатским Востоком, древнерусское государство издавна было в общении не только с Западом, но и с Востоком.

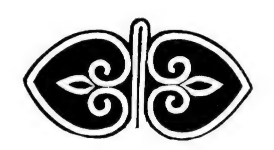
С VIII в. особенно энергичные сношения завязываются с арабами, длящиеся приблизительно до X в. Большое развитие получили торговые отношения Поднепровья с закавказскими городами. «Повесть временных лет» отмечает упорную борьбу русских земель с Хазарским каганатом. В Дербенде и других городах Закавказья были

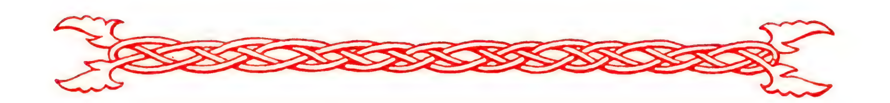
[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 67.
[2] «Известия ГАИМК», вып. 91, стр. 8—10.

оживленные рынки европейских и азиатских товаров. Через Дербенд в Среднюю Азию шли русские товары, а также рабы. После разгрома киевским князем Святославом Хазарского каганата усилилось влияние Руси на Северном Кавказе. Связи с Кавказом продолжались и после раздробления древнерусского государства. Купцы Средней Азии и Персии встречались здесь с купцами русскими. Торговля производилась мехами, воском, кожами, шедшими из района Камы и еще более северных мест в обмен на ткани и оружие из областей Кавказа и стран Азии. Совсем не случаен тот факт, что могущественная грузинская царица Тамара была женой Георгия, сына Андрея Боголюбского. Связи Руси с Востоком сказались также в русском искусстве, быту и языке. Торговля шла главным образом речным путем по Волге. Из сообщения арабского ученого XI в. Ал-Бекри (умер в 1094 г.) можно заключить, что уже хазарам был весьма хорошо известен славянский язык и что они сами часто говорили на этом языке. Славянский язык на юге нашей страны и по Дунаю был наиболее распространенным языком.

Установились также оживленные сношения древнерусского государства с Камской Болгарией. Это государство, державшее в своих руках волжский путь, находилось в постоянных связях с хазарами, арабами, Русью, Скандинавией и европейским Севером.

Следовательно, древняя Русь занимала выдающееся место среди стран Европы и Азии.

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РУССКИЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ КНЯЖЕСТВА XII—ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.

1
ИСТОРИОГРАФИЯ

Переход к феодальной раздробленности наметился на Руси как было указано выше, уже в XI в.; к середине XII в. процесс расчленения древнерусского государства на ряд самостоятельных феодальных «полугосударств» завершился, Новая форма политической надстройки соответствовала базису феодального строя на данном уровне его развития и призывала идеологов консервативной части феодального общества к возврату к старым порядкам дофеодального и раннефеодального периодов,— порядкам, которые были анахронизмом и означали сопротивление осуществлению экономической закономерности общественного развития.

В периоде феодальной раздробленности выделяется несколько этапов, причем первый этап продолжался до татаро-монгольского нашествия на Русь, принесшего неисчислимые бедствия народу, вызвавшего огромное разрушение материальных ценностей, политическое ослабление страны.

Дворянско-буржуазная историография подходила к вопросу о раздробленности с идеалистических позиций и не рассматривала ее в связи с общим процессом социально-экономического развития, с ростом феодального землевладения и укреплением феодального способа производства. При этом дворянско-буржуазная историография или вообще отрицала феодализм в России и говорила лишь о системе «уделов», или подходила к нему как к явлению политической жизни.

Дворянских историков раздробленность интересовала только с точки зрения изучения государственных форм, в отрыве от истории общественных отношений.

Так, один из наиболее крупных представителей дворянской историографии Н. М. Карамзин видел в периоде феодальной раздробленности только кризис монархической власти, приведший к «разделению нашего отечества и междоусобным войнам»[1].

Точка зрения официальной дворянской историографии уже в XIX в. была подвергнута критике в работах декабристов[2] и революционных демократов.

Подходя к историческому процессу с идеалистических позиций, декабристы, однако, стремились к изучению истории народа, а не только княжеской власти. По словам Н. А. Крюкова, «с народом все можно... без народа ничего нельзя»[3]. «Дух народный»— непременное условие всех переворотов,— указывал М. С. Лунин[4]. Этот интерес к роли народа в историческом процессе привел Лунина к мысли о том, что «не князья, а народ освободил Русь от татарского ига»[5].

Считая, подобно Радищеву, основной чертой национального быта славянства демократическое вечевое правление, видя пережиток вечевых порядков в сельских общинах — «маленьких республиках» (Каховский)[6], декабристы идеализировали политический строй Новгорода периода феодальной раздробленности. По словам М. А. Фонвизина, изучавшего русские летописи, «вече действовало на всей своей воле»[7]. А. А. Бестужев изучал «самосуд-вече» в Новгороде и «примерный» суд с его присяжными, с объездными судьями, с поединками, с «Русской Правдой»[8]. Не понимая того, что Новгородская республика была феодальной, Бестужев считал вече демократическим учреждением и в повести «Роман и Ольга» говорил, что существовал никому не известный «старинный закон», запрещавший посадникам и тысяцким присутствовать на вечах, «дабы уничтожить влияние власти»[9]. Непонимание классового характера феодального общества привело Бестужева к утверждению, что в Новгороде «простой или черный народ пользовался одинаковыми правами с прочими сословиями»[10].

---

[1] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, кн. 2, т. V, СПб., 1842, стб. 215.

[2] *С. С. Волк.* Исторические взгляды декабристов. «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 26—57.

[3] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Соч., т. II, СПб., 1910, стр. 277.

[4] «Декабрист М. С. Лунин. Соч. и письма». П., 1923, стр. 79.

[5] Там же.

[6] «Из писем и показаний декабристов», СПб., 1906, стр. 17.

[7] *М. А Фонвизин.* Обозрение проявлений политической жизни в России. М., 1907, стр. 4—5.

[8] *А. А. Бестужев.* Соч., т. IV, ч. XI, СПб., 1847, стр. 213.

[9] Там же, т. III, ч. VII, СПб., 1847, стр. 167.

[10] *А. А. Бестужев.* Соч., т. IV, ч. IX, стр. 213.

Ведя борьбу с самодержавием, большинство декабристов идеализировало порядки периода феодальной раздробленности и не могло оценить прогрессивное значение образования Русского централизованного государства. Однако некоторые из них правильно отмечали политическую тенденцию к объединению еще в период феодальной раздробленности и говорили о росте государственной централизации как о прогрессивном историческом явлении.

Так, Н. А. Бестужев понимал, что Новгород представлял собой самостоятельную республику «в недрах России»[1]. М. С. Лунин указывал на «благодетельную» роль для России «уничтожения уделов»[2].

Таким образом, несмотря на общий идеалистический характер мировоззрения декабристов, непонимание ими сущности классовой борьбы и т. д., их общее представление об историческом процессе, в котором основная роль принадлежит народу, было передовым для своего времени и наносило удар концепциям официальной дворянской историографии.

Буржуазная историография первой половины XIX в. сделала значительный шаг вперед в изучении периода феодальной раздробленности по сравнению с официальной дворянской историографией. Буржуазные историки пытались раскрыть закономерность исторического развития. Однако понимание ими исторической закономерности было попрежнему идеалистическим. Так, С. М. Соловьев выдвинул концепцию, согласно которой содержанием значительного этапа русской истории был процесс перехода от «родовых» отношений к государственным. «Через ослабление родовой связи между княжескими линиями, через их отчуждение друг от друга и через видимое нарушение единства Русской земли приготовляется путь к ее собиранию, сосредоточению, сплочению частей около одного центра, под властью одного государя»[3].

Период от Андрея Боголюбского до Ивана Калиты — это время борьбы родового и государственного начал. За исходный момент этого периода Соловьев принимал перенесение политического центра из Киева во Владимир-на-Клязьме и, таким образом, считал удельную систему особенностью северо-восточной Руси. Здесь, в противоположность родовому княжескому владению, характерному для древней Руси, появляется понятие собственности, «наследственного владения», которое стало «господствовать над понятием семейным»[4].

---

[1] *Н. А. Бестужев.* Рассказы и повести старого моряка. М., 1860, стр. 175.

[2] «Декабрист М. С. Лунин. Соч. и письма». стр. 79,

[3] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, изд. «Общественная польза», кн. 1, стр. 3.

[4] *С. М. Соловьев.* Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846, стр. 21.

В противоположность либеральной буржуазной историографии, с передовых революционно-демократических позиций расценивал значение периода феодальной раздробленности в истории Руси Н. Г. Чернышевский. Он отмечал, что носителями сепаратистских стремлений были правящие группы отдельных княжеств, но не русский народ, который всегда стремился к объединению Руси. По словам Н. Г. Чернышевского, в ряде стран «части одного и того же народа готовы жертвовать областному интересу национальным единством. У нас этого никогда не было (за исключением разве Новгорода): сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями». «Распадение Руси на уделы было чисто следствием дележа между князьями..., но не следствием стремлений самого русского народа»[1].

Одним из наиболее видных представителей буржуазной историографии эпохи капитализма был В. О. Ключевский, в работах которого нашла свое дальнейшее развитие концепция Соловьева. Считая, подобно Соловьеву, что удельный порядок сложился в северо-восточной Руси, Ключевский связывал его возникновение с колонизацией Верхнего Поволжья.

«Удельный порядок» является «политическим последствием» этой колонизации[2]. Он, по мнению Ключевского, характеризуется двумя признаками. Во-первых, «прекращается владельческая передвижка князей: они становятся оседлыми владельцами, постоянно живут и умирают в своих удельных городах, которых не покидают даже тогда, когда по очереди старшинства занимают великокняжеский стол». Во-вторых, «изменяется порядок княжеского наследования, способ передачи волостей преемникам». «В старой Киевской Руси князь не мог передавать своей волости по личному распоряжению даже своему сыну, если она не следовала ему по очереди старшинства».

Князь северо-восточной Руси XIII—XIV вв., «постоянный владетель своей волости, передавал ее по личному распоряжению» своим сыновьям, дочерям, жене, родственникам[3]. Удельная система, с точки зрения Ключевского, была создана «совместным действием природы страны (Ростово-Суздальской земли.— *Ред.*) и ее колонизации». В процессе колонизации основанием политического деления страны, ее удельного дробления становились удаленные друг от друга мелкие речные округа. В то же время под влиянием колонизации первый князь удела привыкал

---

[1] *Н. Г. Чернышевский.* Полное собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 570.

[2] *В. О. Ключевский.* Курс русской истории, ч. I, М., 1937, стр. 348.

[3] Там же, стр. 351.

считать себя заселителем, устроителем, личным собственником своего удела[1].

Следовательно, Ключевский отрывал политический строй периода феодальной раздробленности от системы производственных отношений эпохи, объясняя его возникновение лишь действием географического фактора, и, кроме того, ограничивал область господства феодальной раздробленности пределами Ростово-Суздальской земли.

В буржуазной историографии середины XIX — начала XX в. появился ряд работ, посвященных истории отдельных княжеств XII—XV вв. Таковы труды Д. И. Иловайского о Рязанском княжестве[2], В. С. Борзаковского — о Тверском[3], П. В. Голубовского — о Смоленском[4], В. Г. Ляскоронского — о Переяславском[5], Н. П. Дашкевича — о Галицко-Волынском[6] и т. д. Эти работы имели известное положительное значение в смысле развития интереса к местной истории и расширения круга источников (археологических и письменных памятников) для ее изучения. Однако всем названным трудам присущи общие недостатки: для них характерна идеализация феодальной раздробленности, времени независимости отдельных княжеств, и тем самым затушевывание прогрессивного характера процесса образования Русского централизованного государства. Изучалась главным образом политическая история отдельных княжеств, социально-экономические отношения часто давались в качестве придатка к изложению истории междукняжеских отношений.

В период кризиса буржуазной историографии в эпоху империализма, в конце XIX — начале XX в., концепции Соловьева — Ключевского были подвергнуты критике (с буржуазных же методологических позиций) А. Е. Пресняковым и Н. П. Павловым-Сильванским.

Пресняков возражал против тезиса Ключевского о том, что в северо-восточной Руси XII—XIII вв. исторический процесс пошел по совершенно иному пути, чем на Руси X—XI вв. По мнению Преснякова, в северо-восточной Руси до татарского нашествия осуществлялась «исконная тенденция» княжеского старейшинства, воплощенная в идее «великого княжения» владимирского[7]. Она была продолжением

---

[1] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 362—363.

[2] *Д. И. Иловайский.* История Рязанского княжества. М., 1858.

[3] *В. С. Борзаковский.* История Тверского княжества. СПб., 1876.

[4] *П. В. Голубовский.* История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895.

[5] *В. Г. Ляскоронский.* История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII в. Киев, 1903.

[6] *Н. П. Дашкевич.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873.

[7] *А. Е. Пресняков.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918, стр. 47.

старых политических традиций древней Руси. Лишь после установления татарского ига, особенно к концу XIII в., согласно схеме Преснякова, «постепенно назревает агония великокняжеской власти старого типа»[1]. Крепнут основы «владельческого обособления сложившихся местных вотчинных княжений». Выделяются отдельные великие княжества: Московское, Тверское, Нижегородское, Рязанское, в пределах которых создаются удельные владения. Внутри каждого из княжеств на основе политического дробления развивается удельная система, под которой Пресняков понимает долевое владение общей «вотчиной» несколькими «князьями-отчичами». Эта система породила тенденцию к распаду княжения на «отдельные обособленные вотчины». Однако такой тенденции противодействовало политическое стремление «сохранить единство боевой и финансовой силы» каждого княжества под верховенством местных князей[2]. В Московском княжестве эта борьба за единство со стороны московских великих князей получила особое значение, так как она представляла собой не «самостоятельное явление, а один из моментов их борьбы за великокняжескую власть над всей Великороссией».

Поставив перед собой задачу преодолеть схематизм Соловьева и Ключевского, Пресняков сам дал типичную для буржуазной историографии схему истории надклассовой княжеской власти, оторванной от процесса социально-экономической истории феодального общества, т. е. по существу вернулся на позиции государственной школы[3].

Н. П. Павлов-Сильванский, не соглашаясь со взглядами Соловьева, Ключевского и др., выступил с утверждением, что в России, как и в других европейских странах, в определенный период исторического развития господствовал феодализм. Но феодализм он понимал не как систему производственных отношений, характерных для данного общественно-экономического развития, а как совокупность ряда чисто политических признаков. Основной чертой феодализма Павлов-Сильванский считал «раздробление верховной власти или тесное слияние верховной власти с землевладением». Второй признак — это «объединение отдельных доменов-сеньорий вассальной иерархией»[4]. Третьим признаком является условное землевладение.

Поскольку сущность феодализма Павлов-Сильванский видел в дроблении политической власти, постольку он отождествлял феодализм

---

[1] *А. Е. Пресняков*. Указ. соч., стр. 49.

[2] Там же, стр. 177.

[3] О ней см. гл. 1, § 1 настоящего издания.

[4] *Н. П. Павлов-Сильванский*. Феодализм в древней Руси. Пг., 1924, стр. 52, 77—78.

с удельной системой, а ликвидацию последней и образование единого Русского государства считал временем ликвидации феодальных отношений.

Буржуазное понимание феодализма, развитое Павловым-Сильванским, оказало сильное влияние на взгляды М. Н. Покровского. Рассматривая вслед за Павловым-Сильванским феодализм как политический институт, Покровский ограничивал период господства феодальных отношений временем с XII по XVI в., отождествляя его с периодом политической раздробленности. Стремясь найти экономические причины падения феодализма, Покровский видел их в изменениях в хозяйственной жизни феодальной вотчины, уничтожении ее замкнутости, установлении связей с рынком. «Эта перемена состояла в разрушении феодальной вотчины, как самодовлеющего экономического целого, и появлении землевладельца, прежде гордого в своем экономическом уединении, на рынке, как в качестве покупателя, так и в качестве продавца»[1]. Новые экономические явления, по мнению Покровского, возникали под непосредственным воздействием развивавшегося «торгового капитализма».

Корень глубоко ошибочной концепции Покровского кроется в извращении марксистско-ленинского учения о феодализме как общественной формации, характеризующейся определенным, свойственным ей способом производства, основанным на эксплуатации зависимого (в разных формах) крестьянства. «Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям,— пишет Маркс,— отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего,— вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства»[2]. Покровский прошел мимо этих глубоких указаний и выдвинул неверную теорию о «торговом капитализме» как факторе, к XVI в. разрушившем феодализм.

* * *

Марксистско-ленинская историческая наука рассматривает феодальную раздробленность прежде всего как раздробленность экономическую. Феодальный способ производства предполагает господство натурального

---

[1] *М. Н. Покровский.* Русская история с древнейших времен, т. I, М., 1933, стр. 166.

[2] *К. Маркс.* Капитал, т. III, Госполитиздат, 1949, стр. 804.

хозяйства, отсутствие национальных рынков, слабость экономических связей. Это исключительно глубоко раскрыто В. И. Лениным в его работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и И. В. Сталиным в его трудах «Марксизм и национальный вопрос», «Национальный вопрос и ленинизм», в работах по вопросам языкознания и экономическим проблемам и др. Феодальная раздробленность была закономерным историческим этапом. Закономерный экономический процесс развития феодального способа производства привел к расчленению относительно единого раннефеодального государства.

Считая феодальную раздробленность естественным следствием развития феодального способа производства и расценивая ее как явление прогрессивное на определенном этапе[1], марксистско-ленинская историческая наука показывает, что эта раздробленность вовсе не была особенностью лишь северо-восточной Руси. Напротив, феодальные самостоятельные «полугосударства» создавались на всей территории Руси. Основные причины их образования были общими, хотя это не исключает своеобразия феодального развития в отдельных областях.

Для феодализма, как указал В. И. Ленин, характерно господство натурального хозяйства. Но это не значит, что оно было застойным на всем протяжении существования феодализма. Товарное производство существовало при феодализме и обслуживало его Развитие производительных сил приводило к соответствующим изменениям в экономической жизни страны. Это вызывало в свою очередь изменения и в политических надстроечных формах. Поэтому внутри периода феодальной раздробленности должна быть своя периодизация. Поскольку к концу XV в. уже назревали экономические предпосылки (в виде роста общественного разделения труда, торговых связей и т. д.) для преодоления феодальной раздробленности, а в силу необходимости борьбы с монголо-татарами процесс образования централизованного государства был ускорен[2],— постольку конец XV в. является решающим рубежом для периодизации. Первая внутренняя грань (в пределах XII—XV вв.) — это первая четверть XIII в., так как до указанного времени развитие производительных сил на Руси шло неуклонно вверх, нашествие же монголов нанесло производительным силам столь тяжелый удар, что их восстановление в дальнейшем привело к показательным результатам лишь ко второй половине XIV в.[3]

---

[1] См. *Б. Д. Греков.* Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М. — Л., 1940, стр. 19.

[2] См. *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 304; т. 5, стр. 15—16, 34; т. 9, стр. 176—177.

[3] См. *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М. — Л., 1948, стр. 521, 534, 695, 696.

В советской историографии изучению социально-экономического развития северо-восточной и юго-западной Руси периода феодальной раздробленности уделено много внимания в капитальных работах Б. Д. Грекова[1], Б. А. Рыбакова[2], М. Н. Тихомирова[3] и др.

В советское время вышел ряд публикаций, содержащих документы, относящиеся к периоду феодальной раздробленности и дающих материал для изучения социально-экономической и политической истории XIII—XV вв. Таковы «Грамоты Великого Новгорода и Пскова»[4], «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV—XV вв.» и другие публикации. Из летописных материалов следует отметить издание Новгородской первой летописи[5], Псковских летописей[6], Московского свода конца XV в.[7], Устюжского летописца[8] и т. д. Эти издания способствуют дальнейшей разработке проблемы феодальной раздробленности.

2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ФЕОДАЛЬНЫХ КНЯЖЕСТВ XII—XIII ВВ.

Древнерусское государство раздробилось на множество самостоятельных феодальных «полугосударств» потому, что во всех русских землях развивались феодальные отношения. Киев уже не мог обеспечить рост отдельных княжеств, напротив, требуя от них дани и людей, Киев задерживал их рост. Киевские дружинники и местная феодальная знать (новгородская, полоцкая, ростовская и пр.) создали на местах свой государственный аппарат (управление, армию, суд, тюрьмы и т. п.), способный, с одной стороны, осуществлять власть над крестьянством, над народом и, с другой,— защищать захваченные феодалами земли от внешних врагов.

Переход к новому этапу развития феодального способа производства совершался в условиях крестьянских и городских восстаний 1024,

---

[1] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.— Л., 1946, изд. 2, кн. 1, М., 1952.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, М.—Л., 1948.

[3] *М. Н. Тихомиров.* Древняя Москва. М., 1952.

[4] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», под ред. С. Н. Валка, М.— Л., 1949.

[5] «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», под ред. А. Н. Насонова, М.— Л., 1950.

[6] «Псковские летописи», под ред. А. Н. Насонова, вып. 1, М.— Л., 1941.

[7] ПСРЛ, т. XXV, М.— Л., 1949.

[8] «Устюжский летописный свод», под ред. К. Н. Сербиной, М. — Л., 1950.

1068—1070, 1113 гг., направленных против растущего феодального гнета, «творимых вир и продаж»[1], а также и в условиях учащавшихся феодальных войн.

Попытки класса феодалов-землевладельцев разрешить внутриполитические и внешнеполитические затруднения посредством феодальных съездов не достигли цели. Отдельные земли высвободились из-под власти Киева, местная власть провозгласила самостоятельность «своих» князей, и князья таких вновь возникших княжеств проводили собственную политику, они теснее связывали свои интересы с интересами местной знати, стремились увеличить земельные владения, захватывая соседние земли (в том числе земли соседних русских князей), и повысить их доходность путем феодального угнетения крестьян-смердов.

Переход к феодальной раздробленности был закономерным, прогрессивным этапом в истории Руси, он ознаменовался крупными сдвигами в социально-экономических отношениях. Этот переход был органически связан с новым этапом в истории феодального способа производства. Произошел существенный сдвиг в развитии производительных сил, который выразился в распространении пашенного земледелия, изживании подсеки в лесных северных и расширении трехполья в центральных районах страны, колонизации новых земель, появлении новых сельскохозяйственных полевых, огородных и садовых культур, росте поголовья и видов скота. Росла производительность труда, оказавшая в свою очередь огромное влияние на состояние сельского хозяйства, городов и торговли. Все эти изменения происходили в условиях развития феодальной собственности на средства производства (прежде всего на землю) и дальнейшего наступления феодалов на права основной силы в производстве материальных благ — крестьян.

Развитие форм собственности тесно связано с развитием способа производства, ибо «ни о каком производстве, а стало быть, ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности»[2].

История крестьянства находилась в самой непосредственной связи с историей класса земельных собственников. Это, несомненно, были две стороны одного и того же процесса. По мере расширения крупного землевладения, по мере экономического и правового усиления феодалов-землевладельцев сокращалось количество лично свободных крестьян-общинников и изменялось экономическое и правовое положение зависимого населения. В этом двустороннем процессе и выра-

---

[1] НПЛ, стр. 104.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 177.

Народное восстание в Киеве в 1146 г. Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

жается основная линия эволюции общественных отношений в феодальный период истории европейских государств.

С ростом крупной земельной собственности крестьянская община попадала под власть феодалов-землевладельцев, и прежде лично свободные члены общины делались их «подданными». В «Русской Правде» этот процесс был отражен на той стадии, когда часть общин (миров, вервей, погостов) уже попала под вотчинную власть феодалов — светских или церковных, а другая часть оставалась еще «свободной», сидела на государственной земле: это те смерды начала XII в., что сами «платят князю продажу»[1]. Дальнейшая эволюция крестьянства заключалась в увеличении первой категории за счет второй[2].

В XII—XIII вв. основная масса сельского населения на Руси («иже по селом живуть»[3]), независимо от ее правового положения (и лично свободные и зависимые), называлась смердами (или сиротами). Это подтверждают летописи, когда, например, под 1219 г. описывают факт истребления в Галицкой Руси венгерских захватчиков. Последние «смерды (смердами.— *Ред.*) избьени быша»[4], т. е. были уничтожены

[1] «Правда Русская», т. I, М.—Л., 1940, ст. 78, стр. 113.
[2] Подробнее см. *Б. Д. Греков*. Крестьяне на Руси, кн. 1, стр. 244—512.
[3] РИБ, т. VI, стр. 47.
[4] ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 738.

крестьянством, которое в Галицкой земле, конечно, в большей части сидело уже на землях, давно освоенных боярством. О том же свидетельствует и состав военных ополчений, в которых «смерды — пешци» являлись основным родом войск.

Положение крестьян к XIII в. можно определить по сохранившимся двум духовным и одной уставной западноволынским грамотам конца XIII в.[1] Эти грамоты позволяют сделать вывод о существовании здесь значительного княжеского домена. Часть его, включавшая город, княжеский монастырь, несколько сел, была передана князем Владимиром Васильковичем своей жене Ольге Романовне. Основную часть домена князь передал своему преемнику, луцкому князю Мстиславу Даниловичу. Последний наделил из полученных земель своих восточноволынских бояр («город Всеволож и села раздавает»).

Указанные домениальные земли были населены крестьянами, которые находились к этому времени на оброке. По уставной грамоте князя Мстислава Даниловича городу Берестью было определено, что «берестьяне», т. е. и горожане и сельские жители, которые жили в городе и на земле, административно с ним связанной, должны были нести оброк. Горожане уплачивали «ловчее» деньгами, крестьяне — натурой: медом, льном, хлебом, овсом, рожью, овцами и курами.

О том же характере эксплуатации крестьянства свидетельствует и духовная грамота Владимира Васильковича, которой он завещал княгине из домена город Кобрин «с людьми и с данью» и распорядился, чтобы крестьяне «како при мне даяли, тако и по мне ать (пусть. — *Ред.*) дають княгине моей». Что касается населения села Городел, то оно должно было «страдать» на княгиню (или, по другим летописным спискам, нести «тягло»), т. е. нести подымную подать[2].

Завещатель определил и государственные повинности крестьян княгининого села. Крестьяне были освобождены Владимиром только от городового дела («аже будет князю город рубити, и ни к городу»), прочие же повинности были сохранены: «а побором и татарьщиною ко князю»[3]. Отмеченная в приведенных грамотах рента продуктами возникла, конечно, раньше. Поскольку признаки феодальной раздробленности ясно обнаружились в конце XI в., следовательно, уже тогда отчетливо сложилась сеньория, можно полагать, что и натуральная рента возникла около того времени.

Эти государственные повинности крестьян села Городел предполагают их тяглоспособность и владение своими крестьянскими участками. Село Городел принадлежало княгине «с людьми и с данью»,

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 903—904, 932.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 903.
[3] Там же, стб. 903—904.

Смерд на пашне. Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

т. е. с крестьянами-данниками. Итак, крестьянство, попав в зависимость от крупных землевладельцев, продолжало нести свои повинности и перед государством. Тяглые люди — это основные плательщики государственных податей и (если они находились и под властью господина) ренты.

Аналогичные явления наблюдались и в северо-западной Руси, где старые нормы «Русской Правды» отражены в новгородско-немецком договоре 1195 г. и смоленском договоре с Ригой 1229 г. Об аналогичной эволюции социально-экономических отношений говорят и грамоты о купле-продаже земли (купчая Антония Римлянина, его же духовная 1147 г.), о вкладах земель в монастыри (данные грамоты: две Юрьеву монастырю — 1125 и 1137 гг., Пантелеймонову монастырю — 1147 г., Хутынскому монастырю—1192 г.[1], а также духовная Климента—XIII в.).

Закономерное экономическое развитие феодального общества приводит к тому, что «распределение собственности делается в нем все более неравномерным, противоположность между богатством и бедностью становится все резче, и собственность все более концентрируется в немногих руках»[2].

Эксплуатация этой земли (как основного средства производства), концентрируемой в руках крупных собственников, при низком уровне состояния производительных сил в эпоху феодализма, когда земледелие являлось эмпирическим, механически передаваемым по

---

[1] ГВНиП, № 104, стр. 161; № 81, стр. 140.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 392.

наследству, занятием самой неразвитой части общества, возможна лишь силами мелких крестьянских хозяйств. Поэтому если феодал являлся собственником земли, то крестьянин—фактическим владельцем ее значительной части. Крестьянина с феодалом связывало «традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и земельным собственником...» Характер производства при феодализме требовал соединения крупного землевладения с мелким крестьянским хозяйством.

Переход к ренте продуктами в свою очередь способствовал хозяйственному развитию Руси. С переводом крестьянина на ренту продуктами повысились его хозяйственная самостоятельность и инициатива; теперь он должен был выполнять прибавочный труд «под своей собственной ответственностью, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети».

Рента продуктами предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще[1]. Переход к ренте продуктами оказал огромное влияние на развитие и сельского хозяйства и ремесла, так как крестьянин получил возможность «приобретать своим трудом некоторый излишек сверх того количества продуктов, которое удовлетворяет его необходимые потребности», и обращать их на рынке в товар[2].

Таким образом переход к новой форме ренты способствовал подъему городов, усилению товарного производства[3].

Перемены в положении массы крестьянства — перевод его с барщины на оброк — были результатом прежде всего экономической потребности, порожденной ростом производительных сил общества.

«Во всех странах Европы,— отмечает Маркс,— феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно бóльшим количеством леннозависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»[4] То же было и на Руси. Понятно, что в этих условиях первостепенное значение, и экономическое и политическое, получала земельная собственность, т. е. прежде

---

[1] См. *К. Маркс.* Капитал, т. III, стр. 630, 807—811.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 143.
[3] *К. Маркс.* Капитал, т. III, стр. 649—650.
[4] Там же, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 722.

всего земля, обрабатываемая крестьянами. Особую важность приобретала борьба за эту землю и за крестьян.

Землекопы за работой. Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

В течение XII—XIII вв. князья и феодальная знать энергично осваивали землю. Это время характеризуется бурным ростом крупного землевладения. Бояре «грабят землю», о чем сообщают летописи Владимира-на-Клязьме, Галича-на-Днепре, Киева и Великого Новгорода. От бояр не отставали и князья, которые были не только носителями верховной власти, но и собственниками своих доменов (земельных владений), и в отношении к своей домениальной земле и сидевшему на ней населению принципиально ничем не отличались от бояр.

Князья в ряде княжеств стали владельцами весьма крупных доменов, оставив в этом отношении далеко позади великих киевских князей. Об этом, хотя и редко, но вполне определенно свидетельствуют летописи. Так, в начале XII в. черниговские князья Игорь и Святослав Ольговичи (дружинник их отца Олега Святославича участвовал в составлении «Правды» Владимира Мономаха) предстают в источниках как крупные феодалы[1].

То же мы видим и во Владимиро-Суздальской Руси, где после измены княжеской дружины — «милостьников» и убийства князя Андрея Боголюбского его дворяне «разграбиша дом княж и делатели, иже бяху пришли к делу: злато и сребро, порты и паволокы, и именье, ему же не бе числа»[2].

О земельных владениях Андрея Боголюбского может дать представление размер пожалования, сделанного им владимирской церкви: князь «дая» ей «много имения и слободи купленыя, и с даньми, и села лепшая»[3].

---

[1] См. гл. 3, § 4а настоящего издания.
[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, Л., 1927, стб. 370.
[3] Там же, т. II, стб. 491.

В Галицко-Волынской Руси князю Владимирку принадлежал, например, под Перемышлем «двор», и «ту бе товар в нем мног», почему на него в первую очередь и «наринуша» венгерские войска [1]. И здесь крестьяне княжеских доменов в изобилии производили все необходимые сельскохозяйственные продукты. Когда князь Михаил Всеволодович черниговский временно обосновался во владениях галицко-волынских князей, Даниил Романович дал ему «пшенице много, и меду, и говяд, и овец доволе»[2]. После татаро-монгольского нашествия князь волынский «стада роздая убогым людемь»[3]; на каких условиях он это делал, летопись, к сожалению, не сообщает. Здесь князья тоже владели и селами и крупными городами, к числу которых принадлежали города-замки князя Даниила Романовича — Холм, Данилов, Угровеск, Львов и др., города волынского князя Владимира Васильковича — Любомль, Рай и др.

Одновременно источники отмечают рост боярского и церковного землевладения. Так, галицкий боярин Судислав Бернатович имел свой замок («двор») близ Галича, вероятно, значительный по размерам, так как когда князь Даниил его занял («взя»), то нашел здесь «вино, и овоща, и корма, и копии, и стрел пристраньно видити»[4].

Не отличались от галицких бояр и бояре владимиро-суздальские, те, что стремились к захвату «многого именья»[5].

О земельных богатствах духовных феодалов дают представление слова современника Ярослава Всеволодовича, епископа владимирского Симона, который похвалялся: «Кто не весть мене, грешнаго епископа Симона и сиа соборныа церкви... юже сам создах? Колико имеета градов и сел, и десятину собирають по всей земли той! И тем всемь владееть наша худость...»[6]

В это время, наряду с развитием условного землевладения «служащего» крупным князьям дворянства, наблюдалось усиленное превращение временных пожизненных боярских земельных держаний (бенефиций, феод) в наследственные вотчины — сеньории[7].

Значительно расширились размеры вотчинного хозяйства, которое продолжало носить натуральный характер. Разрослись и боярский двор и хозяйственные постройки. Былая барская челядь (часть

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 449.
[2] Там же, стб. 783.
[3] Там же, стб. 914.
[4] Там же, стб. 758.
[5] См. гл. 3, § 4а.
[6] «Патерик», стр. 76.
[7] См. *С. В. Юшков*. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М.—Л., 1939, стр. 154 и сл.

Русские монеты XI—XII вв. и медная привеска
с изображением княжеского фамильного знака

Государственный Исторический музей

которой несла барщину) превращалась в людей дворовых — «людей под дворским». Основой материальной жизни вотчины стал труд крестьян-общинников (прежде лично свободных), сидевших на оброке (они назывались смердами, рядовичами и др.); на оброк переводилась и бо́льшая часть холопов, труд которых оказывался несоответствующим условиям, созданным ростом производительных сил.

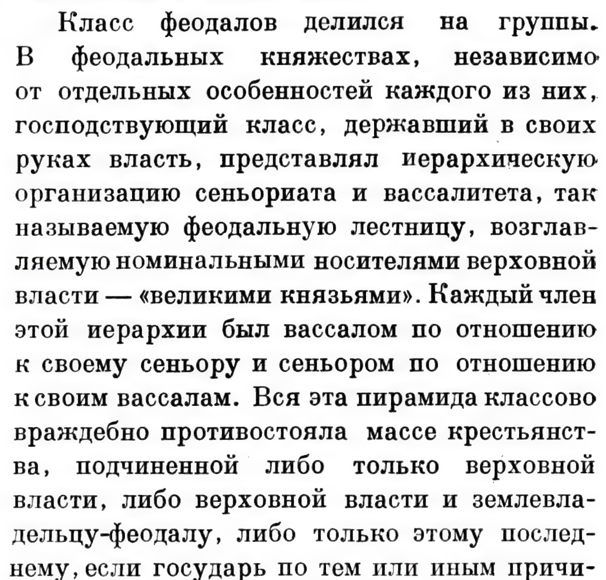

Русские монеты XI—XII вв.
Государственный Исторический музей

Местная государственная власть, созданная феодалами, порвавшими с Киевом, способствовала укреплению господства привилегированного землевладельца, обладавшего правом пользоваться прибавочным трудом своих подданных и судить их. Землевладелец же был ответственен перед государством за исполнение своими крестьянами государственных повинностей, прежде всего податных. Он становился государем в своих владениях[1], опасным для местной княжеской власти.

Класс феодалов делился на группы. В феодальных княжествах, независимо от отдельных особенностей каждого из них, господствующий класс, державший в своих руках власть, представлял иерархическую организацию сеньориата и вассалитета, так называемую феодальную лестницу, возглавляемую номинальными носителями верховной власти — «великими князьями». Каждый член этой иерархии был вассалом по отношению к своему сеньору и сеньором по отношению к своим вассалам. Вся эта пирамида классово враждебно противостояла массе крестьянства, подчиненной либо только верховной власти, либо верховной власти и землевладельцу-феодалу, либо только этому последнему, если государь по тем или иным причинам уступал феодалу свои права в пределах данной сеньории.

Степень силы князей зависела от конкретных условий. Формально князь имел исключительное право сюзерена в отношении государствен-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 403.

ной территории, которым пользовался еще с той поры, когда на ней обосновались княжеские «мужи» и он стал получать с населения налоги и штрафы: дани и полюдье, «виры» и «продажи». Не занятая отдельными феодалами земля считалась собственностью государства, и освоение ее кем-либо требовало пожалования. Местные великие князья (они появились и в Галиче, и во Владимире, и даже в Рязани) считались главами своих княжеств, формально им принадлежала вся полнота государственной власти (управление, суд, законодательство, военная власть и т. п.), но на деле они должны были делить власть с другими феодалами: иерархической форме феодальной земельной собственности соответствовала иерархическая форма государственной власти. Иерархическая структура земельной собственности и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными[1]. XII—XIII вв. характеризуются одновременно и ростом политического значения землевладельческой знати и развитием борьбы с ней великокняжеской власти. В некоторых землях, например в Новгородской, землевладельческая знать одержала в 1136 г. победу. В Новгородской феодальной республике никто не мог с той поры владеть землей на частном праве внутри боярской республики, не будучи гражданином Новгорода, и никто не мог приобретать землю на новгородской территории без пожалования новгородской государственной власти. Нуждаясь в княжеской власти как в административно-военной силе для подавления сопротивления крестьянства и городской бедноты, а также для обороны новгородских земель от внешних врагов, местное боярство, приглашая князей на новгородский стол, тщательно регламентировало их права специальным «рядом», своего рода договором о защите боярских иммунитетных прав (по земле, суду, поборам и т. п.). Все усиливавшиеся попытки владимиро-суздальских князей сломать условия «ряда» приносили им лишь кратковременные успехи.

Борьба великокняжеской власти с боярством продолжалась, все нарастая, и в других землях. Местное боярство имело большой политический вес. Для примера достаточно отметить галицкого боярина Судислава Бернатовича. Он пользовался огромным влиянием в Галичине, где возглавлял значительную группу боярства и где долгое время — в правление Мстислава Удалого и венгерских ставленников — Коломана и Андрея — фактическая власть была сосредоточена в его руках. В Городке имелись «Судиславли людие»[2], он был связан с боярами Перемышля и Звенигорода; в Ярославле он также имел сторонников, в их числе жену боярина

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IV, стр. 14; ср. т. XVI, ч. 1, стр. 405, 409—410.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 733.

Нездилы. Эта боярыня заставила другого воеводу, служившего князю Даниилу Романовичу, сдать Ярославль без боя венгерским войскам, которые привел Судислав Бернатович[1]. Наконец, с Судиславом Бернатовичем считались и при венгерском дворе как с тестем известного венгерского воеводы Фильния[2]. Экономически сильные боярские семьи Кормиличичей, Арбузовичей, Молибоговичей и другие яростно сопротивлялись попыткам волынских князей подчинить их своей власти. Лишь после многолетней феодальной войны добились волынские князья победы (разумеется, временной) над этим боярством[3]. Богатело боярство и в других землях; например, о смоленских боярах сложилось представление как о людях, «славы хотящих, иже прилагают дом к дому, и села к селом, изгои же и сябры (зависимые крестьяне.— *Ред.*) и бортии и пожнии, ляда же и старины», т. е. как о ненасытных феодалах, захватывающих разного рода земли, населенные крестьянами[4].

Великокняжеской власти, осуществлявшей прогрессивную объединительную политику, приходилось сталкиваться и с враждебной крупной церковной знатью, которая, как и светская (включая и самих князей), основывала свое могущество на грабеже крестьянских земель. Характеризуя хозяйственную деятельность ростовского епископа Федора, летописец говорит, что он «у многых бо сущих под властию его села и домы отнимая, насилием... и заточением»[5], что от него многие «роботы добыша»[6].

Епископ Федор стал жертвой борьбы великокняжеской власти против чрезмерного усиления духовной знати. Причина конфликта была обычной для средних веков, она заключалась в стремлении великокняжеской власти контролировать церковь. Князь Андрей Боголюбский, прогнавший после долгой «тяжи» в 1159 г. предшественника Федора, епископа ростовского Леона, «зане умножил бяше церковь, грабяй попы», а кроме того, «не по правде поставися Суждалю»[7], не ужился и с его преемником. Епископ Федор в конце концов отлучил Андрея Боголюбского от церкви; он «церкви все в Володимери повеле затворити и ключе церковные взя и не бысть звоненья, ни пенья по всему граду»[8]. Позднее он был казнен. Сообщив о казни Федора, княжеский ле-

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 765.
[2] Там же, стб. 736.
[3] См. гл. 3, § 4в. настоящего издания.
[4] «Памятники древней письменности», вып. 90, СПб., 1892, стр. 14.
[5] ПСРЛ, т. VII, стр. 85.
[6] Там же, т. II, стб. 552.
[7] Там же, т. I, вып. 2, стб. 349, 352.
[8] Там же, стб. 355.

тописец сделал вывод, приемлемый для князя: «да не наскакают неции на святительский сан»[1].

Богатства духовной знати неуклонно возрастали. О ростовском епископе начала XIII в. Кирилле летопись дает еще более колоритные сведения: он был еще богаче, чем его недавний предшественник, он «богат зело кунами, и селы, и всем товаром, и книгами и просто рещи так бе богат всем, так ни един пискуп (епископ.— *Ред.*) быв в Суждальстей области»[2]. Богатства и этого епископа привлекли внимание великокняжеской власти: князь Ярослав Всеволодович нашел повод и средства секуляризировать его имущество, «и все богатство отьяся от него (Кирилла.— *Ред.*) некакою тяжею, судившю Ярославлю тако». Лишенный собственности епископ был заточен в монастырь.

Владимиро-суздальские князья в борьбе с духовной знатью добились значительного успеха: как правило, в местные епископы назначались ставленники князей.

Ту же картину можно наблюдать и в Галицко-Волынской Руси, где волынский князь Роман Мстиславич враждовал с владимирским епископом, а его сын Даниил Романович в ходе феодальной войны, по данным летописи, лишил сана трех епископов — галицкого Артемия, перемышльского и, наконец, угровского Асафа, который, подобно ростовскому Федору, «скочи» на епископский стол. Разумеется, в то время борьба князей и с церковной знатью приносила лишь кратковременный успех. Летописи отмечают значительный рост церковного землевладения за счет крестьянских общинных земель, о чем свидетельствует увеличение в XII—XIII вв. числа монастырей, тесно связанных с великокняжеской властью, умевшей ценить политическую роль церкви. Усиленно «хитая от чюжих домов богатства», растущая церковная знать вновь и вновь сталкивалась с князьями. Ее полное подчинение государственной власти — дело далекого будущего.

Рост экономически сильной духовной знати наблюдался и в других землях. Это видно из устава новгородского князя Святослава Ольговича (1137), жаловавшего местному епископу десятину от «вир (и) продажь», поступавших в «княжь двор»[3], и из уставной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича местной епископии (1150). Князь пожертвовал ей сверх десятины «от всех даней смоленских» и «кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдья», ряд земель, в том числе «село Дросенское, со исгои и с землею» и «село

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 357.

[2] Там же, стб. 452 (под 1228 г.).

[3] «Хрестоматия по истории русского права», сост. М. Ф. Владимирский Буданов, вып. 1, СПб., 1889, стр. 239.

Ясенкое, и с бортником и с землею и с исгои». В той же грамоте встречается упоминание особой категории феодально-зависимых крестьян — «прощеников», стоявших в зависимости от местного епископа, который брал с них оброк (медом и кунами) и имел над ними право суда [1].

Источники свидетельствуют, что великокняжеская власть, сложившаяся в северо-восточной и юго-западной Руси после расчленения древнерусского государства, ведя борьбу против растущей мощи сеньориального боярства, широко использовала служилых феодалов — «дворян».

Эти феодалы выступают под разными наименованиями. В галицко-волынской летописи они именуются «служащими боярами и людьми», в число которых включены и «дети боярские»; владимирская летопись именует их «дворянами», новгородская и киевская — «дворянами» и «милостниками» (ср. слова Даниила Заточника о том, что «всякому дворянину иметь честь и милость у князя»). По летописи, «двор» — это прежде всего совокупность военных слуг [2].

Слуги вольные, дети боярские, дворяне — это обычно военные люди, младшие члены княжеских и боярских дружин. Они владели землей, некоторые условно (пока служили). Они являлись опорой великого князя, в частности, поставляя ему значительные массы войск, укомплектованных из их «подданных», феодально-зависимых «смердов-пешцев».

Ведя борьбу с сеньориальным боярством, великокняжеская власть значительно расширяла категорию «дворян», «служащих бояр», с чем были связаны перемены в судьбах княжеских домениальных земель, которые раздавались младшей дружине на правах бенефиция, а затем и лена. Такие раздачи широко практиковались в отношении «служащих бояр», «дворян»[3] владимирскими князьями Андреем Боголюбским и его братом Всеволодом. То же делали и галицкие князья Роман Мстиславич и его сын Даниил, которые, ликвидируя в ходе феодальной войны непокорную сеньориальную знать, раздавали конфискованные, а также домениальные земли «молодому» «служащему» боярству. Домениальные земли в первую очередь населяли «дворяне», «служащие бояре», которые несли службу на великого князя и являлись сеньорами по отношению к массе населявших домен крестьян.

Насколько острой была борьба групп внутри господствующего класса, видно из памятников общественно-политической мысли. Так, в сочинении идеолога тогдашнего дворянства Даниила Заточника

[1] «Хрестоматия по истории русского права», сост. М. Ф. Владимирский-Буданов, вып. 1, стр. 241, 245. См. также стр. 416 настоящего издания и статью *И. И. Смирнова*. К вопросу об изгоях. Сб. к 70-летию Б. Д. Грекова. М., 1952, стр. 105—111.

[2] Подробнее см. *Б. Д. Греков*. Указ. соч., кн. 1, М., 1952, стр. 513 и сл.

[3] НПЛ, стр. 52—53.

можно найти и яркую апологию сильной княжеской власти, и обличение боярства и церковной знати, и выдвижение дворянства в качестве основной опоры сильной власти. «Дуб крепится множеством корения, тако и град наш твоею державою», — обращается он к князю Ярославу Всеволодовичу. Князь — глава войска, «многажды бо безнарядием полци погибают..., велик зверь, а главы не иметь; тако и многи полки без добра князя».

Даниил выступал против сильных бояр: «Конь тучен, яко враг, сапает на господина своего: тако боярин богат и силен смыслит (умышляет.— *Ред.*) на князя зло». Лучше бы мне, говорит Даниил князю, «нога своя видети в лыченици (в лапте.— *Ред.*) в дому твоем, нежели в черлене сапозе в боярстем дворе», и т. д. Обличает Даниил и духовную знать: «Мнози бо, отшедше мира сего во иноческая» вскоре «паки возвращаются на мирское житие... и на мирское гонение; обидят села и домы славных мира сего, яко псы ласкосердии... святительский имея на себе сан, а обычаем похабен»[1].

Заточник стоял за выдвижение к власти дворян, из них должны состоять «бояре думающие», «думци княжеские», а не из «властелинов без ума». Подобные же идеи о сильной княжеской власти, обличения светской и церковной вотчинной знати пронизывают княжеское летописание[2].

Противоположные мысли нашли отражение в памятниках идеологии церковной и боярской знати. Например, Печерский патерик проводил идею господства церкви над государством, говорил о «праведности» княжеских и боярских земельных вкладов в монастыри, передачи им «имений» и сел, «злата» и «сребра», «возов брашна» с хлебами, сырами, корчагами вина и т. п. Попытки князей, например великого князя Изяслава Ярославича киевского, воспротивиться уходу в монастырь сына «первого у князя в болярех» и его угрозы «раскопать» монастырь и отправить игумена и монахов «на заточение» осуждаются и пресекаются напоминанием, что подобные действия, ослабляющие власть церкви, а значит, и самого феодального государства, приводили в других странах (например, в Польше) к крестьянским восстаниям. Понятно, что перед лицом этой угрозы затихали распри групп внутри класса феодалов[3].

Тенденция к централизации, к единству страны хотя и развивалась на Руси, но не могла еще завершиться полной победой великокняжеской власти. Не раз «молодое», «служащее» боярство и дворянство,

[1] «Слово Даниила Заточника». «Памятники древнерусской литературы», вып. 3. Л., 1932, стр. 19, 59, 60, 70.

[2] См. гл. 3, § 5 настоящего издания.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IV, стр. 44.

богатея, заступало место «старого» и «коромолующего» и в феодальных войнах сталкивалось с князем, опрокидывая его попытки объединить значительную территорию. Еще не созрели экономические условия для победы тенденции к единству; объединения земель, хотя и делались прочнее и шире, оставались недолговечными.

Борьба за землю, за крестьян приводила к постоянным столкновениям отдельных групп господствующего класса. Феодальные войны продолжали раздирать Русь.

Князья начинали друг с другом войны не только из-за спорного города или слободы, но даже из-за погоста. Так, в 1180 г. новгородский князь Мстислав Ростиславич вместе с новгородцами предпринял поход на своего зятя полоцкого князя Всеслава по тому поводу, что «ходил бо бяше дед его (Всеслава.— *Ред.*) на Новгород», «и погост один завел за Полтеск» [1]. Обычной причиной бессмысленных феодальных войн, когда князья друг с другом «татем (по-воровски.— *Ред.*) воевахуть», были споры из-за земли.

Эти войны, последствием которых «неизменно была конфискация земли»[2], разоряли крестьянство. Например, в 1169 г. новгородское боярское правительство отправило своих даньщиков за Волок; натолкнувшись на сопротивление со стороны владимиро-суздальского князя Андрея, они не только «взяшя всю дань» с крестьян подвластных им земель, но заодно и «на суждальскых смердех другую» [3]. Зачастую при взаимных набегах феодалы так разоряли земли друг друга, что не оставляли в них «ни челядина, ни скотины»; когда города брались «на щит», а села воевались «в зажитие», то «много убийство, кровопролитье» творилось «в земле крестьянстей» и все бывало «сметено пленом и скорбью тогда бывшею».

В период феодальной раздробленности весьма важным фактором экономической и политической истории страны стал город.

Исследователи справедливо заметили несомненное усиление политической роли городов в XII—XIII вв. [4] Город был в эту пору административным и ремесленно-торговым центром для «тянувших» к нему близлежащих земель, сборным пунктом их военных сил. Владимирский летописец XII в. так характеризовал роль наиболее крупных («старейших») городов: «Новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане и вся власть (волости.— *Ред.*) яко же на думу на веча сходятся, на что же старейшие (города.— *Ред.*) сдумают, на том же и пригороды

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 608.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XV, стр. 638.
[3] НПЛ, стр. 33.
[4] См. *М. Н. Тихомиров*. Древнерусские города. М., 1946, стр. 191.

Железные замки и ключи XII—XIII вв., найденные на территории Московского кремля

Государственный Исторический музей

станут». Территориальный округ города был так тесно с ним связан, что когда говорили о передаче кому-либо города, то это означало передачу и всей городской округи.

Русские города, основную часть населения которых составляли ремесленники, переживали значительный экономический подъем. Число городов выросло за это время почти втрое и только по скудным данным летописей достигало 250. К XIII в. летопись в одном Галицко-Волынском княжестве упомянула свыше 80 городов. Не меньше было их и во Владимиро-Суздальской земле. Примерно с середины XII в. начался расцвет городского ремесла, продолжавшийся вплоть до татаро-монгольского нашествия. Ремесленная культура русских княжеств этой

поры «предстает перед нами высокоразвитой, полнокровной, блещущей изобретательской мыслью», совершенствующей свою технику. Даже в небольших городских центрах имелись сложные домницы для варки железа, несколько систем гончарных горнов; возрастала массовость производства, усиливалась связь ремесленников с рынком.

Дворы князей, крупных бояр и монастырей являлись арсеналом оружия, складом различных изделий, изготовленных ремесленниками и крестьянами. Они были, как свидетельствуют археологические данные, вполне обеспечены собственными ремесленниками разных специальностей (кузнецами, гончарами, бондарями, костерезами, ювелирами, литейщиками, древоделами, кожевниками и др.)[1]. Письменные источники этого времени упоминают 22 ремесленные специальности, археологический материал позволяет расширить (отнюдь не исчерпав) их число до 60[2].

Летописи и другие письменные источники рисуют русские города как крупные ремесленно-торговые центры. Например, когда в 1193 г. во Владимире-на-Клязьме ремонтировался Успенский собор, для выполнения сложных работ были привлечены, с одной стороны, зависимые ремесленники двора владимирского епископа, а с другой — «свои» свободные владимирцы: «И покрыта бысть оловом от верху до комар и до притворов... не ища мастеров от немець, но налезе мастеры от клеврет святое богородицы и от своих: иных олову льяти, иных крыти, иных известью белити». В Галицко-Волынской Руси для князя Даниила в новом городе Холме отливались колокола[3], что при сложной технике этого дела требовало устойчивых профессиональных навыков. В церкви св. Ивана в том же Холме «помост бе слит от меди и от олова чиста». Не менее серьезные работы производил князь волынский Владимир Василькович в городе Любомле. Так, однажды он «двери солиа медяные»[4] и для разных церквей «сосуды служебные сребряные скова». Число подобных примеров может быть увеличено во много раз.

Блестящая культура древней Руси «в значительной степени обязана своим расцветом развитию русской промышленности, русского ремесла. Тысячи деревенских кузниц по Днепру и Волхову, по Волге и Оке ковали лемехи плугов для вспашки полей; сотни оружейников закаливали сталь для победы над многочисленными врагами, а в ювелирных мастерских «златокузнецы» создавали тончайшее узорочье из бронзы, серебра и золота, украшенное филигранью, зернью

[1] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 496.
[2] Там же, стр. 501, 509.
[3] ПСРЛ, т. II, стб. 844.
[4] Там же, стб. 843—844, 927.

и невыцветающими красками эмали»[1]. При этом культура производства все росла, охватывая новые области, появлялись новые технические приемы. «В технике эмали, в золотой росписи по меди, в технике зерни и скани и в изготовлении тончайших литейных форм русские мастера опередили своих западноевропейских собратьев»[2].

По мере роста общественного разделения труда, наряду с ремеслом, развивалась и торговля. Тщательный анализ археологического материала позволяет сделать вывод, что если район сбыта продукции деревенских ремесленников не превышал радиуса в 10—20 километров, то район сбыта городских мастеров, работавших на заказ на бояр и дружинников, достигал радиуса в 50—100 километров. Однако часть городских мастеров (Киева, Новгорода, Смоленска и др.) работала уже на рынок; их изделия расходились по деревням. Район сбыта этих изделий, находясь в зависимости от развития торговли, достигал 1400 километров; некоторые изделия шли за рубеж (в Болгарию, Польшу, Чехию, Швецию и т. д.).

Под влиянием установившихся связей с рынком ремесленники совершенствовали свою технику, стараясь придать выпуску продукции массовый характер (например, применение каменных литейных форм, замена чеканки штамповкой и т. п.).

Летописи свидетельствуют о значительной торговле внутри княжеств, где ходили отдельные купцы «гостешбу дея по градом», куда приходили купцы и из соседних княжеств, как, например, смоленские купцы (караван в 165 человек)— в Переяславль, галицкие с солью — в Киев или новгородские — во все крупные русские города. Князья в договоры все чаще включают статью о том, что «гостю путь чист, без рубежа»[3]. Правда, на практике, в условиях частых феодальных войн, эти торговые связи часто обрывались.

Весьма значительна была внешняя торговля. Так, во Владимир-на-Клязьме «гость приходил из Царягорода и от иных стран, из Русской земли, и аче латинин... и болгаре»[4]. О крупной внешней торговле таких городов, как Новгород, Смоленск, Витебск, Полоцк, свидетельствуют торговые договоры, заключенные ими с германскими городами (договоры около 1195, в 1229, 1262 гг. и др.). В житии Авраамия Смоленского отражена напряженная жизнь смоленского торгового центра; Аврамий шел «сквозе град» на княжеский двор, и «весь град, и по торгу, и по улицам, везде полно народа, мужи же глаголют, и жены, и дети»[5].

[1] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 518.

[2] Там же, стр. 522

[3] ГВНиП, № 3, стр. 13.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 591.

[5] *С. Н. Розанов.* Житие Авраамия Смоленского. «Памятники древнерусской литературы», вып. I, СПб., 1912, стр. 10.

Наблюдая большие успехи русского ремесла и торговли, советские исследователи справедливо указывают и на возрастающее значение городского торгово-ремесленного населения в политической жизни того времени. «...Феодальной структуре земельной собственности соответствовала в *городах* корпоративная собственность, феодальная организация ремесла» [1]. Источники отмечают «улицы», «ряды», «сотни» [2] как формы корпоративной организации ремесленников. В городах на отдельных улицах были патрональные церкви в честь того или иного покровителя ремесла, где собирались и цеховые пирушки; корпорации имели своих старост, свою казну.

Купеческие братчины также выступают в источниках в качестве силы, отстаивавшей городские «вольности» (например, в Полоцке в 1158 г.); они стремились получить (и небезуспешно, например, во Пскове) собственную юрисдикцию.

Как купеческие объединения («штетинцы», торговавшие со Шецином, «гречники», ведшие торговлю с Византией, «чудинцы», оперировавшие в Прибалтике, и др.) [3], сотни (Ивановская и др.), так и ремесленные корпорации находились в руках торгово-ремесленной верхушки, которая была тесно связана с боярской ростовщической знатью и резко противостояла городской ремесленной бедноте, «меньшим» людям, держа их в подчинении и формируя из них в случае нужды «городовые» полки. Наличие полков горожан-«пешцев» [4] делало правящую знать городов («мужей градских») серьезной силой, которую и стремились использовать в своих интересах великие князья, борясь против непокорного сеньориального боярства и мелкого княжья.

Уже Владимир Мономах — ставленник киевской знати — сумел оценить значение купечества и постарался в своей «Правде» охранить торговлю от потерь, связанных с феодальными войнами; законодательство было пополнено и статьями, регулирующими кредит и ростовщичество [5]. Он же в «Поучении» рекомендовал сыновьям держать связь с купечеством: «Боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или прост, или добр, или сол (посол.—*Ред.*), аще не можете даром, брашном и питьем: ти бо мимоходячи прославять человека по всем землям, любо добрым, любо злым» [6]. Феодальная надстройка активно содействовала росту городов и развитию торговли; особенно ярко

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IV, стр. 14.

[2] *Б. А. Рыбаков*. Указ. соч., стр. 781.

[3] О них см. *М. Н. Тихомиров*. Указ. соч., стр. 151 и сл.

[4] НПЛ, стр. 80, 89, 307.

[5] «Правда Русская», ч. 1, ст. 119.

[6] ПСРЛ, т. I, вып. 1, Л., 1926, стб. 246.

обнаруживается это в политике владимиро-суздальских, а также и галицко-волынских князей.

Городское население не было однородно, например, в Смоленск люди «и от князь, и от вельможь, работнии же и свободнии притекаху» [1]. Во Владимире, наряду с богатыми горожанами, жили бывшие боярские «смерды и холопы», среди них, вероятно, и те, что, «бегая», добывали себе товар [2].

Городская знать — «мужи градские» — купечество и состоятельные горожане классово враждебно противостояли городской бедноте. В одном поучении XII в. дано яркое противопоставление бедняку городского богача «хишьника», который «сироты облупи»: «Ты же яси тетеря, гуси, ряби, куры, голуби, и прочее брашьно различьно, а убогый хлеба не имать, чимь чрево насытити; ты же облачишися, и ходиши в паволоце и в кунах, а убогый руба не имать на телеси; ты же жи[вешь] в дому, повалуше (жилое помещение.— *Ред.*) испьсав, а убогый не имать где главы подклонити» [3].

Имущественная дифференциация в городах, рост долгового закабаления ремесленников, частые феодальные войны и т. п. ухудшали и без того тяжелое положение городских низов, обостряли классовые противоречия, приводя к неоднократным городским антифеодальным восстаниям.

Летописи подтверждают, что князья и феодалы не упускали случая нанести ущерб городам противника, подвергали их ограблению. Например, в 1151 г. князь Владимирко галицкий, возвращаясь после похода из Киевской земли, по пути ограбил города, начиная от Мическа, жителям которого он заявил: «Дайте ми серебро, что вы я хочу, пакы ли я возму вы на щит». По словам киевского летописца, у мичан не хватило средств для уплаты, «они же емлюче серебро изо ушью и с ший, сливаюче же серебро даяхуть Володимеру», а он «поиде тако же емля серебро по всим градом, оли и до своей земли» [4].

При таких условиях горожане, особенно городская торгово-ремесленная верхушка, стремились освободить город из-под власти крупных бояр или мелкого княжья и поставить его под юрисдикцию какого-либо крупного князя. Благодаря этому города получали известные гарантии, особенно на случай феодальных войн, и добивались одновременно от местных великих князей сохранения по «ряду» городских

---

[1] *С. Н. Розанов.* Житие Авраамия Смоленского, стр. 18.

[2] «Известия Академии Наук по отделению русского языка и словесности», т. X, вып. 1, СПб., 1861, стр. 550.

[3] См. *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 516.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 417.

привилегий, охранявших в первую очередь права состоятельных горожан — «местичей».

Как ни сложны были отношения внутри господствующего класса, как ни остра была взаимная борьба отдельных групп его,— все они сплоченно противостояли классу крестьянства. Крестьянство продолжало, как умело и могло, борьбу со своими угнетателями. Формы этой борьбы были весьма разнообразны: от порчи господского инвентаря и истребления скота до поджогов имений, убийства княжеской администрации и, наконец, открытых восстаний[1]. Эта борьба нашла известное отражение в источниках юридических и публицистических, и в княжеских, и в дворянских, и в боярских, и в церковных. Характерно, что в оценке классовой борьбы все они сходятся, рассматривая ее как «татьбу» (воровство) и «разбой» — тягчайшие преступления против существующего «порядка». Подавляли феодалы эту борьбу всей тяжестью разветвленного государственного аппарата (о нем см. ниже) и силой законов, по которым «поток и разграбление», убийство на месте, избиения и штрафы обрушивались на крестьян.

Распространенной формой крестьянской борьбы, известной едва ли не с первых дней существования феодального государства на Руси, были побеги. Уже в договорах с Византией, т. е. в международных соглашениях, фигурировала статья о челядине, который «ускочит» от своего господина, находящегося в Византии; подобные статьи неоднократно встречались в различных договорах и позднее: их находим в XIII в. в договорах Новгорода с великими князьями, выдачу беглых крестьян предусматривают и договоры с Литвой. Иногда крестьяне бежали и «в немци». Так, в Новгороде холоп епископа Луки по имени Дудика однажды в чем-то уличил своего господина, и тот должен был три года провести в Киеве, оправдываясь перед митрополитом. Когда епископ вернулся в Новгород, то «Дудице же холопу (были.— *Ред.*) оскомины: урезаша ему носа и обе руце», после чего холоп «бежа в немци»[2]. И в то далекое время эксплуатируемые разных стран находили общий язык в борьбе с эксплуататорами. Житель Руси Моисей Угрин, попавший в XI в. в руки Болеслава и уведенный в Польшу в качестве пленного-раба, терпел большие невзгоды при дворе одной польской боярыни. Но Моисей «некотораго от раб жены тоа на милость преклони», и польские холопы «в тайне подаваше ему пищу»[3], а когда в Польше вспыхнуло крестьянское антифеодальное восстание и крестьяне «сию жену убиша», то Моисей получил свободу и вернулся на Русь.

---

[1] См. стр. 123—124 настоящего издания.

[2] НПЛ, стр. 183.

[3] «Патерик», стр. 103.

В «Русской Правде» многие статьи направлены на борьбу с побегами крестьян — челяди, холопов, закупов [1], карая беглых холопов по усмотрению господ, а лично зависимых крестьян превращая за побег в холопов.

Положение крестьянства и его борьба нашли отражение и в публицистике, которая сама по себе была в руках феодалов сильным орудием идейного закабаления народа. Так, в дворянской публицистике можно найти некоторые черты, характеризующие положение бедняка в феодальном мире, где, по словам Даниила Заточника, «богат возглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак; а убогий возглаголеть — вси на нь кликнуть». Даниил знает, что такое «работное ярмо», так как, по его словам, он сам побывал некогда «в велицей мнозе нужи и печали и под работным ермом пострадах, все то искусих» и понял «яко зло есть» и «многожды бо обретаются работные хлебы акы пелынь (полынь.— *Ред.*) во устех, и питие мое с плачем растворях». Труд крестьянина в то время — это холопское или работное иго, «страдание», «страда». Это ярмо феодальной эксплуатации, почти столь же жестокой, как и при рабстве.

Из взаимных обличений идеологов отдельных групп феодалов можно почерпнуть еще некоторый материал о положении трудящихся в княжеском хозяйстве. Игумен Феодосий, выставляя церковников в качестве благодетелей народа, говорил киевскому князю Изяславу: «Твои же рабы... работают сварящася и шегающа и кленуще друг друга, многажды же и биеми суть от приставник, и тако вся служба их с грехомь съвершается» [2].

Даниил Заточник тоже понимал, что на протест народ толкает прежде всего нужда, что «лепше смерть, нежели продолжен живот в нищете» [3]. Но Даниил — дворянин и твердо уверен в незыблемости своего класса и его основы — крепостничества: как бы ни был «горделив» и «буяв» холоп, «но укору ему своего не избыти: холопья имени».

Социальная демагогия была равно присуща всем группам господствующего класса, поэтому и Даниил, как сторонник княжеской власти, превозносит смердолюбие «хороших» князей, противопоставляя их боярской знати, говоря, что именно князь «оживлял» «сирот и вдовиц от велмож погружаемых» во власть голодной смерти. Подобным же образом и Владимир Мономах в «Поучении» старался показать свое мнимое смердолюбие: что он не давал смерда «сильным обидети», «на посадники не зря, ни на бирича, сам творил, что было надобе»,— а что именно было «надобе», видно из «Пространной Правды» (одним из

[1] «Правда Русская», т. I, ст. 32, стр. 107; ст. 56, стр. 110; ст. 112, стр. 116.

[2] «Патерик», стр. 40.

[3] «Слово Даниила Заточника», стр. 10.

составителей которой был Мономах), наполненной борьбой с крестьянскими побегами, «татьбой», «поджогами» и «разбоем».

Крестьянский «разбой» и «татьба» волновали и духовную знать. Не случайно авторам печерского Патерика пришлось среди поучительных историй о «подвигах» монахов не раз упомянуть о нападениях «татей» на монастырь, причем одно из таких нападений возглавлял «старейшина». Цель «татей» — «красти» богатое монастырское «имение» и села монастырские. В глазах церковников действия «татей» стояли в ряду со стихийными бедствиями или войнами: «имение» гибнет «напрасно: ратью или татьми или огнем»[1]. Пропаганде против «татей» «духовные отцы» уделяли много внимания. В раннюю пору «сам» игумен Феодосий смирял их «кротостью» и отпускал на волю. Когда же монастырское землевладение окрепло, «татей», в случае их поимки, стали закабалять. Так, одни пойманные «тати» якобы «покаашеся», и им было приказано: «То още хощете делайте и от труда своего инех питати», и стали «тати» работать на монастырь, «оград предръжаше». В другой раз монастырь «осуди» «татей» «в работу» навеки, и «тако тии скончаша живот свои, и с чады своими работающе»[2].

«Татьба» крестьян как явление социальное отличалась законодательством от воровства — «татьбы» в «своей» феодальной среде, где действовал принцип: не пойманный — не вор[3]. Например, епископ новгородский Нифонт (XII в.) на вопрос попа Кирика о том, можно ли ставить в дьяконы человека проворовавшегося, отвечал: «Аже будет,— рече,— татьба велика, а не уложат ее отай (не уладят дело без огласки.— *Ред.*), но силну прю составят перед князем и перед людьми (доведут дело до публичного разбирательства в княжем суде.— *Ред.*), то не достоит того ставити дьяконом; а ежели окрадется (проворуется.— *Ред.*), а то уложат отай, то достоит». Понятно, что народ, видя в церковниках своих угнетателей, боролся с ними. Не случайно церковники-летописцы жаловались, что народ предпочитает свои «игрища», на которые собирается «людии множество» с «трубами, гусльми, русальями», «а церкви стоят», и «егда же бываеть год молитвы (время молитвы.—*Ред.*) мало их (людей.—*Ред.*) обращается к церкви»[4].

«Разбой», как и побеги, ведет свое начало с древних времен существования государства. Еще Владимир I, когда умножились «разбои», решил было «казнити разбойников», но потом, ища новых источников дохода, заменил казнь денежным штрафом, пустив его на содержание

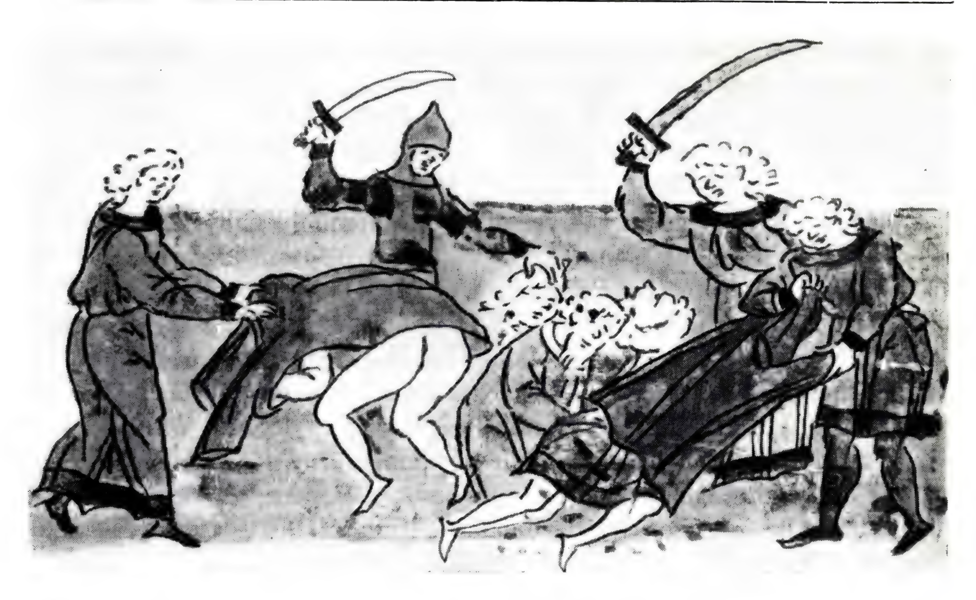
---

[1] «Патерик», стр. 87.

[2] Там же, стр. 98.

[3] См. *Б. А. Романов*. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947, стр. 21.

[4] НПЛ, стр. 188—189.

Восстание во Владимире-на-Клязьме в 1174—1175 гг. — Расправа восставших с княжими людьми. Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

дружины. Позднее, с развитием феодальных отношений, в XI в. кара и за другие виды преступлений была заменена денежными штрафами, кроме того, были введены поборы со всех судебных дел в пользу княжеской власти и ее дружинного аппарата. Все это не только усиливало эксплуатацию крестьян, но задевало и крупную знать, которая теряла часть доходов.

Старая боярская и церковная знать, осуждая экономическую политику и законодательную деятельность новых князей и вспоминая князей старых, тоже выступала в роли «защитницы» народа. Из писаний ее идеологов можно также добыть косвенные сведения об ухудшении положения трудящихся: «теи бо князи не збираху много имения, ни творимых (подстраиваемых.— *Ред.*) вир, ни продаж воскладаху на люди, но оже будяше правая вира, а ту возма дааша дружине на оружье». Под «старыми» князьями тут разумелся прежде всего, конечно, Владимир I, «правая вира» в глазах знати — это «вира» с крестьян за «разбой», а от новых «вир» богатели дружинники-дворяне и теснили старую знать, поэтому в боярской летописи эти новые дружинники осуждались и им в пример ставились дружинники времен Владимира: они «бо не складаху на своя жены златых обручей, но хожаху жены их в сребряных».

Классовая борьба обострялась периодически повторявшимися неурожаями и голодом; их вызывал сравнительно низкий общий уровень

сельскохозяйственного производства при тяжелой эксплуатации крестьянства. Феодалы использовали народную нужду для спекуляций хлебом, солью и т. п. Так было, например, в конце XI в. при Святополке Изяславиче: «Усобица бысть в та времена, и глад крепок, и скудета велиа по всей Руской земли». Киевский же князь скупал соль и продавал ее втридорога, не пуская в Киев купцов из других княжеств. Это вызвало народное движение — народ разгромил княжеские склады («граждане, пришедше, разграбиша соль»)[1].

Большой голод не раз имел место в Новгороде. Так, в 1128 г. «люте бяше: осминка ржи по гривне бяше; и ядаху люди лист липов, кору березову, инии молиц (шелуху.—*Ред.*) истолокше, мятуче (мешая.—*Ред.*)... с соломою», и «тако другым падшим от глада, трупие по улицам, и на торгу, и по путем, и всюду». Еще страшнее был новгородский голод 1230 г., сопровождавшийся выступлениями городской бедноты[2]. Во Владимиро-Суздальской Руси голодные 1024 и 1060—1070 гг.— одновременно годы крестьянских восстаний. Это лишь некоторые сохранившиеся известия об антифеодальных движениях.

Народные движения различной силы засвидетельствованы источниками для изучаемого периода неоднократно. Один их перечень достаточно показателен: они имели место в 1136 г. (Новгород), в 1145 г. (Галич), в 1146 г. (Киев), в 1174—1175 гг. (Владимир-на-Клязьме), в 1188 г. (Галич), в 1207 г. (Новгород), в 1215 г. (Новгород), в 1228 г. (Новгород), в 1241 г. (Галичина)[3]. Наконец, с установлением татаро-монгольского ига антифеодальные движения продолжались, зачастую переплетаясь с освободительной антитатарской борьбой: в 1259—1260 гг. (восстание в Новгородской земле), в 1262 г. (восстание в северо-восточной Руси).

Не все эти движения одинаковы по характеру и значению.

В Новгороде крупное восстание крестьянства и городской бедноты произошло в 1136 г., когда новгородцы, совместно с псковичами и ладожанами, «сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода». Восстание носило антифеодальный характер, поэтому среди обвинений, предъявленных новгородцами князю, на первом месте стояло, что он «не блюдеть смерд». Антифеодальное восстание переплелось с политической борьбой Великого Новгорода за самостоятельность и привело к тому, что князь был арестован и изгнан, Новгородская земля вышла из-под власти киевских великих князей. Плоды восстания присвоили бояре; своеобразие расстановки классовых сил заставило их сохранить

---

[1] «Патерик», стр. 108.

[2] См. гл. 5, § 6 настоящего издания.

[3] См. об этих движениях в специальных параграфах, посвященных истории отдельных княжеств.

вече, признать республиканский строй, они стали во главе возникшей феодальной республики[1].

По-иному складывались события во Владимиро-Суздальской земле в 1174—1175 гг., где неуклонно крепла княжеская власть. Поводом к народному движению явилось выступление части разбогатевших дружинников, которые, сомкнувшись с боярством, изменили князю Андрею Юрьевичу; князь был убит, его замок — Боголюбово, разграблен. Власть захватили бояре. Одновременно вспыхнуло восстание крестьян, и тогда «много зла створися в волости» князя: «посадник его, и тиунов его домы пограбиша, и самех избиша, детьцкые и мечникы избиша, в домы их пограбиша»[2], т. е. крестьяне истребляли княжескую администрацию, в основном состоявшую из дворян. Все это заставило феодалов вновь искать помощи сильного князя. Местные города во главе с Владимиром, опасаясь самовластья бояр, которые «многу тяготу людем... створиша продажами и вирами», тоже поддерживали сильную княжескую власть, от которой «мужи» градские получали известные привилегии.

В конечном счете, народное восстание было подавлено; нового князя Всеволода поддержали города, он сломил сопротивление боярства, захватил «села болярьская..., и кони, и скот». Таким образом, в этой части Руси великокняжеская власть сумела найти некоторую социально-экономическую основу своим объединительным действиям[3].

Иначе развивались события в юго-западной Руси, что видно на примере борьбы галицкого князя Владимирка Володаревича против киевского князя Всеволода Ольговича из-за Волыни, основную часть которой цепко держали киевские князья, рассматривавшие возможность ее потери как окончательный подрыв своей политической власти. Князь Владимирко терпел неудачи (он потерял города Ушицу и Микулин), что, видимо, не замедлило отразиться на отношении к нему городов, опасавшихся попасть под удар киевского князя.

Характерен следующий эпизод. Князь Всеволод осадил в 1146 г. Звенигород, в котором находился с засадой воевода Владимирка Ивач. Когда киевский князь пожог острог у города, звенигородцы «вече створиша» и решили предаться Всеволоду. Но воевода Ивач подавил сопротивление горожан. Он «изнима у них 3 мужи, иже беша началници вечю тому» и расправился с ними: «уби я» (их.— *Ред.*) и «когождо их перетен (разрубив.— *Ред.*) напол, поверже я ис града». Результатом было то, что «звенигородци же убоявшеся того и начаша крепко битися, без лести»[4].

---

[1] См. стр. 348 настоящего издания.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 370.

[3] См. гл. 3, § 4а настоящего издания.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 320; т. XXV, стр. 36.

Однако подавление выступления горожан Звенигорода не изменило хода войны, так как князь Владимирко с галицкими полками был обойден противником и отрезан от Галича. Здесь выяснилось, что и «галичане» не слишком стойки. По сведениям киевского летописца, они говорили: «Мы стоим зде, а онамо возмуть жены наши». Этим подчеркивалась непрочность, слабость власти Владимирка. В конце концов Владимирко должен был пойти на мир, уплатив Всеволоду «за труд» 1200 гривен, которые, вероятно, взыскал в значительной части и с Галича, где он сам обосновался сравнительно недавно (1141 г.)[1].

Все это привело к столкновению городов с князем. В том же году звенигородцы пригласили к себе князя Ивана Ростиславича, видимо, полностью принявшего условия горожан, а затем и «галичане въведоша» Ивана к себе.

Князь Владимирко с дружиной три недели осаждал город. Галичане лишь «нужею отворишася». Их выступление было жестоко подавлено князем, который «многы люди исече, а иныя показни казнью злою»[2].

Таким образом, в юго-западной Руси отношения великокняжеской власти с городами сложились несколько иначе, чем в северо-восточной. В частности, несомненно, что подавление городских движений во времена Владимирка и Ярослава Осмомысла сыграло немалую роль в ослаблении великокняжеской власти в Галицко-Волынской Руси[3]. Последующие успехи великокняжеской власти в юго-западной Руси в XIII в., бесспорно, были связаны также и с тем, что князь Роман Мстиславич «свободил бяшеть» «мужей градских» «от всих обид»[4], а его сын князь Даниил Романович поддерживал с ними союз

К числу городов, имевших в то время вечевое управление, которое находилось в руках городских «мужей», относится и бывшая столица Руси — Киев. Об этом свидетельствует киевская летопись, говоря о событиях 1146—1147 гг.[5]

С расчленением древнерусского государства положение великокняжеской государственной власти в отдельных княжествах оказалось неодинаковым. В период феодальной раздробленности можно установить три основные разновидности политического строя. В Новгороде сложился строй боярской феодальной республики, и власть князей временно почти сошла на нет[6]. Во Владимиро-Суздальской земле,

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 308; т. XXV, стр. 36—37.

[2] Там же, стб. 317.

[3] См. гл. 3, § 4в настоящего издания.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 920.

[5] См. стр. 311 настоящего издания.

[6] См. там же, гл. 3, § 4б.

вследствие своеобразия классовых отношений, эта власть оставалась в большой силе[1]. В Галицко-Волынской земле шла жестокая борьба между сильным боярством и княжеской властью, на разных этапах приносившая победу то одной, то другой стороне[2]. В остальных княжествах, насколько позволяют судить скудные источники, политический строй был близок к одному из трех указанных вариантов.

Итак, политический строй на Руси изменился. Власть киевских «великих князей», по мере высвобождения отдельных земель из-под их господства, все более слабела, пришла в упадок; мало того, сам великокняжеский киевский стол превратился в яблоко раздора между сильнейшими правителями других княжеств. Их стремление контролировать бывшую столицу вполне понятно, так как и в новой структуре государственной организации общерусское значение «великого князя» киевского хотя и свелось к минимуму, но не исчезло вовсе: о нем вспоминали местные великие князья при решении некоторых дел, интересовавших правителей большинства земель Руси (охрана южных торговых путей, оборона от степняков-кочевников, вопросы церковного управления, некоторые общерусские дипломатические вопросы и т. п.). Таким образом, и в период феодальной раздробленности оставалась на Руси монархия с номинальным центром в Киеве.

Но государственный строй приобрел иерархическую форму, типичную для европейских государств этого периода, более соответствовавшую классовым интересам феодалов. Реальная государственная власть перешла к феодалам отдельных «полугосударств» (княжеств, республик). Правители крупнейших из них (не уступавших по размерам иным западноевропейским государствам) с течением времени, окрепнув, все настойчивее выступают за объединение Руси, объявляя себя «великими князьями» всей Руси, стремясь использовать в своих целях и захват Киевского княжества.

При значительном разнообразии форм политического строя отдельных русских земель в каждой из них наблюдается дальнейшее развитие, усиление феодального государственного аппарата, служащего интересам всех групп господствующего класса. Летописи и юридические памятники упоминают множество различных военных, административных, финансовых и прочих агентов власти как государственных, так и вотчинных. Тут и дворские (дворецкие), печатники (канцлеры), стольники, седельничьи и другие лица княжеских дворов; и судебно-финансовые агенты в городах и селах — тиуны, отроки, детские, мечники, вирники, биричи; и агенты административно-военные — посадники, воеводы,

[1] См. гл. 3, § 4а настоящего издания.
[2] См. там же, гл. 3, § 4в.

тысяцкие и др.; наконец, вотчинная администрация представлена тиунами огнищными и конюшими, сельскими и ратайными старостами, кормильцами и т. п.[1]

Все они служили в первую очередь одному делу — эксплуатации крестьян и городской бедноты, получая с них ренту и налоги, штрафы и поборы, «виры» и «продажи», пресекая попытки сопротивления крестьян феодалам. При этом руководством для них являлась попрежнему «Правда» — судебный закон, получивший дальнейшее развитие, действовавший на землях всей Руси — и княжеских, и боярских, и церковных. Из этого закона видно, какие меры принимались, чтобы подавлять сопротивление крестьян и охранять жизнь, имущество и права господствующего класса. В центре внимания закона попрежнему находилась охрана феодальной собственности. Строжайше охранялось имущество феодалов — земли, борти, ладьи, перевесы, скот; последний оберегался не только от кражи, но и от сознательного истребления крестьянами. Статьи закона применялись при возможных конфликтах и в крестьянской среде, но, конечно, основная их цель — защита собственности феодалов. Немало внимания уделено и охране жизни агентов аппарата власти. Жизнь одних (княжих мужей и тиунов, огнищных и конюших) охраняется штрафом в 80 гривен; других (мечников, отроков княжеских и боярских) — штрафом в 40 гривен; третьих (тиунов сельских и ратайных) — в 12 гривен.

Жизнь крестьянина ценилась в 5 гривен. Лично свободный смерд определенно имел одно «право» — платить князю «продажу»; после бездетной смерти смерда его имущество переходило к князю; крестьянин-закуп тоже был бесправен: господин мог бить его «про дело», оставаясь «без вины»; если закуп бежал «от господы», он становился полным холопом — «обель»[2]. По демагогическому закону Мономаха, после восстания 1113 г. закуп получил «право» обращаться «ко князю или к судиям», «обиды деля своего господина», т. е. на одного феодала жаловаться другому. Еще хуже было положение холопов. Они не имели уже никаких прав, «зане суть не свободны», за них отвечали их господа. Холопов можно было и убивать, ибо «в холопе и в робе виры нетуть»[3]. Холоп — не человек, и в летописях, в описаниях «подвигов» феодалов плененные крестьяне, попадавшие в холопью кабалу, упоминались наряду со скотом («ополонишася челядью и скотом»). И церковь в своем законе («Правосудье митрополичем») освящала этот порядок: «Аще ли убиет

---

[1] См. стр. 153—158 настоящего издания.

[2] «Правда Русская», т. I, ст. 62, стр. 111; ст. 56, стр. 110.

[3] Там же, ст. 89, стр. 114.

господарь челядина полного, несть ему душегубство, но вина есть ему от бога»[1].

Если холоп бежал, его ловили всем «миром», а тот, кто «дасть ему хлеба или укажеть ему путь», карался штрафом в 5 гривен (лошадь стоила 2 гривны!); зато тот, кто задерживал истерзанного холопа и давал «весть господину», получал гривну за «переем». Если холоп скрывался в частновладельческом городе «чьемь любо», то на помощь господину приходил местный посадник; его «отроки» помогали господину «увязать» пойманного холопа[2]. Так жили холопы «княжи», «боярьстии» и «черничь».

Феодальный аппарат обладал и другими карательными органами — тюрьмами. «Поруб», «погреб», «темница» — глубокая, темная яма, наглухо заделанная деревом; в ней не раз «зад[ы]х[а]лися» заключенные; освободить человека можно было только «разоимав» поруб. Захваченных «разбойников» или «татий», «в темницах сущих в узах», тот или иной феодал, «градьский властелин» мог «повелети мучити», мог «оковати по руце и по нозе и за три дни не дати хлеба и воды»[3]. Холопа, в отчаянии ударившего своего господина, по закону разрешалось «бити», привязавши в растяжку к саням.

Народ ненавидел этот аппарат угнетения и, как указывалось, в моменты восстаний старался уничтожить его. В 1146 г. восставшие киевские горожане прямо заявили, что тиуны «погубили» управляемые ими города. Даниил Заточник в этой связи писал: «Не имей собе двора близ княжа двора и не держи села близ княжа села: тивун бо его аки огнь трепетицею накладен, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искор не можеши устеречися и сожжения порт»[4]. Грабили народ и мелкие агенты власти, например вирники — сборщики штрафов и других поборов; они особенно усердствовали еще и потому, что пятая часть собранных с населения сумм по «закону» шла в их мошну[5]. Понимая опасность слишком больших самоуправств государственных агентов, а также стремясь усилить социальную демагогию и поддержать веру народа в «хороших» князей, Владимир Мономах, один из авторов «Пространной Правды», в поучении к сыновьям писал: «Не дайте пакости деяти отроком, ни своим, ни чюжим, ни в селах, ни в житех, да не кляти вас начнут». Из этих слов видно, какую ненависть к своим угнетателям питал простой народ, тщетно искавший «помощи» у сильных великих князей.

---

[1] «Летопись занятий археографической комиссии», вып. 35, Л., 1929, стр. 115.

[2] «Правда Русская», т. I, ст. 112, стр. 116.

[3] «Патерик», стр. 98.

[4] «Слово Даниила Заточника», стр. 21.

[5] «Правда Русская», т. I, ст. 10, стр. 105.

«Русская Правда» явилась основой феодального законодательства. С укреплением феодальных отношений росло и число иммунитетных пожалований светским и духовным феодалам.

Значительное место в государственном аппарате принадлежало вооруженным силам. Именно войско, и прежде всего его дружинная часть, использовалось для жестокого подавления народных движений: во Владимиро-Суздальской земле — для расправы с восставшими крестьянами, в Киевском княжестве — для истребления вожаков восстания горожан и в Новгороде — для избиения «черных» людей.

В то же время войско играло основную роль в выполнении внешнеполитической функции государства — в расширении территории господствующего класса и защите страны от иноземных захватчиков.

Феодальная раздробленность внесла значительные изменения в состав и устройство вооруженных сил. Эти изменения коснулись прежде всего княжеских и боярских дружин. С ростом феодального землевладения старшие дружинники — крупные землевладельцы-вотчинники получили весьма обширные привилегии в области управления, суда, сбора налогов и пошлин, что закреплялось особыми жалованными грамотами князей.

Кроме многочисленной челяди, бояре имели своих слуг — мелких феодалов, которые становились в такие же служебные отношения к своему боярину, как последний к князю.

Значительно возросла роль младших княжеских дружин, состоявших из детей боярских и дворян. За свою службу младшие дружинники получали из дворцовых земель князя во временное владение земельные участки, с которых и пользовались феодальными доходами [1].

С XII в. княжеская дружина получает название «двора» [2], хотя в летописях сохранился и старый термин — «дружина». В военное время двор представлял отряд военных слуг (военную охрану) князя, выполнявших обязанность бывших младших дружинников. В состав княжеского двора входили и служилые бояре со своими дворами.

Служебные обязанности носили личный характер. Переходя на службу к другому князю, феодал формально не терял земельных владений, находившихся на территории его прежнего сюзерена. Однако на практике отъезд на службу к другому князю зачастую приводил к захвату земель отъехавшего местным князем.

---

[1] См. *М. Н. Тихомиров*. Условное феодальное держание на Руси XII в. Сб. к 70-летию Б. Д. Грекова, стр. 100—104; см. также стр. 99, 158—160 настоящего издания.

[2] НПЛ, стр. 304 (1246 г.); см. *Б. Д. Греков*. Крестьяне на Руси, кн. 1, стр. 513 и сл.

Княжеский двор насчитывал теперь в среднем 300—400 человек[1]. С боярскими дворами численность княжеского двора должна была увеличиться до нескольких тысяч человек. Однако в военное время численность войска отдельных княжеств доходила до 30—40 тыс. человек[2]. Значит, в период феодальной раздробленности, как и в древнерусском государстве, преобладающую часть войска составляли не княжеские и боярские дворы (дружины). Для осуществления значительных военных операций этой силы было недостаточно, и в таких случаях на борьбу поднималось народное ополчение. Народные ополчения имелись в каждом русском княжестве.

Различие в положении и значении городов отразилось и на организации военного дела. Тысячное устройство осталось за главными городами княжеств: младшие города, или пригороды, не составляли полные тысячи, хотя по примеру старших городов делились на сотни.

Усиление политической роли городов как центров княжеств и областей поднимало их значение в решении вопросов войны и мира, в сборе и снаряжении городских народных ополчений[3].

Полк получил более широкое значение; этим названием обозначалось и ополчение всего княжества или «области»[4]. В отличие от полка городской тысячи, полк-ополчение называется в источниках «большим» полком, «великим» полком[5].

Соответствующим образом расширился и количественный состав полка[6]. Полком же назывались и более мелкие отряды вооруженных людей, преимущественно сотни[7]. Полк имел определенный боевой порядок.

Феодальных дружин-дворов и даже ополчения всего княжества было недостаточно для отражения внешней опасности. Отсюда вытекала необходимость совместных действий объединенными силами нескольких княжеств. Хотя феодальная разобщенность княжеств и распри князей распыляли и ослабляли вооруженные силы страны, однако в ряде случаев имели место объединенные выступления[8]. Они способствовали дальнейшему развитию организации русского войска и его боевого порядка. К трем составным частям боевого

---

[1] ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 267.
[2] Там же, т. I, вып. 2, стб. 492; т. II, стб. 573, 608, 792.
[3] Там же, т. I, вып. 1, стб. 130—131, 208, 242.
[4] Там же, т. II, стб. 560, 618.
[5] Там же, стб. 632; НПЛ, стр. 83, 312.
[6] ПСРЛ, т. V, стр. 9.
[7] Там же, т. I, вып. 1, стб. 271; т. II, стб. 200, 246.
[8] Там же. т. I, вып. 1 стб. 277. 284; т. II, стб. 741.

построения войска (центру, правому и левому крылам — флангам), известным уже в древнерусском государстве, добавились два новых передовых полка, один из которых был полком сторожевым. Такой боевой порядок русского войска впервые упоминается в источниках в 1185 г., во время похода объединенного войска нескольких княжеств на половцев[1]. Иногда перед боем выделялся резерв — засадный полк (например, в 1220 г. в походе на волжских болгар).

Формирование войска на поле боя в составе трех или пяти полков позволяло применять охват флангами противника в виде «клещей», что было блестяще осуществлено Александром Невским в знаменитом Ледовом побоище[2].

При поголовном ополчении ратники выступали в походы со своим оружием и, смотря по материальной обеспеченности, служили конную или пешую службу. Чаще всего участников походов снабжали довольствием и вооружением города и волости, выставлявшие служилых людей. В составе вооружения получили более широкое применение метательные орудия (пороки, пращи, тараны, самострелы). Русские войска с успехом употребляли эти орудия и при обороне и при осаде городов.

Народное ополчение представляло собой преимущественно пешую рать. Пешие воины успешно сражались против степных кочевников и закованных в доспехи западных рыцарей. При осаде города пешие воины также являлись решающей силой. Так, в походе русских князей на волжских болгар в 1220 г. при осаде г. Ошела князь Святослав «наряди люди вперед со огнем и с секирами, и за ними стрельци и копейники, и приступи ко граду»[3].

С захватом кочевниками южных степей русским княжествам был затруднен доступ к морским путям. Однако плавание русских по Черному морю не прекратилось, продолжалось оно и в северных морях. Возросло также военное значение речных путей. Часто столкновения войск происходили у речных переправ; полки выстраивались по берегам реки, начиналась перестрелка, одновременно с которой (а иногда после нее) войско старалось форсировать речную преграду, чаще всего вброд[4].

Дальнейшее развитие получил и аппарат, ведавший сношениями отдельных русских княжеств с иностранными государствами. Летописи рисуют княжеские канцелярии с устойчивым делопроизводст-

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 394; т. II, стб. 639.
[2] См. гл. 5, § 9.
[3] ПСРЛ, т. VII, стр. 127.
[4] См. там же, т. I, вып. 2, стб. 331; т. II, стб 423, 436.

вом, снабженные штатом переводчиков и пользовавшиеся услугами опытных дипломатов, которые во время поездок за рубеж или встреч с иноземными послами на Руси умело отстаивали интересы своей страны.

Развивались и правовые нормы, регулировавшие отношения русских княжеств с иностранными государствами. Таковы, например, договоры (часть из них сохранилась) Новгородской республики с немецкими городами и Орденом (около 1195, 1242, 1262 и др.), Швецией (1323), Литвой (1262), с Норвегией (1251, 1326), Смоленска—с Орденом (1229), Галицкой Руси — с Венгрией (1252 и др.), Польшей (1230, 1260 и др.), Литвой (1219, 1254 и др.).

Итак, в XII—XIII вв. история феодальных княжеств, возникших в результате расчленения древнерусского государства, характеризуется их дальнейшим социально-экономическим, политическим и культурным развитием. Развиваются производительные силы, техника сельского хозяйства и ремесла; растет крупное феодальное землевладение, возобладает вотчина-сеньория, основанная на труде оброчного крестьянина, и одновременно увеличивается служилое землевладение; растут новые города и усиливается их борьба за городские «вольности»; обостряется классовая борьба в деревне и городе, неоднократно вспыхивают открытые восстания крестьян и городских «черных» людей; усиливается великокняжеская власть в северо-восточной, а также и юго-западной Руси, власть, которая располагала крупными земельными владениями и опиралась на союз со «служащим» боярством — дворянством (дворяне, милостники, дети боярские) при использовании поддержки торгово-ремесленной верхушки городов («мужей градских»).

Для Руси, как и других государств Европы, характерен процесс постепенного созревания условий формирования единого государства, постепенного возрастания роли великокняжеской (королевской) власти в диалектической противоречивости борьбы сил централизации и раздробленности, на базе развития феодального способа производства и углубления основного классового противоречия между крестьянами и феодалами [1]. Этот процесс, впервые обнаружившись еще в середине XII в., определялся постепенным ростом в недрах натурального хозяйства экономических связей, товарно-денежных отношений, что позволяло преодолевать (хотя и медленно) хозяйственную раздробленность и подтачивало основы политической децентрализации (пока лишь в рамках отдельных «полугосударств»), приводило к постепенному

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 445.

вызреванию условий для сплочения в дальнейшем «местных рынков»[1] областей, земель и княжеств и для формирования «национальных областей»[2]. Татаро-монгольское нашествие временно прервало этот процесс.

Нижеследующая краткая характеристика политической истории основных русских княжеств конкретизирует этот вывод. Поскольку основной причиной расчленения древнерусского государства явился рост феодальных отношений в отдельных его частях, история последних структурно делится на два этапа: первый охватывает время вхождения отдельных земель в состав древнерусского государства, укрепления и развития феодальных отношений, второй охватывает время самостоятельности этих земель вплоть до татаро-монгольского нашествия.

К сожалению, в сохранившихся летописях даже политическая история отдельных княжеств освещена далеко не равномерно и в целом весьма неполно. По имеющимся летописям (новгородским, владимирским и волынским) можно с очень относительной полнотой представить политическую историю Владимиро-Суздальской, Новгородской и Галицко-Волынской земель, но по истории других княжеств, даже и таких крупных, как Полоцко-Минское, Черниговское, Смоленское (не говоря уже о Рязанском, Турово-Пинском и т. п.), наука располагает лишь случайными упоминаниями в летописных, литературных, юридических и других памятниках.

3

ОБРАЗОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ КНЯЖЕСТВ И РЕСПУБЛИК И СУДЬБА КИЕВСКОЙ ЗЕМЛИ

К XII в., особенно ко второй его половине, процесс укрепления и обособления новых политических центров, с одной стороны, и ослабления Киева — с другой, зашел настолько далеко, что Киев окончательно перестал быть стольным городом.

Новые политические центры успели образоваться во многих местах Руси. Совершенно ясно обозначились самостоятельные княжества. Ростово-Суздальское, Муромо-Рязанское, Смоленское, Черниговское, Переяславское, Галицкое, Волынское, Полоцкое и Турово-Пинское. Эти княжества в свою очередь дробились на более мелкие. Обособились также Новгородская и Псковская феодальные республики.

---

[1] См. *В. И. Ленин*. Соч., т. 1, стр. 137—138.

[2] См. «Ленинский сборник», т. XXX, стр. 62.

Черноморское побережье Крыма и Приазовья с Северным Кавказом оказалось под властью половцев.

В этот период истории Руси особенно острой становится борьба русского народа за свою независимость, так как перемены в древнерусском государстве (прежде всего ослабление его военной мощи в связи с обособлением земель, еще недавно признававших власть киевского князя) будили надежды правителей соседних государств на расширение своих владений за счет Русской земли.

Процесс образования отдельных феодальных княжеств протекал длительно. Около столетия длилась жестокая борьба, отражавшая противоречивые интересы экономически и политически усилившейся титулованной и нетитулованной феодальной знати против киевского князя, упорно, хотя и безуспешно защищавшего свое традиционное место в политической системе древней Руси. Боролись две системы: старая, стремившаяся удержать господство Киева над огромной территорией с русским и частично нерусским населением, и новая, отрицавшая право Киева распоряжаться силами всего государства и выдвигавшая принцип суверенного существования каждого княжества.

Мы уже видели, как протекала эта борьба при первых Ярославичах[1], какую форму она приняла при последнем Ярославиче, пережившем своих братьев,— Всеволоде (1078—1093), который, будучи вынужден идти на компромисс, утверждал новые права за отдельными князьями и таким образом способствовал подготовке признания нового политического порядка Любечским съездом (1097). Владимир Мономах и его сын Мстислав (1125—1132) при поддержке киевской знати на короткое время восстановили подобие старого политического строя. Они обращались с князьями, своими родственниками, по-старому, требуя, чтобы эти князья не выходили из-под их власти. Однако их политика не могла остановить объективной закономерности исторического развития. Мономах с сыном сумели только задержать дальнейшее углубление начавшегося раздробления государства, но не могли прекратить его[2].

После смерти Мстислава (1132) вопрос о преемственности киевского стола решили сами «людье-кыяне», решило городское киевское вече, призвав его брата Ярополка[3].

Сыновья Мстислава Владимировича оказались в подчинении у своего дяди Ярополка. Он попытался рассадить племянников по более

---

[1] См. гл. 2, § 4 настоящего издания.
[2] См. там же, стр. 191—193.
[3] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 301.

крупным городам, но встретил решительный протест собственных братьев. Особую энергию проявил брат Ярополка Юрий по прозвищу Долгорукий, владевший тогда Ростово-Суздальской землей, опираясь на которую он выступил с притязаниями на Киев и Новгород.

Один из племянников Ярополка, Изяслав Мстиславич, выступив против и Ярополка и Юрия, вошел в соглашение с князьями черниговскими, Ольговичами, потомками Святослава Ярославича, которые были самыми энергичными сторонниками нового политического порядка, столь определенно выраженного в постановлении Любечского съезда («кождо да держить отчину свою»). Ольговичи заявили Ярополку, что они желают владеть тем, чем владел их отец («что ны отец держал... того же и мы хочем»)[1]; если же Ярополк будет этому противиться и настаивать на праве распоряжаться всей Русской землей, то они снимают с себя ответственность за последствия: «то вы виновати, то на вас буди кровь»[2]. Протестовало против действий Ярополка и боярское правительство Новгорода: вече новгородское судило Всеволода Мстиславича за то, что он послушал Ярополка и решил бросить Новгород ради Переяславля. Вече изгнало Всеволода и пригласило к себе Святослава Ольговича. Заинтересованные в прекращении войны, новгородцы послали своего посадника в Киев «мирить кыян с церниговьци», но «не успев ницто же»,— с грустью прибавляет новгородский летописец; «сильно бо възмялася вся земля Русская». «И не то бяше зло,— продолжает летописец,— но боле: почяста копити вои и половче и все»[3].

Ольговичи черниговские в союзе с Мстиславичами, Изяславом, его братом Святополком и половцами выступили против Ярополка. Борьба закончилась торжеством Ольговичей. Они удержались в Черниговщине, а в 1139 г., после смерти Ярополка, Всеволод Ольгович даже занял Киев, прогнав пытавшегося утвердиться там Вячеслава, брата умершего Ярополка.

В итоге этой борьбы свою независимость от Киева укрепила не только Черниговская земля, но и земли Галицкая, Полоцкая и Ростово-Суздальская, т. е. порядок феодальной раздробленности восторжествовал.

Энергичный политик, умевший использовать с выгодой для себя трудные и запутанные положения и побеждать одних своих врагов с помощью других, Всеволод Ольгович (1139—1146) достиг

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 296.

[2] Там же.

[3] НПЛ, стр. 23.

больших политических успехов. Оставаясь князем черниговским, он владел и значительной частью древнерусского государства. Однако характер его властвования в Киеве говорит о том, что он смотрел на Киев как на свою добычу. Поэтому горожане Киева относились к нему враждебно. Они воспользовались его смертью, чтобы расправиться с ненавистными ставленниками Всеволода. Враждебные ему киевские массы очень характерно мотивировали отрицательное отношение к Ольговичам вообще: «не хочем быти (у Ольговичей. — *Ред.*) акы в задничи»[1]. Киевляне, уже испытавшие свою силу и значение в выборе князя, были недовольны тем, что Всеволод и его брат Игорь, которого пытался навязать им Всеволод в качестве своего преемника, обращаются с Киевом как с наследственной собственностью («задницей»).

Весьма показательны события, последовавшие за смертью Всеволода. Умело привлекая на свою сторону киевских бояр, Всеволод уже заранее подготовил почву, чтобы посадить на киевский стол Игоря. Однако он не учел выросшего значения киевских торгово-ремесленных верхов и зависимой от городской знати народной массы, выступление которой решило судьбу киевского стола по-иному.

Городская народная масса, собравшись на вече, потребовала ответа от ставленников Всеволода и прежде всего от самого князя Игоря. Боясь этого веча, Игорь не решался в то же время отвергнуть «приглашение». Он пошел против него с дружиной, стал с ней в засаду, а на вече послал своего брата Святослава. Святославу пришлось посчитаться с народным недовольством и обещать от имени Игоря «устранить» злоупотребления ставленников Всеволода Ольговича. На этом условии вече согласилось признать Игоря князем. Совершенно очевидно, что вопрос этот решался далеко не единодушно, так как сейчас же вслед за принятием решения киевская городская беднота начала расправу с княжеской администрацией, начала дворы тиунов «грабить и на мечьникы»[2], а богатые горожане и «от киян мужи»[3], повидимому, вошли в соглашение с другим князем, более приемлемым для Киева,— внуком Владимира Мономаха, Изяславом Мстиславичем, князем переяславским.

Изяслав Мстиславич двинулся с войском на Киев, разбил выступившего против него Игоря и вступил в Киев. Игорь был низложен и арестован. При этом сторонники Изяслава «взяша именья много, в домех и в манастырех»[4].

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 323.
[2] Там же, стб. 322.
[3] Там же, стб. 323.
[4] Там же, стб. 328

Ольговичи пытались создать против Изяслава союз. Святослав Ольгович, брат низложенного Игоря, вошел в соглашение с Юрием Долгоруким, князем Ростово-Суздальской земли. Началась упорная борьба, в которой принимали участие не только русские, но и венгры, поляки, черные клобуки, берендеи и половцы.

В ходе этой борьбы еще раз наглядно проявилась возросшая роль городов. Изяслав был уверен, что киевские горожане (а поскольку решение веча главного города было обязательным и для пригородов с деревнями — то и смерды) могут быть использованы им против Святослава Ольговича и Юрия Долгорукого. Однако скоро ему пришлось убедиться, что это не так. Горожане Киева относились враждебно к непрерывным междукняжеским войнам, и в ответ на предложение выступить вместе против Юрия и Святослава Изяслав услышал от киевского веча решительный отказ и совет помириться с Юрием.

Юрий силой занял Киев. Поэтому киевляне заявляли, что им «с Гюргем не ужити»[1]. Юрий владел небольшой территорией в Киевском княжестве по р. Горыни, Турово-Пинской землей (впрочем, очень скоро обособившейся), собственно Киевом с окрестностями и преддверием к Киеву — Переяславлем. На большее Юрий претендовать не мог, так как остальные земли были уже независимы и имели достаточно сил, чтобы отстоять свою самостоятельность. Прибыв в Киев, Юрий посадил княжить поблизости от себя своих старших сыновей: Андрея — в Вышгороде, Ростислава — в Переяславле, Бориса — в Белгороде, Глеба — в Каневе. Василько Юрьевич был посажен в Суздале. Земли-волости вне границ Киевской земли уже жили своей собственной жизнью, мало считаясь или совсем не считаясь с киевским князем. В течение долгой борьбы Юрий три раза завладевал Киевом, где и умер (1157).

Едва умер Юрий, в Киеве вспыхнуло народное движение. «Много зла створися в тъ(тот.— *Ред.*) день,— пишет летописец,— розграбиша двор его (Юрия.— *Ред.*) красный и другый двор его за Днепром разграбиша, его же звашеть сам Раем, и Василков двор, сына его разграбиша в городе; избивахуть суждалци по городом и по селом, а товар их грабяче»[2].

Но Киевское княжество не сложилось в особое политическое целое и не выработало внутренней организации под управлением местной династии. Осевшие в уделах князья ревниво следили за тем, чтобы никому из них не досталась Киевская земля в самостоятельное княжение. После смерти Юрия на киевском столе сидели последовательно

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 383.

[2] Там же, стб. 489.

Изяслав Давидович черниговский (1157—1158), отпрыск черниговских Святославичей, затем Ростислав Мстиславич смоленский (1159—1167), Мстислав Изяславич волынский (1167—1169). Все они, владея Киевом, не порывали связей со своими княжениями, где в своих вотчинах чувствовали себя более прочно.

Мстислав Изяславич из Волыни добыл себе Киев, но Волынь осталась его постоянным владением и опорным пунктом. Если до недавнего времени Киев стремился держать (и действительно держал) в своих руках Волынь, то теперь отношения между Киевом и Волынью переменились.

Мстислав Изяславич был достаточно энергичным человеком и храбрым полководцем. Ему удалось организовать большой поход на половцев, в котором приняло участие 13 названных летописью по именам князей, владетелей княжений, «и инии мнози». В походе принимали участие и черные клобуки. Победа была полная[1]. Но и Мстиславу не удалось отстоять Киев от суздальских князей.

Поводом к войне между Андреем Юрьевичем владимирским (Боголюбским) и Мстиславом киевским послужила борьба за Новгород. Чтобы удержать Новгород, Мстислав посадил туда своего сына Романа. Роман стал вести агрессивную политику по отношению к союзникам Андрея. Владимирский князь, заинтересованный во владении Новгородом, не мог примириться с этим. Андрей решил нанести удар по основному центру. В 1169 г. он послал большое войско на Киев. 12 марта был взят и разграблен Киев. По словам летописи, «...грабиша за 2 дни весь град Подолье и Гору, и манастыри, и Софию, и Десятиньную богородицю и не бысть помилования никому же ни откуду же, церквам горящим, крестьяном убиваемым, другым вяжемым, жены ведоми быша в плен, разлучаеми нужею от мужии своих, младенци рыдаху, зряще материй своих; и взяша именья множьство...»[2]

Киев потерял свое прежнее значение. Сожаление одного из современников этих событий, автора «Слова о полку Игореве», что никто из князей не слышит призыва «вступита в злата стремень... за землю Рускую», прозвучало надгробным словом уходившей в прошлое старине[3].

После похода Андрея Боголюбского киевские князья оказались, связанными с князьями владимиро-суздальскими. Однако в конце XII в.,

---

[1] Весной 1168 г. Мстислав созвал князей и побуждал их: «пожальте си о Руской земли... оже (половцы.— *Ред.*) несуть хрестьяны на всяко лето у веже свои, а с нами роту (клятву, договор.— *Ред.*) взимаюче всегда переступаюче: а уже у нас и Гречьский путь (в Византию.—*Ред.*) изотимають, и Солоный (днепровский.—*Ред.*) и Залозный (донской.—*Ред.*)» (ПСРЛ, т. II, стб. 538).

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 545.

[3] «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1950, стр. 22.

когда произошло объединение волынских и галицких земель в руках Романа Мстиславича, последний не замедлил предъявить свои права на Киев: галицко-волынский князь после разорительной распри занял Киев, а Рюрика Ростиславича смоленского, державшего Киев, постриг в монахи. Галицко-волынский князь фактически завладел Киевской землей (1203).

По смерти Романа Мстиславича (1205) Рюрик Ростиславич занял Киев и держал его с перерывами до 1210 г. Непрочность политического положения Киева в значительной мере определялась борьбой между черниговским и владимиро-суздальским князьями. Черниговский князь Всеволод Святославич Чермный дважды занимал Киев. В 1210 г. Киев перешел вновь к Всеволоду Святославичу черниговскому [1].

Находясь в Киеве, Всеволод Святославич добился примирения с владимиро-суздальскими князьями [2]; кроме того, Всеволод находился в дружественных отношениях с волынскими Романовичами [3] и северскими Игоревичами, правившими в Галицкой земле. Но он был враждебен смоленским князьям. В 1212 г. он изгнал из киевской земли Мстислава Романовича смоленского и Владимира Рюриковича (они, вероятно, «держали» от его имени города в Поросье), обвинив их в причастности к казни Игоревичей в Галиче [4].

Тогда в поход на Киевское княжество отправились смоленские князья Ростиславичи, и Киев оказался в руках Мстислава Романовича смоленского, который [5] пробыл здесь с 1212 по 1223 г. Он враждовал с черниговскими и суздальскими князьями, что пагубно отразилось на положении русского войска во время битвы на Калке.

После битвы на Калке киевский стол занял Владимир Рюрикович смоленский, союзный Мстиславу Удалому, в ту пору князю галицкому, а позднее — Даниилу Романовичу волынскому. Владимир Рюрикович пробыл в Киеве до 1235 г., когда был изгнан черниговским князем Михаилом Всеволодовичем, передавшим Киев своему ставленнику князю смоленскому [6]. Вскоре Владимир Рюрикович вернулся в Киев, но вновь вмешавшийся в борьбу за юго-западную Русь Ярослав Всеволодович суздальский «взя Киев под Володимером» [7].

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 435; ср. т. VII, стр. 117

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 435.

[3] Там же, т. II, стб. 729.

[4] НПЛ, стр. 53.

[5] Там же, стр. 53; ср. ПСРЛ, т. VII, стр. 118

[6] НПЛ. стр. 138.

[7] Там же; ПСРЛ, т. II, стб. 777.

Суздальский князь не мог удержать Киев, его вытеснил Михаил черниговский[1] (1236). Но и Михаил недолго удержался здесь — в 1238 г. он бежал, опасаясь татар[2]. В этом году в Киев пришел Владимир Рюрикович[3], вскоре умерший. Его сменил Ростислав Мстиславич смоленский, но последнего изгнал Даниил Романович галицко-волынский, посадивший здесь с дружиной своего наместника боярина Дмитра (1240)[4].

Итак, с начала XIII в. Киевское княжество не могло представлять собой серьезной политической силы и являлось одним из объектов феодальной борьбы между владимиро-суздальскими, галицко-волынскими, а также черниговскими и смоленскими князьями.

Вся территория древнерусского государства разделилась на части, «тянувшие» к своим центрам, к центрам отдельных «самостоятельных полугосударств».

* * *

На севере лежала обширнейшая Новгородская земля — феодальная республика. Быстрое расширение Новгородской «области» началось в XI в.

В состав новгородской территории входила земля карел, обитавших на Корельском перешейке и на территории, охватывающей Ладожское озеро. Равным образом попала под власть Новгорода ижора, жившая к югу от побережья р. Невы. В таком же положении оказалась и водь, населявшая места, примыкавшие к Финскому заливу до района нижней Луги. Говоря о «всей Новгородской области», новгородский летописец упоминает не только новгородцев, ладожан и псковичей, но и карелу, ижору и водь.

Входившая в состав Новгородской республики Псковская земля — будущая Псковская феодальная республика — граничила с землями эстов и латышей к западу от Псковского озера и р. Великой; но власть Новгорода простиралась далеко за пределы Псковской земли на запад. Новгородцы ходили за данью до побережья Прибалтики; доходили до Варбола (в земле Харьюмаа); псковичи отправлялись за данью в землю латышей

На юге Новгородская республика граничила с Полоцким княжеством, охватывая территорию до верховьев р. Ловати, далее — со Смоленским княжеством и близко подходила к верховьям Волги. Здесь

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 777.
[2] Там же, стб. 782
[3] «Псковские летописи», вып. 1, стр. 12.
[4] ПСРЛ, т. II, стб 782.

владения республики соприкасались с Ростово-Суздальским княжеством.

Особняком лежали новгородские владения на Волоке-Ламском. Пограничными новгородскими «волостями» были Новоторжская волость и Бежецкий верх. Отсюда граница подымалась к северу.

В северо-восточном направлении в состав новгородских земель вошли территория, прилегавшая к р. Свири, где жила «весь», территория, охватывавшая озеро Онего и по р. Онеге, где начинались поселения заволоцкой чуди, территория по Ваге, Сухоне и Северной Двине и по побережью Белого моря. На севере новгородские владения вышли к «Студеному морю», т. е. Ледовитому океану; на Кольском полуострове прочной базой новгородцев служила Терская волость, или «Тре»; на Кольском полуострове и в Заонежье обитали саамы (лопь).

На северо-востоке крайними новгородскими «волостями» были «Печера» и «Перемь». Наконец, новгородские «даньщики» ходили на югру, населявшую склоны северной части Уральского хребта и места близ нижнего течения р. Оби.

Полоцкое княжество занимало среднее течение Западной Двины и соседнюю территорию. На западной окраине Полоцкого княжества поселения славян перемежались с поселениями Литвы. Власть полоцких князей распространялась также на ливов, населявших территорию по нижнему течению Западной Двины и побережью Балтийского моря, на куршей, живших по соседству с ливами на западе и на юге, и земгалов, обитавших к югу от нижнего течения Западной Двины. На побережье нижнего течения Западной Двины лежали две русские крепости, подчиненные Полоцку: Куконос и Ерсике[1].

На востоке Полоцкое княжество граничило с княжеством Смоленским, на юге — с Турово-Пинским, входившим продолжительное время в состав владений киевских великих князей, на севере — с владениями Новгородской республики. Витебск и Усвят перешли под власть Полоцка еще при Брячиславе (XI в.), и, таким образом, пролегавший здесь путь из Черного моря в Балтийское оказался под контролем полоцких князей.

Соседнее с Полоцким княжеством — Смоленское охватывало территорию по верхнему течению Днепра и простиралось от верховьев Волги и верховьев Западной Двины до верхнего течения р. Москвы (на востоке), до верхнего течения р. Сож и до верховьев р. Десны (на юге). Смоленское княжество было единственным из древнерусских земель, которое со всех сторон было окружено землями других древнерусских княжеств: с севера — Новгородской республики, с запада — Полоц-

---

[1] См. гл. 4, § 6 настоящего издания.

кого княжества, с востока — Ростово-Суздальского, с юга — Черниговского.

Основная часть Ростово-Суздальского княжества занимала междуречье Волги и Клязьмы. На севере Ростово-Суздальская «область» включала Белоозеро, до которого доходили поселения «веси», некоторую часть Заволочья, часть территории по р. Сухоне и район р. Кокшенги. На севере Ростово-Суздальское княжество граничило с землями Новгорода, на западе — Новгорода и Смоленска, на юге — Чернигова и Рязани, на юго-востоке — Мурома. На востоке с Ростово-Суздальским княжеством соседила черемиса, на юго-востоке — мордва; известен мордовский князь, считавшийся «ро́тником» (вассалом) владимирского князя.

Территории по среднему течению р. Оки и течению р. Прони входили в состав Рязанского княжества. По нижнему течению Оки (выше устья Клязьмы) простиралось княжество Муромское. Рязанское княжество соприкасалось с Ростово-Суздальским на северо-западе; к северу от Старой Рязани оно непосредственно не граничило с Ростово-Суздальскими землями. Граница с Черниговским княжеством проходила западнее устья р. Москвы, спускаясь к югу. На юге владения рязанских князей выходили в половецкое «поле». На востоке и юго-востоке с рязанскими землями соседила мордва, а на юге — половцы.

Черниговское княжество охватывало территорию по течению р. Десны, за исключением верхней части, по течению Сейма и Верхней Оке; на западе Черниговская «область» переходила за р. Днепр. Черниговское княжество граничило с землями Рязанского княжества на востоке, Ростово-Суздальского—на северо-востоке, Смоленского—на севере (на значительном протяжении), Киевского — на западе и Переяславского — на юге. На юго-востоке оно примыкало к лесостепной части половецкого «поля». В некоторых поселениях княжества были посажены защищавшие страну от «диких» кочевников бывшие кочевники, союзные русским.

Тмутаракань на Таманском полуострове была утрачена в XII в. киевскими и черниговскими князьями вследствие нашествий кочевников.

Переяславское княжество лежало по левой (восточной) стороне Днепра, прилегая с юга к княжеству Черниговскому, а с востока — к Киевскому, и включало территорию по притокам Днепра — Супою, Суле, на юге доходило до междуречья Сулы и Хорола, а на востоке, повидимому, до верховьев Северного Донца. На северо-востоке оно простиралось к югу от Посемья, а на юге выходило к половецкому «полю».

Галицко-Волынское княжество на востоке включало территорию по верхнему течению р. Стыря, а на западе — по Западному Бугу и

верховьям р. Вепря, притока Вислы, на юге —по течению Днестра и Прута, верховьям Сана с Вислоком. Галицко-Волынское княжество занимало склоны Карпат, распространяясь в Закарпатье. В состав Галицко-Волынского княжества входило также междуречье Серета и Прута и территория по нижнему течению Дуная. На севере власть галицко-волынских князей в начале XIII в. распространилась на Турово-Пинское княжество и на литовско-славянскую территорию до Немана. Галицко-Волынское княжество граничило с Польшей, Венгрией, а на юге — с Болгарией; часть степной, южной территории была занята печенегами и половцами.

Киевское княжество занимало территорию главным образом на западной (правой) стороне Днепра и в небольшой мере — на восточной. На юге пограничным районом служило Поросье (заселенные места по р. Роси). В устье Днепра лежало Олешье, подвластное киевским князьям. На западе Киевское княжество граничило с Галицко-Волынским и захватывало верхнее течение Южного Буга и р. Случ с притоками. Севернее в состав Киевской земли продолжительное время входило Турово-Пинское княжество (первоначально входила территория до Немана, населенная литовцами и славянами). Но в начале XIII в. Турово-Пинская земля перешла под власть князей галицко-волынских.

4

ФЕОДАЛЬНЫЕ КНЯЖЕСТВА И РЕСПУБЛИКИ XII—XIII ВВ.

а) Владимиро-Суздальское княжество

В Ростово-Суздальской земле исторически сложилось ядро будущего Русского централизованного государства, основой и инициатором которого была Москва.

Южные рубежи Ростово-Суздальской земли терялись в лесах, тянувшихся в междуречье Оки и Клязьмы. В районе нижнего течения Москвы-реки ростово-суздальская территория соприкасалась с рязанской, а к западу граничила с черниговской, к северу от Оки. С юго-запада Ростово-Суздальской земли начиналась территория земли Смоленской, захватывавшей верхнее течение рр. Москвы и Пахры. Далее к северо-западу ростово-суздальская территория подходила к новгородской Волоколамской волости, а затем на большом протяжении шли рубежи, отделявшие Новгородскую землю от Ростово-Суздальской. Рубеж пересекал нижнее течение рр. Тверцы, Медведицы и Мологи и, поднимаясь к северу, охватывал лесные пространства к северу от

Белого озера. Затем он спускался к югу, к верхнему течению р. Вологды, и шел на северо-восток, южнее р. Сухоны, и ниже Тотьмы пересекал Сухону. Здесь ростово-суздальская территория уходила в Заволочье, занимая богатые места по правым притокам р. Ваги. Северо-восточнее в пределы Ростово-Суздальской земли входил район устья р. Юга, впадающего в Сухону, а южнее — течение р. Унжи и течение Волги в районе Нижней Оки.

Дворянско-буржуазным историкам обычно представлялось, что в Ростово-Суздальской земле установился какой-то социально-политический строй, в корне отличный от Киевской земли. Ссылались при этом на особые географические условия, на этнический состав населения. Говорили, что Ростово-Суздальская земля выросла «на своем корню», отличном от земель южной Руси, что это был дикий край, не знавший порядков, знакомых югу, что колонизация края будто бы обусловила особенно демократический состав населения, и т. п.

Советская наука установила, что Ростово-Суздальская земля отнюдь не была диким краем, когда в г. Владимире-на-Клязьме летопись впервые упоминает великого князя. С развитием производительных сил там сложились отношения, в основе своей общие всем «землям» Восточно-Европейской равнины; очень рано, уже в XI в. на северо-востоке существовала местная землевладельческая знать, в половине XII и в XIII в. служилые феодалы являлись опорой возраставшей великокняжеской власти, использовавшей поддержку богатых горожан.

Летописец XI—XII вв. передает, что «перьвии насельници» на Белом озере «весь», а в Ростове «меря»[1] принадлежали к восточнофинским племенам. Но данные археологии свидетельствуют, что в IX—X вв., в связи с успехами в общественном развитии местного славянского населения, другие жившие здесь не славянские племена — весь, меря, мурома растворялись в его массе. Кроме того, население края пополнилось славянскими переселенцами, во-первых, с северо-запада, со стороны Новгородской области — новгородскими словенами; во-вторых, с запада, преимущественно с верховьев Волги — смоленскими кривичами. Юго-западную часть территории занимали вятичи.

Значительная часть территории княжества была покрыта лесными дебрями. Вниз по Волге славяне не продвинулись далее района Костромы, но распространились к югу, в междуречье Волги и Клязьмы. Здесь были богатые рыбные ловли (озера Неро, или Ростовское, Переяславское, или Клещино), соляные источники, бортные угодья и

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 20.

большие участки плодородной земли. Безлесное пространство представляла Опольщина[1], где тянулась полоса плодородной степи. Невдалеке от этого безлесного пространства, на берегу озера Неро, на водных путях с верхней Волги к р. Клязьме, вырос город, служивший оплотом славянской колонизации края. Это — Ростов, старейший город земли волости. На юге славянские поселения достигали Оки; к северу, по Шексне, славяне занимали лесные области, богатые пушниной. На юге в состав Ростово-Суздальской земли входил г. Муром, а на севере — г. Белоозеро.

Основным занятием населения, особенно в плодородной Опольщине, было земледелие. Из хлебов сеяли рожь, как свидетельствует летопись, например, под 1229 г.[2]; судя по актам, вывозили в Новгород лен и хмель. Остатки льняных одежд сохранились в славянских погребениях Ростово-Суздальской земли. В курганах находят серпы. Наряду с земледелием было развито скотоводство.

В описаниях феодальных войн второй половины XII в. в северо-восточном крае не раз говорится, что победители угоняли челядь и скот. Инвентарь погребений свидетельствует об овцеводстве (найдены ножницы для стрижки овец). Население занималось также рыболовством, бортничеством, бобровыми промыслами, солеварением. Охота как промысел сохранялась, вероятно, преимущественно на севере Ростово-Суздальской земли, откуда привозили пушнину, и в других лесных местах, особенно по окраинам. Наряду с городским ремеслом, производившим изделия высокого мастерства, было широко распространено ремесло сельское. В XII в. и в первых десятилетиях XIII в. во Владимире-на-Клязьме и некоторых других городах существовало многочисленное торгово-ремесленное население.

Обилие находимых в пределах Ростовского края монет и вещей восточного происхождения (VIII—XI вв.), а также западноевропейских монет (X—XI вв.) свидетельствует о торговых сношениях с Востоком по Волге и с Западом по системе рек, связывавших Ростовскую землю с Балтийским морем. Географические названия этой области показывают, что край со временем вошел в сношения с южными русскими землями. Здесь два Переяславля (Рязанский и Залесский), причем каждый из них, как и Переяславль южный, стоит на одноименных речках (Трубеж); есть здесь и города Стародуб, Звенигород, Галич, Вышгород, и речки Лыбедь (во Владимире и Рязани), Ирпень (приток Клязьмы).

---

[1] Пространство между Владимиром-на-Клязьме, Юрьевом-Польским и Переславлем-Залесским.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 451.

После образования древнерусского государства господство киевской знати распространилось на северо-восточную землю, откуда шла дань. Во второй половине XI в. началась христианизация края, который в церковном отношении находился (с перерывами) также в зависимости от Киева.

До второй половины XII в. сведения письменных источников о Ростовской земле скудны. Однако археологический материал говорит о старой культуре этого края.

Сохранившиеся летописи начинают интересоваться северо-востоком главным образом в связи с деятельностью здесь киевских князей, и поэтому нет ничего удивительного, что летописные известия вводят нас не в начальную историю края, а знакомят с обществом, уже имевшим длительную историю.

Общественный строй Ростово-Суздальской земли в основном носил черты, характерные и для других частей древней Руси. Община и здесь, несмотря на сопротивление крестьян, заметно осваивалась феодальной знатью. На захваченных у крестьян землях обосновались феодалы, светские и духовные, владения и политическое значение которых непрерывно росли.

Владимирский летописец свидетельствует, что в XII—XIII вв. «сильные бояре» творили «насилье», обижали «менших» и порабощали «сирот», т. е. крестьян[1]. Об этом же «порабощении» «сирот», в начале XIII в. говорил владимирский епископ Серапион[2]. Ответом на это были крестьянские движения. Из случайно уцелевших в летописных сводах известий мы узнаем о восстаниях, вспыхивавших на почве обострения классовых противоречий в связи с неурожаем и голодом и направленных против зажиточных слоев населения области. Летописный рассказ под 1071 г. указывает местопребывание некоторых «лучших» людей Ростово-Суздальской земли в погостах по Волге и Шексне и на их имущество (хлеб, мед, рыбу и «скору», т. е. меха). Это — указание на местную феодальную знать, владевшую землями и промысловыми угодьями[3]. Продолжавшееся наступление класса феодалов на крестьян наталкивалось (как и в XI в.) на новое сопротивление последних, вызывая вспышки восстаний, вроде восстания 1174 г., когда были разграблены дома посадников и тиунов.

Особенно сильное сеньориальное боярство сложилось в областях старейших городов края — Ростова и Суздаля, служивших оплотом феодальной власти. Вечевые решения старейшего города (Ростова),

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 437.
[2] *Е. В. Петухов.* Серапион Владимирский. СПб., 1888, стр. 9.
[3] ПСРЛ, т. II, стб. 164—165.

подсказанные ростовским и суздальским боярством, были по сути дела обязательными для других городов и всего княжества.

Благодаря расположению на выгодных торговых путях, вдали от постоянных опасностей со стороны степняков, край развивался экономически, создавались общественные силы, способные противопоставить себя боярству. Заметный рост производительных сил выразился здесь прежде всего в появлении новых городов и в экономическом и политическом усилении горожан. Число городов непрерывно росло. В XI в. упоминаются Ярославль и Белоозеро, в XII в. — Владимир, Москва (с 1147 г.), Кснятин, Юрьев-Польский, Дмитров, Молога, Углече-поле, Радилов, Городец. В XIII в. упоминаются Кострома, Унжа, Гороховец, Стародуб, Нижний-Новгород, Соль-Великая, Галич-Мерский, Устюг Великий, Зубцов и др.

Города играли весьма значительную роль в политической, классовой борьбе. «Младшие» города — Владимир-Залесский и Переяславль-Залесский—оказывали поддержку великокняжеской власти, выступавшей против сеньориальной боярской знати, связанной преимущественно со «старшими» городами Новые города энергично заявляли о своем существовании и начинали вызывать беспокойство старой ростово-суздальской знати. Полное пренебрежение к ремесленникам нового города сквозит в словах ростовского боярства, адресованных новому городу: «Володимерь е пригород нашь», «то суть наши холопи каменьници»[1].

Население посада и, вероятно, окрестные крестьяне искали себе защиты в укреплениях своего родного города. Они выступали против произвола и постоянных распрей старинной местной знати. С другой стороны, и князья суздальские в борьбе с местным крупным сеньориальным боярством опирались не только на рядовых феодалов, но использовали и силу горожан — купечества и ремесленников.

После смерти Ярослава Мудрого Ростово-Суздальская земля досталась его сыну Всеволоду (короткое время до этого она находилась под властью Святослава Ярославича черниговского). В 1068 г. Всеволод посылал сына своего Владимира (Мономаха) «к Ростову» через землю вятичей («сквозе вятиче»)[2]. Незадолго до своей смерти (1093) Всеволод направил в Ростовскую землю своих внуков, сыновей Мономаха — Мстислава и малолетнего Юрия. Судя по письму Мономаха к Олегу, они «сидели» там в 1096 г. и «ели дедовский хлеб»[3]. В 90-х годах XI в. Ростов считался волостью сыновей Мономаха, а Муром оставался

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 374, 378.
[2] Там же, стб. 247.
[3] Там же, стб. 254.

Поход Юрия Долгорукого на волжских болгар в 1120 г. Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

за сыном Святослава, Олегом. Сын Мономаха Изяслав без ведома отца пытался занять Муром, но был разбит Олегом и пал в битве. Олег в свою очередь обнаружил намерение захватить Ростовскую область, но был изгнан Мстиславом, выступившим из Новгорода. Мономах и отец его Всеволод владели, кроме Ростово-Суздальской земли, также Переяславлем южным и Смоленском. В свою четвертую поездку на северо-восток Владимир Мономах в 1108 г. заложил укрепление вокруг поселения, названного в его честь городом Владимиром; в окружности поселение имело около двух километров.

По смерти Мономаха Ростово-Суздальский край достался его сыну Юрию Долгорукому (умер в 1157 г.). Еще при жизни Мономаха Юрий предпринял поход на волжских болгар (1120), защищая от них северо-восточный край. Сидя в Ростовской земле, Юрий не сделался местным, областным князем в полном смысле этого слова. Он стремился на юг, к Киеву (впоследствии его стали называть «Долгая рука»). В 1134 г. Юрий взял у великого князя Ярополка Переяславль южный в обмен на Ростов и Суздаль и «прочюю» волость свою, но «не всю». Однако, потерпев неудачу на юге, он возвратился в Ростов. Столкновения Юрия с Новгородом были вызваны отчасти желанием князя, чтобы новгородцы действовали в его интересах. Оказывая давление на новгородцев, Юрий не раз захватывал Новый торг и прекращал подвоз поволжского хлеба с «Низу». В 1149 г. Юрий начал борьбу за Киев, двинулся на великого князя Изяслава и разбил его под Переяславлем. Заняв Киев, он рассадил своих

сыновей по южным городам, но Василька послал в Суздаль. Однако уже в 1150 г. Юрий принужден был оставить Киев и вернуться в Суздальскую землю. В последующие годы он упорно добивался киевского стола и, наконец, в 1155 г. вновь занял Киев.

Летописные известия свидетельствуют, что Юрий Долгорукий был не только князь — военачальник и администратор, но и деятельный князь-строитель; при нем был создан ряд памятников художественной и военной архитектуры. Были сооружены каменная церковь на Нерли, церковь Спаса в Суздале и каменная церковь Георгия во Владимире-Залесском; были построены на новом месте укрепления Переяславля-Залесского, а также церковь Спаса в Переяславле, причем, как говорит летопись, князь «исполни ю книгами». По приказу Юрия были заложены укрепления в Юрьеве и поставлен «град» (крепость) Дмитров на Яхроме. Наконец, с именем Юрия связано основание «града» Москвы.

Район Москвы некогда был заселен славянским племенем вятичей. Их поселения были разбросаны преимущественно по бассейну Оки и в северо-западном направлении захватывали течение Москвы-реки. Курганы вятичей находятся к северу от Москвы (в Митине, Тушине, Никольском, Болшеве, Пушкине), к западу (в Черневе, Ангеловке, Немчинове), к югу (в Дьякове, Царицыне, Чертанове) и к востоку (в Косине, Троицком и т. д.). Довольно много вятичских курганов раскопано на окраинах города, в современной городской черте Москвы. В этом-то заселенном районе уже при Юрии Долгоруком была основана Москва, которая в дальнейшем стала основой и инициатором образования Русского централизованного государства.

Летопись сообщает, что в 1147 г. Юрий пригласил сюда своего союзника князя Святослава Ольговича, здесь устроил прием ему и его дружине («и муже Святославле учреди») и дал «обед силен»[1].

Близ берега Москвы-реки, в нынешнем Зарядье, уже в X в. существовало поселение. В раскопках 1949—1950 гг. здесь в слоях этого времени найдены между прочим архаичные проколки, костяные наконечники стрел и иглы — вещи, характерные для древних славянских поселений. В слоях X—XIII вв. обнаружены хрустальные и сердоликовые бусы, восходящие к вятичскому племенному убору, весьма древние по форме ножи и свинцовые перстни-печати. Можно предполагать, что в XII—XIII вв. эта территория Зарядья вошла в состав городского поселения (Москвы), простиравшегося за пределами крепостных стен. Найденные здесь стеклянные браслеты и шиферные пряслица (грузики для веретен) характерны именно для городских

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 340.

поселений времени до монгольского нашествия. На территории, тянувшейся вдоль берега, открыты остатки металлургического, металлообрабатывающего и кожевенного производств.

Так как Москва находилась недалеко от границ Смоленского, Черниговского и Рязанского княжеств, она получала значение серьезного стратегического пункта. Здесь по распоряжению Юрия, как можно заключить из данных летописей, было поставлено укрепление (на устье Неглинной, выше Яузы). К самому укреплению подходили леса, о чем говорят сохранившиеся названия: Спас на бору, Боровицкие ворота в Кремле, Дебрь около б. Мясницкой, Дебрь на Полянке и многие другие. Крепость Юрия Долгорукого помещалась, видимо, на Боровицком холме, в юго-западной части нынешнего Кремля.

К половине XII в. в Ростово-Суздальской земле значительно выросло княжеское, боярское и церковное землевладение. При Юрии даже в Киеве упоминаются «суздальские» бояре. У боярина, поставленного из Киева Юрием Долгоруким на должность тысяцкого в Суздальскую землю, Георгия Симановича, были свои собственные бояре. Одновременно росли новые города; увеличивалось число ремесленников и торговцев. Город Владимир-Залесский настолько разросся, что Андрею Боголюбскому в 1158 г. пришлось возвести с юго-запада на значительном протяжении добавочный пояс укреплений.

Андрей Боголюбский, по рассказу летописи, принимал здесь и «гостя» из Царьграда, и гостей, приезжавших из «Русской земли», и «от иных стран» с Востока, и с «латинского» Запада («латинина», болгар)[1]. Сам он жил в 11 км от Владимира, где построил себе замок Боголюбов. Еще при жизни отца он считал Владимир своей «волостью», но вынужден был покинуть ее в связи с переходом своего отца, Юрия, на киевский стол. В 1155 г. Андрей, без ведома отца оставив Вышгород, направился в Суздальскую землю, где и стал княжить с 1157 г. После смерти Юрия он не поехал в Киев.

На северо-востоке феодалы и города нуждались в местной сильной княжеской власти. Андрей Боголюбский (1157—1179) не мог не учесть условий, сложившихся в Ростово-Суздальской земле, которые обеспечивали возможности роста княжеской власти именно здесь. Андрей не поехал в Киев даже после взятия города его войсками в 1169 г. Старший и самый могущественный князь утвердил свою столицу на северо-востоке — во Владимире. Он стремился упрочить свое положение на

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 591.

северо-востоке, чтобы добиться господства на Руси, и старался учредить во Владимире особую митрополию. Он вел успешную борьбу с местной феодальной знатью.

Отношение Андрея к южным князьям носило необычный для южной Руси того времени характер. Мстислав Ростиславич резко упрекал Андрея за то, что тот прислал к нему с приказанием «не акы ко князю, но акы к подручнику и просту человеку»[1]. Оставаясь на северо-востоке, Андрей распоряжался Киевом как хозяин. Упомянутый поход 1169 г., взятие и разгром Киева были вызваны стремлением князя Мстислава Изяславича удержать киевский стол и посадить своего сына в Новгороде против воли Андрея[2]. Южные князья должны были «ходить в воле» Андрея. Роман Ростиславич смоленский находился если не в зависимости, то под полным влиянием Андрея Боголюбского. Когда в 1173 г. владимирское войско шло на Киев мимо Смоленска, то Роман, по рассказу южной летописи, «нужею», т. е. неволей, отпустил с ними сына со смольнянами[3]; по повелению Андрея пошли также князья полоцкие, туровские, пинские, городенские.

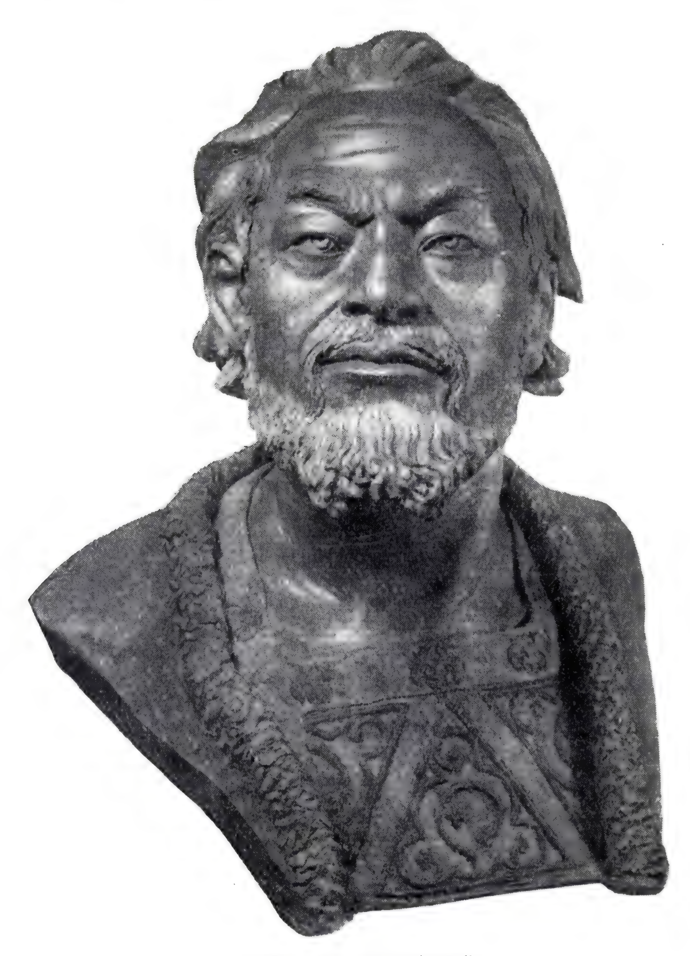
Новгородская феодальная республика получала «от руки» Андрея князя и даже посылала Андрею военную помощь. Избрание новгородцами князя Романа Мстиславича и последовавшее затем столкновение новгородцев с суздальской ратью из-за Заволочья, где новгородские феодалы соперничали с ростовскими, вызвали большой поход Андрея Боголюбского в 1170 г. на Новгород. Суздальское войско не смогло взять Новгород, но Андрей запер торговые пути, по которым шел в Новгород поволжский хлеб. В Новгороде начался голод, и новгородским боярам пришлось уступить и принять в князья ставленника Андрея[4].

Одной из основных задач политики владимирских князей была борьба с местными болгарами за волжский путь.

Во внутренних делах Ростово-Суздальской земли Андрей действовал так, что заслужил прозвище «самовластца». Самовластное поведение Андрея проявлялось в междукняжеских отношениях и в отношениях его к местному, ростово-суздальскому боярству. Владимиро-суздальский князь вел борьбу с сильными местными боярами-феодалами, опираясь не только на своих собственных бояр и дворян, но и на горожан. Он окружил себя большим военно-служилым «двором», включавшим уроженцев из других земель.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 573.
[2] См. стр. 313 настоящего издания.
[3] ПСРЛ, т. II, стб. 574.
[4] См. стр. 349 настоящего издания.

Андрей Боголюбский
Реконструкция М. М. Герасимова

Политика князя Андрея натолкнулась на сопротивление местной знати, которая, использовав измену верхушки княжеской «дворянской» дружины, устроила заговор во главе с Кучковичами, и князь был убит (1174). Тогда же вспыхнуло народное движение [1].

На короткое время полными господами положения в Ростово-Суздальской земле оказались ростовские и суздальские бояре. Съехавшись во Владимире, они, чтобы гарантировать себя от великокняжеского «самовластия», решили посадить на княжение не одного, а двух князей, остановив свой выбор на племянниках князя Андрея — Ростиславичах — Мстиславе и Ярополке.

---

[1] См. стр. 299 настоящего издания.

Горожане Владимира пытались посадить у себя брата Андрея—Михаила. Но ему пришлось покинуть пределы Владимирской земли. Ставленники ростовского и суздальского боярства вели себя во Владимирской земле, как в завоеванной стране, грабили население. Владимирцы обратились сначала с жалобой к ростовцам, но те, по вполне понятным мотивам, остались глухи. Тогда владимирцы поднялись против грабителей и пригласили князей Юрьевичей — Всеволода и Михаила. Борьба возобновилась. Ростовское и суздальское боярство пыталось снова посадить на княжение Мстислава Ростиславича, но он потерпел поражение от владимирцев и бежал в Рязань, откуда попробовал нанести Владимиру удар, но был разбит в битве на Колакше (1177). Переяславцы пошли заодно с владимирцами, и владимирцы остались победителями.

Михаил скоро умер, и в Ростово-Суздальской земле стал княжить Всеволод Юрьевич, по прозванию Большое Гнездо (1176—1212). У разбитых в феодальной войне пленных бояр были конфискованы села, кони, скот в пользу князя и его «двора»; тогда же торгово-ремесленные верхи Владимира, Переяславля, Ростова и некоторых других городов добились получения по «ряду» от великого князя льгот, охранявших их привилегии от покушений феодальной знати. За этим (в 1180 г.) последовал победоносный поход Всеволода на Рязань, союзную ростовскому и суздальскому боярству.

Боярский союзник князь Мстислав Ростиславич нашел радушный прием у тех новгородских бояр, которые внимательно следили за событиями в Суздальской земле и не скрывали своей солидарности с врагами великокняжеской власти. Это послужило одной из причин столкновения Всеволода с новгородским боярством, в результате которого князь получил возможность распоряжаться в Новгороде. Успеху владимирского князя способствовали те слои новгородского боярства и купечества, интересы которых связывались с «Низовской землей». Опираясь на них, Всеволод ставил в Новгород князей и посадников. Киев тоже должен был признать власть владимирского князя. Далекие галицкие князья искали у него поддержки. Германский император Фридрих Барбаросса принял участие в судьбе бежавшего к нему князя галицкого, Владимира Ярославича, только потому, что он был племянником Всеволода.

В отношении боярства Всеволод продолжал политику Андрея Боголюбского. Владимирский летописец ставит Всеволоду в заслугу, что он судил «не обвинуяся лица сильных своих бояр, обидящих менших, и роботящих сироты и насилье творящим»[1]. Княжеский летописец,

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 437.

описавший убийство Андрея и последовавшие события, высказал свое отношение к власти: «Естеством бо земным подобен есть всякому человеку царь, властью же сана яко бог... князь бо не туне мечь носить, божии бо слуга есть» [1]. Сочувствие княжеской власти и отрицательное отношение к притязаниям феодальной знати отмечены и в других памятниках общественно-политической мысли северо-восточной Руси.

На этих позициях стоял известный публицист XII в. Даниил Заточник, принадлежавший к служилым феодалам — «дворянам», «милостникам». В своем «Послании» к князю он просил принять его на службу в число советников, «думцев». Даниил Заточник резко отрицательно относился к боярству[2].

Слова Заточника отражали усиливавшееся значение княжеских слуг — «дворян», как их стали называть с XII в. В столкновении со старшим сыном Константином, который поддерживал стремление ростовского боярства подчинить Ростову Владимир, Всеволод Большое Гнездо искал помощи именно у этого слоя своих вассалов, а также у горожан.

Всеволод Большое Гнездо — крупнейшая политическая фигура на Руси конца XII и начала XIII в. Таким его считали и современники.

Автор «Слова о полку Игореве» обратился к нему:

«Великый княже Всеволоде!
Не мыслию ти прелетети издалеча,
отня злата стола поблюсти?
Ты бо можеши Волгу веслы раскропити,
а Дон шеломы выльяти!
Аже бы ты был,
то была бы чага (раба, пленница.— *Ред.*) по ногате,
а кощей (раб, пленник.— *Ред.*) по резане[3].
Ты бо можеши посуху
живыми шереширы[4] стреляти,
удалыми сыны Глебовы»[5].

Автор «Слова о полку Игореве» знал, что владимирский князь претендовал на роль правителя и защитника южной Руси.

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 370; т. II, стб. 592—593.

[2] «Памятники древнерусской литературы», вып. 3, Л., 1932, стр. 60, 66.

[3] *Ногата* и *резана* — мелкие денежные единицы.

[4] *Шерешир* — стрела.

[5] «Слово о полку Игореве», стр. 21—22. («Сыны Глебовы» — рязанские князья, подвластные Всеволоду).

Владимирское княжество времени княжения Всеволода характеризуется значительным экономическим и политическим подъемом. Оно расширилось территориально главным образом на восток, где шла борьба за волжский и волжско-камский торговый путь. Об этой борьбе в летописях сохранились отрывочные сообщения. К 1183 г. относится осада «Великого града болгарского», стоявшего на месте нынешнего Билярска, на р. Черемшане. В 1205 г., по известию, сохранившемуся в Никоновской летописи, владимирским князем посылалась «рать судовая» на болгар камских и волжских. В 1220 г., уже при преемниках Всеволода, пал г. Ошел на Волге. Главные силы двигались Волгой через Городец, причем местом сбора (владимиро-переяславо-ростовских и муромских сил) было устье Оки. Устюжане же шли «на верх Камы», т. е., очевидно, с Северной Двины.

Владимирские князья приходили в соприкосновение и с мордвой. Мордовские племена занимали пространство от устья Оки до верховьев Суры, Вороны и Цны. Самыми многочисленными мордовскими племенами были эрзя и мокша. Источники называют соседнее и, повидимому, родственное мордве племя буртасов. Мордовские племена в бассейне Волги занимались охотой, скотоводством, бортничеством и земледелием.

Волга была главным путем сношений Руси с прикаспийскими землями. Торговое значение имели не только пути к Оке и вверх по Волге, но и древние торговые пути с Камы на север. О торговле г. Владимира с «Великим градом болгарским» и другими городами свидетельствует летописное известие под 1229 г. В первой половине XII в. лежавший близ устья Волги г. Саксин (впервые упоминаемый у авторов XII в.) приобрел крупное значение для торговли. В это время установился торговый путь из северо-восточной Руси через устье Волги в Хорезм.

Во второй половине XII в. существовали связи северо-восточной Руси и с Закавказьем. Известен брак сына Андрея Боголюбского, Юрия, изгнанного его дядей Всеволодом, с грузинской царицей Тамарой. Грузинские летописцы писали о могуществе великого князя владимирского, «которому повинуются 300 царей»[1].

Всеволод еще при жизни назначил своим преемником на владимирское княжение своего старшего сына Константина. Но Константин, сидевший тогда в Ростове, будучи тесно связан с ростовским боярством, отказался уступить Ростов брату Юрию. Вместе с ростовским боярством Константин хотел восстановить «старину» и, сделав центром Ростов, присоединить к нему в качестве пригорода Владимир. В 1211 г. Констан-

---

[1] См. гл. 4, § 2 настоящего издания.

тин отказался явиться во Владимир, где Всеволод предполагал обсудить вопрос о распределении земель между своими сыновьями. Тогда Всеволод распорядился иначе: Владимир он дал Юрию и «по себе... приказа же ему и братью свою»[1], т. е. сделал его старейшим. Решение это было принято после совещания с боярами, купцами, дворянами, епископом и «всеми людьми». Всеволод заставил их всех присягнуть на верность Юрию.

В то время, несмотря на значительное развитие производительных сил, еще не сложились экономические условия для прочного объединения раздробленных земель. Обычно смерть князей вызывала феодальные усобицы.

Как только умер Всеволод, началась борьба между братьями, в которую был втянут в качестве союзника Константина новгородский и торопецкий князь Мстислав Удалой. Заодно с Юрием действовал брат его Ярослав, князь Переяславля, приглашенный в Новгород в 1215 г. и затем оттуда изгнанный. Победа при р. Липице в 1216 г. решила дело в пользу Константина, но не дала ему всего того, на что он рассчитывал[2]. Он стал старейшим князем, но должен был сесть во Владимире, а присоединить Владимир к Ростову ему не удалось. Побежденному Юрию Константин дал сначала городок Радилов, а потом (1217) перевел в Суздаль; другого брата, Владимира, посадил в Стародубе; Ярослав попрежнему оставался в Переяславле-Залесском.

В 1218 г. умер Константин и его преемником на владимирском столе стал Юрий (1218—1238). Ему удалось восстановить прежнее значение Владимирского княжества. В 1229 г. он созвал в Суздале съезд подвластных князей с целью устранить «все нелюбье межю собою». Князья признали Юрия «отцом собе и господином»[3] и присягнули ему.

Укрепил Юрий и положение княжества на востоке: в 1220 г. он победоносно ходил на камских болгар, которые вынуждены были заключить с Юрием мир, «яко же было при отце его Всеволоде»[4]; в область, населенную мордвой, было организовано несколько походов (1226, 1228, 1229, 1232).

Укрепляя свое положение в Поволжье и в бассейне Оки, Юрий в 1221 г. поставил город Нижний-Новгород, основание которого имело большое прогрессивное значение в истории мордвы. Юрию удалось отчасти восстановить и влияние на Новгород Великий.

В условиях феодальной раздробленности северо-восточные князья

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 117.

[2] См. стр. 352 настоящего издания.

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 452.

[4] Там же, т. VII, стр. 128.

стали претендовать на общерусскую власть. В XII и в первой половине XIII в. развернулась борьба за политическое преобладание на Руси. В источниках красной нитью проходит соперничество между двумя сильнейшими княжествами—Черниговским и Владимиро-Суздальским. Всеволод распространил свою власть на Киев и сферу своего влияния на Великий Новгород. Он достиг успехов в борьбе с черниговскими князьями за влияние в Рязани, Смоленске и Витебске. Перед нашествием монголов Михаил черниговский вокняжился в Галиче и посадил в Киеве Изяслава; Киев стал объектом борьбы между Изяславом и Владимиром смоленскими. Тогда Ярослав суздальский, князь Переяславля-Залесского, в 1236 г. двинулся на юг, оставив в Великом Новгороде сына Александра (впоследствии — Невского), и занял киевский стол. Нашествие татар нанесло тяжелый удар экономике Владимирского княжества и серьезно подорвало его политическое значение.

б) Новгородская феодальная республика

Основное ядро Новгородской земли сложилось на территории, расположенной в бассейне озера Ильменя и по течениям рр. Волхова, Ловати, Мсты и Мологи. Крайним северным новгородским пунктом была Ладога, расположенная недалеко от впадения Волхова в Ладожское озеро. Обладая сильной крепостью, Ладога являлась крупным стратегическим опорным пунктом, прикрывавшим Новгород с севера и служившим опорным центром властвования новгородских бояр в земле карел и финнов (еми).

На западе важнейшими городами были Псков и Изборск. Псков являлся значительным торговым и ремесленным центром, а также административным центром обширной и плодородной Псковской земли. Он был крупнейшим из новгородских пригородов и с течением времени завоевал значительную самостоятельность. Опорным пунктом славянской колонизации, шедшей из Новгородской земли, служил расположенный на далеком северо-востоке, в стране древней веси, г. Белоозеро на Шексне, входивший в состав Ростово-Суздальского княжества. К югу от Новгорода находилась Старая Руса — один из древнейших славянских городов. Самым южным новгородским пригородом были Великие Луки (по летописи — Луки), стоящие на верхнем течении Ловати. Позже других городов возник Торжок, или Новый торг — важный центр новгородско-суздальской торговли, стоявший на пути из Новгорода к Волге.

Основой экономической жизни Новгородской феодальной республики являлось сельское хозяйство, в первую очередь земледелие. Массу населения Новгородской земли составляли крестьяне.

Главным занятием новгородского крестьянина было хлебопашество. В XI—XII вв. в земледелии преобладала паровая зерновая система, оформившаяся в виде двух- и трехполья. Но на севере Новгородской земли не утратили своего значения и подсечная система, а также переходные формы паровой — залежно-паровая, пестрополье. Несмотря на развитые формы земледелия, оно не могло удовлетворить основные потребности населения республики. Почвенные и климатические условия не благоприятствовали земледелию: зачастую хлебные всходы погибали то от мороза, то от обилия воды, сгнивая на корню. Процветали различные промыслы: охота за пушным и морским зверем, рыбная ловля, добывание соли в Старой Русе, на Вычегде и на побережье Белого моря, а в южных местностях — бортничество. Одним из промысловых занятий сельского населения Вотской пятины было добывание железа, которым снабжались многочисленные новгородские ремесленники.

Основную часть господствующего класса в Новгороде составляли бояре. Крупным феодальным землевладельцем являлось также духовенство. Церковно-монастырское землевладение в Новгороде достигло больших размеров. Особенностью Новгородской земли было развитие купеческого землевладения.

В хозяйственной структуре и методах эксплуатации непосредственных производителей между боярскими, монастырскими и купеческими вотчинами не существовало принципиальной разницы. Повсюду основной формой эксплуатации зависимого крестьянства служила оброчная система. Наличие собственного владельческого хозяйства для новгородской земли не было характерно. Барская запашка была невелика, и работали на ней преимущественно холопы.

В XII—XIII вв. новгородские феодалы стремились юридически прикрепить крестьян к земле, ограничить крестьянские переходы. В договорах новгородского боярского правительства с суздальскими князьями имеются статьи о взаимном обязательстве не принимать смердов, которые уходили со старых мест и «закладывались» за новых владельцев. Стеснение переходов в первую очередь касалось должников, «половников» и «поручников». Эти категории крестьянства уже к XIII в. потеряли право ухода от владельца. Их уход от владельца расценивался как бегство. Беглые должники, «поручники» и «половники», как и холопы, выдавались владельцу без суда[1].

Из массы новгородского крестьянства к концу XIII в. выделялись «давные люди», сходные по своему положению со старожильцами северо-восточной Руси[2].

---

[1] ГВНиП, № 1, стр. 9—10; № 2, стр. 10—11; № 3, стр. 12—13; № 4, стр. 12—14 и др.

[2] Там же, № 4, стр. 14.

В новгородских окраинных «волостях» еще в значительной мере сохранялось «черное» (государственное) крестьянское землевладение. Освоение новгородскими феодалами общинных земель новгородских переселенцев и местного крестьянства в Водской земле, Обонежье, Подвинье и Поморье только что начиналось.

Новгородская республика включала в свой состав обширные земли, населенные неславянами — водью, ижорой, карелой, чудью и др.

Водь жила у берегов Финского залива. Ко второй половине XII в. область этого племени не только целиком вошла в состав новгородских владений, но и сложилась в отдельную административную единицу — Водскую землю с центром в г. Копорье. Такой же была судьба ижоры.

Карелия издавна входила в состав Новгородской Руси. Очень сильны были торговые связи Приладожья и Обонежья с Новгородом. В начале XII в. (согласно уставу Святослава 1137 г.) здесь начался захват земель новгородским князем. Во второй половине XIII в. Карельская земля выделяется как административная единица в составе Новгородской боярской республики. Водь и карелы участвовали в борьбе Новгорода с агрессией Швеции[1].

Значительные интересы имел Новгород в землях эстов, латгалов, финнов (емь), часть территории которых платила дань Новгороду. Основным центром новгородского управления в этих землях был г. Юрьев. Однако не только даннические отношения связывали Новгород с Прибалтикой. Связи были глубже и разностороннее. Они возникли еще в начале существования Новгорода и выражались в экономическом и культурном влиянии Руси на Прибалтику и в значительной военной помощи народам Прибалтики в их борьбе с иноземными захватчиками[2].

Отличительной чертой этого пояса земель, лежавших на западных и северо-западных границах Новгородской земли, являлось значительное число государственных владений, часто отдававшихся в «кормление» князьям для организации обороны этих пограничных областей. Наряду с новгородскими феодалами в этом крае большую силу приобрела местная феодальная знать.

Эксплуатация латгалов, эстов и карел до XIII в. происходила на основе дани, собираемой по погостам. Установлению дружественных отношений Новгородской феодальной республики с неславянским населением Прибалтики и Карелии способствовала социальная сущность

---

[1] См. гл. 4, § 6 настоящего издания.

[2] См. там же.

новгородской колонизации, которая в XII—XIII вв. выступала в основном как народная и крестьянская. Отношения Новгорода Великого с карелами, эстами, латгалами, емью были обусловлены также общностью политических интересов, насущными нуждами борьбы против общего врага — немецких и шведских феодалов.

Подобные же отношения сложились в некоторых других окраинных новгородских волостях. Движение новгородцев на северо-восток восходит к давним временам. Рассказ Гюряты Роговича о поездке его «отроков» на Печору к Югре относится к концу XI или к началу XII в.

Югорская земля лежала по обе стороны северных Уральских гор. Дань с этой земли собиралась мехами и серебром[1]. В уставе Святослава Ольговича (1137) в числе новгородских земель упомянута волость Тре[2].

В XII в. новгородская власть прочно утвердилась в Заволочье. Так называлась страна, расположенная за волоком между Белым и Кубенским озерами. Вначале Заволочьем обозначались все новгородские владения, лежавшие за волоком к северо-востоку от Новгорода. Впоследствии это название применялось главным образом к району Онеги и Северной Двины. Первоначально управление этим краем осуществлялось с помощью ежегодно направляемых вооруженных экспедиций для сбора дани. Но в XII в. здесь уже имелась гражданская администрация.

Иной порядок управления существовал в Перми, Печоре, Югре и Тре, где не было системы управления в форме погостов. В этих отдаленных новгородских владениях даннические отношения сохранялись до конца новгородской самостоятельности. Новгородские летописи XIV в. не раз сообщают об экспедициях на север и северо-восток, которые снаряжались новгородскими боярами. Целью экспедиций был захват земель и продуктов охоты у покоренных народов. Участники этих экспедиций назывались «ушкуйниками» (от слова «ушкуй» — лодка). В результате таких набегов и в отдаленных «волостях» образовались обширные земельные владения бояр, которые и здесь эксплуатировали зависимых смердов и холопов, но в целом распространение власти Новгородской Руси на земли народов Севера имело прогрессивное значение. Маркс подчеркивал: «Его (Новгорода.— *Ред.*) жители сквозь дремучие леса проложили себе путь *в Сибирь*; неизмеримые пространства между *Ладожским озером*,

---

[1] НПЛ, стр. 40.

[2] Тре — Терский берег Кольского полуострова.

Белым морем, Новой Землей и *Онегой* были ими несколько цивилизованы и обращены в христианство»[1].

Центром Новгородской земли был один из крупнейших русских городов — Великий Новгород. По легенде основание Новгорода относится к 864 г. Но «Повесть временных лет» содержит древнее, гораздо более вероятное известие: «словени же седоша около езера Илмеря и прозвашася своим имянем и сделаша град и нарекоша и Новгород»[2]. Очевидно, Новгород был сначала племенным центром словен, так же как Псков — кривичей. Существование Новгорода в IX в. не подлежит никакому сомнению. К концу X в. вокруг новгородского кремля уже сложился крупный торгово-ремесленный посад.

В XI в. Новгород разросся по обе стороны Волхова и был обнесен внешней оборонительной стеной. К XII в. определилась основная городская территория Новгорода. Рекой Волховом Новгород разделен на две стороны: правую (по восточному берегу) — Торговую и левую (по западному берегу) — Софийскую. Торговая сторона состояла из двух концов — Плотницкого и Славенского, Софийская из трех — Неревского, Загородского и Гончарского (или Людина).

Новгород был одним из крупнейших торгово-ремесленных центров Восточной Европы. Искусные кузнецы, ювелиры, кожевники и другие мастера работали не только на внутригородской рынок, но и на широкую округу и на вывоз за пределы Новгородской земли. Из названий пяти концов (районов, на которые делился Новгород) два сохранили указание на свое ремесленное происхождение: Гончарский и Плотницкий концы. Гончары и плотники, вероятно, составляли значительный слой городского населения. Память о ремесленных районах сохранилась в названиях некоторых новгородских улиц (Молотковской, Щитной и др.). В XIII в. в летописях среди воинов городского ополчения упомянуты щитники, кожевники, серебряники, котельники, гвоздочники.

Цеховая корпорация являлась основной формой организации ремесла в средние века[3]. Новгородские ремесленники были объединены, подобно ремесленникам других средневековых городов, в корпорации и работали не только на заказ, но и на рынок. Видимо, уже в это время существовали зачатки ученичества и регулирования производства. Ремесленники играли значительную роль в общественной жизни города. Во время восстания 1228 г. один из ремесленников, Микифор щитник, назван в летописи, наряду с боярином,

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 156.

[2] ПВЛ, ч. I, стр. 11. После этих слов в некоторых поздних летописях читается: «и посадиша старейшину Гостомысла».

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т IV, стр. 41.

Новгородские ушкуйники на Волге. Миниатюра
из Лицевого летописного свода, XVI в.

как представитель новгородского правительства при архиепископе[1]. Новгородские ремесленники составляли основную часть ополчения. Среди погибших в битвах названы Антон котельник и Иванко Прибытников опоньник (1216), Гаврила щитник и Нежила серебряник (1234), а также Нездила сын кожевника (1240). Упоминание о них в летописи свидетельствует, что они были известными и влиятельными в Новгороде людьми. Но таких ремесленников были единицы. Масса же их вместе с другими «черными людьми» составляла новгородскую бедноту.

Рост общественного разделения труда, высокое развитие ремесла привели к развитию внутренней и внешней торговли. Ее расцвету способствовало выгодное географическое положение Новгорода на важнейших торговых путях Восточной Европы.

В X—XII вв. по Ловати и Днепру Новгород вел торговлю с Киевом и Византией. Этим же путем через Новгород в Византию отправлялись скандинавские купцы и воины. Однако в литературе обычно преувеличивается значение так называемого «великого водного пути» из Балтийского моря в Черное, на северном конце которого находился Новгород. На самом деле весь этот путь проходился очень редко. Непосредственные торговые сношения между Скандинавией и Византией были весьма ограничены.

Гораздо большее значение имела посредническая торговля Новгорода, связывавшая западные государства с Востоком. Новгородские купцы были частыми гостями на острове Готланд — важном торговом пункте Балтийского моря. В г. Висби находился гостиный двор новгородцев. Из летописи известно о торговле Новгорода с Данией. Со второй половины XII в. начинается торговля Новгорода с ганзейскими городами.

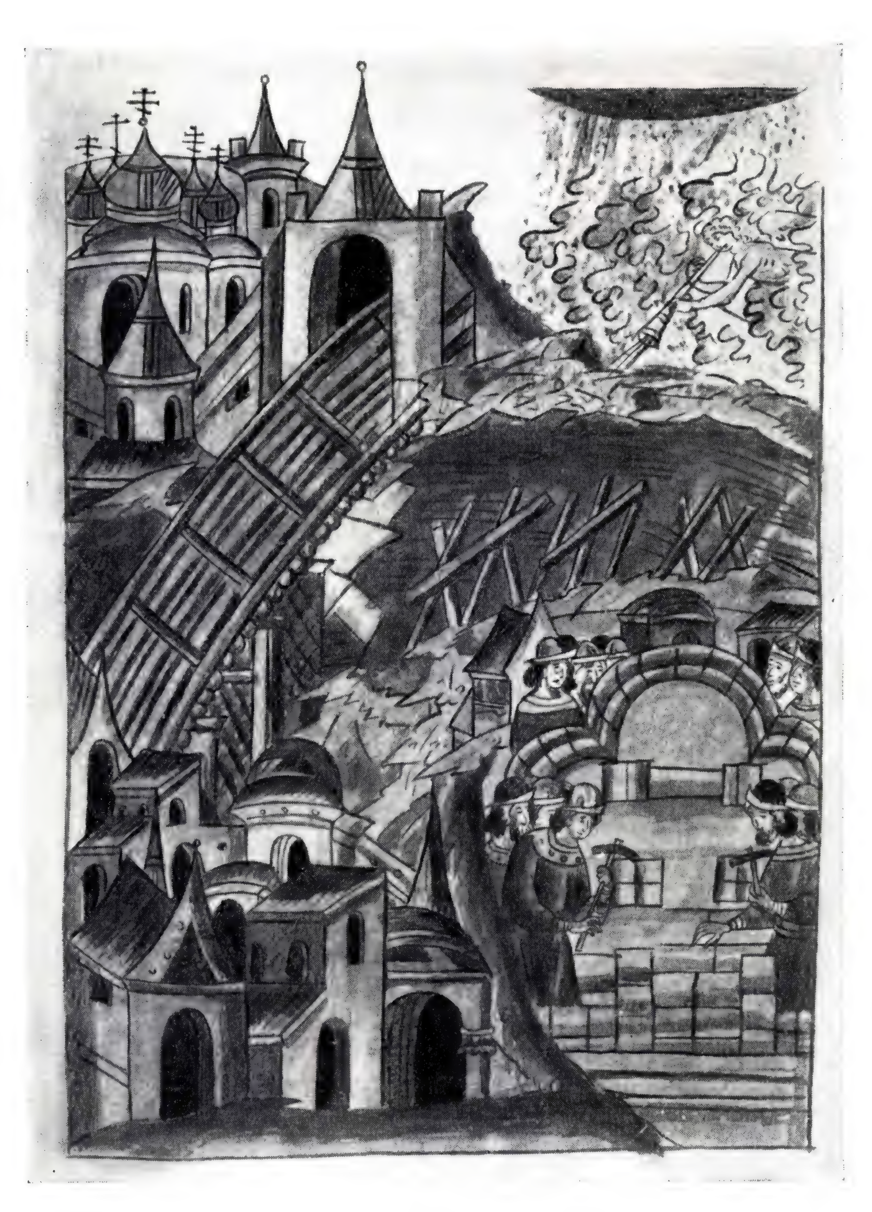
В XII в. в Новгороде существовали два иноземных торговых двора — готский и немецкий. В конце XII в. появились договоры, которыми определялись взаимные отношения новгородских и иноземных купцов[2].

Новгород поставлял в Западную Европу разнообразные товары, в том числе и главным образом сельскохозяйственные продукты, шедшие как из Новгородской земли, так и из других русских земель. Русский экспорт составляли преимущественно меха, воск, лен, пенька, сало, ремесленные изделия, моржовые клыки и тюлений жир. У западноевропейских купцов новгородцы в основном покупали предметы роскоши, сукна, вина, пряности.

Несмотря на всю важность транзитной и внешней торговли, она не изменяла натурального характера хозяйства Новгорода Великого

[1] См. гл. 5, § 6 настоящего издания.

[2] ГВНиП, № 28, стр. 55.

Новгородские ремесленники. — Постройка каменного здания.
Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

Первостепенное значение для новгородской экономики имела торговля внутри Новгородской республики и торговая связь Новгорода с Северо-восточной Русью.

Начиная с первой половины XII в. и на протяжении всего XIII в. в летописи сохранились сведения, характеризующие новгородскую торговлю, в частности продажу сельскохозяйственных продуктов. Кроме главного продукта — ржи, в городе на торгу продавались овес, пшеница, пшено, печеный хлеб, мясо, рыба, соль, мед, репа и т. д.[1]

Цены на рынке колебались в зависимости от урожая. В неурожайные годы, когда мороз губил яровое или стояло засушливое лето, цены на новгородском рынке резко поднимались. Особенно большую «дороговь» летопись отмечает под 1127, 1151, 1167, 1170, 1230 гг.[2]

Зависимость цен на продукты от местного урожая свидетельствует о местном привозе на новгородский торг. Особенно показательно в этом отношении сообщение летописи под 1215 г. Неурожай поразил только новгородскую территорию, не затронув соседние. Летописец отметил, что в то время как в Новгороде «поби мраз обилье по волости», даже «на Торожку все чело (цело. — *Ред.*) бысть», однако цены на рожь, овес и репу поднялись в несколько раз[3].

На связь новгородского рынка с округой указывает и характер продававшихся на городском торгу продуктов. Репа и рыба не могли привозиться издалека. Под Новгородом с ранних пор были развиты садоводство, огородничество и рыболовство.

Неоднократные упоминания летописца о продаже на торгу печеного хлеба свидетельствуют о многочисленном посадском населении в городе, оторвавшемся от занятий сельским хозяйством, о серьезных сдвигах в процессе разделения труда между городом и деревней.

Однако было бы ошибочно преувеличивать емкость рынка в Новгороде в это время. Привоз на рынок был рассчитан на определенное число потребителей. Непредвиденное увеличение спроса поднимало цены на торгу. Когда в 1228 г. князь Ярослав остановился в Новгороде с переяславскими полками, которые он вел в поход на Ригу, то «вздорожиша все по торгу: и хлеб, и мяса, и рыбы; и оттоле ста дороговь»[4].

Рост общественного разделения труда вел к расширению торговли за пределы ближайшей округи. «Ближайшим распространением разделения труда было обособление производства от обращения, образование особого класса купцов... С сосредоточением сношений в руках особого

---

[1] НПЛ, стр. 33, 39, 54, 66, 69, 72 и др.

[2] Там же, стр. 33, 69, 206.

[3] Там же, стр. 54.

[4] Там же, стр. 66

класса и с расширением торговли благодаря купцам за пределы ближайших окрестностей города тотчас возникает и взаимодействие между производством и обращением»[1]. В XII—XIII вв. торговля в Новгороде получила дальнейшее развитие.

Новгород Великий вырос в центр большой округи. Летопись содержит многочисленные сведения о посещении новгородскими купцами различных городов и мест Новгородской земли и о местном купечестве в новгородских пригородах.

О поездках купцов по новгородской волости можно сделать вывод из сообщения летописи под 1240 г.: вторгшиеся немецкие захватчики хозяйничали тогда в некоторых новгородских волостях, «гость биюче»[2].

Можно предполагать, что в Новгороде существовали группы купцов, которые специализировались на торговле с определенными местностями Новгородской земли. В 1283 г. Невой в Ладожское озеро пришли немцы «и избиша новгородцов обонижскых купець»[3]. Купцы из Ладоги, Русы, Торжка и других новгородских пригородов не называются новгородцами. Повидимому, в «новгородских обонежских купцах» следует видеть купцов из самого Великого Новгорода, которые вели постоянную торговлю с Обонежьем. «Обонижскых купець» встречаем на Ладоге еще раз в летописи под 1317 г.[4] Имеются сведения, правда, несколько более поздние (1337), о новгородских и ладожских купцах, торговавших в Карелии[5].

В ближайшем к Новгороду пригороде Русе уже в XIII в. были значительный посад и торг. Из среды городского населения выделились местные купцы и гости[6]. О прочности торговых связей Новгорода с Русой можно судить по известию о постройке в Русе в 1403 г. новгородскими купцами-прасолами каменной церкви Бориса и Глеба[7]. Руса снабжала солью не только Новгородскую землю, но и другие русские города. Тверские князья стремились приобрести льготы для торговли своих купцов в Русе[8].

У Новгородской земли установились прочные торговые связи с Ростово-Суздальской и другими русскими землями. Главными предметами торговли Новгорода на Руси являлись хлеб, соль, лен, хмель, а также товары, приобретенные от ганзейских купцов[9]. Перебои

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IV, стр. 43.
[2] НПЛ, стр. 78.
[3] Там же, стр. 325.
[4] Там же, стр. 95.
[5] Там же, стр. 348
[6] Там же, стр. 283.
[7] Там же, стр. 397.
[8] ГВНиП, № 20, стр. 37.
[9] Там же, № 1, стр. 10; № 2, стр. 11; № 3, стр. 12; НПЛ, стр. 72.

в хлебной торговле были тяжелым бедствием для городского населения. В 1170 г. одной из причин, заставивших новгородцев подчиниться Андрею Боголюбскому, было прекращение подвоза низовского хлеба[1].

Очень красноречивы события неурожайного 1178 г. Против воли великого князя владимирского новгородцы посадили у себя на столе Ярополка Ростиславича, но, по выражению летописца, «зая Всеволод гость новгородьскый и показаша новгородьци путь Ярополку»[2]. Во время неурожаев Новгороду приходилось мириться с суздальскими князьями. Так, в голодном 1187 г. «выгнаша новгородьци князя Мстислава Давидовиця и послаша к Всеволоду Володимирю по Ярослава Владимириця»[3]. Во время голода 1215 г. князь Ярослав Всеволодович занял Торжок — главный пункт на пути из северо-восточной Руси в Новгород, захватив в нем, по сообщению летописи, 2000 новгородских купцов и не пуская в Новгород обозов с товарами. Тогда рожь на новгородском торгу поднялась в цене более чем в десять раз[4].

По поводу распри Новгорода Великого с костромским князем Василием, когда костромские полки заняли Торжок и ряд новгородских волостей (1272), в летописи имеется запись: «А в Новегороде бысть хлеб дорог, и у гостебников по Низовьской земли товар отъимаша»[5]. Несомненно, что оба факта стоят в прямой связи. В 1282 г., во время феодальной усобицы, главные дороги к Новгороду переходили из рук в руки, и «в Новегороде бяше хлеб дорог»[6].

О размахе новгородской торговли в других русских землях можно судить по случайной пометке летописца о посещении новгородскими купцами и гостями Переяславля. Летопись сообщает, что в 1215 г. в Переяславль «зашли гостьбою» 150 новгородцев и 15 смольнян — торговых людей[7]. Переяславль, Чернигов, Кострома, Владимир, Смоленск и многие другие города находились в орбите новгородской торговли.

Выработались и определенные условия торговли между разными княжествами и городами Русской земли. Самые ранние из дошедших до нас договорных грамот Новгородской республики с тверскими великими князьями Ярославом Ярославичем (60—70-е годы XIII в.) и Михаилом Ярославичем (90-е годы XIII — начало XIV в.) содержат статьи о регламентации сбора пошлин на местах («имати по 2 векшии от лодье,... и от хмелна короба и от лняна»), о беспрепятственном

---

[1] НПЛ, стр. 33.
[2] Там же, стр. 36.
[3] Там же, стр. 38—39.
[4] Там же, стр. 54.
[5] Там же, стр. 322.
[6] Там же, стр. 325.
[7] ПСРЛ, т. XXV, стр. 114.

проезде новгородских купцов по городам Суздальской земли («А гости нашему по Суздальской земли безъ рубежа»). В междукняжеских договорах всегда встречается статья: «у купцев повозов не имати, разве ратной вести». Новгородское правительство требовало от суздальских и тверских князей, чтобы те не перезывали в свое княжение новгородских купцов, обязанных «тянуть в свое сто». В договорах оговариваются специальные случаи, когда новгородские купцы бывали задержаны в суздальских городах. Например, в договоре 1270 г. говорится о задержании новгородских купцов «в Костроме и по иным городом». Все это свидетельствует о том, что торговые отношения с северо-восточной Русью имели большое значение в экономической жизни Новгорода. Подвоз суздальского хлеба был для Новгорода жизненно необходим. Северо-восточная Русь также нуждалась в товарах, шедших из Новгорода.

Новгородские купцы занимали видное место в политической жизни феодальной республики. Купцы и гости ходили в военные походы. Наряду с представителями правящей боярской верхушки они принимали участие в посольствах к суздальским князьям. Так, в 1167 г. «приде Ростислав ис Кыева на Лукы и позва новгородьце на поряд: огнищане, гридь, купьце вячьшее»[1]. Позднее, в 1215 г., «новгородьци много гадавше послаша по Ярослава по Всеволодиця, по Гюргев внук, Гюрга Иванковиця посадника и Якуна тысяцького и купьц старейших 10 муж»[2].

Одним из показателей укреплявшейся экономической связи Новгорода с другими русскими землями является наметившийся союз купечества с великокняжеской властью Суздальской Руси.

Чрезвычайный интерес в этом плане представляют события 1157 г., когда восставшие начали изгонять из города приглашенного на новгородский стол князя Мстислава, сына Юрия Долгорукого. Летопись сообщает, что «торговый же пол сташа в оружии по нем и свадишася братья, и мость переимаша на Волхове, и сташа сторожи у городьных ворот, а друзии на оном полу, малы же и крови не прольяша межи собою»[3]. Московская летопись вместо термина «торговый пол» употребляет равнозначный термин «купци»[4]. Политическая сила купечества, противостоявшего боярской олигархии, проявилась не только в событиях 1157 г. Обращает на себя также внимание связь великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо с новгородским купечеством на всем протяжении его княжения. Когда в 1195 г. Всеволод

[1] НПЛ, стр. 32.
[2] Там же, стр. 53.
[3] Там же, стр. 30
[4] ПСРЛ, т. XXV, стр. 63.

позвал новгородское войско в поход на Чернигов, в его составе были «огнищане и гридьба и купци»[1].

В Новгороде появляются и купеческие организации. В XII в. известно объединение «заморских» купцов, т. е. купцов, ведших торговлю за морем. Видимо, существовала группа купцов, торговавших со славянским городом Щецином[2]. Оба объединения имели в Новгороде свои патрональные церкви. В летописи упоминаются и «обонежские» купцы[3]. Однако купеческие корпорации не получили в Новгороде большого развития. Причина этого кроется в особенностях социально-экономической и политической структуры Новгородской республики.

Ремесленные цехи и купеческие гильдии в средние века — повсеместное явление, порожденное состоянием производительных сил и общественного строя в феодальный период. Но наряду с общими чертами, присущими всем средневековым цехам и гильдиям, корпорации различных городов имели местные особенности во внутренней организации, политической роли и других функциях. Эти различия вызывались характером той экономической и политической среды, в которой корпорации складывались[4].

Правящие круги Новгорода, заинтересованные в вопросах торговли, стесняли свободное развитие купечества. К решению торговых дел была допущена лишь купеческая верхушка, образовавшая вместе с феодалами городской патрициат. Городской торговый суд, регламентация внутренней и внешней торговли, контроль над весами и мерами и все другие важные торговые дела находились в совместном ведении новгородского правительства и потомственной группы самых богатых купцов, объединявшихся при церкви Ивана Предтечи на Опоках. Эта церковь служила торгово-административным центром Новгорода и в XIV—XV вв. Здесь помещался городской торговый суд, во главе которого стоял и тысяцкий и купеческие старосты, выбираемые из среды «иванских» купцов, хранились эталоны новгородских мер и весов, взимались пошлины от продажи воска, собирались купеческие братчины.

Господство городского патрициата в политических и торговых делах было причиной слабого развития купеческих корпораций в Новгородской республике.

---

[1] НПЛ, стр. 42.

[2] *А. И. Никитский.* Очерки из жизни Великого Новгорода. ЖМНП. 1870, август, стр. 201—224; *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города, стр. 150—151.

[3] НПЛ, стр. 325.

[4] *В. В. Стоклицкая-Терешкович.* Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси. Сб. «Средние века», вып. III, М., 1951, стр. 74—102.

Процесс развития феодальных отношений в Новгородской земле сопровождался ожесточенной классовой борьбой, которая зачастую выливалась в антифеодальные восстания. Выступления крестьянства и городской бедноты направлялись как против князя и боярства, так и против духовенства, являвшегося крупнейшим землевладельцем. Движения крестьянства сочетались с острой классовой борьбой в городе, с выступлениями ремесленной бедноты против городского патрициата.

Уже к началу XII в. проявилось имущественное расслоение внутри новгородского посада. Масса ремесленного люда испытывала гнет не только со стороны феодальной власти, но и со стороны городской верхушки, разбогатевших купцов и гостей. Остро социальная рознь чувствовалась во время войн и неурожаев. Например, во время голода 1128 г. новгородская беднота детей своих «всажаше... даромь гостем»[1].

Наличие крупных торгово-ремесленных посадов в самом Новгороде и его пригородах наложило отпечаток на социально-экономический и политический строй Новгородской республики.

Как и повсюду на Руси этого времени, основу экономики в Новгородской земле составляло феодальное землевладение. Светские и духовные феодалы являлись классом, господствовавшим экономически и политически. Но высокое развитие ремесла и торговли обусловило важное значение городской экономики и городского населения. Богатые купцы и ремесленные мастера играли большую роль в политических делах Новгорода. В новгородской торговле были заинтересованы также и боярство и монастыри. Об этом свидетельствуют торговые договоры республики с немецкими городами, данные летописи о денежных операциях новгородского боярства, в частности летописный рассказ о ростовщичестве известной посадничьей семьи Мирошкиничей, и другие источники.

Своеобразие социально-экономической структуры, сложность и острота классовой борьбы в Новгороде определили особенности его политического устройства. По политическому строю Новгород резко выделялся среди других русских земель. С начала XII в. Новгород превратился в типичную феодальную республику, управляемую развитым городским патрициатом, среди которого господствующее место занимали крупные бояре и епископ.

Со второй половины IX в. Новгород находился в зависимости от киевских великих князей. Обычно старший сын киевского князя посылался отцом в Новгород. Но и входя в состав древнерусского государства, этот богатый и сильный город пользовался значительной самостоятель-

[1] НПЛ, стр. 22, 209.

ностью. Развитие феодальных отношений в Новгородской земле весьма рано, уже в начале XI в., вызвало борьбу новгородских бояр и купцов за обособление от киевских князей. В этой борьбе боярство использовало широкие антифеодальные движения. Новгород перерос те рамки, которыми его ограничивал Киев. Успехи новгородского хозяйства, усиление боярства и купечества неизбежно вели к постепенному его обособлению.

Началом борьбы Новгорода за политическую независимость можно считать события 1015 г.[1] В этом году новгородский князь Ярослав, сын Владимира, отказался платить обычную дань Киеву. В XII в. тенденции к обособлению Новгорода усилились, чему способствовало и наметившееся перемещение путей торговли, проходившей теперь через Новгород не на Киев, а на окрепшую экономически и политически Владимиро-Суздальскую Русь и далее на Волгу[2]. Богатевшие торговцы и ремесленники объединялись с боярством в своем стремлении освободиться от политической опеки Киева. Сильному местному новгородскому боярству присылаемый из Киева князь нужен был для удержания власти, для охраны феодальных привилегий, для организации защиты от внешних врагов. Но когда бояре приобрели бóльшие возможности для удержания народа в узде, когда уплата дани и несение других повинностей по отношению к Киеву стали особенно ощутимым препятствием дальнейшему развитию Новгородской земли, новгородское боярство, используя выступления ремесленно-торговых слоев населения, добилось ограничения, а затем и падения княжеской власти в Новгороде.

Уже в 1118 г. новгородские бояре приводились киевским князем к присяге[3]. Очевидно, это мероприятие было вызвано сепаратистскими тенденциями новгородских бояр. Дальнейшее политическое обособление Новгорода выразилось в том, что назначавшиеся до тех пор киевскими князьями посадники были заменены посадниками из числа новгородских бояр по выбору веча. Впервые в 1126 г. новгородцы «вдаша посадницство Мирославу Гюрятиницю»[4].

Однако роль князя в государственной жизни Новгорода была еще велика. Лишь после восстания 1136 г. в Новгороде установился новый политический строй. Новгород сделался боярской республикой.

Анализ летописного сообщения о событиях 1136 г. показывает, что основной движущей силой восстания являлись крестьянство и городская

---

[1] См. гл. 2, § 4 настоящего издания.
[2] См. там же, гл. 3, § 4а.
[3] НПЛ, стр. 21.
[4] Там же.

беднота Новгорода и его пригородов (Ладоги, Пскова и др.). Боярство и богатое купечество сумели использовать народное восстание в своих политических интересах и направить его против князя Всеволода Мстиславича. Однако антифеодальный характер восстания ярко выразился в том, что восставшие крестьяне и ремесленники громили дворы не только тех бояр, которые являлись сторонниками Всеволода, но, по выражению летописца, «сягоша и невиноватыхъ»[1].

Новгородское вече, на которое собрались восставшие, судило князя Всеволода Мстиславича за его внутреннюю и внешнюю политику, неугодную Новгороду. Вече обвиняло князя в притеснении смердов, в недостатке воинской храбрости, в ведении неудачной и разорительной для Новгорода войны с Суздальской Русью. Последнее обвинение явно исходило из кругов новгородского купечества, нуждавшегося, в интересах своей торговли, в мирных отношениях с суздальскими князьями. На активное участие купечества в восстании указывает и то обстоятельство, что имущество, конфискованное у бояр, державших сторону Всеволода, было отдано «купцем крутитися на воину»[2]. Таким образом, несомненно, что представители городского населения играли первостепенную роль в руководстве восстанием и в установлении республиканских учреждений.

В событиях 1136 г. сливается антифеодальная классовая борьба крестьянства и городской бедноты против боярства с политической борьбой Новгорода за независимость от Киева. Участие в восстании широких масс торгово-ремесленного населения Новгорода и пригородов повело к тому, что в независимом Новгороде, в отличие от других русских земель периода феодальной раздробленности, был установлен республиканский строй. Князь с семьей сначала был арестован, а затем выслан в Псков. После изгнания Всеволода княжеская администрация в Новгороде была заменена выборной.

После того как в 1136 г. к вечу перешло право выбора новгородского епископа, посадника и тысяцкого, вечевая организация окончательно оформилась.

Среди выборных должностных лиц Новгорода первое место занял новгородский епископ. Он был хранителем новгородской государственной казны и владельцем обширных государственных земель, основной фонд которых составился из конфискованных владений князя, переданных Софийскому собору. Ему принадлежало право церковного суда и наблюдения за торговыми мерами. Вместе с боярской знатью он ведал внешней политикой республики, при его дворе велась новгородская

---

[1] НПЛ, стр. 25.
[2] Там же.

летопись. Новгородский епископ («владыка»), получивший в 1165 г. сан архиепископа, председательствовал в «совете господ» — правительственном органе боярской олигархии. Политическая роль архиепископа определялась прежде всего тем, что он был крупнейшим из новгородских феодалов.

Посадник и тысяцкий являлись представителями исполнительной власти веча. Им были вверены важнейшие дела внутреннего управления и внешней политики Новгорода. В руках посадника находились верховный суд республики, право назначения и смещения должностных лиц, контроль за деятельностью князя. Вместе с князем посадник выступал в походах во главе новгородского войска. Тысяцкий был первым помощником посадника. Он предводительствовал городским ополчением. В качестве одного из купеческих старост он имел право торгового суда.

Новгородцы не устранили князя. Князь приглашался в республику, но его роль была сведена к роли военачальника, вооруженные силы которого использовались боярством для внутри- и внешнеполитических задач. Князь был ограничен в суде и управлении, не имел права приобретать земли в новгородских владениях.

Неверно было бы представлять республиканский строй в Новгороде как «народовластие». На самом деле власть в Новгородской феодальной республике была сосредоточена в руках бояр. Некоторыми политическими правами пользовалось также богатое купечество. Боярство только использовало силу ремесленно-торгового населения Новгорода в борьбе против князей. В связи с этим оно вынуждено было сохранять и до известных пределов укреплять вечевую организацию, возникшую еще в глубокой древности. Но в новых социальных условиях боярство использовало вече в своих классовых целях и руководило республикой, захватив все важнейшие должностные места. За все время существования Новгородской республики ни один из представителей ремесленников не занимал постов посадника или тысяцкого, переходивших часто даже по наследству от одного поколения боярских правящих семей к другой.

Республика Великого Новгорода, имевшая внешне демократическую форму, по существу являлась аристократической феодальной республикой. В. И. Ленин подчеркивал, что в средние века, благодаря сложности социальной структуры и экономики феодального общества, формы государства были разнообразны. «...Здесь мы имеем и монархию и республику, хотя гораздо более слабо выраженную, но всегда господствующими признавались единственно только помещики-крепостники» [1].

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 444.

Но нельзя также считать, что новгородская вечевая демократия была пустой формальностью. Новгородские «черные люди» были большой политической силой, и боярские группировки, правившие городом, могли удерживать власть лишь при условии сохранения вечевой формы своего господства. Ремесленно-торговое население города отвоевало себе у князей и бояр некоторые права.

Как и при установлении боярской республики, дальнейшая история Новгородской земли сопровождалась ожесточенной классовой борьбой.

Князья всячески стремились подчинить Новгород своему политическому влиянию. Особенно упорная борьба велась с Владимиро-Суздальским княжеством, владения которого непосредственно примыкали к новгородским. В XII в. это наиболее сильное среди русских земель княжество вело широкую объединительную политику и энергичнее других обнаруживало стремление держать Новгород в своих руках. Уже Юрий Долгорукий имел здесь сильную группу сторонников.

Андрей Боголюбский не скрывал своих намерений «искать Новагорода и добром и лихом»[1]. Столкновение между Андреем Боголюбским и новгородцами началось из-за двинских земель. В 1169 г. новгородцы послали на Двину отряд во главе с Даньславом Лазутиничем. Войска Андрея потерпели поражение. Новгородцы не только взяли дань с Двинской земли, но и ограбили соседние суздальские земли[2].

Новый поход Андрея Боголюбского на Новгород был также неудачен. Новгородцы отразили наступление суздальских войск. Но в руках Андрея Боголюбского было еще одно могущественное средство давления на Новгород: он захватил торговые пути, ведущие из Суздаля в Новгород. Оставшийся без хлеба город был вынужден на время подчиниться. По требованию Андрея вече сменило князя и посадника.

Еще более энергичную и решительную политику по отношению к Новгороду проводил Всеволод Большое Гнездо. Почти во все время его княжения на новгородском столе сидели суздальские ставленники. Вече выбирало на главные должности угодных Всеволоду лиц[3]. Нарушая вечевые порядки «вольного» Новгорода, в 1199 г. Всеволод сделал новгородским архиепископом Митрофана и казнил наиболее враждебных ему новгородских бояр. Новгородская республика была включена в орбиту внутренней и внешней политики Владимиро-Суздальской Руси.

В последовательной и настойчивой политике подчинения Новгорода Всеволод опирался на новгородское купечество и группировку бояр

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 509.

[2] НПЛ, стр. 33.

[3] См. стр. 328 настоящего издания.

ориентировавшихся на Владимиро-Суздальскую Русь. Обострение классовой борьбы в республике на рубеже XII—XIII вв., особенно бурно проявившееся в 1207 г., заставляло боярское правительство искать соглашения с великим князем, который использовал классовые противоречия в своих интересах [1].

В этом году за участие в походе Всеволода против Рязани новгородцы получили от него ряд привилегий. Новгородская летопись отмечает, что Всеволод «вда им волю всю и уставы старых князь». Летописные сообщения 90-х годов XII и начала XIII в. показывают, что эти годы были временем распрей среди князей и бояр в Новгородской земле, от которых больше всего страдали крестьяне, городская беднота, а также рядовое, мелкое купечество. Во время борьбы с Новгородом князья брали дань «на смердех по своей воли» [2]. Купеческие караваны подвергались непрерывным грабежам. Горожане попадали в зависимость к ростовщикам. Между боярскими группировками происходила борьба за власть, за право получения важнейших должностей в республике. Все это привело, наконец, к антифеодальному восстанию. Оно началось сразу же по возвращении городского ополчения из рязанского похода и было направлено прежде всего против посадника и его окружения.

Вооруженные горожане «створиша вече на посадника Дмитра и на братью его, яко ти повелеша на новгородьцих сребро имати, а по волости куны брати, по купцем виру дикую, и повозы возити, и все зло; идоша на дворы их грабежом, а Мирошкин двор и Дмитров зажьгоша, а житие их поимаша, а села их распродаша и челядь, а сокровища их изискаша и поимаша бещисла, а избыток розделиша по зубу, по 3 гривне по всему городу и на щит (т. е. каждому горожанину и каждому воину.— *Ред.*)» [3]. Начавшееся в городе восстание получило широкий отклик в деревне. На участие крестьянства в восстании указывает разгром сел Мирошкиничей, а также обвинения против посадника в незаконных сборах денег по волостям. Выступление крестьян против повозной повинности, очевидно, стоит в связи с падежом коней в 1203 г. [4]

Расправу над Мирошкиничами, притеснявшими городское и сельское население, и восстание использовал новгородский князь Святослав, сын Всеволода Большое Гнездо. Князь Святослав «поточил» всех детей Дмитра Мирошкинича к своему отцу во Владимир, а со сторонников Мирошкиничей князь и новгородцы «серебро поимаша без

[1] НПЛ, стр. 50—51.
[2] ПСРЛ, т. XXV, стр. 98.
[3] НПЛ, стр. 51.
[4] Там же, стр. 46.

числа». Новгородцы вручили князю Святославу все долговые записи Дмитра Мирошкинича.

Еще раньше великий князь Всеволод поддерживал противников Мирошкиничей. Например, он два года (1196—1197) держал в плену самого посадника Мирошку, отца Дмитра Мирошкинича. В событиях 1195—1197 и 1207 гг. четко обозначился союз торгово-ремесленной верхушки Новгорода с княжеской властью, свидетельствовавший о крепнувших экономических связях между Новгородской и северо-восточной Русью.

История Новгородской республики всей первой половины XIII в. наполнена проявлениями глубоких социальных противоречий, осложненных борьбой Новгорода за политическую независимость с владимиро-суздальскими князьями и внешними врагами [1].

Зимой 1208—1209 гг. враждебная суздальскому князю часть боярства призвала на новгородский стол торопецкого князя Мстислава Удалого [2]. Суздальский ставленник архиепископ Митрофан был в 1210 г. низложен, посадник Твердислав также «соступисяпосадничьства» [3]. Мстислав Удалой выступил против великого князя Всеволода. Он несколько лет княжил в Новгороде. Попытка Мстислава вовлечь Новгород во внешнеполитические предприятия на юге, чуждые целям боярства, а главное нарушение мирных политических и торговых связей Новгорода с Суздальской Русью вызвали конфликт с боярством, приведший к уходу Мстислава из Новгорода.

Утверждение на новгородском столе Ярослава Всеволодовича происходило в сложной политической обстановке, когда произошло восстание горожан против тысяцкого Якуна и его приверженцев [4]. Волнения усилились в связи со страшным голодом 1215 г. Князь Ярослав Всеволодович, следуя традиционной политике владимирских князей, требовал полного подчинения новгородцев своей власти. Но начавшаяся после смерти великого князя Всеволода междоусобная борьба во Владимиро-Суздальском княжестве привела к ослаблению влияния владимирских князей в Новгороде. Используя помощь Мстислава Удалого и смоленских князей, новгородцы нанесли владимиро-суздальским войскам тяжелое поражение на р. Липице (21 апреля 1216 г.). После этого, видимо, складываются те взаимоотношения Новгорода с князьями, которые отражены в договорах второй половины XIII в. Посадник, тысяцкий и все другие должностные лица должны были выбираться независимо

---

[1] См. гл. 5, § 9 настоящего издания.
[2] НПЛ, стр. 51.
[3] Там же, стр. 52.
[4] Там же, стр. 54—55.

Восстание в Новгороде в 1207 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

от воли суздальского князя. Функции князя, его права и обязанности были строго определены и ограничены.

В 20—30-х годах XIII в. на первый план выдвигается и другая проблема — борьба с западными врагами. Напряженное положение на Западе, натиск немецких феодалов, вторжения Литвы изменили отношения Новгорода с Суздальской Русью. Необходима была помощь могущественных суздальских князей для борьбы с иноземными захватчиками.

Однако обращение к суздальским князьям не было единодушно признано всем новгородским боярством. Часть правящей знати, ставя свои личные выгоды выше интересов всей Руси, вступила на путь предательства и вошла в сношения с ливонскими немцами. Но грозная опасность заставила и группировку боярства, настроенную против объединительной политики владимиро-суздальских князей, в 1223 г. принять на княжение того самого Ярослава Всеволодовича, с которым еще недавно она воевала.

Властный суздальский князь нарушил требование новгородского веча править «на всей воли нашей и на всех грамотах Ярославлих»[1], и в 1228 г. произошло восстание, в результате которого было сменено все новгородское правительство — архиепископ, посадник, тысяцкий. Княжить был приглашен Михаил Всеволодович черниговский. Восстание 1228 г.[2] носило антифеодальный характер и было направлено не только против князя, но и против всей правящей верхушки. Народного гнева не избег и новгородский архиепископ Арсений. «Простая чадь» отправилась громить двор «владыки», обвиняя его в предательском соглашении с князем. Церковный книжник описывает поведение толпы, которая «владыку» «акы злодея пхающе за ворот выгнаша, мале ублюде бог от смерти». Восстание охватило весь город — город «взмятеся». Вооруженный городской люд разгромил дворы тысяцкого Вячеслава и его брата, владычного стольника, многих бояр. Толпа собиралась повесить липенского старосту, но он успел скрыться под защиту князя.

Восставшие горожане сделали попытку ввести в состав правительства своих представителей. При архиепископе Антонии горожане поставили двух мужей: Якуна Моисеевича и Микифора Щитника. Прозвище последнего выдает его происхождение из среды ремесленников.

В этом движении приняло участие крестьянство, тяжелое положение которого было усугублено неурожаем 1228—1230 гг. Начало XIII в., видимо, характеризовалось усилением феодальной

[1] НПЛ, стр. 67.

[2] Там же.

эксплуатации, которая вызывала массовые побеги крестьян. Прибыв в 1229 г. по приглашению восставших горожан в Новгород, черниговский князь Михаил был вынужден несколько облегчить положение смердов: «и вда свободу смердом на 5 лет даний не платити, кто сбежал на чюжю землю», но одновременно «повеле, кто сде живеть, како уставили передниии князи, тако платите дань»[1].

Начавшееся в 1228 г. восстание с новой силой вспыхнуло в 1230 г. Дворы и села посадника, тысяцкого и многих бояр подверглись разграблению. Несколько наиболее ненавистных бояр было убито. Восстание распространилось также на Торжок, так что укрывшиеся в нем бояре вынуждены были бежать в Чернигов. Участь боярства разделила, видимо, и купеческая верхушка, богатые гости, которым во время голода горожане за хлеб отдавали в рабство своих детей («и даяху отци и матери дети свое одерень ис хлеба гостем»)[2].

В результате восстания 1230 г. были изгнаны сторонники Михаила черниговского, посадником был избран Степан Твердиславич, возглавлявший на протяжении почти тринадцати лет новгородское правительство. Он считал необходимым обратиться к суздальским князьям, в которых видел союзников в борьбе с внешними врагами. С 1230 до 1236 г. князем был Ярослав Всеволодович, а когда он ушел в Киев, его преемником стал его сын Александр.

В 1237 г. над Русью разразилось бедствие монгольского нашествия, последствия которого внесли крупные перемены в политическое положение Новгородской феодальной республики[3].

в) Галицко-Волынское княжество

Галицкое княжество занимало северо-восточные склоны Карпатских гор. Территория между главным хребтом и рр. Саном и Днестром составляла так называемое «подгорье», понижающееся к востоку. На севере Галицкая земля граничила с Волынью, на северо-западе — с Польшей; на юго-западе «горы угорские» (Карпаты) отделяли ее от Венгрии; на юго-востоке в ее состав входили степные земли Причерноморья, простиравшиеся на запад до Дуная, до границ с Болгарией; северо-восточные границы Галицкой земли подходили к территории Киевского княжества.

Волынская земля получила название от г. Волыни (Велыни) на р. Гучве, позднее уступившего свое значение Владимиру. В XII в. в состав Волынского княжества вошли Берестье, Дорогичин и другие

[1] НПЛ, стр. 68.
[2] Там же, стр. 71.
[3] См. гл. 5, § 11 настоящего издания.

земли среднего Побужья. Западная лесная граница волынской забужской «украины» с Польшей проходила между Бугом и Вислой; на севере волынские владения захватывали часть литовских ятвяжских земель, а восточнее включали Черную Русь с Новогородком; далее земли волынские граничили с Пинским и Киевским княжествами и, наконец, на востоке и юге — с Галицкой землей. Территория юго-западной Руси в дофеодальный период имела общее название Червенской земли, Червенских городов (от древнего г. Червеня); поэтому позднее Галицкая земля называлась Червонной Русью.

В былинах Галицко-Волынская Русь не случайно выступает перед нами как богатая страна. На ее тучном черноземе издавна процветало пашенное земледелие. Археологические исследования восточного района галицко-волынских земель обнаружили здесь для XIII в. полный ассортимент сельскохозяйственных орудий: лемехи разных типов, серпы, косы; было найдено большое разнообразие хлебных злаков: просо, рожь, овес, а также конопля, горох. Татаро-монголы, разорив Киевское княжество и двинувшись через юго-западную Русь вглубь Европы, именно в этих краях решили создать одну из своих баз по снабжению хлебом. Для этого они вступили в соглашение с местным болоховским княжьем и боярством: «оставили бо их татарове, да им орут пшеницю и проса» [1]. В неурожайные годы галицко-волынские князья через своих купцов («добрых людей») снабжали хлебом соседей, например ятвягов [2].

Юго-западная Русь была богата и скотом. Князья и бояре владели многочисленными стадами [3]. Обилие разных видов скота подтверждено для этого времени и археологией. Широкое развитие получили охотничий промысел [4] и рыболовство [5].

Весьма рано сложились в юго-западной Руси феодальные отношения, приведшие к развитию боярского землевладения и росту политического значения боярства, обосновавшегося на народной, крестьянской земле.

Это особенно характерно для Галицкой Руси, где усиление роли боярства сопровождалось политическим ослаблением княжеской власти; это ослабление проявилось уже во времена Ярослава Осмомысла. На Волыни, более тесно связанной с киевскими великими князьями, наряду с боярским, значительное развитие получило княжеское домениальное землевладение.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 792.
[2] Там же, стб. 879.
[3] Там же, стб. 198; ср. стб. 746.
[4] Там же, стб. 830, 842, 932, 905.
[5] Там же, стб. 497.

Развитие княжеского и боярского землевладения сопровождалось открытыми проявлениями классовой борьбы крестьянства. Достаточно вспомнить, что один из составителей «Русской Правды», князь Изяслав Ярославич волынский, специально внес в этот феодальный закон статью о наложении высокого штрафа за покушение на жизнь княжеских конюхов на том основании, что «дорогобудьци» убили его «старого» конюха[1].

В господствующую силу галицкое боярство сложилось не сразу: в источниках XII в. предки галицких бояр выступают в качестве «княжих мужей»; в течение этого столетия они не раз именуются «мужами галицкими», отличающимися от прежних «княжих мужей». Сила этого боярства, расширявшего пределы своих «отечествий» и ведшего крупную торговлю, непрерывно возрастала, и в XIII в. «бояре галицкие» были экономически и политически мощной группой господствующего сословия.

Внутри боярства шла постоянная внутренняя борьба за земли, за власть; уже в XII в. «мужи галицкие» часто «не бяхуть вси во единой мысли»[2] и еще чаще выступают против любых попыток ограничения их прав в пользу великокняжеской власти и растущих городов. Однако в конце XII в. все более ощутимые результаты приносит борьба великокняжеской власти с сеньориальным боярством. Великие князья опираются в этой борьбе на служилых феодалов, основывавших свое влияние на княжеских пожалованиях, на конфискуемых и перераспределяемых великим князем боярских землях, а также на ограблении еще не освоенных (когда таковые имелись) крестьянских земель; используют князья и возросшую силу городов.

В XII—XIII вв. ремесленное производство достигло высокого уровня развития. Изученный археологами район Райковецкого городища в Болоховщине — отнюдь не центр галицко-волынского ремесленного производства, однако в это время здесь были различные мастерские: железоделательные, две кузнечных, плавильно-литейная, ювелирная, мастерская по обработке кожи и гончарная. Сооруженная здесь домница свидетельствует о значительных технических достижениях в области варки железа[3]. Железо поступало с берегов Гнилопяти и Тетерева. Часть руды, а также свинец Галичина получала из рудников городка Родно на границе Трансильвании.

В городище найдено огромное количество орудий производства, характеризующих развитие ремесел и их дифференциацию: железные наральники, лопаты, замки, гвозди, много предметов вооружения, наконец, «чушек» — полуфабрикатов до 5 килограммов весом. Еще

---

[1] «Правда Русская», т. I, ст. 23, стр. 71.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 664; ср. стб. 657.

[3] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 207—208.

Казнь галицких князей. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

более значительным было ремесленное, в частности металлическое, производство в крупных городах — Холме, Галиче, Владимире и др. Здесь же выделывались золотые, серебряные и эмалевые изделия, отправлявшиеся в Киев и Чернигов.

Ювелирное производство в Галицко-Волынской Руси отличалось особенной тонкостью. При раскопках найдены наковальни, молоточки, матрицы для производства украшений, изделия из серебра, меди, золота, янтаря, стекла, кости, морских и речных раковин и других материалов. Несомненно, металлургическое производство было дифференцировано, поэтому летопись отмечает в Холме «кузнеци железу и меди и сребру»[1]. Производилась и листовая медь, шедшая на покрытие куполов церквей. Ремесленники составляли основную массу населения городов. По мере развития общественного разделения труда в Галицко-Волынской земле росли города. Еще до вхождения в состав древнерусского государства в земле уличей и тиверцев насчитывались десятки крупных поселений, часть которых развилась в города. Князья дорожили городами, которые в их соглашениях оговариваются специально: «земля и городы»[2].

Местные великие князья настойчиво проводили политику строительства городов. Уже Ярослав Осмомысл «ростроил землю свою»[3]. Князь Даниил Романович еще во время поездки к Батыю в Орду жалел «зане не утвердил бе земле своея городы»[4], а позднее строил много новых (Холм, Львов, Угровеск, Данилов) и обновлял старые города (Дорогичин). Летописец сообщает, что князь «бе бо грады иныя зиждай противу безбожным татаром»[5]. Продолжали городское строительство и преемники этого князя, в частности волынский князь Владимир Василькович «многи городы зруби».

Строя города, князья стремились населить их именно ремесленниками. Так, князь Даниил широко привлекал в свои города местных галицко-волынских ремесленников, а также «нача призывати прихожаа (пришлых.— *Ред.*) немци (иноземцев.— *Ред.*) и Русь, иноязычникы (неславяне.— *Ред.*) и ляхы»[6].

Понятно, что при этом большое развитие получила специальность «городовиков», строителей городских укреплений. Таким «городовиком» был упомянутый в летописи XIII в. «муж хитрый» Олекса,

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 843.
[2] Там же, стб. 900.
[3] Там же, стб. 656.
[4] Там же, стб. 805—806.
[5] Там же, стб. 845.
[6] Там же, стб. 843.

который «многы городы рубя»[1]. В городах Галиче, Холме, Владимире, Турове, Городно отмечено каменное строительство. Замечательные каменные сооружения (церкви, дома, башни) художественно отделывались белым галицким и зеленым холмским камнем. Летописью отмечен Авдей «хытречь» — искусный мастер резного орнамента[2]. Часть ремесленных продуктов, известный излишек производства над потреблением шел на внутренние и иноземные рынки; так, например, овручские шиферные пряслица, туровские медные бусы имели обширную (в том числе и зарубежную) сферу сбыта.

Галицко-Волынская земля вела значительную торговлю. Через всю территорию этого княжества издревле проходил второй путь, связывавший море Балтийское с Черным: Балтийское море — Висла — Западный Буг — Днестр — Черное море. Вдоль него расположились крупные города: Галич, Владимир, Дорогичин и др. По этому пути юго-западная Русь позднее установила также торговлю с Торунью и Данцигом на севере. На юге ее торговые ладьи ходили от устья Днестра к Дунаю в Малый Галич и другие «подунайские города». Энергично колонизовалось Галицкое Понизье — «поле». Здесь стояли города Плав, Кучельмин и др.; направлялись возы с продуктами к Плаву, ладьи из киевского морского порта Олешья с рыбой, вином и другими товарами[3]. Выйдя в Черное море, галицкие суда плыли либо в Византию, либо в Судак и Корсунь, или же, поднимаясь мимо Олешья по Днепру, шли в Киев[4].

В результате широкой русской колонизации прибрежий Днестра, Прута и Серета (с выходом к устью Дуная и в Черное море) здесь возникли многие города: Дрествин, Черн, Берлад, Белгород, Романов торг и др. Значительное славянское население «подунайцев»[5] XII в., среди которых «суды рядил» Ярослав Осмомысл, державший в руках Подунавье («затворив Дунаю ворота»)[6], в дальнейшем пополнялось. Здесь были и русские, в том числе и галицкие «выгонцы» из крупных бояр, бежавших от княжеского двора, которые в северном Причерноморье, вдали от властных князей, чувствовали себя хозяевами положения, имели связи с местной вольницей и половцами. Здесь кочевали и «свои поганые» — половцы.

Понятно, что с половцами у юго-западной Руси, особенно после энергичных походов Романа Мстиславича, установились тесные отношения.

---

[1] ПСРЛ т. II, стб. 876.
[2] Там же, стб. 844.
[3] Там же, стб. 735.
[4] Там же, стб. 742.
[5] Там же, стб. 670.
[6] «Слово о полку Игореве», стр. 22.

Отдельные представители галицкой знати знали половецкий язык, а половецкая устная традиция даже отразилась в местном летописании. От половцев поступали «кони и вельблуды, и буволы, и девкы»[1]; лучшие кони — «актазы» [2] кочевников, как и «фари»[3] венгров, попадали к князьям и боярам.

На галицком и владимирском «увозах»[4] можно было видеть суда, груженные греческим оловиром[5], винами, пряностями, шелками, венгерским стеклом, мрамором, чешским оловом, французским скорлатом (сукном). Обратно суда уходили, нагруженные солью, медом, хлебом, произведениями ремесла и т. п. По суше эти товары отправлялись в Пешт (Буду), Остригон, Прагу (через Краков), Опаву, Эрфурт, Регенсбург и другие города. Постоянно пребывали в Галицко-Волынском княжестве купцы киевские и новгородские. Находясь на пересечении многочисленных водных и сухих путей, Галицко-Волынская Русь играла видную роль в европейской торговле.

Своей солью Галицкое княжество снабжало всю южную Русь, поэтому когда князь киевский Святополк Изяславич (XI в.), предприняв соляную спекуляцию, «не пустиша гостей из Галича, ни лодей з Перемышля», то «не бысть соли во всей Руской земли»[6]. О размерах соляной торговли говорит сообщение о том, что в 1163 г. во время разлива Днестра утонуло «человек более 300, иже бяху пошли с солью из Удеча»[7]. Триста человек — большой купеческий караван. Соляная торговля приносила большие доходы. Князь Даниил Романович владел соляными разработками в Коломые (он их «отлучил» «на себя»), доход с которых использовал на содержание своего войска — «оружьников»[8].

Галицко-Волынская Русь, передовое европейское феодальное государство, насчитывала свыше 80 городов, в том числе крупнейшие города — Холм, Галич, Луцк, Львов, Перемышль, Новогородок, Дорогичин, Берестье и др. Большие успехи ремесла и торговли привели к росту политического значения городов и, в частности, «мужей градских», «местичей»—торгово-ремесленной верхушки, искавшей на путях укрепления великокняжеской власти гарантий от непрерывных феодальных усобиц и сохранения своих льгот и привилегий.

---

[1] НПЛ, стр. 62.

[2] *Акта* — по-тюркски конь.

[3] *Фари* — кони.

[4] *Увоз* — место причала и выгрузки судов.

[5] *Оловир* — шелковая, затканная золотом материя.

[6] «Патерик», стр. 108; см. стр. 297 настоящего издания.

[7] ПСРЛ, т. II, стб. 524.

[8] Там же, стб. 789—790.

Политическая история юго-западной Руси до XIII в. известна сравнительно плохо в силу того, что местное летописание за это время дошло до нас лишь в виде скупых отрывков, тенденциозно обработанных киевскими летописцами.

Присоединение будущих галицких земель к древнерусскому государству произошло еще в X в.

Позднее некоторые из этих земель были захвачены польскими князьями, с чем и связан факт похода (по летописи в 981 г.) князя Владимира Святославича на Польшу[1]. Тогда же, видимо, в состав древнерусского государства были включены и волынские земли, где при Владимире были основаны города Владимир и Берестье. После смерти Владимира польскому князю Болеславу удалось на некоторое время завладеть Червенской землей, но при Ярославе Мудром в 1031 г. она была возвращена в состав Руси.

Галицкая земля, центром которой был Перемышль, недолго находилась под властью киевских князей; она досталась Владимиру Ярославичу, который умер при жизни отца; его сын, князь-изгой Ростислав Владимирович, зарекомендовавший себя как «муж добр на рать», не смог удержать Перемышльское княжество, хотя и пытался упрочить свое положение браком с Ланкой, дочерью венгерского короля Белы I. В 1064 г. он был изгнан волынским князем Изяславом Ярославичем и бежал в Тмутаракань, где княжил, распространив свою власть на касогов (черкесов); опасный Киеву, а равно и Византии, он был отравлен в 1067 г. византийским корсунским катепаном (должностное лицо)[2].

Сыновья Ростислава, опираясь на местных феодалов, сумели около 1084 г. вернуть свое княжение и отстоять его от покушений волынского князя Ярополка Изяславича, позднее убитого их агентом Нерядцем в 1087 г.[3] Старший, Рюрик, обосновался в Перемышле (где и умер в 1092 г.[4]), Володарь — в Звенигороде (позднее и в Перемышле), Василько — в Теребовле. Но хотя будущая Галицкая Русь и выделилась как владение Ростиславичей, однако они продолжали признавать власть великого князя киевского («ходя во руку» его), как признавали ее и волынские князья[5].

Князья Володарь и Василько Ростиславичи стремились добиться независимости от Киева, старались ослабить его, всячески помешать полному объединению Волыни в руках киевского князя. Поскольку киевский князь в борьбе против Ростиславичей использовал союз

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 69.
[2] Там же, стб. 155; см. § 4е.
[3] Там же, стб. 198.
[4] Там же, стб. 206.
[5] Там же, стб. 232; ср. стб. 241.

с Венгрией, эти князья боролись с венгерскими королями, используя притом союз с половцами и Византией, владения которой соприкасались и с их землями на Дунае.

Этим политическим отношениям, между прочим, Византийская империя была обязана в данный момент сохранением своей независимости. К началу 90-х годов XI в., при Алексее Комнине, Византийская империя, испытывая нарастающие удары печенегов, обращалась «во все стороны» и в отчаянии молила о помощи: «Умоляем вас, — писал император Алексей, — воины Христа, кто бы вы ни были, спешите на помощь мне и греческим христианам. Мы отдаемся в ваши руки; мы предпочитаем быть под властью ваших латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам... спешите со всем вашим народом, напрягите все усилия, чтобы такие сокровища (Константинополя.— *Ред.*) не достались в руки турок и печенегов...» [1]. На помощь Алексею Комнину собирался первый крестовый поход, но фактически Византийскую империю и культуру спасло тогда пятитысячное войско, присланное князем Васильком; в 1091 г. оно одержало решающие победы. Союз с Византией был в 1104 г. скреплен браком дочери Володаря Ирины с сыном Алексея Комнина Исааком [2].

Поскольку киевский и волынский князья использовали для борьбы с Ростиславичами союз с польскими князьями, Володарь и Василько часто воевали с Польшей. Например, в 1092 г. «воеваша половце ляхи с Васильем Ростиславичемь». Против соседних польских князей Ростиславичи использовали также дипломатическое оружие, чем объясняется брак Володаря с дочерью поморского князя.

Крупные успехи Ростиславичей вызвали выступление против них киевского князя Святополка Изяславича в союзе с волынским князем Давыдом Игоревичем. Последние обвиняли князя Василька в стремлении завладеть Погорыньем, Берестьем, Турово-Пинской землей. Позднее князь Василько, оправдываясь, утверждал, что имел совершенно другие планы, о которых стоит упомянуть. Узнав, что к нему на службу идут берендеи, печенеги и торки, говорил Василько, он обратился к своему брату Володарю, а также к Давыду Игоревичу владимиро-волынскому: «даита дружину свою моложьшюю, а сама пиита и веселитася, и помыслих на землю Лядьскую... и мьщю землю Русьскую, и по семь хотел есмь перояти Болгары Дунайскыя и посадити я у себе, по семь хотях проситися у Святополка и у Володимера на Половце» [3]. Так

---

[1] *В. Г. Васильевский.* Византия и печенеги. «Труды», т. I, СПб., 1908, стр. 90—92.

[2] ПСРЛ, т II, стб. 256.

[3] Там же, стб. 240.

мыслил свои внешнеполитические задачи теребовльский князь, видимо серьезно занимавшийся освоением земель северного Причерноморья.

Но киевский и волынский князья коварно ослепили в 1097 г. Василько при молчаливой поддержке Польши[1]. Однако ни киевскому, ни волынскому князьям не удалось справиться с князьями Ростиславичами. Экономическое развитие края, укрепление местных феодалов и городов служили источником силы Ростиславичей. Более того, князь Давыд должен был вначале под угрозой войск Володаря освободить Василько, затем, окруженный войсками Ростиславичей, под давлением веча владимирских горожан, он должен был выдать им и своих мужей — участников ослепления теребовльского князя.

Попытка киевского князя Святополка Изяславича, занявшего Волынь, подчинить земли Ростиславичей, закончилась разгромом сперва его полков (на Рожне поле), а затем и полков его союзника венгерского короля Коломана (под Перемышлем). Таким образом, эта часть юго-западной Руси фактически вышла из-под власти киевского великого князя. Когда киевский Святополк и переяславский князь Владимир Мономах на Витичевском феодальном съезде 1100 г. потребовали от Ростиславичей очистить Теребовль («поими брата своего Василка к собе, и буди вам Перемышль, да что вам любо седета, аще ли пусти Василка семо, ать его и кормим зде») и выдать пленных, захваченных в войне 1098 г. («холопы наши и смерды выдаита»)[2], то Ростиславичи ответили полным отказом.

На Волыни события сложились в пользу киевского князя Святополка, который с помощью горожан Владимира восстановил в этом городе свою власть, держа «под рукой» также и центр восточной Волыни — Луцк.

Все эти события, несомненно, свидетельствуют о том, что в годы княжения Ростиславичей (1084—1124) интенсивно развивался процесс роста местных феодалов и городов, обеспечивавший князьям Ростиславичам возможность проводить столь значительную внешнюю политику.

Основные направления внешней политики Ростиславичей не изменились и после событий 1097—1100 гг. Они воевали против Польши, когда в 1122 г. с помощью некоего Петра Власта поляки «лестью»[3] (т. е. обманом.— *Ред.*), захватили в плен Володаря; при этом Петр перемышльского князя «умучивы и... имение его усхыти»[4]. Васильку удалось за крупную сумму выкупить брата.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 240; см. также стр. 188 настоящего издания.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 250.
[3] Там же, стб. 286.
[4] Там же, стб. 319.

Внутри Руси князья использовали поддержку Мономаха для ослабления власти киевского князя; позднее, когда сам Мономах стал киевским князем и занял Волынь, они, естественно, поддержали местного князя Ярослава Святополчича против него. Ростиславичи умерли в 1124 г.[1], оставив каждый по два сына: Володарь — Ростислава (княжил в Перемышле) и Владимира (Владимирка), Василько — Юрия (сидел в Теребовле, умер в 1127 г.) и Ивана (княжил в Галиче).

По смерти старшего брата, Ростислава (1128), Владимирко Володаревич занял Перемышль, а затем, со смертью своего двоюродного брата Ивана Васильковича (1141), получил и Галич, перенеся сюда свою столицу из старого боярского Перемышля («седе во обою волостью, княжа в Галичи»)[2]. Звенигород находился в руках Ивана Ростиславича, который, числясь подручником своего отца, галицкого князя, управлял и землями Подунавья (включая Молдавию и Буковину), княжа в Берладе, Малом Галиче, Текучем, как свидетельствует о том выданная им «от стола галичского» известная грамота 1134 г.[3]

Князь Владимирко Володаревич (1141—1153) стремился к объединению в своих руках не только галицких, но и волынских земель. Это привело его к столкновению с киевским великим князем Всеволодом в 1144 г. Но война прошла для Владимирка неудачно, чем не замедлил воспользоваться связанный с Киевом князь звенигородский.

Опираясь на поддержку горожан, князь Иван занял Галич. Однако Владимирко Володаревич нанес ему поражение, заставив бежать на Дунай, в Берлад. Выступление галичан князь сурово подавил[4]. Он подчинил также Звенигород, посадив в нем своего воеводу Ивача, вооруженной рукой пресекавшего вечевые выступления местных горожан[5]. Можно думать, что Владимирко утвердился и в Подунавье, которое в начале XII в. находилось в непосредственном управлении посадников киевских князей, а затем отошло к звенигородскому князю.

Новый киевский и волынский князь Изяслав II Мстиславич пытался подчинить себе Галицкое княжество, но неудачно, тому причиной была, между прочим, и умелая дипломатия галицкого князя. Владимирко стремился расширить галицкие владения за счет земель киевского князя, используя в борьбе против него союз с суздальским князем Юрием

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 288—289.

[2] Там же, стб. 308.

[3] *Н. П. Дашкевич.* Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. Сб. статей по истории права, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову, Киев 1904, стр. 366—381.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 317.

[5] Там же, стб. 320; см. также гл. 3, § 2 настоящего издания.

Долгоруким, скрепленный браком сына Владимирка Ярослава с Ольгой Юрьевной (1150). Во внешней политике князь Владимирко (после кратковременного сближения с Венгрией до занятия им Галича) продолжал противопоставлять Венгрии, связанной союзом с киевским князем, дружественные отношения с Византией (императором Мануилом Комнином). Результатом умелых действий Владимирка, несмотря на понесенные им военные поражения, явилось присоединение к галицким владениям Погорыньской волости (Шумск, Тихомль и другие города) на Волыни.

В это же время Волынь вышла из-под власти киевских князей, в ней обосновались сыновья Изяслава Мстиславича (умер в 1154 г.). Ярослав получил восточную Волынь (Луцк), Мстислав — западную Волынь (Владимир). Политическое дробление волынских земель было временно преодолено лишь в конце XII в., при Романе Мстиславиче.

Во время княжения Ярослава Владимировича Осмомысла (1153—1187) продолжался дальнейший расцвет Галицкого княжества. Крайне скудные источники позволяют все же отметить, что в своей внутренней политике Ярослав стремился к укреплению великокняжеской власти, в частности к полному подчинению всех галицких земель, включая и земли причерноморского Понизья. Этот вопрос получил общерусское, более того, международное значение, так как затрагивал интересы Византии, Венгрии, Польши, половцев.

Хотя киевские князья (Юрий Долгорукий — до 1157, затем Изяслав Давыдович — по 1158 г.) сами пытались восстановить права Киева в Подунавье, хотя Византия выступала против усиления на своем дунайском пограничье окрепшего Галицкого княжества, однако власть Ярослава Осмомысла на Подунавье была признана (в 1158 г.) князьями черниговскими, смоленскими, волынскими, а также Польшей и Венгрией[1].

В 1158 г. киевский князь Изяслав Давыдович пытался утвердиться на Дунае с помощью претендента на галицкий стол Ивана Ростиславича (сына князя берладского). Князь Иван, покинув Киев, с половцами «ста в городех Подунайскых» (вероятно, как в 40-х годах, в Берладе, Текучем и др.), блокировал галицкую морскую торговлю, захватил два морских судна и «взя товара много в нею», а также «пакостяше рыболовом галичьскым»[2]. Собрав отряд в 6000 половцев, князь Иван двинулся затем на север, занял Кучельмин, где горожане «ради быша ему», но в Ушице его встретила уже «засада» Осмомысла.

---

[1] О столкновении Венгрии с половцами, союзными киевскому князю, см. ПСРЛ, т. II, стб. 497—498, сп. 14.

[2] Там же, стб. 497.

Если в событиях 40-х годов берладского князя поддерживали горожане, то сейчас он сумел использовать классовые противоречия и привлечь на свою сторону и смердов — вероятно, из состава войск «засады», так как «смерды скакаху черес забороль к Иванови и перебеже их 300». Однако князь Иван отступил от Ушицы и ушел в Киев. Ярослав Осмомысл не замедлил занять подунайские города. Тогда сам киевский князь Изяслав Давыдович, надеясь на поддержку галицких горожан, которые «слахуть бо ся к нему», решил попытаться подчинить Галицкое княжество, прикрыв, впрочем, эту цель желанием «поискать волости» для Ивана Берладника.

Однако эти замыслы киевского князя не встретили сочувствия других русских князей[1], и начатая им война кончилась тем, что Ярослав Осмомысл, в союзе с волынским князем Мстиславом Изяславичем занял Киев. Город был передан в 1159 г. смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу, повидимому, отказавшемуся от претензий на Дунайское Причерноморье.

С этого времени начинаются совместные киевско-галицкие походы против «берладников», занявших было (1159) Олешье, и против половцев; половцы были изгнаны и разбиты у Дцина (Дичина)[2]. Известны еще два похода на «берладников» в 1166 г.[3] О том, что Причерноморье к западу от Олешья, в частности Берлад, в это время не признавало власти киевских князей, свидетельствуют слова Андрея Боголюбского, сказанные им Давыду, когда владимирский князь изгонял Ростиславичей из киевских земель: «а ты поиди в Берладь, а в Руськой (т. е. собственно Киевской.— *Ред.*) земли не велю ти быти»[4].

Византия, пытавшаяся противопоставить на Дунае Осмомыслу других русских князей, в частности дав изгнанным Андреем Боголюбским суздальским князьям Васильку три города «в Дунаи», а Мстиславу «волость Отскалана»[5], также должна была примириться с утверждением галицкого князя в Подунавье, с чем, вероятно, связана гибель в Солуни (Фессалониках) в 1161 г. Ивана Ростиславича (по слухам «с отравы»)[6].

Впрочем, Осмомысл несколько позднее нашел действенный способ давления на Византию. Ярослав оказал подчеркнуто хороший прием при своем дворе противнику византийского императора Мануила I Комнина, претенденту на византийский трон Андронику, искавшему

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 499.
[2] Там же, стб. 505.
[3] Там же, стб. 526, 528.
[4] Там же, стб. 573.
[5] Там же, стб. 521
[6] Там же, стб. 519.

помощи у галицкого князя и половцев: «прия и Ярослав с великою любовью и да ему... census неколико городов на утешение»[1]. Этот факт настолько напугал Византию, что в 1164 г. в Галич прибыло специальное посольство от императора. Посольство имело целью положить конец пребыванию на Руси Андроника, помешать намечавшемуся союзу Осмомысла с Венгрией и толкнуть киевского и галицкого князей на войну с ней. Вопреки тенденциозным измышлениям византийского хрониста Киннама[2], это посольство не достигло цели.

Позднее Осмомысл счел возможным восстановить отношения с Византией. Союзные же отношения с Венгрией были скреплены браком дочери Ярослава с королем Стефаном III (1167). Другую дочь Осмомысл позднее выдал замуж за познанского князя Одона.

Очень четко отметил это важное для всей Руси обстоятельство — господство Осмомысла на Подунавье, как и борьбу князя с половцами — автор «Слова о полку Игореве»:

«Галичкы Осмомысле Ярославе!
Высоко седиши
на своем златокованнем столе,
подпер горы Угорскыи
своими железными полки,
заступив королеви путь,
затворив Дунаю ворота,
меча бремены чрез облакы,
суды рядя до Дуная.
Грозы твоя по землям текут,
отворяеши Киеву врата,
стреляеши с отня злата стола
салтани за землями[3].
Стреляй, господине, Кончака,
поганого кощея,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буего Святославича!»[4].

В борьбе за единство Галицкого княжества Осмомыслу приходилось сталкиваться с серьезным сопротивлением боярства, которое пыталось

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 524.
[2] *Cinnam.* Ed. Bonn., p. 235—236.
[3] Намек на участие галицких войск в третьем крестовом походе против султана Саладина.
[4] «Слово о полку Игореве», стр. 22—23.

опереться на сына Ярослава Владимира. Последний «не хожаше в воле» отца [1]. Серьезное выступление галицких бояр, предводимых старым воеводой Константином Серославичем и подручным Осмомыслу князем Святополком, произошло около 1173 г. Поводом к выступлению явился отказ Ярослава расторгнуть свой второй брак, в который он вступил вопреки воле бояр.

В этом году его законный сын Владимир, а также первая жена Ольга Юрьевна «и мнози бояре» [2] во главе с Констанином Серославичем, самовольно уведшим галицкие полки из Киевского княжества [3], бежали в Польшу.

В это время в самом Галицком княжестве шла серьезная борьба связанного с Владимиром боярства («иной дружины») против Ярослава. Князь потерпел неудачу. Бояре «яли» самого Ярослава, его дружину («приятелев») «избили», незаконную жену сожгли, сына Олега «в заточенье послаша» и вернули в Галич Владимира Ярославича с матерью и беглых бояр. Однако вскоре Ярослав изгнал их: Ольга Юрьевна уехала на родину во Владимир, а князь Владимир не смог выступить против отца, так как русские князья (волынские, туровские, смоленские и даже, вероятно, суздальские), отказали ему в поддержке, «блюдяся отца его» [4].

Ярослав Осмомысл, крупный государственный деятель, — был «мудр и речен языком (красноречив.— *Ред.*)», «честен в землях и славен полкы», которые посылал туда, «где бо бяшеть ему обида».

Время от смерти Осмомысла до окончательного вокняжения в Галицкой земле Романа Мстиславича волынского (около 1199) характеризуется некоторым упадком княжеской власти и политического значения Галицкого княжества. Умирая, Ярослав убеждал галицких бояр твердо держаться его завещания, по которому старейшинство и Галич получал Олег, а Владимиру доставался Перемышль; при этом князь ссылался на свою мудрость, указывая, что он «одиною худою своею головою ходя удержал всю Галичкую землю», но боярство не посчиталось с его «рядом».

По смерти Осмомысла «бысть мятеж велик»: бояре изгнали Олега и провозгласили князем Владимира. Однако последний княжил недолго, так как пытался продолжать политическую линию отца: «думы не любяшеть с мужми своими» [5].

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 657.
[2] Там же, стб. 564.
[3] Там же, стб. 548—549.
[4] Там же, стб. 633—634.
[5] Там же, стб. 659.

Это обстоятельство не без успеха использовал владимиро-волынский князь Роман Мстиславич. Он стремился укрепить связи с Галицким княжеством путем брака своей дочери Феодоры с сыном Владимира князем Васильком; ему стало известно, что «мужи галичькии не добре живуть с князем своимь про его насилье»[1]. Опираясь на поддержку враждебных Владимиру «мужей», которые, собрав свои полки, «восссташа», Роман Мстиславич в 1188 г. занял Галич.

Венгерский король отправил свои полки на Галич. Захватив его и посадив здесь своего сына Андрея, он дал «весь наряд» в управление тем боярам, которые отпустили заложников в Венгрию; князь Владимир был увезен в Венгрию и там заточен. Часть галицких бояр, отражая наравшее возмущение галичан иностранными захватчиками, пыталась изгнать венгерские войска с помощью сына берладского князя Ростислава Ивановича, жившего в Смоленске. Князь Ростислав двинулся к южной «украине Галичькой», но венгерский король прислал в Галицкую землю подкрепление, и в битве под Галичем Ростислав, после жестокого боя, попал в плен к венграм, которые и убили его, приложив к его ранам яд.

Между тем в Галицкой земле ширилось народное движение против венгерских захватчиков, которые, узнав, что «галичане» «ищють собе князя русского», «начаша насилье деяти во всем», а «галичани же почаша тужити вельми». В 1189 г. Владимир Ярославич «ускочи» из заточения в Венгрии и через Германию и Польшу пробрался на Русь. В том же году «мужи» галицкие, опираясь на поддержку горожан, «прогнаша», наконец, королевича Андрея и передали княжение Владимиру Ярославичу[2]. Чтобы упрочить свою власть, князь Владимир Ярославич обратился за помощью к владимиро-суздальскому князю Всеволоду Большое Гнездо и стал его вассалом. Всеволод поддержал его, добившись от всех русских князей, а также от Венгрии и Польши невмешательства в галицкие дела. С той поры Владимир Ярославич княжил спокойно («и оттоле не бысть на нь никого же»)[3]. После его смерти (около 1199) галицким столом вновь овладел волынский князь Роман Мстиславич.

Сын волынского князя Мстислава Изяславича и польской княжны, дочери Болеслава Кривоустого Агнессы, Роман Мстиславич играл заметную роль в истории как юго-западной Руси, так и Польши. По смерти Мстислава Изяславича, утратившего Киев в пользу Андрея Боголюбского и его союзников, Роман стал княжить на Волыни (1170).

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 660.

[2] Там же, стб. 666.

[3] Там же, стб. 667.

Добиваясь усиления княжеской власти, Роман Мстиславич стремился ограничить права крупной светской и духовной знати, опираясь на служилых феодалов и проводя политику союза с городскими верхами («лепшими мужами»), которых он, по словам владимирского летописца второй половины XIII в., «свободил бяшеть от всих обид»[1]. Роман не только достиг укрепления княжеской власти на Волыни, но и завладел галицким столом, преодолев сопротивление Польши, а внутри Руси — владимиро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо. Последний поддерживал против Романа галицкого князя Владимира, так как предвидел, что объединение юго-западной Руси Романом создаст угрозу интересам владимиро-суздальских князей в Киевском княжестве.

Заняв галицкий стол и следуя своей антибоярской политике, Роман рядом карательных мер ослабил позиции местной земельной аристократии: он истребил часть знатных бояр, а других «неверы ради» принудил к бегству, «загнал» их в причерноморское Понизье и Венгрию[2]; за счет их земель он укрепил галицкий княжеский домен.

По объединении Галицкой земли и Волыни князь Роман предъявил права на Киев. В 1200 или 1201 г. он отобрал Киев у смоленского князя Рюрика Ростиславича, посадив на его место своего подручника.

Утвердившись в Киеве, князь Роман урегулировал русско-половецкие отношения, восстановив при этом дипломатические отношения Галицкого княжества с Византией. Успешной борьбой с половцами он упрочил положение Галицко-Волынской Руси в причерноморском Понизье, а приняв титул «великого князя», что было признано не только в Галицкой земле, но и в Новгороде, а также в Византии, подчеркнул свои права на Киев. Попытки Рюрика Ростиславича продолжать борьбу за Киев с помощью половцев и черниговских князей закончились тем, что Киев попал в зависимость от князя Романа, а Рюрик был пострижен в монахи (около 1204 г.).

Не менее энергичной была внешняя политика князя Романа, в частности на Западе. Он расширял русское влияние в Литве, стремясь колонизовать ятвяжские литовские земли; большим политическим весом пользовался он в Польше; имел договор о мире с Венгрией. Искала союза с галицко-волынским князем и папская курия, пытавшаяся проникнуть в русские земли, но Роман Мстиславич отверг предложения, сделанные ему папой Иннокентием III.

Более того, князь вмешался в борьбу Вельфов с Гогенштауфенами и, поддерживая последних, предпринял в 1205 г. большой поход на союзника Вельфов польского короля Лешко краковского (малополь-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 920.

[2] Там же, стб. 718.

ского), имея целью продвинуться далее в Саксонию. Гибель Романа Мстиславича у Завихоста не только помешала осуществлению этих широких политических замыслов, но и привела к разрушению всего созданного при нем политического объединения юго-западной Руси.

После гибели князя Романа в юго-западной Руси быстро возобладала политическая раздробленность. Реальная сила оказалась в руках крупнейшего галицкого боярства. С претензией на галицкие земли не замедлили выступить несколько русских князей; особенно энергично действовал сбросивший монашескую рясу киевский князь Рюрик Ростиславич. Разбитый в 1205 г. ополчением «пещцев галицких»[1], он в следующем году вновь принял участие в походе на Галицкое княжество совместно с князьями черниговскими, северскими и смоленскими.

В это время власть в Галицкой земле перешла к боярской группировке, возглавляемой Володиславом Кормиличичем, которого в свое время князь Роман изгнал из страны. Эти бояре сочли наиболее выгодным пригласить в юго-западную Русь северских князей Игоревичей — Романа, Владимира и Святослава, которые и заняли столы в Галичине и Западной Волыни[2]. Однако скоро эти князья пришли в столкновение с местным боярством. Между тем вдова князя Романа княгиня Анна со своим двором и младшим сыном Васильком бежала в Краков ко двору князя Лешко, а старшего сына Даниила отправила к венгерскому королю Андрею II, надеясь получить от него помощь.

Восточная Волынь (Луцк, Дорогобуж, Шумск) перешла к местному князю Ингвару Ярославичу, Белзская земля — к Александру Всеволодовичу, Пересопница — к Мстиславу Немому, Туров и Пинск — к Владимиру и Ростиславу Святополчичам[3], прочие города — к боярам-вотчинникам. Крупное боярство принялось энергично восстанавливать в городах и землях свои права и владения, ограниченные или отнятые Романом. Это был «великий мятеж» боярский.

Ослаблением юго-западной Руси не замедлили воспользоваться ее западные соседи. В 1210 г., вмешавшись в конфликт галицкого боярства с северскими князьями, венгерский король отправил на Русь крупное войско с палатином Бенедиктом Бором, который неожиданно занял Галич. На Волынь вторглись польские войска князя Конрада, они захватили забужские земли с городами (Берестье, Угровеск, Верещье, Столпье, Комов) и «всю Украину»[4]. Во Владимире сел польский союзник белзский князь Александр.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 717, 721, 735.

[2] Там же, стб. 718

[3] Там же, т. I, вып. 2, стб. 429.

[4] Там же, т. II, стб. 732.

В создавшихся условиях крупной силой, способной оказать противодействие врагам и помочь восстановлению единства земли, показали себя города и их ополчения —«вои».

По мере развития феодальной войны торгово-ремесленные «мужи градские» все энергичнее выдвигали в качестве «законных» князей сыновей Романа Мстиславича. Считаясь с решением веча г. Берестья, польский князь был вынужден передать этот город Романовичам, которые, таким образом, получили возможность начать «собирание» своей волынской «полуотчины».

Политическое положение в стране было крайне неустойчивым. В Галицкой земле режим открытой венгерской оккупации, экономическое и религиозное угнетение венгерскими феодалами русского народа вызывали нарастающий отпор. Летопись говорит, что венгерский воевода Бор «бе томитель боярам и гражаном и блуд творя, и оскверняху и черницы и попадьи». Используя народное сопротивление врагам, северские князья в 1210 г. выгнали венгерских захватчиков из Галицкой земли. Стремясь обезопасить себя со стороны боярства, эти князья казнили пятьсот «великих» галицких бояр, а «инии разбегошася»; в числе укрывшихся в Венгрию оказались бояре Володислав, Судислав Бернатович, Филипп и др. Имущество казненных и бежавших князья роздали своим сторонникам.

Изгнанные бояре получили поддержку Андрея II. Он дал им «воя в силе тяжце», а также по их просьбе отпустил с ними десятилетнего Даниила Романовича, с которым, как «отчичем» Галича, бояре надеялись легче достичь цели. В 1211 г. боярские и венгерские полки заняли Галич, провозгласив номинальным князем Даниила Романовича. Тогда же боярские правители «мьсти ради» повесили попавших к ним в плен князей Романа и Святослава Игоревичей[1].

Дело кончилось тем, что бояре изгнали князя, и он с матерью бежал на Волынь, а в Галичине «вокняжися и седе на столе» боярин Володислав (1213) — факт для русского средневековья довольно необычный.

Между тем на Волыни продолжала укрепляться великокняжеская власть; пользуясь тем, что «вои Данилови» были «болши и креплейши» и что «бяху бояре велиции отца его вси у него»[2], княгиня Анна сумела вернуть сыну города Тихомль и Перемиль.

Терпя неудачи в своих попытках полностью захватить юго-западную Русь, польско-венгерские правители решили выступить объединенными силами. В 1214 г. на свидании в г. Спиши король Андрей II и Лешко

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 727; ср. НПЛ, стр. 53.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 729—730.

Белый заключили договор о завоевании и разделе Галицкой земли. Трехлетняя дочь Лешка была обручена с пятилетним Коломаном, сыном венгерского короля; силой венгерско-польских полков Коломан был посажен в Галиче; Западная Галичина с Перемышлем отошла под власть польского князя.

Пытаясь упрочить положение сына, король Андрей II обратился к папе Иннокентию III с просьбой короновать Коломана и укрепить его положение церковной унией. Папская курия охотно поддержала эту идею, и зимой 1215 г. Коломан был коронован. Однако русский народ опрокинул расчеты захватчиков. Уже в 1215 г. в Галичине началось народное движение против преступной политики связанного с венгерскими правителями боярства и против венгерских захватчиков.

Борьба с венгерскими захватчиками продолжалась несколько лет. Наконец, по призыву горожан в Галицкую землю прибыл с войском князь Мстислав Удалой, до того правивший в Новгороде. С помощью войск киевского князя[1] он наголову разбил венгерские полки, а в 1221 г. окончательно овладел Галицким княжеством[2]. В том же году, заняв Владимир-на-Волыни, стал княжить Даниил Романович, вступивший в брак с дочерью Удалого Анной. Мстислав Удалой (1219—1229) строил свою политику на вооруженной силе, главной составной частью которой были половцы; половецкий хан Котян доводился ему тестем. Удалой недооценивал силу городов и не ограничивал самовластья сеньориального боярства, ставшего по существу орудием в руках иноземных захватчиков.

Вскоре волынский князь Даниил выступил против краковского князя[3]; русские войска перешли Буг, освободили от польских захватчиков Берестейщину, забужские земли и «всю Украину», вытеснив польские войска за Вепрь. В Берестье вокняжился Василько Романович. Венгерско-польские войска вновь вступили в Галицкое княжество и заняли было ее столицу, где стал венгерский гарнизон воеводы Фильния, которого летописец именует «прегордым» за то, что он помышлял завоевать Русь, что так же невозможно, как «объяти землю, потребити море». Вскоре с помощью половцев Мстислав освободил Галич. Его победу и на этот раз обеспечило широкое освободительное движение горожан и смердов. Так, когда полки Мстислава подступили к Галичу, в самом городе началось восстание против венгерских войск, и после ожесточенных уличных боев[4] захватчики очистили город. По всей

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 126.
[2] Там же, т. II, стб. 731—732.
[3] Там же, стб. 733.
[4] Там же, стб. 738.

Галичине поднялось крестьянство, истребляя отступавших захватчиков: «друзие же (венгры.— *Ред.*) смерды избьени быша и никому же утекши»[1].

Итак, в юго-западной Руси начала XIII в. внутрифеодальные войны сочетались с вторжениями иноземных захватчиков; они несли разорение русским землям и вызывали массовые движения горожан и смердов. Эти движения опрокидывали любые попытки врагов утвердиться на Руси.

Дальнейшее правление в Галиче Мстислава Удалого проходило в условиях засилья сеньориального боярства. Под давлением этого боярства Удалой назначил в 1227 г. своим преемником зятя, венгерского королевича Андрея, получившего в «держание» Перемышль. Наконец, боярство потребовало у Мстислава уступить королевичу и Галич («не можешь бо держати сам, а бояре не хотять тебе»)[2]. Оставив Галич, Мстислав уехал на Понизье в Торческ, где вскоре и умер.

Между тем волынский князь Даниил Романович, опираясь на «служащее» боярство и поддержку «лепших мужей» городских, подчинил себе в 1227 г. восточную Волынь. Ее основной центр — Луцк — сам перешел на сторону Даниила — «предашася лучане»[3]. Тогда же была занята и Пересопница[4], у пинских князей был отобран Черторыйск[5], и сами пинские князья попали в зависимость от Волыни[6]. Внешнеполитические отношения также складывались благоприятно для волынских князей. Заключив в 1219 г. союзный договор с литовскими князьями, Даниил Романович с их помощью парализовал наступательные действия польских князей; литовские князья не нарушали договора с Волынью потому, что нуждались в спокойном тыле в условиях непрерывной борьбы с немецкими крестоносцами.

Улучшились и отношения с Польшей. После гибели в 1227 г. краковского князя Лешка от рук Святополка Поморского в Польше вновь вспыхнули феодальные неурядицы. Волынский князь был в союзе с Святополком Поморским, за которого выдал свою дочь Саломею; кроме того, он поддерживал прочные связи с мазовецким князем Конрадом, которому оказывал помощь в борьбе за краковский стол. Помогая Конраду, русские войска в 1229 г. прошли в северную Сандомирщину, оттуда, совместно с войсками воеводы сандомирского Пакослава и кастеляна вислицкого Мстивоя перешли Варту и Просну и осадили

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 738.
[2] Там же, стб. 750.
[3] Там же, стб. 751.
[4] Там же.
[5] Там же, стб. 752.
[6] Там же, стб. 754.

Калиш, воюя окрестности до Старгорода; в Шлезске был занят Милич и окрестности Вроцлава.

Город Калиш сдался русским войскам и уплатил выкуп, русские «полонили многу челядь и боярыне»[1] и «внидоста со славою в землю свою; иный бо князь не входил бе в землю Лядьску толь глубоко, проче Володимера..., иже бе землю крестил»[2]. В итоге войны Конрад мазовецкий смог укрепить свои права в Малой Польше. Серьезное участие русских сил в польской феодальной войне привлекло внимание папской курии[3], которая поспешила издать буллу, запрещающую впредь русско-польские союзы. Практического значения эта булла не имела: слишком прочны были русские позиции в Мазовии и Куявии. Так закончился первый этап (1205—1229) феодальной войны в Галицко-Волынской Руси, принесший восстановление единства и независимости Волыни.

Второй этап феодальной войны (1229—1245) связан с борьбой за освобождение Галицкой земли. Этот этап характеризуется еще бо́льшим обострением борьбы народных масс против иноземных захватчиков и феодальной эксплуатации; усилением борьбы за землю внутри господствующего класса; укреплением великокняжеской власти с помощью карательных мероприятий, направленных против оппозиционной землевладельческой знати; ростом значения пешего войска, выставляемого «мужами градскими» и «служащим» боярством. Завершается этот этап освобождением земель юго-западной Руси от венгерских и польских захватчиков, вступлением волынских князей в борьбу с князьями черниговскими и владимиро-суздальскими за верховенство на Руси (включая Киев), а также активизацией их политики в Литве, Польше, Венгрии и других странах. Все эти процессы были осложнены монгольским нашествием.

По окончании польского похода волынские князья начали войну за освобождение Галича, где сидел венгерский королевич Андрей, а фактическую власть осуществлял представитель боярской знати Судислав Бернатович. Собрав большое ополчение с территории, простиравшейся «от Боброка, даже до реки Ушице и Прута», князь Даниил, поддержанный галицкими горожанами, занял город, захватив в плен королевича Андрея и Судислава. Когда венгерские пленники, а с ними и боярин Судислав, отправляемые в Венгрию, покидали город, то горожане бросали в боярина каменья и кричали: «изыде из града, мятежниче земли!».

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 757.

[2] Там же, стб. 758.

[3] «Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae»... ed. A. Theiner, t. I, Romae, 1860, № 46.

Занятие Галича явилось лишь началом борьбы за Галицкое княжество. Используя ресурсы бывшей в их руках «горной страны Перемышльской», поддержку болоховского боярства (владевшего землями в восточной Галичине, у границ Киевского княжества), а также помощь венгерского короля и его сына Белы IV, галицкая знать продолжала упорно сопротивляться наступлению великокняжеской власти. Войска князя Даниила нанесли боярству и его союзникам ряд поражений; волынский князь широко проводил конфискацию земель непокорного боярства и княжья (городов Белза[1], Плеснеска[2] и др.).

В 30-х годах XIII в. галицкое боярство решило переменить свою крайне непопулярную в Галицкой земле ориентацию на венгерского короля на союз с черниговским князем. Черниговский князь Михаил Всеволодович, потерпев неудачу в попытке утвердиться в Новгороде, откуда его вытеснили суздальские князья[3], охотно вмешался в борьбу за Галич. В эту пору волынский князь Даниил поддерживал союзные отношения с киевским князем Владимиром Рюриковичем[4].

Столкновение князей-союзников с черниговским князем кончилось победой последнего.

Михаил Всеволодович занял Киев, посадив в нем своего подручника, а сам двинулся в Галицкое княжество и овладел его столицей; при этом князь Михаил опирался на помощь галицкого и болоховского боярства и пользовался поддержкой венгерского короля Белы IV.

Пользуясь удобным моментом, в Киевскую землю направился суздальский князь Ярослав Всеволодович, оставив в Новгороде сына Александра. Он занял в 1236 г. Киев, но был вытеснен Михаилом черниговским, который на этот раз сам сел в Киеве (1238), а в Галиче посадил своего сына Ростислава, а также «отъяша от Данила Перемышль» и «бывшю межю ими овогда миру, овогда рати»[5].

Эти события происходили тогда, когда монгольские войска уже опустошили ряд русских земель.

В 1238 г. князь черниговский утратил свои завоевания: галицкие «мужи градские» пригласили к себе на стол князя Даниила и, вопреки воле сторонников черниговского князя—дворского Григория Васильевича и епископа галицкого Артемия, открыли князю ворота[6].

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 763.

[2] Там же, стб. 770.

[3] Там же, т. I, вып. 2, стб. 455 и 457; см. также гл. 3, § 4б настоящего издания.

[4] Там же, т. II, стб. 772.

[5] Там же, стб. 777; см. также стр. 314 настоящего издания.

[6] Там же.

Ростислав Михайлович бежал в Венгрию[1]. Вслед за ним, опасаясь приближения татар, уехал в Венгрию князь Михаил. Через некоторое время Киевом завладел Даниил Романович и поставил в нем свою «засаду» во главе с воеводой Дмитром. С занятием Галицкого княжества, князь Даниил передал Западную Волынь с г. Владимиром своему брату Васильку. Таким образом, к 1238 г. в руках волынских князей были сосредоточены земли большей части юго-западной Руси. Однако и этому очередному объединению тяжелый, непоправимый удар нанесло татаро-монгольское нашествие.

г) Полоцко-Минское княжество

Полоцко-Минское княжество образовалось на территории, некогда населенной кривичами.

Территория княжества представляла собой равнину, в большей части покрытую болотами, озерами и лесами. Среди многочисленных рек главное место занимала Западная Двина, связывавшая Полоцкую землю с великим водным путем из Балтийского в Черное море.

Границы Полоцко-Минского княжества на севере доходили до территории Великого Новгорода, а на востоке — до Смоленской земли. На западе соседями полочан были латгалы и литовцы[2]. Южная граница земли полочан простиралась до среднего течения Березины, притока Немана, и до верховьев Птича, левого притока Припяти, где проходила северная граница Турово-Пинской земли.

По нижнему течению Западной Двины полочане довольно рано проникли в землю латышей и литовцев. Вероятно, тогда же они появились и в бассейне Березины. Ими была колонизована озерная область между Западной Двиной и Десной, где вырос Брачиславль (Браславль), а также область по левым притокам Немана с возникшими впоследствии городами Волковыйском, Слонимом, Новогородком и Здитовом.

Почвенные условия в Полоцкой земле были мало благоприятны для земледелия, являвшегося основным занятием населения. Город Полоцк поэтому всегда нуждался в привозном хлебе и получал его сначала из соседнего Смоленского княжества, а впоследствии и от приезжавших для торговли в Полоцк немцев. Нуждой Полоцка в хлебе пытались (впрочем, неудачно) воспользоваться укрепившиеся (в 1201 г.) в устье Западной Двины рыцари Ливонского ордена для экономического и политического давления на Полоцкое княжество. Большое распро-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 778.

[2] Подробнее см. гл. 4, § 6 настоящего издания.

странение получили охота на пушного зверя, рыболовство и бортничество. Меха служили предметом вывоза в г. Висби на острове Готланде, куда полочане вместе со смольнянами, витеблянами, новгородцами свободно привозили русские товары.

История Полоцко-Минской земли известна нам крайне недостаточно; ввиду гибели полоцких летописей, мы имеем лишь отрывочные известия о политической истории этой части Руси. Древнейшим исторически известным уже в IX в. городом земли был Полоцк (Полтеск). Занимая выгодное географическое положение, Полоцк стал экономическим и политическим центром княжества, с ним были связаны города Изяславль, Витебск, Еменец, Усвят и др. Из других поселений городского типа особенно значительным был Минск (Менеск) на р. Свислочи, притоке Березины, к нему экономически и политически примыкали города Орша, Копыс, Дудичи и др. Процесс феодализации начался здесь весьма рано, и Полоцкое княжество своим обособлением едва ли не положило начало расчленению древнерусского государства.

В IX в. Полоцкая земля входила в состав древнерусского государства. В договоре Олега с Византией 907 г. Полоцк называется среди других русских городов, где сидели князья «под Олгом суще»[1].

После смерти Олега местной полоцкой знати удалось освободиться из-под власти киевского князя. Уже в это время в Полоцке упоминается в качестве самостоятельного князя Рогволод.

Значительно окрепло самостоятельное политическое положение Полоцкого княжества в связи с борьбой, возникшей между сыновьями Святослава — Олегом, Ярополком и Владимиром. После гибели Олега оба оставшиеся в живых претендента на киевский стол искали политического союза с Рогволодом и стремились закрепить этот союз браком с его дочерью Рогнедой. Рогволод склонился на сторону Ярополка, и предложение Владимира Святославича было отвергнуто. Тогда Владимир, готовясь к борьбе с братом, напал на Рогволода. Полоцк был взят, Рогволод и его два сына убиты, а Рогнеду Владимир взял себе в жены. Полоцк на время попал в зависимость от великого князя киевского и стал управляться «мужами» Владимира. Позднее Владимир отдал Полоцкое княжество Изяславу, своему сыну от Рогнеды. С этого времени Полоцк вновь обособляется и становится «отчиной» потомков Изяслава (умер в 1001 г.).

Сын Изяслава Брячислав (1003—1044) вначале не вмешивался в ожесточенную борьбу между Владимировичами — Ярославом и

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 31.

Святополком — из-за киевского стола. В 1021 г., воспользовавшись затруднительным положением Ярослава, занятого борьбой с печенегами, Брячислав напал на Новгород и взял множество пленных и большую добычу. На обратном пути он был застигнут и разбит Ярославом на р. Судомири (Судоме), после чего вынужден был вернуть все награбленное в Новгороде. Был заключен мир, при этом за Брячиславом остались Витебск и Усвят[1]. Таким образом, верхнее Подвинье и волок между Днепром и Западной Двиной оказались под контролем полоцкого князя. Возможно, что при Брячиславе была присоединена к Полоцкому княжеству также часть Приднепровья с Оршей и Копысом. Однако между полоцкими князьями и киевскими, стремившимися объединить под своей властью всю Русскую землю, мирные отношения установиться не могли. Полоцкие князья, опираясь на поддержку местного феодального боярства и используя помощь горожан («людем судяще, князем грады рядяще»), выступали против этой политики и стремились сохранить свою политическую независимость от Киева.

Уже Брячислав, как отмечает летопись, «вся дни живота своего» воевал с Ярославом. Особенно упорная и длительная борьба началась при энергичном и воинственном Всеславе Брячиславиче (1044—1101), упомянутом в «Слове о полку Игореве». Киевский летописец, сторонник объединения Руси, отмечает его жестокость и упорство. Народная фантазия в «Слове о полку Игореве» овеяла личность Всеслава поэтическим вымыслом: он представлялся чародеем, который, оборачиваясь в серого волка, рыщет в ночи невидимкой и появляется там, где его совсем не ждут. Всеслав некоторое время поддерживал дружественные отношения со всеми тремя Ярославичами (Изяславом, Святославом и Всеволодом) и в 1060 г. принимал участие в предпринятом ими походе против торков. Но дружественные отношения вскоре прервались, и между прежними союзниками началась жестокая и длительная борьба.

В 1065 г. Всеслав начал войну против Пскова, но должен был отступить, «ничтоже успев». Через год он пошел на Новгород, занял его и ограбил, даже снял колокола с новгородской «Софии». Трое князей Ярославичей в свою очередь начали поход против полоцкого князя. Глубокой зимой 1066/67 г. они во главе многочисленного войска осадили Минск. Всеслав не смог своевременно оказать минчанам помощи. Город после осады был взят, часть населения перебита или уведена в плен. Расправившись с городом, Ярославичи на р. Немиге встретились с войском Всеслава. 3 марта 1067 г. произошла ожесто-

---

[1] См. стр. 170 настоящего издания.

ченная битва. Победителями остались Ярославичи. Всеслав бежал.

«На Немизе снопы стелют головами,
молотят чепи харалужными,
на тоце живот кладут,
веют душу от тела.
Немизе кровави брезе
не бологом бяхуть посеяни,
посеяни костьми руских сынов»[1], —

говорит автор «Слова о Полку Игореве», осуждая разорительные и бессмысленные княжеские усобицы.

Ярославичи не преследовали разбитого Всеслава, а направившись в восточную часть Полоцкого княжества, к Днепру, остановились у Орши и пригласили Всеслава для переговоров о мире. Всеслав, явившийся в лагерь Ярославичей, вместе с двумя сыновьями, был схвачен, отправлен в Киев и посажен «в поруб». Полоцкое княжество на время оказалось в сфере политического влияния киевских князей.

Во время киевского восстания 1068 г. Всеслав был освобожден из заключения восставшими, думавшими найти в нем более «хорошего» правителя, и провозглашен киевским князем[2]. Когда Изяслав вместе с наемными польскими войсками пришел на Русь, Всеслав выступил им навстречу. Однако у Белгорода он оставил войско киевлян и тайком бежал в свой родной Полоцк.

Расправившись с участниками восстания, Изяслав Ярославич двинулся против Всеслава. На этот раз Всеслав был изгнан из Полоцка (1069) и на княжеский стол был посажен Мстислав Изяславич, а затем его брат Святополк. Но Всеслав не хотел признать себя побежденным. Он нашел убежище на севере в земле води, а в 1071 г. прогнал из Полоцка Святополка не без поддержки местных феодалов и горожан. Правда, Ярополку Изяславичу удалось одержать победу над Всеславом у Голотическа, но все же Всеслав остался в Полоцке.

Внимательно следя за политической борьбой в Киевском княжестве, Всеслав пытался укрепить свое положение и вступил в переговоры с Изяславом Ярославичем против князей Святослава и Всеволода. После изгнания Изяслава Всеслав оказался изолированным и до смерти Святослава (1076) княжил в Полоцке. С объединением древне-

---

[1] «Слово о полку Игореве», стр. 25.
[2] См. гл. 2, § 5 настоящего издания.

русского государства в 70-х гг. XI в. усилилась борьба киевских князей с Полоцким княжеством.

В 1077 г. Всеволод вместе с сыном Владимиром (Мономахом) ходил под Полоцк против Всеслава. Видимо, эта экспедиция не дала никаких результатов, так как зимой того же года состоялся другой поход на Полоцк с участием Святополка Изяславича, бывшего тогда князем в Новгороде. Предместье Полоцка было сожжено; Владимир Мономах опустошил все княжество до Одреска. Всеслав в свою очередь напал на Смоленск, владение Мономаха. Владимир Мономах, выступив из Чернигова, освободил Смоленск и направился в Полоцкое княжество, разорил часть территории и сжег города Лукомль, Логожьск и Друцк.

В 1084 г. Мономах снова возобновил борьбу со своим непримиримым противником и подступил к Минску с большим войском, состоявшим из черниговцев и половцев. Город был взят и подвергся разграблению, в нем не оставили «ни челядина, ни скотины», как сообщает сам Мономах в своем «Поучении»[1].

Полоцкое княжество было разорено походами Владимира Мономаха, и дальнейшая борьба Всеслава с Всеволодом и его сыном становилась невозможной. Однако и Всеволод, будучи занят борьбой с половцами, не мог отдать все свои силы наступлению на Полоцк. В итоге после многолетней, крайне напряженной борьбы Полоцкая земля стала вновь независимой от Киева. Таким образом, становление самостоятельных феодальных княжеств, как видно на примере Полоцкой земли, проходило в условиях непрерывных войн, несших разорение крестьянству и горожанам. Все это приводило к обострению классовой борьбы, принимавшей подчас формы открытых народных движений. Сохранилось глухое известие о таком движении в Полоцке и Друцке (1092).

После смерти Всеслава (1101) Полоцкое княжество разделилось между его сыновьями, среди которых начались внутренние феодальные войны. Наиболее значительными по размерам были княжения Полоцкое и Минское.

В период феодальной раздробленности заметно возросло политическое значение Минска, которым владел (вместе с Друцком, Оршей и Копысом) Глеб Всеславич. Борис Всеславич (1101 — около 1127) должен был сосредоточить свою деятельность лишь в Полоцкой земле. При нем окрепли местные служилые феодалы (он «дал им волости»), а также — и города, получившие право «и вече мити (иметь — *Ред.*) и звон звонити». Полоцкое княжество продолжало политику освоения соседних запад-

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 248.

ных земель. По некоторым известиям в 1102 г. Борис Всеславич предпринял успешный поход на ятвягов. Через четыре года князья Всеславичи, охраняя подвинский торговый путь, предприняли поход на земгалов, обитавших на левом берегу Западной Двины, но потерпели сильное поражение.

Феодальные войны внутри Полоцко-Минской Руси пытались использовать в своих интересах киевские князья. Так, Давыд Всеславич, обойденный братьями Борисом и Глебом, в борьбе с минским князем Глебом воспользовался поддержкой киевских князей. Вместе с ними в 1103 г. он принимал участие в походе на половцев, а в следующем году — в походе против Глеба минского, непримиримого врага киевского князя. Воспользовавшись организованным Мономахом после съезда у Долобского озера большим походом на половцев, Глеб минский, в свою очередь, напал на Смоленск и Туровскую землю (1104). Киевские и черниговские князья выступили против Глеба, но потерпели неудачу[1].

Глеб Всеславич продолжал борьбу против киевского князя[2]. В 1116 г. он сжег Слуцк, после чего под руководством Мономаха был предпринят новый большой поход на Полоцкую землю с участием других князей (1116). Орша и Копыс были захвачены союзным Киеву смоленским князем, Друцк был взят «на щит» и разграблен. Сам Владимир подступил к Минску и начал готовиться к его осаде. Глеб вышел из города с детьми и дружиной и «поклонился» Владимиру, дав обещание «по всему послушати Володимера». Владимир Мономах, признав его своим вассалом, вернул ему Минск[3]. Условия мирного договора нам неизвестны. Мы только знаем, что Орша и Копыс остались за смоленским князем. От похода Мономаха особенно пострадал Друцк. Часть его жителей была переведена Ярополком Владимировичем в Переяславское княжество, во вновь основанный город Желды. Однако Глеб недолго соблюдал условия мира. В 1119 г. Владимир Мономах снова пошел на Минск. На этот раз город был взят. Глеб попал в плен и был отвезен в Киев, где и умер в том же году. Полоцк также признал власть Мономаха.

После смерти Мономаха (1125) князь Давыд, сменивший в Полоцке Бориса Всеславича, также занял позицию, враждебную киевскому князю Мстиславу, сыну Владимира Мономаха. Лишь с большим трудом киевский князь сохранял власть над Полоцко-Минской землею. В августе 1127 г. Мстислав послал против Давыда Всеславича зависимых

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 256.

[2] См. стр. 192 настоящего издания.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 283.

от него князей с большим войском. Полоцкая земля подверглась новому разорению. Положение местного князя стало непрочным.

Это не замедлило сказаться на отношении к нему горожан. Наблюдавшийся в это время повсюду на Руси рост экономического и политического значения городов характерен и для Полоцкой земли. С силой полоцких горожан считались не только местные, но подчас и киевские князья. Полоцкое вече прогнало Давыда вместе с сыновьями из города, посадив на его место, с согласия Мстислава, Рогволода Всеславича. Но борьба этим не закончилась. Полоцкие князья отказались принять участие в задуманном Мстиславом походе против половцев. После окончания похода Мстислав направился на север. На этот раз все полоцкие князья были пленены и вместе с женами и детьми высланы из страны (1129). Полоцко-Минская земля была вновь присоединена к владениям киевских князей, и в ней был посажен сын Мстислава — Изяслав, которого в 1132 г. сменил его брат Святополк.

Но местное боярство и торгово-ремесленные верхи, управлявшие городами, продолжали борьбу за обособление своего княжества, и полоцкое вече изгнало навязанного им князя Святополка Мстиславича, призвав на его место Василька Святославича (1132 — около 1144), внука Всеслава. В 1139 г. вернулись из ссылки два полоцких князя. Все Полоцкое княжество, за исключением Орши и Копыса, вновь оказалось под властью потомков Всеслава.

Хотя борьба между Мономаховичами и черниговскими Ольговичами, довершившая раздробление древнерусского государства, благоприятствовала новому обособлению Минского (где сидел Ростислав Глебович), а затем и Полоцкого княжеств, но феодальные раздоры ослабляли местных князей. Правда, в эту пору наблюдались попытки объединить Полоцко-Минскую Русь, исходившие и из Минска и из Полоцка, но они приносили лишь кратковременный успех. Такую попытку предпринял минский князь Ростислав Глебович, который с помощью части полоцких бояр занял Полоцк, вытеснив оттуда Рогволода Всеславича (около 1144—1151, 1158—1161) и захватив «жизнь» князя и его дружины.

Но полоцкие города и большинство боярства отказались подчиниться минскому князю. Вскоре Рогволод Всеславич при содействии горожан возвратил Друцк (1158), выступили и горожане других центров, «и мятеж бысть велик в городе в полочанах»—такой, что минский князь «одва же установи людье». Вскоре полоцкие горожане, предводимые купечеством одной из «братьшин», изгнали минских князей и передали город Рогволоду. В Полоцко-Минской Руси закрепилось разделение на два княжества. Попытки полоцкого князя подчинить Минскую землю в свою очередь не дали результата.

Все минские князья поднялись против Рогволода, стремившегося к объединению Полоцкой земли, что, видимо, и побуждало городское население поддерживать его. В 1161 г. Володарь Глебович с помощью литовских сил нанес полоцкому князю большое поражение. Таким образом, и объединительная политика Рогволода закончилась полной неудачей. Он даже не решился вернуться в Полоцк и спасся бегством в Слуцк, откуда через несколько дней направился в свое прежнее владение — Друцк.

Полоцкие «мужи», убедившись в крушении политических планов Рогволода, поспешили избрать князем Всеслава Васильковича (1161 — около 1186) витебского, до тех пор не участвовавшего в борьбе между полоцким и минским князьями и, вероятно, принявшего, как это обычно бывало, условия «ряда», выработанного полоцкими феодалами и торгово-ремесленной верхушкой.

Соседняя с Полоцкой землей территория, занятая латгалами и ливами, довольно рано вошла в сферу политического влияния Полоцка. Латгальские и ливские земли вынуждены были уплачивать дань полоцкому князю и доставлять ему во время войн вспомогательные войска. Нижнее течение Западной Двины для Полоцкого княжества имело большое торговое значение, и полоцкие князья основали на этой территории укрепленные пункты —Куконос и Ерсику, в которых находились полоцкие гарнизоны. С течением времени эти города превратились в отдельные феодальные владения, в которых князья — потомки Всеслава — пользовались некоторой политической самостоятельностью.

В годы княжения Владимира Всеславича (около 1186—1216) политическое положение в Прибалтике изменилось в связи с грабительским вторжением немецких крестоносцев и образованием Ливонского ордена. Торговля Полоцкого княжества с Висби на Готланде и прибалтийскими немецкими городами была затруднена. Ливонские рыцари стали подчинять себе население Прибалтики. Народы Прибалтики не располагали достаточными силами и средствами для того, чтобы сдержать натиск немецких рыцарей. Феодальная раздробленность Полоцко-Минской земли ослабляла ее политическое значение и военную сопротивляемость. Полоцкие князья долго и упорно защищали свои владения в Прибалтике, но все же вынуждены были отступить, потеряв Куконос и Ерсику. Однако попытки рыцарей продвинуться дальше в коренные русские земли не имели успеха[1].

Одновременно полочанам приходилось выдерживать напор складывавшегося Литовского государства, сопротивление которому было

---

[1] См. гл. 5, § 6, 9 настоящего издания.

не под силу экономически и политически ослабленному Полоцкому княжеству. В начале XIII в. в Полоцко-Минской земле возросло влияние смоленских князей, которые стремились контролировать важный для Смоленска торговый путь по Западной Двине и вместе с тем не допускать распространения власти литовских князей.

Мстислав Давыдович смоленский, подчинив область верхнего и среднего течения Западной Двины вместе с Полоцком и Витебском, считал себя полным хозяином на занятой территории [1]. В 1222 г. он заключил договор с Ригой от имени Полоцка и Витебска [2]. Самый договор до нас не дошел. О нем сообщает немецкая хроника Генриха [3]. Как правитель этих земель Мстислав Давыдович выступал и при заключении с немецкими городами договора 1229 г., обеспечившего русским купцам «вольный путь» по Двине в море.

В Полоцко-Минской Руси, где долгое время сказывалась активная политика Киева, где рано сформировалась феодальная знать, которая держала под своим влиянием города,— не сложилась сильная великокняжеская власть. В этом отличие Полоцко-Минского княжества от Владимиро-Суздальского, а также и Галицко-Волынского, где города поддерживали князей в борьбе с местным боярством.

По смерти Мстислава Давыдовича Полоцко-Минские земли были предоставлены собственным силам, лишь в отдельных случаях находя помощь у владимиро-суздальских князей. После татаро-монгольского нашествия местные феодалы стали искать соглашения с политически крепнувшей Литвой и способствовали включению полоцко-минских земель в состав великого княжества Литовского, правители которого стремились захватить белорусские земли северо-западной Руси.

д) Переяславское княжество

Переяславское княжество занимало территорию по рр. Трубежу, Супою, Суле, Пслу и на восток до Ворсклы. На севере княжество граничило с Черниговской землей, на западе примыкало к Днепру, местами только несколько отходя от него, южная граница менялась в зависимости от хода борьбы со степными кочевниками. Главный город княжества Переяславль на рр. Альте и Трубеже уже упоминается в договорах с греками после Киева и Чернигова. Это один из древнейших русских городов; жители его несли на себе тяжесть постоянной борьбы с кочевниками, нападавшими на Русь.

---

[1] См. стр. 417 настоящего издания.

[2] См. там же, гл. 3, § 4к.

[3] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, XXVI, 1, стр. 222.

Земледелие играло главную роль в занятиях жителей; как показывают материалы археологических раскопок, здесь сеялись пшеница, рожь, овес, просо. Но труд земледельца нарушался частыми набегами кочевников. В своей речи на Долобском феодальном съезде Владимир Мономах имел в виду, конечно, и Переяславскую землю, когда говорил: «...начнеть смерд орати, и приехав половчин ударить... [смерда] стрелою, а лошадь его поиметь...,жену его и дети его и все его именье»[1]. Это соседство со степью, полной всевозможных неожиданностей, в значительной степени определяло и политические судьбы края.

Почти не проходило года, чтобы тот или другой кочевой народ не нападал на переяславские земли. Уже князь Владимир Святославич обратил внимание на защиту именно этой южной границы государства и «нача ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубешеви, и по Суле и по Стугне»[2], т. е. главным образом в Переяславской земле. Когда в 1006—1007 гг. через Киев проезжал немецкий миссионер Бруно, Владимир, провожая его до границы своих владений, предостерегал о предстоявших ему опасностях. Проезжая вместе с Владимиром по Переяславской земле, за которой простиралась неприятельская страна, отстоявшая от Киева на расстоянии всего двух дней конного пути, Бруно видел русские укрепления «на очень большом пространстве»[3]. Ярослав Мудрый провел линию укреплений по р. Роси. До сих пор около Переяславля, по Суле, Ромне и в других местах Переяславской земли сохранились оборонительные валы, построенные в XI—XII вв.

У самих степных кочевых тюркских народов в XI—XII вв. намечался переход к земледелию и оседлому образу жизни; осложнялись взаимоотношения различных орд, что не могло не отразиться и на их отношениях к Руси. Подчас русская территория предоставлялась кочевникам для поселения на условиях защиты русских границ. Летопись отмечает и случаи добровольного поселения тюркских племен на Русской земле. Так, под 1116 г. киевская летопись сообщает, что после боев торков и печенегов с половцами «придоша в Русь к Володимеру (Мономаху.— *Ред.*) торци и печенези»[4]. Торки сидели в Переяславском княжестве и до этого. Та же летопись под 1080 г. называет их «торками переяславльскими»[5]. Под 1150 г. в летописи упомянут факт перевода турпеев в Переяславскую землю.

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 277.
[2] Там же, стб. 121.
[3] «Университетские известия», № 8, Киев, 1873, август, отд. II, IV, стр. 7.
[4] ПСРЛ, т. II, стб. 284; см. также стр. 199 настоящего издания.
[5] Там же, т. I, вып. 1, стб. 204.

Киевская летопись имела все основания впервые применить термин «украина» (окраина) именно по отношению к этой земле.

Переяславское княжество, экономически окрепшее в годы правления Ярослава Мудрого, выделилось из состава древнерусского государства во второй половине XI в. После смерти Ярослава Владимировича (1054) Переяславская земля вместе с другими землями по Оке и Волге досталась его сыну Всеволоду. Всеволоду в первый же год его княжения пришлось бороться с торками и впервые встретиться с половцами, с которыми он вошел на этот раз в какое-то мирное соглашение.

Повидимому, лет пять половцы были заняты борьбой с торками и не тревожили Русь. Часть торков договорилась с Всеволодом и поселилась на переяславской территории. В 1060 г. войска трех князей Ярославичей (Изяслава, Всеволода и Святослава) и Всеслава полоцкого разгромили другую часть торков, после чего в 1062 г. половцы появились на границах Переяславской земли. Всеволод вышел против них и был разбит. «Се бысть первое зло, — отмечает летописец, — ...от поганых безбожных враг»[1]. Для Руси, и прежде всего для Переяславщины, наступали тяжелые годы.

В 1068 г. на территории Переяславской земли снова появились «половьци мнози». Князья Ярославичи, вышедшие против них, потерпели поражение при р. Альте, т. е. у самого Переяславля.

В дальнейшем половцы продолжали нападения на Русь, и особенно на Переяславскую землю. Всеволод киевский посадил в Переяславле своего сына Владимира Мономаха, главной задачей которого была защита Руси от половецких нашествий. Три крупных переяславских князя — Владимир Мономах, его сын Ярополк и правнук Владимир Глебович известны своим участием в защите этой окраинной земли от нападений половцев.

24 года просидел Мономах в Переяславле с перерывом в 15 лет. Любечский съезд закрепил Переяславль за Мономахом. Сам Мономах рассказывает о годах своего пребывания в Переяславле: «и седех в Переяславли... с дружиною своею, и многы беды прияхом от рати и от голода»[2]. Став киевским князем, Владимир Мономах не переставал считать общерусской задачей борьбу с половцами, хотя страдала от половцев больше всего Переяславская земля. В автобиографии Мономах много говорит о своих половецких походах: «И миров есм створил с половечьскыми князи без одиного 20, и при отци, и кроме отца, а дая скота много и многы порты свое; и пустил есм половечь-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 152; см. также стр. 199 настоящего издания.

[2] Там же, т. I, вып. 1, стб. 249.

ских князь лепших из оков толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братье 4, а всех лепших князий инех 100; а самы князи бог живы в руце дава: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевичь, Таревьскый князь Азгулуй, инех кметий молодых 15, то тех живы вед, исек вметах в ту речку в Славлии. По чередам избьено не с 200 в то время лепших»[1].

Временное восстановление единства древней Руси под властью Владимира Мономаха лишило Переяславль самостоятельности. Здесь был посажен в качестве подручника сын Мономаха Ярополк, занимавший переяславский стол в течение 19 лет. В дальнейшем, однако, князья на переяславском столе уже не засиживались: в течение 22 лет (1132—1154) переяславский стол много раз переходил из одних княжеских рук в другие. Некоторые из князей сидели здесь по нескольку недель, а про Всеволода, сына Мстислава Владимировича, летопись говорит, что он в Переяславле пробыл от утра до обеда.

Этому неустойчивому положению положило конец выступление самих переяславских горожан. Еще в разгар борьбы Юрия Долгорукого с Изяславом Мстиславичем киевским, владевшим Переяславлем, «людье»[2] переяславские пытались порвать с киевским князем. Здесь было много сторонников Юрия, и при первом удобном случае Переяславль выпал из сферы влияния киевского князя Изяслава. Во время решительной битвы под Переяславлем горожане перешли на сторону Юрия. Изяслав был разбит (1149), а «наутрия» Юрий «вниде в Переяславль»[3].

С этого времени Переяславская земля остается под властью владимирских князей, хотя и с некоторыми перерывами. В зависимости от соотношения сил волынского князя и ростово-суздальского в Переяславле сидели то сын Изяслава — Мстислав (1151—1154), то сын Юрия — Глеб (1155—1169).

После разгрома Киева войсками Андрея Боголюбского Андрей перевел своего брата Глеба в Киев, а в Переяславле посадил его сына — Владимира, остававшегося здесь в течение 18 лет (до 1187).

Длительная связь переяславцев с Мономаховичами показывает, что политическая обстановка в Переяславле была аналогична той, которую использовали владимирские князья Андрей и Всеволод. Переяславские князья опирались на феодальную дружину, используя поддержку горожан.

Оборона Переяславля требовала немалых сил и мужества. Можно указать, например, защиту Переяславля в 1185 г. от превосходящих

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 250—251.
[2] Там же, вып. 2, стб. 319.
[3] Там же, стб. 322.

сил половцев, описанную южной летописью. Город был обложен. Владимир рискнул сделать отчаянную вылазку и «биси крепко». Тогда «прочии, видивше князя своего, крепко бьющеся, выринушася из города и тако отьяша князя своего, язьвена сущи треми копьи. Сий же добрый Володимер, язвен труден, въеха во город свой, и утре́ мужественнаго поту своего за отчину свою»[1]. Враг отступил. Об этом подвиге вспоминает и «Слово о полку Игореве» («...а Володимир под ранами. Туга и тоска сыну Глебову...»[2]). Призывая Всеволода суздальского «прилететь» издалека на юг, автор «Слова», конечно, знал, что экономические и политические интересы этого могущественного князя крепко связаны с южными землями и прежде всего с землей Переяславской. В Переяславской земле владимирские князья видели важный источник влияния на политику Киевского княжества и на отношения Руси с половецкой степью.

Конец XII в. в истории Переяславской земли освещен источниками плохо. Мы даже не всегда можем установить, кто здесь княжил, нечего и говорить, что история социально-экономическая почти не освещена. Но известно, что владимиро-суздальские князья продолжали удерживать эту землю: Всеволод в 1200 г. послал сюда своего сына Ярослава (отца Александра Невского). По сообщению суздальской летописи, этого хотели сами переяславцы[3]. Однако Ярослав Всеволодович княжил в Переяславле недолго (около шести лет) и был изгнан черниговским князем Всеволодом Чермным в связи с новой волной феодальных войн, всколыхнувшей всю Русь.

После смерти Романа галицкого (1205) Ольговичи на съезде в Чернигове решили овладеть Галичем. Венгерский король помешал им, и галицкие бояре решили пригласить к себе Ярослава Всеволодовича переяславского. Этот факт очень знаменателен, поскольку он показывает, что и другая, западная «украина» готова была опереться на силу владимиро-суздальских князей. Ярослав Всеволодович принял это приглашение, но воспользоваться им не успел, слишком задержавшись с приездом в Галич. Его готовность сесть в Галиче обошлась ему дорого, так как черниговский князь Всеволод Чермный, заняв Киев и намереваясь распространить свою власть и на соседние земли, поставил Ярославу Всеволодовичу ультиматум: «поеди ис Переяславля к отцю своему в Суждаль, а Галича не ищи под моею братьею; пакы ли не пойдешь добром, иду на тя ратью»[4].

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 647.
[2] «Слово о полку Игореве», стр. 21.
[3] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 416.
[4] Там же, стб. 427—428.

Не имея достаточных сил для сопротивления Всеволоду, Ярослав ушел на северо-восток и получил от отца другой Переяславль (Залесский), а в Переяславль южный Всеволод Чермный послал своего сына Михаила. В 1213 г. в Переяславль был прислан из Москвы Владимир, сын недавно умершего Всеволода суздальского. В 1215 г. Владимир был разбит половцами и взят в плен.

Новая война, в которой владимирский князь Юрий со своими союзниками был побежден (битва при Липице 1216 г.), способствовала ослаблению Владимиро-Суздальской земли, и связь ее с Переяславской землей на некоторое время ослабела. В 1223 г. переяславская рать принимала деятельное участие в первой битве Руси с татарами на Калке. В конце 20-х годов XIII в. отношения с Владимиро-Суздальской землей снова наладились.

Следовательно, Переяславское княжество (и его города), ввиду окраинного и угрожаемого со стороны кочевников положения этой земли, ориентировалось на сильных (суздальских) князей, подручники которых, как правило, и сидели в Переяславле.

Поход Батыя (1239) оказался для Переяславля роковым. Город мужественно сопротивлялся, но пал и был совершенно разрушен.

е) Черниговское княжество

Черниговская земля была расположена на левой стороне Днепра, по его притоку Десне и впадающим в нее речкам. На северо-востоке границы Черниговской области соприкасались с землями мордвы и болгар, на севере — с Ростово-Суздальской землей и Смоленским княжеством, на западе — с Полоцким и Киевским княжествами, на юге — с Переяславским и на юго-востоке — с кочевьями степняков. Черниговская земля первое время включала и Муромо-Рязанскую, выделившуюся в особое княжение только в 1127 г.[1] Часть территории Черниговской земли была когда-то занята северянами. Отсюда и вся она долго носила название Северской или Чернигово-Северской.

Хозяйство и общественный строй Приднепровья характерны и для Черниговской земли. Здесь наблюдается тот же процесс освоения боярством и церковью общинной земли, те же отношения господства и подчинения между феодалом и земледельцем, общинником, попавшим в зависимость от крупного землевладельца, тот же рост городов. Прекрасной иллюстрацией этого положения служат описания двух княжеских хозяйств, помещенные в Ипатьевской летописи.

---

[1] См. также стр. 408 настоящего издания.

Правда, эти описания сравнительно поздние (1146), но не подлежит сомнению, что эти хозяйства возникли не в XII в., а значительно раньше; во всяком случае они существовали и в XI в. Речь идет о селах князей Игоря и Святослава Ольговичей. Свои земли они унаследовали от отца, Олега Святославича (умер в 1115). Они — крупнейшие землевладельцы. У них много сел, много дворов, где иногда живут сами князья и всегда — их приказчики. Одних лошадей у двух братьев «кобыл стадных 3000, а коней 1000». В одном «сельце» Игоря был двор, по выражению летописи, устроенный «добре»: «бе же ту готовизни много, в бретьяничах (амбарах.— *Ред.*) и в погребах вина и медове», много «тяжкого товара всякого», железа и меди; тут же названо гумно, в котором в данный момент хранилось 900 стогов хлеба[1]. Двор Святослава в Путивле был, повидимому, еще более богатым: там были «скотнице и бретьянице и товар»; в погребах хранилось 500 берковцев меду и 80 корчаг вина. При занятии Путивля неприятелем было взято 700 зависимых от князя крестьян и холопов («челядь»)[2].

Большие запасы железа и меди, очевидно, использовались при выделке оружия, плугов, серпов, кос, топоров и др. Эти сельскохозяйственные орудия были необходимы крупному землевладельцу, использовавшему не только крестьян, владевших орудиями производства, но и труд неимущих (закупов), которых он должен был снабжать рабочим инвентарем. Боярские и церковные хозяйства были несколько меньше княжеских.

К XI в. Чернигово-Северская земля имела ряд значительных городов с многочисленным населением: Чернигов, Любеч, Курск и др. Купечество Чернигово-Северской земли торговало через Киев с Византией, по Донцу и Дону сносилось с Кавказом. Управлялась Северская земля «мужами» и «воеводами», находившимися в зависимости от великого князя киевского.

Характерна в этом отношении эволюция Вщижского городища — летописного Вщижа, расположенного на Десне в чаще Брянских (Дебрянских) лесов. Выросший в IX — X вв. в поселок, Вщиж представлял собой в XI—начале XII вв. небольшую деревянную крепость. Часть его населения—простой сельский люд Другая часть—княжие «мужи», дружинники и слуги, обладавшие дорогими вещами и оружием. Вщиж той поры — собственность черниговских князей Святославичей, позднее, Ольговичей. Здесь княжий «двор», княжие слуги, челядь, здесь всякие «товары» и «готовизна». Такими же

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 333.

[2] Там же, стб. 334.

княжескими доменами были города Карачев, Дебрянск (Брянск), Трубеч, Воротынск, Ормина и др.

В середине XII в. Вщиж превратился в удельный город и значительно разросся. Посад был окружен двойными валами и рвом. В центре высились стены и башни детинца. Центральная башня была снабжена самострелами с «коловоротом» (арбалетами). В детинце стоял двухэтажный дом феодала и жались друг к другу крытые соломой бедные избы челяди. Высокого развития достигло ремесло, особенно гончарное. Одновременно во Вщиже трудились до 20 гончаров [1]. Такая эволюция имела место в истории и других городов Левобережья Днепра[2].

Характерно, что в XII в. в поселениях по Пслу (Гочево, Мирополье, Белогорье) появляются многочисленные переселенцы из вятичской земли. Об этом говорят находки вещей вятичского типа и вещей, изготовленных в вятичской земле (перстни, височные кольца)[3]. Переселение вятичей на Псел было результатом тесных связей Переяславского и Владимиро-Суздальского княжеств в XII в.

Со второй половины XI в. возросшая опасность со стороны половцев побудила усилить оборонительные сооружения в пристепной полосе. В середине XI в. Гочево было защищено мощными валами. По течению Псла возникли другие города, игравшие роль оборонительной линии (Мирополье, Белогорье и др.)[4].

Рост производительных сил и экономическое и политическое укрепление местной феодальной знати способствовали обособлению Черниговской земли, которая все теснее сплачивалась вокруг своего экономического и политического центра —Чернигова. Зависимость от Киева в XI в. начинает тяготить и Черниговскую землю, как и другие подобные ей крупные княжества, успевшие вырасти за время существования древнерусского государства. Желанием местного боярства порвать с Киевом, повидимому, объясняется успех брата Ярославова, Мстислава тмутараканского (посажен был в Тмутаракань отцом, Владимиром), которого «кыяне» «не прияша»; он обосновался в Чернигове[5]. В 1024 г. Мстислав объединил под своей властью Северскую землю и Тмутаракань. Образовалось большое, независимое от Киева княжество, западной границей которого был Днепр, а юго-восточная терялась на Северном Кавказе. Центром княжества стал Чернигов.

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Вщиж — удельный город XII века. «Краткие сообщения ИИМК», вып. XLI, М., 1951, стр. 56—58.

[2] См. *Б. А. Рыбаков.* Древности Чернигова. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 11, стр. 7—102.

[3] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 451.

[4] Там же.

[5] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 147.

Силы киевских великих князей в это время, однако, еще не были исчерпаны, и Ярославу Мудрому, правда, уже после смерти Мстислава (1036), удалось вернуть под свою власть оторвавшиеся земли. В 1054 г., после смерти Ярослава, Чернигово-Северская земля с Тмутараканью и Муромом досталась Святославу Ярославичу. Святослав мог удержаться на черниговском столе, только договорившись со старшими братьями — Изяславом киевским и Всеволодом ростово-суздальским. Как мы уже видели, образовался союз трех князей, «трие», как называет их наша летопись.

Святослав старался удержать за собой и далекую Тмутаракань, служившую естественной связью Северской земли с Востоком, а в 70-х годах ему удалось временно распространить свою власть на территорию Киевского княжества.

Сев в 1073 г. в Киеве, Святослав оставался в то же время князем черниговским и держал в своих руках важнейшие пункты древней Руси. Брату Всеволоду он отдал Чернигов, а сыновей своих посадил: Глеба — в Новгороде, Романа — в Тмутаракани, Олега — на Волыни; младшему Ярославу предназначался Муром. Святославу удалось несколько укрепить свою власть; по его приказу переяславский князь Владимир Мономах вместе с Олегом Святославичем выступили в помощь «ляхам» на чехов и доходили до Глоговы[1]. Однако попытка Святослава восстановить единое древнерусское государство окончилась неудачей.

После его смерти (1076) киевский стол вскоре занял его брат Всеволод, который с союзниками разбил сыновей Святослава —Олега и Бориса, пытавшихся с помощью половцев и смоленских сил удержать Чернигов, и поспешил посадить здесь сына своего Владимира (Мономаха).

Роман Святославич, князь тмутараканский, в 1079 г. тщетно пытался восстановить положение, существовавшее при Мстиславе Владимировиче, когда Чернигов и Тмутаракань находились под властью одного князя. Одной из причин его неудачи было вмешательство Византии, опасавшейся усиления Тмутараканского княжества, владения которого соприкасались с ее владениями в Крыму. Князь Роман был убит половцами, а его брат Олег схвачен хазарами и выдан Византии; греки отправили Олега в ссылку на остров Родос.

В Чернигове укрепился Владимир Мономах, который стремился расширить свои владения и ходил на вятичских князей Ходоту и его сына; в 1088 г. в Переяславской земле им было подавлено восстание торков.

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 247.

В 1094 г., после смерти Всеволода, Олег Святославич, еще в 1083 г. вернувшийся из ссылки, вновь вместе с половцами предпринял поход на Чернигов. Мономах, не поддержанный черниговцами, был вынужден покинуть город и уступить его Олегу, которого автор «Слова о полку Игореве» называет Гориславичем. С помощью чернигово-северских городов и половцев Олег решительно выступил на борьбу против киевских князей. В борьбе с Мономахом Олег опирался и на половцев. Понятно осуждение Олега автором «Слова о полку Игореве», стоявшим за политическое единство Руси и считавшим борьбу против половцев важнейшей задачей Руси. Олег Святославич не только отверг предложение Мономаха о совместной борьбе против половцев, но даже приблизил к себе сына половецкого хана, убитого Мономахом.

Началась одна из первых крупных феодальных войн. Изгнанный киевским князем Святополком Изяславичем и Мономахом из Чернигова, Олег нашел убежище в Стародубе, где его энергично поддерживали «людье». Противникам удалось взять город только измором. Но Олег и не думал прекращать борьбу, тем более, что около Киева и в Переяславской земле действовали его союзники — половецкие ханы Боняк, Куря и Тугорхан. В 1096 г. он не только вернул Муром, но и вторгся в «отчину» врага, взял Суздаль, где расправился со своими противниками, «изоима», «расточи» и «именье их взя». Ростов и вся земля «вдашася ему»[1].

Характерно, что нигде горожане не оказывали сопротивления Олегу. Везде сели посадники Олега, собиравшие дани. Успехи Олега обеспокоили киевских князей, наконец, он был разбит войсками Мономаха и был вынужден согласиться на его предложение созвать в Любече съезд князей для решения ряда политических вопросов[2].

По решению съезда Олег получил Новгород-Северское княжество, его братья: Давыд — Черниговское, Ярослав — Муромо-Рязанское. В Киеве продолжал княжить Святополк Изяславич, а Переяславль и Суздаль остались за Владимиром Мономахом.

После Любечского съезда Олег мало участвовал в делах Киева. Вся его деятельность протекала, повидимому, в рамках устроения собственной отчины. Олег — типичный князь периода феодальной раздробленности, занятый делами своей земли, сильный связями с местными феодалами и городами и непрерывно (судя по тому, какое наследство он оставил своим потомкам) расширявший свои земельные

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 227.

[2] См. стр. 188 настоящего издания.

владения. Вся его борьба была борьбой за самостоятельность «отчины». Умер Олег в 1115 г.

При его сыне Всеволоде Ольговиче снова вспыхнули феодальные войны, сильно разорявшие страну. Против сына Владимира Мономаха Ярополка (1132—1139), посаженного на княжение киевским вечем, выступили его брат Юрий Долгорукий и переяславский князь Изяслав Мстиславич (внук Мономаха), вошедший в соглашение с Всеволодом Ольговичем. Всеволод сам претендовал на Киев и, кроме того, хотел вернуть себе занятое киевским князем Мстиславом Владимировичем Посемье. В 1136 г. Всеволод с другими Ольговичами разбил Ярополка. В это же время в результате восстания в Новгороде был изгнан ставленник Киева и приглашен Святослав Ольгович.

Таким образом, положение черниговских князей Ольговичей вновь укреплялось не только в Черниговщине: в 1139 г., после смерти Ярополка, Всеволоду Ольговичу удалось завладеть даже Киевом и выдвинуться в число сильнейших русских князей. Но и владея Киевом, он прежде всего оставался князем черниговским. На Киев он смотрел только как на важный придаток к Чернигову.

К Киеву Всеволод Ольгович пытался применить ту же систему властвования, которая, видимо, была установлена в других его землях, в частности в Черниговском княжестве. Он хотел внушить киевским «мужам», что Киев— вотчинная земля черниговского князя, которую он может передавать по наследству, как свою собственность. Это вызвало решительный протест киевского веча[1]. Ольговичам пришлось покинуть Киев. Киевские «мужи» пригласили к себе на стол волынского князя Изяслава Мстиславича.

Но черниговские князья продолжали борьбу за Киевское княжество. В этой борьбе они добились значительного успеха. Пять черниговских князей, начиная с Всеволода Ольговича (умер в 1146 г.) и до Михаила Всеволодовича, участника битвы на Калке, позднее замученного татарами, занимали киевский стол. Со времени Всеволода Ольговича черниговские князья часто садились по избранию веча и в Новгороде, что тоже говорит о политическом значении Черниговского княжества.

Черниговские князья все время вели активную политику. Примечательно, что со времен Любечского съезда никто уже не решался захватить черниговские земли; если же соседние князья и вели войны с Черниговом, то лишь в ответ на выступления черниговских князей.

---

[1] См. стр. 311 настоящего издания.

Но в последней четверти XII в., в связи с возросшей силой Ростово-Суздальской земли, положение черниговских князей меняется. Тогдашний черниговский князь Святослав Всеволодович сделал безуспешную попытку вступить в борьбу с Всеволодом Большое Гнездо; вынужденный признать себя побежденным, он отказался и от Новгорода и от своих притязаний на Рязань, где явно обнаружилось в это время влияние владимирского князя, а также не имел успеха и в борьбе за Киев.

После смерти Ярослава Всеволодовича (княжил 1176—1199) черниговский стол занял Игорь. Игорем Святославичем новгород-северским еще в 1185 г. был предпринят поход, воспетый в «Слове о полку Игореве». Поход этот имел целью не только отомстить половцам за их набеги, разгромить половецкие вежи и обеспечить безопасность торговых путей, но и «поискать града Тмутараканя». Мысль о возвращении Тмутаракани в черниговские владения была весьма популярна. Поход Игоря Святославича был обособленным действием нескольких князей и закончился неудачей. Половцы вторглись в Русскую землю, осадили Путивль. Вскоре, однако, под натиском русских ратей кочевники должны были отойти в степи.

Борьба за Киевскую землю продолжалась: на нее предъявляли свои права окрепшие феодальные княжества Владимиро-Суздальское, Галицко-Волынское и Черниговское. Галицко-волынскому князю Роману удалось в 1201 или 1202 г. занять Киев. Рюрик Ростиславич смоленский в союзе с черниговскими Ольговичами и половцами в 1203 г. отнял Киев у Романа и предал город грабежу и разрушению[1].

Эта феодальная «усобица» закончилась кратковременным примирением князей: Всеволод Большое Гнездо, Роман Мстиславич галицко-волынский, черниговские Ольговичи «крестным целованием укрепишася во единстве быти».

После гибели волынского князя в 1205 г. Рюрик Ростиславич сбросил с себя рясу и клобук и вместе с Ольговичами пошел на Галич, но вернулся «с срамом великим в свояси»[2]. Началась новая «усобица», в которой, кроме русских князей, принимали участие польские и венгерские наемные войска; конец ей положило вмешательство Всеволода Большое Гнездо. Вооруженной рукой он установил мир: Киев достался Всеволоду Святославичу Чермному, а Чернигов — Рюрику Ростиславичу. На некоторое время Чернигов выпал из рук Ольговичей.

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 418.

[2] Там же, стб. 426.

По смерти Рюрика (1212) Чернигов достался брату Всеволода, Мстиславу Святославичу (Ольговичу), который сложил свою голову в битве при Калке. Следовательно, в Черниговской земле, подобно Полоцко-Минской и в отличие от Владимиро-Суздальской, рано сложились силы феодальной децентрализации (крупное боярство), которые поддерживали местных князей в борьбе с соседними княжествами, но, преобладая в городах, препятствовали созданию сильной великокняжеской власти. В дальнейшем черниговским князьям пришлось замкнуться в более узкие рамки местных интересов и защищать свою землю от половцев. Попытки некоторых князей выйти за эти рамки на более широкую арену объединительной политики (борьба за Киев и т. д.) потерпели крах, так как для этого не было должных условий — экономических возможностей и поддержки со стороны служащего боярства, дворянства и городов.

В процессе дальнейшего развития феодальных отношений Черниговская земля стала обнаруживать признаки раздробления на ряд более или менее независимых княжений; этот процесс был усугублен татаро-монгольским нашествием, принесшим Черниговской земле огромное разорение.

ж) Тмутараканское княжество

Тмутаракань была расположена в устье Кубани, на Таманском полуострове.

Тмутаракань была торговым портом, через который шла торговля народов Северного Кавказа (ясов, касогов, обезов) с городами Черноморья. По своему положению на проливе между Крымом и Кавказом Тмутаракань имела важное для Руси стратегическое значение.

Уже в X в. Херсонес (Корсунь) служил для Руси важным рынком сбыта пушнины, меда, воска, невольников в обмен на византийские изделия. Из Крыма на Русь через Перекопский перешеек или Арабатскую стрелку шли пути к Крарийской или Кичкасской переправе (выше острова Хортицы), где выходили на Днепр. Оба варианта пути находились в руках печенегов, которые, по договору с Византией, обеспечивали охрану посольствам и купеческим караванам, направлявшимся из Херсонеса на север. Во время господства половцев и позже важной торговой гаванью Крыма стал Судак (иначе Сугдея или Сурож). В этом городе, как и в соседней Феодосии, имелось значительное алано-осетинское население, известное нашим летописям под именем ясов.

Во второй половине X в. с утверждением Руси в Тмутаракани восточная половина Крымского полуострова была политически связана

с Русью. Боспор (Керчь), видимо, подчинялся русским князьям, владевшим Тмутараканью, на что указывает и ряд археологических находок, обнаруженных на Таманском полуострове и на керченском берегу. О том же говорит и надпись (1068) на известном Тмутараканском камне об измерении князем Глебом расстояния «от Тмутараканя до Корчева». Рыболовный промысел в Керченском проливе, являвшийся важнейшим источником существования береговых жителей, неразрывно связывал хозяйственные интересы населения обоих берегов. Судак вместе с Фуллами был захвачен Византией.

Русская летопись под 988 г. называет Мстислава Владимировича первым тмутараканским князем, но есть основание полагать, что русы обосновались на Таманском полуострове и в Керчи еще раньше. Согласно одному известию первой половины IX в., «русский князь Бравлин», прибыв из Новгорода, напал на крымское побережье и «плени от Корсуня и до Корча, с многою силой прииде к Сурожу»[1]. Князь Игорь после неудачного морского похода (941) на Византию отступил от Константинополя с уцелевшими десятью ладьями не к устью Днепра, а к Керченскому проливу, где, следовательно, рассчитывал на защиту. Принятые Игорем (по договору 944 г. с Византией) обязательства не воевать городов Корсунской страны и защищать их от нападений черных болгар (с побережья Азовского моря) подтверждают наличие уже в это время русских владений в Тмутаракани и Крыму. Успешный поход Святослава (966) против ясов и касогов упрочил положение русов на Таманском полуострове; греческие источники указывают на существование русских владений в восточной части крымского побережья. Когда Владимир, взяв Херсонес (989), вернул его затем Византии, то Боспорское поморье и Тмутаракань он закрепил за Русью, посадив там княжить своего сына Мстислава. Успешный русско-византийский поход 1016 г. против хазар также говорит о том, что Русь продолжала крепко держать в своих руках Тмутаракань и Керченский пролив.

Народный эпос, следы которого сохранили летописные своды и «Слово о полку Игореве», приписывает Мстиславу покорение некоторых народов Северного Кавказа (ясов и касогов). После смерти Владимира Мстислав с дружиной вышел из Тмутаракани и занял Чернигов (1024). С этого момента Тмутаракань более тесно связывается с Черниговом. После смерти Мстислава она попадает в непосредственную зависимость от Киева.

Еще в конце 30-х и начале 40-х годов XI в., по свидетельству эпиграфических памятников, границы Тмутараканской Руси на

[1] *В. Г. Васильевский.* «Труды», т. III, Пг., 1915, стр. 269 и 276.

Северном Кавказе простирались до устья Большого Егорлыка, впадающего в Маныч. В то время Тмутаракань была очень тесно связана с остальной Русью. Росло влияние русской культуры на население Северного Кавказа — обезов, ясов, касогов [1].

По мере феодального раздробления и ослабления древнерусского государства связи Тмутаракани с Киевским княжеством прервались. После смерти Ярослава, когда Черниговское княжество досталось Святославу Ярославичу, Тмутаракань снова оказалась под влиянием Чернигова. Святослав отправил в Тмутаракань своего сына Глеба. Но Глебу не пришлось спокойно править в этом отдаленном княжестве.

В 1064 г. в Приазовье бежал галицкий князь Ростислав Владимирович [2], которому удалось выгнать из Тмутаракани Глеба. Потеря Тмутаракани обеспокоила Святослава, и в следующем году он двинулся в Тмутаракань и восстановил права Глеба. Но едва удалились черниговские дружины, как Ростислав вновь изгнал Глеба и укрепился в Тмутаракани.

Влияние русских на Северном Кавказе и в Крыму росло. В состав Тмутараканского княжества тогда входила и Керчь (Корчев) и некоторые другие земли Крыма; под самой Тмутараканью («близ града» [3]) был основан учеником Феодосия Печерского, Никоном, монастырь — ответвление Киево-Печерского. Сам Никон здесь долго жил, и ему главным образом мы обязаны попавшими в летопись сведениями по истории Тмутаракани. В 1083 г. здесь была образована особая епископия.

Успехи Ростислава вызвали беспокойство у Византии. Летопись после сообщения о том, что Ростислав собирал дань у касогов «и у инех стран», прибавляет: «сего же убоявшеся греци, послаша с лестью котопана» в Тмутаракань. Ростислав доверчиво принял подосланного греками агента и поплатился за это жизнью: убийца подсыпал князю в чашу вина яду. Когда 3 февраля 1067 г. Ростислав умер, а катепан вернулся в Корсунь, то «корсуньстии людье» убили отравителя камнями. Кого именно надо подразумевать под «корсуньстими людьми», сказать трудно [4], но расправа жителей Корсуня, лежащего в южном Крыму, с катепаном говорит о наличии среди корсунян друзей и союзников тмутараканских русских.

---

[1] См. гл. 4, § 5 настоящего издания.
[2] См. там же, гл. 3, § 4а.
[3] «Патерик», стр. 26.
[4] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 166.

После смерти Ростислава Никон от имени «людей» Тмутаракани поехал в Киев просить у Святослава на княжение сына Глеба. Глеб прибыл в Тмутаракань. Однако его княжение здесь продолжалось недолго, уже в 1069 г. мы застаем его в Новгороде. После него, повидимому, некоторое время в Тмутаракани княжил Всеслав полоцкий, на что указывает «Слово о полку Игореве», а затем вокняжился Роман Святославич. К нему собрались князья, недовольные киевскими порядками,— Борис Вячеславич смоленский и Олег Святославич черниговский. Их поход совместно с половцами против Всеволода и Изяслава (1078) окончился неудачей; Борис пал в бою на Нежатиной Ниве, а Олег Святославич спасся бегством в Тмутаракань.

В 1079 г. его брат Роман с дружиной и половцами выступил против Всеволода. У г. Воина, в Переяславской земле, сошлись войска Всеволода и Романа. Всеволоду удалось заключить с половцами мир. Роман вынужден был возвратиться «вспять» [1]. На обратном пути половцы убили Романа, а в Тмутаракани был схвачен хазарами Олег и отослан «за море Цесарюграду» [2], откуда греки отправили его в ссылку на Родос, где он пробыл два года. События в Тмутаракани были делом рук византийских дипломатов. После выдачи Олега грекам Всеволод Ярославич посадил в Тмутаракани своего посадника Ратибора. В 1081 г. Ратибор был изгнан из Тмутаракани Давыдом Игоревичем и Володарем Ростиславичем.

Через два года в Тмутаракань вернулся из Византии Олег Святославич, который женился на греческой аристократке Феофании Музалон. Он казнил выдавших его и организовавших убийство Романа хазар, а Давыда и Володаря отпустил. Византия, очевидно, добилась каких-то обязательств с его стороны и помогла ему вернуть Тмутаракань. Пока был жив Всеволод, Олег не выступал против него и не начинал борьбы за утерянную «отчину». Но когда Всеволод умер, Олег вместе с половцами выступил против Владимира Мономаха (1094).

Наши источники не дают точных указаний о дальнейшей истории Тмутаракани, но это еще не означает, что она тогда же прекратила свое существование.

Арабский географ Идриси (писавший около 1154 г.) при описании черноморского побережья сообщает, что «Матарха», расположенная в 20 милях от «устья Русской реки», «весьма древний город, а имя его основателя неизвестно. Матарха окружена возделанными полями и

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 204.

[2] Там же.

виноградниками; цари ее весьма отважны, мужественны, предприимчивы и весьма грозны соседним народам. Город этот густо населен и весьма цветущ; в нем бывают ярмарки, на которые стекается народ из всех близких и дальних краев»[1]. Под «устьем Русской реки», очевидно, подразумевается Керченский пролив, служивший для русских древним выходом в Черное море.

В договоре Византии с Генуей (1159) между прочим говорится: «да смогут генуэзские корабли спокойно торговать во всех областях нашего владычества за исключением... Матрахи, если только моим величеством не будет дано на это специального разрешения»[2]. Матраха — несомненно, Тмутаракань. Из приведенного текста можно вывести заключение, что Византия тогда считала Тмутаракань под своим «владычеством». После четвертого крестового похода (1204) верховная власть над южным побережьем Крыма перешла к трапезундским императорам, но оставалась номинальной вследствие господства половцев.

Источники упоминают здесь о русских под названием «бродников», живших в XIII в. в степях Придонья. Арабский писатель XIV в. Эль-Омари, говоря о народах, подчиненных хану Золотой орды Узбеку, упоминает русских, черкесов и ясов, жителей одной местности, где произрастают плоды и фрукты, распространенные на Кавказе. У Эль-Омари речь идет о русских жителях Тмутаракани. Таким образом, не только господство половцев в степях, но даже батыево нашествие не истребило русского населения на Тамани. Правда, край был разорен татарами, а население обложено данью и подчинено хану. В XV в. Тмутараканью завладела генуэзская фамилия Гизольфи, а в конце этого столетия последний владетель Тамани Захарий Гуйгурсис был изгнан турками и искал помощи у Ивана III Васильевича. Тмутаракань захватили турки.

О культуре Тмутараканского княжества известно очень мало. В первой четверти XI в. при Мстиславе Владимировиче в Тмутаракани был построен большой храм, впоследствии разрушенный. Свинцовая печать, найденная в Тмутаракани, имеет надпись «архонтиссы Руси»[3], жены Олега Святославича. При раскопках в Тмутаракани

---

[1] *Ю. А. Кулаковский.* Прошлое Тавриды. Киев, 1914, стр. 94; *А. Я. Гаркави.* Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе. «Труды Каз. арх. съезда», т. II, Казань, 1891, отд. VII, стр. 244.

[2] См. *А. А. Васильев.* Готы в Крыму. «Известия ГАИМК», т. V, Л., 1927, стр. 227.

[3] *Н. П. Лихачее.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, Л., 1928, стр. 138.

Надпись на Тмутараканском камне, 1068 г.

Государственный Эрмитаж

была найдена костяная пластинка от лука с изображением фамильного знака киевских князей — трезубца, а также печать с надписью: «от Ратибора»[1], который был посадником Тмутаракани. Следует отметить четкость надписей, изящество букв. Таманское городище, соответствующее летописной Тмутаракани, изобилует в слоях конца X—XII вв. славянской керамикой, шиферными пряслицами, стеклянными браслетами, лунницами и прочим инвентарем славянского типа. На городище найдены фундаменты каменных зданий. Среди других строительных материалов встречается александровский гранит из-под Киева[2].

Русская культура из Тмутаракани распространялась в землях народов Северного Кавказа. Надпись русскими буквами на кабардинском языке, вырезанная на каменном кресте у села Преградного Ставропольского края и датируемая 1041 г., говорит о распространении христианства среди кабардинцев в XI в. и об использовании кабардинцами русского алфавита[3].

з) Муромо-Рязанское княжество

Самостоятельное Муромо-Рязанское княжество сложилось к концу XI в. До этого Муром и Рязань входили в состав Черниговской земли.

Муромо-Рязанское княжество занимало территорию по Оке, от района Мурома на востоке до района впадения р. Осетра в Оку на западе (г. Ростиславль), и низовья Москвы-реки (г. Коломна), а также обширные земли, расположенные к югу от Оки. Простиравшаяся к северу от Оки (в рязанской ее части) так называемая Мещерская сторона, покрытая болотами и лесами, была мало обитаема и не освоена. В северо-восточном углу, в районе Мурома, и в северо-западном углу, в районе Коломны и Свирельска, Муромо-Рязанское княжество граничило с Ростово-Суздальской землей. На северо-западе Муромо-Рязанская земля соприкасалась с Черниговской. Граница шла от Свирельска, пересекала р. Осетр и проходила между г. Пронском и черниговским г. Дедославлем, по направлению к р. Сосне. Юго-восточная граница Рязанской земли в середине XII в. шла через

---

[1] *А. В. Орешников.* Материалы к русской сфрагистике. М., 1903, стр. 31—32.

[2] *И. И. Ляпушкин.* Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 6, М.— Л., 1941, стр. 208—212 и др.

[3] *Г. Ф. Турчанинов.* Эпиграфические заметки. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. VII, вып. 1, М.— Л., 1948, стр. 77—80; см. гл. 4, § 5 настоящего издания.

Жилой дом в Старой Рязани XIII в.
Реконструкция М. В. Городцова

верховья Дона и Воронежа к месту слияния Цны с Мокшей до г. Кадома включительно. Рязанские города существовали и в Червленом Яру и в бассейне Великой Вороны. На юг от Прони к верховьям Дона лежала полоса плодоносных степей с редким населением. Основное ядро княжества находилось между Окой, Проней и Осетром. По свидетельствам русских и иностранных путешественников, этот край считался богатым хлебом, лесом, скотом, птицей, плодами и особенно медом и воском.

Юг Рязанской земли кормил хлебом и отдаленные русские города. Отсюда уже в XII в. шел хлеб в Новгород Великий. Основными зерновыми культурами были рожь, пшеница и просо.

На пойменных лугах и береговых пастбищах развилось скотоводство. Первое место занимал крупный рогатый скот, затем свиньи, овцы и лошади. Наряду с земледелием и скотоводством важные отрасли хозяйства составляли охота, рыболовство и бортничество. Из промысловых животных важнейшим был лось, затем

бобр, медведь, лиса, белка. Многочисленные селения группировались вокруг городов, являвшихся центрами сельскохозяйственной округи.

Решающую роль в развитии городов Рязанской земли играло ремесло. Археологические раскопки открыли ремесленные мастерские в Муроме, Пронске, Старой Рязани, Переяславле-Рязанском. Крупнейшим ремесленным центром была Старая Рязань. Из других городов следует назвать Коломну, Борисов-Глебов, Белгород и Ижеславль.

Тигилек, обнаруженный при раскопках В. А. Городцова в Старой Рязани
Государственный Исторический музей

В районах, прилегавших к Старой Рязани, по берегам рр. Пры и Кади, Прони и Осетра, в большом количестве добывалась болотная руда, служившая сырьем для выплавки железа. Многочисленные металлургические горны и остатки кузниц открыты на старорязанском городище. Местные мастера умели варить не только железо, но и высококачественную сталь, которую использовали для изготовления различных инструментов и сельскохозяйственных орудий. В северной части города жили ремесленники и находились различные мастерские: меднолитейные, костерезные, керамические и др.

Ремесленники обслуживали не только город, но и широкую сельскую округу. Изумительны по богатству и высокой технике рязанские ювелирные изделия. Они свидетельствуют о художественном вкусе и технических традициях местных мастеров. Судя по произведениям прикладного искусства, можно утверждать, что Рязань была важным художественным центром древней Руси. Интересны архитектурные памятники Старой Рязани (здесь раскопаны три больших каменных храма), также говорящие о своеобразии местных художественных традиций и о высоких достижениях мастеров-строителей.

Наши сведения об истории Муромо-Рязанской земли в XI—XIII вв. крайне скудны. Виной тому — отсутствие рязанских летописей. Сравнительно поздно появившиеся здесь киевские князья столкнулись с существованием местной землевладельческой знати, муромо-рязанского боярства, представлявшего значительную политическую силу. Учитывая несколько замедленный темп общественного развития приокских земель и Подонья, по сравнению с Поднепровьем и Приильменьем, следует предположить, что к XI в. Муромо-Рязанская земля

Клад золотых вещей с эмалью, XIII в., найденный в Старой Рязани.

Государственный Исторический музей.

(
з
(
н
н
х

з
р
ч
к
и

еще не была полностью подчинена феодалам, ее только начали осваивать. Значительная часть коренного местного населения — мордва, мурома, вятичи — сопротивлялись феодализации земли и сопровож-

Серп, молоток и зубило, обнаруженные при раскопках В. А. Городцова в Старой Рязани

Государственный Исторический музей

давшей ее насильственной христианизации. Великие князья киевские вынуждены были разделять свою власть с местным боярством. На протяжении всей истории Рязани (до монгольского завоевания) здесь так и не возникла сильная княжеская власть.

Великие князья Олег и Ярослав рассматривали Муромо-Рязанские земли как источник средств для борьбы за Чернигов. В Рязанской земле имеется любопытный памятник раннего феодализма — Новый Ольгов городок. Это замок-усадьба князя Олега, с небольшой придворной церковью и сильными укреплениями. Городок этот был расположен в устье Прони, что давало возможность князю контролировать судоходство по реке, собирать дань и охранять свои владения.

Если в XI в. князья здесь еще только начинали осваивать земли, то к XIII в., после длительных феодальных войн, Муромо-Рязанское княжество уже распалось на множество уделов, что привело к крайней чересполосице княжеских владений. О том, как далеко зашел процесс феодализации земли свободных общин и закабаления общинников в XIII в., говорит жалованная грамота

князя Олега Ивановича рязанского Ольгову монастырю. Это документ более поздний (вторая половина XIV в.), но в нем упоминаются пожалования 1219—1237 гг. («тогды дали святой Богородици дому 9 земль бортных, а 5 погостов») [1]. Пять погостов были населены лично свободными крестьянами, занятыми бортным промыс-

Железный безмен XIII в., обнаруженный при раскопках
В. А. Городцова в Старой Рязани

Государственный Исторический музей

лом; таким образом, князья уже распоряжались этими землями и их населением, отдавая их феодалу — монастырю.

Развитие ремесла и торговли, доказанное археологией, заставляет предполагать в Рязани значительное число ремесленников и купцов. Очевидно, определенное влияние приобрела городская верхушка, и с нею вынуждены были считаться князья и бояре. Можно предполагать существование в Рязани и Муроме веча, хотя в летописи о нем не упоминается. В ряде случаев князья ведут переговоры с горожанами, заключают с ними мир, горожане решают судьбу рязанских князей и т. д. Так, когда в 1096 г. Изяслав Владимирович победил Олега Святославича и пришел к городу Мурому, «прияша и (его.— *Ред.*) муромци» [2]. Под 1096 г. там же читаем, что Мстислав после победы над Олегом «сотвори мир» с «муромци», а потом и

---

[1] «Сборник Моск. архива Министерства юстиции», т. I, ч. 1, М., 1913, стр. 9; *Б. А. Романов.* Элементы легенды в жалованной грамоте вел. князя Олега Ивановича рязанского Ольгову монастырю. «Проблемы источниковедения», сб. III, М.—Л., 1940, стр. 205—224; *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II, М., 1951, стр. 125—130.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 220.

с «рязанцы»[1]. В 1177 г. Всеволод Юрьевич требовал от рязанцев выдачи Ярополка Ростиславича, укрывавшегося в Воронеже. Рязанцы же «сдумавше» поехали в Воронеж за Ярополком и выдали его. В 1207 г. после поражения рязанских князей «рязанци вси здумавше, послаша остаток князий и со княгынями к великому князю Всеволоду в Володимерь»[2].

Несмотря на наличие в рязанских городах влиятельной торгово-ремесленной верхушки, здесь, в отличие от соседнего Владимиро-Суздальского княжества, не сложился союз горожан с местными князьями, служивший опорой князьям в их борьбе с боярством.

История Муромо-Рязанской земли наполнена раздорами князей. Междоусобия рязанских князей, их распри с северными соседями — князьями владимиро-суздальскими и борьба с половецкой степью держали княжество в постоянном военном напряжении, разоряли население, ослабляли экономику Рязанской земли.

Пограничное положение Рязанской земли наложило отпечаток на всю историю княжества. Ориентация на степь в попытках сохранить независимость княжества — традиционная политика черниговских Ольговичей, к которым примыкала и по родственным и по политическим связям династия рязанских князей. Зажатые между степью и сильным Суздальским княжеством рязанские князья то находили убежище и поддержку у половцев, то выступали против них.

По смерти Ярослава Мудрого Рязань, очевидно, вместе с Муромом, перешла к его сыну Святославу, которому достались Тмутаракань и Черниговское княжество с прилегающими к нему с северо-востока землями. С тех пор в Муроме и Рязани сидели посадники черниговского князя.

Олег Святославич является первым из известных князей, за которым «были Муром и Рязань»; Любечский съезд 1097 г. укрепил за Святославичами в числе других земель Муром и Рязань. Дальнейшие 30 лет политической истории Муромо-Рязанской земли почти неизвестны. В 1127 г. Ярослав Святославич черниговский стал жертвой междукняжеских столкновений, был изгнан из Чернигова и сделался князем муромо-рязанским. Он умер спустя два года, а Муром, Рязань и Пронск стали уделами его сыновей. До середины XII в. Муром считался главным городом княжества, так как там садился старший из князей; с середины XII в. первенство перешло к Рязани. Половцы совершали набеги на окраинные рязанские города, и рязанские войска боролись

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 230.
[2] Там же, т. I, вып. 2, стб. 433.

с ними. Годы войны рязанских князей с половцами перемежались с годами союзных отношений.

Половцы в своих набегах обычно доходили до р. Прони, поэтому, хотя город был расположен далеко от южной границы Муромо-Рязанской земли, летописец, сообщая о походе Всеволода Суздальского к Пронску, пишет: «ста за рекою с поля Половецьскаго»[1]. Город был сильно укреплен. Время его возникновения, по археологическим данным, — XI век.

В борьбе черниговских князей с ростово-суздальскими в XII в. рязанские князья большей частью принимали участие на стороне Ольговичей. Это вытекало из стремления рязанских князей сохранить независимость от быстро укреплявшегося Владимиро-Суздальского княжества. Суздальские князья были заинтересованы в Муромо-Рязанской земле, так как здесь лежал торговый путь на юг и восток, а также и потому, что она могла служить заслоном в борьбе с кочевниками. Территориальная близость Суздальской земли к Рязанской и окраинное положение последней облегчало подчинение ее суздальским князьям. Однако совершилось это лишь в результате длительной и упорной борьбы.

В 1146 г. муромо-рязанский князь Ростислав Ярославич держал сторону киевского князя Изяслава Мстиславича против Юрия Долгорукого. Тогда сыновья Юрия с войском пришли к Рязани, и Ростислав вынужден был бежать к половцам. Очевидно, поняв свою неподготовленность к серьезной борьбе с Суздалем, Ростислав перешел к союзу с Юрием Долгоруким, и тот позволил ему вернуться в Рязань. Позже (1152) Ростислав принимал участие в походе на Киев против своего прежнего союзника Изяслава.

Со времени княжения Ростислава Рязанское княжество полностью обособилось от Муромского. К середине XII в. выросло значение Рязани за счет упадка Мурома, через который раньше лежал окружной путь на Среднюю Оку. Процесс феодального дробления Рязанского княжества ослабил его настолько, что Муром окончательно подчинился владимиро-суздальским князьям. Преемники Юрия Долгорукого свободно распоряжались рязанскими князьями и их ратными силами в походах на Киев (1169, 1173), Новгород (1170), камских болгар (1164).

Лишь в 1174 г., когда в результате боярского заговора погиб Андрей Боголюбский, рязанские князья попытались не только выйти из повиновения владимирскому князю, но и вмешаться в дела своего

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 432.

северного соседа [1]. Это было началом войны, которая определила политические судьбы Рязани на ближайшие полвека. Всеволод Большое Гнездо с помощью черниговских и новгородских полков разгромил рязанских князей и их половецких наемников в битве на р. Колакше (1177). По требованию владимирских горожан пленные черниговские князья Ростиславичи были ослеплены. Роман Глебович был освобожден и отпущен в Рязань после клятвы на верность. Вассальные отношения рязанских князей к владимиро-суздальским изредка нарушались попытками первых выйти из повиновения. Всеволод Большое Гнездо вмешивался во все конфликты, возникавшие между рязанскими князьями (1180, 1186); встретив с их стороны сопротивление в 1186 г., Всеволод повел войска в Рязанскую землю и ее «пусту створивше и пожгоша всю»[2]. На 20 лет рязанские князья вернулись в подчинение Всеволоду, который не только принуждал рязанских князей участвовать в своих походах, но и считал себя обязанным защищать рязанские земли от половцев; черниговские князья, упорно боровшиеся за влияние в Рязани, должны были признать свою неудачу. В 1198 г., вероятно, по настоянию Всеволода, произошло выделение особой рязано-муромской епархии из черниговской епископии. Это было выражением политического отделения Рязани от Чернигова.

В 1207 г. началась новая война Рязани со Всеволодом, который получил сведения, что рязанские князья тайно вошли в соглашение с черниговскими Ольговичами. Он арестовал шестерых рязанских князей и отправил их во Владимир. Он посадил по рязанским городам своих посадников, а на рязанский стол послал своего сына Ярослава. Казалось, что Рязань целиком вошла в состав владений Владимирского княжения, что положен конец самостоятельности рязанской земли. Но при господстве экономической раздробленности политические объединения не могли быть прочными.

Рязанцы (очевидно, рязанское боярство) составили заговор, часть дружинников Ярослава убили, а остальных заключили в тюрьму. В ответ на требования Всеволода они, по рассказу владимирского летописца, послали ему «буюю речь, по своему обычаю и непокорьству»[3]. Тогда Всеволод сжег Рязань. Многие жители разоренного города были разосланы в разные места Суздальского княжества, а рязанские бояре и епископ Арсений были уведены во Владимир. Но и это не было концом борьбы за независимость Рязани. Столкновения происходили

---

[1] См. гл. 3, § 4а настоящего издания.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 406.

[3] Там же, стб. 434.

и в 1209—1210 гг., но только после смерти Всеволода, когда в самой Суздальской земле начались феодальные войны, на короткое время была восстановлена независимость Рязанского княжества. Уже в 1212 г. Юрий Всеволодович вынужден был отпустить всех рязанских князей и епископа Арсения, взяв с них клятву в верности.

Феодальные раздоры между многочисленными рязанскими князьями предоставляли владимирскому князю и в дальнейшем возможность вмешиваться в их дела и руководить Рязанским княжеством. Лишь рязанский князь Глеб Владимирович сделал попытку укрепить княжескую власть и независимость Рязани. Эта попытка закончилась кровавой распрей[1].

Глеб и его брат Константин пригласили летом 1217 г. на совещание в село Исады семь рязанских князей с их боярами и слугами и всех перебили, кроме Ингвара Игоревича, не успевшего явиться на приглашение. Уцелевший князь Ингвар с помощью великого князя владимирского Юрия овладел Рязанью и стал новым объединителем Рязанского княжества. Но в Муромо-Рязанской земле, как и в Полоцкой, не сложилось сильной великокняжеской власти. Города действовали в союзе с боярством, проводившим политику децентрализации. Пограничное положение определило в значительной мере политическую историю Рязанского княжества, близкого по своему характеру к Переяславскому: местные правители ориентировались на сильных князей, стремясь в то же время сохранить свою независимость. Отсюда лавирование рязанских князей между Чернигово-Суздальскими и Владимиро-Суздальскими княжествами. К началу XIII в. Рязанское княжество попало в зависимость от владимирских князей. В 1237 г. Рязанская земля испытала жестокие бедствия татаро-монгольского нашествия.

и) Турово-Пинское княжество

Города Туров и Пинск, от имени которых получило свое название княжество, возникли на территории между Припятью и Западной Двиной, занятой некогда славянским племенем дреговичей.

Пользуясь данными археологии, несколько восполняющими скудные летописные сведения, можно определить границы княжества следующим образом. На юге естественной границей была Припять, на западе соседями его была земля ятвягов, куда довольно рано стали проникать русские. На севере турово-пинская территория примыкала к южным границам Полоцкого княжества, на северо-западе она клином

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 440

врезалась в водораздел Припяти и Верхнего Немана. На востоке естественной границей был Днепр.

Первоначальным политическим центром этой территории был Туров, на Припяти. На верховьях Припяти, при впадении в нее Пины, возник Пинск (Пинеск). Оба города стояли на пути из Киева в Польшу. Сведения о других городах относятся к более позднему времени, но возникли они, несомненно, много раньше. Имеются упоминания о расположенном на восток от Турова, на правом берегу Припяти, Клецке (Клеческ, 1127 г.) — самом северном городке Турово-Пинской земли, и Слуцке (Случеск, 1116 г.) на р. Случи.

Болотистая почва Турово-Пинской земли не отличалась плодородием; громадные ее пространства были покрыты лесами. Долгое время здесь сохранялось примитивное земледелие, значительное развитие получили лесные промыслы, бортничество и скотоводство. Население было экономически связано с Приднестровьем, откуда оно получало прежде всего соль в обмен на меха, воск, мед.

В X и в первой половине XI в. Туров был видным политическим центром, играя большую роль в оживленных связях древней Руси с Польшей. Походы Владимира Святославича на ятвягов и Литву, а также борьба Владимира и Ярослава с польскими князьями за Червенские города заставляли киевских князей все время держать Туров под своим контролем. Владимир Святославич отправил в Туров в качестве посадника своего старшего сына Святополка. Так позднее поступил и Ярослав Мудрый, посадив в Турове сына Изяслава.

Всеволод Ярославич (1078—1093) отдал Туров племяннику, Ярополку Изяславичу, бывшему одновременно и князем на Волыни. После смерти Ярополка (1086) Туров перешел к его брату Святополку, который, сделавшись (1093) киевским князем, оставил Туров за собой.

Владимир Мономах (1113—1125) держал Туров в полной от себя зависимости как важный центр для борьбы с минским князем Глебом, который нападал на Турово-Пинское княжество и даже сжег Слуцк (1116). Мстислав Владимирович, продолжая политику отца, также не упускал из вида Туров, где посадил своего младшего брата, Вячеслава. После разгрома Мстиславом Владимировичем полоцких князей (1129), с начала княжения Ярополка Владимировича (1132), князь Вячеслав занял Переяславль в надежде стать позднее великим князем.

После смерти великого князя Ярополка Вячеслав Владимирович в 1139 г. занял киевский стол, но вскоре он вынужден был уступить Киев черниговскому князю Всеволоду Ольговичу и вернуться в свой Туров. Тогда черниговские князья завладели городами Клецком, Городно; только после смерти Всеволода (1146) Вячеславу при

содействии его бояр удалось вернуть эти города и восстановить политическое единство Турово-Пинского княжества.

Такое поведение Вячеслава шло вразрез с политикой нового киевского и волынского князя Изяслава Мстиславича; он занял Туров военной силой (1146), арестовал местную знать, и Вячеславу пришлось оставить свой стол, снова оказавшийся в сфере влияния киевского великого князя. Турово-Пинская земля долго не могла достигнуть самостоятельности, переходя вместе с Киевом из рук в руки суздальских и волынских князей.

После смерти Изяслава Мстиславича (1154) Вячеслав Владимирович туровский вновь княжил в Киеве. В этом же году Вячеслав умер, и снова началась ожесточенная борьба за киевский стол. Перевес в борьбе оказался на стороне Юрия Владимировича Долгорукого.

Юрий разделил Турово-Пинское княжество на два княжения и отдал Туров сыну Борису, а Мозырь — Святославу Ольговичу. Но Борису не удалось удержаться в Турове. После смерти Юрия (1157) он был изгнан из Турова Юрием Ярославичем, внуком Святополка Изяславича. Новый великий князь Изяслав Давыдович организовал против него большой поход (1157), в котором принимали участие и полоцкие князья. Однако поход не достиг цели, и Юрий Ярославич остался в Турове.

Следовательно в половине XII в. Туров вышел из подчинения Киеву и в нем осела самостоятельная княжеская династия. Только Мозырь остался за Киевом. В конце XII и начале XIII в. Турово-Пинское княжество разделилось на ряд мелких феодальных княжеств — Туровское, Пинское, Слуцкое, Клецкое и потеряло прежнее политическое значение. Все эти княжества попали в зависимость от князей галицко-волынских.

С образованием Литовского княжества и особенно после татаро-монгольского нашествия турово-пинские князья стали искать поддержки и помощи против галицко-волынских князей у литовского князя Миндовга. При Гедимине (1316—1341) в Турово-Пинском княжестве окончательно утвердилась власть литовского князя, и оно было отдано Гедимином во владение сыну Нариманту. Впрочем, часть турово-пинских князей осталась на своих столах на правах «отчичей».

к) Смоленское княжество

К северу от Северской земли лежало княжество Смоленское, в старину населенное кривичами. Земледелие, судя по данным археологических раскопок, существовало здесь с отдаленных времен. Оно было основным занятием населения. Возделывался и лен, о чем говорят

отпечатки льняных тканей, сохранившиеся на обожженной глине. При раскопках курганов обнаружено много костей домашних животных.

Смоленские леса изобиловали пушным зверем: медведями, лисицами, соболями, куницами, а реки и озера — бобрами; охотничьи промыслы были очень развиты. Широкое развитие получило рыболовство. Благодаря обилию лесов население еще в очень далекие времена начало заниматься смолокурением. Сохранилось свидетельство от X в. и о том, что смольняне строили челны, которые весной сплавляли на юг к Киеву[1].

Общественный строй Смоленской земли IX—XI вв. был феодальным. Действующим правом здесь была «Русская Правда». Смоленские бояре, как и в других феодальных княжествах древней Руси, являлись крупными землевладельцами.

В волостях жили крестьяне-смерды, судьба которых ничем не отличалась от судьбы крестьян всего древнерусского государства. В процессе феодализации всей страны и смоленские смерды попадали в зависимость от крупных землевладельцев.

Видную роль в жизни Смоленской земли играло местное купечество. Смоленское купечество было организовано в сотни. В самом Смоленске и в остальных городах княжества население делилось на торгово-ремесленную и феодальную верхушку («лучьших муж») и «черных людей» (ремесленников, городскую бедноту).

С конца XI в. летописи содержат намеки на деятельность вечевых собраний в Смоленске. Летопись сообщает, что в 1096 г. Олег Святославич, изгнанный из Чернигова, «приде Смолиньску, и не прияше его смолняне»[2]. В источниках XII в. не раз отмечается политическая роль смоленского веча.

Смоленское княжество было районом развитого сельского хозяйства и поставщиком хлеба для Новгорода. Смоленские князья поддерживали политические и торговые связи с Новгородом.

Смоленское княжество занимало выгодное географическое положение. На его территории сходились верховья трех рек — Волги, Западной Двины и Днепра. Смоленскую землю пересекали главнейшие торговые пути Восточной Европы. Из Балтийского моря через Волхов, Ловать и Днепр вел речной путь к Черному морю; другой путь — по Западной Двине связывал Смоленскую землю с Балтийским морем; третий путь — через один из правых притоков Волги, р. Вазузу,

---

[1] *Константин Багрянородный*. Об управлении государством. «Известия ГАИМК», вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 8—10.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 231.

Бронзовый светильник иранской работы, обнаруженный при раскопках в Смоленской области

Государственный Исторический музей

соединял Смоленскую землю с Волгой и камскими болгарами.

Экономическим и политическим центром Смоленской земли являлся город Смоленск. В древние времена главная его часть была расположена на левой, низкой стороне Днепра, близ деревни Гнездовой. В настоящее время здесь находится большая группа курганов, повидимому, языческое кладбище древнего Смоленска. Часть курганов уже раскопана, причем вскрыты замечательные памятники материальной культуры кривичей. В одном из крупных курганов был погребен очень богатый и знатный человек, может быть, смоленский князь IX—XI вв. В курганах найдены многочисленные арабские монеты X в., что свидетельствует о торговых связях Смоленского княжества с арабами по волжскому пути, а также монеты византийские. Связи Смоленской земли через Киевскую землю с Византией установились с начала IX в.

По водным путям Смоленской земли еще в древности возникло много городов: Войщина, Каспля, Кричев, Торопец, Дорогобуж, Вязьма и др.

Смоленск и другие города вели также оживленную торговлю с прибалтийскими землями и Западной Европой, в частности с немецкими городами, куда в XII в. вывозилось сырье (лес, кожи и другие продукты животноводства, смола, пенька, мед и особенно воск) и ремесленные изделия.

Смоленская земля была составной частью древнерусского государства. Смоленские летописи до нас не дошли, и историю Смоленской земли приходится восстанавливать на основании случайных упоминаний о ней в летописях Киева, Новгорода и Владимира-на-Клязьме.

Зависимость от Киева выражалась в платеже даней, в участии в военных предприятиях киевских князей. В Смоленске обычно сидели посадники — наместники киевского князя.

Арабские монеты X в.
Государственный Исторический музей.

В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск оказался в руках Вячеслава Ярославича. Через три года он умер, и князья Ярославичи перевели в Смоленск из Владимира своего брата Игоря. В 1077 г. Смоленск перешел к Владимиру Мономаху, пытался здесь (в начале 1096 г.) обосноваться князь Давыд Святославич, изгнанный из Новгорода, но в 1097 г., после Любечского съезда, Владимир Мономах снова взял Смоленск, и до 1116 г. здесь правили его сыновья (Святослав, Вячеслав); затем до самой смерти Владимира Мономаха (1125) в Смоленске сидели его посадники.

К концу XI в. полоцкие князья (например, Всеслав) делали попытки присоединить Смоленск к своим владениям. Эти попытки были успешно отражены Владимиром Мономахом. Сын Мономаха Мстислав предпринял большой поход русских князей на Полоцк, вследствие чего Смоленское княжество также укрепило свое влияние в бассейне Западной Двины и приобрело Витебск. Смольняне участвовали в походе Владимира Мономаха на Глеба минского (1116). После этого похода к Смоленскому княжеству перешли Орша и Копыс.

Только после смерти Мономаха, когда на смоленский княжеский стол вступил его внук Ростислав (не позже 1127 г.), было положено начало политической обособленности Смоленской земли. Чтобы поставить княжество в независимое положение и в церковно-административном отношении, Ростислав в 1136 г. учредил в Смоленске епископскую кафедру, а в 1150 г. наделил ее землей и привилегиями [1]. При нем Смоленское княжество значительно расширилось и приобрело большое влияние на общерусские дела. В 1159 г. Ростислав занял киевский стол, а в Смоленске князем стал его сын Роман Ростиславич (1159—

[1] См. стр. 287 настоящего издания.

1180). В его княжение Смоленское княжество оставалось сильным и значительным.

При преемнике Романа — брате его Давыде (1180—1197) обострились отношения с Полоцким княжеством, еще недавно находившимся в зависимости от смоленского князя. Попытки Давыда восстановить свое влияние в Полоцке вызвали вооруженное столкновение, окончившееся в 1196 г. поражением смоленского войска под Витебском.

После смерти Давыда Ростиславича (1197) смоленский княжеский стол перешел к Мстиславу Романовичу (1197—1212). В эти годы в Смоленском княжестве упрочили свое влияние владимиро-суздальские князья. В 1212 г. Мстислав Романович сделался киевским князем, а в Смоленске стал княжить Владимир Рюрикович. В 1219 г. он отправился на юг помогать Мстиславу Удалому добывать Галич. Князем смоленским стал Мстислав Давыдович (1219—1230).

Смоленские полки князя Владимира Рюриковича принимали участие в битве на Калке.

На время княжения Мстислава Давыдовича приходится некоторое усиление Смоленского княжества, возросло влияние смоленских князей в Полоцко-Минской Руси. Это отразилось и на роли смоленских князей в Восточной Прибалтике. Так, несмотря на то, что немецкие крестоносцы захватили северное Подвинье и вели наступление на русские владения в землях эстов и латгалов, немецкое купечество и правители г. Риги и северогерманских городов были вынуждены в 1229 г. заключить со Смоленском торговый договор. Не будучи в состоянии существовать в отрыве от крупнейших русских центров европейской торговли, они должны были предоставить смоленским, а также полоцким и витебским купцам «вольный» путь по Двине в море, на Готланд и в немецкие прибалтийские города. Согласно договору, русские и немецкие купцы уравнивались в правах; договор регулировал торговые сделки и суд. Немецкие товары перевозились из-за моря сначала по Западной Двине, затем местные жители — «волочане» доставляли их сухим путем в Смоленск. В Смоленске было немало иноземных купцов. Во второй половине XIII в. в Смоленске, на берегу Днепра и речки Рачевки, существовала отдельная немецкая слобода, где проживали иноземные купцы и останавливались иностранцы, бывавшие в Смоленске проездом. Такие же колонии русских купцов находились в немецких городах.

К началу XIII в. значительно возросло влияние на Смоленск владимиро-суздальских князей; источники отмечают подчинение смоленской политики борьбе владимирских князей с новгородским боярством, а также свидетельствуют о попытках владимирских князей посл

татаро-монгольского нашествия сохранить Смоленск за собой; так, в 1239 г. Ярослав Всеволодович изгнал из этого города литовского князя. Однако последующее ослабление Владимиро-Суздальской Руси и рост великого княжества Литовского привели к временному захвату территории Смоленского княжества литовскими феодалами [1].

5
КУЛЬТУРА РУСИ ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Расчленение древнерусского государства было связано с ростом его отдельных частей, с развитием местных производительных сил, с образованием новых экономических, политических и культурных центров. В период феодальной раздробленности, помимо старых культурных центров — Киева, Новгорода, Чернигова, растут и крепнут многочисленные новые: Владимир-Залесский и Владимир-Волынский, Полоцк и Смоленск, Туров и Галич.

То немногое, что дошло до нас от письменности XII — начала XIII в. после бесчисленных вражеских вторжений, пожаров и небрежного хранения в более позднее время, свидетельствует не только о существовании выдающихся литературных произведений, но и об общей высокой культуре того времени, о наличии нескольких местных литературных школ, о многочисленности жанров, о самой потребности в литературе, о привычке к чтению. «Слово о полку Игореве», ораторские произведения Климента Смолятича и Кирилла Туровского, Киево-печерский патерик, повесть об убийстве Андрея Боголюбского, повесть Петра Бориславича о клятвопреступлении Владимира галицкого, житие Авраамия Смоленского или «Моление» Даниила Заточника — каждое из этих произведений резко отлично от другого и по форме и по содержанию. Своеобразная по обилию специфических местных черт летопись велась почти в каждом городе, в каждом крупном монастыре, нередко при дворе местного князя или даже при обычной церкви (как, например, в Новгороде). В любом из литературных произведений XII в. мы сталкиваемся с удивительным разнообразием словаря, со сложными традициями, зачастую с образами и идеями народной поэзии и всегда с устойчивыми местными особенностями стиля и языка.

Именно на этом этапе феодальной раздробленности развиваются, крепнут и кристаллизуются местные различия в зодчестве. Белокамен-

[1] См. гл. 5, § 11 настоящего издания.

ное зодчество Владимира-Залесского с его широким применением резного камня (церковь на Нерли, Дмитровский собор), с утонченностью пропорций и широким применением золоченой меди отлично от зодчества соседних Рязани и Чернигова, где широко применялись цветовые контрасты белого камня и красного кирпича. Простота и лаконизм форм архитектуры Новгорода (Нередица, церковь Благовещения на Городище) существенно отличаются от сложных архитектурных форм Чернигова (собор Елецкого монастыря) или Галича, где были применены известняк различных оттенков и раскрашенные резные изображения.

Стилистические различия архитектуры всех этих городов настолько велики, что при первом знакомстве с ними кажется, будто навсегда утрачено былое единство русской архитектуры. Растут и бытовые различия в одежде. Яркие местные черты могут быть прослежены в живописи отдельных княжеств, в прикладном искусстве и т. д.

Эта пестрота местных школ, стилей, традиций — своеобразное отражение феодального дробления в зодчестве, в живописи, в литературе. Характерной чертой этого времени является более интенсивное воздействие на культуру верхов русского общества многовековой народной культуры всех феодальных княжеств. Общий подъем производительных сил создавал благоприятные условия для более интенсивного проникновения народных черт в культуру.

Господствующий класс выступал как заказчик тех или иных произведений: зодчества, живописи, ремесла или литературы. Заказы в основном определялись традицией: здания или ювелирные изделия, рукописи или иконы заказывались обычно с «образца» уже существующих. Вкусы знати определялись стремлением окружить себя византийской пышностью или затмить своих соседей созданием произведений еще более богатых и дорогих.

Истинными создателями замечательных зданий во Владимире-на-Клязьме, в Новгороде или Смоленске, искуснейших изделий ювелирного ремесла или вооружения русских воинов был не господствующий класс, а простые русские ремесленники. Именно они вносили в свои произведения технические новшества, они совершенствовали идейное и эстетическое содержание своих произведений, их усилиями развивалась русская культура.

Народное начало, которое вносилось русскими мастерами в искусство, не оставалось неподвижным — оно также развивалось, росло, крепло под влиянием роста производительных сил страны. Развивалась не только техника ремесла, росла грамотность широких масс населения (надписи начали встречаться на многих бытовых предметах — на шиферных пряслицах, гончарных изделиях и т. п.),

расцветал фольклор. Тем самым создавались благоприятные условия для развития самобытной культуры Руси.

Народные, фольклорные начала явственно ощущаются в «Слове о полку Игореве». Вкусы русских каменщиков отчетливо проявляются в каменной резьбе владимиро-суздальских храмов. Традиции народного искусства, тяготеющего к реалистичности, сказываются в новгородских фресках «Спаса-Нередицы». Те же народные начала давали себя чувствовать уже прежде, но их рост и углубление становятся особенно отчетливыми, если мы сопоставим «Слово о полку Игореве» с предшествующим, по-своему замечательным, «Словом о законе и благодати» митрополита Илариона, владимиро-суздальские постройки с киевской «Софией», росписи новгородской «Нередицы» с фресками и мозаиками Киева XI в. В искусстве XII—XIII вв. меньше стремления поразить пышностью и блеском, оно меньше отделено от широких демократических масс, чем искусство предшествующего периода.

Замечательно, что этот рост народного, а следовательно, общерусского начала явился серьезным противовесом феодальному дроблению культуры. При этом дробление создало и благоприятные условия для роста самобытных черт русской культуры, позднее вошедших в состав русской культуры времени образования централизованного государства. Народное творчество было в основном едино. Единым (при наличии диалектов) был и богатый и своеобразный русский язык. Единым был и фольклор. «Удельная разрозненность,— писал Н. Г. Чернышевский,— не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда не имела корней в его сердце: народ только подчинялся семейным распоряжениям князей» [1].

Территориальное дробление не было главным моментом, определяющим идейное содержание русской культуры периода феодальной раздробленности. Главным и определяющим было своеобразие развития феодальных отношений в различных частях прежде единой Руси. Экономическая и политическая замкнутость каждого княжества создавала лишь благоприятные условия для роста своеобразных черт.

С ростом социальных противоречий внутри феодального общества все интенсивнее обнаруживалась борьба противоположных классовых тенденций в русской культуре. В период феодальной раздробленности прогрессивные и консервативные, реакционные тенденции гораздо резче разграничены в культурной жизни страны, чем в предшествующий период истории древнерусского государства. Процесс развития культуры становится все сложнее.

---

[1] *Н. Г. Чернышевский.* Полное собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 570.

а) Искусство и литература

После раздробления древнерусского государства Киев продолжал оставаться номинальным центром Русской земли. Поэтому князья черниговские и смоленские, галицкие и владимирские приходили сюда на «златой киевский стол»[1]; они приводили дружины военные и дружины строителей, свои дворы и своих летописцев. Князья эти то строили в Киеве здания, то жестоко его опустошали, перевозя из него в свои княжества предметы искусства и книги.

В Киеве также замечаются изменения, характерные для культуры Руси этого периода В XII в. в Киеве и вокруг него строятся церкви значительно меньшего размера, чем во времена Ярослава, его сыновей и внуков. Архитектурные формы этих церквей упрощены, богатое внутреннее убранство мозаиками исчезает, заменяясь более дешевыми фресками Из большого числа церквей этого времени известны немногие: церковь Успения на Подоле в Киеве (1131—1132), киевская церковь Кирилловского монастыря (1140) и некоторые другие. Живопись Киева известна еще слабее. Очень плохо сохранившимися дошли до нас только фрагменты фресок Кириллова монастыря.

Зато значительно ярче представлено ремесло Киева, попрежнему составлявшее основу развития искусства. Раскопки раскрыли богатство ремесленного производства Киева в момент его разрушения ордами татаро-монголов.

В XI—XII вв. в Киеве развивается производство тончайших перегородчатых эмалей, требовавших от русских мастеров исключительного искусства и художественного чутья. По замечанию исследователя русского ремесла древней Руси, «как в эмальерном деле, так и в смежных с ним киевские мастера были выше своих западноевропейских современников (на Западе, например, не была еще известна техника пастилажа — накладывания рельефного эмалевого рисунка на керамику, хорошо разработанная киевскими мастерами)»[2]. Не имели себе равных русские мастера и в технике зерни (ювелирные изделия из дробинок металла) и скани (ювелирные изделия из золотой или серебряной проволоки), в изготовлении тончайших литейных форм.

Как в Киеве, так и в других центрах русского ремесла, число которых беспрерывно росло, количество ремесленных специальностей значительно увеличивается[3]. Совершенствуется техника ремесел. Увеличивается массовость продукции, она подтачивает первоначальную

---

[1] «Слово о полку Игореве», стр. 25.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 396.

[3] Там же, стр. 521.

замкнутость ремесел. Пряслица из розового шифера, изготовлявшиеся под Киевом (в Овруче), распространяются по всему лицу Русской земли — вплоть до далекой Ладоги. Часть русской ремесленной продукции вывозится в Западную Европу, например замки, известные в Чехии и других странах как «русские замки»[1].

Развитие ремесла идет рука об руку с развитием в нем самобытных, народных начал: «В художественном отношении мир образов, созданных русскими мастерами, представляет интереснейшую и своеобразную страницу в истории общеевропейского ремесленного искусства. В камне, в эмали, на серебре и кости русские мастера воплотили причудливую смесь христианских и архаичных языческих образов, сочетав все это с местными русскими мотивами и сюжетами»[2].

Еще отчетливее мы имеем возможность представить литературу Киева этого периода и, в частности, его летописание. В составе волынского свода, представленного Ипатьевской летописью в пределах до 1200 г., сохранился киевский летописный свод, основанный на предшествующих летописных памятниках[3], который был составлен в Выдубицком подгороднем монастыре сторонниками киевского князя Рюрика Ростиславича. Он открывался «Повестью временных лет». Затем шли соединенные в одно целое летописные записи, сделанные в Киеве (в Печерском и Выдубицком монастырях), в Чернигове и в Переяславле Южном. В заключение было помещено «похвальное слово» выдубицкого игумена Моисея в честь киевского князя Рюрика Ростиславича, произнесенное по поводу построения последним грандиозной подпорной стены, предохранявшей от оползней выдубицкий холм, на котором стоял монастырь.

В киевском летописном своде 1200 г. отразились многочисленные новые формы исторических произведений, впервые возникшие на русской почве именно в период феодальной раздробленности. Сюда были включены семейные княжеские летописи. В этих летописях отмечены главным образом события семейной и личной жизни князей: рождения детей, браки, смерти, перемены княжения и изредка походы. В летописании княжеском обнаруживается зрелость исторического самосознания, сознания исторической ценности личной деятельности, стремление сохранить для потомства частности своей биографии. Такие памятники, как княжеские летописи Игоря Святославича и его отца, Святослава Ольговича, или летопись Ростиславичей смоленских, значительно обогатили киевскую летопись XII в.

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 478.

[2] Там же, стр. 521.

[3] См. гл. 2, § 9 настоящего издания.

Киевский свод включил и другую новую форму исторического повествования, также возникшую в XII в.,— жизнеописания князей. Одно из таких жизнеописаний — рассказ о киевском князе Изяславе Мстиславиче (под 1146—1154 гг. в Ипатьевской летописи) составляет наиболее яркие страницы киевского свода. Рассказ этот носит светский характер и отчетливо отражает детали княжеского быта XII в.

В свод вошли и обличительные повести о княжеских преступлениях. Они были типичны для времени острых феодальных войн. Это были своеобразные обличительные документы, но документы, составленные в живой манере, подробные, с точно переданными речами действующих лиц. Они должны были убеждать читателя в виновности одной из враждующих сторон и правоте другой.

Эти пространные, реалистично написанные, насыщенные бытовыми и драматическими подробностями повести составлялись обычно непосредственными участниками событий или их свидетелями. Они возникли из потребности политической борьбы; резко разрушая византийские средневековые литературные каноны, они обнаруживали поразительную свежесть восприятия, свидетельствующую о своеобразных реалистических тенденциях в русской литературе XII в. Одна из таких повестей включена в киевский свод под 1175 г.— это повесть Кузьмища Киянина об убийстве Андрея Боголюбского. Другая повесть этого же вида — повесть боярина Петра Бориславича о клятвопреступлении Владимира галицкого (сохранилась неполностью под 1152 г.).

Благодаря такому разнообразию включенного в нее материала киевская летопись представляет собой одну из самых богатых летописей древней Руси — богатую и как исторический источник, и как литературное произведение, и как памятник русского литературного языка. Будучи княжеской киевской летописью, она отражает в то же время рост общерусских черт литературы этого периода. В киевской летописи нередко выражена забота о всей Русской земле. Летопись осуждает князей — «наводников» половцев и нарушителей «крестного целования». Призыв «постеречи земле Руской», «блюсти Руской земли», «за землю Рускую страдати» звучит в киевской летописи в течение всего XII в. Но эта летопись ничего не говорит о повседневных заботах трудового народа, только изредка упоминает о страданиях населения городов и сел от набегов половцев и междоусобных ратей.

Киевская литература в значительной степени составлялась некиевлянами. К числу таких некиевлян принадлежит знаменитый проповедник Климент Смолятич, литературная деятельность которого охватывает 1140—1150 гг. Летопись так характеризует Климента: «бысть

книжник и философь так, яко же в Руской земли не бяшеть»[1]. Из всех многочисленных произведений Климента сохранилось лишь послание к пресвитеру Фоме. Оно представляет литературную защиту символического толкования «Священного писания» и соответствующих ораторских приемов проповеди. Следовательно, в XII в. велись споры о предпочтительности тех или иных литературных приемов, имелись различные литературные школы, существовала высокая писательская культура. Характерно, что современники обвиняли Климента в излишнем пристрастии к Омиру (Гомеру), Аристотелю и Платону.

К киевской и к владимиро-суздальской литературе относится замечательный памятник житийной литературы — Киево-Печерский патерик.

Основная часть Киево-Печерского патерика — послания епископа суздальского и владимирского Симона печерскому монаху Поликарпу и Поликарпа печерскому игумену Акиндину — возникла в 20-х годах XIII в. Симону же принадлежит «Слово о создании церкви Печерской»[2], пространный рассказ о «чудесных» обстоятельствах построения главного монастырского здания — Успенского собора.

Послание Симона Поликарпу написано в обличение «санолюбия» последнего. Поликарп был недоволен своим положением простого монаха в Печерском монастыре и различными путями домогался епископского места. Симон советовал Поликарпу оставаться монахом, уверяя его, что «един день в дому божиа матере (в Печерском монастыре.— *Ред.*) паче тысяща лет»[3]. В конце послания Симон приводит девять рассказов о Печерском монастыре, каждый из которых должен был свидетельствовать о «святости» этого места.

Послание Поликарпа Акиндину, написанное как бы в ответ на послание Симона, содержит 11 рассказов о печерских монахах.

Киево-Печерский патерик служил целям пропаганды церковной феодальной идеологии. Его непосредственной задачей было возвеличение Киево-Печерского монастыря и его «святынь». Однако составители патерика вынуждены были считаться и со вкусами своих читателей; рассчитан же он был на самые широкие круги населения. Вот почему в патерик проникли элементы занимательности и черты русского быта XI—XII вв.

Рассказы Симона, а в особенности Поликарпа полны бытовых подробностей, живо рисующих жизнь Киево-Печерского монастыря. В них

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 340.

[2] «Патерик», стр. 3—5.

[3] Там же, стр. 76.

описаны монахи, которые занимались различными ремеслами, торговлей (солью, хлебом). «Чудеса» происходят то в келье иконописца, то в пекарне, то у гробовщика. Один из монахов заставляет бесов ворочать жернова и молоть на себя пшеницу, другой — таскать в гору от Днепра бревна; описывается тяжба между монахом и возчиками, которые подкупают судью, и тот принуждает монаха платить возчикам, говоря: «да помогуть ти беси платити, иже тобе служать»[1]. Переплетающаяся с бытом фантастика придает рассказам занимательность и сюжетное разнообразие. Патерик проникнут идеологией духовной знати, заправлявшей монастырем. Вместе с тем, в годы феодальной раздробленности патерик живо напоминал своим читателям об историческом прошлом родины, о Киеве XI в., способствуя тем самым сохранению идеи единства Русской земли.

Рассказами патерика увлекался в свое время Пушкин, отмечавший в них «прелесть простоты и вымысла» (письмо к Плетневу от 12—14 апреля 1831 г.)[2].

Только условно можно говорить о замкнутости культуры и другого древнего культурного центра Руси — Чернигова.

Черниговское зодчество XII — начала XIII в. представлено рядом выдающихся памятников — соборами Пятницкого монастыря, а также соборами Успенским и Благовещенским (повидимому, начала XIII в.). Последний собор, разрушенный немецко-фашистскими захватчиками обладал резко выраженными особенностями, обусловленными связью его архитектуры с русской народной деревянной архитектурой. Ступенчатая конструкция сводов и общая пирамидальная композиция позволяют рассматривать Пятницкий собор как один из первых памятников ярусно-повышенного типа. Дальнейшее развитие этого типа в XV в. привело к вершине русского средневекового зодчества — храму Вознесения в Коломенском. Пятницкий храм — памятник вполне своеобразного и самостоятельного стиля.

Чернигов издавна был важным центром ремесла. Ремесло продолжало развиваться в Чернигове и в XII и в начале XIII в. Замечательный памятник черниговского прикладного искусства — серебряная чаша черниговского князя Владимира Давыдовича (убит в 1151 г). с чеканной надписью по краям: «А се чара кня[зя] Володимирова Давыдов[и]ча, кто из нее пь[еть], тому на здоровье, а хваля бога своего и господаря великого кня[зя]»[3].

---

[1] «Патерик», стр. 214.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. X, М.— Л., 1949, стр. 347.

[3] *И. И. Срезневский.* Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882, стб. 60—61.

Серебряная чаша князя Владимира Давыдовича с чеканной надписью по краям

Оружейная палата

Литература Чернигова, повидимому, была весьма богатой. В Чернигове, несомненно, велась летопись. Один из черниговских князей — Никола Святоша — был авторитетным в своей среде писателем. Однако от всей литературы Чернигова сохранилось только одно произведение — «Слово о князех», написанное около 1175 г. По форме оно представляет собой церковное «похвальное слово» на память перенесения «мощей» Бориса и Глеба. Однако ближайшим поводом к его написанию послужило, вероятно, столкновение между черниговским князем Святославом Всеволодовичем и новгород-северским князем Олегом Святославичем. «Слово» призывает русских князей прекратить усобицы, перестать наводить на Русскую землю половцев: «Вы же и до слова брату не можете стерпети и за малую обиду вражду смертоносную воздвижите, помощь приемлете от поганых на свою братию»; «постыдитеся враждующеи на братию свою, и на единоверныа своя, вострепещите, восплачитеся пред богом, каковы славы лишитися хотите за едино злопомнение»[1].

В культуре Новгорода резко отразился его социальный строй. Установление в Новгороде республиканской по форме государственной организации, во главе которой стала боярская знать, использовавшая в своих целях народное движение, привело к значительной демократизации новгородской культуры, помимо воли самого боярства.

Политический переворот 1136 г. не замедлил сказаться в искусстве Новгорода. Иные формы приобрела живопись и в особенности архитектура. Последней княжеской постройкой в пределах городской черты, обычного для XI — начала XII в. монументально-торжественного типа,

[1] *Х. Лопарев.* Слово похвальное на перенесение мощей Бориса и Глеба. «Памятники древней письменности», вып. 98, СПб., 1894, стр. 21, 27

следует считать церковь Ивана на Петрятине дворе (на Опоках) 1127 г., которую Всеволод Мстиславич безуспешно пытался сделать княжеским политическим центром Новгорода.

Боярско-купеческое строительство второй половины XII в. выработало новый тип четырехстолпного, квадратного в плане, укороченного храма, более упрощенного и уменьшенного в размерах, чем обширные княжеские соборы предшествующей поры (Николо-дворищенский, храм Антониева монастыря и др.). В предшествующую пору князья строили церкви с великолепными, сильно освещенными каменными хорами, на которых слушали церковную службу только княжеская семья и приближенные, тогда как внизу помещались все остальные присутствующие (например, Георгиевский собор в Юрьевском монастыре 1119 г., сооруженный мастером-строителем Петром). Новые, возводимые со второй половины XII в. церкви боярско-купеческой постройки имеют деревянные хоры служебного значения, а все присутствующие стоят вместе внизу. Храмы эти не многокупольные, как раньше, а однокупольные. Композиция фасадов проще.

Во второй половине XII в. Новгород обстраивается значительным числом церквей этого типа — небольших, скромных. Новые церкви возводятся на средства уличан (жителей улицы). Церкви эти были заметными центрами политической жизни и торговли отдельных районов города (концов и улиц). В них хранятся товары, в них спасают жители свое имущество во время пожаров, в них собираются братчины, около них устраиваются совместные пиры и т. д. В Новгороде, как и в других областях древней Руси, деятельность феодальной церкви была тесно связана с интересами боярства и купечества.

Первыми из храмов нового типа являются выстроенная в Пскове архиепископом Нифонтом кубическая церковь Спасо-Мирожского монастыря (1130—1152) с ее замечательными фресками и выстроенная в Новгороде в 1156 г. русскими «заморскими купцами»[1] церковь Параскевы Пятницы на Торговище. Вслед за этими церквами строятся такие же церкви Благовещения в Аркажах (1179), Воскресения на Мячине (1195), Петра и Павла на Синичьей горе (1185—1192) и др.

Новый характер построек настолько прививается, что такие церкви строят и князья в своей загородной резиденции на Городище. К новому типу церквей принадлежала и всемирно известная церковь «Спас-Нередица», варварски разрушенная немецкими фашистами. Она была построена в 1198 г. недалеко от княжеского двора на Городище и расписана фресками в 1199 г. Направо от входа в нее был изображен отец

[1] НПЛ, стр. 217.

Спасский собор Мирожского монастыря в Пскове

Александра Невского, новгородский князь Ярослав Всеволодович, в русских княжеских одеждах. Изображение это относится к более позднему времени, чем остальные фрески и, как предполагают, было выполнено по распоряжению Александра Невского вскоре после смерти его отца в 1246 г.

По сохранности фресок «Нередица» занимала совершенно исключительное место в ряду других церквей средневековья. Изображения покрывали ее стены сплошь — в том числе и нижние части; под мрамор в «Нередице» был расписан лишь самый нижний пояс.

В традиционную схему росписей церквей новгородские мастера внесли много своего. Так, например, на западной стене церкви среди изображений мучений грешников в аду представлен богач, сидящий в огне, а перед ним сатана. Богач взывает к Аврааму: «Отче Аврааме, помилуй мя и посли Лазоря, да омочить перст свой в воде и устудить ми язык: измагаю бо в пламени семь», а сатана подносит ему сосуд с огнем и говорит: «Друже богатый, испей горящаго пламени»[1].

---

[1] *В. К. Мясоедов*. Фрески Спаса-Нередицы. Изд. Гос. Русского музея, Л., 1925, стр. 14.

Церковь Спаса-Нередицы в Новгороде до разрушения ее фашистскими захватчиками

Деталь фрески церкви Спаса-Нередицы с изображением Ярослава Всеволодовича

В средневековое идеалистическое искусство живописи мастера «Нередицы» сумели внести элементы реализма: человеческие фигуры рельефны, почти весомы, а их индивидуальные характеристики даны с поражающей силой. В композицию «Крещения» внесены натуралистические детали: среди группы ожидающих крещения один скидывает через голову рубашку и запутался в ней, другой плывет в исподних штанах, остальные снимают одежду, сбрасывают сапоги.

Фрески «Нередицы» были исполнены русскими мастерами. Таких мастеров на Руси было много, и, как показывают сохранившиеся памятники, многие из них создали свою неповторимую манеру творчества. Язык трех надписей обнаруживает черты новгородского произношения с обычной для Новгорода меной *ц* и *ч* и другими типичными особенностями.

Новые особенности живописи XII — начала XIII в. отразились и в новгородских иконах этой поры. В них проникают черты народного искусства. Прежние аристократически идеализированные образы святых приобретают более славянские черты и более бытовой облик. В них меньше прежней строгости трактовки лиц. Особенностью новгородской живописи этой поры является пристрастие к ярким и чистым краскам — киновари, красно-коричневой, синей, зеленой и желтой.

Широко развитое ремесло Новгорода ярко характеризует «сион», или «иерусалим» (церковный сосуд, имеющий подобие церкви), хранящийся в ризнице новгородского Софийского собора. Художественные достоинства чеканной работы «ставят этот сион в ряд первоклассных произведений русского средневекового ювелирного искусства»[1].

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 294.

Деталь фрески церкви Спаса-Нередицы

В той же ризнице хранятся два схожих между собой серебряных кратира (церковные сосуды), сделанные мастерами Братилой и Костой. Первый из них относится к концу XI — началу XII в., а второй — к концу XII — началу XIII в. Оба кратира выполнены тончайшей чеканкой и свидетельствуют о высоком развитии ювелирного ремесла в Новгороде.

Установление нового политического порядка в Новгороде сказалось не только на изменении общего характера новгородского искусства, но и в письменности. Резко меняется летописание, которое отныне становится лаконичным, приобретает интерес к быту и простоту стиля и языка, сохраняющиеся в новгородском летописании вплоть до XV в. Новгородское летописание XII—XIII вв. дошло до нас в так называемом Синодальном списке Новгородской первой летописи.

Переворот 1136 г. и изгнание Всеволода побудили епископа Нифонта пересмотреть прежнее княжеское летописание Новгорода. Эту работу он поручил Кирику — уставщику Антониева монастыря в Новгороде. Кирик составил предварительно работу по хронологии, а затем пересмотрел все предшествующие летописные записи. В свое время в начале новгородской княжеской летописи была помещена составленная при Владимире Мономахе «Повесть временных лет» (Владимир Мономах приходился дедом новгородскому князю Всеволоду). «Повесть временных лет» Кирик заменил Киево-Печерским сводом 90-х годов XI в., открывавшимся предисловием, резко направленным против княжеской власти. Автор этого предисловия упрекал князей в «несытстве», в алчно-

Церковный сосуд («сион») из новгородского Софийского собора

сти, в разорении людей налогами и поборами. Этот антикняжеский характер предисловия был использован Кириком как раз в тот момент, когда в Новгороде отбирались у князя его права, доходы и владения. Таким образом, урезывание княжеских прав и доходов в пользу боярства сопровождалось соответствующей пропагандой в летописи. Остальные

записи княжеской летописи были сильно сокращены в порядке их переработки в духе требований нового боярского правительства Новгорода.

Начиная с 30-х годов XII в., новгородская летопись все больше внимания уделяет местным городским событиям: пожарам, стихийным бедствиям и т. д. С редкой последовательностью новгородский летописец отмечает всякое повышение цен на хлеб и описывает непогоду, отражавшуюся на состоянии жатвы. Новгородский летописец не забывает отметить радость новгородцев по поводу счастливого исхода событий и сопровождает восклицаниями ужаса всякое общественное несчастье: голод, пожары, наводнения.

Язык новгородских летописей сравнительно близок к разговорному, в нем редки церковнославянизмы и книжные обороты. Иногда в новгородской летописи встречаются обороты деловой речи, иногда пробивается местное произношение, иногда народные, просторечные выражения.

Но новгородское летописание велось не только при дворе новгородского архиепископа. В позднейших летописях, путем их сопоставления и анализа, можно выделить летопись, которую в течение двухсот лет вели в уличанской церкви Якова в Неревском конце. Эта церковь была основана на месте победы новгородцев над полоцким князем Всеславом в 1069 г. После политического переворота 1136 г. ее настоятель — поп Герман Воята, поставленный архиепископом новгородским Нифонтом, начал вести летопись своей церкви, придав ей поразительно необычный для средневековой письменности характер домашности и простоты.

Круг интересов Вояты не широк: это внутренние события городской жизни — постройки церквей, моста через Волхов; уличные события не слишком большого значения: «а в 23 того месяця (апреля.— *Ред.*) пополошишася людье: солгаша бо, яко Святополк у города с плесковици (с псковичами.—*Ред.*); и высушася весь город к Сильницю, и не бы ничтоже...» (1138 г.)[1]. Воята отмечает в своих записях дороговизну, состояние погоды: «Стояста 2 недели полне, яко искря гуце, тепле велми, переже жатвы; потомь найде дожгь, яко не видехом ясна дни ни до зимы; и много бы уиме жит и сена не уделаша; а вода бы больши третьяго лета на ту осень; а на зиму не бысть снега велика, ни ясна дни, и до марта» (под 1145 г.)[2]. «На то же осень зело страшьно бысть: гром и молния, град же яко яблоков боле, месяця ноября в 7 день, в час 5 нощи» (1157 г.)[3].

Воята записывает в свою летопись сообщение об утонувших в Волхове попах, рассказывает о состоянии хлебов, о покосах сена, об

---

[1] НПЛ. стр. 25.
[2] Там же, стр. 27.
[3] Там же, стр. 30.

Церковный сосуд («кратир») из новгородского Софийского собора

унесенных разливом Волхова дровах, о слышанном им зимой, очевидно, во время занятий в архиепископской канцелярии («в истьбе седяще»), громе и, наконец, о собственном поставлении в попы (под 1144 г.)[1]. Все это изложено Воятой довольно последовательным просторечием, часто от первого лица. Воята, как видно, ограничен в своих интересах, но по-своему талантлив, не боится отступать от средневековых трафаретов книжности, вкладывая в записи личные интересы и внимание к быту. Непосредственная заинтересованность в описываемых событиях, облик живого человека остро ощущаются в ненарочитой простоватости его записей.

Самое начало XIII в. приносит новые черты в новгородское летописание: значительно расширяется обычная тематика летописных записей. Летописца начинают интересовать события вне стен его родного города, события общерусские. Этот интерес летописца возникает в связи с политикой новгородского князя Мстислава Удалого, вмешавшего Новгород в дела северо-восточных княжеств.

Немалый интерес представляет помещенная под 1204 г. «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами»[2]. Автор повести подробно описал

[1] НПЛ, стр. 25, 27.
[2] Там же, стр. 46—49.

разгром Константинополя полчищами крестоносцев, уничтожение и разграбление предметов искусства и пространно и деловито в обычном летописном стиле изложил предшествовавшую погрому историю Византии.

Начиная с XI и кончая XV в. в Константинополь неоднократно направлялись группы паломников. До нас дошло несколько описаний Царьграда и путеводителей, из которых первое принадлежит знатному новгородцу — Добрыне Ядрейковичу, бывшему впоследствии епископом новгородским под именем Антония. Добрыня путешествовал в Царьград около 1200 г. и оставил «Сказание мест святых во Цареграде»[1].

Наряду с религиозными достопримечательностями Добрыня интересуется в Константинополе и произведениями искусства. От него сохранилось описание варварского разорения Константинополя католическими крестоносцами. Как русский Добрыня с гордостью отметил в Константинополе почитание русских «святых» Бориса и Глеба, упомянул о блюде княгини Ольги и храме Софии, о находившихся в Константинополе русских.

Полнее, чем от какой-либо другой области древней Руси, дошло до нас когда-то богатое устное народное творчество Новгорода. Мы видели выше, что народное творчество проявлялось в самых разнообразных произведениях XII—XIII вв. Творческой инициативой широких масс трудового народа были отмечены и княжеское и боярское зодчество. Народное стремление ко всему яркому, жизнерадостному и реалистичному проявлялось отчасти в живописи, выполнявшейся по заказам знати. В дальнейшем интересы трудового населения получили отражение в некоторых произведениях литературы («Слово о полку Игореве»).

Однако устное поэтическое творчество полнее всего отражало интересы и стремления трудового народа, только оно было свободно от контроля господствующих классов, не знало «заказчиков» и не нуждалось в их материальной поддержке. В былинах, в лирических песнях, в песнях исторических, в пословицах и поговорках, в сказках и легендах народ выражал свои думы и чаяния, свое отношение к государственному порядку.

Богатое устное творчество Новгорода сохранилось только частично. Новгородские былины о Василии Буслаевиче, об Иване Гостинном сыне, о Садко богатом госте, о Хотене Блудовиче и некоторые другие дошли до нас в записях XVIII—XIX вв. с противоречивыми наслоениями XIV—XIX вв. В этих былинах отразился быт торгового города, столкновения между городской знатью и беднотой на Вели-

[1] «Палестинский сборник», вып. 51, СПб., 1899, стр. 1—39.

ком новгородском мосту, ушкуйничество, семейно-бытовые отношения среди богатого новгородского купечества и боярства. Образ Садко, поэта и музыканта, с помощью чудесных сил ставшего «богатым гостем» и вступившего в состязание с целым Новгородом, а также образ бесшабашного Васьки Буслаева, не верящего «ни в сон, ни в чох»[1], принадлежат к числу ярких образов русского народного творчества.

Искусство и литература Владимиро-Суздальской Руси отмечены рядом своеобразных черт. В отличие от суровой архитектуры Новгорода с ее приземистыми пропорциями и простотой, княжеское и церковное зодчество Владимира-на-Клязьме носило парадный и торжественный характер, выделялось изысканностью пропорций, изяществом линий.

Торжественные арки городских ворот — «Золотых», «Серебряных», «Медных», широкие проезды, мощенные камнем площади, на которые были обращены богато украшенные скульптурой, золоченой медью и фресками фасады белокаменных княжеских построек, обширные и светлые помещения храмов (как это видно по Успенскому собору) предназначались для многолюдных церемоний. Сверкающие драгоценные полы, золотые купола, богатые ткани, развешиваемые по стенам храмов, дорогая утварь — все преследовало цель поразить зрителя и внушить уважение к власти князя.

Блестящее золото и сияющая белизна белокаменных стен составляли излюбленное сочетание в постройках владимирской феодальной знати. Золоченой медью были окованы полотнища массивных створ Золотых ворот — главных в городе. Золотом были покрыты главы первого владимирского Успенского собора, построенного Андреем Боголюбским. Колонки его аркатурного (состоящего из множества арок) пояса были также вызолочены. Листами позолоченной меди были окованы порталы и простенки окон главы. Вызолоченные флюгера возвышались над полуцилиндрическими посводными кровлями.

Тщательные разыскания советских археологов (Н. Н. Воронина) позволили восстановить облик загородной княжеской цитадели Андрея Боголюбского — его замка в Боголюбове, выдающегося творения русских зодчих и строителей. Замок этот, невдалеке от устья Нерли, был окружен высокой стеной с прекрасными белокаменными башнями. В центре замка на краю берегового обрыва возвышался видный издалека дворец Боголюбского. Восточный фасад дворца выходил к спуску к речной пристани. Западный был обращен на дворцовую площадь,

---

[1] «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», под ред. С. К. Шамбинаго, М., 1938, стр. 116.

вымощенную плитами белого камня и пересеченную тесаными из камня водосточными желобами. На дворцовую площадь выходил также окованный тонкими листами золоченой меди западный портал собора. Здесь же на трехступенном круглом пьедестале стояла большая белокаменная чаша, из которой путники могли утолять жажду. Чашу окружало восемь изящных, легких, утончавшихся кверху колонн, державших восьмигранную, вероятно, золоченую шатровую кровлю.

Палаты Андрея и собор соединялись белокаменными переходами. Галереи этих переходов имели цветные майоликовые полы и были расписаны фресками. Их фасады были украшены фресковыми орнаментами, металлопластикой, резным камнем и, повидимому, скульптурой: при раскопках северного перехода была найдена голова статуи зверя (собаки или дракона), помещавшейся, очевидно, в нише фасада.

Центральным зданием ансамбля был дворцовый собор Рождества богородицы. Это был небольшой храм с одной вызолоченной главой, с полуцилиндрическими покрытиями прямо по сводам. Его фасады членились на три доли сложными пилястрами и были опоясаны на середине высоты аркатурно-колончатым поясом. Стены были украшены резным камнем.

Внутри собор отличался большим своеобразием. Вместо обычных в русских храмах кресчатых столбов, поддерживавших купол, здесь высились расписанные под мрамор колонны с аттическими базами (база — нижняя часть колонны) и огромными вызолоченными лиственными капителями. Строители вымостили цветными майоликовыми плитками хоры и высоко подняли их над головами молящихся. Искуснейшие художники расписали стены собора яркими фресками. Пол был вымощен толстыми, запаянными оловом медными плитами, казавшимися современникам золотыми. За сквозной белокаменной алтарной преградой вздымала свой шатровый верх алтарная сень с резными изображениями Христа, богоматери и Иоанна Предтечи.

Еще бóльшим великолепием отличался выстроенный при том же Андрее Боголюбском владимирский Успенский собор (1158—1161). Путем тонкого расчета пропорций владимирским зодчим удалось создать впечатление большой легкости сводов и высоты храма. Тонкие столбы легко вздымали своды собора. Через двенадцатиоконный купол обильно струился свет. Зодчие украсили фасады скульптурными деталями, подчеркнувшими ритмичность членения стен. Сами стены были внутри покрыты фресками, искусно подчиненными архитектурным формам собора. Строители вымостили пол разноцветными майоликовыми плитами. Богослужебные сосуды и вся утварь храма были украшены драгоценными камнями и жемчугом. Наружные лицевые стороны Успенского собора разделялись сложными пилястрами с пышными

Замок Андрея Юрьевича в Боголюбове

(Реконструкция Н. Н. Воронина)

капителями. Изящный фриз из стройных колонок тянулся вдоль стен, повидимому, украшенных резным камнем. Между вызолоченными колонками этого фриза помещались фресковые изображения «святых». Вызолоченные флюгера, птицы и «кубки», украшения из золоченой прорезной меди завершали кровлю. Не случайно княжеский летописец не находил слов для описания сверкающего великолепия наружного «узорочья» собора, который был «измечтан всею хитростью»[1], доступной человеку.

Выстроенная там же в годы правления Андрея Боголюбского в 1165 г. церковь Покрова на Нерли принадлежит к лучшим произведениям русской архитектуры. Ее пропорции отличаются гармоничностью и стройностью. Внутри церковь была богато расписана фресками, а снаружи украшена каменной резьбой, декоративной скульптурой. На стенах церкви Покрова можно видеть изображение библейского царя Давида, играющего на струнном инструменте, львов, голубей, грифонов, терзающих ягненка, барсов, женские маски.

После пожара 1184 г. при Всеволоде Большое Гнездо в Успенском соборе во Владимире были произведены сложные технические работы, храм был значительно расширен. С трех сторон он был обстроен просторными галереями. Стены храма, окруженные этими обстройками, были прорезаны широкими арочными пролетами и соединены арочными же перемычками с новыми наружными стенами галереи. Над галереями строители поставили четыре новых световых главы. Собор из одноглавого стал пятиглавым. Полы из майоликовых плит были сменены на полы из фигурной майоликовой мозаики. Собор был заново расписан и украшен драгоценной утварью.

К 1194 г. относится строительство во Владимире Дмитриевского собора. На стене Дмитриевского собора изображены царь Давид, Александр Македонский, летящий на грифах, и др. На обращенном к городу северном фасаде собора скульптор представил самого строителя собора — Всеволода Большое Гнездо с наследником среди коленопреклоненных подданных. В этой искусной каменной резьбе, выполненной по заказу князя, нашли яркое отражение народные вкусы, привнесенные простыми владимирскими «каменосечцами». Каменная резьба владимирских ремесленников очень близка к русской народной деревянной резьбе. Созданные по княжескому распоряжению владимирские храмы не только отразили идеологию верхов феодального общества, не только служили целям возвеличивания сильной княжеской власти, но воплотили в себе творческую инициативу народа. Вот почему они, как и многие другие произведения этой поры,

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 582.

Дмитриевский собор во Владимире

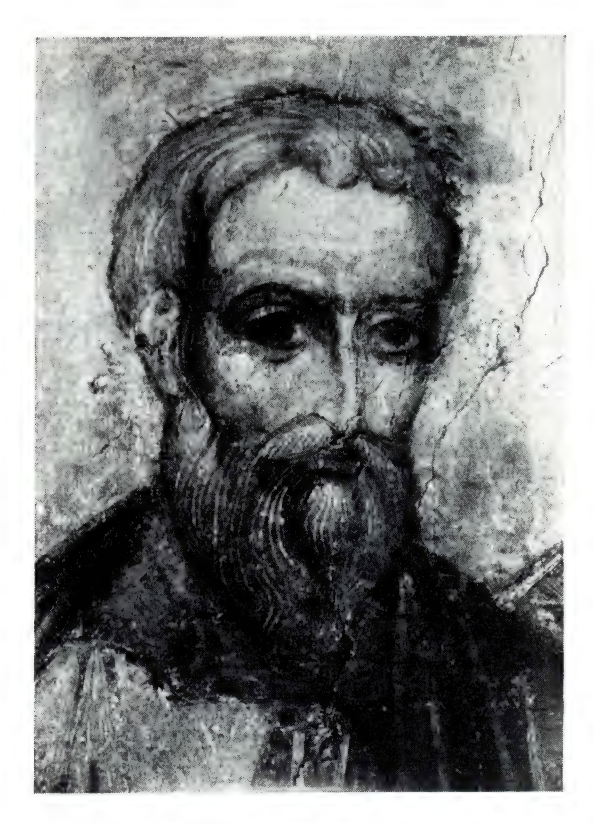
Церковь Покрова на Нерли

выполненные руками русских «хитрецов», «горододельцев», «изографов», сохраняют свою непреходящую ценность.

Памятники владимирского зодчества хранят в себе драгоценные остатки живописи. Во владимирском Успенском соборе сохранились фрагменты росписей, сделанных при Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо. К концу XII в. относятся росписи Дмитриевского собора во Владимире. Сохранившаяся живопись Владимира, так же как и архитектура, носит княжеский характер. Но так же как и в архитектуре, в ней проявляется творчество выполнителей — народные и самобытные вкусы. В ней сильны связи с живописью Киева XI в., но вместе с тем ощущается стремление к пышности, к парадности, а кое в чем и к психологической реалистичности человеческих образов. Во Владимире сложилась сильная школа зодчих и мастеров

Белокаменная резьба на южной стене Дмитриевского собора во Владимире.

Фреска Дмитриевского собора

различных строительных профессий (каменотесы, резчики по камню и металлу, медники, керамисты и живописцы).

Исключительный интерес представляет икона, изображающая Дмитрия Солунского — «покровителя» князя Всеволода Большое Гнездо (теперь — в Третьяковской галерее). Вероятно, перед нами портретное изображение самого Всеволода. Дмитрий сидит на престоле и вынимает из ножен меч. На его голове — византийский кесарский венец. Его лицо властно и энергично.

Значительного развития во Владимиро-Суздальской Руси в XII—XIII вв. достигло ремесло. Образцом кузнечного ремесла Владимиро-Суздальской Руси в сочетании с ювелирным может служить известный шлем Ярослава Всеволодовича, найденный в начале прошлого столетия на поле Липецкой битвы 1216 г., где Ярослав потерпел поражение. В отличие от шлемов предшествующей поры он весь выкован из одного куска, что делало его более легким и одновременно более прочным.

Сверху шлем был набит серебром и выложен серебряными накладками изящной отделки, со сложным орнаментом и изображением архангела Михаила с надписью вокруг этого изображения: «Великий архистратиже ...Михаиле, помози рабу своему Феодору»[1] (Феодор—было христианское имя Ярослава).

То же сочетание кузнечного дела с ювелирным представляет собой декоративный парадный топорик с изображением буквы А, возможно принадлежавший Андрею Боголюбскому или кому-нибудь из его дружины. Этот топорик покрыт листовым серебром с гравировкой, позолотой и чернью.

Широко известны врата из суздальского Рождественского собора, созданные путем применения особой сложной техники золотого письма по меди. С помощью этой техники русским мастерам удавалось создать тонкий линейный рисунок золотом на фоне, покрытом черным лаком.

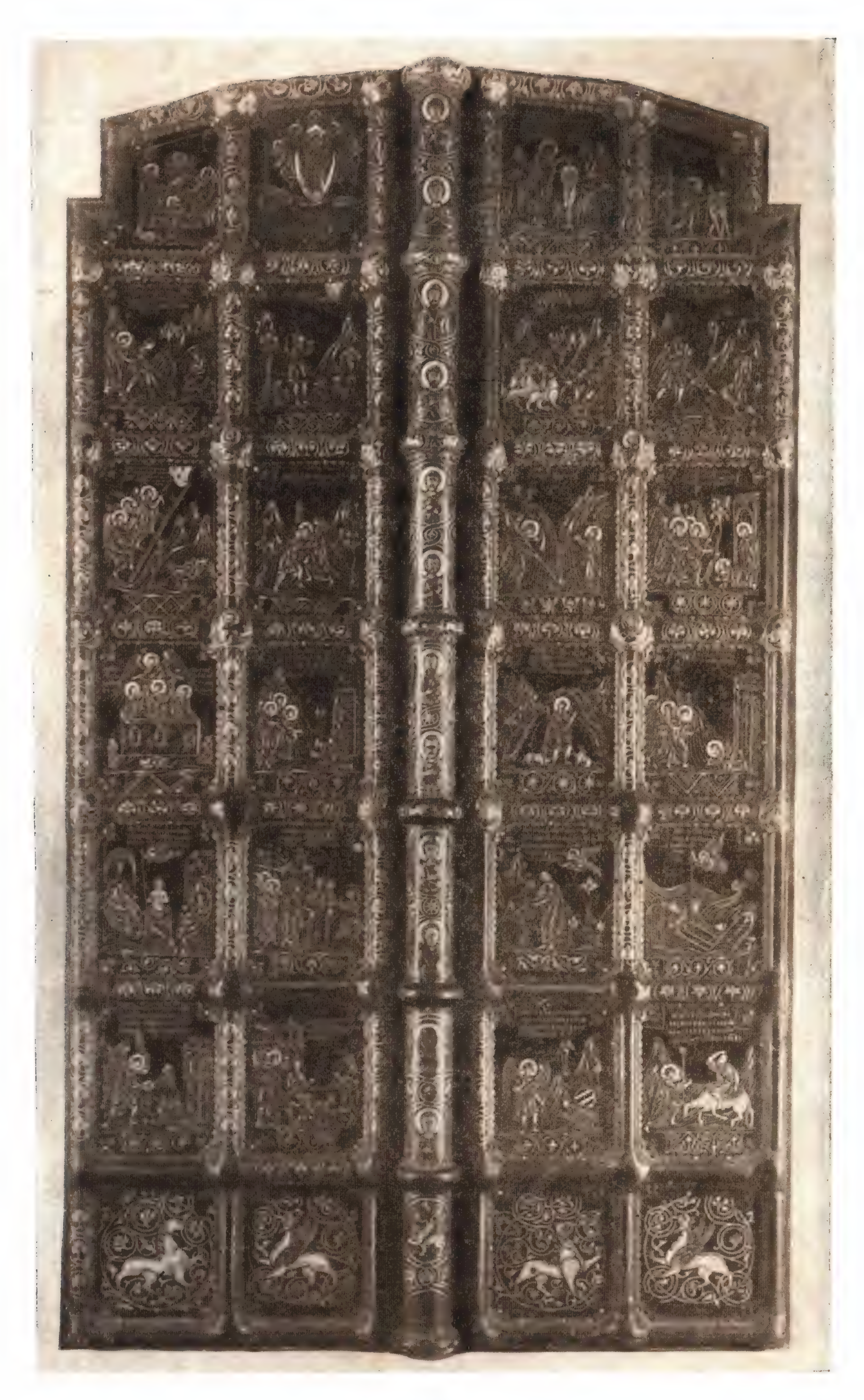
Во Владимире пока не обнаружены остатки жилищ трудового населения, однако можно предполагать, что в нем, как это установлено археологами для других городов древней Руси, рядом с белокаменными княжескими постройками и пышными деревянными хоромами знати теснились убогие курные избы трудового городского люда, который был непосредственным выполнителем всех «измечтанных» художественной мудростью народа произведений зодчества, живописи и ремесла. В тесных избах с волоковыми окнами работали замечательные ювелиры, изготовлялись тончайшие изделия из скани и зерни, писались сияющие яркими красками иконы, вырезались костяные предметы и вышивались ткани.

Народные одежды—особенно сохранившиеся остатки уборов древнерусских девушек — свидетельствуют о чувстве изящного. Жесточайшая эксплуатация не подавляла в народе ощущения собственного достоинства, с такой простотой и силой выраженного в былинах. Позднейший обряд русской народной свадьбы, сохранивший черты глубокой древности, говорит о сложности переживаний невесты, ее подруг, жениха, о высокоразвитом чувстве дружбы, ответственности перед семьей, родными и близкими.

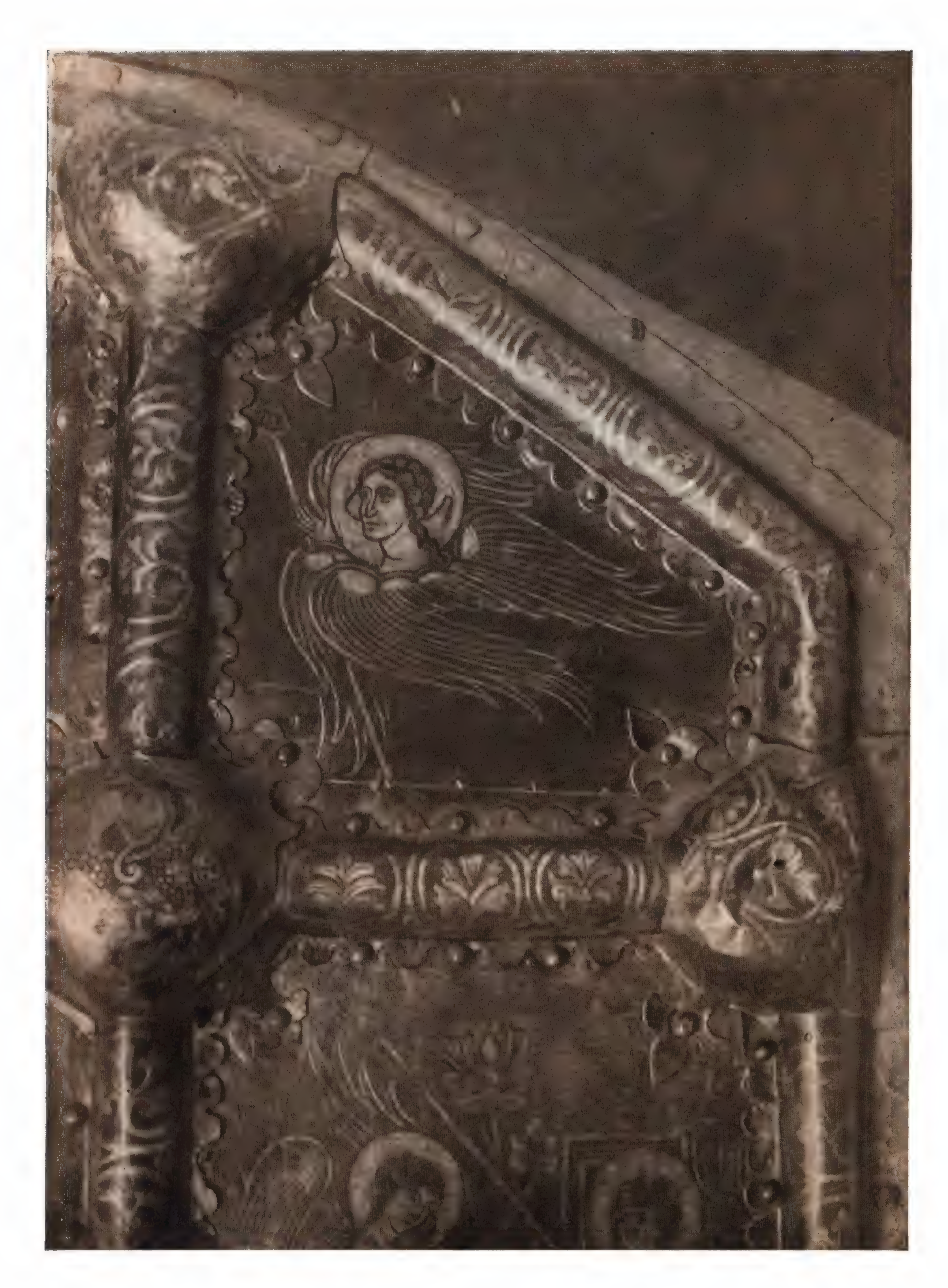
Дошедшие до нас лирические и исторические песни, причитания указывают на своеобразную, высокую культуру человеческой личности, богатство умственных интересов и патриотизм русского трудового народа. Уже в XII—XIII вв. грамотность понемногу проникает в избы ремесленников. На это указывают надписи, встречающиеся на бытовых предметах. Городское население владимиро-суздальских городов принимало активное участие в политической жизни.

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 291.

Врата Суздальского Рождественского собора (золотое письмо по меди), XIII в.

Деталь суздальских врат.

Икона «Дмитрий Солунский»
Государственная Третьяковская галерея

Вот почему уже в это далекое время трудовой народ выступает творцом не только материальных, но и духовных ценностей. Народное начало заметно не только в произведениях владимирского зодчества, живописи, ремесла, но и в произведениях владимирской литературы.

Владимирское летописание XII—XIII вв. сохранилось до нашего времени в составе Лаврентьевской летописи и, в пределах до 1206 г., в составе летописи Радзивиловской. Можно предположить, что в 1174 г. по воле Андрея Боголюбского начал составляться первый владимирский летописный свод, в основание которого были положены владимирские летописные записи XII в. и летопись Переяславля Южного, в начале которой находилась «Повесть временных лет». Этот свод составлялся в главном церковном центре Владимирского княжества — владимир-

Шлем Ярослава Всеволодовича

Оружейная палата

ском Успенском соборе. Смерть Андрея Боголюбского прервала выполнение этого свода. Он был закончен в 1177 г. при Всеволоде Большое Гнездо. При Всеволоде же новый свод был составлен в 1193 г. После смерти Всеволода своды владимирского летописания составлялись в течение всего XIII в.

Многочисленные своды владимирского княжеского летописания отличаются строго проводимой идеей главенства Владимира в Русской земле. Летописец часто пользуется цитатами из «Священного писания», прибегает к нравоучениям, дидактике, моральным сентенциям, иногда не в меру многоречив и риторичен. Свою книжную начитанность летописец постоянно использует для прославления и освящения церков-

ным авторитетом власти князя: «князь бо не туне (незря.—*Ред.*) мечь носить в месть злодеем, а в похвалу добро творящим», «судя суд истинен и нелицемерен, не обинуяся лица сильных своих бояр, обидящих меньших и работящих сироты и насилье творящим»[1] и т. д. Он деятельный сторонник княжеской власти.

Суровое морализирование, восхваление твердой, «правый суд судящей» власти, способной подавить бояр, «обидящих меньших» — это не случайные особенности владимиро-суздальской княжеской летописи, идеологически обосновывавшей реальные притязания владимирских князей.

Декоративный топорик, покрытый листовым серебром с гравировкой, позолотой и чернью

Государственный Исторический музей

Под 1205 г. — годом отъезда сына владимирского князя Всеволода, Константина, на княжение в Великий Новгород, летописец приводит обильные выдержки из «Священного писания», чтобы подкрепить ими авторитет княжеской власти. Летописец как бы напутствует Константина перед отъездом его в город, издавна стремившийся освободиться от власти князя: «власти мирьскыя от бога вчинены суть», «богу слуга есть, мьстя злодеем» и т. д. Вручая Константину крест и меч, Всеволод говорит ему: «се (крест) ти буди схраньник и помощник, а мечь прещенье и опасенье, иже ныне даю ти пасти люди своя от противных»[2].

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 436, 437.

[2] Там же, стб. 421—422

Официальный, торжественный характер владимирского летописания сказался и в том, что владимирская летопись впервые была богато иллюстрирована многочисленными миниатюрами. Копии этих миниатюр дошли до нас в так называемой Радзивиловской летописи.

Едва ли не самым характерным явлением владимирской литературы может служить известное «Моление» Даниила Заточника. «Моление» представляет собой обращение, мольбу Даниила, представителя мелкого феодального военного люда — «дворян»[1]. Он просит князя взять его к себе на службу. Даниил восхваляет книжное образование, различными историческими и бытовыми примерами доказывает необходимость для князей иметь мудрых советников. Основная часть «Моления» состоит из ряда своеобразных, ритмично построенных строф, с общим повторяющимся обращением в начале: «княже мой, господине». Строфы распадаются на излюбленные в средневековой литературе (русской и западной) афористические изречения, пословицы и небольшие рассуждения. В подборе этого книжного материала Даниил выказывает себя широко образованным писателем, живущим в осведомленной литературной среде и не боящимся остаться непонятым.

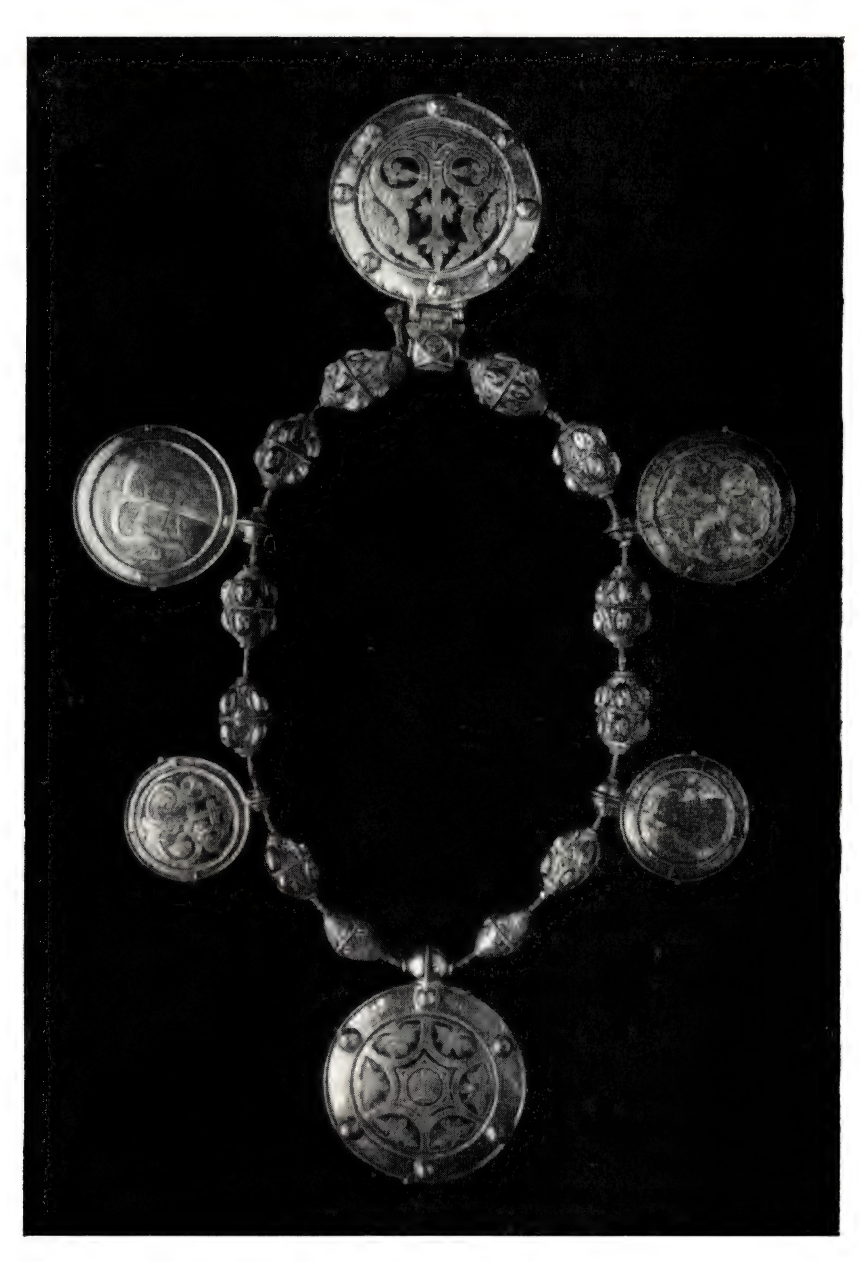
Если в упоминаемых в «Молении» реалиях иногда трудно угадать конкретные явления русской жизни, то общая тенденция и идеологическая направленность этого произведения вполне конкретны: они типично «владимирские». Восхваляя Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невского), Даниил ясно заявляет себя сторонником сильной княжеской власти, противником бояр. Многочисленными афоризмами Даниил стремится обосновать неограниченность власти князя, подчеркнуть ее значение: «женам глава муж, а мужем князь, а князем бог», «гусли строятся персты, а град нашь твоею (князя) державою». «Лучше бы ми вода пити в дому твоем,— обращается Даниил к Ярославу,— нежели мед пити в боярстем дворе»[2] и т. д.

Памятники материальной культуры богатой Галицко-Волынской земли сохранились еще менее. Однако и то, что сохранилось, свидетельствует о пышном расцвете галицко-волынской архитектуры, живописи, прикладного искусства, о связях галицко-волынской культуры с культурой других областей Руси и о ее народных корнях. Остатки почти 30 каменных построек конца XII—XIII вв. вскрыты археологами в Галиче. Во Владимире-Волынском уцелел Успенский собор, выстроенный в 1160 г. князем Мстиславом Изяславичем.

---

[1] *И. У. Будовниц.* Памятник ранней дворянской публицистики (Моление Даниила Заточника). «Труды отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР», вып. VIII, М.— Л., 1951, стр. 138—157.

[2] «Памятники древнерусской литературы», вып. 3, Л., 1932, стр. 59, 61, 66, 91.

Серебряные великокняжеские бармы XIII в.,
найденные близ Суздаля

Государственный Исторический музей

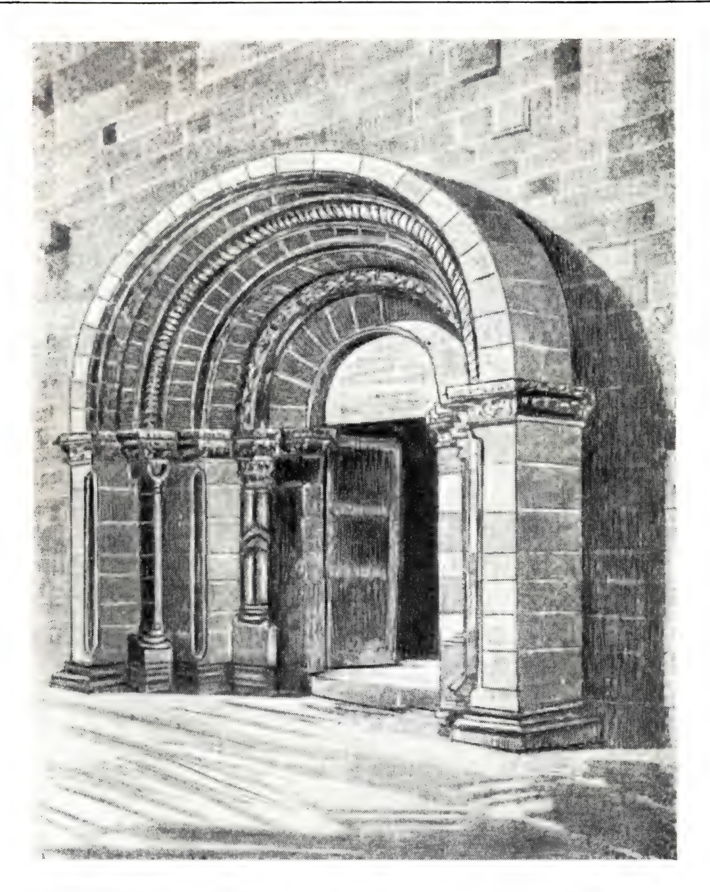

Серебряные браслеты с чернью и позолотой XIII в.
из клада, найденного во Владимире на Клязьме
Государственный Исторический музей

Летопись дает нам представление о существовании в Галиче в середине XII в. целой группы дворцовых построек, близких по типу к замку Андрея Боголюбского: здесь были дворец, лестница с сенями, дворцовый храм и переходы к нему из дворца.

Галицкие церкви были украшены белокаменной резьбой, сходной с народным искусством белокаменной резьбы Владимира-Залесского.

О богатстве внешнего убранства галицко-волынских храмов дает представление описание церкви Ивана в Холме, помещенное в Ипатьевской летописи под 1259 г. В этой церкви («красной и лепой») своды опирались на капители в виде человеческих голов, изваянных «от некоего хытреца», в окна были вставлены витражи (разноцветные или украшенные живописью стекла), купол церкви был украшен «звездами златыми на лазуре». Пол в церкви был «слит от меди и от олова чиста, яко блещатися яко зерцалу». Две двери были «украшены каменьемь галичкым белым и зеленым холмскым, тесаным, узоры те изрити некимь хытречемь Авдьемь». Скульптурные украшения снаружи церкви («прилепы») были выкрашены всеми цветами и золотом. Наружные фрески были так хороши, «якоже всим зрящим дивитися бе». Иконы в этой церкви были «диву подобны». Посередине г. Холма стояла высо-

Портал церкви Пантелеймона в Галиче XII—XIII вв.

кая «вежа» (башня) — снизу на высоту 15 локтей каменная, вверху же деревянная и убеленная «яко сыр» (творог), так что светилась она «на всеи стороны». Описывает летописец и другие церкви в Холме, а также каменный столп вблизи города, «а на немь орел камен изваян, высота же камени (каменной части столпа.— *Ред.*) десяти локот, с головами же (орел, очевидно, был двуглавый.— *Ред.*) и с подножьками 12 локот»[1].

О развитии книжного дела свидетельствуют роскошные рукописи, написанные в Галицко-Волынской земле и сохранившиеся до наших дней. Ипатьевская летопись под 1288 г. сообщает, что волынский князь Владимир Василькович роздал по завещанию многочисленные книги. Среди них были книги, списанные им собственноручно, было евангелие, писанное золотом, с переплетом, окованным

[1] ПСРЛ, т. II, стб 843—845.

серебром с жемчугом, и украшенное иконой с финифтью; другое евангелие было «чюдно видением»[1] — оковано золотом, украшено драгоценными камнями, жемчугом и финифтью.

Богатая когда-то литература Галицко-Волынской земли представлена только летописанием, сохранившимся в составе Ипатьевской летописи, в основном начиная с 1200 г. (а частично и до 1200 г.). Галицко-волынское летописание складывалось по преимуществу из отдельных повестей и княжеских биографий и не имело первоначально хронологической канвы. Оно отличалось широкой повествовательностью и было оформлено в своды, которые носили ярко выраженный княжеский характер, восхваляли князей и выражали ненависть к сеньориальному боярству.

Особенно характерна в этом отношении центральная часть галицкой летописи — жизнеописание Даниила Романовича галицкого. Автор подробно приводит воинские речи Даниила, полные высокого представления о чести воина и родины, многие из которых представляют собой прекрасные образцы ораторского искусства. Автор следит за ратными подвигами Даниила, описывает его личное участие в боевых схватках. Не раз обнажает меч Даниил, не раз ломает свое копье, не раз оказывается на волосок от смерти. В тоне резкого раздражения говорит автор о врагах Даниила — боярах. Одного из них, Жирослава, он называет «льстивым», он «лукавый льстець», его язык «лжею питашеся»[2]. У «льстивого» боярина Семьюнка лицо было красное, как у лисицы. Боярин Доброслав, когда ехал на коне, то в гордости не смотрел на землю. Малодушные изменники бояре, которые вынуждены были в конце концов сдаться Даниилу, выходят к нему со слезами на глазах, с осклабленными лицами, облизывая губы. Автор жизнеописания Даниила ставил себе задачи прославления Даниила, пропаганды его власти и необходимости борьбы с непокорным боярством.

В отличие от владимиро-суздальского летописания, стиль летописания галицко-волынского светский, дружинный. В нем явственно слышны отзвуки дружинной поэзии, не раз заставлявшие исследователей сближать отдельные места галицко-волынского летописания со «Словом о полку Игореве».

От богатого и разнообразного народного творчества Галицко-Волынского княжества сохранилась в устной передаче XVIII—XIX вв. былина о богатыре Дюке Степановиче — «удачи доброго молодца», богаче и щеголе. Образ этого богатыря обрисован в былине с явной симпатией и противопоставлен киевскому князю Владимиру. В нем отразились мечты народа о богатой и счастливой жизни.

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 926.

[2] Там же, стб. 747—748.

Данилова башня под г. Холмом

Мы очень слабо знаем культуру многих феодальных княжеств Руси. Так, мы бы совсем не имели представления о культурной жизни Турово-Пинского княжества, если бы нам не было известно по одному древнему сказанию, что там родился и провел жизнь один из лучших ораторов древней Руси — знаменитый Кирилл Туровский. Кириллу, которого впоследствии назвали «русским Златоустом», с течением времени было приписано чрезвычайно много произведений, что значительно затрудняет определение его литературного наследства. Однако и то, что несомненно может быть присвоено Кириллу, рисует его плодовитым и деятельным писателем. Повидимому, Кириллу принадлежат восемь поучений, связанных с церковными днями: на Пасху, на Фомину неделю и т. д. Кроме того, Кириллу принадлежат поучение «о слепце и хромце» и ряд гимнографических сочинений.

Из жития Кирилла известно, что им было написано еще обличение ереси о «субботнем посте» ростовского епископа Федора, что он находился в переписке с Андреем Боголюбским и т. д., но произведения эти не сохранились.

Блестящая форма составляет отличительную черту произведений Кирилла Туровского. Кирилл в широкой степени прибегает к сложным ораторским приемам: аллегориям, противопоставлениям, сравнениям, уподоблениям, вопросно-ответной форме изложения, оживляет проповедь введением пространных диалогов и монологов, стремится к ритмичности и плавности речи.

Благодаря своим исключительным достоинствам произведения Кирилла переписывались древнерусскими книжниками наряду с сочинениями знаменитых византийских ораторов и богословов.

Кирилл — образованный проповедник. Его проповеди показывают глубокое знакомство их автора с византийской литературой и греческим языком. В сохранившихся его произведениях отсутствует широкая тема Илариона, в них мало бытовых моментов, черт эпохи. Он по преимуществу варьирует в проповедях лишь традиционные церковные темы: иногда прославление какого-либо церковного события, иногда отвлеченно-назидательное поучение.

Однако Кирилл откликался и на события современной ему жизни. В поучении о слепце и хромце содержатся обличения «сановников и буев во иереих»[1], прямо направленные против Андрея Боголюбского и епископа ростовского Федора. Поучение рисует Кирилла как активного участника феодальной борьбы.

Различие в культуре отдельных княжеств периода феодальной раздробленности обусловлено прежде всего особенностями развития феодальных отношений в различных частях Руси — в Новгороде и Владимире-Залесском, в Галиче и Киеве.

Культура господствующего класса в Новгороде приобретает своеобразные черты после переворота 1136 г., после установления в Новгороде республиканского строя с господством боярства. Культура феодалов Владимиро-Суздальской земли с ее оригинальными чертами возникла в обстановке усиления княжеской власти, опиравшейся на младших дружинников и использовавшей помощь горожан. На феодальную культуру Галича наложила отчетливый отпечаток борьба княжеской власти с боярством, особенно ожесточенно развернувшаяся при Данииле Романовиче. Медленнее, чем в других областях, растут местные черты в Киеве, служившем ареной борьбы князей Влади-

---

[1] «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», под ред. А. И. Пономарева, вып. 1, СПб., 1894, стр. 197.

мира-Залесского, Галича, Чернигова и смоленских Ростиславичей, в котором в сильнейшей степени сказывались еще единые русские традиции XI в.

Однако творчество народных мастеров в Рязани и Владимире, в Галиче и Новгороде было в основе своей общим, одинаковым. Устное народное творчество, народные исторические и лирические песни были повсюду идейно сходны. Русский язык, несмотря на диалектные различия, был понятен повсюду. И это способствовало росту единства русской культуры даже в пору феодальной раздробленности.

Во все усложняющемся культурном развитии Руси растут местные различия, но растет и самобытная единая основа русской культуры. Различия по большей части поверхностны, единство же опирается на более глубокие основы — оно обусловлено творчеством трудовых масс населения. Влияние деревянной народной архитектуры на каменную, влияние деревянной резьбы на скульптурные украшения храмов во Владимире и в Галиче, отражение народных вкусов в ярких красках и элементах реалистичности в живописи, проникновение устных форм русской речи в литературу — все это хотя и проявлялось в различных частях Руси по-разному, но в конечном счете вело к росту элементов единства.

Яркий пример единства русской культуры XII в. «Слово о полку Игореве» — величайший памятник культуры древней Руси.

Где бы ни было создано «Слово о полку Игореве» — в Киеве, в Чернигове, в Галиче, в Полоцке или в Новгороде Северском — оно не воплотило в себе никаких местных черт. Оно явилось выразителем единой —народной — основы культуры Руси XII в. Хотя «Слово» и было создано в дружинной среде, оно основано на фольклоре, на творчестве трудовых масс населения Руси и выражает то стремление к единству, которое было им присуще.

«Слово о полку Игореве» посвящено неудачному походу против половцев в 1185 г. новгород-северского князя Игоря Святославича. В этот поход Игорь Святославич пошел «не воздержавше уности»[1], без сговора с киевским князем Святославом. Он пошел с немногими силами, три дня ожесточенно сражался со «всей половецкой землей» и, в конце концов, потерпел поражение. Его поражение открыло половцам «ворота» в Русскую землю[2] и принесло новые бедствия русскому населению.

Однако повествование об этом походе служит автору лишь поводом для того, чтобы обратиться ко всем русским князьям с горячим

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 645.

[2] Там же.

призывом прекратить усобицы и объединиться перед лицом внешней опасности. «Смысл поэмы,— писал К. Маркс в письме к Энгельсу,— призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов»[1]. «Слово о полку Игореве» обращало этот призыв не только к русским князьям, но и к русскому народу. Вот почему это общественное мнение занимает такое огромное место в «Слове».

Дружинные представления о «чести» и «славе» отчетливо дают себя чувствовать в «Слове о полку Игореве». «Слово» буквально напоено этими понятиями. Все русские князья, русские воины, города и княжества выступают в «Слове» в ореоле «славы» или «хулы»[2]. В ореоле славы «сведомых кметей»[3] выступают куряне, в ореоле славы («звонячи в прадедню славу»)[4] выступают черниговцы, в ореоле славы выступает дружина Рюрика и Давыда Ростиславичей и т. д. Несколько гиперболически отзываясь о русских князьях (о Всеволоде Юрьевиче владимиро-суздальском, о Ярославе Осмомысле галицком и др.), автор «Слова» как бы пересказывает молву о них. Поисками «славы» объясняет автор многие из действий русских князей, в частности и поход Игоря Святославича.

Неоднократно упоминается в «Слове» и дедовская слава, слава родовая, княжеская: Изяслав Василькович «притрепа славу деду своему Всеславу»[5], Всеслав Полоцкий «разшибе славу Ярославу»—славу новгородскую и т. д.

Наконец, в «Слове» неоднократно поют «славу» — хвалебную песнь, в которой как бы конкретизировалось понятие «славы», абстрактной — молвы, известности. «Славу» поют окружающие Русь народы Святославу киевскому[6]. При возвращении Игоря из плена ему поют славу «девици» «на Дунаи»[7]. Сам автор «Слова» заключает свое произведение традиционной славой князьям и дружине: «Певше песнь старым князем, а потом молодым пети: «Слава Игорю Святъславличю, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Князем слава а дружине!»[8].

Автор «Слова» признает себя выразителем общественного мнения, стремясь передать свою оценку событий и современного положения Руси как оценку общенародную.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXII, стр. 122.
[2] «Слово о полку Игореве», стр. 18.
[3] Там же стр. 12.
[4] Там же, стр. 21.
[5] Там же, стр. 24.
[6] Там же, стр. 18.
[7] Там же, стр. 30.
[8] Там же, стр. 31.

Автор «Слова» в нормах феодального поведения, в кодексе дружинных представлений о «чести» и «славе», в идеологии феодального общества выделяет лучшие стороны и только эти стороны поэтизирует. Он наполняет своим, более широким, патриотическим содержанием понятия «чести», «славы», «хвалы» и «хулы». За поиски личной славы он осуждает Игоря Святославича и его брата Всеволода, Бориса Вячеславича и других русских князей. Однако во всех тех случаях, когда речь идет о «славе» в более широком значении, автор «Слова» сочувственно говорит о ней. Понятия «чести» и «славы» перерастают в «Слове» свою феодальную ограниченность, приобретая значение общенародное. Честь и слава родины, русского оружия, князя как представителя всей Русской земли волнуют автора «Слова» прежде всего.

Самое важное из политических понятий XII в. — понятие Русской земли — не ограничивается для автора «Слова» пределами Киевского княжества, как это было типично для политических представлений периода феодальной раздробленности. Автор включает в состав Русской земли Владимиро-Суздальское княжество и Владимиро-Волынское, Новгород Великий и Полоцк. Он рассматривает как исконно русский город далекую Тмутаракань. В число русских земель им включены и те, политическая самостоятельность которых была утрачена ко второй половине XII в. Так, Дон, на котором находились кочевья половцев, но где имелись и русские поселения, для автора «Слова» — русская река. Дон зовет князя Игоря «на победу»[1]. Славу Игорю Святославичу поют девицы «на Дунаи»[2], где исстари имелись русские поселения. Там же слышен и плач Ярославны. То же представление о Русской земле как о едином большом целом отчетливо дает себя чувствовать и тогда, когда автор говорит об обороне ее границ: на Дунае, на Суле, на Западной Двине и Волге.

Подлинным героем «Слова» является вся Русская земля в целом. Образ Русской земли — центральный в «Слове». Он конкретен и жизненен. Автор «Слова» с поразительной силой дал почувствовать бескрайние просторы родины, ее города, реки и всю природу. Постоянно обращается он и к истории Русской земли. Автор представляет себе Русь во всей сложности политического положения своего времени, в широкой исторической перспективе, в образах ратных подвигов ее дружинников и мирного созидательного труда ее ратаев. Этот образ Русской земли служит автору художественной основой его призыва во имя защиты этой самой Русской земли.

Единство Руси представляется автору не в виде прекраснодушного идеала союзных отношений всех русских князей на основе их доброй

[1] «Слово о полку Игореве», стр. 23.

[2] Там же, стр. 30.

воли и не в виде летописной идеи о необходимости соблюдать добрые родственные отношения между князьями. Единство Руси мыслится им с центром в Киеве, возглавляемое киевским князем—сильным и «грозным»[1] властителем. При этом автор «Слова» видит в строгом и безусловном выполнении феодальных обязательств по отношению к слабеющему «золотому киевскому столу» одно из противоядий от феодальных усобиц, одно из средств сохранения единства Руси.

Вместе с тем, обращаясь с призывом к русским князьям встать на защиту Русской земли, автор «Слова» в разных князьях рисует тот же собирательный образ сильного, могущественного князя — сильного войском («многовоего»), сильного судом («суды рядя до Дуная»)[2], внушающего страх пограничным с Русью странам («ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти»[3]; «подпер горы Угорскыи своими железными плъки, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота»)[4], распространяющего свою власть на громадную территорию с центром в Киеве, славного в других странах («ту немци и венедици, ту греци и морава поют славу Святъславлю»)[5].

Перед нами образ князя, воплощавший идею сильной княжеской власти. Эта идея, с помощью которой должна была быть преодолена раздробленность Русской земли, в XII в. только еще рождалась. Впоследствии этот же самый образ «грозного» великого князя создаст автор «Слова о погибели Русской земли». Он отразится в житии Александра Невского, в «Молении» Даниила Заточника и в других произведениях XIII в. Не будет только стоять за этим образом «грозного» великого князя — Киева как центра Руси. Перемещение центра Руси на северо-восток и падение значения киевского стола будет уже слишком явным.

Сильной княжеской власти еще предстояло развиться, однако автор «Слова» уже установил ее типичность, характерность, уловил в ней зерна будущего.

Художественная форма «Слова о полку Игореве» тесно связана с его идейным содержанием. Она глубоко народна. Художественное мировоззрение автора «Слова» — другая сторона его политических взглядов и вместе с тем оно в известной мере характеризует и патриотическое мировоззрение, отразившееся в народном устном творчестве. Автор ощущает природу как живое и близкое ему существо — так же, как ощущает ее и народная поэзия. Он выражает свою

---

[1] «Слово о полку Игореве», стр. 18
[2] Там же, стр. 22.
[3] Там же, стр. 21.
[4] Там же, стр. 22.
[5] Там же, стр. 18.

скорбь словами народных причетов. Образы его героев (Святослава киевского, Всеволода суздальского, Ярослава галицкого) по-народному гиперболичны. Образы земледельческого труда, как и в народной поэзии, постоянно привлекаются в «Слове» для противопоставления войне. В них противопоставляется созидание — разрушению, мир — войне.

Благодаря образам мирного труда, пронизывающим всю поэму в целом, она представляет собой в широком смысле апофеоз мира. Она призывает к борьбе с половцами для защиты мирного труда в первую очередь: тогда «чръна земля под копыты костьми была посеяна, а кровию польяна: тугою взыдоша по Руской земли»[1]; «на Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, посеяни костьми руских сынов»[2].

В этом противопоставлении созидательного труда — разрушению, мира — войне автор «Слова» привлекает не только образы земледельческого труда, свойственные и народной поэзии, но и образы ремесленного труда, в народной поэзии отразившегося гораздо слабее, но как бы подтверждающего открытия археологов последнего времени о высоком развитии ремесла на Руси: «той бо Олег мечем крамолу коваше и стрелы по земли сеяше»[3]; «и начяша князи... сами на себе крамолу ковати»[4]; «а князи сами на себе крамолу коваху»[5]; «ваю храбрая сердца в жестоцем харалузе скована, а в буести закалена»[6]. Автор «Слова» обращается к образу пира как апофеоза мирного труда: «ту кровавого вина не доста; ту пир докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую»[7]. Той же цели противопоставления мира войне служат и типичные для народной поэзии, но редкие в средневековой письменности женские образы «Слова о полку Игореве» — «Ярославна»[8] и «красная Глебовна»[9].

В этих народно-песенных элементах «Слова» отразилось характерное для передовой русской культуры XII—XIII вв. явление: углубление ее самобытных, народных начал.

Автором «Слова о полку Игореве» мог быть приближенный Игоря Святославича: он ему сочувствует. Он мог быть и приближенным

[1] «Слово о полку Игореве», стр. 16.
[2] Там же, стр. 25.
[3] Там же, стр. 15.
[4] Там же, стр. 17.
[5] Там же, стр. 18.
[6] Там же, стр. 20.
[7] Там же, стр. 17.
[8] Там же, стр. 27.
[9] Там же, стр. 15.

Святослава киевского: он сочувствует также и ему. Он мог быть черниговцем и киевлянином. Он, вероятно, был дружинником, так как дружинными понятиями он пользуется постоянно. Его политические воззрения были глубоко прогрессивны Его произведение — горячий призыв к единству Руси перед лицом внешней опасности, призыв к защите мирного созидательного труда русского населения — земледельцев и ремесленников.

Достиг ли призыв автора «Слова» тех, кому он предназначался? Можно предполагать, что в известной мере достиг. Игорь Святославич отказывается от своих одиночных действий против половцев. В 1191 г. он организует большой поход против половцев. В походе, кроме Игоря Святославича, участвовали: Всеволод Святославич, Всеволод, Мстислав и Владимир Святославичи, сыновья Святослава Всеволодовича киевского, Ростислав Ярославич, сын Ярослава Всеволодовича, и сын Олега Святославича — Давыд. Поход этот был неудачен, но самая организация его в таких размерах едва ли случайна.

Однако подлинный смысл призыва автора «Слова» заключался не в попытке организовать тот или иной поход, а в более широкой и смелой задаче — объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей, заклеймить в общественном мнении вредные феодальные представления, призвать общественное мнение против поисков князьями личной «славы», личной «чести» и мщения ими личных «обид». Задачей «Слова» было не столько военное, сколько идейное сплочение всех лучших русских людей — для борьбы за единство Русской земли.

Итак, русская культура, как и в IX—XI в. [1], опираясь на труд крестьян и ремесленников, продолжала свое блестящее развитие. Число культурных центров заметно возросло. Культура Руси проникалась народными началами и углубляла свою самобытность. Одновременно резко выделялось передовое начало в культуре Руси, отмеченное идейной борьбой за единство Руси и связью с творчеством трудового народа. Размежеванию единой русской культуры границами феодальных княжеств противостоит рост тех ее объединяющих основ, которые впоследствии составят фундамент национальных культур трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

Объединительные тенденции исходили прежде всего от самого трудового народа — создателя материальных и духовных ценностей. Они находили себе поддержку и среди передовых представителей феодального класса — среди тех, кто боролся за сильную и единую княжескую власть.

---

[1] См. гл. 2, § 9 настоящего издания.

б) Знания и просвещение

Распространению знаний на Руси в период феодальной раздробленности способствовал расцвет крупнейших городов — политических и культурных центров феодальных княжеств — Новгорода, Полоцка, Чернигова, Смоленска, Ростова, Рязани, Галича и др.

Знания распространялись и совершенствовались путем передачи опыта, который накапливался от отца к сыну, от мастера к ученику, путем передачи сведений из уст в уста и, наконец, с помощью письменности.

Хотя знания в период феодальной раздробленности развивались не только в Киеве, но Киев еще в XII в. играл роль культурного источника, влиявшего на развитие просвещения во всей Руси. Образцы киевской письменности попадали в Новгород, Ростов и другие города. Киевский начальный свод (с выдержками из «Повести временных лет») был продолжен в Новгороде, а «Повесть временных лет» распространялась как основание для летописной работы в Ростове, Владимире, в юго-западной Руси и т. п. Образцы киевского ремесленного искусства, техники расходились по всей территории древнерусского государства. С другой стороны в Новгороде и, вероятно, других городах писались и посылались рукописи в отдаленные края своей «земли», например за Волок, в низовье Северной Двины.

Письменность удовлетворяла нужды государственные, общественные и частные: сохранились государственные грамоты, летописные своды, художественные произведения, завещания, письма, надписи на вещах и т. п.

Необходимо иметь в виду, что очень много книг погибло во время больших пожаров, о чем прямо говорят наши летописи. Еще больше погибло их во время вражеских нашествий. Они уничтожались не только в XIII в., во время завоевания Руси татарами, но и позже, например, во время нашествия Тохтамыша. Новгород менее пострадал от татар; этим отчасти объясняется, что значительная доля сохранившихся рукописей принадлежит к числу новгородских[1].

Для понимания развития исторической науки на Руси раннефеодальной поры очень много дает «Повесть временных лет». Анализ текста «Повести временных лет» и предшествующего ей Начального свода обнаруживает замечательные по тому времени приемы исследования

[1] Много и новгородских «книг» было уничтожено иноземными захватчиками. В 1869 г. в Академию Наук были присланы из Финляндии 166 оборванных и полуобгорелых пергаменных листов — остатки 48 древних книг. Эти книги были увезены шведскими войсками из 12 разграбленных церквей, лишившихся при этом не менее 200 книг. В Пскове книги уничтожались немецкими захватчиками. Много погибло их на юго-западе во время вражеских нашествий. Позже на юге книги истреблялись иезуитами-католиками, иногда даже публично.

прошлого. Сопоставляя, например, противоречивые показания разных источников о Кие, летописец оценивает их достоверность. При этом он привлекает и иной материал: археологический и топонимический. Он знает, что, по данным сказаний, Кий проезжал мимо устья Дуная. Он знает, что на Дунае «доныне» существует городище и что местные жители называют это городище «Киевцем»[1]. Путем сопоставления, по-видимому, показаний письменного источника с топонимическими данными он заключает, что угры проходили мимо Киева. При восстановлении исторического факта он не раз привлекает археологические данные и пословицы: вспоминает, что ров, которым окопался Владимир, виден «до сего дне»; приводит пословицу: «беда аки в Родне»[2]. Разъясняя ход событий, летописец пытается восстановить древнюю топографию Киева и т. д.

В пору феодальной раздробленности работа по составлению летописных сводов ведется, кроме Киева, в Чернигове, Новгороде, Ростове, Владимире-Залесском и на юго-западе (Галич, Владимир, может быть, Перемышль и Холм), а в XIII в. летописная работа начинается и в других городах (в Переяславле-Залесском, позднее — в Твери и Пскове).

В этих крупных феодальных центрах составители летописных сводов заботились прежде всего о том, чтобы для потомства осталась история данной «земли», данного феодального полугосударства. Но историю своей «земли» они рассматривали в рамках истории всей Руси. В Новгороде при составлении летописного свода в XII в. был использован древний киевский летописный свод XI в.— Начальный свод. В рассказ о княжении Ярослава в Новгороде новгородский летописец включил текст краткой редакции «Русской Правды». В XIII в. в текст новгородской летописи была включена интереснейшая повесть о взятии «Цареграда от Фряг», составленная русским современником и свидетельствующая о размерах погрома, произведенного крестоносцами в Константинополе в 1204 г.

Если новгородские летописные тексты, начиная с событий первых десятилетий XII в., рассказывали преимущественно о Новгородской земле, то северо-восточные летописные своды, начиная с событий конца 50-х годов XII в., когда появились местные летописные записи во Владимире-Залесском, ставили в центре рассказа Ростово-Суздальскую землю. Вместе с тем владимирские летописные своды второй половины XII и первой трети XIII в. по составу привлеченного материала, по широте горизонта могут быть названы общерусскими летописными сводами.

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 10.

[2] Там же, стб. 76, 77.

Географические сведения о Восточной Европе и других странах на Руси обогащались с каждым столетием, причем сведения эти частью передавались устно, частью запечатлевались на страницах памятников письменности, начиная с X в. Но в «Повести временных лет» мы обнаруживаем попытки обобщить географические сведения. К таким обобщениям принадлежит картина расселения восточных славян с объяснением некоторых названий и попыткой изобразить речную сеть на территории Восточной Европы и водные пути. Обрисовав (несколько схематически) путь из Царьграда к Балтийскому морю, летописец прибавляет, что далее по морю можно идти до Рима, от Рима до Царьграда, от Царьграда в Черное море, куда впадает Днепр. Затем он указывает, откуда вытекают главные реки, и переходит к великой водной магистрали. Он пишет, что Днепр вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина, начинаясь в том же лесу, течет на север. Из того же леса вытекает Волга, течет на восток и впадает «семьюдесят жерел в море Хвалисьское (Каспийское. — *Ред.*)». Волжским путем, как пишет летописец, можно попасть из Руси «в Болгары и в Хвалисы». Путь этот ведет на ближний Восток («в жребий Симов»), тогда как из Двины можно выйти в море и объехать Европу («до Рима, от Рима до племени Хамова»). В заключение летописец повторяет, что Днепр впадает «в Понетьское море жерелом, еже море словеть Р у с к о е»[1].

Распространение феодального способа производства, расширение территории ряда феодальных земель, торговые сношения, военные предприятия и путешествия отдельных лиц — все это способствовало распространению знаний по географии Восточной Европы и соседних стран. Эти знания передавались как в рассказах современников и народных песнях, так и в памятниках письменности: летописях, художественных произведениях и описаниях путешествий предприимчивых русских людей. Новгородские, а позже и псковские летописи сообщали о поселениях, реках и племенах Прибалтики, сведения по географии Финляндии, Заволочья, Северного Урала, о том, что видели «мужи старии», ходившие «за Югру и за Самоядь». Владимирские летописные своды упоминали не только о землях, входивших в состав Ростово-Суздальской Руси, но и о волжских болгарах, о мордве и т. п. Южные летописи, помимо разнообразных сведений по географии Поднепровья, содержали данные по географии лесной земли вятичей, о поселениях Подонья, о городах по Дунаю и многие другие. Из галицко-волынских летописей можно было узнать немало по географии Побужья, Поднестровья, Закарпатья, западных районов, заселенных литовцами и славянами, и т. п. Общий беглый обзор пределов всей Русской

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 7.

земли читатель находил в «Слове о погибели Русской земли», северо-восточном памятнике XIII в. Географические знания мира образованного русского человека охватывали не только всю Европу, но также Китай, Индию, Ближний Восток и часть Африки[1].

Источником сведений по естественной истории была практическая деятельность. В некоторых списках «Русской Правды» встречается интересный расчет приплода скота и пчел. Там читаем: «А от 20 овець и от дву приплода на 12 лет 90 000 овець и 100 овець и 12 овець, а баранов 90 000 и 100 и 12 баранов». Или: «А от 3 свиней приплода на 12 лет 70 000 и 3 000 и 700 и 20 и 8 свиней». Или: «А от лоньской (годовалой. — *Ред.*) кобылици приплода на 9 лет 4 кобылы и с материю, а третьячин (трехлеток.—*Ред.*) 3 кобылици, а лоньских 2 кобылици». Или: «А от двоих пчел на 12 лет приплода роев и с старыми пчелами 200 и 50 и 6 роев...»[2]

Отрывочные сведения о медицине показывают, что на Руси существовали свои, местные врачи. Так, на основании показаний «Русской Правды» можно заключить, что врачебная практика была довольно распространена. По древнейшей части «Русской Правды», пострадавший от побоев «муж», в том случае, если он не мстил, мог получить за «обиду» 3 гривны и вознаграждение за расходы на лечение (на «личьца», т. е. врача)[3]. «Пространная Правда» предусматривает, что пострадавший от удара мечом получал гривну «за рану же лечебное»[4]. Эти сведения о врачах подтверждаются списком XIII в. «Устава» князя Владимира, где в числе церковных людей упоминается, наряду с увечными и больными, «лечець»[5].

Уже в XI в. производились несложные хирургические операции. Так, князю Святославу Ярославичу в 1076 г. делали операцию — «резанье желве»[6], т. е. разрезание нарыва. Его внук, князь Святослав Давыдович имел своего «лечьца хитра», Петра, родом сирийца («сирянина»). Этот «лечец», по свидетельству источника, приготавливал лекарства («зелия») «на потребу врачевания» против той или иной болезни («на кыиждо недуг»), когда случалось или «огненое жжение» или «теплота кручинная». Впоследствии он занимался в Киеве врачебной практикой («врачюя многы»)[7]. У князя Юрия Долгорукого были свои «лечьцы», но более всех знаменит «лечец» Агапит из Печерского мона-

---

[1] См. «История культуры древней Руси», т. II, М., — Л., 1951, стр. 233.
[2] «Правда Русская», т. I, ст. 52, стр. 352—353.
[3] Там же, ст. 2, стр. 79.
[4] Там же, ст. 30, стр. 106.
[5] НПЛ, стр. 176.
[6] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 199.
[7] «Патерик», стр. 183—184.

стыря. Он лечил лучше бывшего при княжеском дворе армянского врача, вылечил князя Владимира Мономаха и знал отлично, «киим зелиемь целиться какий недуг» [1]. Некоторые из дошедших до нас от более позднего времени рукописных лечебников, например «травники»,— русского происхождения.

В самых различных отраслях деятельности, и в сельском хозяйстве, и в летописном деле, требовалось некоторое знание математики. На Руси в то время вычисляли, применяя все четыре основных арифметических действия. Были и специалисты-математики: «числолюбци» и «ритори», о которых упоминает Кирик, дьякон новгородского Антониева монастыря [2]. Выше уже было указано, что он оставил после себя трактат о хронологии: «Учение, им же ведати человеку числа всех лет», написанный им в 1134 г. В нем он между прочим определяет число месяцев и дневных часов, прошедших от «сотворения мира» [3], пишет о числе часов в «едином лете» и в «едином дне» и о «дробных часех единого дне». Часов в «едином лете»—4380 и 3, а в «едином дне» — 12, «а также и в нощи». «Дробными часами» Кирик называет части часа, получаемые от разделения последнего на пять частей и затем от разделения также на пять частей его пятой части, двадцать пятой, сто двадцать пятой и т. д. Таким образом, он дает геометрическую прогрессию: $12\times5 = 60$; $60\times5 = 300$; $300\times5 = 1500$; $1500\times5 = 7500$; $7500\times5 = 37500$; $37500\times\times5 = 187500$; $187500\times5 = 937500$ [4].

В изучаемое время продолжает развиваться и строительная техника. Раскопки, произведенные в Киеве, установили, что при строительстве каменных сооружений («Золотых ворот» и ряда церковных зданий) употреблялся, во-первых, кирпич, имевший форму квадратных плит, во-вторых, красный шиферный камень, а также мрамор, и, в-третьих, игравшая роль цемента смесь кирпичного и иного щебня с раствором извести, которая, отвердевая, обращалась в массу, более прочную, чем самый кирпич [5].

Обследованная в 1949 г. новгородская стена «окольного города» оказалась толщиной от 4,4 до 4,6 м. Кладка основной части стены «состоит из крупных валунов и небольшого количества мелких камней, залитых известковым раствором». Она производилась после внешней и внутренней лицевой кладки стены. «Последняя состоит из

---

[1] «Патерик», стр. 63, 94, 95, 196.

[2] «Чтения ОИДР», 1847, № 6, отд. IV, стр. 30.

[3] Летописная хронология велась тогда от «сотворения мира», причем от «сотворения мира» до н. э. считали 5508 лет.

[4] Текст сочинения Кирика см. в «Чтениях ОИДР», 1847, № 6.

[5] *В. С. Швецов* и *В. В. Суровцев*. Древние строительные материалы. «Труды Ин-та строительных материалов», ч. I, М., 1930, стр. 27.

тесаного прямоугольного камня различных размеров (от 75 до 20 см длины и от 60 до 20 см ширины), положенного на известковом растворе»[1].

При постройке храмов строительную технику подчиняли задачам искусства, преодолевая статические трудности. Так, при постройке в конце XII в. известной Нередицкой церкви (разрушенной фашистскими захватчиками), по свидетельству специалиста, была «решена одна из труднейших задач — соразмерность купола (т. е. барабана и главы) со всею массою церкви»[2].

За последнее время советскими археологами изучена техника древнерусских изделий. Большого опыта и знаний требовали кузнечно-слесарное и оружейное дело, обработка меди, серебра и золота, литейное дело, ковка и чеканка, тиснение и штамповка серебра и золота, чернь, позолота и инкрустация, волочение проволоки, филигрань и зернь, эмаль, производство стекла.

Для выплавки железа из руды и его обработки нужно было обладать некоторым знанием свойств металла в разных химических и физических условиях[3].

Значительных успехов достигла техника кузнечного дела. Выделывались замки различных конструкций, причем было сделано интересное изобретение: в донной части замка устраивали маскировочный экран, который совершенно скрывал рисунок вырезного дна и расположение пружин; при этом для ключа прорезывался узкий паз, не позволявший разглядеть внутренность замка[4]. Такая конструкция делала невозможным применение отмычек.

Выделывалось высококачественное оружие. Металл клинка сабли должен отвечать трем техническим условиям: максимальной твердости, прочности и гибкости.

Анализ микроструктуры металла новгородской сабли XII—XIII вв. показал, что мастер, изготовлявший ее, применил самую рациональную (даже с современной точки зрения) технологию. Из кричного железа он горячей ковкой изготовил клинок. Так как железная полоса клинка при ударе гнется, а лезвие очень мягкое и не может сохранять отточку, то он прибег к довольно сложной дополнительной обработке. «Известные нам клинки (мечей и сабель) кавказских,

---

[1] *А. Л. Монгайт.* Каменная стена «окольного города» Новгорода Великого.— «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXVII, 1949, стр. 124.

[2] *Т. И. Райнов.* Наука в России. М.—Л. 1940, стр. 28. *П. П. Покрышкин.* Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 гг. СПб., 1906, стр. 35.

[3] См. гл. 7, § 2 настоящего издания.

[4] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 221.

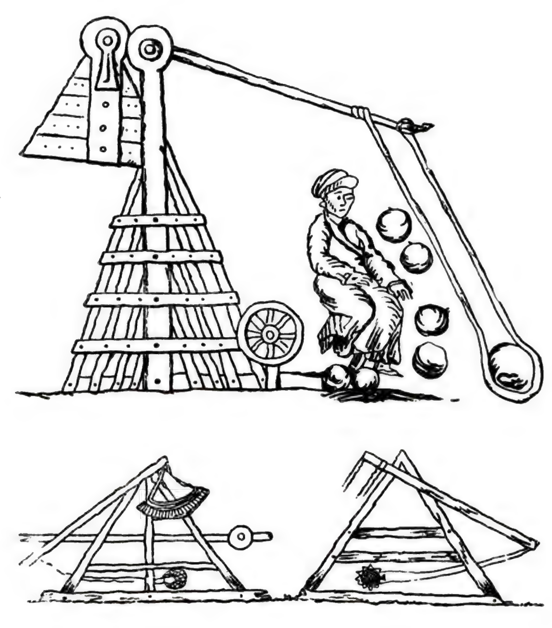
Водопровод в Новгороде, обнаруженный при раскопках
А. В. Арциховского

франкских, японских мастеров изготовлялись лишь наваркой стального лезвия или сваркой всей полосы клинка. В то же время качественные изделия (не только эта сабля, но и ножи, серпы, напильники), изготовленные новгородскими ремесленниками, имеют всюду цементацию с последующей закалкой или наклепом. Это позволяет сделать заключение о высокоразвитом местном новгородском производстве клинков сабель в XII—XIII вв.»[1].

---

[1] *Б. А. Колчин.* Опыт металлографического исследования древнерусских железных вещей. «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXX, 1949, стр. 46—48.

Деревенская техника ювелирного дела обнаруживает весьма старую традицию, восходящую к первым векам нашей эры. В городе ювелирная техника ушла вперед. Модель вырезывали специальными резцами. В XII в. стал широко применяться способ двустороннего литья по двум восковым моделям. Это было важным техническим открытием.

«Порок» (рисунок в сборнике летописей Рашид-эд-дина)

Весьма сложной была техника золочения. Русские ювелиры в технике золочения опередили «своих царьградских, итальянских и рейнских современников, создав новый тип техники золочения»[1]. Подневольным трудом ремесленников создавались такие образцы ювелирной техники, как, например, лунница, на которой напаяно «2250 мельчайших серебряных зерен, каждое из которых в 5—6 раз меньше булавочной головки», или оправа из Старой Рязани, на которой между 12 камнями, вделанными в золото, «мастер устроил цветник из миниатюрных золотых цветов, посаженных на спиральные пружинки в 4—5 витков, припаянные только одним концом к пластинке»[2].

Очень сложных технических навыков требовало приготовление изделий перегородчатой эмали. «Мастер,— пишет знаток древнерусского ремесла Б. А. Рыбаков,— заготавливал тончайшие золотые полоски (десятые и сотые доли миллиметра), намечал на дне лоточка острой иглой детали рисунка и, вооружившись миниатюрным пинцетом и вишневым клеем, начинал создавать золотые перегородки для эмалей различных оттенков. В отличие от немецких и французских эмальеров XII—XIII вв., допускавших произвольное смешение красок, русские мастера никогда не позволяли себе переступать границы чистых тонов... Подготовив золотую основу, мастер приступал к эмалированию. Для

[1] *Б. А. Рыбаков*. Указ. соч., стр. 330 и др.

[2] Там же, стр. 333, 341.

этого ему нужно было в каждую ячейку положить определенную дозу эмалевой массы, истолченной в порошок и смешанной с водой. При этом он должен был учитывать коэффициент расширения, различный у разных составов, и в зависимости от него уменьшать или увеличивать дозу, чтобы после плавки во всех секциях рисунка уровень эмали был одинаков и совпадал с уровнем золотого поля. Разложив эмаль по перегородкам, эмальер ставил щиток в жар для того, чтобы расплавить массу.

Ввиду того, что эмаль необычайно капризна в отношении температуры и от перегрева на несколько градусов легко меняет задуманный мастером цвет, эта часть работы требовала огромного опыта и верного глаза. В современной эмалевой промышленности применяется сложная система пироскопов, позволяющих точно определять нужную температуру»[1].

Техника в древней Руси служила и благоустройству города и военному делу. Следует упомянуть об остатках водопроводной системы в Новгороде. Вода шла по обложенным берестой трубам, сделанным из бревен, выдолбленных и пригнанных друг к другу. Водопроводная линия перемежалась со смотровыми колодцами. Устройство этой водопроводной системы относят к концу XI или началу XII вв. О каких-то работах гидротехнического характера, предпринятых в истоках Волги, свидетельствует запись на стерженском каменном кресте 1113 г.

Были на Руси и мастера, делавшие «пороки» — военные машины. Термином «порок» обозначали и осадные орудия и сооружения для метания камней при обороне города. В 1268 г. новгородцы во время войны воспользовались техническими знаниями «порочного мастера», когда «множество» чуди засело в пещере и их нельзя было «взяти». «Порочный» мастер «хытростью» пустил в пещеру воду и вынудил чудь покинуть пещеру[2].

Страшным бедствием для нашего народа было татаро-монгольское иго. Монгольские захватчики не только уничтожали такие ценности, как рукописные «книги», но и уводили в плен людей, владевших техническими знаниями. Например, итальянский дипломат Плано-Карпини рассказывает о встречах в ставке монгольского великого хана с некиим русским по имени Косма, который был золотых дел мастером: Карпини видел трон и печать, сделанные Космой. Татарское нашествие привело к разорению народного хозяйства Руси и затормозило на длительный срок развитие ее культуры, науки, искусства.

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 379—380.

[2] НПЛ, стр. 86.

6

РАЗВИТИЕ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Формирование русской (великорусской) народности — процесс длительный и сложный. Из указаний И. В. Сталина следует, что народность характеризуется известной общностью языка, территории, культуры и экономической жизни. «Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях»[1].

Говоря о языке, И. В. Сталин указывал, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»[2].

Структуру языка надо рассматривать не как «продукт одной какой-либо эпохи», а как продукт ряда эпох.

Уже в древней Руси наметились те признаки восточного славянства, которые позволяют говорить о его формировании в древнерусскую народность[3]. Это — относительная общность территории, языка, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Хотя единство древнерусского государства и было весьма относительным, однако при всей экономической и территориальной разобщенности частей, из которых оно сложилось, имело место (пусть временное и непрочное) объединение отдельных земель. Появилось и сознание единства Русской земли. Складывался общий древнерусский язык (при наличии разных диалектов). Формировалась русская культура (письменность, литература, искусство). Крепло сознание единства русского народа, говорящего на одном языке, создающего общие культурные ценности, ведущего борьбу за независимость своей родины.

В период феодального расчленения Руси в XII—XIII вв. это сознание не умирает. И. В. Сталин, С. М. Киров и А. А. Жданов

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 336

[2] *И. Сталин* Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 22.

[3] См. гл. 2, § 10 настоящего издания.

говорят о России периода феодальной раздробленности, а не просто об отдельных феодальных «полугосударствах».

Период феодальной раздробленности (XII—XV вв.) представляет собой дальнейший этап в формировании русской (великорусской), а также украинской и белорусской народностей на основе народности древнерусской. Переход к феодальной раздробленности надо рассматривать как прогрессивное на определенном этапе истории Руси явление, вызванное прежде всего экономическим развитием страны, дальнейшим укреплением феодального способа производства. Новые явления наблюдались и в области языка. На смену диалектам племенным пришли диалекты территориальные, местные. Р. И. Аванесов отмечает для второй половины XII и XIII вв. диалектные различия в землях Новгородской, Псковской, Ростово-Суздальской, Рязанской, Смоленско-Полоцкой, Турово-Пинской, Черной Руси, Киевской, Галицко-Волынской. Новая диалектологическая карта являлась следствием развивавшегося процесса феодализации и территориального дробления древнерусского государства[1]. Каждая из земель отличалась и местными особенностями в области культуры.

В исследовании Р. И. Аванесова выясняется, что на основе диалектных областных различий могут быть выделены три основные языковые зоны: южная и юго-западная (Киевская, Галицко-Волынская земли), западная (княжества Смоленское, Полоцкое, Турово-Пинское, Черная Русь), северо-западная, северо-восточная и восточная (Новгородская, Псковская, Ростово-Суздальская, Рязанская земли).

Для первой зоны в языковом отношении особенно характерны удлинение и дифтонгизация *о* и *е* в новых закрытых словах (нуос, пиеч), для второй — изменение *ѣ* в *е* открытое; для третьей — появление *о* закрытого (ô), или дифтонгического, на месте старого *о* под восходящим ударением (вуола, воруона). Эти зоны уже в XII—XIII вв.[2] наметили в общих контурах границы украинского, белорусского и великорусского языков.

Местные («территориальные») диалекты, как известно, «обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд». «Ввиду этого некоторые местные диалекты» в дальнейшем «в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки»[3].

---

[1] *Р. И. Аванесов.* Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник Моск. ун-та», № 9, 1947, стр. 128—139.

[2] Там же, стр. 130; *Р. И. Аванесов.* Вопросы развития языка и диалектов в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1951, стр. 15.

[3] *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, стр. 43.

Формирование великорусской народности происходило в тесной связи с процессом объединения северо-восточных русских земель и создания Русского централизованного государства. Борьба с монгольским игом и шведско-немецкой и польско-литовской агрессией ускоряла эти процессы.

И. В. Сталин указывает, что структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох. Не только племена, но и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались. Это указание должно быть учтено при изучении процесса формирования русского, белорусского, украинского языков и народностей. После нашествия татаро-монголов украинские и белорусские земли были временно оторваны от русских (великорусских) земель и попали под власть польских и литовских феодалов.

Но как русский язык сохранял свою национальную самобытность и «продолжал продвигаться вперёд и совершенствоваться по внутренним законам своего развития»[1], так же было и с языками украинским и белорусским. Они сохранили свою национальную самобытность и близость к русскому языку, определившуюся общностью исторической основы развития трех братских народов.

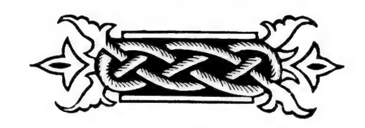
Развитие языка происходит путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества в результате смены старых общественных строев новыми. Накопление элементов нового качества в русском, украинском, белорусском языках в XII—XIII вв. происходило в результате дальнейшего развития феодальных общественных отношений на Руси. Но при этом сохранялось их языковое родство, свидетельствующее об общности путей их исторического развития, о кровном родстве этих трех народов, как и славянства в целом. Нельзя отрицать языковое родство таких наций, как славянские. Его изучение имеет громадное значение для понимания законов развития языка.

Хотя феодальное раздробление XII и следующих веков способствовало экономической, политической, культурной обособленности отдельных образовавшихся к этому времени феодальных центров Руси, но эта раздробленность представляла необходимый этап в развитии способа производства, подготовивший экономическую основу для последующего объединения Руси. Представление о единстве Русской земли не утратилось. Об этом в достаточной мере свидетельствует один из замечательнейших литературных памятников, возникших вскоре после нашествия татаро-монголов,— «Слово о погибели Русской земли».

---

[1] *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

В изображении автора «Слова» Русская земля представляет собой не ряд отдельных княжеств и земель,— автор говорит о Руси как единой стране, границы которой доходят на юго-западе и западе до Венгрии, Польши, Чехии, Литвы и «Немец» (в устье Западной Двины), на севере и северо-востоке — до Карелы, Устюга, Тоймы (на Северной Двине), Ледовитого океана («Дышучего моря»), до болгар (на Каме и Волге), до буртас, черемис и мордвы. В таких широких пределах рисуется автору «Слова» Русская земля.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, КАВКАЗА, ПРИБАЛТИКИ, КАРЕЛИИ, МОЛДАВИИ, ПОВОЛЖЬЯ, ПРИУРАЛЬЯ, СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА IX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.

1

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В IX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.

а) Социально-экономические отношения и политический строй

История народов Средней Азии (таджиков, узбеков, туркмен, казахов) крайне сложна. Территория Средней Азии явилась областью неоднократных вторжений и передвижений различных кочевых народов и входила в состав весьма недолговечных политических образований. Достаточно сказать, что в Среднюю Азию в конце X в. вторглись пришедшие из Семиречья тюркские кочевники (карлуки, чигили и ягма) и на месте государства Саманидов возникло поделенное на уделы государство Караханидов. Вторжение кочевников тюрок-сельджуков в Хорасан привело сначала к развалу державы Газневидов (в начале 40-х годов XI в.), а затем, в начале XII в., и к упадку Караханидов. Вторжение из Семиречья кара-китаев и захват ими (в середине XII в.) Мавераннахра довершили упадок Караханидов и подорвали господство сельджуков в Средней Азии и Персии. Кратковременному подъему окрепшего во второй половине XII в. Хорезмийского государства был нанесен решительный удар в начале XIII в. татаро-монгольскими захватчиками.

История этих государственных образований скудно освещена в источниках[1] (интересовавшихся главным образом «подвигами» ха-

---

[1] См. *Б. Г. Гафуров.* История таджикского народа, т. I, Госполитиздат, 1952; «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950; «История Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1949.

нов и шахов), однако ясно, что все новые вторжения тормозили развитие производительных сил Средней Азии, осложняли процесс ее социально-экономической эволюции и ухудшали положение коренного населения.

* * *

Социально-экономические отношения Средней Азии IX—X вв., в более развитых частях которой к IX в. устанавливается господство феодального способа производства [1], характеризовались следующими чертами.

Если в Мервском оазисе были значительно развиты технические культуры и связанные с ними ремесла (производство хлопчатобумажных и шелковых тканей), а в долинах рек Зарафшана и Кашка-Дарьи существовал смешанный тип сельского хозяйства с некоторым перевесом зерновых культур (пшеница, ячмень, джугара, рис), то в Фергане большую роль играли добывающие промыслы. Здесь велась добыча каменного угля, железа, меди. Из Ферганы вывозили в большом количестве изделия из меди, предметы вооружения, в частности мечи. Серебряные рудники по реке Ангрен (Илак), в нынешнем Кара-Мазарском районе, по количеству добываемых серебра и свинца занимали на феодальном мусульманском Востоке одно из первых мест, почти не уступая знаменитым Пяндширским рудникам в Афганистане.

В областях, где земледельческие оазисы непосредственно соприкасались с кочевой степью (Ургенч в Хорезме, Шаш и Исфиджаб на восток от Сыр-Дарьи), было развито кожевенное ремесленное производство, использовавшее сырье, обильно поставлявшееся кочевниками, туркменами, карлуками и др. В Шаше выделывались высокие седла из лошадиной кожи, колчаны, палатки. Здесь производились также и грубые хлопчатобумажные ткани, на которые был большой спрос в кочевой степи.

Господствующим классом в Средней Азии при Саманидах (конец IX—X вв.) являлись крупные дехканы, сосредоточившие в своих руках главные земельные фонды страны. Первыми собственниками среди них были саманидский эмир, члены династии и представители местных крупных дехканских фамилий. Рядом с богатыми дехканами имелись крупные землевладельцы из завоевателей-арабов, многие из которых успели ассимилироваться в согдийской среде. При Саманидах особую категорию составляли крупные землевладельцы из выдвинувшихся тюркских военачальников. Некоторые из

---

[1] См. *Б. Г. Гафуров.* Указ соч., т. I, стр. 164 и сл.

них сделались настоящими владетелями, наподобие титулованных дехканских домов. Сохранилось предание, что Али-Тегину, например, принадлежало в пределах Хорасана и Мавераннахра на началах частной собственности (мильк) 500 деревень, в городах у него были дворцы, фруктовые сады, караван-сараи, бани и много недвижимой собственности, приносящей доходы (мустагалл). У него была «тысяча тысяч» баранов, 100 000 лошадей, мулов и верблюдов[1].

При Тахиридах и особенно Саманидах в Мавераннахре, наряду со светским, сложилось крупное землевладение высшего мусульманского духовенства. Исмаил Самани (874—907) счел даже необходимым в составе своих десяти диванов иметь диван вакфов, ведавший землями, бывшими во временном или вечном владении различных учреждений ислама (мечети, медресе и др.).

Во владении высшего духовенства находились также полученные в вакф от представителей власти, дехкан, богатых купцов мельницы, толчеи, лавки на базарах, караван-сараи, доходы с ремесленных мастерских и др. Но главное имущество составляли земли, приобретенные ими во временное или вечное владение.

Для саманидского времени источники позволяют установить по признакам принадлежности и государственного обложения формы крупного феодального землевладения в Средней Азии. В первом случае земли должны быть поделены на четыре категории.

Во-первых, «мильки султани», или «мамлеке-и-султани»,— земли государственные, впоследствии носившие также наименование «мильки дивани», т. е. земли дивана. Это название они получили потому, что чиновники дивана вели учет поступавшего с них в казну налога. Государственный земельный фонд был чрезвычайно велик. На феодальном Востоке IX—X вв. плохо различали земли, принадлежавшие лично султану, от земель собственно государственных, вследствие чего в составе государственных земель находились и султанские земли. Государственными считались и крестьянские земли.

Вторая категория земель — «мильк» — земли частновладельческие. Земли эти были в руках членов династии, дехканской знати, саидов, высшего мусульманского духовенства, чиновной (в том числе и военной) знати, представителей тюркской гвардии, купцов и др. Мильки — земли частновладельческие, они получали различного рода привилегии в области обложения. Собственники «мильков» не несли службы государю.

---

[1] *Низам ал-Мульк*. Сиясет-намэ, изд. Schefer, Париж, 1891, персидский текст, стр. 101—102. См. также русский перевод Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949, стр. 117. Цифры, конечно, преувеличены.

Третья категория земель была «икта» — условное земельное владение, данное за службу государю. Первоначально икта была лишь правом взимать с переданных деревень, с сидящих на них крестьян, части их продукта в смешанной форме (натура и деньги). Икта широко распространилась лишь в XI — начале XIII в.

Четвертая разновидность феодального землевладения—земли «вакф», находившиеся на основе дарственных во временном или вечном владении высшего духовенства и составлявшие экономическую базу могущества духовных феодалов, власть и влияние которых были при Саманидах весьма велики. Дарственные мечетям, медресе, ханакам (т. е. фактически высшему духовенству) могли даваться на земли всех категорий.

По признаку государственного обложения земли делились на две категории.

Во-первых, «мильки-харадж» — хараджные земли. Назывались они так потому, что с них шел в пользу саманидской казны харадж (поземельный налог). Они представляли главный источник доходов государства. К хараджным землям принадлежали все обрабатываемые земли, не имевшие специальных привилегий.

Во-вторых, земли, полностью или частично освобожденные от государственного обложения. Впоследствии, в XVIII—XIX вв. земли, освобожденные от налогов, назывались «мильки-хурр» или «мильки-холис». В X в. эта терминология не встречается.

От хараджа и других налогов освобождались по большей части представители высшего духовенства и саиды — «потомки» дома «пророка» Мухаммеда и наиболее близкие к власти люди. Весьма яркая мотивировка освобождения от налогов дана в «Кандии Малой» — сочинении, представляющем краткую таджикскую редакцию труда ан-Несефи ас-Самарканди (ум. в 1142/43 г.) [1].

Крупные землевладельцы дробили землю на мелкие участки и сдавали их на условиях издольной аренды земледельцам. Издольщики работали из половинной, третьей и т. д. до десятой и двенадцатой доли урожая. В таджикской литературе издольщики чаще всего известны под термином «барзигар», в арабских источниках — под словами «шерик» и «аккар».

Харадж во всех случаях взимался в соответствии с долями арендатора и собственника. Если, например, земледелец получал треть, то и харадж он платил с трети урожая, а владелец земли — с двух третей.

С каждым десятилетием положение когда-то свободных земледельцев (мелкого дехканства — крестьянства) ухудшалось. Обнищание и посте-

[1] См. также «Историю народов Узбекистана», т. I, стр. 232 и сл.

пенная потеря прежнего лично свободного состояния шли под давлением хараджных тягот, кабальных издольных аренд,— с одной стороны, и различного рода повинностей, налагаемых властью,— с другой. Крестьяне в основной своей массе сидели на государственных землях, с которых платили государству харадж. Земель этих крестьянам не хватало, и почти все они снимали участки в качестве издольщиков.

Издольщиков с каждым десятилетием становилось все больше. Нужда в земле заставляла крестьян держаться за кабальные договоры на издольные аренды, однако именно в последних гнездились широкие возможности закабаления, превращения свободного земледельца в зависимого человека.

Кроме хараджа, на земледельческом населении лежали разные государственные повинности: постройка и починка дорог и мостов, проведение и очистка каналов, сооружение крепостных стен. От хараджа и других повинностей крестьянство очень страдало, и часто происходили крестьянские волнения. Однако источники не сохранили для X в. подробных сведений об антифеодальных выступлениях крестьянства, хотя и часто упоминают о них. Наиболее подробное известие касается времени Исмаила Самани, который пришел к власти, подавив крестьянское движение в окрестностях Бухары[1].

Кроме феодально-зависимого населения, имелись и рабы. При Саманидах не было больших войн, вследствие чего число рабов уменьшилось, и рабство все больше приобретало характер домашнего. Однако на рынках Средней Азии в то время продавалось очень много рабов. Это были по большей части гулямы, т. е. рабы из числа тюркской (туркменской, печенежской, карлукской и др.) молодежи, специально подготовляемые к военной службе. Гулям стоил около 300 диргемов. Рабы продавались в городах, пограничных с кочевой степью: Ургенч в Хорезме, Шаш, Исфиджаб на востоке от Сыр-Дарьи и др. Применяли труд рабов и на оросительных работах, в рудниках и т. д. Однако рабский труд не составлял основы производства и в сельском хозяйстве, за исключением орошения, в значительных размерах не применялся. Добывались рабы на войне, всех пленных тюрки обращали в рабов.

Хозяйственные различия между отдельными областями Средней Азии создавали условия для товарообмена, средством которого служили серебряные диргемы и золотые динары. Основной монетой были диргемы, стоившие от 20 до 25 золотых копеек. Чеканились диргемы во всех областных центрах, например в Мерве, Самарканде, Бухаре. Золотые

---

[1] См. стр. 499—500 настоящего издания.

динары (стоимостью в 5 рублей) в качестве монеты употреблялись мало и больше шли на подарки. Медная монета также имела широкое хождение, но лишь в пределах местного мелкого рынка.

Караванная торговля играла большую роль в экономической и культурной жизни Средней Азии. Через Среднюю Азию проходила магистраль древнего «шелкового пути» из Персии в Китай через Багдад, Хамадан, Нишапур, Мерв, Амул (Чарджуй), Бухару, Самарканд, Шаш (район теперешнего Ташкента), Талас (Джамбул), Кулан, Суяб и дальше через Восточный Туркестан. Вместе с тем, важное значение имел и путь, соединявший Среднюю Азию с Поволжьем — с Болгарским княжеством. Он проходил через Хорезм, вовлекая купцов этой области в активное участие в торговых сделках с Итилем и Болгаром, с Бухарой, Мервом, Самаркандом и другими городами Средней Азии.

Торговля велась не только предметами роскоши (высокие сорта шелковых, хлопчатобумажных и шерстяных тканей, стекло, бронзовые изделия, золотые и серебряные сосуды, клинки мечей и другое дорогое оружие), но и предметами первой необходимости, а также сырьем, нужным для ремесленной промышленности. Арабский географ Макдиси (X в.), перечисляя товары, вывозившиеся из Болгарского княжества через Хорезм, называет меха (соболей, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, бобров, зайцев и коз), баранов, коров, соколов, рыбий клей, рыбьи зубы, кору белого тополя, березовую кору, свечи, высокие шапки, касторовое масло, амбру, выделанные лошадиные кожи, мед, лу́щеные орехи, мечи, панцыри и т. д. Торговля эта находилась в руках больших купеческих объединений, которые составлялись из вкладчиков, вносивших в дело как товары, так и деньги. Некоторые компании были весьма влиятельными торговыми организациями. Арабский историк Абу-Шуджа (XI в.) говорит, что в X в. были купцы, чеки которых, выдаваемые на крайнем западе мусульманского мира, учитывались на его крайнем востоке с большей быстротой, чем шло поступление хараджа в казну самых сильных правителей. Конечно, в этих словах есть преувеличение, однако они подчеркивают существенную роль караванной торговли в экономической и культурной жизни Средней Азии.

Караванная торговля немало содействовала росту тех городов, через которые проходили торговые пути и в караван-сараях которых имелись складочные пункты. Более всего караванной торговле в эту пору обязаны такие крупные города, как Мерв, Бухара и Самарканд, и недаром одни из ворот Самарканда назывались Китайскими.

Караваны достигали иногда весьма крупных размеров. Так, в караване, с которым Муктадир отправил посольство из Багдада в Булгар

(921/922 гг.), было 5000 человек купцов, ремесленников, духовных лиц и 3000 вьючных животных. Характерно, что караван этот прошел не через Кавказ, а через Мерв и Хорезм с выходом на левый берег Волги. Это объясняется тем, что караван должен был пройти в Булгар, минуя Хазарское царство. Обычные караваны редко превышали несколько сот вьючных животных и сопровождавших их людей.

Средняя Азия вела торговлю с Поволжьем, Болгарским княжеством. На северо-востоке Европы Булгар являлся главным пунктом, куда в большом количестве свозились меха, воск, мед и рабы. На булгарском базаре в большом количестве обращались диргемы. Господствующая верхушка Болгарского княжества умело приспособилась к этой торговле и получала немалые торговые пошлины.

Из Средней Азии в Булгар вывозили рис и сушеные фрукты, а также хлопчатобумажные, шерстяные и даже шелковые ткани. Но главное, что ввозили в Восточную Европу из Средней Азии купцы, были диргемы, о которых говорит арабский географ Ибн-Русте (X в.). В Поволжье найдено огромное количество этих диргемов. Ввозились они туда в качестве товара под видом украшений. Вывоз серебра в монете в Восточную Европу был настолько велик, что в конце X в. в Средней Азии даже начался «серебряный кризис».

* * *

Структура государственной власти при Саманидах осталась той же, что и при аббасидских халифах. Все органы управления делились на две большие категории: дергах (дворец) и диван (канцелярию).

Саманиды пытались усилить единство государственного управления, укрепить организацию диванов. Важнейшей частью дергаха и вместе с тем власти саманидского эмира являлась его личная гвардия. Начальник гвардии был одновременно главой всего дергаха[1]; наиболее подходящими для службы в гвардии считались гулямы.

Сборщики податей (уммал) собирали повинности с трудящихся, сдавали их в казну, а из последней каждые три месяца выдавалось жалованье чиновной знати и гвардии. Среди придворных должностей за начальником гвардии — хаджиб-и-бузург шла должность сахиб-хараса, т. е. начальника стражи, возглавлявшего придворную полицию и приводившего в исполнение приговоры карательного характера.

Центральными ведомствами являлись диваны: везира (главы правительства и ответственного за управление перед эмиром), каз-

---

[1] *В. В. Бартольд.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 236 и сл.

начея, диван «официальных документов» (из которого выходили все официальные бумаги государства, в том числе и дипломатическая переписка); начальника гвардии; почты (почта не обслуживала частных лиц, а носила государственный характер; в обязанность служащих этого дивана входило наблюдение за поведением местных правителей и донесение об этом эмиру); вакфов, собственных владений эмира и др.

В области (вилайеты) посылались правители, титуловавшиеся тогда хакимами. В городе первым лицом был реис — начальник города, назначавшийся эмиром из местной знати. Как в центре, так и на местах, в областных городах, большую власть имело духовенство, высшие представители которого были крупнейшими землевладельцами. В областных городах (касаба) имелось некоторое количество местных диванов, подчиненных, с одной стороны, хакимам, а с другой — центральным диванам.

* * *

Следующий этап в социально-экономической истории и развитии политического строя Средней Азии связан с завоеванием ее тюрками.

Тюрки, под ударами которых пала в конце X в. власть Саманидов над Средней Азией, пришли со стороны Кашгара и Семиречья, из долины рр. Или и Чу. Тюрки эти принадлежали к племенам, известным тогда под именем карлуков, чигилей и ягма.

Отношения между оседлым населением и кочевниками на Сыр-Дарье и к востоку от нее, как и всюду, не ограничивались военными столкновениями.

Оседлое население по караванному пути перемежалось с кочевым. Среди тюрков—карлуков, аргу, тухси и чигилей было немало перешедших от кочевого скотоводства к оседлому земледелию. В стране семиреченских тюрков существовали и города. Связанные с караванной торговлей, эти города еще в большей степени жили товарообменом с кочевым хозяйством.

Кочевники поставляли на рынок продукты скотоводческого хозяйства (скот, кожи и шерсть), а также рабов. Добываемые в качестве военнопленных в почти беспрерывных войнах рабы и рабыни в большом количестве продавались тогда на рынках мусульманских городов. В свою очередь мусульманские купцы привозили в города Семиречья, преимущественно в Исфиджаб, Талас и Мерке, грубые хлопчатобумажные ткани, изделия из кожи, обожженной глины, металла (не только оружие, но и посуду), пшеницу, сушеные фрукты и другие товары, имевшие спрос у кочевников.

Вдоль всего караванного пути в пределах Семиречья и дальше на восток шли поселения карлуков. Поселения карлуков обходили озеро Иссык-Куль с юга. На востоке границы их доходили до р. Тарима. Требовалось 30 дней пути, чтобы пройти через земли карлуков с запада на восток. Наиболее полную характеристику карлуков дает неизвестный автор конца X в. в сочинении «Области мира». Намечая границы расселения карлуков, он особо подчеркивает, что, по сравнению с землями других тюркских народов, они обладали наиболее цветущей страной, где было много рек и умеренный климат. Далее автор отмечает, что жители этой страны были достаточно культурны, имели города и селения. Часть карлуков занималась звероловством, другая — кочевым скотоводством и земледелием. Особенно важно отметить полуоседлый, полукочевой образ жизни карлуков. Среди принадлежавших им городов упомянутое сочинение в первую очередь называет Кулан (ныне Луговая) и Мерке, до наших дней сохранивший свое название.

По соседству с карлуками жили другие, тесно связанные с ними тюркские племена, прежде всего чигили, кочевавшие главным образом на северо-востоке от озера Иссык-Куль [1].

По словам автора «Области мира», чигили жили в шатрах, носили войлочные шапки, владели большими стадами коров, быков, баранов, лошадей; они поклонялись солнцу и звездам и имели большое количество городов и селений. Однако чигили были менее культурны, чем карлуки.

На юг от карлуков, в сторону г. Кашгара и его ближайших окрестностей, жили ягма. Автор «Области мира» замечает, что земледелие у ягма было развито мало. Они больше занимались звероловством, добывали пушнину; основное богатство ягма составляли лошади и бараны. Эти сведения позволяют сделать вывод, что ягма стояли на значительно более низком уровне культурного развития, чем карлуки.

На юго-западе Семиречья в X в. жили еще остатки тюркешей, известные под именем аргу и тухси. Это были наиболее культурные среди семиреченских тюрков племена. По словам Махмуда Кашгарского, аргу жили в районах Исфиджаба, Тараза и Баласагуна. Многие из аргу и тухси перешли к оседлому образу жизни, были земледельцами и ремесленниками.

К IX в. среди племен, населяющих территорию Казахстана и прежде всего плодородные долины Сыр-Дарьи, Или, Чу и других

[1] По словам Гардизи, персидского автора XI в., чигили кочевали также вокруг Иссык-Куля.

рек, наблюдается начало процесса разложения патриархально-общинных отношений.

Важным явлением в жизни тюркского общества карлуков и чигилей был переход части трудящихся к оседлому земледелию. Этот переход был обусловлен теми процессами феодализации, которые наблюдались внутри самого кочевого общества. В кочевом обществе, сохранявшем еще родоплеменные отношения, шел процесс сложения классов. Богатые семьи, обладавшие средствами производства, отделялись от трудящихся. Сосредоточивая в своих руках огромное количество скота, лучшие пастбища, а там, где не было рек, и источники воды — колодцы, они окружали себя дружиной, большей частью из молодежи своего же класса, и заставляли массы народа нести все больше и больше повинностей. Требуя от трудящихся в определенные сроки скот, шерсть, кожи, а также рабочую силу для выпаса скота, представители кочевой знати ставили непосредственных производителей в тяжелое положение, при котором они с трудом могли прокормиться.

Немалое значение в процессе классовой дифференциации кочевого тюркского общества имел товарообмен между рынками городов и кочевой степью. Степная аристократия поставляла на рынки огромное количество скота, шерсти, кож и рабов. Под влиянием требований рынка она стремилась увеличить свои пастбища и стада; беднота лишалась, таким образом,возможности жить за счет кочевого скотоводческого хозяйства и была вынуждена переходить к оседлому образу жизни.

Каков же был уровень общественного развития у перечисленных тюркских племен? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо различать кочевую степь, где велось скотоводческое хозяйство, и оседлые земледельческие районы. В обстановке кочевого скотоводческого хозяйства феодальные отношения развивались крайне медленно, не могли выйти за пределы патриархального быта, сохраняя полупатриархальный, полуфеодальный характер. Сохранение патриархального быта, патриархальной идеологии всячески поддерживалось бегами-баями, которые видели в них сильнейшее орудие своей власти, лучшее средство эксплуатации. Другую картину представляют тюрки, освоившие земледельческий труд. Они, так же как и их предшественники — согдийцы, образовали общество высокой земледельческой культуры, в котором социальные отношения носили уже феодальный характер. Наряду с земледельцами были крупные землевладельцы-феодалы, которые эксплуатировали первых путем издольщины, являвшейся тяжелой формой феодальной кабалы, путем барщинного труда и разного рода повинностей (см. ниже).

В первой половине X в. тюрки — карлуки, чигили и ягма не образовали еще государственного объединения, которое могло бы играть крупную роль в политической жизни Средней Азии. Наиболее многочисленные среди семиреченских тюрков карлуки не имели хакана и возглавлялись, как указывалось, ябгу.

Отсутствием в первой половине X в. у карлуков, чигилей и ягма единого государства и можно объяснить победоносные походы Саманидов на области, расположенные в долинах Таласа и Чу. Известно, что еще Нух ибн-Асад завоевал в 840 г. Исфиджаб и построил большую укрепленную стену, защищавшую культурный земледельческий район от кочевников; через полвека Исмаил Самани (874—907) временно завладел Таласом (893). При правителе Насре I (864—893) был взят западный Шавгар. В конце существования Саманидского государства даже Мерке попадает в сферу влияния Саманидов — один из крупных саманидских военачальников, Фаик, выстроил здесь рабат (укрепленный караван-сарай).

Однако, как ни сильно было влияние Саманидов, области Семиречья в состав Саманидского государства не вошли. Даже Исфиджаб, наиболее близкий к Мавераннахру, имел своего, полунезависимого владетеля, который по существу ничего в казну Саманидов не вносил. Более того, наблюдалось и обратное явление — движение кочевников тюрков в сторону владений Саманидов. «Богатые пастбища между Фарабом, Кенджидой и Шашем (к западу и юго-западу от Исфиджаба)... были заняты принявшими ислам кочевыми тюрками, в числе около тысячи семейств»[1]. Этот факт указывает на то, что саманидское правительство было вынуждено поселить на своих границах кочевников огузов — туркмен.

В X в. тюрки Семиречья в массе оставались язычниками — шаманистами. Даже в среде кочевой аристократии ислам в период халифата распространялся весьма слабо, так как предписания Корана мало соответствовали условиям кочевой степной жизни. Характерно, что другие религии — буддизм, христианство, даже манихейство — имели среди тюрков больше успеха, чем ислам. До нас дошли на тюркском языке произведения религиозной литературы буддийской, манихейской, христианской; некоторые из них, несомненно, восходят еще к VIII в., тогда как первые сведения о мусульманской литературе на тюркском языке относятся лишь к XI в. В первом заслуживающем серьезного внимания известии о принятии ислама тюрками сообщается, что в 960 г. многочисленный (неизвестный по имени) тюркский народ, численностью якобы в 200 тысяч шатров, принял ислам. Повидимому,

---

[1] *В. В. Бартольд.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 179.

фактически ислам приняла только правящая знать (илек-ханы, завоевавшие Саманидское государство, были уже мусульманами).

Еще более неясным, чем принятие тюрками ислама, является вопрос об образовании государства и возникновении ханской власти у семиреченских тюрков. В созданном тюрками в XI в. Караханидском [1] государстве главную роль играли карлуки и чигили. Эти народы и составили основную массу населения вновь возникшего в Семиречье государства. Ханская власть, повидимому, вышла из наименее культурной, но наиболее воинственной народности ягма. Автор сочинения «Муджмаль-ат-Таварих» говорит, что «падишаха ягма называют Богра-ханом» [2]. Возможно поэтому, что вновь возникшее государство возглавила династия из среды правящей знати ягма. Это государство не представляло собой единого целого и разбивалось на уделы, которые находились под властью отдельных членов дома Караханидов, титуловавшихся обычно илек-ханами. Главный хан носил титул тамгач-хана, как тюрки именовали тогда китайского императора. Повидимому, вновь образованное государство имело два центра — Кашгар и Баласагун (ныне развалины Ак-Пишин в долине р. Чу).

* * *

Падение власти Саманидов над Средней Азией в конце X в. и замену их Караханидами нельзя рассматривать только как смену династии таджикского происхождения тюркской. Переход Средней Азии под власть семиреченских тюрков (карлуков, чигилей, ягма и др.) и их илек-ханов сопровождался значительными изменениями в социальной и политической жизни страны. Вместе с Саманидами пало и относительно единое государство с эмиром, управлявшим страной при помощи диванов.

На его месте возникло государство, разделенное на уделы, которые имели тенденцию обращаться в самостоятельные владения Разобраться в том, как эти уделы управлялись, в каких отношениях они были друг к другу, а также к тамгач-хану (хану ханов), как сменялись одни ханы другими (с точными датами вступления их на престол), можно лишь частично на основе главным образом нумизматических данных.

Некоторый интерес для изучения феодально-иерархических отношений среди кочевой знати представляет титулатура караханидских

---

[1] Термином «Караханиды» обозначают тюркскую династию, под властью которой находилась Средняя Азия в XI—XII вв.

[2] *В. В. Бартольд.* Указ. соч., ч. I. СПб., 1898. Тексты, стр. 20.

правителей. Главный хан Караханидов носил то титул «хана ханов» или «султана султанов», то титул «тамгач-хана» или «табгач-хана». Однако, как ни громки были эти титулы, они не давали носителям их соответствующей власти. Уже в XI в. зависимость караханидских ханов Мавераннахра от тамгач-хана была лишь номинальной. Рядом с титулом «великого хана» существовал скромный титул «илек» для обыкновенных членов караханидского дома. Так, илек-ханами назывались караханидские ханы Узгенда и Самарканда. Столицей тюркского государства до падения Саманидов был г. Кашгар, затем Баласагун в Семиречье. После же завоевания Мавераннахра, в XI в., столицей одно время был Узгенд, ныне небольшой город Киргизской ССР. В том же XI в. (во всяком случае после 1072 г.) Узгенд из столичного центра сделался областным, а столица перешла вновь в Кашгар.

Сохранилось весьма мало данных, на основании которых можно было бы представить организацию правительственной власти при Караханидах. О центральном правительстве для всей территории от Кашгара до Аму-Дарьи говорить не приходится, так как на этом пространстве было несколько фактически независимых друг от друга владений. Наиболее могущественным был владетель всего Мавераннахра — илек-хан Самарканда.

В организованном им государственном аппарате существовали должности, бывшие при Саманидах. К ним относятся: везир, сахиб-берид (начальник почтовой службы), мустауфи (ведающий казной) и др. Еще больше сохранилось саманидских должностных лиц в городах: хакимы (правители городов и областей), реисы (представители местной землевладельческой знати, высшего мусульманского духовенства при хакиме), мухтасибы (чиновники торговой полиции, следящие за правильностью мер и весов) и т. д. Всех этих людей, особенно если они добровольно переходили на сторону новой власти, илек-ханы принимали с почетом, пользовались их услугами, жаловали землями.

Во время завоевания Караханиды нашли союзников также в верхнем слое местного мавераннахрского — таджикского дехканства (землевладельцев).

Однако часть крупного дехканства утратила былые экономические и политические позиции. В книге Нершахи «История Бухары» (X в.) рассказывается о необычайно высоких ценах на землю в Бухаре в предшествующие времена. Переводчик книги на таджикский язык добавил от себя, что в его время (начало XII в.) земля стоила в Бухаре очень дешево и что ее отдавали иногда даром, да никто не брал, а если кто и покупал землю по дешевой цене, то она оставалась у него заброшенной. Это печальное обстоятельство он объясняет прежде всего насилиями и жестокостями со стороны правителей, т. е. караханидских

ханов. Повидимому, перегруппировка земельной собственности в эту эпоху была довольно значительной.

Менее всего претерпело изменений мусульманское духовенство. Караханидские ханы явились в Мавераннахр в качестве ревностных мусульман и при захвате власти не имели намерения ссориться с духовенством. Наоборот, они заключили крепкий союз с его ортодоксальной реакционной частью, всячески поддерживали авторитет духовных феодалов — имамов, сейидов («потомки пророка»), садров (см. ниже), шейхов, покровительствовали увеличению вакфов (церковных имуществ), строили мечети и т. д.

Одним из важнейших явлений в истории Средней Азии под властью Караханидов была так называемая икта. Этим словом как в самой Средней Азии, так и в Персии, Сирии, Египте и других странах Востока обозначалось условное земельное пожалование, своеобразный восточный бенефиций.

Икта этого периода представляла собой прежде всего право на временное получение доли доходов с определенных государственных поступлений, среди которых первое место занимал харадж. Низам ал-Мульк, поддерживавший в государстве Сельджуков икта как наиболее выгодную для центральной власти форму феодального владения, писал о ней следующее: «Мукта, т. е. те, кто держит икта, должны знать, что они с крестьян не могут взимать ничего другого, кроме предоставленной им законной подати, которую они с них могут взимать только хорошим способом. И когда они [мукта] ее [законную подать] взимают, то крестьяне должны быть спокойны за свою жизнь, имущество, жен, детей, а также за орудия и земельные участки, так как у мукта на все это права нет»[1]. Таким образом, владелец икта (мукта или иктадар) формально имел право на взимание с крестьян одного или нескольких селений (а то и целого округа) продуктов их труда в продуктовой или частично денежной форме. Право взимания первоначально было большей частью временным, иногда пожизненным и не распространялось ни на землю, ни на лиц, производящих эти продукты сельского хозяйства и домашнего ремесла, ни на их жен и детей, ни на их имущество. Институт икта в указанном смысле не был новостью для XI в. В этом виде он существовал и прежде, хотя и не играл тогда особенно крупной роли в социально-экономической жизни феодального Востока, в том числе Средней Азии.

Институт икта теснейшим образом был связан со всей системой получения казной хараджа. Повсюду в халифате государственная власть взимала с возделанных земель, большая часть которых была отнесена к категории земель хараджных, от трети до половины всего произво-

---

[1] *Низам ал-Мульк.* Указ. соч., изд. Schefer, перс. текст, стр. 28.

димого сельским хозяйством продукта в форме поземельного налога, т. е. хараджа. С самого начала в практике халифата была тенденция награждать правителей, военачальников и других гражданских и военных чинов не только деньгами или пожалованиями натурой, но и правом на систематическое получение той или иной доли хараджа (икта). Харадж с одного или нескольких селений, вместо того чтобы идти в государственную казну, поступал в руки жалуемого лица. Итак, икта как своеобразный феодальный институт не был занесен Караханидами, а существовал в Средней Азии и Персии и до них.

Особенно широкое развитие икта получила при тюркской власти, т. е. при Караханидах в Мавераннахре и при Сельджуках в Персии. Вместе с Бограханом и Насром в Мавераннахр пришло несколько отрядов карлуков, чигилей, ягма. Среди них было много тюркской знати — бегов с их дружинами. Занимая все ответственные места в караханидском войске, тюркская знать чрезвычайно медленно приобщалась к оседлой жизни. На завоеванные области она смотрела как на источник доходов, причем доходов значительных, а система икта позволяла оставаться в степи, лишь по временам наезжая в города, и получать значительное количество разнообразных продуктов и денег.

Икта получила распространение и в Персии при Сельджуках. Икта была выгодна Сельджукам еще и тем, что она, как форма временного пожалования за службу, давала возможность держать власть над мукта, т. е. держателями икта. Хотя старые формы землевладения—мильк-и-харадж (частновладельческие земли, с которых платили харадж), чистые мильки (частновладельческие земли, полностью освобожденные от налогов) и не были ликвидированы, частное землевладение сильно сократилось, и многие, даже не из числа тюркской знати, например крупные чиновники, прежние собственники, перешли на положение мукта или иктадаров.

Постепенно икта из временного пожалования доходов превратилась в феодальную собственность на землю, нередко связанную с характерными для феодализма иммунитетами. Так, например, в конце XII в. в районе Несы (современная Туркменская ССР) мукта, некий Мелик Туган-шах, получил от хорезмшаха Текеша право не только управления и суда над крестьянами, сидевшими на данной земле и выплачивавшими в его пользу подати и повинности, но и распоряжения их имуществом и личностью. Здесь икта переросла уже в подлинный феод, а формы эксплуатации крестьян приняли феодально-крепостнический характер.

Основную массу населения составляли феодально-зависимые крестьяне. Большинство их в Мавераннахре состояло, как и в предше-

Мавзолей Исмаила Саманида в Бухаре, X в.

ствующее время, из земледельцев, сидевших на землях мамлаке-и-султани (государственных), плативших с них харадж и несших разного рода повинности (постройка и починка городских стен, дорог, мостов, арыков и т. д.).

Ввиду сильного малоземелья многим из земледельцев этой категории приходилось работать и в качестве издольщиков — «барзигар», чаще всего из одной трети урожая.

Для Мавераннахра XI—XII вв. характерна еще одна категория дехканства. От остальной массы земледельцев они отличались тем, что не были общинниками, а считали себя «асиль задэ», т. е. благородного происхождения. В XI—XII вв. этот термин чаще всего обозначал мелких земельных собственников, которые обрабатывали принадлежавшую им землю и платили с нее только харадж.

* * *

Дальнейшая социально-экономическая и политическая история Средней Азии, а также Закавказья (см. ниже) была осложнена вторжением туркмен-сельджуков, происходивших из союза племен, возглавлявшегося огузской кочевой знатью [1].

Тюрков-огузов, или туркмен, отмечают арабские географы на западной границе Семиречья в X в. Так, Макдиси говорит, что города на запад от Исфиджаба — Баладж и Берукет — были пограничными крепостями против огузов, кочевья и поселения которых почти подходили к ним. Огузы имели свои города на Сыр-Дарье, где были расположены их кочевья, и, следовательно, знали городскую жизнь. Туркменами называлась та часть огузов, которая приняла ислам.

Туркмены являются одним из древнейших народов Средней Азии, издавна занимавшим если не всю, то во всяком случае большую часть своей современной территории. Повидимому, в X в. термин «туркмены» еще не окончательно устоялся, под ними понимали и огузов и карлуков. Лишь с XI в. словом «туркмены» стали обозначать только огузов.

О туркменах мы знаем больше, чем о других кочевых народах Средней Азии, так как о них сохранились сведения в арабской и персидской географической и исторической литературе. Уже по наблюдению арабских географов, например Масуди, туркмены занимались не только кочевым скотоводством, но частично вели и земледельческое хозяйство. Правда, это отмечается лишь для начала X в. и только в отношении туркмен или огузов в районе нижней Сыр-Дарьи. В последней области у туркмен или огузов имелись и города, например, Янгикент, развалины которого находятся недалеко от Казалинска на левобе-

[1] См. *Б. Г. Гафуров*. Указ. соч., стр. 208—209, 226.

Башня Бурана близ Токмака.

режье Сыр-Дарьи. В Янгикенте в X в. жил огузский (туркменский) князь ябгу. Имел торговое значение г. Дженд, развалины которого лежат также на левом берегу Сыр-Дарьи выше Янгикента. На правом берегу той же реки находился г. Сугнак (к северу от станции Тюмень-арык), выше него — Сауран и другие города.

Из сообщений Ибн-Фадлана (X в.) известно, что туркмены занимались кочевым скотоводством; разводили верблюдов, коней, овец. Женщины выделывали шерстяные ткани, ковры, кошмы. Ибн-Фадлан отмечает, что были отдельные беги, которые владели 10 000 коней и 100 000 единиц другого крупного и мелкого скота. В руках этих богачей находились пастбища, которые они распределяли по своему усмотрению, а также главные источники воды. Основная масса трудящихся кочевников-скотоводов находилась в зависимости от бегов.

Рабский труд не составлял основы производства, но все же рабы играли большую роль в хозяйственной жизни туркмен. У каждого богатого кочевника, особенно бега, было несколько десятков, а то и больше рабов, добытых на войне, которые выполняли черную работу. Рабыни занимались ткачеством. Много у богатых туркмен было и рабынь-наложниц. Туркмены жили племенами и родами, которых в XI в. насчитывалось двадцать четыре. В X в. у туркмен еще только складывались полупатриархальные, полуфеодальные отношения. Ибн-Фадлан говорит о туркменском вожде, носившем титул ябгу, и о его помощнике-кудеркине. При ябгу был совет старейшин, составленный из родственников самого ябгу и его кудеркина. Без согласия старейшин или бегов ябгу не мог принять ни одного серьезного решения.

Туркмены торговали со своими соседями — Хорезмом, Хорасаном, Гургеном и др. На базары городов они привозили мясо, скот, кожи, шерсть. Покупали грубые хлопчатобумажные ткани, изделия из металла, дерева и т. д. Каждый мусульманский купец имел в степи своего «покровителя» в лице какого-нибудь богатого туркмена. Последний предоставлял ему юрты, лошадей, верблюдов, овец, вносил определенное количество товаров или денег и таким образом участвовал в караванной торговле. По возвращении каравана купец заезжал к своему «покровителю» и расплачивался с ним, не только отдавая взятое у него, но и выплачивая полагавшуюся ему долю прибылей. Когда туркменские купцы ездили в Хорезм, они также останавливались у своих покровителей из мусульманских купцов. Постепенно огузы (туркмены), передвинувшиеся в X—XI вв. своей главной массой на территорию современной Туркмении и оставшиеся там, смешались с остатками кочевавших здесь с глубокой древности ираноязычных племен (массагетов, аланов и др.), передали им свое имя, а также

свой тюркский язык, который из скрещивания с племенными языками этих племен вышел победителем.

Сельджуки, стоявшие по своему общественному развитию ниже коренного населения, подпали под культурное влияние местного таджикского и тюркского населения. Наступление на крестьянство со стороны иктадаров усиливало феодальную кабалу. Местная знать, отстраненная сельджукскими правителями, враждовала с ними. Попытка сельджуков упрочить свое господство не имела успеха, и в 30-х годах XII в. их государство было разгромлено племенами кара-китаев (см. ниже).

Центральные и западные области Казахстана в X—XII вв. были заняты половцами (кыпчаками), которые представляли собой ветвь племени кимаков, кочевавших в степях Северного Казахстана. Автор труда «Границы мира» писал о кимаках: «Население обитает в юртах и кочует летом и зимою по пастбищам, лугам и около вод. Его богатство — соболь и овцы. Пищей летом служит молоко, а зимой сушеный сыр. Царя кимаков называют хакан, у него имеется 11 сборщиков податей»[1]. Его летняя ставка была в г. Камания. Половецкое население было языческим. Продвигаясь далее на Запад, половцы заняли Северное Причерноморье, где и остановились, встретив решительный отпор со стороны Руси[2].

* * *

После кара-китайского завоевания[3] Мавераннахр вновь пришел в состояние политической раздробленности, что затормозило его культурное развитие. Из существовавших в ту пору государственных образований известный подъем наблюдался со второй половины XII в. в Хорезме.

В совместной борьбе против эксплуатации крепли узы дружбы между трудящимися, таджиками и узбеками. Тесное взаимное влияние видно и в культуре этих народов.

Хорезмийское государство, сложившееся в конце XII в., характеризовалось относительным единством. Хорезмшах имел свою казну, войско, аппарат управления. В источниках встречаются знакомые из предшествующего времени должности везира, мустауфия[4], казия[5], векиля, т. е. управляющего хозяйством двора, и другие, игравшие крупную роль в жизни государства. Некоторые должности носили

[1] См. «Историю Казахской ССР», т. I, стр. 70 и сл.

[2] См. гл. 2, § 8 настоящего издания.

[3] См. стр. 517—518 настоящего издания.

[4] Государственный казначей

[5] Судья по шариату.

новые названия, например, должность султанского палача — джандара, причисленного к «знатным людям гвардии». При помощи этого аппарата хорезмшах и управлял своими владениями. Все эти должности имели феодальный характер.

Как и прежде, здесь были династии наследственных везиров. Во многих городах сидели местные, в той или иной степени зависимые, вассальные (светские и духовные) правители, сохранившиеся под разными названиями (мелики [1], сейиды [2], садры [3] и др.). Некоторые из них вместе с тем назначались хорезмшахом на ту или иную крупную должность, например местного везира, хакима и т. п. Вместе с назначением на должность правителя такое лицо получало и соответствующие икта.

Так, крупный чиновник Дийа ал-Мульк, назначенный Джелаль-ад-дином Мангуберти, сыном хорезмшаха Мухаммеда, на должность везира в Несе, получил там в начале XIII в. икта с доходом в 10 000 динаров, кроме тех доходов и кормления, которые полагались ему по должности везира. Подобные икта были широко распространены. В Хорезмийском государстве большинство крупных должностей и связанных с ними икта были наследственными. Вместе с наследственными землями эти икта увеличивали экономическую мощь и политическое влияние местных правителей (хакимов, везиров, шихне и т. д.) и порождали у них стремление к полунезависимому от центральной власти существованию. Распространение икта приводило к сокращению поступлений хараджа в казну и способствовало ослаблению финансовой мощи хорезмшаха.

Неохотно повиновались центральной власти и крупные землевладельцы, в руках которых сосредоточивались обширные земли. Поместья Хорасана были окружены крепкими стенами и рвами, в некоторых из них были соборные мечети. Как и прежде, эти поместья сдавались мелкими участками издольщикам. Кроме того, крупные землевладельцы, особенно если они же являлись и должностными лицами по управлению, могли потребовать райатов (земледельцев) с мотыгами, лопатами и другими орудиями для возведения укреплений или других работ. Среди повинностей крестьян важное место в это время занимала сухра, т. е. барщина. Упомянутый выше мукта Мелик в районе Несы получил от хорезмшаха Текеша право распоряжаться на территории своего икта земледельцами, которые были ему подсудны и должны были выполнять в его пользу повинности.

---

[1] Феодал с титулом князя (*мелик* — царь, князь).

[2] «Потомки пророка».

[3] Феодальные государи Бухары (XII в.) из высшего мусульманского духовенства.

* * *

Путь постепенного перерастания икта-бенефиция в икта-феод привел к значительным переменам и в положении крестьян, живших в сельской общине. К концу XII в. крестьяне Средней Азии почти повсюду потеряли личную свободу и попали в зависимость к крупным земельным собственникам, многие из которых являлись высшими гражданскими чиновниками, военачальниками, представителями высшего мусульманского духовенства и даже богатыми купцами. В источниках мы, правда, не находим сведений о том, что крестьяне были прикреплены к земле; однако крестьянские повинности в отношении к крупным иктадарам были так велики, что нельзя сомневаться в их крепостническом существе. Если крестьянин обрабатывал землю как общинник, он был принужден отдавать крупному землевладельцу полностью или частично те налоги и повинности, которые раньше вносил в казну государства, прежде всего харадж (поземельный налог), а затем выполнял в порядке барщины работы по очистке старых оросительных каналов (арыков) и каризов[1], проведению новых, починке и постройке мостов и дорог, дворов и зданий, городских стен и т. п.

Если же крестьянин из-за малоземелья (а это в обстановке искусственного орошения в Средней Азии часто имело место) бывал вынужден брать дополнительно землю у помещика на издольных началах, то он подвергался исключительно тяжелой эксплуатации. Известно, что в Средней Азии землевладельцы не вели крупного хозяйства, а сдавали земли мелкими участками земледельцам на условиях издольной аренды. Если крестьянин имел, кроме быка и сохи, еще и семена, то он работал из половины урожая; если же у него не было семян, он получал только четверть. Так, в зависимости от того, что́ он дополнительно получал от землевладельца, уменьшалась его доля урожая, доходя иногда до $^1/_{10}$ и $^1/_{12}$. Отсюда видно, как велики были возможности эксплуатации земледельца в условиях кабальных издольных аренд. Издольные аренды в феодальном обществе принимали тяжелые кабальные формы, становясь средством дальнейшего усиления феодализации и крепостничества.

В источниках по истории Средней Азии XI—XII вв. почти не сохранилось сведений о крестьянских восстаниях против светских и духовных феодалов. Имеется единственный яркий рассказ о восстании бухарских ремесленников и окрестных крестьян во главе с Мелик Синджаром (1206—1207) против бухарского садра Мухаммеда ибн-Ахмеда ал-Азиза, державшего в своих руках огромные земельные владения как лично

[1] Подземные каналы для выведения на поверхность грунтовых вод.

ему принадлежавшие, так и вакфные в окрестностях Бухары и в самом городе[1]. Однако отсутствие сведений в источниках не может служить доказательством отсутствия самих крестьянских восстаний. Кроме того, классовая борьба крестьян не исчерпывалась восстаниями, а средневековые историки, писавшие по заказу правителей, да и сами принадлежавшие к высшим слоям феодального общества, мало интересовались движениями крестьян и не отмечали факты из этой области, а их, несомненно, было много.

Представители феодальной знати XII в. с исключительной откровенностью высказывали мысль о том, что трудящиеся земледельцы и ремесленники являются лишь их рабочей силой, которую нужно крепко держать в повиновении. «Ал-Катиб ас-Самарканди (XII в.— *Ред.*) приводит характерный анекдот о султане Санджаре, который будто бы сказал, что ограждение сильных от обиды со стороны слабых еще более необходимо, чем защита слабых от произвола сильных; оскорбление слабых сильными — только несправедливость, тогда как оскорбление сильных слабыми — и несправедливость, и позор. Если народные массы выйдут из повиновения, то произойдет полный беспорядок». Султан Санджар, по его словам, будто бы сказал однажды: «Малые будут исполнять дела великих, а великие не могут исполнять дела малых», т. е. если простой народ захочет вести жизнь знатных людей, то некому будет исполнять работы, составляющие удел простолюдинов[2]. На этих принципах эксплуатации строилась и вся политика хорезмшахов.

* * *

С IX в. начинается развитие феодальных городов Средней Азии. Рядом с древними шахристанами[3] Мерва, Самарканда, Бухары, Пейкенда и др. постепенно вырастали оживленные места — ремесленно-торговые предместья, так называемые рабады. На основе письменных источников, географической литературы X в., сохранившихся городищ, а также пережитков, которые удерживались в XIX и начале XX вв., можно представить себе общую структуру феодального города. Город — центр феодальной власти, где рядом с эмиром (если это столица) или хакимом (если это областной центр) был еще реис — управитель города, назначенный властью из местной городской знати и представителей высшего мусульманского духовенства. Вместе с тем город — это центр ремесленного производства и торговли.

[1] См. стр. 521 настоящего издания.
[2] *В. В. Бартольд.* Указ. соч., ч. II, стр. 405.
[3] *Шахристан* — среднеазиатский город дофеодального периода.

В центре города почти всегда стоял чорсук (или чорсу)—крытый куполом рынок, вбиравший в себя перекресток главных улиц. Все эти улицы были разбиты на кварталы (махалла), каждый из которых был занят каким-нибудь определенным ремеслом. Там, в узких уличках, в маленьких помещениях рядами сидели ткачи, кожевники, сапожники, гончары, деревообделочники, медники, ножевщики, переплетчики, ювелиры, оружейники, мастера, изготовляющие разные сладости, мясники, торговцы лепешками и т. п. Этот трудящийся люд продавал там же, где и производил, почему и самый базар в восточном феодальном городе — место не только торговли, но и ремесленного производства.

Особняком размещались на базаре кварталы саррафов (менял), богатых купцов, торговавших дорогими товарами — высокосортными тканями (шелковыми, шерстяными, хлопчатобумажными, набойными), бронзовой, серебряной и золотой посудой, стеклом и т. д. Кварталы эти были связаны с караванной торговлей, которая и поставляла в торговые ряды богатых купцов свои товары — по большей части предметы роскоши. Характерным выражением этой связи с караванной торговлей были караван-сараи — большие здания, имевшие обширный двор, по краям которого и размещались в один или два этажа небольшие комнаты (худжры). Во дворах караван-сараев складывались товары, ставились на отдых вьючные животные, а в худжрах останавливались купцы, проводники и т. д. Как и на базарах, здесь все жило куплей-продажей.

Несколько особое место занимали большие мастерские, носившие название «бейт-ат-тираз» или «коргох». Так, в Бухаре в X в. между крепостью и шахристаном вблизи соборной мечети находилась мастерская, в которой выделывались ковры, занавеси, ткани иезди, подушки, молитвенные коврики. Сюда приезжали купцы, которые вывозили ткани и материи в Сирию, Египет и Византию. Тиразы принадлежали эмирам и халифам или частным богатым лицам. В них работало по нескольку десятков человек, находившихся в феодальной зависимости от собственника мастерской.

Улицы даже в самых больших городах были настолько узкими, что в них едва могли разъехаться две арбы. Часто улицы переходили в тупики. Ближе к центру они покрывались примитивными крышами. По большей части улицы мостились галькой.

Постройки в городах возводились из глины, сырцового кирпича и дерева. Широко распространены были каркасные строения, в которых деревянный переплет стен заполнялся тонким слоем глины, смешанной с рубленой соломой (пахса). Зданий из обожженного кирпича было очень немного. Это были главным образом дворцы, мечети, медресе,

мавзолеи, да и то, как указывают источники, в этих зданиях имелось много деревянных частей, как, например, колонны. По краям главных улиц проведены были арыки с проточной водой, иногда воду проводили под землей по глиняным обожженным трубам (кубуры). Было немало в городах и больших бассейнов (хаузов), откуда брали воду для питья, поливки улиц и т. д. Некоторые из хаузов имели даже купольные покрытия.

В этих типично феодальных городах из-за скученности населения, отсутствия элементарного благоустройства, в том числе канализации, одна эпидемия сменялась другой; нередкими гостями в них бывали холера и чума.

Средневековый город Средней Азии был центром не только ремесла и торговли, но и феодальной власти и мусульманского духовенства. При Саманидах (X в.) было построено немало дворцов, мечетей, медресе, караван-сараев, общественных бань. Больше других обстроилась Бухара, бывшая столицей Саманидов.

Окруженные лачугами городской бедноты возвышались постройки знати. Наиболее богатой частью города была площадь Регистан, находящаяся к западу от бухарского арка или кухендиза, где помещался главный дворец саманидских эмиров. На Регистане возвышались здания десяти диванов, в которых сосредоточивалось управление государством. Рядом с ними при саманидском правителе Наср ибн-Ахмеде (914—943) был воздвигнут прекрасный дворец. Много строили в Бухаре при Абд-ал-Мелике (954—961) и Мансур ибн-Нухе (961—976). С именем Мансура связано строительство в местности Джуи-Мулиан.

Эта характеристика внешнего облика средневекового восточного города, как он сложился на территории рабата, целиком приложима ко всем большим среднеазиатским городам — Бухаре, Самарканду, Ургенчу, Термезу, Мерву и др.

Не всегда шахристан целиком перестраивался, как это было, например, в Бухаре или Шахрисябзе (Кеше), иногда он забрасывался. Так было в Мерве и в Самарканде. Самаркандский шахристан был окончательно покинут только накануне монгольского нашествия. Развалины его (Афрасиаб) лежат на севере от современного Старого Самарканда.

Трудно сказать, какова была численность населения больших городов. Китайский монах Чань-чунь, проезжавший в 1221 г. через разгромленный войсками Чингис-хана Самарканд, отметил, что население города сократилось на три четверти, а было в нем, по его словам, около 100 000 семейств. Конечно, эта цифра значительно преувеличена. Кроме того, в те времена принято было считать населением города и жителей соседних садов и кишлаков, расположенных сплошной полосой

тотчас же за городской стеной. Во всяком случае в Мерве, Самарканде и Бухаре население превышало несколько десятков тысяч.

Данных по вопросу о социально-экономической и политической структуре городов имеется мало.

При Саманидах существовала, как выше сказано, должность мухтасиба, следившего за правильным функционированием базара. Мухтасиб и его чиновники должны были наблюдать за ремесленным производством, торговлей, а также за тем, чтобы ремесленники выполняли утвержденные властью правила своего производства, а торговцы не нарушали установленных мер и весов и торговали доброкачественным товаром. Они следили и за «порядком» и за регулярным посещением мечети горожанами. Все ремесленники были объединены в особые производственно-общественные организации, несколько напоминающие ремесленные цехи. Каждый квартал (махалла) в городе был занят определенным ремеслом; такой квартал был вместе с тем определенным производственным объединением, игравшим в тревожные для городских ремесленников времена и политическую роль. В городах Саманидского государства не раз возникали волнения, переходившие в настоящие восстания против феодальной власти.

Макдиси рассказывает, что в Мерве шла постоянная борьба между жителями «ал-медины» и «старого базара». Под жителями «ал-медины» (Гяур-кала) Макдиси подразумевает дехкан, а под жителями «старого базара»—ремесленников. Волнения, по его словам, имели место в Балхе, Абиверде, Несе, Тусе и других городах. В 930 г. в Бухаре произошло антифеодальное движение, возглавлявшееся хлебопеком Абу-Бекром. При Мансуре ибн-Нухе (961—976) в Самарканде даже срыли внутренние городские стены, разделявшие кварталы, так как восставший народ пользовался ими в борьбе против феодальной власти.

б) Политическая история

Средняя Азия с начала VIII в. находилась под властью арабского халифата. В IX в. положение в восточных областях халифата осложнилось: усилилась борьба народных масс против иноземных и собственных угнетателей. В этих условиях земельная знать Мавераннахра стремилась к разрыву с центральной властью в Багдаде и созданию самостоятельного государства. В начале IX в. в Хорасане обосновались Тахириды (821—873), принадлежавшие к местной дехканской знати. Они не только сделались наследственными наместниками восточных областей халифата, но фактически стали государями.

Наиболее яркой фигурой из Тахиридов был Абу-л-Аббас Абдаллах (828—844). В годы его правления имел место известный подъем

хозяйственной и культурной жизни Мавераннахра, который был подчинен тогда хорасанскому наместнику.

В эти годы проводились работы по улучшению искусственного орошения в Мервском оазисе, а также в разных районах Хорасана. Была составлена особая «книга об арыках» в форме изложения решений по тяжбам из-за распределения воды.

Столица была переведена в Нишапур, но Мерв при Тахиридах оставался крупнейшим центром ремесла, торговли и культуры. При Тахиридах с населения взимали огромные суммы, главным образом в форме хараджа. Наивысшая сумма была собрана в 844 г. (48 000 000 диргемов). Сюда, конечно, входили, кроме денег, и разные виды натуральных сборов. Угнетение крестьян попрежнему прикрывалось социальной демагогией. Абдаллах лицемерно заявлял о крестьянах: «бог их руками нас кормит, их устами нас приветствует и обирать их запрещает».

После смерти Тахира, сына Абу-л-Аббаса Абдаллаха (862), начался упадок власти Тахиридов. В Мавераннахре в годы правления Тахиридов выдвинулась местная династия Саманидов (из селения Саман в области Балха).

Саманиды при первых Тахиридах получили в управление все наиболее важные области Средней Азии. Так, уже в 20-х годах IX в. они сидели в качестве правителей в Самарканде, Фергане, Усрушане и Шаше с центром в Бинкете (Ташкенте). Таким образом, еще при Тахиридах в руках Саманидского дома оказались главные области Мавераннахра. Вне власти Саманидов была только Бухара с ее округой и долина Кашка-Дарьи, которые находились под непосредственным влиянием Тахиридов. В то время как Тахириды имели право чеканить серебряные дирхемы — основную монету, ходившую тогда в восточных областях халифата, их вассалы Саманиды могли чеканить только фельсы, т. е. малую медную монету.

В соответствии со все усиливавшимися феодальными отношениями назначение на пост наместника области рассматривалось тогда как пожалование; на полученные в управление области уже первые Саманиды смотрели как на свои владения. Первые Саманиды были верными вассалами Тахиридов. Лишь с ликвидацией власти последних в 873 г. Саманиды стали стремиться к полной самостоятельности и образованию независимого государства в Средней Азии. При Тахиридах, т. е. в течение 52 лет, Мавераннахр фактически был самостоятелен, хотя номинально и признавал над собой верховную власть халифа.

Таджикский народ не хотел подчиняться ни халифату, ни хорасанским Саффаридам и стремился к единству Средней Азии, к укреплению обороны от набегов кочевников.

В середине IX в. в Самарканде правил Наср, вскоре сделавшийся главой Саманидов; в 70-х годах его сменил Исмаил ибн-Ахмед. В эти годы в Бухаре появился один из членов династии Тахиридов Хусейн ибн-Тахир с большим отрядом воинов. После нескольких стычек с горожанами он захватил дворец и объявил себя эмиром. Однако его воины так бесчинствовали и грабили город, что жители Бухары восстали. Народ осадил дворец; Хусейн успел ускользнуть, но вынужден был оставить харадж, собранный незадолго перед тем с населения.

Волнения в Бухаре продолжались, а феодальная знать не могла найти подходящего кандидата в правители. Тогда «именитые люди» города, в том числе и представители высшего духовенства, обратились в Самарканд к Насру за помощью. Наср отправил в Бухару править своего брата Исмаила ибн-Ахмеда Самани (874—907). Исмаил вступал в Бухару как подлинный представитель среднеазиатской земельной аристократии, высшего мусульманского духовенства и богатого купечества. Народные массы, особенно крестьяне, были так измучены поборами претендентов на эмирскую власть, что повсюду отказывались повиноваться и восставали. Приветствуемый верхами общества, Исмаил смог взять фактическую власть, только подавив крестьянское восстание. Придворный историк Наршахи, который преклоняется перед Исмаилом и не находит других слов по адресу крестьян, как «разбойники». рассказывает о четырехтысячном крестьянском отряде, действовавшем на территории между Рамитаном и Баркадом. Восставшие хотели захватить Бухару. Исмаил обратился к Хусейну ибн-ал-Ала, который был его сахиб аш-шурат[1], и послал его для подавления народного движения. Представители чиновной и родовой бухарской знати (бузурган и михтаран) оказали Хусейну ибн-Ала помощь, и народное восстание было подавлено.

После этого Исмаил почувствовал себя хозяином положения в Бухаре и уже в 888 г. начал борьбу с Насром, желая занять его место и сделать Бухару центром всех земель Мавераннахра. Борьба закончилась победой Исмаила. Купечество, часть дехканства, которая была связана с городами и караванной торговлей, высшее духовенство, ремесленники сочувствовали политике объединения, поскольку она благоприятствовала развитию товарообмена, ирригации и позволяла стране усилить отпор набегам тюрков-кочевников. К концу IX в. Саманидское государство было уже значительной силой, с которой прежде всего пришлось считаться новым (сменившим в 70-х годах IX в. Тахиридов) местным правителям Хорасана — Саффаридам (868—900).

---

[1] Начальник гвардии; здесь, повидимому, начальник личной охраны Исмаила.

Багдадские халифы стремились натравить Амр ибн-Ляйса Саффарида на Саманидов Мавераннахра, чтобы их взаимным ослаблением усилить значение халифата. Но столкновение 900 г. закончилось разгромом Саффаридов, а обширные области Северной и Восточной Персии перешли под власть Саманидов. Так на развалинах былой власти арабского халифата и временной власти Тахиридов и сменивших их Саффаридов выросло огромное государство, состоявшее из областей Средней Азии и Персии, возглавляемое таджикской династией Саманидов.

В правление Саманидов Мавераннахр не подвергался иноземным вторжениям в продолжение целого столетия. Это способствовало экономическому оживлению страны, преодолевшей разрушительные последствия арабского нашествия. Значительные сдвиги отмечаются и в области культуры (см. ниже).

Но попытки Саманидской династии укрепить единство своих владений не могли иметь прочного успеха. Сами правители вскоре попали в зависимость от гвардии. Кроме того, раздробленность страны фактически сохранялась. Достаточно сказать, что владетели Хорезма, Гузгана, Чаганиана, Решта, Хутталяна, Исфиджаба, Илака и других мест вообще не вносили хараджа в казну. Крупные дехканы, не желавшие подчиняться Бухаре и ее эмирам, выступали против Саманидов, и это привело народы Средней Азии к новым бедствиям разорительных войн. Постоянные столкновения с дехканской знатью, перевороты при бухарском дворе, периодические вспышки народного гнева (вроде движения, возглавлявшегося Абу-Бекром) наполняли время правления династии Саманидов. Вторжение тюрков ликвидировало это непрочное государственное образование.

* * *

Тюрки-кочевники, появившиеся на северных границах Мавераннахра, управлялись династией Караханидов. Ко времени вторжения в Мавераннахр они занимали долины Семиречья и часть Синьцзяна (Восточного Туркестана) — Кашгар.

В конце X в. семиреченские тюрки завоевали Мавераннахр и образовали государство Караханидов.

Тюрки не встретили в Мавераннахре серьезного сопротивления. В стране не было силы, на которую Саманиды могли бы опереться. Таджикское дехканство (землевладельцы) в лице своих наиболее крупных (титулованных) представителей не ладило с саманидским двором, всячески сопротивлялось централизации власти и стремилось использовать вождей тюркских кочевых отрядов в качестве орудия против

Саманидов. Ослабленные феодальными распрями, постоянными мятежами непокорных правителей и военачальников собственной тюркской гвардии, Саманиды не смогли оказать отпор тюркским завоевателям.

Крестьяне Мавераннахра, в основном таджики, обложенные тяжелыми повинностями и поборами, особенно в последние годы саманидского владычества, когда приходилось выплачивать харадж в двойном против обычного размере, не проявили себя заметно в происходивших событиях.

Не сохранилось ни подробного маршрута похода тюркских войск под начальством Богра-хана (992), ни сведений об их численности, ни даже описания наиболее важных эпизодов борьбы. Абу-Али Симджур, один из наиболее крупных политических деятелей Саманидского государства, оказался предателем и предлагал тайное соглашение, по которому Мавераннахр должен был отойти к Богра-хану, а области к югу от Аму-Дарьи — к Абу-Али. Такие же тайные переговоры с Богра-ханом вели и многие дехканы, рассчитывавшие добиться этим путем независимости в своих владениях.

Сидевший в это время на саманидском престоле Нух ибн-Мансур (976—997) по существу не имел ни одного надежного полководца. Посланный им хаджиб Аяч был разбит и попал в плен. При Хардженге, недалеко от нынешних развалин Рабат-и-Мелик (между Бухарой и Кермине), было разбито войско Фаика, другого полководца эмира Нуха. Это поражение не без основания объяснялось изменой полководца, который вскоре и получил от Богра-хана пост наместника Термеза и Балха. Победа при Хардженге открыла войскам Богра-хана дорогу на Бухару, которую Нух ибн-Мансур вынужден был временно оставить. Однако болезнь заставила Богра-хана покинуть Бухару и переехать в Самарканд. Нух ибн-Мансур вернулся в свою столицу и начал готовиться к новой борьбе с тюрками.

Наступление тюрков возобновилось только в 996 г. На этот раз дело защиты Мавераннахра попало в руки эмира Газны, Себук-Тегина, хорошо разбиравшегося в политической и военной обстановке, но менее всего думавшего об интересах Саманидской династии. Провозглашенный эмиром Газны еще в 977 г., т. е. при эмире Нухе ибн-Мансуре, и вопреки его воле, по происхождению туркмен гулям, купленный на рынке в Нишапуре своим покровителем Алп-Тегином, Себук-Тегин быстро выдвинулся. Не желая быть простым свидетелем борьбы между шедшей к упадку Саманидской династией и тюрками, видя слабость Нуха, он согласился принять участие в борьбе при условии, что Нух присоединится со своими силами к его войску. Когда же Нух отказался от такого предложения, Себук-Тегин направил в Бухару двадцатитысячный отряд и принудил Нуха принять свои условия.

Вскоре между Себук-Тегином и тюрками был заключен мир, по которому последние получали весь бассейн Сыр-Дарьи. Это был раздел саманидского наследства между тюркскими Караханидами и газневидом Себук-Теингом, который с этого дня мог считать себя государем всех владений Саманидов к югу от Аму-Дарьи. Таким образом, 997 год явился годом образования Газневидского государства, далеко выходившего за пределы того небольшого княжества с центром в Газне, эмиром которого Себук-Тегин был объявлен за двадцать лет перед тем.

Преемник Нух ибн-Мансура, Мансур ибн-Нух (997—999), не смог преодолеть феодальные распри между своими военачальниками и вельможами, и в 999 г. Караханиды заняли Бухару, причем верхушка мусульманского духовенства быстро столковалась с тюркскими завоевателями, доказывая, что война носит только династический характер.

После победы Богра-хана Насра Саманиды еще пытались некоторое время сопротивляться, но безуспешно. В 999 г., когда окончательно пала Бухара, сын Себук-Тегина, эмир Махмуд Газневи, получил от аббасидского халифа Кадира, правившего в Ираке и остававшегося номинальным духовным главой мусульманского мира, титул «десницы державы», а вместе с ним жалованную грамоту на Хорасан, Махмуд же признал его суверенитет. Махмуд в скором времени сделался могущественным государем, с силой которого приходилось считаться самому халифу. Государство, во главе которого стоял Махмуд, включало все земли Саманидов к югу от Аму-Дарьи, т. е. весь нынешний Афганистан и Хорасан.

Ф. Энгельс в письме к Марксу от 6 июня 1853 г. следующими словами определил наиболее характерные черты восточного средневекового государства: «Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансовое (ограбление собственного населения), военное (грабеж внутри и в чужих странах) и ведомство общественных работ (забота о воспроизведении)»[1]. Слова эти ярко характеризуют и Газневидское государство, вся история которого развивалась в направлении систематического ограбления своего населения путем налогов и почти беспрерывных грабительских походов в Северную Индию, разбойничья сущность которых прикрывалась лозунгами «газавата», т. е. священной войны. С первых лет царствования Махмуда огромное количество средств, людей и внимания газневидского правительства поглощали походы в Индию. Походы эти имели целью сосредоточить в руках Газневидской династии большие материальные средства и усилить, таким образом, Газневидское государство внутри и вовне.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXI, стр. 494.

Караханиды, опасаясь возраставшей мощи Газневидского государства, пытались подорвать ее; Караханидам казалось, что, перейдя Аму-Дарью, они смогут овладеть по крайней мере богатым Хорасаном. Так возникло два похода караханидского правительства (1006 и 1007—1008) против Махмуда Газневи. В 1006 г. Махмуд со своими войсками находился в Северной Индии. Тем временем Караханиды захватили Балх, Тус и Нишапур. Здесь, в Хорасане, Караханиды могли опереться на крупную таджикскую земельную аристократию, которая стояла в резкой оппозиции к Махмуду Газневи. Однако, узнав о нападении тюрков, Махмуд быстро вернулся из Индии и прогнал их из Хорасана. Второе столкновение между Караханидами и войском Махмуда Газневи произошло в 1007—1008 гг. В битве у Балха со стороны Махмуда участвовало 500 слонов. И на этот раз тюрки не выдержали натиска лучше снаряженного войска и бежали. Этой битвой и закончилось наступательное движение Караханидов на Хорасан.

События конца X в. в Мавераннахре не затронули Хорезма, который лежал в стороне от караханидских захватов. До 1016—1017 гг., когда правительство Махмуда Газневи подчинило его своей власти, Хорезм был почти независимым государством. В тяжелые для Мавераннахра годы города Хорезма переживали даже подъме, как это можно было видеть на примере Ургенча. Расположенный на перекрестке торговых путей из Поволжья через Среднюю Азию в Монголию и Китай, с одной стороны, и в Персию — с другой, будучи в постоянной торговой связи с соседней кочевой туркменской степью, Ургенч рос довольно быстро. До 996 г. Хорезм делился на две части — южный и северный, с двумя столицами — Кятом и Ургенчем. Южный Хорезм управлялся хорезмшахами из династии Афригидов, северный — правителями с титулом эмира. В 996 г. Мамун ибн-Мухаммед, эмир северного Хорезма, оказался во главе объединенного Хорезма, принял титул хорезмшаха и сделал столицей страны Ургенч; его преемник Абу-л-Аббас Мамун ибн-Мамун был утвержден в новом звании дипломом халифа Кадира.

Политика Мамуна ибн-Мухаммеда (995—997) и его сыновей Абу-л-Хасана Али ибн-Мамуна (конец X в.) и Абу-л-Аббаса Мамуна ибн-Мамуна (начало XI в.), направленная на усиление внутренней и внешней мощи Хорезма, встретила в эмире Газневи решительного противника. Решив пресечь дальнейшее развитие хорезмийской независимости, Махмуд сообщил хорезмшаху о желании видеть свое имя внесенным в хутбу (молитву), читавшуюся при пятничных молениях в Хорезме. Предложение Махмуда Газневи звучало как прямое требование признать его верховным государем Хорезма. Абу-л-Аббас Мамун ибн-Мамун под давлением своих военачальников и придворной знати

пошел на рискованный разрыв с Махмудом Газневи. Над небольшим княжеством нависла угроза.

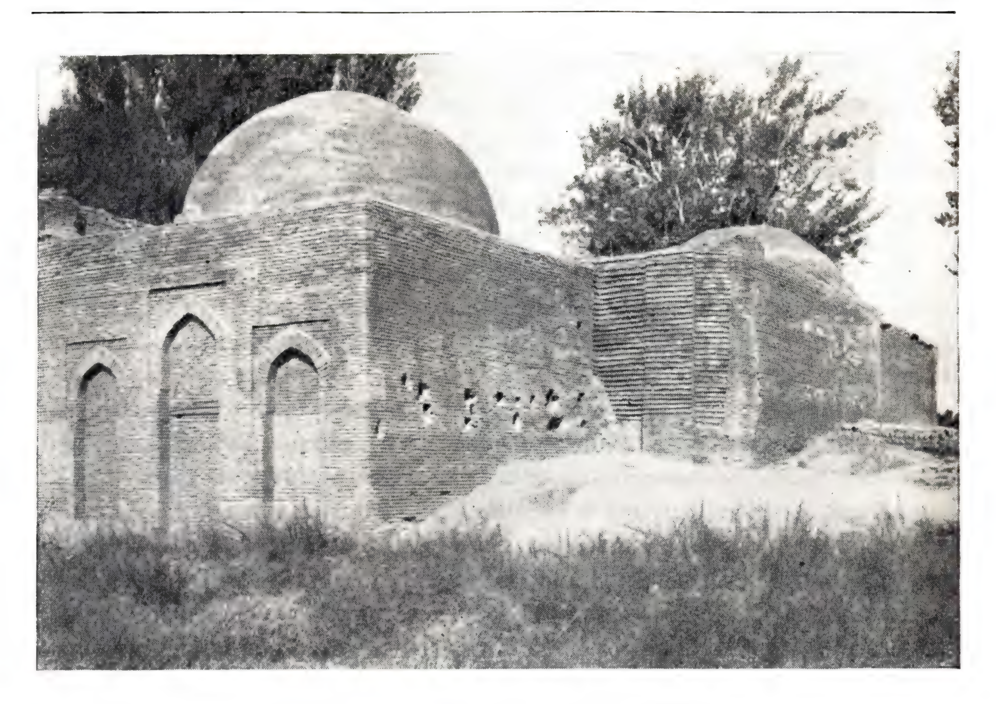
Хотя Караханиды, желавшие и за пределами своего государства играть достаточно заметную роль, предложили посредничество, Махмуд предъявил хорезмшаху ультиматум.

Хорезмшаху ничего не оставалось делать, как подчиниться и выполнить все требования газневидского эмира. Он ввел хутбу на имя Махмуда, отослал к нему вельмож, имамов, факихов, а вместе с ними 80 000 динаров и 3000 коней. Уступка эта стоила хорезмшаху жизни, так как стоявшее у Хазараспа хорезмское войско восстало против своего государя. Хорезмшах и его приближенные были убиты, и государем сделался ставленник восставших Абу-л-Харис Мухаммед ибн-Али, которому, однако, пришлось процарствовать не больше трех месяцев. Летом того же 1017 г. Махмуд разбил у Хазараспа войско хорезмийцев, взял столицу южного Хорезма Кят и жестоко расправился со всеми, кто так или иначе был замешан в антигазневидском движении. Чтобы покончить с хорезмской самостоятельностью, Мухаммед поставил хорезмшахом своего главного хаджиба Алтунташа, тюрка по происхождению, и дал ему в помощь значительный отряд газневидского войска.

Овладев Хорезмом, газневидский правитель приобрел значительное преимущество перед Караханидами. В Караханидском государстве почти с самого его возникновения происходили распри и войны между отдельными ханами, особенно между илек-ханами Мавераннахра и великим ханом (тамгач-ханом) в Кашгаре. Больше всего враждовал с последним Али-Тегин, около 30 лет правивший в Мавераннахре. Махмуд Газневи, будучи во враждебных отношениях с Али-Тегином, поддерживал дружбу и даже союз с кашгарским ханом.

Политика Махмуда Газневи выходила далеко за пределы собственно Средней Азии. В течение 32 лет Махмуд совершил 17 походов в Индию. Вглубь Индии Махмуд, впрочем, не ходил, район его походов ограничивался Северной Индией — Пенджабом и Кашмиром. Не имея намерения включить покоренные области в состав своего государства, Махмуд подвергал их такому разорению, что нужны были долгие годы напряженного труда, чтобы вернуть хотя бы половину былого богатства этих областей.

Добытые ценой разорения Северной Индии богатства не содействовали дальнейшему росту Газневидского государства. Вывозимая добыча делилась между участниками грабительских войн. Огромная доля ее шла на роскошества придворной жизни, на содержание поэтов, воспевавших славу царствования Махмуда, его блестящих дворцов, мечетей, медресе и т. д. Сельское хозяйство и ремесло повсюду, за исклю-

Группа мавзолеев в Узгенде, XI—XII вв.

чением Газны, оставалось на низком уровне. Более того, война требовала увеличения хараджа для новых походов, отчего население нищало и проникалось все большей ненавистью ко всей политике Махмуда и придворной знати. Насколько огромен был контраст между роскошью двора и правящих кругов и народной нищетой, видно из следующего факта. В 1010/11 г. в Хорасане случился неурожай и начался страшный голод. В Нишапуре от голода умерло несколько десятков тысяч человек, были случаи людоедства. Махмуд не предпринимал никаких мер против голода и лишь в порядке «благотворительности» приказал раздать беднейшим милостыню.

* * *

В XI в. в Средней Азии возникло движение, известное под названием сельджукского. Оно началось в туркменских степях и опрокинуло, казалось значительную, силу Газневидского государства.

Сельджуки — династия, стоявшая во главе первоначально небольшого объединения огузов на р. Сыр-Дарье. Арабские географы называют родоначальником династии огуза-туркмена Сельджука, мусульманина, жившего во второй половине X в. В 20-х годах XI в. внуки Сельджука и сыновья Микайила — Мухаммед Тогрул-бек и

Давуд Чагры-бек — кочевали уже в районе Самарканда. Сельджуки как династия возглавляли только небольшую часть огузов.

Во главе движения стояли братья Тогрул-бек и Чагры-бек Давуд, вожди туркменского рода Сельджука. В X в. род Сельджука с зависимыми людьми жил в районе нижнего течения Сыр-Дарьи, около г. Дженда, где вел кочевое хозяйство. Из-за земли у него происходили постоянные столкновения с правителем Дженда. В самом конце X в. сельджуки с разрешения Саманидов поселились в районе селения Нура бухарского и кочевали по правому берегу Зарафшана между Бухарой и Самаркандом.

Столкновение сельджуков с Караханидами было неизбежно тем более, что занятые сельджуками земли на границе с Зарафшаном нужны были и самим илек-ханам ввиду большого притока сюда тюрков (карлуков, чигилей, ягма) из Семиречья. Из Мавераннахра сельджукам приходилось уходить. Одно время они связались с хорезмшахом Харуном (1032—1034) и даже получили для своих кочевий земли в Хорезме. Однако и здесь их относительное благополучие продолжалось недолго: старый враг сельджуков Шах-мелик напал на них и перебил 8000 человек.

Положение сельджуков в Хорезме стало трудным. Им ничего не оставалось, как просить у Газневидов земли, расположенные в районах Серахса, Мерва, Абиверда, Несы и Феравы. Эти места давно привлекали к себе огузов-туркмен, так как здесь можно было торговать с соседними городами и селениями скотом, мясом, шерстью, кожами и т. д. Махмуд еще в 1025 г. разрешил поселиться в районе Несы, Абиверда и Феравы одной туркменской группе в 4000 шатров. Это вызвало столкновения с туркменами. Газневидские чиновники, занимаясь сбором повинностей с туркмен, вымогали при этом в свою пользу скот, шерсть, деньги. Туркмены не могли мириться с такими насилиями со стороны газневидской администрации. В свою очередь и туркмены нарушали договор враждебными действиями против мирных жителей, грабили их имущество, не останавливаясь даже перед набегами на города. Махмуду пришлось послать против туркмен целую армию, которая разбила их и заставила разойтись: одни ушли в Ирак — Аджем, а оттуда на Кавказ — в Армению и Азербайджан, другие — в Дихистан, а третьи— в Балханские горы, недалеко от Каспийского моря.

При сыне Махмуда, султане Масуде (1030—1041) туркмены вновь появились на границе с Хорасаном. Теперь это были сельджуки во главе с Тогрул-беком, Чагры-беком Давудом и Мусой Ябгу. Помня неудачный опыт Махмуда Газневи, правительство Масуда не желало предоставлять сельджукам какую-либо территорию. Однако, несмотря на свои крупные военные силы, газневидское правительство

не смогло одолеть сельджуков. Войска Масуда постоянно терпели поражение.

Успехи сельджуков во многом объяснялись политической обстановкой, которая сложилась в Хорасане. Газневидские государи и их правители на местах грабили население. Так, правитель Хорасана Абул-Фазл Сури своими поборами и злоупотреблениями довел население городов и селений Хорасана до полного разорения. Харадж с сельского населения часто собирался в двойном размере, причем огромная доля его поступала в карманы чиновников и прежде всего самого правителя Хорасана. Через Хорасан проходили газневидские войска, которым необходимо было поставлять провиант, фураж и помещение. Всякая война грозила населению новыми расходами и повинностями. Так смотрело население, конечно, и на борьбу с туркменами, тем более, что никто из населения, жившего вдали от границ, не придавал ей большого значения. Поэтому, когда в Хорасане стало известно, что необходимы большие средства на походы против сельджуков, во многих местах поднялся ропот.

В 1035 г. войска Масуда под командованием Бектугди, одного из лучших военачальников, были разгромлены Тогрул-беком. Однако туркменские предводители первое время не предъявляли чрезмерных требований. Они лишь добились в 1035 г. закрепления за ними расположенных на границах с Хорасаном земель Несы, Феравы и Дихистана.

Мир между обеими сторонами налаживался плохо. В Газну все время поступали жалобы от чиновников и пограничного населения на притеснения со стороны туркмен. Вновь отправленные против туркмен войска Хорасана потерпели сильное поражение, в результате которого пришлось сдать сельджукам столицу Хорасана Нишапур (1038). Город не оказал никакого сопротивления. Главный кази (судья) Саид определенно высказался за полную и беспрекословную сдачу города туркменским военачальникам, чтобы предотвратить борьбу; по существу же им руководило желание сохранить представителям господствующего класса жизнь и имущество. Среди феодальной знати нашлись и люди вроде Салари-Бузурган буль-Касима, которые привели на помощь туркменам свои дружины. Когда Тогрул-бек во главе трехтысячного отряда вступал в Нишапур, навстречу ему вышла почти вся знать.

Занятие Нишапура еще не решало судьбы Хорасана и династии Газневидов. Борьба продолжалась. В битве под Сарахсом (1038) Масуд даже одержал победу, которая, однако, только отсрочила развязку. Везир Масуда, Абд-ас-Семад, уговорил его увести войска в Гератскую область для пополнения и отдыха. Однако расквартированные там

среди трудящегося населения деревень и городов воины Масуда творили насилия над мирными жителями.

Наконец, в 1040 г. большая армия Масуда, пройдя пустыню, потерпела решительное поражение под Данданаканом (местечко между Мервом и Серахсом). Масуд с небольшим отрядом бежал в глубь Персии. Хорасан был теперь в полной власти туркмен. Вскоре после этой победы им удалось покорить и всю Персию. На развалинах державы Газневидов образовалось Сельджукское государство.

Завоеванные земли были розданы как бы в уделы отдельным членам Сельджукского дома. Главой государства стал Тогрул-бек (1038—1063). Своей столицей он сделал Рей, повидимому, по тем соображениям, что отсюда удобнее было продолжать дальнейшие завоевания как на севере, так и на западе. Отсюда его войска и завоевали Ирак Аджем [1], Азербайджан, Курдистан и Кухистан. Вскоре власть Сельджуков распространилась на Закавказье и Малую Азию.

К середине 50-х годов XI в. Тогрул-бек уничтожил ослабевшую династию Буидов[2] и настолько почувствовал себя хозяином страны, в том числе и западных ее областей, что вступил в Багдад и принудил багдадского халифа в 1055 г. внести в хутбу свое имя. Таким образом, власть не только в Персии, но и в собственных владениях аббасидских халифов фактически переходила к Сельджукам. В хутбе Тогрул-бек и его преемники провозглашались как султаны в качестве носителей только светской власти.

Преемником Тогрул-бека стал владевший Мервом и Хорасаном Алп-Арслан (1063—1072). Алп-Арслан перенес столицу из Рея в Мерв.

Сельджукские султаны в культурном отношении стояли значительно ниже своих новых подданных. Тогрул-бек и Алп-Арслан не были даже грамотны. Тем не менее они обладали достаточным здравым политическим смыслом и разбирались в сложной политической обстановке своего времени. Когда Газневидское государство пало и перед Тогрул-беком открылась перспектива захватить Персию, он должен был искать внутри страны силы, на которые мог бы опереться помимо вооруженных туркменских отрядов. Прежде всего Тогрул-бек и Алп-Арслан использовали услуги прежнего газневидского чиновничества, хорошо знакомого с приемами управления страной. Сельджукские правители завязали прочные связи с городской знатью, купечеством, а также и с мусульманским духовенством. Сельджукские государи

---

[1] *Ирак Аджем* — Ирак персидский, который не следует смешивать с Ираком арабским.

[2] В X и первой половине XI в. власть над всей юго-западной и западной Персией держала персидская династия Буидов (Бувейхидов). Эта династия лишь номинально признавала аббасидских халифов.

Резное украшение ниши северного мавзолея в Узгенде, 1152—1153 гг.

вместе с тем искали поддержки и в кругах той феодальной знати, которая своими интересами была связана с городами, где имела земельную собственность. Такому политическому курсу содействовал везир султана Алп-Арслана — Низам-ал-Мульк.

Алп-Арслан (1063—1072), а за ним и его преемник Мелик-шах (1072—1092) проводили эту политику и стремились создать сильное войско, однако они не могли преодолеть сепаратистских стремлений членов династии и бегов отдельных туркменских родов и племен, которые служили в составе сельджукского войска. В 1065 г., в начале своего царствования, Алп-Арслан вынужден был в виде пожалований целые области разделить на уделы. Так, он отдал Балх с областью своему брату Сулейману, Хорезм — другому брату, Арслан-Аргу, и т. д. Подобные раздачи, несомненно, противоречили принципам политического единства страны. Иногда такие уделы становились очагами мятежей против центральной власти.

Правительство Алп-Арслана продолжало завоевательную политику Тогрул-бека. В 1064 г. была захвачена столица Армении Ани. В том же году войска Алп-Арслана ходили на Хутталян и Саганиан, в 1065 г. они уже были на Сыр-Дарье, где Алп-Арслан упрочил свою власть в Дженде, хотя и оставил в нем прежнего владетеля в качестве вассала; отсюда через Хорезм он вернулся в свою столицу Мерв. В это время наблюдался большой рост этого культурного города. Вторжение сельджуков, разумеется, не улучшило положения коренного крестьянского населения, напротив, с конца XI в., по мере перерастания икта-бенефиция в икта-феод, положение крестьян резко ухудшалось.

В то время, когда в части Средней Азии, на Кавказе и в Персии расширялась и укреплялась власть первых Сельджуков, в Мавераннахре энергично действовал караханидский тамгач-хан Ибрахим (1046/7—1068). Для тамгач-хана Ибрахима была характерна политика союза с ортодоксальной частью мусульманского духовенства, принятая первыми караханидскими ханами и нашедшая в Ибрахиме наиболее активного проводника. Хан ничего серьезного не делал без одобрения факихов, особенно в части обложения населения новыми налогами.

О внутренней жизни Мавераннахра под властью тамгач-хана Ибрахима сохранилось очень мало сведений. Судя по рассказам Ауфи, персидского автора XIII в., тамгач-хан стремился установить в стране, особенно в городах, «прочный порядок», регулировать торговлю, в частности фиксировать цены на мясо и другие предметы продовольствия.

Ибрахим еще при жизни передал престол своему сыну Шемс-ал-Мульк Насру (1068—1079/80). Шемс-ал-Мульк, как и все караханидские ханы до него, не расстался еще с кочевым бытом, хотя зимой жил в самой Бухаре, которую украсил новыми постройками. При

Шемс-ал-Мульке продолжались неудачные для него военные столкновения с сельджуками из-за Термеза и Балха. Еще менее удачны были дела Шемс-ал-Мулька на востоке его владений. Из его рук совсем ушла Фергана, где установилась, как это видно по монетам того времени, власть Тогрул-Кара-хана.

В 1072 г. Караханиды сделали попытку завладеть Балхом. В ответ на это в 1073—1074 гг. Мелик-шах двинул войско через Аму-Дарью и осадил Термез. Город сдался, после чего в нем была сильно укреплена крепость, отремонтированы «крепким камнем» стены и углублен ров вокруг них.

Царствование Мелик-шаха в источниках принято считать высшей точкой могущества Сельджукского государства, но и этому султану приходилось бороться с феодальными мятежами. Мелик-шах совершал несколько походов, ходил даже до Кашгара, хотя и не сделал больших и прочных завоеваний. В 1089 г. он действовал уже в Мавераннахре, где занял сначала Бухару, а потом и Самарканд. Приближалось решительное столкновение Сельджукского государства с караханидскими правителями Мавераннахра.

В караханидских владениях после смерти Шемс-ал-Мулька воцарился сначала его брат Хызр-хан (1080), о котором имеется очень мало сведений, а затем сын последнего, Ахмед ибн-Хызр, который, опираясь на войско и пользуясь поддержкой торгово-ремесленной верхушки городов, встал в резкую оппозицию к реакционному духовенству и крупным военачальникам.

Поход Мелик-шаха против Ахмеда ибн-Хызра в 1089 г. закончился победой, занятием Самарканда и взятием в плен караханидского хана Ахмеда, который был отослан в Исфаган, столицу Сельджукского государства при Мелик-шахе. Из Самарканда Мелик-шах направился на Ургенч и Кашгар.

После взятия войсками Мелик-шаха Самарканда и пленения хана Ахмеда в Мавераннахре не было сильной власти. Мелик-шах недолго продержал в Исфагане своего пленника. Вскоре Ахмед опять очутился на караханидском престоле в Самарканде. Повидимому, борьба между ним и реакционным духовенством, опиравшимся на тюркскую военную знать, не только не прекратилась, но усилилась. В 1095 г. факихи и кадии (духовные судьи) Самарканда обвинили хана Ахмеда в ереси и потребовали его низложения, предания суду и смертной казни. Вскоре Ахмед был убит.

В то же время в Сельджукском государстве со смертью Мелик-шаха началась ожесточенная борьба за престол. После длительных распрей престол в 1094 г. перешел к Баркиаруку (1094—1104), старшему сыну Мелик-шаха. В правление Баркиарука усилились сепаратист-

ские стремления удельных владений, возглавлявшихся большей частью представителями Сельджукской династии; некоторые из них поднимали мятежи, грозившие сбросить султана с престола. К таким мятежам относятся восстания, организованные его дядьями — Тутушем и Арсланом Аргуном, и его братом Мухаммедом.

В 1104 г. Баркиарук умер, и престол перешел сначала к Мелик-шаху II (1104—1105), а потом к Мухаммеду (1105—1118). На некоторое время единство государства Сельджуков было восстановлено. Однако твердой власти в лице Мухаммеда оно не получило.

В 1118 г. престол перешел к младшему сыну Мелик-шаха, султану Санджару (1118—1157). В нем государство Сельджуков нашло последнего представителя сильной власти. Однако фактически власть султана распространялась только на восточные области государства; впрочем большое влияние имел он на Мавераннахр, где караханидские ханы беспрекословно выполняли его волю. Долгое время прожив в Мерве в качестве хорасанского наместника, Санджар, сделавшись султаном, вновь перенес сюда столицу. Большое внимание уделял султан Санджар делам Средней Азии.

В Мавераннахре в начале XII в. власть находилась в руках Арслан-хана (1102—1130), которого поставил на царство Санджар еще до того, как стал султаном. С именем Арслан-хана связаны крупные постройки, а также попытки восстановить г. Пейкенд, игравший в древности крупную роль в торговой жизни страны. В конце царствования Арслан-хана государством фактически управлял его сын Наср. В Самарканде вновь начались феодальные усобицы. Наср пал жертвой заговора, в котором участвовали представители высшего духовенства и реис города. Не добился восстановления порядка и другой сын Арслан-хана, Ахмед, проводивший репрессии против заговорщиков. Этими затруднениями воспользовался султан Санджар, который в 1130 г. осадил и взял Самарканд. Арслан-хан был отвезен в Хорасан, где и умер в Балхе. После него на караханидском престоле не было уже ни одного могущественного хана.

В царствование сельджукского султана Санджара в Средней Азии появляется новая политическая сила — Хорезмское государство, которое значительно окрепло в конце XII в. и просуществовало до разгрома его в 1219—1221 гг. войсками Чингис-хана. Богатая земледельческая культура, питаемая сложной оросительной системой, большое количество ремесленных и торговых городов, среди которых первое место занимал Ургенч, активное участие хорезмийских купцов в караванной торговле того времени, торговля с кочевниками туркменами и половцами — все это содействовало росту хорезмского влияния на дела как Мавераннахра, так и Персии.

Первым крупным хорезмшахом XII в. был Атсыз (1128—1156), внук Ануш-Тегина, бывшего раба одного из сельджукских эмиров. Ануш-Тегин сделал карьеру при дворе Мелик-шаха. Он, как и его преемники, используя все средства, стремился к укреплению независимого и сильного Хорезмского государства.

Военная сила султана Санджара уже в самом начале его царствования была весьма внушительной, так как он подготовлял ее в течение нескольких лет, будучи наместником Хорасана. И тем не менее хорезмшах Атсыз, хитрый дипломат и энергичный полководец, выступил против могущественного сюзерена. Для упрочения своего владения Атсыз начал систематические военные действия против соседей кочевников — половцев и туркмен. Захват г. Дженда (в низовьях Сыр-Дарьи) и полуострова Мангышлака вызвал сильное недовольство султана Санджара, который в 1138 г. решил военной силой принудить непокорного вассала к повиновению.

Войска Санджара нанесли Атсызу сильное поражение. Атсыз бежал из страны, а Хорезм был занят войсками Санджара. Однако через год или полтора Атсыз снова оказался на престоле хорезмских государей, в качестве вассала султана.

Сила караханидских ханов в Средней Азии была очень ослаблена. Самаркандские ханы — вассалы сельджуков — не могли твердо держать в своих руках власть над всеми областями Мавераннахра.

Наиболее характерным признаком такого ослабления власти явился рост фактической независимости Бухары. Уже в 40-х годах XII в. Бухара стала полунезависимым феодальным княжеством. Здесь основалась своеобразная наследственная династия высших представителей мусульманского духовенства — садров, которые одновременно были и реисами города. Именно в Бухаре, с большим числом мечетей и медресе, которые владели богатыми и разнообразными вакфами, крупнейшем центре ортодоксальной богословской мысли, получила преобладание власть духовных, а не светских феодалов. Основателем династии садров и вместе наследственных реисов Бухары — ее фактических владетелей — считался Абд-ал-Азиз ибн-Омар Маза, один из самых богатых людей страны.

С момента образования династии богатства правителей Бухары стали быстро расти. Как реисы они собирали подати с торговли и ремесел, как садры — получали несметные доходы с разнообразных вакфов (земель, бань, лавок на базарах, мельниц и т. д.). Кроме того, садры были собственниками больших земельных участков. Материальный вес их подкреплялся и религиозным авторитетом. Рост независимости Бухары ослаблял и без того подорванную силу караханидского хана в Самарканде.

В этой политической обстановке и появились с востока, со стороны Семиречья, новые завоеватели — кара-китаи (кидане)[1].

* * *

В Семиречье кара-китаи пришли только в 30-х годах XII в. Сначала кара-китаи обосновались в районе Чугучака, а потом продвинулись к долине р. Чу, где овладели г. Баласагуном. Их было около 40 000 шатров, т. е. от 150 до 200 тысяч человек. В долине р. Чу кара-китайские ханы устроили свою ставку, отсюда они делали набеги на соседние культурные земледельческие области и постепенно подчинили своей власти Караханидов как Восточного, так и Западного Туркестана. Главу кара-китайского народа называли гурханом. Упрочив свое политическое влияние в областях, расположенных по направлению к Кашгару, гурхан уже в 1138 г. нанес сильное поражение под Ходжендом самаркандскому хану Махмуду, племяннику султана Санджара.

Дорога на Самарканд была открыта, однако кара-китаи некоторое время не трогали Зарафшанской долины. Через три года (в 1141 г.) они вмешались в борьбу самаркандского хана Махмуда с карлукской военной аристократией. Махмуд призвал на помощь своего дядю — султана Санджара. Однако осенью 1141 г. соединенное войско Махмуда и Санджара было разгромлено севернее Самарканда. Поражение караханидского хана и сельджукского султана произвело сильное впечатление на современников. Слух о поражении мусульман дошел даже до крестоносцев, которые осаждали тогда мусульманские владения в Сирии.

Овладев Мавераннахром, кара-китаи не остались в стране, а обложили ее данью и, сохранив в ней прежние власти, ушли в долину р. Чу. «Кара-китаи продолжали вести кочевой образ жизни, но в большей степени, чем другие кочевые завоеватели, восприняли китайскую культуру; в их государстве господствовала китайская система подворного обложения: с каждого дома взимали по одному динару (около 5 золотых руб.). Кроме того, о первом гурхане говорится, что он никому не раздавал уделов и никому не отдавал под начальство более 100 человек. И впоследствии мы в государстве гурханов не видим признаков существования удельной системы, но не было и единства государственного управления: везде продолжали существовать, в качестве вассалов гурхана, прежние местные династии...»[2]

Во многих местностях были оставлены постоянные представители власти гурхана, в других местах они появлялись только за данью,

[1] См. гл. 4, § 11б настоящего издания.

[2] *В. В. Бартольд.* История Туркестана (конспект лекций). Ташкент, 1922, стр. 23.

а в третьих — сами местные власти должны были отвозить полагавшуюся с них дань к гурхану в долину р. Чу. Под властью кара-китаев когда-то могущественные караханидские ханы стали незначительными вассальными государями. Даже бухарский садр, опиравшийся на свои богатейшие вакфы, стал более крупной фигурой, чем самаркандский хан. Потерял много в своем значении и последний сельджукский султан Санджар.

Ослаблением Санджара прежде всего воспользовался его непокорный вассал, хорезмшах Атсыз. Зимой 1141 г. он разграбил Мерв, а с наступлением весны подступил к Нишапуру, где перепуганные жители готовы были признать его своим государем. Однако силы все же были неравные, и в ближайшие годы Атсыз вынужден был вновь признать себя вассалом Санджара.

События под Самаркандом в 1141 г. стали поворотным пунктом в истории государства Сельджуков. Ослабляемое династическими распрями Сельджукское государство, временно окрепшее лишь в правление султана Санджара, в 1153 г. получило новый непоправимый удар. На этот раз его нанесли кочевники огузы, жившие в районе г. Балха, куда они незадолго перед этим попали, изгнанные из Мавераннахра кара-китаями.

За право пользоваться пастбищами огузы несли тяжелые повинности в пользу султана Санджара. Они ежегодно сдавали в султанскую кухню 24 000 баранов. Ведал этим делом специальный чиновник — хансалар (ханский стольник), посылавший в определенные сроки к огузам своих сборщиков. Сборщики при отборе баранов требовали взяток, иначе браковали даже самых лучших животных. Доведенные до крайней степени озлобления огузы в 1153 г. убили одного из сборщиков. Правитель Балха, Кумач, решил принять серьезные меры против восставших, но потерпел поражение и был убит. Однако огузы не имели намерения идти против султана Санджара и готовы были на мирное соглашение. И сам Санджар понимал трудность борьбы с огузами, которые представляли собой грозную силу.

Однако эмиры Санджара требовали войны. Столкновение окончилось полным поражением войск Сельджуков, гораздо более сильным, чем в 1141 г. Султан Санджар попал в плен к огузам. После победы огузы захватили Балх и двинулись на Мерв. Несколько дней подряд огузы безудержно грабили богатый и культурный город, из которого увели огромное количество мужчин и женщин в неволю. Никогда еще столица Сельджуков не испытывала такого разорения. Еще больше пострадал Нишапур, второй по величине город Хорасана.

Государство Сельджуков пришло в полный упадок. В восточных областях Персии, которые еще не оправились от огузского разгрома, начались феодальные распри из-за султанской власти.

* * *

Во второй половине XII в. наблюдается постепенное усиление Хорезма. Хорезмшах Атсыз умер в 1156 г., за год до смерти султана Санджара. Увеличив свои военные силы тюркскими наемными отрядами, он сумел присоединить к своим владениям Дженд и Мангышлак, чем поставил в зависимость от Хорезма соседних кочевников. При нем было положено начало фактически независимому государству.

Его сменил Иль-Арслан (1156—1172). Государство Сельджуков после смерти султана Санджара перестало существовать. Преемником Санджара в Хорасане сделался Махмуд, но он не играл никакой роли — хозяевами положения были огузы. Наступившая в Хорасане смута привела к упадку сельского хозяйства, городской жизни и культуры.

Хорезмшах Иль-Арслан не сумел подчинить своей власти ни одного значительного района, кроме Дихистана, владетель которого признал его своим сюзереном. Значительно энергичнее правительство Иль-Арслана вмешивалось в дела Мавераннахра, где попрежнему политическая власть принадлежала кара-китайскому гурхану, и караханидские ханы были только слабыми его вассалами. Положение их было тем труднее, что находившееся у них на службе войско из карлуков дважды восставало против своих правителей. Хорезмшах Иль-Арслан умело пользовался этими затруднениями, вмешиваясь в дела Мавераннахра, однако успех в конечном счете зависел от кара-китаев, а с ними Иль-Арслану бороться было трудно.

То, чего не удалось выполнить правительству Иль-Арслана, было сделано при его старшем сыне Текеше (1172—1200). Текеш не раз ходил походами в Мавераннахр, осаждал Бухару, но не мог справиться с кара-китаями, которые однажды осадили его столицу Ургенч. Резкий поворот наступил только в 80-х годах XII в., когда в Хорасане вновь начались усобицы. В 1187 г. войска Текеша захватили Нишапур, в 1192 г. овладели Реем, в 1193 г.— Мервом, а в 1194 г. нанесли решительное поражение сельджукскому султану Тогрулу II, государю западных областей Персии, который пал в битве. В результате этих побед в руках хорезмшаха очутилась почти вся восточная половина Персии. Владения хорезмшаха стали непосредственно граничить с владениями Гуридов, с одной стороны, и аббасидского халифата — с другой.

В X—XII вв. во владении Аббасидов оставалась лишь небольшая территория — Ирак и смежные с ним земли. Несмотря на это, аббасидский халиф был очень богат и, кроме того, как духовный глава всего мусульманского мира, повсюду оказывал значительное влияние

на политические дела через духовенство ортодоксальных толков. Пользуясь ослаблением власти Сельджуков, халиф Насир (1180—1225) решил захватить ряд новых областей. Но в битве в 1196 г. халифа Насира с хорезмшахом Текешем победителем оказался последний. Его войска вошли в Ирак и произвели там огромные опустошения.

Время правления хорезмшаха Текеша принято считать периодом особенного укрепления могущества Хорезма, точнее Хорезмского государства, в состав которого, кроме коренных земель, вошла бо́льшая часть Персии. Большое Хорезмское государство окончательно сложилось и пало уже во времена правления хорезмшаха Мухаммеда (1200—1220), сына Текеша.

Правительство Мухаммеда вело долгую борьбу и с Гуридами—владетелями горной области Гура на восток от Герата. Гурские султаны, по происхождению таджики, не меньше, чем хорезмшахи, использовали упадок и смуты в сельджукском государстве. Опираясь на войско из местных горцев и тюркских воинов, они захватили в 1175/76 г. Герат. Гуриды были единственными независимыми и сильными государями в восточной части мусульманской Азии. В этой борьбе Мухаммед умело воспользовался помощью кара-китаев. Так, когда гуридский султан Шибах ад-дин с большим войском вторгся в пределы собственно Хорезма, кара-китаи преследовали разбитые под Хазараспом войска Гуридов вплоть до Персии. В 1206 г. Шихаб ад-дин был убит, и престол Гуридов перешел в руки бездарного Гияс ад-дин Махмуда. За короткий срок он потерял Газну, потом Герат, правитель которого сам призвал хорезмшаха, и, наконец, вынужден был признать себя вассалом хорезмшаха Мухаммеда. Достигнув первенства среди восточномусульманских владений, хорезмшахи признали политически нецелесообразным оставаться вассалами «неверных» кара-китаев и для укрепления своего авторитета приняли на себя роль «освободителей» мусульман.

* * *

В самом начале XIII в. кара-китаи были еще сильны в Средней Азии. Но они не выходили за пределы Семиречья, и власть их гурхана над Мавераннахром выражалась в том, что он собирал дань, иногда поручая это дело оставленным на местах прежним властям. Будучи язычником, гурхан не мешал деятельности мусульман.

Огромное недовольство вызывало владычество кара-китаев у трудящегося населения Мавераннахра, выплачивавшего им тяжелые дани. Использовать это недовольство, привлечь на свою сторону местных вассальных кара-китаям владетелей и поставил своей главной

задачей хорезмшах Мухаммед. Хорезмшах воспользовался резким обострением классовой борьбы в Бухаре для занятия этой территории.

Режим, установленный в Бухаре садрами, вызвал при садре Мухаммеде ибн-Ахмед-Абд-ал-Азизе народное восстание, ведущая роль в котором принадлежала ремесленникам. Садр Мухаммед правил в качестве вассала кара-китайского гурхана, для которого и собирал дань. Он был чрезвычайно богат; угнетая народ, он тратил огромные средства на пиры и охоту. Своим поведением в Мекке, куда он совершил хадж (богомолье) с пышным караваном, садр Мухаммед настолько возбудил общее недовольство, что его прозвище «столп мира» (садр джехан) изменили в «столп геенны» (садр джеханнум). Садр Мухаммед содержал на свои средства до 600 факихов и через них мог влиять на всю массу населения Бухары. Однако влияние его было чрезвычайно подорвано разнообразными поборами и повинностями, которые он выжимал с населения, и его образом жизни.

Внутренний вид среднего мавзолея в Узгенде

Следствием обострения народного недовольства явилось восстание бухарских ремесленников (1206—1207). Во главе восстания стоял ремесленник и продавец щитов (маджан фуруш), известный после своего выступления под именем Мелика Синджара. Восстание было направлено прежде всего против садров. Мелик Синджар захватил власть в Бухаре,

выгнал садра, членов его дома, его сторонников и захватил все их имущество. Поместья садра были лишены воды. Садр бежал к своему сюзерену кара-китайскому гурхану и получил от него диплом на управление Бухарой, хотя использовать его не смог.

Успешное с самого начала движение бухарских ремесленников, поддержанное крестьянами ближайших к Бухаре селений, продолжалось, повидимому, около года. Мелик Синджар успел даже выстроить для себя дворец, который уцелел во время монгольского разгрома 1220 г. Видимо, Мелик Синджар продержался бы в Бухаре значительно дольше, если бы в бухарские дела не вмешался хорезмшах Мухаммед, принявший сторону знати, высшего духовенства и крупнейшего купечества.

В 1207 г. Бухара была взята войсками хорезмшаха; захваченный в плен Мелик Синджар был отправлен в Ургенч. В городе вскоре вновь водворились садры, но уже во всем подчиненные хорезмшаху. Впрочем, садр Мухаммед через некоторое время был также переведен в Ургенч. Таким образом, большой район с богатейшим городом отходил теперь к владениям хорезмшаха при явном сочувствии к нему со стороны господствующих групп феодального общества, поскольку он только что подавил движение ремесленников и окрестных Бухаре крестьян. Бухара стала удобной базой для наступления хорезмшаха Мухаммеда на кара-китаев. В этих целях — в 1207/08 г. он приказал возвести, точнее реставрировать, внутренние и внешние стены Бухары.

Война с кара-китаями становилась неизбежной, поскольку хорезмшах не только не платил им дани, но и хотел подчинить своей власти всю долину Зарафшана и Кашка-Дарьи. Хорезмшахское правительство решило бороться с гурханом при помощи самаркандского караханидского хана Османа. В 1210 г найманский[1] предводитель Кучлук в союзе с карлуками нанес поражение гурхану и даже разграбил его казну в Узгенде. Соединенные силы хорезмшаха Мухаммеда и Османа появились в Семиречье, и хотя гурхан при новом столкновении с Кучлуком незадолго до этого оказался победителем, его войска, пострадавшие в бою, не могли на этот раз добиться перевеса. Сражение в долине Таласа, не имевшее решительного исхода, все же было истолковано Мухаммедом как победа, потому что полководец гурхана Таянгу попал к нему в плен. В официальных документах Мухаммеда стали называть «вторым Александром»; сам Мухаммед предпочитал для себя сравнение с «султаном Санджаром»; с этого же времени на печати султана был вырезан титул: «тень бога на земле».

---

[1] О найманах см. гл. 4, § 11б настоящего издания.

Но и власть хорезмшаха не принесла ничего хорошего местному населению. Лучше всего в этом могли убедиться жители Самарканда. После событий 1210 г. в Самарканде остался править хан Осман в качестве вассала хорезмшаха. Вместе с ним в Самарканд прибыл представитель хорезмшаха с отрядом, который повел себя в освобожденной стране много хуже кара-китаев. Осману с трудом приходилось сдерживать возраставшую ненависть своих подданных к «освободителю» и его слугам. Положение в Самарканде с каждым месяцем становилось сложнее. Под давлением народа Осман решил порвать с хорезмшахом и вновь признал себя вассалом гурхана, хотя положение кара-китаев в это время было чрезвычайно шатким ввиду все усиливавшегося могущества Кучлука найманского. В 1212 г. в Самарканде вспыхнуло восстание, хорезмийский отряд вместе с представителями хорезмшаха был почти весь перебит. Тогда Мухаммед двинул на Самарканд свое войско и подверг город полному разгрому. В числе казненных был и хан Осман. Три дня воины хорезмшаха грабили один из лучших городов Средней Азии.

В 1215 г. Мухаммед овладел областями Гуридов, во главе которых поставил своего сына Джелаль ад-дина; не только вся Персия, но и отдаленный Оман признавал эту власть. Таким образом, создание крупнейшего Хорезмийского государства, наполовину осуществленное еще в годы правления Текеша, могло считаться теперь законченным.

Хорезмийское государство, однако, не было прочным, единым и от любого сильного толчка должно было распасться на отдельные владения. Среди хорезмийских феодалов не было единства. Военной опорой хорезмшаха была ненадежная тюркская гвардия, составленная из наемных кочевников — кыпчаков и туркмен. Несогласия хорезмшаха Мухаммеда со своей матерью Туркан-хатун втянули в борьбу и командиров тюркской гвардии, сразу же принявших сторону оппозиции. К ним примкнуло и высшее духовенство, которое не могло простить хорезмшаху Мухаммеду его постоянное стремление подорвать власть и авторитет багдадского халифа Насира.

Борьба принимала весьма резкие формы. В 1216 г. Мухаммед казнил одного из виднейших хорезмийских шейхов Меджд ад-дина Багдади, близкого ко двору. Борьба с оппозицией, конечно, сильно ослабляла власть хорезмшаха. К тому времени, когда на горизонте Средней Азии неожиданно появилась грозная сила монголов, противоречия внутри Хорезмийского государства приняли такие размеры, что оно не смогло оказать врагам серьезное сопротивление[1].

---

[1] См. главу 5, § 5 настоящего издания.

в) Культура

Культурная жизнь — светская и духовная — была сосредоточена в городах. Свержение арабского ига ознаменовалось значительным подъемом культуры народов Средней Азии. При Саманидах наиболее культурными городами были Мерв, Самарканд и особенно Бухара.

В Бухаре при эмире Нухе ибн-Мансуре (976—997) была прекрасная как по количеству, так и по подбору книг библиотека. Авиценна, который работал в ней, будучи еще начинающим ученым, впоследствии писал, что подобной библиотеки он не видел нигде. Под рукописные книги было отведено немало комнат, в одной комнате находились поэтические сочинения, в другой — по мусульманскому праву, в третьей — по истории и географии и т. д. Тот же Авиценна отмечает и оживленный книжный базар, где в маленьких лавочках сидели книготорговцы. Книги писались на хлопчатой бумаге, лучшие сорта которой доставлялись из Самарканда, прославленного центра бумажного производства. Если центром светской образованности были дома таджикской феодальной знати, особенно саманидский двор, то духовного образования — медресе, т. е. высшие мусульманские школы, где обучали Корану и шариату и откуда выходили представители высшего духовенства и факихи (законоведы); к последней категории можно отнести и кадиев (судей).

Среди образованных людей имелся большой интерес к истории. Вот почему при саманидском правителе Мансуре ибн-Нухе (961—976) его везир Балами перевел на персидский язык в сокращенном виде огромный труд арабоязычного историка Табари. К саманидскому времени относится начало деятельности знаменитого врача и философа таджика Абу Али ибн-Сины (Авиценны). В Ургенче и Хорезме прошли молодые годы еще более крупного ученого хорезмийца ал-Бируни. Тогда же началась работа великого Фердоуси над поэмой «Шахнамэ», на создание которой он потратил свыше 30 лет. При Саманидах было немало поэтов-профессионалов, которые жили за счет своего творчества. Однако в условиях, когда поэт мог существовать на подарки правителя, свободы творчества быть не могло. На официальном торжественном приеме, в обстановке восточной придворной роскоши поэт выступал со своими произведениями. В них он превозносил правителя, воспевал его доблести, мужество на войне, ловкость на охоте, справедливость и доброту в управлении, веселость и остроумие в играх и забавах. И чем больше поэту удавалось воспеть своего покровителя, чем ярче были его образы и многообразнее сравнения, тем дороже оплачивались его бейты — поэтические двустишия. В связи с этим характером поэтического творчества господствующей формой

придворной поэзии являлась так называемая касыда, задачей которой являлось создание идеального образа восхваляемого лица. Непревзойденным мастером касыды был знаменитый в свое время Рудаки, придворный поэт Насра ибн-Ахмеда.

Наряду с придворной касыдой существовала еще поэзия для себя, для друзей. В ней поэт мог искренне высказаться, пожаловаться на свою не всегда радостную судьбу. Эта форма поэзии дает больше, чем касыда, возможности узнать, как на самом деле жил поэт.

Источником такой поэзии служило народное творчество. На базарах любого среднеазиатского города можно было всегда встретить певца, который нараспев слагал сказы о народных героях. В художественных образах отлагались заветные мысли народа — его представления о добре и зле, о борьбе за справедливость, о любви и ненависти, о радости и страдании, силе, богатстве и т. д. Великая поэма «Шах-намэ» сложилась прежде всего на основе богатого фольклорного материала.

Наряду со светской наукой и литературой в Бухаре, которая являлась и крупным центром ислама, создавались сочинения по богословским дисциплинам. Агрессивность представителей высшего духовенства в отношении к светским наукам в эту пору еще не получила такого размаха как позднее, во времена Караханидов.

Большой расцвет наблюдался и в области архитектуры, а также прикладного изобразительного искусства. Как замечательный памятник саманидской архитектуры нужно отметить мавзолей Исмаила Саманида (начало X в.) в Бухаре. Известны расписные поливные сосуды из обожженной глины (кувшины, чаши, блюда) из древнего Самарканда (Афрасиаба) и других мест Зарафшанской долины, украшенные растительным орнаментом и надписями.

Городская жизнь Средней Азии с ее богатейшей духовной культурой, так блестяще развившаяся в X в., поднялась на еще более высокий уровень в изучаемое время, несмотря на частые смены различных кочевых правителей.

Мировоззрение двух гениальных ученых Востока — Али ибн-Сина (Авиценна) и Бируни, отличавшихся независимостью научной мысли от мусульманского богословия, замечательно смелой постановкой научных проблем, а также методом исследования, сформировалось в самом конце X в., когда еще не захватили власть Караханиды и Сельджуки, насаждавшие в союзе с мусульманским духовенством религиозное мракобесие.

Абу Рейхан Бируни родился в Кяте — столице южного Хорезма — в 972/3 г., Али ибн-Сина (Авиценна) — в селении Афшана вблизи Бухары в 980 г. Первый был хорезмиец, труды которого вошли в научную сокровищницу узбекского народа, второй — таджик, выросший в

Бухаре конца X в. и сложившийся здесь как крупный ученый. Оба сыграли огромную роль в истории науки не только Азии, но и Европы. Авиценна по своим интересам был исключительно широким ученым. Более всего он известен как знаменитый естествоиспытатель и медик, составивший крупнейший медицинский трактат «Канон врачебной науки» («Китабал-Канун фи-т-Тиб»).

Книга эта представляет энциклопедию медицинских знаний своего времени, творчески переработанных Авиценной. Перевод этого труда на латинский язык, изданный в конце XV в., является одной из первопечатных книг. Через сто лет, в 1593 г., появился в печати в Европе и арабский текст «Канона». Медицинский трактат Авиценны был одним из популярнейших сочинений среди медиков Европы вплоть до XVII в. Еще большее влияние оказал «Канон» на медицину азиатских стран. Авиценне принадлежит и замечательный философский трактат «Книга об исцелении» («Китаб аш-Шифа»). Как философ Авиценна, большой поклонник Аристотеля, оставался еще идеалистом, хотя дошел уже до мысли о вечности материи. Вместе с тем как медик и естествоиспытатель Авиценна все свои суждения о природе строил только на наблюдении фактов и эксперименте. Таким образом, он является глубоко прогрессивным ученым и одним из поборников подлинно научного понимания природы в средние века.

Был Авиценна и поэтом, писавшим на таджикском языке. В своих стихах, носящих философский характер, Авиценна высказывал затаенные мысли, направленные по существу против ислама.

Авиценна не смог остаться в Средней Азии под властью Караханидов, которые поддерживали мусульманских богословов-мракобесов и их наступление на традиции светской науки, достигшей при Тахиридах и Саманидах IX—X вв. в Средней Азии больших успехов. Вначале, после отъезда из Бухары, Авиценна поселился в столице Хорезма — Ургенче, где при дворе хорезмшаха Абу-Аббаса Мамуна ибн-Мамуна (1000—1017) находилось немало крупных ученых во главе с гениальным Бируни. Затем Авиценна уехал в Персию, где работал до конца своих дней при дворах буидских князей. Плодотворный период его творческой жизни связан с Хамаданом и его князем буидом Шемс ад-Даула Абу-Тахир (997—1021). Умер Авиценна в 1037 г. в Исфагане.

Подобно тому как сложение научного мировоззрения Авиценны протекало в Бухаре при Саманидах, формирование научного гения Бируни происходило сначала в Кяте, затем в Ургенче — древней и новой столицах Хорезма, который со времен глубокой древности славился своими учеными. Гений Бируни во всей своей полноте и многообразии раскрылся уже ко времени хорезмшаха Абу-л-

Аббаса Мамуна ибн-Мамуна. Начало XI в. было временем хозяйственного, политического и культурного подъема в Хорезме. Там находились многие передовые и талантливые ученые. Автор XII в. ал-Арузи ас-Самарканди, писавший на таджикском языке, рассказывает, что в Ургенче при дворе Абу-л-Аббаса Мамуна ибн-Мамуна собирались одно время замечательные ученые Абу Рейхан Бируни, Абу Али ибн-Сина (Авиценна), Абу Сахл Масихи (философ), Абу Наср Арран (выдающийся математик), Абу-л Хайр-ал-Хаммар (крупный медик) и др.

Бируни, как и подавляющее большинство крупнейших ученых средневековья, был энциклопедистом, охватывавшим все отрасли знания своего времени. Как историк он прославил себя замечательным произведением «Следы, оставшиеся от древних народов». Труд этот—ценный источник всякого рода сведений из жизни древних народов Средней Азии и Персии — согдийцев, хорезмийцев, персов и др. Скупой на слова, Бируни сумел в самых кратких выражениях дать наиболее существенные сведения о древних календарях, религии, языке, политической жизни, династиях, ирригации, общественных отношениях и т. п.

Широко известен был Бируни как математик и астроном, продолжавший в этом отношении замечательные традиции хорезмийских ученых и в первую очередь Мухаммеда ибн-Мусы-ал-Хорезми — выдающегося математика и географа. Однако более всего научный гений Бируни раскрылся в области естествознания, которому посвящен его труд «Минералогия». Труд этот замечателен тем, что он заключает в себе все, что знали ученые разных стран до него, и тем, что автор его критически подошел к методу исследования минералов и металлов. Бируни был ученым, который от исследователя требовал знаний, проверенных опытом.

Бируни был ярко выраженным представителем индуктивного метода. Вне проверки опытом, по его мнению, нет знаний. В некоторых точных науках он был в полном смысле новатором, опередившим свое время на сотни лет. Так, он первый с поразительной точностью установил удельный вес минералов и металлов, он первый в истории науки стал применять данные палеонтологии для определения истории земной поверхности (он высказал мнение, что Кара-Кумы в далеком прошлом были дном моря).

В своих работах Бируни вел напряженную борьбу с суевериями. В этом отношении особенно характерным является его осуждение поведения брахманов у индусов: «Они (брахманы.— *Ред.*),— пишет ал-Бируни,— кормятся от урожаев деревень под предлогом отвращения от них градовых туч. Обман этот для них облегчается тем, что трудно проверить на опыте [и отличить] истину от лжи. Поскольку бедствие

иногда поражает [поля], а иногда минует их, то они [жители] последний случай приписывают именно брахманам»[1].

Бируни был передовым человеком, что особенно сказалось в самом знаменитом его сочинении «Индия», написанном им на склоне лет. В 1031 г. Бируни в качестве пленника, попав к Махмуду Газневи, был отправлен в один из походов в Индию, где провел много лет и глубоко изучил страну, местные языки и жизнь индусов. Книга эта не только кладезь неоценимых сведений о раннесредневековой Индии, она насыщена глубоко объективной оценкой культурных достижений других народов. Умер Бируни в конце 1048 г.

В XI в. в Средней Азии выдвинулся мыслитель и крупный поэт Насире Хосров (1004—1088), происхождением таджик, родом из Кобадиана, на юге Таджикистана. Долгое время он был на службе в Мерве у Чагры-бека Давуда и исполнял обязанности крупного чиновника по управлению государственными имуществами.

В 1045 г. Насире Хосров оставил службу и совершил длительное путешествие по северной Персии, Малой Азии, Сирии, Палестине; особенно долго путешествовал он по Египту; затем был в Мекке, Иемене, Лахсе, Басре и вернулся на родину через Исфаган и Балх. Это свое путешествие он описал в замечательной книге «Сафар-намэ» («Книга о путешествии»). Книга эта не потеряла своего значения и до настоящего времени. Она с интересом читается, так как автор обладал большим литературным дарованием, глубоким умом, тонкой наблюдательностью, критическим отношением к окружающему и чувством реального. На пути его интересовало все: попав в новый для него город, он измерял шагами окружность его стен, определял их толщину, высоту башен, ширину улиц, замечал характер построек; заглядывал на базар; бывал у книготорговцев, разговаривал у них с поэтами, учеными; подробно останавливался на примечательностях города, отмечал особенности нравов, высказывал свое мнение о политических порядках и т. д. Насмотревшись в Мерве на нравы чиновников, хорошо зная их привычку к взяткам и всякого рода злоупотреблениям, он не раз делал критические замечания по адресу правителей и чиновников посещенных им областей и стран. Однако, будучи карматом-исмаилитом, считая, что только у них можно найти справедливость в отношении к народу, он, попав в Египет, где власть была в руках исмаилистски настроенных Фатимидов, закрыл глаза на подлинные факты и идеализировал господствовавшие там порядки.

Насире Хосров был автором многих поэтических произведений,

[1] *А. М. Беленицкий.* О «Минералогии» ал-Бируни. «Вестник ЛГУ», 1949, № 11, стр. 53.

в том числе поэмы «Саадат-намэ» («Книга о счастье»). Он отрицательно относился к феодализации общества и потере крестьянами прежней свободы, но был сторонником рабства. Насире Хосров в указанном сочинении слагает подлинный гимн крестьянскому труду, который, по его мнению, является самым полезным и благородным делом на земле: «Веселье мира — от крестьянина, от его трудов — посевы и сады»; или: «Спокойно питают они все живые существа, будь то люди, будь домашний скот».

Труду крестьян Насире Хосров противопоставляет дела царей и вельмож: «Так как он [царь] не бывает справедлив к тем, кто взывает о справедливости, сердца людей слабеют от горя и страха»; «из гордости он не отвечает на их привет, и если заговорят, не дает ответа». Насире Хосров в условиях XI в. не сумел найти применения своим знаниям, он не смог примириться с существовавшими тогда порядками и ушел в горы Таджикистана, где и закончил свои дни в глубокой старости.

В городской строительной культуре также наблюдался значительный подъем. Доля огромных средств, добытых тяжелым угнетением народа и ограблением соседних земель, шла на постройки. Так, известная мечеть в Газне была построена Махмудом на средства, добытые во время индийского похода 1018—1019 гг. При мечети было большое медресе, центр богословской деятельности, которую развили здесь наиболее крупные представители ортодоксального мусульманского духовенства. Все помещения медресе до потолка были заполнены сочинениями крупных ученых, вывезенными из царских библиотек завоеванных Махмудом стран. В медресе читали лекции, преимущественно по богословским вопросам.

Однако в Газне не было и не могло быть свободы философского преподавания. Махмуд Газневи был связан с наиболее реакционными толками богословской мусульманской мысли. Лозунгом священной войны (газавата) мусульманские богословы стремились прикрыть грабительские походы в Индию. Естественно, что в Газне ученые, занимавшиеся естествознанием, медициной и философией, а также поэты, настроенные антимусульмански, в том числе и просто симпатизировавшие порядкам доисламской Средней Азии, не могли найти себе места.

Вот почему не нашел сочувствия при газневидском дворе знаменитый Фердоуси, преподнесший свое творение «Шах-намэ» Махмуду Газневи. Последнему были совершенно чужды яркие образы таджикского эпоса, использованные поэтом.

Абу-л-Касим Фердоуси родился в 935 г. в хорасанском городе Тусе, в обедневшей дехканской аристократической семье. Фердоуси получил по тому времени хорошее образование. Особенно интересовался он прошлым таджикского народа, знания о котором пополнил изучением

богатств народного эпоса в Хорасане и во время посещения Бухары. Свою знаменитую поэму «Шах-намэ» Фердоуси начал писать еще при Саманидах. Составленная на таджикском языке поэма в ярких образах кузнеца Кавэ, Рустема и других героев рисует героическое прошлое таджикского народа, его борьбу за независимость. Источником поэмы был эпос среднеазиатских, а также восточноперсидских народностей: цикл сказаний об эпических богатырях Рустеме, Славуше и др.

Вся история народа, согласно идеалистической концепции Фердоуси, развертывается в плане борьбы добра и зла; герои поэмы являются носителями доброй и злой воли. Героика «Шах-намэ» переплетается с рядом ярких романтических эпизодов. Поэма Фердоуси — монументальное эпическое произведение, заключающее в себе 120 000 строк, была закончена в 990—991 г. Султан Махмуд Газневи, которому посвятил Фердоуси «Шах-намэ», отверг поэму, так как в ней воспевалось богатое доисламское прошлое таджиков, которое с точки зрения мусульманского мракобеса, каким являлся султан Махмуд, было достойно не восхваления, а порицания. Фердоуси умер в 1020 или 1025 г. Мусульманское духовенство, относившееся к Фердоуси с ненавистью, объявило поэму вредной, а его самого — еретиком.

«Шах-намэ» — классическое произведение таджикской литературы. «Таджики это народ, чья интеллигенция породила великого поэта Фердоуси,— говорил И. В. Сталин на приеме участников Московской декады таджикского искусства руководителями партии и правительства в апреле 1941 г.,— и недаром они, таджики, ведут от него свои культурные традиции»[1].

Караханидские ханы, хотя долгое время и придерживались традиций кочевников, ценили оседлую земледельческую и городскую жизнь. Это особенно ярко отразилось в дидактическом сочинении, составленном в 1069 г. на тюркском языке Юсуфом Баласагуни. В сочинении этом («Кудатку-Билик») земледельцы, ремесленники и купцы выводятся более полезными людьми, чем кочевники-скотоводы.

При караханидских ханах проводилось большое строительство в городах. В предшествующее время при Саманидах (IX—X вв.) для постройки мечетей, медресе, дворцов, даже самых лучших, в качестве строительного материала, наряду с сырцовым и жженым кирпичом, в большом количестве употреблялось дерево. Поэтому в Бухаре и других городах здания часто погибали от пожаров. Из сохранившихся построек караханидского времени за редкими исключениями все здания, даже фундаменты городских стен, возводились из обожженного

---

[1] Цит. по книге: *Абуль-Касим Фердоуси.* Из Шах-намэ. Пер. В. Державина. Сталинабад, 1949, стр. 8.

Рабат-и-Мелик (укрепленный караван-сарай) близ Бухары, 1079 г.

34*

кирпича. Так, когда в XII в. (1164—1165) Бухару укрепляли новой стеной, фундамент и башни ее возвели из обожженного кирпича. В Самарканде не сохранилось никаких памятников материальной культуры этого времени, кроме небольших остатков на городище Афрасиаба (домонгольского Самарканда).

Больше было выстроено зданий в Бухаре при двух караханидских ханах — Шемс-ал-Мульк Насре (1068—1079/80) и Арслан-хане (1102—1130). Одна из таких построек — замечательный минарет Арслан-хана, весь выложенный из обожженного кирпича, стоит и в наши дни. Во время крупного строительства при Шемс-ал-Мульке к участию в отделке здания были привлечены и самаркандские мастера. Так, по словам переводчиков книги Нершахи, когда в 1068 г. заново отделывали соборную мечеть в Бухаре, то максура[1], минбар[2] и михраб[3], по приказанию Шемс-ал-Мулька, «были вытесаны и украшены орнаментами в Самарканде и привезены в Бухару». Таким образом, Самарканд был крупным художественно-ремесленным центром по изготовлению орнаментов из камня и глины.

При Шемс-ал-Мульке в Бухаре, недалеко от теперешних ворот Шейх-Джелаль, были специально скуплены земли для разбивки царских садов и дворцов. Место это по имени хана было названо Шемсабадом. Рядом с ним был Гурук (Курук)—большой луг, окруженный высокой стеной, нечто вроде парка, где содержались дикие животные—антилопы, козы, кабаны, лисицы, а также ханские лошади, и стоял царский дворец. Во время похода сельджукского султана Мелик-шаха Шемсабад был полностью разрушен и, повидимому, больше не восстанавливался. Впоследствии постройки возводились в местности Джуйбар, где во дворце останавливался Арслан-хан.

Строились при караханидских ханах и прекрасные общественные бани. Дворец Арслан-хана на улице Бу-Ляйса был перестроен в медресе, а баня, стоявшая рядом с ним, была отдана в вакф этому медресе.

Из отрывочных сведений письменных источников и археологических данных (главным образом сохранившихся прекрасных резных неполивных кирпичей от облицовок зданий, характеризующих изумительную технику художественной резьбы по глине) можно восстановить некоторые черты строительной деятельности Караханидов и в Самарканде. Так, известно, что Тамгач-хан Ибрахим в XII в. выстроил в квартале Гурджмин прекрасный дворец, который, по сло-

---

[1] *Максура* — огороженное помещение в мечети, где в первые века ислама находились во время молитвы высшие представители власти.

[2] *Минбар* — кафедра, с которой в мечетях во время пятничной молитвы произносились проповеди.

[3] *Михраб* — ниша, обозначающая киблу, т. е. направление на Мекку.

вам Ауфи, должен был говорить о славе хана так, как Фаросский маяк говорит о славе Александра Македонского или Таки-Кесра (дворец Хосроя) в Ктесифоне — о славе Хосроя Анушсирвана. Наиболее ранним из сохранившихся караханидских архитектурных памятников является так называемая башня «Бурана» — остатки большого минарета вблизи Токмака.

Другим памятником этой эпохи является Рабат-и-Мелик (сохранившийся в развалинах)[1] — «царский рабат» (укрепленный караван-сарай) по дороге из Самарканда в Бухару, ближе к последней, выстроенный при Шемс-ал-Мульке, повидимому, в 1079 г.; при рабате находилась и мечеть. Стены этой замечательной постройки выложены из сырцового кирпича и облицованы обожженным кирпичом. Здания имеют так называемые «гофрированные стены», столь характерные для построек Хорезма, Мерва и Термеза. Особенностью этой постройки является и наличие у нее портала. Прием орнаментики здесь тот же, что и на других ранних памятниках караханидского времени, — выкладка основного орнамента (сочетание звезд и полукрестов) обожженными неполивными кирпичиками. На портале имеются рельефная надпись и резьба по алебастровой обмазке, впрочем, известная и при Саманидах. Рядом с Рабат-и-Мелик сохранилась великолепная сардоба (буквально — «холодная вода»), т. е. крытый куполом бассейн из обожженного кирпича, относящийся также к караханидскому времени.

Лучшими архитектурными памятниками караханидского времени из числа сохранившихся на территории Средней Азии являются мавзолеи в Узгенде, минарет Арслан-хана, построенный в 1127 г. в Бухаре, и минарет в Вабкенте[2], если не считать мавзолея над могилой султана Санджара (1157), который был выстроен в сельджукском тогда Мерве. Последние из перечисленных памятников относятся к XII в., когда сила караханидских ханов клонилась уже к упадку.

Узгенд в XII в. был столицей местных ферганских илеков. Таким образом, по сравнению с Бухарой и особенно Самаркандом, Узгенд представлял собой провинциальный центр, однако сохранившиеся здесь развалины трех мавзолеев и минарета говорят о высоком мастерстве строителей.

Разграбленный огузами Мерв — столица сельджукских султанов — в XII в. был, несомненно, наиболее крупным и культурным городом Средней Азии. Ни Бухара под властью садров, ни Самарканд кара-

[1] Не исключена возможность, что средний из трех мавзолеев в Узгенде старше Рабат-и-Мелик.

[2] Построен, согласно надписи, в 1196—1197 гг.

ханидских илек-ханов не могли сравниться с Мервом времен сельджуков. В настоящее время на месте Мерва, на близком друг от друга расстоянии (не более четверти километра) находятся два городища — восточное (Гяур-кала) и западное (Султан-кала). На территории Гяур-калы когда-то располагался крупнейший из шахристанов. Площадь Гяур-калы, обнесенная высокой стеной, образует квадрат, размером в 1 квадратный километр. Люди здесь жили еще до XII в., хотя центр городской жизни после арабского завоевания переместился в западную часть рабата. Это и есть городище Султан-кала — развалины феодального города Мерва VIII—XIII вв., погибшего в 1221 г. во время монгольской осады. Еще первый сельджукский наместник Хорасана, Чагры-бек Давуд, облюбовал Мерв. Мерв был столицей двух известных султанов — Алп-Арслана и Санджара. От Газневидов Сельджуки получили Мерв и окружающий его оазис в цветущем состоянии, если не считать временного упадка после войны с Масудом Газневи. Город славился своей оросительной системой, загородными садами, ремесленными кварталами (махалла), базаром, дворцами и мечетями. При Сельджуках здесь продолжалось крупное строительство.

По сей день стоят выстроенные еще при Мелик-шахе (1072—1092) мощные стены Мерва в том виде, в каком они были в последний раз отремонтированы перед осадой Мерва монгольским царевичем Тули. Стены Мерва — несомненно лучший и наиболее мощный памятник городских укреплений Средней Азии X—XIII вв. Выложенные из сырцового кирпича и пахсы (глина для кладки), они сохранились почти по всей окружности городища Султан-калы и отличаются исключительной толщиной. В стенах имеются остатки башен.

Сельджукские государи, их везиры и вельможи затратили немало народных сил и средств на строительство в Мерве. Мустауфи (глава финансового ведомства) при Мелик-шахе израсходовал на постройки около 100 000 динаров (500 000 рублей золотом). Много тратил на постройки и везир Низам-ал-Мульк. В Мерве были похоронены Тогрул-бек, Чагры-бек Давуд, Алп-Арслан, султан Санджар и другие правители из династии Сельджуков, что в свою очередь было связано с большими постройками. Мавзолей над могилой султана Санджара сохранился до наших дней и является одним из лучших архитектурных памятников XII в. в Средней Азии.

От саманидского времени Мерв унаследовал превосходное водоснабжение, техника которого уходит в глубокое прошлое Мервского оазиса. В Мерве были оборудованы прекрасные бассейны (хаузы) в том числе крытые; арыки имели повсюду на главных точках городской оросительной сети особые вододелители. В Мерве был большой квартал Баджнар, в начале которого находился вододелитель, распреде-

Мавзолей султана Санджара, 1157 г.

лявший воду по участкам города; был и водопровод в виде обожженных глиняных труб (кубуры), остатки которых обнаружены в Гяур-кала. В центре города находился «центральный купол базаро в», так называемый «чарсу», а рядом с ним — базар саррафов (менял); к северу от чарсу стояла соборная мечеть; рядом с ней впоследствии был поставлен мавзолей над могилой султана Санджара. Тут же, вблизи чарсу, помещались дворцы правителей. Как и в других больших феодальных городах Средней Азии, от чарсу в разные стороны шли ремесленные кварталы (махалла): ткачей разных специальностей, ножевщиков, портных, кузнецов, саффаров (медников), кожевников и т. д. Большое пространство занимали кварталы продавцов сладостей, сушеных и свежих

фруктов и зелени. Отсюда товары развозились в остальные кварталы города.

Мерв известен был также культурными учреждениями. В начале XIII в. в Мерве было десять библиотек вакфов, «более богатых сочинениями, чем библиотеки любого другого города»; два книгохранилища принадлежали соборной мечети: одно, называвшееся «Азизийе», в честь основателя его Азиз ад-дин Абу Бекр-Атик ад-Зинджани, кравчего султана Санджара, заключало около 12 000 томов; другое называлось «Кемалийе».

За два века культурное развитие страны значительно подвинулось вперед, ибо библиотеки Мерва были обширнее Саманидской, описанной Авиценной в X в., как по числу авторов, так и по количеству книг. В Мерве XII в. было своеобразное научное учреждение — дивекуш, в котором изучались наилучшие приемы шелководства, игравшего большую роль в хозяйственной жизни Мервского оазиса.

* * *

Средняя Азия при Караханидах и хорезмшахах имела торговые и культурные связи не только с Персией, Китаем, но и с Юго-Восточной Европой.

Насколько далеко распространялись торговые и культурные связи болгар, видно хотя бы из того факта, что, по словам персидского историка Абу-л Хасана Бейхаки[1], болгарский царь Абу Исхак Ибрахим, сын Мухаммеда, в 1024/25 г. послал большие суммы денег на постройку пятничных мечетей в городах Себзаваре и Хосровджирде в Хорасане. Итиль — столица хазар и крупный торговый центр, как известно, был почти полностью разрушен и под старым названием больше не возрождался. Однако в XI в. на месте Итиля возник новый торговый город Саксин.

Известно, что после похода Святослава 965 г. Нижнее Поволжье не было удержано Русью. Южнорусские степи попали сначала в руки печенегов, а затем половцев. Кочевники, хотя и грабили постоянно русские пограничные со степью княжества, однако не прерывали караванной торговли с Востоком, и купцы болгарские и русские, с одной стороны, и восточные из Средней Азии и Кавказа — с другой, проходили через половецкие ставки.

В этом отношении, может быть, особенно интересно указание Ипатьевской летописи. В летописи рассказывается, что в 1185 г. для отпора набегу «оканьного, безбожного и треклятого Кончака» русские

[1] Абу-л Хасан Бейхаки (Ибн-Фандак). Тарих-и Бейхак. Тегеран, стр. 53.

князья собрали свои военные отряды с намерением двинуться на половцев. В это время «едупцим же им и устретоста гости, идущь про тиву себе ис половець, и поведаша им, яко половци стоять на Хороле»[1]. Из этих слов ясно, что половцы пропустили на Русь русских же, повидимому, купцов, хотя обе стороны — русские и половцы — вели друг против друга военные действия.

Как и в X в., в Хорезм и другие области Средней Азии от русских, кроме пушнины, шли главным образом мечи. Не случайно Бируни в своей «Минералогии» особо отмечает русские мечи высокого качества. В XII в. путь из Булгара по Волге в Саксин и дальше в Каспийское море находился в руках половцев, точнее, под их контролем, так как сами они не знали искусства судоходства. В источниках имеются интересные известия о том, что не только торговые, но и военные русские суда в конце XII в. ходили в Каспийское море, причем в 1175 г. они даже принимали участие в военных действиях против мусульман в районе Баку. Сведения о связях Поволжья с Кавказом и отчасти Средней Азией можно найти у ал-Андалузи ал-Гарнати, арабского путешественника начала XII в., который проехал Поволжье от устья Волги до Булгара. В Поволжье он прожил несколько лет и оставил описание двух его торговых центров — Булгара и Саксина. Говоря о последнем, он отмечает его постройки, рынки, мечети, встречи с определенными людьми и т. д. Между прочим, он указывает, что в Булгар ввозили из областей Закавказья в обмен на пушнину азербайджанские клинки от мечей, причем тут же сообщает и их стоимость: за четыре клинка — 1 динар[2].

В XI—XII вв. продолжала действовать торговая сухопутная дорога из Хорезма в Поволжье. Открытая Хорезмской археологической экспедицией под руководством С. П. Толстова в юго-восточном Устюрте крупная постройка из обтесанного камня — Делеули, караван-сарай на этой дороге, судя по найденной в нем поливной керамике, жил полной торговой жизнью и в XII в.

О торговых и культурных связях Руси со Средней Азией в XII в. говорит и «Слово о полку Игореве». В словаре этого гениального русского литературного произведения имеются термины таджикского происхождения. Один из этих терминов встречается, например, в следующем месте: «Ты бо можеши посуху живыми *шереширы* стреляти, удалыми сыны Глебовы»[3]. Термин «шерешир» — таджикское слово «тир-и черх» в значении «стрела черха». Под «черх» имеются в виду

---

[1] ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 634—635.
[2] *Al-Andalusi al-Garnati*, изд. Ferrand, Париж, 1925, стр. 116.
[3] «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950, стр. 22.

большие самострелы, которые упоминаются в Ипатьевской летописи под 1184 г. Рассказывая о походе половецкого князя Кончака на Русь, летопись отмечает, что князь этот имел в своем войске «бесурменина, иже стреляше *живым огнемь*; бяху же и у них луци тузи самострелнии, одва 50 мужь можашеть напрящи»[1]. О «живом огне» под другим термином упоминает и «Слово о полку Игореве»: «За ним кликну Карна и Жля, поскочи по Русской земли, *смагу* людем мычючи в пламене розе»[2]. Под «смагой», возможно, имеется в виду нефть — «живой огонь».

Высокой культуре народов Средней Азии был нанесен сокрушительный удар татаро-монгольскими захватчиками.

2

ГРУЗИЯ В IX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.

а) Социально-экономические отношения и политический строй

В изучаемое время в Грузии наблюдается (особенно после освобождения ее от ига арабских захватчиков) рост производительных сил. Увеличивается и количество населения, в частности крестьянского (включая крестьянство присоединенных к Грузии областей Армении).

К середине XIII в., по данным переписи населения, произведенной монгольскими правителями, в Грузии насчитывалось 810 000 крестьянских дворов, владевших полным земельным наделом (пудзе), и страна могла выставить войско в 90 000 человек[3].

В IX—XIII вв. наблюдается развитие земледелия, скотоводства, виноградарства и виноделия, пчеловодства, льноводства, шелководства, хлопководства. Расширились торговые связи с Северным Кавказом, Русью, Египтом.

Изучаемый период в истории Грузии характеризуется дальнейшим ростом крупного феодального землевладения и усилением политического значения землевладельческой знати.

В источниках, дипломатических актах и других памятниках отразился характер феодальной собственности. Атрибутами феодала являлись земля, замок с войском, монастырь с фамильной усыпальницей.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 634—635.

[2] «Слово о полку Игореве», стр. 17.

[3] *И. А. Джавахишвили.* История грузинского народа (на груз. яз.), кн. III, Тбилиси, 1941, стр. 56.

Крупные феодалы владели не только отдельными деревнями, но и целыми округами.

Басили Зарзмели, повествуя о деятельности крупного феодала из Самцхе, Георгия Чорчанели, отмечает, что он — «князь великий, персона знатная, превосходил всех в крае несметными своими богатствами...», ему принадлежало много дворцов, «деревни с неограниченным правом владения ими» и «богатства многообразные, и целые табуны коней, мулов, ослов, и стада быков»[1].

Социальная структура грузинского общества была феодальной. Представители сословия феодалов еще с V в. носили название азнауров (дворян). Дворянство делилось на несколько категорий: различались дворяне старшие и младшие; родовитые, потомственные (азнаурни мемамулени) и служилые (азнаурни мосакаргавени), состоявшие на службе у царя, церкви и частных лиц. Из потомственных дворян, занимавших высшие государственные должности, выделялась особая группа «вельможных дворян» (дидебули азнаури). Принадлежность к дворянству была связана с владением земельной собственностью и несением обязательной воинской повинности. Низший слой господствующего класса составляли мелкие должностные лица царского двора и церковных феодалов (мсахури)[2].

Среди грузинских феодалов видное место занимало духовенство. Церковная знать в Грузии постоянно отстаивала свои иммунитетные права от посягательств светской власти не только в чисто церковных, но и в судебных делах. Церковные феодалы обладали значительным движимым и недвижимым имуществом. Во главе грузинской церкви стоял католикос, епархиями управляли епископы, которым подчинялось как белое, так и черное (монашествующее) духовенство. Католикос имел свой двор и аппарат управления, организованный по образцу общегосударственного. Под его непосредственной властью находились многочисленные вассалы и крепостные. Одной лишь мцхетской кафедре католикоса принадлежало свыше сотни деревень.

Власть в церкви всецело находилась в руках феодалов, из числа которых назначались епископы, настоятели монастырей и другие церковные должностные лица. В политической жизни грузинская церковная знать выступала в тесном союзе со светской сеньориальной знатью в борьбе за владение землей и зависимым крестьянством.

---

[1] *Басили Зарзмели.* Житие Серапиона Зарзмели. См. *К. Кекелидзе.* Раннефеодальная грузинская литература. Тбилиси, 1935, стр. 154, 173.

[2] О категориях дворянского и крестьянского сословий см. *И. А. Джавахишвили.* История грузинского права, кн. II, вып. 1, Тбилиси, 1928 (на груз. яз.), стр. 26—40.

В рассматриваемое время в Грузии существовала обычная система феодальной иерархии. Сеньор назывался «патрони», т. е. «покровителем», «попечителем» вассалов. Для обозначения вассала употреблялось слово «кма» (поздняя фонетическая разновидность более древнего «крма», собственно «отрок»)[1]. За исключением самого царя всякий сеньор мог быть вассалом (кма) другого сеньора; в то же время его вассал мог иметь (и нередко действительно имел) своих вассалов, для которых он был патроном. Обязательства вассалов по отношению к патрону были различны, но общей для всех категорий вассалов обязанностью была служба в войске своего сеньора.

Вассалы делились на ряд категорий с различным правовым положением. Одну группу составляли добровольные (небиери), вошедшие в зависимое отношение по собственному желанию на основании особого договора (сиглосани). Вассальная зависимость другой группы основывалась не на договоре, а на обычном праве. Существовали потомственные вассалы (мквидри кма)[2].

Источники отмечают существование в эту пору податного, а отчасти (для церковных организаций) и судебного иммунитета; от воинской же и охотничьей повинности никто, кроме несовершеннолетних, дряхлых стариков и калек, не освобождался.

Высшая феодальная знать (дидебули азнаури) стремилась полностью подчинить себе царей. Однако цари использовали в своих интересах помощь мелких и средних феодалов, а также поддержку городов и добивались постепенного укрепления центральной государственной власти, более способной держать в узде массы эксплуатируемого крестьянства и расширять территорию Грузии.

Менее знатные азнауры делились на различные категории в зависимости от происхождения, экономического состояния и служебного положения. Экономическое положение многочисленных мелких азнауров было неустойчивым. Им постоянно угрожала опасность лишиться земли. На них лежала сословная обязанность: участвовать в войнах и сопровождать в полном вооружении своих патронов.

Ниже азнауров на социальной лестнице стояли слуги, мсахури. В сословные обязанности мсахуров входили служба патрону, военная повинность и «угощение» патрона. По мере развития крепостнических отношений эти обязанности все больше отягощали мсахуров, и они часто переходили в разряд глехов (крестьян).

---

[1] Документированный обзор социальной терминологии, отражающей сеньориат и вассалитет см. *И. А. Джавахишвили*. Указ. соч., стр. 63 и сл.

[2] См. *Ф. Жордания*. Исторические документы Шио-Мгвимского монастыря, Тбилиси, 1896, стр. 11 (грамота 1072 г.).

Классу феодалов противостоял класс крестьян, основная масса которых находилась в личной феодальной зависимости. Крестьяне делились на следующие категории: наскиди (купленные), шецирули (пожертвованные), нацкалобеви (пожалованные), небиери (буквально: добровольные), шеудзлебели (несостоятельные должники). Общими повинностями для всех крестьян были барщина и оброк в пользу землевладельца, весьма разнообразные в зависимости от местных условий.

Категорию зависимых людей составляли также и сахлеулни (домашняя челядь), лично свободные, но не имевшие собственного хозяйства, жившие при дворе феодала и обслуживавшие его.

Среди крестьян наблюдалось имущественное неравенство. На крестьянском пудзе (единица крестьянского надела) зачастую сидело несколько семей (дымов). Наряду с этим встречались крестьянские семьи, покупавшие у соседей или бравшие в аренду у феодала дополнительно к имевшемуся у них участку земли еще пудзе или его часть. Следует отметить и категорию парцеллярных крестьян.

Уделом крестьян были тяжелый «труд и земледелие». Историк, касаясь участи осиротевших детей крестьянина, замечает, что они оказались «брошенными в пламя нищеты»[1]. В условиях жестокой феодальной эксплуатации трудового населения нищета являлась настолько характерной, что на жаргоне эксплуататоров крестьяне так и назывались «глахакни», буквально «нищие».

Стихийные выступления крестьян против землевладельцев упоминались в тогдашних летописях. Так, крестьяне деревни Садзмо, в Месхети, которые не дали монахам захватить участок своей земли, осуждаются летописцем как «люди нечестивые, совершенно звероподобные»[2].

Равнодушие крестьян к политическим целям правителей Грузии ярко обнаружилось в начале XI в., когда от последних «отвернулись многие люди из мелкого народа той страны»[3]; другой современник уточняет, что это были «жители деревенские»[4].

Разорительные войны усиливали классовую борьбу. Повествуя об усилиях грузинского царского правительства добиться в ту пору заключения мира с Византией, летописец пояснил, что мир нужен был для того, чтобы «нищие (т. е. крестьяне. — *Ред.*) умиротворились и успокоились».

---

[1] *Басили Зарзмели*. Указ. соч., стр. 150.

[2] Там же, стр. 159.

[3] *Аноним*. Матеанэ Картли. «Картлис Цховреба», список Марии, Тифлис, 1906, стр. 255.

[4] *Сумбат Багратиони*. Жизнь [рода Багратиони] и сведения о них. «Три исторические хроники», Тифлис, 1890, стр. 77; русск. пер. в «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXVIII, Тифлис, 1900, стр. 175.

О степени угнетения крестьян можно судить по царской грамоте 1058 г. Здесь перечислены повинности: «государевы», «воеводовы», «дворянские», «сацихиставо» (в пользу начальников крепостей), «сахевисупло» (в пользу «ущельных начальников»), «сабанджеро» (за пастьбу скота), «сахиде» (за пользование мостами) и др.

Из царской грамоты 1072 г. видно, что «в смутное время» целые имения, пожертвованные в прошлом царями в пользу Шио-Мгвимского монастыря, подверглись расхищению со стороны «насильников и безбожных людей», причем из документа явствует, что на крестьян противозаконно было возложено новое налоговое бремя: оброк («бегара») и дополнительная барщина.

К сожалению, в сохранившихся источниках, отражающих идеологию господствующего класса и заполненных поэтому фактами из жизни и политической борьбы внутри класса феодалов, мало сведений о борьбе крестьянства против эксплуататоров.

* * *

Свержение арабского ига сопровождалось некоторым подъемом грузинских городов. В IX—X вв. выдвинулись те области Грузии, которым удалось избежать арабского господства, а именно: Кахети, Абхазия (Западная Грузия) и Тао-Кларджети. Среди них последняя была наиболее развитой. Тао-Кларджети издавна служила хлебной житницей всей Грузии, а также вывозила хлеб в другие страны. Высокого уровня развития достигли здесь виноделие и скотоводство. Сохранившиеся памятники материальной культуры красноречиво свидетельствуют о развитии ремесл и строительного искусства. Характерно, что при постройке Ошкского храма (Тао-Кларджети), как видно из строительной надписи, работало более 70 наемных каменщиков, плотников и кузнецов. На содержание этих ремесленников и рабочих, а также на прокорм скота, ежегодно расходовалось (помимо провизии) 20 000 драхм (приблизительно 4000 рублей золотом). Таокларджетские ремесленники отправлялись на работу и в другие области Грузии. Так, в числе строителей некоторых храмов Западной Грузии отмечаются каменщики из Опизы.

Создание относительно единого государства было связано с известным преодолением патриархально-феодальной раздробленности и возникновением определенных экономических взаимоотношений между различными районами Грузии (насколько это было возможно в условиях феодализма). Это, разумеется, создало и некоторые возможности для дальнейшего экономического развития городов.

Царская власть в борьбе за объединение Грузии сталкивалась с упорным сопротивлением дидебулов (крупных феодалов). В этой

борьбе важную роль могли сыграть города, которые, естественно, были сторонниками объединения страны и укрепления единой власти. Поэтому цари стремились заключить союз с городами, чтобы использовать их для укрепления своего положения. С этой целью царская власть содействовала развитию внутренних и внешних экономических связей Грузии; руководила проведением новых дорог, улучшением старых, строительством мостов, гостиниц, караван-сараев. Особенно много в этом отношении сделали царь Давид Строитель (1089—1125) и его ближайшие преемники.

Дальнейшее развитие производительных сил, углубление процесса отделения ремесла от сельского хозяйства способствовало возникновению новых городов и развитию городской жизни. Рос и внутренний товарообмен между отдельными районами Грузии.

Наблюдается расширение торговых связей Грузии. Уже в X в. города Южной Грузии поддерживали торговые сношения даже с северными районами древней Руси, о чем свидетельствуют обнаруженные там (а также в районах Прибалтики) монеты таокларджетского царя Давида Куропалата (умер в 1001 г.).

О давних сношениях между Грузией и северными странами свидетельствует и ода Чахрухадзе (XIII в.), посвященная царице Тамаре. Странствующий герой этого произведения продвигается вдоль р. Аталы (она же Итиль, или Волга) и проникает «в Русети», т. е. Русь[1].

К X в. в Грузии появились города Дманиси, Артануджи, Ахалкалаки, Тмогви, Олтиси, Ахалцихе, Телави. В XI—XII вв. возникли важные экономические центры Атени, Гори, Жинвани, Баралети. Значительное развитие получили и старые грузинские города — Тбилиси, Рустави, Хунани, Самшвилде, Цунда, Одзрхе, Кутаиси и др. Существовало значительное количество небольших городов и поселков городского типа, возникавших на месте дофеодальных и раннефеодальных городищ, временных царских становищ, при крепостях, церковных центрах и т. д.

Феодальные города не только по внешнему облику, но и по социально-экономическому значению существенно отличались от городов дофеодальной Грузии. Большинство городов являлись административными центрами, служили местопребыванием царя или его крупных чиновников, но вместе с тем (и главным образом) города были ремесленно-торговыми центрами.

В городах IX—XIII вв. получили большое развитие почти все отрасли ремесленного производства, известные в средние века, например

---

[1] «Тамариани», VI, 9—10. «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. IV, СПб., 1902.

изготовление металлической посуды (из меди, золота, серебра), деревообделочное, керамическое, сапожное, кожевенное производства, изготовление хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканей, портняжное дело, производство стекла, кузнечное дело, обработка драгоценных камней и золота, камнерезанье, столярное дело, изготовление писчих принадлежностей (пергамена и пр.), производство благовоний и т. п.

Данные письменных источников подтверждаются археологическими материалами. Раскопки городища Дманиси показали, что здесь были особенно развиты обработка дерева, керамическое производство (в частности изготовление глазурованной посуды), стекольное дело, изготовление льняных тканей и пр. Кроме этого, большую роль в экономике Дманиси играли распространенные в его окрестностях виноградарство и садоводство.

Хотя археологические раскопки в Тбилиси начались сравнительно недавно, но уже известно, что и здесь было достаточно развито производство керамических изделий. Обнаружен целый район, занятый мастерами этого производства. Он был расположен вдоль восточной городской стены. Открыто семь печей, служивших для изготовления глиняной посуды. По соседству вырабатывались стеклянные изделия.

Рустави был значительным центром керамического производства, а также славился шелководством и обработкой шелка. Здесь же изготовляли глазурованную посуду, фаянс, стекло. При раскопках домов городища обнаружено большое количество семян разных огородных растений (арбуза, тыквы и др.), хранившихся в отдельных сосудах; следовательно, жители города занимались и огородничеством. Видимо, некоторая часть городского населения (купцов и ремесленников) тогда еще не совсем порвала связи с сельским хозяйством.

Города Грузии торговали с Арменией, Аравией, Персией, Византией, Египтом и другими странами. Из Багдада ввозили разного рода ткани, парфюмерные изделия, пряности, конскую сбрую, сахар, драгоценные камни, иногда полуфабрикаты из золота и стали, обработка которых производилась на месте; из Византии — ткани, называвшиеся «греческими», златотканную парчу и др. Дорогая парча ввозилась и из Армении.

Вывозили из Грузии вату, шерсть, шелк, различные ткани, одежду, ковры, меха, керамические изделия и пр. По словам персидского географа Захария Казвини, только из Тбилиси вывозились для продажи очищенный хлопок, лошади и мулы, высококачественная шерсть, шелк, платья, ковры, меха, ртуть, великолепные шелковые и златотканные материи и т. д. Участие грузинских городов во внутренней и внешней торговле способствовало их развитию.

По сообщению арабского историка Табари, во время нашествия арабов в 853 г. в Тбилиси было истреблено до 50 000 жителей[1]. Эта цифра, несомненно, преувеличена, но все же она свидетельствует о том, что население Тбилиси было довольно многочисленным. Население средневекового города Рустави, как показывают раскопки городища, должно было составлять не менее 20 000 человек; не менее многочисленным было и население других городов — Дманиси, Гори, Самшвилде. Однако в Грузии были и такие города, число жителей которых, повидимому, составляло от 1000 до 5000 (Атени, Ахалкалаки, Тмогви, Уплисцихе, Телави, Жинвани и др.).

Население грузинских городов IX—XIII вв. («городской народ»), состоявшее в основном из купцов и ремесленников, не было однородным как в экономическом, так и в социальном отношении. Во-первых, в состав городского населения вместе со свободными купцами и ремесленниками входили также и крепостные купцы и ремесленники (царские, монастырские и др.), и, во-вторых, из среды свободных горожан — купцов выделялись «крупные купцы», пользовавшиеся личной свободой, но в экономическом отношении далеко отстававшие от дидвачаров (богатых купцов). Они являлись как бы подручными дидвачаров и сбывали их товары[2]. В феодальных городах свободные купцы составляли отдельные группы. Были у них и свои организации, во главе которых стояли старейшины купцов (вачартухуцеси) из дидвачаров.

Так как купеческая верхушка городского населения являлась важной для царской власти силой, то царская власть приближала ее к себе и наделяла некоторыми привилегиями. В отдельных случаях крупные купцы даже выполняли важные дипломатические поручения. Так, грузинский царский совет поручил дидвачару Занкану Зорабабели сопровождать жениха царицы Тамары Юрия Андреевича. На связи царской власти с купеческой верхушкой указывает также упоминание того или иного купца в качестве «друга» (арипи) или «отца» грузинского царя.

Значение крупных купцов хорошо отображено в более поздних (XIV—XV вв.) грузинских правовых памятниках. В Судебнике Бека и Агбуга «кровь» крупного «почтенного» купца оценена в 12 000 тетри (тетри—приблизительно 20 копеек серебром) и равняется цене «крови» измельчавшего азнаура (дворянина). Заметим, кстати, что, по тому же Судебнику, крестьянская «кровь» была оценена лишь в 400 тетри.

---

[1] *И. А. Джавахишвили.* К вопросу о времени построения грузинского храма в Атени. «Христианский Восток» (изд. Российской АН), т. I, вып. 3, СПб., 1912, стр. 284.

[2] *Н. А. Бердзенишвили.* Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII—XVI вв.), Тбилиси, 1938, стр. 3—4.

Крупные купцы господствовали как во внутренней, так и в караванно-транзитной торговле. Руководство этой торговлей принадлежало купеческим объединениям, так называемым уртагам. Эти объединения вели торговлю не только товарами, но и земельными владениями; иногда они покупали крупные земли, стоившие 65 000 тетри. Уртаги осуществляли и крупные кредитные операции, давали в долг большие суммы.

Феодальная аристократия была тесно связана с уртагами. Некоторые феодалы, даже такие крупные, как, например, эриставт-эристави и царский казначей (мечурчлет-ухуцеси) Каха, принимали активное участие в деятельности уртагов — брали у них взаймы и входили с ними в разные торговые сделки.

Наряду со свободными и царскими крупными купцами значительную роль в торговле играли и крепостные купцы, принадлежавшие монастырям и феодалам. Несмотря на то, что в Грузии не было городов, находившихся в полном владении монастырей, духовные феодалы почти во всех городах являлись крупными собственниками торгово-ремесленных заведений. От них зависела часть купцов и ремесленников.

Другой слой городских жителей составляли ремесленники — представители широких кругов городского населения. Ремесленники, так же как и купцы, делились на свободных и несвободных. Подобно тому как среди купцов были «почетные» и «достойные», и среди ремесленников были «достойные» и «почетные». Однако большинство городского населения состояло из крепостных ремесленников, так что основной слой торгово-ремесленного населения в городах феодальной Грузии нес ярмо феодального гнета. Это оказывало большое влияние на общественную жизнь городов и препятствовало развитию городского самоуправления.

Для защиты своих интересов от посягательств со стороны духовных и светских феодалов ремесленники объединялись в особые организации — цехи. Существование цехов подтверждается наличием в средневековых грузинских письменных памятниках терминов, обозначавших цеховых старейшин: «хуротмодзгвари» («глава плотников»), «мхатварт-ухуцеси» («старейшина художников»), «калатозта-ухуцеси» («старейшина каменщиков»), «мкервалт-ухуцеси» («старейшина портных») и др.

Часть городского населения феодальной Грузии составляли так называемые «городские бедняки». Этот слой был настолько многочисленным, что царская власть была вынуждена обратить на него особое внимание.

Если верить придворным хроникам, то в некоторых городах создавались «дома для бедняков», содержавшиеся за счет государст-

ва. Разумеется, такую «заботу» о бедняках правительство проявляло в своих интересах, чтобы обезвредить этот «беспокойный» слой городского населения.

Экономическое неравенство среди основных слоев городского населения было причиной различия их политических интересов. Часть богатых горожан постепенно переходила в ряды феодальной аристократии.

Со времени Баграта IV, а особенно при Давиде Строителе и Георгии III, царская власть вела борьбу за овладение городами. Этим объясняется, что Давид Строитель, по освобождении от турок-сельджуков некоторых грузинских городов (Тбилиси, Самшвилде, Рустави, Дманиси и др.), не «пожаловал» их крупным феодалам, а подчинил непосредственно царской власти. То же сделал и Георгий III, который пользовался любым предлогом, чтобы отбирать города у крупных феодалов (например, г. Самшвилде и др.). В этой борьбе царскую власть поддерживала основная часть городского населения. Не случайно, что старейшины Тбилиси не раз предлагали Баграту IV взять под свое покровительство этот город.

В этом отношении интересен и эпизод из истории взятия армянского г. Кари, или Карса. В переговорах, завязавшихся перед сдачей этой крепости в 1206 г. войскам царицы Тамары, резко выступила ненависть горожан к феодалам-вотчинникам и их стремление к союзу с царской властью. По свидетельству современника, защитники крепости добились права на ведение переговоров лично с царицей, после чего они «принесли ключи от городских ворот... и просили объявить мир и дать им клятву, что царица не предаст Кари в чужие руки..., а удержит в пределах своего царства» в качестве «царского города»[1]. Желание сдавшихся вполне отвечало и интересам царской власти.

Царская власть в свою очередь способствовала созданию новых городов и проявляла заботу о городской знати. С помощью городов Давид Строитель и Георгий III сумели на время сломить сопротивление крупных феодалов.

В царствование Тамары (с 1184) продолжалась борьба крупной знати с царской властью за свои политические привилегии. Ослаблению царской власти способствовали монгольские захватчики. В результате все города оказались поделенными между царской властью и крупными феодалами. В Грузии этой поры не существовало так называемых «свободных городов».

---

[1] *Басили.* Жизнь царицы цариц Тамары, пер. В. Д. Дондуа. «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938, стр. 71.

Дидебулы получали города от царей в дар за службу, одни — в потомственное владение, другие — на время исполнения ими какой-либо государственной должности. В руки некоторых дидебулов попадало много городов. Так, грузинский феодал Шанше Мхаргрдзели владел пятнадцатью городами. Города стали таким же обязательным атрибутом крупного феодала, как и земли, крепости и дворцы.

Города переходили к дидебулам и влиятельным чиновникам также и путем купли. Дидебулы, владетели городов и другие представители феодальной аристократии принимали активное участие в экономической жизни городов, что еще более усиливало их влияние на городскую жизнь. Кроме того, феодальная аристократия господствовала над прилегающими к городам областями, от которых во многом зависела экономика города. Все это способствовало подчинению города феодалами и политически.

Господство феодальной аристократии в городах наложило свой отпечаток на городское управление. С образованием грузинской монархии правители городов стали назначаться царем. Так, после освобождения Тбилиси от турко-сельджукского ига (1122) грузинские цари назначали местных эмиров из числа дидебулов. Эмиры назначались и в другие города — Гори, Кутаиси, Жинвани и др. Кроме эмира, в городском управлении принимали участие цихистави (начальник крепостного гарнизона), шурта (важная должность в системе карательных органов государства), густасиб (надсмотрщик мер и весов на рынке), весовщик, пошлинник и др. В отношении притеснения и эксплуатации городской бедноты перечисленные чиновники мало чем уступали крупным феодалам.

Содержание этого бюрократического аппарата ложилось на плечи трудящихся горожан. Трудовое ремесленно-купеческое население несло и другие повинности в пользу города и царя. Освобождение купцов и ремесленников от городских налогов, в виде редкого исключения, было возможно лишь по царскому приказу.

Городские купцы и ремесленники, которые были пожертвованы дидебулами монастырям и церквам, освобождались от городских и царских налогов самими же дидебулами по разрешению царя. Но это отнюдь не означало, что монастырские купцы и ремесленники вовсе освобождались от крепостных повинностей. Более того, представители духовной власти часто увеличивали размер повинностей крепостных купцов и ремесленников. Это вызывало волнения городской бедноты. Так, например, беднота грузинского (православного) населения армянского города Ани, доведенная до крайности систематическим ростом церковных повинностей, выступила против местных церковных служителей. Волнение оказалось настолько серьезным, что католикос

Образец работы по камню XII в. (алтарная преграда в Шио-Мгвиме)

Грузии Епифаний был вынужден распорядиться о сокращении и ограничении размера повинностей. Текст этого распоряжения был высечен на стене одной из анийских церквей[1]. Такие же факты имели место и в Дманиси, как об этом свидетельствует одна из надписей дманисского сиона второй половины XIII в., и в других городах Грузии, хотя официальная феодальная историография умалчивает о них.

Итак, городское управление в основном находилось в руках царских чиновников, но наряду с ними в управлении принимали участие и представители горожан.

В некоторых городах Грузии в X—XI вв. (а быть может, и раньше) представителями имущей части городского населения являлись «старейшины города» (или «старцы города»). В исторических памятниках XI в. они встречаются только в Тбилиси. «Старцы города» в Тбилиси отмечены и в то время, когда город был в руках арабских захватчиков.

После тбилисского эмира «старцы» были самыми влиятельными лицами. При временном или полном прекращении власти эмира они могли распоряжаться городом по своему усмотрению. Так, после смерти эмира Джафара к грузинскому царю Баграту IV пришли «старцы, ввели его в город и... преподнесли ему городские ключи...»[2] Из-за сопротивления дидебулов царь не смог укрепиться в городе. Через несколько лет тбилисские «старцы» опять призвали царя и снова сдали ему город: «Вновь призвали тбилисцы Баграта и передали ему Тбилиси»,— сообщает историк. «Старцы» действовали от имени имущей части населения. Повидимому, тбилисские «старцы» обладали правомочиями лишь в правобережной части города, населенной купцами и ремесленниками. Здесь Баграта, призванного «старцами», приняли с почетом, а жители левобережной части (исанцы), где господствовала арабская и проарабская военно-феодальная аристократия, объявили ему войну.

В истории Тбилиси было время (рубеж XI—XII вв.), когда «старцы» управляли городом. Арабский историк ал-Фарики по этому поводу сообщает: «Тбилиси... приблизительно 40 лет находился в руках самого народа. Их (тбилисцев) государи составляли род Джафаридов, которые господствовали 200 лет, а потом вымерли, и управление города перешло к народу. Ежемесячно один из народа становился во главе

---

[1] *Н. Я. Марр.* Надпись Епифания, католикоса Грузии. (Из раскопок в Ани 1910 г.). «Известия Академии Наук», VI серия, т. IV, № 17, СПб., 1910, стр. 1433 — 1442.

[2] «Картлис Цховреба». (История Грузии), список царицы Анны (на груз. яз.), Тбилиси, 1943, стр. 186.

управления, и так продолжалось 40 лет»[1]. Разумеется, что в понимании ал-Фарики «народ» — лишь влиятельная часть городского населения. Но владычество верхушки горожан в городе было временным явлением. Давид Строитель, как только завладел городом, подчинил Тбилиси своему чиновнику и ликвидировал власть «старцев».

Засилье феодальной знати в городах — показатель слабого развития экономических связей в стране. Оно было одной из основных причин слабости царской власти в Грузии.

* * *

Социально-экономическое развитие Грузии и борьба крестьянства против эксплуататоров определили развитие ее государственного строя. Государственный строй Грузии изучаемой поры характеризуется следующими чертами.

Во главе государства стоял царь (мэпэ), носивший, начиная с Давида III (975—1001), титул царя царей (мэпэт-мэпэ). Этот титул государя с течением времени все более удлинялся, отражая историю постепенного политического роста и расширения государственных границ Грузии.

Государственный аппарат находился в руках феодалов. Страна делилась на крупные и мелкие воеводства, во главе которых стояли эриставы (правители — воеводы) и эриставт-эриставы (воеводы воевод). Им подчинялись все административные должностные лица в провинциях. Центральный правительственный аппарат — дарбази (государственный совет) при царе состоял из везиров (военного, финансов, обер-церемониймейстера, внутренних дел и др.), эриставт-эриставов, представителей духовенства и др. Совет возглавлял председатель (мцигнобарт-ухуцеси), которому подчинялась царская канцелярия с секретарями, контролерами и др.

Административно-судебный аппарат осуществлял волю господствующего класса. Статья из утраченного законника, приписываемого царю Баграту III (975—1014), гласит: «Судьями должно поставлять ученых, или воспитанных и находившихся при дворе царском, или почетных купцов, или опытных сельских старшин» [2].

Суд и расправа над монастырскими («пожертвованными») крестьянами, как явствует из инструкции, данной грузинским царем

---

[1] См. *Н. А. Бердзенишвили, И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа*. История Грузии, ч. 1, под ред. С. Джанашиа. Тбилиси, 1948, стр. 202.

[2] «Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI». Под ред. Д. З. Бакрадзе, Тифлис, 1887, стр. 118.

Шио-Мгвимскому монастырю (1123), были сосредоточены в руках монастырской администрации[1].

Давид IV Строитель и его преемники стремились к осуществлению политического единства страны. В целях подчинения церковных феодалов светской власти в начале XII в. была реорганизована система избрания на церковные должности. При Давиде Строителе была проведена и судебная реформа, созданы высший кассационный суд и особый суд по уголовным делам. При Георгии III государственный совет ввел суровые наказания за «разбои», «грабежи» и преступления против государственного «порядка» и права феодальной собственности. Основы феодального уголовного права изложены в «Малом Номоканоне», составленном Евфимием Афонским.

Была разграничена сфера деятельности уголовного и гражданского суда. Уголовное право, дифференцируя степени правонарушений, облегчало ответственность за те из них, которые правонарушитель совершал «по велению патрона», «из страха перед власть имущим». Наиболее тяжелыми преступлениями считались ограбление государственной казны («большого казнохранилища»), церкви, кража стада.

Ответственность за кражу разделял и укрыватель краденой вещи. Высшая мера наказания — казнь через повешение — в царствование Тамары была оставлена в силе специально для борьбы против «разбоя», зачастую представлявшего собой одну из форм классовой борьбы крестьян.

В связи с ростом территории грузинского государства происходили некоторые изменения в системе политического управления.

В XII в. к Грузии были присоединены целые области, население которых исповедывало либо христианскую неправославную, монофизитскую, как армяне, либо мусульманскую религию. Вопрос о государственно-правовой организации вновь приобретенных земель в разное время решался по-разному. Так, Давид IV Строитель во все занятые им укрепления ставил грузинские гарнизоны, смещая местную высшую администрацию и вместо нее назначая своих должностных лиц. На Северном Кавказе по отношению к осетинским владетелям он довольствовался клятвенным договором о вассальной зависимости, брал у них заложников и занимал своими гарнизонами только крепости на главных путях из Северного Кавказа в Грузию. Такой же политики он держался и по отношению к половцам. Дэметрэ I распространил политику своего отца и на юг, где также сложилась система вассальных отношений.

---

[1] Завещание царя Давида Строителя. См. *Ф. Жордания.* Исторические документы Шио-Мгвимского монастыря, стр. 16.

Правительство Тамары стремилось к установлению вассальной зависимости или союзнических отношений. Так, после занятия юго-западной черноморской территории Византийской империи Тамара не присоединила ее к Грузии. Была образована Трапезундская империя, находившаяся в тесной военной и политической связи с Грузией.

Разумеется, при тогдашнем уровне экономического развития осуществляемое грузинским правительством «единство» указанных земель не отличалось прочностью.

Постепенно процесс феодализации углублялся и в нагорных районах Грузии. Внедрение среди горцев-грузин феодальных отношений приводило к вооруженным восстаниям горцев, ревностно оберегавших патриархальную старину.

К началу XI в. в странах Закавказья существовал ряд независимых феодальных государственных образований (царств, княжеств и т. п.) во главе с христианскими (грузинскими, армянскими и азербайджанскими) и мусульманскими правящими династиями. Развитие производительных сил, сельского хозяйства, ремесла, торговли способствовало относительному укреплению отдельных царств и княжеств, а также объединению этих княжеств в более широкие государственные образования, способные обеспечить власть землевладельцев над крестьянами. Этому процессу содействовала также длительная борьба Грузии с арабами, сельджуками и другими иноземными захватчиками.

Однако преодолеть политическую раздробленность страны в условиях хозяйственной замкнутости отдельных областей, слабого развития товарных связей, натуральной основы экономической жизни было невозможно. И. В. Сталин отмечал, что грузины, «разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздроблённости Грузии»[1].

б) Политическая история

Власть арабов фактически никогда не распространялась на всю территорию Картли, хотя формально страна была подчинена им; с течением времени пределы влияния тбилисского эмира все более

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 295.

суживались. Одной из форм сопротивления населения насильникам был уход из центральных районов Картли в более безопасные места — в горные ущелья Восточной Грузии, в отдаленные районы Месхети, в Абхазию. Оставшиеся же боролись с оружием в руках за свои права и свободу. Арабские правители беспощадно расправлялись с населением. Но именно эти действия, так же как и частая смена арабских правителей, указывают на возраставшую слабость власти завоевателей.

По сообщениям грузинских летописей, после пресечения власти «великих царей» Картли, Грузия значительно ослабла, усилилось господство арабов, страна была разорена их набегами и опустошениями; появилось множество мтаваров (владетельных князей) отдельных феодальных княжеств, которые враждовали друг с другом, а если появлялся среди них более сильный, его «умаляли сарацины», т. е. арабы.

В числе других областей стала организовываться Кахети, искони входившая в пределы Картли. Кахети была густо населенной областью: наряду с кахами тут жили туши, пховцы и др. К концу VIII в. особенно активизировались воинственные горцы-цанары, причинявшие огромные хлопоты арабским захватчикам, почему последние и присвоили населению Кахети название цанаров.

Используя борьбу народа с захватчиками, в Кахети выдвинулся Григол (около 787—826), представитель правящего дома местных мтаваров. Мтаварский дом распространил свою власть на запад до Арагвской долины; он занял Ксанское ущелье и земли внутренней Картли, лежавшие к западу. Занятие Ксанского ущелья, помимо прочих выгод, давало мтавару Кахети возможность усилить контроль над теми ветвями закавказского торгового пути, которые пролегали по долинам и ущельям рек Алазани, Иори и Арагвы и соответственно открывали доступ из областей Восточной Грузии на север в Дагестан и Северный Кавказ; большое значение, в частности, имел контроль со стороны мтаваров Кахети над Аланскими воротами. В то же время Кахети распространяла свою власть на востоке до Голгулы, в северной полосе — на отроги и ущелья Главного Кавказского хребта; на юго-востоке — на области Камбечан, на юго-западе — на Эрети. Кахети, богатая обширными виноградниками, пашнями, пастбищами и лесами, изобиловавшими дичью, насчитывала и ряд значительных городов и крепостей, как то: Телави, Некреси, Рустави, Уджарма, Череми.

Во втором десятилетии IX в. усилилось и другое феодальное княжество в юго-западной Грузии. Его возглавил Ашот из княжеского рода Багратидов. Родовой их удел — Спер — лежал на р. Чорох. Грузинские Багратиды владели родовыми имениями в юго-западных областях страны. Отец Ашота Адарнерсе в свое время получил треть Кларджети, Шавшети и Аджара, Нигали, Асиспора, Артани (Ардаган), Нижний Тао и

ряд крепостей. Сильные в доарабскую пору, при арабском господстве Багратиды сумели еще более выдвинуться. Одна ветвь этой фамилии подвизалась в Армении, зачастую занимая важнейшие должности, и тоже в конце концов достигла царского престола; другая ветвь утвердилась в Картли. Представителем последней и был Ашот, находившийся в начале IX в. на арабской службе, с титулом мтавара, в Картли.

Эриставом Картли Ашот стал при халифе Мамуне, около 810—813 гг. Ашот первоначально властвовал над областями от Кларджети до Тбилиси. Резиденцией его был г. Уплисцихе. Затем, используя благоприятные условия, созданные в результате движения Бабека[1], он овладел всей страной от Кларджети до Ксани.

Однако вскоре арабская власть временно усилилась, и Ашот, будучи не в силах противостоять захватчикам, направился около 820—823 гг. с небольшим отрядом своих вассалов в юго-западное Закавказье, где в Кларджети находились родовые имения его сородичей Багратидов, в область по нижнему течению р. Чорох. Здесь было положено начало новому грузинскому феодальному государству, которое играло большую роль в жизни Грузии IX—X вв.

Местный край переживал некоторый экономический подъем. Появился ряд населенных пунктов, в том числе Мере, Тбети, Мидзнадзор, Шатберд, Опиза и др. Ашот возобновил древнюю крепость Артануджь в долине р. Чорох и превратил ее в свою резиденцию. Находясь на очень важном пути, ведшем из Эрзерума к черноморскому побережью, Артануджь скоро вырос в значительный торговый город.

Рост значения Таокларджетского государства привел к признанию его Византией, которая присвоила Ашоту титул куропалата.

При преемниках Ашота княжество оформилось в довольно крупную политическую силу. В его пределы вошли бо́льшая часть бассейна р. Чорох и территория верховьев р. Куры, т. е. провинции Самцхе, Джавахети, Ардаган, Шавшети, Кларджети, Тао и др. По важнейшим областям страны — Кларджети и Тао—княжество обычно называют Тао-Кларджети. Сами князья Тао-Кларджети титуловали себя «грузинскими», «картвельскими» куропалатами.

Крупное политическое образование возникло и на территории Западной Грузии из бывшего Абазгийского (абхазского) княжества, которое в самом конце VIII в., воспользовавшись внутренней смутой в Византийской империи, навсегда высвободилось из-под ее власти.

Легко достигнув Сурамского хребта, абхазские цари уже в начале IX в. обнаружили стремление распространить свое политическое влияние и на Восточную Грузию, ввязываясь тем самым, подобно

[1] См. гл. 4, § 4 настоящего издания.

таокларджетским куропалатам, в общегрузинскую политику. Интересы и задачи этой широкой политики и побудили абхазских царей с самого начала избрать резиденцией древний г. Кутатиси (Кутаиси), представлявший собой естественный центр Западной Грузии и лежавший на весьма важной магистрали, которая соединяла Абхазию и Егриси (Мегрелию) с Самокалако-Мухуриси, Аргвети и Картли.

Борьба грузинских феодальных образований за полное высвобождение из-под задерживавшего развитие страны внешнего ига, борьба их между собой за гегемонию, кровавые столкновения халифа с его тбилисским наместником — все это тесно переплетается в политической жизни Грузии.

Уже в 20-х годах IX в. тбилисский эмир Мухаммед ибн-Аттаб, видимо отражая настроения кахетинского общества, держал себя независимо от халифа. Посланное халифом против него войско было обращено в бегство. Вторая карательная экспедиция имела бо́льший успех, и ибн-Аттаб явился с повинной к Халиду ибн-Язиду, возглавлявшему экспедицию. Борьба войск халифа с кахетинцами закончилась миром, по которому Кахети обязана была внести огромный выкуп натурой. Во время этой экспедиции был, повидимому, убит (826) и глава Тао-Кларджетского княжества Ашот.

Через некоторое время кахетинцы снова восстали, сразившись с Халидом в сел. Гавази, они обратили его в бегство и перебили множество арабов. Дела последних в Картли шли все хуже.

Самую крупную карательную экспедицию арабов против Картли возглавил отпущенник халифа турок Буга-старший. Опустошив Армению[1], Буга вступил в Картли, заключил союз с куропалатом Багратом против тбилисского эмира и объединившихся с последним абхазского царя и других местных феодалов. После осады Тбилиси был взят (5 августа 853 г.) и предан огню, а окрестности города опустошены.

С начала X в. в Тбилиси утвердилась династия наследственных эмиров из рода Джафаридов. Последний карательный набег на Грузию, организованный халифом, имел место около 914 г., когда огромное арабское войско под начальством Юсуфа Абуль-Касима опустошило вслед за Арменией (914) также некоторые районы Кахети и Южной Грузии, хотя и встретило упорное сопротивление населения. Но этот набег не мог уже ничего изменить: Закавказье высвободилось из-под владычества арабских захватчиков.

Некоторое развитие экономики Грузии, а также укрепление ее внешнеполитического положения в связи с ослаблением Арабского халифата (конец X в.) явились предпосылкой неустойчивого политического объ-

---

[1] См. гл. 4, § 3 настоящего издания.

единения разрозненных грузинских царств и княжеств. В Грузии протекал процесс, с одной стороны, укрепления государственности и объединения земель внутри каждого из царств и княжеств, а с другой — политического объединения самих княжеств.

В борьбе князей за главенство во всей Грузии первоначально преобладание оставалось за абхазскими царями. Еще во второй половине IX в. абхазский царь Георгий и в начале X в. Константин III владели внутренней Картли. При Георгии (умер в 955 г.) и Леоне III (955—967) политическое влияние абхазских царей распространилось на обширную территорию, достигнув в Нижней Картли г. Самшвилде, подчинило своей власти кахетинского хорепископа, задев даже северную часть Тао-Кларджети. Но при преемнике Леона, Дэметрэ (967—975), Абхазское царство начало клониться к упадку и уступило место Тао-Кларджети.

Таокларджетские куропалаты являлись главными соперниками абхазских царей. Значительно усилилась Тао-Кларджети в X в.; при царе Давиде Куропалате (умер в 1001 г.) ее владения простирались к югу до верхнего течения р. Аракса, которая и служила границей между Византийской империей и Тао-Кларджети. Былая вассальная зависимость куропалатов от Византии приняла номинальный характер.

Следовательно в Грузии сложилось три царства: Абхазское, охватывавшее всю Западную и часть Восточной Грузии; Тао-Кларджетское в бассейне р. Чорох, на юго-западной окраине расселения грузинских племен, с центром в г. Артануджe, а также по верхнему и отчасти среднему течению р. Куры; Кахети и Эрети в бассейне рек Арагвы, Иоры и Алазани. Кроме того, существовал Тбилисский эмират, находившийся под властью эмиров, вначале арабского, а затем персидского происхождения, резиденцией которых был Тбилиси.

Влиятельная политическая группировка передовых картлийских азнауров во главе с Иоанном Марушисдзе, найдя действенную поддержку со стороны таокларджетских Багратионов, успешно претворила в жизнь намеченный ею план объединения Грузии в одно царство.

Эта группировка, выставляя кандидатом на царство Баграта Багратиона, использовала, помимо прочего, и соображения правового порядка. Баграт III являлся законным наследником всех главнейших династов Грузии, считая царя Картли (отец Баграта), царя-куропалата Тао-Кларджети и царя абхазского. Наиболее влиятельный из грузинских царей того времени куропалат Давид III в г. Уплисцихе (близ г. Гори) при большом стечении азнаурской знати и поддержке войска объявил о воцарении в Грузии Баграта.

В царствование Баграта III (975—1014) политика объединения страны осуществлялась довольно последовательно. В 980 г. был устранен от власти царствовавший в Западной Грузии (Абхазское царство) Тевдоси. Для обуздания непокорных азнауров в Картли был лишен значительной части владельческих прав знатный род Багвашей в лице Рати, владетеля замка Клдэ-Кари в центре Картли, в горах Триалети, откуда этот феодал с громким титулом «князь князей» (эриставт-эриставов) контролировал связи Картли с окружавшими землями. В Картли же была лишена прав регентша, мать победившего царя, царица Гурандухт, авторитетом которой прикрывались непокорные феодалы.

Все это свидетельствует, что новая власть находила поддержку прежде всего в среде дворянства и использовала стремление к единству достаточно широких кругов населения страны. Однако попытка Баграта III прорваться в Юго-Западную Грузию (Тао-Кларджети) и присоединить ее оказалась неосуществимой. Перевес сил был еще на стороне таокларджетских правителей во главе с царем-куропалатом Давидом. Баграт и его сторонники имели против себя крупное таокларджетское войско, успевшее расположиться лагерем в Дливи в Джавахети (988) и подкрепленное союзными войсками из Грузии и Армении. Только после смерти Давида (1001) Тао-Кларджети объединилась с остальной Грузией.

Правда, присоединение Юго-Западной Грузии с выходом в Черное море было омрачено захватническими действиями византийского войска императора Василия II, немедленно оккупировавшего Тао (Ольтинский округ). Захват южногрузинской земли был чреват тяжелыми последствиями. Этот акт насилия знаменовал начало напряженнейшей вековой борьбы грузинского народа за свою независимость против поработителей, сперва — византийских, впоследствии — пришедших им на смену свирепых турецких ассимиляторов.

Император Василий II должен был признать наследственные права картлийских царей в Тао-Кларджети, ввиду чего Баграт стал «куропалатом».

Позднее (1010) к царству были присоединены Кахети и Эрети, где властвовали кахетинские цари. Таким образом, за политическими границами царства оставался Тбилисский эмират, находившийся в руках эмиров, не всегда признававших власть арабских халифов; однако окончательная судьба эмирата после присоединения Кахети была предрешена. Для обуздания ганджинского эмира Фадлуна (из курдской династии Шеддадидов), не дававшего покоя грабительскими набегами соседним грузинским землям, царское войско начало поход в Арран. В союзе с армянским царем Гагиком I оно вторглось

во владения Фадлуна, где был взят г. Шамхор. Ганджинский эмир обязался платить ежегодную дань и выступать против врагов Грузии вместе с грузинскими войсками.

За годы правления Баграта III не только были объединены отдельные политически разрозненные части Грузии, но и создана относительно сильная царская власть.

Начало правления сына Баграта III — Георгия I (1014—1027) ознаменовалось тем, что феодальная знать Кахети и Эрети восстала против правителей, назначенных Багратом III, и захватила власть в свои руки. В то же время правительство Георгия I, пользуясь тем, что византийский император Василий II был поглощен захватнической войной против болгар(1015—1016),попыталось объединить все земли.Однако для недостаточно еще окрепшего государства открытый разрыв с Византией был сопряжен с большой опасностью. После жестокой расправы,учиненной в Болгарии, император предложил Георгию I добровольно вернуть занятые провинции. Георгий I, не отвергая этих требований, начал, однако, тайные переговоры с халифом Египта ал-Хакимом о совместных военных действиях против Василия II. Узнав об этом, византийский император решил нанести Грузии внезапный удар. Готовя поход якобы в Сирию, он в 1021 г. неожиданно двинулся на Грузию. Война длилась с перерывами до 1023 г. Наконец, Георгий I был вынужден подписать мир на весьма тяжелых условиях: он не только отказывался от претензий на наследство Давида Куропалата, но должен был уступить и те крепости, которые вследствие измены местной знати перешли во время войны в руки византийцев.

Грузинское царство сильно пострадало от сепаратизма кахетинско-эретийской знати и от разорительной войны с Византией. Между тем сидевший с 1025 г. на византийском престоле Константин VIII сосредоточил свое внимание именно на восточных окраинах Грузии. Из земель Давида Куропалата он создал Иверийскую фему — катепанат, к которому затем присоединил и ряд смежных с ним районов. Отсюда шли нити политических интриг, переманивание путем подкупа на сторону Византии оппозиционной по отношению к царской власти части грузинской знати. Византия всячески стремилась приостановить процесс объединения Грузии, ослабить ее политически, а затем оторвать пограничные грузинские провинции и захватить их.

В первый же год правления Баграта IV (1027—1072) таойская знать вместе с епископом Баны изменила родине и перешла на сторону Византии. Когда византийские войска вторглись в 1028 г. в Грузию, крупные феодалы из области Тао оказали им лишь слабое сопротивление, а шавшетский правитель даже открыто перешел на сторону врагов. Только упорная борьба войск рядовых дворян Шавшети

спасла страну от иноземной оккупации, а самого шавшетского правителя принудила к бегству в Византию.

Окончилась неудачей и попытка грузинской знати с ведома византийских правителей противопоставить Баграту IV в качестве претендента на грузинский престол его младшего брата Дэметрэ, жившего с матерью в Анакопийской крепости в Абхазии. Дэметрэ был изгнан из страны; он укрылся при дворе византийского императора, передав бывшую в его руках крепость византийцам. До конца своих дней он жил эмигрантом в Византии, хотя в дальнейшем и предпринимались попытки посадить его на грузинский престол.

После временного прекращения этих внутренних феодальных войн перед грузинским правительством встал вопрос об освобождении древней столицы Грузии Тбилиси, об уничтожении Тбилисского эмирата. Видный феодал и военачальник Липарит предложил Баграту IV в союзе с царем Кахети и Эрети решительно приступить к ликвидации Тбилисского эмирата. В 1037—1038 гг. соединенные картлийские и эрето-кахетинские войска с двух сторон осадили Тбилиси.

Двухлетняя осада и вызванный ею голод довели население города до тяжелого состояния. Отчаявшийся в возможности продолжать сопротивление, эмир уже отдал распоряжение готовить лодки и плоты для бегства из осажденного города по р. Куре в Ганджу. Но в это время Баграт IV, по совету приближенных, согласился заключить мир (1039/40), сохранив за эмиром Джафаром его владения. Одной из причин столь неожиданной перемены в действиях Баграта IV было известие о том, что на помощь тбилисскому эмиру двинулись сельджуки, успевшие по пути опустошить Армению.

Организатор осады Тбилиси Липарит использовал этот шаг Баграта IV как повод к последующему выступлению против царской власти. Около 1044 г., по соглашению с византийским правительством, Липарит пригласил из Византии в Грузию младшего брата Баграта IV, эмигранта Дэметрэ, с явным намерением посадить его на престол. Несмотря на то, что претендента сопровождало византийское войско и что к нему примкнула часть грузинской знати, план не удался, и царевичу Дэметрэ пришлось вновь покинуть Грузию. Липариту ничего не оставалось, как помириться с Багратом IV, который, из опасения новых его выступлений, пожаловал ему Картлийское эриставство, правда, предварительно взяв в заложники его сына Иванэ.

Временное прекращение внутренних феодальных распрей дало возможность Баграту IV перейти к активной внешней политике. В 1045 г., после того как армянский царь Гагик II был вероломно лишен византийским императором престола, городские старейшины Ани, столицы Армении, предложили Баграту IV, мать которого, царица Мария, была дочерью

армянского царя Сенекерима, занять этот город. Баграт согласился, и в Ани правителем области был назначен эристав Абусер. Но вскоре Византия захватила Ани (1045).

Весной 1046 г. Баграт IV решил отнять у византийцев Анакопийскую крепость, осадил ее и уже почти добился ее сдачи, как пришло известие о смерти тбилисского эмира Джафара. Вновь встал вопрос о судьбе эмирата. Старейшины Тбилиси предложили Баграту IV вступить в столицу. Баграт немедленно покинул Анакопию, предоставив одному из своих военачальников продолжать осаду, а сам спешно направился к Тбилиси. Однако мусульманский гарнизон крепости пригорода Исани (ныне район Тбилиси — Авлабар) отказался подчиниться Баграту. Вследствие упорного сопротивления гарнизона осада Исани затянулась.

Византия с помощью представителя грузинской феодальной знати — Липарита, армянского католикоса Петроса и других — завладела областью Ани. Опасаясь распадения государства, Баграт IV оставил на престоле сына Георгия, а сам отправился в Византию в надежде склонить императора Константина IX Мономаха к отказу от вмешательства во внутренние дела Грузии и систематического подстрекательства грузинских феодалов к борьбе с центральной властью. Лишь после трехлетнего пребывания Византии он добился положительных результатов, уже при новом императоре Михаиле Стратиотике. Пока Баграт IV находился в Византии, Липарит, с согласия царицы-матери Марии, официально короновал малолетнего Георгия, взяв на себя роль регента всей Грузии.

Ценой больших уступок, при посредничестве византийского императора, Баграт IV добился соглашения с Липаритом, признав его пожизненное право на часть Месхети[1], взамен чего тот признал Баграта IV царем всей Грузии и своим сюзереном.

Но в дальнейшем, использовав помощь месхетских феодалов, Баграт IV арестовал Липарита, конфисковал его имущество и насильно постриг в монахи. Сына его Иванэ Баграт IV, напротив, приблизил ко двору. Покончив с оппозицией некоторой части знати, Баграт IV занял своими войсками все крепости Кахети и Эрети.

Сокрушен был и сильнейший после фамилии Липарита феодальный род братьев Абасадзе, один из которых был правителем Картли. В связи с политическим усилением Баграта IV византийский император пожаловал ему в 1060 г. придворный чин севаста.

До 1064 г. спокойствие Грузии не нарушалось ни внутренними феодальными войнами, ни наступлением внешних врагов. В этом году сельджукский султан Алп-Арслан (1063—1072), владевший огромной территорией от Аму-Дарьи на востоке до Евфрата на западе, двинулся

[1] Нынешние районы Ахалкалакский и Ахалцихский в верховьях р. Куры.

походом на Грузию[1]. Кровопролитная война длилась с перерывами до 1068 г., когда Алп-Арслан был принужден согласиться на мирные переговоры и уйти из Грузии до формального заключения мира. Алп-Арслан потребовал выдачи за него племянницы Баграта IV и уплаты ежегодной дани. Но Баграт IV отклонил унизительные условия: он согласился на брак своей племянницы, но вместо дани обязался посылать лишь подарки. Алп-Арслан удовлетворился этим. Длительное правление Баграта IV протекало в почти беспрерывной борьбе с феодальной знатью, одолеть которую ему не удалось.

Его сын Георгий II (1072—1089) не обладал способностями правителя. Этим немедленно воспользовались грузинские феодалы и внешние враги Грузии. В 1073 г. три крупных феодала — Ниания Квабулисдзе, Иванэ, сын Липарита, и сванский эристав Вардан подняли мятеж. Первый из них укрепился в Кутаиси, захватив государственную казну. Войскам Георгия II удалось подавить мятеж, но в феодальную войну вмешались сельджукский султан Мелик-шах, захвативший грузинскую крепость Самшвилде, и ганджинский эмир Фадлун, овладевший крепостью Гаг.

Второе вторжение войск султана (1073) на Самшвилдское плато было отражено у Парцхиси. В этом же году Григол Бакурианисдзе, владевший Карсом, Олтиси и Карином, передал Георгию II город и крепость Карс с прилегающей областью, охрану которой царь поручил шавшетским феодалам. В 1074 г., после разгрома византийской армии при Маназкерте, сельджуки вынудили Византию подписать мирный договор, признававший оккупированные восточные провинции Византийской империи сельджукскими владениями. С этого момента политическое и стратегическое положение Грузии крайне осложнилось, так как не только с востока и юго-востока, но и с юго-запада она была окружена враждебными владениями. В том же 1074 г. сельджуки захватили Карс и до 1080 г. совершали оттуда опустошительные набеги на Грузию. Были разорены Тао, Картли и Западная Грузия. Наступая с востока, войска Мелик-шаха захватили Тбилиси, Самшвилде и Дманиси.

Последствия неприятельских нашествий, усугубленные страшным голодом и суровой зимой, заставили Георгия II вступить в переговоры с Мелик-шахом и согласиться в 1082 г. на уплату дани. Мелик-шах утвердил за Георгием II также и права на Кахетинско-Эретийское царство, которое предстояло еще захватить вооруженной силой. Катастрофическое землетрясение (1088/1089), разрушившее ряд городов и селений, еще более осложнило тяжелое положение, в котором находилась страна.

---

[1] См. гл. 4, § 1 настоящего издания.

Перед грузинским правительством встали трудные задачи. Прежде всего необходимо было реорганизовать государственный аппарат и восстановить хозяйство страны. В годы царствования Давида IV Георгиевича (1089—1125) удалось возвратить скрывавшееся в горах от вражеских нашествий беглое население, а также на время прекратить феодальные войны и сплотить вокруг правительства часть влиятельных феодалов. Опираясь на служилых феодалов и население городов, при поддержке половецких наемных войск, Давид IV получил возможность начать борьбу с оппозиционными элементами из среды родовитой феодальной знати.

Большую поддержку в борьбе с царской властью оппозиционные светские феодалы находили со стороны епископов и вообще высшего духовенства. Правительство поставило целью подорвать эту связь между высшим духовенством и знатью. Для этого правительство изменило порядок замещения церковных должностей, добившись возвращения к старому способу избрания должностных лиц вместо назначения их по признаку знатности происхождения. Царская власть, таким образом, получала возможность влиять на замещение кафедр. Давид IV использовал при этом движение в пользу выборного начала среди низшего духовенства.

В 1103 г. Давид IV созвал церковный собор, известный под названием Руиси-Урбнисского. Несмотря на упорное сопротивление церковной знати, собор после ожесточенных прений вынес постановление об изменении порядка замещения кафедр.

Часть духовных феодалов была лишена земель и доходов в пользу царской власти. По выражению современника, «пастыри-разбойники» были «свержены с кафедр».

Укреплению государственной власти должно было способствовать и создание высшей государственной должности первого везира с титулом «чкондидели-мцигнобарт-ухуцеси», который в переводе означает «глава нотариев, протонотарий». Царь поставил мцигнобарт-ухуцеси во главе государственного аппарата. На эту должность, по решению царя, был избран мегрельский архиепископ. Это означало объединение управления светскими и церковными делами, усиление контроля царской власти над церковью.

В видах укрепления государства были упразднены титулы византийского происхождения (куропалат и др.), напоминавшие былую зависимость части Грузии от Византии.

Стремясь усилить центральную государственную власть, Давид IV создал также верховный коллегиальный суд.

Усиление Грузинского государства при одновременном уменьшении военной мощи ближневосточных государств (главным образом

распавшегося на уделы Сельджукского государства) благоприятно отразилось на внешнеполитическом положении Грузии. В 1097 г. Давид IV прекратил уплату султану дани, установленной договором Георгия II с Мелик-шахом. Таким образом, была восстановлена независимость Грузии.

В целях объединения Грузии необходимо было присоединить Кахети и вновь освободить столицу Грузии Тбилиси из-под власти чужеземного эмира. Наступление на Кахети началось со вступлением на эретский престол Агсартана в 1102 г. В 1104 г. эретские вельможи во главе с Аришиани схватили своего властителя Агсартана и выдали его царю объединенной Грузии. Так были вновь присоединены Кахети и Эрети, и прежде время от времени попадавшие под власть Грузии, однако прочно за ней не закреплявшиеся. Были отбиты также попытки вмешательства со стороны ганджинского атабека и сельджукского султана Мухаммеда (1105).

Достигнув прочного успеха на востоке, Давид IV решил покончить с Тбилисским эмиратом. Тбилиси, занятый Багратом IV, недолго оставался тогда в руках Грузии. По мирному договору, в Тбилиси остались эмиры на условиях вассальной зависимости от Грузии и уплаты ежегодной дани. Они держались здесь до начала XII в. благодаря поддержке сельджукских султанов, которым выгодно было ослаблять Грузию и мешать ее объединению. Давид IV стал постепенно окружать Тбилиси. В 1110 г. был взят г. Самшвилде. Взятие Самшвилде было такой крупной победой, что сельджуки сами оставили большую часть крепостей Южной Картли, но затем стотысячное сельджукское войско попыталось восстановить прежнее положение. Однако в ожесточенном бою сельджуки были разбиты и бежали. В 1115 г. грузинские войска отняли у неприятеля г. Рустави в Восточной Грузии. Действия сельджуков в юго-западной пограничной области Тао в 1116 г. также кончились поражением. В 1118 г., вслед за нападением на тюркских кочевников, живших по берегам Аракса, войско Давида IV взяло крепости Лори и Агара.

Затем правительством Давида IV была проведена реформа военной организации. До этого военная организация основывалась на феодальном ополчении, надежность которого зависела главным образом от степени зависимости от царя феодальных владетелей. Собственного войска у царя не было. Чтобы создать в Грузии большое и хорошо вооруженное постоянное войско, которое подчинялось бы лично государю, Давид IV использовал свои родственные связи и переселил в Грузию одно из племен половцев (жена Давида IV, Гурандухт, была дочерью верховного вождя кыпчаков Атрака, сына Шарагана; с Шараганом, известным русским летописям под именем Ша-

руканя, воевал Владимир Мономах[1]). Грузинский царь предполагал, что половцы, не связанные с грузинскими феодалами, будут верны царю Грузии в его борьбе с оппозиционным родовитым дворянством. Давиду IV удалось добиться примирения враждовавших друг с другом осетин и половцев и согласия на беспрепятственный пропуск последних через Осетию. 40 000 отборных половецких воинов, не считая 5000, предназначавшихся для личной царской гвардии, вместе с семьями были переселены на территорию Грузии. Давид IV снабдил их лошадьми и вооружением и за два года (1118 — 1120) организовал из них постоянное войско, главным образом, конное. Таким образом, царь получил определенную возможность на время сломить сопротивление грузинской феодальной знати, а во внешней политике — перейти от обороны к наступлению. Рядом внезапных ударов Давид IV в 1120 г. нанес решительное поражение вторгшимся в юго-восточные и южные провинции Грузии многочисленным кочевым тюркским племенам, подвластным сельджукским султанам.

По призыву мусульманского купечества Тбилиси, Дманиси и Ганджи, ближневосточные мусульманские властители Дубейс II (1108—1135, из династии Мазьядидов), Ильгази (1108—1122, из династии Ортукидов, в верхней Месопотамии) и другие вторглись в 1121 г. в Грузию. Кровопролитное сражение в Дидгори (близ Тбилиси) закончилось, благодаря храбрости войска и недюжинным военным способностям Давида IV, блестящей победой грузин. Вместо преследования разбитого наголову врага царь в 1122 г. осадил Тбилиси и на этот раз окончательно присоединил его к Грузии. Грузия стала одним из крупных государств Ближнего Востока.

Так в упорной борьбе с сельджукскими захватчиками протекал начавшийся еще в IX в. процесс объединения Грузинского государства.

Правительство Давида IV приняло меры к тому, чтобы не стеснялись имущественные права или религиозные верования иноземцев — мусульман, принадлежавших к торгово-ремесленным верхам. Власть царя, опиравшегося на дворянство и города, значительно окрепла.

В ответ на освобождение Тбилиси грузинами сельджукский султан Ирака Махмуд в 1123 г. вторгся в Ширван (Северный Азербайджан), находившийся в зависимости от Грузии, захватил в плен ширваншаха и взял г. Шемаху. Однако в том же году грузинские войска принудили султана освободить Ширван. Давид IV взял г. Дманиси, затем двинулся на восток и отнял у владетеля Дербенда г. Шабуран вместе с двумя другими крепостями. В мае 1123 г. грузинские войска

[1] См. гл. 2, § 8 настоящего издания.

взяли на юге Тавуш (ныне сел. Берд в Шамшадинском районе Армянской ССР), Гаг, Терунакан и ряд других местностей в Армении и Северо-Западном Азербайджане. Через месяц Давид IV двинул свои войска уже на юго-запад, вторгся в Кола, Артаан (ныне Ардаган), Басиан до Спера (Испир) на р. Чорох и уничтожил наступавших оттуда сельджукских тюрков.

Не успели еще войска отдохнуть от последнего похода, как 20 августа того же 1123 г. к Давиду IV прибыли посланцы старейшин г. Ани с просьбой освободить бывшую столицу Армянского царства от иноземного ига курдских эмиров Шеддадидов, обещая царю свою помощь. Давид IV осадил Ани, и вскоре грузинские войска взяли его; захваченного в плен эмира Абу-л-Сувара II Давид отправил в Грузию, оставив в городе свой гарнизон.

Включение армянских земель, в том числе и древней столицы Армении Ани, в политические границы Грузии было облегчено тем, что население Армении видело в Грузии союзницу по борьбе с гнетом иноземных властителей.

После присоединения Анийской области Давид IV решил таким же образом поступить и с Ширваном. Он занял г. Шемаху и другие крепости этой страны, сместил местных высших должностных лиц и поручил управление областью своему председателю совета везиров, а в крепости оставил гарнизон из войск, набранных в соседних грузинских провинциях Кахети и Эрети.

Давид IV — один из видных политических деятелей феодальной Грузии. О нем сообщают не только грузинские источники, но и армянские, арабские и персидские. Его называют Строителем, отмечая прогрессивное значение его деятельности, направленной к объединению Грузии. Он основал два высших научных центра — в Икалто и Гелати, в которых работали видные грузинские филологи и философы.

Воспользовавшись смертью Давида IV, соседние владетели повели борьбу против его сына и преемника Дэметрэ I (1125—1155), стремясь восстановить прежнее политическое положение. В 1130 г. Дэметрэ пришлось обороняться от нападения Насир-ад-дина Сукмана II (1128—1183), курдского владетеля (шахармена)[1] армянского города Хлата у озера Ван. Нападение было направлено и против г. Ани и его области, с переходом которой в руки Грузии не хотели мириться ни наследники прежнего владетеля области из династии Шеддадидов, ни соседние мусульманские правители. Дэметрэ I был вынужден уступить Ани в лен-

---

[1] Так назывались мусульманские правители Южной Армении.

Давид IV Строитель. Фреска XVI в. в Гелати

ное владение Фадлуну, одному из сыновей эмира Абу-л-Сувара II, прежнего владетеля этого города.

В 1139 г. войска Дэметрэ I напали на г. Ганджу, находившийся под управлением наместника сельджукско-иранского султана Масуда. Дэметрэ I увез оттуда в Грузию в качестве трофея знаменитые железные городские ворота (хранятся в монастыре Гелати).

Последние годы правления Дэметрэ I были осложнены новыми внутренними феодальными распрями, в которых участвовали его старший сын Давид, бывший правитель г. Ани Иванэ и другие, пытавшиеся в начале 50-х годов XII в. захватить власть.

Феодальными войнами внутри государства воспользовались внешние враги Грузии. В 1153—1154 гг. эмир Эрзерума Салих осадил Ани.

Однако войска Дэметрэ I пришли на помощь городу, враг был разбит наголову, а сам эмир Салих попал в плен.

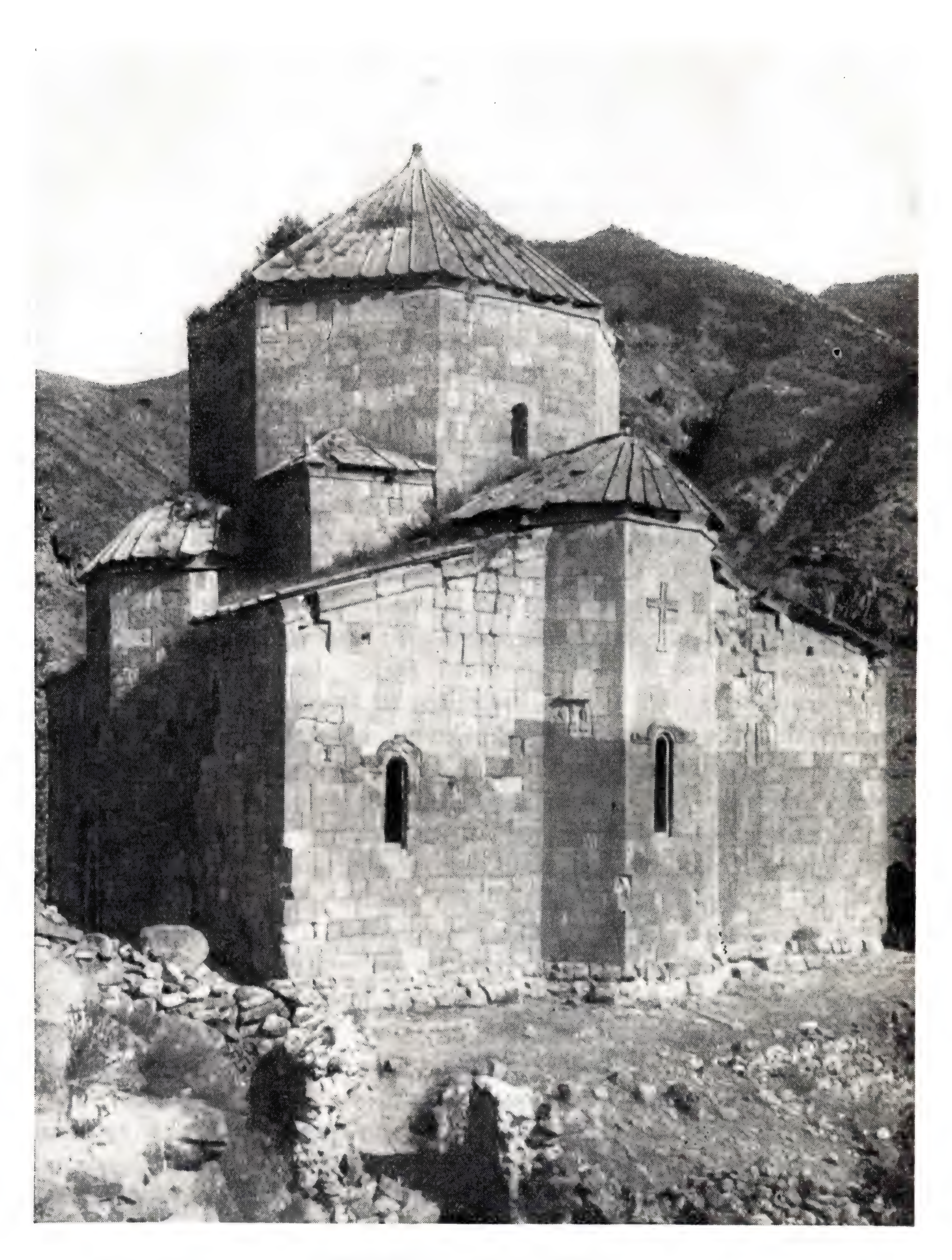
Во время правления сына Дэметрэ I — Георгия III (1156—1184) происходило дальнейшее усиление царской власти, и Грузия добилась ряда внешнеполитических успехов. Первым крупным успехом было новое присоединение в 1161 г. г. Ани, вновь освобожденного из-под власти сельджуков. Город с прилегающей областью Георгий III оставил в своем дворцовом ведомстве, а непосредственное управление присоединенной провинцией поручил военному везиру Иванэ Орбели, представителю одного из самых влиятельных феодальных родов Грузии, назначив ему в помощники крупного феодала Саргиса Мхаргрдзели.

Мусульманские владетели Хлата, Диарбекра, Эрзерума с многочисленной ратью осадили Ани, чтобы вновь отторгнуть его от Грузии, но потерпели жестокое поражение, а сам шахармен едва избежал плена. В ознаменование победы Георгий III подарил жителям Ани 40 000 золотых (драхканов) для выкупа их сородичей из иноземного плена. Затем войска Георгия III заняли и Двин, имевший важное значение для обороны Грузии.

После падения Двина составилась новая коалиция ближневосточных мусульманских владетелей, в которой приняли участие сельджукский султан Ирака Арслан-шах, атабек Южного Азербайджана и Аррана Ильдегиз и др. Война с этой коалицией продолжалась несколько лет и закончилась тем, что Георгий III в 1165 г. вновь передал управление Ани потомку владетелей этого города из курдской династии Шеддадидов, Махмуду, но попрежнему на условиях вассальной зависимости от Грузии.

Невыгодный для Грузии мирный договор вызвал протест со стороны грузинских феодалов, которые в обращении, поданном царю, настаивали на продолжении военных действий. Георгий III возобновил войну, и весь 1165/66 г. прошел в военных действиях в Северном Азербайджане; около 1167 г. грузинская военная экспедиция доходила до Дербенда и взяла г. Шабуран. Наконец, в 1173 г. Ани был вновь присоединен к Грузии и на этот раз надолго.

В разгар внешнеполитических успехов Грузии внутри государства возник феодальный заговор. Иванэ Орбели, везир, ведавший военными делами государства и один из крупных вассалов Георгия III, поднял в 1177 г. мятеж с целью свержения Георгия III и возведения на престол своего зятя Дэметрэ, иначе Дэмна. В случае удачи заговора правителем Грузии фактически стал бы сам Иванэ Орбели; заговор поддерживала влиятельная феодальная знать рода Орбели, а также многие другие родовитые дворяне. Это был заговор феодальной знати, мечтавшей полностью захватить управление государством и восстановить свои привилегии.

Церковь в Атени, VII в

Однако решительные действия царя заставили часть феодалов отойти от заговора. Его вдохновители не решились на активное вооруженное выступление и под напором войск Георгия III отступили на юг, укрепившись в Лори. Отсюда Иванэ Орбели отправил посланцев в Ирак к сельджукскому султану и в Хлат к шахармену с просьбой о военной помощи. Но это не спасло заговорщиков. Царские войска осадили Лори и подавили выступление феодальной знати.

Подавив мятеж, Георгий III принял меры к изменению состава высших должностных лиц государства. На места замешанных в заговоре везиров и их помощников, происходивших из высших кругов родовитой знати, царь назначил главным образом мелких феодалов неродовитого происхождения, которые выдвинулись своими заслугами и были верны Георгию III, видя в нем защитника своих прав и земель от покушений знати. Так, он назначил военным везиром Кубасара, одного из начальников постоянного половецкого войска; Апридона, происходившего из частновладельческих дворянских крепостных, он поставил заместителем везира, вверив ему управление всем государственным хозяйством, и т. д.

Вслед за светскими вассалами против усиления царской власти выступили и церковные феодалы. В Тбилиси епископы грузинской церкви просили Георгия III отменить введенное им обложение церкви и всего церковного имущества государственными податями и восстановить существовавший прежде финансовый иммунитет грузинской церкви. Не рискуя вступать в конфликт и с церковной феодальной знатью, Георгий III удовлетворил их требование.

Георгий III имел единственную наследницу — дочь Тамару. Поэтому естественно возникал вопрос, к кому должна была перейти верховная власть в Грузии после смерти царя, а вместе с тем и принципиальный вопрос о праве женщины занимать престол.

Георгий III заручился согласием влиятельных церковных феодальных кругов, главным образом консервативной части духовенства, на возведение на престол Тамары. В государственном совете вопрос также получил необходимую санкцию, и в 1178 г. Георгий III возвел Тамару на царский престол Грузии.

Приступив к самостоятельному правлению (1184—1213), Тамара вновь натолкнулась на сопротивление духовной знати. Поддержку последней пришлось купить новыми уступками в пользу высшего духовенства. Должность канцлера (мцигнобарт-ухуцеси) была передана католикосу Микаэлу Мирианисдзе.

Таким образом, правительство отказалось от порядка, установленного Давидом IV Строителем, который косвенно подчинил церковь контролю и воздействию светской власти.

По грузинскому государственному феодальному праву председатель совета везиров («первейший из везиров») в то же время замещал царя, который без совета с ним ничего не должен был предпринимать; этот везир обязан был докладывать государю о своих важнейших распоряжениях. Он имел право вмешиваться в дела других везиров, в его ведении был верховный апелляционный суд (по делам вдов и сирот), ему одному принадлежало право рассылки приказа о мобилизации и созыве войска. В руках этого везира была сосредоточена громадная власть, а сан чкондидского архиепископа обеспечивал ему влияние и в церковных делах. Таким образом, сфера деятельности его была даже шире царской.

Соглашение с церковной знатью было лишь маневром со стороны царской власти: после коронации первой заботой Тамары было во что бы то ни стало отделаться от властного католикоса Микаэла, захватившего в свои руки должность председателя совета везиров. Был созван церковный собор для смещения Микаэла как нарушителя церковных канонов. Из Иерусалима был вызван явный противник Микаэла, бывший католикос Николай Гулаберисдзе, которого Тамара назначила председателем собора; с изложением дела выступал кутаисский архиепископ Антоний Сагирисдзе; оба они были сторонниками сильной царской власти.

Церковный собор был открыт самой царицей Тамарой. Руководители собора заявили католикосу Микаэлу, что не желают видеть его на заседании собора. Однако собор в целом не признал доказанным обвинение Микаэла в нарушении церковных канонов, и добиться от членов собора согласия на лишение его сана католикоса царице не удалось.

Поражением Тамары в деле католикоса Микаэла воспользовалась прежде всего феодальная знать. Родовитые дворяне, сохранявшие еще должности в государственном аппарате, поклялись в том, что они отныне отказываются быть под властью неродовитых высших должностных лиц, по вине которых они лишены своих прав и почета, и обратились к царице с декларацией, в которой настаивали прежде всего на лишении Кубасара должности военного везира.

Одновременно знать требовала смещения Апридона, который также был выдвинут Георгием III за личные заслуги после подавления заговора Иванэ Орбели. Это было равносильно ультимативному требованию полного отказа от политики Георгия III. Тамара была вынуждена пойти на уступки: она сместила Кубасара и Апридона, но от конфискации их имущества отказалась. Добившись смещения неродовитых везиров и других высших должностных лиц, дворянская знать стала распределять между собой вакантные места, и тут между прежними единомышленниками началась ожесточенная борьба.

Этим воспользовался ведавший финансами страны везир Кутлу-Арслан, который происходил из незнатного рода и приобрел богатства на службе царской власти; он имел многочисленных единомышленников, связанных общей политической программой и клятвенным договором о взаимной поддержке. Единомышленники Кутлу-Арслана в большинстве принадлежали к купеческо-ростовщической верхушке и неродовитым служилым людям.

Кутлу-Арслан и его сторонники выдвинули требование, чтобы членам дарбази была передана вся полнота законодательной и распорядительной власти, царю же оставалась лишь исполнительная власть. Для обеспечения свободы суждений и независимости решений они требовали, чтобы заседания происходили вне дворца, чтобы в Тбилиси на Исанском поле (ныне Авлабар), где находился царский дворец, был поставлен шатер для заседаний дарбази. Кутлу-Арслан требовал, чтобы совет собирался независимо от царя и без его участия. Заседая в своем шатре, члены совета получали бы донесения и отдавали распоряжения, вершили суд, затем докладывали бы царице Тамаре о своих постановлениях, а во дворце эти постановления приводились бы в исполнение.

Царица Тамара, усмотрев в этом проекте конец суверенной царской власти, не приняла его. Когда по настоянию знати Кутлу-Арслан был арестован, политические единомышленники потребовали его освобождения и стали готовиться к вооруженному выступлению и осаде царского дворца в Исани.

Тогда Тамара, используя борьбу среди феодалов, начала переговоры со сторонниками Кутлу-Арслана. Было достигнуто соглашение и произведена некоторая реформа государственного строя Грузии: кандидаты на посты везиров должны были избираться «при соучастии и по единогласной воле» вельмож государства, иначе говоря, государственного совета, а царица Тамара сохранила право утверждать или отклонять это избрание.

На важнейшие государственные посты были назначены видные сторонники Георгия III, и это свидетельствует о том, что государственная реформа была проведена не в интересах феодальной знати, оппозиционной царской власти.

Достигнутое Тамарой соглашение с Кутлу-Арсланом и реформа государственного аппарата способствовали некоторому укреплению государственной власти в Грузии.

Ввиду того, что царица Тамара не могла принять на себя верховное командование, которое обычно принадлежало царю, высшие военные круги Грузии были озабочены вопросом о будущем муже Тамары. Выбор феодалов пал на сына владимирского великого князя Андрея

Боголюбского, Юрия (Георгия) Андреевича. Изгнанный из северо-восточной Руси своим дядей Всеволодом Юрьевичем, он бежал к половцам, которые были постоянно связаны с Грузией. Между Закавказьем и Суздальской Русью существовали крепкие культурные связи, что видно из памятников культуры, например архитектуры владимирских храмов.

Ярким свидетельством политических связей явился брак царицы Тамары с сыном Андрея Боголюбского, который сам был женат на осетинской княжне. Грузинский летописец сообщает, что верховный совет, созванный для избрания мужа Тамары, перебрав большое число знатных женихов, среди которых были представители правящих династий — византийской, малоазийских, осетинских и др., остановился на русском князе Юрии. «Я знаю,—докладывал совету эмир Картли Абуласан,— сына русского владетеля Андрея, великого царя, которому подчиняются триста царей тамошних мест. Означенный принц, осиротевший в юном возрасте и изгнанный его дядей Савалтом (Всеволодом Большое Гнездо.— *Ред.*), вынужден был оставить родную страну и убежать к кипчакскому царю в город Свиндж (Свияж.— *Ред.*)»[1]. В 1185 г. царица Тамара стала женой Юрия Андреевича.

Вскоре царь Георгий во главе грузинского войска, в которое влились и его «русы», совершил поход в Карс, Эрзерум, Ганджу, Барду и Ширван. Результатом борьбы Юрия Андреевича против турок-сельджуков явилось и освобождение от сельджукских эмиров древней столицы средневековой Армении — г. Двина. Несмотря на то, что Юрий воевал с врагами своего нового отечества, очень скоро между ним и Тамарой возникли серьезные разногласия по вопросам внутренней политики. Юрий стал выразителем взглядов значительной части оппозиционной царице знати.

Грузинский летописец намекает на стремление Юрия стать правителем Грузии. «Князь Георгий поступал подобно древнему Хагану-скифу (т. е. кагану, одному из князей древней Руси.— *Ред.*): если тот скиф Хаган подступал к царице городов (к Царьграду, Константинополю.— *Ред.*), то этот теперь — к царице цариц»[2]. Опираясь на поддержку духовной знати, Тамара добилась высылки Юрия Андреевича. Его отправили на корабле (с большими, впрочем, богатствами) в Византию; выбор им местожительства, как выяснилось позднее, был сделан не без умысла.

---

[1] «Картлис Цховреба», ч. 1, вып. 2, груз. текст, изд. Броссе, СПб., 1850, стр. 284—285; франц. пер.: *Brosset*. Histoire de la Georgie, I partie, II livraison, St.-Petersbourg, 1850, стр. 412.

[2] «Картлис Цховреба», ч. 1, вып. 2, стр. 288; франц. пер., стр. 416.

По предложению придворных кругов Тамара вступила в брак с осетинским царевичем Давидом Сослани. Однако русский князь недолго прожил в Константинополе. Выехав в 1190 г. в Эрзерум, Юрий установил связи с грузинскими князьями (Кларджети, Шавшети и др.). Эристав Западной Грузии Вардан (с титулом дадиани) собрал из сванов, абхазов, мегрелов и гурийцев войско и присягнул Юрию. В Самцхе родовитая знать Западной Грузии провозгласила его царем. Войска Юрия двинулись в Картли, но после нескольких сражений потерпели поражение на Нигальском поле близ Самцхе. Князь Юрий был захвачен в плен. Царица ограничилась новой высылкой его в Константинополь.

Вскоре произошло второе выступление князя Юрия. Собрав войско в Гандже, на родине великого Низами, запечатлевшего в своей поэме «Искендер-намэ» образы мужественных «русов»[1], Юрий Андреевич вторгся в Кахети. К нему присоединилась область Рани, но он был вновь разбит и вынужден искать спасения в бегстве. О его дальнейшей судьбе грузинские летописи не сохранили никаких известий.

Но политические связи Руси с кавказскими народами отнюдь не прекратились, о чем свидетельствует брак Всеволода Большое Гнездо с осетинской княжной Марией. О том, что связи с правящими домами кавказских государств поддерживала не только Владимиро-Суздальская Русь, говорит женитьба в 1154 г. великого князя киевского Изяслава Мстиславича на княжне «из Обез», дочери грузинского царя Дэметрэ I.

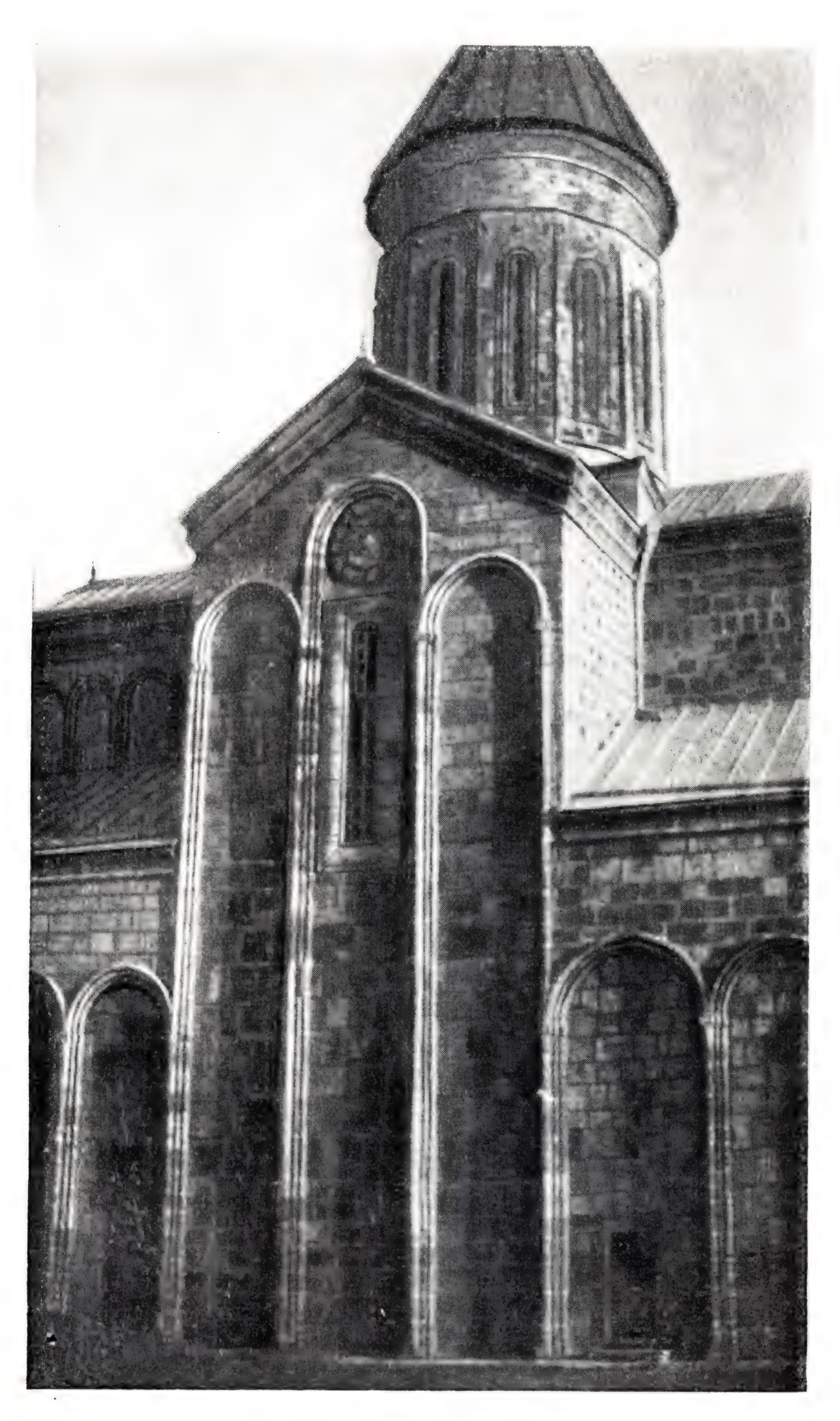
Укреплению центральной власти в Грузии соответствовали и ее внешнеполитические успехи.

В 1192 г., столкнувшись с атабеком Южного Азербайджана Абу-Бекром из династии Ильдегизидов, который напал на ширваншаха, вассала Грузии, грузинское правительство не только отстояло от его войск Шамхор, но и подчинило крупный город Ганджу, припадлежавший Ильдегизидам.

В 1204 г. крестоносцами был взят Константинополь, и на развалинах Византийской империи образовалась так называемая Латинская империя. Падение Византии открывало для Грузии возможности вмешаться в дела Малой Азии. Незадолго до падения Константинополя византийский император Алексей V Дука Мурзуфл перехватил крупную денежную субсидию, посланную царицей Тамарой грузинской лавре на Афоне. Тамара в виде репрессии решила занять пограничную часть малоазийских владений Византии. Вся Лазика, Трапезунд, Самсун,

---

[1] См. гл. 4, § 3 настоящего издания.

Собор в Самтависи, 1030 г.

Синоп, Керасунт, Котиора, Амасия и другие местности были заняты грузинскими войсками[1]. Эту территорию царица Тамара не присоединила к Грузии, а передала своему родственнику Алексею Комнину, который стал первым трапезундским императором[2]. Понятно, что у новой империи с Грузинским государством должна была установиться тесная связь. Грузинские цари использовали Трапезунд в качестве форпоста против сельджукских и курдских государств.

Владея на юге такими важными крепостями, как Ани и Двин, грузинские войска после длительной борьбы заняли Карс (1206). Занятие грузинами Карса вызвало выступление сельджукского султана Рума (Малой Азии) Рукн-ад-дина. Он действовал в союзе с Муизз-ад-дином, Тогрул-шахом и другими мусульманскими правителями Передней Азии и с многочисленным войском двинулся к границам Грузии. Ожесточенная битва, в которой обе стороны понесли большой урон, кончилась победой грузинских войск (1206). В 1208 г. они заняли уже Арчеш на берегу озера Ван.

В это же время правительство Грузии пришло в столкновение с Персией. Причиной конфликта явился набег ардебильского владетеля на г. Ани, который был опустошен. В ответ в Персию была послана военная экспедиция под командованием братьев Мхаргрдзели. Был взят г. Ардебиль (около 1210), а его владетель убит.

Вернувшись из этой экспедиции, военный везир Захария Мхаргрдзели предложил царице план большого похода в Персию. В 1210/11 г. грузинские войска, перейдя границу персидских владений, заняли города Маранд, Тебриз, Мианэ, Зенджан, Казвин и дошли до Ромгура и Джурджана у юго-восточного побережья Каспия.

Это последнее в царствование Тамары крупное военное предприятие отодвинуло к югу границу вассальных владений Грузинского государства и на время подчинило ему Южный Азербайджан.

Правление Тамары в политической жизни Грузии ознаменовалось несомненным подъемом. В эти годы продолжался процесс укрепления государственной власти, опиравшейся на служилую массу феодалов и пользовавшейся поддержкой торгово-ремесленной верхушки городов.

Об определенных успехах в политическом объединении страны свидетельствует также и состояние финансов. К XIII в. годовой доход Грузии составлял 3 750 000 золотых рублей. В этом отношении Грузия опередила ряд смежных с ней стран, в том числе Ширван, Арран и др.[3]

---

[1] *Васили*. Указ. соч., стр. 69—70.

[2] *Ф. И. Успенский*. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929, стр. 28—30.

[3] *В. В. Бартольд*. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. «Анийская серия», № 5, СПб., 1911, стр. 23—25.

Царица Тамара. Фреска в Бетани, XII в.

Тамара была достаточно образована. В правление Тамары в Грузии развивались науки и искусство. Феодальная литература Грузии уделила личности и деятельности Тамары значительное внимание.

Как рассказывает историк Басили, песни о Тамаре были известны в Персии и других странах. О Тамаре знали и на Руси. О ней помнили еще во времена Ивана Грозного, которому русский летописец влагает в уста речь о «мудрой царице иверской» (грузинской) Динар.

В начале XIII в., в правление сына Тамары Георгия IV Лаша (1207—1222) и его сестры Русудан (1222—1245), государственные границы Грузии расширились [1]. На юге ее вассальные владения (включая и Южный Азербайджан) доходили до Гиляна, на юго-западе они достигали Эрзерума и Эрзинджана, находившихся в вассальной зависимости от Грузии. Эрзерумский эмир и эрзинджанский султан были данниками Грузии. Не довольствуясь данью, Грузия стремилась к полному присо-

[1] См. гл. 4, § 5 настоящего издания.

единению Ширвана. Вассалами Грузии были горские племена кашагов («касогов» русских летописей), овсов (осетин) и хундзов (аварцев). Во владения Грузии, кроме собственно грузинских земель, входили вся Восточная Армения и бо̀льшая часть Северного Азербайджана. Грузинские государи титуловались царями абхазов (Западная Грузия), картвелов (Картли и Месхети), ранов, кахов (Эрети и Кахети) и сомехов (армяне), шаханшахами (титул, унаследованный от прежних анийских армянских царей) и ширваншахами — «от Никопсии до Дербенда безраздельно властвующими».

Объединение Грузии в относительно единое феодальное царство позволило ей играть видную роль и в международной политике государств Ближнего Востока. Татаро-монгольское нашествие привело к значительному экономическому и политическому упадку Грузинского государства.

в) Культура

Освобождение Грузии от арабского ига ознаменовалось культурным подъемом. В IX—X вв. появился ряд историко-географических сочинений. Георгий Мерчули, монах-писатель, является автором агиографического труда «Житие Григория Хандзтели» (951). Действительное содержание его шире непосредственной темы. Автор, будучи свидетелем расширения географических пределов родной страны и ее социально-экономического роста, вводит в «Житие» ценнейшие географические сведения. Любопытные подробности сообщает он о климатических условиях Абхазии, о хозяйственной жизни края, о строительстве монастырей, о технике строительных работ и т. п.

В памятниках того времени выдвигались и вопросы о происхождении грузин, об их историческом прошлом. Из сохранившихся историографических произведений к началу XI в. относится историографический труд Леонтия Мровели. Автор с интересом относился к преданиям языческой старины. Историк Сумбат (XI в.) из рода Багратидов посвятил специальный труд истории своего рода. Авторы этих исторических трудов — сторонники единства страны, единовластия.

Живой интерес проявляли современники и к родному языку. Так, Георгий Мерчули интересуется вопросом о распространении пределов Картли и «картули» (название грузинского языка). Иоанн-Зосим из синайского монастыря слагает оду, посвященную грузинскому языку, под заглавием «Хваление и величание грузинского языка».

Язычество, глубокими корнями уходившее в сознание и быт народа, в многовековой борьбе с христианством было достаточно устойчивым; это отразилось и в памятниках церковной литературы. В повести «Мученичество отроков Давида и Тиричана» (IX в.) сообщается, что

Резной портал собора в Атени, X—XI вв.

Деталь барельефа собора в Атени, X—XI вв.

дядя этих отроков умертвил их за принятие христианства. От языческой культуры уцелели многие ее элементы, которые широко отразились в народном творчестве. Многие из мотивов, использованных в оформлении памятников христианского зодчества, например звериные мотивы в орнаменте, заимствованы от язычества.

В истории грузинской письменности значительное место принадлежало монастырям. В стенах Шатберда велась большая литературная работа; из его скриптория происходит «Шатбердский сборник» (X в.), заключающий в себе, кроме прочих памятников грузинской письменности, подлинники «Обращения Грузии», древнейшего оригинального житийного памятника «Жития св. Нины» (X в.), так называемую «Учебную книгу», в состав которой входит трактат на грузинском языке «О буквах». Рост культурных запросов страны явился стимулом для развития литературы. Иоанн Варазваче (умер в 998 г.)

Мозаика Гелатского монастыря, 1125—1130 гг. (деталь)

Мозаика Гелатского монастыря, 1125—1130 г.

Церковь рождества богородицы в Гелатском монастыре близ Кутаиси, XI в.

Фреска в Кинцвиси, конец XII—начало XIII в.

Шота Руставели, диктующий писцу свою поэму.
Миниатюра из грузинской рукописи 1646 г.

поучал своего сына Евфимия, будущего литературного деятеля, говоря: «Сын мой, страна Картли очень бедна книгами, ей недостает многих книг. Я вижу, что ты одарен богом. Трудись, чтобы ты мог умножить мзду, которую получаешь от господа»[1].

Из книжного фонда монастырей особенно нужно отметить древнейшую датированную рукопись (864), так называемый синайский Многоглав («Мравалтави»), который представляет собой объемистый сборник, включающий 52 произведения разного содержания. Из светской литературы в «Шатбердском сборнике» X в. между другими произведениями сохранился армяно-грузинский извод «Физиолога» («Нравоописание животных из книг»).

Научная литература Грузии XI в. представлена трудами Георгия Афонского, Георгия Хуцес-Моназони, Ефрема Мцире (младшего) и «Летописью Грузии» («Матианэ Картлисаи»). Большой интерес представляет труд Георгия Афонского — история грузинского Афонского монастыря и биографии его основателей. В области юриспруденции

---

[1] *Георгий Святогорец*. Житие св. Иоанна и св. Евфимия. «Памятники древнегрузинского языка», кн. 3, Тбилиси, 1946, стр. 28.

Тариэл избивает войско князя Ростевана.
Миниатюра из рукописи XVII в. «Витязь в тигровой шкуре»

работал Евфимий Афонский, автор трактата о преступлениях против жизни и здоровья (в «Малом Номоканоне»).

Многочисленные грузинские монастыри на Синае, в Палестине, в Иерусалиме, на Кипре и Афоне, на Халкидском полуострове, в которых жили и работали видные грузинские переводчики, филологи и ученые, служили для тогдашнего грузинского феодального общества источником культурной связи с византийским и ближневосточным миром. Близкое знакомство Грузии с арабско-персидскими культурными течениями позволяло Грузии передавать культурные традиции Востока и средневековому Западу. В литературе высказано мнение, что с популярным в средние века первым христианским романом о Варлааме и Иоасафе Византия познакомилась благодаря обработке и переводу этого произведения на греческий язык Евфимием Афонским[1].

Существенные успехи сделала грузинская научная мысль в области филологии, истории и философии, естественно-исторических наук и медицины. В области филологической науки надо отметить труды Георгия Афонского, Ефрема Мцире и др. Последний сделал много в области перевода на грузинский язык греческих произведений. Он же ввел собственную систему пунктуации.

Церковно-философская мысль в Грузии представлена тем же Ефремом Мцире, в особенности же Иоанном Петрици, Арсением Икалтоели и Давидом Таричисдзе, автором трактата о логике.

Грузинская историческая литература обогатилась новыми произведениями историков. К этому времени относится такой выдающийся исторический труд, как «История царя царей Давида» (Строителя) и сочинения трех историков царицы Тамары.

Грузия сумела создать светскую поэзию, которая уходила своими корнями в народную древнеязыческую поэзию. Достаточно упомянуть рыцарский роман «Амиран Дареджаниани» (XII в.) о подвигах рыцаря Амирана Дареджанисдзе и других витязей[2] и роман «Висрамиани».

Весьма высокое творчество грузинских одописцев Иоанна Шавтели и Чахрухадзе иллюстрирует значительную образованность придворной среды грузинского феодального общества XII в.

Поэтическое искусство Чахрухадзе было весьма высоким. Но и оно было превзойдено гениальным грузинским поэтом Шота Руставели.

Шота Руставели жил в конце XII—начале XIII в.; он был современником царицы Тамары, в честь которой и сложил (между 1198—1212 гг.) свою гениальную поэму «Вепхис-Ткаосани» — «Витязь в тигровой

---

[1] Подробнее см. *К. Кекелидзе.* Из истории Афонской литературной школы «Труды Тбилисского ун-та», т. VI, Тбилиси (на груз. яз.), стр. 146—151.

[2] См. *К. Дондуа.* Амиран Дареджаниани. Сб. «Памятники эпохи Руставели», стр. 91—110.

шкуре». В поэме выражены гуманистические идеи. Дружба народов, долг перед родиной, храбрость, отвага, самопожертвование во имя отечества — все эти качества воспеваются в поэме, которая относится к лучшим образцам мировой литературы.

Обращает внимание обилие в поэме фольклорного материала (сказки, пословицы, поговорки), богатство рифм, метафор, эпитетов, наличие афоризмов, популярных среди народных масс Грузии.

Руставели творчески освоил современную книжность, философию, литературу. Поэт хорошо знал и широко использовал поэзию братских народов Востока — произведения Фердоуси, Низами и др.; в поэме нашли отражение и философские идеи античной философии — Эмпедокла, Гераклита и др.

Воспевая подвиги мужественных витязей — Тариэля, Автандила, Придона, поэт клеймит предательство:

«Презираю человека, если он изменник шалый,
Приколоть копьем тех должно, кто не выполнил свой долг».

Он восхваляет верность родине и отвагу:

«Мужу надо быть отважным, меньше слез и больше дел,
против горя и несчастья устоять твердыней надо».

Поэт-гуманист, Руставели создал неповторимые образы женщин (Тинатин, Нестан-Дареджан, Фатмы), жизнеутверждающие и чуждые восточному гаремно-замкнутому быту.

Руставели — не только поэт-лирик, он прежде всего великий патриот Грузии, сторонник ее политического единства. Воспевая в условиях феодализма сильную царскую власть и ее основную опору — неродовитых («безродных», как их называли летописи) дружинников-феодалов, Руставели служил делу прогрессивного развития своей страны и своего народа[1].

Поэма сохраняла свое идейное и художественное значение на протяжении всех последующих веков. Когда в Тбилиси впервые заработал типографский станок (1709), первым светским произведением, вышедшим из печати, была именно эта поэма (1712). Творчество Шота Руставели отразило значительный культурный рост Грузии в XII—XIII вв.

Оживленная деятельность развивалась и в области строительства. Грузинское зодчество в Абхазии, Тао-Кларджети и соседней с нею Джавахети достигает высокого совершенства. Хотя в первоначальном виде не сохранился ни один памятник гражданского зодчества, зато богато представлены храмы и монастыри. Среди памятников Тао-

---

[1] См. *А. Барамидзе, Ш. Радиани, В. Жгенти.* История грузинской литературы, М., 1952, стр. 30—45.

Кларджети IX—X вв. исключительное место занимают постройки Ишхана, Баны, Опизы, Шатберда и других монастырей.

Интересен храм в Кумурдо, некогда центре Джавахетской епископии. Он отличается красотой и своеобразием форм, удивительной пропорциональностью частей, умелым подбором материала и тщательностью его обработки. Своеобразен план храма с его шестью апсидами, расположенными крестообразно. В парусах [1] восточной части сохранились рельефные грубые изображения ктиторов — мужская и женская фигуры; повидимому, это изображения абхазского царя Леона III и его сестры. Восточная стена имеет две глубокие и высокие ниши с веерообразным орнаментом в верхней части, в центре которого расположены исполненные барельефом человеческие головы; судя по надписям, одна олицетворяет небо, а другая — землю. В центре стены — окно с двумя полукруглыми наличниками; верхний опирается на капители, поддерживаемые с правой стороны фигурой человека, с левой — орла.

Фасады храмов начинают украшаться тонкой орнаментальной резьбой из растительных мотивов, наряду с растительным орнаментом и в сочетании с ним выступает богатый мир животных.

В XI в. были сооружены такие памятники грузинской архитектуры, как соборы в Самтависи, Бочорма и Бедиа, а также знаменитый храм Баграта III в Кутаиси. О высоком уровне грузинской фресковой живописи этой поры дает представление роспись Атенского храма.

Культурный подъем Грузии основывался на успешном развитии экономической жизни страны. При Давиде IV Строителе в Грузии было сооружено много мостов и проведено большое количество дорог. До наших дней на р. Беслети близ Сухуми сохранился тесаный каменный мост. Для установления кратчайшей связи столицы Грузии с Джавахети царица Тамара приказала провести прямую караванную дорогу, по обеим сторонам перевала были построены караван-сараи.

Устраивались и ирригационные сооружения; при Тамаре было проведено два больших канала, один из которых, Алазанский, протяжением в 119 километров, орошал площадь в 53 000 гектаров; Самгорский имел в длину около 20 километров. В 1202 г. был построен Схалтба-Шиомгвимский водопровод, протяжением в 7 километров, подававший в Шиомгвимскую лавру в сутки 243 000 литров превосходной ключевой воды. Детальное гидротехническое и археологическое обследование этих памятников материальной культуры обнаружило высокий уровень техники водопроводных сооружений тогдашней Грузии.

Феодальная эксплуатация крестьянства и городской бедноты, сравни-

[1] Парус — сферический треугольник над угловыми столбами, в промежутках между подкупольными арками.

тельно развитая внутренняя и внешняя торговля дали возможность господствующему классу Грузии накопить большие материальные ресурсы, часть которых феодалы использовали для создания своих замков, дворцов, культовых памятников и т. п.

К памятникам строительства надо добавить новые выдающиеся сооружения — Гелатский храм (близ Кутаиси), большой, украшенный разноцветным мрамором дворец Давида IV Строителя и высеченный в скале при царице Тамаре Вардзийский монастырь с обширным храмом— изумительный памятник искусства, монументальность скальных работ и художественные достоинства фресковой росписи которого приводили в восхищение и современников и последующие поколения. Уцелели также горельефные изображения на камне, например части Сафарского, Ховлеского и других иконостасов, красноречиво свидетельствующие о мастерстве грузинских скульпторов.

Судя по сохранившимся в Сванети и других местах образцам, широко применялась и была доведена до совершенства художественная резьба по дереву. То же можно сказать и о фресковой живописи и миниатюрном искусстве. Росписи Атенского храма (Сиони), монастырей Бетани, Гелати, Убиси, Кинцвиси, а также Джручское евангелие с массой великолепных миниатюр и другие рукописи дают представление о расцвете тогдашнего грузинского изобразительного искусства. Наконец, известная икона Хахульской богоматери, джуматская икона архангела и многочисленные произведения знаменитых грузинских мастеров XII в. Бека и Бешкена Опизари и многих других свидетельствуют о совершенстве чеканного искусства в Грузии. Недаром эти мастера по праву называли себя золотых дел скульпторами.

Значительно преуспело в то время и грузинское музыкальное искусство, в IX—X вв. обладавшее уже своей нотной системой и обширными сборниками песнопений с нотными записями мелодий. Вокальная и инструментальная музыка в Грузии знала трехголосие.

Следовательно, временному политическому объединению Грузии сопутствовал культурный подъем; он был прерван татаро-монгольским нашествием.

3

АРМЕНИЯ В IX—ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.

а) Социально-экономические отношения и политический строй

В Армении феодальный способ производства характеризовался следующими чертами. Основой экономической жизни страны было сельское хозяйство, горно-пастбищное (эйлажное) сезонное скотоводство и ремесленное производство, развивавшееся в городах.

Общество делилось на два основных класса: феодалов и крестьян-шинаканов. Феодалы — светские (ишханы, пароны, азаты) и духовные — являлись собственниками земли и скота.

Владычество арабов и жестокая эксплуатация ими армянского населения несколько замедлили развитие феодализма в Армении.

Несмотря на тяжелое арабское иго, Армения с начала IX в. начала постепенно восстанавливать и развивать свое хозяйство и к середине IX в. вступила в период развитого феодализма. Арабские географы, жившие в этот период, считали Армению одной из богатейших стран халифата. Экономическому оживлению страны способствовало и уменьшение дани, которую платили феодалы Закавказья халифату. Возраставшее сопротивление Армении иноземному гнету и ослабление самого халифата принуждало багдадских правителей уменьшать размер дани. В конце VIII в., по Ибн-Халдуну, налоги в Армении достигали 13 000 000 диргемов, в 40-х годах IX в. они снизились до 4 000 000 диргемов, а в середине X в., по данным Ибн-Хаукаля,— до 2 450 000 диргемов и 100 000 динаров. Кроме денежных налогов, Армения должна была ежегодно доставлять халифату 20 ковров, 570 фунтов «ракм», 10 000 фунтов соленой рыбы «сурмахи», 10 000 маринованной рыбы, 200 мулов и 30 соколов. Эта дань платилась нерегулярно.

В это время на основе господства феодальной земельной собственности начало развиваться крупное вотчинное хозяйство. Феодальная вотчина — «хайреник»(буквально — «отчина»)становится важной ячейкой хозяйственной жизни страны. Развивалась техника сельскохозяйственного производства: трехпольная система обработки земли, борьба с сорняками и унавоживание почвы («агбинк»); проводились каналы или возобновлялась старая оросительная система; осваивались новые земли. На солнечных склонах гор устраивались искусственные террасы, на которых закладывались виноградники и фруктовые сады, сооружались водяные мельницы. Деревянная соха все больше вытеснялась железным плугом. Появился тяжелый плуг с упряжкой в три пары быков («вецке»). Все это способствовало повышению урожайности.

Основными отраслями хозяйства феодальной вотчины были земледелие (полеводство, садоводство, виноградарство), а также скотоводство, пчеловодство и рыболовство. Наряду с сельским хозяйством в вотчинах светских и духовных феодалов развивалось ремесленное, преимущественно текстильное и металлургическое, производство.

Большое распространение получило церковно-монастырское землевладение. Одной из его важнейших особенностей было то, что монастырские земли не подлежали отчуждению.

Католикос и епархиальные начальники, епископы владели крупными вотчинами. Например, католикосу Петросу I Гетадардзу (1019—

1050) принадлежали 500 больших и малых селений[1]. Татевский монастырь обладал участками земель в Сюнике в 47 деревнях. О размерах вотчинного сельскохозяйственного производства можно судить по тому, что в вотчине армянского хорепископа г. Арцна, Давтака (XI в.), каждое утро выходило в поле по 800 плугов с упряжью «вецке»[2].

С развитием в X—XI вв. вотчины росла барщина («кор»). Крестьянин выполнял барщину своим рабочим скотом и инвентарем. Он бесплатно молотил господское зерно своей молотильной доской и свозил зерно в господские амбары на своей арбе.

В богатой полезными ископаемыми Армении добывали золото, медь, железо, а также буру, мышьяк. Все это служило предметом вывоза. Кроме того, в Армении добывались горная смола, ртуть, медный купорос и свинец. Армения также славилась своей солью.

Озера Армении (наибольшие из них: пресное Севанское озеро и соленое Ванское) были богаты рыбой, которая также вывозилась на иностранные рынки. Арабы, завладев Арменией, наложили свою руку и на рыбные промыслы, особенно на Ванском озере, славившемся рыбой «тарех». Армения бедна лесными массивами, однако из арабских источников известно, что из Армении вывозился и строительный лес. Особенно значительную роль в торговле играло ореховое дерево.

Ремесленное производство было сконцентрировано в городах. Немало ремесленных мастерских («горцатун») существовало в поместьях и монастырях. Ремесленная продукция шла не только на внутренний рынок, но и вывозилась в далекие страны. Особенной славой пользовались на международных рынках армянские ткани и ковры. Центром этого производства был г. Двин. Свидетельства об этом мы находим у арабских писателей. Масуди (X в.), например, отмечает высокое качество армянских тканей, покрывал, ковров, подушек и т. д. Истахри, Ибн-Хаукаль и другие арабские авторы (IX—X вв.) упоминают вывозимые из Двина ткани, называемые «маризи», пояса стоимостью в 1—10 динаров, тюрбаны, покрывала, наволоки, подушки, занавеси и материи для диванов.

В важном портовом центре международной торговли — Трапезунде—продавались превосходные армянские шелковые ткани «дипак» и «бозюн» и другие материи. С текстильным производством неразрывно было связано красильное, центром которого был г. Арташат, ставший к этому времени предместьем Двина. Район Двина являлся центром добывания кошениля, из которого здесь производились красные краски,

---

[1] *Маттеос Урхаеци* (Матфей Эдесский). Хронография. Вагаршапат, 1898, древнеармянский текст, стр. 153—154.

[2] Там же, стр. 103.

исстари популярные на Востоке. Кошениль был одним из основных предметов экспорта. Здесь же, в Арташате, существовали красильни.

Во второй половине IX в. продолжалось некоторое развитие ремесла в отдельных частях страны, приведшее к появлению значительных городских центров. Взамен старых центров ремесла и торговли (Двина, Нахичевана, Хлата и др.), которые находились в руках арабских феодалов, на территории Багратидского царства выросли новые центры ремесла и торговли; прежде всего Ани, затем Арцн (около Эрзерума), Карс и другие города. Все они находились на большой магистрали караванной торговли из Константинополя через Малую Азию и из Трапезунда в Армению и Персию к Багдаду. Проходивший через Армению торговый путь из Константинополя в Багдад служил важным источником обогащения армянских городов.

Крупные городские центры Армении были в то же время резиденцией царей. Царствующие династы соперничали между собой в возведении монументальных дворцов, караван-сараев, храмов и мостов, частью сохранившихся до сих пор. Наиболее важным и вместе с тем изученным является г. Ани. Богатые материалы раскопок, дополняемые письменными свидетельствами, дают возможность составить представление о средневековом городе Армении, о его жилых домах, дворцах, гостиницах, оборонительных стенах, церквах и т. д.

Царская резиденция находилась в господствовавшем над городом «вышгороде». Анийский вышгород — это типичная цитадель, построенная треугольником над самым крутым обрывом, спускающимся к р. Ахурян. Вышгород обнесен кольцом стен с башнями и бойницами. Внутри него находятся дворцы царя и его свиты. Вышгород спускается к северо-востоку террасами и сливается с ровным плато, на котором расположено городское поселение. Со стороны равнины город не имеет естественной защиты, поэтому, начиная от притока р. Ахурян — Гайледзора, вплоть до ущелья Игадзор, тянется двойной ряд высоких толстых стен с башнями, построенных при царе Смбате II. Город, выросший у подножия вышгорода, являлся центром ремесла и торговли — «шахастаном» (шахристан). Здесь в узких уличках теснились ряды ремесленных мастерских и лавок, здесь же находились караван-сараи и гостиницы (ханабар). Торговля происходила на площадях, где можно было встретить купцов разных стран. Караван-сараи и гостиницы служили складами товаров, здесь же производились торговые операции. Эти здания составляли торговые ряды и по богатству декоративного оформления выделялись среди других построек города.

Караван-сараи и гостиницы принадлежали не только многочисленным торговцам и ростовщикам, но и высокопоставленным лицам: багратидским царям и князьям, католикосу и епископам. Из

Замок Амберд, X—XIII вв.

надписей этого времени видно, что в Ани, например, вели торговые операции также другие армянские цари и князья. Они имели здесь свои лавки и караван-сараи, которые обычно отдавались в аренду частным лицам. В это время Ани постепенно строился, обогащаясь такими зданиями, как церковь Григория, кафедральный собор, дворец Багратидов и др. Особенного внимания заслуживает обширная сеть глиняных водопроводных труб.

В конце X в. Ани был наиболее крупным городом Армении: по сообщениям древних писателей, в нем было 10 000 домов. Часть населения жила вне городских стен. Об этом свидетельствуют многочисленные остатки городских домов, церквей и бань. В противоположность богатым кварталам внутри стен города, застроенным домами знати и купечества, трудящееся население ютилось в нищенских лачужках среди развалин и вырытых в каменной почве углублениях. Люди жили и в пещерах в так называемой подземной части Ани, на берегу р. Ахурян.

Того же типа, но меньшего значения были города Карс и Арцн. По словам византийского историка Кедрина, Арцн был богатым городом с многочисленным населением. Кроме местных купцов, там проживали также сирийцы и представители других народов.

Другим крупным и наиболее старым центром торговли и ремесла Армении был г. Двин, раскопки которого рисуют картину многолюдного средневекового города.

* * *

В этот период оформились сословия феодального общества, связанные иерархической зависимостью вышестоящего «патрона» к нижестоящему «царай» (слуга).

Господствующий класс делился на три сословия: а) ишханы — собственники крупных поместий; из них выдвинулись царствующие династии Багратуни, Арцруни и Сюни; б) азаты и нахарары — мелкопоместная, вассальная ишханам знать, главным образом военно-служилая, выдвинувшаяся в результате освободительных войн с арабами; в) духовенство. Высшее духовенство было приравнено к ишханам.

Наиболее многочисленным являлось сословие «рамиков» («черни»), народных масс деревни (шинаканов) и города — ремесленников и торговцев.

Шинаканы, основные производители феодальной Армении, не были однородны. Процесс обезземеления и разорения шинаканов приводил к расслоению сельской общины[1].

[1] См. *Б. М. Арутюнян.* Социально-экономическое положение крестьян в Армении XII в. по Судебнику Мхитара Гоша. «Вопросы истории», 1952, № 8, стр. 51—52.

Таможня и гостиница в Ани, XII в. Внутренний вид

Разорявшийся крестьянин вынужден был продавать свои земли. Он обращался за ссудой, отдавая за растущие проценты свое имущество, урожай на корню и в конечном счете превращался в издольщика и наемного работника («вардзкан») в хозяйстве богатого землевладельца.

Безудержная концентрация земель в руках крупных феодалов и монастырей вызывала сопротивление захватчикам, нередко выливавшееся в крупные крестьянские восстания. Историк Аристакес Ластивертци говорит об ишханах (армянских феодалах) и ростовщиках: «Ишханы являются соучастниками воров, преступниками и рабами серебра... Дома нищих и участки их земель похищали знатные». «Судьи,— по словам историка,— взяточники, и ради взяток преступали закон; они не творили [праведного] суда в пользу сирот и не уважали прав вдов»[1].

Расширение помещичьих земель за счет крестьянских наделов крайне обостряло классовую борьбу. Ярким примером является восстание крестьян Татевского монастыря, которые 70 с лишним лет вели упорную борьбу за свои земли.

Монастырь захватил окрестные селения Цураберд, Тамалек и Аветадашт и начал изгонять крестьян с занятой ими земли. Крестьяне села Цураберд отстаивали свои права и, когда началось общее движение крестьян, восстали. Они «учиняли великие несчастия святой обители Татева... Пришедши как-то ночью, в неожиданное время, [крестьяне] начали грабить церковь, мастерские и жилища монахов и требовали епископа, чтобы убить его, но не нашли. После этого некоторых из старцев убили мечом, а других обратили в бегство. Все, что нашли [повстанцы], взяли с собой и ушедши укрепились в крепости [Цура]. Взяли также серебряный сосуд с елеем и вылили его на камень». Епископ Иоанн, главный виновник бедствий крестьян, на которого больше всего были озлоблены жители Цураберда, только случайно избег расправы. Он обратился к владетелю Сюника, князю Смбату, который с помощью военной силы вернул монастырю его имущество, а восставших «усмирил». Крестьянские земли были закреплены за монастырем специальным указом. Никто из крестьян не имел права селиться на них и возводить какие-либо постройки под страхом анафемы.

Угрозы небесными карами не помогли монастырю удержать за собой захваченные земли. Как только представился удобный случай, жители Цураберда возвратились на свои родные пепелища и, завладев территорией селения, вновь ее застроили.

[1] *Аристакес Ластивертци.* История Армении. Тифлис, 1912, древнеармянский текст, стр. 79—80.

Новый епископ Татева, Яков, пытался выселить крестьян из Авеладашта. С помощью ишхана Сюника он в 930 г. согнал крестьян с земель этого селения и присоединил их к монастырским угодьям. Вот как это излагает историк-церковник: «В это время притон разбойников, который находился напротив монастыря на гребне, называемом Авеладашт, был полон разбойничьими людьми, которые совершали бесчисленные злодеяния и наносили притеснения братству и прочим окрестным землям [монастыря]. Тогда попросил епископ [дозволения] от ишханов Сюника [расправиться с восставшими]. Получив приказ, [епископ] подверг преследованию мужей, разрушил и опустошил гнездо крамольников и уничтожил их с корнем; местность со всеми ее окрестностями закрепил за церковью и великими и страшными проклятиями утвердил его [указ], дабы [впредь] никто не осмелился поселиться или возводить какую-либо постройку». Расправившись с жителями Авеладашта, епископ Яков принялся за выселение жителей Тамалека. Сюникский князь Смбат и на этот раз пришел на помощь монахам: он очистил селение от крестьян и передал их земли монастырю. Насильственный захват крестьянских земель вызвал сильное озлобление против монастыря. Крестьяне Цураберда вновь напали на монастырь и ограбили его, а епископа Якова убили. Так отомстили они своим угнетателям. Борьба крестьян Цураберда с монастырем продолжалась до 70-х годов X в., когда преемник Якова, епископ Григорий, опять обратился к власть имущим. Царь сюникский Васак и ишхан-ишханов Севада организовали карательную экспедицию; селение Цураберд было опустошено, а жители вырезаны. Широкая социальная борьба, превратившаяся по существу в долголетнюю крестьянскую войну, захватила, повидимому, многие районы Армении. Но более или менее подробные сведения сохранились лишь об одном уголке Армении — Сюнике[1]. В 910—918 гг. восстали крестьяне в центральной области страны — Айрарате. Современник, историк Иоанн Драсханакертци, идеолог враждебного крестьянам класса, рисует это восстание как движение «разбойников» и «бродяг». Из его слов можно все же получить некоторое представление о целях восставших крестьян.

«Низкие более, чем великие, стремились быть предводителями, и слуги, высокомерно и кичливо подняв великое восстание..., помышляли о том, чтобы господа обулись в лапти и ходили пешком, а сами же вскочили бы на коней. Наших же царей, главарей и ишханов [восставшие] стремились изгнать и отнять их местожительства [т. е. их

---

[1] См. также *Б. М. Арутюнян*. Крестьянские волнения в Сюнии в X в. «Ученые записки» Ереванского госуд. русского педагогич. Ин-та им. А. А. Жданова, т. II, Ереван, 1950, стр. 161—182.

земли [и по своему желанию назначить [на их место новых] правителей и положить основание новым благородным родам и спасаларам»[1]. Следовательно, восставшие стремились уничтожить феодальную знать и установить свое господство. Лишь с большим трудом удалось феодалам подавить это крестьянское движение. В этих условиях обострения классовых противоречий благоприятную почву среди народных масс находила проповедь павликиан, которые с конца IX в. вновь развернули свою деятельность в Армении под названием тондракийцев.

Крупные социальные движения средневековья, как известно, нередко принимали религиозную оболочку, скрывавшую подлинное содержание борьбы. Так было и здесь.

Знаменем движения явилось вновь ожившее учение павликиан, известное под названием секты тондракийцев, связанной своими корнями с манихейством. В это время (на рубеже IX—X вв.) движение тондракийцев возглавлял «противник всех христианских постановлений» Смбат Зарехаванци[2].

Деятельность Смбата Зарехаванци развернулась в округе Апахуник, в селении Тондрак, по имени которого и возглавляемое им движение называется «тондракийским». В дальнейшем, кроме Тондрака, центрами движения являлись округа Мананали и Хнунис (Хнус). В последнем тондракийцы и их книга «Ключ истины» сохранялись вплоть до XIX в.

В X в. движением тондракийцев были охвачены области центральной Армении — Айрарат, Васпуракан, Сюник, Туруберан и соседние области Албании (Северный Азербайджан). В дальнейшем все крестьянские восстания и вообще движения низов города и деревни Армении своим идеологическим знаменем имели учение тондракийцев. Наивысшего подъема движение тондракийцев достигло в 880—1050-х годах.

Скудные и в то же время тенденциозные сведения об основных чертах учения тондракийцев сохранились у Григора Нарекаци (951—1003), Григора Магистра (990—1058) и Аристакеса Ластивертци. Согласно этим сведениям, основным содержанием учения тондракийцев была идея равенства. Они искали блаженной жизни не на небе, а на земле. Учение их, направленное не только против догматов армянской церкви, но и против всего существующего строя, находило больше всего откликов в крестьянских массах и довольно долго держалось среди народа; христианское духовенство огнем и мечом уничтожало последователей тондракийцев.

---

[1] *Иоанн Драсханакертци*. История Армении. Тифлис, 1912, древнеармянский текст, стр. 258—259.

[2] *Степанос Таронаци* (Асогик). Всеобщая история, кн. III, гл. 3, СПб., 1885, древнеармянский текст, стр. 160. См. русск. пер.: «Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию», М., 1864, стр. 109.

Движение тондракийцев в Армении было уничтожено лишь после аннексии большей части Армении Византией при активном содействии армянских феодалов и церкви.

* * *

Управление страной было сосредоточено в руках династии Багратидов и феодальной знати. Царская фамилия и придворная знать проводили свою политику, опираясь на многочисленную гвардию, рекрутировавшуюся преимущественно из тяжеловооруженных всадников (азатов). Вся земля считалась собственностью государства. Царь жаловал своим приближенным земли в качестве военных ленов, которые обозначались термином «паргев». Багратиды формально считали своих ленников не наследственными владетелями земель, а лишь правителями (ишханами), которые в любое время могли быть смещены. Однако на деле с течением времени эти земли сделались наследственными владениями. Попытки центральной власти изменить положение приводили к мятежам знати: такие князья, как Гнтуни и Пахлавуни, становятся фактически самостоятельными владетелями. Их примеру следовали окраинные владетели, например князья севордиев, утиев и др.

О структуре государственного аппарата сведения скудны. Существовало несколько ведомств. Наиболее важной была должность «спарапета Армении», т. е. главнокомандующего военными силами страны. Значительную роль играл «князь князей» (ишханац-ишхан). Он ведал также всеми личными владениями царской фамилии. Все важнейшие укрепления страны управлялись назначенными им комендантами; мутсибы (мухтасибы) ведали налоговыми сборами в городах, наблюдали за правильностью мер и весов, а также за торговлей и ремеслом. Государственный аппарат целиком находился в руках царской семьи и приближенной знати. Они распоряжались армией, местной стражей и т. д.

Социальной базой Багратидов[1] являлись крупные феодалы и торгово-ростовщические элементы в городах, особенно в Ани. Главные земельные фонды в стране были сосредоточены в руках ишханов, их мелких вассалов и подвассалов — нахараров и азатов. Среди феодалов первыми собственниками были, конечно, сам царь — «шаханшах Армении» и члены династии. Царю не уступал лишь глава армянского духовенства — «католикос всея Армении». Он владел крупными земельными фондами не только в Багратидском царстве, но и во всех остальных армянских царствах и княжествах. Церковь была одной из опор феодального строя.

---

[1] См. стр. 605 и сл. настоящего издания.

* * *

Раздираемая феодальными неурядицами и угнетаемая иноземной византийской властью Армения в XI в. не смогла оказать сопротивления тюркам-сельджукам и была ими завоевана. Это завоевание имело для феодальной Армении тяжелые последствия. Сельджукская военно-кочевая знать смотрела на Армянское нагорье как на богатое летнее пастбище. Поэтому во время своих нашествий сельджуки беспощадно разоряли Армению, уничтожали городские центры, истребляя население.

Результатом византийского господства и сельджукского завоевания явилось уничтожение политической власти ширакских Багратидов и подрыв господства их социальной опоры— армянской земельной аристократии.

У сельджуков в это время складывались феодальные отношения. Завоевав Армению, сельджукские султаны поделили всю захваченную ими землю между своими военачальниками в качестве военных ленов. Сложилось новое феодальное землевладение служилой военно-кочевой знати сельджуков и курдов. Став наследственными обладателями этих земель, сельджукские владетели — эмиры и султаны — в свою очередь жаловали землями своих приближенных из знати. Это было условное пожалование земли — икта, т. е. только права на получение земельной ренты. Условным пожалованием сельджукские правители преследовали цель поддержать единство территории, однако с усилением иктадаров (держателей икта) икта стала постепенно превращаться в наследственное владение.

Как результат наделения земельными территориями военно-кочевой знати в Армении появились сельджукские феодальные государственные образования, первоначально признававшие суверенитет «великих сельджуков». Разорение страны тюрками-сельджуками, разрушение ими городов и уничтожение торгово-ремесленного населения привело к тому, что в большей части Армении стали преобладать полупатриархальные, полуфеодальные отношения, свойственные кочевым племенам — завоевателям страны.

При Мелик-шахе (1072—1092), когда временно прекратились опустошительные войны, было несколько восстановлено разрушенное феодальное хозяйство, что в свою очередь способствовало развитию феодальных отношений среди самой военно-кочевой знати, переходившей постепенно к оседлости. Феодальное развитие привело к распаду сельджукской державы на независимые владения и тем самым к ослаблению ее владычества в Передней Азии. Это облегчило армянам и грузинам

Собор в Ани, 1000 г.

борьбу с сельджукскими правителями, утвердившимися почти во всей Армении и Юго-Восточной Грузии.

Для Армении этой поры характерно, что наиболее богатая часть класса феодалов — земельная аристократия — была представлена в значительной мере иноземными завоевателями тюркского и курдского происхождения, смотревшими на местное трудовое население как на своих рабов. Армянские феодалы и под властью сельджуков продолжали эксплуатировать крестьянство. Армянские крестьяне, как немусульмане, были обязаны, кроме общего хараджа (поземельный налог), вносить государству подушную подать — джизью, не считая других многочисленных феодальных повинностей. Армянский шинакан (феодально-зависимый крестьянин) судился по суду шариата, который всегда оправдывал мусульманина.

По мере восстановления и развития производительных сил стало усиливаться торговое значение городов: Ани, Двина, Карса, Карина, Ерзнка, Хлата и др. В них снова выросло ремесленное и торговое население.

В этих городах, в первую очередь в Ани, у армянского купечества, ремесленников, духовенства и армянской феодальной знати были свои организации. Торгово-ремесленное население имело совет старейшин города (ерицани), который не раз использовал в своих интересах борьбу народных масс против феодального гнета. Выступления горожан против феодальной эксплуатации, за городские вольности, являлись вместе с тем освободительной борьбой против тюрок-сельджуков. В Ани, например, восставшее население не раз обращалось к грузинским Багратидам с просьбой освободить их город от шеддадидских властителей. Борьба крестьянства и горожан за независимость обусловила победоносное продвижение грузино-армянских войск под руководством Давида IV Строителя в армянские области, подвластные сельджукским феодалам. Действия грузино-армянских войск приняли характер освободительной войны[1]. Это освободительное движение в Армении возглавили Захариды (Мхаргрдзели)[2].

В XII в. Грузия объединила разрозненные силы принявших ее покровительство армянских феодалов, и, начиная со второй половины этого столетия до начала XIII в., грузинские и армянские войска освободили бо̀льшую часть Армении, изгнав оттуда сельджукских владетелей.

---

[1] См. гл. 4, § 2 настоящего издания.

[2] В правление царицы Тамары один из армянских вассалов феодального дома Орбели Саргис Захарид получил должность амирспасалара и все бывшие владения дома Орбели. Он был возведен в разряд дидебулов. Эта фамилия была известна в Грузии под названием Мхаргрдзели; армяне же по имени отца Саргиса называли эту знатную фамилию Захаридами («Закарян»).

Теперь, как и при изгнании арабских завоевателей из Армении (IX в.), любая освобожденная от врага вооруженными силами того или иного армянского феодала территория признавалась грузинскими Багратидами его наследственным достоянием. Наряду с этим широко практиковалась раздача военных ленов. Так, военачальники, подчиненные амирспасалару Захарии (1191—1212), получили в качестве ленов обширные отвоеванные ими области, в результате чего образовалась и укрепилась политическая власть Захаридов, возглавивших восстановленную армянскую государственность в коренной Армении.

Территория, подвластная Захаридам, представляла собой Армянское государство, вассальное царствовавшему тогда дому грузинских Багратидов; правительство Захаридов имело право суда и сбора налогов. Основная обязанность армянского правительства перед правительством Грузии заключалась в обеспечении его военным ополчением в период войны.

Так образовалась целая сеть вассально-зависимых армянских княжеств, признававших своими сюзеренами представителей фамилии братьев Захарии и Иванэ, верховными сюзеренами которых считались грузинские Багратиды.

Временный застой и даже регресс, вызванный господством сельджуков, с конца XII в., после освобождения Армении, сменился хозяйственным подъемом. Даже отсталые высокогорные районы постепенно вовлекались в феодальные отношения, и там появились признаки разложения патриархального уклада.

* * *

Хозяйство феодалов основывалось на отработочной ренте — барщине, значение которой возрастало, в связи с чем шинаканы постепенно теряли право перехода. Крестьянин, как правило, был прикреплен к земле, переселяться с места на место он мог только с разрешения своего господина. Если во время пребывания крестьянина вне владений господина у него рождались дети, то в случае возвращения крестьянина на прежнее место жительства они также становились крепостными и получали свободу только после смерти своего отца. Лишь тридцатилетнее проживание беглого крестьянина в другом месте освобождало его от феодальной зависимости в отношении прежнего господина. Но это не спасало земледельца от экономической кабалы: не будучи в состоянии купить землю и сделаться свободным держателем своего участка, он в конечном счете попадал в феодальную кабалу как съемщик господской земли. Мхитар Гош (1130—1213), составитель

«Судебника», кодекса армянского феодального права, по-своему объяснял причины этой зависимости крестьян от господ, подчеркивая основное значение собственности на землю и воду. «Создатель,— пишет он,— сотворил человеческое существо свободным,— зависимость же от господ возникла из-за нужды в земле и воде»[1]. Отчего же возникла «нужда», он, разумеется, не говорит.

Используя угнетение крестьян феодалами, обогащались и ростовщики. Крестьянин обычно обращался за деньгами к ростовщику и получал их под большие проценты. Он отдавал в залог свои земли, имущество, детей, а то и самого себя. Обычно оставленное в залог имущество переходило в собственность к ростовщику. Судя по дарственным надписям, бывали случаи, когда крестьянские наделы отдавались в дар монастырю.

Шинакан был обязан платить налоги и подати и нести бесчисленные феодальные повинности. Если земля орошалась искусственно, крестьянин отдавал господину пятую часть урожая (пятину), если же земля не имела искусственного орошения, господин получал десятую часть урожая (десятину)[2]. Размеры десятины были общими как в садоводстве, так и в скотоводстве. Из десяти имевшихся у крестьянина баранов один принадлежал господину. Налоги не брались только с рабочего скота, лошадей, мулов и ослов, «ибо,— объясняет Мхитар Гош,— с их помощью крестьянин часто выполняет господские повинности»[3]. Феодалу выделялась известная доля молочных продуктов крестьянского хозяйства; например, с коровы крестьянин вносил литр масла. «Пастбища,—по судебнику Мхитара Гоша,— не должны облагаться особым налогом, ибо уже обложены пасущиеся на нем животные»[4]. Пятина и десятина являлись государственным поземельным налогом. Мусульманское население, жившее в пределах подвластной Захаридам Армении и вообще в пределах Грузинского государства, кроме пятины и десятины, было обложено подушной податью. По словам Мхитара Гоша, «подушная подать существует не для христиан, а лишь для неверных, когда они приведены в подданство силою[5]».

Кроме этих государственных налогов, шинакан обязан был отбывать

---

[1] *Мхитар Гош.* Судебник. Древнеармянский текст в изд. В. Бастамяна, Вагаршапат, 1898, стр. 320; *X. Самуэлян.* История древнего армянского права, т. I, Ереван, 1939, стр. 258—259 (на арм. яз.); ср. *Б. М. Арутюнян.* Указ. соч., стр. 48—58.

[2] *Мхитар Гош.* Указ. соч., ч II, гл. 2, стр. 314—315; *X. Самуэлян.* Указ. соч., стр. 204.

[3] *Мхитар Гош.* Указ соч., стр. 316.

[4] Там же, стр. 315.

[5] Там же, стр. 314.

барщину, вносить подати и выполнять различные повинности в пользу своего господина и церкви.

Барщина в это время все усиливалась, и дальновидный представитель господствующего класса Мхитар Гош, опасаясь крестьянских волнений, тщетно напоминал феодалам, что «работать на князя и государя крестьяне должны один день из семи дней в неделю. Заставлять же подвластных работать больше — великое беззаконие»[1]. Основным феодальным сбором, взимавшимся с податного населения в пользу землевладельца, был шариат или пахт — определенная часть урожая, которую шинаканы вносили землевладельцу. Кроме того, четвертая часть этой подати взималась в пользу сборщика налогов. Этот дополнительный налог в надписях XI в. называется «тастак».

В деревнях феодалы имели своих мелких чиновников — дзернаворов или шахна, которые следили за выполнением крестьянами феодальных повинностей [2].

В пользу церкви крестьяне вносили обычную десятину. Наконец, источники говорят о многочисленных «добровольных приношениях» крестьян как церкви, так и своему господину. «В первый день нового года, равно как и в дни праздников, [крестьяне] должны делать приношения [лишь] в меру своих возможностей. Не должно быть места многим притеснениям, и пусть исчезнут несправедливые привычки, ибо и сами приношения возникли из многих неуместных обычаев»[3]. Так Мхитар Гош отмечал все возраставшие требования светских и духовных феодалов по отношению к крестьянам.

Характерно дальнейшее развитие городского хозяйства, временно подорванного сельджукскими нашествиями.

Феодальная знать подчас была тесно связана с городом, особенно та ее часть, которая занималась торговлей и ростовщичеством. В источниках XIII в. отмечены, например, Тигран Хоненц, а позже Сахмадин Аветенц из Ани и Умек из Карина, которые не могли гордиться «благородством» своего происхождения, но зато имели набитую мошну. Тигран Хоненц, крупный купец и ростовщик, сосредоточил в своих руках огромные земельные владения, образовавшиеся из закладов или путем скупки. Из его дарственной грамоты основанному в Ани армяно-халкедонитскому (православному) монастырю св. Григория видно, что, кроме земель, домов, гостиниц (ханапаров), бань, водопроводных

[1] Там же, ч. II, стр. 315 (русский пер. А. А. Паповяна, которым автор статьи пользовался в рукописи. — *Ред.*).

[2] *Я. А. Манандян.* Материалы по экономической истории древней Армении (II). «Известия Гос. ун-та ССР Армении», Ереван, 1928, на арм. яз.— стр. 10—23; на русск. яз. — стр. 32—37.

[3] *Мхитар Гош.* Указ. соч., ч. II, стр. 316.

сооружений, лавок в Ани, ему принадлежали имения, сады, огороды, пастбища, мельницы, маслодельни и т. д.

Освобождение страны от власти сельджуков привело к некоторому подъему городов. В XII—XIII вв. большого развития достигло в городах ремесло, в первую очередь в Ани, Двине и Карсе. Князья, епископы и купцы-ростовщики содержали в городах и монастырях ремесленные мастерские — горцатуны.

В Ани существовали и свободные ремесленники, мастера, хозяева мелких предприятий, которые имели своих мастеров и подмастерьев. Они, как жители городов, пользовались бо̀льшими правами, чем крестьяне, что отметил и Мхитар Гош: «Горожане пользуются почетом бо̀льшим, чем крестьяне»,— писал он. «Земледелие, кузнечное дело и плотничество,— по его словам,— необходимы и полезны в качестве источника налогов», и хотя «множество [населения] занято в земледелии», но все же бо̀льшим почетом «должны пользоваться железоделатели и деревообделочники». Поэтому, «хотя все искусства, кажущиеся менее важными, весьма необходимы, но те из них, польза от которых для казны наибольшая, пусть почитаются скорее как общественно-полезные»,— прибавляет Мхитар Гош[1].

Крупный политический деятель и поэт, католикос Нерсес Благодатный (1102—1172) писал, также отмечая преимущественные права горожан: «Завещаем и вам, горожанам, которые сидите в торговых рядах, занимаясь куплею и продажею, и вам, ремесленники, завещаем вести жизнь праведную и безукоризненную. Никто из вас да не продает с обманом и коварством товары свои неискусному покупателю... И не презирайте шинаканов за их простоту»[2].

Существовали многочисленные отрасли ремесленного производства. В одной армянской рукописи начала XIII в., происходящей из Ани, насчитывается до 38 различных ремесленных профессий. Наиболее распространенными отраслями ремесленного производства были: металлургия, оружейное, кузнечное и ювелирное дело, текстильное производство, гончарное дело и производство художественной керамики[3], обработка камня и строительное дело (каменщики и каменотесы), плотничество, кожевенное производство и др.

Развитие феодальных отношений наложило свой отпечаток на город. Он перестал быть только огороженным местом вокруг феодального

---

[1] *Мхитар Гош*. Указ. соч., ч. II, стр. 318—319.

[2] *Нерсес Благодатный*. Соборное послание. СПб., 1878, древнеармянский текст, стр. 73. Русский пер. см. «Исторические памятники вероучения армянской церкви, относящиеся к XII столетию», пер. с арм. А. Худобашева, СПб., 1847, стр. 111—112.

[3] См. *Б. А. Шелковников*. Художественная керамическая промышленность средневековой Армении. «Известия Арм. ФАН СССР», № 3—4, Ереван, 1942.

замка, где все было приспособлено для нужд феодала — тагавора. Крепостные сооружения теперь стали служить защитой также и для торгово-ремесленного населения города. Все без исключения жители, как привилегированные купцы и ростовщики, так и ремесленники и их ученики, обязаны были нести государственную трудовую повинность по укреплению города — ангарию. Каждый горожанин должен был принимать участие в возведении укреплений, рвов, стен и в прочих мероприятиях по усилению обороноспособности города. Цитадель (миджнаберд) и прилегавший к ней древний шахастан были огорожены крепкими стенами с бойницами, там находился дворец правителя города — амира или амира-амиров и другие здания административного и культового назначения. Вне этих стен располагались таги — особые кварталы, в которых жили ремесленники и купцы.

Многочисленные армянские надписи XII—XIII вв. указывают на существовавшие в Ани кварталы ремесленников и купцов, среди которых упоминаются: Гтаккароц таг — квартал шапошников, Полкарароц — улица поясников, Сараджпогоц — улица ювелиров, Кошкакароц — квартал сапожников, Дарбнопогоц — кузнечная улица, Налбандноц — улица подковщиков, Базазноц — ряд суконщиков. Существовали и особые торговые ряды — вачарапогоц, где находились магазины и лавки (кулпаки) продавцов текстильных и ремесленных изделий[1].

Феодал, даже принимавший участие в международных торгово-ростовщических операциях, обычно жил не в городе, а в каком-нибудь укрепленном месте своей вотчины. Город же управлялся от его имени амиром.

Во главе наиболее крупных городов (Ани, Двина, Карса) находились высшие градоначальники — амиры-амиров[2], которые подчинялись Захаридам. Из них лишь амир-амиров Карса подчинялся непосредственно грузинскому царю. Деятельность амиров и амир-амиров направлялась и контролировалась ерицани — советами старейшин городов.

Градоначальнику подчинялись многочисленные чиновники — мутсибы, которые следили за правильностью мер и весов на городском рынке и собирали различные налоги с городского населения и пошлины с прибывавших в город торговцев. Известны, например, апур, апуриши — пошлина с вьюков, перевозимых на ослах; особые пошлины

---

[1] *В. Абраамян*. Ремесло в древней Армении (на арм. яз.). Ереван, 1947, стр. 128—129.

[2] *И. А. Джавахишвили*. История грузинского права, кн. II, вып. 1, Тбилиси, 1928 (на груз. яз.), стр. 213—215.

(баж) взыскивались с торговых караванов (мец дрнагир, покр дрнагир) и т. п.

Городское самоуправление возглавлялось советом старейшин, председателем которого был амир-амиров. Его непосредственными помощниками являлись «великий анийский архиепископ» и судья, выбиравшиеся из армянской феодальной и купеческой знати города. Мусульманская часть населения города имела своих старейшин, из числа которых происходил и местный кадий. Это городское самоуправление представляло собой орган богатого купечества и купеческих торговых домов, ведших международные торговые и ростовщические операции.

В это время можно отметить процесс развития свободных самоуправляющихся городов. Так, источники свидетельствуют, что г. Карс со своей округой, признавая верховную власть грузинских Багратидов, был в то же время свободным самоуправляющимся городом, устанавливавшим самостоятельные внешние связи. Но этот процесс политического подъема городов, еще только начинавшийся, был приостановлен татаро-монгольским нашествием.

На рубеже XII—XIII вв. возросли международные торговые связи по Черному морю. Через Трапезунд, столицу основанной в 1204 г. империи Комнинов, армянское купечество было связано с Крымом, половецкой степью, Русью, Польшей и т. д. Торговые колонии армян появились в Грузии, в Ширване, в Крыму, в юго-западной Руси, почти во всех важнейших портах Черноморья. Армянское купечество торговало с Венецией и Генуей. В начале XIII в. Генуя заключила торговый договор с правителем Карса[1].

Широкую торговлю вело и Киликийское армянское государство, главный порт которого Айас в XIII в. сделался важным пунктом товарообмена между Востоком и Западом. Киликийская Армения представляла собой феодальную монархию, во главе которой стояла династия Рубенидов (1080—1375)[2].

Благосостояние армянских феодалов основывалось на жестокой эксплуатации крестьян. Борьба крестьянства против феодалов крайне скудно отразилась в источниках. Дошедшие до нас притчи-басни этой эпохи в известной мере отражают рост протеста простого народа. Недовольство эксплуатируемых масс князьями и церковью отразилось в притчах Вардана Айгекци (XIII в.). Основным мотивом притч Вардана является мораль угнетенных классов, согласно которой «есть люди, кото-

---

[1] *Я. А. Манандян.* О торговле и городах Армении. Ереван, 1930, стр. 191—192.

[2] См. *Г. Г. Микаэлян.* История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952.

рые трудятся, как волы, и есть люди, которые постоянно ездят верхом и производят опустошение страны, и если трудящийся не будет работать, как вол, то умрут и конь и его седок»[1]. Или: «На свете есть люди, которые постоянно работают и трудятся, как пчелы, а цари и князья, и священники, и прихожане едят их заработок, а потом идут в церковь и бога благословляют и поминают». Социальный антагонизм выступает и в словах: «Богачи сосут мозг народа, и часто случается, что бедняк от гнетущих его бедствий умирает»[2].

Отразились социальные противоречия и в сочинениях Мхитара Гоша. Этот осторожный и умный представитель знати предостерегал своих собратьев по классу от чрезмерных притеснений крестьян и ремесленников, напоминая знатным о том, как опасно для устоев их классового господства объединенное выступление народных масс. «Сильные слабыми пренебрегают,— говорит он в одной из басен,— и не боятся их, но мудростью укрепляются слабые и побеждают сильных, и вот мудрость: малых опасаться, как великих»[3].

В одной из своих басен «Коровы и их хозяева» Мхитар Гош пытался оправдать эксплуатацию народных масс господствующим классом. «Поднялся однажды,— пишет он,— ропот среди коров: „Мы стараемся ради наших детей и собираем в вымени молоко, а люди, нажимая на сосцы, берут от нас наработанное нами; уйдем и больше не будем возвращаться к ним". А одна из них, мудрая, говорит: „Это не так, ибо люди берут излишнее, сверх потребностей наших детей, и люди заботятся о нас и о наших детях и мы получаем больше, чем даем". И поняв это, они стали радостными. Эта басня поучает ропщущих слуг, которые думают, что они дают больше, чем получают от господ, но, получив наставление от мудрых, узнают, что ими данное — меньше»[4].

Иной классовой направленностью отличаются басни и притчи Вардана. В басне «Князь и вдова» представлена вдова, которая молится за долголетие жестокого и притесняющего ее князя. Когда последний напоминает ей, что он делал ей только зло, она отвечает: «Твой отец был дурной человек, я его прокляла, и он умер. Ты сел на его место, и ты еще злее его. И теперь я боюсь, что ты умрешь, а твой сын будет еще злее тебя»[5].

---

[1] *Вардан Айгекци*. Притчи. См. «Памятники эпохи Руставели», стр. 146.

[2] Там же.

[3] *Мхитар Гош*. Притчи. Ереван, 1951 (древнеармянский текст), стр. 114. Русский пер. см. «Памятники эпохи Руставели», стр. 145.

[4] Там же, древнеармянский текст, стр. 86; русский пер., там же, стр. 153.

[5] См. «Памятники эпохи Руставели», стр. 155.

В притчах Вардана особенно остро проявляется отношение народа к церкви и ее служителям. В притче «Лиса и св. Георгий» в уста лисы вложены следующие слова: «Посмотрите на это безобразие. Ну что это за история: пока святые были на земле во плоти, так на колесницах и на конях восседали и причиняли слезы и заставляли плакать мир. А претерпели мученичество и стали любезны богу, и вот теперь — сначала берут взятки, а потом избавляют человека от беды» [1].

Слова протеста против социальной несправедливости встречаются и в светской поэзии. В XIII в. поэт Фрик обращается к богатому с грозным предупреждением: «Высоко воссел ты на ковер свой, ты должен пасть оттуда вниз».

б) Политическая история

Плоды долголетней борьбы народа с арабскими захватчиками в конечном счете достались Багратидам. Обманом и заигрыванием, предательством и прямой помощью арабам они расчищали себе путь к власти.

Политическая карта Армении претерпела значительные изменения. Ашот Багратуни был назначен правителем Армении (775—804). Правителями Армении отныне выбирались только представители дома Багратидов. Багратиды (их столицей был г. Хлат) настойчиво округляли свои владения, и Баграт (826—851) первый из армянских правителей получил от халифа титул «батрик ал-батарика» («князь князей»).

Создавшаяся к тому времени международная обстановка способствовала временному усилению Багратидов. После блестящего царствования первых Аббасидов при халифе Харун-ар-Рашиде наметились некоторые признаки упадка власти халифов.

Халифату крайне важно было расположить к себе армянскую знать, особенно в тот острый момент (начало IX в.), когда движение в Азербайджане Бабека Хурремита грозило существованию государства[2]. Армянская знать со своей стороны пыталась использовать движение Бабека в целях установления своей независимости от халифата.

При халифе Мутасиме в 30-х годах IX в. связи местной знати с халифатом ослабли. Но как только движение Бабека было ликвидировано, центральная власть начала вновь укреплять свое пошатнувшееся положение. Она встретила сопротивление не только армянского народа,

[1] См. «Памятники эпохи Руставели», стр. 157.
[2] См. гл. 4, § 4 настоящего издания.

но и части нахараров. Арабский наместник Юсуф был захвачен и убит народным ополчением, которое во главе с сыновьями Баграта Багратуни — Давидом и Ашотом — спустилось с гор и внезапно напало на г. Муш.

Новая карательная экспедиция гуляма Буги привела к разорению в 50-х годах IX в. Балеша и Тарона, Васпуракана и Двина. Войска Буги прошли огнем и мечом Армению, Албанию[1] и Картли[2]. Тогда многие из уведенных в плен князей приняли ислам, чтобы сохранить свои привилегии. Уцелевшие от разгрома князья старались показать себя верными вассалами Багдада.

Халиф Мустаин назначил Ашота I Багратуни (887—891), владетеля Ширака, правителем Армении и «вверил ему налоги Армении и все трудовые повинности (бекар) государства». За короткое время «князь князей» сумел «умиротворить» страну и аккуратно вносил государственные налоги в казну халифа. В 886 г. халиф прислал Ашоту корону и провозгласил его царем Армении.

Император Василий I, зорко следивший за событиями в пограничной Армении, в свою очередь также послал Ашоту I царскую корону и заключил с ним союзный договор; в письме к Ашоту I император называл его своим «возлюбленным сыном» и уверял, что из всех других государств Армения остается наиболее близким союзником Византии.

Ширакские Багратиды имели определенную политическую программу. Они стремились объединить Армению в границах государства Аршакидов, законными преемниками которых они себя считали. Идеологически это оправдывалось армянской церковью, пределы духовной юрисдикции которой распространялись на всю территорию бывшего аршакидского государства.

Объединительную политику вели первые багратидские цари — Ашот I (886—891), Смбат I (891—914) и Ашот II Железный (914—928).

Активизация антиарабской политики беспокоила халифат, который стремился осуществлять власть над Арменией через своих наместников в Азербайджане, эмиров из династии Саджидов. Последним было предоставлено право завоевать Армению. Однако эта политика потерпела крах благодаря народному сопротивлению. Халифат был вынужден примириться с существующим положением. Царь Ашот II Железный в 922 г. получил от халифа корону и титул «шаханшах Армении». Этим актом официально признавались сюзеренные права ширакских Багратидов над армянскими феодалами.

---

[1] См. гл. 4, § 4 настоящего издания.

[2] См. там же, стр. 556.

Но единство страны не было прочным. В результате больших сдвигов в экономике страны, развития крупной феодальной собственности и роста городов углублялся процесс ее экономического раздробления: обособлялись крупные города (Ани, Двин, Карс, Арцн, Ван, Муш и др.), стоявшие во главе областей. Крупные феодальные княжества были самодовлеющими экономическими единицами, слабо связанными с центром государства. После выделения Васпуракана, во второй половине X в., появляется несколько вассальных армянских царств Багратидов Ширака. В середине X в. верховное право собственности Багратидов свелось к территории, непосредственно им подчиненной.

В Армении существовало уже четыре крупных объединения — Ширак и Айрарат, Васпуракан, Сюник и Тарон. Тарон вскоре сделался жертвой византийской агрессии; уцелели три царства, объединенные под главенством сидевшего в Ани багратидского шаханшаха. В каждом из этих царств шел процесс внутреннего дробления.

Обычно правителями областей назначались члены семьи правящих династий, которые становились вассалами и полунезависимыми князьями. Так было в Сюнике и Васпуракане; так было даже в центральном Багратидском царстве.

Когда Ашот III Милостивый (953—977) в 962 г. перенес свою резиденцию из Карса в Ани, назначив правителем Карса своего брата Мушега, последний провозгласил себя царем, сделавшись основателем карсской ветви династии Багратидов. Таким же образом обособилась в самостоятельное царство область Ташир-Дзорагета. Еще до этого (в 970 г.), пользуясь поддержкой Саманидов Хорасана, провозгласил себя царем Сюника Васак Сюни.

В этих условиях развивалось условное землевладение. Тагаворы и церковники жаловали своим мелким вассалам — азатам (дворянам и рыцарям) в пожизненное владение («паргев») либо земли, либо части доходов с них.

При Гагике I (990—1020), широко опиравшемся на служилое дворянство, интенсивно продолжался процесс экономического и политического укрепления Анийского царства.

Еще Смбат II упразднил последнее вассальное арабское эмирство Двина, и этот важный центр был присоединен к землям Багратидов. После него Гагик I уничтожил княжества Гелакуни и Вайоц-дзора и царство Парисос, а также завоевал бóльшую часть Сюникского царства и другие земли. Все эти земли были присоединены к общегосударственной территории, а правителями их были назначены представители служилого дворянства.

* * *

В дальнейшем история Армении постоянно осложнялась агрессивным вмешательством Византии. Византия всячески препятствовала усилению могущества анийских Багратидов; она широко использовала в своих интересах междоусобную борьбу отдельных феодальных правителей Армении, постоянно прибегавших к ее помощи и посредничеству.

Совместные походы армянских и грузинских войск против арабских владетелей Юго-Западной Армении в конце X в. закончились свержением власти халифата, но в то же время ускорили выступление Византии против Армянского и Грузинского государств. Византия утвердилась в центральной части Великой Армении, держа под угрозой армянские и грузинские феодальные княжества.

В 966 г. к империи было присоединено армянское княжество Багратидов в Тароне, с центром в г. Муше. После Тарона Византия захватила Тайк (грузинское Тао). Наступление Византии на Армению и Грузию усилилось после завоевания Василием II Болгарского царства (1016). Нависшая над Арменией угроза сельджукского нашествия способствовала наступательной политике Византии, за сравнительно короткое время захватившей почти все армянские земли. После смерти шаханшаха Гагика I начинается время упадка Анийского царства. Придворная клика — крупная феодальная знать и духовенство,— тесно связанная с торгово-ростовщическими элементами г. Ани, использовала в своих интересах возникшую между сыновьями умершего шаханшаха Иоанном-Смбатом и Ашотом борьбу за анийский престол. Распря закончилась тем, что Иоанн-Смбат как старший сын и законный наследник получил Ани с областью Ширак. При этом было оговорено, что если Иоанн-Смбат умрет раньше Ашота, последний станет его преемником. Так разделилось Анийское царство, и создалось положение, способствовавшее ослаблению и уничтожению системы вассально-зависимых армянских царств, которая возглавлялась анийскими шаханшахами.

Страна, раздробленная на отдельные феодальные владения, каждое со своими местными экономическими и политическими интересами, не смогла противостоять Византии, а затем вторгшимся сельджукам.

Падение армянских феодальных государств было тесно связано с поражениями, которые потерпел союзный армянским Багратидам абхазо-грузинский царь Георгий I. Ни Баграт III, ни Георгий I не хотели мириться с тем, что Тайк оккупирован Византией[1].

---

[1] См. гл. 4, § 2б настоящего издания.

В 1021 г. византийские войска через Вананд (область Карса) вторглись в Грузию. Потерпевший поражение Георгий I отступил в Картли, а византийские войска разорили южногрузинские округа.

В 1022 г. в Трапезунд, где начались переговоры[1] с Византией, прибыли не только послы Георгия I, но и посол шаханшаха Иоанна-Смбата— католикос Петрос I Гетадардз. Он согласился на то, чтобы Иоанн, не имевший наследника, завещал императору Византии города Ани и Карс, т. е. царства Анийское и Карсское.

После договора в Трапезунде Анийское царство просуществовало еще двадцать с лишним лет. В 1041 г., когда умерли царь Иоанн-Смбат и его брат Ашот, притязания на Ширакское царство предъявил император Михаил IV Пафлагонец (1034—1041). В г. Ани, однако, взяли верх торгово-ремесленные верхи, сторонники восстановления власти Багратидов, и царем был провозглашен сын Ашота, Гагик II (1042—1044).

Тогда византийское правительство прибегло к своей обычной политике: при помощи своих сторонников из армянской феодальной знати и высшего духовенства император Константин IX Мономах (1042—1054) предательски заманил к себе царя Гагика II и послал войско занять Ани. Народ во главе с доблестным полководцем Вахрамом Пахлавуни встал на защиту родного города. Вооруженные горожане героически бились с врагом, неоднократно отражая атаки византийских войск[2].

О жестокостях византийских войск во время осады Ани говорит историк Аристакес Ластивертци (XI в.). «Когда природу их злых дел обдумываю,— пишет он,— душа лишается рассудка и мысли мои столбенеют, и дрожит рука от чрезмерных ужасов, и я не в силах двинуть вперед линию строки, так как горестно излагаемая мною история достойна непрерывных оплакиваний»[3]. Жители Ани сумели разбить врага и даже передать город царице Марии, матери абхазо-грузинского царя Баграта IV. Однако вследствие предательства высшей знати сопротивление анийцев в конце концов было сломлено, и в 1045 г. Ани со всем Ширакским царством был присоединен к Византии.

Вслед за землями анийских Багратидов Византия захватила обширные владения феодального дома Пахлавуни (в Северной Армении, с центром Бджни). Так территория Армении была захвачена Византийской империей.

---

[1] *И. А. Джавахишвили.* История грузинского народа, кн. II, Тбилиси, 1947, стр. 132—133; *С. Т. Еремян.* Полководец Липарит и его предки (на арм. яз.). «Труды кабинета им. Н. Я. Марра при Ереванском гос. ун-те им. В. М. Молотова», № 2, Ереван, 1947, стр. 118—119

[2] *С. Т. Еремян.* Указ. соч., стр. 130—133.

[3] *Аристакес Ластивертци.* История Армении. Древнеармянский текст. Тифлис, 1912, стр. 55—56.

В присоединенных армянских областях была введена византийская административная и налоговая система. Часть местного дворянства с его войском была переселена в Болгарию. При помощи переселенцев Византия рассчитывала держать в повиновении непокорных славян. Болгары же и другие славяне были в свою очередь переселены в Армению для защиты чуждых им византийских интересов на Востоке. Захваченные области были переданы наместникам императора — катепанам. В Ани сидели катепаны, которые управляли городом до его завоевания сельджуками (1045—1064). В этот период в Малой Армении [1] образовалась целая сеть вассально-зависимых армянских княжеств, в которых значительно усилился армянский элемент за счет массового переселения жителей коренных областей Великой Армении (т. е. территории Армянского нагорья).

Создавшееся в большей части Армении положение ярко характеризуют слова Аристакеса Ластивертци: «Конница — без хозяина; кто переселился в Персию, кто в Грецию, кто в Грузию. Царские дворцы — в руинах, безлюдны. Густо населенная страна опустела, нет обитателей. Ни кликов радости не слышно на сборах винограда, в садах, ни привета с добрым пожеланием попиравшим в давильнях виноград» [2].

* * *

Завоевание армянских земель Византией было лишь частью суровых испытаний, выпавших в ту пору на долю армянского народа. Землям Армении угрожал новый и еще более жестокий враг — тюрки-сельджуки.

Завоевание сельджуками Армении было облегчено восточной политикой Византии. Армянский народ, попавший под власть алчной имперской администрации, в нужный момент не смог оказать серьезного сопротивления сельджукскому вторжению.

Сельджуки султана Тогрул-бека (1038—1063) впервые вторглись в Армению в 1048 г. Они двигались через Васпуракан в плодородные долины Багреванда (Алашкерта) и Басена и «мечом, огнем и пленением разрушили и разорили 24 округа» [3].

Византийские правители Васпуракана и г. Ани, Кекавмен и Аарон Болгарин, собрали наличные военные силы, в том числе армянские войска, под начальством Григора Магистра, и грузинские войска, во главе которых находился полководец Липарит. Эта неспаянная армия должна была выступать против хорошо организованных сельджукских

---

[1] Малая Армения — территория восточной части Малой Азии (от правого берега Евфрата до гор Антитавра).

[2] *Аристакес Ластивертци.* Указ. соч., стр. 53.

[3] Там же, стр. 65.

войск. В октябре 1048 г. в Басене, в местности Арджовит, произошло сражение, кончившееся поражением объединенных войск.

В следующем, 1049 г. сельджукские войска снова вошли в Армению и остановились в плодородных и густонаселенных долинах Басена и Карина. Отсюда они рассеялись по стране для грабежа и захвата пленных, проникли в Тайк (в районе р. Чорох), в Ашорнек (в долине Аракса), в леса Хордзена (нынешнего Дерсима) и в Тарон (Муш)[1]. Был полностью уничтожен г. Арцн, крупный торговый центр. Уцелевшие жители поселились в соседнем городе Карине, который был ими назван «Ромейским Арцном» — Арзан-ар-Рум (нынешний Эрзерум).

Это вторжение заставило Византию несколько изменить свою политику в армянских землях. Она убедилась, что армяне являются силой, которая заинтересована в борьбе с сельджуками; своей самоотверженной борьбой армяне преграждали путь врагу в малоазийские провинции империи. Поэтому Византия поставила во главе армянских провинций местных феодалов и содействовала созданию целой сети армянских вассальных владений в коренной Армении, в Малой Армении, Месопотамии и Киликии.

Вместо Аарона Болгарина правителем Ани был назначен один из крупнейших армянских феодалов Баграт (1060—1064). На юге Армении под управление Григора Магистра в 1048 г. были переданы Васпуракан и Тарон. Во главе всех крупных центров восточных провинций были поставлены армянские правители: в Эдессе, Антиохии, Харберде, Мелитене, Пире (Биреджик), Тарсе и других городах.

Большее внимание было обращено на укрепление страны. Были восстановлены и усилены старые укрепления и построены новые. Византийская администрация старалась привлечь на свою сторону симпатии населения. Так, правители Ани вновь укрепили стены города; был восстановлен и улучшен водопровод, тянувшийся на расстоянии 13 километров. Но эти мероприятия не делали народ менее бесправным и угнетенным. Прорывавшиеся протесты в форме движения павликиан жестоко подавлялись. Враждебное друг другу армянское и византийское христианское духовенство объединялось, когда дело касалось подавления народного движения.

В это время известно большое народное движение павликиан в округе Мананали (юго-западнее Эрзерума), которое было подавлено местным армянским духовенством с помощью вооруженных сил византийских властей, после чего началось выселение павликиан из Армении в балканские страны и на Дунай. Центром павликиан стал г. Филиппополь. На местной почве возникла новая разновидность движения —

[1] *Аристакес Ластивертци*. Указ. соч., стр. 69.

богомильство, перекинувшееся затем и в Европу. Здесь павликианство сложилось в альбигойство. В Италии павликиане были известны под названием катаров (от армянского слова «катареал», т. е. «совершенные»). Оставшиеся на родине подвергались жестоким гонениям. В разгроме павликиан главную роль сыграл византийский правитель Южной Армении и Северной Месопотамии ишхан Григор Магистр Пахлавуни. Этот вельможа писал: «Мы сожгли их дома и обитателей изгнали из наших пределов, но телесного вреда мы им не причинили, хотя закон предписывает подвергать их высшему наказанию. До нас многие военные и гражданские начальники предавали их мечу без снисхождения, не щадя ни стариков, ни детей, и поступали совершенно правильно. Более того, наши патриархи выжигали на лбах их печать с изображением лисицы, другие же выкалывали им глаза»[1].

Третье нашествие сельджуков, под предводительством султана Тогрул-бека, произошло в 1054 г., когда ими был разгромлен г. Карс.

Горожане Маназкерта оказали героическое сопротивление врагу, и сельджуки были вынуждены отступить в Персию. По пути они разорили г. Арцке на северном берегу Ванского озера, а жителей вырезали. После этого Тогрул-бек перенес военные действия в Месопотамию (арабский Ирак) и Персию; однако одиночные вторжения и разорение пограничных районов Армении не прекращались[2].

В 1064 г. последовало очередное нашествие сельджуков в Армению под предводительством султана Алп-Арслана. На этот раз сельджуки вторглись в Арран (нынешняя Азербайджанская ССР) и Грузию, а оттуда в Армению, разоряя по пути все, что они встречали. Чтобы избежать окончательного разгрома и уничтожения своих царств, грузинский царь Баграт IV и армянский царь Ташир-Дзорагета Кюрике II (1048—1089) заключили с Алп-Арсланом мир[3].

Тогда из южногрузинской области Джевахетии Алп-Арслан вторгся в Армению, в Ашоцк и Ширак. Ани был окружен кольцом вражеских войск. Жители его героически защищались, но в 1065 г. город пал и был разрушен полчищами врага.

Этими походами сельджуки в основном закончили завоевание большей части Армении, сопровождавшееся разорением и истреблением на-

---

[1] *Григор Магистр.* Письма. Александрополь, 1901, древнеармянский текст, стр. 162.

[2] *Я. А. Манандян.* Критический обзор истории армянского народа, т. III (на арм. яз.), Ереван, 1952, 34—35, 47—52; *Аристакес Ластивертци.* Указ. соч., стр. 91—107; *Ибн ал-Асир.* Тарих-ал-Камиль, русский пер. в извлечениях, изд. Академии наук Азерб. ССР, Баку, 1940, стр. 117.

[3] *И. А. Джавахишвили.* История грузинского народа, кн. II, стр. 149—151; *Я. А. Манандян.* Указ. соч., стр. 53—58.

селения прежде цветущих долин. «Осквернили и разорили страну нашу,— говорит Аристакес Ластивертци,— не один раз, а трижды. Каждый раз они возвращались в те же места, пока не лишилась вся страна жителей и замолк рев скота»[1].

Карсскому царю Гагику удалось отстоять страну от первых нашествий сельджуков. Но в 1053 г. и его резиденция, богатый торговый город Карс, подверглась внезапному ночному нападению сельджуков. Город был предан огню и разграблению, спаслась лишь та часть населения, которая укрылась в крепости. После завоевания Ани сельджуками в 1065 г. дальнейшее существование Карсского царства сделалось невозможным, и в том же году Гагик передал свои владения Византии, а взамен получил земли в Малой Армении, центром которых был г. Цамндав[2]. Карс же превратился в пограничное военное укрепление особого округа, во главе которого был поставлен Григор Бакуриан (1065—1074). Ему подчинялись также города Эрзерум и Олти[3]. Незавоеванным оставался укрепленный город Маназкерт (Манцикерт).

В 1071 г. Алп-Арслан совершил пятый поход в Армению через Васпуракан к северному побережью озера Ван. Император Роман IV Диоген во главе стотысячной армии выступил против Алп-Арслана. В битве при Маназкерте в августе 1071 г. византийцы потерпели страшное поражение, и сам император попал в плен к сельджукам. Богатый торговый город Маназкерт сделался добычей сельджукских войск, которые отныне почувствовали себя хозяевами во всей Армении. Затем сельджуки отняли у Византии Эрзерум (Карин или Арзан-ар-Рум), Ерзнка и почти всю Малую Азию[4].

После победы, одержанной при Маназкерте, султан Алп-Арслан роздал армянские земли в качестве военных ленов своим полководцам. Южную Армению он передал своему двоюродному брату, полководцу Сулейману-ибн-Кутулмышу. Эрзерум султан передал туркменскому эмиру Салдуху, а г. Ерзнка—Мангуджаку, который завладел также Камахом, Таврике и Колонией. Так образовались эмирства Эрзерумское и Ерзнкайское. Город Себастия с окрестными землями Малой Армении и Каппадокии получил в лен полководец Данишменд (1071—1084), которому было поручено завоевать эти земли[5].

---

[1] *Аристакес Ластивертци.* Указ. соч., стр. 93—94.

[2] *Я. А. Манандян.* Указ. соч., стр. 62.

[3] *И. А. Джавахишвили.* Указ. соч., стр. 158—159; *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи, т. III, М.— Л., 1948, стр. 88.

[4] *Ф. И. Успенский.* Указ. соч., т. III, стр. 67, 93—98, 138.

[5] *С. Т. Еремян.* Потомки полководца Липарита и вопрос о происхождении Данишменидов. «Известия Академии наук Арм. ССР», 1948, № 8 (на арм. яз.), стр. 65—79.

В создавшихся условиях особое значение для Византийской империи приобретали армянские феодальные владения в Малой Армении, Киликии и византийской Месопотамии. Эти владения играли роль второй оборонительной линии и своим сопротивлением сельджукам еще на 20 лет отсрочили их проникновение в западные части Малой Азии.

В эти годы на короткое время усиливается влияние полководца Филарета Варажнуни, назначенного правителем Коммагены и Четвертой Армении (районы нынешних Харпута и Дерсима). Ему надлежало охранять империю от вторжения сельджуков с юго-востока. Филарет был выразителем политических чаяний армянских феодалов. Он стремился воссоздать из разрозненных обломков армянских феодальных владений Малой Армении, Каппадокии, Сасуна, Киликии и Месопотамии единое армянское государство. После Маназкертской битвы (1071) Филарет фактически сделался независимым правителем вверенных ему земель с центром в г. Мараше, в горах Киликийского Тавра. К нему стекались лишенные своих владений армянские феодалы. Вскоре Филарету подчинились такие важные центры, как Антиохия и Эдесса, где он назначил правителями армянских вассалов. Филарет со своим войском удачно отражал нападения сельджуков.

К 1080 г., после завоеваний Данишманда, под властью Филарета сосредоточилась довольно обширная территория, простиравшаяся от озера Ван до замка Вахка в Киликийском Тавре и от Чимишкацага до Антиохии и Эдессы. В пределах этой территории находились крупные города: Антиохия, Эдесса, Мелитена, Харберд и Мараш.

Наиболее крупными вассалами Филарета были бежавшие от Данишманда армянские князья: Рубен, основатель династии Рубенидов в Киликии, и Гох-Васил. Вскоре Филарету пришлось вступить в неравную борьбу с Сулейманом-ибн-Кутулмышем и Данишмандом, которые завладели половиной его земель. В 1086 г. сын Алп-Арслана, Дудуш, изгнал Сулеймана и завладел не только Алеппо, но и Антиохией и другими землями Филарета.

Вскоре на западе сельджуки дошли почти до азиатского берега Босфора. Признавший их власть Сулейман-ибн-Кутулмыш оттеснил византийцев к Константинополю, империя вынуждена была в 1074 г. заключить с ним мирный договор. Согласно этому договору, Сулейман признавался владетелем всех занятых сельджуками земель в Малой Азии. В 1077 г. Сулейман провозгласил себя султаном образованного им государства — Румского султаната с центром вначале в Никее, а затем в Иконии, и сделался основателем династии Сельджукидов Рума (1077—1307)[1].

[1] *В. Гордлевский.* Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.— Л., 1941, стр. 22—34.

Наконец, в 1086 г. на запад двинулся Мелик-шах, который дошел до Средиземного моря. Сельджуков признали все малые и большие армянские владетели. Однако дальнейшее продвижение сельджуков встретилось с сопротивлением Грузии.

Правитель Карса Григор Бакуриан передал в 1074 г. этот город с областью Ванaнд грузинскому царю Георгию II, который прибыл со своими войсками и изгнал оттуда сельджуков. Мелик-шах послал против Георгия II свои войска под начальством Ахмада. Ахмад взял приступом Карс и разорил Западную Грузию; позднее Мелик-шах завладел и Тбилиси [1].

При султане Мелик-шахе I и его везире Низам ал-Мульке государство сельджуков переживало пору своего наибольшего могущества. Завоеватели в своих интересах строили города, дороги, каналы. Главными строителями были армянские мастера-архитекторы, которые внесли в строительство свой национально-традиционный стиль. Из зодчих того времени особенно известны Тагавур, строитель одного из древних сельджукских медресе в Малатии, и архитектор Галуст [2].

После походов сельджуков прежние области высоко развитой земледельческой культуры превратились в пастбища пришлых кочевников [3].

Армянские и грузинские феодалы признали владычество сельджуков. В 1082 г. «царь армянский Кюрике, [царь] грузинский Георгий и католикос армянский тэр-Барсег отправились к султану Мелик-шаху и вернулись с почестями» [4]. Ташир-Дзорагет и Абхазо-Грузинское царство стали данниками сельджукского султана, которому платили хараджи. То же сделали в 1084 г. сюникский царь Сенекерим (1084—1103) и владетель Малой Армении ишхан Филарет [5].

После смерти султана Мелик-шаха I (1092) обширное, но не имевшее своей экономической базы Сельджукское государство стало распадаться на уделы. Отдельные ветви сельджукской династии укрепились в Руме (в бывшей византийской Малой Азии), Ираке и т. д., а власть так

---

[1] *И. А. Джавахишвили.* История грузинского народа, кн. II, стр. 158—160.

[2] *И. А. Орбели.* Проблема сельджукского искусства. Сб. «Иранское искусство и археология» (III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады.) М.— Л., 1939, стр. 150—154.

[3] «История царя царей Давида Строителя», Картлис Цховреба, список царицы Анны, под ред. С. Каухчишвили, Тбилиси, 1943, древнегрузинский текст, стр. 206, 210—211.

[4] *Мхитар Айриванеци.* Хронография. М., 1860, древнеармянский текст, стр. 60.

[5] *Степанос Орбелян,* архиепископ Сюникский. История области Сисакан, гл. 61 Тифлис, 1910, древнеармянский текст, стр. 332—333; *Матфей Эдесский* (Матеос Урхаеци). Хронография. Вагаршапат, 1898, древнеармянский текст, стр. 25.

называемых «великих сельджуков» постепенно была ограничена пределами Хорасана.

После распада Сельджукской державы в коренной Армении образовались новые феодальные государства, во главе которых стояли правители преимущественно курдского происхождения. В южной части Армении, на территории, принадлежавшей до этого Мерванидам (990—1096), вассалам фатимидских халифов Египта, пришла к власти курдская династия «армянских шахов» (шахарменов) (1100—1207). Столицей их стал г. Хлат (на западном берегу озера Ван), на большом караванном пути.

В Высокой Армении и Ванандe в 1092—1206 гг. возникли эмирства Ерзнкайское (Ерзнка), Эрзерума (Карну-калак) и Карса (Каруц-калак), которые зачастую попадали в вассальную зависимость от шахарменов. Эмиры Ерзнки с XIII в. сделались вассалами румских сельджуков.

В XI — XII вв. наиболее сильной курдской династией Закавказья были Шеддадиды. В X в. Шеддадиды владели сначала лишь г. Ганджой (ныне Кировабад) и его окрестностями, но затем захватили близлежащие земли мелких феодалов, в том числе во владениях соседних армянских царств Ташира-Дзорагета и Сюникского. В 1048 г. Шеддадиды отняли г. Двин у армянского князя Давида, и там обосновалась их ветвь — двинские Шеддадиды. Один из двинских Шеддадидов, Абу-л-Сувар, в 1072 г. купил г. Ани у сельджукского султана Алп-Арслана. Приобретенный город Абу-л-Сувар передал своему сыну Мануче, который сделался основателем анийской ветви династии Шеддадидов (1072—1199). Как правители Ани Шеддадиды носили титул «шаханшах». При них был вновь восстановлен разгромленный город Ани.

В то время как часть крупных армянских феодалов нашла общий язык с завоевателями и сохранила свои привилегии, народные массы не мирились с иноземным господством и не раз поднимали восстания против Шеддадидов.

По соседству с мусульманскими, преимущественно курдскими, владениями находились уцелевшие от Византии и сельджуков клонившиеся к упадку армянские царства Ташир-Дзорагета (столица — г. Лори) и Сюникское. Позднее, в 1118 г., г. Лори был занят грузинским царем Давидом IV[1].

Сюникский царь Сенекерим подчинялся султану Мелик-шаху I. После распада Сельджукского государства сельджукский царевич Мухаммед, посаженный наместником в Гандже, стал претендовать на

---

[1] *И. А. Джавахишвили.* Указ. соч., кн. II, стр. 197—198.

Сюникское царство. В 1103 г. войска Мухаммеда проникли в столицу царства Капан, разорили и предали его огню [1].

Сюнийцам приходилось отражать непрерывные нападения ганджинских сельджукских эмиров. Последние захватили Хачен и подступили к границам Сюника. Его мужественное население долго оказывало сопротивление, но с завоеванием Арцаха участь Сюника была решена. Атабек Азербайджана (Южного) Ильдегиз с огромным войском вторгся в 1170 г. в Сюник и взял замок Багаберд. Трусливый и бездарный царь Хасан бежал в Хачен; позднее он стал основателем большого феодального дома Арцаха — Хасан — Джалалянов. С этого времени Сюник на 35 лет вошел в состав владений государства Ильдегизидов, пока в начале XIII в. не был освобожден грузинскими и армянскими войсками амирспасалара Захарии.

Армянские феодальные владения сохранились в виде отдельных оазисов в высокогорных областях Сасуна, Мокса, Рштуника и др. В этих ущельях спасалась значительная часть обнищавшего населения долин, которое организовывало дружины для сопротивления иноземным поработителям. Одним из районов, где народ сумел довольно долго сохранить свою независимость, был высокогорный Сасун и окружающие его области. Здесь было создано известное эпическое произведение «Сасунские храбрецы» («Давид Сасунский»), в котором армянский народ запечатлел свою героическую борьбу с иноземными нашествиями. Феодалы предпочитали добровольно подчиниться завоевателям, чтобы сохранить свои привилегии, но народ не хотел с этим мириться и вел борьбу за независимость. В горах Сасуна уцелел старинный нахарарский род Мамиконянов. Торник Мамиконян расширял свои владения, завоевал долину среднего течения Евфрата— Арацани (ныне Мурад), Мушскую равнину (Тарон), Чапахджур и Ашмушат. В Сасуне ему удалось сохранить свою самостоятельность вплоть до половины XIII в. В Васпуракане уцелели представители дома Арцруни. Сородич Арцрунидов, ишхан Хеденек, владел крепостью Амюк на восточном берегу озера Ван, а также островом Ахтамар. Другая ветвь Арцрунидов владела землями в Коговите и Цахкотне с центром в замке Ангх.

Главная масса покинувших родину армян обосновалась в горных ущельях Киликийского Тавра и Антитавра. Бежавшие и переселенные сюда из Армении византийским правительством армянские дворяне вели удачные войны с окружающими византийскими и мусульманскими владетелями, из завоеванных земель которых они образовали новые феодальные владения. Наибольшее значение здесь приобрело Киликийское армянское государство.

---

[1] *Степанос Орбелян.* Указ. соч., стр. 333—335.

* * *

Дальнейшее усиление армянских феодальных княжеств в коренной Армении связано с укреплением Грузинского государства, его наступлением на слабевших сельджукских правителей и изгнанием последних из армянских земель.

Если борьба армянских Багратидов за создание единого государства, которое должно было объединить народы Закавказья, потерпела крах, то аналогичная политика грузинских Багратидов при более благоприятных экономических и политических условиях принесла известные успехи, непосредственно отразившиеся и на исторических судьбах Армении[1].

Со времени первого крестового похода, когда сельджуки вынуждены были оттянуть все свои военные силы к Сирии и Палестине, правительство Давида IV Строителя довершило объединение грузинских земель в относительно единое государство и перестало платить тюркам дань. Давид IV присоединил к своему царству Кахети и упразднил там династию кахетинских Кюрикидов (1104). Через год он устранил Липаритидов[2].

Грузия времен Давида IV Строителя шаг за шагом отвоевывала земли, захваченные сельджукскими владетелями Закавказья. К Давиду IV присоединились разгромленные Византией и сельджуками армянские феодалы и приняли деятельное участие в его военных походах. Политика Давида IV, направленная к освобождению страны от иноземных завоевателей и ее объединению, находила сочувствие в массах населения сел и городов, беспрестанно страдавших от феодальных распрей и иноземных вторжений.

Войска Давида IV освободили от сельджуков Сомхити с г. Самшвилде, Рустави и, наконец, Тбилиси (1122), который был объявлен столицей всей Грузии — «Сакартвело»[3].

Успехи Давида IV послужили сигналом для восстания жителей г. Ани против шеддадидского эмира Абу-л-Сувара. Совет старейшин через своих послов просил грузинского царя освободить их от иноземных правителей. В августе 1123 г. Давид IV поспешил с шеститысячным войском к Ани и через три дня взял его. Во главе управления города был поставлен совет старейшин, а азнауры-месхи возглавили гарнизон города[4].

---

[1] См. гл. 4, § 2 настоящего издания.

[2] *И. А. Джавахишвили.* Указ. соч., кн. II, стр. 195—196.

[3] Там же, стр. 197—205.

[4] Там же, стр. 207—208; см. *Ибн-ал-Асир.* Указ. соч., стр. 125—126.

В управлении армянскими землями, очищенными от сельджуков, грузинское правительство широко использовало местных феодалов; служба армянских феодалов щедро вознаграждалась, и многие из них заняли видное положение среди вассалов Багратидов. Армянский феодал Вахрам Арцруни, живший в Ани, сделался одним из близких людей Давида IV. Последний пожаловал ему часть земель Северной Армении, присоединенной к Грузии. Вахрам Арцруни стал основоположником махканабердских Арцруни (груз. Манкабердели). Затем Давид IV передал ему должность амира-амиров, т. е. правителя г. Тбилиси, ставшую наследственной привилегией его потомков[1].

В своей борьбе против крупной феодальной знати — дидебулов — Давид IV опирался на иноземное войско и примкнувших к нему армянских феодалов. В 1123 г. Давид IV ввел должность главнокомандующего всеми грузинскими войсками — амирспасалара, которую передал своему вассалу, владетелю замка Орбели в Сомхити, Иванэ Орбели; ему же были пожалованы прежние владения Кюрикидов, включая Самшвилде. С этого времени начинается возвышение феодального дома Орбели. Город Самшвилде делается их вотчиной, а г. Лори, бывшая столица Кюрикидов, — местопребыванием амирспасаларов. Вассалами Орбели становятся владетели Хошорни в лице армянского ишхана Захарии Старшего[2].

Давид IV стремился привлечь жителей отдаленных частей Армении в Грузию. Для армянских переселенцев был построен г. Гори. Известный деятель армянской феодальной культуры Иоанн Софист (умер в 1129 г.) сделался личным советником Давида IV по делам армян и Армении.

Политика Давида IV в отношении армянских земель и совместная борьба грузинских и армянских войск против иноземных завоевателей являлись лучшим выражением братской дружбы грузинского и армянского народов.

После смерти Давида IV Строителя Шеддадиды вновь предъявили свои претензии на Ани. В 1126 г. из Персии прибыл сын эмира Абу-л-Сувара II, Фадлун, с большим ополчением курдских и сельджукских феодалов и приступил к осаде Ани. В то время как феодалы и купцы думали сохранить свои привилегии ценой уступок, народ грудью встал

---

[1] *С. Т. Еремян.* Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам. «Труды Ереванского гос. ун-та им. В. М. Молотова», т. XXIII, Ереван, 1946, стр. 399—400.

[2] *И. А. Джавахишвили.* История грузинского права, кн. II, вып. 1 (на груз. яз.). Тбилиси, 1928, стр. 140—157; *С. Т. Еремян.* Амирспасалар Захария Долгорукий. Ереван, 1944, стр. 8—11 (на арм. яз.).

на защиту города. В отчаянной схватке за город участвовали также женщины; особенно прославилась своим героизмом и самоотверженностью девушка Айцеамн[1]. Но в городе начался голод. Грузинский царь Дэметрэ I был вынужден передать город Фадлуну (1126—1132), взяв с него обещание сохранить Ани, а также привилегии его жителей и признать себя вассалом Грузии[2].

Наиболее сильными соперниками грузинских Багратидов являлись государства Ильдегизидов и шахарменов. Они всегда противодействовали стремлению Грузии изгнать сельджуков из Северной Армении. Каждый раз, когда в Грузии возникали междоусобия, все недовольные политикой грузинских царей элементы находили убежище у атабеков Ильдегизидов и шахарменов.

Сельджукские правители наносили армянским землям огромный ущерб. Когда-то цветущие области Айрарат, Ширак, Вананд и другие представляли теперь картину крайнего разорения. Важные стратегические пункты страны — крепости Амберд, Бджни, Кечрор и другие — превратились в разбойничьи гнезда сельджукских кочевников. Из этих мест их дружины совершали налеты на проходившие мимо торговые караваны и терроризировали местное население, занимаясь вымогательством и грабежом крестьян. Нередко они захватывали и укрепленные города, которые превращались в центры разбойничьих шаек. Так, г. Царакар (около Ани) «был захвачен разбойниками по приказанию главаря Харачая, эмира крепости Кечрор». За большие деньги Карачай продал Царакар Кызыл Арслану (1174—1207), атабеку Азербайджана (Южного), который, по словам историка Вардана, поселил в нем «вредных людей, день и ночь не перестававших проливать кровь» [3].

Грузинский царь Георгий III (1156—1184) поддерживал армянскую знать, надеясь с ее помощью и с помощью армянских войск отнять от сельджуков армянские области в долине Аракса.

В 1161 г. Георгий III вновь занял Ани. Это послужило поводом для совместного выступления сельджукских владетелей в Армении и Месопотамии. Очевидец этих событий Самуэл Анеци сообщает, что Георгий III со своим семитысячным войском одолел восьмитысячное войско неприятеля. Ани после этого был передан в управление армянскому феодалу Саргису Захариду, который приобрел славу отважного воина и полководца и получил от грузин прозвище «Мхаргрдзели» (т. е. Долгорукий)[4].

---

[1] *Самуэл Анеци*. Хронография. Вагаршапат, 1893, стр. 126—127; *Н. Я. Марр*. Ани, стр. 41.

[2] *И. А. Джавахишвили*. История грузинского народа, кн. II. стр. 222—223.

[3] «Всеобщая история Вардана Великого». М., 1861, стр. 160.

[4] *С. Т. Еремян*. Амирспасалар Захария Долгорукий, стр. 11—13.

Но Ани угрожали правившие в Двине Шеддадиды. Поэтому Георгий III в 1162 г. занял Двин и назначил правителем города армянского феодала Анания.

В ответ на взятие грузино-армянскими войсками Двина образовалась группировка сельджукских правителей Южного Азербайджана, Персии и Армении. Союзники в феврале 1163 г. вторглись в Грузию; на этот раз Георгий III потерпел поражение, после которого вынужден был в 1165 г. заключить мирный договор. Согласно этому договору в Ани вновь утвердились Шеддадиды. Лишь после смерти атабека Ильдегиза (1172) Георгий III в 1173 г. при помощи армянских горожан вновь занял Ани[1].

Давид IV и его преемники, опираясь на войско, состоявшее из половцев, мало считались с интересами своих вассалов — крупных землевладельцев (дидебулов), низведенных до роли временно назначаемых правителей (эриставов) своих владений, которые центральная власть рассматривала как провинции, составные части единой феодальной монархии. Это усиление центрального правительства беспокоило высшую грузинскую феодальную знать. Особенно недовольны были возглавлявшие дидебулов Орбели, фамильной привилегией которых стала должность амирспасалара Грузии. Феодалы из фамилии Орбели пытались вмешиваться в дела грузинского двора и оказывать влияние на политику правительства, однако их попытки встретили отпор со стороны Георгия III.

Георгий III сломил сопротивление знати. Феодальный заговор 1177 г., во главе которого стоял Иванэ Орбели, был подавлен, а его организаторы казнены. В результате мятежа правители Ани и Двина подчинились Шеддадидам[2].

Особенно крупные успехи в освобождении армянских земель были достигнуты Грузией в годы правления царицы Тамары (1184—1213), при которой Грузия сделалась могущественным государством Ближнего Востока.

Юрий Андреевич, муж Тамары, возглавил борьбу армян и грузин против сельджуков.

Грузинские и армянские войска под предводительством Юрия Боголюбского совершали походы против сельджукских эмиров, обосновавшихся в Армении, в результате чего была освобождена столица средневековой Армении — г. Двин. Юрий Андреевич упоминается в двух

---

[1] *И. А. Джавахишвили.* Указ. соч., стр. 229—232, 239; см. *Ибн-ал-Асир.* Указ. соч., стр. 126—127.

[2] *И. А. Джавахишвили.* Указ. соч., кн. II, стр. 239—243; *С. Т. Еремян* Амирспасалар Захария Долгорукий, стр. 12—13.

армянских надписях Санайнского монастыря, датированных 1185 и 1191 гг. Его же имя упоминают Мхитар Гош, Вардан Аревелци и Стефанос Орбелян [1].

После изгнания Юрия Андреевича из Грузии [2] и подавления выступлений связанной с ним знати наиболее влиятельной фигурой при дворе стал Захария Мхаргрдзели, которому Тамара пожаловала должность амирспасалара; он стал «патроном» г. Лори. Должность амирспасалара получила особенно большое значение при царице Тамаре, так как она не могла сама непосредственно участвовать в походах. Амирспасалар возглавлял все походы.

Наряду с должностью амирспасалара Захария около 1203 г. получил должности мандатурт-ухуцеси-везира (хранителя печати) и начальника личной охраны царицы. Он готовил все царские указы и распоряжения. Облеченный столь большими полномочиями, Захария Мхаргрдзели стал наиболее влиятельным лицом и фактическим правителем государства.

В результате получения привилегий и должностей обогатились и другие члены дома Мхаргрдзели-Захаридов. Например, Иванэ, брат Захарии, получил от царицы высокую придворную должность мсахурт-ухуцеси, а также обширные земельные владения.

Походы грузинских войск Захарии в первую очередь были направлены в долины Куры и Аракса, в области, населенные почти сплошь армянами [3]. От сельджуков были освобождены и очищены Амберд (1196), Бджни, Айраратская и Ширакская равнины (1201). В 1199 г. из Ани были окончательно изгнаны Шеддадиды, и этот центр политической и культурной жизни армян сделался резиденцией Захарии и его преемников, которые в качестве патронов Ани носили титул «шаханшах». Наконец, в 1203 г. мусульманские эмиры были окончательно изгнаны из древней столицы Армении — г. Двина.

После этих войн старейшины Карса просили Тамару взять город под свое покровительство. Местный сельджукский эмир бежал, и фактическим правителем города стал представитель армянского купечества.

Таких же успехов грузинские войска достигли в Азербайджане, откуда, по просьбе ширваншаха Ахситана, в 1195 г. были изгнаны сельджуки, а затем была освобождена столица ширваншахов Шемаха и взята Ганджа. Тем самым была надолго уничтожена опасность вторжений со стороны Персии [4].

---

[1] *С. Т. Еремян.* Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам, стр. 405—409.

[2] См. гл. 4, § 1 настоящего издания.

[3] *С. Т. Еремян.* Амирспасалар Захария Долгорукий, стр 21—24.

[4] См. гл. 4, § 4 настоящего издания.

Грузинское правительство приступило к пресечению далеко идущих агрессивных планов западного соседа — Румского султаната. Присоединение Карса к Грузии вызвало большую тревогу в пограничных с ней сельджукских эмирствах — Эрзерума и Ерзнка, которые в 1201 г. были завоеваны румским султаном Рукн-ад-дином II (1196—1204).

Это было время, когда румские сельджуки вели войны с Киликийской Арменией и Никейской империей за выход к Средиземному и Черному морям с целью установления непосредственных торговых связей с Крымом и южнорусскими землями, а также с венецианцами и генуэзцами. В осуществлении планов Рукн-ад-дина ему мешали: на юге — наиболее могущественный враг, царь Киликийской Армении Левон II (1187—1219), а на северо-востоке — царица Тамара.

Рукн-ад-дин начал поход в Грузию с тем, чтобы сломить ее могущество, а затем отторгнуть от слабой Никейской империи черноморское побережье с Трапезундом.

В битве при Болорпахаке (ныне Кепри-кей) войска Рукн-ад-дина были окружены и разбиты. Султан бежал с остатками своих войск. Грузинско-армянское войско Захарии очистило от врага Басенскую равнину. Эмирства Ерзнки и Эрзерума стали данниками царицы Тамары. После победы над Рукн-ад-дином было покончено с вопросом о Трапезунде и черноморском побережье [1].

В 1208 г. в Хлате утвердилась новая курдская династия Эюбидов. Основателем этой династии был Салах-ад-дин (Саладин). Утверждение новой династии нарушало планы грузинского правительства по дальнейшему освобождению армянских земель от сельджукских властителей. Войска амирспасалара Захарии, взяв г. Сурмари (в долине Аракса), перешли через Армянский хребет и заняли подвластные шахарменам армянские округа Багреванд, Цахкотн и Коговит вплоть до г. Маназкерта. В дальнейшем грузино-армянские войска доходили до городов Арчеш и Хлат (на берегу озера Ван) [2].

В 1209 г. в результате нового похода была осаждена столица шахарменов Хлат. Однако Иванэ Мхаргрдзели попал в плен к хлатцам, и удачно начатую экспедицию пришлось закончить мирным договором, закрепленным браком дочери Иванэ, Тамты, с хлатским султаном. Этим договором между Грузией и государством шахарменов были надолго установлены добрососедские взаимоотношения. В дальнейшем Тамта сделалась правительницей Хлатского султаната, который фактически находился в зависимости от Грузии [3].

[1] См. гл. 4, § 2 настоящего издания.
[2] См. *Ибн-ал-Асир*. Указ. соч., стр. 131—133.
[3] *И. А. Джавахишвили*. Указ. соч., кн. II, стр. 281—283.

В результате описанных выше походов бо̀льшая часть коренной территории Армении вплоть до Маназкерта и гор Цахканц (ныне Аладаг) была очищена от сельджуков.

В 1209 г., когда ардебильский султан воспользовался случаем и напал на цветущий Ани, Захария совершил поход на Ардебиль, взял в плен султана со всей его семьей и вернулся с большой добычей и пленными. Однако грузинское правительство не ограничилось походом на Ардебиль. В 1210 г. амирспасалар Захария совершил поход в глубь Персии. Армянские и грузинские войска через Нахичеван перешли Аракс по Джульфинскому мосту. По долине Дарадуза они проникли в Персию. Один за другим сдались без боя крупные торговые города: Маранд, Тебриз, Уджан, Мианэ, Зенджан, Казвин и другие, вплоть до Хорасана. Захватив огромную добычу, войска возвратились в Тбилиси. После этого Грузия и значительная часть Армении относительно мирно развивались вплоть до татаро-монгольского нашествия.

Из освобожденных от сельджуков армянских областей к Грузии был присоединен только г. Карс с областью. Но и он был выделен в самоуправляющуюся автономную единицу, во главе которой стояли представители местной купеческой аристократии, управлявшие городом от имени грузинского царя. По сообщению Басили, придворного историка царицы Тамары, она «оставила за собой один этот город и крепость из всех тех, которые брала, побеждая, от Зоракерта (Дзорагета.— *Ред.*) и до Рахса (Аракса. — *Ред.*), от Гаги и до Гандзы и от Джавахети вплоть до Спери»[1]. Указанная историком территория соответствует территории Армении времен Багратидов, включая Сюник (в начале XI в.). По мере освобождения этих земель от сельджуков царица Тамара передавала их армянским феодалам во главе с братьями Захарией и Иванэ[2].

Будучи наследственными верховными правителями территории Северной Армении, Захариды пользовались судебным и налоговым иммунитетом[3]. Это же право вскоре царица Тамара пожаловала и армянской церкви[4]. Прочие армянские владетели находились в вассальной зависимости либо от Захарии, либо от Иванэ[5]. Так образовалась сеть вассально-зависимых армянских княжеств, верховными сюзеренами которых считались грузинские цари.

---

[1] *Басили.* Указ. соч., стр. 71.

[2] *Х. Самуэлян.* Указ. соч., т. 1 (на арм. яз.), стр. 143—147.

[3] См. *И. А. Джавахишвили.* История грузинского права, кн. II, вып. 1, стр. 99—101; *Н. А. Бердзенишвили, И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа.* История Грузии, ч. 1, стр. 187—211.

[4] *С. Т. Еремян.* Юрий Боголюбский..., стр. 406.

[5] *С. Т. Еремян.* Амирспасалар Захария Долгорукий, стр. 17—21.

* * *

Связи армян с Русью восходят к глубокой древности. В «Географии» Анания Ширакаци VII в. упоминаются 25 племен славян, живших в Дакии, а затем расселившихся южнее Дуная — в Македонии, Фракии, Ахайе и Далмации.

Армянский историк X в. Мовсес Каланкатваци сообщает о «рузиках» — русских, которые в 943 и 944 гг. взяли приступом столицу Албании — г. Партав. Местный арабский правитель из династии Саларидов не смог одолеть трехтысячный отряд «рузиков», «так как они были непобедимы»[1].

С X в. армяне-купцы, воины, миссионеры стали проникать вглубь Руси либо через волжский путь, либо по днепровскому пути. В 1001 г. русские войска, по свидетельству историка Асогика, в составе 6000 пеших воинов, вооруженных копьями и щитами, вместе с византийскими войсками прибыли в Армению и Грузию[2]. В XI в. наиболее тесное общение армяне и грузины имели с населением русской Тмутаракани.

Армяне со своими караванами были нередкими гостями в приволжских и приднепровских русских селениях и городах. Армянских купцов сопровождали христианские проповедники, иногда врачи, художники и ученые.

Из Армении в далекую Русь вывозили главным образом ковровые и шелковые изделия. Арабский путешественник Ибн-Фадлан в X в. побывал у одного из славянских князей, «юрта» которого, по его словам, была «очень большая», вмещающая якобы «тысячу душ» и «устланная в большей части армянскими коврами»[3].

Киево-Печерский патерик сохранил интересное известие о пребывании в Киеве, в княжение Всеволода Ярославича (конец XI в.) и Владимира Всеволодовича Мономаха (1113—1125), сведущего армянского врача[4].

С X в. значительное участие в торговле по волжскому пути принимали армянские купцы. Торговые колонии армян мы встречаем в Болгарах, Новгороде Великом, Киеве, позднее в Москве. Торговый путь по Волге, шедший из Персии и Каспийского моря, через Нерехту до Белого моря, назывался «великим армянским торговым путем» или «армянской дорогой»[5].

---

[1] См. *А. Ю. Якубовский.* Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 943—944 гг. «Византийский временник», Л., 1926, т. XXIV, стр. 63—92.

[2] «Всеобщая история Степаноса Таронского», стр. 200.

[3] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», М.—Л., 1939, стр. 73

[4] «Патерик», стр. 93—95. См. *Л. А. Оганесян.* История медицины в Армении с древнейших времен до наших дней, ч. II, Ереван, 1946, стр. 66—70.

[5] *Л. М. Меликсет-бек.* Древняя Русь и Армения «Сб. трудов Ин-та языка Академии наук Арм. ССР», Ереван. 1946, стр. 142

После падения Армянского государства в Киликии, армянские купцы обосновались главным образом в Крыму[1]. Отсюда, видимо, были вывезены и серебряные изделия киликийских армянских мастеров, найденные во время раскопок в Бердянске и на Урале[2].

В XII в. русская церковь пользовалась большим авторитетом в феодальных церковных кругах армян. В борьбе с католицизмом армянская церковь возлагала надежды на помощь русской церкви. Григор Тутеорди (XII в.) в одном из посланий католикосу Григорию Тха (Отроку) указывал на «возвеличенную христианством, славную церковь русских»[3].

В это время был сделан ряд переводов литературных памятников с армянского на русский и с русского на армянский языки. На русский язык было переведено «Житие Григория Парфянина», а в начале XIII в. было переведено на армянский язык «Житие Бориса и Глеба». Это житие затем вошло в армянские Четьи-Минеи[4].

Армянские архитекторы и художники работали на Руси, русские художники расписывали армянские церкви. В начале XIII в. художественные росписи одной из лучших церквей города Ани были выполнены русским художником. В Новгороде Великом, в храме Спаса Нередицы, среди фресковых изображений были также изображения Григория Просветителя и Рипсимэ.

Связь культуры армянской с русской можно проследить не только в области архитектуры и живописи, но и в области народного творчества — **эпоса.**

в) Культура

Культура Армении IX—X вв., народная в основе, своими корнями уходит в армянскую культуру V—VII вв. Обращение к цветущему периоду культуры самостоятельной Армении было сознательным восстановлением попранной арабскими захватчиками традиции.

---

[1] См. *Е. С. Зевакин* и *Н. А. Пенчко.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. «Исторические записки», № 3, стр. 72—129.

[2] См. *И. Орбели.* Киликийская серебряная чаша конца XII в. «Памятники эпохи Руставели», стр. 261—274; *его же.* Дорожный ковшик XII—XIII вв., в том же сборнике, стр. 275—282.

[3] См. *А. А. Абраамян.* Русский народ и Москва в армянской средневековой литературе. «Научные труды Ереванского гос. ун-та им. В. М. Молотова», т. XXVII, Ереван, 1948 (на арм. яз.), стр. 217.

[4] См. «Армянский пролог о Борисе (Романе) и Глебе (Давиде)». По Синаксарию Тэр-Исраэля, первой половины XIII в. Древнеармянский текст и русский перевод, сделанный Л. М. Меликсет-беком. См. его же «Древняя Русь и Армения», стр. 143—151.

Поэзия развивалась прежде всего в народном творчестве. Многочисленные сказители — гусаны на площадях городов и сел воспевали идеализированных героев, доблесть и отвагу сынов народа, их самоотверженность в борьбе за свободу родины.

Поэма «Давид Сасунский» составляет третью часть большого цикла сказаний «Сасунские храбрецы», посвященного героической эпопее борьбы народа за родину. В этих сказаниях образы легендарных и мифологических героев переплетаются с образами подлинных исторических лиц. В целом «Сасунские храбрецы» рисуют историю Сасуна и окружающих его областей Южной Армении, как она отразилась в представлениях народа.

Поэзия продолжала развиваться несмотря на то, что господствовавшая во всех областях жизни церковь душила всякие ее проявления. Поэты в своих произведениях вынуждены были маскировать земные чувства неземными образами.

В этом смысле характерна церковная лирика школы Григора Нарекаци (951—1003), сына выдающегося писателя Хосрова Андзеваци. Григор Нарекаци — крупный писатель, своими произведениями положивший начало армянской средневековой светской поэзии.

Стихи Григора Нарекаци, полные тонкого лиризма, таили в себе протест против закостенелой и ханжеской церковной проповеди. Поэта тянуло к земной жизни, к реальному. Григор Нарекаци первый в армянской поэзии воспел труд, который аллегорически представлен крестьянской телегой, управляемой крепостным.

В армянской литературе усиливались светские элементы; развивались даже такие жанры литературного творчества, как новелла.

В X в. записывались различные исторические сказания для занимательного чтения. Сохранились повести об ишхане Васпуракана Григоре Деренике (846—886), в которых обрисован тип феодального князя — кутилы и мота.

В этих повестях подвергается осмеянию монашество и аскетизм, воспеваются пиры с пением и танцами.

Крупным деятелем литературы и науки был Григор Магистр (990—1058). Он почти единственный из ученых этого периода не принадлежал к духовному сословию. Он был энциклопедистом: философом, грамматиком, поэтом, медиком и в то же время государственным деятелем. Прекрасно знакомый с греческой философией и риторикой, он перевел на армянский язык «Диалоги» Платона и «Геометрию» Евклида. Им написано также толкование к Дионисию Фракийскому. Однако Григор Магистр принадлежал к реакционному крылу армянской знати и принимал активное участие в преследованиях тондракийцев.

Продолжала свое развитие и армянская историография. Первый историк этой поры — Шапух Багратуни. О его труде, до нас не дошедшем, имеются многочисленные свидетельства древних писателей, которые пользовались им. Сочинение содержало историю Армении за время с 788 по 885 г. Продолжателем его был католикос Иоанн VI Драсханакертци (889—931), который довел свою «Историю Армении» до 925 г. Он излагал преимущественно историю Багратидского царства и мало касался соседних княжеств. Его современник, фамильный историк Арцрунидов — Фома Арцруни, посвятил свой труд главным образом истории царства Васпуракан. Со второй половины X в. до первых годов XI в. писал «Всеобщую историю» Степанос Таронаци, по прозванию Асогик.

Сочинения этих историков являются до сих пор основными источниками по истории Армении IX — X вв. Упомянутые писатели излагают не только современные им события, но начинают историю Армении с «сотворения мира», следуя тенденции, установившейся после «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. История Армении XI в. ярко представлена в трудах Аристакеса Ластивертци.

Багратидские цари, в середине X в. перенесшие свою резиденцию в Ани, украшали столицу выдающимися произведениями архитектуры. Получила широкое распространение композиция круглых храмов, наиболее значительными памятниками которой явились храм, построенный царем Гагиком I Багратуни в 1001 г., храм «Сурб Пркич» (основанный в 1036 г.) и церковь Абугамренц (основанная до 994 г.). Сюда же относится замечательная «Пастушья церковь» в Ани.

«Купольная базилика», выработанная зодчеством VII в., легла в основу композиции анийского кафедрального собора, законченного постройкой при Гагике I. Замечательная композиция центрального купольного здания, блестяще развитая в зодчестве того же VII в., послужила источником форм церкви, построенной Гагиком Арцруни в его резиденции — Ахтамаре (на озере Ван). Это здание интересно и резьбой по камню, местами почти сплошь покрывающей стены. Растительные мотивы переплетаются с звериными и человеческими изображениями; в каменной скульптуре представлены также сцены из Нового и Ветхого завета.

Монументальная резьба по камню, которую широко применяли в архитектуре, замечательна точностью рисунка как геометрического, так и изобразительного характера. Те же черты отличали резьбу по дереву, мотивы которой общи с резьбой по камню.

Высокого развития достигла и светская архитектура, памятников которой сохранилось, правда, значительно меньше. К их числу относится двухэтажный дворец Багратидов в анийском вышгороде

(IX—XI вв.), представляющий собой большой комплекс, разделенный на две части коридором, со многими парадными, жилыми и хозяйственными помещениями. Особенно примечательна трехнефная зала с деревянными колоннами, соединенными деревянными же арками, и перекрытием, которое украшено росписью, изображающей сады с цветами и группы всадников, а также богатой резьбой по дереву. Внутри дворца проходила система глиняных и железных водопроводных труб, подававших горячую и холодную воду в баню. В феодальной архитектуре, как светской, так и церковной, проявлялись начала народного зодчества.

Интересен факт приглашения зодчего Трдата в Константинополь, где он в 989 —992 гг. реставрировал купол Софийского собора, разрушенный землетрясением[1].

* * *

Завершение освободительной войны против сельджуков, образование вассального Грузии государства в коренной Армении, а также усиление армянского государства в Киликии, создали благоприятные условия для нового культурного подъема страны. В городах создавался особый стиль в литературе и зодчестве. Складывался общий разговорный язык — «средний армянский».

Расцвет литературы и искусства явился результатом экономического развития страны, сопровождавшегося жестокой эксплуатацией трудящихся. Борьба трудящихся против эксплуатации, выливавшаяся в сектантские движения, также нашла отражение в литературе, в первую очередь в иносказаниях — притчах[2].

В этот период, наряду со школами при монастырях, открываются светские школы. В Киликийской Армении в XII в. светские школы (варжараны) были открыты при царе Левоне II. Школы были платные, и учиться в них могли только богатые. Такие же светские школы существовали в Армении в XIII в.

Дальнейшее развитие получили университеты (хамалсараны) и академии. В X—XI вв. были известны высшие школы: Татевская, Нарекская, Дпреванкская (в нынешнем Ленинакане) и др. Высшая школа, основанная Иоанном Саркавагом в Ани в конце XI в., Ахпат-Санайнская школа, Нор-Гетикская школа, основанная в конце XII в. Мхитаром Гошем, и другие готовили преимущественно богословов. Наибольшей известностью пользовался Гладзорский университет в Вайоцдзоре.

---

[1] *К. Л. Оганесян.* Зодчий Трдат. Ереван, 1951, стр. 87—100.

[2] См. стр. 604 настоящего издания.

При университетах и монастырях существовали скриптории (матенадараны), богатейшие хранилища рукописей. Так, например, Татевский монастырь имел 10 000 рукописей. Особенной известностью пользовались матенадараны при монастырях Ахпата и Санайна. В матенадаранах имелся штат переписчиков, художников-миниатюристов (так называемых «иллюминаторов») и переплетчиков.

Армянская литература была представлена всеми жанрами и отличалась реалистическим характером. В это время выдвинулись такие ее выдающиеся представители, как Иоанн Саркаваг, Нерсес Благодатный, Нерсес Ламбронаци, Мхитар Гош и Вардан Айгекци. Иоанн Саркаваг создал первую светскую лирическую поэму[1].

Католикос Нерсес Благодатный (1102—1172) является автором многочисленных посланий, поэм и загадок. В его произведениях еще сильнее звучат светские мотивы. Он изложил в стихах, в форме большой поэмы, историю Армении. Это первое поэтическое произведение в армянской литературе, содержанием которого была история страны. В поэме «Плач об Эдессе» (1145—1146) автор реалистически описывает взятие и разрушение сельджуками в 1144 г. Эдессы, избиение ее жителей. Сочиненные Нерсесом шарады и загадки должны были, по его мысли, заменять мифы и легенды, читавшиеся во время пиршеств и свадебных торжеств[2].

В литературе того времени мы находим критику отдельных сторон феодального общества; она отразилась, например, в иносказаниях или баснях. Этот жанр, издавна бытовавший среди народных масс, перешел также в литературу. Мхитар Гош первый ввел в армянскую литературу басню. Он использовал и переработал в первую очередь народные басни и притчи, а затем и сюжеты из библии и «Физиолога». Являясь представителем господствующего класса, Мхитар Гош предостерегал в своем «Судебнике» и баснях князей и духовенство от гнева народа. Это было выражением страха феодалов перед возможностью народных восстаний[3].

Младшим современником Мхитара Гоша был другой крупный баснописец, Вардан Айгекци, уроженец Киликийской Армении. Ему принадлежит сборник, содержащий около 500 притч. Притчи Вардана бичевали нравы крупных церковных и светских феодалов, которых автор называет не иначе, как ворами, разбойниками, взяточниками и вымогателями. Персонажи притч Вардана ропщут и

---

[1] *М. X. Абегян.* История древнеармянской литературы. кн. 2 (на арм. яз.). Ереван, 1946, стр. 43—61.

[2] Там же, стр. 73—130.

[3] См. стр. 603—604, 608 настоящего издания.

против бога, против святых, которые приносят счастье лишь князьям и епископам, а несчастные, т. е. народ, нелюбимы ими[1].

Церковное гимнотворчество все больше уступало место песне со светским содержанием, которая использовала нотопись (хазы), возникшую с IX в.

Продолжало существовать и многообразное по жанрам театральное искусство. В театре показывались номера циркового характера. Одновременно с комедийным театром развивалось и искусство пантомимы. Профессиональные труппы актеров выступали в специальных построенных амфитеатром зданиях и играли в масках, соответствующих их ролям. Постоянным символом армянских актеров было изображение головы собаки, насаженное на палку.

Многочисленные жалобы церковных армянских феодалов говорят об увлечении народа театральными представлениями. Об этом пишут Давид Машкевор и Саргис Шнорали (XII в.). Большинство духовенства здесь, как и на Руси, усматривало в театре «бесовское наваждение». Церковник Давид Машкевор (XII в.) требовал, чтобы в текст покаяния было включено: «грешен в посещении комедий»[2].

В XII в. историография была представлена летописцами, которые излагали события в хронологической последовательности. Среди армянских летописцев этого периода наиболее крупным является Матеос Урхаеци (Эдесский), автор пространной «Хронографии». Он останавливается главным образом на взаимоотношениях армян, Армянской Месопотамии и Киликии с крестоносцами, сельджуками и византийцами. Летописец Самуэл Анеци в своей «Хронографии» дает краткий перечень событий от «сотворения мира» до 1180 г. Его летопись продолжали другие авторы, доведшие ее до 1336 г. До нас дошла также часть «Истории» Мхитара Анеци.

Виднейшим представителем армянской феодальной правовой мысли XII в. был Мхитар Гош, известный прежде всего своим «Судебником», составленным в 1184 г. и отразившим правовые нормы, сложившиеся в Армении в IX—XII вв.

«Судебник» Мхитара Гоша состоит из введения, в котором автор излагает свои воззрения на право, и основной части, которая делится на церковные каноны и светское право. «Судебником» Мхитара Гоша руководствовались и армяне, жившие вне Армении. В 1265 г. в Киликийской Армении на основании этого судебника Смбат Коннетабль

---

[1] *М. Х. Абегян.* Указ. соч., стр. 158—187. См. также *Н. Я. Марр.* Сборники притч Вардана. «Материалы для истории средневековой армянской литературы», СПб., 1894.

[2] *Г. Гоян.* Две тысячи лет армянского театра, т. II (печатается).

Водоем за монастырем в Ахпате, 1257 г.

составил «Книгу о правосудии царей», которой пользовались для нужд судопроизводства в Киликии[1].

Особенного развития достигло врачебное искусство. Появились значительные оригинальные медицинские сочинения. Известный Нерсес Ламбронаци написал «Анатомию», которая до нас не дошла. В большом количестве экземпляров сохранилась «Анатомия» сирийца Абу-Саида, написанная на армянском языке. Современником Ламбронаци и Абу-Саида являлся видный представитель армянской средневековой медицины Мхитар Хераци, автор трактатов «Утешение в лихорадках» и «О драгоценных камнях и их лечебных свойствах». В XIII в. жили армянские врачи: Аарон, Микаэл, Степанос, Чошлин и др.

В средневековых университетах и академиях в числе других наук преподавались также анатомия и физиология. Традиционным языком медицинской литературы становится разговорный армянский язык, который впервые использовал в этой области науки Мхитар Хераци[2].

Видным представителем средневековой феодальной армянской науки и литературы является вардапет (доктор наук) Иоанн Саркаваг

---

[1] *Х. Самуэлян.* Указ. соч., стр. 75—90.

[2] *Л А. Оганесян.* История медицины в Армении, ч. II, стр. 1—267.

(1045 — 1129). Его перу, помимо литературных и философско-догматических произведений, принадлежат трактаты о движении небесных светил, летоисчислении, календаре и пр. Иоанн Саркаваг произвел реформу армянского календаря (томара). В 1084 г., использовав труды Анания Ширакаци, он ввел високосный год и установил неподвижный томар. Он впервые в Армении поставил вопрос о том, что наука должна руководствоваться не только Библией, но и данными «внешних», т. е. точных и естественных наук. Критерием познания Саркаваг считал опыт: знание, не подкрепленное опытом, не является знанием. Он сделал вклад и в математику, составив таблицы «полигональных чисел». На основании этих таблиц можно предполагать, что в школах Армении в XI—XII вв. преподавалась арифметика[1].

В период раннего средневековья большое распространение имела алхимия. Ею занимались и ремесленники — преимущественно оружейники, золотых дел мастера, стекловары, ювелиры и др. В армянских алхимических рукописях названия реактивов засекречены путем тайнописи. В армянской натурфилософии с V до XIV в. господствовало учение о четырех «элементах» (земля, вода, воздух, огонь)[2].

Большой подъем может быть отмечен во всех областях армянского искусства, особенно в архитектуре. С развитием городов сложился своеобразный архитектурный стиль, который можно назвать анийским.

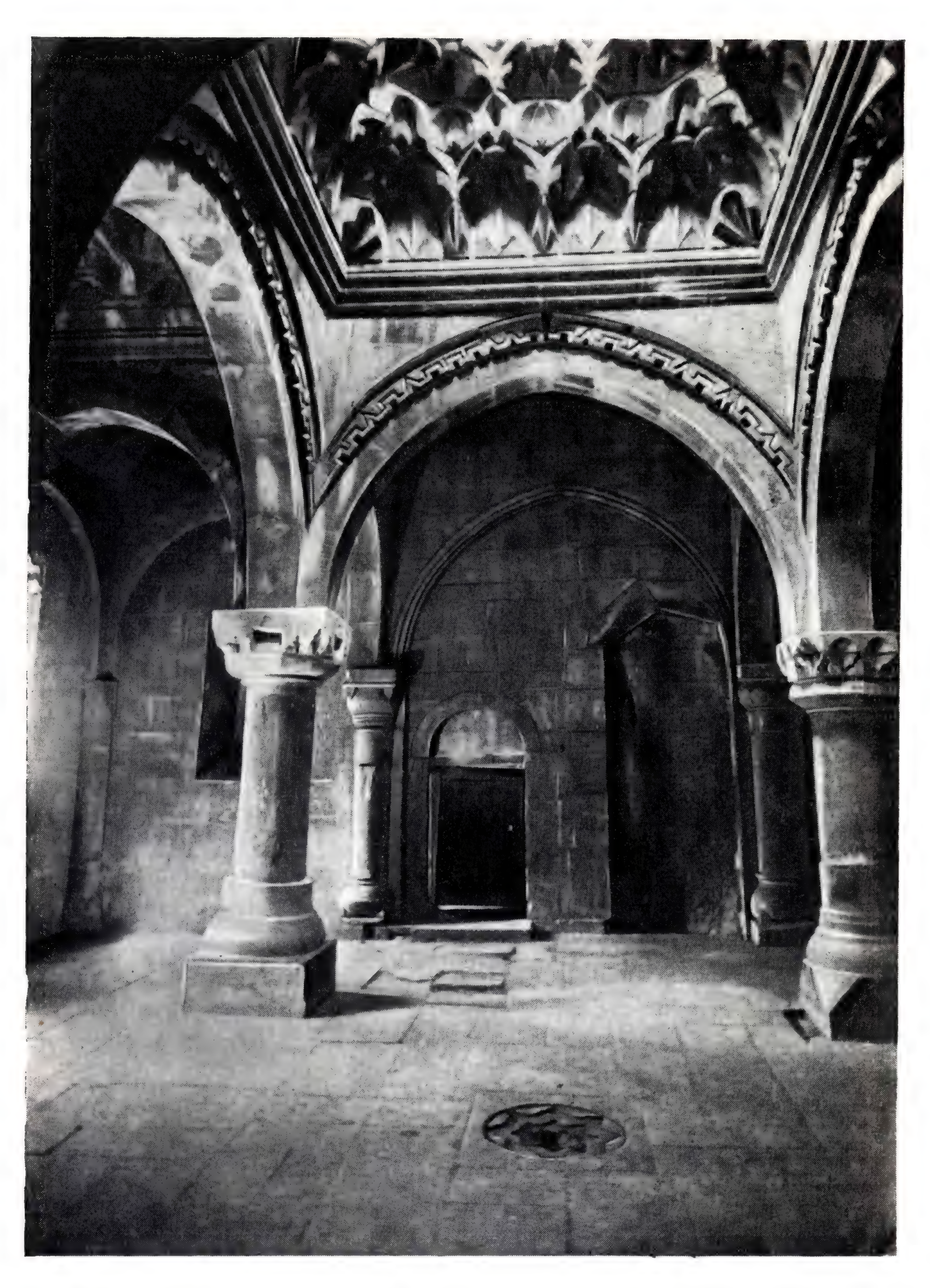
Лучшими памятниками светского зодчества этого времени являются дворец в Ани и дворец в резиденции Вачутянов в Амберде. В данных постройках прежде всего привлекает внимание тщательно отделанный портал с богатой художественной резьбой. По художественной отделке мало уступали дворцам и караван-сараи (пундуки) и гостиницы (ханапары).

Светская архитектура оказывала большое влияние на церковное зодчество. Появился новый тип сооружений — уникальные церковные притворы (жаматуны) и обширные монастырские трапезные (Ахпат, Агарцин), предназначенные для большого скопления народа. Эти новые архитектурные формы в основе своей также восходили к формам народного жилища — глхатун и азарашенк. Жаматуны покрывались системой перекрещивающихся арок и сводов. Наряду с этим существовали и плоские плафоны, перекрытия с рельефами, чаще в виде

---

[1] *Г. Б. Петросян.* Иоанн Саркаваг. «Известия Академии наук Арм. ССР», 1946, № 3 (на арм. яз.), стр. 3.

[2] *Т. Т. Казанджян.* Армянские алхимические рукописи XVI—XVII вв. «Труды совещания по истории естествознания 24—26 декабря 1946 г.», изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 249—254.

Монастырь Гегард. Внутренний вид большого жаматуна, 1225—1230 гг.

сталактитов. Среди крепостных сооружений этой эпохи наиболее характерны цитадель г. Лори, стены Амберда и замок Тигнис (Царакар).

В этот период еще более растут монастырские ансамбли — лавры (майракалак). К их числу относятся Санаин, Ахпат, Агарцин, Гехард, Нор-Гетик и др.

Большого развития достигает каменная резьба. Прежняя монументальность уступает место декоративности. Тщательно обрабатываются порталы, покрываемые утонченной орнаментальной резьбой. Стены храмов испещрены надписями о дарах (приносивших немалый доход монастырям), отчего, конечно, сооружение теряло свою художественную ценность. Как органический элемент здания, наряду с орнаментальной резьбой, мозаикой из цветных камней и лепкой из алебастра, появляется фреска, которой украшаются внутренние стены храма[1].

Скульптура постепенно теряет свою прежнюю монументальность. В анийской скульптуре усиливается стилизация, ярким примером которой являются изображения птиц, животных и людей на фоне растительного орнамента из церкви Тиграна Оненца в Ани (1215)[2].

Значительно развита в этот период стенопись храмов, производившаяся преимущественно по заказу феодалов армян-халкедонитов и сочувствовавшего им армянского духовенства. В Ани сохранились значительные части росписи в церкви, построенной Тиграном Оненцом, в церкви Бахтагеки. Как здесь, так и в других сохранившихся стенописях (Пхиндзаханк, Ахпат, Санаин и др.), иконография лишь частично придерживается византийских традиций. По стилю все эти памятники представляют большое разнообразие. Некоторые из них (более ранний слой живописи в Пхиндзаханке, Ахпате и др.) непосредственно связаны с армянской миниатюрой, часть других (Кобайр, Киранц) весьма близка к грузинской стенописи[3].

В коренной Армении миниатюра развивала декоративную орнаментальную сторону книжных украшений, чрезвычайно много внимания уделяя иллюстрированию текстов, тогда как в Киликии культивировался преимущественно драгоценный книжный убор, доходивший иногда до ювелирной тонкости и блеска.

Самостоятельная книжная миниатюра Армении своими корнями уходила в народное творчество, фольклор и апокриф, пережиточные

---

[1] См. *В. М. Арутюнян* и *С. А. Сафарян*. Памятники армянского зодчества. М., 1951.

[2] *М. С. Саркисян*. Монументальная скульптура в средневековой Армении (рукопись).

[3] *Л. А. Дурнова*. Очерки по истории армянского искусства (рукопись). Как здесь, так и ниже, говоря об армянской живописи, автор пользовался указанным трудом Л. А. Дурновой.

Каменный резной портал монастыря в Гегарте, 1215 г. (плита с надписью над порталом относится к 1855 г.)

представления древнейших культов и создала памятники, полные силы и динамики, убедительные и жизнеутверждающие, раскрывающие творческую силу воспрянувшего духом народа. Наиболее древние памятники армянской миниатюры — рукописи евангелий 887, 902, 986 и 1038 гг., в которых прослеживается два параллельных течения: одно — связанное с народным творчеством, другое — характерное для аристократии. Интересна рукопись евангелия монастыря Таргманчац (1232), исполненная в области Хачен. Живопись ее, основанная на контрастности красок, композиционных построений и линейных сочетаний, достигает значительной выразительности. Живопись, развивавшаяся в городских кругах, выходила за рамки религиозной тематики, выражая этим присущее армянским художникам стремление к реализму.

Киликийская миниатюра, тесно связанная с миниатюрой коренной Армении и исполнявшая преимущественно придворные заказы, ко второй половине XIII в. создала блестящий книжный убор, развив орнаментальную сторону украшения книги — хоранов, заглавных листов и маргинальных знаков. Большим художественным мастерством выделяются также тематические миниатюры с обилием золота и богатством красок. В середине и во второй половине XIII в. художник Торос Рослин и мастера его школы, используя накопленный богатый опыт, своеобразно развивают и доводят до совершенства искусство армянской миниатюры. В своем творчестве он вплотную подходит к жизненным задачам, которые стояли перед искусством, оторвавшимся от религиозной основы и ставшим лицом к лицу с человеком, его земными чувствами и настроениями. Ему удалось весьма разнообразно представить человека, показать в выражениях лица чувства изображаемого персонажа, — и все это совмещается с изобретательной орнаментацией и техникой. Торос Рослин, старший современник Джотто и Данте, имеет полное право стоять в рядах блестящих мастеров, зачинателей культуры Раннего Возрождения.

Татаро-монгольское нашествие нанесло тяжелый удар экономическому, политическому и культурному развитию армянского народа.

4

АЗЕРБАЙДЖАН В IX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.

а) Социально-экономические отношения

В Азербайджане господствовал феодальный способ производства. Средневековая социально-экономическая история этой части нашей страны изучена весьма недостаточно. На протяжении IX—X вв.

происходил дальнейший рост производительных сил. Развивалось земледелие, садоводство, скотоводство. Расширялось производство шелка. Росло феодальное землевладение и укреплялась феодальная собственность на землю.

Происходило и развитие промыслов (добыча нефти, олова, серы, меди, золота, драгоценных камней) и ремесел (ювелирного, гончарного дела, ткачества и пр.).

Крупные города (Бердаа, Шемаха, Ганджа, Баку, Дербенд, Тебриз) были центрами ремесла и торговли. Торговля велась с Арменией, Грузией, странами Востока и Запада. Давние торговые связи существовали между Азербайджаном и древней Русью. Завоевание юга Азербайджана Сельджуками в XI в., сопровождавшееся страшным разорением страны, привело к упадку земледелия, ремесла, торговли. Произошли и некоторые перемены в составе класса феодалов. Часть старой местной знати была заменена служилыми людьми сельджукских султанов из кочевой огузской знати и верхушки гулямов (гвардейцев из купленных молодых тюркских рабов, воспитанных при дворе). Начиная с Мелик-шаха (1072—1092), сельджукские султаны практиковали пожалование своеобразных ленов — «икта». Этот тип феодального владения был известен еще во времена халифата, но только при сельджуках получил широкое распространение в Азербайджане. Султан Мелик-шах роздал икта всем военным чинам, бывшим его постоянными мулязимами (военными слугами, вассалами), имена которых были внесены в реестр, — всего до 46 000 всадников[1].

В Азербайджане были поселены племена огузских кочевников, несших военную службу (на Муганской равнине)[2].

Особенностью сельджукского икта было то, что формально это было пожалование не земли, а ренты с нее. Владелец икта получал право взимать в свою пользу с жителей и, в частности, с крестьян, налоги, но не имел права распоряжаться земельными участками, личностью крестьян, их скотом и инвентарем[3]. Однако на практике владельцы икта скоро стали присваивать себе неограниченные права над крестьянами, тем более что владение икта фактически превратилось в наследственное, разумеется, при условии несения службы султану, а затем атабекам (у атабеков — «воспитателей» юных султанов, управ-

[1] *Равенди*. Рахат-ас-судур, изд. персидского текста Gibb. memorial series, Лондон, 1921, стр. 130—131.

[2] См., например, *Несеви*. История султана Джелал-ад-дина, изд. О. Houdas, Париж, 1891, арабский текст, стр. 128, 173; франц. перевод — стр. 219; *Равенди*, стр. 356—441.

[3] *Низам-ал-мульк*. Сиясет-намэ, персидский текст, стр. 22.

лявших от их имени, были свои уделы). Владельцы крупных икта постепенно превратились в местных князей.

После изгнания сельджукских захватчиков были созданы более благоприятные условия для развития производительных сил. Была улучшена оросительная сеть и расширена площадь посевов.

Кроме икта, из других видов феодальной собственности на землю в Азербайджане этого периода были известны: земли дивана (казны); земли хасс — личные владения султанов, атабеков и других правителей и их семейств; мюльки, т. е. безусловные владения типа аллода, не связанные обязанностью государственной службы, которые можно было свободно продавать и передавать по наследству. Многочисленны были вакфы, т. е. земли и другие имущества (например, лавки и ремесленные мастерские), завещанные мусульманским религиозным учреждениям разными знатными лицами. Зависевшие от духовных феодалов крестьяне и ремесленники платили ренту мусульманскому духовенству.

Аналогичны вакфам были такие же владения армяно-христианских епископов и монастырей в северных и западных районах Азербайджана (например, в Шеки и Карабахе). Здесь епископы и монастыри являлись крупнейшими феодалами. О размерах их богатства можно судить по многочисленным надписям, высеченным на стенах церквей. Одна из таких надписей начала XIII в. гласит, что три внука парона Хасана из рода князей Вахтангянов пожертвовали монастырю Хотаванк в нынешнем Нагорном Карабахе сразу 14 селений с источниками и реками, пахотными полями, виноградниками и жителями [1]. Во второй половине XII в. тэр («владыка») Степанос, католикос албанский, т. е. глава арменизованной албанской церкви в Азербайджане, с согласия ганджинского эмира Бедр-ад-дина взимал в свою пользу особый сбор со всего христианского населения г. Ганджи и его области [2].

О положении азербайджанского крестьянства и его повинностях в этот период источники говорят крайне мало. Несомненно, что крестьяне находились в зависимости от феодальных владетелей, до самых мелких включительно, и уплачивали им ренту, чаще всего натурой (зерном), а также платили разные подати в пользу дивана, в частности поземельную подать (хараджь), частью натурой, частью деньгами, и выполняли принудительные работы (бегар) по очистке каналов, строительству замков и т. д. Положение крестьян в государстве Ильдегизидов было более тяжелым, чем в Ширване.

[1] *Степанос Орбелян.* История Сюника, франц. перевод М. Броссе, II, стр. 158.

[2] *Киракос Гандзакеци.* История Армении. Франц. перевод М. Броссе, СПб., 1870, стр. 88.

Связь государства Ильдегизидов с большим сельджукским государством и участие в военных предприятиях последнего приводили к огромному росту податей и ограблению крестьянства и горожан. По словам Равенди, историка начала XIII в., многие сборщики податей здесь ничем не отличались от грабителей, нападавших на дорогах; финансовые чиновники взимали с раийятов (крестьян)налоги совершенно произвольно, облагая такое-то селение на 100 динаров, таких-то мясников — на 50 динаров, таких-то зеленщиков — на 100 динаров, таких-то суконщиков — на 100 динаров и т. д. Эти чиновники никогда не составляли правильных реестров для взимания хараджа, и джизьи (налог с немусульман). Их реестры, по образному выражению историка, были более нечестивы, нежели писания зороастрийских магов и книги неверующих в глазах правоверного мусульманина[1]. Народные массы во владениях Ильдегизидов были до такой степени ограблены, что в селах не оставалось, например, хлопка. От притеснений раийяты нередко шли по миру и умирали от голода[2]. Поэт Джемал-ад-дин Исфахани сложил касыду (оду), в которой ярко обрисовал тяжелое время, когда «у невежды в руке был меч, а у умного в ноге шип»[3].

Источники не говорят прямо о существовании в этот период юридического прикрепления крестьян к земле. Но крестьян привязывали к земле сельская община и институт круговой поруки при уплате подати. В юридическом прикреплении крестьян к земле и запрещении права перехода феодалы в то время, видимо, еще не нуждались. В условиях орошаемого земледелия феодалы, как правило, не вели собственного крупного барщинного хозяйства. Крупное феодальное землевладение сочеталось с мелким крестьянским землепользованием. Распространенной формой феодальной эксплуатации была издольная аренда, индивидуальная или целыми общинами. А так как было много малоземельных или обезземеленных крестьян, земли которых были разными путями захвачены феодалами, то последние и не испытывали недостатка в рабочих руках или, что то же самое, в арендаторах-издольщиках. Издольщина чаще всего превращалась в наследственную.

Развивались города как центры ремесла и торговли. Города находились в зависимости от феодальных владетелей, и ремесленники выполняли повинности в пользу феодалов. В городах существовали ремесленные цехи и так называемые «футувва» —«общества молодых

---

[1] *Равенди*. Указ. соч., стр. 32—33.
[2] Там же, стр. 37.
[3] Там же.

людей» (от арабского слова «фата» — юноша), тайные союзы, связанные с ремесленниками, ведшие борьбу с феодалами и крупными купцами. Члены этих союзов прикрывали свои цели религиозными формами дервишских братств.

Самым большим городом Азербайджана была Ганджа, насчитывавшая больше сотни тысяч, а возможно и несколько сот тысяч жителей. Крупнейшими центрами ремесла и торговли были города Северного Азербайджана — Бейлакан, Шемаха, Нахичеван. В городах изготовлялись ткани, ковры, фаянсовая, керамическая и стеклянная посуда. Ремесленники использовали местное сырье. Развитие городов Северного Азербайджана в значительной мере объясняется тем, что здесь проходила главная магистраль европейско-азиатской торговли. Главной гаванью на Каспии продолжал оставаться Дербенд, но заметно выросла и роль Баку. Одно время — в конце XII в.— он был резиденцией ширваншахов. Города Южного Азербайджана, даже самые большие, как Ардебиль, Тебриз и Марага, в тот период не могли сравниться с североазербайджанскими городами ни по населенности, ни по хозяйственному значению. Но во всех этих городах не было общегородского самоуправления, и они находились во владении крупных феодалов.

Крестьяне и ремесленники вели борьбу с феодальным гнетом. В 30-х годах X в. произошло восстание в Тебризе, в результате которого были изгнаны сборщики налогов. В 30-х годах XII в. имело место восстание в г. Гандже.

б) Политическая история

На протяжении почти целого столетия после захвата власти Аббасидами (династия арабских халифов) редкий год проходил без того, чтобы в какой-нибудь из провинций халифата не вспыхивали восстания. Эти восстания угнетаемых народных масс, особенно в Средней Азии и Закавказье, разрастались настолько, что грозили существованию халифата. Наиболее крупным из них было движение хуррамитов (краснознаменных) в Азербайджане, попавшем под арабское иго.

Распространенное среди населения Азербайджана учение хуррамитов по социальному содержанию было близко к маздакизму. Это была облеченная в религиозную форму идеология крестьян, боровшихся против закрепощения и государственных налогов и повинностей. Хуррамиты требовали ликвидации крупного феодального землевладения и установления общности владения землею и имуществом, передачи земли сельским общинам.

Движение хурремитов возникло в 809 г. в горах нынешнего Талыша и вскоре перекинулось на весь Азербайджан, включая Албанию[1], и на Армению. Из местного восстания оно превратилось в широкое движение, потрясшее халифат. Основной силой восстания было крестьянство. Разоренные и пауперизированные фискальной политикой халифата, поборами и повинностями в пользу землевладельцев, крестьяне постоянно пополняли отряды хурремитов; крестьяне же снабжали восставших продовольствием. Только благодаря этому хурремиты могли более двух десятилетий вести упорную войну против могущественного халифата.

Наряду с крестьянами против арабов выступали и другие слои населения. В Южном Азербайджане старинные местные землевладельцы дехканы, уже захиревшие, но не утратившие своей воинственности, не могли мириться с тем, что арабские землевладельцы захватили их лучшие земли. Они примкнули к движению хурремитов, надеясь, что оно расчистит им путь к господству. К движению присоединились батрики (феодалы-христиане) албанской области Арцах (Нагорный Карабах) и соседней с ней армянской области Сюнка (Зангезур), а также недовольные политикой Аббасидов крупные арабские феодалы, поддерживавшие Омейядов. Таким образом, восстание объединило людей с различными интересами, преследовавших различные цели. Ясно, что такое объединение не могло быть ни прочным, ни продолжительным.

Во главе восстания хурремитов стоял Бабек (Папак). Он родился около 798—800 гг. Отец его был новообращенный мусульманин из Савада (Нижней Месопотамии), переселившийся в Азербайджан и занимавшийся здесь торговлей растительным маслом. Бабек был пастухом, погонщиком верблюдов в караванах, затем ремесленником в Тавризе. Ему было 18 лет, когда он познакомился с вождем хурремитов Джавиданом ибн-Сагруком, который вел партизанскую войну с арабскими землевладельцами Азербайджана. Бабек присоединился к отряду и, когда Джавидан умер (816), возглавил движение хурремитов и поднял восстание против халифата. Инициатива освободительного движения народов, подвластных халифату, исходила из Аррана. Немалую роль в этом сыграли талыши. В их стране, в неприступной крепости Бадз, находилась главная квартира Бабека.

Арабские правители Армении и Азербайджана вели непрерывные войны с Бабеком, но силы последнего все росли. После того как Яхья ибн-Мазьяд ибн-Муслим (819—820) проиграл несколько сражений

---

[1] Албания (Алпания, Агвания армянских источников), иначе Арран — первоначальное название Северного Азербайджана; в XI—XII вв. и позднее Арраном именовалась часть Сев. Азербайджана между рр. Курой и Араксом и нынешним Карабахским хребтом на западе.

Бабеку, халиф Мамун выслал против Бабека огромное войско под начальством нового правителя Исы ибн-Мухаммеда ибн-Халида (821—823). Войско Исы встретилось с Бабеком около г. Партава (очевидно в ущелье р. Тертер). Потерпев поражение, Иса бежал в Армению.

В руках Бабека была сила, которую албанская знать хотела использовать в своих интересах. Сюникский князь Нерсех стремился при поддержке Бабека расширить свою территорию за счет окружающих земель и внезапно напал на князя Албании. Когда князь Байлакана Степанос узнал о разорении своей вотчины Нерсехом, он выступил против Бабека и перешел на сторону арабов. Бабек в 827 г. разорил Байлакан и все владения Михранидов. В 827 г. Бабек одержал блестящую победу над арабами при Хештад-Сер близ Мараги.

Вслед за тем произошла новая перегруппировка сил. Крупная знать из армян и арменизованных албанцев выступила против Бабека. Феодалы во главе с Сахл-Смбатом укрепились в крепости Гороз (нынешний Горис) и в течение 12 лет (831—843) владели высокогорными ущельями нынешнего Нагорного Карабаха. Сахл-Смбат не признавал ни Бабека, ни арабов. Он присвоил титул старинных князей Албании — Аррана VII в. — Михранидов и стал владетелем почти всего нынешнего Карабаха.

Бабеку приходилось вести продолжительные кровопролитные войны с войсками халифа, и ему было не до Албании. В 835—836 гг. халиф Мутасим послал против Бабека войско полководца Афшина, тюрка, князя Осрушаны в Средней Азии. В столкновении с ним Бабек впервые потерпел поражение (836—837). Некоторое время Бабек вел еще партизанскую войну, но безуспешно. Силы его иссякли. Бабек обратился с письмом к византийскому императору Феофилу. Он уведомлял императора, что халиф послал против него все войска, какие имел, вплоть до своего портного и повара, и указывал, что если император начнет войну против халифа, то одержит верх, так как халиф не успеет перебросить свои войска из Азербайджана в Малую Азию. Вмешательством Византии Бабек хотел облегчить свое положение. В 837 г. Феофил выступил в поход с 100 000-ным войском, в котором участвовали приверженцы Бабека. Были взяты города Запетра, Малатия и Самосата.

Но этот поход не помог Бабеку. Вскоре пал г. Бадз — центр движения Бабека. Город был разрушен, все его укрепления по приказанию Афшина были уничтожены. Позднее сам Бабек был выдан Сахл-Смбатом халифу и казнен (837).

В Албании, как и в Армении и Картли[1], местная знать за время восстания Бабека укрепила свои позиции. На территории Азербайджана

[1] См. гл. 4, §§ 2 и 3 настоящего издания.

в течение IX—XI вв. сложился ряд государственных образований. Особенно возвысился дом владетеля Шеки Сахл-Смбата, претендовавшего на главенствующую роль в Азербайджане. Сахл-Смбат владел ранее обширной областью Шеки и правобережной Албании, теперь он завладел округом «Великий Арран» с неприступной крепостью Хачен, откуда распространил свою власть и на соседние округа. За измену своему покровителю и союзнику Бабеку он получил звание «батрика Аррана» (эраншах) и возглавил албанскую знать.

Округ Ширван с центром в г. Ширване (нынешнее сел. Ширваншах) принадлежал дому Джамаспа; владетели его носили родовой титул ширваншах. Южнее, по соседству с ним находились владения хурсаншахов с центром в замке Хирс (нынешний Беш-Бармак). К западу от него лежала страна Лиран, владетель которой носил титул лираншаха. Центром ее была Шемаха. К северу располагались владения князя, резиденция которого находилась в г. Абхаз, почему он титуловался абхазшахом. В горах нынешнего Дагестана образовались другие многочисленные самостоятельные княжества. Лучшая часть Албании находилась в руках различных арабских феодалов, которые в разное время обосновались в этих местах.

После подавления восстания Бабека халифат сосредоточил все свои силы для борьбы с завоеванными странами. Карательная экспедиция 851 г. гуляма Буги затронула и Азербайджан. Была взята крепость Гардман, после чего Буга выступил против тех феодалов, которые были союзниками Бабека, и разорил ряд областей Азербайджана.

Но уже во второй половине IX в., в связи с ростом феодальной раздробленности и процессом политического распада халифата, владычество арабов в странах Закавказья пало. Здесь сложились местные государства.

* * *

Албанские владетели временно усилились при внуке Сахл-Смбата — Григории Хамаме. Ему достались владения в правобережной Албании, именно горные районы в нынешнем Нагорном Карабахе, а также земли Шаки и Санария в левобережной Албании. Около 893 г. Григорий Хамам получил царский титул и, по словам Моисея Каланкатуйского, «возобновил разгромленное Албанское царство».

Однако после смерти Григория Хамама (около 897) Албанское царство вновь распалось. В 1003 г. эти владения в правобережной части были поделены между армянским царем Гагиком I и ганджинским эмиром Фадлуном. Титул «царя Албании» перешел к северной ветви Багратидов, владетелям Ташира и Дзорагета, к династии Корикидов.

Правители Шеки (включая область Эрети) и Санари для борьбы с теснившими их мусульманскими владетельными эмирами Ганджи и Тбилиси установили тесную связь с грузинскими Багратидами, которая не исчерпывалась одним политическим союзом. В середине X в. произошло слияние грузинской и албанской церквей. При царе Давиде Строителе Эрети входила в состав Грузии.

В начале 60-х годов X в. Иоанну Сенекериму, ставшему царем Шеки, Эрети и Санари, удалось присоединить к своим владениям правобережные области эраншахов, т. е. Парисос с округом, и вновь восстановить Албанское царство. Салариды, утвердившиеся в Бердаа, поспешили признать царское достоинство Иоанна Сенекерима; относясь враждебно к ширваншахам и ганджинским Шеддадидам, они поддерживали албанских династов. «Возобновление прекратившегося царства Албанского» было освящено и церковью: Иоанн Сенекерим был коронован католикосом Албании. Однако Шекинское царство не было вполне самостоятельным. Шеки вносила подать в халифскую казну через ширваншахов.

В половине IX в. владетель Шемахи лираншах Мухаммед ибн-Язид завоевал окружающие княжества: владения князей хурсаншаха и заданшаха, а также Муканию (нынешняя Ширванская степь). После этого он захватил владения ширваншахов. В руках Мазьядидов (861—1027) оказалась вся правобережная Албания. Отныне владетели Шемахи титулуются ширваншахами. Занятая ими территория получила название «Ширван», хотя прежде так называлась маленькая область, окрестности г. Ширвана (нынешний Рустовский район). Ширваншахи, как видно, стремились захватить также царство шекинских владетелей, но последние продержались до начала XI в. Резиденция ширваншахов находилась в военном лагере близ Шемахи. На территории Северного Азербайджана государство ширваншахов являлось наиболее обширным. По данным Масуди, в 955 г. они вносили в казну халифата 1 000 000 диргемов, в два с половиной раза меньше, чем царство армянских Багратидов.

Другое феодальное государство образовалось в левобережной части Албании, в районе Ганджи, под властью династии Шеддадидов (951—1088), обосновавшейся там с половины X в., но ликвидированной сельджуками. Шеддадиды после этого оставались владетелями Двина, а затем Ани.

Династия азербайджанских эмиров Саджидов, происходившая из среднеазиатских тюркских князей Осрушаны, утвердилась в южном Азербайджане в 889 г. Саджиды претендовали на сюзеренные права над феодалами Албании как представители власти халифа в стране.

С начала X в. русы совершили ряд походов в Закавказье с целью завести сношения с местным населением. Первый поход русов

относится к 913—914 гг. Они на судах по Днепру, Черному и Азовскому морям, по Дону и Волге спустились в Каспийское море и воевали по западному и южному побережью его. Русы стремились закрепиться на побережье Каспия для торговли с восточными странами. Дейлемский князь Марзбан ибн-Мухаммед, из династии Саларидов, завладел южным Азербайджаном и областью Барда (Бердаа). Он сделал своими данниками соседних феодалов, в том числе ширваншахов и владетелей Дербенда. В 944—945 гг. русы совершили по р. Куре поход на Бердаа и нанесли поражение Марзбану. В дальнейшем роль Бердаа перешла к соседней Гандже, которая стала одним из крупных центров Восточного Закавказья.

* * *

К началу XI в. судьбы азербайджанской земли оказались связанными с передвижениями кочевых тюркоязычных племен.

Еще в начале XI в. некоторые племенные объединения огузов и другого тюркоязычного племени — халаджей поселились в Хорасане; по данным Ибн-ал-Асира, в 1006—1007 гг. эти огузы и халаджи служили в войске Махмуда Газневида (998—1030), по происхождению тюрка, государя всей восточной Персии и Афганистана. Часть их поселилась в районе Рея в Ираке персидском, почему Ибн-ал-Асир и называет всех западных огузов «иракскими огузами», в отличие от сельджукских огузов. Численность западных огузов определяется цифрой приблизительно 50 000 человек.

Западные, или иракские, огузы появились в Азербайджане за тридцать с лишком лет до прихода сюда сельджукских огузов под предводительством Тогрул-бека.

Около 1020 г. отряд иракских огузов численностью в 2000 шатров (харгах), т. е. 10—12 тысяч человек (с семьями), появился в южном Азербайджане. Здесь Вахсудан из династии Раввадидов (979—1054), эмир южного Азербайджана, вступил с ними в соглашение и дал им земли для поселения. Вахсудан нуждался в сильных союзниках против многочисленных врагов, особенно Византии и эмиров Ганджи и Аррана из династии Шеддадидов, а степняки-кочевники огузы славились как отличные стрелки из лука и наездники.

В 1021 г. они предприняли, повидимому, без согласия Вахсудана, набег на армянское царство Васпуракан, лежавшее на восточном берегу озера Ван. Войска Васпуракана потерпели поражение, страна была опустошена, васпураканский царь Сенекерим Арцруни вступил в соглашение с Византией, которая в то время стремилась утвердиться в Армении. Вторая половина X и первая половина XI в. были временем нового усиления роли Византии на Востоке. Византия расширила

свои пределы, отобрав часть Сирии и Верхней Месопотамии у арабских эмиров, старалась завладеть и всей Арменией. Владения Византии позже достигли границ Азербайджана. Поставленный в необходимость выбирать между Византией и огузами, Сенекерим Арцруни уступил свое царство Византии, взамен получил от нее в удел г. Сивас в Малой Азии и переселился туда, уведя с собой из Васпуракана около трети населения. В Васпуракане того времени считалось 10 городов, 72 замка и 400 000 жителей. В 1038 г. в Азербайджане появились новые отряды иракских огузов из Рея под предводительством Кызыла, Буги, Кокташа и других эмиров. Вахсудан принял и их, дал им земли для поселения и женился на дочери одного из огузских вождей. Эти огузы появились и на территории Ганджинского эмирата Шеддадидов. Они оказали помощь тбилисскому эмиру Абу-л-Фазлу Джафару против царя Баграта IV грузинского и абхазского, вследствие чего тот снял осаду Тбилиси, находившегося с IX в. во владении мусульманских правителей [1].

Вахсудану скоро пришлось пожалеть о своем союзе с огузами, так как они вовсе не были склонны превратиться в простых наемников, покорных исполнителей воли Вахсудана. Они стали действовать в Азербайджане самостоятельно. Перестав повиноваться Вахсудану, огузы разгромили г. Марагу в Южном Азербайджане.

Тогда в 1040 г. Вахсудан пригласил к себе в Тебриз в гости большой отряд огузов и часть их истребил во время пира, а 30 знатных людей захватил. С остальными огузами Вахсудану пришлось вести войну, которую он проиграл. Отряд огузов, занимавших Урмию, разбил союзников Вахсудана — курдов племени хеккари; воины их бежали в горы, а шатры, имущество, жены и дети были захвачены огузами. Но затем курды вернулись и вместе с войском Вахсудана разбили огузов. Часть их ушла в Ирак персидский.

Между тем сельджукские огузы в 30-х годах XI в. обосновались в Хорасане с разрешения газневидского султана Масуда, в качестве военных поселенцев, обязанных службой. Но недовольные тем, что им отвели мало земли, они подняли восстание. Султан Масуд (1030—1041), сын и преемник Махмуда Газневида, хотел покончить с ними одним ударом, но потерпел страшное поражение в 1040 г. при Денданакане. Это предопределило дальнейшие успехи кочевников огузов — сельджуков, которые вскоре захватили весь Хорасан [2].

Движение сельджукских огузов на запад заставило иракских огузов оставить Рей и снова уйти в Азербайджан, на этот раз довольно

---

[1] См. гл. 4, § 2 настоящего издания.
[2] См. там же, гл. 4, § 1.

большой массой, в числе 30 000 человек (1041). Об этом передвижении их говорит в одной из своих касыд азербайджанский поэт Катран. Но огузы вновь должны были уйти из Азербайджана вследствие враждебных отношений с Вахсуданом. Позднее они вернулись в Южный Азербайджан (1043). Во время этих передвижений отдельные части иракских огузов оседали в Азербайджане; впоследствии они стали сливаться с коренными азербайджанцами.

Сельджукиды подчинили себе всю Персию и вступили в Ирак арабский; в 1048 г. они впервые вторглись в захваченную Византией Армению через Васпуракан, а в 1055 г. Тогрул-бек, покончив с существованием государства Буидов, занял Багдад и принял титул султана. Еще раньше, в 1054 г., сельджукские огузы Тогрул-бека вступили в Южный Азербайджан. Вахсудан прекратил сопротивление захватчикам, подчинился Сельджукидам и передал свое государство Тогрул-беку. Южный Азербайджан вошел в состав Сельджукской державы. Потомки Вахсудана еще удерживались некоторое время, но лишь в качестве вассальных владетелей в районе горного массива Саханд. Во второй половине XI в. известия о них прекращаются.

* * *

Завоевание Азербайджана Сельджукским государством, начавшееся еще при сельджукском султане Тогрул-беке (южный Азербайджан к 1054 г.) и окончательно завершившееся при султане Мелик-шахе (Северный Азербайджан — Арран, Шеки и Ширван), сопровождалось такими же варварскими опустошениями, какие имели место в Армении и Грузии. Судьба местных феодальных государственных образований, сложившихся в Азербайджане, не была одинаковой. Правители Южного Азербайджана были вынуждены уступить свои места поставленным сельджукскими султанами эмирам из дворцовых гвардейцев — гулямов или из огузской военно-кочевой знати. Та же участь постигла сильную династию Шеддадидов, правившую с 952 г. в Арране, с центром в Гандже. Сперва они уцелели в качестве вассалов сельджукских султанов, но с конца XI в. Ганджинское эмирство Шеддадидов было у них отобрано. Когда это произошло, точно неизвестно; полагают, что Шеддадиды были устранены из Ганджи Мелик-шахом (1072—1092). Во всяком случае при сельджукском султане Баркьяруке (1094—1104) наместником южного Азербайджана и Аррана с Ганджой был Мухаммед, сын Мелик-шаха.

Другая ветвь династии Шеддадидов, находившаяся с половины XI в. в г. Двине в Армении, не только уцелела под властью Сельджукидов, но

и купила у султана Алп-Арслана (1063—1072) г. Ани, в котором Шеддадиды оставались с перерывами до 1199 г., когда вся северная Армения была освобождена при помощи грузин и вошла в состав Грузии.

Другие владетели Северного Азербайджана стали сельджукскими данниками. Самыми сильными из них в XI—XII вв. были ширваншахи, т. е. владетели Ширвана. В XI—XII вв. под властью ширваншахов была вся северо-восточная часть Азербайджана к северу от р. Куры с городами Шемахой, Баку и Шабираном.

Политическая история и хронология государства ширваншахов, вследствие утраты местных хроник,— одна из наиболее темных и запутанных страниц истории стран Закавказья. Годы правления отдельных ширваншахов точно не установлены. Вызывает споры даже время утверждения династии Кесранидов, пришедшей на смену Мазьядидам[1] (повидимому 1027—1382). Во всяком случае несомненно, что при Мелик-шахе ширваншах Ферибурз подчинился сельджукам и платил им ежегодную дань в 70 000 динаров; позднее эта дань была снижена до 40 000 динаров в год[2].

В горных районах нынешнего Карабаха и соседних с ними, населенных албанцами-христианами, сохранились еще местные владетели, носившие громкий титул «царей Албании», но фактически зависевшие от курдских эмиров Шеддадидов. С половины XII в. «цари албанские» исчезли.

* * *

Сельджукские захватчики по уровню социально-экономического и культурного развития стояли ниже населения завоеванных стран. Власть сельджуков держалась насилием и грабежом.

После смерти Мелик-шаха в громадном Сельджукском государстве начались междоусобия, и оно стало распадаться. Этому способствовала и борьба покоренных народов. Вражда между султаном Барк-ьяруком и его братом Мухаммедом, наместником южного Азербайджана и Аррана, повлекла за собой ряд феодальных междоусобий на территории Азербайджана. В частности, Степанос Орбелиан отмечает набег сельджукского эмира городов Ганджи и Бердаа на

---

[1] *Е. А. Пахомов.* Арабские и прикаспийско-иранские феодалы в Азербайджане X—XI вв. Сб. «Памяти акад. Н. Я. Марра». М. — Л., 1938, стр. 422—425.

[2] Впрочем, Несеви утверждает, что ширваншахи платили Мелик-шаху дань в 100 000 динаров. *Несеви.* Указ соч., арабский текст — стр. 174, франц. пер.— стр. 291.

Сюникское царство; в 1103 г. другой сельджукский эмир также напал на Сюник, приведя с собой войско из курдов. Город и окрестности были опустошены. Междоусобия продолжались и после того, как султаном сделался Мухаммед (1105—1118). После его смерти отдельные сельджукские уделы стали фактически независимы друг от друга.

В состав одного из этих уделов, Иракского с центром в г. Хамадане (в Западной Персии), вошел сначала и Азербайджан. Для управления последним иракско-сельджукские султаны назначали наместников, обычно из числа дворцовых гулямов, пользовавшихся личным доверием султанов; наместники, жившие преимущественно в г. Ардебиле (в Южном Азербайджане), часто сменялись.

Вскоре сельджуки потеряли Северный Азербайджан. Усиление могущества Грузии и победы грузинского царя Давида IV Строителя (1089—1125) над Сельджукидами нанесли тяжелый удар их владычеству в странах Закавказья. Давид IV занял области Шеки и Кабалу в Северном Азербайджане и присоединил их к своим владениям, назначив сюда наместником архиепископа чкондидского Симона. Ширваншах подчинился Грузии. Не желая мириться с потерей богатого Ширвана, внук Мелик-шаха, иракско-сельджукский султан Махмуд (1118—1131) вступил в Ширван с большим войском и сильно опустошил страну. Ширваншах Минучехр II был уведен сельджукскими войсками в плен, поскольку он в этой борьбе поддерживал Грузию. Решительная битва между сельджукским и грузинским войсками произошла в 1123 г. близ Шемахи и закончилась победой грузин.

Преемник Давида IV, царь Дэметрэ I (1125—1156), очень ценил союз с государством ширваншахов на границе сельджукских владений. Политическая связь между Грузией и Ширваном была закреплена браком ширваншаха Минучехра II (30—40-е годы XII в.) с Тамарой, дочерью Давида Строителя.

В дальнейшем связь между Грузией и Ширваном сохранялась не только благодаря политическому могуществу Грузии, но и благодаря выгодам, какие давал Ширвану этот союз с более сильным соседом: через Ширван и Грузию (Тбилиси) проходил караванный путь, между обеими странами установились тесные торговые связи. При поддержке Грузии Ширван защищался от нападений сельджукских эмиров с юга из-за р. Куры и от набегов северокавказских племен. Кроме того, грузинские цари оказывали Кесранидам помощь и против движений народных масс в Ширване; так было, например, во время народного восстания против ширваншаха в 1225 г.

Южный Азербайджан и Арран после битвы близ Шемахи остались под властью сельджукских султанов Ирака; с последними у Грузии

и Ширвана отношения были большей частью враждебные. Но Грузии и Ширвану в XII в. угрожала и некоторая опасность с севера: со стороны половцев, хазар и др.

О хазарах, живших вблизи Дербенда, уцелевших здесь после разгрома Русью Хазарского царства и нападавших на Ширван, упоминают грузинские источники.

Союзником и опорным пунктом этих северных народов в борьбе против Грузии и Ширвана был г. Дербенд, который составлял особое княжество (меликство), независимое от Ширвана и враждебное ему [1]. Следовательно, Дербенд в XII — начале XIII в. по отношению к странам Закавказья играл роль, противоположную той, какую этот город играл при арабах в VIII—X вв.: тогда Дербенд с его укреплениями служил для закавказских областей защитой от нападений северных кочевников, теперь же он стал пунктом, откуда совершались их нападения на земли Закавказья.

Серьезно обеспокоенный частыми нападениями на Ширван, грузинский царь Георгий III (1156—1184) оказал помощь ширваншаху Ахсатану I. Около 1170 г. Георгий лично предпринял поход против владетеля Дербенда и отнял у него важный город Шабиран, который отдал ширваншаху Ахситану I. Кроме Ахситана, на стороне Грузии в этом походе участвовал Андроник Комнин, будущий византийский император (1183—1185). Около того же времени Ахситан I одержал близ Баку морскую победу над силами дербендского владетеля, хазар и бродников.

Из сельджукских владений в Южном Азербайджане и Арране выделилось также государство азербайджанских атабеков династии Ильдегизидов, тюркского (половецкого) происхождения. Государство это просуществовало около 90 лет (1136—1225). Основатель династии, Шемс-ад-дин Ильдегиз, принадлежал к феодальной знати из гвардейцев-гулямов, которая появилась после сельджукского завоевания. Позднее он стал приближенным султана Масуда [2] (1133—1152).

В 1136 г. султан Масуд назначил Ильдегиза наместником Южного Азербайджана и Аррана, подчинив ему все расположенные там войска. Сперва Ильдегиз числился простым наместником, но уже к 1152 г., после смерти султана Масуда, он управлял своими азербайджанскими владениями самостоятельно. В то же время Ильдегиз занимал видное место и при иракско-сельджукском дворе. Руководящее положение он занял при дворе султана Арслан-шаха (1161—1177), на матери которого Ильдегиз женился, получив титул атабека (т. е. опекуна-воспитателя малолетнего султана).

---

[1] *Е. А. Пахомов*. О Дербендском княжестве XII—XIII вв. «Известия Азерб. Госуд. научно-исслед. ин-та», т. I, вып. 2, Баку, 1920, стр. 1—11.

[2] *Мирхонд*. История атабеков, перс. текст, Лондон, 1848, стр. 10—14.

Ильдегиз, управлявший Азербайджанским атабекством около 40 лет (1136—1174)[1], расширил свои владения, завоевав Сюникское царство. В 1166 г., после смерти последнего владетеля Сюника Григора, Ильдегиз присоединил Сюник к своим владениям[2]. Но Ильдегизу не удалось завоевать Ширван. Частые войны с Грузией большей частью оканчивались для Ильдегиза неудачей. В 1139 г. грузинский царь Дэметрэ I занял г. Ганджу. Грузинские войска занимали Ганджу и в 1165 г. При Георгии III они не раз проникали вглубь владений Ильдегизов, до городов Нахичевана и Бейлакана на р. Араксе. При этом грузинские полководцы, как правило, не разрушали городов, а взимали с них денежную контрибуцию и уходили. «И потому,— говорит арабский историк XIII в. Ибн-ал-Асир,— они были лучшими из неприятелей». В 1173 г. Ильдегиз предпринял большой поход в Грузию; в нем участвовали войска обоих сыновей Ильдегиза и иракско-сельджукского султана Арслан-шаха, а также шахармена (владетеля южной Армении) Насир-ад-дин Сукмана II, бывшего тогда вассалом Ильдегиза. Однако поход был неудачен, Ильдегиз отступил и умер в Нахичеване (1174).

При Ильдегизе центром его владений чаще всего была Нахичевань. Но сын Ильдегиза Кызыл-Арслан завоевал в 1174 г. Тебриз в Южном Азербайджане, принадлежавший другой азербайджанской династии атабеков Аксонкоридов (иначе Ахмедили, 1131—1208), происходивших также из сельджукских гулямов. С тех пор столицей Ильдегизидов стал Тебриз, а Аксонкоридам осталась часть южного Азербайджана с г. Марага.

Особенностью истории государства Ильдегизидов была его тесная связь с Сельджукским государством. Эта связь служила источником слабости государства Ильдегизидов: бо̀льшую часть доходов Азербайджанского атабекства Ильдегизиды тратили на то, чтобы добиться для членов своей династии руководящего положения в Сельджукском государстве и управлять им от имени фактически безвластных султанов из династии Сельджукидов. Эти династические цели дорого обходились населению Азербайджанского атабекства: ради интересов Сельджукского государства южноазербайджанские войска должны были вести частые войны с Грузией, ширваншахами и т. д.

Сын Ильдегиза Джехан-Пехлеван (1174—1186) стал полновластно управлять сельджукским Ираком, сделав номинально султаном после смерти Арслан-шаха сына его Тогрула III (1177—1194). В Южный Азербайджан и Арран Джехан-Пехлеваном был послан управлять от его

---

[1] Дата устанавливается на основании свидетельства Равенди (стр. 293—300).

[2] *Степанос Орбелиан*. Указ. соч., т. I, стр. 191—192.

имени его брат Кызыл-Арслан. После смерти Джехан-Пехлевана Кызыл-Арслан стал атабеком азербайджанским (1186—1191) и отстранил сыновей Джехан-Пехлевана, одновременно захватив и управление сельджукским Ираком. Кызыл-Арслан помышлял устранить султана Тогрула и династию Сельджуков. Тогрул бежал в Южный Азербайджан, думая опереться там на некоторых представителей огузской военно-кочевой знати, потом решил укрыться у царя (мелика) мазендеранского Ардешира (1172—1205)[1], но Кызыл-Арслан вступил в переговоры с Ардеширом; султан Тогрул снова бежал и был захвачен Кызыл-Арсланом, выданный военно-феодальной знатью (эмирами). Кызыл-Арслан заключил Тогрула в крепость Маранд в Южном Азербайджане и провозгласил себя султаном (1191).

Аббасидский халиф Насир (1180—1225), несомненно получивший от Кызыл-Арслана крупную денежную субсидию, прислал на имя последнего диплом, назвав его султаном, а себя — его покровителем. Чтобы укрепить свою власть, Кызыл-Арслан роздал иракским эмирам военные лены (икта). Вскоре, однако, он был убит[2].

После убийства Кызыл-Арслана племянник его Абу-Бекр захватил власть в Южном Азербайджане и Арране, а другой племянник, Кутлуг Инанч, пытался захватить в свои руки управление Ираком. Но султан Тогрул, выпущенный из крепости при помощи эмиров, вернулся в Ирак и восстановил свою власть. Вскоре владения иракско-сельджукских эмиров были завоеваны хорезмшахом Текешом (1194)[3].

Таким образом, попытка утвердить династию Ильдегизидов в Иракском султанате не удалась. Два последних Ильдегизида — Абу-Бекр (1191—1210) и его брат Узбек (1210—1225), сыновья Джехан-Пехлевана, довольствовались своими азербайджанскими владениями, не пытаясь вмешиваться в дела Ирака.

В конце XII в. значительно усилилось влияние Грузии в Азербайджане. В годы правления царицы Тамары (1184—1213) северо-западные районы Азербайджана — Кабала, Шеки, Тауз, Шамхор, а также горные районы к югу от Ганджи и нынешнего Нагорного Карабаха входили в состав Грузинского царства. Здесь находились многочисленные армянские правители, вассалы грузинских царей: по р. Акере—Допяны, в Хачене (в Нагорном Карабахе)— Хасан-Джалаляны, по р. Тертеру — Вахтангианы. Область Ганджи, хотя и числилась в составе владений Ильдегизидов, фактически превратилась в особое эмирство, нередко попадавшее под влияние Грузии. Около

[1] *Равенди.* Указ. соч., стр. 355—362; *Мирхонд.* Указ. соч., стр. 18—20.
[2] *Равенди.* Указ. соч., стр. 363.
[3] См. гл. 4, § 1 настоящего издания.

1203 г. войска знаменитых полководцев Тамары, братьев Захарэ и Иванэ Мхаргрдзели, разбили наголову близ г. Шамхора атабека Абу-Бекра. На стороне Грузии сражались ширваншах Ахситан и Ильдегизид Амирмиран, сын Джехан-Пехлевана, поссорившийся со своим братом Абу-Бекром. Абу-Бекр бежал. Победителям досталась огромная добыча—12 000 пленных, 20 000 лошадей, 15 верблюдов, 700 ослов, драгоценности и пр. [1] Муж Тамары Давид Сослани вступил в Ганджу. Городская знать и купечество приветствовали его. Ганджинским эмиром был признан Амирмиран, но уже в качестве вассала Грузии.

В 1209 г. ардебильский владетель совершил опустошительный набег на армянский город Ани, принадлежавший с 1199 г. Грузии. В ответ на это Захарэ Мхаргрдзели в 1210 г. занял г. Ардебиль. В 1211 г. грузинские войска под предводительством братьев Мхаргрдзели предприняли большой поход вглубь Персии вплоть до Хорасана. По пути они прошли через владения Ильдегизида Узбека, заняв на время города Нахичевань, Хой, Тебриз и др. От жителей Тебриза грузины потребовали выкупа; грузинский гарнизон оставался в городе до возвращения основного ядра армии из Хорасана.

Таким образом, в начале XIII в. в Азербайджане, освобожденном от иноземного ига совместными усилиями народов Закавказья, преобладало политическое влияние Грузии.

в) Культура

Изучаемый период характеризуется подъемом культуры азербайджанского народа. Это сказалось прежде всего в поэзии. Хотя в то время уже вполне сложился азербайджанский разговорный язык, и местная поэзия создавалась коренными азербайджанцами, литературные произведения писались на персидском языке, не понятном народным массам. На Ближнем Востоке в средние века установилась традиция, согласно которой сочинения по богословию, философии и точным наукам должны были писаться на арабском языке, а в историографии и поэзии допускался и персидский язык. Начиная с X в. персидский (точнее, новоперсидский, дари или фарси, известный с IX в.) язык становится языком поэзии не только в Персии, но и в Средней Азии, Азербайджане, мусульманской Индии и других странах. Этому способствовало развитие придворной поэзии: правители и крупные феодалы собирали при дворах поэтов для прославления своих подвигов, пиров, охоты. При

---

[1] «Картлис-Цховреба». *M. Brosset.* Histoire de la Géorgie, I, p. 446. Ср. также Басили, историк царицы Тамары, пер. В. Д. Дондуа. «Памятники эпохи Руставели», стр. 52—54

этом они требовали от поэтов, чтобы те писали на персидском языке. А так как в то время поэт, если только он не был одновременно землевладельцем, мусульманским богословом или суфийско-дервишским «старцем»-наставником (шейхом, пиром, муршидом), рисковал умереть с голоду, то очень многие поэты так или иначе были связаны с придворной средой.

В XI в. в Азербайджане жил известный поэт Катран, стоявший во главе литературного кружка. Персидский язык, на котором Катран писал согласно феодальному обычаю, не был его родным языком. Это видно из рассказа таджикского поэта Насире Хосрова, познакомившегося с Катраном проездом через Тебриз в 1046 г. По словам Насире Хосрова, Катран, хотя и писал на персидском языке хорошие стихи, говорить как следует на нем не умел.

Среди азербайджанских поэтов этого периода первое место принадлежит, бесспорно, двум гениям мирового значения — Низами и Хагани[1].

Низами (Ильяс сын Юсуфа) родился около 1040—1041 гг. (умер около 1202 — 1203 гг.) в Гандже, в небогатой торгово-ремесленной семье. Образование получил по тому времени выдающееся, знал языки, законы, богословие, философию, медицину и за свои познания получил прозвище «хаким» (ученый, философ). Низами создал пять выдающихся поэм: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искендер-намэ», после его смерти объединенных в одно целое под названием «Хамсэ» («Пятерица»). В них он выступает как великий поэт — гуманист и лирик. Кроме того, он написал большое число касыд (од), газелей (лирических стихотворений) и т. п.

Низами глубоко изучил жизнь своего народа и понимал его страдания:

Люди обычно завидуют предшествующим поколениям,
Горе тем, кто будет потом завидовать нам.

В своем творчестве он вдохновлялся родной историей, преданиями, древними хрониками, которые внимательно изучал. О поэме «Хосров и Ширин» он писал:

Беловая ее запись в обращении неизвестна,
Ибо черновик ее имелся только в Бердаа.
Из хроник древних мужей этой области
Стала известна мне эта запись о кладе.

Великий поэт осуждал правителей страны и отказался от карьеры придворного поэта, от службы тем, чьи «головы, опорожненные от

[1] Собственно «Хакани» («Государев») — поэтическое прозвище, навязанное поэту ширваншахом Минучихром II; Хагани — азербайджанское произношение.

мозга», многим невинным людям «снесли много голов». Он писал о разорении народа и произволе власти:

Насилие — разрушитель царства,
Вечное могущество — лишь от угнетения.

Он проповедовал суровую мораль: человек должен брать на себя труд, чтобы облегчить жизнь другому; в труде — призвание человека:

Ради труда мы сюда явились,
Не ради пустых разговоров явились.

Одновременно Низами — один из величайших лириков; поэтические образы, созданные им, особенно женские (Ширин, Лейли и др.), принадлежат к лучшим творениям мировой литературы.

В творчестве Низами ярко проявились древние исторические связи, существовавшие между азербайджанским и русским народами. Русские купцы издавна знали путь в Азербайджан.

Низами был современником борьбы Юрия Андреевича суздальского за грузинский престол [1] в конце 80-х годов XII в. Низами начал писать свою поэму «Искендер-намэ». Если в поэме «Семь красавиц» великий поэт одну из семи прекрасных романтических новелл посвятил славянам и сделал героиней ее «розовощекую славянскую княгиню», которая «цветом пламени сходна, как вода нежна» [2], то в «Искендер-намэ» блестящие страницы посвящены доблести русских войск и их вождя «Кинтала», которых он противопоставляет считавшимся непобедимыми войскам Александра Македонского.

Низами высоко оценивает русское войско и так рисует его:

... Скажу — сошлись два войска — ошибусь;
Два моря жаркой крови — Рум и Русь...
Но русы держат бой, разъярены,
Отвагой лица их озарены.
Хазраны с правым борются крылом,
  Буртасы слева рвутся напролом,
  Плечистые аланы позади,
  Исуйцы с крыльев — к ним не подходи,
  В средине — рус...

Исследователь поэмы справедливо полагает, что знакомство с русскими войсками Юрия Андреевича, действовавшего на родине поэта в Гандже, послужило основой для создания прекрасных поэтических строк «Искендер-намэ», посвященных Руси [3].

---

[1] См. гл. 4, § 1 настоящего издания.

[2] Подробнее см. *А. В. Попов*. Низами и древняя Русь Кавказский сборник трудов ставропольского Гос. Пед. Ин-та, кн. 1, Ставрополь, 1949, стр. 36.

[3] *А. В. Попов*. Указ. соч., стр. 33 и сл.

Пользуясь историческими сюжетами, Низами изображал современную ему общественную среду. В поэмах у Низами не раз прорываются горькие слова о тиранах, угнетающих беззащитных бедняков. Он дорожил независимостью и никогда не жил при феодальных дворах. Нужда заставляла его посвящать свои поэмы государям и, по обычаю, получать от них вознаграждение. Хотя слава Низами была велика уже при его жизни, полученные им от правителей награды были довольно скромны: атабек Джехан-Пехлеван Ильдегизид назначил ему доходы на правах икта с двух деревень, но чиновники не передали ему их. Атабек Кызыл-Арслан подарил Низами селение Хамдуниан на правах мюлька. Но селение, расположенное на границе и страдавшее от пограничных военных действий, не приносило дохода, а жители селения были так бедны, что Низами самому приходилось кормить их. Сам поэт говорил, что он не гонится за доходами, ему нужен только клочок земли, на котором он мог бы трудиться.

Афзал-ад-дин Хагани родился не ранее 1120 г., умер в последних годах XII в. Дед Хагани был ткач, дядя — ученый медик, отец — плотник, мать — рабыня. Сам он получил хорошее образование. В области поэзии его учителем был поэт Абу-л-Ала, носивший при дворе ширваншаха Минучехра II звание «царя поэтов». Еще в молодости Хагани стал придворным поэтом ширваншахов, сперва Минучехра II, потом Ахситана I. Хагани прославился как мастер хвалебной оды — касыды. Он писал также любовно-лирические стихотворения. Известны его поэма «Подарок из обоих Ираков», посвященная его путешествию в Мекку, и элегия «Мадаин», навеянная посещением развалин Ктесифона (Мадаина), прежней столицы державы персидских царей Сасанидов.

Самолюбивый, независимый, обладавший мятежным темпераментом, Хагани не мог сделать придворной карьеры. Он чем-то прогневал ширваншаха Ахситана и очутился в крепости Шабиран в цепях и колодке. Здесь он создал поэтические произведения, известные под названием «Хабсийэ» («Тюремные элегии»). Получив свободу, Хагани, потерявший в то время жену и сына, поселился в Тебризе; здесь он и умер.

В XII в. жили и другие известные азербайджанские поэты Фелеки Ширвани, Муджир Бейлакани, ученик Хагани. В начале XIII в. при дворе Ильдегизидов жил поэт-одописец Захир-аддин Фарьяби.

Характерными чертами поэзии и культуры Азербайджана этого периода были ее светский характер и связь с грузинской и армянской поэзией. Поэзия Низами и Хагани близка к творчеству их великого современника — грузинского поэта Шота Руставели. В поэме Низами

«Хосров и Ширин» есть отрывок, изображающий могущественную царицу Кавказа Шамиру; в этом образе нетрудно угадать портрет грузинской царицы Тамары.

Ярким эпизодом в жизни Хагани была любовь к «светлоликой» грузинке, ради которой он «стал жителем Абхазии (Грузии. — *Ред.*) и заговорил по-грузински».

Из памятников азербайджанского зодчества этой поры выделяются два башнеобразных мавзолея (1162 и 1186 гг.) в Нахичевани; они имеют вид высоких многогранных призм, покрытых тонкой художественной резьбой по камню и изразцами цветной глазури. Высокохудожественный мавзолей аналогичного типа и два минарета сохранились также в селении Карабагляр близ Нахичевани.

5

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В IX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.

Территория Северного Кавказа от побережья Черного моря и Таманского полуострова на западе до побережья Каспия на востоке была заселена очень неравномерно. По природным условиям она не была однородна, включая степные равнины, предгорья и, наконец, горные хребты и северные склоны Главного Кавказского хребта,— отсюда неоднородность и хозяйственной жизни и социальных отношений населения. Как и ранее, характерной чертой населения Северного Кавказа была его этническая пестрота.

По Северному Кавказу проходили караванные пути, связывавшие Причерноморье с Каспийским морем и далее со Средней Азией; здесь находились перевалы через Главный Кавказский хребет в Завкавказье, наибольшее значение из которых имел Дарьяльский проход, называвшийся тогда чаще всего «Аланскими воротами». На востоке важнейшим был путь по побережью между горами восточной части хребта и Каспийским морем, защищенный в его наиболее узкой части «Железными вратами» — Дербендом. Все эти пути обусловливали международные связи и международное значение Северного Кавказа.

Среди населения северо-западной и средней части Севернего Кавказа важнейшими были этнические группы племен адыгейских (касоги, кашак или несколько более позднее тюрко-татарское наименование — черкесы), абазинских и аланских. Название «аланы», употреблявшееся нередко в широком собирательном смысле, в его более узком значении совпадало с грузинским термином «осы», «овсы» или русским «ясы», восточным «ас», означавшими предков позднейших осетин.

Мавзолей Атабека в Нахичевани, 1186 г.

Места расселения этих групп племен значительно отличались от позднейших, определившихся к XVI—XVII вв.: так, еще не произошло переселение части абазинских племен с северо-восточного побережья Черного моря к верховьям рек Кубани и Лабы; есть основания считать, что племена эти были тогда более многочисленны и что лишь позднее они в значительной своей части слились с адыгейскими и очеркесились. Адыге сосредоточивались в западной части Северного Кавказа и на Таманском полуострове, в то время как аланы-осы занимали несравненно более обширную территорию, чем позднее, включавшую места последующего расселения кабардинцев и часть бассейна Кубани. Северная граница расселения этих племен менялась в зависимости от передвижения кочевников, которых привлекали степи, лежавшие за Кубанью и Тереком. В XI в. здесь появились половцы [1].

Основными занятиями населения были земледелие и скотоводство; источники позволяют говорить о большей роли в предгорных равнинах земледелия, чем это было позже, при соответственно большей оседлости населения. Наличие пашенного земледелия подтверждается и археологическими находками и письменным свидетельством начала XIII в. В низовьях Кубани жители занимались также рыболовством, в горах — охотой [2].

Еще в предшествующие века аланские и адыгейские племена были втянуты в торговые сношения с Грузией, с византийскими городами Крыма и Таманского полуострова, с арабским халифатом, с хазарским каганатом, а при посредстве арабских купцов — и с более широким кругом восточных стран. Если рядовое население обходилось изделиями местных домашних промыслов — глиняной посудой, оружием и железными изделиями местных кузнецов, местными тканями, то в быт знати проникали предметы роскоши, привезенные из Византии, с Востока, из Закавказья.

Развитие производительных сил и внешние сношения адыгейских и аланских племен еще в предшествующие века повели к выделению племенной знати и племенных вождей, к образованию племенных союзов, усилению роли военных вождей и значения военных набегов как источника дальнейшего обогащения племенной знати. К XIII в. уже выявились признаки зарождения феодальных отношений.

---

[1] *А. А. Иессен.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 3, М.—Л., 1941, стр. 28—30; *Е. И. Крупнов.* Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946; *Л. И. Лавров.* «Обезы» русских летописей. «Советская этнография», 1946, № 4, стр. 160—170.

[2] *Л. И. Лавров.* Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. «Материалы по истории земледелия СССР», Сб. 1, М., 1952, стр. 206—207.

Бронзовый котел начала XIII в. *(в районе Кубани)*

Государственный Эрмитаж

На основе разложения первобытно-общинных отношений, дифференциации населения и сложился в западной и средней части Северного Кавказа крупный племенной аланский союз, который в IX—XII вв. приобрел черты государственного устройства. По этническому составу он был, несомненно, неоднороден, включая, наряду с собственно аланскими — осскими, и адыгейские и другие племена. Разнообразные источники говорят о стоявших во главе этого раннего государства «властодержцах» или «царях», иногда нескольких одновременно, об их «могуществе», о значительности их военных сил. Одно из высказываний подобного рода принадлежит арабскому географу первой половины X в. Масуди: «...Царь аланов выставляет 30 000 всадников. Это царь могущественный, сильный и пользующийся бо́льшим влиянием, чем остальные цари. Царство его представляет беспрерывный ряд поселений, настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве...» Тот же автор говорит о «столице» царства аланов. Обширные городища аланского периода в долине р. Б. Зеленчук заставляют предполагать, что именно здесь находился центр Алании [1].

Значительные военные силы, которые могли выставлять «цари» алан, и важное в стратегическом отношении положение Алании на северо-кавказских путях и на выходах от перевалов на равнину объясняют широкие политические связи Алании в IX—XIII вв.

---

[1] «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. XXXVIII, Тифлис, 1908, отд. 1, стр. 54.

Образование в VII в. в непосредственном соседстве с Аланией хазарского каганата повело к попыткам хазарских каганов распространить свое влияние на эту часть Северного Кавказа, но к X в. это влияние ослабевает, а после похода Святослава на хазар в 965 г. совсем прекращается.

Этот же поход вызвал укрепление русского влияния и русских связей с «ясами» и «касогами»: после похода на Хазарию Святослав двинулся на Северный Кавказ «и ясы победи и касоги»[1]. Такой маршрут похода был вызван, несомненно, тем, что северо-кавказский путь от Дона в Закавказье был известен русам и ранее в связи с торговыми поездками русских купцов и походами русов в Азербайджан и на побережье Каспийского моря. В том же X в. сложилось русское Тмутараканское княжество на Таманском полуострове, в непосредственной близости от поселений адыге-касогов и по соседству с Аланией[2]. Все это вызвало ряд военных столкновений, с одной стороны, политические и экономические связи — с другой, нашедшие отражение как в русских летописях, так и в местном фольклоре. Касоги платили дань тмутараканским князьям: известно их участие в походе тмутараканского князя Мстислава на Киев в 1020-х гг.; на ясских княжнах были женаты князья Ярополк Владимирович, Всеволод Большое Гнездо, Мстислав Святославич и др.[3]

Византийское правительство стремилось использовать военные силы алан в своих интересах и распространить свое влияние на территорию Северного Кавказа. Средством упрочения политического влияния Византии была также пропаганда христианства среди языческих адыгейских и аланских племен, начавшаяся еще в VI в. и закрепленная в X в. созданием особой аланской епархии. Свидетельствами этой пропаганды остались церкви и надгробные памятники в западной части Северного Кавказа. Скопление их в том же Зеленчукском ущелье заставляет считать, что здесь был центр и аланской епархии. Особенно надо отметить находку так называемой зеленчукской надгробной надписи XI — XII вв. на осетинском языке греческими буквами, что указывает на зачатки осетинской письменности, возникшие на основе греческого алфавита. Христианство принималось преимущественно аланской знатью и то крайне поверхностно, языческие представления преобладали в народе.

---

[1] См. гл. 1, § 5 настоящего издания.

[2] См. там же, гл. 3, § 4 ж.

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 65, 146, 147, 166; т. II, стб. 53, 134, 155, 284, 625; *Ш. Б. Ногмов.* История адыгейского народа. Тифлис, 1861; *А. Ю. Якубовский.* О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1946, т. 3, № 5, стр. 461—472.

Через перевалы Главного Кавказского хребта, особенно через Аланские ворота — Дарьял, поддерживались сношения Алании с Грузией. Грузинские цари не раз приглашали войска «овсов» для помощи как в междоусобных войнах, так и в войнах с внешними врагами. Влияние Грузии в Алании особенно упрочилось в конце XII — начале XIII в., когда племена «кашагов» и «овсов» стали вассалами грузинских царей. И в этом случае политическое влияние подкреплялось пропагандой христианства: христианские памятники в западной части Северного Кавказа отмечены византийским влиянием, а в средней, особенно горной его части — грузинским. По преданию, в Нузальской часовне на территории нынешней Осетинской АССР был похоронен грузинский царь Давид Сослани, осетин по происхождению, муж царицы Тамары, мать которой в свою очередь была дочерью «овского царя»[1].

К XIII в. военное и политическое значение Алании заметно слабеет. Здесь играли роль и внешнеполитические причины, особенно господство в южных степях половцев. Но основной причиной надо считать внутренние процессы развития, которые повели к упадку власти военных вождей и распаду непрочного объединения племен. Картина, которую рисует побывавший в Алании около 1235 г. европейский путешественник доминиканец Юлиан, очень отличается от приведенного выше описания Масуди. Он говорит о состоянии раздробленности и постоянной междоусобной войны: «Сколько [там] селений, столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя и села против села...»[2]

Северо-восточная часть Северного Кавказа — Дагестан — была занята населением, весьма пестрым по этническому составу (аварские, даргинские, лезгинские племена, кумуки и кази-кумуки, кайтаки и т. д.). IX—XII вв. в истории Дагестана — время постоянных нападений извне. С ослаблением в X в. арабского халифата натиск арабов с юга сменяется в XI—XII вв. натиском тюрок-сельджуков. С севера подступали хазары; один из хазарских городов — Семендер — был расположен в северной части Дагестана[3]; через приморскую часть Дагестана войска хазарских каганов стремились проникнуть в Закавказье.

---

[1] *Л. П. Семенов.* К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 23, М.—Л., 1951, стр. 302—306.

[2] «Исторический архив», т. III, М.—Л., 1940, стр. 78—79.

[3] Местоположение его точно не установлено. Семендер был разрушен во время похода Святослава 965 г. См. *А. Ю. Якубовский.* Указ. соч.

Эти обстоятельства объясняют сосредоточение основной части населения Дагестана в его горной части. Главным занятием населения здесь было пастбищное скотоводство с разведением преимущественно мелкого скота. Земледелие было распространено повсеместно, но по природным условиям не могло иметь крупных размеров. Лингвистический анализ распространенного в Дагестане термина, обозначающего особый плуг, приспособленный для почв нагорий, указывает на давнее существование пашенного земледелия. В удобных местах, особенно в плоскостной части, разводили сады, виноградники. В пору господства хазар в плоскостной северной части Дагестана виноградники жителей Семендера занимали значительное пространство удобных для садоводства земель. Упоминание одним из источников в связи с Таркинским округом сорочинского пшена указывает, что в приморской части Дагестана в устьях рек существовало поливное земледелие. Повсеместно были распространены домашние промыслы. Однако уже тогда началась специализация некоторых аулов по тем или иным видам мелкого производства, например шерстяных тканей. Наиболее яркий пример ремесленной специализации — известная из арабских источников того времени «страна зирехгеранов» (кольчужников), т. е. позднейший аул Кубачи с его округой[1]. Замечательно искусство дагестанских каменотесов и камнерезов и резчиков по дереву.

При устойчивости патриархально-родовых отношений, с пережитками матриархата и большим значением сельской общины, процесс феодализации начался, однако, в Дагестане еще до арабского завоевания VII в. В IX—XIII вв. на территории Дагестана существовал ряд полупатриархальных-полуфеодальных владений. Главнейшими из этих владений были: нусальство с центром в Аварии, на Хунзахском горном плато; его древней столицей был аул Тануш; шамхальство, основным населением которого были кумуки, но центр которого в это время находился не в приморской части, как позднее, а в горной части, в Казы-Кумухе, населенном лаками; владение уцмия Кайтагского с центром в крепости Кала-Корейш, возникшей также в горной местности во время арабского господства[2]. Нусалы, шамхалы, уцмии возводили свое происхождение к наместникам времени арабского завоевания Дагестана и использовали для укрепления своего господства ислам, который арабские захватчики распространяли в Дагестане огнем и мечом в борьбе с «неверными», т. е. язычниками и христианами;

[1] «Тарихи Дербент-намэ». Тифлис, 1898, стр. 166, 176—177; *А. Бакиханов.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 51—53; *Е. М. Шиллинг.* Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949.

[2] О Дербендском княжестве XII — XIII вв. см. гл. 4, § 4 настоящего издания.

в феодальных центрах, в Казы-Кумухе, в крепости Кала-Корейш, были построены каменные мечети; здесь сосредоточивалось мусульманское духовенство, являвшееся носителем непонятной народу арабской письменности.

В условиях большого значения горного пастбищного скотоводства основой феодальной эксплуатации было право феодалов распоряжаться пастбищными горами, расположенными у того или иного селения. Нам известны перечни доходов нусалов и шамхалов; они сохранились в позднейших записях, но судя по упоминаниям в составе дани серебряных диргемов, восходят к ранней традиции. Часть дани платилась диргемами; основная же часть дани, перешедшей затем в феодальную ренту с крестьян-общинников, вносилась натурой: скотом, преимущественно овцами с пастбищных гор, также коровами, быками, лошадьми; зерном с посевов; виноградом с садов; с некоторых аулов — медом, рыбой, шкурами лисиц; наконец, с некоторых — изделиями (с зирехгеранов — оружием, с андийцев — шерстяными тканями). Есть упоминание о дани невольниками, т. е. рабами-пленниками. С купцов взималась пошлина — «по две штуки шелковой материи и по две — бумажной лучшего качества» (шелковые и бумажные ткани проникали в Дагестан из Закавказья и Персии). Существовало ли в то время у дагестанских феодалов собственное хозяйство — неясно. Не дошли сведения и о политическом устройстве. Перечень доходов нусала называет штрафы скотом за убийство и кражу [1].

Границы феодальных владений Дагестана в указанный период не были определенными: между местными феодалами шли постоянные войны. Упорной была и борьба свободных (так называемых вольных) общин Дагестана против подчинения феодальному господству. Зирехгераны, жившие в трудно доступной горной стране и платившие дань арабам, позднее сумели освободиться от зависимости. Вещественным памятником их борьбы за независимость являются остатки крепостных сооружений аула Кубачи, восходящих к XII в. Наоборот, укрепления селения Ицари, датируемые XII—XIII вв., были построены уцмиями как крепость, направленная против даргинского вольного общества Сирха.

Местоположение дагестанских феодальных владений близ дербендского прохода и на путях к нему, а также на перевальных путях в Грузию обусловило политические и экономические связи Северного Дагестана с Дербендом, Азербайджаном и Грузией. Дербенд в XI—XII вв. был крупнейшим торговым городом в Дагестане, его князья получили известную независимость от ширваншахов Азербайджана

[1] «Тарихи Дербент-намэ», стр. 166, 176—177; *С. В. Юшков.* К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. Свердловск, 1938.

и предприняли против них ряд походов, в которых участвовали и военные отряды из Северного Дагестана. Военные успехи Грузии в борьбе против тюрок-сельджуков имели для народов Дагестана большое значение. С усилением Грузии в конце XII—начале XIII в. на Дагестан распространяется грузинское влияние — есть известие о вассальной зависимости от Грузии «хундзов», т. е. аваров. Из Грузии проникало в Дагестан христианство, пережитки которого сохранялись и позже.

В XIII в. народы Северного Кавказа подверглись нашествию татаро-монголов, которые проникли сюда и через дербендский проход из Закавказья и со стороны степей.

6

НАРОДЫ ПРИБАЛТИКИ В IX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.

Лато-литовские племена образовались на территории, расположенной широкой полосой вдоль побережья Балтийского моря от нижнего течения Вислы до Имеры и верховьев Эвсты.

Литовскую их ветвь составляли два больших племени: жемайте (жмудины, жемойть), или нижняя литва, и аукштайте, или верхняя литва.

Жемайте населяли правобережье нижнего Немана, орошаемое его притоками Шешувой и Дубиссой, а также (в северо-западной части) средним и нижним течением р. Минии и верхним течением р. Виндавы. На севере жемайте граничили с земгалами, на северо-западе — с куршами; здесь жемайтскую территорию отделял от моря участок земли куршей, лентообразно вытянувшийся с севера на юг вдоль побережья. На юго-западе, в низовьях Немана, с жемайте соседило прусское племя скаловов. Многочисленные прусские племена населяли приморскую местность от Вислы до Немана. К югу от жемайте, за Неманом, лежала земля ятвягов. Восточная граница жемайтских поселений, за которой начинались поселения аукштайтские, шла от устья р. Невежис (приток Немана) по нижнему течению этой реки и далее в северном направлении, к земле земгалов.

Территория аукштайте лежала на правобережье среднего Немана, в бассейне р. Вилии (Нерис) и других его притоков, включая Меречанку. Неман (на участке от устья Меречанки до устья Невежис) отделял эту территорию от земли ятвягов. На юге аукштайтские поселения достигали в начале XIII в. приблизительно линии: устье Меречанки — верховья Гауи; южнее существовали, может быть, небольшие разбросанные литовские поселения в виде островков среди безлюдной пущи,

а далее лежали русские волости с городами: на Немане — Городном, на южных притоках Немана — Волковыйском, Слонимом, Новгородком, Несвижем, на р. Ясельде (приток Припяти) — Здитовым (южнее Слонима). Волости эти, входившие, вероятно, в состав Полоцкой земли, в XIII в. политически обособились от нее (подобно минским княжествам). Несколько позже в источниках начинает применяться к ним (кроме Городна с его округой) название «Черная Русь».

Восточная окраина аукштайтских поселений, начинаясь от верховьев Гауи, пересекала Вилию и достигала верховьев Десны. Безлюдное пограничье вдоль этой окраины отделяло литовскую территорию от Полоцко-Минской Руси. К северу от территории аукштайте, за пограничными пущами, находились земли селов и земгалов.

Племя ятвягов (судовов) населяло местность к юго-западу от Немана. На юге ятвяжские поселения достигали р. Бобра (приток Нарева), доходя до Волыни. На западе ятвяги соседили с прусскими племенами (по водоразделу между р. Шешувой и верхними притоками Прегеля) и с Польшей (приток р. Лык). Этнически наиболее вероятным представляется относить ятвягов к прусской ветви лато-литовской группы племен [1].

Процесс образования литовской государственности изучен еще недостаточно. Первые известия о предках литовцев — эстиях, населявших побережье Восточной Прибалтики, относятся к началу I тысячелетия н. э. Римский историк Тацит (I в.) в своем труде «Германия» писал: «Правый берег Свевского моря омывает эстиев... у них редко употребляют мечи, но часто дубины. Они с бо̀льшим терпением обрабатывают землю для хлеба и других ее произведений, чем сколько сообразно с леностью германцев [в этом]. Но они обшаривают и море, и одни из всех собирают среди отмелей и на самом берегу янтарь... Сами они им совсем не пользуются: собирается он в грубом виде, без всякой отделки приносится [на продажу], и они с удивлением получают за него плату» [2]. Таким образом, в это время литовские племена по экономическому развитию существенно не отличались от германских племен, были земледельческими и знали производство железа. В ту пору они представляли собой еще единый племенной союз эстиев.

После Тацита о литовских племенах упоминали другие авторы, однако для социально-экономической их характеристики материал можно найти лишь у Вульфстана, купца из Шлезвига (IX в.). Он сообщает, что страна эстиев «очень велика, и в ней находятся многие

---

[1] Вышеизложенный текст от начала данного параграфа принадлежит Н. Г. Бережкову.

[2] *К. Тацит*. Соч., изд. В. И. Модестов, т. I, СПб., 1886, стр. 63—64.

города, и в каждом городе король, и там также очень много меду и рыбной ловли, и король и богатые люди пьют кобылье молоко, а бедные и рабы пьют мед. И много войн бывает у них» [1].

Это сообщение позволяет отметить значительное развитие процесса классового расслоения в Литве. Выделилась господствующая верхушка — «королей» и «богатых людей», противостоящая «бедным» людям — нерабам и рабам. Погребальные обряды пруссов характерны для общества на последнем этапе патриархально-общинного строя. Факт существования «городов» также знаменует переход «от племенного строя к государству» [2].

Первые русские и польские походы на ятвягов (судавов) и пруссов, приведшие к тесному общению русских и литовских земель, датируются X веком. К сожалению, наши летописи не содержат данных для суждения о социально-экономических отношениях в Литве до XIII в., но сведения об этом есть в польских хрониках.

Польский хронист Галл-Аноним (XI в.), наблюдавший жизнь более отсталого прусского края галиндов и сосов, писал об отсутствии у них городов и крепостей; заслуживает глубокого внимания его замечание о том, что вся земля «распределена там по наследственным жребиям между землевладельцами и жителями» [3]. Он же сообщает, что польский князь Болеслав в той земле «сжег многие села и постройки» [4].

Появление и развитие частной собственности на землю вполне согласуется с данными о хозяйстве предков литовцев, сохранившимися в других источниках. Так в «Житии св. Войцеха» Бруннон (997) пишет, что пруссы изгнали из своей страны католического агента Адальберта, говоря, что «из-за подобных чужеземцев наша земля не будет приносить урожая, деревья — плодов, не родится новый скот, а, напротив, и старый умрет». Аналогичные сведения имеются и о ятвягах. В польской хронике Винцента Кадлубка читаем, что выступившему против ятвягов (1192) Казимиру Справедливому было трудно вызвать ятвягов на открытый бой, так как они предпочитали нападать из засад. Поэтому польские войска занимались «опустошением их поселков, сел и высоких божниц, жгли гумна с хлебом» [5]. Таковы свидетельства письменных источников о литовских землях до XII в. Эти свидетельства подкрепляются данными археологии [6].

---

[1] «Scriptores Rerum Prussicarum», B. I, Lpz., 1861, p. 733.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IV, стр. 40.

[3] «Monumenta Poloniae Historica», t. I, Lwòw, 1864, str. 478.

[4] Там же.

[5] Там же, t. II, Lwòw, 1872, str. 422.

[6] См. *В. Т. Пашуто*. Хозяйство и техника средневековой Литвы. «Вопросы истории», 1947, № 8, стр. 77.

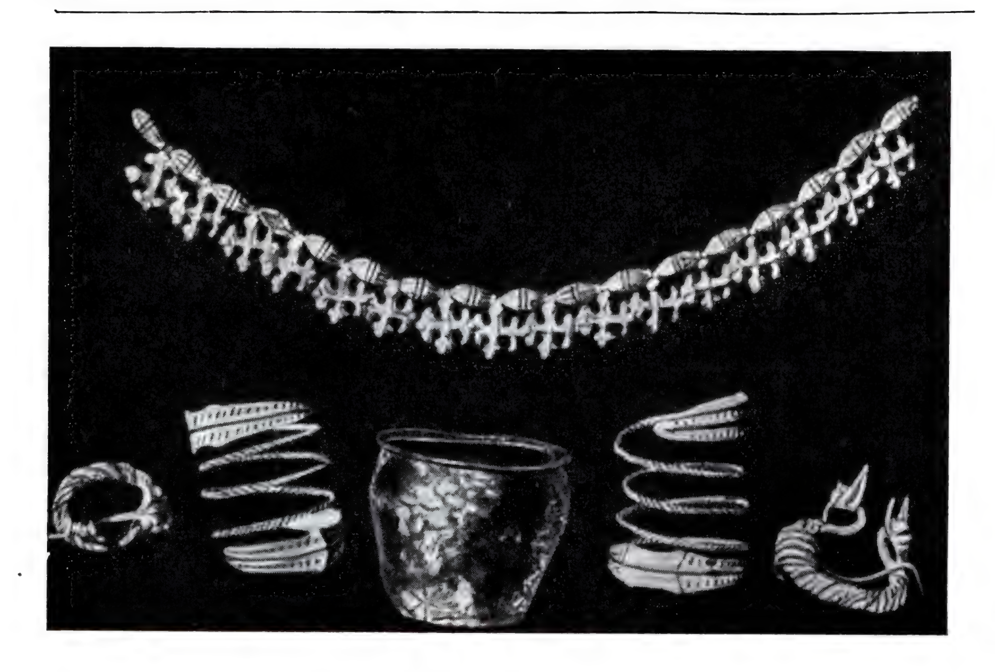

Городище Утенис в Вильнюсской области

Археологи полагают, что во времена Тацита эстии были оседлым народом, занимались земледелием (вероятно, мотыжно-подсечным), охотой, скотоводством (имели лошадей, коров, свиней, овец), знали металлическое производство и состояли в торговых связях с восточными и греко-римскими странами. Жилища той поры — небольшие круглые землянки — свидетельствуют об обособлении отдельных патриархальных домашних общин. Укрепления принадлежали отдельным родам. К этому времени относится огромное количество городищ, курганов и могильников. В дальнейшем переход к пашенному земледелию, появление индивидуальной семьи и территориальной общины, превращение «наследственных жребиев» в частную собственность привели к росту классовых общественных отношений. Курганы с сожжениями более раннего происхождения еще однородны и бедны, но ближе к IX—X вв. по ним можно судить об усилении имущественной, классовой дифференциации, что согласуется с данными письменных источников. О появлении классов свидетельствуют и недавно обнаруженные в средней Литве погребения представителей феодализирующейся знати (т. наз. «погребения с конем»), датируемые XI—XII вв. [1]

По устройству эти городища были подобны «городам» древлян, против которых воевала киевская княгиня Ольга, «городам», которые

[1] *П. Куликаускас.* Литовские археологические памятники и задачи их изучения. «Краткие сообщения ИИМК», вып. XII, М.—Л., 1950, стр. 61.

Серебряный клад вещей XII—XIII вв., принадлежавших ятвягам

видел у пруссов Вульфстан, а также жемайтским городищам — пилькальнисам того же периода. Они представляли собой укрепленные городки (до 100 метров в длину) с населением, размещенным в предместьях, ясные следы которых открыты археологами при больших городищах.

Что касается жемайтских земель, о которых нет свидетельств письменных источников, то археологические изыскания рисуют и жемайтскую культуру как земледельческую (возделывались пшеница, рожь, ячмень, просо), было известно металлическое производство (найдены ножи, боевые топоры, боевые серпы для всадников, железные наконечники копий; многочисленные украшения: шейные гривны, цепи, браслеты).

Примером несколько более отсталого развития археологи считают земли ятвягов Полесья[1].

Археологи отмечают относительную плотность литовского населения: от середины I тысячелетия сохранились многие кладбища в несколько сот курганов каждое.

[1] *Ф. Д. Гуревич.* К вопросу об археологических памятниках летописных ятвягов. «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXXIII, М.— Л., 1950, стр. 110—120. Ср. *ее же.* Обряды погребения в Литве. «Краткие сообщения ИИМК», вып. XVIII, М.— Л., 1947, 31—37.

Керамика ятвягов, XI—XII вв.

Все вышеприведенные свидетельства позволяют утверждать, что по крайней мере в IX в. в Литве происходило становление классовых отношений. Как известно, сущность раннефеодального периода в истории близких к Литве восточнославянских стран состояла в том, что в основе производства этих государств лежал труд общинника, однако систематически закрепощаемого крупными землевладельцами —как выросшими из родовой знати, так и появившимися другими путями (осевшие на землю дружинники и др.)[1].

Поскольку Литовское государство складывалось на территории, где не существовало рабовладельческих государств (о них нам по крайней мере ничего не известно) и, следовательно, возникло в результате разложения патриархально-общинного строя, то к исследованию его вполне применимы известные указания Ф. Энгельса относительно строя раннефеодальных государств.

Исходя из этих указаний можно полагать, что в связи с расселением крестьян, колонизацией земель в ходе отмеченных источниками (например, Вульфстаном) постоянных внутренних войн, а также вторжений со стороны соседних, значительно более феодально развитых государств (Русь, Польша и др.), племенные отношения в основной части земель Литвы могли пасть сравнительно быстро. Стала формироваться государственная власть, используя возникшие союзы сельских общин, между которыми еще не существовало почти никакой экономической связи. Государственная организация, возникшая как результат внутреннего социально-экономического развития, была фактором, способствовавшим сплочению страны, в то же время государство было силой, враждебно противостоявшей общинам и все более их эксплуатировавшей. Ее появление было ускорено активным воздействием феодального окружения Литвы. «Господствующим классом, который постепенно складывался здесь с ростом имущественного неравенства, мог быть лишь класс крупных землевладельцев, формой его политического господства — аристократический строй»[2]. IX—XII вв. в истории Литвы характеризуются наличием отдельных мелких полупатриархальных-полуфеодальных государственных объединений — княжеств (Аукштайте, Жемайте, Делтува и др.). Они могли время от времени образовывать более сильные политические союзы. Так росла новая надстройка над экономической структурой литовского общества, активно содействовавшая оформлению и укреплению своего базиса.

К сожалению, средневековая Литва не имеет своих летописцев, и последующие сведения по ее истории относятся уже к XIII в., когда

---

[1] См. *Б. Д. Греков.* Киевская Русь. М.— Л., 1949, стр. 112.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 392.

энергично протекал процесс упрочения Литовского государства, завершившийся объединением отдельных литовских земель — княжеств в относительно единое Литовское раннефеодальное государство[1].

* * *

Территория Латвии была населена на западе куршами, занимавшими побережье Балтийского моря. На севере граница их территории шла по Абаве (где они соприкасались с ливами), на востоке — до нынешнего Тукумского района, на юге — граничила с Литвой; земгалы жили в бассейне р. Лиелупе (Курляндская Аа) и ее притоков; на юге они граничили с Литвой, а на севере достигали устьев рек Двины (Даугава), Лиепуле и Гауя (Лифляндская Аа); латгалы занимали территорию северо-восточнее земгалов, северная граница их поселений достигала Рижского залива к северу от устья р. Гауи; на севере они граничили с землей эстов, а на северо-востоке — с Русью. Территория селов охватывала небольшую часть среднего Подвинья.

На территории Латвии и Эстонии около VIII в. совершался переход к пашенному земледелию — «лесному перелогу». При лесном перелоге применение топора сочетается с систематической обработкой расчищенных участков с помощью сохи (используются бык или лошадь). Археологами найдены сошники (правда, несколько более позднего времени) в могильнике Перлюкалис (Валкского района) и несколько сошников в Латгалии[2]. Переход к плужному земледелию, требующему гораздо меньшей затраты труда, означал крупный сдвиг в производительных силах. Он отразился и на характере общественного строя.

Открывалась возможность производства силами индивидуальной семьи, выделявшейся из патриархальной домашней общины. С этой поры общественной единицей становилась соседская (территориальная) община, состоявшая из совокупности мелких крестьянских хозяйств. Полевые участки, бывшие в постоянном владении отдельных семей, переходили в собственность сначала наиболее зажиточных, а потом и рядовых владельцев. Но при лесном перелоге традиции коллективного производства были более устойчивы, в чем и заключается одна из основных причин замедленного развития общественных отношений в Прибалтике.

---

[1] См. ч. II, гл. 5, § 1а настоящего издания.

[2] Основу настоящего текста по истории Латвии и Эстонии (стр. 673—682) составляет статья В. В. Дорошенко «Латышские племена в первом тысячелетии нашей эры» («Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 122—130) и часть статьи А. К. Вассара, написанной для настоящего издания.

Постепенная индивидуализация производственного процесса, а вместе с тем и появление аллода — свободной отчуждаемой собственности на пашенные участки с необходимостью порождала крупных землевладельцев, обладающих властью, и зависимых крестьян[1]. Возникновение частной собственности и формирование классов приводило к появлению отдельных элементов государственной и правовой надстройки.

Обособление индивидуальных хозяйств отразилось и в археологическом материале: исчезают коллективные могильники (у куршей — спорадически с середины I тыс. н. э., в Латгалии — в VII--VIII вв.). Резко усиливается и различие в инвентаре: например, в богатом куршском погребении из Гейстаути (Лиепайского района) найден железный наконечник копья и кинжал, коса, а также богатый набор серебряных украшений — гривны, цепочки и т. п. Сохранились и захоронения бедных людей: в Оше (Добельского района) наряду с богатыми захоронениями земгалов найдено бедное погребение, весь инвентарь которого состоит из рабочего топора-кельта и косы-горбуши. Эта резкая разница в инвентаре погребений также позволяет говорить о начавшемся выделении более или менее богатой прослойки.

О том же свидетельствуют многочисленные клады V—IX вв., состоящие из драгоценностей и оружия. Следовательно, участились войны из-за богатства — явление, характерное для времени интенсивного распада родо-племенных отношений и зарождения отношений классовых. Крупные клады оружия приходятся на V—VII вв., время расцвета военно-родовой демократии как переходного периода от бесклассового общества к классовому. Огромные клады оружия найдены, например, в Кокумуйжа. Усиление городищенских укреплений этой поры характеризует то состояние общества, когда война за богатства «становится регулярным промыслом». Видимо, существовала и известная «организация для войны» и прежде всего — развитая система племенных союзов, возвышение богатых и знатных военачальников и постоянные дружины. Богатства именно знатной верхушки хранятся в многочисленных кладах у земгалов, ливов и куршей V—VIII вв. Встречающиеся там, помимо оружия, отдельные предметы хозяйственного обихода указывают на то, что военный грабеж уже дополнялся и другими источниками накопления частной собственности. Так складывался новый общественный порядок — раннефеодальный строй, для которого характерно господство индивидуального земледельческого производства мелких крестьян в рамках свободной общины-деревни.

[1] См. *Ф. Энгельс*. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1952, стр. 160.

Территориальные связи, сменившие родовые, означали в то же время и создание связей политических: начавшееся разделение общества на богатых и бедных «создавало публичную власть, которая уже не совпадала просто-напросто с совокупностью вооруженного народа»[1].

Признаки образования классов и государства раньше всего обнаруживаются у литовцев и южной группы балтийских племен, в частности у пруссов (см. выше), а также у куршей. Общественное неравенство развивается здесь в обществе земледельческом, следовательно, затрагивает поземельные отношения, перестройка которых может идти только в сторону разложения сельской общины и возникновения феодализма. К сожалению, известия о переменах в общественном строе древнелатышских племен, обитавших по течению р. Даугавы, более скудны. Исключение составляет одно из приморских племен — курши, лучше известное западноевропейским хронистам. Письменные свидетельства о куршах, относящиеся к IX—X вв., совершенно аналогичны тому, что сообщается о древних пруссах.

Развитие куршей происходило в обстановке, не совсем типичной для других земель Восточной Прибалтики. Находясь по соседству с очагами древнего железного производства в Восточной Пруссии, курши успешно развивали кузнечное ремесло, основанное на местной добыче железа из болотной руды. В области земледелия, которое уже в раннем железном веке приобретало ведущую роль в хозяйстве, курши, видимо, опережали другие древнелатышские племена. Вместе с тем сильнейший отпечаток на хозяйственное и политическое развитие этого племени накладывало их расселение по балтийскому побережью. Находимые здесь предметы оружия и украшений говорят не только о развитии морской торговли куршей, но также о набегах этих воинственных мореходов на соседние страны, в частности на остров Готланд и берега Скандинавии. Военный флот куршей еще в начале XIII в. был грозой для немецких захватчиков,— достаточно вспомнить о нападении куршей на Ригу в 1210 г. Походы куршей, которые зачастую предпринимались как ответ на агрессию скандинавов, обогащали прежде всего предводителей из числа местной знати. Источником обогащения родовой знати служил захват движимого богатства в сочетании с примитивной торговлей драгоценным товаром и рабами. Уже в IX—X вв., когда дело доходит в Курземе до создания довольно обширных племенных союзов, в общественном строе куршей проступают и новые черты. Руководители этих союзов распространяют свою власть на определенную территорию; с другой стороны, отдельные признаки указывают на зарождение крупного землевладения в рамках существующей сельской общины.

---

[1] Там же, стр. 117.

Источник IX в.— «Житие св. Ансгария» говорит о «царстве» (regnum) куршей, которое делится на пять городских округов (civitates). Население Курсы упорно боролось с набегами скандинавов, прибывавших сюда с целью грабежа или обложения данью приморских земель. В начале IX в. курши сбросили иго шведов, а около 854 г. разгромили также и датских пришельцев, уничтожив половину их войска и кораблей и отняв награбленную добычу. Описывая новые нашествия на Курсу со стороны шведов, автор этого описания упоминает крупные и богатые «города» (urbes) куршей — Зеебург и Апулию, вмещавшие, по его, несомненно, преувеличенным данным, гарнизоны в 7—15 тысяч человек.

В «Датской истории» Саксона Грамматика приводится ряд эпизодов, отражающих борьбу куршей против скандинавов. Здесь упоминается, между прочим, о новом поражении захватчиков в конце IX в. Правитель Курсы — «тиран» Локер, разбивший шведского викинга, уже обладал единоличной властью в стране и, возможно, над упомянутыми в «Житии» пятью округами. В самом начале X в., когда шведы снова устремляются за добычей «в пределы куршей», вновь сообщается о «короле» Курсы по имени Дорно, который приказывает своим воинам опустошить родную землю дотла: «Так как для защиты крепостей сил у куршей недоставало, они собирались погубить неприятеля голодом».

Тот же Саксон рассказывает об обычае куршей избирать себе «королей» — предводителей — перед военным походом. Власть правителя, обширная в военное время, как видно, не передавалась еще по наследству и ограничивалась народным собранием. «Воины» Дорно — это, понятно, вооруженный народ. Тем не менее налицо признаки складывания полуфеодальной-полупатриархальной территориально-политической организации, оформление которой приходится на XI—XII вв.

Зарождение этой организации было вызвано крупными переменами в общественно-экономических отношениях земледельческого общества. Об устойчивом земледелии, помимо археологии, говорит сага об Эгиле Скалагриммесоне — участнике военного похода на Курсу в начале X в. Чтобы сломить сопротивление куршей, захватчики опустошали их земли. Сам Эгил и его люди были захвачены в плен при попытке разграбить одну из деревень куршей. Случайно освободившись, они взяли с собой и трех других пленников-датчан. Очевидно, местная знать, выдвигавшая из своей среды «королей» и «вождей», успела обзавестись хозяйством, где использовались рабы-пленники. Тот же Эгил рассказывает о поселениях куршей и их постройках, окруженных изгородями и имевших различное хозяйственное назначение. Он упоминает и жилое двухэтажное помещение, которое, очевидно, принадлежало богатому человеку — представителю нарождавшейся землевладельческой знати.

Сходные процессы развития наблюдались и в других землях древней Латвии. По свидетельству того же Саксона Грамматика, шведские викинги в конце IX в. неоднократно высаживались у «города на Двине», где будто бы правил некий «король» — Гондван. Не одолев прочных стен и валов этой крепости, завоеватели, применив хитрость, сожгли город, а за плененного ими «короля» взяли большой выкуп золотом. В другой раз — уже в начале X в.— захватчики вновь заняли «город» Гондвана, но тот успел погрузить свои «королевские сокровища» на корабли и потопил их в море. Отмечая богатства этого правителя, летописец подчеркивает и его политический авторитет в «царстве»: викинги соглашаются на мир лишь после того, как Гондван отдал свою дочь в жены норманскому предводителю. Дальнейшее общественно-политическое развитие Курземе, вплоть до начала XIII в., в письменных источниках совершенно не освещено. Документы этого времени говорят об отставании куршей по сравнению с другими древнелатышскими землями, особенно земгалов и латгалов.

В XI—XIII вв. наиболее крупные земли (латгалов, земгалов, куршей, селов и ливов) имели внутренние территориально-политические деления (упоминаются восемь куршских, шесть земгальских «земель»; шесть областей насчитывало Ерсикское княжество). Судя по случайным упоминаниям, более крупными политическими центрами были Талава и Атзеле (в нынешней Северной Латгалии и Видземе) и подвластная Полоцку Ерсике. Сложилась и окрепла феодализирующаяся верхушка («старейшие», «лучшие»); правители из ее среды упоминаются источниками XIII в. в разных частях страны: у куршей назван правитель одной из «земель» Ламекин; у ливов — Каупо (quasi rex); у земгалов — Виестард (dux, princeps), позднее — Намейсис (rex); в Талаве — Таливалд и т. п.

* * *

Общественная организация эстов в XI—XIII вв. характеризуется следующими чертами. Прежний родо-племенной строй, основанный на коллективной собственности и кровном родстве, сменился, вследствие разложения родовых связей, территориальным устройством, единицами которого у эстов были территориальные общины — «кихельконды» и «мааконды». Кихельконд состоял из определенного числа сельских общин, расположенных на более или менее целостной территории и, таким образом, связанных общими экономическими и военно-оборонительными интересами. Во главе кихелькондов стояли старейшины — наиболее богатые и, следовательно, наиболее влиятельные из «лучших». Старейшины управляли делами кихелькондов, считаясь с решениями народных собраний, распределяли

повинности (например, при постройке городищ), вершили суд и, вероятно, отправляли также культовые обряды. В военное время во главе кихелькондов становился вождь — представитель «лучших», известный военными способностями.

Кихельконд, как правило, имел городище или даже два, в которых в случае опасности укрывалось население со своим имуществом. Прежние небольшие укрепления были в большинстве покинуты и заменены меньшим числом крупных городищ. Особенно выросли в этот период городища разбогатевших узловых торговых пунктов, как Линданисе (современный Таллин[1]), Тарту, Отепяа, Вильянди, Варбола, Тоолсе, некоторые городища на острове Сааремаа и др.

Кихельконды сложились на бывших племенных территориях. Для населения каждого кихельконда был характерен свой говор. Кихелькондам были свойственны и некоторые особенности материальной культуры. Вплоть до XIX в. многие кихельконды сохраняли, например, особые виды народной одежды.

Обычно несколько кихелькондов уже объединялись в полуфеодальную-полупатриархальную политическую организацию мааконд — «землю». Мааконд не имел особого старейшины, его делами занимались совместно старейшины кихелькондов. В случае войны наиболее знатный из старейшин становился иногда во главе ополчения всего мааконда, как, например, Лембиту в мааконде Саккала. В Эстонии было восемь крупных маакондов: Сааремаа, Ляанемаа, Рявяля (ныне северная часть Харьюмаа), Харьюмаа (ныне южная часть Харьюмаа), Вирумаа, Ярвамаа, Саккала (бо̀льшая часть современного Вильяндимаа) и Уганди (ныне Тартумаа с Валгамаа и Вырумаа). Кроме того, менее развиты в общественно-экономическом отношении по сравнению со средней Эстонией (ныне Йыгевамаа и северная часть Вильяндимаа) были мелкие мааконды. Развитие общественно-политической организации эстов не пошло на этом этапе далее маакондов. При возникновении внешней опасности иногда образовывались союзы маакондов, но они распадались, как только опасность проходила.

В условиях роста экономических связей стали постепенно стираться особенности материальной культуры отдельных маакондов на материке Эстонии в XI—XII вв. Кроме того, и соседи рассматривали население эстонской территории в известной мере как нечто целое, употребляя по отношению к эстам не только наименование отдельных племен или маакондов, но и общее название — эсты (estones). Следовательно, прежние эстонские племена в это время начинали сливаться в единую

---

[1] См. *И. П. Шаскольский*. Против извращений начальной истории Таллина. «Большевик Эстонии», 1952, № 5, стр. 32—40.

Даугмальское городище (Рижский район)

народность. То же наблюдалось в литовских и в латышских землях. Именно в составе древнерусского государства эти народности получили возможность сложиться в такой степени, что впоследствии устояли перед лицом многовекового угнетения и яростной ассимиляции со стороны немецких захватчиков.

Социально-экономическое и политическое развитие Латвии и Эстонии было нарушено варварским вторжением немецких феодалов[1] и не завершилось оформлением относительно единых раннефеодальных государств.

Чем же объяснить отставание социально-экономического и политического развития Прибалтики по сравнению, например, с Русью? При ответе на этот сложный вопрос необходимо учитывать всю совокупность исторических условий, которые в рассматриваемый период неблагоприятно складывались для латвийского и эстонского народов.

Древнерусское государство, включившее в свой состав и северную группу восточнославянских земель, выросло на основе передовой культуры среднего Поднепровья с его древними земледельческими традициями (плужная обработка земли была известна уже в скифские времена)[2] и на основе тех политических объединений славянства, которые

[1] См. гл. 5, § 3 настоящего издания.

[2] *П. Д. Либеров.* К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. «Материалы по истории земледе-

Поход Ярослава Святославича на ятвягов в 1112 г.
Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

сложились в предшествующий период. К IX в. здесь побеждают феодальные отношения; остатки патриархально-общинного строя сохранились лишь на окраинах древней Руси.

Иначе шло развитие в Прибалтике. Прежде всего нужно учитывать более замедленное развитие производительных сил. Скудость природной обстановки — нехватка металлов и недостаточное плодородие почвы, обилие лесов и болот — задерживали переход от лесного перелога к более передовым формам земледельческого хозяйства, заставляли население сохранять более примитивные способы добывания жизненных средств — охоту, бортничество и рыболовство.

Далее, в момент столкновения славяно-германского мира с рабовладельческими цивилизациями Рима и Византии Прибалтика оставалась на периферии событий.

Наконец, следует принять во внимание и некоторые особенности политической обстановки, которые наиболее тяжело сказывались на развитии Западной Латвии — земель древней Курсы и двинского Понизовья. С середины I тысячелетия эта территория стала форпостом борьбы прибалтийских земель против захватчиков с северо-запада.

лия СССР», сб. 1, стр. 66—114; *В. И. Довженок*. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. Там же, стр. 115—159.

Фибула X—XI вв.

Каунасский Государственный Художественный музей им. М. К. Чурлонис.

Натиск скандинавов достиг наибольшей силы в IX—X вв., когда под ударами норманнов оказалось все побережье Европы от Балтики до Средиземноморья включительно. Выселяясь на прибрежные острова, отдельные «конунги» с дружинами затем проникали в устье Даугавы, грабили куршей и эстов и даже вторгались в Русскую землю. Временами они утверждали свое более или менее длительное господство в отдельных районах, облагая местное население тяжелыми данями, разоряли деревни и укрепления.

Источники говорят о героическом сопротивлении прибалтийских народов и соседей-славян иноземным насильникам. Нельзя, однако, недооценивать губительных последствий скандинавской экспансии, длившейся более 500 лет. Уничтожение населения и материальных ценностей подрывало общественно-экономическое развитие куршей и ливов. Страна на время нашествия превращалась как бы в вооруженный лагерь: отложив в сторону соху, крестьянин то и дело должен был браться за меч. Нападения, повторявшиеся периодически, способствовали сохранению отдельных традиций дофеодального устройства, отражавшего в сущности уже пройденный этап политического раз-

Рукоять меча IX—XII вв. Стремя IX—XII вв.

Каунасский Государственный художественный музей им. М. К. Чурлонис.

вития. Понятно также, что скандинавы не могли ничему научить прибалтийские народы, культура которых стояла выше культуры разбойников-«викингов». Мешая мирному развитию и общению древнелатышских и древнеэстонских земель, военные набеги и временные захваты тормозили образование латышской и эстонской народностей.

Вызревание феодальных отношений шло несколько быстрее в Восточной Латвии и Эстонии, где оно не встречало подобных препятствий, а, наоборот, стимулировалось соседством с передовой феодальной Русью. Но лишь в Литве оно привело к образованию относительно единого раннефеодального государства.

* * *

Исторические судьбы Руси издавна связаны с судьбами народов Восточной Прибалтики. Уже в договоре Игоря (944) при перечислении представителей древнерусского государства от его «внешних» владений (так называемые «обьчии сли») упомянут наряду с другими ятвяг

Гунарев (Ноунаревь), т. е. киевский дружинник, наместник из области Нарева (приток Западного Буга близ впадения его в Вислу) [1].

Автор «Повести временных лет» знал, что отношения Руси с прибалтийскими народами возникли давно и продолжали существовать в его время. В «Повести» сказано: «И се суть инии языце, иже дань дают Руси: Чудь (эсты.— *Ред.*)... Ямь (емь.— финны. — *Ред.*), Литва (Аукштайте. — *Ред.*), Зимегола (Земгалия.— *Ред.*), Корсь (литовское племя на Нижнем Немане.— *Ред.*), Нерома (Жемайте.— *Ред.*), Либь (Ливы.— *Ред.*)...» [2] Подчинение ятвяжских племен в литовских землях, бесспорно, было закреплено при Владимире Святославиче; что касается восточного побережья Немана (к северу до р. Невежис), то археологи говорят о наличии там существенных славянских элементов (например, в раскопках Кривого города, предполагаемой столицы кривичей, в Вильнюсе).

Наши летописи сохранили лишь отрывочные известия о русско-литовских отношениях времен древнерусского государства.

Из уцелевших упоминаний о походах киевских князей в Судавию (на ятвягов, под 983, в 1038 и 1112 гг.), в собственно Литву (1040, 1131), в Земгалию (1106) — видно, что древнерусское государство внимательно следило за западными территориями [3]. Упоминается это время и в былинах. Илья Муромец с гордостью говорит:

Жил я во хороброй Литвы
По три году поры-времени,
Выхаживал дани — выходы от князя Владимира [4].

Во второй половине XII в. политическая сила древнерусского государства перешла прежде всего к Владимиро-Суздальской, а также Галицко-Волынской и Полоцко-Минской Руси. Каждая из этих земель решала задачи большой политической важности, составной частью которых были и взаимоотношения с Литвой. За время от расчленения древнерусского государства до оформления самостоятельных Владимиро-Суздальского, Галицко-Волынского и Полоцко-Минского княжеств граница русских владений передвинулась с Немана на Двину. На землях между Неманом и Двиной стало складываться новое раннефеодальное Литовское государство. Охватив земли нижнего Немана,

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 35.

[2] Там же, стб. 8; ср.: «Нерома, сиречь Жемоить» (Жемайте.—*Ред.*) в «Летописце Переяславля-Суздальского», изд. К. М. Оболенского, М., 1851, стр. 2.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 69 (под 983 г.), стб. 141 (1048 г.), стб. 273 (1112 г.); ср. НПЛ, стр. 20 (1113 г.); ПСРЛ, т. II, стб. 141 (1040 г.); НПЛ, стр. 181 (1044 г.); ПСРЛ, т. II, стб. 294 (1132 г.); ср. ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 301 (1131 г.); вып. 1, стб. 281 (1106 г.).

[4] *П. Н. Рыбников.* Песни, т. I, М., 1909, № 5, стр. 31.

Литва включила славянские территории его верховьев; границы Литвы продвигались далее на восток к Полоцку, Смоленску, Витебску.

Если во второй половине XII в. еще встречались факты использования литовских войск полоцкими и минскими князьями в феодальных войнах на Руси (1161[1], 1181[2], 1198[3] гг.), то в дальнейшем мы уже таких фактов не находим. «Слово о полку Игореве» отметило утрату русскими князьями былых позиций в Литве:

«И Двина болотом течет
оным грозным полочаном
под кликом поганых.
Един же Изяслав, сын Васильков,
позвони своими острыми мечи
о шеломы литовьскыя,
притрепа славу деду своему Всеславу,
а сам под чрълеными щиты
на кроваве траве
притрепан литовскыми мечи»[4].

XIII в., когда сложилось относительно единое раннефеодальное государство, стал переломным в истории литовского народа[5]. В это время определилось место литовского народа в последующей истории, наметилась основная его территория, сплотились силы его — «умножишася языка литовьского»[6]. С начала века литовский народ вступил в борьбу с немецкими крестоносцами, грозившими ему порабощением. Победы, одержанные в XIII в. русскими войсками над захватчиками, сыграли решающую роль в борьбе великого княжества Литовского за независимость.

Несколько иначе сложились отношения Руси с другими народами восточной Прибалтики — эстами, ливами, латгалами. Киевские князья освоили эти земли прочнее, чем земли литовские. Летописи хранят некоторые свидетельства об отношении киевских князей к прибалтийским владениям, в которых имелись русские крепости и погосты, а население было обложено регулярной податью[7].

Отношения с эстами у Руси установились очень давно. Из летописи мы узнаем, что эсты (чудь) признавали власть первых русских князей и в качестве их подданных принимали участие в походах Олега на Киев

---

1 ПСРЛ, т. II, стб. 519.
2 Там же, стб. 620.
3 НПЛ, стр. 44.
4 «Слово о полку Игореве», стр. 24.
5 См. ч. II, гл. 5, § 1 настоящего издания.
6 ПСРЛ, т. VII, стр. 151.
7 *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси, кн. 1, М., 1952, стр. 386.

(по летописи в 882 г.)[1] и Византию (907)[2]; имена эстских дружинников встречаются в перечне «общих послов» договора 944 г. Игоря с Византией («Искусеви» — дружинник княгини Ольги, «Каницар» — из Переяслава)[3]; чудь участвовала в походе Владимира Святославича на Полоцк (980)[4].

Сбор дани киевским князем с чуди. Миниатюра из Радзивиловской летописи, XV в.

Князь Владимир, видимо, сумел использовать в своих интересах знатную верхушку чуди-эстов; в частности, сооружая укрепленную линию городов по Десне, Суле, Стугне и др., (по летописи в 991 г.) князь начал переселять «мужей лутших» с подвластных Киеву земель, в том числе «и от чюди»[5]. Позднее при киевских князьях дружинниками служили выходцы из чуди — таков Микула Чудин. Он — современник сыновей Ярослава Мудрого; при них Микула жил в Киеве, где имел «двор»[6]; по должности он «держал» Вышгород[7], он — участник съезда трех Ярославичей, на котором была составлена «Правда Ярославичей»[8], древнерусский феодальный законодательный сборник. Брат Микулы — Тукы — был в дружине князя Изяслава в дни киевского восстания 1068 г.[9], он погиб в 1078 г., сражаясь как дружинник князя Всеволода[10].

Киевские князья неуклонно стремились к поддержанию своей власти над землей эстов. Летописи свидетельствуют о походах киевских и подвластных им князей в землю эстов-чуди: в 1030 г. поход органи-

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 16.

[2] Там же, стб. 21.

[3] Там же, стб. 35; ср. *Я. Я. Зутис*. Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв. «Историк-марксист», 1940, № 3, стр. 40.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 64.

[5] Там же, стб. 106, НПЛ, стр. 159 (988 г.).

[6] НПЛ, стр. 111 (945 г.).

[7] ПСРЛ, т. II, стб. 172.

[8] «Правда Русская», т. I, ст. 19, стр. 71.

[9] ПСРЛ, т. II, стб. 160.

[10] Там же, стб. 191.

зовал князь Ярослав Мудрый, который тогда же основал г. Юрьев[1] (Тарту) на месте эстонского укрепления, носившего имя бога Тора; новый город стал главным центром управления киевских князей землей эстов, здесь находился русский гарнизон и жили дружинники, имевшие «села о Юрьеве» [2]. Процесс освоения этих земель, видимо, продолжался и в XI в. Так, в 1060 г. Изяслав Ярославич подчинил юго-западную эстонскую область Саккала (где, по данным русской летописи, жили «сосолы»), наложив на нее регулярную дань в 2000 гривен. Были взяты заложники и оставлены русские даньщики. Попытка эстов оказать сопротивление, выразившаяся в нападении на Юрьев и Псков, была подавлена[3].

В начале XII в. киевские князья провели ряд походов на отдельные чудские области. Так как землей эстов киевские великие князья владели, используя новгородские боярские власти, то эти походы проводились с участием новгородского войска; таковы походы на чудь — «На Бору» (1113)[4], чудь — Уганди (1116), когда русские войска, заняв город эстов Отепяа (Медвежья голова), «и погост бещисла взяша и возвратишася во своякси со многом полоном»[5]. В 1130 г. поход на чудь организовал князь Всеволод Мстиславич: «и взяша и возложиша на не дань»,— записано в киевской летописи [6]; в 1134 г. тот же князь вернул себе занятый было эстами Юрьев[7].

После установления самостоятельности Новгородской республики (30-е годы XII в.) руководство отношениями с землей эстов перешло, видимо, целиком к новгородскому боярству. Оно укрепило аппарат своей власти в земле эстов: здесь, кроме гарнизонов в городах и погостов, имелись и другие органы русской феодальной государственности. Сюда ссылали политических деятелей, не угодных новгородскому боярству: в 1141 г. новгородские власти «затоциша Якуна в Чюдь с братомь, оковавше и руце к шеи» [8].

С началом немецкого вторжения положение в Восточной Прибалтике серьезно изменилось. В 1188 г. произошли какие-то осложнения в новгородской торговле с немецкими городами, что, быть может, связано с от-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 137.

[2] НПЛ, стр. 183.

[3] Там же. Тот же Изяслав еще в 1055 г. в походе на чудь занял укрепление («осек») Кеденпе (Кеава в земле Харьюмаа), по-русски именуемое «Рука солнца»; ПСРЛ, т. V, Л., 1925, стр. 131).

[4] НПЛ, стр. 20.

[5] ПСРЛ. т. II, стб. 283; НПЛ, стр. 204 (1116 г.).

[6] ПСРЛ, т. II, стб. 294; НПЛ, стр. 22 (1130—1131 гг.); ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 301 (1130 г.).

[7] НПЛ, стр 23.

[8] Там же, стр. 26.

ветным походом подвластных Руси карел в 1187 г. на шведский город Сигтуну и последующим нападением шведов, немцев и готландцев на русские владения в земле эстов. Из хроники Генриха мы узнаем, что в этом году «епископ, вместе со шведским герцогом, тевтонами и готами» на судах «пристали в Виронии (Вирумаа. — *Ред.*), эстонской области, и в течение трех дней разоряли ее» [1].

В том же году немецкие и шведские власти арестовали новгородских купцов («рубоша», т. е. посадили в «поруб», в тюрьму) на Готланде, в Нючепинге («Новоторжец») и Горсхэлле («Хоружск»). Тогда новгородское правительство весной «не пустиша из Новагорода своих [купцов] ни одиного мужа за море», а «варягов» «пустиша... без мира» и даже не дало им «съла» (т. е. посла для урегулирования конфликта) [2]. Таким образом, новгородские власти закрыли свою гавань для немецких судов, закрыли они и сухопутную торговлю.

Немцы не замедлили предложить мирное урегулирование конфликта; так возник русско-немецкий предварительный договор конца XII в., основанный на прежних русско-немецких договорах. В нем содержатся намеки на причину происшедшего конфликта: «Оже убьють таль (заложника.— *Ред.*) или поп новгороцкое или немецкое Новегороде, то [платить] 20 грив[е]н серебра за голову». Основным пунктом договора новгородцы выставили следующее: «Первое. Ходити новгородцю послу и всякому новгородцю в мир в Немечьску землю и на Гоцк берег (на о. Готланд.— *Ред.*); такоже ходити немечем и г[о]тяном в Новгород без пакости, не обидим никым же». В договоре есть еще одна статья, говорящая о длительности и устойчивости русских внешнеторговых связей: «Оже родится тяжа в Немцех новгородцю, любо немчину Новегороде, то рубежа не творити (т. е. не прерывать торговли.— *Ред.*), на другое лето жаловати» [3].

Начавшееся вторжение немецких феодалов замедлило оформление этого договора, но разрыв торговых отношений Новгородом побудил немецких купцов ускорить урегулирование торговли, и в 1201 г. «на осень придоша варязи горою на мир», и новгородцы «даша им мир на всей воли своей» [4], т. е., вероятно, на основе предварительных условий более раннего договора.

Можно думать, что в связи с этими событиями «поморьская чудь» на семи шнеках (судах) прошла в 1190 г. через пороги («оболочилися») в озеро, где и была разбита псковичами [5]. Однако движение было

[1] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, I, 13.
[2] НПЛ, стр. 39.
[3] ГВНиП, № 28, стр. 55—56.
[4] НПЛ, стр. 45.
[5] Там же, стр. 39.

значительно шире, так как зимой 1191 г. князь Ярослав Владимирович провел поход на чудь с новгородскими и псковскими войсками «и с оболостью своею», вернул занятый эстами Юрьев «и полона бещисла приведоша»[1]; в следующем, 1192 г. небольшое новгородское войско, княжеский «двор» и псковичи предприняли еще один поход, во время которого вновь заняли г. Отепяа [2].

О древних русско-эстонских связях свидетельствует также характерная общность памятников Линданисе-Колывани (Таллина) с новгородско-псковскими памятниками. Древние связи Руси с землей эстов отразились и в былинах. В былине о Соловье Будимировиче говорится:

Ис под дуба, дуба сырого,
Ис под той березы, спод наклянины
Матушка Нева широко прошла,
Устьем выпадала в сине море во Виренское [3].

Знает былина в этой «Вирянской» (т. е. Вирумаа) земле и город «Леденец», т. е. Линданисе, из которого позднее вырос Таллин. Впрочем, русское культурное влияние было значительно шире, охватывая и о. Готланд, где в Гарда сохранилась часть роскошной стенной живописи XII в., выполненной новгородскими мастерами. Исследователь этого вопроса справедливо писал, что «на Запад плыли не только торговые русские люди, туда везли не только сырье, туда попадали не только случайные русские изделия, подобные новгородскому людгощенскому кресту в ризнице собора Гильдесгейма, но из Руси на Балтику экспортировалась утонченная живописная русская культура и там создавались ее очаги»[4].

Вторжение немецких крестоносцев, захват ими лучших эстских земель, превращение эстонского крестьянства в феодально зависимое от немецких светских и духовных феодалов, массовое истребление населения во время следовавших один за другим походов — все это привело к повсеместному восстанию эстов, искавших помощи у Руси. Героическая борьба с немецкими крестоносцами в XIII в.— тяжелая, но славная страница в истории эстонского народа. Он заставил немецких колонизаторов дорого заплатить за захват эстонской земли[5].

---

[1] НПЛ, стр. 40.

[2] *Я. Я. Зутис.* Указ. соч., стр. 42.

[3] См. *Э. А. Вальтер.* Что такое «Линданиса». «Изв. Отдел. русск. языка и слов. Ак. Наук», т. V, кн. 4, СПб., 1900, стр. 1326—1331.

[4] *Л. Мацулевич.* Новгород и Таллин. «Краткие сообщения ИИМК», вып. X, М.—Л., 1941, стр. 51.

[5] См. гл. 5, § 3 настоящего издания.

Отношения Руси с ливами и латгалами значительно слабее освещены в наших летописях. В договоре 944 г. упомянут киевский дружинник из «Либи», т. е. области ливов. Киевский автор начала XII в. среди народов, плативших дань киевским князьям, упомянул и «Либь» (т. е. ливов). Эти упоминания, конечно, не случайны. Однако, поскольку эти земли находились в некоторой их части под управлением полоцких князей, а полоцкие летописи погибли, то вполне объяснима скудость наших сведений. Полоцкие князья явились преемниками власти киевских князей над землей ливов. Об этом свидетельствует и хронист Арнольд Любекский: «Король Руссии из Полоцка имел обыкновение время от времени собирать дань с этих ливов»[1]. Полоцкие князья использовали ливские вооруженные силы во время феодальных войн. Подобный пример отмечен киевской летописью под 1181 г., когда «Либь» участвовала в походе с «полочаны»[2].

Через несколько лет (около 1184 г.) агент папской курии монах Мейнард испрашивал у полоцкого князя Владимира, «которому ливы, еще язычники, платили дань», разрешение на ведение проповеди в их земле[3]. Папская курия (в частности, папа Климент III в своей булле от 1188 г.) признавала, что епископство Икскюльское на Двине основано «в Руссии». Из немецкой рифмованной хроники мы узнаем, что земли ливов, латгалов и селов принадлежали Руси. Это и понятно, так как издавна бассейн Двины от Земгальской гавани (на основе которой позднее выросла Рига) в устье р. Земгальской Аа—до увозов (место причала и выгрузки судов) в Полоцке и Витебске находился под контролем Руси.

Это обстоятельство должны были признать на первых порах и немецкие крестоносцы; так, одним из условий мирного договора 1210 г. Риги с полоцким князем было то, что «королю (полоцкому.— *Ред.*) ежегодно платилась должная дань ливами или за них епископом» рижским[4]. Таким образом, различные источники свидетельствуют о власти русских, вначале киевских, а затем полоцких князей над землей ливов, расположенной в низовьях Двины и к северу от нее, вдоль побережья до границ земли эстов. Немецкое вторжение прервало эти давние русско-ливские отношения, сделав землю ливов ядром немецкой феодальной колонии.

Несколько по-иному сложились отношения Руси с латгалами. Киевский книжник начала XII в. упоминает в числе народов, плативших дань Руси, «Зимеголу», т. е. земгалов. Земля земгалов составляла

---

[1] «Chronica Slavorum», lib. VII, IX, 10 Monum. Germ. Hist. SS, t. XXI, p. 212.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 620.
[3] *Генрих*. Хроника. I, 3.
[4] Там же, XIV, 9.

западную часть земли латгалов, она лежала к западу от Двины, южнее земли ливов. Расположенная вдоль Двины, эта земля, конечно, находилась в определенных отношениях с Русью, но, кроме приведенного известия, источники сохранили об этих отношениях только один факт, а именно, что в 1106 г. «победиша Зимегола Всеславичь всю братию и дружины убиша 9 тысящь»[1]. Из этого факта можно сделать вывод, что охрана подвинского торгового пути от нападений земгалов была нелегким делом для русских князей.

Гораздо больше известно нам об отношениях Руси с собственно Латгалией — Лотыголой, расположенной главным образом к северо-востоку от Двины, граничившей на севере с землею эстов, а на северо-востоке — с Русью. В южной Латгалии к началу XIII в. находились две крупные русские крепости. Одна — Куконос [т. е. «мыс (нос) Кокны» реки] на Двине, несколько выше Айзкраукле; здесь в начале XIII в. княжил Вячеслав (Вячко), охранявший двинский путь и державший под своим влиянием часть земли латгалов и землю селов, с которых он собирал дань[2]. Значительно выше по Двине был расположен другой русский замок — Ерсика. Это был крупный город с несколькими церквами[3]. К городу прилегала обширная область, с ним были связаны замки Дубен, Лепене, Гердине, Беберине и др. В Ерсике княжил Всеволод. Оба русских князя зависели от Полоцка. Из этих двух центров полоцкая власть осуществляла управление и сбор дани в южной Латгалии.

Что касается северной части Латгалии, области Талавы, лежавшей у границ земли эстов, то ею управляли власти Пскова, собирая здесь ежегодную дань [4].Часть северной Латгалии в районе Адзеле (русская «Очела») находилась под управлением Новгорода [5].

После вторжения в Восточную Прибалтику немецкие феодальные захватчики стремились завладеть и Латгалией. Воспользовавшись изменой части псковского боярства, порвавшего с политикой владимиро-суздальских князей, немцы вступили с боярами в соглашение. Псковские бояре в 1228 г. «подвели» под немецкую власть земли эстов, латгалов и ливов [6]. Разумеется, новгородское правительство не санкционировало этой сделки. После Ледового побоища оно заставило немцев по договору 1242 г. признать, что Латгалию немцы «заяли» «мечемь»,оно

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 281 (1106 г.).
[2] *Генрих*. Хроника, XII, 1.
[3] Там же, XIII, 4; XVIII, 4, 9.
[4] Там же, XX, 5.
[5] НПЛ, стр. 20; ср. стр 36 (1179 г.) и стр 45.
[6] Там же, стр 66.

принудило крестоносцев возвратить ее, но, вероятно, уже не только псковским, а и новгородским боярам [1].

Таковы были отношения Руси с литовцами, эстами, ливами и латгалами на рубеже XIII в., когда территория Восточной Прибалтики стала объектом немецкой крестоносной агрессии.

Прибалтийские народы с глубокой древности были связаны с Русью, вначале с древнерусским государством, а после его раздробления — с крупнейшими феодальными центрами: Новгородско-Псковской, Галицко-Волынской, Полоцко-Минской Русью.

Несмотря на некоторые местные различия, для русской власти в землях этих народов было характерно фактическое сохранение раннефеодальных форм их подчинения. Повсеместно был установлен регулярный сбор подати («оброка») посредством доставки ее в определенные для этого места — погосты (эстонские «vakk») [2], где дань принимали местные власти и под контролем русских чиновников отправляли в основные центры русского управления: Юрьев, Куконос, Ерсике и др. Наиболее прочно были включены под контроль новгородского боярства чудские земли между Невой и Наровой. Попытки подвластных земель выйти из подчинения русским властям подавлялись оружием. Русское господство в Прибалтике не сопровождалось ни военной оккупацией подвластной территории, ни массовой колонизацией ее русскими переселенцами-феодалами, ни насильственной христианизацией.

В то же время тесные связи с Русью способствовали распространению в этих землях феодальной культуры и ускоряли формирование новых социально-экономических отношений. Это особенно ярко обнаружилось в истории литовского народа, который в XIII в. перешел к относительно единым формам раннефеодального государственного устройства, создавая свою государственность при значительном влиянии русских социально-правовых и культурных элементов. Прогрессивное русское влияние широко отразилось и в словаре прибалтийских народов.

7

КАРЕЛИЯ в IX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.

Земли, лежащие на западном берегу Ладожского озера и частично на восток от него, были издавна заселены карелами.

Западнее карел находилась емь. Юго-западную границу Карелии составляли берега Финского залива от района Выборга до устья Невы. На юге с карелами соседили ильменские славяне. К востоку от

---

[1] НПЛ, стр. 78.

[2] *Я. Я. Зутис.* Указ. соч., стр. 45—46.

карел находилась земля саамов («лопи»). Еще в XVII в. всю среднюю и северо-западную часть современной Карело-Финской ССР занимали так называемые «Лопские погосты».

В общественном отношении IX—XI вв. в истории карел были периодом изживания патриархально-общинного строя. Отражением дофеодальных отношений является народное собрание (кяряят). Обсуждение дел и решение происходило на собраниях всех взрослых свободных членов общины. Постепенно органы родового строя, отрываясь от своих народных корней, превращались «в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа» [1].

Однако изживание дофеодальных отношений у карел не привело к образованию особого карельского государства. Карелы вошли в состав Новгородской Руси. В X в. карельское население, вероятно, платило дань новгородскому князю и десятину от вир и продаж новгородскому епископу. Подобные отношения существовали в земле вепсов. Устав новгородского князя Святослава 1137 г. содержит перечень поселений (на берегах Ладожского и Онежского озер или в районе их), с которых взималась дань; он упоминает о «Тудоровом погосте», который находился на восточном берегу Онежского озера к северу от Вытегры [2]. Сбор дани в Обонежье производил княжеский слуга — «Домажиричь из Онега».

Даннические отношения предусматривали и обязанность выставлять военное ополчение. Писцовые книги конца XV в. указывают для «Задней Корелы» единицу обложения — «лук»; для «Передней Корелы» — обжу. В тех же книгах описаны и такие древние пережитки, как «ночлег» («полночлега», «полтора ночлега») и «перевара». Обложение в ночлегах, несомненно, восходит к тем временам, когда князь сам ездил собирать дань. Подобные отношения известны в русских летописях под термином «полюдье». Ночлеги — пережиток полюдья у карел. Перевары в конце XV в. являлись административными единицами более мелкими, чем погосты.

С 70-х годов XIII в. новгородским правительством была образована административная область — «Карельская земля», охватившая основную территорию Карелии в числе десяти погостов.

Карельские поселения распространялись на земли к северу от Онежского и Ладожского озер, где коренным населением были саамы (по русским источникам — лопь).

---

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 170.

[2] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Хрестоматия по истории русского права, вып. 1, СПб., 1899, стр. 255.

Столкновения карел с саамами закончились установлением зависимости саамов от карельской знати. Саамы принуждены были платить дань — «празгу»[1] и торговать только с карелами. В крепостной зависимости саамы не были: карелы обладали только правами сбора дани у них. Позднее карелы владели не Лопью, а «участками» или «долями» в Лопи, с которых взималась «празга». «Участки» возникли либо в результате дробления при наследовании, либо уже существовали при установлении зависимости саамов как следствие дележа добычи между членами карельской дружины, покорившей саамов.

Расселялись карелы и на северо-запад и на запад, к Ботническому заливу. Население по р. Кеми и нижнему течению Торнео являлось карельским, пришедшим сюда с Карельского перешейка. Продвигались карелы и на юго-восток, в земли вепсов Олонецкого перешейка (современная Олонецкая Карелия).

Вторжение шведов и основание Выборга заставили местное карельское население уходить с насиженных мест, и в XII—XIII вв. продвижение карельского населения на новые места, главным образом на север и на северо-запад, шло весьма интенсивно. Но оно происходило уже при господстве иных социальных отношений. Именно в это время вдоль карельского берега Белого моря складывались основы феодального землевладения «детей карельских», будущих вотчинников. Наряду с местным карельским землевладением в XIV—XV вв. появились боярщины новгородских вотчинников, захвативших земли карел; но одновременно новгородские крестьяне, проникая в девственные места, осваивая их, мирно уживались с местным населением. Поэтому народная память хранит воспоминания о добрососедских отношениях пришельцев и старожилов[2].

Хозяйственная деятельность карел в XII—XIII вв. слагалась в основном из земледелия, охоты, рыболовства, ремесла и торговли. Земледелие на территории Карелии имело широкое распространение. Об этом говорят и руны «Калевалы», в которых упоминаются плуг и поля, находки железных сошников в южном Приладожье, относимых к VIII в.[3], а также новгородская летопись, которая указывает, что во время одного набега на карел (1228) их застали «на ниве»[4].

Пашенное земледелие сочеталось с подсечным. Подсечная система была настолько устойчива, что еще в XIX в. карелы сеяли рожь и ячмень на пожогах.

---

[1] ГВНиП, № 322, стр. 309.

[2] *Н. Н. Харузин.* Русские лопари. М., 1890, стр. 19.

[3] *В. И. Равдоникас.* Старая Ладога. «Советская археология», т. XI, стр. 5—54; т. XII, стр. 7—40.

[4] НПЛ, стр. 270.

Пушные богатства манили в Карелию заморских купцов и грабителей[1]. Сами карелы пускались в промысловые поездки не только в Беломорье, но и через Вуоксу к берегам Финского залива за бобрами и рыбой. Развиты были рыбные промыслы и на Ладожском озере.

В одном из погребений в Западной Карелии найдена коллекция предметов, принадлежавших ремесленнику: молоток с ручкой, украшенной медными гвоздиками, железо, железные щипцы, резцы, точильный камень, два бруска, тонкий длинный кусок бронзы, отрезанный от листа, и т. п.

Торговали с карелами новгородцы, опорным пунктом которых был Олонец, расположенный в земле вепсов на восточном берегу Ладожского озера; о нем говорит и летопись под 1228 г. Торговали с карелами также и немцы, готландцы, норвежцы; карелы скупали меха у саамов.

Наибольшей интенсивностью отличались торговые сношения карел с Новгородом, который все больше распространял свое влияние на карельские земли. «Обонежские купцы», упоминаемые в летописи под 1283 г., специализировались на торговом посредничестве между Новгородом и Обонежьем.

Немецкие и готландские купцы, ездившие торговать в Карелию, обычно делали остановку в Койвистском (Бьеркском) проливе, и здесь с ними вступали в торг карелы, ловившие в этих местах рыбу и бившие бобров. Договор Новгорода с Ганзой и Готландом 1262 г. снимал ответственность с новгородского правительства за последствия, могущие возникнуть при торговле иноземных купцов в Карелии[2]. Он гарантировал безопасность этим купцам только на пути от Котлина до Новгорода.

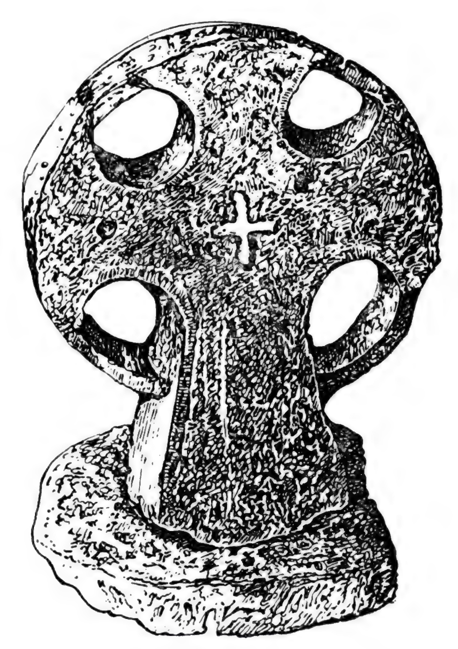
Существование торговли, притом на деньги, подтверждается нередкими находками в погребениях крошечных весов в виде двух чашечек, напоминающих аптекарские (обнаружены и «разновески», т. е. гирьки). В числе местных жителей были лица, занимавшиеся взвешиванием денег. Такие операции нужны лишь торговцам. Это тоже признак имущественного неравенства в местном обществе.

Можно предполагать, что заселенная вепсами р. Оять, впадающая в р. Свирь и верховьями соединяющаяся с ней же вблизи Онежского озера, была в XI—XII вв. обходным каналом, заменявшим путь по порожистой и почти лишенной курганов (значит, малозаселенной) р. Свири, связывающей Онежское озеро с Ладожским. Этим можно объяснить, почему из 9000 курганов, вскрытых на территории со-

[1] *С. К. Кузнецов.* К вопросу о Биармии. «Этнографическое обозрение», 1905, № 2—3, стр. 45—46.

[2] ГВНиП, № 29, стр. 57.

временной Ленинградской области, именно в курганах на Ояти оказались самые ценные вещи. Часты находки восточных и западных монет. Среднеазиатские диргемы попали на р. Оять, скорее всего, из Булгар — важного рынка того времени. Обилие западноевропейских монет XI в. — результат торговли Новгорода с Западом. Участие населения Приладожья в этой торговле подтверждается неоднократными находками в Приладожье крупных кладов. Например, клад около селения Вихмесь на р. Паше состоял из 12 300 западноевропейских монет XI в. Много мехов или иных товаров надо было собрать владельцу этого клада, чтобы получить за них более 12,5 килограммов серебра. Этот клад не единичен. Сотнями монет исчисляются клады, найденные на Свири, в верховьях Ояти (в Винницком районе), большой клад из среднеазиатских диргемов обнаружен на территории современного Петрозаводска и т. д.

Новгородский каменный крест, найденный на Карельском перешейке

Закапывание в землю ценностей — показатель расслоения местного общества и доказательство, что здесь происходили какие-то события, опасные для собственников этих ценностей.

Предметами карельской торговли были главным образом меха, рыба и продукты зверобойного морского промысла; важное значение имел вывоз соли. Выборг в старинных песнях назывался соляным городом. В торговле карелы выступали посредниками между экономически отсталым саамским населением и Новгородской землей. Развитие производительных сил в Карелии, рост имущественного неравенства, процесс классообразования делаются более заметными в XII—XIII вв. Более поздний актовый материал еще яснее свидетельствует о наличии частной собственности на землю. Одновременно на Карельской земле быстро росли новгородские боярские вотчины.

Грамота Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу, датируемая 1304 — 1305 гг., указывает на наличие в Карелии крупного феодального землевладения еще до начала XIV в. По этой грамоте новгородцы, требуя удаления из Карелии князя Бориса Константиновича,

обещали вернуть ему деньги за купленные села с тем, однако, чтобы некупленные, т. е. захваченные, села Борис Константинович оставил безвозмездно[1]. О том же говорит и один из пунктов Ореховецкого мирного договора 1323 г., запрещающий шведам и выборжцам покупать земли «у новогородской корелы»[2].

Превращение свободного земледельца в зависимого смерда в Карелии, как и повсюду в Новгородской Руси, проходило в условиях жестокой классовой борьбы.

Карелы, сохраняя до 70-х годов XIII в. внутреннюю самостоятельность и широко разветвленную сеть торговли с Новгородом, а также и с Ганзой, сумели развить собственную культуру, на которой в ряде случаев отразилась многовековая связь с Новгородом.

Характеризовать материальную культуру собственно карел трудно по той причине, что при кажущемся обилии археологического материала, он состоит главным образом из случайных находок.

Большинство вещей XI и следующих веков — орудия труда, боевое оружие и бытовой инвентарь—повсюду, как в Карелии, так и на территории современной Ленинградской области, одинаковы. В большой и разнообразной группе женских украшений этих земель много общего с культурой того же времени на всей полосе южного побережья Прибалтики. Сходство в материальной культуре карел, веси, води, эстов и т. п. вполне объяснимо, поскольку это племена одной этнической группы.

Убранство наряда карелок в ряде случаев состояло из овальных фибул на плечах; между ними, несколько пониже, помещалась круглая фибула, а над ней подковообразная застежка (пряжка). К овальным фибулам подвешивались на цепочке бронзовые изделия. Овальные фибулы карел заострены на концах, имеют характерный орнамент. Круглая фибула часто заменяется орнаментированной бляшкой. Застежка (пряжка) иногда больших размеров также покрыта орнаментом.

Карелы создали свой орнамент, весьма отличный от орнамента соседей. Наличие этого орнамента на ножнах и на других украшениях карельского наряда может служить доказательством того, что эти серебряные и бронзовые изделия изготовлялись самими карелами. Обильно украшенные орнаментом ножны поясных ножей (их носили как мужчины, так и женщины) находятся в могилах не только карел, но и других прибалтийских финских племен.

---

[1] ГВНиП, № 8, стр. 18; см. *Л. В. Черепнин*. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I, М.—Л., 1948, стр. 275.

[2] ГВНиП, № 38, стр. 68.

Влияние на карел славянской культуры относится ко времени становления феодального строя. Тогда в языки прибалтийских племен вошли христианские термины, слова из цикла торговли, ряд названий трудовых процессов и орудий, одежды и обуви, питания [1].

Влияние русской культуры и многообразные связи карел с русскими можно проследить также на вещах, найденных при раскопках [2]. Так, в курганах юго-восточного Приладожья нередко встречаются пряслица (каменные кружки, надеваемые на низ веретена, чтобы усилить процесс скручивания нитки). Иногда это пряслица из песчаника и, возможно, местной выделки, но чаще всего они сделаны из розового шифера, который добывался только в районе Овруча (к западу от Киева). Наличие пряслиц в погребениях говорит о занятии женщин прядением, а следовательно, и тканьем. Несомненно, что большинство тканей льняных, шерстяных и комбинированных (т. е. основа льняная, а уток шерстяной) ткались на месте.

Влияние русской культуры на неславянское Приладожье можно проследить также по распространению глиняных горшков, сделанных с помощью гончарного круга (раньше эти горшки лепились от руки) и украшенных орнаментом, типичным только для славян. Выделка сосудов на рынок доказывает, что в юго-восточном Приладожье уже во второй половине XI в. существовали «торговища».

Раскопки на р. Ояти показали существование среди местного населения поселений славян и притом, судя по монетам, не позднее второй половины XI в. Можно поэтому предполагать, что славяне уже тогда селились на Ояти отдельными семьями, жили хуторами и, подобно местному населению, существовали сельским хозяйством. У женщин местного населения появляются типичные славянские украшения. Это признак мирного сосуществования коренного населения с пришельцами.

На р. Ояти встречаются неславянские (вепсские) названия речек, ручьев, сельскохозяйственных угодий, хотя само население теперь говорит исключительно по-русски и вепсского языка совсем не знает [3]. Если бы славянские пришельцы в свое время изгнали местное население с их насиженных мест, то не уцелела бы вепсская топонимика. Славяне наделили бы окружающие их угодья русскими названиями. Наличие

---

[1] *Д. В. Бубрих.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, стр. 21—22.

[2] *А. М. Линевский.* Общество юго-восточного Приладожья в XI в. «Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР», Петрозаводск, 1949, № 1, стр. 57—72.

[3] Вепсы, говорящие на своем языке, занимают среднюю часть Оятского бассейна.

нерусских названий там, где теперь знают лишь русский язык, доказывает, что местное население никуда не ушло, что оно осталось на месте, но руссифицировалось.

Высокий уровень культуры карел доказывают карело-финские руны, известные всему цивилизованному миру по знаменитому сборнику «Калевала». Карело-финские руны почти целиком сохранились только среди карел. Они создавались на протяжении многих столетий самим народом. В записях многих тысяч вариантов карельских рун с замечательной точностью отразились прошлая жизнь народа, его материальная культура, общественный строй и множество поверий, обычаев и обрядов, давным-давно исчезнувших[1]. Они рисуют быт родового общества. Более поздний этап, феодальный строй с его классовым расслоением, эксплуатацией человека человеком и классовой борьбой, почти не отражен в рунах. Руны сохранили примитивное представление о создании вселенной и персонификацию стихий природы; описаны многочисленные приемы магического воздействия в виде заговоров, заклинаний и т. п. В рунах фигурируют также огнедышащие птицы, исполинские щуки и быки и множество иных фантастических образов. Окончательное оформление сюжетов, составляющих циклы рун, объединяемых действиями определенного героя, произошло не позднее XIV — XV вв. Для карел это было время борьбы за независимость. Столкновения с емью, защита своей независимости от шведских захватчиков, освоение и заселение громадной территории от Приботнии (т. е. Балтийского моря) до Кандалакшского залива (Белого моря), участие на стороне Новгорода в его борьбе с врагами — все это способствовало выработке карелами своеобразной культуры.

В противоположность рыцарской поэзии, «Калевала — поэма труда. В 40 из 50 рун Калевалы, в большей или меньшей мере, но очень яркими реалистическими красками описывается труд человека»[2].

Одного из героев поэмы — Вяйнямейнена руны называют рунопевцем и наделяют его чертами мудрого старца, заботящегося о своих сородичах. Он делает лодки и музыкальные инструменты. В более позднее время народ наделяет его и функцией земледельца. Руны обычно не вкладывают в его руки меча. Старец силен своей мудростью и могуч знанием волшебных заклинаний, которыми он оберегает своих сородичей от бедствий. Вяйнямейнен — это образ старейшины рода.

---

[1] *А. М. Линевский.* «Калевала» как исторический источник. «Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы», Петрозаводск, 1950, стр. 122—141.

[2] *И. И. Сюкияйнен.* Поэзия труда в рунах «Калевалы». «Труды юбилейной научной сессии...», стр. 41.

Образы Лемминкейнена и его боевого друга Тиэры (он же Куура) созданы во время борьбы карел с врагами. Воинские подвиги Лемминкейнена и его приключения насыщены рядом сказочных эпизодов. Это образ рыболова, весельчака и удальца.

Образ кузнеца Илмаринена хронологически должен был появиться во время развития кузнечного промысла в Приладожье. По археологическим данным, он получил большое развитие в X—XI вв. В рунах об Илмаринене отразились и такие явления, характерные для Приладожья, как земледелие, скотоводство, торговля и применение патриархально-рабского труда.

Наконец, особняком от этих трех героев, обычно именуемых «сынами Калевы», стоит образ злосчастного Куллерво. Цикл о нем создан ижорой (племя карельского происхождения), жившей в южном бассейне Невы. Куллерво тоже не принадлежит к одному историческому периоду. Он выступает и как раб, жертва родовой междоусобицы, и как мститель за свое племя, и как профессиональный воин.

Безымянные творцы рун «Калевалы» пели о «своих будничных трудовых делах, они рассказывали о своих военных подвигах, прославляли своих героев в их борьбе против темных сил во главе с Лоухи, за обладание Сампо (Сампо в рунах означает мельницу-самомолку, неоскудевающий источник соли, муки и денег, символ изобилия.—*Ред.*), в борьбе за освобождение на радость людям месяца и солнца, заключенных в скалу, в борьбе за лучшую жизнь, за прогресс человеческого общества» [1].

Если отделить хронологически разновременные пласты, отложившиеся в рунах, то, пользуясь ими и проверяя их данные археологическими (для древней поры) и этнографическими материалами (для позднейшего времени), можно восстановить этапы развития карело-финской культуры. Так, например, перечень в 25-й руне женских украшений: на шее — цепь, на голове — лента, на руках — браслеты, на пальцах — кольца, в ушах — серьги, на висках — петли (т. е. «височные кольца») и застежки (пряжки) на вороту соответствуют украшениям, обнаруженным при раскопках погребений XI—XII вв., и этнографическим описаниям одежды.

Певцы рун, подобно русским сказителям, чаще всего с замечательной бережливостью передавали заученные песни своим потомкам, стараясь не исказить не только фабулу, но и каждую строку. Поэтому даже при устной передаче от одного рунопевца к другому, через десятки поколений много рун дошло до нас в поразительной сохранности. Они ярко

---

[1] *А. Эйкия.* Великий поэтический памятник карело-финского народа. «Труды юбилейной научной сессии...», стр. 52—53.

характеризуют ту эпоху, когда были созданы. Это относится, например, к циклу о Куллерво. То же можно сказать об образах Лемминкейнена и Илмаринена. Лишь образ Вяйнямейнена подвергался разработке в течение многих столетий. Отсюда, при попытке объединить руны о нем в единый цикл, этот образ приобретает ряд взаимно-противоречивых черт.

Карело-финские руны дают обстоятельное описание трудовых процессов. Сведения о кузнечном ремесле и превращении болотной руды в топор или копье доказывают, что такие руны могли составить лишь люди, лично знакомые с технологией этого процесса:

Из болот железо взяли...
Положил кузнец железо,
Поместил в огонь горнила
И мехи привел в движенье...
Расплавляется железо...

И кузнец тот, Ильмаринен...
Из огня железо тащит,
Положил на наковальню...
Топоры кует и копья,
Вещи разные сковал он [1].

Появление металлургии вызвало создание наивных поверий о происхождении железа. По рунам можно видеть, как воспринимал человек той поры появление в своем быту железных изделий:

Ты теперь великим стало,
Сильной ярости достигло,
Клятву страшную забыло,
Честь свою, как пес, ты съело:
Свой же род ты полосуешь
И своих родных кусаешь!

Кто ж тебя ко злу понудил,
Кто внушил дела дурные?
. . . .
Ты само — источник бедствий:
Ты — начало дел ужасных [2].

Руны вместе с тем хранят очень ранние элементы фантастики, восходящие, возможно, к каменному веку. Они насыщены магическими заклинаниями и эпохально им родственными сказочными сюжетами. Особенно богат подобными мотивами цикл рун о Лемминкейнене. Обильны магические мотивы в рунах о Вяйнямейнене: его состязание с Юкагайненом, магическое устройство лодки, волшебно чарующая игра на кантеле и т. п.

Большое место в циклах о Вяйнямейнене, Лемминкейнене и Илмаринене занимает мотив добывания себе жены. Герои «Калевалы» добывают себе жен иногда сватовством, а нередко и путем похищения в стране Похьола (Севера), где живут лопари (саамы). «Лопари» рун совершенно не похожи на подлинных лопарей. В описаниях рун они

[1] «Калевала. Карело-финский эпос», М., 1949, стр. 81—82.
[2] Там же, стр. 85.

не занимаются кочевым оленеводством, а ведут оседлый образ жизни, существуя земледелием, которым никогда не занимались лопари; у жителей Похьолы нет известных по этнографическим описаниям «туп» (полуземлянок); они живут в таких же домах, какие были у «сынов Калевы», героев рун. «Лоплянами» рун, видимо, являются соседи карел — емь или, что более вероятно, сумь. Последнее предположение согласуется с описанием моря, у которого чаще всего живут невесты героев «Калевалы» и сама владелица Сампо, злая хозяйка Сариолы.

Интересен цикл о Сампо, чудодейственной мельнице-самомолке, неоскудевающем источнике изобилия. Этот образ прошел ряд перевоплощений, пока не превратился к XIX в. в мельницу, каким-то образом врастающую корнями в землю и почему-то имеющую «пеструю крышку». Это сокровище, принадлежащее «народу Калевы», в «Калевале» превращается в источник плодородия:

Посадил осколки Сампо,
Щепочки от пестрой крышки
На мысочке средь тумана,
Там, на мглистом островочке,
Чтоб росли и умножались,
Чтоб могли преобразиться
В рожь прекрасную для хлеба,
И в ячмень для варки пива[1].

Сопоставление различных рун обнаруживает замечательное единство изобразительных приемов, что доказывает переработку этих сюжетов в одну и ту же эпоху в среде родственных племен. Богатство словаря позволяло создателям рун ввести аллитерацию (большинство слов в строке начинается с одной и той же буквы). Свойственное не только одним карело-финским рунам, это явление говорит о высоком уровне поэтической культуры творцов рун. Следует учесть, что у карел до самой Великой Октябрьской социалистической революции не было собственной письменности, и сказители могли создавать свои произведения лишь путем устной импровизации.

Сложному построению рун способствовала особая манера их пения. Двое певцов садились поперек скамьи, друг против друга, брались за руки и, попеременно притягивая к себе один другого, по очереди пели каждый по одной строке. Именно такой манерой пения объясняется в ряде случаев повторение содержания предыдущей строки:

Золотой мой друг и братец,
Дорогой товарищ детства!
Мы споем с тобою вместе,
Мы с тобой промолвим слово.
Наконец мы увидались,
С двух сторон теперь сошлися!
Редко мы бываем вместе,
Редко ходим мы друг к другу[2].

---

[1] «Калевала», стр. 491.
[2] Там же, стр. 3.

Эта своеобразная манера поочередного исполнения позволяла ввести в руны малопонятную нашему мышлению особенность:

Там шесть зернышек находит, Семь семян он поднимает[1].

Это нарастание числительных, странное в устах одного сказителя, превращается в оправданный прием художественного усиления, когда предыдущую строку поет один сказитель, а другой исполнитель не просто ее повторяет, но усиливает путем увеличения числа или, где можно, сюжетного нарастания:

Ты открой там ящик лучший
И найдешь под пестрой крышкой
Золотых шесть подпоясок,
Семь прекрасных синих платьев[2].

Другой прием художественного усиления легко подметить в известной и русскому эпосу манере утраивания отдельных понятий и дублирования глаголов:

Он подумал и размыслил,
Где найти ему три слова,
Получить те заклинанья:
Не в мозгах ли у касаток?
Не в мозгах ли лебединых,
Не в гусиных ли лопатках?
Он пошел искать три слова,
Лебедей убил он кучу
И гусей большое стадо,
Много ласточек убил он,
Но найти не может слова,
Не нашел он и полслова[3].

Большую роль в истории Карелии сыграла борьба против шведской экспансии XII—XIV вв. В ходе этой борьбы русским и карелам удалось отстоять основную карельскую территорию от шведских захватчиков, прочно сохранить Карелию в составе Русского государства. В борьбе против общего врага было положено начало многовековой дружбы карельского народа с великим русским народом. Именно в этот период в Карелию стала широко проникать русская культура; весь уклад жизни карел стал развиваться под культурным воздействием Руси и русского народа.

* * *

До середины XII в. Новгородская земля занимала господствующее положение в Восточной Прибалтике; в частности, Новгород контролировал Финский залив, так как к югу от залива находилась подвластная ему земля эстов, а основное население земель, расположенных к северу от залива,— емь (по-шведски — тавасты) и

[1] «Калевала», стр. 18.
[2] Там же, стр. 39.
[3] Там же, стр. 165.

карелы находились в зависимости от Новгорода. Емь — основное ядро, из которого образовался финский народ, занимала преобладающую часть территории нынешней Финляндии, побережье Финского залива от района нынешнего г. Хельсинки до р. Кюммене и большую часть внутренней территории страны. Лишь сумь, занимавшая юго-западное побережье Финляндии от полуострова Ханко до р. Кумо, не была подчинена Новгороду.

Зависимость еми от Руси установилась еще при первых князьях: в договоре Игоря с Византией 944 г. с русской стороны упомянут Истр Яминдов, т. е. дружинник, державший землю емь; в «Повести временных лет» начала XII в. среди народов, платящих дань Руси, также упомянута емь. Позднее киевские князья поддерживали власть над ней [1].

В половине XII в. управление землей еми перешло к новгородскому боярству. Новгородские даньщики издавна собирали с еми «оброки и дани», что предлагает существование здесь известной администрации и погостов. Сбор дани, в частности «скорою» (т. е. мехом), еще в первой половине XII в. носил регулярный характер [2]. Новгородское боярство, видимо, и в финских землях, как и в прибалтийских, заменило южное «полюдье», т. е. поездки для сбора дани, регулярным сбором дани («оброком») посредством доставки ее («повоза») в определенные для этого места («погосты»), где ее принимали представители новгородских властей. Когда поступление дани нарушалось, применялись военные меры. Не случайно финский язык усвоил из древнерусского слово «оброк» («apгakka»). Экономическое и культурное влияние Руси на землю финнов отразилось в местном словаре. Языковеды установили, что свыше 200 слов заимствовано финнами из древнерусского языка, например «серп», «коса», «сани», «ковш», «чарка» [3].

К началу XIII в. часть местной социальной верхушки, несомненно, владевшая пахотной землей, была связана с новгородским боярством и, приняв православие, даже вошла в его состав, например упомянутый летописью Семен Емин, избранный в новгородские тысяцкие в 1218 г. [4] Эти факты, видимо, типичны для новгородской системы управления, так как в земле ижорян тоже упомянут «старейшина» Пелгусий, который управлял языческой землей, приняв в православии имя Филипп.

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 153—154; ср. НПЛ, стр. 16. Ср. стр. 21.

[2] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Хрестоматия..., вып. 1, стр. 254—255 (Устав новгородского князя Святослава Ольговича, 1137 г.).

[3] См. *И. П. Шаскольский.* Емь и Новгород в XI—XIII вв. «Ученые записки ЛГУ, серия истор.», вып. 10, Л., 1941, стр. 102, 111, 113.

[4] НПЛ, стр. 59.

Значительно прочнее были отношения Новгородской республики с землей карел (особенно с северо-западным Приладожьем, которое входило с XIII в. в состав республики), где имелся значительный опорный пункт, карельский город Корела.

Отношения Новгородской Руси и карел с финскими землями значительно усложнились в связи с развертыванием шведской крестоносной агрессии. Шведское правительство, имея целью овладеть финской землей, в середине XII в. начало пиратские действия на воде и вторжения с суши. Так, в 1142 г. шведский князь и епископ на 60 судах (шнеках) напали на три новгородских торговых корабля; нападение окончилось для шведов неудачей, причем новгородцы «отлучиша их 3 лодье» и «избиша их полутораста»[1]. Несколько позднее шведские феодалы начали вторжение в землю финнов. В середине XII в. король Эрик Едвардсон («святой») организовал свой «крестовый поход». Уже этот первый поход ясно обнаружил, что́ несли шведские «крестоносцы» покоряемой стране.

Переправившись через Ботнический залив, шведы высадились на берег в устье р. Аурайоки, в земле суми, в районе нынешнего Або. Выйдя на берег, король предложил финнам креститься. Встретив отказ, закованные в железо шведские феодалы принялись истреблять беззащитное население. Вскоре шведы покорили всю землю суми, здесь были построены их замки (в том числе крупный замок Або — центр шведского владычества в Финской земле) и укрепления, в которых были поставлены гарнизоны. Шведские духовные и светские феодалы захватывали лучшие земли, заставляя сумь их обрабатывать. Население облагали различными поборами, в том числе и церковной десятиной. Проводилась насильственная христианизация. Финны отвечали восстаниями и уничтожали своих угнетателей. В 1158 г. они убили епископа Генриха, главу шведской церкви, родом англичанина; следующих двух епископов постигла та же участь. Это дало повод папе Иннокентию III горько сострить, что епископы в страну финнов посылаются «не столько для почетной кафедры, сколько для мученического венца». Понятно, что шведские феодалы могли удерживать власть над сумью, только получая непрерывную помощь из Швеции через залив[2].

Одновременно шведские крестоносцы стремились расширить завоеванную территорию и, в частности, завладеть Ладогой, которая в то время являлась единственной русской крепостью, прикрывавшей

[1] НIЛ, стр. 26.

[2] См. *И. П. Шаскольский.* Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII—XIV вв.). «Исторический журнал» 1940, № 4—5, стр. 106.

с Ладожского озера подступы к Новгороду и служившей важным опорным пунктом новгородского господства в Приладожье. В 1164 г. шведы внезапно появились перед Ладогой на 55 шнеках и, высадившись, стали разорять ладожский посад.

Ладожане, во главе с посадником Нежатой, укрылись в крепости, а в Новгород отправили гонца. Шведы четыре дня безуспешно штурмовали крепость, а на пятый, понеся большие потери, отступили на р. Воронай. Подошедшее новгородское войско, во главе с князем Святославом Ростиславичем и посадником Захарием, 28 мая того же года разбило шведов наголову, уничтожив 43 шнеки. Остатки шведских войск бежали на 12 судах[1].

В 1187 г. состоялся в ответ на шведскую агрессию поход подчиненных Руси карел на Сигтуну — самый сильный и богатый город Швеции, «в котором одновременно правили 4 бургомистра и обойти который по валам можно было не менее чем в 6 часов». Русские и карелы хорошо знали путь в этот город; здесь находился русский торговый двор с каменной церковью.

Карельские войска проникли в озеро Мелар, заняли и разрушили укрепленный город. Победители с большими трофеями (включавшими, повидимому, и знаменитые новгородские «Сигтунские врата») возвратились на родину. Сигтуна с той поры утратила былое значение. Позднее, в 1253 г. ярл (князь) Биргер, с целью загородить вход в озеро Мелар, построил здесь новый город Стокгольм[2].

Однако и после этого печального урока шведские феодалы не оставляли в покое подвластные Новгородской республике земли финнов, следствием чего и были русские походы на шведские феодальные колонии в земле суми. Например, в 1198 г. новгородское войско опустошило опорные пункты шведских захватчиков в земле суми; оно осадило и заняло замок Або.

В начале XIII в. шведские феодалы, пользуясь неустойчивым политическим положением в Новгороде, занятом обороной западных владений, развернули наступление на землю еми. Это не замедлило отозваться на новгородско-емьских отношениях, свидетельством чего является поход князя Ярослава Всеволодовича с новгородцами на емь в 1227 г., когда он «повоева всю землю, и полон приведе бещисла»[3].

---

[1] НПЛ, стр. 31.

[2] *И. П. Шаскольский.* Сигтунский поход 1187 года. «Исторические записки», № 29, стр. 135—163; Ср. *его же.* Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в. «Известия Карело-финского филиала АН СССР», Петрозаводск, 1951, № 2, стр. 13—16.

[3] НПЛ, стр. 65.

О большом числе пленных говорит и владимирская летопись[1]. В том же году, в противовес шведскому крестоносному движению (подобно тому как это делалось в землях эстов и латгалов), Ярослав Всеволодович «послав, крести множество корел, мало не все люди»[2].

Дальнейшие отношения Руси с карелами и финнами определились во время решающих военных и политических событий, связанных с борьбой русского народа против немецкой и шведской феодальной крестоносной агрессии 40-х годов XIII в[3].

* * *

Судьбы ижоры, населявшей берега Невы, во многом совпадают с судьбами карел. Ижора также входила в состав Новгородской земли. Как и карелы, ижора занималась земледелием. Немецкий хронист Генрих рассказывает, что в 1220 г. рыцари совершили нападение на густонаселенную и богатую страну, подвластную Новгороду, называемую Ингрией. В вошедшей в летопись повести об Александре Невском рассказывается о представителе феодализирующейся знати некоем Пелгусии, который был старейшиной в земле Ижорской, впоследствии крестился и жил «посреде роду своего». Пелгусий состоял на службе Новгорода, и ему была поручена «стража морская» [4]. Подобно карелам, ижора сражалась в рядах новгородского войска.

В начале XIV в. на ижорской территории находился новгородский политический и торговый центр — г. Орехов. Местное крестьянство постепенно попало в зависимость от крупных новгородских землевладельцев.

Соседняя с ижорой водь жила в местностях, примыкающих к южному берегу Финского залива. Места ее расселения граничили на востоке с Ижорской землей, на западе простирались почти до р. Наровы. В XI в. водь платила Новгороду дань. С укреплением власти новгородских феодалов в Водской земле там организуются погосты: когда в 1240 г. немцы заложили крепость Копорье, в этом месте уже существовал погост. Преобладание земледелия в хозяйственной деятельности водского населения несомненно. Летописец, повествуя о голоде 1215 г., когда мороз погубил урожай, отмечает: «Вожане помроша, а останке разъидеся»[5]. Водские крестьяне не раз выступали против новгородских фео-

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 449.
[2] Там же.
[3] См. гл. 5, § 11 б настоящего издания.
[4] См. гл. 5, § 9 настоящего издания.
[5] НПЛ, стр. 54.

далов. Процесс внедрения новгородских феодалов в водские земли шел и в течение последующих столетий. Одновременно с расширением новгородского феодального землевладения в Водской земле происходила дифференциация внутри самого водского общества.

На протяжении последующих веков шла совместная борьба новгородцев и води с немецкими и шведскими захватчиками, ареной которой была часто Водская земля.

Вместе с тем здесь, как и в Карелии, иноземные враги пытались использовать в своих захватнических целях обострение внутренних политических противоречий. Успехи, достигнутые немцами в 1240 г., когда они не только основали Копорье, но и обложили водь данью, объясняются тем, что их поддержала часть водской знати. В 1241 г. Александр Невский предпринял карательный поход в Водскую землю и «вожан и чюдь переветников извеша» [1].

Основная масса ижорского крестьянства сохраняла тесную связь с русским народом. Позднее почти вся водь и ижора утратили свой язык и растворились в массе русского населения.

8

МОЛДАВИЯ В IX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.

Коренными жителями территории Молдавии наряду с молдаванами были славяне. Автор «Повести временных лет», сообщая о славянах, живших в карпато-дунайских областях, отмечает, что они прошли уже долгий исторический путь.

По его словам, на юг от дулебов-волынян до Черного моря жили уличи и тиверцы, которые «седяху бо по Днестру приседяху к Дунаеви; бе множство их, седяху бо по Днестру, или до моря, и суть гради их и до сего дне» [2]. Некоторые ценные сведения об отдельных славянских землях, в том числе о землях уличей, приводит баварский географ (X в.). Он отмечает, что уличи (unlizi)— «народ многочисленный», имеющий большое количество «городов» (городищ) — 318. Эти «города» продолжали существовать и в пору составления «Повести временных лет» (XII в.), автор которой прямо говорит, что уличей «множство... и суть городи их и до сего дне» [3].

Вопрос об образовании молдавской народности очень сложен и мало изучен. Предки молдаван были земледельцами, обитавшими в

---

[1] НПЛ, стр. 295.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 13.

[3] Там же, т. II, стб. 9—10.

карпато-дунайских землях. Они возделывали просо, ячмень, пшеницу и другие злаки; кроме земледелия, занимались скотоводством: разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей и т. д. Для возделывания почвы применялись рало, плуг, а в качестве тягловой силы им служили быки и лошади.

У обитателей карпато-дунайских земель были развиты ремесла: гончарное, ткачество, обработка металла и др. Археологические раскопки на территории Молдавии[1] обнаружили довольно широкий ассортимент орудий сельского хозяйства: железные лемехи разных типов, косы, серпы, топоры и т. д. Высокое развитие получил также охотничий промысел. В этом крае водились бобры, лисицы, зайцы, медведи, лоси, барсуки, куницы, даже буйволы и вепри. Уже с первых веков нашей эры торговля мехами в этих областях носила оживленный характер. Энгельс на основе изучения большого количества источников пишет, что торговый путь шел «от греческих городов Черноморского побережья, вдоль по Днестру и Днепру к устью Вислы»[2]. «Звериные шкуры и пушные товары,— указывает далее Энгельс,— которые во времена Иорнанда отправляли из Скандинавии к устью Вислы, а оттуда в Римскую империю..., уже раньше нашли туда дорогу...»[3], а эта дорога шла по Висле, Днестру, Днепру и Дунаю.

Развитие производительных сил, успехи в земледелии и улучшение орудий труда, неуклонный рост имущественного неравенства и частной собственности — все это вызвало к IX—XI вв. большие изменения в социально-экономических отношениях. Шло интенсивное разложение первобытно-общинного строя и становление классового общества.

Начиная с IX в. значительно совершенствуются железные изделия, появляются разнотипные орудия труда: лемехи, долотца, серпы, топоры, сошники, косы и т. д. Все чаще появляются клейма мастеров, которые свидетельствуют о развитии частной собственности, ремесла и торговли.

Образование древнерусского государства явилось завершающим этапом длительного и сложного пути общественного развития восточных славян. В результате последующего расчленения этого государства возник ряд государств Восточной и Юго-Восточной Европы.

Присоединение дунайско-днестровских земель к древнерусскому государству потребовало известных усилий со стороны киевских князей. Летопись сообщает, что первые киевские князья уже воевали

---

[1] *Г. Б. Федоров.* Тиверцы. «Вестник древней истории», № 2, М., 1952, стр. 250—259.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 365.

[3] Там же, стр. 368.

с уличами. Киевский князь Олег продолжал упорную войну с уличами и тиверцами, но окончательного их подчинения не добился. «И бе обладая Олег древляны, полями и радимичи,— подводит итоги политической деятельности Олега автор «Повести временных лет»,— а со уличи и тиверьци имеяше рать»[1].

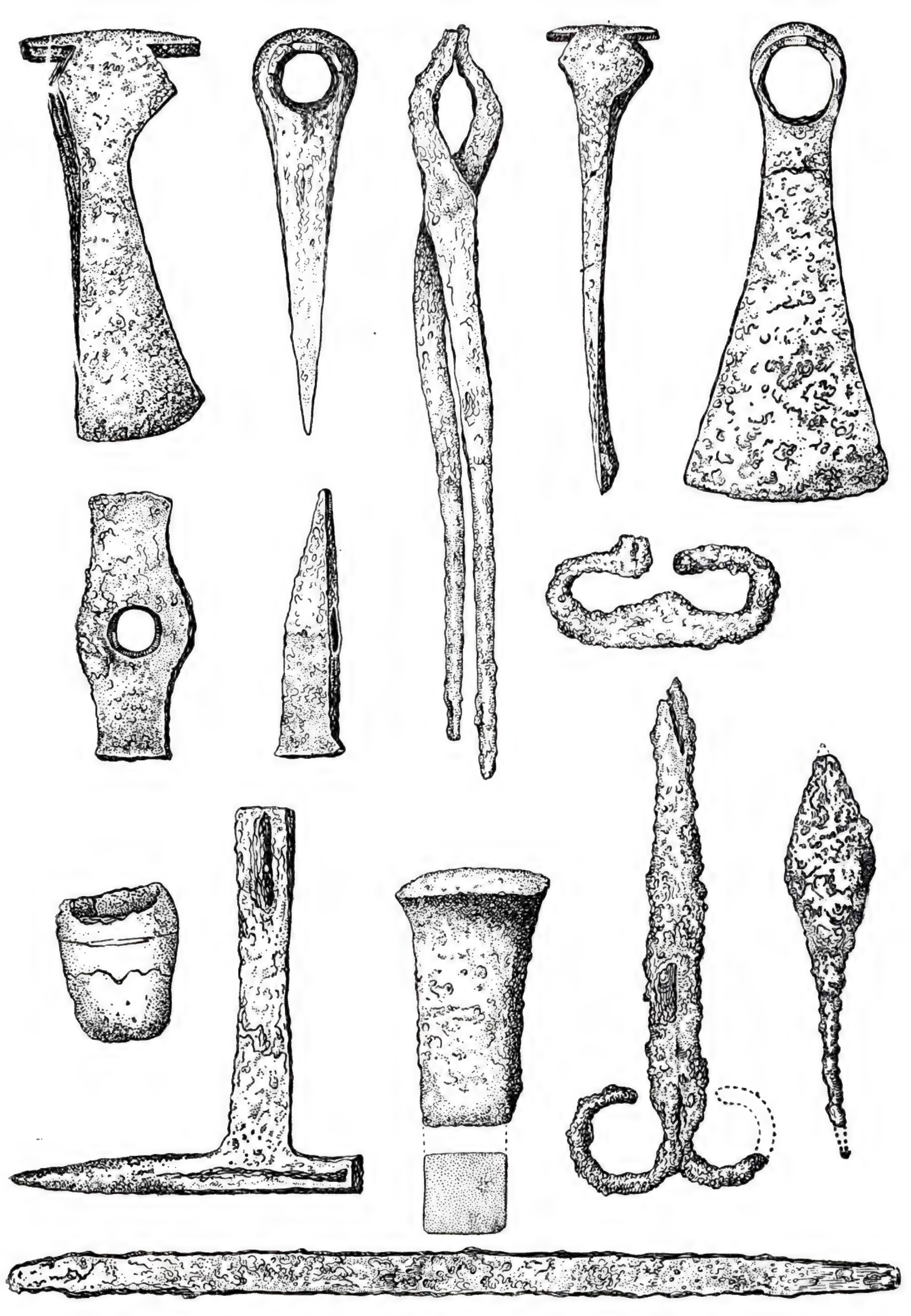
В поход 907 г. против Византийской империи вместе с Олегом как его союзники ходили и жители дунайско-днестровских земель — тиверцы[2]. В 911 г. в договоре Олега с греками участвовали и представители местной знати этих земель: Карн, Руал, Лидул, которые были посланы от Олега, «великого князя русского» «и от всех иже суть под рукою его светлых бояр»[3]. То, что в русско-византийских договорах фигурировали в качестве послов «от всякого княжья и от всех людии Руския земли» и представители местной феодализировавшейся знати дунайско-днестровских земель, подтверждается не только такими именами романского происхождения, как Лидул, Руал, Карн, но также и топонимическими данными. С именем Карн связан ряд владений и населенных пунктов, существовавших еще в конце XIV в., а согласно Воскресенской летописи г. Карн находился в дунайско-днестровском бассейне.

Земли тиверцев и уличей между Днестром и Дунаем окончательно подчинились только князю Игорю. Борьба была упорной. Уличский город Пересечень войско Игоря осаждало три года, прежде чем взяло его. Княжеский воевода Свенельд, участвовавший в походе против уличей, получил вновь присоединенную территорию в качестве ее правителя с правом пользоваться данью.

В источниках нет указаний на участие в походе Игоря на Константинополь (944) уличей, упоминаются лишь тиверцы, но уже не как союзники, а как население территории древнерусского государства, обязанное участвовать в военных предприятиях киевских князей. «Игорь совокупи воя многы», в том числе и тиверцев, «и поиде на грекы в лодьях и на конех»[4],— сообщает летопись. Для заключения договора с Византией были посланы и представители местной знати, «бояре и сановникы»: Адул, Гомол, Руалд[5]. Все они были посланы «от Игоря великого князя Рускаго и от всякоя княжья»[6].

Таким образом, при киевском князе Игоре дунайско-днестровские земли (территория современной Молдавской ССР) были включены в

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 17.
[2] Там же, стб. 21.
[3] Там же, т. I, вып. 1, стб. 33.
[4] Там же, т. II, стб. 34.
[5] Там же, т. I, вып. I, стб. 47.
[6] Там же.

Оборудование кузницы XI в., обнаруженное при раскопках славянского городища Екимаудзе в Молдавии Г. Б. Федоровым

Институт Истории Материальной Культуры Академии Наук СССР.

состав древнерусского государства. Это событие ускорило экономическое развитие края. Оно имело большое прогрессивное значение. На исконные связи Киева с днестровскими землями указывает образное выражение автора «Слова о полку Игореве»: «Девици поют на Дунаи, вьются голоси чрез море до Киева»[1].

Киевские князья не случайно придавали исключительно большое значение этому краю. По преданию, еще Кий «приде к Дунаеви и возлюби место и сруби городок мал и хотяше сести с родом своим... еже и доныне,— говорил летописец,— наречють дунайци городище Киевець»[2]. Киевский князь Святослав говорил, что здесь, на Дунае, «среда его земли», что сюда «вся благая сходятся», что здесь лежат торговые и военно-стратегические дороги во всех направлениях. Отсюда, с дунайско-днестровских земель осуществлял он походы на Византию и Болгарию[3]. Принятие христианства как обязательной общегосударственной религии на Руси в конце X в. при князе Владимире означало также распространение его и на население Молдавии.

Христианство ускорило распространение древнерусской письменности, которая применялась в молдавских документах в течение нескольких веков, даже и тогда, когда образовалось самостоятельное Молдавское государство.

К концу XI в. экономическое и политическое усиление местной землевладельческой знати привело к отпадению Молдавии в составе Галицкой Руси от Киева. Подобное феодальное дробление имело место и в других частях Руси.

Экономическое и политическое укрепление юго-западной Руси давало себя знать еще в пору могущества древнерусского государства; здесь быстро развивалось земледелие, росло крупное землевладение, развивались города, ремесла и торговля. Галицкая Русь становилась одной из самых богатых областей южнорусских земель.

К 1100 г., после Витичевского феодального съезда, Галицкая земля вышла из-под власти киевских князей. По смерти старших Ростиславичей (1124) Владимирко Володаревич княжил в Перемышле и лишь в 1141 г. перенес столицу в Галич. Звенигород был в руках Ивана Ростиславича, который находился под верховной властью галицкого князя; он управлял Понизовьем и Подунавьем, включая Молдавию и Буковину. В его ведении находились города Текуч, Хотин, Белгород, Килия, Малый Галич (Галац), Берлад и др. От последнего он и получил прозвище Ивана Берладника.

---

[1] «Слово о полку Игореве», стр. 30.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 10.

[3] См. гл. 1, § 5 настоящего издания.

Однако в укреплении на дунайско-днестровских землях была заинтересована не одна Галицкая Русь; в сложной борьбе за Северное Причерноморье, за междуречье Дуная и Днестра в XII—XIII вв. столкнулись интересы также киевских, волынских и других князей.

Борьба закончилась тем, что князья черниговские, смоленские, волынские, а также Венгрия и Польша признали на эти земли права Ярослава Осмомысла (1158)[1]. Маркс в «Хронологических выписках», говоря о возникновении Молдавского государства, подчеркивает, что Молдавия составляла *«часть княжества Галицкого»*[2].

При Ярославе Осмомысле (1152—1187) Галицкая земля достигает значительного могущества[3]. На территории Галицкого княжества развиваются и молдавские города Баня, Сочава (Сучава), Нечюн, Хотин, Коломыя, Килия, Белгород, Городок-на-Черемоше, Берлад, Серет, Черн, Яськый торг, Романов торг, Корочюнов Камень и др.

Торговля велась как внутренняя, так и внешняя. О развитии соляной торговли свидетельствует летопись, говоря, что в 1163 г. во время разлива Днестра утонуло «человек более 300, иже бяху пошли с солью из Удеча»[4]. Связующим звеном Галицкой земли с Болгарией, Византией, Генуей и восточными странами становится портовый город Малый Галич, игравший большую роль в международной торговле. Хлеб, лес, мед, меха, рыба, соль, которой славилась Галицкая Русь, были предметами продажи на внутреннем и особенно на внешнем рынке.

Из известной грамоты Ивана Берладника узнаем, что в Малом Галиче, Берладе, Текучем и других городах находились «склады» «розьным товаром тутошным и угоръськым и русьским и чеськым»[5]. Из дунайско-днестровских «увозов» отправлялись суда, груженные «разным товаром». Таким образом, галицкое Северное Причерноморье установило широкие торговые, экономические и политические связи с Киевом, Звенигородом, Владимиром, Чехией, Венгрией и т. д.

Рост княжеского, боярского и духовного феодального землевладения в Галицкой земле сопровождался острой классовой и внутриклассовой борьбой. Крестьяне сопротивлялись расхищению общинных земель и закрепощению.

---

[1] См. гл. 3, § 4 в настоящего издания.

[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, Госполитиздат, 1946, стр. 150.

[3] См. гл. 3, § 4 в настоящего издания.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 524.

[5] *Н. П. Дашкевич.* Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. «Сб. статей по истории права, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову», Киев, 1904, стр. 366—381.

Время от смерти Ярослава Осмомысла до вокняжения в Галиче Романа Мстиславича волынского характеризуется феодальными войнами и известным упадком великокняжеской власти.

Создавшейся политической обстановкой в стране пытались воспользоваться венгерские и польские короли и феодалы. Однако около 1199 г. Галицкое и Волынское княжества объединились, и образовалась Галицко-Волынская Русь, во главе которой стал волынский князь Роман.

Роман Мстиславич, еще последовательнее продолжая внутреннюю политику Ярослава Осмомысла, опираясь на служилых людей и используя поддержку городов, успешно вел борьбу с крупным оппозиционным боярством. Часть знатных бояр он истребил, а других принудил к бегству, «загнал» их в дунайско-днестровские земли. Эти беглецы получили прозвище «выгонцев».

После гибели Романа юго-западная Русь вновь была охвачена длительной феодальной войной, которая теснейшим образом переплеталась с вторжениями венгерских, польских, литовских и немецких феодалов-захватчиков и закончилась новым объединением Галицко-Волынской Руси в руках князя Даниила Романовича (1245—1264)[1].

Татаро-монгольское нашествие привело к ослаблению и упадку Галицко-Волынской Руси; молдавские земли галицкого Понизья были захвачены татаро-монгольскими феодалами.

9

НАРОДЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В IX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.

На территории Среднего Поволжья, Приуралья и Прикамья в X в. сложилось раннефеодальное Болгарское государство, в сфере влияния которого оказался ряд местных народов. Границы самостоятельного Болгарского государства можно определить только приблизительно. Центральной частью государства было лесостепное Закамье. Политическое, экономическое и культурное влияние болгар на запад простиралось к устью Оки. Восточная граница Болгарского государства проходила по левому берегу р. Белой, а на юге памятники болгарской культуры встречаются на Самарской Луке. Южная граница, очевидно, проходила выше современного Саратова и близ р. Урал. На севере правый берег Камы был болгарским. К XII в. границы Болгарского государства несколько расширились на север; в его состав вошел бассейн р. Казанки и территория между Волгой и Вяткой к

[1] См. гл. 3, § 4 в настоящего издания.

северу от Камы. Проникновение болгар в верховья Камы и бассейн рек Вятки и Чепцы относится уже к XIV в. На границы расселения болгар указывают точно датированные могильные памятники [1].

Возникновение Болгарского государства на территории среднего Поволжья и Прикамья связано с приходом сюда в VII—VIII вв. кочевых болгарских племен после распада болгарского союза племен в Приазовье [2]. В X в. о государстве волжских болгар Масуди, несомненно преувеличивая, писал: «Булгаре составляют великий могущественный и храбрый народ, который подчинил себе все соседние... народы» [3]. По языку волжские болгары принадлежали к народам тюркской языковой системы.

По свидетельству арабского ученого ал-Фазори, болгары на Волге в VIII в. еще сохраняли самостоятельность [4]. С середины IX в. они вынуждены были давать дань хазарам.

В начале X в. болгарский хан Альмас сосредоточил в своих руках сбор и уплату дани за подчиненные ему племена Среднего Поволжья и Прикамья. Для уплаты дани кагану с каждого дома собиралось по шкурке соболя [5]. Объединение болгарских племен в одно государственное образование происходило в постоянной борьбе с хазарским засильем, которое продолжалось до третьей четверти X в. Болгарский хан Альмас в борьбе с хазарами пытался опереться на поддержку багдадского халифа Муктадира, который в 922 г. прислал к Альмасу по его просьбе посольство и оказал материальную помощь в постройке крепостей. Но только разгром Хазарского каганата древней Русью в 965 г. привел к окончательному освобождению болгар от хазарского ига и создал необходимые условия для развития Болгарского государства.

Старинные торговые связи с Востоком имели следствием распространение ислама в Среднем Поволжье и Прикамье. Ибн-Русте уже в начале X в. писал о болгарах: «Бо́льшая часть их исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и има-

---

[1] *С. М. Шпилевский.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1877; *С. Е. Малов.* Булгарские и татарские эпиграфические памятники. «Эпиграфика Востока», т. I, М.— Л., 1947, стр. 38—45.

[2] См. сообщение византийца Феофана под 671 г. о расселении сыновей Кубрата — обладателя Великой Болгарии («Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта», М., 1884, стр. 262—264).

[3] *А. Я. Гаркави.* Дополнения к сочинению «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». СПб., 1871, стр. 34—35.

[4] *А. Я. Гаркави.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 9.

[5] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Перевод и комментарий под ред. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 78.

мами»[1]. Религия ислама более соответствовала складывавшимся в недрах болгарского общества феодальным отношениям, чем язычество.

Болгарское государство было страной относительно высокой земледельческой культуры. В VIII в. происходит важный технический сдвиг — переход к плужному земледелию с применением животного тягла. Об этом свидетельствуют найденный в материалах раскопок ральник (VIII—IX вв.)[2], а также сошник из кургана Шолома в дер. Балымеры Куйбышевского района Татарской АССР[3]. В начале X в. Ибн-Русте отмечал: «Болгары — народ земледельческий и возделывает всякого рода зерновой хлеб, как то: пшеницу, ячмень, просо и др.»[4]. Об уровне земледельческой культуры свидетельствуют усовершенствованные земледельческие орудия. Тучные черноземные болгарские земли в Закамье требовали глубокой вспашки, что способствовало постепенному усовершенствованию древнего орудия пашенного земледелия — мотыги и превращению его в деревянное рало, которое в VIII в. было заменено болгарским плугом с металлическим лемехом (сабан). Первые болгарские железные сошники вместе с частями плугов найдены в слоях VIII—IX вв.[5] В лесных районах выработалось пашенное орудие типа русской сохи — ага[6]. Болгарские серпы были достаточно совершенны по форме[7]. Анализ найденного при раскопках зернового материала дает возможность определить виды культивировавшихся у болгар злаков: пшеница, рожь, ячмень, просо, горох[8]. Применялись ручные мельницы.

Хлеб сделался предметом вывоза в соседние страны уже с конца IX в. Болгарский хлеб вывозился в Суздальскую землю. Так, под 1024 г. летопись отмечает: «Бе мятеж велик и голод по всей той стране (Суздальской.— *Ред.*); идоша по Волзе вси людье в Болгары, и привезоша жито и тако ожиша»[9]. В Среднем Поволжье и Прикамье существовала развитая система земледелия[10].

---

[1] *Д. А. Хвольсон.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 23.

[2] *А. П. Смирнов.* Волжские булгары. М., 1951, стр. 16—17, 35.

[3] *В. Ф. Смолин.* Раскопки «Шолома» в с. Балымерах, Спасского кантона ТАССР в 1925 г. «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те», т. XXXIII, вып. 2—3, Казань, 1926, стр. 117.

[4] *Д. А. Хвольсон.* Известия Ибн-Даста, стр. 23.

[5] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси, кн. 1, стр. 51—52.

[6] *В. Г. Егоров.* Чувашско-русский словарь. Чебоксары, 1935, стр. 35.

[7] *А. П. Смирнов.* Указ. соч., стр. 106—108.

[8] *А. П. Смирнов.* Очерки по истории древних булгар. «Труды Гос. истор. музея», вып. XI, М., 1940, стр. 79.

[9] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 147.

[10] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси, кн. 1, стр. 31, 52. Ср. *его же.* Волжские болгары в IX—X в. «Исторические записки», № 14, стр. 5.

Скотоводство было самостоятельной отраслью хозяйства у болгар, которые занимались также охотой, бортничеством и рыбной ловлей в зависимости от местных природных условий.

Отделение ремесла от земледелия, совершившееся в связи с переходом к плужному земледелию, потребовало значительного количества железных земледельческих орудий.

Период образования Болгарского государства был временем формирования феодальных отношений. На это указывают небольшие укрепленные городища. Эти городища (Майнинское, Уткинский городок, городище близ дер. Кашкиной и др.) служили опорными пунктами власти местных крупных землевладельцев — князьков.

В X в. возникли города Сувар, Биляр, Ошель, Бряхимов, Жукотин, Керменчук и др.; некоторые из них принадлежали первоначально различным местным и болгарским племенам (например, Сувар — название города и племени). Археологические исследования показали, что болгарские города были окружены пригородами, населенными ремесленниками. Жители болгарских городов, наряду с ремеслом, занимались и сельским хозяйством.

Столицей государства волжских болгар был г. Булгар, существовавший с IX в. и расположенный у впадения Камы в Волгу на пересечении крупных водных торговых путей и сухопутного караванного пути из Средней Азии в Европу[1].

Булгар был крупным ремесленным и торговым центром с большой ярмаркой, привлекавшей купцов из Руси, Китая, Средней Азии, Закавказья и Персии, Византии и Прибалтики. В окружности Булгар с пригородами имел 7,5 километров. Вторым крупным городом был Сувар, развалины которого видны около дер. Кузнечихи (Кузнечихинский район Татарской АССР). Сувар в окружности имел около 5 километров. Ал-Балхи, автор X в., и Ибн-Хаукаль отмечают, что «Болгар— имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город — Сивар (или Сивара), где также находится главная мечеть.

Мусульманский проповедник Болгар сказал..., что число жителей обоих этих городов простирается до 10 000 человек, что там долгие дни и короткие ночи, а зимой короткие дни и долгие ночи. Дома деревянные и служат зимними жилищами, летом же жители расходятся по войлочным юртам»[2].

[1] *С. П. Толстов.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г. «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1947, т. IV, № 2, стр. 178—180.

[2] *Д. А. Хвольсон.* Известия Ибн-Даста, стр. 82.

Болгария играла роль главного посредника между русскими славянами и странами Востока. «Из Руси можеть ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы»,— гласит недатированная часть русской летописи [1]. «Руссы привозят к ним свои товары...», —сообщает Ибн-Русте (начало X в.) [2]. Арабский географ конца X в. Мукаддеси оставил нам список товаров, которые вывозились из страны волжских болгар в Хорезм [3].

Болгары имели более тесные связи со Средней Азией — Хорезмом, чем с Кавказом. Посольство багдадского халифа в 922 г. отправилось к болгарам не по ближайшему пути через Кавказ, а окружным путем, через государство Саманидов — Хорезм [4].

Свидетельство автора X в. Гардизи: «Они (болгары.— *Ред.*) те диргемы отдают руссам и славянам, так как люди не продают товаров иначе, как за чеканенные диргемы» [5], — указывает на то, что у русских и волжских болгар была распространена форма денежного обращения, которая существовала между странами Востока и народами Восточной Европы того времени [6].

Образование феодальной земельной собственности в результате разложения собственности общинной началось в IX—X вв. Волжские болгары прошли в своем развитии те же этапы, что и все народы Восточной Европы. Болгарское общество делилось на два антагонистических класса— феодализирующуюся знать и постепенно закрепощаемых лично свободных производителей — крестьян. Из описания встречи арабского посольства болгарским ханом в 922 г. видно, что у болгар существовала феодально-вассальная система. Главному болгарскому хану Альмасу подчинялись четыре других феодальных князька.

Развивалось и ремесло. Наиболее высокого уровня достигла болгарская металлургия. С X в. началась характерная для средневековых городов специализация кузнечного производства. Оружейники, так же как и медники, составляли особую группу среди ремесленников. Главной продукцией медников были котлы, бронзовые зеркала, замки и т. д. [7]

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 6.

[2] *А. Я. Гаркави.* Дополнения к сочинению «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских», стр. 36.

[3] См. гл. 4, § 1 настоящего издания.

[4] *В. В. Бартольд.* История Туркестана. «Труды Туркестанского гос. ун-та», вып. 2, Ташкент, 1922, стр. 15.

[5] *Его же.* Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. СПб., 1897, стр. 121.

[6] *В. В. Гольмстен.* Буртасы. «Краткие сообщения ИИМК», XIII, стр. 23; *М. В. Талицкий.* Верхнее Прикамье в X—XIV вв. Там же, стр. 157.

[7] *С. Е. Малов.* Замок из Билярска с арабской надписью. «Записки Коллегии востоковедов», т. II, вып. 2, Л., 1927, стр. 155.

Было развито у болгар и ювелирное дело[1]. Для изготовления серег, браслетов, перстней, височных колец и других украшений применялись не только золото и серебро, но и бронза. Основными центрами производства костяных изделий были Булгар и Биляр. Волжские болгары славились обработкой кожи.

Киевский воевода Добрыня во время похода на волжских болгар говорил своему князю Владимиру: «Соглядах колодник (пленных.— *Ред.*), и суть вси в сапозех; сим дани нам не платити, поидеве искать лапотник»[2]. Получило развитие и керамическое производство, в котором чувствовалось среднеазиатское влияние; но гончарное и каменотесное дело у болгар было менее развито, чем обработка металла, дерева и кости.

Археологические данные о планировке болгарских городов, указывающие на сосредоточение различных производств в отдельных городских кварталах и стандартность большинства изделий болгарских ремесленников, позволяют ставить вопрос о существовании у них специальных ремесленных организаций[3].

Болгарский археологический материал содержит значительные русские элементы. Русские издавна поддерживали оживленные торговые, политические и культурные отношения с волжскими болгарами. Ибн-Фадлан в 922 г. упоминает торговую стоянку русов около Булгара[4]. Государство волжских болгар вступало в договорные торговые сношения с древней Русью[5].

Особенно близкая связь устанавливается между болгарами и Владимиро-Суздальской Русью. На болгарское ювелирное искусство определенное воздействие оказала русская культура[6].

Болгарские князья совершали походы на русские княжества (1088, 1219). «Вся военная история булгар показывает, что они уступали русским в полевом военном искусстве, но военно-инженерное дело у них стояло на должной высоте»[7]. Превосходство русского военно-полевого искусства особенно хорошо видно из описания взятия болгарского города Ошеля войсками русских князей в 1220 г., когда болгары встретили противника в конном строю, обстреляли его и скрылись затем в городе, не приняв боя в открытом поле.

---

[1] *И. Н. Березин.* Булгары на Волге. «Ученые записки Казанского ун-та», 1853, кн. III, Казань, 1854, стр. 48—49.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 71.

[3] *А. П. Смирнов.* Волжские булгары, стр. 147.

[4] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 78.

[5] ПСРЛ, т. II, стб. 71 (сообщение о договоре 985 г.).

[6] *А. П. Смирнов.* Волжские булгары, стр. 124, 156.

[7] Там же, стр. 102—103.

С XII в. с укреплением Владимиро-Суздальского княжества начинаются ответные походы русских князей против болгар. Эти походы имели место в 1120, 1164, 1171 — 1172 гг. Поэтому Булгар в XII в. теряет значение политического центра страны, и его роль переходит к расположенному в глубине Болгарской земли Биляру (Великому городу) на р. Черемшане. Однако русские князья в 1183 г. доходили и до Биляра. Успешными были русские походы в 1185 и в 1205 гг. Судя по археологическим данным и сообщениям русских летописей, система обороны Булгара отвечала требованиям военной техники того времени, тем не менее болгары были не в силах противостоять соединенным отрядам русских князей.

Опасность монгольского нашествия заставила болгар искать сближения с Русью. В 1223 г. болгары нанесли поражение монголам, ослабленным в битве на Калке[1]. Болгары объединились с великим князем Юрием Всеволодовичем в 1229 г., после поражения болгарских сторожевых отрядов монголами в бою на р. Яике[2]. В 1232 г. монголы вновь предприняли наступление против болгар и «зимоваша, не дошедше Великого града Болгарьскаго»[3]. Венгерский монах Юлиан, посетивший страну болгар в 1235—1236 гг., отмечает, что передовые монгольские отряды постоянно сталкивались с болгарами[4].

Во время нашествия монгольских войск государство волжских болгар в 1236 г. было разгромлено. Русская летопись рисует трагическую картину разорения Болгарской земли[5]. По сообщению персидского историка Джувейни, во время завоевания Болгарии «от множества войск (монгольских.— *Ред.*) земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные»[6].

Однако болгары, как и половцы и аланы, покорились не сразу и долгое время вели борьбу с врагом[7]. В 1241 г. произошло вторичное завоевание монголами Болгарской земли.

* * *

История других народов Поволжья и Прикамья (мордва, мурома, мещера, мари, чуваши, удмурты) весьма слабо отражена в письменных источниках, которые, как правило, отмечали лишь некоторые

[1] См. гл. 5, § 5 настоящего издания.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 453.

[3] Там же, стб. 459.

[4] *С. А. Аннинский.* Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе. «Исторический архив», т. III, М.—Л., 1940, стр. 81.

[5] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 460.

[6] *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. II, М.—Л., 1941, стр. 23.

[7] ПСРЛ, т. X, стр. 125; *В. Г. Тизенгаузен.* Указ. соч., т. II, стр. 35—36.

факты, связанные с распространением в этих землях власти владимиро-суздальских князей. Значительно больше дает археологический материал.

Общим именем мордвы обозначалось несколько племен. Центральное положение среди них занимала группа, обитавшая в районе Нижней Оки, Волги и Суры и носившая имя эрзи. По притоку Оки, Мокше, проживала другая группа — мокша.

Территория между Нижней Окой и Клязьмой была занята муромой. По среднему течению Оки, приблизительно от ее притока Цны до Елатьмы и Керенска, тянулась Мещерская земля, «идеже есть мордовский язык»[1], т. е., где обитало племя мещера, родственное мордве.

На Средней Волге жили, соприкасаясь и отчасти перемешиваясь, две большие народности: мари и чуваши.

Мари в русских источниках, начиная с XII в., известны под названием черемисов. Как можно судить по археологическому материалу, значительная часть мари искони жила и сложилась на левом берегу Волги, занимая значительную часть территории от Ветлуги приблизительно до Казанки и на восток до Вятки. Уже в «Повести временных лет» упомянуты черемисы, у которых «язык свой»[2].

В непосредственном соседстве с мари жили чуваши, занимавшие часть правого нагорного берега Волги.

В жизни собственно мордовского племени важнейшее место принадлежало земледелию. Большое значение сохраняли также скотоводство и различные промыслы. Важную роль играло бортничество.

В «житии» князя Константина муромского[3] есть известие, что при погребении язычников, т. е. муромы, в могилы клалась «ременная плетения древолазная»—веревки, которыми пользовались при лазании на «бортные» деревья за медом. Это известие может быть использовано и для характеристики мордовских промыслов. У каждого мордвина-бортника было свое «знамя» (тамга), условный знак, который ставился на бортных деревьях. Поэтому мордовские бортные ухожаи в русских источниках назывались «знаменами». Бортные «знамена» были единицей обложения в мордовских землях, с которых позднее московские князья собирали оброк, состоявший из меда и воска. Наряду с бортничеством распространены были и другие промыслы — охотничий и рыболовный. Позднее (в XVI в.) не раз упоминаются у мордвы «лебединые ловли», «бобровые гоны», «рыбные ловли» и т. д.

---

[1] РИБ, т. XXXI, стб. 177.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 11.

[3] «Памятники старинной русской литературы», вып. 1, СПб., 1860, стр. 235.

Уже в X в. мордовские племена стояли на грани классового общества. Упоминаемые в источниках мордовские князья пользовались довольно значительной властью. Термин, которым обозначался князь (у мокши— «оцязор», у эрзи — «инязор», т. е. «великий хозяин»), показывает, что классовые отношения здесь носили еще полупатриархальный характер. Некоторые князья объединили под своей властью довольно большую территорию: так, в начале XIII в. упоминается «Пуресова волость», т. е. волость князя Пуреша. Другим известным по источникам мордовским князем был Пургас. Князья и знать строили «тверди» — укрепленные городки в непроходимых лесных трущобах, в которых в случае опасности скрывалось население. Так, в 1229 г., во время похода великого князя Юрия Всеволодовича, «мордва вбегоша в лесы своя, в тверди»[1].

Мордва занимала земли, расположенные между Русью и Волжской Болгарией. Археологический материал свидетельствует, что восточно-славянские племена издавна оказывали культурное воздействие на мордву. Археологи отмечают, что происходил длительный процесс мирного проникновения славян в гущу мордовского населения, причем в XII—XIII вв. значительная часть мордовских земель уже подверглась славянизации[2].

Русские князья в XII—XIII вв. стремились подчинить мордву. В 1103 г. в летописи помещено известие о победе мордвы над муромским князем Ярославом. В 1183 г. на обратном пути из похода на болгар великий князь Всеволод Юрьевич «коне пусти на мордву»[3], т. е. направил на территорию мордвы конную рать.

Сын Всеволода, Юрий, заложил в 1221 г. при устье Оки город, названный Новгородом (будущий Нижний Новгород), что имело прогрессивное значение для экономического развития Поволжья и распространения русского влияния в мордовских землях.

С XIII в. начинается систематическая борьба суздальских князей за включение в сферу своего политического влияния территории, населенной мордвой. В 1226 г. Юрий Всеволодович послал в мордовские земли своих братьев Святослава и Ивана. Русское войско победило мордву и захватило несколько сел. Через два года Юрий снова отправил на мордву войско во главе со своим племянником Васильком Константиновичем ростовским и воеводой Еремеем Глебовичем. На этот

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 451.

[2] *А. П. Смирнов.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 28, стр. 154—155.

[3] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 390.

раз обстоятельства не благоприятствовали русскому войску — проливные дожди заставили его вернуться обратно.

В начале XIII в. среди части мордвы образовалось полупатриархально-полуфеодальное объединение, во главе которого стоял князь (инязор) Пургас. «Пургасова волость» располагалась по нижнему течению Мокши от Темниково-Водских лесов к Оке[1]. В состав его владений входила не только мордва, но и русские поселенцы, называемые летописью «Пургасова Русь». По всей вероятности, это были крестьяне, бежавшие от феодального гнета. Пургас оказывал упорное сопротивление русским князьям и был в основном связан союзом с Волжской Болгарией. Во главе другого объединения мордвы в это же время стоял князь (оцязор) Пуреш, сторонник союза с Русью.

В январе 1229 г. великий князь Юрий организовал большой поход против мордвы. Отряд муромского князя Юрия Давыдовича вторгся в «Пургасову волость», занял поселения и захватил пленных. Когда же русское войско в поисках неприятеля углубилось в Мордовскую землю, мордва, заманив в «лес глубок», окружила русское войско и в происшедшей битве нанесла ему большой урон, а сама скрылась, так что остаткам русского войска пришлось вернуться домой ни с чем. Пургас с своей стороны произвел набег на русские земли, подошел к Нижнему Новгороду, сжег пригородный монастырь, но города взять не мог и отступил.

Часть мордовского населения поддерживала русских князей. Так, мокшанский князь Пуреш не только признал себя «ротником», т. е. вассалом, Юрия Всеволодовича, но и активно помогал ему в борьбе с Пургасом. В 1229 г. сын Пуреша в союзе с половцами «изби мордву всю и Русь Пургасову», а сам Пургас «едва вмале утече»[2]. В 1232 г. князь Юрий Всеволодович вновь организовал большой поход на мордву. В середине XIII в. мордовские земли попали под власть татаро-монгольских захватчиков[3].

Археологические данные говорят и о длительных связях русских славян с мещерой и муромой. Город Муром возник на месте муромо-русского поселения, носившего ремесленный характер. В ряде селищ X—XII вв. на муромской территории встречаются почти исключительно русские вещи. В XI в. Муромский край был уже в основном русским, и это явилось результатом не завоевания, а мирного проникновения русского народа в среду муромского населения[4].

---

[1] *П. Степанов.* Пургасово городище. «Записки н.-и. института при Совете министров Мордовской АССР», вып. 6, Саранск, 1946, стр. 39.

[2] ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стр. 451.

[3] См. стр. 832 настоящего издания.

[4] *А. П. Смирнов.* Указ. соч., стр. 151—152.

Основой хозяйства мари были земледелие и скотоводство. Среди археологических находок Вятского края этого времени известны сошники и жернова, характерные для пашенного земледелия. Большое значение имели пушная охота и бортничество. Археологический материал свидетельствует и о развитии ремесла, в частности кузнечного. С X в. появились сыродутные горны. Явилась возможность изготовления железных орудий, что способствовало и распространению пашенного земледелия. Местные мастера изготовляли бронзовые и серебряные украшения и торговали ими с Волжской Болгарией. Мари были тесно связаны с удмуртами и мордвой, что объясняет общность их культуры и быта. Очень рано установились у мари связи с русским народом, на что указывает наличие на территории мари большого количества вещей русского происхождения [1].

Сведений по ранней истории мари и чувашей почти нет. Известно лишь, что в XIII в. они входили в состав государства волжских болгар и после его разгрома татаро-монгольскими захватчиками попали под власть Золотой орды.

В «Повести временных лет» среди народов, платящих дань Руси, нет упоминаний об удмуртах. В позднейших памятниках они известны под названием «вотяков», арских людей. В «Повести о стране Вятской» имеются сведения, что в конце XII в. удмурты обитали в Вятско-Камском междуречье, сосредоточиваясь по р. Чепце и другим притокам Вятки и Камы. Из более поздних источников известно, что на севере граница расселения удмуртов достигала примерно истоков Вятки и Камы, на востоке — истока р. Чепцы и бассейна р. Сивы, правого притока Камы, на западе она шла по левой стороне течения Вятки, а на юге — по правой стороне Камы.

Памятники материальной культуры в виде сельскохозяйственного инвентаря, обилие костей домашних животных, в том числе лошадиных, обнаруженных в древних городищах, показывают, что основой хозяйства удмуртов было земледелие (сначала подсечное, а с X в. пашенное) и скотоводство. Большое значение имели и промыслы. Подсечная система земледелия являлась делом чрезвычайно трудоемким: расчистка леса под пашню неизбежно требовала объединения большого количества рабочих рук, коллективного производства. Родственные коллективы составляли «боляк» — патриархальную домашнюю общину. Расчищенные пахотные земли и сенокосные угодья назывались «болячным полем». Как пережиток патриархально-общинных отношений «болячные поля» существовали в удмуртской деревне в течение ряда веков [2].

[1] *А. П. Смирнов.* Указ. соч., стр. 161—174.

[2] *Н. Н. Латышев.* Удмурты накануне реформы 1861 г. Ижевск, 1939, стр. 161.

Переход от подсечного земледелия к пашенному был связан с широким применением железных орудий. Прогресс в области техники, добычи и обработки железа выразился в появлении сыродутных горнов. Развивалось кузнечное дело. Из ремесел получили распространение обработка дерева, косторезное дело, керамическое производство.

В IX—XII вв. у удмуртов шел процесс феодализации, хотя патриархальные отношения оставались еще очень сильными.

Вятский край с древних времен стал объектом нападений со стороны болгарских князей. Обложение населения данью, получение ценного товара (пушнины), а иногда и захват населения для продажи на рынках были основными целями этих нападений. Болгары ездили в верхний бассейн Волги и с торговыми целями. Раннее проникновение русских в удмуртские земли подтверждается данными археологии: славянскими вещами и керамикой XII—XIII вв., находимыми на городищах Прикамья. В XI—XII вв. русская колонизация шла главным образом из новгородских владений, преимущественно с Северной Двины. Обилие рек и речек облегчало колонистам путь в земли удмуртов. Правыми притоками р. Сухоны и по р. Югу можно было пробраться до истоков р. Моломы или р. Лузой до истоков р. Летки. Как Молома, так и Летка впадают в Вятку. На Вятке стали возникать русские города; древнейшими из них считаются Хлынов и Никульцын.

* * *

Башкиры жили по обеим сторонам Уральского хребта, между Волгой, Камой, Тоболом и верхним течением Яика (Урала)[1]. Соседями башкир были камские болгары, печенеги, огузы и мадьяры, позднее перекочевавшие на территорию нынешней Венгрии. Посол арабского халифа Мухтадира к камским болгарам Ибн-Фадлан (X в.) сообщает о тюркском народе «башгирд», который кочевал за камскими болгарами в соседстве с печенегами[2].

К первой половине X в. относится ценное сообщение о башкирах другого арабского писателя — Абу-Зейд-ал-Балхи, который делил башкир на внутренних и внешних. В своей «Книге видов земли» он пишет: «От внутренних башджардов до Болгара 25 дней... Башджарды разделяются на два племени; одно племя живет на самой границе Гуззия,— то-есть Гузов-Куман — близ Болгар. Говорят, что оно состоит из 2000 человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны болгарам. Другие

---

[1] *В. Н. Витевский.* И.Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., вып. 1, Казань, 1889, стр. 123.

[2] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 65—68.

башджарды граничат с печенегами. Они и печенеги — тюрки...»[1] О восточных или уральских башкирах говорится и в сочинениях Эдриси (XII в.), Якута (XIII в.) и др. Якут — составитель арабского географического энциклопедического словаря — говорит о «хребте башкир», находящихся в «седьмом климате»[2]. Под этим хребтом он, очевидно, разумел Урал. Следовательно, башкиры являются древними обитателями Южного Урала и Приуралья.

Край этот на редкость богат. В его недрах залегали медные и железные руды и много других ценных металлов и минералов. Но для пастушеского народа гораздо большее значение имели фауна и флора страны. Башкиры были кочевниками-скотоводами. Природные условия благоприятствовали ведению такого хозяйства.

Рассматривая историю древних пастушеских народов Востока, Энгельс указывал, что там «население в высшей степени редко; оно гуще только в месте жительства племени, вокруг которого лежит широким поясом прежде всего область охоты, затем нейтральный защитный лес, отделяющий его от других племен»[3]. Арабский писатель ал-Балхи, посетивший Башкирию и Булгарское государство в первой половине X в., сообщает о таком «нейтральном защитном лесе». Ал-Балхи пишет, что башкиры «так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их». Уральские горы тоже были естественной и надежной преградой. Об этой роли Урала сохранилась народная песня (кубаир): «Эй, Урал мой, Урал мой! Ты оружие для защиты народа от врагов».

Растительность и животный мир Южного Урала и Приуралья весьма богаты. Западные склоны Южного Урала, приблизительно до р. Белой, были одеты, как и теперь, хвойными и лиственными лесами, в которые вкрапливались значительные полосы степи с тучным черноземом. Леса покрывали и южную часть Башкирии, между реками Яиком, Сакмарой и Иком (притоком Сакмары). Северо-Западную Башкирию, по левую сторону р. Белой до р. Стерли и Ашкадара, занимали луга вперемежку с участками лиственных лесов. Такой же характер имела и северо-восточная часть края, занятая башкирами, до верховья Яика (Урала) и верховьев р. Уя. Остальная часть Башкирии представляла собой ковыльную степь с тучным черноземом и участками лиственных лесов. На территории Башкирии много рек и озер. Обширный и богатый край изобиловал разнообразными животными и птицами.

---

[1] *Д. А. Хвольсон.* Известия ибн-Даста, стр. 83, 105.

[2] Там же, стр. 109.

[3] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 164.

Башкиры вели кочевой образ жизни, скот круглый год находился на подножном корму, на зиму корм для скота не заготовлялся. Широко занимались башкиры звероловством, рыболовством и бортничеством. Об этом говорят сохранившиеся источники. Местная хроника (XVI в.) сообщает, что как только башкиры приняли русское подданство, освободились от владычества ногайских ханов и мурз и вернули себе захваченные ими земли, «все люди сказали: имеем места для зимовья, имеем места для кочевки. Есть беркуты и соколы с гнездами, есть лиса и куница, поделим же по жребию всю нашу землю»[1].

С образованием Болгарского государства на Средней Волге и Каме западная часть Башкирии вошла в состав подчиненных болгарскому хану земель и должна была платить дань: мехами, воском, медом и лошадьми. Близость Волжско-Камского бассейна издавна имела большое значение для Башкирии, особенно для ее западной части. Арабский писатель Ибн-Русте (X в.), побывавший в Болгарии, писал, что соседние народы «везут к ним (т. е. болгарам —*Ред.*) товары свои, как то: меха собольи, горностаевые, беличьи и другие», что «главное богатство их (болгар.—*Ред.*) составляет куний мех. Чеканеной монеты своей нет у них; звонкую монету заменяют им куньи меха»[2]. Башкиры участвовали в этой торговле; они появлялись и в Средней Сирии, в крупном и важном торговом пункте — г. Халб (Халеб); там их встречал Ибн-Фадлан.

Кроме мехов и меда, башкиры торговали скотом, в частности лошадьми. Имеется в виду прежде всего та часть Башкирии, которая была подвластна болгарам. Ибн-Русте сообщал, что подданные болгарского ханства «подать царю своему» платят «лошадьми и другим. От всякого из них, кто женится, царь берет себе по верховой лошади»[3]. Подвластные болгарскому царю башкиры, разумеется, не составляли исключения и тоже платили подать лошадьми. Часть населения Башкирии, которая находилась в непосредственном соприкосновении с оседлыми болгарами, западные и северо-западные башкиры и особенно так называемые ирехтинские (ныне Янаульский и прилегающие к нему другие районы БАССР) — очень давно начали заниматься земледелием и вели полуоседлый образ жизни. Дальнейшее развитие земледелия было прервано монгольским завоеванием.

Ограниченность источников не позволяет достаточно полно охарактеризовать общественный строй башкир. В IX—XIII вв. башкиры

---

[1] Шажэрэ (хроника). «О подданстве к белому царю». Журнал «Башкортаймагы», Уфа, 1927, № 4, стр. 5.

[2] *Д. А. Хвольсон.* Известия ибн-Даста, стр. 23—25.

[3] Там же, стр. 24.

представляли собой группу кочевых племен. Они кочевали круглый год. Арабский писатель Масуди (около 943 г.) не отмечает у них никаких других жилищ, кроме шатров — кибиток. Позднее Рубруквис (XIII в.) также говорит о «паскатирах» (башкирах), что «это— пастухи, не имеющие никакого города»[1].

Землевладение у башкир было общинное. Во главе родовых организаций, владевших землями и угодьями, стояли признанные в роде— старейшины (аксакалы). Родоначальниками, особенно в позднейшее время, были беи. Наиболее сильные из них подчиняли себе другие родовые объединения и иногда становились ханами. Однако власть таких ханов не была прочной, ни одному из них не удалось подчинить все башкирские племена. Одновременно существовали несколько ханов. Память об этих ханах сохранилась в народных сказаниях, песнях и родословных некоторых башкирских фамилий, выводивших от них свой род. Кровные связи были еще очень сильны. «Отделившегося медведь сожрет, разделившегося волк съест»,— гласит древняя башкирская поговорка.

В брачных отношениях башкир господствовал характерный для родового строя обычай брать жен только из другого рода. Впоследствии такая строгость экзогамии была смягчена, особенно в северо-западной части Башкирии, где раньше началось разложение рода. Существовало и многоженство, что также типично для патриархального рода, но оно имело место лишь у сильных и влиятельных глав семей: многоженство было доступно только отдельным лицам, занимавшим исключительное положение; большинство народа жило в моногамии[2].

Женщина, взятая в род, как правило, уже не покидала его и в случае смерти мужа переходила к ближайшему родственнику, так как за невесту был уплачен калым из общей собственности рода. Уход жены из рода после смерти мужа означал бы потерю работницы и обязывал род вернуть отцу невесты имущество, которое было привезено ею в дом мужа. Порядок выплаты калыма соблюдался очень строго. Калым достигал больших размеров, и жених не всегда мог заплатить его сразу.

Характерный для родового строя институт кровной мести (карымта) занимал большое место в быту башкир. За убитого члена рода последний должен был отплатить кровной местью. Наряду с карымтой у башкир существовала и барымта, что означает экономическую месть, набег с целью захвата скота, имущества и пленников (ясыр) у враждебного рода, члены которого причинили этот ущерб. Отвечать на

---

[1] *В. де Рубрук*. Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина, СПб., 1911, стр. 101.

[2] См. *Ф. Энгельс*. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 61.

карымту—карымтой, на барымту—барымтой было неписаным законом каждого рода. Однако по мере разложения рода и усиления экономического неравенства карымта теряла свое прежнее значение и на первый план выступала барымта. Как за убитого члена рода, так и за принесенный экономический ущерб полагалось материальное возмещение. В случае отказа противника устраивалась барымта.

Башкиры соблюдали культ предков. У горных башкир до Великой Октябрьской социалистической революции сохранился обычай обращаться к старикам со словом «оло-атай», т. е. «самый старший отец», хотя этот старик и не являлся родственником собеседника.

В X—XIII вв. у башкир начался процесс разложения родовых отношений. Выдвигались племенные вожди, пользовавшиеся большим экономическим и политическим влиянием. Вожди имели свои дружины. В связи с выдвижением племенных вождей и началом слияния отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа появляется народное собрание там, где его еще не существовало.

Народные собрания у башкир назывались джиинами, или курултаями. Джиины были всебашкирские, племенные и общинные. Всебашкирские (межплеменные) джиины собирались в определенное время года на определенном месте. Например, джиин собирался весной в центре Башкирии у р. Чесноковки, южнее нынешней Уфы. Всебашкирские джиины решали вопросы, касавшиеся всего народа. Как правило, они сопровождались байгами, т. е. состязаниями батырей (силачей) по скачке и джигитовке, по стрельбе. Целью этих состязаний было выявление лучших батырей и коней. Широко распространены были состязания народных певцов, сэсэнов (импровизаторов), кураистов (курай — музыкальный инструмент), сказителей, танцоров и др.

Феодальный эпос «Кусяк-би» указывает, что бии (предводители родов) появлялись на джиины со своими дружинниками (нугерами). Биев объединял глава союза племен, которого эпос называет ханом.

Подобные вожди и были организаторами нападений на соседние племена с целью захвата рабов, скота и прочего имущества. Захваченная добыча, включая и пленных (ясыров), сбывалась бухарским купцам, хазарам, славянам и половцам.

Энгельс указывает, что «старый родовой строй не знал ни денег, ни задатков, ни денежных долгов». Между тем «появившаяся частная собственность на стада и роскошную утварь вела к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в *товары.* И в этом — зародыш всего последующего переворота» [1].

---

[1] См. *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 114—115.

Землевладение у башкир было общинным, но скот находился во владении семей и, видимо, служил предметом не только дани, но и торговли. Не менее ходовым предметом торговли были звериные шкуры.

Богатство соседей возбуждало у племенных вождей жадность, и приобретение богатства становилось для них одной из важнейших жизненных целей и вызывало межплеменные войны. Барымта и войны усиливали власть военачальников и их дружинников. В руках племенных вождей, военачальников и их дружин появлялось богатство, принадлежавшее им или отдельным семьям. Таким богатством у кочевников-башкир был прежде всего скот.

Грабительские войны башкирской знати засвидетельствованы современниками. Посольство, возглавляемое Ибн-Фадланом, находясь еще на территории другого племени, опасалось башкир. Подъезжая к земле печенегов, оно остерегалось не их, а башкир, которые были сильнее печенегов. Ибн-Фадлан писал, что при переправе через реку необходимо, «чтобы переправился отряд бойцов, имеющих при себе оружие, прежде чем переправится что-либо из каравана. Они — авангард для людей, [следующих] за ними [для защиты] от башкир [на случай], чтобы они (т. е. башкиры.—*Ред.*) не захватили их, когда они будут переправляться». Через несколько дней «прибыли в страну народа турок, называемого аль-Башгирд», «остерегались их с величайшей осторожностью»[1].

Религиозные верования башкир являлись пестрой смесью тотемических представлений с элементами космической религии. По свидетельству Ибн-Фадлана, одни из башкир поклонялись змеям, рыбе и журавлям, другие признавали двенадцать богов, управлявших зимой, летом, дождем, ветром, деревьями, людьми, лошадьми, водой, ночью, днем, смертью и жизнью. Однако их объединял общий для всех бог, «который в небе, самый больший из них» и находится с ними «в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ».

В этих верованиях отразилось начавшееся слияние территорий отдельных племен, образование союза племен. Однако этот процесс проявляется еще в слабой форме. Среди башкир долго были живучи идолопоклонство, обожествление явлений природы и т. п. Ибн-Фадлан передает легенду о том, почему некоторые из башкир поклоняются журавлям. «Мне сообщили,— говорит автор,— что они [некогда] вели войну с одним народом из числа своих врагов, что они [враги] обратили их [башкир] в бегство и что журавли закричали сзади них [врагов], так что они испугались и сами были обращены в бегство, после того как обратили в бегство [башкир], и поэтому они [башкиры] поклоняются

---

[1] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 65—66 (скобки в подлиннике).

журавлям и говорят: «Эти [журавли] наш господин, так как он обратил в бегство наших врагов», и поэтому они поклоняются им [и теперь]»[1]. Как отдаленный отголосок обожествления журавля доныне существует народная мелодия «Поющий журавль», которая исполняется на курае.

В Западную Башкирию проникал и ислам, занесенный болгарскими купцами и проповедниками. В X—XII вв. арабские проповедники посещали Волжскую Болгарию и заходили в страну башкир. Ибн-Фадлан около 922 г. видел башкир, принявших ислам. «Действительно,— говорит он,— был с нами один из них, который уже принял ислам, и который служил у нас...»[2]

В XIII в. башкирский народ попал под власть татаро-монгольских захватчиков.

10

НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В IX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.

Письменные источники сохранили сравнительно мало сведений по истории коми до конца XIV в. Первыми из русских проникли в «Пермь» (так назывался в древности край коми) новгородцы. Стремясь расширить свою торгово-промысловую деятельность на территорию всего обширного Поморья, Новгород очень рано сделался хозяином пути «в полунощные страны», в Зауралье, куда его привлекали слухи о сказочных пушных богатствах.

Основной путь в Зауралье и Югру, издавна известный новгородским торгово-промышленным людям, шел с Двины по Вычегде, далее по Выми и по рекам Печорского бассейна. Уже в конце XI— начале XII в. племена Печоры, обитавшие по р. Печоре, и югра (в Северном Приуралье) платили дань Великому Новгороду[3]. Поскольку военно-торговые походы новгородцев в Югру совершались через Пермскую землю, естественно, что «пермь», т. е. вычегодские коми, обитавшие на путях в Зауралье, сравнительно рано подпали под власть Новгорода. «Повесть временных лет» прекрасно знает пермь, которую и помещает между заволоцкой чудью и Печорой[4].

Из Новгорода посылались в Пермь для сбора дани данщики с отря-

---

[1] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 66—67.

[2] Там же, стр. 66; *Д. Н. Соколов.* Опыт разбора одной башкирской летописи». «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. IV, Оренбург, 1898, стр. 47.

[3] *А. А. Шахматов.* «Повесть временных лет», т. I, Пг., 1916, стр. 293.

[4] ПВЛ, ч. I, стр. 10.

дами «кметей», т. е. военных слуг. Нередко подобные экспедиции кончались вооруженными столкновениями с местными племенами.

С 60-х годов XIII в. и позднее Пермь неизменно входила в список новгородских волостей, который включался в договорные грамоты великих князей с Новгородом[1].

Управлялась Пермь, как и другие новгородские волости, новгородскими «мужами»[2], а также сотниками и старостами, вербовавшимися из верхушки местного населения[3]. В Новгороде было специальное объединение купцов — «югорщина», которое вело торговлю с приуральскими народами[4]. Однако связь Новгорода с далекими северо-восточными волостями была непрочной, и не раз новгородские отряды ушкуйников отправлялись на грабеж югорских и других племен[5].

Собственно Пермью[6] в XIV — начале XV в. назывался бассейн Вычегды. Кроме Вычегды и ее притока Выми, коми заселяли также верховья Мезени и Вашки (Удоры)[7].

Территория коми была расположена на одном из великих речных путей, связывавших Северную Европу с Северной Азией, Зауральем, известном с глубокой древности. Путь этот, начинаясь от Устюга, шел вверх от Вычегды в Печору и далее в Обь.

Земля коми была сравнительно мало заселена и представляла собой в значительной части обширные пространства, покрытые лесами и болотами и пересеченные речками и озерами.

В лесах водились во множестве соболи, куницы, горностаи, ласки, волки, лисицы, медведи, рыси, белки, в речках — бобры[8]; в озерах было много водяной птицы, в частности, лебедей[9]. На Печоре были «сокольи и кречатьи садьбища»[10]. Позднее Иван Калита посылал своих сокольников на Печору за соколами[11]. Озера и речки были богаты рыбой,

---

[1] ГВНиП, № 1—3, 6, 7, 9 и др.

[2] Там же, № 1—3 и др.

[3] Там же, № 98; см. также «Житие святого Стефана, епископа Пермского», СПб., 1897 (далее —«Житие»), стр. 39 («Пан сотник»).

[4] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, Пг., 1915, стр. 291.

[5] См. НПЛ, стр. 355—356 (1342 г.); ПСРЛ, т. IV, вып. III, стр. 603 (1364 г.). Ср. «Житие», стр. 87.

[6] Название «зыряне» для обозначения вычегодских коми установилось в русском языке только в XVI в.

[7] ААЭ, т. I, СПб., 1836, № 94, стр. 73—75.

[8] «Житие», стр. 35, 47.

[9] *А. М. Гневушев*. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914, стр. 307.

[10] *Павел Иовий Новокомский*. Книга о московитском посольстве, СПб., 1908, стр. 261—262.

[11] ГВНиП, № 84, ср. № 85.

о чем свидетельствуют названия Щучье озеро, ручей Рыбья и т. п.[1]; на Печоре ловили «красную» рыбу — семгу.

В районе Выми имелись соляные источники; на Печоре были залежи брусяного камня, в районе Гама — железная руда.

Основным занятием коми были охота и рыбный промысел: промышляли все, «елико еже в водах и елико на воздусе, и елико в блатех, и в дубравах, и в борех, и в лузех, и в порослех... и прочих лесех, и все, елико на древесех»[2]. Излишки охотничьей добычи шли на обмен, главным образом русским купцам. О развитии рыболовства свидетельствуют найденные на городище Карамыльк (XIII в.) железные крючки, острога и костяная игла для вязания сетей[3]. Знал народ коми и землецелие, о чем говорят данные археологии[4], а также упоминание больших запасов «сухой соломы» у вымских коми[5]. Впрочем, земледелие не было господствующим в хозяйстве, и еще в конце XIV в. коми не раз получали хлеб из Вологды[6]. Коми разводили коров, лошадей, овец[7].

Еще до прихода русских коми разрабатывали местную железную руду[8]. Коми занимались и ремеслом; Епифаний упоминает у коми «великие уразы» и «топоры об одну страну остры»[9]. На войне и охоте коми пользовались главным образом луками и «смертоносными» «прямолучными стрелами»[10] с железными наконечниками. Из железа же выделывались различные предметы промыслового снаряжения и домашнего обихода (ножи, гвозди, ножницы, удила, шила и т. д.), лемехи[11]. Медь и бронза, вероятно, тоже местного происхождения, шли на женские украшения: бубенчики, перстни, браслеты и др.[12] Керамика у коми стояла на невысоком уровне производства. Гончарный круг едва ли был известен[13]. Умели коми выделывать кожу посредством железных скребков и шил, изготовлять ложки[14]. О ткачестве свидетельствуют глиняные пряслица, найденные в Карамыльке[15].

---

[1] *А. М. Гневушев.* Указ. соч., стр. 307, 327.
[2] «Житие», стр. 47.
[3] «Записки Об-ва изучения Коми-края», вып. 1, Усть-Сысольск, 1928, стр. 8, 11.
[4] Там же, стр. 7.
[5] «Житие», стр. 20.
[6] Там же, стр. 76.
[7] «Записки Об-ва изучения Коми-края», вып. 1, стр. 6, 8.
[8] Там же, вып. 2, Усть-Сысольск, 1929, стр. 10.
[9] «Житие», стр. 20, 27; «Записки Об-ва изучения Коми-края», вып. 1, стр. 22.
[10] «Житие», стр. 25.
[11] «Записки Об-ва изучения Коми-края», вып. 1, стр. 7—9, 22—23.
[12] Там же, стр. 11—12, 17—23, 27.
[13] Там же, стр. 12—13, 23—24, 28.
[14] Там же, стр. 8, 9. Сапожник упомянут в жалованной грамоте 1490 г., данной пермскому епископу Филофею. Архив ИИАН, Акты Савваитова, № 1.
[15] «Записки Об-ва изучения Коми-края», вып. 1, стр. 12.

Положение земли коми на путях в Зауралье и обилие в вычегодских и печорских лесах пушного зверя очень рано втянули коми в сношения с соседними народами, стоявшими на более высоком уровне культуры,— волжскими болгарами и особенно русскими, которых привлекали в Пермь в первую очередь ее пушные богатства. Археологами отмечено весьма сильное влияние славян на культуру коми (в керамике, производстве украшений и т. п.)[1].

Коми, повидимому, жили разбросанными по лесам поселками. Но имелись и укрепленные городки — погосты, куда можно было скрываться на случай нападения. Иногда они служили и религиозными центрами округи[2]. Первоначально городки были убежищами и местами культа отдельных родов, но в XIV в., наряду с такими родовыми городками, возникли и центры племенного объединения. Такова была Усть-Вымь — «Старая Пермь»[3].

Патриархально-общинная организация у коми переживала период разложения. Во главе общин стояли «старцы»[4], иначе называвшиеся в русских источниках «сотниками»[5]. Из родо-племенной знати новгородцы вербовали низших административных агентов в Перми.

Племенная дифференциация коми в конце XIV в. проявлялась довольно отчетливо[6]; известны объединения коми на Сысоле, Выми, Вычегде[7], Удоре[8]. Имелись и признаки зарождения феодальных отношений. Из среды общинников выделилась землевладельческая знать — князья. Таковы князья великопермские и вымские. О размерах их землевладения до нас дошли лишь отрывочные сведения.

Религиозные представления коми были несложны; они наделяли сверхъестественными свойствами отдельные предметы неодушевленной природы, поклонялись деревьям[9], о также «кляняхуся зверем»[10]. Большое место в культе коми занимала лягушка, которая была, как полагают, посвящена луне[11]. Эти верования, несомненно, тесно связаны с древним родовым тотемизмом.

---

[1] «Записки Об-ва изучения Коми-края», вып. 1, стр. 14, 21, 27.

[2] *А. М. Гневушев.* Указ. соч., стр. 289, 334, 338.

[3] «Книга большому чертежу», М.—Л., 1950, стр. 163, 164, 168, 181.

[4] «Житие», стр. 31.

[5] Там же, стр. 39.

[6] Там же, стр. 9.

[7] Акты исторические (далее АИ), т. I, СПб., 1841, № 261, стр. 490.

[8] ААЭ, т. I, № 94, стр. 73—75.

[9] *Е. Голубинский.* История русской церкви, т. II, ч. 1, М., 1900, стр. 283; ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, СПб., 1911, стр. 423.

[10] ПСРЛ, т. XXII, стр. 423.

[11] «Записки Об-ва изучения Коми-края», вып. 2, стр. 9.

На культ мертвых у коми в XIV в. косвенно указывает известие о том, что у многих из них был кумир «в своем дому»[1]. Эти домашние боги, вероятно, были изображениями предков. Культ предков — покровителей домашнего очага — свидетельствует о начавшемся процессе разложения патриархальной родовой общины. Мертвых сжигали в срубах.

Находки оружия и других предметов захоронения говорят о вере коми в загробную жизнь.

Кроме того, по представлению коми, всю природу населяли всевозможные духи — «мнози бози, мнози поспешницы, мнози поборницы», которые якобы давали им успех в охоте, рыболовстве и т. д.[2] Для борьбы против злых духов служили амулеты с изображениями богов и тотемов.

К концу XIV в. наметился переход от многобожия к дуализму. Появился миф о борьбе Ена (начало добра) с Омолем (начало зла), в результате которой был создан мир.

Как и у других народов, находившихся на той же ступени развития, сверхъестественные силы воплощались в виде идолов. Это были по большей части деревянные «болваны истуканные, изваянные, издолбленные, вырезом вырезанные». Общечтимые кумиры хранились в избушках, которые в сочинениях русских монахов именовались «кумирницами»: «нарочитая кумирница» стояла, например, близ Усть-Выми в очень важном пункте — на пути с Вычегды на Печору и в Зауралье[3]. При особо чтимых святилищах пребывали «кумирники»[4].

В культе большую роль играла магия, посредством которой шаманы, «кудесники», «волхвы», «чаротворцы» якобы входили в общение с духами. Влияние шаманов было очень велико; главный противник христианства Пан (Пам) был одновременно и сотником и кудесником, т. е. соединял в своих руках верховенство в общине и функции шамана — явление, довольно часто встречающееся в родо-племенных общинах[5].

Итак, в XII—XIV вв. коми переживали период разложения патриархально-общинного строя и становления феодальных отношений. Экономическое и культурное сближение с русским народом содействовало развитию народа коми.

---

[1] «Житие», стр. 75.
[2] Там же, стр. 47.
[3] Там же, стр. 27.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 39.

* * *

На берегах Белого моря располагались кочевья ненцев, или «самоедов», как их называли новгородцы. С канинскими ненцами (жившими на Канином полуострове) в устьях Онеги, а также с ненцами по берегам Белого моря и на Печоре новгородцы познакомились очень давно. Путь в землю печорских ненцев по Двине — Пинеге — Мезени — Цыльме — Печоре был известен еще до XI в., так же как и путь через их область «за самоядь», т. е. в пределы Сибири.

Великокняжеские сокольники появились на Печоре в XIII в., и можно думать, что ненцы уже принуждены были платить дань не только новгородскому боярству, но и великим князьям в погост Кегрольский Волок на Пинеге или в какой-нибудь великокняжеский городок на Печоре.

Некоторые сведения (наряду с фантастическими выдумками) об образе жизни приуральских «каменьских» ненцев можно найти в более поздних источниках. Ненцы жили родами; перед тем как перекочевать из одного места в другое, они совершали служение своим идолам, каждый род в своем чуме, причем жрецом у них был старейший по возрасту; ненцы беспрекословно подчинялись ему, считая его выразителем воли богов.

Позднее часть ненцев достаточно хорошо говорила по-русски — признак длительного общения с русскими[1].

Соседями ненцев была так называемая югра, в XI в. жившая по обоим склонам Северного Урала. Путь к югре лежал по Печоре, на нижнем течении которой обитали ненцы, а выше — печора, одно из племен коми-зырян. Границы кочевий югры под натиском коми-зырян и Руси сильно изменились. Многие географические названия тех мест по Вычегде, Выми и другим рекам, которые заняты были в XI—XV вв. коми, не находят объяснения в их языке, а должны быть отнесены в югре, которая когда-то заходила даже на левый берег Двины. Потрачено много усилий для выяснения того, какой народ разумели наши источники под уграми или юграми. Следует признать, что название это происходит из языка коми-зырян.

Кроме известий о походах новгородцев «в югру» и избиении их даньщиков, летописи дают мало других сведений о югре, случайное же упоминание в 1193 г. о югорском князе и наличии двух «городков» у югры, где потерпела неудачу новгородская рать, не позволяет еще делать какие-либо заключения о социальном строе и быте югры. Во всяком случае даннические отношения ее к Новгороду были слабыми.

---

[1] *А. А. Титов*. Сибирь в XVII в. М., 1890, стр. 6.

11

НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

На развалинах тюркского каганата в середине VIII в. возникло новое временное и также непрочное военно-административное объединение — Уйгурское ханство, глава которого Пэйло нанес поражение тюркам и положил конец их господству в Восточной Монголии (745). Ядро этого объединения составляли уйгурские тюркоязычные племена. Власть Уйгурского ханства распространилась от Алтая до Маньчжурии и до великой пустыни Гоби на юге. В его состав входили десять племен уйгуров и девять племен огузов, а с 758 г. и земли кыргыз-хакасов.

Из сообщений китайской летописи (X в.) можно заключить, что уйгуры, в основном кочевники-скотоводы, знали и пашенное земледелие, сеяли пшеницу. Часть уйгуров занималась и ремеслами: выделывали особого рода бумагу из пеньки; в летописи упоминаются также железо, латы, тонкая шелковая ткань, белая ткань (бо-дэ). Уйгуры имели собственный алфавит, свою письменность. Преобладающей религией здесь был шаманизм. Известны были уйгурские города — Байбалык на р. Селенге, Хара-Балгасун на р. Орхон — столица ханства.

Уйгурское ханство не было долговечно: уже в 80-х годах VIII в. внутренние раздоры племен и вторжения тибетцев привели его в упадок. Конец Уйгурскому ханству положили кыргызы-хакасы. В 840 г. они разбили уйгуров и заняли их столицу на Орхоне. Уйгурские племена распались — часть уйгуров признала власть кыргызов, 13 родов подчинились Китаю, 15 аймаков ушли к карлукам, остальные— в Тибет и Ань-Си; в 60—70-х годах IX в. восточные уйгуры захватили часть китайского Туркестана — Кара-Хочжо и Бишбалык.

Народ кыргыз, выступающий в качестве сильного врага восточного тюркского каганата и Уйгурского ханства, имеет весьма древнее происхождение. Первое упоминание о кыргызах находится у древнейшего китайского историка, «отца истории в Китае», Сы-ма-цяня в его труде «Исторические записки», законченном в 99 г. до н. э. Они жили, видимо, южнее р. Енисея, в соседстве с народом динлин (далекие предки енисейских кето-язычных племен). Затем сведения о кыргызах появляются в истории китайской династии Тан (Тан-шу), правившей с 618 по 907 г. В китайской транскрипции танского времени слово «кыргыз» передавалось как «хягас».

Владения кыргызов простирались на востоке до области народа гулигань, жившего у Байкала (в Орхонских надписях — «курыканы»; они входили в состав ранних исторических предков якутов); на западе их

ограничивали Алтайские горы, на юго-востоке — Саянский хребет. Бывший Минусинский уезд и территория Тувинской области входили в то время в страну кыргызов. Западными соседями кыргызов на территории Казахстана были кимаки, тоже тюрки по языку, западной ветвью кимаков — половцы [1]. Северными соседями кыргызов, по сообщению китайской летописи, был народ бо-ма. Бо-ма отличались от кыргызов по языку, брили голову, носили берестяные шапки, жили в срубных жилищах, покрытых берестой. В качестве соседей кыргызов упоминаются и карлуки. На юго-востоке от кыргызов находились уйгуры. Их владения простирались от р. Селенги к западу. К востоку от кыргызов, к северу от уйгуров, между Косоголом и верховьями Енисея, жили племена дубо. Китайские известия причисляют дубо к тюркам, причем отмечают наличие у них «деревянных лошадей», т. е. лыж. Вероятно, это были племена саянских самоедов.

Вместе с кыргызами древнетюркские источники упоминают для VIII в. еще народы чик и аз. Первый, видимо, жил к югу от Саянского хребта, по истокам Енисея. Второй, аз, упоминаемый иногда вместе с тюргешами (ветвью которых он являлся), жил, вероятно, между Саянским хребтом и Алтаем. На юге соседями кыргызов были тюрки — огузы и часть карлуков. Кыргызы соседили с народами чигили и тухси, жившими в Семиречье (чигили жили на северном берегу Иссык-Куля, тухси, являвшиеся ветвью тюргешей,— в долине р. Чу). Население, обитавшее на территории кыргызов, не было однородным. Так, например, жители территории Восточных Саян (современные районы: Конский, Нижнеудинский, Зиминский, Черемховский и северная часть Иркутского), по сообщению китайской летописи, хотя и походили на кыргызов (хакасов) по внешнему виду, но говорили на ином, т. е. не тюркском, языке.

На основании отрывочных данных китайских летописей можно заключить, что кыргызы представляли военно-административное объединение племен, обитавших по верхнему течению Енисея. В половине VII в. они находились в политической зависимости от Китая. В это время Китай достиг большого могущества, ему были подчинены все земли, которые входили в состав объединения древних тюрков. Земли кыргызов составили отдельную область, которой было дано китайское название Гянь-гунь. Однако фактическая власть в этой области находилась в руках прежних предводителей, считавшихся теперь китайскими правителями, подчиненными китайскому наместнику.

В 758 г. кыргызы стали политически зависимыми от уйгуров. Глава их племен получил титул от уйгурского хана и уже не назывался больше

[1] См. гл. 4, § 1 настоящего издания.

каганом. Однако борьба не прекратилась. Кыргызы представляли многочисленное объединение, имевшее возможность выставить до 80 000 воинов. В результате длительной и упорной борьбы они при помощи Китая уничтожили господство уйгуров (840 г.). Господство кыргызских ханов, или каганов, над Монголией длилось до начала X в.

Летопись Таншу сообщает сведения о быте, хозяйстве и торговле кыргызов этого периода. «Меха собольи и рысьи составляют богатое одеяние. Ажо (глава кыргызов.— *Ред.*) зимою носит соболью шапку, а летом шляпу с золотым ободочком, с коническим верхом и загнутым низом. Прочие носят белые валяные шляпы. Вообще любят носить на поясе точило (для точения ножей.— *Ред.*)... Низшие одеваются в овчинное платье и ходят без шляп. Женщины носят платье из шерстяных и шелковых тканей... Зимою живут в избах, покрытых древесною корою... Питаются мясом и кобыльим молоком». Далее сообщается, что кыргызы-хакасы «сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень... Муку мелют ручными мельницами... Нет ни плодов древесных, ни овоща огородного... Лошади плотны и рослы... Есть верблюды и коровы; но более (разводят.— *Ред.*) коров и овец...»[1]

В сельском хозяйстве кыргызы продолжали развивать те отрасли производства, к которым перешло население Минусинской котловины еще во второй половине I тысячелетия до н. э. Костный материал могил (кости лошади, быка, овцы) подтверждает сведения китайской летописи о значении скотоводства. Однако скотоводство теперь носило иной характер. В отличие от более раннего, полуоседлого, скотоводство у кыргызов стало настоящим кочевым. В течение круглого года скот перегоняли с пастбища на пастбище в зависимости от наличия травы и воды. Перекочевки делались все более далекими. Появилось войлочное разборное жилище — кибитка.

Техника земледелия, судя по археологическим данным, также становится более совершенной. Обработка земли в VII в. велась уже не ручными мотыгами, а деревянными сохами с железными сошниками. Эти земледельческие орудия требовали применения тягловой силы животного. Различные типы железных серпов свидетельствуют об успехах и в технике сбора урожая. Каменные доски-зернотерки сменялись парными вращающимися жерновами. Территория распространения находок железных земледельческих орудий показывает, что плужное земледелие кыргызов проникало и в засушливые районы. В этих местах устраивались оросительные сооружения. Остатки их в виде канав и каналов (длиной иногда до 40 километров) многочисленны в Минусин-

---

[1] *Н. Я. Бичурин (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 350—357.

ском крае. Подобные сооружения имеются и на территории современной Тувинской области. Здесь сохранились также и большие каналы, игравшие роль водных распределителей. Вода в эти каналы бралась иногда очень высоко в горах и проводилась через встречные возвышенности по проделанным в них водостокам (следы каменной кладки и подпорных стенок на утесах и высеченные в скалах лотки). По некоторым речкам у головной части оросительного сооружения сохранились остатки водонапорных плотин, сложенных из камня. Эти гидротехнические сооружения, а также вымощенные камнем дороги (например, дорога, соединявшая Улу-кем и Кемчик, дорога по левому берегу Енисея на участке выше Кемчика), сооруженные по типу искусственных водостоков, характеризуют уровень строительной техники в стране кыргызов-хакасов.

Наряду с земледельческой общиной существовала племенная аристократия, представители которой имели по нескольку тысяч голов скота. Мелкие племена и роды, жившие в таежных районах, были подвластны кыргызам и платили им дань пушниной — соболями и белками.

Часть населения, обитавшая в горной тайге и по долинам больших рек, занималась охотой и рыболовством.

Кроме земледелия и скотоводства, в хозяйстве кыргызов видное место занимали ремесла, среди которых главную роль играло кузнечное дело. Китайская летопись сообщает о наличии в стране хакасов золота, железа, олова. Железо добывалось по р. Енисею и его притоку Абакану в горах Кузнецкого Ала-тау, а также у западных отрогов Салаирского кряжа, где разрабатывались бурые и красные железняки. Памятниками железоделательного производства являются многочисленные «ямы» (железные рудники) в Минусинской котловине и на Алтае. В районе р. Тубы, у г. Минусинска и в других пунктах, найдены остатки старинных сыродутных горнов, скопления шлаков, куски железной руды и т. п. Эти находки говорят о развитом железоделательном ремесле, обслуживавшем как потребности земледельческого сельского хозяйства (железные сошники, серпы и т. д.), так и военного снаряжения. Разрабатывалось, видимо, только россыпное золото (находки по притокам р. Ани). Добывалось также серебро.

Изделия по качеству были не ниже продукции других ремесленных центров Центральной Азии. Китайцы сообщают, что выкованные кыргызскими кузнецами железные орудия были столь остры, что могли пронзить кожу носорога. Кыргызские ремесленники выделывали оружие для императорского двора Китая.

Оружейники делали своеобразные енисейские брони. Серебряных и золотых дел мастера ковали, чеканили и отливали прекрасные серебряные и золоченые кубки, чаши, стремена, отделку сбруи. Возникло

горшечное дело с применением гончарного круга. Наконец, имелись специалисты каменотесы и резчики.

О торговых сношениях кыргызов имеются известия в китайских летописях и у мусульманских авторов. При археологических раскопках по Енисею найдено большое количество металлических изделий китайских ремесленников (главным образом предметы роскоши, украшения) и много китайских монет, особенно династии Тан (618—906). Кыргызы находились в дружественных торговых связях с Даши (арабы), Туфанью (тибетцы) и карлуками. Летопись Таншу сообщает, что каждые три года к кыргызам приходило из Даши до двадцати и более верблюдов с узорчатыми шелковыми тканями; ткани на Енисей привозились также из Кучи и Бэй-тина, т. е. Бишбалыка, принадлежавшего уйгурам.

Кыргызы вывозили пушнину, железные изделия, золото, мускус, меха, березовое дерево и «рог хуту», употреблявшийся для выделки рукояток ножей (имеются в виду доставлявшиеся кыргызами с севера клыки моржа и бивни мамонта).

Китайские источники сообщают, что кыргызы имели письменность. Видимо, это было высшее достижение центральноазиатской культуры того времени— знаменитое орхоно-енисейское письмо. Кыргызы обладали развитым, реалистическим в основе, изобразительным искусством с собственными художественными традициями, выросшими на базе так называемого скифо-сибирского стиля. В искусстве кыргызов прослеживаются связи с современным ему искусством Китая. Кыргызам был известен и календарь. Календарный цикл состоял из 12 лет. Каждый год обозначался именем животного (год зайца, год лошади и т. д.). По религии кыргызы были шаманистами, хотя в конце IX в. к ним частично стал проникать ислам, который распространения не получил.

Земледельческое население вело оседлый образ жизни. В Минусинском крае известен ряд городских поселений, окруженных небольшим земляным валом, расположенным на равнине, и сохранивших остатки жилых сооружений. Напротив, племенная аристократия кыргызов, обладательница многочисленного скота, вела полукочевой образ жизни, что подтверждают китайские известия и исследования богатых погребений этой эпохи. О постоянных передвижениях «эля» говорят как китайские известия, так и кыргызские надписи. Эль в широком смысле являлся военной организацией степной племенной аристократии, опиравшейся на родовую знать, возглавляемой у кыргызов ханом и каганом. В узком смысле — это тот или другой аристократический род. Его главное богатство составляли стада, добыча на войне, рабы, при помощи которых велось личное хозяйство крупных владельцев.

Война как средство обогащения определяла политику кыргызской аристократии. Патриархально-родовые традиции давали возможность аристократии широко вовлекать массы рядовых членов родов в свои военные предприятия. Поэтому они были так страшны для тех, против кого направлялись. Достаточно вспомнить опустошительные набеги на Китай. Но господство кыргызов в восточной части Центральной Азии было недолговечным. Уйгуры еще смогли организовать им отпор. Кыргызский ажо (племенной вождь) был вынужден вернуться с Орхона (куда он перенес свою ставку после победы над уйгурами) на Енисей. В начале X в. господство в восточной части Средней Азии перешло к кытаям или киданям. С упадком власти кыргызов Монголия приобрела в общих чертах тот этнический состав населения, который она сохраняет до сих пор. В течение последующих пяти веков кыргызы упоминаются в различных исторических источниках обитающими на Енисее к северу от Саянского хребта. В начале XIII в. они были подчинены Чингис-ханом, но в его походах участия не принимали.

* * *

Кидане, по терминологии восточных авторов — «черные китаи» (кара-китаи), жили в Северном Китае, откуда и стали распространяться в начале X в. К половине XI в. их государство простиралось на запад до Алтая. Однако северо-западная Монголия и енисейские кыргызы находились от них лишь в номинальной зависимости. Только в первой половине XII в. кидане овладели Енисеем, Алтаем и Южным Семиречьем[1]. Северная часть Семиречья принадлежала карлукским ханам.

Кидане перенесли в покоренные им области многие элементы китайской культуры, усвоенной ими на своей прежней родине — Северном Китае. Господство киданьских завоевателей тяжело отразилось на экономическом положении местного населения. Кидане ввели систему подворного обложения местного населения, исчислявшую налоги в денежных единицах. По свидетельству персидского историка XIII в. Джувейни, киданьские сборщики «сильно притесняли народ». Память о владычестве китаев местами сохранилась в преданиях некоторых наших народностей, например алтайцев.

Найманы выдвинулись на арену исторической жизни восточной части Центральной Азии к концу XII в., когда могущество киданей уже ослабело. Найманы были монголоязычными и кочевали на обширных пространствах между Хангаем и Алтаем. Их владетели оттеснили киданей, и политическое влияние найманского военно-административного

[1] См. гл. 4, § 1б настоящего издания.

объединения, состоявшего в основном из монголоязычных племен и родов, имело границей на западе р. Иртыш, а на юге — Восточный Туркестан. Владычество найманов было уничтожено Чингис-ханом. Бо́льшая часть их племен и родов рассеялась и постепенно ассимилировалась в среде различных тюркоязычных племен и народностей (алтайцы, казахи, киргизы), полностью утратив свой язык.

12

НАРОДЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Известия о племенах, населявших в прошлом территорию нашего Дальнего Востока, сохранились в китайских летописях. В них сообщается, что между Кореей и Амуром издавна обитали племена сушень, которые позже назывались илоу, уги, а в сунское время — мохэ. Мохэсцы делились сначала на семь племен, потом на шестнадцать. Наиболее сильным из них было племя сумо, обитавшее в верховьях р. Сунгари (Сумо) и хэй-шуй-бу, «чернореченцы», заселявшие долину Амура («Хэйшуй» — «Черная река») вниз от устья р. Сунгари.

Мохэские племена по языку принадлежали к тунгусо-маньчжурской группе. Южная группа мохэсцев находилась под влиянием Китая и Кореи. Они разводили лошадей и свиней, знали земледелие. Племена, рассеянные в бассейне Уссури и по нижнему течению Амура, не подчинялись Китаю и управлялись родовыми старейшинами. Потомками их являются нанайцы (гольды), обитающие сейчас по рекам Уссури и Амуру около Хабаровска.

Соседями мохэ были кидане, шивэй и ха. Эти племена, потомки древних дунху, по языку принадлежали к монгольской группе, но издавна перемешались с тунгусо-маньчжурами. По хозяйству и образу жизни они делились на разные группы. Шивэй, жившие южнее Амура к западу от мохэ, были хорошо известны китайцам: с 544 г. они приносили дань китайскому двору. Расселение племен шивэй рисуется, по китайским данным, в следующем виде: южные шивэй — в районе нынешнего Цицикара, по притокам р. Нонни, и на запад вплоть до озера Далай-нор; северные шивэй — по Амуру, от устья Сунгари и до Айгуня; остальные племена — на запад и север от северных шивэй.

Из летописи известно, что южные шивэй сеяли просо, пшеницу, полбу и ели квашеный хлеб; разводили свиней и коров, лошадей у них было мало, овец не имели совсем. Значительное место в экономике занимала охота.

Китайская летопись о земле южных шивэй сообщает: «Лук для стрельбы употребляют роговой; стрелы их очень длинны... В шивэйском

владении мало воровства. За украденное доправляют вдвое... Трупы умерших кладут в лесу на деревьях»[1]. Шивэй делились на многочисленные роды, во главе которых стояли старейшины. По смерти старейшины его место наследовал сын или старший брат. Если у старейшины не оставалось родственников, то сородичи выбирали ему заместителя «по способностям и богатству»[2]. Таким образом, внутри патриархального рода здесь существовало имущественное неравенство, а власть старейшин, представлявших собой зачаток родовой аристократии, была наследственной.

В VII в. китайская летопись упоминает оленеводческий народ увань, видимо, предков современных тунгусов (эвенков). Этот народ жил к северу от мохэ, к северо-востоку от киданей, т. е. в верховьях Амура и севернее, в таежной полосе Сибири.

В конце VII в. на территории нашего Дальнего Востока возникло первое государственное образование — Бохай. Его возглавил Цацик Чжун-сян, мохэсец по происхождению, являвшийся одним из вассальных князей в северо-корейском государстве Гаоли. После разгрома Гаоли китайскими войсками он ушел со своим племенем на северо-восток, а в 696 г. был признан китайским императором в качестве самостоятельного правителя.

В VIII—IX вв. Бохайское царство значительно расширилось, выросло как в культурном, так и в политическом отношении и превратилось в могущественное государство. На юге оно достигало середины Кореи, на востоке — океана, на западе — Нингуты, на севере захватывало Южноуссурийский край, включая в свои пределы нынешние районы Владивостока и Ворошиловска. Среди господствующего класса Бохайского государства значительное место занимали потомки выходцев из Гаоли, а массу населения составляли мохэсцы.

Сельское население возделывало гаолян, бобы, хлебные злаки, разводило домашний скот, занималось различными промыслами. Существовали города, бывшие центрами административно-хозяйственной и культурной жизни. Бохайцы имели пять столичных городов, 15 подчиненных им больших и 60 малых округов. Главная столица первоначально располагалась недалеко от Нингуты, а впоследствии ее перенесли в Дунь-цзинь на р. Муданцзян в стране племени воцзюй.

О характере крупных городских поселений дают наглядное представление вещественные памятники долины Уссури, где находился центр области Шуайбинь Бохайского царства. Здесь сохранились развалины городов и крепостей, следы рвов, больших благоустроенных

---

[1] *Н. Я. Бичурин*. Указ. соч., т. II, М.—Л., 1950, стр. 76—77.

[2] Там же, стр. 77.

дорог. Около городов встречаются также богатые могильники знатных лиц, украшенные, по китайским обычаям, монументальными памятниками, статуями людей и животных. Повсеместно находят китайские и корейские монеты, древнюю утварь и оружие. Развалины главного в области бохайского города, также называвшегося Шуайбинь, расположены непосредственно около г. Ворошиловска и занимают большую площадь. Город был обнесен валом с бастионами, выступами и рвами. На площади городища хорошо заметны фундаменты старинных построек, сложенных из кирпичей темносерого и синеватого цветов, отличающихся значительной крепостью. Крыши домов делались из черепиц, сохранивших на внутренней поверхности отпечатки рогожных тканей. Отдельные здания занимали иногда площадь до 350 квадратных метров. Город этот был основан между 713—742 гг. и погиб в результате длительной осады чжурчженями.

По берегам Уссури и Амура разбросаны также остатки многочисленных сельских поселений. В них нередки следы жилищ в виде землянок, заполненных костями домашних и диких животных, рыбьими костями и черепками характерных сосудов двух типов. Посуда частью грубая, черного цвета, а частью изящной формы и совершенной выделки, изготовленная на гончарном круге, серого цвета, с лощеной и орнаментированной оригинальными тиснеными узорами поверхностью. Около землянок обычно встречаются железные шлаки — следы металлургического производства. Известны и одновременные поселениям могильники со своеобразными украшениями и характерной утварью.

Согласно китайским источникам, главой государства был правитель с титулом князя — Бохай-цзюнь-ван. Гражданское управление осуществляли чиновники, во главе которых находились два министра, «правый и левый». Бохайское государство находилось в номинальной зависимости от китайской Срединной империи, с которой поддерживало тесные культурные связи. Бохайцы рано заимствовали письменность из Китая, у них существовали школы при сельских храмах и собственные ученые.

Могущество Бохая было поколеблено, а затем и уничтожено киданьскими племенами, возвышение которых относится к первой половине IX в. В это время среди киданьских племен возникают первые зачатки государственной организации.

В начале X в. Танская империя в Китае рухнула. Северная ее часть была завоевана киданями, что привело к расширению Киданьского государства. Государство получило с 947 г. китайское название Ляо (железное); в нем были основаны по бохайскому образцу пять столиц.

В 20-х годах X в. глава киданей Амбагянь разбил бохайцев и захватил всю западную часть их государства. Бохайцы сохранили только

часть своих владений на северо-востоке Маньчжурии и на юге Уссурийского края. Бохайский округ Шуайбинь оставался независимым вплоть до возвышения чжурчженей. Племена мохэ, обитавшие близ устья Амура и в Северной Маньчжурии, также были независимы от киданей, с которыми они поддерживали торговые связи.

В середине XI в. владения киданий на Востоке простирались до моря, на севере — до Кэрулэна, на юге — до Ордоса. Однако государство киданей, лишенное прочной экономической базы, представлявшее собой пестрое политическое и этническое объединение, после трехвекового существования распалось почти так же быстро, как возникло.

Уже при седьмом киданьском императоре Синь-Цзуне (1031—1055) положение страны стало очень напряженным. Налоги и подати были непомерны. Жестокое угнетение трудящися масс покоренных племен и народов, мздоимство чиновников привели страну к полному обнищанию и служили причиной непрерывных восстаний. Толчком к распаду государства киданей явилось восстание нюйчжи, или чжурчженей.

Нюйчжи были одним из племен мохэ, обитавшим в Северной Маньчжурии и входившим в VIII—IX вв. в состав Бохайского, а в X—XI вв.— Киданьского государства. Земля нюйчжей славилась обилием дичи и ценного пушного зверя. Обитатели ее занимались хлебопашеством, скотоводством и охотой. Они умело выслеживали зверей и ловили оленей, приманивая их к себе с помощью трубы из бересты. Жили нюйчжи уже не в первобытных землянках, а в деревянных жилищах. Жилища отапливались печами и имели вдоль стен широкие скамьи — каны, под которыми проходил горячий воздух из печей. Остатки жилищ такого типа с канами, выложенными плитняком, встречаются во многих местах по Амуру. Жилища нанайцев и других племен Приамурья имеют аналогичное устройство. Летнее платье нюйчжи шили из холста, зимнее — из мехов, а также из рыбьих шкур. У нюйчжи существовало многоженство. В случае болезни призывали шаманов, а иногда больных выбрасывали в горы. Со временем у них выделилась сильная родоплеменная аристократия. Существовало патриархальное рабство. При похоронах знатных сжигали живыми их рабов, любимых слуг и служанок.

Нюйчжи заметно выделялись из числа своих более отсталых соседей. Они, несомненно, многое унаследовали от культуры бохайского времени. Многим они были обязаны и своим старым связям с Китаем и корейцами. Не удивительно поэтому, что нюйчжи смогли не только быстро возвыситься, но и создать сложный государственный аппарат, собственную письменность и литературу. Постепенно усиливаясь, нюйчжи стали опасными соперниками киданей. Множество народа бежало от киданьского гнета в земли нюйчжей. В 1113 г. князь нюйчжей

Агуда порвал отношения с императором киданей. Он рассчитывал не только на свои собственные силы, но и на глубокую ненависть к киданям подвластных им многочисленных народов. Важным мероприятием Агуды была отмена долгов и долгового рабства.

Все города Северо-Восточной Маньчжурии один за другим передались Агуде; киданьские войска либо терпели поражения, либо сдавались без боя. В 1115 г. он объявил себя императором и дал своей династии название Цзинь (золотая). К 1118 г. за киданями остались только Монголия и север Китая. Агуда организовал управление и пышный двор по китайскому образцу, реорганизовал армию, учредил военный совет, ввел чжурчженский алфавит. В 1120 г. Агуда двинулся на запад и после ряда побед к 1122 г. захватил все пять киданьских столиц. Остатки киданей ушли на запад, где организовали государство западных (Ляо) или кара-китаев, просуществовавшее до 1204 г.

Таким образом, в течение одного десятилетия была разрушена империя киданей, простиравшаяся от Тихого океана до Орхона и Керулена. Агуда умер в 1123 г., оставив после себя огромную, но еще менее долговечную, чем Киданьская, империю. В состав Цзиньского государства входила большая часть Маньчжурии, Северного Китая и Монголии. В 1207 г. население империи состояло из 46 000 000 человек.

Наш Уссурийский край составлял в это время цзиньский округ Сюйпин. Центром его, очевидно, был г. Фурдунчэн, расположенный около бохайского города Шуайбиня, взятого и разрушенного цзиньцами. Развалины цзиньского города охватывают площадь в 56 гектаров. Они окружены с трех сторон валом и рвом. Поблизости находились монументальные надгробные сооружения, в том числе в виде черепахи (символ верности) с укрепленной на ее спине плитой, украшенной изображением дракона. В цзиньском городе был обнаружен также монумент с надписью в память о введении уложения по китайскому образцу. В цзиньское время Южноуссурийский край был, следовательно, относительно густо населенной земледельческой страной с городами, благоустроенными дорогами, первоначально сооруженными еще в бохайское время. Сказанное относится также к среднему течению Амура, где, например, у устья Зеи, находятся развалины городищ, аналогичные уссурийским. Между Уссури и Амуром обитало тогда племя тели, предки нанайцев (гольдов), на р. Хор — племя удягай, позднее называвшихся удэгейцами (удэхэ — у китайцев).

Северные границы империи определить трудно, они как бы расплывались в массе кочевых и охотничьих племен, плативших дань, но лишь условно входивших в состав подданных цзиньского императора. Таками данниками были многие племена и в долине Амура за исключением нижнего его течения, вовсе не подвластного Цзиньской империи.

В китайских географиях того времени низовья Амура описываются как некультурная страна, населенная «дикарями» цзелими (очевидно, гиляки-нивхи). Им должны были принадлежать остатки древних поселений в низовьях Амура. Здесь в изобилии встречаются кости рыб и диких животных, черепки глиняных сосудов с замечательным тисненым узором в виде геометрических фигур, змей, звездочек и розеток. Вместе с подобной керамикой находят железные шлаки, глиняные заслоны для деревянных труб (сопел) кузнечных мехов, каменные наконечники стрел и копий, костяные вещи.

Жестокая эксплуатация коренного населения Китая и подвластных народов и племен со стороны господствующего класса Цзиньской империи явилась одной из основных причин ее слабости и быстрого падения под ударами монголов.

13

НАРОДЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

В то время как обитавшие по соседству с Китаем мохэ оказывались в орбите китайской политики и культуры, на севере и северо-востоке от Амура жили другие племена, сохранившие в целости родовой строй. По причине отдаленности их территорий китайцы не сообщают сколько-нибудь подробных и точных сведений об этих многочисленных племенах.

Основным источником для изучения жизни древнего населения обширных областей Северного Сахалина, Камчатки, островов Берингова моря, Чукотского полуострова и всей арктической полосы Северной Сибири, жившего еще в условиях первобытно-общинного строя, кроме фольклора, служат археологические памятники. Последние, вследствие обширности территории, выявлены и обследованы еще далеко не полно и рисуют лишь общую картину прошлого северных племен.

На Сахалине, где жили предки айнов и, может быть, нивхов (гиляков), например, известно много древних поселений с остатками полуподземных жилищ. Одни из них, имеющие круглые очертания, врыты в землю на значительную глубину и окаймлены насыпным валом относительно небольшого размера (диаметр от 3 до 6 метров, глубина 1,5—2 метра). Другие землянки более обширны и имеют четырехугольную форму. Полом в них служит нетронутая почва, а стены образованы земляным валом, материал для которого был взят с внешней стороны землянок. По валу помещались столбы, поддерживавшие крышу. Пол во многих землянках покрыт утрамбованной глиной. В центре помещался прочный очаг, обложенный тремя-четырьмя крупными камнями.

В некоторых землянках встречалось много очагов, принадлежавших нескольким парным семьям одной родовой группы; известно также, что у айнов, например, женщины иногда имели свои очаги, отдельные от мужских.

Население пользовалось каменными орудиями и глиняной посудой. Поселения располагались по высоким берегам у озер и в устьях рек, богатых рыбой. Главным занятием жителей были рыболовство и охота. Тесное расположение жилищ в поселках, часто укрепленных особыми валами, большие размеры и характерное внутреннее устройство землянок объясняются условиями древнего родового быта, господствовавшего у айнов и нивхов (гиляков) вплоть до XIX в.

Подобные же памятники обнаружены на Камчатке, где жили ительмены (камчадалы) и приморские коряки. Известно, что в XVII—XVIII вв. на Камчатке культура неолита находилась еще в стадии расцвета.

Здесь известны архаические памятники, принадлежащие, несомненно, очень отдаленному времени. В бухте Тарья, близ г. Петропавловска, в Авачинской губе, были найдены сильно разрушенные кости животных вместе с многочисленными каменными изделиями (тесла из кремнистого сланца, ножи, скребки, наконечники стрел и копий, а также ножевидные пластинки). Самой замечательной находкой явились фигурные изделия из обсидиана. Они представляют отчасти схематизированные и вместе с тем реалистически трактованные изображения человека и животных. Все эти вещи имеют признаки, свойственные изделиям, относящимся по времени к развитому, но не позднему неолиту. Более поздние памятники распадаются на две группы — южную и северную, которые дают наглядное представление о жизни тогдашних обитателей Камчатки, предков ее позднейших насельников — ительменов, с одной стороны, коряков — с другой.

Одни из самых крайних на юге древних поселений Камчатки находятся у Курильского озера, окруженного вершинами погасших вулканов и горячими серными ключами. Поселения разбросаны по речкам, впадающим в озеро, и по его берегам и представляют остатки настоящих деревень.

Жилища имели очертания, близкие к прямоугольнику, со сторонами длиной от 7 до 9 метров. Вход был вытянутый в виде канавы и обращен к озеру. Эти землянки, как и более поздние, очевидно, служили только зимним помещением для нескольких родственных семейств. Длинным боковым входом пользовались, по всей вероятности, лишь женщины и дети. Мужчины влезали в жилье сверху через отверстие в потолке, одновременно служившее и для выхода дыма из очага. Одно жилище резко выделялось своими размерами среди остальных и, повидимому, служило общинным домом, где происходили родовые собрания и празднества.

Жители пользовались скребками и ножами из кремня и обсидиана, полированными топорами и теслами из сланца. Из камня выделывались наконечники стрел, грузила для сетей, песты и каменные лампы-жирники. Кость применялась для изготовления мелких домашних вещей (шильев, острий, наконечников стрел и частей гарпунов, а также блоков и прочих принадлежностей собачьей упряжки). Посуда выделывалась из глины и дерева. Сосуды украшались орнаментом и обладали плоским дном. В некоторых жилищах встречались своеобразные сосуды для варки пищи в виде котла с внутренними ушками. Такие сосуды имели широкое распространение и у соседних айнов. В деревянных сосудах пищу варили, опуская в них раскаленные камни.

Камчадалы встарину изредка получали железо от своих соседей — айнов. Владелец куска железа помещал его на шесте перед жилищем как признак своего богатства и выдающейся роли в роде. Каждый, кто владел хоть осколком железа, считался богатым и удачливым. Ковать железо жители Камчатки не умели; они клали холодный кусок металла на камень и другим камнем расплющивали его. Если у железной иглы ломалось ушко, камчадал выравнивал сломанный конец на камне и сверлил вместо поломанного новое ушко другой иголкой.

На севере Камчатки наиболее интересные находки сделаны по западному побережью полуострова, в долине небольших речек Кавран и Кулка. Здесь сохранились остатки древних поселений, окруженных земляными валами в виде сплошного кольца. В отличие от южнокамчатских землянок жилища здесь имели округлые очертания, приближаясь по форме к подземным жилищам коряков.

Здесь тоже господствовала культура позднего неолита. Жители умели выделывать глиняную посуду, шлифовать камень и в совершенстве владели техникой ретуши кремня. Внутри жилищ, на значительной глубине, найдены каменные наконечники стрел, наконечники дротиков, ножи, песты, молотки, топоры и тесла, лампы-жирники, грузила, точильце для полировки орудий. Среди каменных ножей выделяются тонко отделанные полированные ножи из сланца, служившие женщинам для кройки и других хозяйственных целей. Из кости выделывались разнообразные предметы домашнего обихода и охотничьего снаряжения: наконечники стрел, крючки, ножи, ложки, лопаты, мотыги, а также полозья и другие части саней.

Местная керамика отличается от керамических изделий юга Камчатки. Сосуды здесь круглодонные, наружные стенки их часто покрывались оттисками ткани или плетенки. Стенки сосудов были тоньше, а орнамент богаче и затейливее. Многие сосуды снабжались отверстиями для подвешивания и скрепления разбитых частей. Глиняные сосуды широко применялись и для варки пищи.

Как и южнокамчатские поселения, неолитоидные памятники севера Камчатки оставлены оседлыми охотниками и рыболовами, время от времени занимавшимися также промыслом морского зверя. Единственным домашним животным у них была собака, служившая для перевозок и поездок на специальных санях.

Поздненеолитические памятники Сахалина и Камчатки, взятые в целом, имеют много общего с оригинальными памятниками крайнего северо-востока Сибири.

Обитатели Арктики (предки эскимосов и приморских чукчей) тогда не знали иного материала для изготовления своих орудий и утвари, кроме камня, глины, кости, дерева, китового уса. Они умели шлифовать камень, в частности шифер, но большинство каменных орудий изготовлялось только путем оббивания и ретуши. С большим мастерством и художественным вкусом обрабатывалась кость, особенно бивни мамонта и моржовые клыки. Наблюдаются сильно стилизованные изображения человеческих лиц — масок, животных; есть примеры сочетания сплошного условного орнамента с реалистическими скульптурными формами животных, например белого медведя, тюленя. Известно было им и производство грубых глиняных сосудов.

Применялись многочисленные режущие и колющие орудия из кремня, полированные ножи и тесла, скребки, тяжелые мотыги из бивней для долбления льда и мерзлой земли, снеговые лопаты, скребки для шкур из плечевых костей собаки, керамика, каменные и глиняные лампы.

Море обеспечивало жителям арктического побережья основной источник их существования — обильную добычу тюленей и моржей. Мясо и сало морских млекопитающих употреблялись в пищу; из шкур шилась одежда и приготовлялись домашняя утварь и разные охотничьи снасти. Кость использовалась не только для изготовления орудий, но и как строительный материал. Сало моржей и тюленей в лампах-жирниках согревало и освещало внутренность хижин.

Весь быт приморских охотников, вся их культура дают замечательные образцы активного приспособления к природе Арктики еще всецело в рамках каменного века. Уже была известна добыча тюленей в ледяных продушинах при помощи поворотного гарпуна. Богатый орнамент на древнейших наконечниках гарпунов, очевидно, имевший магическое значение, также подчеркивает важность этого способа охоты в жизни населения.

По морю плавали на остроумно сконструированных лодках—открытой байдаре (уммиак) и закрытой лодке (каяк). Лодки делались из кожи, ввиду отсутствия дерева на полярном побережье. На охоте применялись также деревянный лук, в виде плоского стержня с выемками на концах для закрепления тетивы, и метательная дощечка.

Единственными домашними животными были собаки, которые шли в пищу; езда на собаках, повидимому, еще не была известна. Тяжелый груз перевозился самими охотниками на санях с костяными полозьями. Морской промысел, связанный с наиболее удобными для него пунктами, привел к прочной оседлости. В местах, богатых морским зверем и водной дичью, на мысах, по островам и в бухтах издавна разместились многочисленные поселки. Полуподземный характер жилищ был обусловлен суровым арктическим климатом. Самые старые жилища — прямоугольные, с каменным полом и деревянными стенами. Снаружи в них вел узкий проход, также выстланный каменными плитами.

К концу I тысячелетия н. э. развивается китобойный промысел, о чем свидетельствуют многочисленные находки специальных китоловных гарпунов. Стали разводить ездовых собак. Изменения в хозяйстве вызвали исчезновение некоторых типов орудий, утвари и украшений. Распространяются рыболовные крючки, костяные пластинки для лат, приспособления для ловли птиц, рыболовные сети, тяжелые полозья для саней, новые по типу скребки. Увеличивается количество полированных изделий из шифера.

Развивалась строительная техника. Жилища приобрели более крупные размеры. Характерны прямоугольные сооружения со стенами, построенными, вместо плавника, из камня, китовых костей и даже черепов моржей.

Наиболее поздние находки содержат уже отдельные железные вещи и непосредственно смыкаются с памятниками того времени, когда происходит соприкосновение арктических племен с русской культурой.

Промысел в открытом море требовал улучшенной техники и усовершенствованных способов охоты. Этот промысел был несравненно прибыльнее прежней прибрежной охоты на тюленей. С этим временем совпало наибольшее развитие общинного производства, но, с другой стороны, рост добычи и развитие обмена вели к распаду первобытного матриархального строя, к обособлению семьи.

Наличие усовершенствованного вооружения, в частности костяных лат, дает право вспомнить о преданиях, где упоминаются межплеменные столкновения, а также обмен, сопровождавшийся вооруженными стычками и всегда находившийся на грани разбоя. Согласно преданиям чукчи и эскимосы являлись на торг в полном вооружении и предлагали друг другу товары на конце копий или держали связки шкур в одной руке, а в другой нож, в полной готовности вступить в бой при малейшей тревоге.

Борьба старого и нового нашла яркое отражение в обычаях и мифологии. Особо следует отметить представления о женских божествах — «владычицах», занимающих центральное место в пантеоне эскимосов,

в частности о Седне. Седна является подводной владычицей. В ее распоряжении находится источник существования приморских жителей — морские звери и рыбы. И несмотря на это, в эскимосском фольклоре Седна рисуется в отвратительном виде. Ее наделяют уродливыми физическими и нравственными чертами. Седна мужененавистница, не хочет вступить в брак с мужчиной и находится в связи с злым духом или домашним псом. Семья ненавидит Седну и хочет убить ее, но она сама убивает свою семью. Такие представления о женских божествах отражали развитие элементов патриархально-родового строя.

Далеко на запад от Чукотского полуострова и от устья Колымы, вдоль побережья Ледовитого океана, в одинаковых физико-географических условиях и в более позднее время существовала культура, по основным чертам родственная эскимосско-чукотской. Эта культура раскрыта археологами на полуострове Ямал и в низовьях Оби.

Главными признаками этой культуры были: развитый морской зверобойный промысел (особенно добыча моржа); оседлые поселения в землянках у самого моря, чаще всего на мысах и в устьях рек; богатый костяной инвентарь, хорошо развитая керамика; наличие кожаной лодки типа эскимосского каяка; местами — применение костей кита в строительном деле. Архаическая приморская культура продолжала существовать и в первой половине II тысячелетия н. э. вплоть до появления русских.

В приморском поселке Саэн-Хале, относящемся к первой половине II тысячелетия, попрежнему преобладают вещи из кости, но нет каменных орудий и керамики. Зато уже относительно много металлических вещей и в том числе котлов, которые, очевидно, вытеснили глиняные сосуды. Найдены были и обрывки железной кольчуги, а также топоры и подвески, полученные, вероятно, путем обмена.

Обитатели тундры, оленеводы-ненцы в своих преданиях помнят об этих прибрежных жителях — охотниках на морского зверя, о их полуподземных жилищах в виде холмов на выдающихся в море мысах.

Три брата,
Три земляных хозяина,
Три брата на трех мысах живут.
Братья морского зверя
Китов, моржей, тюленей промышляют,—

рассказывает одна из ненецких сказок о занятиях обитателей приморских землянок. Оленеводы, с одной стороны, враждовали с ними, но, с другой — нередко вступали в брачные связи. Таким образом, обитатели приморских землянок также отчасти входят в число предков современных ненцев.

Для характеристики предков обских племен манси (вогулов) и хантов (остяков) весьма важны материалы раскопок у Оби, уже на окраине лесной полосы, близ г. Салехарда. Основным занятием местного населения были охота и рыболовство. Для охоты употреблялись стрелы разнообразной формы. На одном из найденных предметов вырезано изображение двух больших кинжалов с широким треугольным клинком. Часто встречаются костяные ножи и черенки для железных ножей. Имеются гарпуны с насадом, несомненно употреблявшиеся для охоты на морского зверя и крупную рыбу, и остроги.

Значительное место занимало в хозяйстве собирательство. Найдены костяные части землекопалок. Многочисленные терки и песты из камня применялись при растирании съедобных корней и ягод, для изготовления пищевых запасов, например сушеного мяса и рыбы. Домашним животным была, повидимому, только собака. На собаках ездили: сохранились части собачьей упряжи (блоки, пряжки из кости), а также резное изображение запряженной собаки.

Замечательной особенностью местной культуры является обилие предметов искусства, главным образом из кости. Древние резчики оставили поразительные по совершенству скульптурно оформленные гребни и ложки. Они терпеливо украшали тонким узором сотни бытовых вещей, черенки ножей и даже крючья для подвешивания котлов над огнем, не говоря уже о керамике.

Предметы искусства дают представление и о религиозных воззрениях. На костяных ложках часто повторяется голова лося. Известно также сочетание птицы и оленя. На одном гребне изображена утка, сидящая на свернувшемся зайце. Такие изображения должны стоять в связи с мифологическими представлениями о животных как предках. Особенно выделяются вырезанные на костяной доске изображения родовых шаманов-воителей, предков и могучих защитников рода от земных неприятелей. Специальные мольбища существовали в низовьях Оби до начала XIX в. Здесь находились чтимые обским населением изображения богов, в том числе «обского старика», «медного гуся» и «золотой бабы».

Из районов, близких к низовьям Оби, известны хорошо сохранившиеся многочисленные остатки поселений, часть которых, очевидно, совпадает со временем наибольшего расцвета древнего Салехарда.

Позднее, в конце I тысячелетия, появляются укрепленные поселения— городища, расположенные на мысах у рек и стариц. Рвы отделяют поселение от материка, обрывы мысов защищают его с реки. Жилища достигают по площади 300 квадратных метров, что свидетельствует о прочности общинно-родового быта. Относительно часто встречаются еще каменные вещи: шлифованные тесла, наконеч-

ники стрел, большие грузила, но вместе с тем отмечены следы хорошо развитого местного металлического производства. В большом числе, как и в Салехарде, представлены тигли для плавки меди. Керамика очень богата и по числу находок и по формам сосудов.

Возникновение прочных укреплений, появление сложного боевого вооружения (большие кинжалы, латы из костяных пластинок) были, несомненно, следствием участившихся военных столкновений. Из данных фольклора видно, что военные столкновения вызывались кровной местью и сопровождались похищением женщин и разграблением имущества побежденных. Родовой строй, основанный на матриархальных устоях, сменяется патриархально-родовым строем. Памятники материальной культуры этого края свидетельствуют о росте связей приобского населения с Уралом и Прикамьем.

На том же уровне общественного развития находились и племена охотников и рыболовов, обитавшие на севере современной Томской области и близкие им по материальной культуре обитатели территории современного Красноярского края.

Дальше к востоку от Енисея, в полосе восточносибирской тайги, вдоль рек издавна обитали различные охотничье-рыболовческие «пешие» племена. В безбрежной тайге по низовьям Ангары, на верхней Лене, у Байкала, по Енисею и Подкаменной Тунгуске, на мысах и в устьях рассеяны сотни оставленных ими поселений. Для них характерна своеобразная по формам и орнаменту керамика, отличавшаяся сначала тем, что сосуды имели не плоское, а круглое дно, такое же, как у сосудов каменного века. Позднее на Ангаре у нынешнего Иркутска распространяются плоскодонные сосуды, развивается местная выделка железных и даже чугунных изделий; начинается разведение лошадей и коров. Памятники, относящиеся к оленеводам тайги и эвенкам, еще недостаточно полно выявлены, что объясняется, несомненно, бродячим образом жизни оленеводческих групп. В китайских источниках содержатся указания на существование в тайге оленеводческих племен с культурой и бытом, издавна характерным для эвенков — оленеводов и охотников и близких к ним по культуре народностей Сибири.

О племенах цзюй китайцы сообщают: «Владение цзюй расположено от Баегу на северо-восток, на расстоянии 500 ли — шесть дней пути — до их государства. Имеют деревья и не имеют травы, но имеют земляной мох. Не имеют овец и лошадей. Домашние животные — олени. При помощи оленей... возят повозки, превосходя в силе три-четыре человека. Одежда людей — оленьи кожи. Питаются земляным мохом. Их обычаи: собирают деревья и делают помещения; почтенные и низкие обитают в них. Сообща решают свои внутренние дела». Другими источниками в сходных чертах описываются племена увань (ухуань), кото-

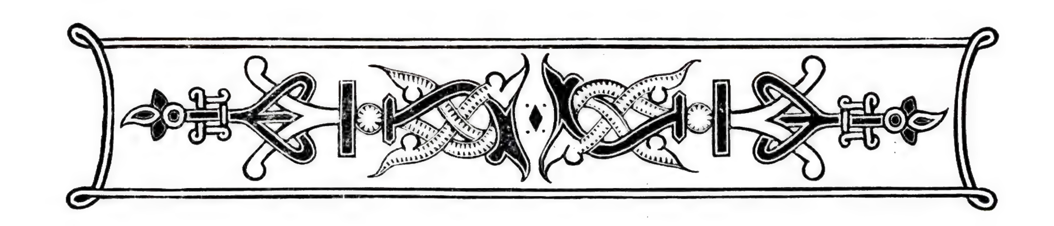
рые жили к западу от мохэ, к северу от киданей, очевидно, там же, где и цзюй: в верховьях Амура, к западу от них и севернее, в таежной полосе Восточной Сибири.

Эвенки, следовательно, занимали тайгу Восточной Сибири, постепенно распространяясь по ней, вероятнее всего, с верховьев Амура на огромных расстояниях к Ледовитому океану в одну сторону, к Тихому— в другую. Овладев как средством передвижения лесным северным оленем, питавшимся ягелем, они сохранили в целости основу своего хозяйства— охоту на таежную дичь. К условиям охотничьей жизни в тайге приспособлен весь их бытовой уклад, вся материальная культура: легкие жилища с деревянным остовом, покрытые корой и шкурами, не стесняющая движений одежда из шкур, вооружение и утварь — вплоть до легко переносимых лодок-берестянок и лыж. В своем общественном строе они длительно сохраняли родовой быт во всех его основных чертах. К северу от эвенков, постепенно вытесняемые и поглощаемые ими, жили охотники за диким северным оленем—юкагиры. К сожалению, китайские источники почти ничего не сообщают о них.

Итак, северные области Сибири с прилегающими к ней лесными районами издавна были заселены многочисленными народами.

Предки нанайцев (гольдов) и удэгейцев обитали по Уссури и в среднем течении Амура. В низовьях Амура жили цзелими — предки гиляков (нивхов), на Сахалине — предки айнов и, может быть, тех же гиляков. Древние ительмены (камчадалы) и приморские коряки оставили следы своего пребывания на Камчатке. К азиатской ветви эскимосской народности и приморским чукчам относятся археологические памятники северо-востока Сибири. Древние культуры Колымы, низовьев Лены и Хатанги, вероятно, принадлежат предкам юкагиров. Культуры Салехарда и близких к нему памятников, в том числе приморских, связаны с позднейшими культурами обских племен: манси (вогулов) и хантэ (остяков). Здесь же, на северо-западе Сибири жили и одни из предков современных ненцев, обитатели древних приморских землянок. Очевидна прямая родственная связь эвенков с древним населением прибайкальской тайги. В свою очередь прибайкальские племена, разводившие лошадей и рогатый скот, окруженные охотниками — оленеводами и рыболовами тайги, повидимому, являются предками якутов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В XIII В. И ЕЕ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

1

ИСТОРИОГРАФИЯ

Татарское иго принесло неисчислимые страдания и бедствия русскому народу. Но он сумел сбросить власть завоевателей и добиться освобождения своей Родины.

Дворянско-буржуазная историография давала неверную оценку татаро-монгольского завоевания, рисовала извращенную картину татаро-монгольского ига и его последствий для Руси.

Один из наиболее видных представителей дворянской историографии Н. М. Карамзин, хотя и указывал, что завоевание татаро-монголами Руси было для нее большим злом, так как задержало ее культурное развитие, но в то же время усматривал в этом зле источник «блага».

Это «благо», по мнению Карамзина, заключалось в том, что татаро-монголы явились создателями крепкой государственности на Руси, благодаря им была ликвидирована феодальная раздробленность. Русские князья, «смиренно пресмыкаясь в Орде, возвращались оттуда грозными властелинами: ибо повелевали именем царя верховного (золотоордынского хана.— *Ред.*). Совершилось при монголах, легко и тихо, чего не сделал ни Ярослав Великий, ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод III: в Владимире и везде, кроме Новагорода и Пскова, умолк вечевый колокол, глас вышнего народного законодательства ..» На обломках удельной системы «рождалось самодержавие». Ханская власть, утверждает Карамзин, явилась источником укрепления Русского государства, она способствовала политическому объединению стра-

ны. Москва «обязана своим величием ханам», «знаменитость» Москвы и Твери «возникла при монголах»[1].

Концепция Карамзина извращает подлинную картину истории Руси во время татаро-монгольского завоевания. Русское централизованное государство создалось не благодаря татаро-монголам, а вопреки политике Золотой орды, которая была направлена к ослаблению и разъединению Руси. Массовое разрушение производительных сил татаро-монгольскими захватчиками потребовало напряженного труда русского народа для их восстановления. Лишь в результате этого длительного созидательного труда были подготовлены экономические предпосылки образования Русского централизованного государства. Оно создавалось в борьбе русского народа против золотоордынского гнета. Именно необходимость для русского народа борьбы с «внешней опасностью» со стороны татаро-монголов и явилась ускоряющим моментом в политической централизации северо-восточной Руси.

Передовые представители науки и культуры дореволюционной России, в противоположность официальной дворянской историографии, понимали, насколько тяжелым было татаро-монгольское иго для Руси и какую героическую борьбу вынес русский народ с татаро-монгольскими захватчиками.

Великий русский поэт А. С. Пушкин верно оценивал громадную мировую заслугу русского народа, спасшего Западную Европу от татаро-монголов: «...необозримые равнины» героически сопротивлявшейся России «поглотили силу монголов,— писал Пушкин,— и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной... Россией...»[2]

Пушкин писал, что татаро-монголы находились на более низком уровне культурного развития, чем русский народ, и что нет никаких оснований говорить о прогрессивном значении татарского завоевания для России.

Декабристы также понимали значение борьбы русского народа против татаро-монгольских завоевателей. Н. Муравьев подчеркивал роль русского народа в спасении Европы от вторжения со стороны татаро-монголов. Русский народ, по словам Муравьева, «был избран оплотом Европы против кочующих народов...»[3] М. С. Лунин в своих работах останавливался на героическом сопротивлении русского народа

---

[1] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, кн. 2, т. V, СПб., 1842, стр. 215—216, 218—219, 221—223.

[2] *А. С. Пушкин.* Полное собр. соч., т. XI, М., 1949, стр. 184.

[3] *Н. М. Дружинин.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 102.

золотоордынскому игу и писал: «Не слабостью монголов и не происками князей освободилась Россия. Крайность бед, достигнув высшей степени, пробудила дух народный, без которого не совершается коренных переворотов»[1]. Точка зрения Карамзина на значение татаро-монгольского ига получила широкое распространение в буржуазной историографии. Особенно ярко она представлена в работах Н. И. Костомарова. Костомаров дал по существу фальсифицированное освещение места татаро-монгольского ига в процессе складывания Русского централизованного государства. Организующую роль в политическом объединении Руси он, как и Карамзин, приписывает золотоордынской власти. Она якобы установила «единодержавие» на Руси, которое сначала «вмещалось» в особе хана, а с ослаблением Орды «перешло от ханов к московским великим князьям»[2].

Антинародная и антиисторическая «теория» Костомарова извращает действительную роль русского народа, самоотверженно боровшегося с татаро-монгольскими захватчиками, грудью встретившего их натиск и защитившего остальную Европу от лавины татаро-монгольского нашествия. С самого установления власти Золотой орды над северо-восточной Русью не прекращалась волна массовых стихийных антитатарских восстаний, а затем, сплотив свои силы, русский народ организованно выступил против татаро-монголов на Куликовом поле.

Один из крупнейших представителей русской буржуазной историографии С. М. Соловьев, пытавшийся с идеалистических позиций найти закономерность в историческом развитии России, видел эту закономерность в смене родового и государственного «начал». В этом плане он не придавал монгольскому завоеванию решающего значения в дальнейшей истории Руси. С его точки зрения ход общественного развития после установления монгольского ига в основном продолжался независимо от татаро-монголов. По мнению Соловьева, «предметом первой важности была смена старого порядка вещей новым, переход родовых княжеских отношений в государственные, отчего зависело единство, могущество Руси и перемена всего внутреннего порядка». Начало «нового порядка вещей на севере» Соловьев относил ко времени монгольского нашествия. Поэтому изучение монгольского ига казалось ему важным лишь в той мере, в какой оно содействовало или препятствовало «утверждению этого нового порядка вещей». В этом отношении, указывает Соловьев, влияние монголов не было «главным и решительным. Монголы остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани,

---

[1] *М. С. Лунин.* Соч. и письма. П., 1923, стр. 79.

[2] *Н. И. Костомаров.* Начало единодержавия в древней Руси. Собр. соч., кн. V, 1905, стр. 51.

нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя все, как было, следовательно оставляя в полной свободе действовать те новые отношения, какие начались на севере прежде них» [1].

Стремление Соловьева изучать в первую очередь закономерность внутреннего общественного развития Руси было, несомненно, прогрессивным явлением в буржуазной историографии; правильным был и отказ от взгляда на ханскую власть как на организующую силу, сплотившую русскую государственность. Но в целом концепция Соловьева была идеалистической. Решающей силой исторического процесса он считал эволюцию государства, стоящего над классами и осуществляющего «общее благо». Не может нас удовлетворить и позиция Соловьева по вопросу о татаро-монгольском иге на Руси. Оно имело гораздо более отрицательное значение, чем думал Соловьев, так как всей тяжестью ложилось на русский народ и создавало препятствия для его экономического и культурного развития. Система постоянных насилий и грабежа, проводившаяся татаро-монгольскими захватчиками, разоряла русский народ, препятствовала его созидательному труду. Свержение татарского ига явилось фактором громадного прогрессивного значения в жизни русского народа и в мировой истории.

Великий революционный демократ В. Г. Белинский неоднократно останавливался на героической борьбе русского народа с татаро-монголами. «Татарам поддались мы совсем не от смирения,— писал он,— а вследствие разделения наших сил родовым кровным началом, положенным в основание правительственной системы того времени» [2], т. е. из-за политической раздробленности и междоусобий русских князей, ослаблявших единство Руси. Русский народ не мирился с завоевателями. «Дух народный всегда был велик и могущ: это доказывает и быстрая централизация Московского царства и свержение татарского ига» [3].

А. И. Герцен указывал на гибельные последствия для Руси татаро-монгольского ига. «С этого злосчастного времени, длившегося около двух столетий, Россия и позволила Европе обогнать себя» [4]. Герцен показал прогрессивный характер «перехода от феодальной раздробленности к самодержавной централизации» и роль Москвы в этом процессе. Москва — это «средоточие, около которого тяготеют и кристаллизуются

[1] *С. М. Соловьев.* Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого. Собр. соч., изд. «Общественная польза», СПб., б. г., стб. 839.

[2] *В. Г. Белинский.* Избранные соч., М., 1947, стр. 549.

[3] *В. Г. Белинский.* Соч., т. XI, стр. 164; *В. Е. Иллерицкий.* Исторические взгляды В. Г. Белинского. Госполитиздат, 1953.

[4] *А. И. Герцен.* Полное собр. соч. и писем, т. VI, Пг., 1919, стр. 317; *В. Е. Иллерицкий.* Исторические взгляды А. И. Герцена. «Вопросы истории», 1952, № 10, стр. 33—63.

все разнородные части государства»[1]. «Идея собирания всех частей государства была направляющей мыслью всех московских князей, начиная с Ивана Калиты...»[2]

Н. Г. Чернышевский указывал, что своим спасением от ига монголов Западная Европа обязана русским, вынесшим на своих плечах всю тяжесть татаро-монгольского натиска. «Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы,— справедливо отмечал Чернышевский,— а спасителями — спасителями от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергавшейся всем выстрелам, стеною, которую вполовину было разбили враги...»[3]

Точка зрения Соловьева по вопросу о роли татаро-монгольского ига в истории Руси была в известной мере воспринята В. О. Ключевским. Он также отмечал, что общественное развитие северо-восточной Руси в XIII—XIV вв. не было нарушено татарским завоеванием. Изучая историю возникновения «удельной системы», Ключевский не уделял достаточного внимания тому, что «прежде чем сошло со сцены первое поколение Всеволодовичей (потомков владимиро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо.— *Ред.*), Русь была завоевана татарами...» Явления общественной жизни, наблюдаемые в «Суздальской земле после этого разгрома», по мнению Ключевского, «последовательно, без перерыва развиваются из условий, начавших действовать еще до разгрома, в XII в.»[4] В то же время Ключевский делал шаг назад по сравнению с Соловьевым, утверждая, что татаро-монгольское иго способствовало созданию Русского централизованного государства. Рассматривая взаимоотношения между удельными князьями северо-восточной Руси, Ключевский приходил к выводу, что в этих отношениях нельзя «усмотреть никакого порядка». Поэтому, утверждал Ключевский, если бы удельные князья «были предоставлены вполне самим себе, они разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечно враждующие между собою удельные лоскутья». Власть золотоордынского хана «давала хотя бы призрак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей». Эта власть была «грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли»[5]. Признание положительной роли татаро-

---

[1] *А. И. Герцен.* Полное собр. соч. и писем, т. VIII, Пг., 1919, стр. 32.
[2] Там же, т. VI, стр. 317.
[3] *Н. Г. Чернышевский.* Полное собр. соч., т. XIV, М., 1949, стр. 48.
[4] *В. О. Ключевский.* Курс русской истории, ч. I, М., 1937, стр. 349.
[5] Там же, т. II, М., 1906, стр. 51.

монгольского ига в преодолении феодальной раздробленности северо-восточной Руси и создании централизованной системы управления сближает Ключевского и Костомарова.

Украинская буржуазно-националистическая историография в лице М. С. Грушевского пыталась доказать положительное значение татаро-монгольской власти и для истории Украины. Это значение заключалось, по мнению Грушевского, в «нивелировке» местного общества, в «демократизации» общественных отношений, создании особого «общинного» строя [1]. В концепции Грушевского татаро-монголы выступают носителями демократических начал, а татарское нашествие расценивается им как фактор, благоприятный для украинского народа. Украинское общество рассматривается Грушевским как бесклассовое, «обескняжившееся».

Ряд ошибочных положений буржуазной историографии был воспринят М. Н. Покровским. Он считал, что татаро-монгольское завоевание имело прогрессивное значение, способствуя «перегниванию» Руси городской в Русь деревенскую. По мнению Покровского, «татарский разгром одним ударом закончил тот процесс, который обозначился задолго до татар и возник в силу чисто местных экономических условий: процесс разложения городской Руси X—XII вв». Выдвигая это положение, Покровский тем самым отрицал существование феодальных отношений в древнерусском государстве, умалял значение земледелия. «Татарщина шла,— по мнению Покровского,— не только по линии разложения старой Руси, а и по линии сложения Руси новой — удельно-московской». «Московская история повторяла, со своеобразными вариациями, киевскую». Но до тех пор пока к XVI в. не сложились новые городские центры, крупная вотчина «стала основной экономической, а стало быть, и основной политической организацией. На этой почве развился в России феодализм» [2]. Таким образом, с точки зрения Покровского, татаро-монгольское завоевание способствовало прогрессу Руси. Подчеркивая «культурное влияние» татаро-монголов на Русь, Покровский указывал на введение ими финансовой организации, которая, по его словам, позволяет «опровергнуть ходячее мнение, будто татарское нашествие было разгромом культурной страны „дикими кочевниками“». Введением податной системы в северо-восточной Руси татаро-монголы, «поскольку это доступно действующей извне силе», якобы,—«внесли глубокие изменения и в социальные отношения, опять-таки в том направлении, в каком эти последние начали уже развиваться раньше под

---

[1] *М. С. Грушевский.* Очерки истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия, 1891, стр. 458—459.

[2] *М. Н. Покровский.* Русская история с древнейших времен. М., 1933, т. I, стр. 93; *его же.* Очерк истории русской культуры, т I, Пг., 1923, стр. 65, 188.

влиянием туземных условий»[1]. Покровский совершенно игнорировал гибельные последствия, которыми сопровождалось для экономики и культуры Руси татарское завоевание, гнет, который принесли с собой татаро-монгольские феодалы русскому народу[2].

Подлинно научная оценка значения татаро-монгольского завоевания для Руси и борьбы русского народа против ига татаро-монгольских феодалов дана классиками марксизма-ленинизма. Их указаниями опровергается ложный тезис дворянско-буржуазной историографии о прогрессивности татаро-монгольского владычества.

Глубокую оценку отрицательного значения татаро-монгольского ига для русского народа дал И. В. Сталин в связи с характеристикой нашествия австро-германских империалистов на Украину в 1918 г. «Империалисты Австрии и Германии,— писал И. В. Сталин,— несут на своих штыках новое, позорное иго, которое ничуть не лучше старого, татарского»[3].

Громадное значение придавали классики марксизма-ленинизма борьбе русского народа с татаро-монгольским игом. Говоря о наших великих предках, И. В. Сталин назвал среди них Дмитрия Донского, возглавившего борьбу русского народа против татар, приведшую к замечательной победе на Куликовом поле в 1380 г.

Русское централизованное государство создавалось не при участии татаро-монгольских захватчиков-феодалов, а в процессе активной, непрекращавшейся борьбы русского народа против татаро-монгольского ига. Как указал И. В. Сталин, борьба с внешней опасностью явилась фактором, ускорившим создание Русского централизованного государства «...интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»[4].

Советские историки (Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский[5], А. Н. Насонов[6], Б. А. Рыбаков[7] и др.) в свете указаний классиков марксизма-ленинизма подвергли анализу историю татарской политики на Руси и изучили борьбу русского народа с татаро-монгольским игом.

---

[1] *М. Н. Покровский.* Очерк истории русской культуры, т. I, стр. 140; *его же.* Русская история..., т. I, стр. 94.

[2] Критику концепции М. Н. Покровского см. в статье А. Н. Насонова «Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского» (Сб. «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. 2, М.—Л., 1940, стр. 59—90).

[3] *И. В. Сталин.* Соч., т. 4, стр. 46.

[4] Там же, т. 5, стр. 34.

[5] *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский.* Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950.

[6] *А. Н. Насонов.* Монголы и Русь. М.—Л., 1940.

[7] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948.

Русские дворянско-буржуазные исследователи весьма мало сделали и для выяснения всемирно-исторического значения борьбы русского народа прежде всего против немецко-шведско-датских, а также венгерско-польских феодалов-захватчиков. Не раскрыли они и агрессивную сущность политики папской курии в отношении славянских стран Восточной Европы и прежде всего в отношении Руси.

По вопросу о борьбе против немецко-шведских и иных захватчиков дореволюционная историография ограничилась более или менее точной передачей летописных фактов и концепций, но не смогла раскрыть ни значения этой борьбы, ни роли в ней выдающегося государственного деятеля, полководца и дипломата Александра Невского.

Неверно и однобоко толковали его деятельность и те, кто, подобно Н. А. Рожкову, видели в нем только какого-то стяжателя, «вотчинника по духу» [1] и те, кто вслед за Покровским считали Александра Невского лишь проводником политики суздальского боярства, стремившегося навязать Новгороду свои порядки. Эти историки упускали из виду важный вопрос о прогрессивном характере великокняжеской власти во времена феодальной раздробленности, а также все, что связано с военной и дипломатической защитой Руси от внешних врагов.

В корне иную оценку борьбы русского народа за независимость под руководством Александра Невского дали классики марксизма. Маркс в «Хронологических выписках» из массы исторического материала неоднократно выделял известия об Александре Невском [2].

После того, как было покончено с враждебной марксистской науке «школой» Покровского, советское правительство и коммунистическая партия широко развернули работу по созданию полноценных исторических пособий и, в частности, потребовали от советских историков «...правильной исторической оценки битвы на Чудском озере новгородцев с немецкими рыцарями, когда было приостановлено движение на Восток германских оккупантов (разбойничий тевтонский орден — «псы-рыцари»,— как называл их Карл Маркс), осуществлявших колонизацию путем поголовного истребления и грабежа покоряемых народов» [3].

Великий вождь советского народа И. В. Сталин в своем выступлении на Красной площади 7 ноября 1941 г. в суровую годину Великой Отечественной войны назвал Александра Невского в числе тех наших великих предков, чей мужественный образ вдохновлял советских людей в героической борьбе с немецко-фашистскими варварами. В честь вели-

[1] *Н. А. Рожков*. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Изд. 3, т. II, М.—Л., 1930, стр. 80.

[2] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 145; т. V, стр. 344.

[3] Сб. «К изучению истории», М., 1946, стр. 37.

кого полководца был учрежден орден, которым награждены тысячи славных воинов, сражавшихся за свободу и независимость нашей Родины.

Советские историки, выполняя указания нашего правительства, немало сделали для изучения истории борьбы русского народа против немецко-шведских и иных захватчиков. Достаточно назвать работы Н. П. Грацианского[1], С. В. Бахрушина[2], М. Н. Тихомирова[3], И. П. Шаскольского[4] и др.

Советские историки показали, что русскому народу одновременно с сопротивлением татаро-монголам приходилось бороться за свою независимость против агрессии со стороны ливонских рыцарей, шведских, датских, венгерских и польских феодалов. Русская земля оказалась в кольце агрессии, готовом замкнуться. Потребовались величайший героизм, самоотверженное напряжение всех сил и глубокий патриотизм русского народа, чтобы отстоять независимость своей Родины.

2

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУСИ В НАЧАЛЕ XIII В.

На рубеже XIII в. Русь, Русская земля была самой крупной из европейских стран. Придворный книжник того времени, живший во Владимире-на-Клязьме, в «Житии» князя Александра Невского так писал о родной Руси: «О светло светлая и украсно украшена земля руская, и многими красотами удивлена еси: озеры многими удивлена еси, реками и кладязьми месточестными, горами крутыми, холми высокими, дубравоми чистыми, полми дивными, зверми различными, птицами бещислеными, городы великими, селы дивными, винограды обителными, домы церковными и князьми грозными, бояры честными, велможами многами: всего еси исполнена земля руская».

---

[1] *Н. П. Грацианский.* Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV вв. «Историк-марксист», 1938, № 6, стр. 87—111; *его же.* Заэльбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X—XII вв. «Исторический журнал», 1942, № 8, стр. 37—42.

[2] *С. В. Бахрушин.* Александр Невский и борьба русского народа с немецкой агрессией в XIII в. «Вестник АН СССР», 1942, № 4, стр. 58—71.

[3] *М. Н. Тихомиров.* Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв. М., 1941; *его же.* Сражение на Неве. «Военно-исторический журнал», 1940, № 7, стр. 96—102.

[4] *И. П. Шаскольский.* Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой. «Военно-исторический журнал», 1940, № 7, стр. 90—95; *его же.* Емь и Новгород в XI—XIII вв. «Ученые записки» ЛГУ, серия истор., вып. 10, Л., 1941, стр. 93—115; *его же.* Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки», № 14, стр. 38—61; *его же.* Сигтунский поход 1187 г «Исторические записки», № 29, стр. 135—163.

Однако, описав красоту и богатство Русской земли, автор с тревогой говорил об ухудшении ее международного положения, когда правители соседних стран угрожают ее независимости. Прошли те времена, когда они трепетали от одного имени русского, когда «литва из болота... не выникиваху», когда «угры (венгры.— *Ред.*) твердяху (укрепляли.— *Ред.*) каменые горы (Карпаты.— *Ред.*) железными вороты, абы на них великий Володимер (Мономах.— *Ред.*) тамо не вьехал», когда «немцы радовахуся, далече будучи за синим морем». Ныне не то — все они грозят Руси. А на самой Руси неспокойно, ибо приключилась русским «болезнь»[1].

Эта «болезнь» — постоянные феодальные распри, ссоры и войны между собой русских князей, правителей отдельных княжеств. Эти войны с нараставшей силой продолжались и в XIII в. Они приносили разорение крестьянству и городам. Они продолжались даже тогда, когда внешние враги угрожали Русской земле. Они ослабляли военную мощь Руси и затрудняли борьбу русского народа за независимость. О виновниках этих войн — князьях с глубокой горечью писал еще в конце XII в. славный автор «Слова о полку Игореве»:

«Рекоста бо брат брату:
«Се мое, а то мое же».
И начяша князи про малое
«се великое» молвити,
а сами на себе крамолу ковати.
А погании со всех стран прихождаху с победами
на землю Рускую»[2].

Но в то же время зарождалась и обратная тенденция — тенденция к объединению русских земель[3].

Носителями этой тенденции явились прежде всего крупнейшие феодальные княжества, своими размерами не уступавшие иным западноевропейским государствам. На роль объединителей всех русских земель не раз претендовали владимиро-суздальские, галицкие и волынские князья, находя в осуществлении этой политики поддержку со стороны служилых феодалов и используя союз с городскими верхами. Опираясь на сочувствие всех, кто страдал от бессмысленных войн, отдельные князья время от времени объединяли относительно крупные части Русской земли и при этом стремились утвердиться

---

[1] «Житие Александра Невского», подготовил к печати В. И. Малышев, «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та литературы АН СССР», т. V, М.—Л., 1947, стр. 188.

[2] «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1950, стр. 17.

[3] Подробнее см. гл. 3, § 3 настоящего издания.

в бывшей столице Руси — Киеве, а также в крупнейшем ее торговом центре — Новгороде Великом.

Правда, эти объединения не были прочны, так как условия для создания централизованного общерусского государства еще не созрели. Экономические связи, как правило, не выходили за рамки отдельных княжений, растущее крупное сеньориальное боярство срывало направленные к централизации усилия великих князей, отстаивая независимость своих земельных владений. Само городское население и его торгово-ремесленная верхушка неспособны были надолго закрепить объединительные попытки отдельных князей. Но неудачи не прекращали нарастания тенденции к объединению, за ней было будущее [1].

Эта тенденция к объединению Руси нашла выражение и в письменности того времени и прежде всего в летописании. В основе деятельности княжеских летописцев лежало стремление обосновать руководящую роль своего княжества во всей Русской земле и оправдать права местного князя распоряжаться ее судьбами. Идея единства Русской земли, русского народа давно зародилась и четко выступает в памятниках письменности начала XII в. Реальной основой существования этой идеи являлось то, что все русские феодальные княжества были населены русскими. Русский народ говорил на одном языке (при наличии ряда диалектов), пользовался одинаковыми светскими («Русская Правда») и церковными (уставы) законами. Он имел русскую (гривенную) денежную систему, он возводил и во Владимире, и в Галиче, и в Суздале, и в Холме, и в Смоленске, и в Чернигове постройки, близкие по стилю. В Киеве и в Перемышле, в Новгороде и Владимире-Волынском он создавал сходные литературные памятники.

Основную массу населения всех княжеств составляли крестьяне, основные защитники независимости Русской земли. Особенно яркое выражение идея единства Русской земли нашла в былинах. По народному представлению, за Русскую землю вместе сражаются «задорливый» галичанин Дунай, муромец Илья, волынец Михайло Казарин, ростовец Алеша, рязанец Добрыня... Они все друг другу братья, и потому ни Дунай Добрыню, ни Добрыня Дуная даже в ссоре ранить не могут как «русский русского». Потому и княжеские и церковные книжники, где бы они ни составляли свои летописи, всегда хранят известия о «Русской земле», «русском бое», «обычае русском». Понятно поэтому, что в те моменты, когда всей Руси, Русской земле угрожали враги, весь народ подымался против них и одерживал победу.

К началу XIII в. наиболее крупными объединениями земель, уна-

---

[1] См *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. I, стр. 443, 445

следовавшими власть древнерусского государства, были княжества Владимиро-Суздальское и Галицко-Волынское, а также Новгородская и Псковская феодальные республики.

В северо-восточной Руси, как мы видели[1], в начале XIII в. хотя и происходили внутренние феодальные распри, но великокняжеская власть сохраняла значительную силу. Это позволяло князьям и владимирскому боярству довольно широко осуществлять политику не только распространения своей власти на земли, лежащие к востоку (болгарские, мордовские и др.), но и политику борьбы за политическое преобладание в северо-западной Руси, прежде всего в Новгородской феодальной республике, а также в Смоленске и Полоцке.

Сильная княжеская власть, складывавшаяся в северо-восточной Руси в условиях всеобщей путаницы мелких феодальных княжений, способствовала созданию будущего национального объединения. Если этот процесс сплочения всех русских земель не успел достичь ощутимых результатов, будучи прерван татаро-монгольским нашествием, то все же Владимиро-Суздальское княжество сумело сохранить эту традицию, закрепив ее в политике князя Александра Невского и его преемников, при которых центром единого Русского государства стала Москва.

В борьбе за влияние в Новгороде владимиро-суздальские князья, в сравнении с князьями черниговскими, смоленскими и другими, добились наибольших успехов.

Уже Юрий Долгорукий опирался здесь на влиятельную группу своих сторонников из бояр. Его сын Андрей Боголюбский «искал» Новгород «добром и лихом»[2]. Ту же линию продолжали в XIII в. Всеволод и особенно его сын Ярослав. В распоряжении этих «низовских» князей имелось сильное средство давления на Новгород. Во-первых, они закрывали волжский путь и прекращали подвоз продовольствия в город, используя при этом в своих интересах выступления «черных» новгородских людей против князя-соперника. Во-вторых, эти князья имели крупные военные силы, способные весьма быстро оказать помощь или создать угрозу Новгороду.

Великие князья владимирские проводили последовательную внутреннюю политику, направленную на усиление великокняжеской власти как власти государственной, на укрепление государственного аппарата (суд, администрация, войско и т. п.), который обеспечил бы князю и всему классу феодалов удержание в узде феодально-зависимых трудящихся масс и охранил бы земли феодалов от покушений врагов

---

[1] См. гл. 3, § 4 а настоящего издания

[2] ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 509.

извне. Эта политика была направлена на подчинение власти владимирского великого князя не только всех князей и феодалов Владимиро-Суздальской Руси, но и вообще всей Руси, и в первую очередь крупнейшего торгового центра — Великого Новгорода и бывшей столицы — Киева. Тем самым она способствовала поддержанию и развитию ремесла, торговли, экономических связей.

Материальную основу этой в тогдашних условиях объективно прогрессивной политики обеспечивали феодально-зависимые крестьяне и горожане, из среды которых «служащее» великому князю боярство и городская торгово-ремесленная верхушка комплектовали также и великокняжеское войско.

Боярство и купечество Новгородской феодальной республики вело политику, ослаблявшую мощь Руси. В начале XIII в. это боярство, используя противоречия между владимиро-суздальскими князьями, с одной стороны, и вражду к ним князей смоленских — с другой, добилось в результате военного поражения 1216 г. серьезного ослабления влияния владимирского князя в Новгороде[1]. Но после битвы на Калке[2] владимирский князь, сохранивший свое войско, оказался в военном отношении наиболее сильным на Руси и способным надлежащим образом защитить северо-западные рубежи Великого Новгорода, которому угрожали немецкие, датские и шведские крестоносцы. Новгородское боярство хотело использовать вооруженные силы владимирского князя и в то же время любыми способами боролось с его попытками занять прочные позиции в экономике и политике республики.

Однако за оборону границ республики князь получал и определенные доходы, кроме торговых, и часть добычи от удачных походов. Как можно видеть из документов второй половины XIII в., со всех новгородских волостей князь получал определенный «дар»; кроме того, в Волоцкой земле он имел право держать своего чиновника — тиуна, ведавшего всей административно-хозяйственной жизнью, правда, лишь «на половине» волости; в Торжке с областью такой же княжеский тиун ведал уже не половиной, а лишь «частью» земли[3].

Кроме того, князь имел право осуществлять суд в городе Русе, один раз в три года княжеские судьи также наезжали творить суд коегде и по новгородской волости. Договоры специально запрещали князьям каким-либо способом приобретать землю в Новгородской республике или принимать «в заклад» (в зависимость) новгородских крестьян[4].

---

[1] См. гл. 3, § 4 б настоящего издания.
[2] См. там же, стр. 812—813.
[3] ГВНиП, № 3, стр. 12.
[4] Там же, № 1, стр. 9—10.

Права, получаемые по «ряду», служили в руках князя дополнительным средством для укрепления его власти в боярской республике. Следует сказать, что в XIII в. владимирские князья и в особенности Ярослав Всеволодович и Александр Невский, используя затруднительное внешнеполитическое положение республики, не раз нарушали условия договора с боярством, стремясь к усилению княжеской власти в Новгороде.

Из новгородской летописи мы можем установить, что Ярослав Всеволодович, например, заняв в первый раз новгородский княжеский стол в 1215 г., поставил в город своего наместника, ввел свою дружину («дворяны»), лишил должности и арестовал новоторжского посадника, а сам, заняв Торжок и Волок, прервал новгородскую поволжскую торговлю и арестовал около двух тысяч знатных новгородцев[1]. Сопротивление новгородского боярства осложняло конфликт и тяжело отражалось на положении трудящихся. В Новгородской земле в этом году был неурожай, который в сочетании с торговой блокадой вызвал голод. Разумеется, бояре не голодали, но простой народ — «меньшие» люди, спасаясь от голодной смерти, бежали в соседние русские земли: «а меньшее они разидошася, а иное померло голодом».

Серьезное военное поражение в 1216 г., которое нанесло тогда новгородское боярство князьям владимирским, отнюдь не ослабило стремления последних утвердить свою власть в Новгороде.

Особенно долго помнили новгородские бояре шестнадцатилетнее (1236—1252) княжение в Новгороде Александра Ярославича Невского, много сделавшего для укрепления здесь власти владимирских князей. Из договоров, заключавшихся боярами с его преемниками, известно, что князь Александр старался подорвать экономическое и политическое значение новгородского боярства. Он отнимал у бояр земли, захватил у них «пожни» (покосы)[2]. Вопреки договору князь «посуживал грамоты», т. е. выносил от своего имени судебные решения, выводя тем самым судимых лиц из-под судебной власти республики[3]. С помощью своих тиунов в Торжке и Волоке он в этих волостях переводил под свою опеку, подчинял своей экономической власти закладников («закладень позоровал») и ставил их в зависимость от Твери, откуда вытеснил своего брата Ярослава Ярославича[4]. Кроме того, Александр взял у новгородских бояр богатую северную область Тре («Терскую сторону»), куда за меховой богатой данью вместо боярских посылал свои княжеские

[1] НПЛ, стр. 53—55.
[2] ГВНиП, № 10, стр. 22.
[3] Там же, № , стр. 12; ср. № 6, стр. 15.
[4] Там же, № 4 и 5, стр. 14.

«ватаги» данщиков, а на Новгород возложил обязанность по всему «данничу пути», т. е. на пути следования данщиков, давать им «корму и подводы по пошлине с погостов»[1]. Вопреки договору во время княжения Александра владимирская знать покупала новгородские села[2]. Борясь с враждебной владимирским князьям частью новгородского боярства, Александр лишал своих противников политической власти, отнимал из их «держания» отдельные новгородские волости, а затем, также вопреки договору, сам раздавал эти волости своим сторонникам[3].

Новгородские бояре неоднократно делали попытки, приглашая в Новгород княжить потомков Александра Ярославича, восстановить свои права, требуя от приглашаемого: «А что, княже, брат твой Александр деял насилие на Новегороде, а того ся, княже, отступи»[4]. Об этом они вспоминали и через 70 лет, требуя: «А што будеть дед твой сильно деял... того ти не деяти»[5]. Но князья в поисках источников земель и средств не «отступали», а напротив, все энергичнее вторгались в общественно-политическую жизнь боярской республики. Это стало одной из непременных составных частей государственной программы продолжателя политики Александра Невского — Ивана Калиты и его преемников на московском княжении.

Государственными интересами великокняжеской власти Александр Невский руководствовался и в конкретном использовании присвоенных ему прав. Об этом свидетельствует случайно уцелевший документ, относящийся к судебной деятельности князя. В конце 30-х годов Александр, тогда князь новгородский, совместно с псковским посадником Твердилом, разбирал в суде дело между крестьянами-общинниками, населявшими Рожицкий остров (у западного берега Псковского озера), и представителями Спасо-Мирожского монастыря, который захватил часть принадлежавшей крестьянам на побережье озера земли.

Князь, основываясь на представленной крестьянами «смердьей грамоте», решил дело в их пользу[6]. Сделал он это, конечно, не потому, что свято чтил закон или оказывал предпочтение крестьянам, а не духовенству, а потому, что Псковское озеро являлось объектом неоднократных напа-

---

[1] ГВНиП, № 83, стр. 142.

[2] Там же, № 13, стр. 25. Ср. *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XVI вв., ч. I, М.— Л., 1948, стр. 292.

[3] ГВНиП, № 2, стр 11.

[4] Там же.

[5] Там же, № 14 стр. 28. См. *Л. В. Черепнин.* Указ соч., стр. 303.

[6] Там же, № 348, стр. 338. Анализ грамоты см. *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси, кн. 1, М., 1952, стр. 395.

дений западных соседей из-за рубежа, и князь понимал, что необходимо иметь здесь, в приграничье, боеспособный резерв лично свободного крестьянства — верного защитника Русской земли. Ниже мы увидим, что князь Александр, высоко ценя и широко используя силы простого народа при защите Русской земли от врагов, в то же время жестоко подавлял попытки народных масс выступить против своих классовых угнетателей.

Итак, противоречия между владимирскими князьями и Новгородской боярской республикой вытекали из самого существа социально-экономического строя Руси и были ярким проявлением борьбы нарождавшейся единой государственности с феодальной раздробленностью. При этом не один только Великий Новгород мешал осуществлению политики объединения русских земель и всех сил русского народа на борьбу с врагами. Ту же линию проводила и псковская боярская знать, что отчетливо обнаружилось в событиях, связанных с борьбой Руси за свою независимость. Эти события ясно показали, что в северо-восточной Руси борьба за объединение русских земель была органически связана с борьбой против многочисленных иноземных вторжений. Все более прочное объединение русских земель было необходимым условием разгрома иноземных, в частности западных захватчиков.

Аналогичные процессы, только, быть может, в более острых формах, протекали и в Галицко-Волынской Руси. Здесь после гибели князя Романа Мстиславича (1205) быстро разрушилось созданное при нем политическое единство, восстановилась феодальная раздробленность, власть в городах и землях перешла к отдельным князьям и боярам[1].

Содержанием сорокалетней феодальной войны (1205—1245), охватившей Галицко-Волынскую Русь, была борьба великокняжеской власти, опиравшейся на служилых феодалов и использовавшей поддержку торгово-ремесленных верхов городов, против боярской знати, борьба за землю, за крестьян, за ренту. Сеньориальное боярство, пытаясь в этой борьбе использовать в своих целях помощь венгерских и польских феодальных правителей, фактически стало орудием в руках врагов независимости юго-западной Руси.

Внутрифеодальная война сочеталась с неоднократными вторжениями иноземных захватчиков со стороны Венгрии, Польши, немецкого Ордена, Литвы, половцев, которые несли разорение русским землям. Они вызывали массовые народные движения горожан и смердов. Эти движения сводили на нет, опрокидывали любые попытки врагов утвердиться на Руси.

---

[1] См. гл. 3, § 4 в настоящего издания.

В таких условиях происходило постепенное объединение в руках великокняжеской власти, представленной волынским князем Даниилом Романовичем, земель волынских, затем галицких и, наконец, киевских. Это объединение значительно укрепило военно-политическую мощь Галицко-Волынской Руси как одного из передовых государств Восточной Европы и позволило ему в труднейших условиях блестяще разгромить немецких и венгерско-польских захватчиков в 30—40-х годах XIII в.

Однако восстановленное вновь политическое единство обширной территории от границ Литвы до Черного моря, от Киевской земли до Забужской «украины» не было прочным. Пережив удар татаро-монгольского нашествия, будучи отрезана от остальной Руси, потеряв перешедшие под власть татар земли Подунавья, Понизья и Болоховщины, терпя неоднократные вторжения со стороны и Золотой и Ногайской орд, юго-западная Русь не смогла создать прочного политического объединения и в XIV в. утратила свою независимость.

Если на севере Руси постоянным объектом споров и вооруженной борьбы между крупнейшими князьями являлась Новгородская боярская республика, то на юге предметом непрерывных феодальных распрей был Киев.

Удобное расположение Киевского княжества на торговых путях, а также связь его с Черноморьем и степными народами, сохранение за Киевом прав главного церковного центра — митрополии объясняют внимание к нему сильнейших князей, искавших способов включить его в состав своих владений и тем самым экономически и политически усилить свои притязания на управление всей Русью. Вследствие этого Киевское княжество, давно утратившее реальную политическую силу, переходило из рук в руки князей смоленских, черниговских и др., в свою очередь искавших поддержки в Суздальской земле или на Волыни[1]. Эта борьба за Киев продолжалась некоторое время и после татаро-монгольского нашествия, завершившись номинальным переходом разоренной Киевской земли под власть владимиро-суздальских князей.

Все изложенное позволяет понять, в каких чрезвычайно трудных внутренних условиях пришлось отстаивать великому русскому народу свою землю и свободу от многочисленных врагов. Первыми среди врагов, с которыми пришлось сражаться русскому народу, были немецкие феодалы — крестоносцы.

---

[1] См. гл. 3. § 2 настоящего издания.

3

ВТОРЖЕНИЕ ИНОЗЕМНЫХ ФЕОДАЛОВ В ВОСТОЧНУЮ ПРИБАЛТИКУ

Вторжение немецких крестоносцев в Восточную Прибалтику является лишь одним из этапов их «наступления на Восток», т. е. захвата славянских земель немецкими светскими и духовными феодалами. В X—XII вв. немецкие правители организовали наступление на заэльбских славян, которые населяли южное побережье Балтийского моря, а также прилегающие острова между Эльбой (Лабой) и ее притоком Салой, с одной стороны, и нижним течением Вислы — с другой. На юге их земли соприкасались с Чехией и Польшей.

Здесь жили сербы-лужичане (между Салой и притоком Одера Бобром), ободриты и лютичи (севернее по Эльбе, а также между Эльбой и Одером) и поморяне (за Одером, до Вислы). Они имели хорошо развитое пашенное земледелие, разнообразное скотоводство, рыболовство, садоводство и виноделие.

Немецкие церковные разведчики — миссионеры с вожделением писали о богатстве славянского края: «Вся страна,—сообщал один из них, — изобилует множеством дичи — оленей, диких быков и коней, медведей, вепрей, свиней и [иных] всяких зверей. [Там множество] масла от коров, молока от овец, жира от баранов и козлов, [там] обилие меда, пшеницы, конопли, всякого рода овощей... и фруктовых деревьев»[1].

У моря на берегах больших заливов и на морских островах были расположены крупные торговые славянские города: Волынь (Винета) на острове в устье Одера, Старград — у вагров, Микелин — у ободритов, Дымин и Велегош — у лютичей, Щецин, Камина, Колобжег, Белград — в Поморье. Эти города вели значительную торговлю солью, хлебом, рыбой, невольниками. В Винету съезжались купцы из многих стран, в том числе из Руси и Саксонии; колобжегская соль вывозилась в Русь и Польшу.

Русский автор «Повести временных лет» знал большинство западнославянских народов Прибалтики; он писал: «Словене же ови пришедше и седоша на Висле и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне ляхове (т. е. центральная Польша.—*Ред.*), друзии лютице (лютичи.— *Ред.*), инии мазовшане, а инии поморяне». Автор подчеркивает родство западных славян с восточными: «тако же и те

---

[1] *Н. П. Грацианский.* Заэльбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X—XII вв. «Исторический журнал», 1942, № 8, стр. 37 и сл.

же словене пришедше седоша по Днепру»[1]. В городах были развиты ремесла по обработке дерева, кож, металла.

Но поморские славяне не были политически едины. Феодализм у них лишь зарождался, господствующая верхушка различных полупатриархальных-полуфеодальных объединений еще не сложилась в единый класс. Немецкие же императоры, задавшись целью завоевать богатую Прибалтику, бросали в поход против отдельных земель крупные отряды рыцарей. Так как славяне храбро защищались и немецкие войска неоднократно терпели поражения, то немецкие правители, наряду с оружием, широко применяли подкуп и обман славянской знати и использовали междоусобицы славянских князей. Завоевание славянских земель сопровождалось невиданными жестокостями, это были войны, «ставившие своей целью полное истребление»[2]. Заливая кровью славянские земли, немецкие феодалы продвинулись к Висле, где столкнулись с Поморским польским княжеством.

В конце XII в. немецкие правители, не оставив замысла овладеть землями между Вислой и Неманом, решили в то же время создать второй очаг наступления на Двине. Здесь они намеревались захватить прибалтийские земли до р. Наровы и коренные русские земли к востоку. Немецкие феодалы хорошо знали политическое и экономическое положение земель Подвинья, которые были достаточно изучены в течение XII в. немецкими купцами[3] и миссионерами папской курии.

Юго-восточное побережье Балтийского моря от Нижней Вислы до Финского залива издавна было заселено литовцами, эстами, латгалами[4] и др.

Уровень общественного развития этих народов был различен, но все они уже миновали первобытно-общинный строй, знали частную собственность на землю. Из среды общинников уже выделилась знать, имевшая земельные владения, но жившая еще в основном сбором дани с подвластного населения и добычей от войн с соседями. Для защиты своих богатств от ограбленного ею крестьянства и от внешних врагов знать создавала военные дружины, группировавшиеся вокруг сильнейших князей. У отдельных князей, владевших селами, замками, стадами скота, дружины достигали тысячи воинов.

К началу XIII в. верховная власть фактически находилась в руках советов старейшин, созданных знатью. У ливов, латгалов и эстов еще

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 5.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. I, стр. 444.

[3] *П. А. Стародубец.* Купечество Северной Германии и немецкая агрессия в Восточной Прибалтике в XIII веке. «Ученые записки Тульского гос. пед. ин-та», вып. 1, Тула. 1948, стр. 93 и сл.

[4] Подробнее см. гл 4, § 6 настоящего издания

не сложились условия для объединения всех княжеских, дружинных и общинных земель под властью сильнейшего князя. Но в Литве эти условия уже имелись: страной управляла группа князей во главе со «старейшими», более сильными. Вскоре в связи с развитием феодальных отношений, нараставшим сопротивлением литовского крестьянства наступлению знати на его земли и права, а также с ростом внешней угрозы в ходе продолжительных междоусобных войн в Литве установилось единовластие в форме раннефеодальной монархии с великим князем во главе [1].

Земли этих восточнобалтийских народов были не менее богаты, чем земли западных поморских славян. Здесь также было развито пашенное земледелие. Основными орудиями труда служили соха и легкий плуг, борона, серп, коса, топор. В качестве рабочего скота использовались конь и вол. Сеяли овес, рожь, пшеницу, ячмень, горох. Имелось молочное и рабочее скотоводство. Были развиты некоторые ремесла, например кожевенное, а также производство ткани и пряжи разных сортов. Эти народы вели торговлю, особенно по морю; пруссы и земгалы строили много судов, но особенно внушительный флот имели жители острова Сааремаа (эзельцы) и курши, которые выводили в море до трехсот судов.

Немецкие купцы, часто посещавшие Двину еще в XII в., торговали в ее низовьях, в земле ливов (по имени которых всю территорию до Эстонии немцы потом стали называть Ливонией) и, «сблизившись с ливами, часто ходили в Ливонию на судне по реке Двине» [2]. Однако это проникновение немецких купцов в Ливонию не было систематическим. Политические же цели германских императоров и папской курии требовали создания здесь постоянных феодальных колоний [3] для контроля Балтийского моря и политического давления на Швецию, Норвегию и Польшу, а главное — для захватнического наступления на Русь с целью обеспечения алчных германских феодалов новыми землями. Таким образом, в наступлении на Восток интересы германских императоров и папской курии целиком совпадали.

Предварительная разведка была возложена на монахов-миссионеров. Гартвик II, архиепископ г. Бремена, заинтересованного в восточнобалтийской торговле, направил в землю ливов августинского монаха Мейнарда. Прибыв около 1184 г. вместе с немецкими купцами в устье Двины, он обосновался в селении ливов Икескола. Хотя католические проповеди этого монаха не имели успеха у ливов, Гартвик поспешил

---

[1] См. ч. II, гл. 5, § 1а настоящего издания.

[2] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, I, 2.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. VI, стр. 57.

учредить здесь новое ливонское епископство и поставил во главе его Мейнарда. Однако дело христианизации продвигалось крайне туго. Ливы едва не принесли в жертву своим богам помощника Мейнарда — Теодориха, а самого Мейнарда не отпускали из своей земли, справедливо опасаясь, «что потом придет христианское войско»[1].

Этот монах сумел, однако, послать извещение папской курии, и папа Целестин III провозгласил крестовый поход для насильственного обращения ливов в христианство, для ограбления и захвата их земель; при этом папа дал отпущение грехов «всем тем, кто, приняв крест, пойдет для восстановления первой церкви в Ливонии»[2].

Крестовый поход состоялся уже после смерти Мейнарда при его преемнике Бертольде, которого ливы изгнали из страны. Зимой 1198 г. Бертольд с немецким войском высадился на Двине в районе селений Икескола и Гольме. Местные ливы оказали вооруженное сопротивление пришельцам, был убит и Бертольд; однако крестоносцы огнем и мечом принудили ливов к миру, заставили их дать обещание креститься, оставить у себя монахов и выделить им содержание — меру зерна с плуга (т. е. с участка земли, вспахиваемого одним плугом). Но по уходе немецких войск ливы отвергли условия насильственного мира и изгнали монахов.

Тем временем «паршивый бременский каноник»[3] Альберт, назначенный ливонским епископом, подготавливал окончательный захват Подвинья, предполагая создать здесь сильное церковное княжество по типу тогдашних прирейнских архиепископств (Майнцское, Кельнское, Трирское) в Германии.

Заручившись поддержкой папы Иннокентия III, германского короля Филиппа Швабского и датского короля Канута VI, новый епископ с крестоносцами из немецких феодалов и купцов на 23 кораблях ворвался в 1200 г. в устье Двины. Разбив отряды ливов и захватив земгальскую гавань, крестоносцы основали на ее месте крепость Ригу (1201), поставив, таким образом, под свой контроль морскую торговлю подвинских земель.

Чтобы привлечь на свою сторону часть местной ливской и куршской знати, епископ Альберт заключал с ней соглашения[4], а чтобы иметь постоянную военную силу, учредил в 1202 г. Орден рыцарей-меченосцев[5], которым дал устав тамплиеров. Меченосцы подчинялись епископу; в 1207 г. они добились у него согласия на уступку им трети всех завое-

---

[1] *Генрих.* Хроника, I, 11.
[2] Там же, I, 12.
[3] «Архив Маркса и Энгельса», т. V, Госполитиздат, 1938, стр. 341.
[4] *Генрих.* Хроника, V, 3.
[5] Там же, VI, 6.

ванных земель. Члены Ордена носили на белом плаще изображение красного меча и креста. Они делились на три разряда: «братьев-рыцарей», главным занятием которых была война, «братьев-священников», составлявших духовенство Ордена, и «служащих братьев», выполнявших обязанности оруженосцев, ремесленников и др. Во главе Ордена стоял магистр, избираемый из числа членов[1]. Первым магистром был избран Венно, в 1208 г. его сменил Волквин. При магистре состоял совет из знатнейших рыцарей, совместно с которыми решались наиболее важные вопросы жизни Ордена. В провинциальных замках, которые возводились на захваченных землях и подвластных им территориях, суд и управление сосредоточивались в руках командоров, или фогтов. Меченосцы, которых К. Маркс называл «псами-рыцарями», вели грабительскую кровопролитную войну против прибалтийских народов.

Завоеванные земли немцы раздавали вассалам и духовенству, подчиняя их власти местное население, которое было обязано содержать своих поработителей, работать на них и участвовать в их военных мероприятиях.

Особое положение в Прибалтике занимали вновь основанные немецкие города, в их числе и Рига — место пребывания епископа; они пользовались полным самоуправлением и ревниво оберегали свои вольности от покушений Ордена: феодалы-крестоносцы не прочь были прибрать к рукам города, в частности Ригу. Городская власть принадлежала выборным магистратам, каковыми являлись эльдермены гильдий и старейшины ремесленных цехов, т. е. торгово-ремесленной верхушки, эксплуатировавшей городскую бедноту.

Следует отметить, что несмотря на провозглашенную папской курией торговую блокаду Руси и почти непрерывные военные действия в Восточной Прибалтике, немецкие (особенно рижские) бюргеры-купцы искали экономических соглашений с Русью и прежде всего с Новгородом, Полоцком, Смоленском. Новгород имел для всей Прибалтики и Северной Европы первостепенное торговое значение, он контролировал и торговлю с Востоком.

Когда же выяснилось, что немецкие крестоносцы не смогут овладеть русскими землями, немецкое купечество северогерманских городов поспешило заключить с Новгородом торговый договор (1269 г.), по которому вопросы торговые отделялись от военных: «А будет вражда между новгородцами и соседними с ними землями — гостю ехать без пакости водой и горой, повсюду, где новгородская власть»[2]. Аналогичные

---

[1] См. *Н. П. Грацианский* Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV веках. «Историк марксист», 1938, № 6, стр. 90.

[2] ГВНиП, № 31, стр. 61

формы торговых отношений установились с немецкими купцами и у Полоцка, Смоленска и Витебска. Это было вынужденным признанием политической силы и экономической значимости Руси.

Торговля с Русью велась, видимо, в больших масштабах, она лимитировалась следующей статьей немецкого купеческого устава (так называемого «Скры»): «Никто не должен иметь права привозить во двор (немецких купцов в Новгороде.— *Ред.*) [товаров] более, как на тысячу марок серебра»[1]. В товарном выражении это означало, что каждый немецкий купец мог привозить за один раз, например, 8000 хлебов или 4000 пудов меду и т. д. Купцов же приезжало в Новгород немало, судя по тому, что они здесь (подобно русским купцам в немецких городах) имели свой двор с церковью, луга для коней[2] и ездили из Новгорода торговать в Карелию[3].

В связи с напряженными политическими отношениями, установившимися в то время между Германской империей и Новгородской Русью, торговый устав, выработанный немецкой Ганзой, предусматривал полную отчужденность немецкого купечества в отношении местного населения: под страхом крупных штрафов немецким купцам запрещалось самовольно, без ведома других купцов торговать с русскими, новгородцами или иногородними, занимать у них деньги в долг, приобретать совместно с ними какое-либо имущество и т. п.[4]

Прибалтийские народы оказывали яростное сопротивление захватчикам, которым приходилось также считаться с мощью Руси и нараставшими ударами со стороны Литвы.

Управлявший землей ливов полоцкий князь не имел достаточных сил, чтобы изгнать крестоносцев. Он лишь поддерживал ливов в их борьбе. Так, в 1206 г. в помощь им он организовал поход на Гольме, однако уничтожить немецкую крепость ему не удалось[5], в то же время сам он потерял Куконос. Князь Куконоса Вячеслав нанес немцам ряд ударов[6], но в 1207 г., не получив помощи из Полоцка, сжег замок и ушел на Русь[7]; на месте старой крепости немцы в 1209 г. построили свой замок.

Немцам приходилось опасаться также литовцев, зачастую выступавших совместно с русскими. Идеолог крестоносного разбоя, епископ-

[1] См. *И. Е. Андреевский.* О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855, стр. 91—92.

[2] ГВНиП, № 31, стр. 60 (1269 г.).

[3] Там же, стр. 58—59,

[4] *И. Е. Андреевский.* Указ. соч., стр. 55—56.

[5] *Генрих.* Хроника, X, 9, 12.

[6] Там же, XI, 9.

[7] Там же.

ский хронист Генрих писал, касаясь положения в Подвинье: «Власть литовская до такой степени тяготела тогда над всеми жившими в тех землях племенами, что лишь немногие решались жить в своих деревушках, а больше всех боялись лэтты» [1]. Боялись не только латгалы, но и у самих тевтонов «дрожали руки», когда они в 1205 г. «с миром и питьем» встречали у ворот Риги проходивший мимо двухтысячный литовский отряд [2].

Отдельные литовские князья в поисках добычи (пленников, скота, ценностей) издавна совершали регулярные походы на Латгалию, доходя до Валка и даже до Саккалы в земле эстов и если прежде литовские князья сталкивались здесь с русскими, то теперь они вступали в борьбу с немецкими феодалами. Понятно, что русские князья стремились поддерживать мир с литовскими князьями.

Так, князь Всеволод, правивший в Ерсике, был женат на дочери крупного литовского князя Даугеруте. «Будучи как зять его, для них (литовцев.— *Ред.*) почти своим,— писал хронист,— связанный с ними сверх того и дружбой, [он] часто предводительствовал их войсками, облегчал им переправу через Двину и снабжал их съестными припасами...» [3]

В 1203 г. Всеволод вместе с литовцами совершил успешный набег на окрестности Риги [4]. Использовали литовцы в своих целях и главный замок в земле селов — Селпилс.

Литовцы неоднократно (например, в 1204, 1206, 1208, 1210 гг.) нападали (иногда совместно с ливами) на немцев, нанося им немалый урон [5]. Потери немцев были настолько велики, что епископ Альберт чуть не ежегодно ездил в Германию набирать пополнения. Так, в 1206 г. он «обходил в Тевтонии (Германии.— *Ред.*) каждый квартал, улицу и церковь, ища пилигримов» [6].

Литовские набеги также не остановили немецких захватчиков, которым к 1208 г. удалось занять Селпилс. В следующем году, сосредоточив большие силы, ливонские рыцари неожиданным ударом овладели г. Ерсике, буквально опустошив его. Сам немецкий хронист откровенно сообщает: «Тот день все войско оставалось в городе, собрало по всем его углам большую добычу, захватило одежду, серебро и пурпур, много скота, а из церквей колокола, иконы, прочее убранство, деньги и много добра... На следующий день, растащив все, приготовились к

[1] *Генрих.* Хроника, XIII, 4.
[2] Там же, IX, 1.
[3] Там же, XIII, 4.
[4] Там же, VII, 8.
[5] Там же, VIII, 1; X, 6; XII, 2, XIV, 5.
[6] Там же, X, 17.

возвращению, а город подожгли»[1]. Князь Всеволод, хотя и сохранил часть своих владений, фактически попал в зависимость от Риги[2].

На следующий год захватчики отправили посольство в Полоцк к князю Владимиру. Дав обязательство выплачивать Полоцку ливскую дань, немцы склонили князя подписать «вечный мир». В своей политике немцы широко использовали не только междоусобную борьбу правителей прибалтийских народов, но и разобщенность отдельных русских князей. Подписывая мир, полоцкий князь не интересовался тем, какие последствия это может иметь для Новгорода. А между тем немцам важно было получить передышку на Двине с тем, чтобы укрепить свои позиции в земле эстов, куда они также стали проникать. «И рады были все,—писал немецкий хронист,— что теперь безопаснее могут воевать с эстами»[3].

Расширяя захваченную территорию, немцы проникли и в землю северных латгалов и основали здесь рыцарский замок Венден, создав этим постоянную угрозу не только Латгалии, но и землям южной Эстонии. Замок, которым управлял рыцарь Бертольд, стал главным центром крестоносцев. Провоцируя разногласия между правителями ливов, латгалов и эстов, крестоносцы в 1208 г. организовали нападение на землю эстов, в результате которого был подожжен замок Отепяа[4]. Приближение крестоносных грабителей к коренным русским землям вызвало ответные мероприятия русских князей.

Главная инициатива принадлежала владимиро-суздальским князьям, «низовские полки» которых не раз защищали Великий Новгород и подвластные ему земли от внешних врагов. Неустойчивость политических отношений в Новгороде, обострение борьбы новгородского боярства с владимиро-суздальскими князьями, а также обособленность Пскова, Полоцка и Смоленска не могли, однако, не отразиться отрицательным образом на обороне подвластной северо-западной Руси прибалтийской территории. Походы в Прибалтику предпринимались довольно часто, но у русских князей не было единой и четкой военно-политической программы действий.

В 1209 г. княживший в Новгороде Мстислав Удалой предпринял большой поход в землю эстов области Торма (земля Вайга), расположенной на

---

[1] *Генрих.* Хроника, XIII, 4.

[2] Хотя, видимо, не слишком прочную, ибо он «много лет» не являлся к Альберту и «всегда был врагом христианского рода, а более всего латинян» (XIII, 4). Постоянно помогая литовцам, он с их помощью некоторое время успешно отражал попытки немцев полностью занять Ерсике, например в 1214 г. (XVIII, 4, 9).

[3] *Генрих.* Хроника, XIV, 9.

[4] Там же, XII, 6.

западном берегу Чудского озера (Пейпси), «и много полониша, а скота бещисла приведе», а в 1210 г. русские войска двинулись в область Уганди и осадили г. Отепяа, занятый эстами. По условиям мира, новгородцы «крестили некоторых из них своим крещением, получили четыреста марок ногат и возвратились в свою землю, обещавши послать к ним своих священников для... [их] крещения»[1].

Подтвердив свои права на эстонские земли, новгородское правительство решило упрочить свою власть массовым крещением эстов (как это сделали псковские бояре в северной части Латгалии—Талаве в 1207 г.)[2], чтобы политически затруднить продвижение немецких феодалов. Это была чрезвычайная мера[3].

Занятие меченосцами в 1211 г. крепости Феллина (Вильянди) и разорение области Саккала[4] вызвали выступление эстов всего побережья вплоть до Вирумаа (т. е. Ляанемаа, Линданисе, Сааремаа). Стремясь использовать ливов против эстов, крестоносцы даже пошли на уступки ливам, уменьшив им повинности[5]. В следующем году немцы доходили уже до р. Эмайыги (Эмбах) и были в непосредственной близости от русских земель.

В 1212 г. новгородское боярство с помощью Мстислава Удалого организовало новый поход в землю эстов, в котором участвовали псковский князь Всеволод Борисович и торопецкий князь Давыд. Соединенное войско насчитывало, по немецким данным, 15 000 человек. По сведениям, сообщаемым новгородской летописью, «иде князь Мстислав с новгородьци на чюдь (эстов.— *Ред.*) на Ереву (Ярвамаа, центральная и наиболее богатая часть Эстонии.— *Ред.*), сквозе землю Чюдскую к морю; села их потрати и осекы (укрепления.— *Ред.*) их возьма, и ста с новгородци под городом Воробииномь (Варбола, в земле Харьюмаа.— *Ред.*), и чудь поклонишася ему, и Мстислав же князь взя на них дань». По немецким данным, дань выражалась в сумме 700 марок ногат, из которых две части князь дал новгородцам, а третью часть — своим феодалам («дворяном»)[6]. Следовательно, новгородское боярство не было в состоянии организовать контрнаступление против немцев. Однако оно добивалось сохранения своих прав в земле эстов.

Поход Мстислава вызвал в Литве стремление к сближению с Русью, и в 1213 г. литовский князь Даугеруте «с большими дарами отправился

[1] *Генрих.* Хроника, XIV, 2; НПЛ, стр. 52.
[2] Там же, XI, 7.
[3] Там же, XVI, 2. Видимо, крещение Уганди было осуществлено (XX, 3).
[4] Там же, XV, 1; XV, 3.
[5] Там же, XV, 5.
[6] НПЛ, стр. 52—53; *Генрих.* Хроника, XV, 8.

к великому королю новгородскому и заключил с ним мирный союз». Однако на обратном пути он был перехвачен немцами и кончил свою жизнь в венденской тюрьме. В этом году литовцы все же совершили нападение на Нижнее Подвинье[1].

Новгородскому правительству в эти годы приходилось наталкиваться и на враждебное отношение со стороны некоторых эстонских старейшин. Например, Лембито, старейшина Саккалы, «пока русские были в Эстонии», направил войска на Русь, они «ворвались в город Псков и стали убивать народ, но когда русские подняли тревогу... тотчас побежали с добычей и кое-какими пленными назад»[2] в Уганди. Об этом событии имеется упоминание и в русской летописи: «изъехаша Литва (переписчики так исправили непонятное «Лембито».— *Ред.*) безбожная Плесков и пожгоша: плесковици бо бяху в то время... на озере. И много створиша зла и отъидоша»[3].

Нападения немецких войск на страну эстов все учащались. Так, в 1215 г. немцы из Вендена предприняли поход на Уганди и Вайгу, «не щадя никого: мужского пола всех перебили, женщин и детей увели в плен и... весело возвратились домой со всей добычей»[4]. В начале 1216 г. немцы предприняли из Риги первый поход на остров Саремаа[5], население которого было тесно связано с эстами, что затрудняло агрессивные действия немцев в Рижском заливе.

Несколько упрочив свои позиции в земле эстов, епископ Альберт еще в 1212 г. добился прекращения выплаты ливской дани Полоцку («епископ иногда платил за ливов королю эту дань»[6]). По условиям нового соглашения князь Владимир «предоставил господину епископу всю Ливонию безданно, чтобы укрепился между ними вечный мир, как против литовцев, так и против других язычников, а купцам был бы всегда открыт свободный путь по Двине»[7]. Этот неосмотрительный шаг князя Владимира, утерявшего нижнее Подвинье, не улучшил положения Полоцка. Продвижение крестоносцев в земли эстов наталкивалось на упорное сопротивление как эстов, так и Руси. В эти годы складывается русско-эстонский союз, направленный против крестоносцев. Эстонские правители были вынуждены искать помощи против

---

[1] *Генрих.* Хроника, XVII, 6.
[2] Там же, XV, 10.
[3] НПЛ, стр. 52.
[4] *Генрих.* Хроника, XIX, 3.
[5] Там же, XIX, 9.
[6] Там же, XVI, 2.
[7] Там же. (То же у Арнольда Любекского: епископ отказал полоцкому князю в ливской дани, «оттого он (князь Владимир.— *Ред.*) часто делал жестокие набеги на ту землю и упомянутый город Ригу»).

немецких захватчиков на Руси. Не считая удобным обращаться в Новгород, с которым отношения ухудшились из-за прекращения выплаты дани, эсты «послали к королю полоцкому Владимиру просить, чтобы он с многочисленным войском пришел осаждать Ригу, а сами обещали в это время теснить войной [подчиненных немцам] ливов и лэттов (латгалов.— *Ред.*), а также [с помощью жителей Сааремаа] запереть гавань Дюнамюнде»[1].

Князь Владимир, «так как он всегда стремился разорить ливонскую церковь», одобрил предложение эстов. Он отправил послов «в Руссию и Литву и созвал большое войско из русских и литовцев». Подготавливался крупный поход, но в день выступления Владимир внезапно умер, и поход расстроился[2]. Однако 1216 год примечателен как начало оформления русско-эстонского союза, направленного против немецких захватчиков. Русская новгородско-псковская политика в земле эстов активизировалась.

В этом же году псковские власти выступили против эстов Уганди, которые были завоеваны и крещены немцами; псковские бояре «потребовали у них (эстов.— *Ред.*) оброка и податей» (census et tributum)[3]. Походом к Отепяа псковичи добились своего. Крестоносцы же, по уходе псковичей, в свою очередь пришли под Отепяа, соорудили здесь сильно укрепленный замок и поставили гарнизон[4].

В 1216 г. Новгород и Псков стали подготавливать крупное наступление с целью изгнания немцев из Эстонии. К эстам были отправлены послы «по всей Эстонии, чтобы шли эсты осаждать тевтонов в Отепяа»; на призыв русских откликнулись «не только эзельцы и гарионцы, но и жители Саккалы, уже давно крещеные (немцами.— *Ред.*), надеясь таким образом сбросить с себя иго тевтонов...»[5]

В то время Мстислав Удалой был в отъезде в Киеве, и поход возглавили Владимир Мстиславич, князь псковский, и новгородский посадник Твердислав. В 1217 г. русские «сташа» под городом Отепяа; осада длилась 17 дней; к ним на помощь пришли эстонские отряды, в том числе и с о.Сааремаа[6]. Чтобы отсрочить штурм, осажденные начали переговоры, а сами отправили гонцов к немцам. Пока русские совещались, подошло основное немецкое войско магистра Волквина с насильственно собранными вспомогательными отрядами ливов и латгалов. Войско пробилось в город, правда, понеся немалый урон: «убиша

---

[1] *Генрих*. Хроника, XIX, 10.

[2] В наших летописях есть известие о походе на Ригу в 1216 г.

[3] *Генрих*. Хроника, XX, 3

[4] Там же, XX, 5.

[5] Там же, XX, 7.

[6] Там же.

новгородци два воеводе, а третий руками яша, а конев отъяша 700»[1]. Тогда же был убит Бертольд венденский. Однако приход подкреплений не спас немцев от поражения: «из-за множества людей и коней сделался голод в замке, недостаток съестного и сена, и стали кони объедать хвосты друг другу». На третий день немцы сдались и вынуждены были оставить замок[2]. Видимо, эта победа русско-эстонских сил восстановила русские права в земле эстов, так как в том же 1217 г. епископ Альберт был вынужден отправить послов в Новгород и в Саккалу «для утверждения мира», заключенного в Отепяа.

Но русские шли на мир с целью подготовить новое наступление на крестоносцев. По свидетельству немецкого хрониста, новгородские правители «пренебрегли и просьбами епископа и миром с тевтонами, а сговаривались с эстами, обдумывая способы как бы раздавить тевтонов...»[3] Повидимому, удар крестоносцам был нанесен сильный, потому что епископ Альберт срочно направился в Германию набирать пополнения и привез много новых войск.

Тогда же «эсты отправили русским много даров, прося придти с войском...» Мстислава Удалого в то время уже не было в Новгороде, он ушел воевать за Галицкую землю против венгерских правителей. Новый новгородский князь, Святослав Мстиславич (сын князя киевского), «отправив послов в Эстонию, обещал придти с большим войском вместе с королем Владимиром (псковским.— *Ред.*) и множеством других королей. И обрадовались эсты и послали людей по всей Эстонии и собрали весьма большое и сильное войско и стали у Палы в Саккале»[4]. Возглавили эстов князь и старейшина земли Саккала — Лембито, в прошлом враждебный Руси. Он собирал силы со всей Эстонии, «и явились к ним и роталийцы и гарионцы (земля Харьюмаа. — *Ред.*), и виронцы (земля Вирумаа.— *Ред.*), и ревельцы, и гервенцы (земля Ярвамаа.— *Ред.*), и люди из Саккалы». Шеститысячное войско стояло в Саккале, ожидая прихода русских полков[5]. Но магистр Волквин, собравший трехтысячное войско и вспомогательные отряды ливов и латгалов, сумел разбить эстов и, разорив область Саккала, ослабил центр их сопротивления. Однако «великая война русских и эстов против ливонцев» разгоралась все сильнее, и епископ Альберт счел нужным обратиться за помощью к датскому королю Вальдемару, который «обещал на следующий год быть в Эстонии»[6].

[1] НПЛ, стр. 57.
[2] *Генрих.* Хроника, XX, 7—8.
[3] Там же, XXI, 1.
[4] Там же, XXI, 2.
[5] Там же.
[6] Там же, XXII, 1.

Между тем войско новгородского князя Всеволода Мстиславича (другого сына киевского князя) предприняло большой поход на Венден, бывший форпостом немцев, нападавших на Восточную Эстонию; из эстов после поражения у Саккалы в походе участвовали лишь жители Харьюмаа; одновременно отряды с о. Сааремаа напали на владения немцев в устье Двины[1]. Все русское войско, по немецким данным, насчитывало 10 000 человек: «иде князь Всеволод с новгородьци к Пертуеву (так наши летописи называли Венден по имени первоначально управлявшего им Бертольда, т. е. «Бертольдов».— *Ред.*) и устретоша стороже немьци, литва, либь и бишася; и пособи бог новгородьцемь» (т. е. они разбили дозоры.— *Ред.*) и «идоша под город и стояша 2 недели, не взяша города, и придоша здорови»[2]. По немецким данным, в походе участвовали псковичи, возглавляемые князем Владимиром Мстиславичем и его сыном Ярославом. Таким образом, хотя русско-эстонский поход на Ригу и не состоялся, но была проведена внушительная демонстрация сил осадой Вендена.

В 1219 г. в Северную Эстонию вторглись войска датского короля Вальдемара, подкрепленные силами его вассала — правителя Рюгена и части Померании — Вацлава I; они захватили часть территории эстов и основали на месте Линданисе, древней эстонской крепости, новую, назвав ее Ревель. Датские короли давно стремились обосноваться в Эстонии. Еще в 1100 г. король Эрик Эйегод присвоил себе титул герцога Эстонии, и с той поры датские правители, равно как и шведские, не раз покушались на независимость эстов, которые отвечали жестокими набегами на датские и шведские владения[3]. Их набегов боялись, и не случайно жители острова Готланда «предпочитали быть в мире с эстами»[4]. В 1206 г. король Вальдемар сделал неудачную попытку захватить часть острова Сааремаа, но должен был отступить[5].

Вторжение датских феодалов серьезно ухудшало русские позиции в Эстонии, во-первых, потому, что датчане постоянно грозили Северной Эстонии, во-вторых, потому, что во всех русских походах на немецких рыцарей датская крепость оставалась у них на фланге. Датские феодалы вели себя в стране эстов так же, как и немецкие; они занялись захватами земель, порабощением и крещением населения. Тех, кто был уже крещен немцами, датчане перекрещивали, а тех,

[1] *Генрих.* Хроника, XXII, 8.
[2] НПЛ, стр. 59—60.
[3] *Генрих.* Хроника, VII, 1.
[4] Там же, VII, 2
[5] Там же, X, 13.

кто принимал крещение у немцев после прихода датчан, они вешали как государственных преступников[1]. Этот факт является лишним свидетельством того, что вопрос о крещении был лишь лозунгом грабежа, а принятие христианства имело в глазах завоевателей чисто политическое значение как признание их власти.

Но среди грабителей не было единства. В частности, возник конфликт между Ригой и датскими феодалами.

Столкнувшись с датскими феодалами, епископ Альберт в поисках союзников в 1220 г. ездил ко двору германского императора Фридриха II, прося поддержки, но тот «уделил епископу не много благожелательного внимания», а лишь «убеждал его и уговаривал держаться мира и дружбы с датчанами и русскими, пока над молодым насаждением не вырастет впоследствии крепкое здание»[2]. Таким образом, в этот момент Фридрих II не счел возможным поддержать епископа, как он это сделал позднее. Между тем датский король в 1220 г. запретил г. Любеку давать корабли для подвоза подкреплений в Ригу, т. е. блокировал ее, и в 1221 г. епископ был вынужден признать власть Вальдемара над Эстонией и Ливонией[3]. Это привело к усилению наступления немецко-датских захватчиков.

В то же время на Руси, в Новгороде Великом, постепенно начало вновь возрастать влияние владимиро-суздальских князей, что не могло не сказаться на укреплении новгородских вооруженных сил. В 1221 г. владимирский князь Юрий Всеволодович отправил в Новгород своего брата Святослава, и тот предпринял новый поход на Венден: «Идоша новгородьци со Святославомь ко Кеси (так как Бертольд погиб, то город именуют уже не Пертуев, а по-латвийски, от Цесис.— *Ред.*), и придоша Литва в помочь же; и много воеваша, но города не взяша»[4]. Немецкий хронист сообщает, что русские, разорив венденский посад (внешний город), опустошили также немецкие владения в области Турейде, расположенной в непосредственной близости от Риги, и «где русские нанесли меньший вред, там приложили руку литовцы»[5]. На обратном пути русско-литовское войско три дня стояло в Уганди. Литовский отряд, насчитывавший 600 человек, ушел с русскими в Псков, надеясь позднее вернуться в Литву[6]; на обратном пути ему пришлось выдержать бой с рыцарями[7]. В том же году немецкие

[1] *Генрих.* Хроника, XXIV, 1—2.
[2] Там же, XXIV, 4.
[3] Там же.
[4] НПЛ, стр. 60—61.
[5] *Генрих.* Хроника, XXV, 3.
[6] Там же, XXV, 3.
[7] Там же, XXV, 4.

войска предприняли набег через эстонскую область Вирумаа за р. Нарову в Ингрию, «относящуюся к Новгородскому королевству»[1].

Все, происходившее в то время в Восточной Прибалтике, ясно свидетельствует, что Русь, несмотря на ее раздробленность, являлась единственной силой, которая могла положить предел немецкому натиску. Не случайно народы, противостоявшие немцам (литовцы, эсты, латгалы), искали помощи на Руси.

Исторические судьбы Руси сложились так, что именно в это время, когда она готовила наступление на немецких и шведских феодалов, ей был нанесен первый и весьма серьезный удар с востока, со стороны татаро-монголов. Этот удар не замедлил отозваться и на положении в Прибалтике. Для уяснения перемен, происшедших во внешнеполитическом положении Руси, необходимо обратиться к рассмотрению событий на восток от ее границ.

4

ОБРАЗОВАНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

В начале XIII в. в Центральной Азии произошли события, которым суждено было сыграть огромную роль в истории Китая, Средней Азии, Кавказа, Персии и Восточной Европы. Эти события связаны с образованием государства у народа, известного под именем монголов или татар.

До конца XII в. монголов как единого народа еще не существовало. В Монголии жили отдельные племена, говорившие на разных наречиях монгольского языка и стоявшие на разном культурном уровне. Часть племен жила еще в лесах, занимаясь звероловством, часть перешла к кочевому скотоводству. Племена, обитавшие по соседству с Китаем, подверглись значительному культурному воздействию этого государства.

Основная масса монгольских племен, обитавшая в степях, занималась кочевым скотоводством. Их богатство составляли громадные табуны коней и стада рогатого скота и овец. Китайский путешественник Чань-чунь, посетивший монгольские степи в первой половине XIII в., в стихах описал быт кочевников: «На земле не растет дерева, а только дикая трава..., хлеба здесь не растут; питаются же молоком; одеваются в меховое платье, живут в войлочных юртах и тоже веселы»[2]. «Для чего

---

[1] *Генрих.* Хроника, XXV, 6.

[2] «Си-ю-цзи, или описание путешествия на Запад». «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, СПб., 1866, стр. 285.

творец,—восклицает он,—образуя вселенную, в этих странах повелел... пасти коней и коров»[1].

Подсобным занятием являлась охота на степную дичь, производившаяся облавным способом. Рыбная ловля, ловля сусликов, охота на птиц с соколом, выкапывание корней являлись уделом бедноты, у которой не было скота. Занятие скотоводством обусловило кочевой образ жизни, связанный с необходимостью перемены мест для пастбища.

Монгольские племена, жившие на севере в таежных пространствах (так называемые лесные монголы), были малочисленнее и в культурном отношении стояли на более низкой ступени развития, чем степные монголы. Основным их занятием были охота и рыболовство. Среди них упоминаются племена «булагачин» (охотников на соболей) и «керемючин» (охотников на белок); пушнина служила предметом обмена на продукты скотоводческого хозяйства «степных монголов». Степные монголы, не ограничиваясь мирным обменом, производили набеги на лесных монголов и собирали с них дань мехами. Монголы-звероловы жили в шалашах и чумах; они приручали диких оленей и пользовались ими для перевозки тяжестей.

В XII в. монголы занимали обширную территорию от озера Кулун-Бугир до западных отрогов Алтайских гор; северной границей служили озеро Байкал и верховья Енисея и Иртыша; к югу монголы частично обитали по ту сторону пустыни Гоби, близ Великой китайской стены.

Среди монгольских племен в XII в. более всего выделялось большое племя татар. Кочевало оно в восточной части Монголии у озера Буир-нур. Еще Рашид-ад-дин заметил, что представители отдельных монгольских племен в сношениях с другими народами охотно принимали на себя имя татар, что, конечно, объяснялось тем важным местом, которое они занимали среди остальных монгольских племен. Впоследствии это имя стало нарицательным для всех монгольских племен, объединившихся в один народ под властью Чингис-хана. Под именем татар монголы были известны у ряда арабских и персидских авторов XIII—XIV вв., а также в русских и западноевропейских источниках. Татары были самым сильным монгольским племенем. Наиболее культурными из них были найманы, жившие в западной части Монголии между Хангайскими горами и Алтаем.

Крупным племенем были кереиты, кочевавшие главным образом по рр. Орхону и Толе. Наконец, Западное Забайкалье и нижнее течение Селенги и Орхона занимали меркиты.

К началу XIII в. в степях обширной Монголии завершался переход к раннефеодальному строю; своеобразной чертой кочевого общества было наличие полупатриархальных-полуфеодальных отношений.

[1] «Си-ю-цзи, или описание путешествия на Запад», стр. 289.

Процесс образования классов у монголов ускорялся воздействием соседних культурных стран, с одной стороны Китая и Тангут (Си-Ся), с другой — Средней Азии.

В XII в. родо-племенные отношения еще продолжали играть известную роль в быту монголов. «Разлучиться с родными значит сделаться добычей посторонних... Отделиться от многочисленного семейства значит сделаться добычей малочисленного семейства. Если распадается многочисленное семейство, то оно сделается добычей малочисленного народа. Можно найти движущихся (живые существа), но родных не найдешь. Можно приобрести народ, но родных приобрести нельзя». Монгольский род издавна являлся союзом кровных родственников, в котором все считали себя происходящими от одного общего предка, где браки не могли совершаться внутри рода и мужчина должен был брать себе в жены девушку только из другого рода. Наоборот, женщина, взятая в род, уже не могла из него выйти и в случае смерти мужа переходила к его ближайшему родственнику; поэтому у монголов крепко держался обычай, по которому сыновья покойника разбирали между собой его жен — своих мачех.

Очень большое место в быту монголов занимал еще и родовой институт кровной мести. Кровная месть ограничивалась обычаем гостеприимства. «Когда пташка, преследуемая степным коршуном, прячется в густую траву, густая трава спасает ей жизнь; если так бывает от травы, то мы будем хуже ее, если не поможем человеку, прибегшему к нам» [1], — гласит монгольская мудрость. Наконец, соблюдался культ предков, к которому допускались только члены рода.

В XII в. род у монголов находился уже в стадии быстрого разложения. Признаком распада монгольского рода служит изменение в формах кочевок. Первоначально род кочевал совместно и, останавливаясь, образовывал «курень»— кольцо из нескольких сот кибиток, расположенных вокруг кибитки родового старейшины. Монгольский род стал интенсивно переходить к индивидуальному хозяйству, которое велось самостоятельно каждой индивидуальной семьей, называвшейся по-монгольски «аилом». Пастбища продолжали оставаться в общем пользовании рода. Для монгольского рода были характерны и преимущественные права наследования младшего сына.

Монгольское общество к XIII в. имело уже свою влиятельную кочевую раннефеодальную знать, которая стояла во главе отдельных родов и племен. Из массы аилов выделялось небольшое количество знатных аилов, т. е. семей, представители которых носили титулы то баатура

[1] «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане», пер. Палладия. «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV стр. 43.

(богатырь), то бильге (мудрый), то мерген (меткий стрелок), то, наконец, нойон (князь). Впоследствии термином нойон стали обозначать монгольского феодала вообще. Крепнувший класс феодалов жил за счет эксплуатации основной массы кочевников, так называемых «карачу». Нойоны владели огромными стадами скота и в качестве глав родов и племен сосредоточивали в своих руках право распоряжаться территориями пастбищ и источниками.

Вокруг нойонов образовывались дружины нукеров. Наиболее древней формой этого института было распространенное у монголов побратимство, по законам которого названные братья («аньда») имеют «как бы одну жизнь»[1]. В конце XII в. побратимство сохранялось лишь как пережиток, а нукер стал военным слугой, которого нойон кормил и одевал, с которым делился добычей и который должен был за это ему служить.

Нукеры «впереди» и «позади» своего нойона «служили» «помощниками и пособниками, хорошо пускали стрелы, держали на поводу коня, ловили птиц на руке и охотничьих собак в тороках». В случае гибели своего господина нукеры тоже должны были умереть. «Теперь, прежде чем увидеть кончину его, пойдемте и сразимся перед ним, чтобы он видел смерть нашу»,— так говорили нукеры. Опираясь на свою собственность, используя нукеров, монгольские баатуры, бильге, мергены, нойоны постепенно установили, особенно в процессе завоеваний Чингис-хана, господство над трудящимися монголами. Это происходило не без влияния покоренных ими стран — Китая и Средней Азии, стоявших, как известно, на значительно более высокой стадии развития. «Нукерство знаменует дальнейшее разложение родового быта и закабаление простого народа, который, в конце концов, и должен был содержать эти аристократические шайки»[2].

Основную массу кочевников-скотоводов составляли «карачу» — непосредственные производители, простой народ, «черный люд», живший аилами, входивший в определенный род и племя, подвластные нойонам.

К началу XIII в. у монголов можно уже наблюдать формы феодальной эксплуатации. Карачу должны были предоставлять кочевой знати известное количество мелкого скота на убой и дойных животных, главным образом кобылиц. Немалую роль в хозяйстве и общественных отношениях монгольского общества играло еще патриархальное рабство. Главным источником рабства являлись междоусобные войны (главным образом из-за пастбищ) отдельных племен, когда, наряду со скотом,

---

[1] «Старинное монгольское сказание.. », стр. 58.

[2] *Б. Я. Владимирцов*. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 95.

победители уводили и людей. Имели место и случаи дарения и продажи отцами детей. Рабы использовались в кочевом хозяйстве преимущественно в качестве пастухов и домашних слуг. Наследственное рабство было явлением редким, чаще всего во втором поколении рабы получали освобождение и входили в качестве свободных или полусвободных в состав карачу, т. е. простого народа. Рабами владели не только аристократические семьи, но и простые патриархальные семьи — аилы.

В условиях кочевого скотоводства в монгольском обществе издавна сложилась своеобразная категория зависимости («унаган богол»). В результате взаимных набегов отдельные монгольские племена и роды попадали в отношения победителей и побежденных. По словам Рашид-ад-дина, когда Чингис-хан покорил племена тайджиут, урут и манкгут, он сделал их своими «унаган боголами». Покоренный род или племя были обязаны нести повинности в пользу своих победителей. Аристократические семьи покоренного рода или племени обязаны были исполнять «благородную» службу главам рода победителя, а простые семьи — делать грубую, «черную» работу. Эта зависимость была особенно тяжелой для карачу покоренного племени, поскольку простой народ, кроме службы своей аристократии, должен был работать и на знать победившего племени.

На грани XII—XIII вв. в Монголии происходил процесс формирования класса феодализирующейся знати, которая с помощью своих нукеров создавала аппарат насилия для утверждения своей власти над массой карачу. Тогда же возникали объединения отдельных племен под властью сильных ханов. Сначала подобные попытки объединения охватывали только отдельные части страны и группы племен.

Центром, откуда началось объединение монголов и других близких к ним в культурном отношении племен в относительно единое политическое целое, были долины рр. Керулена и Онона. От монголов, кочевавших по р. Онону, отпочковался новый род борджигин, из которого вышел Темучин, оказавшийся впоследствии во главе одного из местных объединений. Темучин родился в 1155 г. в семье богатого баатура Есугея, одного из самых влиятельных людей в долине Онона. Есугей имел много крупного и мелкого скота, несколько жен, у которых были свои ставки, сильную дружину, опираясь на которую, он установил свою власть в степи. Есугей укрепил свое положение, став в вассальные отношения к сильному кереитскому хану. При содействии хана он вел борьбу с соседями, особенно с татарами, с которыми у него была давняя родовая вражда. В борьбе с татарами Есугей и погиб (повидимому, в 1165 г.). Смерть Есугея и последующие распри весьма ослабили экономическое и политическое значение его семьи.

В течение ряда лет Темучин энергично боролся за восстановление былого значения своей семьи. Брак с Борте из племени хунгират дал ему опору в племени жены. Весьма благоприятно для Темучина сложилась и политическая обстановка. Он признал себя вассалом ван-хана кереитского и помог ему утвердиться на престоле. Вассальная зависимость скоро превратилась в союзнические отношения. «Мы с тобой, что две оглобли у кибитки,— велел Темучин передать ван-хану,— когда поломится одна, быку не свезти кибитки» [1]. При поддержке ван-хана Темучину удалось разгромить враждебных ему меркитов и объединить под своей властью часть монголов.

«Сокровенное сказание» [2], рассказывая о провозглашении Темучина ханом, так характеризует представления монгольской знати о его правах. «Мы хотим,— говорили баатуры,— провозгласить тебя царем. Когда ты будешь царем, то в битвах с многочисленными врагами мы будем передовыми, а если полоним прекрасных девиц и жен..., то будем отдавать их тебе. В облавах на зверей мы будем выступать прежде других и пойманных зверей будем отдавать тебе. Если мы в ратных боях преступим твои приказы или, в спокойное время, повредим делам твоим, то ты отними у нас жен и имущество и покинь нас в безлюдных пустынях» [3].

Провозглашение знатью нескольких монгольских племен Темучина ханом (под именем Чингис-хана) [4] не давало ему еще власти над всей Монголией. Знать другой группы племен провозгласила гур-ханом (великим ханом) представителя рода джадарат Джамугу, считавшегося «аньдой» (названным братом) Темучина. Однако обстановка складывалась в пользу последнего. В эту пору Цзиньская династия, в союзе с ван-ханом кереитским Тогрулом, при участии Чингис-хана разгромила татар — врагов семьи Темучина. Это обстоятельство весьма усилило положение Темучина, и он стал претендовать на управление всей Монголией.

При этом Темучин столкнулся с противодействием своего недавнего союзника Тогрула ван-хана кереитского, тесную связь с которым поддерживал хан Джамуга. Началась война. Чингис-хан внезапно окружил ставку кереитского хана и после жестокого сражения овладел ею. Ван-хан был настигнут во время бегства и убит. Разгром кереитов имел серьезные последствия для растущего Монгольского госу-

[1] «Старинное монгольское сказание...», стр. 91.

[2] Сборник монгольских преданий о Чингис хане, составленный при его сыне Угедее в редакции, угодной династии Чингисидов и феодальной кочевой аристократии.

[3] «Старинное монгольское сказание...», стр. 62.

[4] Там же, стр. 109.

дарства. Самое сильное из степных политических объединений было разбито. Прекратилось самостоятельное существование кереитов. Темучин роздал кереитское трудящееся население своим приверженцам, а знать включил в свою дружину.

Продолжая борьбу, гур-хан Джамуга пытался поднять против победителя на западе Монголии найманов[1]. Среди небольшой части найманов уже было распространено земледелие, они имели относительно развитой аппарат управления; при найманском хане даже была канцелярия, во главе которой стоял хранитель печати. На государственное устройство найманов непосредственное воздействие оказали соседние уйгуры, обладавшие сравнительно высокой культурой. Хранителем печати последнего найманского хана в 1204 г. был уйгур. Благодаря сношениям с культурными землями Восточного Туркестана, Семиречья и Средней Азии найманы имели уже письменность (уйгурское письмо) и в известной своей части исповедывали христианство несторианского толка, которое особенно распространено было в районе между Кашгаром и Баласагуном (город в долине р. Чу). Во главе найманов стояли Таян-хан и его сын Кучлук.

Темучин понимал, что он не будет правителем всей Монголии до тех пор, пока найманы независимы. И он начал тщательно готовиться к походу против найманов. Немало услуг при организации похода оказали ему мусульманские купцы, державшие тогда в своих руках всю караванную торговлю Средней Азии с Монголией и Китаем и снабжавшие войско Темучина сведениями как о найманах, так и о положении западных стран — Семиречья и Мавераннахра. Поход против найманов начался в 1204 г. и принес полную победу. Впрочем, Кучлук со значительным количеством найманов успел перейти в Семиречье, вследствие чего Темучин не смог закрепить свою победу, поскольку у него в тылу оставался Джамуга. Однако соратники Джамуги отходили от него один за другим, пока, наконец, не растаяло почти все его войско. Предание говорит, что Джамуга пал от руки убийцы.

Победы войск Темучина над соседними племенами завершились тем, что в 1206 г. курултай (собрание) монгольской знати на р. Ононе провозгласил его всемонгольским ханом и дал ему имя Чингис-хан. Таким образом, и официально и юридически, было закреплено то, что фактически было добыто оружием. Поддержка, которую встретил новый правитель монголов со стороны монгольской знати, объясняется тем, что победы Чингис-хана не только способствовали усилению нойонов в родо-племенных организациях, но и открывали им широкие возможности обогащения за счет военной добычи.

---

[1] См. о них гл. 4, § 11 настоящего издания.

Монгольское государство Чингис-хана сложилось в интересах господствующего класса — нойонства, силою нойонства и его нукеров. Само же нойонство в конце XII и начале XIII в. представляло собой складывающийся класс феодалов, так как процесс формирования монгольского феодализма находился еще на ранних ступенях своего развития[1], причем с характерными для кочевников чертами преобладания полупатриархальных - полуфеодальных отношений.

Чингис-хан. Китайская миниатюра

Сила Монгольского государства во время его наступления на народы Средней Азии, Кавказа и Восточной Европы заключалась в том, что оно сохраняло политические формы раннефеодального единства. В странах же, на которые оно повело наступление, было уже зрелое феодальное общество, расколотое на множество удельных княжеств. Правители последних враждовали друг с другом и тем самым лишали народы возможности оказать наступлению кочевников единый и организованный отпор. Характерно, что основная масса кочевников-монголов в начале XIII в. еще не знала закрепощения, которое произошло лишь при преемниках Чингис-хана в пору подъема Монгольского государства (1227—1259).

В Монгольском государстве, которое представляло собой одну из форм военно-административных политических объединений, каждый член Чингисова дома получал особый улус, или владение. Все подвластное население было разделено на тумены (десять тысяч, «тьмы»), тысячи, сотни и десятки. Начальниками туменов (по-русски — темни-

---

[1] *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский.* Золотая орда и ее падение, стр. 47.

ки), тысячниками и сотниками назначались обычно племенные князья, а также нойоны Чингис-хана. Иногда создавались искусственные тысячи и сотни из представителей различных родов и племен. Указанное деление государства было тесно связано с древней военной организацией монголов. Согласно старинному обычаю, все войско монголов было разбито на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч (тумены). Все мужское население, способное носить оружие, было обязано входить в качестве воинов в эту организацию.

В годы правления Чингис-хана была значительно укреплена и усовершенствована государственная система, с помощью которой осуществлялась эксплуатация монгольского трудового народа. В то же время безжалостно подавлялось сопротивление непокорной знати. Особое внимание Чингис-хан обратил на создание своей гвардии (по-монгольски — кешик), укомплектованной не только из отборной аристократической молодежи, но и представителей более широких слоев кочевников. Прежде всего ценились сила, ловкость, храбрость и абсолютная преданность. «Ныне,— распорядился Чингис-хан,—...для моей охранной стражи, саньбань и других, пусть наберут десять тысяч человек из тем, тысяч и сотен. Этих людей, которые будут находиться при моей особе, должно избрать из детей чиновных и свободного состояния лиц, и избрать ловких, статных и крепких. Сын тысячника приведет с собой одного брата, да десять человек товарищей; сын сотника возьмет с собой одного брата, да пятерых товарищей...»[1] Гвардия была опорой Чингис-хана и в походах, и при установлении его власти над монгольским народом; с помощью гвардии он подавлял всякое сопротивление.

После объединения монгольских земель под властью Чингис-хана, которое нашло свое официальное оформление на курултае 1206 г., входит в употребление и термин «монголы» как обозначение не только группы племен и родов, в том числе рода борджигин, из которого вышел Чингис-хан, но и всего народа. Сам народ называл себя татарами. От найманов остальные монголы восприняли письменность с применением уйгурского алфавита. Однако грамотных в Монголии было весьма мало. Характерно, что сам Чингис-хан до конца жизни так и не научился ни писать, ни читать. Тем не менее он, повидимому, положил начало записи ясы — обычного монгольского права, нормами которого фактически управлялось монгольское общество. Тогда же начали складываться и «билик», т. е. изречения Чингис-хана.

Одновременно с укреплением внутренней власти кочевой знати продолжалось расширение пределов нового государства. Уже в 1207 г.

---

[1] «Старинное монгольское сказание...», стр. 125.

Чингис-хан отправил своего сына Джучи на завоевание Сибири, куда монгольских правителей привлекала драгоценная пушнина.

Были покорены кыргызы и другие племена, жившие на верхнем Енисее; в знак покорности монголам кыргызский князь преподнес Джучи лошадь, белого сокола и соболиные шкурки. Из других народов, признавших власть Монгольского государства, упоминаются буряты у озера Байкала, якуты и приалтайские ойроты. Наконец, были присоединены «народы, обитающие в лесах» к северо-западу от страны «Шибир», или «Сибирь», т. е. до впадения Тобола в Иртыш. Подчинились в 1211 г. Чингис-хану и туркестанские уйгуры, что означало распространение могущества монголов за пределы собственно Монголии. Основным объектом наступательных планов Чингисхана стал в то время Китай.

Со времен глубокой древности кочевники, жившие на север от Китая, совершали набеги на жителей этой богатой и культурной страны. Не напрасно правители древнего Китая соорудили для защиты страны от набегов кочевников Великую китайскую стену. Чингис-хана, как и его предшественников, правителей больших кочевых государств, влекло за китайскую стену, где можно было получить большую добычу. На северо-западе Китая лежала богатая страна Си-Ся, населенная тибетскими племенами тангутов (си-ся). В 1205 г. войска Чингис-хана совершили первый грабительский набег на Си-Ся, который можно рассматривать как подготовку к нашествию на Китай.

В 1211 г., когда монгольские захватчики заняли северную часть Семиречья, войска самого Чингис-хана вступили в Северный Китай, находившийся под властью завоевателей-чжурчженей, называвших свое государство Цзинь. Поход на Цзинь был тщательно подготовлен. Через онгутов, живших вдоль Китайской стены[1], а также мусульманских купцов, торговавших с Китаем, были получены необходимые сведения о дорогах, городах, их богатстве, о прочности власти, о настроении внутри страны, об отношениях между чжурчженями, китайцами и киданями (кара-китаями) и т. д. В походе участвовали четыре сына Чингис-хана — Джучи, Чагатай, Угэдей и Тулай, а также полководцы — Джебе и Субэдей. Пройдя через Китайскую стену с помощью перешедших на его сторону онгутов, Чингис-хан встретился на северных окраинах Китая с большой цзиньской армией и разбил ее, после чего захватил три больших города Эти победы открыли монголам путь внутрь страны.

---

[1] Онгуты были на службе у цзиньского императора и охраняли китайскую стену, которая представляла собой сложную систему укреплений.

В сравнительно короткое время армии монгольских правителей заняли почти все земли Цзиньского государства. Движение монголов сопровождалось насилиями, грабежом и пожарами. В 1214 г. армии монголов с большой добычей собрались в обратный поход. Чингис-хан считал войну удачной. Из своего лагеря вблизи Пекина он отправил поэтому послов к цзиньскому императору, предлагая заключить мир на условиях дани и выдачи замуж за него императорской дочери. Условия были приняты, но мир продолжался недолго и нарушил его Чингис-хан.

Монгольские войска вновь наводнили Северный Китай. На этот раз Чингис-хан сумел в большей мере, чем во время первого похода, использовать вражду чжурчженей с китайцами. В 1215 г. был взят и разграблен Пекин. Но монгольские захватчики встретили упорное сопротивление, и война затянулась надолго. Государство чжурчженей пало лишь в 1234 г. При Хубилае (1260) Пекин был сделан столицей Северного Китая и получил тюркское название Ханбалык, что значит «ханский город».

Походы против Цзинь имели огромное значение для Монгольского государства. В Китае монголы познакомились с высокой техникой, особенно военного дела. Монгольские власти вывезли из Китая большое количество вооружения, осадные машины, а главное людей, которые умели не только пользоваться этими машинами, но и создавать их.

Целью походов Чингис-хана были грабеж и порабощение народов завоеванных стран. По монгольским сказаниям, Чингис-хан говорил: «Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы покорить мятежников и победить врага, взять то, что он имеет, заставить вопить служителей его, заставить течь слезы по щекам их, сидеть на их приятно идущих жирных конях, целовать румяные ланиты и алые уста их жен».

По мере захвата государств с развитым феодальным строем, основанным на земледелии, у самих монголов все более развивались феодальные отношения. В связи с этим и государственное устройство становилось более сложным и подвергалось реорганизации.

Китайский писатель, современник монгольского завоевания, правильно отмечает значительное влияние китайской культуры на Монгольское государство. Чингис-хан, пишет он, «стал употреблять на службу изменников и перебежчиков — цзиньских чиновников», которые, «не имея пристанища и желая быть для них (монголов.— *Ред.*) полезными, научили их письменам китайским, и в переписке с цзиньским государством они стали употреблять китайские буквы». «Отправляемые ныне бумаги все пишутся перебежавшими чиновниками, знающими

письмена, которые насильно учат монголов как вести дела. По моему глупому разумению, они, наверное, через несколько лет непременно научат их сочинять свой календарь и переменить года и дадут прозвание государству». Китайские летописи отмечают, в частности, выдающуюся роль высокообразованного киданца Елюй-Чуцая; советами его в делах управления пользовался Чингис-хан, *«государственная мудрость»* которого «вообще китайского происхождения...»[1]

5

ЗАВОЕВАНИЕ МОНГОЛЬСКИМ ГОСУДАРСТВОМ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ВТОРЖЕНИЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ЗАКАВКАЗЬЕ И ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ

Монгольское завоевание казалось людям XIII в. мировой катастрофой. По словам арабского историка начала XIII в., современника монгольского нашествия, Ибн-ал-Асира (умер в 1233 г.), нашествие татар было огромным несчастьем, «которому подобного не производили дни и ночи и которое охватило все создания... [Татары] ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умертвляли зародыши»[2]. Это «не местное событие, искры его разлетелись во все стороны, и зло простерлось на всех; оно шло по всем весям, как туча, которую гонит ветер»[3].

«Я думаю,— говорит армянский историк Киракос Гандзакеци (1201—1272),— что и другие будут о том же рассказывать, но все их повествования будут ниже действительности. Бедствия, которые постигли все страны, превосходят все, что история может рассказать»[4].

Резня и разрушение городов производились монгольскими правителями по одному плану и преследовали определенную политическую цель—вызвать панику среди населения и облегчить себе военные действия. Обыкновенно, подойдя к какому-нибудь городу, монголы отправляли посланца (ильчи) к городской знати и купечеству с предложением сдаться. Пощада (аман) жителям города давалась лишь при немедленной

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 227.

[2] *В. В. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, СПб., 1884, стр. 2.

[3] Там же, стр. 2.

[4] «Из истории Киракоса Гандзакеци». История монголов по армянским источникам, Пер. К. П. Патканова, вып. 2, СПб., 1874, стр. 12.

сдаче и то только тогда, когда монголам казалось выгодным не разрушать город. В случае сопротивления население завоеванного города выгонялось на несколько дней в поле, и город предавался разграблению. По окончании грабежа завоеватели принимались за жителей: воинов убивали, ремесленников и искусных мастеров распределяли в качестве рабов между монгольской знатью, молодых женщин также обращали в рабынь и делили между воинами, юношей брали в «толпу», т. е. для тяжелых осадных работ. Прочих жителей иногда щадили, иногда же, «разделив между воинами, по заведенному обычаю, всех предавали смерти». Бывали случаи, когда монгольские захватчики убивали всех жителей тех городов, которые оказывали упорное сопротивление.

Как в Средней Азии, так и в странах Закавказья, монголы стремились привлечь на свою сторону (и часто не без успеха) феодальную знать и купечество, связанное с транзитной караванной торговлей.

Впервые монгольские отряды появились в Семиречье (в северной его части) еще в 1211 г. Однако, отвлеченные завоеванием северных областей Китая, они на этот раз не пошли в глубь Семиречья. Этим воспользовался глава враждебного Чингис-хану монгольского племени найманов Кучлук, который, разбив войска и уничтожив власть кара-китайского гурхана, стал правителем самостоятельного государства на территории Яркенда, Хотана, Кашгара, Семиречья и Ферганы. Однако положение нового государства не было прочным отчасти в связи с серьезными внутренними религиозными противоречиями между мусульманами и язычниками (буддистами), которых поддерживал Кучлук, а главное в связи с тем, что государство Кучлука лежало между владениями Чингис-хана и хорезмшаха и зависело от их взаимоотношений, которые постепенно ухудшались.

В 1218 г. на границе Хорезмского государства в г. Отраре по распоряжению находившегося здесь наместника Иналчика был разграблен и истреблен большой караван, посланный Чингис-ханом, ибо купцы каравана не без основания были заподозрены в шпионаже. Караван сопровождали 450 мусульманских купцов, 500 верблюдов были нагружены золотом, серебром, дорогими тканями, мехами и пр. Посол, присланный из Монголии с требованием в первую очередь выдачи Иналчика, был казнен хорезмшахом. Над Средней Азией нависла война. Резня в Отраре была только поводом к войне. Инициатива ее принадлежала Чингис-хану, который давно готовился к ней и через купцов-лазутчиков был хорошо осведомлен о внутренней слабости государства хорезмшаха.

Монгольские войска могли выйти на территорию Хорезмского государства только через Семиречье, т. е. через области, подчиненные

Кучлуку найманскому. Завоевание Семиречья было поручено одному из наиболее видных монгольских полководцев, Джебе. Опираясь на большое войско и используя вражду к Кучлуку со стороны мусульманского населения (в частности, разрешив в Семиречье и Кашгаре свободное исповедание ислама), Джебе захватил города Баласагун и Кашгар. Войска Джебе быстро уничтожили военные силы Кучлука. Дорога во владения хорезмшаха Мухаммеда была открыта.

Войско Чингис-хана насчитывало от 150 до 200 тысяч человек. Хорезмшах также располагал крупными военными силами, огромным количеством хорошего вооружения, богатой казной; налицо была также и готовность народных масс сопротивляться. Однако хорезмшах Мухаммед не сумел использовать всех этих возможностей.

Зная настроения гвардии и двора и враждебное отношение к себе военачальников из местных феодальных владетелей, недовольных его объединительной политикой, хорезмшах опасался концентрации военных сил в одном месте и отказался дать сражение на Сыр-Дарье у самых границ государства. Он начал собирать войска по отдельным городам (Бухара, Самарканд и др.) и заготовлять в них вооружение и провиант. Так, в Самарканде он приказал соорудить мощные крепостные стены, на что с населения были собраны подати в тройном размере; однако сооружения большого масштаба не были даже начаты.

Свой поход в Мавераннахр Чингис-хан начал в сентябре 1219 г. с осады хорошо укрепленного пограничного города Отрара на Сыр-Дарье, игравшего крупную роль на путях караванной торговли. Оставив здесь для осады значительные силы под командой своих сыновей Чагатая и Угэдея, Чингис-хан направил один отряд во главе со старшим сыном, Джучи, для завоевания городов по нижнему течению Сыр-Дарьи, а другой — вверх по той же реке для захвата Бенакета и Ходжента (ныне Ленинабад). Сам же Чингис-хан с главными силами двинулся к Бухаре. Дорога его лежала через крепость Зернук по направлению к Нуру Бухарскому, большому селению на правом берегу Зарафшана. В феврале 1220 г. войска Чингис-хана подошли к Бухаре, не ожидавшей столь быстрого нападения и не подготовленной к длительной осаде. Гарнизон Бухары насчитывал не более 30 000 человек (по другим сведениям — 12 000).

Через три дня после начала осады Инанч-хан, начальник гарнизона, решил покинуть город, пробившись сквозь ряды осаждающих в Хорезм. Бегство Инанч-хана решило судьбу Бухары. Духовенство и знать предали город, неожиданно для населения открыв ворота Чингис-хану. Однако несколько сот смельчаков заперлись в цитадели и героически сражались еще 12 дней, пока все не погибли. Большинство

жителей Бухары было обращено в рабство и уведено, разграбленный город сгорел почти дотла.

Покончив с Бухарой, монгольское войско в марте того же года подошло к одному из крупнейших городов Средней Азии — Самарканду. Оно шло знаменитой Самаркандской дорогой по левому, почти сплошь населенному берегу Зарафшана, где поля чередовались с прекрасными садами. Из лежавших по дороге городов серьезное сопротивление врагу оказала только Дабусия.

Самарканд был хорошо укреплен, в нем было много военного снаряжения и даже 20 боевых слонов. Во главе вооруженных сил стоял Тугай-хан, брат матери хорезмшаха Туркан-хатун. Однако в первые же дни обнаружилось, что воля к борьбе и победе имеется только у трудящихся масс города и окрестностей. Так, в вылазке, произведенной через три дня после начала осады, приняло участие главным образом гражданское население Самарканда. Тугай-хан и его воины были лишь молчаливыми наблюдателями. Самаркандский отряд, состоявший в основном из ополчения, несмотря на свою храбрость, попал в засаду и был почти весь перебит.

Этой неудачей воспользовалась самаркандская знать, с первого же дня осады думавшая о сдаче города. Кади (главный судья), шейх-ал-ислам (глава мусульманского духовенства) и группа имамов Самарканда тайно отправились к Чингис-хану, договорились с ним о сдаче и открыли ворота города. Главный военачальник Тугай-хан одним из первых изъявил покорность Чингис-хану. Как и в Бухаре, большинство самаркандского населения было перебито или уведено в полон. Тюркские воины во главе с Тугай-ханом и другими начальниками не спасли себе жизни предательством и в большинстве также были перебиты захватчиками. Около 30 000 ремесленников были отправлены в монгольский лагерь и здесь розданы в качестве рабов монгольской знати; десятки тысяч людей были уведены для «черных» работ. Если верить китайскому путешественнику монаху Чань-чуню, проезжавшему через Самарканд вскоре после занятия его монголами, в городе осталось не более четверти прежнего населения.

В Самарканде, как и в Бухаре, часть горожан заперлась в старой цитадели (в городище Афрасиаб) и храбро сопротивлялась монголам. Некоторые из них героически пробились через ряды монголов, остальные пали за родину.

Еще до взятия Самарканда был захвачен после пятимесячного героического сопротивления пограничный город Отрар. Монгольский отряд под начальством Джучи захватил по нижнему течению Сыр-Дарьи Сыгнак, Дженд и другие города. Почти везде монголы встречали неумелое сопротивление, а часто и прямую измену со

стороны военачальников хорезмшаха и представителей высшего мусульманского духовенства. Только монгольский отряд, отправленный Чингис-ханом вверх по Сыр-Дарье для захвата Бенакета и Ходжента, неожиданно встретил жестокий отпор. В Ходженте военачальник Тимур-Мелик с небольшими силами стал защищать город, а затем с отрядом в 1000 человек укрепился на островке на Сыр-Дарье; отряд так решительно сопротивлялся, что монголы не смогли его одолеть. Затем Тимур-Мелик спустился на судах вниз по Сыр-Дарье до Дженда, где решился выйти на берег и пробиться сквозь ряды монголов. Почти весь его отряд был перебит, но самому ему удалось пробраться в Хорезм.

После взятия Бухары, Самарканда и городов по Сыр-Дарье Чингис-хан мог считать себя хозяином Мавераннахра.

Первый год захватнической войны показал, что монгольское войско представляет собой внушительную военную силу, хорошо вооруженную, обладающую осадными машинами. Более всего внушали страх монгольские опустошения. Из пленных монголы составляли отряды, которые при осаде городов гнали впереди своего войска для установки осадных машин, а при штурме посылали в самые опасные места. Часто эти отряды по численности превышали действовавшее в данном месте монгольское войско. Так, в осаде Ходжента приняло участие 20 000 монголов и 50 000 пленных.

После взятия Самарканда Чингис-хан дал отдых своим главным силам. Тогда же он решил захватить в плен хорезмшаха. Мухаммед непосредственного участия в обороне не принимал и искал предлога покинуть среднеазиатскую часть своих владений. Несмотря на протесты своего сына Джелал-ад-дина, он отправился в Персию собирать новое феодальное ополчение. Чингис-хан послал вдогонку за ним войско под командой Джебе и Субэдея. Узнав о погоне, хорезмшах бежал на южное побережье Каспийского моря и укрылся на одном из его островов, где вскоре и умер (в декабре 1220 г.).

В Ургенче военное командование в скором времени перешло к одному из защитников Ходжента Тимур-Мелику. В его распоряжении было около 90 000 человек. Войска Тимур-Мелика разбили подходивших к Ургенчу монголов, которыми командовал Джучи, и даже вернули Янгикент («Новый город») в низовьях Сыр-Дарьи, но решающего значения эти действия не имели. Зимой в Ургенч прибыли сыновья умершего хорезмшаха и в соответствии с его завещанием передали престол сыну его Джелал-ад-дину, который стал готовиться к обороне столицы. Однако и здесь сказались феодальные распри — несколько тюркских военачальников не захотели подчиниться Джелал-ад-дину и готовили против него заговор. Едва избежав смерти, Джелал-

ад-дин с отрядом в 300 человек и с Тимур-Меликом ушел в Хорасан собирать ополчение для борьбы с монголами.

Между тем к Ургенчу подходили отряды Джучи, Чагатая, Угэдея и самого Чингис-хана. Это была огромная армия, подготовленная к длительной осаде. Руководство обороной Ургенча взял на себя бездарный и трусливый тюркский военачальник Хумар-тегин, принявший титул султана. Монголы приступили к планомерной осаде города. В течение десяти дней руками пленных был засыпан ров. Это дало возможность повести подкоп. Хумар-тегин был так напуган, что вышел из города и изъявил готовность покориться захватчикам. Его предательство не сломило, однако, мужества городских низов Ургенча. Монголы столько теряли убитыми и ранеными, что иногда их ряды охватывала паника. Были перебиты 3000 монголов, пытавшихся отрезать одну часть города. Захват отдельных кварталов и даже домов стоил монголам огромных потерь.

Несмотря на геройство защитников Ургенча, после длившейся несколько месяцев осады, город был взят квартал за кварталом (видимо, в апреле 1221 г.). По словам Ибн-ал-Асира, татары «открыли плотину, которая удерживала воду Джейхуна от города; вода вошла и затопила весь город; все постройки были разрушены, и их место заняла вода»[1]. Таким образом, здесь все население было перебито, кроме части ремесленников и молодых женщин, уведенных в рабство.

Незадолго до падения Ургенча монгольские войска разрушили Мерв. Ни один город Средней Азии не был так укреплен, как Мерв; в начале XIII в. он был самым большим городом Средней Азии. Центр города охватывал территорию современного городища Султан-кала. Его окружали мощные стены с башнями и бойницами. К востоку от города находились развалины древнего Мерва (современное городище Гяур-кала), сохранившего, однако, свои крепкие стены. Укрепления средневекового и древнего Мерва представляли собой значительные по мощности средства обороны.

Но в судьбе Мерва еще в большей мере, чем в судьбе других крупных городов Средней Азии, сыграло роль предательство феодальной знати. Когда Бухара, Самарканд и города по Сыр-Дарье были взяты монголами, в Мерве было получено письмо от только что бежавшего хорезмшаха Мухаммеда. Струсивший правитель предлагал военачальникам, воинам и ремесленникам укрыться в Кала-и-Марге, всему же остальному населению Мерва — сдаться и тем сохранить свое

---

[1] *А. Ю. Якубовский.* Развалины Ургенча. «Известия ГАИМК», т. VI, вып. II, Л., 1930, стр. 12.

имущество и жизнь. Правитель города предатель Беха-ал-Мульк, назначенный незадолго до получения письма, обрадовался этому приказу и, собрав высшие военные и гражданские чины, бежал с ними в крепость Языр. Бо́льшая часть знати и купцов также разбежалась.

Однако народ не хотел сдаваться, он нуждался только в преданных родине военачальниках. Среди командиров войск хорезмшаха таких не оказалось. Нашелся туркмен по имени Бука, имевший свой отряд, готовый сражаться с монголами. Заместитель убежавшего Беха-ал-Мулька передал ему власть в городе. К Буке присоединялись все новые группы туркмен, в частности бежавшие от монголов джендские туркмены. Неожиданно у стен Мерва появился Муджир-ал-Мульк, бывший до Беха-ал-Мулька правителем Мерва, и заявил, что он пришел защищать город и его жителей. Буке пришлось передать ему командование.

В разгар приготовлений к обороне Мерва шейх-ал-ислам произнес в соборной мечети проповедь, в которой говорил о необходимости сдать город врагу без кровопролития. Выступление это вызвало взрыв негодования трудящихся горожан. Через несколько дней шейх-ал-ислам, уличенный в сношениях с серахским кади, перешедшим на сторону монголов, был схвачен и при всеобщем одобрении народа казнен.

Между тем к Мерву подступал Тули-хан, младший сын Чингисхана. Свои войска он расположил, повидимому, у западных ворот города (Султан-кала). Муджир-ал-Мульк оказался плохим организатором обороны. Не использовав и десятой доли возможностей, он направил посланца к монголам для переговоров о сдаче города. После сдачи Мерв подвергся разгрому.

Занятый завоеванием других городов, Тули-хан не оставил в Мерве большого гарнизона. Когда у стен города появился один из военачальников Джелал-ад-дина — Куштегин-пехлеван,— население Мерва восстало и изгнало монголов. В конце концов город был окончательно разрушен.

Монголы привели в негодность знаменитую плотину на Мургабе вместе с важнейшими ирригационными сооружениями. Постепенно Мерв и Мервский оазис пришли в полный упадок. Повидимому, первоначально Чингис-хан не думал о распространении своих завоеваний в сторону Персии и желал, чтобы между его владениями в Мавераннахре и Персией не было культурных земель, какими являлись рустаки (волости) Мервского оазиса.

Взятием Мерва и Ургенча фактически закончилось завоевание Средней Азии монголами. Лишь в западных владениях хорезмшаха Мухаммеда, т. е. в Персии, еще находились значительные силы, которыми и воспользовался хорезмшах Джелал-ад-дин Мангуберти, сын хорезмшаха Мухаммеда. В долине Пянджшира при Перване он блестяще

разбил противника. Но Джелал-ад-дину не пришлось воспользоваться успехами своей победы, так как феодалы — предводители его войска, главы отдельных племен и ополчений — начали ссоры друг с другом из-за дележа добычи и первенства, а затем стали покидать его. Инициатива вновь перешла к монголам. В ноябре 1221 г. Чингисхан настиг Джелал-ад-дина в Индии на берегу р. Инда, где и дал ему сражение. Численное соотношение сил было в пользу монголов, и Джелал-ад-дин был разбит. В дальнейшем (1225 г.) он перебрался в Закавказье, где до 1231 г. продолжал борьбу с монголами. Однако эта борьба не дала положительных результатов, потому что Джелал-ад-дин не сумел опереться на широкие народные массы и искал помощи у феодалов, которые были ненадежными союзниками; кроме того, он совершал со своим войском грабительские набеги на Грузию, чем вызвал враждебное отношение населения.

Итак, в течение 1219—1221 гг. Средняя Азия, находившаяся в состоянии феодальной раздробленности, была завоевана Монгольским государством. Героическое сопротивление народов Средней Азии не смогло остановить захватчиков из-за непрекращавшихся внутренних феодальных распрей господствующей знати, из-за предательства феодалов, стремившихся ценой соглашений с монголами сохранить свои богатства и земельные владения.

Осенью 1220 г., опустошив северную Персию, монголы вторглись в Азербайджан. Атабек Азербайджана Узбек (1210—1225) из династии Ильдегизидов позорно бежал из столицы Азербайджана — Тебриза. Городская знать трижды входила в соглашение с монгольскими военачальниками и откупалась огромными контрибуциями, собираемыми с народа[1]. В 1221 г. монголы разрушили города Марагу, Ардебиль, Сарав, Хой, Салмас и Нахичеван, перебив в них почти всех жителей[2].

Затем они вступили в северный Азербайджан и подошли к богатому городу Бейлакану (близ слияния Аракса и Куры). И здесь знать вступила в переговоры с врагами, но «чернь» — ремесленники и городская беднота — восстала и убила монгольского посланца[3]. В странах Закавказья, так же как и в Средней Азии, наиболее упорное сопротивление монголам оказывал простой народ, на который всей

---

[1] См. *И. П. Петрушевский*. Из героической борьбы азербайджанского народа в XIII—XIV вв. Баку, 1941.

[2] The tarikh-i jahan-gusha of Alau-d-din, 'Ata malik-i-juwayni, ed-Mirza Muhammad ibn Abdul-Wahhab-i-Qazwini, ser. Gibb. mem., vol. XVI, I, 1912, T. I (далее—Джувейни), стр. 116; Мирхонд, Роузат ас-сафа, тегеранск. литограф. изд. перс. текста 1300 г. хиджры (1883 г. н. э.), стр. 933—934.

[3] *Мирхонд*. Указ. соч., стр. 933.

тяжестью ложилось монгольское иго. Овладев Бейлаканом, монголы перебили почти всех его жителей.

Перезимовав в Муганской степи, Джебе и Субэдей в 1222 г. двинули свое войско на Ганджу (ныне Кировабад), но, встретив здесь сильное сопротивление, удовлетворились контрибуцией деньгами и тканями. Войдя в Грузию, монголы в долине Котмана, близ крепости Терунакана нанесли поражение грузинской армии под начальством царя Георгия IV Лаша и полководца Иванэ Мхаргрдзели. Однако, встретив сопротивление в укрепленных горных ущельях, монгольские нойоны вернулись в Азербайджан, где осадили столицу ширваншахов — Шемаху.

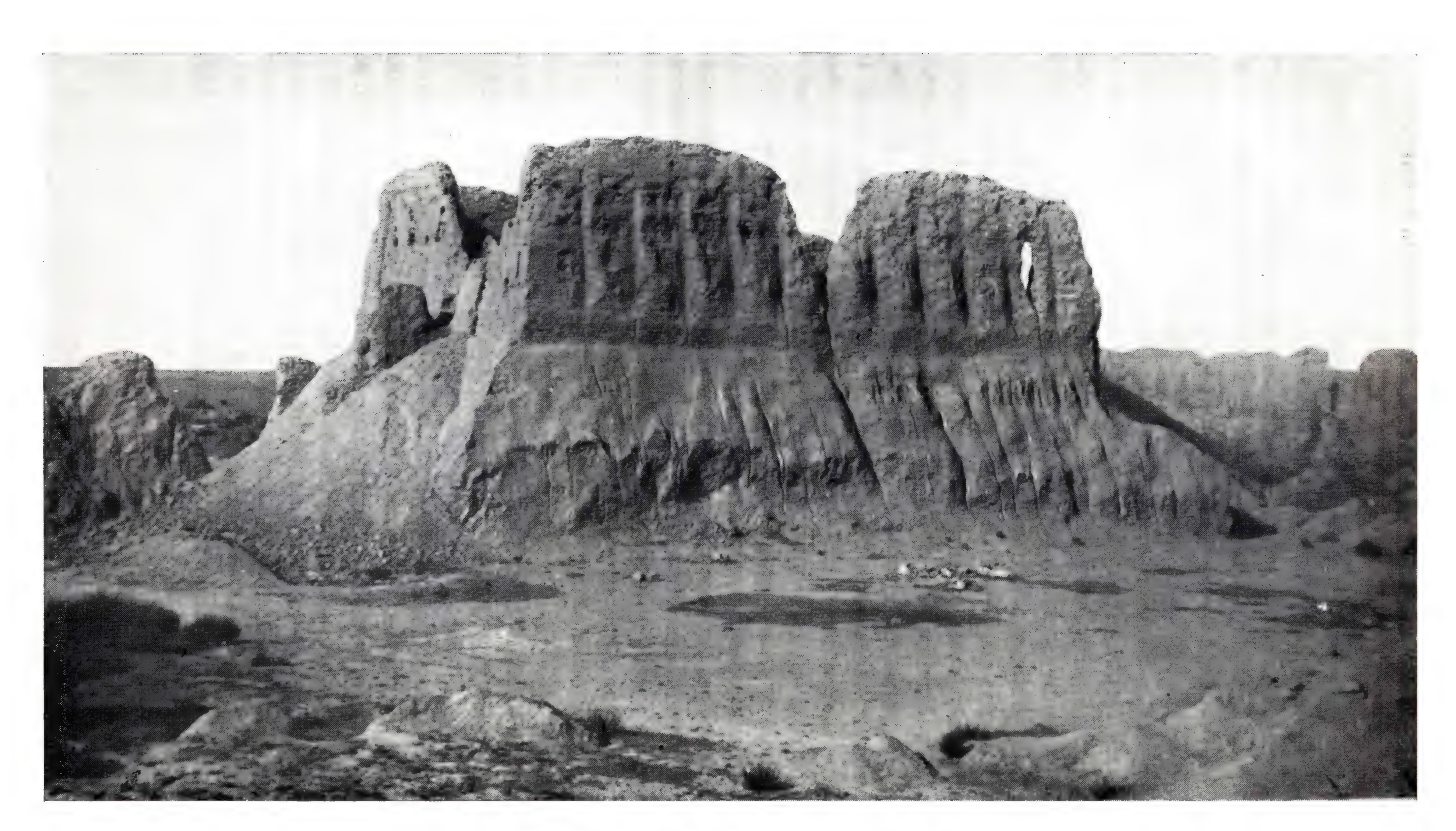
Жители храбро сражались и выдерживали осаду. Завалив трупами животных и людей рвы вокруг города, захватчики пытались подняться на городские стены, но мужество защитников обратило их в бегство. Штурмы безуспешно повторялись изо дня в день. Лишь после долгой осады, когда защитники Шемахи были доведены до полного истощения, монгольские войска взяли город, перебили большинство жителей и разграбили их имущество.

Чтобы пройти через неприступные укрепления Дербенда, между Каспийским морем и отрогом Главного Кавказского хребта, и напасть на владения половцев, монголы прибегли к хитрости. Они предложили ширваншаху Ферибурзу III прислать послов для переговоров о мире. Из прибывших к ним десяти послов «из лучших вельмож» ширваншаха, монголы одного убили, а остальным пригрозили той же участью, если они не проведут их через Дербендский проход. Знатные послы изменили своей стране и указали монгольским захватчикам возможность горными ущельями обойти укрепленный проход. На Северном Кавказе монголы сперва расстроили союз половцев с аланами (осетинами), а затем разбили и тех и других поодиночке.

Местные половцы, покинув свои кочевья, двинулись на запад к половцам, кочевавшим между Волгой и Днепром, в надежде получить у них помощь. Преследуя их, татаро-монголы дошли до Крыма, где взяли г. Судак. Половцы, собрав все силы, выступили им навстречу во главе с сильнейшим своим ханом, сыном Кончака, Юрием Кончаковичем. У него «бе болиише всих половець», но и он «не може стати противу лицю их» и «бегающи же ему и мнози избьени быша», и бежали половцы «до реки Днепра»[1].

Половецкие ханы, кочевавшие к западу от Днепра, во главе с ханом Котяном спешно приехали к Мстиславу Удалому, зятю Котяна, княжившему тогда в Галицкой земле. Ханы заявили Мстиславу: «нашю землю днесь отъяли [татары], а ваша заутро взята будеть». Князь Мстислав

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 740

Развалины крепости Тешик-Кала в Хорезме

разослал всем русским князьям предложение собраться в Киев для обсуждения сложившегося положения. «Оже мы, братье, сим (половцам.— *Ред.*) не поможем,— писал Удалой,— то си имуть придатися к ним (татарам.— *Ред.*), то онем (татарам.— *Ред.*) больши будеть сила»[1]. Таким образом, он отмечал угрозу соединения половцев с татаро-монголами. Но некоторые русские князья мало думали о судьбах Руси, их больше интересовали внутриполитические распри. Поэтому далеко не все князья откликнулись на призыв Удалого. На совет в Киев съехались Мстислав Романович киевский, Мстислав Мстиславич галицкий, Мстислав Святославич черниговский и козельский, которые «беаху старейшины в Русской земли»[2]. Владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович отказался приехать, и его «не бы в том совете». Участвовали в совете также и «млади князи» — Даниил Романович волынский, Мстислав Немой пересопницкий и др. Князья отвергли мирное предложение татаро-монгольских воевод, направленное на раскол русско-половецкого союза, и решили выступить против врага: «луче бы нам есть прияти я (их.— *Ред.*) на чюжей земле, нежели на своей»[3].

В поход двинулись киевские, галицкие, черниговские, смоленские, волынские и другие русские полки, а также половцы. Войско было значительным по размерам, но феодально-раздробленным по организации: не было единого командира, каждый князь сражался сам по себе, а любой феодал мог по своей воле покинуть поле боя. Это привело к роковым последствиям. Русские полки спустились по Днепру, перешли его у Олешья и двинулись на восток. Мстислав Удалой и Даниил Романович разбили передовой татарский отряд. Двигаясь вслед за ним, русские рати 31 мая 1223 г. на берегу р. Калки столкнулись с основными силами противника. Произошло кровопролитное сражение, в котором междоусобная вражда князей и трусость половцев помешали русским войскам, несмотря на их доблесть, одержать победу.

Когда русские во главе с Мстиславом Удалым вслед за половцами двинулись на противника, то киевский князь задержал свои полки, так как был в ссоре с Удалым. В разгар боя половцы «побегоша не успевше ничтоже... назад и потопташа бежаще станы русскых князь»[4], поэтому последние «не успеша бо исполчитися противу» татар. Бой был отчаянный: «и бысть сеця (сеча.— *Ред.*) зла и люта». Но силы были неравными, ибо Мстислав киевский так и не вступил в бой: он укрепился на горе над Калкой и оставался безучастным зрителем разгрома

[1] НПЛ, стр. 62.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 741.
[3] НПЛ, стр. 62; ПСРЛ, т. II, стб. 741.
[4] НПЛ, стр. 63.

русских дружин. Русские полки были разбиты, было убито шесть князей, а князь Мстислав Удалой и Даниил волынский едва успели спастись через Днепр, уничтожив за собой все суда, чтобы затруднить монголам переправу; «а прочии вои десятый приде кождо в свояси»[1].

Разбив главное войско, враги окружили лагерь незадачливого киевского князя и в течение трех дней осаждали его. Наконец, Мстислав вынужден был сдаться, положившись на обещание татар отпустить его с войском домой. Однако татары нарушили обещание: все русское войско было истреблено, а князья зверски убиты.

Так жестоким поражением закончилась первая встреча объединенных войск русских князей и половцев с татаро-монголами: «и погыбе много бещисла людей,— писал новгородский летописец,— и бысть вопль, и плачь, и печяль по городом и по селом... Татари же возвратишася от реки Днепра; и не сведаем откуду суть пришли и кде ся деша опять»[2]. Татары было двинулись вверх по Днепру, но, не доходя Переяславля, повернули обратно. Их силы были подорваны битвой на Калке, на обратном пути они понесли серьезное поражение от волжских болгар. Через степи нынешнего Казахстана монголы вернулись в «коренной юрт», т. е. в Монголию.

В народной памяти битва на Калке осталась как событие, после которого «Руская земля седить невесела»[3]. Наш народный эпос именно с этой битвой связал гибель русских богатырей, когда «могучие витязи» после долгой и кровопролитной борьбы со славой пали за Родину.

6

ПАДЕНИЕ ТАРТУ (ЮРЬЕВА) И БОРЬБА С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ

Завоевание монголами Средней Азии в 1219—1221 гг. и поход Джебе и Субэдея в Северную Персию, Кавказ и Юго-Восточную Европу (1222—1223) произвели большое впечатление на современников. В 20—30-х годах XIII в. о татаро-монголах говорили во всех странах Средней Азии, Северной Африки и Европы как о величайшем несчастье, которое постигло тогдашний мир.

Говорили о них и немецкие захватчики в Риге, рассчитывавшие, что уничтожение отборных войск многих русских князей позволит

[1] НПЛ, стр. 63.

[2] Там же.

[3] «Воинские повести древней Руси», под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1949, стр. 33.

расширить немецкие завоевания на восток. Немецкий хронист, сообщив о битве на Калке, с удовлетворением отметил, что «тогда король смоленский, король полоцкий и некоторые другие русские короли отправили послов в Ригу просить о мире. И возобновлен был мир», однако «во всем такой же, какой заключен был уже ранее»[1]. В то же время ливонцы спешили использовать благоприятные условия для развертывания наступления.

Наступал решающий этап борьбы с немецкими феодалами в стране эстов. Понимая это, немецкие и датские феодалы объединяли свои силы. В 1222 г. германский император Фридрих II признал «права» Ордена на земли вне Ливонии, а в 1223 г. датский король Вальдемар вернул епископу и Ордену «права» на Саккалу и Уганди, «с тем, однако, чтобы они всегда были верны ему и не отказывали его людям в помощи против русских и против язычников»[2].

В 20-х годах землю эстов вновь охватило восстание против крестоносных поработителей. Инициатива исходила от жителей о. Сааремаа. На их острове датский король соорудил свой замок, но население острова разрушило его и тогда же направило послов во все земли эстов, с призывом «сбросить с себя иго датчан и уничтожить в стране христианство». Они «учили людей строить осадные машины, патерэллы и прочие военные орудия. И пришла беда в страну»,— горестно заключает немецкий хронист.

Поднялись приморские области Ляанемаа, Гаррия, а также Саккала, Вирумаа, Ярвамаа и Уганди; в последней эсты истребили крестоносцев в Тарту и Отепя. «По всей Эстонии и Эзелю прошел тогда призыв на бой с датчанами и тевтонами, и самое имя христианства было изгнано из всех тех областей,— признает немецкий хронист,— русских же из Новгорода и из Пскова эсты призвали себе на помощь, закрепили мир с ними и разместили — некоторых в Дорпате (Юрьев.— *Ред.*), некоторых в Вилиендэ (Вильянди.— *Ред.*), а других в других замках, чтобы сражаться против тевтонов...» При этом эсты «разделили с ними (русскими.— *Ред.*) коней, деньги, все имущество братьев-рыцарей и купцов и все, что захватили, а замки свои весьма сильно укрепили. Выстроили по всем замкам патерэллы и, поделив между собой много баллист, захваченных у братьев-рыцарей, учили друг друга пользоваться ими»[3]. «И начались вновь войны на всем пространстве Эстонии»[4].

---

[1] *Генрих.* Хроника, XXVI, 1.
[2] Там же, XXVI, 2.
[3] Там же, XXVI, 8.
[4] Там же, XXVI, 11.

В начале 20-х годов русско-эстонские силы нападали на немецкие укрепления. Так, под руководством русских из Вильянди (земля Саккала) были опустошены немецкие опорные пункты к северо-востоку от Риги. Во время боев было убито несколько русских и эстонских воинов; пал «глава русских» в Вильянди Варемар[1]. Крестоносцы, подтянув свежие силы из Германии («многих пилигримов из Тевтонии»), а также заставив идти в поход отряды ливов и латгалов, направились в землю эстов. Пользуясь техническим превосходством закованного в железо рыцарского войска, построенного в виде клина, ливонцы разбили эстонское войско на р. Имере и, хотя «эсты сопротивлялись весьма храбро», им пришлось отступить и укрыться в Вильянди. Немцы окружили эту крепость и осаждали ее в течение 15 дней, неся большие потери от крепостных баллистариев; но недостаток воды заставил осажденных прекратить сопротивление. Гарнизон крепости был беспощадно истреблен, «что касается русских, бывших в замке..., то их после взятия замка всех повесили перед замком на страх другим русским»[2].

Угроза свободе эстонской земли продолжала возрастать. Тогда «старейшины из Саккалы» были посланы «в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян». Наиболее значительными силами в то время располагал владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович, укрепивший свое влияние и в Новгороде. Защита русских политических и торговых интересов в Прибалтике входила в круг его внешнеполитических задач. «И послал король суздальский своего брата (Ярослава Всеволодовича.— *Ред.*), а с ним много войска в помощь новгородцам; и шли с ним новгородцы и король псковский (Владимир Мстиславич.— *Ред.*) со своими горожанами, и было всего в войске около двадцати тысяч человек»[3].

Об этом походе (1223) сохранила известие и новгородская летопись: «Приде князь Ярослав от брата, и иде со всею областию к Колываню (Ревель.— *Ред.*) и повоева всю землю Чюдьскую, а полона приведе бещисла, но города не взяша, злата много взяшя, и придоша вси сдрави»[4]. Немецкий хронист уточняет, что князь Ярослав из Руси пришел к Юрьеву, где жители поднесли ему «большие дары, передали в руки короля братьев-рыцарей и тевтонов, которых держали в плену, коней, баллисты и многое другое, прося помощи против латинян. И поставил король в замке своих людей, чтобы иметь господство в Унгавнии

---

[1] *Генрих*. Хроника, XXVII, 1.
[2] Там же, XXVII, 3.
[3] Там же.
[4] НПЛ, стр. 61.

(Уганди.— *Ред.*) и во всей Эстонии»[1]. То же сделал он в Отепяа. Затем Ярослав вместе с отрядами эстов-угандийцев направился в землю ливов к Пундизе.

На пути его встретили отряды с Сааремаа и посоветовали ему изменить направление, нанеся вначале удар по датчанам. Войско свернуло на север, прошло мимо разоренного Вильянди в Ярвамаа; здесь к нему присоединились отряды из жителей Ярвамаа, Вирумаа и Варболаа (в земле Харьюмаа). В течение месяца русско-эстонские войска осаждали Ревель, повсеместно уничтожая немецких захватчиков. Затем русское войско вернулось в свою землю. Итак, наиболее крупный поход, организованный после битвы на Калке, вновь показал, что для успешной борьбы с немецко-датской агрессией требуется объединение значительно бо́льших сил.

В том же году новгородское правительство и владимиро-суздальский князь послали в Юрьев князя Вячеслава (который когда-то правил в Куконосе), дав «ему денег и двести человек лучников с собой, поручив господство в Дорпате и других областях». Юрьевцы, по словам немецкой хроники, приняли его «с радостью, чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, и отдали ему подати с окружающих областей»[2]. Князь Вячко (Вячеслав) управлял областями Уганди, Вайга, Вирумаа, Ярвамаа, Саккала, т. е. большей частью земли эстов. Очевидно, были восстановлены русско-эстонские отношения, имевшие место до вторжения немецких захватчиков в землю эстов.

В 1224 г. немецкие феодалы предприняли большое наступление с целью уничтожить власть Новгорода над землей эстов. Походу предшествовала очередная поездка Альберта в Германию, откуда он, как всегда, прибыл «со многими пилигримами»[3]. Тогда же епископ вновь урегулировал споры с рыцарями о том, как делить завоеванные земли эстов. По новому соглашению треть земель поступала Альберту, треть — епископу Эстонии Генриху и треть — Ордену[4]. Захватчики совершали такого рода сделки до походов, чему их научил предшествующий опыт взаимных ссор, драк и измен.

Большое немецкое войско, подкрепленное отрядами ливов, разоряя Эстонию, наступало на Юрьев. Князю Вячко немцы «предлагали свободный путь для выхода с его людьми, конями и имуществом, лишь бы он ушел», но князь, «в ожидании помощи от новгородцев упорно отказывался покинуть замок». Началась осада Юрьева.

---

[1] *Генрих*. Хроника, XXVII, 3.
[2] См. там же, XXVII, 5.
[3] Там же, XXVIII, 1.
[4] «Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch», ed. F. G. Bunge, Reval, (далее — L U), 1853, Bd. 1, № 61, 62, 63.

Немецкий хронист оставил подробное ее описание. Поля покрылись шатрами. Немцы строили осадные машины и патерэллы, поставили поверх рва осадную башню и начали вести подкоп. Когда вал над подкопом обрушивался, башню продвигали вперед, к стенам крепости. Русские и эсты из луков, баллист и метательных машин осыпали немцев стрелами, камнями, нанося им большой урон. Немцы в свою очередь забрасывали в город камни, огненные горшки. Осажденные «построили свои машины и патерэллы против» немецких орудий, «а против стрел христиан (немцев.— *Ред.*) направили своих лучников и баллистариев». И так бились много дней.

Ливонцы не давали осажденным ни минуты отдыха. «Днем бились, ночью устраивали игры с криками... тевтоны били в литавры, играли на дудках и других музыкальных инструментах, русские играли на своих инструментах и кричали; все ночи проходили без сна»[1]. Когда немецкая башня приблизилась к крепостной стене, осажденные в замке «зажгли большие огни, открыли широкое отверстие в вале и стали через него скатывать вниз колеса, полные огня, направляя их на башню и подбрасывая сверху кучи дров», немцы сбивали пламя и в свою очередь подожгли мост.

Воспользовавшись тем, что «русские все сбежались к воротам для отпора», ливонцы бросились на крепостную стену, тесня оставшихся там «эстов мечами и копьями». Так враг ворвался в Юрьев. Русские воины, «оборонявшиеся дольше всего, наконец были побеждены»; они во главе с князем Вячко укрылись в детинце (центральное внутрикрепостное укрепление), где и пали в жестоком бою[2]. Немецкие захватчики «тотчас стали избивать народ и мужчин, и даже некоторых женщин, не щадя никого», как свидетельствует сам немецкий хронист. Город Юрьев был сожжен; тем временем русское войско, которого так ждал князь Вячко, собралось в Пскове[3].

В том же 1224 г. Новгород и Псков заключили мир с Ригой, по которому отношения в Эстонии оставались неурегулированными, но немцы должны были признать права русских на землю латгалов, «а подать, которую те (русские.— *Ред.*) собирали в Талаве, возвратили им»[4]. Таким образом, падение Юрьева внесло существенные перемены в положение земли эстов; оно дало известный перевес немецким феодалам, получившим возможность жестоко подавить сопротивление эстов.

Папская курия поспешила организовать в 1224 г. «дерптское епископство», что не помешало, впрочем, новому епископу в том же году

---

[1] *Генрих.* Хроника, XXVIII, 5.

[2] Там же, XXVIII, 5—6.

[3] Там же.

[4] Там же, XXVIII, 9.

признать себя и вассалом германского императора, который взял под свою «защиту» всех «вновь обращенных» в Ливонии, Эстонии, Самбии, Пруссии, Земгалии[1].

В следующем (1225) году под руководством папского легата (посла) Вильгельма моденского крестоносцы организовали поход 20-тысячного войска из Риги и Готланда по льду на остров Сааремаа; они взяли замки Линнусе (на о. Муху) и Вальяла (на о. Сааремаа), истребили сопротивлявшихся, а все население острова принудили к крещению и обложили тяжелыми повинностями. Папская курия со своей стороны обратилась с воззванием «ко всем русским», нагло требуя от них оказания помощи епископу Ливонии[2]. По возвращении легата из Ливонии папа Гонорий III в 1227 г. обратился «ко всем королям Руссии», склоняя их подчиниться его власти и прекратить борьбу с немецкими захватчиками, угрожая при этом вторжением[3].

Итак, Руси, всем русским княжествам, их независимости, культуре угрожала смертельная опасность. На востоке татаро-монголы готовили новый удар, который имел целью подчинить их власти всю Европу, с запада Русь теснили немецкие и датские захватчики, которых поддерживали Германия, папская курия, Дания, Швеция.

В то же время в юго-западной, Галицко-Волынской, Руси продолжалась напряженная борьба с постоянными вторжениями венгерских королей и польских князей, которые находили опору в галицкой боярской знати и стремились подчинить и поделить между собой галицко-волынские земли. Папская курия энергично поддерживала Венгрию и Польшу; освящая их войну с русскими «схизматиками», она жаждала взвалить новое ярмо на плечи русского народа, отнять у него земли, разорить его «десятиной» в пользу церкви, уничтожить самобытную культуру Руси и русский язык насильственно заменить латинским. Грозные годы переживала Русская земля. Положение усугублялось тем, что далеко не все князья и правители на Руси сознавали нависшую над родиной опасность. Это в первую очередь относится к боярским правителям Новгородской и Псковской республик.

В 1226 г., по приглашению бояр, князь Ярослав Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, в третий раз занял новгородский стол. После успешных походов против литовцев (1226) и финской еми (1227, 1228) князь принял меры к усилению своей власти в Новгороде. Он добился отставки новгородского архиепископа Антония, заменив

---

[1] См. *В Т. Пашуто*. О политике папской курии на Руси (XIII век). «Вопросы истории», 1949, № 5, стр. 56.

[2] LU, t. I, № 76 (от 16 ноября 1224 г.).

[3] «Historica Russiae Monumenta», t. I, № 21 (пер. С. А. Аннинского — см. *Генрих*. Хроника, стр. 580).

его своим ставленником Арсением и, в нарушение договора, рассылал своих судей по Новгородской земле, укрепляя таким образом свой аппарат власти.

В то же время князь намеревался предпринять решительное наступление на немецких захватчиков. Он «приведе полкы ис Переяславля» и заявил боярскому совету: «хочю ити на Ригу». Шатры княжеских полков раскинулись под Новгородом, а часть войск стала на постой в городе. Бояре же решили использовать поход как средство избавиться от энергичного князя. Ту же линию проводили и их собратья в Пскове, которые фактически порвали отношения с Ярославом. Когда Ярослав вздумал посетить Псков, местные бояре, не без содействия новгородских, распустили слух, что князь «везеть оковы, хотя ковати вяцьшее (знатные.—*Ред.*) мужи», и, затворив город, не впустили князя[1]. Теперь же, узнав о подготовке похода на Ригу, эти бояре официально порвали с Новгородом и заключили договор с Ригой: «взяша мир с рижаны, Новгород [же] выложивше». Договор даже предусматривал рижско-псковскую взаимопомощь. Немцы должны были «защищать» Псков от... Новгорода. Так, бояре заявили немцам: «то вы, а то новгородьци; а нам не надобе; но оже поидуть на нас (новгородцы.— *Ред.*), то вы нам помозите». Рижские правители с готовностью ответили согласием, а для гарантии союза получили у псковских бояр 40 мужей в залог.

Тогда же псковские изменники, предав русские интересы, самовольно «уступили» немецким захватчикам «права» на земли эстов, латгалов и ливов: «и бяху подвегли [под] немьци и чюдь, лотыголу и либь» [2]. В то же время княжескому послу, который требовал участия Пскова в походе на немцев и выдачи изменников, псковские бояре ответили: «Тобе ся, княже, кланяем и братьи новгородьцем; на путь (в поход.— *Ред.*) не идем, а братьи своей не выдаем; а с рижаны есме мир взяли».

Пытаясь оправдать эту измену, псковские бояре и купцы ссылались на неудачи предыдущих походов против немецких рыцарей, на то, что они не привели к миру, а Псковская земля и торговля вследствие этого терпели ущерб. Псковский посол заявил Ярославу: «К Колываню (Ревелю.— *Ред.*) есте ходивше, серебро поимали, а сами поидосте в Новгород, а правды (мира.— *Ред.*) не створися, города не взясте; а у Кеси (Цесис.— *Ред.*)— такоже; а у Медвеже голове (Отепяа.— *Ред.*)— такоже. А за то нашю братью избиша (немцы.— *Ред.*) на озере, а инии [в плен] поведени. А вы, раздравше, та [уходите] прочь; или

[1] НПЛ, стр. 66.
[2] Там же.

(если.— *Ред.*) есте на нас удумали, то мы [выступим] противу вас... То вам ся кланяем»[1]. Как видим, отсутствие твердой власти в Новгороде и четкой военно-политической программы в прибалтийском вопросе не только ослабили позиции Руси в прибалтийских землях, но и породили возможность для изменнических действий среди части городского боярства и купечества.

Воспользовавшись отказом псковских бояр принять участие в походе на Ригу, новгородские правители в свою очередь заявили князю: «мы бес своея братья бес плесковиць не имаемся на Ригу». Князь Ярослав долго спорил с боярами, «нудив» их, но не решился выступать один; наконец, он отправил «полкы своя домовь». Между тем псковские бояре, предав русские государственные интересы, поспешили расправиться с теми, кто стоял за союз с Ярославом Всеволодовичем. Бояре «выгнаша их ис Плескова [со словами]: „пойдите по князь своемь, нам есте не братья“». Так распря псковских и новгородских феодально-боярских правителей с великокняжеской властью подрывала военно-политическую мощь Руси.

В создавшихся условиях князь Ярослав решил покинуть Новгород и уехал в Переяславль, оставив в Новгороде под охраной боярина Федора Даниловича и тиуна Якима своих сыновей — Федора и Александра. Этим он давал новгородским боярам возможность пересмотреть принятое ими решение. После отъезда князя новгородское боярство сумело увлечь за собой новгородскую бедноту. Оно «воздвиже» новгородскую «простую чадь» и разгромило княжеских сторонников. Но движение было более широким, приняло характер антибоярского восстания. Княжеский ставленник Арсений был выгнан «в шию». Во главе боярского совета вновь был поставлен архиепископ Антоний, а при нем два мужа соправителя — Якун Моисеевич и Микифор Щитник. После веча вооруженные горожане разгромили двор тысяцкого (т. е. начальника новгородских войск) Вячеслава и его брата. Был разграблен двор стольника при прежнем архиепископе, а также дворы старост софийского и липеньского. И «бысть мятеж в городе велик»— заключает летописец.

Следовательно, события происходили в условиях резкого обострения классовых противоречий, роста сопротивления крестьянства боярскому грабежу и угнетению. Сопротивление это принимало также и форму массового бегства крестьян из пределов республики.

Едва сладив с восстанием, поставив нового тысяцкого, Бориса Негочевича, подтвердив свою несависимость от князя, бояре отправили к нему послов с предложением вернуться в Новгород «на всей воле»

[1] НПЛ, стр. 66.

боярской. Но эти условия не устраивали князя, и по его указанию боярин Федор Данилович вместе с княжескими детьми оставили Новгород.

Порвав с владимирским князем, горожане решили пригласить князя черниговского Михаила Всеволодовича, и хотя связанный с Ярославом смоленский князь перехватил новгородских послов по пути, Михаил в 1229 г. все же прибыл в Новгород и принял власть «на всей воли новгородьстей».

Политическая атмосфера в республике была так накалена, что были необходимы срочные меры для успокоения масс. Князь, видя массовое бегство крестьянства и городской бедноты из-под власти новгородских бояр, был вынужден распорядиться, чтобы крестьяне, бежавшие из пределов республики, в случае их возвращения освобождались на пять лет от «даней» в пользу бояр. С другой стороны, он вновь запретил крестьянам, которые остались на месте, отказываться от уплаты дани: «а сим повеле, кто где живеть» — платить дань, «како уставили передний князи»[1]. Это сочетание вынужденных льгот с угрозами по адресу волновавшегося крестьянства, конечно, имело целью упрочить власть боярства.

Затем бояре и князь постарались еще более обезвредить сторонников Ярослава. С них (в том числе и с тех, которые жили вне города на княжеском городище) были взысканы крупные суммы денег на строительство новгородского моста. Поставлен был новый посадник Внезд Водовик, а также новый архиепископ — Спиридон.

Итак, за короткий срок вторично, на этот раз с помощью черниговского князя, новгородское боярство сделало попытку выйти из-под влияния владимиро-суздальских князей. Но это ему не удавалось: князь Ярослав имел значительные силы; он занял и продолжал удерживать Волок и некоторые другие новгородские земли. Сам черниговский князь в 1230 г. ушел из Новгорода на юг, куда его призывали местные дела, а в Новгороде оставил своего сына Ростислава. Уход Михаила и установленная суздальским князем торговая блокада не замедлили сказаться на политической жизни республики. Это активизировало сторонников Ярослава. В частности, сын бывшего ставленника суздальского князя Твердислава — Степан Твердиславич организовал выступление (правда, неудачное) против посадника Водовика.

Однако сказывалась блокада, которая совпала с неурожаем. Летописец сетует, что бояре «сами не блюдуче, без милости истеряхом свою власть (волость.— *Ред.*), и тако бысть пуста». Он же говорит об усилении бегства крестьянства и бедноты из пределов республики, так

---

[1] НПЛ, стр. 68.

что «полни быша чюжии гради и страны братье нашей и сестр»[1]. Стоило только посаднику Внезду с княжичем Ростиславом выехать в 1230 г. в Торжок, как в Новгороде произошел переворот. Под руководством Степана Твердиславича городская и сельская беднота поднялась на разгром имений черниговской партии бояр. Были разорены «двор и села» посадника Внезда, его брата, тысяцкого Бориса Негочевича и др. Князь Ростислав и его сторонники бежали из Торжка в Чернигов. Посадником стал Степан Твердиславич, тысяцким — Микита Петрилович. Разграбленное имущество своих противников они поделили между жителями Новгорода «по стом», т. е. по сотням, городским и сельским.

В четвертый раз в город был приглашен князь Ярослав, тогда же и псковские бояре приняли княжеского наместника Вячеслава Гориславича. Правда, вскоре Ярославу пришлось уехать в Переяславль, где собирался княжеский съезд по вопросу о Новгороде; под угрозой выступления владимиро-суздальского войска черниговский князь отказался от притязаний на Новгород. Уезжая в Переяславль, Ярослав вновь оставил в Новгороде своих сыновей Федора и Александра. Кроме того, князь поспешил освободить своих сторонников от оплаты строительства новгородского моста. Можно думать, что он издал специальный «Устав о мостех», по которому денежные взносы на строительство были разверстаны по улицам и сотням города и по сотням Новгородской земли на горожан и смердов[2].

Между тем в Новгороде продолжал свирепствовать голод, потому что в тот год по всей Руси был неурожай. В Новгороде народ громил дома бояр и купцов, которые спекулировали зерном, «простая чадь» «почаша добрых людий домы зажигати, где чююче рожь, и тако разграбливахуть имение их»[3], а другие, доведенные до отчаяния, «резаху люди живыя и ядяху». Страшные дни стояли в городе, когда «сусед суседу не уламляше хлеба», когда дети городской бедноты умирали с голоду и «бяше туга и печаль, на уличи скорбь друг с другом, дома тоска, зряще детии плачюще [прося] хлеба, а другая умирающа»[4]. Бедняки продавали богатым своих детей в рабство: «и даяху отци и матери дети свое [в рабство] одерень ис хлеба гостем (купцам.— *Ред.*)»[5]. Положение изменилось, когда в Новгород прибыли корабли с зерном. В 1232 г. в Новгород возвратился князь Ярослав.

---

[1] НПЛ, стр. 69.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. «Исторические записки», № 2, стр. 132—152.

[3] НПЛ, стр. 70—71.

[4] Там же, стр. 71.

[5] Там же.

За время его отсутствия большая группа бояр, противников сближения с великими князьями владимирскими (бывший тысяцкий Борис Негочевич, сын бывшего посадника Петр Водовикович и др.), проникли в Псков, где встали у власти, арестовав княжеского мужа Вячеслава Гориславича. Отдельные выступления против князя имели место и в самом Новгороде. Прибывший князь Ярослав Всеволодович блокировал торговлю Пскова, арестовал находившихся в Новгороде псковичей, принудил псковские власти изгнать Бориса Негочевича и принять княжеского наместника, князя Георгия Мстиславича, сына Мстислава Удалого[1]. Характерно, что враждебные князю бояре-изгнанники ушли за рубеж, к немцам в Отепяа. Так феодально-боярская оппозиция в Новгороде сомкнулась с немецкими захватчиками, подобно тому как в Галицко-Волынской земле она смыкалась с силами враждебных Руси венгерско-польских правителей. Пользуясь удобным моментом, немецкие захватчики начали нападения на собственно Русскую землю.

В следующем 1233 г. бояре-изменники (как их именует летопись, «Борисова чадь»), соединившись с немцами и привлекши на свою сторону князя-изменника Ярослава (сына псковского князя Владимира Мстиславича), напали на новгородский город Изборск. Однако псковичи захватили их в плен и передали князю Ярославу. В те же годы немцы, проникая на собственно русскую территорию, уводили в плен отдельных русских. Так, пробравшись к Пскову, они захватили и увели в Отепяа боярина Кирилла Синкинича. Требовались срочные контрмеры. Они и были приняты князем Ярославом Всеволодовичем.

В 1234 г. он привел «множество» «полкы своя» и двинул их, а также новгородские силы, в поход на Юрьев. Русское войско подошло к городу и начало разорять окрестности. Тогда немцы выступили из Юрьева, а также из Отепяа и, столкнувшись с русскими дозорами, сражались с ними до подхода основных русских сил. Русские опрокинули немецкое войско, убили «лучьших немець (рыцарей.— *Ред.*) неколико», загнали их на лед реки Эмайыги (Эмбах), и, рассказывает летописец, «яко быша на рече Омовыжи немьци», то «ту обломишася [лед] и истопе их много, а ини язвени вобегоша» в Юрьев, а другие — в Отепяа. В этот поход русские войска «много попустошиша земле их и обилие потратиша»[2]. В результате похода немцы «поклонишася» Ярославу Всеволодовичу, и он «взя с ними мир на всей правде своей».

Итак, походы русских войск способствовали сохранению прав Новгорода или Пскова на сбор дани в Талаве, Латгалии, в отдельных

[1] НПЛ, стр. 71—72.
[2] Там же, стр. 73.

землях эстов, но немецкая оккупация части этих территорий, повидимому, сохранялась. Успешный русский поход 1234 г. на несколько лет упрочил на этих землях русско-немецкую границу.

Ярослав Всеволодович княжил в Новгороде до 1236 г. В этом году, оставив Новгород, он вмешался в борьбу черниговских, смоленских и волынских князей за Киев. Уходя в Киев, он «в Новегороде посади сына своего Олександра»[1].

В XIII в. Новгороду, Пскову и связанным с ними князьям приходилось не раз иметь дело и с нападениями литовцев. В Литве, ведшей упорную борьбу с немецкими захватчиками, в эти годы складывалось относительно единое раннефеодальное государство[2]. Соседние Литве русские земли Новгорода, Пскова, Полоцка и Смоленска неоднократно подвергались нападениям отдельных литовских князей. Значительная часть Русской земли попала в сферу их грабительских набегов. Эта часть может быть обозначена на карте следующими городами: Псков[3], Шелонь[4], Старая Руса[5], Селигер[6], Бежецк[7], Торжок[8], Зубцов[9], Смоленск[10], Витебск, Полоцк.

В центре очерченной области оказываются Великие Луки[11], где стоял гарнизон, охранявший новгородскую область; этот город называли «оплечьем» Новгорода. Другой город в центре этой области — Торопец[12] часто подвергался набегам; не случайно именно из этого города вышел такой неутомимый воин, как Мстислав Удалой.

До 40-х годов XIII в. литовские набеги носили характер грабительских нападений мелких князьков. Последние, как говорили тогда на Руси, «татем (по-воровски.— *Ред.*) воевахуть». Позднее же, с укреплением великокняжеской власти в Литве, особенно после татаро-монгольского нашествия на Русь, овладение Полоцко-Минской Русью, а также Смоленском, стало одной из задач захватнической восточной политики великого княжества Литовского.

В изучаемое время, однако, гораздо чаще можно было наблюдать совместные русско-литовские действия, направленные против вторже-

---

[1] НПЛ, стр. 74.
[2] См. ч. II, гл. 5, § 1 настоящего издания.
[3] НПЛ, стр. 37, 52—53.
[4] Там же, стр. 57.
[5] Там же, стр. 61, 73.
[6] Там же, стр. 68.
[7] Там же, стр. 79.
[8] Там же, стр. 64, 79, 82.
[9] ПСРЛ, т. I, вып. 2, Л., 1927, стб. 472.
[10] Там же, стб. 469.
[11] НПЛ, стр. 44.
[12] Там же, стр. 61, 64, 79, 80.

ния немецких захватчиков. Немецкие феодалы, продвигаясь по Восточной Прибалтике, стремились обосноваться и на литовских землях, встречая, правда, почти всегда суровый отпор. Немцы подчинили на побережье земли куршей и земгалов, в прошлом тесно связанных с Литвой; крестоносцы понимали, что пока Литва остается независимой, они не могут считать здесь свои позиции прочными. Поэтому, заняв часть Эстонии, немецкие феодалы начали готовить поход на Литву.

Разведывательный налет магистра Волквина на Нальшанскую землю был успешным; немцы угнали 2500 лошадей. В 1236 г. в Ригу прибыло много рыцарей, предпринявших затем большой поход на Литву. Поход окончился полным поражением; немецкие захватчики в битве под Шавлями (Шауляй) были разбиты наголову. В этой битве были уничтожены магистр Волквин, предводитель крестоносцев из Северной Германии Газельдорф и свыше сорока других крупных рыцарей. Успеху боя способствовал переход земгальских войск на сторону литовцев.

Шауляйская битва — крупная веха в борьбе литовского народа и всех народов Восточной Прибалтики против немецкой агрессии. В результате поражения немцы к западу от Двины оказались отброшенными едва ли не к границам 1208 г., а литовский великий князь Миндовг восстановил свое влияние в Курсе и Земгалии.

В связи с тем, что в начале XIII в. возросла мощь Литвы, участились набеги литовских князей на соседние польские земли — Хельмскую область, Мазовию и Куявию. Весьма страдали от литовских набегов владения польского (мазовецкого) князя Конрада. В 30-х годах, пользуясь тем, что волынские князья были заняты борьбой за галицкие и киевские земли, мазовецкий князь попытался выйти из-под их влияния и отказался от союза с ними. Тогда же, стремясь обезопасить свои владения от литовских набегов, Конрад допустил роковой политический просчет: он пригласил на помощь против Литвы и Руси немецких рыцарей Тевтонского ордена.

Этот духовно-рыцарский Орден был основан немцами-крестоносцами в 1198 г. в Палестине, где они сражались в составе армии крестоносцев против мусульман. Предвидя, однако, исход этой ближневосточной авантюры правителей феодальной Европы, «доблестные» рыцари с магистром Германом фон Зальца во главе постепенно перенесли центр своей деятельности на Европейский континент. Тевтоны обзавелись землями в Германии и Силезии, а затем при содействии папы Гонория III, по приглашению венгерского короля, обосновались в Семиградье, посулив королю нести охрану его восточных границ от половцев. Однако венгерский король, убедившись вскоре, что крестоносцев больше интересует венгерская земля, чем войны с

кочевниками, отказался от услуг наемников и выслал их в 20-х годах из страны.

Вскоре после этого Конрад мазовецкий обратился к магистру Герману, предлагая его Ордену поселиться на Висле и воевать против Литвы с тем условием, что к Ордену отойдут занятые литовские земли. Герман Зальца ловко воспользовался удобным случаем: он немедленно добился утверждения папой и императором «пожалования» князя Конрада и стал действовать в Хельмской земле и в земле пруссов самостоятельно, на правах имперского князя. Так обосновались на польской земле ее злейшие враги — немецкие крестоносцы. В 1230 г. Зальца послал в Хельмскую область отряд орденских рыцарей во главе с ландмейстером Германом Балка, и началось кровавое завоевание ими земли пруссов, длившееся более полустолетия.

«Для обремененного долгами голодного немецкого рыцарства,— писал Маркс,— *это занятие* было гораздо более удобным, чем опротивевшее ему дело в святой земле; *немецкие горожане* присоединялись к рыцарству, так как им было разрешено *«основывать» свободные города;* так же и *«свободное крестьянство»*, которому была предложена *собственность* на сносных условиях. «Рыцари» неистовствуют, как испанцы в Мексике и Перу; пруссы храбро сопротивляются, но все более и более изнемогают»[1]. Следовательно, крестоносцы сумели обеспечить себя достаточно широким притоком людских резервов из Германии; кроме того, они неоднократно использовали разногласия в среде славянских князей.

В 1231—1232 гг. на Висле были сооружены опорные пункты крестоносцев — замки Торн (Торунь) и Кульм (Хельмно). В 1233 г. был построен замок Мариенвердер, закрепивший захват земли пруссов, расположенной ниже по Висле. В том же году папская курия объявила крестовый поход в помощь тевтонам. Пользуясь своей властью, курия сумела привлечь к походу польских князей и тесно связанных с ними князей поморских. Пруссы были разбиты на р. Сигруне. Эта победа обеспечила крестоносцам продвижение к Фришгафу и по его побережью — до р. Прегель. Здесь были построены крепости Эльбинг, Бальга, Крейцбург и др. К началу 40-х годов крестоносцы довольно прочно укрепились на побережье южной и западной Пруссии.

Их попытки проникнуть в восточнопрусские земли окончились неудачей. В конце 30-х годов Конрад мазовецкий попытался использовать тевтонов и для борьбы с галицко-волынскими князьями, которые попрежнему сохраняли союз с Литвой и имели устойчивые позиции

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 342.

в земле ятвягов (судавов). Еще в XII в. польские князья стремились утвердиться в области прусского Полесья, а заодно овладеть и центром русской торговли и колонизации — Дорогичином. Сюда и направил Конрад мазовецкий отряд добжинских рыцарей во главе с магистром Бруно; князь «пожаловал» им русский город Дорогичин, которым сам не владел[1].

Однако волынский князь Даниил Романович решительно пресек попытку тевтонов продвинуться на юго-восток в русские земли. По словам волынского летописца, он заявил: «не лепо есть держати нашее отчины крижевникомь (крестоносцам.—*Ред.*)... и поидоста на не в силе тяжьце» и «приаста град (Дорогичин. — *Ред.*)... старейшину их Броуна яша и вои изоимаша»[2], т. е. разгромил тевтонское войско и захватил в плен самого Бруно. Это произошло в марте 1237 г. Итак, немецкое вторжение в Восточную Европу охватывало всю Прибалтику, Литву, угрожало северо-западной и даже юго-западной Руси. Конечно, такие операции Ливонского и Прусского орденов были возможны только потому, что они получали непрерывную и все возраставшую поддержку крупнейших политических сил тогдашней Западной Европы — Германской империи и папства.

Поражения, которые немецкие крестоносцы потерпели на Эмайыге (1234), при Шауляй (1236), в Дорогичине (1237), а также новые задачи, которые они себе ставили, готовясь продолжать захватнические войны и намереваясь вторгнуться в собственно Русь и великое княжество Литовское, вызвали объединение сил агрессоров.

В результате длительных переговоров, при деятельном участии папской курии, в 1237 г. было достигнуто объединение Ливонского и Прусского (Тевтонского) орденов. Магистр Ливонского ордена стал ландмейстером ордена Тевтонского.

Наступление на Русь привело к объединению также сил немецких и датских крестоносных феодалов. С помощью папской курии в 1238 г. было заключено соглашение в Стенби, по которому были определены немецкие и датские владения, захваченные в Эстонии[3].

Из Германии и Дании прибывали свежие пополнения в Ригу и Ревель. Готовилось новое наступление на Русь, само существование которой порождало постоянную тревогу у обосновавшихся на ее границах крестоносных грабителей.

---

[1] «Preussisches Urkundenbuch (Politische Abteilung)», t. I, 1, ed. Philippi, Königsberg, 1882, № 126.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 776.

[3] LU, t. I, № 160. *И. П. Шаскольский*. Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240—1242 гг. против Руси. «Исторические записки», № 37, стр. 182—184.

Именно в эти годы Русской земле был нанесен второй страшный удар с востока, со стороны татаро-монголов.

7

ЗАВОЕВАНИЕ МОНГОЛЬСКИМ ГОСУДАРСТВОМ ЗЕМЕЛЬ ЗАКАВКАЗЬЯ

Наступлению татаро-монгольских захватчиков на страны Восточной Европы предшествовало их новое вторжение в страны Закавказья, приведшее к завоеванию последних. После смерти Чингис-хана (1227) и раздела Монгольского государства на четыре улуса, Персия и Закавказье, нынешний Туркменистан, Хорезм, половецкая степь и Поволжье вошли в улус Джучи, старшего сына Чингис-хана. Персией фактически управляли наместники «великого хана» («кагана») Угэдея, третьего сына Чингис-хана. От его имени и был предпринят второй поход в страны Закавказья.

Политическое положение в Закавказье благоприятствовало планам монгольских правителей. Здесь в течение ряда лет продолжались особенно опустошительные междоусобные войны, вызванные действиями последнего хорезмшаха Джелал-ад-дина, который в 1225 г. со значительным туркменским войском появился в Азербайджане и воевал с феодалами Грузии, сельджукским султаном Рума (Малой Азии) и др., разоряя местные земли. Народные массы отвечали на эти разорения антифеодальными движениями, такими, как восстание 1231 г. «черни и безродных» в Гандже, жестоко подавленное хорезмшахом. Таким образом, хорезмшах Джелал-ад-дин, не сумев создать коалиции государств Закавказья и Передней Азии для борьбы с монголами и не поняв необходимости опереться в этой борьбе на народные массы, особенно на горожан, бесплодно истощил свои силы и не смог уже задержать наступавших монголов.

Татаро-монгольские войска, предводимые Джурмагуном (Чармаганом), в 1231 г. наголову разбили силы Джелал-ад-дина и заняли территорию юга Азербайджана. Заняв Тебриз, Джурмагун взял с горожан огромный выкуп и наложил тяжелые натуральные повинности на тебризских ремесленников, особенно на ткачей, обязав их изготовлять большое количество шелковых и парчевых тканей для двора великого хана.

Несколько позднее, в 1235 г., Джурмагун и подчиненные ему нойоны Чагатай, Молар, Тухата и другие предприняли поход на север Азербайджана (Арран и Ширван), в Армению и Грузию. Прежде всего была осаждена и после кровопролитных боев взята и разрушена Ганджа —

крупнейший город Закавказья; часть жителей умертвила друг друга, чтобы не попасть в руки завоевателей; все остальное население было уничтожено монголами, лишь небольшому отряду горожан удалось с оружием в руках, воспользовавшись ночной темнотой, вырваться из кольца врагов[1]. После этой резни город четыре года оставался в запустении[2]. Войска монгольских полководцев одновременно направились в различные области. Молар занял и разрушил большой азербайджанский город Шамхор, входивший тогда в состав Грузинского царства. Горожане упорно оборонялись вопреки приказу владельца города грузинского князя Вахрама. Тухата занял крепость Кайян — резиденцию князя Авага. Чагатай опустошил Лори, входивший в состав Грузинского царства. Сам Джурмагун пошел на Ани и Карс. Между 1235—1239 гг. все крупнейшие города Закавказья — Ани, Карс, Тбилиси, Дманиси, Самшвилде, Лори, Шемаха, Дербенд и другие были взяты и страшно разорены татаро-монголами.

Как и во время первого похода монголов, самое упорное сопротивление завоевателям оказывал простой народ. Так, при осаде Ани правители города, знать и купечество вступили в переговоры с захватчиками. Городская «чернь», то есть низы горожан, перебила монгольских посланцев, и переговоры были прерваны. После долгого сопротивления Ани был сдан вследствие предательства части знати, которой монголы обещали пощаду. Овладев городом, монголы перебили большую часть жителей и только немногих ремесленников, женщин и детей увели в рабство. «Трупы родителей и детей,—говорит армянский историк Киракос Гандзакеци, — валялись кучами; старцы, дети, младенцы, юноши и девицы покрывали собой поле, пропитанное кровью и гноем раненых»[3].

Карс был сразу же сдан Джурмагуну, тем не менее татаро-монголы часть жителей перерезали, а большинство угнали в неволю. При вторжении монголов на территорию Грузии и входившей с 1199 г. в состав Грузинского царства Северной Армении, царица Грузии Русудан (1223—1246) и часть знати бежали в защищенную Лихским хребтом Западную Грузию. Большинство князей заперлось в своих замках, надеясь на их неприступность. Страна была оставлена на произвол судьбы, и грузинский народ был лишен возможности объединить свои силы и оказать организованное сопротивление врагу. Тбилиси был сожжен. Грузия была совершенно опустошена.

---

[1] «Из истории Вардана. История монголов по армянским источникам». Пер. К. П. Патканова, вып. 1, СПб., 1873, стр. 5.

[2] *Несеви.* История султана Джелал-ад-дина, изд. O. Houdas, Париж, 1891, арабский текст стр. 173—174, перевод стр. 220—223.

[3] *Киракос Гандзакеци.* История Армении. Франц. перевод M. Brosset, СПб., 1870, стр. 127—128.

Разорив Восточную Грузию и Северную Армению, монгольские войска с наступлением зимы возвратились на свои кочевья в Муганской степи. В завоеванных областях остался один из военачальников — Карабуга, в задачу которого входило разрушение крепостей, чтобы уничтожить возможность сопротивления покоренных. «Когда весь край был опустошен и разорен,— говорит Киракос,— татары предписали жителям, пережившим смерть и плен, воротиться на свои места в села и деревни, строиться во имя их и служить им».

Царица Русудан и ее вассалы — князья Аваг, Вахрам, шаханшах, армянский князь Хачена Хасан-Джалал (в нынешнем Нагорном Карабахе), сюникский князь Еликум Орбелян и другие поспешили покориться татаро-монгольским правителям; в силу этого и не знавшая разорения Западная Грузия вынуждена была позднее (1245 г.) признать их власть. Покорился и ширваншах Ахситан II. Таким образом, большинство государственных образований Закавказья, прежде всего Грузинское царство со своими вассальными княжествами и царство ширваншахов, оказались под властью монгольских ханов. Правители этих государств остались на своих местах в качестве вассалов великого хана Монголии под условием платежа дани. Их всадники должны были участвовать в походах монгольских правителей в порядке воинской повинности (калан). На народ пало тяжелое иноземное иго.

8

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА С ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИМ НАШЕСТВИЕМ

После битвы на Калке (1223) и понесенного ими поражения на Волге татаро-монголы не оставили своих планов продвинуться на запад. На курултаях в 1229 и 1235 гг. в Каракоруме они обсуждали вопрос о походе на Европу.

Походы на половцев, завоевание Северного Кавказа, перенесение ставки в низовья Яика являлись этапами в подготовке монгольской знатью похода на Русь, на Европу. В начале 30-х годов монгольские правители вели и дипломатическую подготовку наступления; о ней было известно русским князьям, так как через князя Юрия Всеволодовича было переслано татарское письмо венгерскому королю Беле IV, от которого монголы требовали покорности[1].

В 1235 г. монголы приняли решение о походе для завоевания Европы. Во главе их войска был поставлен внук Чингис-хана—Батый

[1] *С. А. Аннинский.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. «Исторический архив», т. III, М.—Л., 1940, стр. 88.

(Бату). В 1236 г. татаро-монголы вышли на Каму и полностью разорили землю местных болгар: «и взяша славный... город (Булгар.— *Ред.*) болгарьский и избиша оружьем от старца до уного и до сущего младенца, и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем, а всю землю их плениша» [1].

Пройдя мордовские земли, захватчики зимой 1237 г. вступили в Рязанское княжество: «Того же лета на зиму придоша от восточьные страны на Рязаньскую землю лесом безбожнии татари и почаша воевати Рязаньскую землю и пленоваху и...» [2] Татары дошли до г. Пронска. Отсюда они отправили послов к рязанским князьям, требуя у них десятую часть всего, чем те владели: «просяче у них десятины во всемь: и в людех, и в князех, и в коних — во всяком десятое» [3].

Батый. Китайская миниатюра

Рязанские князья во главе с великим князем Юрием Игоревичем собрались на совет и, возможно, в надежде на поддержку со стороны владимирского князя ответили послам: «аще нас всех не будеть, то все ваше будеть». Юрий Игоревич послал за помощью к Юрию Всеволодовичу во Владимир и к Михаилу Всеволодовичу — в Чернигов. Но ни тот, ни другой не помогли рязанцам.

При таких условиях рязанцам ничего не оставалось, как перед лицом огромного превосходства татаро-монголов укрыться в своих крепостях. Героически, но в одиночку погибли один за другим рязанские города. Рязань пять дней выдерживала осаду, а на шестой (21 декабря 1237 г.) город был взят, жители перебиты или сожжены; погибли все воины и воеводы во главе с князем Юрием Игоревичем — «вси равно умроша...» [4]. Следом пали Пронск и другие города, и «ни един же от

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 460.
[2] Там же.
[3] НПЛ, стр. 74.
[4] «Воинские повести древней Руси», стр. 11—12.

князей... не поиде друг ко другу на помощь»[1]. Правда, Юрий Всеволодович прислал на рязанское пограничье дозорный отряд воеводы Еремея Глебовича, который, однако, вместе с рязанским полком был окружен в Коломне, где воины «бишася крепко». Но в конце концов все войско было истреблено[2]. Рязанская земля была совершенно опустошена. О степени ее разорения повествует древнее сказание: «...град... и земля Резанская изменися... и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видети — токмо дым и пепел...»[3].

Однако, несмотря на страшное разорение, народ вел партизанскую борьбу. Сохранилось предание о рязанском богатыре Евпатии Коловрате, который собрал из уцелевших от побоища в Рязани дружину в 1700 «храбров» и нанес немалый урон татарским полкам в Суздальской земле: «Сильныя полкы татарьскыя проеждяя, бьяше их нещадно»[4]. Действия воинов Коловрата, неожиданно появлявшихся там, где их не ждал враг, наводили страх на захватчиков, которые говорили: «Сии бо люди крылатыи, и не имеющие смерти,—тако крепко и мужественно ездя, бьяшеся: один с тысящею, а два со тмою»[5].

От Коломны в начале 1238 г. татаро-монголы подступили к Москве. Москвичи стойко оборонялись под руководством воеводы Филиппа Нянка, но были побеждены, «а люди [в Москве] избиша [монголы] от старьца и до сущаго младенца»[6]. Город и окрестные села татары сожгли. Далее татарские полчища направились к Владимиру. Князь Юрий Всеволодович с войском вышел из города в направлении к Ярославлю собирать дополнительные силы. 3 февраля 1238 г. враги осадили Владимир — столицу северо-восточной Руси. Жители города «начаша крепко боротися», однако стоявший во главе обороны молодой князь Всеволод Юрьевич не сумел возглавить отпор врагу.

Пока часть войска монголов окружала город осадными машинами, подготавливая штурм, другие рати рассредоточились по всему княжеству: «ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городець, и ти плениша все по Волзе доже и до Галича Мерьскаго, а ини идоша на Переяславль, и т[от] взяша, и оттоле всю ту страну и грады многы все то плениша, доже и до Торжку и несть места... идеже не воеваша на Суждальской земли (в течение февраля месяца.— *Ред.*) и взяша городов 14, опрочь (не считая.— *Ред.*) слобод и погостов»[7].

[1] «Воинские повести древней Руси», стр. 24.
[2] НПЛ, стр. 76.
[3] «Воинские повести древней Руси», стр. 15.
[4] Там же, стр. 13.
[5] Там же, стр. 14.
[6] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 460—461.
[7] Там же, стб. 464.

Оборона г. Владимира от татар. Миниатюра XVII в.
Государственный Исторический музей

Особый отряд занял Суздаль, где татарские войска «двор княж огнем пожгоша», людей «старыя и молодыя... все иссекоша, а прочие люди и жены и дети босы и беспокровны, издыхающим им от мраза, и бе тогда видети трепет велий зело». «Множество полона» татары «сведоша во станы своя».

Между тем за Владимир шла жестокая борьба. Татары решили во что бы то ни стало взять столицу княжества и «борющюся крепко о град», бросая против него все новые массы войск. Наконец им удалось разрушить городскую стену, город был подожжен, захватчики ворвались в жилые кварталы, и началось поголовное истребление жителей. Столица Владимиро-Суздальской Руси подверглась (7 февраля) неистовому разорению.

Далее основная часть татаро-монгольского войска под командованием Бурундая двинулась на север против князя Юрия, и 4 марта 1238 г. на берегу р. Сити владимирские полки во главе с князем Юрием были окружены огромным вражеским войском и честно сложили свои головы, защищая Русскую землю. Чтобы князь Юрий не мог получить

помощи из Новгорода, в котором правил его племянник Александр Ярославич, татаро-монголы предусмотрительно осадили Торжок, лежавший на восточной окраине Новгородской земли.

Население, простой народ, мужественно защищал небольшой город: «оступиша (татары.— *Ред.*) Торжок... и бишася пороки (осадными машинами.— *Ред.*) по две недели и изнемогошася людие во граде, а из Новагорода им не бысть помощи». Новгородское боярство решило отсиживаться в своем городе. Враги взяли Торжок 5 марта 1238 г. и «иссекоша вся от мужска полу и до женьска». Путь татаро-монголов лежал на Новгород; они доходили «за сто верст»[1] до него, но далее на север не пошли, так как рассчитывали, владея Поволжьем, и без того поставить боярскую республику под свой контроль. Имело значение и истощение сил татаро-монголов в результате ряда кровопролитных битв с русскими войсками, оказывавшими героическое сопротивление захватчикам. Повернув обратно, захватчики прошли по восточным землям Смоленского и Черниговского княжеств. Здесь русские города также оказывали им ожесточенное сопротивление. Из всех городов русский летописец особо отметил Козельск, жители которого семь недель выдерживали осаду татаро-монгольской армии.

Козельцы, говорит летописец, «ум крепкодушьный имели» и сражались до последнего человека на разрушенных стенах горящего города. Неоднократно бои переходили в рукопашные схватки, когда «козляне же ножи резахуся»[2] с татарами. В бою пало немало врагов, в том числе «три сыны темничи» (т. е. командующего «тьмой» — десятитысячным войском). Взяв, наконец, развалины Козельска, Батый буквально стер город с лица земли и «изби вси ...от отрочат до сосущих млеко». Таким образом, героический Козельск почти на два месяца задержал татаро-монгольскую армию.

Стойкая и мужественная оборона русских городов спутала расчеты монгольских завоевателей. Полки поредели, а впереди была еще половина Руси, и татаро-монголы повернув обратно, ушли за Волгу.

В начале 1239 г. часть татарских войск, выступив из-за Волги, двинулась на южную Русь. Другая часть была послана в конце 1239 г. на север, где подчинила монголам мордовскую землю и вышла к Мурому-на-Оке, который и заняла[3]. С боем, «копьем», воевода Батыя занял Переяславль (3 марта) и «изби и весь». Затем пал Глухов в Черниговской земле, а в октябре 1239 г. был окружен Чернигов, который после жестоких боев татары «взяша... пожегше и люди избиша[4].

[1] НПЛ, стр. 288—289.
[2] Там же.
[3] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 470.
[4] Там же, стб. 469.

Битва на р. Сити в 1238 г. Миниатюра XVII в.

Государственный Исторический музей

Между тем Киев готовился к обороне. Батый поздней осенью 1240 г. привел под Киев огромное войско, он пришел «в силе тяжьце многомь множеством силы своей». По данным киевской разведки, в войске находились крупнейшие воеводы Субэдей, Бурундай, Гуюк и др. Летописец так описывает татарское войско: «не бе слышати [голоса человеческого] от гласа скрипания телег его, множества ревения верьблюд его, рьжания от гласа стад конь его»[1].

Киев был окружен множеством осадных машин, которые днем и ночью обстреливали город, ломали городские стены, но жители под руководством галицкого воеводы Дмитра героически под обстрелом врага заделывали проломы. «И ту бяше видити лом копейный и щитом скепание, стрелы омрачиша свет...»[2]. Горожане защищали Киев, борясь до конца. Наконец, враг прорвался в город через огромные проломы в городской стене, и 19 ноября 1240 г. Киев пал[3]. Как и в других городах, русские воины и жители подверглись массовому истреблению, тысячи людей были уведены в рабство. Самому захваченному в плен израненному воеводе Дмитру Батый сохранил жизнь «мужества ради его».

Разорив древний Киев, татаро-монгольские захватчики в конце 1240 г. устремились далее на запад, в Галицко-Волынскую Русь. В результате упорных боев «копьем» были заняты столичные города Галич и Владимир-Волынский, в которых монгольское войско уцелевших жителей «изби не щадя». Также были разорены «инии грады мнози, им же несть числа». Местные князья, а также население пограничных земель укрывалось за рубежом: князь Даниил, уезжая в Венгрию, «виде множество бежащих от безбожных татар».

Наступил 1241 год. Таким образом, завоевание Руси татаро-монголами заняло 1236—1240 гг. Понеся значительные потери, татары вышли на западные рубежи Русской земли серьезно ослабленными. Героическая оборона русским народом родной земли, родных городов явилась решающей причиной срыва плана татаро-монгольских захватчиков завоевать всю Европу. Великий, всемирно-исторического значения подвиг русского народа состоял в том, что он защитил народы Западной Европы от надвигавшейся на них лавины монголо-татарского нашествия и тем самым обеспечил для них возможность нормального культурного и экономического развития.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 784.

[2] Там же, стб. 785.

[3] По другим источникам, Киев пал 6 декабря 1240 г.

Правда, в ближайшие годы татаро-монголы сумели разорить Польшу, Венгрию, балканские земли, но силы их были уже на исходе. Уходя из пределов Руси на запад, монголы решили обеспечить себе продовольствие в западном районе Киевской земли. Войдя в соглашение с местным боярством Болоховской земли, монголы не разорили здешних городов и сел, но обязали население снабжать свое войско зерном: «оставили бо их татарове, да им орють пшеницю и проса»[1]. Однако галицко-волынский князь Даниил, возвратясь на Русь, предпринял поход против болоховских бояр-изменников, земли которых были расположены на стыке границ Киевского, Галицкого и Волынского княжеств. Он «грады их огневи предасть и гребля их раскопа»[2]; были уничтожены 6 болоховских городов, и тем самым подорвано снабжение монгольских войск.

Из Галицко-Волынской Руси одна часть татаро-монгольского войска под командованием Бурундая двинулась весной 1241 г. на Польшу, а другая, во главе с Батыем,— на Венгрию. Польский сандомирский князь Болеслав Стыдливый был разбит у Ополья (между Люблином и Сандомиром); татары заняли и разорили Люблин, Завихост, Сандомир. От Сандомира часть войск направилась в Великую Польшу (Шираз, Ленчице, Куявия), а другая — в Малую Польшу, на Краков и Вроцлав. Краков был разорен, а во Вроцлаве горожане сумели отстоять цитадель.

Впереди татаро-монголов ожидала крупная битва. Большое войско под командованием краковского князя Генриха Благочестивого, подкрепленное «союзными» прусскими крестоносцами во главе с магистром Поппо фон Остерна, а также рыцарями из Силезии и Моравии, собралось у Лигница. 9 апреля 1241 г. эта армия после кровопролитной битвы потерпела поражение от татаро-монголов.

Через несколько дней, 12 апреля 1241 г., другая армия, под предводительством самого Батыя, столкнулась с шестидесятитысячным войском венгерского короля Белы IV на р. Сайо. Несмотря на мужество простых венгерских воинов битва закончилась поражением венгров.

Татарская армия, под командованием Кидана, прошла через Валахию в Трансильванию. Однако ослабленные непрерывными многолетними боями татаро-монголы не пошли ни на Австрию, ни на Богемию, где чешский король Вацлав I проводил деятельную подготовку к обороне, а повернули на юг.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 792.

[2] Там же.

В феврале 1242 г., когда замерз Дунай, татаро-монгольское войско, под командованием Батыя, продолжало завоевание Венгрии, где захватчики обосновались настолько прочно, что сумели наладить даже выпуск собственной монеты; другая рать, во главе с Киданем, пересекла Драву, вступила в Хорватию, разорила Загреб.

Завоевание монголами Руси, Польши и Венгрии вызвало панику в Европе. Лихорадочно готовились к обороне даже такие отдаленные города, как Любек и Нюрнберг. В Англии одно время даже был задержан выход судов в море для ловли сельди из опасения татаро-монгольского нашествия.

Но силам монголов были нанесены решающие удары на Руси, которая, оставаясь у них в тылу, сковывала их дальнейшее движение. Поэтому Батый, понимая безнадежность своего предприятия, в конце 1242 г. повернул обратно на восток. Одна часть войска шла по маршруту Босния — Сербия — Болгария — южная Русь. Другая, разграбив окрестности Дубровника (Рагуза), предав огню Котор (Катарро) и селения близ Скутари, вышла через Болгарию к низовьям Дуная, где встретилась с войском Батыя, прошедшим через Трансильванию и Молдавию.

Татаро-монголы пробыли за пределами Руси около двух лет. За время своего нашествия (1236—1242 гг.) они разорили ряд стран Восточной Европы и более всего Русь.

В эти тяжелые годы на территории северо-западной Новгородско-Псковской Руси, не затронутой серьезно татаро-монгольским разорением, русский народ героически и победоносно отражал натиск другого врага — немецко-шведско-датских захватчиков.

9

РЕШАЮЩИЕ ПОБЕДЫ РУССКОГО НАРОДА НАД ШВЕДСКИМИ И НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ (1240 и 1242)

Положение в северо-западной Руси было тревожное. Русскую землю опустошали татаро-монголы, а на северо-западные границы Новгородской земли стягивались силы немецких, датских и шведских феодалов. В то же время Литовское княжество пыталось захватить уцелевшие от татаро-монгольского разорения земли Смоленска и Полоцко-Минской Руси.

В этот трудный момент князь новгородский Александр и его отец Ярослав Всеволодович, ставший после гибели князя Юрия на Сити

владимиро-суздальским князем, приняли ряд срочных мер по укреплению западных границ Руси.

В 1239 г. Ярослав Всеволодович изгнал из Смоленска забравшегося туда литовского князя. Владимирские князья постоянно стремились не выпускать Смоленск из-под своего влияния: смоленские купцы вели торговлю в Суздальской земле[1]; кроме того, Смоленск, так же как и экономически связанные с ним Витебск и Полоцк, имели «вольный путь» по Двине к морю, признанный в 1229 г. ливонскими феодалами и Ганзейским союзом[2]. В 20-х годах смоленский князь проводил политику[3], предложенную князем суздальским. В 1239 г. князь Ярослав передал смоленский княжеский стол своему подручнику Всеволоду Мстиславичу[4].

В том же году Александр Ярославич женился на Александре, дочери полоцкого князя Брячеслава, и отпраздновал это событие в Торопце — опорном пункте противолитовской обороны[5], подчеркнув тем самым политическое значение своего брака.

Наконец, в том же 1239 г. князь Александр «с новгородци сруби городци по [реке] Шелоне»[6], вдоль которой проходил в Новгород путь с запада. Нужно заметить, что все принятые меры принесли свои результаты: в течение последующих нескольких лет Литовское княжество не нарушало русских границ.

Иначе сложились дела на северо-западной границе. Немецкие крестоносцы готовили решительное вторжение в Русскую землю. Опасность особенно усугублялась тем, что на этот раз к походу была привлечена также и Швеция. Шведские феодалы первыми двинулись в наступление на Русь. Как мы видели, русско-шведские противоречия возникли не вдруг, они ясно обнаружились еще в XII в.[7] Невская битва была лишь одним из важнейших этапов ожесточенной борьбы Новгородской Руси с агрессией Швеции в Восточной Прибалтике.

Видимо, в эти годы новгородское правительство приняло и какие-то меры для восстановления своих позиций в земле еми, а также и в земле суми. Такой вывод позволяет сделать содержание буллы папы Григория IX, отправленной в 1237 г. главе шведской церкви архиепископу упсальскому. «Как сообщают дошедшие до нас ваши письма,—

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 123.

[2] См. «Хрестоматия по истории русского права», под ред. М. Ф Владимирского-Буданова, вып. 1, СПб., 1899, стр. 125.

[3] НПЛ, стр. 67.

[4] ПСРЛ, т. VII, стр. 144

[5] НПЛ, стр. 77.

[6] Там же.

[7] См. гл. 4, § 6 настоящего издания.

писал папа,— народ, называемый тавастами (финнами.— *Ред.*), который когда-то большим трудом и заботами вашими и ваших предшественников был обращен в католическую веру, ныне стараниями врагов креста — своих близких соседей (русских.— *Ред.*) снова обращен к заблуждению старой веры и вместе с некоторыми варварами, и с помощью дьявола, совершенно уничтожает молодое насаждение церкви божией в Тавастии»[1]. Григорий IX призывал шведских феодалов с оружием в руках выступить против финнов.

Из этой буллы следует, что неудачи шведских феодалов в земле финнов папа объяснял вмешательством русских («близких соседей»), причем неудачи эти были так велики, что папская курия провозгласила крестовый поход и против финнов и против русских. Как видим, положение здесь было сходно с положением в земле латгалов и эстов. Папская булла, поскольку она основана на информации из Швеции, правильно передает сложившееся при королевском дворе убеждение, что шведские позиции в земле финнов и в заливе не могут быть упрочены до тех пор, пока не будет подчинена не только земля еми, но и сама Новгородская Русь. О том, что положение шведов в финской земле было достаточно затруднительным, можно заключить также из того, что в 40-х годах XIII в. сам престарелый епископ Томас «из страха перед русскими и карелами» оставил свой пост и отправился доживать свои дни на остров Готланд.

Следовательно, папская курия участвовала в подготовке наступления на Русь не только с запада, где она в том же 1237 г. содействовала объединению сил ливонских, прусских и датских крестоносцев, но и с севера, поддерживая организацию крупного наступления шведских феодалов. Шведское правительство решило направить экспедицию не столько против еми, сколько против Новгородской Руси. Целью похода был захват Невы и Ладоги, а в случае полной удачи — Новгорода и всей Новгородской земли. Захватом Невы и Ладоги можно было достигнуть сразу двух целей: во-первых, земли финских племен отрезались от Руси, а лишенные русской поддержки, они легко могли стать добычей шведских феодалов; во-вторых, с захватом Невы в руки Швеции переходил единственный для Новгорода (и для всей Руси) выход к Балтийскому морю, т. е. вся внешняя торговля Руси на северо-западе должна была поступить под шведский контроль.

Едва ли можно сомневаться в том, что выступление Швеции было согласовано с действиями ливонских феодалов, которые в том же

---

[1] «Finland Medeltidsurkunder», t. I, Helsingfors, 1910, p. 29: *И. П. Шаскольский.* Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой. «Военно-исторический журнал», 1940, № 7, стр. 94.

1240 г. предприняли наступление на Изборск и Псков, причем, вопреки традиции, не зимой, а летом. Косвенным подтверждением этому является и сообщение «жития» князя Александра о том, что шведский король решил выступить, лишь «слышав» об Александре Ярославиче от немецких феодалов[1].

Для похода на Русь шведское правительство короля Эриха Картавого выделило значительное войско под предводительством ярла (князя) Ульфа Фаси и зятя короля, Биргера[2]. Охотников поживиться русскими землями, уцелевшими от татаро-монголов, нашлось немало: шли шведские духовные и светские рыцари-феодалы, искавшие в грабительском походе средств поправить свои дела; шли крестоносцы — рыцари-профессионалы, искавшие богатств и славы; шли, наконец, просто отбросы общества — знатные нищие, спешившие туда, где, казалось, можно было поживиться без особого риска. Грабительский смысл похода прикрывался разговорами о необходимости распространить среди русских «истинное христианство» — католицизм. К походу были привлечены также вспомогательные финские отряды из покоренных частей земель еми и суми, а возможно, и норвежские феодалы.

Князь Александр Ярославич в 1239 г. позаботился об охране не только западных, но и северных границ, установив тщательную охрану залива и Невы. Здесь были низменные, сырые, лесистые земли, места были трудно проходимые, и пути шли только вдоль рек. В районе Невы, к югу от нее, между Водской (с запада) и Лопской (с востока) новгородскими волостями находилась Ижорская земля. Здесь жил небольшой народ — ижоряне, его социальная верхушка уже владела землей, приняла христианство и несла службу новгородским властям. В частности, как упоминалось выше, «муж старейшина в земли Ижерьской» по имени Пелгусий крестился, принял имя Филиппа и «живяше посреде роду своего, погана суща», т. е. и здесь основная масса населения оставалась языческой[3]. В Ижорской земле имелся и тиун, поставленный Новгородом[4]. Старейшине Пелгусию князь Александр поручил «стражу морскую», т. е. охрану путей к Новгороду с моря; видимо, охрана стояла по обоим берегам залива, как сказано в «житии» Александра — «при краи моря, стерегущу обои пути».

---

[1] НПЛ, стр. 291.

[2] *И. П. Шаскольский.* Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь. «Известия АН СССР». Серия истории и философии, т. VIII, № 3, 1951, стр. 267—276.

[3] НПЛ, стр. 292

[4] *И. Е. Андреевский.* О договоре Новгорода с немецкими городами, стр. 23, прим. 80.

Описание прихода шведских войск и их разгрома составил современник князя Александра, вероятно, его дружинник. Позднее митрополит Кирилл включил это описание в «житие» Александра[1].

О себе автор описания говорил как о «самовидце» «славного и честного жития». Кроме того, он пользовался теми фактами, которые слышал «от отець своих». Вот что узнаем мы от этого «самовидца».

Однажды на рассвете июльского дня 1240 г., когда Пелгусий был в дозоре на берегу Финского залива, он вдруг «услыша шум страшен по морю». Это шли шведские корабли «многы зело», посланные в поход королем, который «собра вой множество, силу велику зело: свея (шведы.— *Ред.*) с князем и с пискупы (епископами.— *Ред.*) своими и мурмане (может быть, норвежцы.— *Ред.*) и сумь и емь (финны.— *Ред.*)». Пелгусий спешно направился в Новгород и сообщил князю о виденном. Шведская флотилия между тем прошла по Неве до устья Ижоры. Здесь было решено сделать временную остановку («ста усть Ижеры»); очевидно, часть судов вошла в устье Ижоры, а бо́льшая часть причалила к берегу Невы, вдоль которого предстояло плыть.

С причаливших судов были переброшены мостки, на берег сошла шведская знать, в том числе Биргер и Ульф Фаси в сопровождении епископов, за ними высадились рыцари. Слуги Биргера раскинули для него большой, шитый золотом шатер. Биргер не сомневался в успехе. В самом деле, положение Новгорода было тяжелое: помощи ждать было неоткуда, татаро-монголы опустошили северо-восточную Русь.

Шведский полководец, «шатаяся безумием своим, хотяще въсприяти Ладогу, такоже и Новград и всю область Новгородчкую», отправил посла в Новгород, веля передать князю: «Аще можеши противитись мне, королеве, то се уже есмь зде и пленю землю твою». Видимо он не ждал сопротивления, считая, что без владимирских полков Новгород ему не страшен. Однако Биргер просчитался.

Князь Александр собрал у «Софии» в Новгороде свою дружину, «укрепил» ее речью[2] и принял решение быстро выступить на врага. Кроме дружины, он взял в поход новгородцев-горожан: «уже бо приближишася ратнии; тем же мнози новгородци не совокупилеся бяху, понеже ускоре князь поити»[3]. Войско выступило из Новгорода и двинулось к Ижоре:

---

[1] Ср. *Д. С. Лихачев.* Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. «Труды отдела древнерусской литературы» Ин-та литературы АН СССР, т. V, М.—Л., 1947, стр. 36—56.

[2] НПЛ, стр. 291.

[3] Там же, стр 292.

шли вдоль Волхова до Ладоги, здесь присоединился отряд ладожан[1]. Вполне вероятно, что и ижоряне участвовали в походе. К утру 15 июля[2] все войско подошло к Ижоре.

То, что Александр Ярославич ускорил свое выступление, объясняется, конечно, его желанием, во-первых, нанести удар шведам неожиданно, во-вторых,— именно на Ижоре и Неве. Из описания подвигов русских воинов складывается общее представление о плане битвы, осуществленном Александром. Нужен был удар, сочетавший в себе внезапность, храбрость и хитрость, потому что шведское войско было значительно многочисленнее русского; князь имел дружину небольшую: «иде на них в мале дружине»[3].

Князь Александр исходил из того, что бóльшая часть судов стояла у высокого и крутого берега Невы (путь лежал в Ладогу), значительная часть войска находилась на судах (остановка была временная), а рыцарская, наиболее боеспособная часть войска была на берегу. Конная дружина князя Александра, вероятно, должна была ударить вдоль Ижоры в центр расположения шведских войск. Одновременно «пешь» новгородец по имени Миша (видимо, из простых людей, так как летописец не приводит его отчества), с «дружиною своею»[4] должен был наступать вдоль Невы и, тесня шведов, уничтожить мостки, соединявшие корабли с сушей, отрезая шведам, опрокинутым неожиданным ударом конницы, путь к отступлению и лишая их возможности получить помощь.

В случае успеха этого плана численное соотношение войск на суше должно было серьезно измениться в пользу русских: двойным ударом вдоль Невы и Ижоры важнейшая часть вражеского войска оказывалась зажатой в угол, образуемый реками, в ходе боя пешая и конная русские рати, соединившись, должны были, оттеснив врага к реке, сбросить его в воду.

Русские войска внезапно обрушились на шведский лагерь[5]. Летописец не оставил описания хода боя, но сообщил о наиболее выдающихся подвигах русских людей. Так, он говорит о центральном эпизоде боя, когда князь Александр, пробившись в центр расположения шведских войск, сразился с Биргером и тяжело ранил его копьем: «возложи [ему] печать на лице острым своим копьем». Тот же летописец сообщает, что «молодой» дружинник Савва «наихав шатор великый и златоверхый [и] подсече столп шатерный». Падение шатра воодуше-

[1] НПЛ, стр. 292.
[2] Там же, стр. 77.
[3] Там же, стр. 291.
[4] Там же, стр. 293.
[5] Там же.

вило русских воинов: «и полци Александрове видеша падение шатра, и возрадовашася».

Говорит очевидец и об успешных действиях новгородского пешего ополчения, которое, продвигаясь вдоль берега Невы, не только рубило мостки, отбиваясь от шведов с суши и реки, но даже захватило и уничтожило три шнеки: «наскочи, погуби три корабли».

Дружинник Гаврила Олексич, преследуя бежавших шведского епископа и королевича, которые «втекоша пред ним в корабль», ворвался на коне вслед за ними по сходням на корабль:«нашедши на шнеку, и виде королевича, мчаща под руку» и «изоиха по д[о]ске (по ней же схожаху), до самого корабля». Произошел беспримерный бой всадника с противником на судне. Шведам удалось сбросить Гаврилу Олексича в воду («свергоша его с конем со д[о]ске в море»), но он сумел быстро выбраться «и опять наиха и бися крепко с самым воеводою посреде полку их». Он убил шведского воеводу и епископа.

Бой шел жестокий. Русские воины были «страшны в ярости мужества своего», а талантливый полководец Александр Ярославич сумел уверенно направить их на врага (как подчеркнул автор описания: «и бе мужество их с князем крепко»).

Автор отметил подвиги еще нескольких воинов: новгородца Сбыслава Якуновича, который «наихавше [на шведов] многажды бияшеся единым топором, не имея страха в сердце и паде неколико от руки его»; ловчего княжеского, полоцкого уроженца Якова, который «наихав на [шведский] полк с мечем, мужествовав много, и похвали его князь»; слуги княжеского Ратмира, который «бися пешь, и оступиша его мнози [шведы]» и после яростного боя «от многых ран падшю [ему] и тако скончася».

Так геройски сражались мужественные русские люди на рубеже Родины, отстаивая от врага северо-западную Русь, уцелевшую от татарских полчищ, в то время, когда большая часть Русской земли дымилась в развалинах городов, сел и слобод.

Бой, проведенный в стремительном темпе, принес блестящую победу русскому народу. Бесславно, в панике бежали шведские захватчики («посрамлени отъидоша»). «И множество много их паде»; русские войска, собрав трупы более знатных рыцарей, «накладше корабля два» и «пустиша и [их] к морю», и «потопишася [они] на море»; прочих же, что навеки остались на русском берегу, «ископавше яму, вметаша [их] в ню бещисла».

План талантливого и храброго полководца Александра Ярославича, в сочетании с изумительным геройством и самоотверженностью простых русских воинов, обеспечил быструю и славную победу при наименьших потерях со стороны русских. Новгородцев и ладожан пало

около двадцати человек. За умелое руководство боем и личное мужество, проявленное в битве, народ прозвал князя Александра Ярославича «Невским».

Борьба за устье Невы была борьбой всей Руси за сохранение выхода к морю. Русский народ на пути развития в великую нацию не мог быть изолированным от морей. Борьба за свободный выход России к Балтийскому морю в форме решительных военных столкновений началась именно при Александре Невском[1].

Невская битва была важным этапом этой борьбы. Победа русского народа, предводимого нашим великим предком Александром Невским, уже в XIII в. предотвратила потерю Русью берегов Финского залива и полную экономическую блокаду Руси, не дала прервать ее торговый обмен с другими странами и тем самым облегчила дальнейшую борьбу русского народа за независимость, за свержение татаро-монгольского ига.

Наш народ до начала XVII в. успешно оборонял Неву. Временный захват ее Швецией кончился для последней крахом: разбитая Россией при Петре I Швеция потеряла значение крупной державы. Считая себя прямым продолжателем дела Александра Невского, Петр I приказал перевезти прах Александра Ярославича в новую столицу.

Победа над шведскими захватчиками была, однако, лишь частью великого дела обороны Родины. В том же 1240 г. немецкие крестоносцы, собранные из всех крепостей Ливонии, в том числе и из Отепяа, Тарту, Вильянди («Вельяд» — нашей летописи), направляемые предателем князем Ярославом Владимировичем, захватили русскую крепость Изборск. Когда об этом стало известно в Пскове, местное ополчение, в которое вошли «вси и до души» боеспособные псковичи, выступило против немцев; однако псковичи были разбиты превосходящими силами противника. В неравном бою пал и княжеский воевода во Пскове Гаврила Гориславич.

Немцы, «пригонивше под город [Псков] и зажгоша посад весь, и много зла бысть, и погореша церкви, и честныя иконы и книгы, и много сел попустиша» близ города. Немецкие войска целую неделю осаждали Псков, однако взять силой его не смогли. Если бы не бояре-изменники, немцы так и не взяли бы город, который в своей истории выдержал 26 осад и ни разу не открыл ворот врагу[2]. Пронемецкая группировка среди псковских бояр существовала давно. Она отмечена в летописи еще в 1228 г., когда бояре-изменники заключили союз с Ригой, но затем

---

[1] *М. Н. Тихомиров.* Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв. М., 1941.

[2] *С. А. Тараканова.* Древний Псков. М.—Л., 1946, стр. 28.

эта группа держалась в тени, имея в числе своих сторонников и посадника Твердилу Иванковича. После поражения псковских войск и гибели княжеского воеводы эти бояре, что «перевет держаче с немци», сперва добились того, что Псков выдал крестоносцам в залог детей «добрых муж», затем некоторое время прошло «без мира», и, наконец, боярин Твердило и другие «подвели» немцев во Псков. Опираясь на немецкий гарнизон, изменник Твердило «сам поча владети Пльсковомь с немци»[1]. Власть его была только видимостью, на деле весь государственный аппарат прибрали к рукам немцы, которыми, в частности, «тиуны (т. е. фогты — судьи.— *Ред.*) посажены [были] у них (псковичей.— *Ред.*) судить»[2]. Часть бояр, не согласившихся на измену, бежала с женами и детьми в Новгород. Твердило и его сторонники помогали немецким захватчикам, «воюя села новгородьская». Таким образом, они продали Русскую землю врагу, а русских людей, трудящийся народ, населявший города и села, подвергли ограблению и разорению, надев на него ярмо немецкого феодального рабства.

Положение сложилось опасное, и меры для обороны нужны были срочные и решительные. Понятно, что князь Александр Ярославич, не рассчитывая на большую помощь из недавно разоренной татаро-монголами Владимиро-Суздальской Руси, возложил на новгородское боярство крупные расходы по подготовке к войне и постарался (вероятно, после Невской победы) упрочить свою власть в республике. Новгородское боярство, ставя собственные интересы выше интересов родины, вступило с князем в конфликт, в результате которого зимой 1240 г. «выиде князь Олександр из Новагорода к отцю в Переяславль с матерью и с женою и со всем дворомь своим, распревся с новгородци».

В начале 1241 г. немцы начали все чаще вторгаться в новгородские владения. Так, они вместе со вспомогательными отрядами эстов напали на землю води; вожан они «повоеваша и дань на них возложиша»; часть местной знати перешла на их сторону.

Немцы поставили целью захватить не только землю води, но и ижорян, а также побережье Невы и Карелию. Папская курия даже «передала» все эти земли под юрисдикцию эзельского епископа Генриха. В апреле 1241 г. Генрих в свою очередь заключил договор с рыцарями, по которому брал себе церковную десятину от всех доходов, а им передавал управление, рыбные ловли и др.

Тогда же немцы построили в Копорском погосте укрепленный город. Летописец, сообщив об этом, продолжает, что «и не то бысть зло,

---

[1] НПЛ, стр. 77.
[2] ПСРЛ, т. IV, Пг., 1915, стр. 228.

но и Тесов (на реке Оредеж.— *Ред.*) взяша, и за 30 верст до Новагорода гоняшаяся, гость (купцов.— *Ред.*) биюче». Наконец, немцы стали воевать «семо Лугу и до Сабля», т. е. до Сабельского погоста, который лежал в 40 верстах от Новгорода. Видимо, в это время, когда в город из всех окрестных сел и погостов сбегалось спасавшееся от немцев население, в городе вспыхнуло народное движение, поддерживавшее сторонников союза с владимиро-суздальскими князьями. Массы новгородских горожан, не желавшие в угоду корыстному боярству становиться рабами тевтонов, требовали организовать им отпор.

Новгородское вече отправило послов к Ярославу Всеволодовичу, и он отпустил к ним княжить своего сына Андрея. Но Андрей, не отличаясь особым талантом, не подходил для столь ответственного дела. Поэтому новгородцы, собравшись на вече («сдумавше»), послали к Ярославу Всеволодовичу «владыку (Спиридона.— *Ред.*) с мужи» просить к себе Александра Ярославича. В это время немцы, собрав полки, а также кое-какие отряды из эстов и литовцев, продвигались вперед. Они «поимаша по Луге вси кони и скот, и нелзе бяше орати по селом и нечимь»[1]. Об этом сообщили послы Ярославу, и он «вда... сына своего Александра опять». Вторжение ливонских крестоносцев в новгородские земли происходило в то время, когда их собратья — тевтоны Прусского ордена — терпели поражение от татаро-монголов при Лигнице.

Приезду мужественного князя «ради быша новгородци»[2]. В том же году князь Александр, собрав войско из новгородцев, ладожан, карел и ижорян, выступил против немцев и неожиданным ударом выбил их из Копорья (захваченного ими в 1240 г.): «князь же Олександро изыде на ня вскоре и изверже град из основания, а самех избиша, а ови с собою поведоша...»[3] Тогда же была освобождена от немцев земля води. Захваченных изменников из числа води и эстов, перешедших на службу к немецким феодалам, князь приказал казнить («извеша»).

Решительные действия Александра Ярославича и мужество русских и союзных им полков принесли первый успех, но главное было впереди. Известие об успешных действиях русских войск против немецких захватчиков вызвало новый взрыв антинемецких движений в земле эстов: в 1241 г. вспыхнуло восстание героических и непокорных жителей Сааремаа[4]. Широко подготавливая контрнаступление на немцев, Александр Невский обратился за помощью во Владимир,

---

[1] НПЛ, стр. 78.

[2] Там же.

[3] «Житие Александра Невского», стр. 190.

[4] *Hermanni Wartberge*. Chronicon Livoniae (помещена в «Scriptores Rerum Prussicarum», t. II. Lpz., 1863, p. 38).

и князь Ярослав Всеволодович отправил ему на помощь свои вновь сформированные после татаро-монгольского погрома владимиро-суздальские «низовские» полки, которые и привел в Новгород Андрей Ярославич[1].

Со всеми объединенными силами, которыми тогда располагала Русь, князь Александр Ярославич вступил в землю эстов; от действий его войска зависела судьба Русской земли. Начав наступление на землю эстов, Александр вдруг свернул ко Пскову и неожиданно «изгоном» освободил от немцев и предателей-бояр этот древний русский город. Пленных немцев и эстов князь «сковав, поточи» в Новгород; псковские предатели, вероятно, разделили судьбу копорских. Освободив Псков, Александр Ярославич повел свое войско в землю эстов, дав право войску воевать «в зажития», т. е. нанося максимальный ущерб врагу.

В это время, когда князь с войском находился на западном берегу Чудского озера, здесь, в районе селения Хаммаст, русский дозорный отряд во главе с братом новгородского посадника, Домашем Твердиславичем, и одним из «низовских» (тверских) воевод, Кербетом, разведал расположение основной массы немецких войск, завязал с ними бой, но был разбит; при этом немцы убили «мужа честна» Домаша «и инех с нимь.., а инех руками изоимаша», остальные же «к князю прибегоша в полк»[2]. Таким образом, приближалась решительная битва, которой искал князь и о которой с тревогой и надеждой думал народ и в Новгороде и во Пскове, и в Ладоге, и в Москве, и в Твери, и во Владимире.

Что же сделал князь Александр? Он отступил на лед Чудского озера: «князь же воспятися на озеро»[3]. Чтобы понять этот шаг выдающегося полководца, необходимо сказать несколько слов о военной организации Ордена немецких ливонских крестоносцев.

В средние века ядро армии состояло из феодалов-рыцарей, которые сражались каждый в одиночку и в любой момент, из страха или в погоне за добычей, могли оставить поле боя. Правда, во время первого крестового похода было установлено резать носы и уши тем, кто бросится грабить до того, как будет одержана победа. Но эти меры не помогли. Крестовые походы достаточно ясно обнаружили слабость рыцарских армий, нужда в постоянном войске для осуществления непрерывных захватов привела к созданию рыцарских орденов.

---

[1] НПЛ, стр. 78

[2] Там же.

[3] Там же.

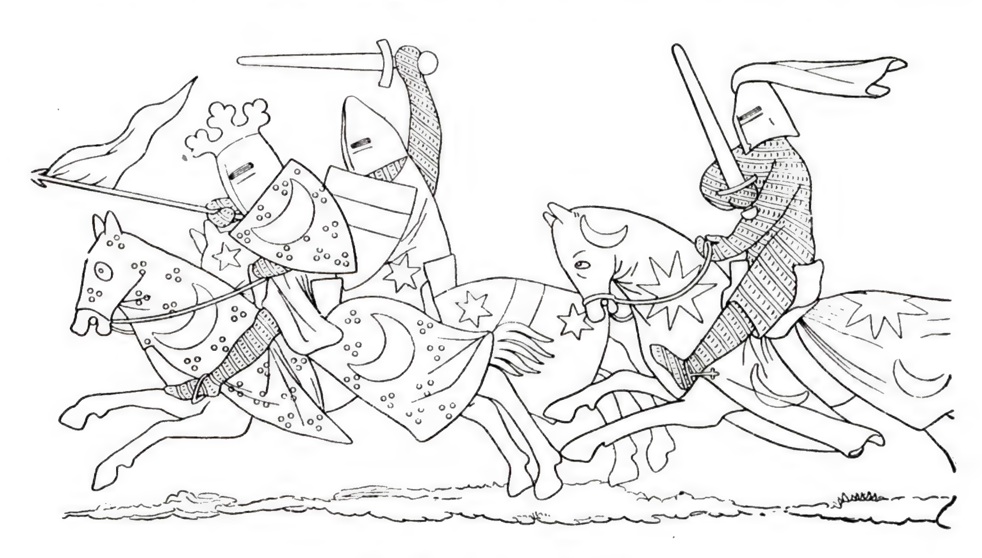
Орден являлся более или менее стройной военной организацией, с известной дисциплиной и т. п. Вступая в Орден, каждый рыцарь давал обет беспрекословного послушания. Уставы всех трех орденов того времени — тевтонов, тамплиеров и иоаннитов — тщательно регламентировали поведение рыцарей в походе и бою: орденские заправилы слишком хорошо знали своих «братьев», которые и в составе Ордена мало чем отличались от разбойников. Организаторам Тевтонского ордена удалось создать по тому времени достаточно дисциплинированное, отлично вооруженное войско, которое в бою применяло специальный строй — клином, или, как его называют наши летописи, «свиньей». Еще древние германцы знали этот строй: cunens (клин) — был строй, в котором, по словам одного римского историка, сражались «варвары». Описывая одну битву, он говорит, что отряды «варваров» напали, «выражаясь грубо, по-солдатски, строем, похожим по внешней форме на голову кабана».

Крестоносцы, таким образом, лишь использовали древний строй. По описаниям древних авторов, подобный строй войска в виде «свиньи» имел следующий вид. В первый ряд становились три-пять конных рыцарей. Во вторую шеренгу вставали уже пять-семь рыцарей и т. д. Таких постепенно увеличивающихся рядов было до десяти, следовательно, они могли насчитывать до полутораста рыцарей. Этот треугольник (вернее, трапеция) и был «свиньей», остальные рыцари строились колонной, имевшей ширину последней шеренги «свиньи». Во главе «свиньи» обычно вставали командоры и наиболее известные рыцари. Здесь же, под охраной, везли знамена, служившие сигналами в ходе боя: пока реет знамя, предписывал устав, никто из братьев не мог оставить поля битвы. На случай, если неприятель свалит знамя, водружалось запасное, чтобы «братья» не спешили обратиться в бегство. Колонна состояла из конных и пеших воинов[1].

Пешими в бой шли оруженосцы и слуги. Главной целью пехоты была помощь рыцарям. У тевтонов пехота состояла из горожан-колонистов, отрядов, выставляемых покоренными народами, слуг и т. п. По уставу, первыми в бой вступали рыцари, а пехота стояла под отдельным знаменем. Если в бой вводили и пехоту (что, видимо, имело место в Чудской битве), то ее строй замыкался рядом рыцарей, так как пехота отмеченного выше состава была не надежна.

Число колонн могло быть различным. Задача клина сводилась не к разрезыванию войска противника, а к раздроблению его центральной, наиболее сильной части, и последующему охвату и разгрому его

[1] См. *Г. Дельбрюк.* История военного искусства в рамках политической истории, т. III, М., 1938, стр. 188 и сл.

Немецкие рыцари. Миниатюра

флангов. Если удар оказывался неудачным, то колонна, сохраняя свой строй, превращалась в карре. Понятно, что, применяя такое построение, немецкие крестоносцы наносили поражения разрозненным отрядам ливов, латгалов, эстов. Но русские (а позднее и литовцы) нашли средства борьбы с закованной в панцыри «свиньей».

Блестящим тому примером является битва на льду Чудского озера. Обычным строем русских войск в бою было наличие сильного центра, где стоял большой полк («чело»), и двух менее сильных флангов — («крылы»): такой строй находим мы и в Раковорской (1268) и в Куликовской (1380) битвах. Это построение не было наилучшим в борьбе с крестоносной «свиньей», и Александр Невский смело сломал сложившуюся традицию, изменил тактику русских войск; он сосредоточил основные силы на флангах, что немало способствовало победе. Новая тактика и вызвала отступление русских на лед озера. Как и следовало ожидать, «немци же и чудь поидоша по них». Ожидая приближение противника, князь Александр поставил полк на Чудском озере в районе Узмени у Вороньего Камня[1].

5 апреля 1242 г. вся масса немецких войск устремилась на русских, «наехаша на полк немци и чюдь и прошибошася свиньею сквозе полк»[2].

---

[1] Ср. *М. Н. Тихомиров.* О месте Ледового побоища. «Известия АН СССР». Серия истории и философии, т. VII, № 1, М., 1950, стр. 88—91; ср. *Э. К. Паклар.* Где произошло Ледовое побоище? «Исторические записки», № 37, стр. 304—316.

[2] НПЛ, стр. 78.

Пробившись сквозь русскую армию и считая битву выигранной, крестоносцы внезапно были атакованы основными силами русских, сосредоточенными, вопреки традиции, на флангах, и «бысть сеча ту велика немцемь и чюди». С обеих сторон действовали большие массы войск: «бяше бо обоих множество много». Но русские сражались за справедливое дело, за родину. Они «исполнишася духа ратна, и бяху бо сердца им, акы львом». «Самовидец» битвы рассказывал, что «труск от копий ломлениа и звук от мечного сечения» был такой, что будто «морю померзошю двинутись и не бе видети леду: покрыто бо бе все кровию». Русские люди «кровь свою прольяша» не напрасно, ибо «немци ту падоша, а чудь (эсты.— *Ред.*) даша плеща», т. е. бежали.

Победа была решительная: русские яростно преследовали обратившегося в бегство врага по льду до Суболичьского берега. Было убито одних только рыцарей 400, кроме того 50 рыцарей русские «руками яша», эстов же «паде бещисла». Посрамленных пленных крестоносцев вели в Новгород: как сказано в псковской летописи, «овы изби и овы связав босы, поведе по леду»[1]. Видимо, убегавшие крестоносцы сбрасывали тяжелые доспехи и обувь.

«Возвратив же ся Александр со славною победою: бяше бо полона множество в полку его, и ведяху их подле конь, иже именуются божии рыторе (Ritter — рыцари.— *Ред.*)». Когда войско приблизилось к Пскову, то «стретоша его многи народ... и перед градом поюще славу» русскому войску и князю Александру.

Победа на Чудском озере — Ледовое побоище — имела огромное значение для всей Руси, для всего русского и связанных с ним народов, так как эта победа спасла их от немецкого рабства. Значение этой победы однако еще шире: она имеет международный характер. К. Маркс высоко оценил эту битву, специально выделив ее в «Хронологических выписках» из массы исторического материала: «*Александр Невский выступает против немецких рыцарей*, разбивает их на льду *Чудского озера*», так что «прохвосты» были отброшены от русской границы[2]. Этой крупнейшей битвой раннего средневековья впервые в международной истории был положен предел немецкому грабительскому продвижению на восток, которое немецкие правители непрерывно осуществляли в течение нескольких столетий. Не удалось крестоносным грабителям «укорить» «словеньскый язык ниже себе»[3].

Древний автор «жития» нашего великого предка князя Александра правильно отметил, что с этой поры «нача слышати имя Олександрово

[1] «Псковские летописи» под ред. А. Н. Насонова, вып. 1, М. — Л., 1940, стр. 13.

[2] «Архив Маркса и Энгельса» т. V, стр. 344.

[3] НПЛ, стр 295.

по всем странам и до моря Хупожьскаго (Каспийского.— *Ред.*), и до гор Аравитцких, и об ону страну моря Варяжьского (Балтийского.— *Ред.*) и до Рима»[1].

Ледовое побоище сыграло решающую роль в борьбе литовского народа за независимость, оно отразилось и на положении других народов Прибалтики. В том же 1242 г. на борьбу против крестоносцев вновь поднялись народы Прибалтики. Произошло восстание в земле куршей, где немцы успели продвинуться после поражения у Шавлей, построив и заняв ряд замков: Кулдига (Гольдинген), Эмбуте (Амботен), Вента (Виндава), Ангермюнде и др., создавая угрозу южным землям жемайтов. Курши призвали на помощь великого князя Миндовга, «богатого короля литовцев», как именует его немецкая рифмованная хроника. Миндовг прибыл с тридцатитысячным войском и развернул операции в районе Эмбуте. Он, по словам немецкого хрониста, «очень ненавидел крестоносцев»; война затянулась надолго.

В том же 1242 г. поморский славянский князь Святополк, женатый на сестре галицко-волынского князя Даниила Романовича, решительно порвал соглашение с прусскими крестоносцами и, вторгшись в их владения, возглавил восстание пруссов; помощь Святополку оказал князь Миндовг[2].

Немецкий хронист Петр Дюсбург именует Святополка «сыном греха и погибели»[3] и говорит, что в то время «вся почти Пруссия была окрашена христианской (т. е. немецкой. — *Ред.*) кровью»[4]. Святополк опустошил Хельмскую землю и нанес прусским рыцарям поражение у Рейзенского озера[5].

Так решающий удар, нанесенный крестоносцам русскими войсками, отозвался по всей Прибалтике, потрясая до основания и Ливонский и Прусский ордена. Только вмешательство немецких правителей, папской курии, а также отсутствие единства среди славянских князей спасли немецких захватчиков от полного разгрома; к 1253 г. восстание пруссов было жестоко подавлено, и тогда же прусские крестоносцы «основали» на побережье крепость Кенигсберг, закрыв устье р. Прегель

Что касается ливонских рыцарей, то в 1242 г. они «прислаша [послов] с поклоном» в Новгород. Послы заявили: «что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсков, Лотыголу мечем, того ся всего отступаем, а что есмы

[1] «Житие Александра Невского», стр. 191

[2] См. *В. Т. Пашуто.* О политике папской курии на Руси, стр. 57

[3] *P. Dusburg.* Chronicon terrae Prussiae (помещена в «Scriptores Rerum Prussicarum», t. I, Lpz., 1861), III, 32, p. 67.

[4] Там же, III, 35, p. 69.

[5] Там же, III, 40, p. 73.

Ледовое побоище. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

изоимали мужий ваших, а теми ся розменим: мы ваши пустим, а вы наши пустите». На этих условиях новгородское правительство «умиришася» с Ливонским орденом.

Мирный договор был подписан в 1243 г. без князя Александра, в это время, видимо, находившегося во Владимиро-Суздальской Руси, где он замещал отца, которого в ту пору вызвали в Сарай в ставку хана Золотой орды. Отношения Руси с татаро-монголами становились к этому времени государственным делом первостепенной важности.

10

РАЗГРОМ ВЕНГЕРСКО-ПОЛЬСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ (1245)

Татаро-монгольское нашествие привело к разорению юго-западной Руси, к резкому ухудшению положения крестьянства, к дезорганизации административного и хозяйственного аппарата государственной великокняжеской власти, к ее политическому ослаблению, к усилению раздробленности. Светская и духовная землевладельческая знать поспешила вновь, как и в начале XIII в.[1], захватить в свои руки экономическую и политическую власть.

Так, крупнейший галицкий боярин Григорий Васильевич засел в Перемышле и «мышляше» «собе горную страну Перемышльскую (Западную Галичину.— *Ред.*)... одержати»; затем Перемышлем завладел черниговский князь Ростислав Михайлович, которого поддерживал местный епископ — «коромолующий владыка»; на Болоховщине с помощью монголов обособилось местное боярство и княжье; в центральной Галичине «вокняжился» боярин Доброслав Судьич; кроме Галича, он занял Бакоту и, таким образом, «все Понизье прия»; этот боярин, захватив княжеские домениальные владения (например, Коломыю), раздавал их в держание черниговским боярам. Галицкий епископ Артемий, крупнейший духовный феодал, также был противником волынских князей и союзником князей черниговских. На смелый шаг решился еще один представитель духовной знати — угровский епископ Асаф; с помощью боярства он «скочи на стол митрополич», т. е. объявил себя митрополитом.

Создалось положение, при котором в большей части юго-западной Руси бояре князя Даниила Романовича «княземь собе называху, а сами всю землю держаху».

---

[1] См. гл. 3, § 4 в настоящего издания.

Но это правление бояр не могло быть прочным, так как они нуждались в княжеской власти, которая одна была в состоянии защитить их от внешнего врага и друг от друга[1]. С новой силой вспыхнула феодальная война. Теперь княжеская власть значительно активнее осуществляла карательную политику в отношении землевладельческой сеньориальной знати, широко организуя «уставление» всех земель и статей доходов, проводя как перераспределение земельных владений и держаний боярства, так и пересмотр повинностей крестьянства. К этому государственную власть принудила широкая волна крестьянских движений, направленных против феодального сословия в целом. Проводилось также спешное формирование нового войска, в котором князь, опираясь на «служащее» (главным образом среднее и мелкое) боярство, широко использовал массы феодально зависимых «смердов — пещцев».

Воспользовавшись ссорой между боярами—правителями в Галицкой земле Доброславом и Григорием, князь сумел их обоих «изоимати». Вступив в Галич, Даниил Романович отправил войско со своим «печатником» Кириллом занять Бакоту и Понизье и «исписати грабительства нечестивых бояр и утишити землю», в которой, очевидно, развивалось антифеодальное крестьянское движение. Кирилл занял Понизье и отбил наступление черниговского князя Ростислава, действовавшего в союзе с болоховским боярством. Позднее сам князь Даниил «еха до Бакоты и Калиуса» с целью «уставити землю», но, кажется, ему помешали возвращавшиеся из европейского похода татаро-монголы; затем в Бакоту был назначен татарский баскак Милей, и Понизье ушло из рук волынского князя.

Кроме того, как указывалось, князь Даниил предпринял поход и на болоховских бояр. Решительные меры были приняты и против боярства Западной Галичины. Сюда был направлен с войском княжеский дворский Андрей, который занял Перемышль, где захватил местного епископа и разорил его богатый двор и владения и притом «слуги его разграби гордые». Пострадали и другие представители духовной знати: галицкий епископ Артемий был изгнан из Галицкой земли; что касается угровского епископа Асафа, то он был «сверженн» князем с митрополичьего стола, угровская епископия была закрыта и позднее переведена в княжеский город Холм; тогда же князь Даниил назначил митрополитом Руси своего печатника Кирилла.

В эти же годы продолжалось энергичное восстановление экономики юго-западной Руси, наблюдался значительный приток ремесленников и крестьянства из других русских земель, пострадавших от татаро-монгольского нашествия; это переселение поощрялось государственной

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. I, стр 445.

властью. Напряженным трудом эксплуатируемого крестьянства и ремесленников экономика Галицко-Волынской Руси постепенно восстанавливались.

Этому не смогли помешать возвращавшиеся из европейского похода татары. На обратном пути они представляли значительно меньшую угрозу для населения: летопись отмечает лишь, что Батый выделил против Волыни два отряда (Маномана и Балая), которые проникли до Володавы на Буге, севернее Угровска. После ухода монголов на восток наступил последний, заключительный этап феодальной войны волынского князя против галицкого боярства, связанного с черниговскими князьями, а также с Венгрией и Польшей. Вытесненный из Галицкой земли князь Ростислав Михайлович не ушел в разоренный татаро-монголами Чернигов, а направился в Венгрию, где заключил союз с королем Белой IV и женился на его дочери Анне (1242). Выступая в качестве пособника преследовавших корыстные цели венгерских феодалов, князь Ростислав стал готовить решительное наступление на юго-западную Русь. К этому походу, кроме венгерских сил, были привлечены феодалы Малой Польши во главе с краковским князем Болеславом Стыдливым, который враждовал с мазовецким князем Конрадом, вступившим вновь в союз с Волынью. В ходе столкновений с малопольским князем волынские войска заняли Люблин (1244).

Широко задуманное наступление венгерских, польских, а также связанных с Ростиславом боярских войск представляло большую опасность для юго-западной Руси. Это была попытка правителей Венгрии и Польши покончить с существованием юго-западной Руси, ослабленной татаро-монгольским нашествием. Однако их надежды не оправдались. В битве под Ярославом правителям Польши и Венгрии был нанесен сокрушительный удар. Современники глубоко поняли выдающееся значение битвы под Ярославом для исторических судеб юго-западной Руси; княжеский летописный свод сохранил о ней специальное повествование[1].

Летом 1245 г. по приказу короля Белы IV рыцарское венгерское войско, предводимое зятем короля Ростиславом и старым венгерским полководцем (баном) Фильнием, в сопровождении польских феодальных дружин, возглавляемых Флорианом Войцеховичем Авданцем («Творьян»), двинулось в Галицкую землю — предмет давнишних вожделений венгерской и польской знати. Войска с боем заняли Перемышль и направились к Ярославу. То был «крепок град», и жители его дали врагу «бой велик перед градом», а затем укрылись за его сте-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 800—805.

нами. Бан Фильний, не ожидавший такого сопротивления, отправил отряд в Перемышль, поручив доставить «сосуды ратные и градные и пороки». Началась осада города. Горожане метали со стен камни и стрелы.

Враг был уверен в победе и не спешил со штурмом. Под стенами города осаждавшие устраивали рыцарские турниры.

Пока враги стояли, задержанные сопротивлением Ярослава, галицко-волынский князь, узнав про «ратное пришествие», стал собирать дружину и ополчение и «скоро собравше вои» свои, а также отряды половцев с Понизья. К союзным Волыни мазовецкому князю Конраду и литовскому великому князю Миндовгу были отправлены послы с просьбой о присылке вспомогательных войск; и польский и литовский князья обещали прислать подмогу.

Когда русское войско было готово к походу, вперед был выслан дозорный отряд дворского Андрея с заданием разведать силы врага, а также известить ярославцев о близкой помощи: «да их (войска противника.— *Ред.*) видить и укрепить град, яко уже близ есть спасение их». Сам же князь Даниил Романович повел войско из Холма вслед за отрядом дворского Андрея к р. Сану. Не доходя реки, русские полки остановились; из обоза было извлечено оружие и роздано войскам. Узнав от дворского о силах противника и их расположении, князь наметил переправу.

Первым переправился отряд половцев, который подтвердил то, что сообщил и Андрей: «не бе бо страж их (венгров.— *Ред.*) у рекы». Следом за половцами и все русское войско «не умедлиста, но скоро преидоста реку». На другом берегу Сана князь «исполчивша же коньники с пешьци», и войска двинулись к лагерю врагов «с тихостью», но «сердце же ею крепко бе... устремлено на брань».

Получив известие о том, что приближаются русские, Фильний, Ростислав и Флориан, оставив пешее войско у «врат» Ярослава, чтобы горожане не ударили с тыла, с рыцарскими дружинами выступили навстречу русскому войску.

Князь Даниил расположил свой главный полк на левом фланге, центр приказал держать «малой дружине» дворского Андрея; на правом фланге против польских войск Флориана был поставлен полк князя Василька Романовича. 17 августа 1245 г. начался бой. Войска обстреляли друг друга, а затем князь Ростислав с главными силами атаковал дружину дворского Андрея. Дружинники приняли венгерских воинов в копья, в жаркой схватке «копьем же изломившимся, яко от грома тресновение бысть». Битва была ожесточенной, с обеих сторон «мнози падше с коний и умроша», а «инии уязвени быша от крепости ударения копейного».

В то же время польская рать Флориана «крепко идуща» на полк князя Василька с криком, и «силен глас ревуще в полку их»,— заметил очевидец. Завязалось жаркое сражение.

Между тем воины дворского Андрея упорно сдерживали натиск противника и «крепци боряшеся» медленно отходили к Сану. Князь Даниил, заинтересованный в том, чтобы бо́льшая часть сил противника была связана войском дворского Андрея, отрядил ему в помощь подкрепление: Василия Глебовича, Всеволода Александровича, Мстислава и других, всего «20 муж избранных»[1].

Князь, с основными силами, через «дебрь глубокую» вышел в тыл наступавшим. Здесь стоял «задний полк» Фильния; его рыцари должны были завершить битву победой. Развернув свои силы, князь Даниил выехал вперед «ис полку» и, имея под рукой рати стольника Якова Марковича и Шелвы, стремительно обрушился на врага. Русские полки смяли венгерских рыцарей, опрокинули их и принялись истреблять.

Даниил Романович пробился к центру венгерского войска, где стояла хоругвь Фильния; князь сорвал ее и разорвал в клочья. Покинув поле боя, венгерские рыцари поспешно бежали. Тогда дрогнули дружины Ростислава и Флориана — они также «наворотишася на бег». Силы дворского Андрея и Василька Романовича преследовали их: воевода Флориан попал в плен, бан Фильний пытался скрыться, но был захвачен дворским Андреем, только Ростислав успел бежать в Краков.

Войска и освобожденные горожане Ярослава торжествовали победу, «угре же... мнози избьени быша и яти быша». Князь Даниил распорядился казнить бана Фильния, в прошлом жестоко угнетавшего Галицкую землю, и «инии угре мнози избьени быша за гнев» русских, не мало слез и горя вынесших от неоднократных разбойничьих набегов венгерских феодалов. Осадные сооружения противника у стен Ярослава были сожжены.

С наступлением ночи войско расположилось на ночлег. Отряды, преследовавшие остатки сил противника, постепенно возвращались в лагерь; они приводили новых пленных и взяли большую добычу («корысть многу»). Воины разыскивали однополчан, и «всее нощи клику не переста ищущим друг друга». Наутро «с колодныки многи» русские полки отправились в обратный путь. Им повстречались польские и литовские отряды, спешившие на помощь, но в них уже не было нужды. Так закончилась битва под Ярославом[2].

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 801—803

[2] Там же, стб. 804—805.

В ней вновь проявились высокие боевые качества русских пеших полков и конных дружин, а также незаурядное полководческое дарование князя Даниила и его воевод.

Эта битва, подготовленная подчинением боярских центров, «уставлением» земель, реорганизацией войска, является крупнейшей вехой в истории юго-западной Руси; ею завершается сорокалетняя феодальная война, приведшая к восстановлению на некоторое время государственного единства Галицко-Волынской Руси; эта битва, подобно Ледовому побоищу, отражает непоколебимое мужество свободолюбивого русского народа.

Но победа над венгерско-польскими феодалами была лишь частью дела обороны юго-западной Руси. В том же году в Холм явился посол золотоордынского хана Батыя и потребовал от его имени передачи монгольским правителям Галицкой земли. Для юго-западной, как и для всей остальной Руси, первостепенное значение приобретали отношения с более сильным противником — Монгольским государством и прежде всего с Золотой ордой.

11

УСТАНОВЛЕНИЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА НА РУСИ И БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В XIII В.

а) Установление татаро-монгольского ига над северо-восточной Русью и борьба русского народа за независимость

Татаро-монгольское нашествие принесло неисчислимые бедствия русскому народу, потерявшему в борьбе за независимость многие тысячи своих сынов и дочерей. Это нашествие привело к уничтожению и расхищению русских культурных ценностей и задержало развитие русской культуры на целые полтора столетия. Оно привело, наконец, к установлению долголетнего ига татаро-монгольских феодалов над великим свободолюбивым русским народом.

На основании работы Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» можно с полной ясностью представить, какой огромный ущерб был нанесен народному хозяйству Руси. «Дальновидные монголы хорошо понимали,— пишет Б. А. Рыбаков,— что во время войны побеждает тот из противников, который располагает не только армией воинов, но и армией ремесленников, умеющих ковать оружие, строить города,

создавать хитроумные машины»[1]. Татаро-монгольские захватчики везде, где могли, забирали ремесленников в плен, превращая их в рабов; это имело место в первую очередь по отношению к городским ремесленникам. Вследствие этого археологи находят значительное число типично русских изделий XIII в. в самых различных районах татаро-монгольских кочевий. В то же время на Руси во второй половине XIII в. отмечается ухудшение или даже полное забвение сложной техники по ряду производств (например, эмали, черни, зерни и даже скани), огрубение и опрощение ремесленной промышленности.

Почти совершенно прекратился рост городов и нарушилась связь городского ремесла с рынком. Изменился и самый облик городов. Сильно сократилось строительство каменных зданий, строили их значительно хуже, чем в XII и начале XIII в.; в Суздальской земле совершенно исчезла великолепная резьба по камню. Только в таких городах, как Новгород, Псков, Смоленск, Галич и другие, менее пострадавших от татаро-монголов, продолжала развиваться русская культура, но и здесь ее развитие было задержано татаро-монгольским владычеством. В целом же для Руси была характерна иная картина — срытые стены крепостей, развалины домов, опустевшие города[2].

Вот как характеризовал положение Руси современник, владимирский епископ Серапион: «Кровь и отець, и братья нашея, аки вода многа, землю напои; князий наших, воевод крепость ищезе..., мьножайша же братья и чада наша в плен ведени быша; села нашы лядиною (молодым лесом.— *Ред.*) поростоша, и величество наше смерися; красота наша погибе, богатство наше онемь в користь бысть; труд наш погании наследоваша; земля наша иноплеменникомь в достояние бысть...»[3]

Татаро-монгольское нашествие расшатало административный и хозяйственный аппарат государственной власти. Князь Ярослав Всеволодович, став во главе Владимиро-Суздальской Руси (1238) после ухода из нее татаро-монгольских войск, поспешил принять меры к укреплению органов единого государственного управления, возрождению разоренного хозяйства и восстановлению военных сил.

По возвращении во Владимир он «поча ряды рядити» и «судити людем»[4]. При восстановлении разоренной Суздальской земли, прежде всего обеспечивались интересы светских и духовных феодалов. К сожалению, характер источников по истории северо-восточной Руси данного периода, главным образом церковных, не позволяет раскрыть

[1] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 525.

[2] См. там же, стр. 525—538.

[3] *Е. В. Петухов.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888, прилож., стр. 8.

[4] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 467.

эти мероприятия. Но достаточно красноречив тот факт, что уже в 1242 г. владимирский князь располагал значительными военными силами, часть которых была использована для обороны Новгородской Руси.

Аналогичную деятельность развил несколько позднее в северо-западной Руси (на землях, освобожденных от немецких захватчиков) князь Александр Ярославич. С его именем связано, например, появление древнейших статей так называемой «Псковской Судной грамоты»[1], которые (восходя к «Русской Правде») составляли часть судебного закона, данного князем Пскову, когда князь «списал такову грамоту, по чему ходити». Сделал он это, вероятно, после освобождения Пскова и изгнания сидевших там около двух лет немецких судебных тиунов — фогтов.

В частности, князь Александр, укрепляя свои позиции среди горожан Псковской боярской республики, восстановил уничтоженный немцами старинный суд «братчин», т. е. право юрисдикции русских ремесленных цехов: «А братьщина судить как судьи»,— гласит данная князем статья Псковской Судной грамоты.

В начале 50-х годов XIII в. Александр Ярославич, подавив сопротивление своих братьев — князя владимирского Андрея, князя переяславского Ярослава и связанного с ними боярства, став владимирским князем, принимал меры также к упрочению государственной великокняжеской власти. Князь, по словам автора его «жития», церковника, «церкви воздвиже, град исполни, люди разбегшая собра в домы своя»[2].

Татаро-монголы разорили ряд стран Восточной Европы, но более всех, как мы видели, пострадала Русь, значительная часть которой вследствие этого попала затем в вассальную зависимость от монгольских ханов. По возвращении из европейского похода (1243) хан Батый и окружавшая его феодальная знать обосновались на Нижней Волге, где возникло новое государство — так называемая Золотая орда со столицей в Сарае. Государство это известное время находилось в номинальном подчинении у монгольского великого хана, пребывавшего в Каракоруме.

Золотоордынские ханы поставили, в качестве одной из важнейших, задачу подчинить все русские земли как завоеванные ими, так и не завоеванные. Однако героическое сопротивление русского народа, а также противоречия между золотоордынскими и великими ханами,

---

[1] См. «Псковская Судная грамота», изд. Археограф. комиссии, СПб., 1914 (ст. 109—120); см. *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы, ч. I, стр. 436 и сл. Ср. *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 764.

[2] НПЛ, стр. 305.

возникшие из-за права обладания богатым «русским улусом», отсутствие необходимых военных сил и должного уровня развития государственной организации не позволяли им рассчитывать на быстрое осуществление их планов.

Степень разорения и зависимости русских земель от монголов до 1257 г. не была одинаковой. Если северо-восточная Русь (за исключением, может быть, Ростовской земли) подверглась очень сильному разорению и вынуждена была поэтому подчиняться распоряжениям ханов, то юго-западная Русь сумела достаточно быстро оправиться от последствий первого нашествия и попыталась отстоять свое независимое существование. Находилась она в отдалении, гранича со странами, которые вовсе не попали в орбиту татаро-монгольского властвования (Литва, Польша, Венгрия), хотя и переносили тяжесть татаро-монгольских нашествий. Наконец, северо-западная Русь (Новгород, Псков, Полоцк, Минск, Витебск, Смоленск) в основном не знала ужасов нашествия и в это время не собиралась считаться с внешнеполитическими видами золотоордынских ханов. Отсутствие политического единства Руси ослабляло ее. В своей политике на Руси ханы учитывали существование нескольких правительств различных княжеств, при этом ордынские политики опирались на вооруженную силу, широко используя заложничество, подкуп, убийства, обман. Татаро-монгольское нашествие усилило феодальные распри на Руси: и в Сарае и в Каракоруме русские князья, подчас забывая об интересах родины, стремились свести друг с другом старые феодальные счеты.

Все это, как увидим, пагубно отражалось и на внешнеполитическом положении Руси. На Западе, в частности у папской курии, появилось стремление, подняв шум о крестовом походе европейских стран против татаро-монголов, на деле договориться с последними за счет русских интересов.

В создавшихся условиях владимирским князьям нелегко было найти правильную политическую линию взаимоотношений с восточными победителями и западными захватчиками, нелегко было найти и политические средства для преодоления внутренней путаницы междукняжеских союзов. Это было тем более затруднительно, что подчинение русских земель татаро-монголами началось с Владимиро-Суздальской Руси.

В 1243 г. Батый вызвал к себе князя Ярослава Всеволодовича. Ярослав не решился ответить хану отказом. Вместе со своими «мужами» (т. е. боярами) он двинулся в ханскую ставку, а сына Константина одновременно отправил с дарами к великому хану в Каракорум. Батый, говорит владимирский придворный летописец, оказал Ярославу «великую честь», он утвердил его великим князем всей Руси, включая

и Киевское княжество, в котором был посажен княжеский воевода — Дмитр Ейкович.

Поскольку Батый не мог, разумеется, изменить политический строй, сложившийся на Руси еще до татаро-монгольского нашествия, Ярослав Всеволодович оставался сильным князем и приобрел при золотоордынском дворе большой вес, но его власть над Киевом и Русью, равно как и власть самого хана, пока что не признавали ни князь Галицко-Волынской Руси — вернувшийся из-за границы Даниил Романович, ни черниговский князь Михаил Всеволодович. Однако военная угроза со стороны татаро-монголов и отношения, сложившиеся с ними у владимирского князя, требовали и от этих князей установления каких-то взаимоотношений с Батыем.

Между тем в 1245 г. хан Батый вызвал из Руси князей Михаила и Даниила. Тогда же в Сарае находился и князь Ярослав Всеволодович. 20 сентября 1246 г. Батый приказал умертвить оказавшего ему неповиновение черниговского князя Михаила Всеволодовича. Позднее был убит и другой черниговский князь — Андрей Мстиславич[1]. Князь галицко-волынский лишь за большую дань и ценой отказа от Киевского княжества и земель болоховских добился того, что хан признал его своим «мирником». В придворной летописи князя Даниила этот результат был оценен как «злая честь». Но в это время, время становления русско-монгольских отношений, непрочным оказалось и положение самого владимирского князя Ярослава, так как в великоханской ставке были недовольны назначением его великим князем.

В Каракоруме хотели иметь собственного ставленника на Руси. При дворе великого хана Гуюка тайно действовала придворная группа великой ханши Огуль-Гамиш и ханши Туракины, которая, отражая взгляды определенной части знати, не доверяла золотоордынскому хану Батыю. В 1246 г. князь Ярослав Всеволодович был с большой свитой отправлен из Сарая в далекий Каракорум на утверждение великого хана. Добраться туда было нелегко, и в пути многие люди из княжеской свиты погибли.

При дворе великого хана князь Ярослав, по свидетельству современника, папского посла Иоанна Плано-Карпини, не получил «никакого должного почета». Здесь было уже решено убить князя, «чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землей». Ярослав Всеволодович был отравлен и умер 30 сентября 1246 г. Убийство Ярослава, крупного государственного деятеля того времени, вызвало гневный отклик на Руси. Даже в летописи враждебного Ярославу князя Даниила Рома-

---

[1] *А. Н. Насонов.* Монголы и Русь, М.—Л., 1940, стр. 27.

новича галицко-волынского высказано резкое осуждение татаро-монголов, которые владимирского князя «зельем умориша».

Отравив старого князя, ханша Туракина «поспешно отправила гонца» к Александру Ярославичу, зовя его под тем предлогом, что «хочет подарить ему землю отца его». Однако князь Александр, «не пожелал поехать, все верили, что... она умертвит его или подвергнет вечному плену»[1]. Между тем хан Батый принял брата убитого князя — Святослава и, в соответствии с русской традицией, назначил его великим князем. Новый великий князь не внес никаких перемен в распределение княжеских столов. В частности, за Александром Ярославичем остался Новгород. Однако в Каракоруме не признали назначения Святослава, исходившего от Батыя.

В том же 1247 г. князья Андрей и Александр Ярославичи, подчиняясь новому вызову ставки великих ханов, отправились через Сарай в Каракорум. Тем временем в татаро-монгольском правительстве произошли перемены. Умер великий хан Гуюк, и престолом завладела его вдова Огуль-Гамиш (1248—1251). Великая ханша назначила великим князем Андрея Ярославича, а новгородскому князю Александру дала «Кыев и всю Русьскую землю»[2], т. е. Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли. Этот результат, видимо, стоил князю Александру больших дипломатических усилий. Ханша же, решаясь на такой шаг, рассчитывала, с одной стороны, ослабить русских князей, а с другой — подорвать влияние Батыя на Руси.

В конце 1249 г. князья возвратились на Русь. Политическое положение на Руси отличалось крайней неустойчивостью. Князь Александр Ярославич сумел наметить линию, соответствовавшую политическим интересам Руси. Она заключалась в том, чтобы прежде всего поддерживать мирные отношения с ханом Золотой орды, объединяя при этом все русские земли, которые можно было объединить, и оказывать решительный вооруженный отпор крестоносным захватчикам, которые с помощью папской курии и германского императора продолжали настойчиво наступать на северо-западную и юго-западную Русь.

Такая политическая линия вскоре привела князя Александра в столкновение с теми русскими князьями, которые, недооценивая силы татаро-монголов, завязывали переговоры о союзе с западными соседями и папской курией, безнадежно пытались оказать сопротивление Золотой орде, ставя этим свои земли под новые удары кочевников и ослаб-

---

[1] *Иоанн де Плано-Карпини.* История монголов, Пер. А. И. Малеина, СПб., 1911, стр. 57.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 472.

ляя их перед лицом угрозы немецких, шведских, датских, венгерских и иных захватчиков.

Среди вопросов международного порядка, вставших в ту пору перед новгородским и киевским князем Александром Ярославичем, не случайно особо важное место занял вопрос о взаимоотношениях с папской курией.

XIII в. явился временем расцвета политического могущества папства, которое вело борьбу с германскими императорами, стремясь утвердить свою власть в Европе. В то же время папская курия развернула широкое наступление на страны Восточной Европы. Особое внимание курии (как, впрочем, и немецких феодалов), привлекла Русь — крупнейшая европейская страна, имевшая устойчивые позиции в Прибалтике (земли литовцев, латгалов, эстов), Карелии, в земле финнов (емь), даже в Польше (Мазовия).

В другой части Восточной Европы в это время также произошли весьма значительные события. В 1204 г. пал захваченный латинскими крестоносцами Константинополь. Крупнейший политический и культурный центр того времени подвергся варварскому разгрому. Описание этого события было в начале XIII в. включено в новгородскую летопись со слов очевидца — русского боярина Добрыни Ядрейковича. Следовательно, и действия крестоносцев в юго-восточной части Европы были хорошо известны на Руси. На развалинах Константинополя крестоносцы создали так называемую Латинскую империю; византийское правительство перебралось в Никею, где возникла так называемая Никейская империя.

Уже вскоре после захвата Константинополя латинскими рыцарями папа Иннокентий III обратился к русским князьям с посланием (1207), в котором, ссылаясь на то, что пал центр православной церкви, предлагал русским князьям принять католичество и подчиниться власти курии[1]. Таким образом, папа пытался расчистить путь разбойничьему наступлению крестоносцев в Прибалтике.

Одновременно папа потребовал от правителей католических стран (Польши, Ордена, Швеции, Норвегии и др.) установления торговой блокады Руси и связанных с ней земель. Однако немецкая балтийская торговля не могла в то время существовать в отрыве от таких крупных центров, как Новгород, Полоцк, Смоленск и др. Немецкое купечество нарушало папское предписание и, как указывалось, заключало торговые договоры с русскими городами. В те же годы папская курия засылала на Русь своих агентов — монахов. Но тогдашние рус-

---

[1] См. *В. Т. Пашуто*. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 243.

ские князья, видимо, хорошо представляли себе значение крестоносного католицизма. Кроме того, они не хотели подрывать свою власть, вступая в конфликт с собственной церковью, за которой стояли внушительные силы русских духовных феодалов. Князья не только отвергли папские домогательства, но и изгнали папских агентов из Киевской и Владимиро-Суздальской Руси. Курия тем не менее не оставляла своих планов и пыталась осуществить их с помощью немецких, шведских и иных феодалов.

Татаро-монгольское нашествие, казалось, открывало перед курией новые возможности. Во-первых, в связи с тем, что татаро-монголы завладели Русью, можно было попытаться склонить самих ханов к принятию католичества, а затем договориться с ними как с сюзеренами русских князей и получить из ханских рук признание за папством прав верховного владения русской церковью. Экономические и политические выгоды такого акта не вызывали сомнений, хотя уже самая попытка склонить татарских правителей к принятию католичества оказалась явно фантастической, авантюрной. Во-вторых, опасаясь татарской угрозы тем странам Восточной Европы, которые признали церковную власть папства (Венгрия, Польша, Чехия, отчасти Прибалтика), курия соглашением с монгольскими ханами надеялась обеспечить свои позиции в этих государствах. В-третьих, курия стремилась соглашением с татаро-монголами устранить возможность их сближения с Никейской империей, которая и без того все сильнее угрожала крестоносцам в Константинополе. Наконец, татаро-монголы интересовали курию как возможные союзники в борьбе с тюрками-сельджуками, которые успешно изгоняли крестоносцев с Ближнего Востока, ликвидируя их последние приобретения в «святой земле». Все изложенное определило исключительную заинтересованность курии в урегулировании отношений с татаро-монголами.

Наряду с военным наступлением, папская курия в это время предприняла широкое дипломатическое наступление на Русь. Она лихорадочно набирала военные крестоносные силы, обязав епископов Восточной Прибалтики временно оставить свои внутренние распри из-за земель и более энергично помогать рыцарям «советом и делом»[1].

В 1245 г. папа Иннокентий IV прислал в Восточную Прибалтику своего специального легата (посла), аббата Опизо из Мессаны. На следующий год сюда был направлен ближайший сподвижник папы—Альберт Суербер, «муж близкий нашему сердцу»[2], как именовал

[1] LU, I, № 184 (1245 г.).

[2] «Preussisches Urkundenbuch», t. I, № 171.

его Иннокентий IV. Наконец, в 1247 г. сюда был прислан в помощь Альберту по прусским делам специальный легат — архидиакон Яков из Люттиха, который позднее стал папой под именем Александра IV.

Одновременно Иннокентий IV предпринял дипломатические шаги в самой Руси. Так, в 1248 г. папа отправил ряд писем к русским князьям, в том числе к Александру Ярославичу и Даниилу Романовичу, предлагая им принять католичество, обещая за это свое покровительство и помощь против татар. Позднее в Новгород к Александру Ярославичу с папским посланием прибыли два кардинала («Галд и Гемонт»), «хытрийшая», через которых, по словам княжеского «жития», Иннокентий IV заявил: «слышахом тя в земли нашей князя честна и дивна, паче же и земля твоя велика есть», и предложил князю ознакомиться с католическим учением: «послушаеши учениа [их]»[1].

Однако князь Александр понимал, что папа хочет толкнуть Русь на войну с Золотой ордой, чтобы облегчить ливонским феодалам их кровавое дело. Поэтому он, «сдумавше с хытрицы своими», т. е. посоветовавшись с приближенными боярами, составил папе отрицательный письменный ответ и на словах решительно отклонил папские домогательства: «вся сиа добре сведаем,— сказал князь,—а от вас учениа не приимаем»[2].

Этот шаг князя Александра укреплял его позиции и в Золотой орде, и внутри Руси, ибо духовные феодалы, русские церковники, опасаясь происков курии, поспешили заявить о своей полной поддержке политики Александра. Русский митрополит Кирилл, прежде находившийся при дворе галицко-волынского князя, после поездки в Никею к патриарху, перебрался во Владимир и позднее тесно сотрудничал с князем Александром.

Несомненно также, что поддержка духовных феодалов облегчала князю Александру решение вопросов внутренней политики, в частности церковь идеологически обосновывала политику Александра Ярославича в отношении других князей, а также Новгородской и Псковской боярских республик.

В то же время папская курия приняла меры к установлению связей с татаро-монголами. Созванный папой Иннокентием IV в 1245 г. Лионский собор уделил большое внимание татарскому вопросу. На соборе выступил с сообщением о татарах русский игумен Петр Акерович, присланный в Лион черниговским князем Михаилом Всеволодовичем, который искал у курии помощи против татар. Латинские прелаты

---

[1] НПЛ, стр. 305.
[2] Там же, стр. 306.

настойчиво расспрашивали его о военных силах и дипломатических приемах татаро-монголов [1].

В связи с обсуждением татарского вопроса папа отправил на Восток специальное посольство во главе с монахом-францисканцем Иоанном де Плано-Карпини. Карпини выехал из Лиона в 1245 г. и возвратился обратно в 1247 г. Целью его миссии была военно-политическая разведка в Сарае, Каракоруме и на Руси. Кроме того, он, с одной стороны, добивался привлечения татаро-монголов к союзу с курией, а с другой— устанавливал отношения с галицко-волынским князем Даниилом Романовичем и владимиро-суздальским князем Ярославом, склоняя их к подчинению папской курии и суля им помощь со стороны западноевропейских правителей против татар.

В 1247 г. папа направил второе посольство во главе с доминиканцем Асцелином с целью разведать военно-политические силы татаро-монголов на Ближнем Востоке. В результате деятельности этих двух посольств завязались предварительные дипломатические переговоры курии с татаро-монголами, и ответные татарские посольства посетили папу. Русской земле угрожал военный союз татаро-монгольских захватчиков с папством.

Непосредственные происки папской курии на Руси не дали результатов. Князья Ярослав Всеволодович и Михаил Всеволодович были вскоре убиты в Орде. Князь же галицко-волынский Даниил Романович, будучи выдающимся дипломатом, сумел извлечь определенные политические выгоды из переговоров с курией, не дав ей ничего взамен. Что касается князя Александра Невского, то он, как мы видели, решительно отверг папские домогательства и не считал нужным вступать в конфликт с Золотой ордой, для борьбы с которой не было нужных сил.

Другие князья, однако, придерживались иного взгляда на русско-татарские отношения. В начале 50-х годов несколько крупнейших русских князей, в частности брат Александра Ярославича, великий князь Андрей владимиро-суздальский, Ярослав тверской и переяславский, в союзе с галицко-волынским князем Даниилом Романовичем пришли к мысли создать оборонительный союз и выступить против власти золотоордынского хана. В этой связи был заключен брак между Андреем Ярославичем и дочерью Даниила Романовича.

Между тем при дворе великого хана татаро-монголов произошли новые перемены. Золотоордынский хан Батый принимал все меры к тому, чтобы завоевать решающее влияние в ставке великого хана. Ему это удалось в 1251 г. Великая ханша была свергнута с престола,

---

[1] См. *В. Т. Пашуто*. Киевская летопись 1238 г. «Исторические записки», № 26. стр. 298—305

и великим ханом в 1252 г. сделался ставленник Батыя хан Менгке, что не замедлило отразиться на русско-татарских отношениях. Положение великого князя Андрея Ярославича утратило прочность. Князь Александр Ярославич в 1252 г. был вызван в Сарай, откуда Батый отпустил его « с честью великою: давше ему старейшиньство во всей братьи его»[1], т. е. Александр был признан великим князем.

Вероятно, князья-союзники отказались признать власть Александра, и потому Батый двинул войско под командованием воеводы Неврюя против князя Андрея, который, как пишет придворный книжник князя Александра, «сдума[л]... с своими бояры бегати нежели царем (ханам.— *Ред.*) служити». Спасаясь от татарских войск, князь Андрей «со княгынею своею и с бояры своими»[2] бежал к Переяславлю, затем на время скрылся за границу. Позднее князь Андрей признал правильность политики Александра Ярославича, возвратился на Русь и находился «под рукой» брата.

Другой князь — Ярослав Ярославич тверской и переяславский был также вынужден бежать из своего княжества от Неврюевой рати. Он укрылся в Ладоге. Факт бегства князя Ярослава Ярославича именно в северо-западную Русь заставляет думать, что известная часть новгородско-псковских боярских кругов, выступавшая против объединительной политики Александра Невского, была и ранее связана с князем Ярославом.

Ярослав Ярославич сделал попытку поднять против великокняжеской власти Новгородскую и Псковскую феодальные республики. В 1253 г. он был принят на княжеский стол во Псков, а в 1255 г. его пригласило к себе в качестве князя также и новгородское боярство. Сына же князя Александра, Василия «выгнаша вон»[3]. Владимирскому князю пришлось с оружием в руках принуждать новгородских и псковских бояр следовать новому политическому курсу. Эти события означали новый шаг к установлению определенных отношений между русскими феодальными республиками и Золотой ордой.

Александр Ярославич занял Торжок и двинулся на Новгород «со многыми полкы» и отрядом новоторжцев. Ярослав Ярославич бежал из Новгорода. В Новгороде, отстаивая городские «вольности», поднялась беднота: «меньшие» решили, говорит летописец, «стати всем, любо живот, любо смерть за правду новгородскую, за свою отчину»[4]; при этом «меньшие» выступали обособленно от бояр и собирали свое

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2 стб. 473
[2] Там же.
[3] НПЛ, стр. 80.
[4] Там же, стр. 81.

вече не на Ярославлем дворе, а у церкви Николы. Старый посадник, участник Невской битвы, ставленник князя Александра — Сбыслав Якунович и тысяцкий Микита Петрилович были лишены должностей, вместо них посадником стал Ананий, а тысяцким — Клим, вероятно, выдвинутые с согласия массы горожан.

Между тем городская знать («вятшие» люди), напуганная движением бедноты, заколебалась. Она устроила «с[о]вет зол, како победити меншии, а князя ввести на своей воли»[1]. На передний план вновь выступили бояре — сторонники князя Александра. Во главе их был сын старого посадника Степана Твердиславича — Михаил Степанович. Эта группировка бояр подготавливала возвращение князя Александра в Новгород. С этой целью Михаил Степанович со своим полком задумал наступление на «меньших» людей. Посадник Ананий, выдвинутый массой горожан, был тоже весьма умерен в своих взглядах, что видно из следующего эпизода. Узнав о подготовке Михаилом Степановичем предательского удара по восставшим, он, «хотя добра» Михаилу Степановичу, предостерег его «втайне» от таких действий, а кроме того не дал проведавшим об измене «черным людям» разграбить двор Михаила Степановича.

Но судьба неустойчивого Анания была уже решена боярами: они «мысль злу свещаша», чтобы «самого [его] яти, а посадьничьство дати Михалку». Эту же политическую линию проводил и князь Александр, подступавший к Новгороду. Его посол сообщил вечу: «Выдайте ми Ононью посадника, [а] или не выдадите, [то] яз вам не князь, иду на город ратью». Сперва бояре думали, подавив движение «меньших», усилить свое политическое влияние и послали князю ответ веча: «поеди, княже, на свой стол, а злодеев (так именовали бояре восставшую бедноту. — *Ред.*) не слушай, а Ононьи гнева отдай и всем мужем новгородьским». Но князь в ответ двинул войска и три дня стоял под городом. За это время близкое ему боярство устранило от власти Анания, и «поиде князь в город»; восстание было подавлено и, как говорит боярский летописец, «злодеи омрачишася»[2].

Итак, интересы правительств феодальных республик были вновь подчинены интересам великокняжеской государственной политики. В то же время князь Александр вооруженной силой подавлял всякие народные выступления. Расплата за боярскую крамолу всею тяжестью легла на простой народ. Посадником сделался княжеский ставленник — боярин Михаил Степанович, на княжеский стол возвратился Василий Александрович.

---

[1] НПЛ стр. 81.

[2] Там же.

Несравненно больше пострадал простой народ во Владимиро-Суздальской земле от Неврюевой рати, так как татарские военные силы, шедшие против князей Андрея и Ярослава Ярославичей, «россунушася по земли... и людии бещисла [в плен] поведоша, да конь и скота, и много зла створше отъидоша» [1].

Хан Батый отправил шестидесятитысячное войско воеводы Куремсы и против союзника князя Андрея, галицко-волынского князя Даниила Романовича. Галицко-волынский князь не только отбил наступление татар, но и «воздвиже рать противу татаром», предпринял наступление на болоховские земли и даже помышлял овладеть Киевом. Однако, вернув болоховские земли, он в то же время потерял галицкое Понизье, где обосновались татаро-монголы.

Владимиро-новгородский князь Александр Ярославич, ведя внешнюю политику, соответствовавшую интересам объединения Руси, сумел, опираясь на широкие слои служилых феодалов («дворян»), объединить в своих руках всю северо-восточную и северо-западную Русь. Эта политика князя Александра оказалась настолько дальновидной, что впоследствии в новых, более благоприятных для великокняжеской власти условиях она надолго легла в основу внешнеполитических действий Калиты и его преемников на московском столе.

Но если умелая политика Александра Ярославича способствовала успешному решению внутриполитической проблемы междукняжеских отношений и значительному упрочению великокняжеской власти в стране, то международные задачи еще ждали своего разрешения.

Папская курия не прекращала своих происков и, узнав о том, что титул великого хана перешел к Менгке, предприняла очередной маневр. В 1252 г. папа и его союзник французский король Людовик IX отправили в Золотую орду и в Монголию новое посольство во главе с Вильгельмом де Рубруквисом. Король предлагал Батыю и Менгке военный союз против тюрок-сельджуков и Никейской империи, предлагал принять католичество и оставить Рубруквиса в качестве постоянного дипломатического агента курии в Сарае. Это было предложение о военном союзе татаро-монгольских правителей с крупнейшими державами Западной Европы, союзе, который таил в себе угрозу Руси.

Однако и на этот раз происки западных правителей не встретили сочувствия у «кибитных политиков». Немалую роль в решении этого вопроса, видимо, сыграли русские дипломаты, находившиеся в Сарае. Татаро-монголы решили, что нецелесообразно накануне установления ига над Русью пытаться посягать на экономические и политические позиции русских духовных феодалов.

---

[1] ПСРЛ. т. I, вып. 2, стб. 473.

Серебряная «пайцза» XIV в с надписью хана Узбека

Государственный Исторический музей

Отказавшись от военного и церковного союза с курией, монгольские ханы приняли также решение сохранить прежний порядок в русско-византийских церковно-политических отношениях. Но русско-византийские церковные отношения были поставлены под контроль золотоордынских ханов посредством организации в 1261 г. в Сарае специальной русской епископии. Отклонив домогательства папской курии, татаро-монголы, конечно, имели в виду прежде всего те выгоды, которые они могли бы получить от русских духовных феодалов при установлении своего господства над Русью.

В конце 50-х годов XIII в. татаро-монгольские правители решили ввести на Руси ту организацию властвования, которую они устанавливали во всех покоренных ими землях. В 1257 г. великий хан отправил на Русь своего родственника Китата с полномочиями проводить перепись, собирать дань и доставлять ее ко двору, а также с правом производить набор войск из местного населения. «Тое же зимы,— сказано во владимирской летописи,— приехаша численици, исщетоша всю землю Сужальскую и Рязаньскую и Мюромьскую и ставиша десятники и сотники и тысящники и темники, и идоша в Ворду»[1].

Численники переписывали население по домам («пишюче домы»), перепись устанавливала поборы в виде дани. Были использованы исконные русские единицы обложения — «соха», «плуг», «рало», к которым были добавлены подводная повинность и обязанность русских князей, как вассалов, служить своими вооруженными силами хану-сюзерену в походах.

Устанавливая иго над Русью, монгольские феодалы в то же время постарались привлечь на свою сторону русских духовных феодалов. Они признали за ними право на иммунитет, и татарские

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 474—475

численники «не чтоша игуменов, черньцов, попов, крилошан, кто зрить на святую богородицю и на владыку»[1].

Татарские численники создали на Руси баскаческую военно-политическую организацию, состоявшую из десятников, сотников, тысячников и темников. Принудительным путем они сформировали особые военные отряды, частью укомплектованные из местного населения, поставив во главе их татаро-монгольский командный состав. Эта организация поступала в распоряжение баскаков, которые расположились по княжествам и были обязаны контролировать выполнение даней и повинностей и вообще всю жизнь данного княжества[2]. Баскаческие отряды были поставлены в землях Муромской, Рязанской, Суздальской, Тверской, Курской, Смоленской и др., а позднее и в землях юго-западной Руси — Болоховской, Галицкой и др. Так как во Владимире находился великий князь, то состоявший при нем баскак считался главным — «великим», которому подчинялись другие. Баскаки и их отряды в сущности заменяли монгольские войска. Основное назначение баскаческой организации состояло в том, чтобы «держать в повиновении» Русь.

В том же 1257 г. золотоордынский хан потребовал также подчинения русских феодальных республик власти татаро-монголов. Уже отправляясь в Орду по вызову хана, князь Александр взял с собой из Новгорода двух послов.

Однако проведение татарской переписи в Новгородской земле натолкнулось на ожесточенное сопротивление простого народа. В новгородской летописи читаем, что в 1257 г. «приде весть из Руси зла», что будто бы «хотять татарове тамгы и десятины на Новегороде»[3].

Произошло выступление городской бедноты («и смятошася люди»). Волнения не прекращались в течение целого года. К зиме положение обострилось настолько, что во время одной из вспышек народного гнева был убит княжеский посадник Михаил Степанович. Видимо, движение и на этот раз использовалось частью оппозиционной великому князю боярской знати, к которой примкнул даже сын князя Василий Александрович. В самый разгар волнений в город прибыли татарские послы, а с ними князь Александр; послы встретили здесь энергичный отпор. Василий Александрович бежал во Псков, а новгородцы отказались подчиниться князю и допустить татарских чиновников производить перепись; они только «даша дары» хану и «отпустиша» послов «с миром»[4].

---

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 475.

[2] См. *А. Н. Насонов.* Монголы и Русь, стр. 15—23.

[3] НПЛ, стр. 82.

[4] Там же.

Но это был не мир, а лишь перемирие. Татарские послы уехали, а князю надлежало подготовить подчинение Новгородской республики татаро-монгольской власти. Подтянув к городу войска, великий князь начал расправу с непокорными. Во-первых, он вступил в Псков, захватил своего сына Василия и «посла [его] в Низ», т. е. во Владимир. Во-вторых, он жестоко расправился с теми, «кто [князя] Василья на зло повел». В частности, он предал казни наиболее инициативного руководителя движения, некоего Александра-новгородца, а также его сторонников («дружину»): «овому носа урезаша, и иному очи выимаша» [1].

Но эти суровые меры не смогли подавить сопротивление новгородской бедноты, ибо в течение той же зимы продолжались убийства представителей княжеской власти; назначение князем нового посадника (взамен убитого), Михаила Федоровича, и нового тысяцкого, Жирослава («Жирохи»), не изменило положения. Только зимой 1259 г., когда в Новгород возвратились новгородские послы из Владимира и заявили на вече, что в случае продолжения сопротивления будут двинуты против Новгорода вооруженные силы («аже не иметеся по число, то уже полкы [готовы] на Низовьской земли»), новгородцы смирились «и яшася новгородци по число», о чем и послали известить великого князя [2].

Вскоре в Новгород прибыл князь Александр, а с ним с большим штатом «приехаша оканьнии татарове — сыроядци Беркай и Касачик» [3]. Но едва переписчики приступили к переписи, как вновь и в городе и по селам вспыхнуло восстание: «И бысть мятеж велик в Новегороде и по волости», восстали городская беднота и смерды. Татарских чиновников, видимо, кое-где стали истреблять, в связи с чем Беркай «нача оканьный боятися смерти» и потребовал от князя Александра: «Дай нам сторожи, ать не избьють нас». Князь приказал «стеречи их сыну посадничю и всем детем боярскым по ночем». Такое положение не могло продолжаться долго.

Численники начали угрожать отъездом, за которым должен был последовать приход татарских войск. Они заявили: «Дайте нам число, или бежим проче». За это время новгородская знать успела столковаться с численниками, а простой народ, «чернь, не хотеша дати числа». Говоря об этом, летописец отмечает, что новгородцы «издвоишася» на враждебные лагери. Одни («меньшии») собрались на Торговой стороне и готовили удар через Волхов на Софийскую сторону. В свою очередь Софийская знать собирала ладьи, подготовляя нападение на Торговую сторону.

[1] НПЛ, стр. 82.
[2] Там же.
[3] Там же.

Причиной этого «издвоения» и борьбы было то, что «вятшие» приказывали «яти меньшим по числу», но «меньшие» сопротивлялись, так как при определении норм обложения населения данью по переписи «творяху бо бояре собе легко, а меньшим зло»[1]. Ясно, что «меньшие», терпевшие гнет боярской эксплуатации, выступали против попыток надеть им на шею еще одно ярмо. Великий князь, видя, что восстание разрастается, и опасаясь за жизнь татарских чиновников, уехал из своей загородной резиденции — Городища.

Бояре подавили народное выступление, и новгородцы «яшася по число», и тогда «почаша ездити оканьнии по улицам, пишюче домы». Переписав население, численники собрали положенную дань и «отъехаша». Так Новгородская боярская республика попала под власть татаро-монголов. Покинул Новгород и князь Александр, оставив здесь наместником сына Дмитрия[2].

В те же годы (1257—1259) татаро-монголы покончили и с независимостью юго-западной Галицко-Волынской Руси. Воевода Куремса был заменен Бурундаем, который привел огромное войско и включил галицко-волынские земли в орбиту татаро-монгольского властвования.

Татаро-монгольское иго всею тяжестью легло на простых людей — крестьян и городскую бедноту, которые с той поры «в работе суще и в озлоблении зле»[3]. Часть князей, бояр и церковников сравнительно скоро нашла общий язык с татаро-монгольской властью. Но антагонизм между побежденной страной, населенной свободолюбивым русским народом, и угнетателями-монголами непрерывно возрастал.

Татаро-монголы стояли много ниже Руси в социально-экономическом и культурном отношении. И далее развитие России и Золотой орды пошло по-разному: в Золотой орде весьма заметно намечались элементы распада, особенно в связи с самоотверженной борьбой русского народа за независимость. Среди русских княжеств через некоторое время вновь стал назревать процесс образования сильного единого государства. По мере углубления этого длительного процесса в русском народе крепла надежда на освобождение от власти золотоордынского хана[4].

Уже в первые годы татаро-монгольского ига во Владимиро-Суздальской земле произошли весьма серьезные и значительные события, ясно обнаружившие (как и новгородское восстание 1259—1260 гг.),

---

[1] НПЛ, стр. 82.

[2] Там же, стр. 82—83.

[3] См. анонимную «Похвалу Феодосию Печерскому», изд. архим. Леонида «Чтения ОИДР», кн. 2, М., 1890, отд. II, стр. 25.

[4] См. *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский*. Золотая орда, стр. 247—258.

что татаро-монгольское нашествие и иго не сломили и не могли сломить великого свободолюбивого русского народа. В 1262 г., как сообщает владимирская летопись, в северо-восточную Русь, а именно в Ярославль, прибыл от «цезаря татарского Кутлубия» (т. е. великого хана Хубилая) «зол сый» мусульманин Титям (Титяк)[1]. Он, видимо, возглавлял деятельность мусульманских откупщиков, которые, беря на откуп у великого хана сбор русской дани, «велику пагубу людям творили»: они давали деньги в рост под проценты («резы»), а в случае неуплаты в срок уводили народ в рабство. Они, как говорит летопись, «работяще резы и многы души крестьянскыя раздно (т. е. к себе в рабство в разные страны.— *Ред.*) ведоша»[2].

Не выдержав чинимых насилий, против откупщиков в 1262 г. поднялась городская беднота ряда крупнейших городов—Ростова, Суздаля, Владимира, Ярославля и др.; «бысть вечье (вече.— *Ред.*) на бессермены по всем градом руским; и побиша татар везде, не терпяще насилия от них»[3].

В частности, в Ярославле был убит монах Зосима, который принял мусульманство и, действуя «поспехом» (от имени) ханского чиновника Титяка, «творил великую досаду» населению. Когда же произошло восстание и народ прямо с веча «на врагы своя двигшася на бесурмены» и когда одних «изгнаша, иных избиша, тогда и сего безаконного Зосиму убиша», и «бе тело его ядь псом и вороном»[4]. В Устюге, судя по преданию, занесенному в местную летопись, бывший здесь баскак в страхе перешел в православие и, таким образом, избежал расправы[5]. В этой же летописи сохранилось и другое предание о том, что сам князь Александр был причастен к организации восстания.

Во всех городах восстание сопровождалось созывом народного веча и массовым уничтожением или изгнанием татарской администрации. Несмотря на то, что в Орде в это время происходила новая крупная распря между великими и золотоордынскими ханами, положившая начало отделению Золотой орды от великих ханов, татаро-монголы, видимо, нашли средства (как они это уже делали в Новгородской Руси) локализовать и подавить движение.

Во всяком случае, в 1262 г. князь Александр был в четвертый раз вызван в Орду по другой, весьма тягостной для Руси и русского народа причине. Как сказано в «житии» князя Александра, татаро-

---

[1] См. *А. Н. Насонов*. Указ соч., стр. 50 и сл.

[2] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 476.

[3] УЛС, стр. 47.

[4] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 476.

[5] УЛС, стр. 48.

монголы потребовали, чтобы Русь прислала свои полки для участия в татарских походах и войнах: «Бе же тогда нужа велика от поганых и гоняхуть люди, веляхуть с собою воиньствовати».

Татаро-монголы не составляли основной массы населения Золотой орды. Поэтому свою армию они в значительной мере формировали из войск всех покоренных народов. Среди татарских правителей почти непрерывно нарастали внутренние феодальные противоречия и продолжались войны. Так, в начале 60-х годов XIII в. началась борьба между великим ханом Хубилаем и Арыкбугой. Эту борьбу хан Берке (1258—1266) использовал для еще большего обособления Золотой орды и утверждения своей самостоятельности. В конце 1262 г. войска правившего в Персии Хулагу вторглись в кавказские владения Берке, чем и было вызвано распоряжение сосредоточить все внутренние вооруженные силы Золотой орды и набрать войска из русских. «Князь же великий Олександро поиде ко царю (хану.— *Ред.*), дабы отмолить люди от беды»[1]. Видимо, эта миссия великого князя закончилась успешно, так как в источниках нет свидетельств о мобилизации русских полков в состав татарской армии.

Эта поездка князя Александра Невского была последней. На обратном пути в Русь он заболел и умер в Городце 14 ноября 1263 г.[2] Летописцы глубоко скорбят по поводу смерти этого выдающегося русского государственного деятеля, который «перемогался» с татарами, мужественно громил врагов, «за Новград и за Псков и за всю Рускую землю живот свой отдавая»[3].

Выдающееся значение Александра Невского — нашего великого предка — определяется в первую очередь тем, что он самоотверженно защищал Русь от внешних врагов и понимал решающую роль народа в этой защите.

Относительное политическое единство значительной части Руси (при сохранении экономической раздробленности), сложившееся в годы правления Александра Невского, после его смерти вновь сменилось феодальными усобицами, чему в немалой степени способствовала татарская политика на Руси. Татарские ханы в качестве одного из важнейших средств своего господства над Русью использовали номинальное существование прав великого князя владимирского.

На территории северо-восточной Руси, в тех ее границах, какие сложились вследствие татаро-монгольского нашествия, продолжалась (правда, весьма затрудненная и замедленная) борьба растущей единой

[1] «Житие Александра Невского», стр. 192

[2] Там же.

[3] НПЛ, стр 313.

феодальной государственности против сил феодальной раздробленности. Северо-восточная Русь после смерти Александра Невского оставалась феодально раздробленной, государственная власть находилась в руках феодалов отдельных княжеств (Московского, Тверского, Рязанского и др.), а номинальная — у «великого князя» владимирского.

Такое резкое ослабление власти владимирских великих князей было одним из последствий татаро-монгольского разорения. Это разорение серьезно подорвало экономическую основу власти великого князя, его вооруженные силы, оно усилило боярскую знать и ее обособленность от князя, подорвало силу городов, естественных союзников великого князя. И в дальнейшем ордынские политики всячески поддерживали силы, мешавшие упрочению в северо-восточной Руси единой великокняжеской власти. Попытки владимирских князей — Ярослава Всеволодовича и Александра Невского — укрепить княжескую власть принесли лишь кратковременный успех. В 60-х годах XIII в. власть владимирских князей была номинальной. Территория Владимирского великого княжества сократилась.

Как верховные сюзерены русских князей татарские ханы присвоили себе право назначать великого князя, и наиболее сильные русские князья стремились получить великокняжеский стол. С ярлыком (ханской грамотой) на великое княжение было связано получение особых полномочий, которые давали право в известных случаях распоряжаться силами других князей северо-восточной Руси. С ним было связано и получение особой территории, которая, однако, не смешивалась с личным владением князя — отчиной. Когда князь лишался великокняжеского ярлыка, он лишался и великокняжеских полномочий и великокняжеской территории, в состав которой входили города Владимир, Переяславль, Кострома, позднее — Нижний-Новгород и Городец. Кроме того, великий князь, как правило, держал новгородский, а иногда и псковский княжеский стол. Любой из князей северо-восточной Руси, претендуя на подчинение себе всей ее территории, стремился овладеть владимирским великокняжеским столом и связанными с ним преимуществами.

Великокняжеский стол стал в руках ордынских политиков одним из сильнейших орудий разжигания феодальных распрей на Руси.

Татарская политика приносила губительные результаты. Под верховенством татар из рук владимирских князей ускользало фактическое руководство внешними сношениями, сношениями с Ордой и обороной границ: «знать Орду» стало самостоятельным правом отдельных князей[1]. В самой северо-восточной Руси, отрезанной от земель Руси

---

[1] *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский*. Золотая орда, стр. 232.

юго-западной и части земель Руси северо-западной, продолжалось дальнейшее дробление на мелкие княжества: Московское, Ростовское, Тверское, Костромское, Ярославское, Белозерское, Можайское, Дмитровское, Коломенское и т. п., правители которых постоянно враждовали между собой.

Понятно, что в этих условиях русскому народу было чрезвычайно трудно вести борьбу за объединение и освобождение родной земли. И все же народ такую борьбу вел. Волна народных антитатарских движений не спала после 1262 г.: с упадком Владимира центральный очаг сопротивления переместился в менее разоренную татарами Ростовскую землю. Здесь имели место антитатарские вечевые выступления в 1289 г.: «Умножися тогда татар в Ростове, и гражане сотвориша вече и изгнаша их, а имение их разграбиша»[1]; еще больше таких выступлений отмечено в начале XIV в. (1315, 1316, 1320 и другие годы); основной силой этих выступлений (в Ростове, Костроме, Ярославле, Твери) были «гражане», «черные люди». Поскольку вечевые решения таких городов, как Ростов и другие, были обязательны для близлежащей области, можно думать, что в эти выступления вовлекалось и крестьянство окрестных сел[2].

Значение этих народных выступлений огромно. Они заставляли татарских правителей искать иных форм управления Русью — одного террора уже было недостаточно. Об этом свидетельствуют факты, относящиеся к Курскому княжеству, где в конце XIII в. татарский баскак Ахмат своей жестокой политикой вызвал всеобщее возмущение, приведшее к разгрому татарских слобод. Хотя Ахмат и утопил в крови местное антитатарское движение, но сам после этого «не сме жити в Руси... и поиде в Орду, держася рати татарскыа»[3]. Именно волна народных восстаний пробила первую брешь в татарском иге, она смела существовавшую систему откупов, заставив в конце XIII в. золотоордынских ханов передать сбор «выхода» из рук «даньщиков»-откупщиков самим русским князьям, а в начале XIV в.— отказаться и от системы баскачества[4]. Таким образом, народные движения создавали условия, облегчавшие дальнейшую экономическую и политическую централизацию земель.

В то же время русский народ продолжал непрерывную борьбу и против феодальной эксплуатации. В княжеских и боярских лето-

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 179.

[2] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 54—57.

[3] ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 79—80.

[4] *А. А. Зимин.* Народные движения 20-х годов XIV в. и ликвидация системы баскачества в северо-восточной Руси. «Известия АН СССР», Серия истории и философии, т. IX, № 1, 1952, стр. 61—65.

писях уцелели некоторые свидетельства об этой борьбе. Например, в 1291 г. в новгородской волости в результате мороза погиб урожай, падали кони, голодали крестьяне и городская беднота. «Крамольники», как их именует летописец, «грабиша» торг; организаторы нападения на торг были схвачены, и бояре добились решения веча об их казни, и «свергоша два коромолника с мосту» в Волхов[1]. Более значительный социальный протест отмечен во Пскове в 1315 г. Зимой этого года «хлеб бяше дорог в Новегороде, а во Пльскове почали бяху грабити недобрии людие села и дворы... и клети на городе». Псковские боярские власти применили оружие и «избиша их... с 50 человек; и потомь бысть тихо»[2].

Бывали и такие выступления, когда местные боярские власти не справлялись с движением «крамольников» и «недобрых людей». Тогда на помощь им приходил князь с татарским войском. Так произошло, например, на другом конце Руси, в Нижнем-Новгороде, где в 1305 г. «черные люди побили бояр»; здесь «пришедше же князь Михаило Андреевичь из Орды в Новгород в Нижний и изби вечников»[3].

Итак, продолжалась борьба трудящихся против феодальной кабалы и за освобождение от иноземного ига.

Политическая история северо-восточной Руси характеризуется ожесточенной борьбой за великое княжение между сильнейшими князьями: тверскими, ростовскими и, наконец, московскими. Ханы Золотой орды вначале разжигали борьбу между князьями тверскими и ростовскими, а затем — между московскими и тверскими. В то время как русский народ вел героическую борьбу с иноземным игом, отдельные русские князья и часть феодальной знати стремились договориться с татарскими феодалами. Это особенно ясно видно из политики ростовских князей, которые с момента татаро-монгольского нашествия сумели завязать особенно тесные отношения с золотоордынскими, поволжскими ханами. Во второй половине XIII в. местные князья неоднократно посещали Орду, подолгу там жили и зачастую в Орде и умирали. Князь Глеб Василькович неоднократно бывал в Орде, а его сын Михаил там и умер (1293); ростовские князья Борис и его сын Константин также умерли в Орде, где имели родственные связи с татарской знатью. То же относится и к союзному ростовским князьям городецкому князю Андрею и ярославскому князю Федору Ростиславичу, женатому на дочери Менгу-Тимура. Получив Ярославль при содействии своего «свата»

---

[1] НПЛ, стр. 327.
[2] Там же, стр. 335—336.
[3] ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 393.

Глеба Васильковича, князь Федор Ростиславич подолгу жил в Орде, участвовал в походе Менгу-Тимура на Кавказ (1278), в набеге татар на Переяславль. Ростовские князья отправлялись в Орду обычно «со своими мужи» или «с бояры и со слугами своими». В качестве «служебников» ханских они были приближены ко двору, где, например, тот же князь Федор «всегда у царя (хана.— *Ред.*) предстояше и чашю подаваше ему...».

Эти князья-перебежчики встречали презрение на Руси. Так, например, горожане Ярославля отказались выполнить указание ханского посла и принять на княжение Федора Ростиславича, который нашел поддержку у хана и пришел «из Орды от царя к граду Ярославлю с силою великого воинства своего». Но и тогда «гражане не вдашася за него»; город был «взят», и «кои быша ему обиды от гражан, и он же царевым повелением мьсти обиду свою». Используя политику ростовских князей, заволжские ханы подрывали экономическую и политическую силу ростовских городов и земель.

Разорение татаро-монголами городов, являвшихся наиболее сильными очагами сопротивления в Ростовской земле, приводило к бегству населения в более отдаленные от Орды тверские и московские земли.

Летопись отмечает, что во время одного из татарских разорений (1293) «злии татарове внезапу нападоша на Угличь» и «начаша зорити его мечем и огнем, гражан истребляя, имения их емлюще, и... зело обогатишися»; часть жителей татары «в полон взяша». Но «многое число их разбегошася по лесом». Угличане и другие жители бежали и в тверские земли, ибо под тем же годом в летописи сказано, что в Твери «бо ся умножило людей и прибеглых... и из ыных княжений и волостей перед ратью».

Княжение «великих» князей Ярослава Ярославича тверского (1264—1271) и Василия Ярославича (1272—1277) характеризуется значительным упадком единой государственной власти. В частности, в Пскове с 1266 г. сел княжить принявший православие и признавший власть Новгорода литовский князь Довмонт, изгнавший княжеского наместника Святослава.

Князь Довмонт успешно организовал оборону псковских земель от нападений Литвы и Ордена, и великий князь вынужден был его признать[1]. Под рукой тверского великого князя в это время еще находились князья Юрий Андреевич суздальский и Глеб смоленский, но против великокняжеской власти все настойчивее вел борьбу и в Орде и в Новгороде переяславский князь Дмитрий Александрович;

[1] НПЛ, стр. 85

наконец, в 1277 г. он получил великое княжение, которое и держал с перерывом (1277—1281, 1283—1293) 16 лет.

В эти годы еще более осложнилось внешнеполитическое положение северо-восточной Руси, так как после смерти хана Менгу-Тимура (1266—около 1281) до 1291 г. в самой Орде наступило фактическое двоевластие. В 70-х годах XIII в., наряду с Золотой ордой в Поволжье, возник второй военно-политический центр татар — орда Ногая, который был темником, фактически самостоятельно правившим на обширной территории Северного Причерноморья, включавшей и галицкое Понизье и области Черниговской земли. Ногай держался независимо по отношению к захватившему золотоордынский стол хану Телебуге и претендовал на власть в русском «улусе». Русские князья, например, Курской земли — рыльские, липовечские (где правил известный своей жестокостью Ахмат — баскак Ногая), — считали себя вассалами Телебуги (1287—1290), но фактически в их области хозяйничал Ногай; аналогичное положение создалось и в землях Галицко-Волынской Руси.

Все это имело серьезные последствия для политической жизни и северо-восточной Руси, где в 80—90-х годах XIII в. образовались две враждебные друг другу политические группы князей. С одной стороны выступали князья московский (Даниил Александрович), тверской (Михаил Ярославич) и переяславский (Дмитрий Александрович и его сын Иван); из них князья тверской и переяславский считались вассалами Ногая и искали у него поддержки. С другой стороны действовали ростовские князья, а также ярославский и городецкий, бывшие вассалами Золотой орды[1]. Вследствие этого борьба за великое княжение приобрела еще более острые формы и увеличила тяжелое бремя усобиц, ложившееся на плечи народа.

В конце 1281 г. городецкий князь Андрей Александрович, с помощью Золотой орды (рать Кавгадыя и Алгидая), в союзе с ярославским князем Федором Ростиславичем, ростовским князем Константином Борисовичем, опираясь на поддержку окрепшего местного боярства — костромского боярина Семена Тонильевича, «крамольника льстивого», и «иных коромольников» (как их характеризует московский летописец), перехватил в Золотой орде ярлык на великое княжение[2]. Приведенная им татарская рать принесла новые опустошения Русской земле.

Татары «разсыпашася по земли»; они разорили город Муром («пуст створиша»), ограбили окрестности и посады городов Владимира, Юрьева, Суздаля, Переяславля, Твери, доходили до Торжка; они многих

[1] *А. Н. Насонов*. Указ. соч., стр. 71.

[2] ПСРЛ. т. XVIII, стр. 78.

«пограбиша» и многих «поведоша в полон», притом «много душь от мраза изомроша». И тогда, говорит летописец, «прииде бо плачь велик и вопль мног, каждо бо плакахуся жены и детеи, а друзии отца и матери, а друзии братьи и сестр, а друзии племени, роду и другов»[1]. В 1282 г. татарское «нахожденье» повторилось.

Княжеская «замятня», принесшая столько невзгод народу, продолжалась до 1283 г., когда князь Дмитрий Александрович, получив поддержку у Ногая, вернул себе великокняжеский стол, а также и стол Новгорода (1284). Позднее при поддержке «братьи своей» (т. е. князей Михаила Ярославича тверского и Даниила Александровича московского) он отбил (1285) новое наступление городецкого князя, предпринятое им совместно с войсками «царевича» Золотой орды. Русское войско разбило татарские силы, а «царевича прогна»; при этом великий князь «бояр княжих Андреевых изнима»[2]. Сложившийся в эти годы союз трех князей не отличался прочностью (например, под 1288 г. отмечена попытка тверского князя «не покоритися» великому князю), однако он просуществовал ряд лет. Среди князей-союзников значительную силу имел московский князь, которого в конце XIII в. тверской князь Михаил считал «братомь своимь... старейшимь»[3].

Последующие перемены в Орде вызвали новые осложнения в русской политической жизни. С 1291 г. во главе Золотой орды встал хан Тохта (1291—1313), войска которого нанесли Ногаю поражение, укрепив положение хана. Это привело к оживлению политической группировки ростовских князей. В 1293 г. Андрей Александрович городецкий, Дмитрий Борисович ростовский, а также князья угличский, белозерский, ярославский и другие двинулись в Орду к хану Тохте «жаловатися» на великого князя Дмитрия Александровича[4]. Хан Тохта охотно воспользовался удобным предлогом для укрепления своей власти на Руси. На Русь двинулось большое татарское войско воеводы Тудана (рать «Дюденя»).

Татарские рати в сопровождении войск союзных князей вновь разорили Русь; они опустошили 14 крупнейших городов и «волостей»[5]. Население бежало в соседние земли; так, например, опустели «все волости переяславскыя», а «горожане-переяславцы», пережившие ряд нашествий, покинули город. Татары хитростью въехали и в Москву, «обольстив» (обманув) князя Даниила. Новгородские боярские прави-

---

[1] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 78.
[2] Там же, т. VII, стр. 179.
[3] ГВНиП, № 4, стр. 14.
[4] ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 168.
[5] Там же, т. XVIII, стр. 82.

тели лишь ценой крупного выкупа предотвратили разорение земель республики. Из больших городов уцелела только Тверь, где горожане энергично готовились к отпору и где укрылись князья Михаил Ярославич и Дмитрий Александрович. Но в том же году зимой и на Тверь было двинуто новое войско, которое учинило «много тягости людем» в Твери[1]. Так городецкий князь Андрей Александрович занял великокняжеский стол (1293—1304).

В конце XIII в. кончилось двоевластие в Орде: войско Ногая потерпело в 1299 г. поражение, а сам Ногай погиб от руки «русского всадника из воинов Тохты». Правители Золотой орды в новых условиях приняли дальнейшие меры к обострению распрей среди русских князей и особенно среди тех, которые в прошлом действовали открыто враждебно по отношению к Золотой орде, т. е. среди князей тверских, московских и переяславских. Но страна оживала несмотря на монгольское иго, восстанавливалось сельское хозяйство, города стали напоминать о себе вечевой борьбой против феодальных распрей и монгольских вторжений, возродился старый феодальный институт — съезды князей. Источники сохранили нам известия о трех таких съездах — во Владимире (1296), Дмитрове (1300) и Переяславле (1303). Но ордынская власть мешала единству князей.

Если первый съезд был вызван необходимостью предотвратить открытое столкновение двух княжеских группировок, между которыми тогда «мало бою не было», и закончился примирением князей, которые, «поделившеся княжением», разъехались «кождо во свояси»[2], то уже на следующем съезде возник спор между князьями-союзниками, и князья Иван Дмитриевич переяславский и Михаил Ярославич тверской в чем-то «не докончали межи собою»[3].

На это время приходятся первые значительные успехи и территориальные приобретения московских князей; московский князь, используя внутренние несогласия среди князей, отобрал у рязанских князей Коломну (1300)[4], у смоленского князя — Можайск (1303)[5], у великого князя — Переяславль (1302)[6]. Разрушая и без того хрупкое единство союзных князей, великий хан в ярлыке, присланном на переяславский съезд, приказал оставить Переяславль, т. е. часть великокняжеской земли, за московским князем, а великим князем назначил

[1] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 483.
[2] Там же, т. XVIII, стр. 83.
[3] Там же, т. I, вып. 2, стб. 486.
[4] Там же, т. XVIII, стр. 85.
[5] Там же, стр. 86.
[6] Там же, т. I, вып. 2, стб. 486

князя тверского Михаила Ярославича (1305—1318), что не замедлило привести к острой борьбе между недавними союзниками, использованной татарским ханом прежде всего для ослабления Тверского княжества.

Политическое положение в северо-восточной Руси делало невозможным для великих князей сохранение позиций в Руси северо-западной, из-под их власти во второй половине XIII в. фактически вышли правители Полоцка, Витебска, Минска, Смоленска. Только в Новгороде и Пскове великие князья сохраняли свою власть, продолжая при этом все более энергичное политическое и экономическое наступление на привилегии местного боярства, начатое владимирскими князьями еще в XII в.

Тверской великий князь Ярослав Ярославич, например, стремился освоить новгородскую Бежецкую волость[1], захватить рыбные промыслы на Ладоге[2]; он приобрел право «имати куны» в двух новгородских погостах[3], захватывал села, слободы и пожни[4]. Князь вмешивался в иноземную торговлю республики: сам вел торговлю с иноземцами, минуя посредничество новгородских купцов; оказывая давление на купечество, он даже «затворял» немецкий двор, т. е. прекращал иностранную торговлю в Новгороде. Вопреки воле новгородских властей, но с санкции Менгу-Тимура, в 1270 г. было узаконено весьма невыгодное для новгородского купечества право иноземных купцов покидать Новгород и вести самостоятельную торговлю в Суздальской земле; кроме того, тверской князь переселял, «выводил» иноземных купцов в Тверь[5]. Так же деятельно проводили княжескую политику его дворяне[6] (слуги)[7], они собирали с населения прогоны, сверх нормы брали у купцов «по селом» повозы[8] и т. п.

Той же политики держались в Новгороде князья Дмитрий Александрович и Андрей Александрович, который стал отправлять свои «ватаги» в богатое пушниной Подвинье[9] и завладел рядом новгородских сел. Князь же Дмитрий сумел даже в 1278 г. соорудить собственный каменный замок в Копорье, т. е. на Новгородской земле; он, правда, «испроси» у Новгорода разрешение на постройку замка, но в дальнейшем занял его своими «мужами», и новгородским боярам в 1282 г. лишь

---

[1] ГВНиП. № 2, стр. 11; № 3, стр. 12.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 13.
[4] Там же, ср. № 6, стр. 15—16.
[5] Там же; см. также № 30, стр. 57; ср. НПЛ, стр. 88.
[6] ГВНиП, № 2, стр. 11.
[7] Там же, № 3, стр. 12; ср. № 4, стр. 14.
[8] Там же, № 2, стр. 11.
[9] Там же, № 83, стр. 141.

с большим трудом удалось вытеснить его оттуда. При этом боярские правители, опасаясь новых покушений князей на их земли, «розгребоша» Копорскую крепость[1], что нанесло явный ущерб обороне западных рубежей Новгородской Руси.

Новый великий князь тверской Михаил Ярославич присвоил новгородские владения своих предшественников, мало считаясь с уверениями новгородских бояр, что переяславский и городецкий князья держали эти земли «до живота», т. е. пожизненно[2], и принял меры к дальнейшему расширению своих прав в республике. Он поставил собственного тиуна в Вологду, послал своих «мужей» в Заволочье собирать дань, отказываясь при этом «продаяти» ее новгородским купцам; он укрывал в Твери беглых половников и холопов, сманивая их у новгородских бояр; он судил холопов в республике своими судьями, а также и «купчин» вопреки воле бояр, «в силу», по волости; более того, княжеские судьи ввели сбор «вязчего» («вязебного» — пошлины), предусмотренного «Русской Правдой» при арестах в частновладельческих городах.

В начале XIV в. великие князья значительно усилили финансовые поборы в республике. Например, тот же Михаил Ярославич, заняв в 1312 г. Торжок и Бежецк, принудил новгородских правителей за ликвидацию возникшего «розратья» уплатить 1500 гривен серебра[3]; он же в 1316 г. взыскал с Новгорода «за мир» 50 000 гривен[4]. Таким образом, речь шла о весьма крупных суммах. Тому же князю за то, чтобы он «нелюбье... отложил и от Новгорода, и от Пскова и от пригородов», в 1316 г. было уплачено 12 000 гривен[5]. Последствия борьбы боярства с великокняжеской властью всею тяжестью падали на городских «черных» людей и крестьянство Новгородской республики.

Новгородские правители сопротивлялись наступлению «низовских» князей; доказательством тому служат их договоры с князьями, в которых основное внимание уделено охране владений новгородских бояр от покушений князей, их дворян и бояр. Но в этой борьбе за землю, за крестьян положение новгородских правителей становилось все менее устойчивым. В новых условиях новгородские бояре уже не могли свободно маневрировать, сталкивая, как прежде, князей смоленских, киевских, владимирских. Сократилась территория Руси, с которой был связан Новгород, а над всеми князьями стояли татар-

---

[1] НПЛ, стр. 323—324.
[2] ГВНиП, № 7, стр. 17; ср. № 9, стр. 19
[3] ПСРЛ, т. XXV, стр. 159.
[4] НПЛ, стр. 95.
[5] ГВНиП, № 11, стр. 23.

ский хан и назначаемый им великий князь, правивший и в Новгороде. Возросшая внешняя угроза с севера и запада вынуждала бояр искать помощи у князей.

Постоянные столкновения князей в борьбе за великокняжеский стол крайне затрудняли новгородское правительство, приводя республику к вооруженным конфликтам то с тем, то с другим претендентом на новгородский стол, лишая ее возможности сохранять нейтралитет. При создавшемся положении новгородские бояре постоянно и небезуспешно настаивали на соблюдении одного условия, а именно, что любые земли, приобретенные в Новгородской республике тем или иным князем или его наместниками, полученные в «кормление», захваченные или купленные, подлежали возврату по оставлении князем новгородского стола (вероятно, такой же принцип действовал в землях, входивших в состав великого княжества).

Новгородское правительство выкупало те земли, которые были приобретены князем законно, и отбирало «бес кун» земли, захваченные силой[1]. Таковы были отношения Новгородской феодальной республики с великокняжеской властью в XIII—XIV вв. Обостренная борьба между московскими и тверскими князьями, разгоревшаяся в начале XIV в., еще более усложнила положение Новгородской боярской республики.

Политика татарских правителей, разжигавших эту борьбу, не могла увенчаться успехом. По мере экономического оживления русских земель, укрепления и роста новых городов в отдельных русских княжествах, создавались условия для изменения отношений с Ордой, для успешной борьбы с татаро-монгольским игом.

б) Борьба русского народа за охрану северо-западных рубежей Руси

В тяжелые годы борьбы русского народа против татаро-монгольского ига на Руси не прекращалась также и борьба за охрану северных и западных рубежей страны, которые находились под постоянной угрозой со стороны Швеции, Норвегии, Дании, немецкого Ордена и Литвы.

После разгрома на Неве шведское правительство не отказалось от мысли овладеть землей финнов. В 1247 г. ярлом (правителем. — *Ред.*) Швеции стал Биргер, зять короля; папские легаты отмечали, что он управлял всей страной. Биргер и занялся подготовкой похода против финнов.

---

[1] ГВНиП, № 8, стр. 18—19; ср. № 9, стр. 19; ср. № 7, стр. 17.

[2] См. ч. II, гл. 1 настоящего издания.

В 1249 г. начался второй этап завоевания шведскими феодалами страны финнов и покорения основного ее населения — еми. Биргер собрал большое рыцарское войско и, высадившись на южном берегу Нюландии[1], в кровопролитных боях разбил емь; население, отказывавшееся принять христианство, беспощадно истреблялось. К середине 1250 г. емь была завоевана. Политическое положение Новгорода в то время не позволило ему оказать помощи финнам.

Биргер заложил в центре финской земли, на берегу озера Ваная, крепость Тавастгус и поселил здесь шведских феодалов-колонистов, раздав им финские земли; коренное население было обложено феодальными поборами, в том числе и церковной десятиной. Однако шведским феодалам не удалось уничтожить русско-финские связи, что ясно обнаружилось в ближайшие годы. Окрыленные захватами в земле финнов и зная, что Новгороду грозило татарское иго, шведские феодалы рискнули провести еще одно наступление на северо-западную Русь, на этот раз в союзе с датчанами, в частности с датским вассалом, правившим в Ревеле,— Дитрихом фон Кивелем. В поход были двинуты также вспомогательные финские отряды. В 1256 г. «придоша свеи, и емь, и сумь, и Дидман (Дитрих.— *Ред.*) со своею волостью и множество рати»; захватчики решили обосноваться на р. Нарове, где и «начаша чинити (строить.— *Ред.*)» город. В это время Александра Ярославича не было в Новгороде, и новгородцы послали к нему во Владимир, «по полкы», а сами «по своей волости розослаша, такоже копяще полкы». Шведские и датские феодалы не ожидали таких действий и, «услышавше, побегоша за море».

Зимой того же года с полками из Владимира пришел князь Александр. Он решил дать должный ответ шведскому правительству, организовав поход в землю финнов. Но новгородское боярство, либо признав уже потерю своих позиций в земле еми, либо, возможно, не рассчитывая, что подчиненная емь будет приносить доход именно Новгороду, а не князю, не поддержало этого похода. Новгородские полки сопутствовали князю только до Копорья и то потому, что князь не сообщил им о цели своего похода; они «не ведяху, где князь идет» и даже думали, что он пойдет в землю эстов. Узнав о планах князя, «инии мнози новгородци воспятишася от Копорьи», и князь продолжал путь в землю финнов лишь «со своими полкы»[2].

Пройдя по льду Финского залива в землю еми, русское войско опустошило здесь шведские владения. Поход в суровых зимних условиях был чрезвычайно трудным: «бысть зол путь, акы же не видали ни дни,

[1] *Нюландия* — одна из областей Финляндии.

[2] НПЛ, стр. 81, 309.

ни ночи, и многым шестником (участникам похода.— *Ред.*) бысть пагуба»,— отметил летописец[1]. Несмотря на то, что после жестокого шведского завоевания земля еми была ослаблена, вступление русского войска вызвало новое противошведское восстание. Об этом факте мы узнаем из послания папы Александра IV, который в том же 1256 г. писал, что русские и карелы напали на шведское население в стране финнов и «убили многих из верноподданных короля, много пролили крови, множество усадеб и земель предали огню..., *многих* возрожденных благодатью священного источника, *привлекли*, к несчастью, *на свою сторону*...»

Итак, насильственно крещенные и угнетаемые шведскими феодалами финны в большом числе присоединились к русским. Но все же финский народ был так ослаблен, что не смог помочь русскому войску закрепить победу, и владимиро-суздальским полкам пришлось ограничиться демонстративным разгромом шведских колоний («овых избиша, а других изоимаша»). Хотя этот поход и не вернул ему под власть Новгорода, все же он показал шведскому правительству, что татаро-монгольское нашествие не изменило отношения Руси к иноземным захватчикам, поэтому в течение более чем двух ближайших десятилетий Швеция предпочитала не нарушать русских границ. Таким образом, несмотря на татаро-монгольское нашествие, Русь отбила наступление шведских и датских феодалов-крестоносцев и сохранила выход к морю, закрепив также свои позиции в земле карел.

По карельскому вопросу у Новгорода возник конфликт с другой северной страной — Норвегией. В древней саге исландца Стурла, сына Тарда, посвященной норвежскому королю Хакону (1217—1263), читаем: «В ту зиму, когда Хакон конунг сидел в Трандхейме, прибыли с востока из Гардарики («страны городов», так именовали скандинавы Русь.— *Ред.*) послы Александра конунга Хольмгарда (Новгорода.— *Ред.*). Звался Микьял (Михаил.— *Ред.*) и был рыцарь тот, кто стоял во главе их. Жаловались они на то, что делали между собой чиновники (сборщики дани.— *Ред.*) Хакона конунга и его сына на севере в Марке (Финмаркене, на окраине земли саамов.— *Ред.*) и восточные кирьялы (карелы.— *Ред.*), те, что платили дань конунгу Хольмгарда, потому что между ними постоянно было немирье, грабежи и убийства. Были там совещания и было решено, как этому положить конец.

Им (русским послам.— *Ред.*) было также поручено повидать госпожу Кристин, дочь Хакона конунга, потому что конунг Хольмгарда велел им узнать у Хакона конунга, не отдаст ли он госпожу ту замуж

---

[1] НПЛ, стр. 81.

за сына Александра конунга». «Хакон конунг,— повествует далее сага,— решил так: послал мужей из Трондхейма весной и поехали [они] на восток вместе с послами Александра конунга. Прибыли они летом в Новгород, и конунг принял их хорошо, и установили они тогда мир между собой и своими данническими землями так, чтобы не нападали друг на друга ни кирьялы, ни финны (саамы — лопари.— *Ред.*), и продержалось это соглашение недолго.

В то время было немирье великое в Хольмгарде: напали татары на землю конунга Хольмгарда, и по этой причине не поминали больше о сватовстве том, которое велел начать конунг Хольмгарда. И после того, как они (норвежские послы.— *Ред.*) закончили порученное им дело, поехали они с востока с почетными дарами, которые конунг Хольмгарда послал Хакону конунгу. Прибыли они с востока зимой и встретились с конунгом в Вике».

Что заставило Русь и Норвегию обменяться посольствами? За сотни верст от Новгорода русские данники-карелы в заполярной тундре столкнулись и вступили в борьбу с представителями чужеземного государства. Князь Александр Невский, придававший большое значение упрочению русских границ, понятно, серьезно отнесся к тому, что русская северная граница, прикрывавшая русские владения — Карелию (прионежскую и беломорскую) и значительную часть страны саамов (в первую очередь ближайшую к Новгороду часть, Кольский полуостров), до сих пор еще не была определена, так как до той поры русско-норвежские пограничные отношения ни разу официально не оформлялись[1].

Следовательно, русская государственная власть даже в трудных условиях начала 1250-х годов продолжала проводить активную внешнюю политику. Сам факт сватовства сына Александра Ярославича, Василия, к дочери норвежского короля объясняется не только желанием русской дипломатии укрепить пограничные отношения, но и стремлением установить русско-норвежский союз в противовес союзу шведско-норвежскому. Последний был упрочен в 1251 г. браком дочери шведского ярла Биргера Рикиссы со старшим сыном Хакона. Правда, сватовство не состоялось, так как происшедшее в 1252 г. столкновение Александра Ярославича с братьями и наступление воеводы Неврюя приковали основное внимание князя к восточным делам, но князь пышно принял норвежское посольство, приехавшее, вероятно, с ладожанином Михаилом Федоровичем, будущим посадником, и спорные вопросы были успешно решены: Русь и Норвегия «...устано-

[1] См. *И. П. Шаскольский*. Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки», № 14, стр. 38—61.

вили... мир... так, чтобы не нападали друг на друга ни кирьялы, ни финны (саамы)».

Сохранился и древний текст этого выработанного при переговорах в Новгороде соглашения, оформленного в виде так называемой «Разграничительной грамоты». Она гласит: «Вот границы между владениями конунга Норвегии и конунга руссов по тому, что говорили старые люди и говорят теперь старые поселенцы и финны (саамы. — *Ред.*)»; далее следует географическое определение границ сбора дани с саамов норвежцами и карелами. Из перечня географических наименований вырисовывается весьма показательная картина политических отношений в стране саамов: выясняется, что Русь собирала дань до Ивгей-реки и Люнген-фьорда, т. е. до западной границы страны саамов, почти до пределов собственно норвежской территории[1].

В грамоте предусмотрено право норвежцев собирать дань также с той территории кочевников-саамов, которую освоили карелы; эта часть территории саамов определена как общий русско-норвежский округ по сбору дани. Отношения с Норвегией с той поры были поставлены на прочную основу государственных соглашений. Были определены и нормы сбора даней с этой территории саамов: «Брать в тех крайних границах не более пяти серых шкурок (беличьих.— *Ред.*) с каждого лука (охотника.— *Ред.*), или по старине, если они (жители.— *Ред.*) хотят, чтобы по старине было». Таким образом, были установлены нормальные мирные отношения с Норвегией. Укрепление русских границ с владениями Швеции, Дании и Норвегии обеспечивало безопасность Новгородской Руси на северо-западе.

Значительно сложнее были отношения на западных рубежах. В «Житии» князя Александра отмечено: «В то же время умножишася языка литовьского и начаша пакостити области Олександрове». Здесь правильно указано на возросшую активность Литвы, где образовалось относительно единое раннефеодальное государство[2]. Внешнеполитические условия для Литвы на востоке складывались вполне благоприятно: литовский великий князь Миндовг в течение ряда десятилетий поддерживал дружественные отношения с волынскими князьями юго-западной Руси; что же касается Руси северо-западной, то решающие победы русских войск над немецкими захватчиками на Чудском озере определили успешную борьбу с немецкими захватчиками за независимость также и литовского народа.

В конце 40-х годов XIII в. Миндовг, пользуясь ослаблением нажима со стороны ливонцев, а также тем, что Русь разорена татаро-монголами,

---

[1] См. *И. П. Шаскольский*. Указ. соч., стр. 52, 53.

[2] См. ч. II, гл. 5, § 1а настоящего издания.

сделал попытку обладеть городами Смоленском, Полоцком и Витебском; он отправил на Русь с войском своих племянников Товтивила и Эдивила, а также своего дядю Викинта с жемайтским войском; литовские войска, видимо, временно заняли эти города[1]. Тогда же литовские отряды стали проникать далее вглубь Руси; по сведениям новгородской летописи, ими был занят Торопец и совершены набеги на Торжок и Бежецк у границ самой Владимиро-Суздальской земли.

Новоторжская рать пыталась было преследовать литовцев, но литовцы нанесли ей поражение, отняли коней, «а самех биша и поидоша с полоном проче». Видимо, в 1248 г. русские соединенные силы из Новгорода, Твери, Дмитрова, Торжка, а также Москвы осадили литовцев в Торопце, тогда же был убит московский князь Михаил Ярославич. Наконец, прибыл с владимирскими полками князь Александр; его полки нанесли ряд поражений литовским князьям: от их войск был очищен Торопец, их войска были разбиты под Жижцем и у Восвята[2].

В «Житии» Александра эти события освещены как сплошные победы дружины князя. Но все же Полоцк выбыл из-под власти князя Александра: здесь остался литовский князь Товтивил. Великий князь Миндовг, натолкнувшись на сопротивление и галицко-волынского князя Даниила, очистил Смоленск и Витебск.

Пребывание литовского князя в Полоцке, разумеется, лишало отношения этого города с владимирским князем прежней устойчивости, о чем свидетельствует, в частности, попытка князя Товтивила с помощью литовского войска и полоцкой дружины завоевать в 1258 г. соседние русские земли; он двинулся к Смоленску, по пути взял и разорил Войщину, а затем пограбил Торжок. Эти действия привлекли внимание золотоордынского хана, и в 1258 г. татаро-монголы нанесли удар по Литовскому княжеству с юга.

Товтивил принял православие, на его сестре был женат Даниил Романович, союзником которого он и являлся; позднее литовский князь признал власть Александра Ярославича и участвовал в походах его войск против немцев; в Новгороде он оценивался как «добрый князь Полотьской»[3]. Но это внедрение в западные русские города литовских феодалов, хотя и усваивавших более высокую русскую культуру и государственность, являлось подготовкой захвата западнорусских земель Литовским государством.

---

[1] ПСРЛ т. II, стб. 815.
[2] НПЛ, стр. 79; ср. ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 472.
[3] НПЛ, стр. 84

Большой заслугой великого князя Александра было осуществление им в 60-х годах XIII в. союза Руси с Литвой для совместной борьбы против немецких крестоносцев. Союз этот официально выразил неоднократно проявлявшуюся тенденцию к сближению русских и литовцев на основе защиты своей независимости от немецких феодалов. Оформление этого союза заложило фундамент многовековой традиции; опираясь на русскую помощь, литовцы отстаивали свою свободу от немецких поработителей. Оформлению русско-литовского союза предшествовали следующие события.

Ливонские феодалы в течение десятилетия не нарушали мирный договор 1242 г. Но в 1253 г. они совершили набег на псковский «посад», подожгли его, и при этом «самех много их плесковичи биша», тогда же в помощь псковичам пришли новгородцы и вспомогательный карельский отряд. Русское войско перешло р. Нарову и «створиша волость их пусту». Опасаясь новых ударов, ливонцы поспешили отправить послов в Новгород и подписали в том же 1253 г. договор о мире «на всей воли новгородьской и на пльсковьской»[1].

Новое поражение ливонских феодалов у русских границ не изменило их агрессивных стремлений. Папская курия также не теряла надежд на успех, призывая новые партии крестоносцев на борьбу против Руси. В Западной Европе еще не сомневались в победе Ордена над Русью. Об этом свидетельствует, например, отчет французского посла Вильгельма де Рубруквис, который около 1255 г. писал: «За Руссией к северу находится Пруссия, которую недавно покорили всю братья Тевтонского ордена, и, разумеется, они легко покорили бы Руссию, если бы принялись за это. Ибо, если бы татары узнали, что великий священник (папа.— *Ред.*) поднимает против них крестовый поход, они все убежали бы в свои пустыни»[2]. Совершенно ясно, что потерпевший дипломатическую неудачу в Орде Рубруквис выдает здесь желаемое за действительное, ибо реальное соотношение сил было обратным тому, которое рисовалось западноевропейским политикам. Лучшим доказательством этого явились события 60-х годов XIII в.

Установив относительно мирные отношения с татаро-монголами, князь Александр Ярославич выдвинул план полного уничтожения Ливонского ордена. Великий князь пришел к этой мысли при таких обстоятельствах. В конце 40-х годов литовский великий князь Миндовг, потерпев неудачу в занятии русских западных земель и опасаясь наступления на Литву галицко-волынского князя Даниила Романовича, прибег к дипломатическому маневру. В 1251 г. он согласился заключить

[1] НПЛ, стр. 80.

[2] *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина, СПб., 1911, стр. 86.

мир с Орденом. Но соглашение не могло быть прочным, так как литовский народ продолжал борьбу с немецкими захватчиками. После восстаний в Жемайтии и Земгалии Миндовг порвал с Орденом, и в 1260 г. в битве у озера Дурбе литовские войска наголову разгромили немецких крестоносцев [1].

Тогда же Миндовг отправил послов на Русь к Александру Ярославичу, понимая, что только с помощью русских можно закрепить победу над крестоносцами; литовские послы, по словам немецкой рифмованной хроники, вернулись и сообщили, что на Руси «рады перемене чувств» Миндовга.

В 1262 г. князь Александр в свою очередь отправил посольство в Литву, обещая Миндовгу «большую помощь». Тогда же Александр Ярославич и Миндовг заключили союзный договор против немецких крестоносцев. Очевидно, Миндовг признал право Александра Ярославича на Полоцк. Был намечен совместный поход на Ригу, и князю жемайтскому Тройнату поручалось поднять восстание среди ливов и латгалов. Ливонским рыцарям грозило полное уничтожение.

Но жемайтский князь Тройнат, видимо, опасаясь усиления Миндовга, выступил с литовскими войсками преждевременно, и когда зимой 1262 г. великий князь Миндовг, разоряя немецкие замки, пришел под Цесис (Венден), русских там не оказалось, хотя хорошо известно, что они очень спешили.

Лишь когда Миндовг возвратился в Литву, русские полки вторглись в землю эстов. Русское войско было весьма велико: княжеский «великий полк» и новгородский сводный полк, включавший множество воинов, вел князь Дмитрий Александрович; с полками шли зять князя Александра — князь витебский Константин, Ярослав Ярославич тверской и, наконец, полоцкий князь Товтивил с полоцким полком и литовской дружиной в 500 человек.

И «Житие» князя Александра отмечает, что им было отправлено крупное войско: «брата своего моложьшаго Ярослава и сына своего Дмитрея с новгородцы посла на западныя страны и по[сла] вси полки своя с нима» [2]. Сам Александр в это время был отвлечен ордынскими делами.

Русские войска осадили Тарту (Юрьев), который был немцами укреплен «в 3 стены», и взяли его «одинымь приступлениемь» и «люди многы града тово овы побиша, а другы изоимаша живы... и взяша товара бещисла и полона» [3]. Заняв Юрьев, русские войска, однако,

---

[1] См. ч. II, гл. 5, § 1а настоящего издания.
[2] «Житие Александра Невского», стр. 192.
[3] НПЛ, стр. 83.

прекратили поход и возвратились в Новгород; возможно, что им стало известно об уходе литовских войск.

В том же году в Новгород прибыли немецкие послы — Шиворд из Риги, Теодорих из Любека и Олостен с Готланда, просить мира и возобновления торговли. Владимирский князь заключил с ними договор о мире и торговле.

Этот договор восстанавливал порядок русско-немецкой торговли, существовавший до немецкого вторжения в Восточную Прибалтику. Возобновлялся «старый мир»: «Новгород[це]м гостити (торговать.— *Ред.*) на Гоцкый берег (Готланд.— *Ред.*) бес пакости, а немцем и г[о]том гостити в Новгород бес пакости и всему латиньскому языку, на старый мир». Эта статья буквально повторяла договор конца XII в. Да и конец договора подтверждал старину: «А се старая наша правда и грамота, на чемь целовали отци ваши и наши крест. А где ся тяжа (новый конфликт.— *Ред.*) родить, ту ю кончати. А иное грамоты у нас нетуть, ни потаили есмы, ни ведаем. На томь крест целуем»[1].

Итак, блестящие победы русского оружия заставили немецких крестоносцев и рижских, любекских и готландских купцов не только отказаться от надежд овладеть Новгородом и Псковом, но даже изменить что-либо в прежнем порядке взаимной торговли, отказаться от попыток блокировать Русь. Вооруженной и дипломатической борьбой Русь на время упрочила свои рубежи с Орденом и Литвой.

В конце XIII — начале XIV в. внешнеполитическое положение Руси на северо-западе значительно ухудшилось. Феодальные усобицы внутри страны, неоднократные опустошительные вторжения татарских войск не позволяли восстановить прежние позиции Руси в Финляндии и Прибалтике; приходилось отстаивать Карелию, устье Невы, Ладогу, Псков.

В этой связи немаловажное значение имели отношения со Швецией, возобновившей свою агрессию. Упорный характер носила борьба за Карелию. В 1278 г. князь Дмитрий Александрович с новгородскими и низовскими полками укреплял здесь позиции новгородских бояр[2]. В ближайшие годы (1282—1283) отмечены шведские вторжения через Неву в Ладожское озеро, отбитые новгородцами и ладожанами[3]. В это же время шведские феодалы развернули наступление на земли западной Карелии. Несмотря на упорное сопротивление карел и новгородских войск[4], они захватили часть западной Карелии и построили там в 1293 г. крепость Выборг. Попытка занять Выборг, предпринятая в следующем

[1] ГВНиП, № 29, стр. 56—57.
[2] НПЛ, стр. 323.
[3] Там же, стр. 325.
[4] Там же, стр. 327.

году войсками великого князя Андрея Александровича, не увенчалась успехом. Правда, когда в 1295 г. шведский воевода Сиг поставил еще один город в Карельской земле, новгородцы город снесли, а воеводу убили[1]. Новгородское правительство в свою очередь для охраны западного побережья Ладожского озера построило в 1310 г. крепость в Карелии Корелу (Кексгольм, ныне Приозерск), на месте старого новгородского укрепления.

Видимо, в начале XIV в. Швеции все же удалось удержать захваченные карельские земли, так как новгородские бояре в грамоте, адресованной князю Михаилу Ярославичу, жаловались, что княжеский наместник, которого Новгород «кормил... Корелою», эту «Корелу всю истерял и за немце (шведов.— *Ред.*) загонил»[2]. Борьба обострилась: в 1311 г. состоялся поход новгородцев на емь за море[3], в 1313 г.— набег шведских феодалов на Ладогу[4], а в 1314 г.— захват ими с помощью «Корелы — переветников» Кексгольма. Но удержать эту крепость шведскому правительству не удалось; вскоре русские войска освободили Кексгольм, истребив шведский гарнизон и «переветников»[5].

Одновременно с борьбой за Карелию Новгородской Руси приходилось отстаивать от шведских захватчиков устье Невы — выход в море. Не ограничиваясь организацией отдельных набегов, шведское правительство сделало попытку прочно закрепиться на Неве. В 1300 г. сюда на судах прибыли шведские полки «в силе велице»; они привезли своих «мастеров», а также «от папы [Бонифация VIII] мастер приведоша нарочит» и построили здесь в устье р. Охты крепость Ландскрону («Венец земли»), установив в ней метательные орудия. Возглавлявший поход шведский маршал Торкель Кнутсон оставил в крепости «мужи нарочитыи с воеводою Стенем»[6]. Таким образом, шведское правительство попыталось вовсе закрыть выход в море Новгороду и всей Руси, что, между прочим, не замедлило отразиться на русско-немецкой торговле[7].

Но этот замысел шведского правительства не удался, ибо уже в следующем 1301 г. низовские полки великого князя Андрея Александровича совместно с новгородскими и ладожскими силами «потягнуша крепко» и заняли Ландскрону. Из шведского гарнизона никому не удалось спастись: русские «овых избиша и исекоша, а иных извязавше

[1] НПЛ, стр. 328.
[2] ГВНиП, № 8, стр. 18.
[3] НПЛ, стр. 93.
[4] Там же, стр. 94.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 91.
[7] ГВНиП, № 33, стр. 62—63.

поведоша с города, а град запалиша и розгребоша»[1]. В следующем году были приняты меры к укреплению самого Новгорода; было начато строительство городской каменной стены.

Крупное столкновение со Швецией наши источники отметили в 1322 г., когда московский князь Юрий Данилович совместно с новгородцами предпринял новый поход на Выборг[2], а затем для охраны пути в море построил «на усть Невы на Ореховом острове» город Орехов (ныне Петрокрепость), где, наконец, в 1323 г. был заключен со Швецией так называемый Ореховецкий договор о «вечном мире»[3]. Договор этот заключил на равных основаниях московский великий князь Юрий Данилович «с братом своим с князем свейским» Магнусом. По этому договору устье Невы оставалось за Новгородом с условием не ставить никаких новых шведских и русских крепостей в Карелии.

Несмотря на то, что этот договор был невыгоден Руси, утратившей права на земли еми и какой-то части Карелии, он все же обеспечивал некоторый минимум прав Новгородской республики и свободу торговли Руси с Западной Европой. Договором отмечено участие в его составлении и купцов «с Готского берега».

Кроме того, шведское правительство было обязано соблюдать нейтралитет в случае столкновения Руси с Данией, точнее, с ее вассалами в Ревельской земле: «А те имуть занаровце (т. е. те, что за рекой Наровой.— *Ред.*) не правити к великому князю и к Новгороду, а свеям им не пособляти». Таким образом, с помощью московского великого князя отношения Новгородской Руси со Швецией были упорядочены на длительное время. Впоследствии Ореховецкий договор лег в основу соглашений Новгорода, а в дальнейшем и русского централизованного государства, со Швецией[4].

Несколько позднее, в 1326 г., с тем же королем Магнусом, являвшимся также и королем Норвегии[5], в Новгороде был заключен русско-норвежский договор[6]. По этому договору восстанавливались старые русско-норвежские рубежи, и обе стороны обязались взаимно отказаться от всех захваченных ими друг у друга земель[7]; так были восстановлены

---

[1] НПЛ, стр. 91.

[2] Там же, стр. 96.

[3] ГВНиП, № 38, стр. 67—68; НПЛ, стр. 97.

[4] *М. Н. Тихомиров.* Борьба русского народа..., стр. 43.

[5] Норвежским королем официально считался малолетний шведский король Магнус, сын Эрика, живший в Стокгольме. Фактически во главе Норвегии стоял правитель Эрлинг, сын Видкуна. См. *И. П. Шаскольский.* Договоры Новгорода с Норвегией, стр. 47, прим. 1.

[6] ГВНиП, № 39, стр. 69—70.

[7] *И. П. Шаскольский.* Указ. соч., стр. 47.

границы, предусмотренные в «Разграничительной грамоте» договора 1251 г. Это был несомненный успех русской внешней политики в Северной Европе.

Новгородское правительство не напрасно добивалось шведского нейтралитета на случай своих столкновений с «занаровцами»: укрепление западной границы с датскими и немецкими крестоносцами требовало немалых усилий со стороны Новгородской Руси. Еще в 1268 г. новгородские правители «под рукой» тверского великого князя Ярослава Ярославича предприняли большой поход на датских феодалов к Раквере (Раковору), в земле Вирумаа. Возглавлял поход переяславский князь Дмитрий Александрович; в походе участвовали, кроме новгородских, «низовские», смоленские и полоцкие полки. Хотя походу предшествовало соглашение новгородского правительства с Орденом, обещавшим не помогать датским феодалам, немецкие крестоносцы нарушили соглашение и неожиданно напали на русских, успешно дошедших до Раквере. Здесь 18 февраля «бысть страшно побоище, яко не видали ни отци, ни деди»,— говорит летописец.

Обе стороны понесли большие потери, причем в русском войске пало «много добрых бояр, а иных черных людий бещисла; а иных без вести не бысть». Однако и на следующий день русские войска вновь вступили в бой и отогнали врага к Раквере, а затем три дня стояли «на костех»[1] в знак победы. В то же время псковский отряд князя Довмонта совершил опустошительный набег на немецкие владения вплоть «до моря»[2].

В дальнейшем у Новгорода не было столкновений с датскими крестоносцами до середины 90-х годов XIII в., когда датский наместник, сын Дитриха фон Кивеля («Титманович»),в 1294 г., вскоре после утверждения шведов в Выборге, перешел Нарову и на ее русской стороне соорудил укрепление («городок»), а также захватил близлежащие земли. Новгородцы вскоре дали отпор этой вылазке; они сожгли городок «Титмановича» и «село его великое взяша и пожгоша»[3]. Столкновения продолжались ряд лет и закончились русско-датским мирным договором, который новгородские послы, «докончавше» в Дании в 1302 г., в Новгород «привезоша»[4]. Судя по Ореховецкому договору, датские феодалы нарушали условия мира 1302 г.

Значительную и все возраставшую угрозу землям северо-западной Руси несло в эту пору Литовское государство, где после внут-

---

[1] НПЛ, стр. 86—87.

[2] ПСРЛ, т. XXV, стр. 148.

[3] НПЛ, стр. 328.

[4] НПЛ, стр. 91.

ренних княжеских неурядиц 60-х годов XIII в. значительно окрепла великокняжеская власть.

Источники отмечают проникновение литовских правителей в Полоцк. В 60-х годах здесь находился крещеный литовский князь Товтивил, по смерти которого сюда, с согласия местных бояр, был посажен литовский князь, зависевший от Литвы[1]; в дальнейшем Полоцк все теснее связывался с Литвой и в 1307 г. был включен в ее состав[2]. Та же участь постигла Витебск и Минск, также захваченные Литвой в начале XVI в.

Таким образом, в борьбе против натиска немецкого Ордена литовское правительство в значительной мере опиралось на русские и белорусские земли, на материальную базу, создававшуюся подневольным трудом русского и белорусского крестьянства и ремесленников. Литовские князья неоднократно нарушали границы Новгородской Руси и совершали набеги даже на тверские волости[3].

Ответные походы русских князей на Литву источниками не отмечены, если не считать похода 1275 г., в котором русские князья (великим князем тогда был тверской князь Василий Ярославич) «не успевше ничто же, возвратишася назад», причем татары, принимавшие участие в походе, по дороге в Литву (и «того злее» на обратном пути) разорили русские земли: «по волостем, по селом дворы грабяще, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили и облупивше нагого пустять». Таким образом, татары, выдавая себя за помощников Руси, принесли ей только вред: «творящеся на помощь пришедше, обретошася на пакость»[4].

Литовское наступление затронуло и Псков. Правда, князь Довмонт (1266—1299) признавал власть Новгорода и великих князей, но и здесь можно отметить «под рукой» великого князя некоего Айгуста[5] (вероятно, литовского выходца), а среди князей XIV в. под 1322 г. назван литовский князь Давыдко[6]. Усиление литовских великих князей во Пскове даже привело к заключению направленного против Литвы специального договора Новгорода с Орденом, по которому последний должен был поддерживать борьбу Новгорода за возвращение Пскова[7]. Отношения были очень сложными. В 1326 г. в Новгород прибыло специальное посольство литовского великого князя Гедимина во главе

---

[1] НПЛ, стр. 84.
[2] См. ч. II, гл. 5, § 1 настоящего издания.
[3] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стр. 483; т. XXV, стр. 81.
[4] Там же, т. XVIII, стр. 74.
[5] НПЛ, стр. 89.
[6] Там же, стр. 97.
[7] ГВНиП, № 37, стр. 65—67.

с его братом Воином, а также полоцким и минским князьями; это посольство заключило мир с Новгородом и Орденом[1].

Содержание договора нам неизвестно, но факты указывают на то, что и позднее борьба не затихала, ибо уже в 1331 г. в Пскове оказался князь Александр, посаженный «из литовскыя рукы» Гедимином[2]. Татаро-монгольское иго привело к захвату Литвой белорусских земель—Полоцко-Минской Руси и к развитию литовского наступления в сторону Пскова, Смоленска, Твери. Однако дальнейшее усиление великокняжеской власти на Руси позволило отстоять Псковскую республику от притязаний литовской знати[3].

Немецкие ливонские феодалы неоднократно пытались нападать на Псков (в 1268 г. и в другие годы) и всегда терпели неудачу. Таким образом, хотя в результате татаро-монгольского нашествия Русь и потеряла прежние позиции в Прибалтике, и русский народ был вынужден оборонять северо-западную Русь в районах Карелии, Невы, Наровы и Пскова, но эти новые рубежи он непоколебимо удерживал до тех пор, пока сложившееся Русское централизованное государство не поставило вопроса о восстановлении своих исторических прав на захваченные врагами земли.

в) Установление татаро-монгольского ига над юго-западной Русью. Захват галицко-волынских земель польскими и литовскими феодалами

Юго-западная Русь попала под власть татаро-монгольских ханов несколько позднее, чем северо-восточная. Это в немалой степени объясняется как ее географическим положением, так и политическим курсом местного княжеского двора. Прибывший в 1245 г. по требованию Батыя в Сарай галицко-волынский князь Даниил Романович ценой потери болоховских земель и Понизья был признан татарским «мирником»[4]; за это признание князю пришлось, вероятно, немало уплатить, почему летопись и упомянула, что татары «дани хотять»[5]. В результате переговоров галицко-волынский князь стал в номинальную зависимость от Золотой орды: «поручена бысть земля его ему, иже бяху с нимь»[6]. Но полное подчинение юго-западной Руси татаро-монголами было еще впереди.

---

[1] НПЛ, стр. 98.
[2] Там же, стр. 343.
[3] См. ч. II, гл. 1, § 7 настоящего издания.
[4] ПСРЛ, т. II, стб. 807.
[5] Там же, стб. 808.
[6] Там же.

Более того, победа в феодальной войне, разгром галицко-волынскими войсками венгерско-польской интервенции, установление определенных взаимоотношений с татаро-монголами вызвали у местного княжеского двора даже желание предъявить свои права на руководящее положение во всей южной Руси, включая Киев, которым под властью золотоордынских ханов управляли суздальские князья.

Современники считали успешной поездку князя Даниила в Орду: «бысть же ведомо всим странам приход его ис татар, яко бог спасл есть его»[1]. Местный княжеский двор сумел использовать внешнеполитические выгоды, полученные в результате соглашения с монголами. В первую очередь требовали урегулирования отношения с Венгрией. Король Бела IV сам начал переговоры о мире, «убояся бо его (князя Даниила.— *Ред.*), яко был бе в Татарех [и] победою победи Ростислава и угры его»[2]. Мирный договор был скреплен браком княжича Льва Даниловича с дочерью Белы IV Констанцией.

В это же время усилились происки папской курии в юго-западной Руси. Спекулируя на необходимости создать антитатарскую коалицию, папа Иннокентий IV в 1245 г. начал переговоры с галицко-волынским князем о военном союзе и церковной унии; эти переговоры привели к взаимному обмену посольствами и номинальному признанию курией суверенитета Галицко-Волынской Руси и ее равных возможностей в отношениях с Венгрией, Орденом и другими государствами. В связи с тем, что курия прежде всего стремилась к проведению в юго-западной Руси унии, откладывая реализацию обещаний об организации вооруженной борьбы с татаро-монголами, длившиеся три года переговоры были прерваны в 1248 г. Галицко-волынский князь, не ожидая реальной помощи от курии и понимая сущность ее захватнической политики в Восточной Европе, умело использовал эти переговоры для стабилизации западных границ своего княжества.

В 1252 г. по инициативе курии, при посредничестве короля Белы IV, (который опасался русско-татарского сближения и писал, что «не пожалел труда», чтобы склонить Даниила Романовича к переговорам) переговоры возобновились. Миссия венгерского короля облегчалась тем, что в это время татаро-монголы двинули к западным границам своих владений войска под командованием воеводы Куремсы. Князь Даниил решил не подчиняться воеводе и поэтому, заинтересованный в спокойствии на своих западных границах, был готов возобновить переговоры с курией. Стремясь к дальнейшему укреплению позиций югозападной Руси в Восточной Европе, а также возобновлению старинных

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 808—809.

[2] Там же, стб. 809.

русских торговых связей на Дунае, князь Даниил счел нужным вмешаться в войну за австрийское наследство. Соглашение с курией могло и здесь оказаться полезным.

Заключив союзный договор с Белой IV, а также малопольским князем Болеславом Стыдливым, князь Даниил добился от них признания за своим сыном Романом герцогских прав на Австрию. В первой половине 1252 г. в замке Гимберг, южнее Вены, состоялась свадьба Романа Даниловича с наследницей австрийского престола Гертрудой Баденберг.

Вскоре союзники пришли в столкновение с чешским королем Пржемыслом II, также претендовавшим на Австрию и нашедшим поддержку у папской курии. Из-за предательского поведения венгерского короля Роман Данилович был вынужден с небольшим гарнизоном выдерживать длительную осаду войск Пржемысла II. Попытка князя Даниила Романовича помочь сыну, организовав русско-польское вторжение через Силезию в Моравию в 1253 г., не достигла цели: малопольские князья, опасаясь усиления русского князя, вели себя в походе пассивно, поэтому войска лишь достигли окрестностей Опавы и Глубчицы, заняли Нассидель, подчинили крепость Фульштейн, взяли много пленных и оставили Моравию; вскоре и князь Роман Данилович покинул Австрию.

В малопольской столице Кракове папские послы поджидали возвращавшегося из чешского похода князя Даниила. Но князь не пожелал вести переговоры вне своей страны и отказался принять послов Иннокентия IV. Он сказал им: «Не подобаеть ми видитися с вами чюжеи земли»[1]. Когда позднее, после переговоров, папское посольство во главе с легатом Опизо из Мессаны прибыло в Дорогичин, то и здесь князь Даниил решился на принятие от папы короны и скипетра с большими сомнениями: «Опиза же приде, венец нося, обещеваяся яко помощь имети ти от папы,— оному же (Даниил.— *Ред.*) одинако не хотящу»[2]. На церемонии коронации присутствовали и польские князья; это произошло около 1254 г.

Князь Даниил не случайно короновался именно в Дорогичине, этим он подчеркнул свои права на ятвяжские земли в глазах крестоносцев и Литвы, с которой лишь недавно успешно закончил войну. Миндовг должен был вернуть Даниилу в качестве лена Черную Русь, где сел прибывший из Австрии сын Даниила Роман; мир был скреплен браком сына Даниила — Шварна с дочерью Миндовга; отошла к Волыни и южная Судавия (часть ятвяжской земли). Этот пункт соглашения должны были признать и прусские крестоносцы.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 826.

[2] Там же, стб. 827.

Однако и новое соглашение с курией, выражавшее признание крупной роли Галицко-Волынской Руси в международных делах Восточной Европы, не привело ни к унии, ни к совместной борьбе с Золотой ордой. Обеспечив себе временное спокойствие на западе, князь Даниил в 1254 г. успешно отразил наступление войск Куремсы. Правда, Куремса завладел Понизьем, посадив в Бакоте в качестве баскака галицкого боярина Милея, который «приложился» к татарам[1]. Но галицко-волынский князь «воздвиже рать противу татаром» и занял и разорил район Болоховских земель, где уничтожил «городы, седящия за татары»[2]. Разрушив Возвягль, волынский князь подумывал продвигаться «оттудова и к Кыеву»[3]. Отбив наступление Куремсы, князь Даниил и в дальнейшем «держаще рать» с ним «и николико же не бояся Куремьсе»[4], который, правда, был «самым младшим среди других вождей»[5] татаро-монгольских.

Холмский двор, не ожидая помощи от папы, отказался допустить какое бы то ни было вмешательство папства в русские церковные дела. Папа сперва пытался угрожать князю «оружием верных» и даже предложил своим агентам развернуть в Чехии, Моравии, Польше и Австрии проповедь крестового похода против Руси, но в конце концов был вынужден освободить своего епископа от посещения русской «епархии» «по причине обширного протяжения [этой] земли, вероломства ее владетелей и злобы обитателей»[6]. Таким образом, происки папской курии в юго-западной Руси потерпели не меньшую неудачу, чем в Руси северо-восточной.

Но внешнеполитическое положение юго-западной Руси определялось в первую очередь ее взаимоотношениями с Золотой ордой. В 1258 г. Орда предприняла решительные действия для ликвидации независимости Галицко-Волынской Руси. Сюда был направлен старый монгольский воевода Бурундай «со множеством полков татарских». Имея основной целью поход в Литву, он потребовал у галицко-волынских князей выполнения их вассальных обязательств: участия в войне с Литвой («оже еси мирен мне, поиде со мною»)[7]. Татарско-русские полки опустошили Аукштайтскую и Нальшенайскую литовские земли. В то же время князь Даниил вторгся в Черную Русь, где литов-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 828.
[2] Там же, стб. 838.
[3] Там же.
[4] Там же, стб. 846.
[5] *Плано-Карпини.* Указ. соч., стр. 22.
[6] *В. Т. Пашуто.* Очерки..., стр. 260—261.
[7] ПСРЛ, т. II, стб. 846.

ские князья Войшелк и Товтивил, в ответ на участие русских войск в разорении Литвы, захватили и убили князя Романа Даниловича. Татаро-монгольское нашествие на ряд лет нарушило русско-литовские мирные отношения.

В следующем 1259 г. воевода Бурундай, направив свои войска непосредственно через территорию Галицкой земли и Волыни, двинулся на Польшу, вновь потребовав от южнорусских князей участия в походе («оже есте мои мирници, сретьте мя, а кто не сретить мене, тый ратный мне»)[1]. Во время наступления в Польше были разорены области Сандомирская, Краковская, Шлезская (до Бытом). Тогда же по приказу Бурундая в самой юго-западной Руси были уничтожены оборонительные сооружения важнейших городов — Данилова, Стожеска, Львова, Кремянца, Луцка, Владимира, лишь незадолго до этого вновь укрепленных по распоряжению княжеской власти, придававшей большое значение развитию городов как экономических центров и пунктов антитатарской обороны. Таким образом, вся юго-западная Русь была включена в сферу татаро-монгольского властвования.

Татарское выступление сильно осложнило русско-польские отношения, для урегулирования которых в 1260 г. был созван специальный съезд русских и польских князей в Тернаве, где спорные вопросы нашли свое разрешение, и князья «положиша ряд межи собою о землю Рускую и Лядьскую»[2]. Что касается русско-литовских отношений, то они оставались неурегулированными до самой смерти литовского великого князя Миндовга (1263), войска которого продолжали совершать набеги на Русь (на Камень, Мельник, на союзный Волыни Брянск и дружественную ей Мазовию).

Со смертью в 1264 г. князя Даниила Романовича — крупного государственного деятеля, полководца и дипломата, с годами правления которого связано объединение юго-западной Руси и значительные хозяйственные, политические и культурные успехи ее, Галицко-Волынская Русь вновь утратила политическое единство. Вначале она распалась на четыре княжества. Великим князем стал младший сын Даниила — Шварн, который объединил под своей властью Восточную Галичину (с центром в Галиче), Черную Русь (возвращенную от Литвы) и все Забужье (Белз, Холм, Червень, Мельник, Дорогичин)[3]; старший его брат Лев Данилович княжил в Западной Галичине (включая города Львов и Перемышль); в Восточной Волыни (с центром в Луцке) правил Мстислав Данилович, а в части Западной Волыни (с центром во Владимире) — князь Василько Романович, а позднее его сын Владимир,

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 849.
[2] Там же, стб. 858.
[3] Там же, стб. 870.

после смерти которого (1288) луцкий князь Мстислав Данилович соединил в своих руках бо́льшую часть Волыни.

По смерти Шварна Даниловича (около 1269 г.) князь Лев Данилович завладел и Восточной Галичиной и Забужьем, став великим князем[1]. Такой раздел владений в юго-западной Руси был признан и татаро-монгольской властью. К началу XIV в., со смертью Мстислава Даниловича, вся Галицко-Волынская Русь вновь соединилась в одних руках под властью Льва Даниловича, а затем его сына и преемника Юрия Львовича. Но это объединение оказалось также непрочным и недолговечным.

Установление татаро-монгольского ига не изменило существовавших до татар в юго-западной Руси общественных отношений. Все местные князья находились «в воли татарьской»[2] и должны были числить татаро-монгольского хана «в о́тня место» и сносить со стороны ханов наименование «дети наше»[3]. Понятно, что при этом все акты государственного значения должны были совершаться либо при «царех», т. е. ханах, либо при их «рядцех»[4], т. е. чиновниках. Став ханскими вассалами, галицко-волынские князья должны были платить «татарщину»[5] («выход»), ложившуюся тяжелым бременем на народ, и по требованию ханов служить им своими вооруженными силами[6].

Отношения юго-западной Руси с татаро-монгольскими ханами отличались значительной сложностью, так как эта часть Русской земли находилась не только под властью Золотой орды, но испытывала также давление со стороны Орды Ногая, который управлял областью на северном побережье Черного моря, охватывавшей значительную часть Южно-русской равнины, включая и галицкое Понизье.

Татаро-монгольская политика в отношении юго-западной Руси характеризовалась большой активностью; сами золотоордынские и ногайские ханы неоднократно с крупными войсками проходили ее территорию, совершая набеги на Литву, Польшу и Венгрию (например, в 1275, 1277, 1280, 1285, 1286, 1287 гг.), видя в этом одну из гарантий прочности своих позиций в этой части Руси.

Борьба золотоордынских ханов с Ногаем и их вторжения в юго-западную Русь усугубляли тяжесть татаро-монгольского ига, подрывали торговлю, ремесло, способствовали дальнейшему ослаблению

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 870.
[2] Там же, стб. 872.
[3] Там же.
[4] Там же, стб. 898.
[5] Там же, стб. 904.
[6] Там же, стб. 894, 897 и др.

единой государственной власти и в конечном итоге предопределили общий политический упадок Галицко-Волынской Руси, приведший к захвату ее земель Польшей и Литвой.

Хотя после установления татаро-монгольского ига в Галицко-Волынской Руси ее внешнеполитическое положение серьезно ухудшилось, она все же продолжала играть некоторое время заметную роль в международной политике Восточной Европы, особенно Литвы, Польши, Венгрии, Чехии и германских земель. Галицкий князь Лев Данилович использовал татарскую военную помощь в своих внешнеполитических целях, прежде всего в столкновениях с Литвой и Польшей. Князь Лев не порывал и общерусских политических связей (например, с Тверью)[1].

Галицкий князь поддерживал союзные отношения вначале с Венгрией[2], а затем — с Чехией, когда королем там стал Вацлав (1278). Используя дружбу с Чехией, Лев Данилович после смерти Болеслава Стыдливого (1279) вел борьбу за краковский стол, а позднее поддерживал претензии на него союзного юго-западной Руси мазовецкого князя Болеслава Семовитовича[3].

Отношения Галицко-Волынской Руси с Литвой были весьма тесными в середине 60-х годов XIII в., когда после смерти Миндовга великий князь Шварн Данилович в качестве его зятя[4] совместно с Войшелком правил в Литве, удерживая и Черную Русь. Шварн Данилович, однако, княжил «лет немного», а затем литовским князем стал Тройден. Он отверг союз со Львом Даниловичем и занял Черную Русь, воюя и с волынским и с галицким князьями (правда, первому он вынужден был вернуть Турийск, а второму — Дорогичин). Но Черную Русь Тройден удержал и активно осваивал, заселяя ее пруссами, бежавшими с земель, занятых немецкими крестоносцами[5].

Тройдена сменили литовские князья Будикид и Будивид, которые, будучи заняты непрерывной борьбой с немцами, вернули волынскому князю Волковыйск, «абы [он] с ними мир держал»[6]. В конце XIII в. активность политики литовских князей в отношении юго-западной Руси все нарастала, и в XIV в. в княжение Гедимина привела к захвату берестейско-дорогичинских земель великим княжеством Литовским.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 870.
[2] Там же, стб. 830.
[3] Там же, стб. 935.
[4] Там же, стб. 874.
[5] Там же, стб. 933.
[6] Там же, стб. 933.

Дальнейшая история Галицко-Волынской Руси освещена в источниках крайне скудно. По смерти князя Юрия Львовича (1308) здесь правили его сыновья Андрей и Лев, которые поддерживали союзные отношения с Польшей и немецким Орденом, видимо, стремясь таким образом ослабить свою зависимость от Золотой орды. При этом в Польше их расценивали как «несокрушимую защиту от жестокого племени татар». Со смертью этих князей (около 1323 г.) Галицко-Волынская Русь вновь попала в руки боярской землевладельческой знати, которая и пригласила на княжение мазовецкого князя Болеслава Тройденовича, принявшего православие под именем Юрия.

Последний самостоятельный галицко-волынский князь Болеслав-Юрий правил до 1340 г., когда в результате заговора части оппозиционного боярства он был отравлен. Восстановление боярского самовластья привело к дальнейшему ослаблению военного и политического значения Галицко-Волынской Руси, к усилению военных вторжений с запада и востока и, наконец, к захвату галицких и волынских земель в середине XIV в. феодальными правителями Польши и Литвы.

Захват и раздел юго-западной Руси правителями соседних феодальных государств был облегчен татаро-монгольским нашествием, которое привело значительному экономическому и политическому упадку Руси.

* * *

История Руси в XIII в.— это история крайне напряженной и исполненной героизма борьбы русского народа за свою независимость против татаро-монгольских, немецких, шведских, датских, венгерских, польских и литовских феодалов-захватчиков. Борьба русского народа с татаро-монгольским нашествием имела всемирно-историческое значение, так как благодаря этой борьбе были подорваны вооруженные силы татаро-монголов, Русь сохранила возможности для последующего возрождения; кроме того, было сорвано намеченное монгольскими ханами завоевание и подчинение других стран Европы.

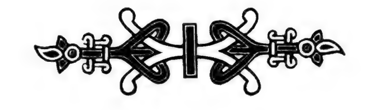
Победы русского народа над немецкими феодалами-крестоносцами имели огромное значение в первую очередь для исторических судеб народов Восточной Европы, особенно славянских народов. Победа на льду Чудского озера впервые в мировой истории окончательно остановила продолжавшееся в течение ряда столетий немецкое грабительское продвижение на восток. Эта победа, в частности, сыграла решающую роль в борьбе литовского народа за свою независимость.

Именно в эти годы были заложены основы совместной борьбы великого русского народа и народов Прибалтики против многовековой немецкой и шведской феодальной экспансии на восток.

Опустошенная и раздробленная на части Русь во многом утратила былое международное значение; она потеряла свои позиции в Причерноморье и Поволжье (надолго прервались прежние связи с народами Средней Азии и Кавказа), а также и в Прибалтике. Отрезанные друг от друга отдельные русские земли захватывались соседними государствами. Обособилась юго-западная Русь (Украина), и в середине XIV в. ею овладели правители Польши и Литвы; Молдавия попала под власть Турции. Литовское великое княжество захватило важные области Полоцко-Минской Руси (Белоруссии), а также Смоленск. Швеция оторвала от Руси часть Западной Карелии. Ценой больших жертв северо-восточная Русь удерживала Псков, отбивая наступление немецкого Ордена.

В самой северо-восточной Руси (Великороссии) на длительное время прервалась тенденция к экономическому и политическому объединению. Лишенная поддержки городов, ослабла великокняжеская власть. С новой силой вспыхнули феодальные распри, разжигавшиеся ордынскими правителями.

Однако и в этих невероятно трудных условиях великий русский народ продолжал борьбу за свободу. То там, то здесь прорывались народные движения, направленные против русских и иноземных феодалов, и вскоре волна народных восстаний пробила первую брешь в татарском иге — смела систему баскачеств, а неутомимый труд русского крестьянина и русского ремесленника заложил основы хозяйственного и политического укрепления Московского княжества.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

[1] Принятые сокращения: архиепископ — архиеп.; великий князь — в. кн.; великий хан — в. хан; волжский — волжск.; государственный — гос.; династия — дин.; епископ — еп.; игумен — иг.; император — имп.; князь — кн.; княгиня — кнг.; княжна — кнж.; начальник — нач.; политический — полит.; составитель — сост.; южный — юж.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

[1] Принятые сокращения: вост. — восток; г. — город; д.— деревня; зап.— запад; нар.— народ, народность и вообще этническое понятие; н. п. — населенный пункт; обл.— область; о-в — остров; оз.— озеро; ок.— около; п-ов — полуостров; р.— река; с. — село; терр.— территория; сев — север; слав. — славянское; у. — уезд; ул.— улица; ц.— церковь.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ,

ПОМЕЩЕННЫХ В Ч. I «ОЧЕРКОВ ИСТОРИИ СССР»

Стр.

СПИСОК КАРТ,

ПРИЛАГАЕМЫХ К ЧАСТИ I «ОЧЕРКОВ ИСТОРИИ СССР» (В ОСОБОМ ПРИЛОЖЕНИИ)

1. Народы и государства на территории СССР в IX—X вв. (до 980 гг.)
2. Государства Закавказья в середине X в. (до 953 г.)
3. Народы и государства на территории СССР с конца X до середины XII в.
4. Борьба русского народа с набегами кочевников в XI—XII вв. (врезка: Основные рубежи обороны Южной Руси в XI—XII вв.)
5. Северо-Восточная Русь с конца XII до начала XIV в. (врезка: Рост территории Московского княжества в первые годы XIV в.)
6. Галицко-Волынская Русь в конце XII и первой половине XIII в.
7. Государства Закавказья в конце XII — начале XIII в.
8. Народы и государства на территории СССР в XII — начале XIII в. и татаро-монгольское завоевание
9. Народы под властью монгольских захватчиков в XIII в.
10. Народы Прибалтики и Северо-Западная Русь в XIII в. (борьба за независимость) (врезки: Ледовое побоище 5 апреля 1242 г., со схемой разгрома. Тевтонский орден в XIV в.).

Карты составлены И. А. Голубцовым.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией Академии Наук.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией.

ВДИ — Вестник древней истории.

ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.— Л., 1949.

Генрих. Хроника — Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, М.— Л., 1938.

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.

ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР.

НПЛ — «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М.— Л., 1950.

ПВЛ — «Повесть временных лет», чч. 1 и 2, М.—Л., 1950.

Патерик — Патерик Киевского Печерского монастыря, СПб., 1911.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РИБ — Русская историческая библиотека.

УЛС — Устюжский летописный свод, М.— Л,. 1950.

Чтения ОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ

Глава третья

Русские феодальные княжества XII — первой четверти XIII в.

Глава четвертая

Народы Средней и Центральной Азии, Кавказа, Прибалтики, Карелии, Молдавии, Поволжья, Приуралья, Севера, Сибири и Дальнего Востока IX — первой четверти XIII в.

Глава пятая

Борьба русского народа за независимость в XIII в. и ее всемирно-историческое значение

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *А. А. Зимин*
Технические редакторы *Н. П. Аузан* и *А. А. Киселева*

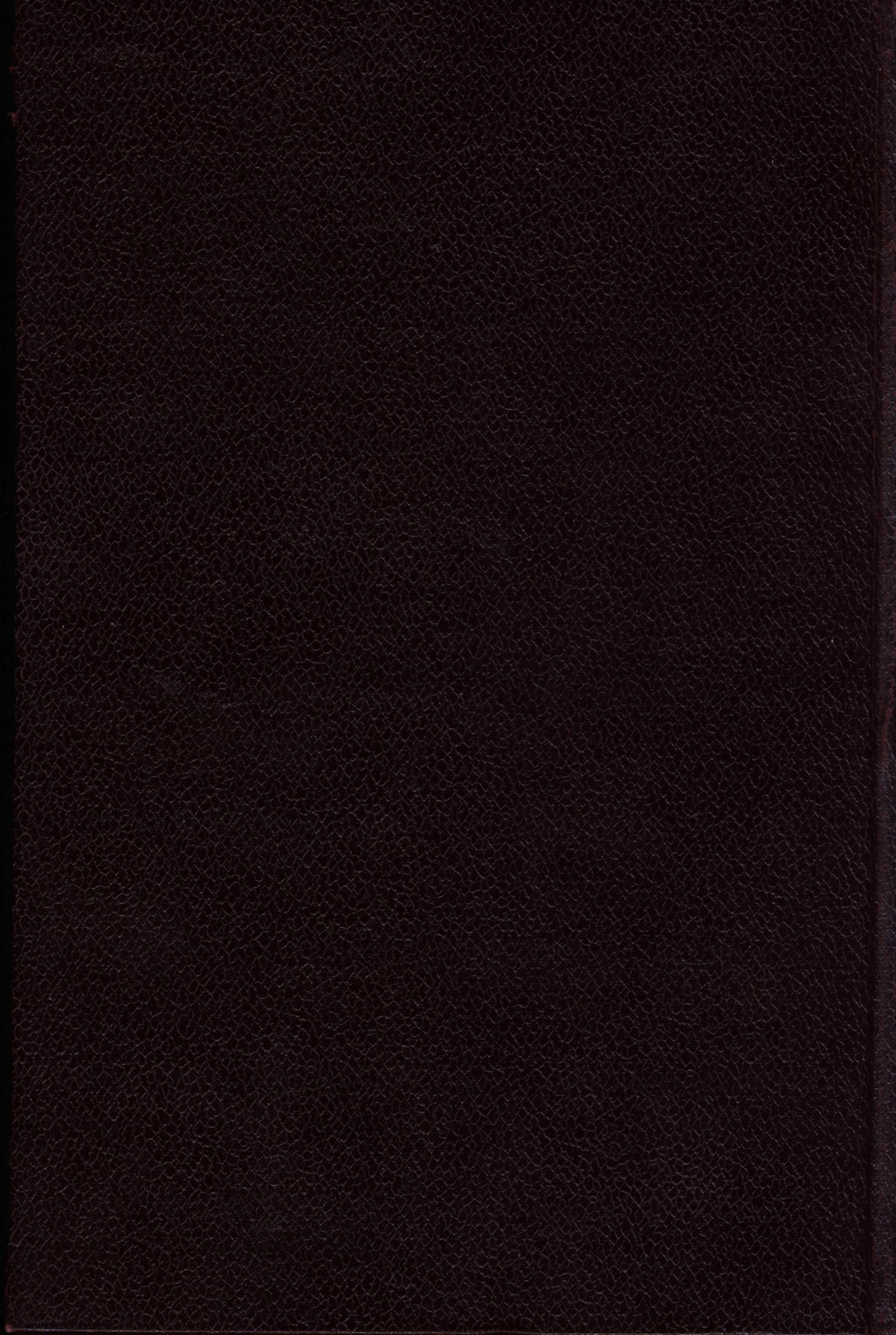
*

РИСО АН СССР № 4679. Т-04826. Издат. № 3188. Тип. заказ № 240.
Подп. к печ. 10/VI 1953 г. Формат бум. 70×108 1/16. Бум. л. 30,75. Печ. л. 84,25 + 12 вкл.
Уч.-издат. л. 66,5 + вкл. и карты 7 л. Тираж 20000.
Цена по прейскуранту 49 р.
2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
23	20 св.	стр. 706—707	стр. 710—711
24	16 сн.	стр. 673—682	стр. 677—686
92	7 сн.	поле семерти	после смерти
125	10 сн.	городов	«городов»
156	4 сн.	единоличной коллективной	единоличной и коллективной
267	20 сн.	призывала идеологов	призывы идеологов
267	17 сн.	порядкам, которые были	были
281	11 св.	Галича-на-Днепре	Галича-на-Днестре
288	2 св.	Ясенкое	Ясенское
328	3 сн.	стр. 313	стр. 315
328	1 сн.	стр. 349	стр. 352
329	1 сн.	стр. 299	стр. 301
388	3 сн.	стр. 417	стр. 420
398	1 сн.	стр. 311	стр. 313
480	1 сн.	стр. 499—500	стр. 503
624	15 сн.	земель и	земель была прогрессивной;
634	1 сн.	стр. 604	стр. 608—609
635	1 сн.	стр. 608	стр. 609
677	4 сн.	стр. 673—682	стр. 677—686
909	8—9 сн.	Васпуркана	Васпуракана
932	23 св.	Смоат	Смбат
956	2 сн.	Маазнкерт	Маназкерт

«Очерки истории СССР», ч. 1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
СССР

IX–XIII вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР